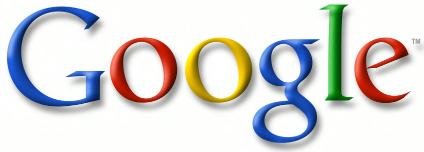

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(ОТЪ НАЧАЛА РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ТОМЪ V.

Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. (В. О. 5-я линія, 28).
1897.

2582

Болѣе крупныя по объему статьи V тома.

Съ настоящаго тома мы вводимъ *чисто-внѣшнее* измѣненіе въ расположеніе статей словаря. Ни въ чемъ не отступая отъ прежняго способа составленія самихъ статей, это измѣненіе должно въ значительной степени ускорить появленіе въ свѣтъ уже имѣющагося въ нашемъ распоряженіи и давно ждущаго очереди матеріала. Статьи теперь будутъ появляться въ словарѣ не въ алфавитномъ порядкѣ, а въ порядкѣ накопленія ихъ и по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ готовы къ печати. Для оріентированія же *къ концу каждаго тома* будетъ приложенъ *указатель ко всему изданію*, т.-е. въ пятомъ томѣ къ вышедшимъ *пяти томамъ*, въ шестомъ ко *всѣмъ шести*, въ седьмомъ ко *всѣмъ семи томамъ* и т. д. Слѣдовательно, нахожденіе статьи не представитъ ни малѣйшаго затрудненія.

Гарантіей того, что Словарь, попрежнему, составляется по строго-опредѣленному плану и обниметъ всѣхъ чѣмъ - нибудь послужившихъ русской литературѣ и наукѣ, являются два нашихъ изданія, возникшихъ за время, отдѣляющее выходъ настоящаго тома отъ предыдущаго. Оба изданія должны оказать существенное вліяніе на судьбы «Критико-біогр. Словаря», являясь для него подготовительными работами. Первая изъ этихъ подготовительныхъ работъ носитъ заглавіе «Русскія Книги» и нашла издателя въ лицѣ Г. В. Юдина изъ Красноярска, вторая—«Списокъ русскихъ писателей и источниковъ для ихъ изученія» издается Академіей Наукъ. «Русскія Книги» выходятъ ежемѣсячными выпусками и вышло ихъ въ настоящее время 16 (А—Бетгеръ). «Списокъ» печатается и вѣроятно въ концѣ настоящаго года выйдетъ первый томъ его въ одномъ изъ «Сборниковъ II отдѣленія Император. Акад. Наукъ». Всего списокъ займетъ тома четыре и года въ три, вѣроятно, будетъ законченъ.

Ниже мы приводимъ извлеченіе изъ предисловія къ «Рус. Книгамъ» и записки, представленной нами въ Академію Наукъ. Это дастъ точное представ-

леніе объ обѣихъ подготовительныхъ работахъ и уяснитъ рѣшающее значеніе ихъ для Словаря. Остовъ Словаря закончен и остается теперь сторона чисто-литературная.

Въ заключеніе не можемъ не выразить чувства глубокой благодарности членамъ II-го отдѣленія Академіи Наукъ и Г. В. Юдину, при содѣйствіи которыхъ изданіе обѣихъ, столь важныхъ для нашего труда, подготовительныхъ работъ могло осуществиться.

С. Венгеровъ.

С.-Петербургъ.
24 іюля 1897 г.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ I-му ТОМУ „РУССКИХЪ КНИГЪ".

Изданіе провѣреннаго, точнаго и полнаго общаго перечня русскихъ книгъ давно уже составляетъ насущную потребность какъ людей науки, такъ и лицъ, практически причастныхъ къ книжному дѣлу — библіотекарей, книгопродавцевъ и другихъ.

Но никто изъ занимающихся исторіею русской литературы не чувствовалъ необходимости въ каталогѣ всѣхъ русскихъ книгъ въ такой степени живо, какъ нижеподписавшійся. Никому не приходится имѣть дѣло съ литературною дѣятельностью такого значительнаго количества лицъ, какъ составителю словаря писателей. И не трудно понять то чувство отчаянія, которое должно было охватить насъ, когда при составленіи списка сочиненій, написанныхъ тѣмъ или другимъ писателемъ, приходилось *каждый разъ* перерывать десятки библіографическихъ указателей и тратить на это совершенно непроизводительно огромное количество времени.

Вотъ почему уже съ самаго начала изданія «Критико-біографич. Словаря» мы были озабочены тѣмъ, чтобы составить себѣ списокъ русскихъ книгъ, сводящій въ одно указанія множества отдѣльныхъ пособій. Эта сводная работа оказалась очень трудной и очень сложной. Она потребовала большихъ матеріальныхъ затратъ на оплату механическаго труда и на приведеніе въ порядокъ огромной груды карточекъ, которыхъ образовалось около 250,000. Въ общемъ, составленіе имѣющагося у насъ карточнаго каталога русскихъ книгъ потребовало шести лѣтъ и начатое въ 1887 году было закончено только осенью 1893 года.

Составленіемъ каталога по однимъ пособіямъ мы, однакоже, не могли считать свою задачу исчерпанною. Правда, то обстоятельство, что нашъ каталогъ первоначально былъ составленъ по всевозможнаго рода библіографическимъ и историко-литературнымъ пособіямъ, давало ему чрезвычайно серьезныя преимущества надъ каталогомъ, который былъ бы составленъ исключительно по подлинникамъ. Главнѣйшее изъ нихъ то, что есть много книгъ, въ особенности 18 столѣтія, которыя совершенно исчезли или составляютъ величайшую рѣдкость. Ихъ нѣтъ даже въ главной сокровищницѣ русскихъ книгъ—Публичной Библіотекѣ.

и единственный слѣдъ ихъ существованія—отмѣтка въ томъ или другомъ старинномъ каталогѣ, въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, біографіяхъ, воспоминаніяхъ, въ описаніяхъ частныхъ книжныхъ собраній и т. д. Кромѣ того, библіографическія пособія даютъ много и другихъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній, которыхъ изъ одного знакомства съ самою книгою не извлечешь. Такъ напр. послѣднія 20 лѣтъ въ спискахъ новыхъ книгъ, составляемыхъ въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати и публикуемыхъ въ «Прав. Вѣстникѣ», сообщается число экземпляровъ, въ которомъ книга печатается—свѣдѣніе, имѣющее огромный историко-культурный интересъ. Это прямо картина хода русской образованности, а для каждаго отдѣльнаго писателя—исторія его успѣха. Въ библіографическихъ пособіяхъ, затѣмъ, часто указаны авторы анонимныхъ книгъ и вообще дается много интересныхъ указаній. Сводъ ихъ вмѣстѣ, повторяемъ, даетъ весьма серьезныя преимущества нашему карточному каталогу и дѣлаетъ его чрезвычайно цѣннымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ библіографическимъ пособіемъ.

Оставалось, однако, обезпечить за нашимъ каталогомъ два существеннѣйшихъ качества каждаго библіографическаго пособія: *достовѣрность* и *полноту*.

Наибольшія затрудненія представляетъ достиженіе достовѣрности, то-есть *вполнѣ точное* воспроизведеніе и указаніе всѣхъ внѣшнихъ признаковъ книги—заглавія, формата, числа страницъ и т. д. Удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ библіографической полноты описаніе русскихъ книгъ имѣется только для книгъ Петровскаго времени и для книгъ послѣднихъ 20 лѣтъ. Книги Петровскаго времени съ необыкновенною тщательностью описаны въ классическомъ трудѣ академика Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ» и въ прекрасномъ описаніи Петровскихъ книгъ Публичной Библіотеки, составленномъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Книги послѣднихъ 20 лѣтъ весьма полно описываются въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, а затѣмъ описанія эти въ видѣ періодическихъ списковъ публикуются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Но для огромнаго промежутка въ полтораста лѣтъ между 1725 и началомъ 1870-хъ гг. нѣтъ вполнѣ удовлетворительныхъ пособій. Самое число ихъ очень велико, но за малыми исключеніями они не даютъ полнаго библіографическаго описанія. Такъ напр. сама по себѣ очень хорошая «Роспись» библіотеки Смирдина, составленная съ такою любовью и знаніемъ образованнымъ Анастасевичемъ, можетъ быть названа чрезвычайно достовѣрнымъ пособіемъ, потому что Анастасевичъ почти всѣ 12 тысячъ книгъ «Росписи» описалъ по подлинникамъ. Но и этотъ лучшій перечень русскихъ книгъ (до 1828 г.) не даетъ наиболѣе существеннаго признака для внѣшняго сужденія о книгѣ: количества страницъ. Извѣстный «Опытъ россійской библіографіи» Сопикова, помимо крайней неточности и множества ошибокъ, еще менѣе полонъ въ описаніяхъ внѣшнихъ признаковъ книгъ, чѣмъ роспись Анастасевича.

Исчерпывающее описаніе даютъ только немногія пособія, въ родѣ, напр., извѣстныхъ „Матеріаловъ для русской библіографіи» Губерти, «Книжныхъ рѣдкостей»

Геннади, только что появившихся библіографическихъ работъ проф. Археологическаго Института Н. П. Лихачева, «Книжныхъ рѣдкостей» Остроглазова и др. Но, къ сожалѣнію, они обнимаютъ всего какихъ-нибудь тысячу книгъ.

Такимъ образомъ для насъ выяснилась необходимость придти къ чрезвычайно тяжелому, но и совершенно неизбѣжному рѣшенію: для того, чтобы составить дѣйствительно достовѣрный и удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ научной библіографіи общій перечень русскихъ книгъ, надо *всѣ книги полутораста лѣтъ—съ 1725 по 1870-е годы—описать по подлинникамъ*.

Такое рѣшеніе требовало еще значительно бóльшихъ матеріальныхъ затратъ, чѣмъ тѣ, которыя понадобились для составленія нашего карточнаго каталога и притомъ единовременныхъ. Взять ихъ на себя мы не могли. Но намъ пришелъ на помощь извѣстный книголюбъ, владѣлецъ самой обширной и замѣчательной по подбору частной библіотеки въ Россіи (20,000 названій)—Геннадій Васильевичъ Юдинъ изъ далекаго Красноярска. Благодаря ему вотъ уже два года систематически описываются русскія книги по подлинникамъ. Всякая книга съ 1725 по 1875 г., если она только имѣется въ Публичной Библіотекѣ и въ другихъ петербургскихъ книгохранилищахъ, просматривается и всѣ ея внѣшніе признаки такимъ образомъ съ точностью устанавливаются. О книгахъ Петровскаго времени и книгахъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ свѣдѣнія, какъ уже сказано, заимствуются нами изъ Пекарскаго и Бычкова и изъ списковъ «Правит. Вѣстника». Но и по отношенію къ послѣднимъ полученное нами разрѣшеніе пользоваться рукописнымъ карточнымъ каталогомъ Публичной Библіотеки даетъ возможность провѣрить четыре существеннѣйшихъ признака каждой книги: имя автора, заглавіе, форматъ и годъ изданія. На отвѣтственности Пекарскаго, Бычкова и Главнаго Управленія по дѣламъ печати мы, слѣдовательно, оставляемъ только число страницъ и названіе типографіи.

Обезпечивъ нашему каталогу достовѣрность, надо было позаботиться о полнотѣ.

Говоря о полнотѣ, мы прежде всего должны выразить нашу горячую бладарность директору Публичной Библіотеки—академику А. Ѳ. Бычкову. Онъ разрѣшилъ намъ дополнять нашъ каталогъ по рукописному карточному каталогу Публичной Библіотеки. Пользоваться этимъ драгоцѣннымъ разрѣшеніемъ очень трудно и очень сложно, но зато результаты являются прямо какимъ-то библіографическимъ откровеніемъ. Въ настоящее изданіе вводится не менѣе 70—80 тысячъ произведеній русской печати, нигдѣ еще не зарегистрированныхъ.

Само собою разумѣется, однакоже, что несмотря на всѣ мѣры, принятыя для достиженія полноты и на всѣ благопріятныя условія, въ которыя оно поставлено, наше изданіе все же таки не можетъ считаться идеально-полнымъ перечнемъ русскихъ книгъ. Если есть много книгъ, исчезнувшихъ изъ обращенія, но оставившихъ слѣдъ въ библіографическихъ и историко-литературныхъ пособіяхъ, то есть и не мало книгъ, нигдѣ не отмѣченныхъ, но случайно имѣющихся

въ разныхъ частныхъ библіотекахъ. Обращаемся къ владѣльцамъ такихъ книгъ съ усерднѣйшею просьбою сообщать намъ точное ихъ описаніе. Всѣ сообщенія будутъ съ величайшею благодарностью помѣщены въ прибавленіяхъ къ настоящему изданію, съ указаніемъ лица, отъ котораго они получены. Особенно многаго мы ждемъ отъ собирателей провинціальныхъ изданій, которыя въ старые годы чрезвычайно неправильно поступали въ Публичную Библіотеку и еще неправильнѣе заносились въ библіографическія пособія.

Рядомъ съ возможными пропусками, въ настоящее изданіе допущена одна большая библіографическая роскошь. Въ него внесены не только книги, брошюры и отдѣльно вышедшіе листы, но и *оттиски*, которыми необыкновенно богата Публичная Библіотека. Мы не говоримъ теперь объ оттискахъ, которые, пользуясь наборомъ того періодическаго изданія, гдѣ они напечатаны, затѣмъ выходятъ подъ особою обложкою и часто продаются за опредѣленную цѣну. Такой оттискъ въ сущности ничѣмъ не разнится отъ книги или брошюры. Но Публичная Библіотека необыкновенно богата оттисками, не только изъ журналовъ, но и изъ газетъ, никогда въ продажу не поступающими, обложки особой не имѣющими и часто состоящими изъ 3—4 страницъ. Строго говоря, въ перечень *книгъ* такіе оттиски нѣтъ надобности заносить. Но не слѣдуетъ забывать, что настоящій трудъ, являясь изданіемъ совершенно самостоятельнымъ, есть все-таки прежде всего подготовительная работа для «Критико-біограф. Словаря» и что намъ, поэтому, не слѣдъ отказываться отъ подвертывающагося подъ руку весьма цѣннаго и любопытнаго матеріала. Въ огражденіе же отъ того, чтобы оттиски не были сочтены книгами, дѣлается всегда курсивная отмѣтка *оттискъ* [1]).

На первый взглядъ могутъ показаться роскошью и задержкою быстраго движенія нашего труда краткія біографіи писателей и переводчиковъ, превращающія настоящее изданіе въ справочный словарь писателей и притомъ не только русскихъ, но и иностранныхъ. Такой взглядъ ошибоченъ. Дѣйствительно, составленіе краткихъ, но чрезвычайно многочисленныхъ біографій нашего изданія, при всей ихъ краткости, значительно усложняетъ дѣло. Свѣдѣнія для нихъ часто даются съ очень большимъ трудомъ. Но эта затрата силъ совершенно необходима. Безъ біографическихъ данныхъ часто нѣтъ никакой возможности опредѣлить, кому изъ одноименныхъ авторовъ, которыхъ очень много, приписать данную книгу. Особенно это относится къ писателямъ духовнымъ. Есть десятки Августиновъ, Амвросіевъ, Антоніевъ, Варлаамовъ, Іоанновъ, Серафимовъ и т. д., въ трудахъ которыхъ совершенно нельзя разобраться безъ біографическихъ данныхъ.

---

[1]) Число страницъ въ оттискахъ мы не всегда показываемъ. Показаніе числа страницъ книгъ имѣетъ значеніе, потому что даетъ представленіе объ объемѣ. Но въ данномъ случаѣ уже самое обозначеніе *оттискъ* даетъ достаточно ясное представленіе. Если это оттискъ изъ газеты—въ немъ, значитъ, страницы 3—4, если изъ одного № журнала—страницъ 20—25.

И съ многочисленными свѣтскими Александровыми, Алексѣевыми, Богословскими, Григорьевыми, Ивановскими, Кузьмиными и т. д. тоже запутаешься безъ біографическихъ датъ.

Помимо этого, весьма серьезнаго, мотива, давать біографическія данныя насъ побуждаетъ опять-таки связь настоящаго изданія съ «Критико-біограф. Словаремъ». Дѣло въ томъ, что по основной задачѣ своей отмѣчать только тѣхъ, дѣятельность которыхъ представляетъ какой-нибудь литературный или научный интересъ, «Крит.-біогр. Словарь» не можетъ заносить всякаго, кто обмолвился печатнымъ словомъ. Ну, а въ настоящее изданіе вносится всякій, когда-либо что-либо напечатавшій въ отдѣльномъ изданіи. Такимъ образомъ «Рус. Книги» являются своего рода дополненіемъ къ «Крит.-біогр. Словарю» и много біографическихъ датъ, которымъ не дано мѣсто въ «Критико-біогр. Сл.», помѣщены въ «Рус. Книгахъ». Считаемъ, кстати, нужнымъ отмѣтить, что даты эти, по необходимости, часто очень скудны, потому что ихъ не откуда добыть, но зато многія изъ нихъ извлечены изъ источниковъ, обыкновенно ускользающихъ отъ вниманія, какъ напр. изъ списковъ служащихъ въ разныхъ министерствахъ, медицинскихъ списковъ, памятныхъ книжекъ и т. д. Многія даты заимствованы изъ нашего обширнаго архива автобіографій, въ настоящее время заключающаго въ себѣ около 1000 собственноручныхъ автобіографическихъ записокъ.

Являясь подготовительной работой для «Крит.-біогр. Словаря», настоящее изданіе расположено въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ и переводчиковъ. Книги безымянныя расположены въ алфавитномъ порядкѣ перваго имени существительнаго въ именительномъ падежѣ или же при отсутствіи такого (напр. при книгѣ въ родѣ «А я не уѣхалъ») въ алфавитномъ порядкѣ перваго слова заглавія.

При перечисленіи произведеній и переводовъ даннаго автора книги расположены въ *хронологическомъ* порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, чтобы дать картину хода литературной дѣятельности каждаго писателя.

Систематическое распредѣленіе русскихъ книгъ по отдѣламъ будетъ дано въ концѣ изданія. Тогда же предполагается сгруппировать всѣ данныя настоящаго перечня, которыя явятся основнымъ матеріаломъ по исторіи русской книги.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСКИ, *представленной С. А. Венгеровымъ* въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ апрѣлѣ 1896 года.

(„Извѣстія Импер. Академіи Наукъ" 1896, т. V, № 4, ноябрь, стр. LI—LV).

«Цѣною десятилѣтнихъ усилій и значительныхъ денежныхъ затратъ собралъ я около 400,000 записей (на отдѣльныхъ карточкахъ), совокупность которыхъ представляетъ собою вполнѣ законченный библіографическій остовъ

словаря русскихъ писателей и ученыхъ. Изъ моихъ карточекъ можно узнать: 1) гдѣ и когда появились о данномъ писателѣ какія-либо біографическія свѣдѣнія; 2) гдѣ и когда появились критическіе отзывы о его произведеніяхъ; 3) что̀ данный писатель напечаталъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ или брошюръ; 4) что̀ онъ напечаталъ въ періодическихъ изданіяхъ.

Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній я прежде всего долженъ былъ привести въ ясность то, что сдѣлано было до меня для составленія словаря русскихъ писателей. У меня имѣются выборки изъ слѣдующихъ *сборниковъ* біографій: 1) *словарей писателей*: *Дмитревскаго*, *Штелина*, *Новикова*, *Евгенія*, *Евгенія-Снегирева*, *Русова*, *Билевича*, князя *Голицына*, *Дієва*, *Строева*, *Бантыша-Каменскаго*, *Змѣева*, *Павла Любопытнаго*, *Геннади*; 2) *словарей профессоровъ* университетовъ: Московскаго, Кіевскаго, Петербургскаго; 3) словарей энциклопедическихъ: *Плюшара*, Военно-Энциклопедическаго, *Старчевскаго*, *Толя*, *Березина*, *Брокгаузъ-Ефрона*, *Граната*. Въ словарѣ *Брокгаузъ-Ефрона* отдѣлъ исторіи литературы редактирую я и біографіи русскихъ писателей и ученыхъ часто пишутся на основаніи моего библіографическаго собранія. 4) Исторій академій: *Пекарскаго*, *Сухомлинова*, *Чистовича*, *Смирнова*, *Глиноецкаго*, *Знаменскаго*, *Терновскаго*; 5) исторій университетовъ: *Григорьева*, *Булича*, *Маркевича*; 6) исторій *отдѣльныхъ наукъ*, въ родѣ «Исторіи русской этнографіи» *Пыпина*, «Обзора русской философіи» *Колубовскаго*, «Исторіи русской медицины» *Рихтера*, „Aperçu des travaux geographiques" барона *Каульбарса*, «Матеріаловъ для исторіи русской зоологіи» *Богданова*; 7) исторій *учебныхъ заведеній* разнаго рода, какъ то: Лицей кн. *Безбородко*, *Воронова* — Исторія петербургскаго учеб. округа, отдѣльныя исторіи петербургскихъ и московскихъ гимназій и т. д.; 8) біографическихъ сборниковъ разнаго рода: Альбома *Семевскаго*, портретной галлереи *Мюнстера*, портретной галлереи *Баумана*, «Звѣзды», календаря писателей *Бродовскаго*, Обзора трудовъ умершихъ писателей *Языкова*, Словаря кавказскихъ дѣятелей, юбилейной записки Московскаго археологическаге Общества и мн. друг.; 9) Сочиненій по исторіи литературы: «Обзора» Филарета, «Исторіи новѣйшей литературы» *Скабичевскаго*, примѣчаній къ академическому изданію *Державина Я. К. Грота*, къ изданію *Батюшкова* подъ редакціею *Л. Н. Майкова* и многихъ другихъ. Отъ выборокъ изъ нѣкоторыхъ сборниковъ біографій я себя освободилъ, потому что это уже сдѣлано до меня; таковы напр. использованные уже въ словарѣ *Змѣева* «Матеріалы для исторіи медицинско-хирургической академіи» *Прозорова*, исторіи нѣкоторыхъ духовныхъ семинарій, дѣятели которыхъ перечислены въ «Исторической библіографіи» *Межова* и т. д.

Всего мною сдѣлано выборокъ изъ 60 сборниковъ біографій; число карточекъ, извлеченныхъ такимъ путемъ составляетъ около 45 тысячъ.

Послѣ этого свода сборниковъ, я приступилъ къ труднѣйшей части своей задачи — къ регистрированію источниковъ случайныхъ, разбросанныхъ

по періодическимъ изданіямъ. Для журналистики 18 вѣка я расписалъ на карточки перечень *Неустроева,* для 10-лѣтія 1855 — 64 мнѣ пришла на помощь «Историческая библіографія» Ламбиныхъ, для слѣдующаго десятилѣтія 1865 — 76 ту же услугу мнѣ оказала «Историческая библіографія» *Межова.* Но для первой половины 19-го вѣка и для 20-лѣтія 1876 — 96 уже никакихъ пособій нѣтъ, и пришлось непосредственно просматривать всѣ журналы. Изъ журналовъ первой половины 19 в. просмотрѣны всѣ неспеціальные журналы: Ореады, Журналъ для сердца и ума, Кабинетъ Аспазіи, Русскій музей, Современный наблюдатель россійской словесности. Другъ Россіянъ, Модный Вѣстникъ, Харьковскій Демокритъ, Украинскій Вѣстникъ, Духъ журналовъ, Сіонскій Вѣстникъ, Соревнователь, Новости русской литературы, Дамскій журналъ, Сынъ Отечества, Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Журналъ Департамента Министерства Народнаго просвѣщенія, Рецензентъ, Сѣверный Архивъ, Отечественныя Записки, Благонамѣренный, Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду, Талія, Литературные листки, Журналъ драматическій, Вѣстникъ Европы, Утренняя Заря, Свистокъ музъ, Корифей, Новости русской литературы, Московскій Меркурій, Патріотъ, Другъ Просвѣщенія, Журналъ для милыхъ, Уранія, Сѣверный Вѣстникъ, Журналъ россійской Словесности, Журналъ Новостей, Лицей, Московскій Зритель, Минерва, Московскій Курьеръ, Геній временъ, Улей, Русскій Вѣстникъ, Санктпетербургскій Вѣстникъ, Труды общества любителей россійской словесности, Калліопа, Полярная Звѣзда, Современникъ, Московскій Телеграфъ, Телескопъ, Московскій Наблюдатель, Библіотека для чтенія, Москвитянинъ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и мн. друг. Изъ журналовъ послѣднихъ 20 лѣтъ просмотрѣны всѣ главнѣйшие: Вѣстникъ Европы, Отечественныя Записки, Дѣло, Русскій Вѣстникъ, Русская Мысль, Сѣверный Вѣстникъ, Историческій Вѣстникъ и друг. Съ особенною тщательностью просмотрѣны «Русская Старина» и «Русскій Архивъ». Изъ нихъ біографическія данныя извлечены не только въ томъ случаѣ, когда данному писателю посвящена цѣлая статья, но и тогда, когда о писателяхъ говорится въ статьѣ, посвященной другому предмету. Это сдѣлано въ виду обилія печатающихся въ названныхъ журналахъ мемуаровъ, часто мимоходомъ сообщающихъ весьма интересные біографическіе матеріалы.

Извлеченіе изъ журналовъ сдѣлано по такому методу: если, скажемъ для примѣра, *Кавелинъ* написалъ статью о родовомъ бытѣ, то объ этомъ дѣлается одна запись, но если *Кавелинъ* написалъ рецензію о Терещенкѣ, то уже дѣлаются двѣ записи: одна: 1) *Кавелинъ,* разборъ соч. *Терещенки,* «Современникъ» 1848 г., №№ 9—12 и 2) *Терещенко,* о немъ *Кавелинъ* въ «Современ.» 1848 г., №№ 9—12. Такимъ путемъ я получилъ одновременно полный перечень журнальныхъ статей даннаго автора и перечень тѣхъ статей, которыя ему были посвящены въ журналахъ.

Общее число карточекъ, представляющихъ собою результатъ просмотра журналовъ, равняется приблизительно 150 тысячамъ.

Оставалось мнѣ затѣмъ составить себѣ на карточкахъ каталогъ русскихъ книгъ. Но объ этомъ я распространяться не буду въ виду того, что каталогъ нашелъ себѣ издателя и въ виду того, что въ предисловіи къ начавшимъ уже выходить «Русскимъ книгамъ» я подробно разсказалъ, какимъ путемъ я добился полученія полнаго и достовѣрнаго перечня всѣхъ русскихъ книгъ гражданской печати. Прибавлю однакоже, что и для той работы, которую я настоящимъ заявленіемъ предлагаю Академіи издать, имѣющійся у меня карточный каталогъ русскихъ книгъ имѣетъ очень большое значеніе: часто о писателѣ нѣтъ никакихъ біографическихъ данныхъ и только извѣстно одно—въ такомъ-то году онъ издалъ такую-то книгу.

Чтобы покончить съ описаніемъ собранныхъ мною библіографическихъ матеріаловъ, скажу еще нѣсколько словъ о моемъ архивѣ автобіографій. Желая заручиться вполнѣ достовѣрными біографическими и библіографическими данными относительно современныхъ писателей и ученыхъ, я обратился къ нимъ съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ предложилъ рядъ вопросовъ, касающихся ихъ жизни и литературной дѣятельности. Большинство лицъ, къ которымъ я обратился, почтили меня своими отвѣтами и въ настоящее время въ моемъ архивѣ имѣется около тысячи собственноручныхъ автобіографическихъ записокъ писателей и ученыхъ самыхъ различныхъ сферъ дѣятельности и общественнаго положенія. Есть тутъ и министры, какъ *Бунге*, *Валуевъ*, *Милютинъ*, *Витте*, и множество архипастырей, въ томъ числѣ митрополитъ Московскій Леонтій, цѣлый рядъ академиковъ, нѣсколько сотъ профессоровъ и почти всѣ современные писатели, начиная отъ такихъ знаменитыхъ, какъ *Щедринъ*, и кончая писателями, только что выступающими на литературное поприще. Нѣтъ надобности много говорить, сколько неизвѣстныхъ библіографическихъ данныхъ обнаруживается путемъ этихъ непосредственныхъ сообщеній.

И вотъ на основаніи всѣхъ указанныхъ матеріаловъ я имѣю честь предложить Академіи издать —

Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія.

Отдѣленіе, обсудивъ предложеніе г. Венгерова и найдя представленный имъ въ Императорскую Академію Наукъ *трудъ очень полезнымъ* для занимающихся исторіею русской литературы, опредѣлило, независимо отъ числа листовъ этого труда, предложить С. А. Венгерову въ уплату за приготовленіе къ печати его труда и печатаніе его въ исправномъ видѣ изъ суммъ Отдѣленія шесть тытячъ рублей съ разсрочкою на четыре года, начиная съ января будущаго 1897 года, при чемъ къ печатанію представленнаго имъ

труда приступить немедленно. О таковъ опредѣленіи Отдѣленія положено увѣдомить С. А. Венгерова и просить его не замедлить сообщеніемъ своего согласія или отказа, чтобы можно было до наступленія вакацій сдѣлать необходимыя распоряженія по типографіи. Вслѣдствіе этого г. Венгеровъ прислалъ свое заявленіе, въ которомъ онъ, въ отвѣтъ на сообщеніе Отдѣленія, благодаритъ оное за согласіе издать составленный имъ «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія».

Богоявленскій, Иванъ Николаевичъ, гебраистъ [1]) Изъ профессоровъ тверской семинаріи опредѣленъ въ 1827 г. баккалавромъ москов. Духовной Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка. Въ 1833 уволенъ по прошенію. Въ 1835 онъ былъ учителемъ рязанской гимназіи. Ум. въ Москвѣ въ 1850 г. Въ 1832 г. Иванъ Богоявленскій, по порученію коммиссіи духов. училищъ, составилъ еврейско-русскій словарь. Онъ былъ составленъ очень тщательно, но все-таки потребовалъ нѣкоторыхъ дополненій, а составитель тѣмъ временемъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и словарь изданъ не былъ.

* **Богоявленскій,** Михаилъ Максимовичъ, педагогъ. Сколько-нибудь обстоятельныхъ печатныхъ біографическихъ данныхъ о немъ не нашлось [2]). Смерть его въ 1882 г. даже не была нигдѣ отмѣчена. Но нашлись ревнители его памяти среди бывшихъ учениковъ его въ Коммерческомъ Училищѣ, гдѣ онъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія. Когда мы въ спискѣ № 2 писателей, намѣченныхъ для внесенія въ «Крит. біогр. Словарь», пропустили имя М. М. Богоявленскаго,мы получили нѣсколько заявленій объ этомъ пропускѣ, а двое корреспондентовъ прислали и свѣдѣнія о своемъ бывшемъ учителѣ.

Сопоставляя эти свѣдѣнія съ краткими отмѣтками о Богоявленскомъ въ ‹Актѣ 25-лѣтняго юбилея Глав. Педагогич. Института» и въ «Историч. Очеркѣ Импе-

---

[1]) *Смирновъ*, Исторія моск. дух. академіи до ея преобразованія. М. 1879, стр. 403 и 114.

[2]) Краткія данныя: 1) „25-лѣтній Юбилей Главнаго Педагогическаго Института". Спб. 1853, стр. 119; 2) *Селезневъ*, Истор. Очеркъ Импер. Лицея, стр. 358 и 499.

Отзывы: Объ *„О преподаваніи древней исторіи:"* „Отеч. Зап." 1849, т. 62. Объ *„Исторіи Рима"*: 1) „От. Зап." 1855, № 34; 2) „Современникъ" 1855, т. 49. 3) *Лебедевъ*, въ „Рус. Инв." 1855 г. № 70. Полемика по поводу *„Новыхъ отрывковъ"*: 1) *В. П. Чижовъ*. Послѣдніе годы Гоголя. „Вѣстн. Евр." 1872, № 7; 2) *Д(анилевскій)*. Поддѣлка Гоголя. Ib. 1873, № 8; 3) Ibid. № 9; 4) „Бирж. Вѣдом.". 1873, №№ 163 и 167; 5) *—ръ*. „Голосъ" 1873, № 185; 6) *Н. Ястржембскій*. Письма въ редакцію. Ib. 1873, № 233 и 237; 7) *Онъ же*. Литературный курьезъ. „Спб. Вѣд." 1873, № 167; 8) *В. и М. Семевскіе и М. Богоявленскій*. По поводу литературнаго курьеза. Ib. № 175; 9) *Н. Ястржембскій*. Еще по поводу литературнаго курьеза. Ib. № 184; 10) *Г. Данилевскій*. Письмо въ редакцію. Ib. № 210; 11) *В. и М. Семевскіе* „Рус. Стар." 1873, № 8; 12) Неоцѣненное побужденіе. „Гражданинъ" 1873, № 45; 13) „Русскій Міръ" 1873, № 169.

раторскаго Лицея» И. Селезнева, а также со свѣдѣніями, полученными въ канцеляріи Коммерческаго Училища, можно установить слѣдующія данныя:

Михаилъ Максимовичъ Богоявленскій р. 15 октября 1818 г., въ 1841 кончилъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и тогда же былъ назначенъ учителемъ исторіи въ 1-ую москов. гимназію. Въ концѣ 50-хъ гг. онъ былъ директоромъ училищъ могилевской губерніи, а въ 1861 опредѣленъ преподавателемъ исторіи въ Александровскій Лицей (для младшаго возраста). Въ 1862 Богоявленскій назначенъ исправл. должность директора петерб. Коммерч. Училища, а въ 1864 утвержденъ директоромъ.

«Мих. Макс. Богоявленскій»,—пишетъ намъ одинъ изъ его учениковъ г. Дмитрій Луговскій—«очень много сдѣлалъ для развитія Коммерческаго Училища. Принявъ его въ 1862 году въ совершенно разстроенномъ видѣ, онъ привелъ его въ такое цвѣтущее состояніе, что число воспитанниковъ съ 250—300 достигло до 800 слишкомъ, несмотря на то, что были преобразованы къ лучшему одесское и московское коммер. училища и возникло въ Ригѣ новое. Необыкновенный приливъ учащихся, прибытіе ихъ изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ— лучше всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о томъ довѣріи, которое питали къ петерб. коммерческому училищу во время директорства Михаила Максимовича. Прекрасный учитель, педагогъ, начальникъ и товарищъ, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, отъ воспитанниковъ и учителей до простыхъ служителей. Едва ли найдется хоть одинъ изъ знавшихъ его, который бы худо отозвался о немъ. Послѣ его смерти его учениками и знакомыми былъ воздвигнутъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, подъ Москвой, надъ его прахомъ памятникъ съ надписью *Отъ друзей и учениковъ*».

Столь же теплый отзывъ о Богоявленскомъ прислалъ намъ другой ученикъ его—П. В. Карандашевъ изъ Новоржева, который, между прочимъ, съ особымъ одушевленіемъ говоритъ о замѣчательномъ ораторскомъ талантѣ своего покойнаго наставника.

М. М. Богоявленскій напечаталъ: 1) «*О преподаваніи древней исторіи*» (рѣчь въ 1-й моск. гимназіи). М. 1848. 4°. 16 стр. Здѣсь проведено довольно новое по тому времени опредѣленіе задачъ преподаванія исторіи. Авторъ доказываетъ, что курсъ исторіи не долженъ ограничиваться эпизодическимъ перечисленіемъ царей и походовъ, а долженъ указывать на внутреннюю связь событій съ жизнью и характеромъ народовъ, объяснять постепенный ростъ культуры и зависимость его отъ климатическихъ и другихъ условій и т. д.

Но на практикѣ Б. эти взгляды осуществилъ мало. Его 2) «*Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова*». Спб. 1855. 8°. 248 стр., страдаетъ недостаткомъ плана. Иногда авторъ вводитъ массу ненужныхъ подробностей, иногда—комкаетъ историческій матеріалъ. Благодаря этому, полнота свѣдѣній объ одномъ періодѣ пріобрѣтается на счетъ скудости сказаннаго о другомъ. Такъ, напримѣръ, вся внутренняя и внѣшняя исторія Рима 500—280 гг.,

т.-е. слишкомъ двухъ столѣтій, ознаменованныхъ самнитскими войнами, развитіемъ гражданскихъ правоотношеній и ростомъ римскаго могущества, умѣщены всего на 20 страницахъ разгонистой печати. Вообще, можно сказать, что дано слишкомъ много для конспекта и слишкомъ мало для систематическаго курса. Осталось также неизвѣстнымъ, для кого Б. предназначалъ свою книгу. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ исторія Рима тогда, какъ и нынѣ, преподавалась вмѣстѣ съ древнею исторіею вообще, а для университетовъ и самообразованія книга В. не годилась.

Кромѣ того, Б. издалъ: 3) «*Историческій очеркъ Спб. коммерческаго училища*» (рѣчь, читанная на его юбилеѣ). Спб. 1872. 63 стр. 16°. Половина книжки занята адресами и привѣтствіями бывшихъ воспитанниковъ. Самая рѣчь Б. не лишена ораторскихъ достоинствъ, но изобилуетъ общими мѣстами и очень уже усердно восхваляетъ покровителей и благодѣтелей училища.

Въ «Спб. Вѣдом.» 1867 г. № 28 Богоявленскій напечаталъ: 4) «*Воспоминанія о Перевлѣсскомъ*».

Говорить о себѣ Б. заставилъ совсѣмъ по другому поводу. Въ № 1 «Рус. Старины» 1872 г. появились: «*Новые отрывки и варіанты къ тремъ первымъ главамъ второго тома «Мертвыхъ Душъ»*, доставленные въ редакцію Богоявленскимъ. «Отрывкамъ» было предпослано предисловіе, въ которомъ Б. сообщалъ, что рукопись принадлежала другу и товарищу Гоголя по лицею—Н. Я. Прокоповичу, перешла къ его сослуживцу Н. Я. Я—му (какъ оказалось впослѣдствіи, Ястржембскому), который, познакомившись въ 1859 г. съ Б—мъ, служившимъ тогда директоромъ училищъ могилевской губ., позволилъ ему снять копію. Эта-то копія и появилась въ печати.

Новаго или варьированнаго въ «Отрывкахъ» было слѣдующее. Въ 1-й гл.: разсказъ о службѣ и столкновеніи Тентетникова съ его начальникомъ Лѣницынымъ, анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ и рѣчь Тентетникова къ крестьянамъ. Во 2 й гл.: размышленія генерала Бетрищева о службѣ и подлецахъ, которые ее продолжаютъ; сватовство Чичиковымъ у генерала дочери его, Уленьки, за Тентетникова; обѣдъ Чичикова у генерала, возвращеніе къ Тентетникову и примиреніе послѣдняго съ генераломъ. Въ 3-й гл.: предобѣденная закуска у Пѣтуха и сонъ Чичикова. Кромѣ того, выпущенныя слова о недоучившемся гимназистѣ,—яркій и враждебный намекъ на Бѣлинскаго.

«Отрывки» были приняты публикою и критикою безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ подлинности и сейчасъ же стали перепечатываться другими изданіями (напр. «Рус. Вѣст.» 1872, № 1). В. П. Чижовъ посвятилъ имъ статью въ «Вѣстн. Евр.», гдѣ усматривалъ въ «Отрывкахъ» полное отреченіе Гоголя отъ дикихъ идей, сдѣланное подъ вліяніемъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго, предполагая, что Гоголь на этомъ бы не остановился, а передѣлалъ бы еще многое, еслибъ ему не помѣшала смерть.

Вдругъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» появляется письмо Ястржембскаго

(«Литературный курьезъ»), гдѣ онъ заявляетъ, что «Отрывки» поддѣланы имъ. У него была принадлежавшая раньше Прокоповичу рукопись 2-й части «Мертв. Душъ» въ напечатанномъ видѣ, но онъ, недовольный направленіемъ автора, передѣлалъ первыя 3 главы. Сойдясь съ Богоявленскимъ и часто споря съ нимъ о Гоголѣ, знатокомъ котораго считалъ себя Б., онъ рѣшилъ испытать его знанія писателя и, если удастся, подшутить. Прочтя исправленную Ястржембскимъ рукопись, Б. пришелъ въ восторгъ и тотчасъ же снялъ копію. Въ 1860 г. Б. уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда спросилъ у Ястржембскаго позволенія напечатать рукопись. Послѣдній предоставилъ это усмотрѣнію Б., но прибавилъ въ отвѣтномъ письмѣ: «А что если отрывки—поддѣлка? А въ этомъ я почти не сомнѣваюсь».

Въ доказательство же фальсификаціи Ястржембскій привелъ, что: 1) вставилъ извѣстный всему Петербургу анекдотъ о гр. Сидорѣ Андреевичѣ, случившійся въ 1854 г., т.-е. послѣ смерти Гоголя; 2) заставилъ Бетрищева сказать о Михайловскомъ-Данилевскомъ то, что слышалъ со многими другими за обѣдомъ, въ Витебскѣ, въ 1856 г., отъ одного генерала, участвовавшаго въ отечественной войнѣ и тоже какъ-то забытаго Данилевскимъ; 3) списалъ завтракъ у Пѣтуха со сцены, которой вмѣстѣ съ другими былъ свидѣтелемъ въ Могилевѣ у одного барина-сибарита.

Молчать цѣлыхъ полтора года послѣ напечатанія «Отрывковъ», его заставляло желаніе испытать проницательность «знатоковъ» Гоголя. Но статья Чижова, строющая изъ его невинной въ своемъ основаніи шутки, рядъ выводовъ, заставила его взяться за перо.

Такъ излагаетъ дѣло «авторъ». Но ему, очевидно, измѣнила память. Въ его собственноручномъ письмѣ, уцѣлѣвшемъ у Б—аго, онъ отзывается о возможности поддѣлки лишь мимоходомъ, говоритъ, что рукопись получилъ отъ Прокоповича и предоставляетъ печатаніе вполнѣ на усмотрѣніе Б.

Какъ бы то ни было, получился крупный литературный скандалъ. На Б., виновнаго въ небрежности, на редакцію «Рус. Старины» и на Ястржембскаго справедливо ополчилась большая часть журналистики. Ястржембскій со своей стороны подлилъ масла въ огонь, обратившись въ тѣхъ же «Спб. Вѣд.» съ упрекомъ прямо къ Б—ому: очевидно вы и сами заподозрѣвали подлинность, иначе зачѣмъ-же было, имѣя драгоцѣнные варіанты, не печатать ихъ двѣнадцать лѣтъ? Тогда появилось объясненіе редакціи «Рус. Старины», изъ котораго видно, что Б. имѣлъ въ виду напечатать «Отрывки» и ранѣе, но этого нельзя было сдѣлать до смерти одного значительнаго въ чиновномъ мірѣ лица, къ которому читающая публика могла по внѣшнимъ признакамъ пріурочить, хотя и несправедливо, анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, случившійся, будто бы, ранѣе 1854 г. Къ объясненію редакціи было приложено и письмо Б—аго, въ отвѣтъ на извѣстіе о заявленіи Ястржембскаго:

«Благодарю Васъ за любезное сообщеніе «литературнаго курьеза»; я вамъ ничего не могу на это сказать, кромѣ того, что уже вамъ мною передано, развѣ

похвастать, что я открылъ больше, чѣмъ думалъ,—я открылъ Гоголя второго. Жаль только, что этотъ прекрасный талантъ обнаружился нѣсколько поздно».

Этимъ инцидентъ не окончился. Г. П. Данилевскій сталъ доказывать, что Ястржембскій только приписываетъ себѣ авторство «Отрывковъ», съ цѣлью обратить на себя вниманіе; поддѣлать же настолько искусно могъ только человѣкъ съ талантомъ Гоголя, со всѣми его особенностями, съ его любовью къ родинѣ и съ его знаніемъ народа.

«Гражданинъ», редактировавшійся въ то время Достоевскимъ, настроеніе котораго тогда уже вполнѣ соотвѣтствовало «Перепискѣ съ друзьями», поспѣшилъ отвѣтить, что поддѣлка ясна, именно потому, что Ястржембскій не могъ проникнуть въ рѣчи Тентетникова на родную душу такъ, какъ проникалъ въ нее въ послѣдніе годы жизни Гоголь.

Искренность Ястржембскаго заподозрѣвали и другія изданія. Ястржембскій еще два раза заявлялъ въ «Голосѣ» о своемъ «авторствѣ» и, наконецъ, объявилъ, что доставитъ «Рус. Старинѣ» подлинную рукопись Прокоповича со своими поправками.

На этомъ всякія упоминанія въ печати объ «Отрывкахъ» оканчиваются. Вѣроятно, рукопись была доставлена и «подлинность поддѣлки» установлена неоспоримо. Тихонравовъ почему-то ничего не говоритъ обо всей этой исторіи въ примѣчаніяхъ къ редактированному имъ собранію сочиненій Гоголя.

Богоявленскій, Николай Петровичъ, врачъ [1]). Род. въ 1843 г. въ духовной семьѣ калуж. губ., въ 1870 окончилъ курсъ въ Медико-Хирургич. академіи и поступилъ врачемъ въ новочеркасскій полкъ. Въ 1873 былъ прикомандированъ къ Мед.-Хир. Академіи, во время войны 1877 г. былъ въ дѣйствующей арміи (въ Болгаріи и Черногоріи), съ 1879 служилъ въ Петербургѣ, въ 1881 защитилъ цѣнную въ научномъ отношеніи докторскую диссертацію. Ум. 20 октября 1890 г. въ званіи главнаго врача общины св. Георгія, гдѣ заразился отъ одного больного тифомъ. Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память.

Напечаталъ: 1) *Случай инфекціонной болѣзни съ острымъ воспалительнымъ опуханіемъ правой подмышечной и паховой железъ.* «Прот. С. Рус. Вр.» 1878—79. II, 253. 2) *Случай врожденнаго незаростанія овальнаго отверстія и пріобрѣтеннаго съуженія правой легочной артеріи.* «Архивъ» Боткина VI (1880). 209—15. 3) *Жаропонижающее дѣйствіе хроническаго воспаленія почекъ.* (Ibid. 235—42). 4) *О фармакологическомъ и клиническомъ вліяніи цвѣтовъ ландыша на сердце* (Ibid. т. VII и отд. от. Спб. 1881. 8°. 101 стр. Докторская диссертація).

Кромѣ того печаталъ ежегодные медицинскіе отчеты объ Общинѣ св. Георгія, имѣющіе научный интересъ.

---

[1]) 1) *Змѣевъ,* Врачи-писатели 2) *Н. Соколовъ* въ „Нов. Вр." 1890 г. № 5264. 3) „Нов. Вр. 1890 г. № 5266 и другіе газетные некрологи конца октября 1890 г.

Богоявленскій, Петръ Матвѣевичъ, врачъ. Лекарь съ 1849. Въ медицинскомъ спискѣ болѣе не значится. Напечаталъ книгу *Полное практическое наставленіе о приготовленіи и употребленіи кумыса, какъ врачебнаго напитка*. Самара 1863. 8°, стр. 38, съ приложеніемъ «*Топографическихъ свѣдѣній о кумысѣ*» 46 + 211 стр.

***Богровъ**, Григорій Исаковичъ, беллетристъ [1]). Сынъ его, Григорій Григорьевичъ Богровъ, присяжный повѣренный въ Кіевѣ, сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія объ отцѣ:

„Григорій Исаковичъ Богровъ род. 1 марта 1825 года въ Полтавѣ. Родители его, религіозные евреи, съ трудомъ добывали кусокъ насущнаго хлѣба. Отецъ его былъ еврейскій ученый и пользовался большою популярностью среди евреевъ, благодаря своему уму, знанію еврейскаго языка и честности. Онъ умеръ на 87 году жизни, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и понынѣ еще религіозные евреи посѣщаютъ его могилу, чтобы помолиться и исходатайствовать чрезъ него отпущеніе грѣховъ. Его считали святымъ и общество похоронило его на свой счетъ, ничего не желая получить отъ его состоятельныхъ дѣтей за участокъ земли. Онъ много работалъ надъ изученіемъ еврейской литературы и послѣ смерти его были найдены въ его бумагахъ составленныя имъ на еврейскомъ языкѣ и по еврейскимъ источникамъ записки по астрономіи. Сынъ его, Григорій Исаковичъ, до женитьбы учился исключительно еврейскому языку въ еврейскихъ училищахъ (хедерахъ) и дошелъ до большого совершенства въ знаніи древне-еврейскаго языка, талмуда и другихъ религіозныхъ сочиненій. Русскую грамоту онъ изучилъ самъ противъ воли родителей, въ особенности матери. Изъ опасенія преслѣдованій послѣдней, онъ въ чуланѣ и на чердакѣ пряталъ русскія книги и тамъ же проводилъ время за чтеніемъ. 17 лѣтъ онъ по требованію родителей женился. Въ семейной жизни былъ несчастливъ и впослѣдствіи разошелся съ женой. Послѣ женитьбы онъ устроился отдѣльно отъ своихъ родителей и получилъ возможность, ничѣмъ и никѣмъ нестѣсняемый, изучить русскій, нѣмецкій и французскій языки, равно музыку (прекрасно игралъ на скрипкѣ). Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ задумалъ испытать свои силы на литературномъ поприщѣ и около 1863 г. изготовилъ первую часть „Записокъ Еврея". Долго и безуспѣшно странствовала она по петербургскимъ редакціямъ, пока не попала въ „Отеч. Зап.", гдѣ очень понравилась Некрасову. Поощренный этимъ, Гр. Ис. усиленно занялся окончаніемъ „Записокъ", которыя печатались въ 11 книжкахъ „Отеч. Зап." 1871, 1872 и 1873 гг. и вышли отд. Спб. 1874. 8°, (нѣмецкій пер. M. Ascharin'a Спб. 1880). Кромѣ „Записокъ Еврея"

[1]) 1) „Библіогр." 1885 г. № 8. 2) „Истор. Вѣст." 1885. № 7. 3) „Новь" 1885, кн. 15, стр. 182. 4) Календарь Гоппе на 1886 г. 5) „Новости" 1885. 6) „Восходъ" 1885, № 20. 7) *Д. Д. Языковъ*, писатели умершіе въ 1885 г.

Отзывы о „*Зап. Евр.*": 1) „День" 1871. № 15. 2) „Вѣст. рус. евр." 1871. №№ 16, 22, 27, 33. 3) „С. Отеч." 1873 г. № 159. 4) „Дѣло" 1874. № 3. О „*Евр. Мануск.*": 1) *А.* въ „Бирж. Вѣд." 1876. № 73. 2) *Z.* въ „Нов. Вр." 1876. № 73. 3) „Жив. Обозр. 1876 г. № 45. О „*Бѣшеной*": 1) *Заурядный читатель* (А. М. Скабичевскій) въ „Бир. Вѣд." 1877. № 185. 2) *№№* въ „Рус. Газ." 1878. № 135. 3) *Ив. Ратовъ* (Р. И. Сементковскій) въ „Телеграфѣ" 1878 г. № 15. 4) „Р. Міръ" 1878 г. № 203. 5) „Нов. Тел." 1878 г. № 1039. По поводу статьи „Жить или не жить евр. повсемѣстно": 1) „Сѣв. Вѣст." 1878 г. № 55. 2) „Одес. Вѣст." 1878. № 62. 3) „Сибирь" 1878 г. № 17.

отецъ мой написалъ: 2) *Еврейскій манускриптъ*. Передъ драмой. Спб. 1876. 8°. 242 стр. 3) *Нѣжный братецъ* („Библ. зап. полосы Россіи“ Н. Д. Шигарина. Спб. 1878, т. I). 4) *Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи*. („Слово“ 1878. № 2). 5) *Лассаль съ того свѣта* (Ib.) 6) *Бѣшенная*, разсказъ (Ib. № 7). 7) *Мрачная страница* („Вѣкъ“ 1883). 8) *Уличная сценка* („Развѣтъ“ 1879. № 10). (Ib. 1880. № 8). 9) *Проклятый* (Ib. 1879 № 11—16). 10) *Перстъ Божій*. 11) *Вампиръ* (Ib. № 9 и 12). 12) *Кого винить* (Ib. № 15—23). 13) *Ортодоксъ* (Ib. 1880. № 28—36). 14) *Накипь вѣка*, романъ (печатался въ „Разсвѣтѣ“ въ теченіе 1879—81 гг., но не былъ законченъ). 15) *Пойманникъ* („Еврейск. Библ.“ изд. А. Е. Ландау, т. IY). 16) *Мардохей Іерусалеми* (Ib. т. YI). 17) *Былое* („Восходъ“ 1883. № 1, 2, 3). 18) *Маніакъ* (Ib. 1884. № 1, 2, 3, 4, 5). 19) *Общины и порядокъ* („Рус. Евр. 1883“. № 2, 4, 5,8, 10, 13, 14). 20) *Ужасная ночь* (Ib.).

Отецъ умеръ 28 апр. 1885, въ с. Деревкахъ Минской губерніи [1])“.

Кромѣ названнаго здѣсь Б. напечаталъ:

20) *Что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ*“. „Нов. Время“ 1875 г. № 166, 169. 21) *Добрыя Вѣсти*. Беннъ-*Рабби*. Въ „Разсвѣтѣ“ 1879 г. № 1—16). 22) *Талмудъ и каббала по „Русск. Вѣстнику“*. По поводу „Ракушанскаго Меламеда“ Н. С. Лѣскова. Въ „Рус. Евр.“ 1879 г. № 9, 11, 13, 16. 22) *Книжница*. Разсказъ очевидца. Въ „Разсвѣтѣ“ 1880 г. № 37, 38. 23) *Былое*. Маріамма. „Разсв.“ 82 г. № 1—4, 6, 9, 12, 14. 24) *О смѣшанныхъ бракахъ* (письмо въ редакцію) „Нов. Вр.“ 1882 г. № 2134. 25) *Объ учрежденіи переселенческаго комитета* „Нед. Хр. Восхода“ 1882 г. № 9.

Нѣкоторыя другія біографическія свѣдѣнія о Б., а также оцѣнку его произведеній см. въ настоящемъ же томѣ, передъ «Матеріалами».

Богуславская, Марья Каверіевна (Савельевна), см. Скавронская.

Богуславскій, А. Ошанскій уѣздный землемѣръ [2]). Составилъ «Ариѳметику» (Харьковъ 1843).

* **Богуславскій**, Николай Аристарховичъ, ординарный профессоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, изъ потомственныхъ дворянъ курской губерніи. Родился въ 1844 г., въ 1868 г. кончилъ курсъ физико-математическаго факультета харьковскаго университѣ, въ 1878 г. — Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Каѳедру геодезіи въ Институтѣ занялъ послѣ покойнаго заслуженнаго профессора П. Н. Андреева въ 1891 г. Изъ ученыхъ трудовъ Н. А. Богуславскаго имѣетъ значеніе: «*Волга какъ путь сообщенія*», изданное въ 1887 г. (приложеніе къ «Журналу Министерства путей сообщенія», а также въ отдѣльномъ изданіи (186+82 стр. съ 11 л. черт.), такъ какъ авторъ состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ начальникомъ навигаціонно-описной коммиссіи въ

---

[1]) За нѣсколько лѣтъ до смерти Г. И. принялъ православіе и женился на г-жѣ Козополянской.

[2]) Отзывы Объ „Ариѳметикѣ:“ 1) „Соврем.“ 1844, т. 34, стр. 296—297, 2) „Отеч. Зап.“ 1844, т. 34, отд. YI, стр. 48; 3) *Я. Вейнбергъ*. „Журн. для Воспит.“ 1862, т. II, стр. 13—19.

министерствѣ путей сообщенія, на которую возложены были работы по съемкѣ и описанію р. Волги, и включилъ въ свою книгу нѣкоторые новые или необнародованные до того времени матеріалы по гидрографіи Волги. Остальныя его труды: «*Вертикальная и горизонтальная съемка тахеометромъ*», Спб. 1876 г. 70 стр. и 2 л. черт.; «*О варіаціонномъ исчисленіи и приложеніи его къ геометріи и механикѣ*», Спб. 1884 г. (II выпускъ «Сборника» Института и отдѣльно); «*Объ опредѣленіи расхода воды въ Невѣ и Морскомъ каналѣ*», Спб. 1886 г. (VIII выпускъ Сборника и отдѣльно); «*Курсъ Статики*» (V выпускъ Сборника); «*Курсъ низшей геодезіи (топографіи) и приложенія ея къ техническимъ изысканіямъ для путей сообщенія*», Спб. 1891 г., 8°, 608 стр. съ черт., а также литографированныя *лекціи* по преподаваемому имъ предмету въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія и Институтѣ Гражданскихъ Инженеровъ.

Богуславскій 2-й, Николай Борисовичъ, инженеръ. Род. въ 1857 г., въ 1880 окончилъ институтъ Инж. Путей Сообщенія. Состоитъ по Мин. Пут. Сообщенія штатнымъ инженеромъ VII класса. Вмѣстѣ съ профессоромъ Н. А. Бѣлелюбскимъ составилъ «Таблицы для подбора сѣченій и исчисленія вѣса желѣзныхъ сооруженій». Спб. 1884. 2-е изд. Спб. 1881. 8° IV + 37 стр.

Богуславъ, въ «Энц. Слов.» Березина онъ названъ Осипомъ Августовичемъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ почти нѣтъ [1]). Извѣстно только, что, изучивъ во время продолжительной службы въ архангельской и вологодской губерніи естественныя богатства страны, бытъ и промысла жителей и печальное состояніе морской торговли, Б. хотѣлъ развить производительныя силы сѣвера Россіи, судостроительство и самостоятельную морскую торговлю. Въ этихъ видахъ онъ образовалъ въ 1845 году «Полярную кампанію», но, послѣ трехлѣтнихъ объясненій съ министерствомъ финансовъ, долженъ былъ оставить это дѣло. Въ 1861 г. Б. составилъ проектъ «Лукоморскаго Ллойда», съ цѣлью поднять дѣятельность населенія въ кольскомъ уѣздѣ и создать портъ въ пинегскомъ, но не имѣлъ успѣха и на этотъ разъ.

Подъ статьями своими Б. обыкновенно подписывался: *О. Бѣломорскій*, *М. Б...въ* и *О. Б.* Намъ извѣстны слѣдующія его работы:

Въ «Журналѣ для акціонеровъ» 1857: 1) «*Сѣверный рыбный промыселъ, ожидающій разработки компаніями* (№ 20); 2) «*Указаніе средствъ поднять рыбные промыслы на сѣверныхъ берегахъ Россіи*» (№ 28); 3) «*Морское звѣроловство на сѣверныхъ берегахъ Европейской Россіи*» (№№ 33 и 36).

Въ «Морскомъ Сборникѣ»: 4) *Замѣтки о русскихъ промыслахъ на Шпицбергенѣ* (1056, № 10); 5) *Взглядъ на запасы птицеловнаго промысла на Поморьѣ* (1858, № 8); 6) 6) *Введеніе въ проектъ морской компа-*

---

[1]) Ср.: 1) *А.* въ „Энцикл. Словарѣ“ Березина. 2) *Н. С.* „Морск. Сборникъ“ 1862, № 3 (замѣтка по поводу „*Введенія въ проектъ*“).

нiи подъ названiемъ: Лукоморскiй Ллойдъ» (1861, № 10); 7 *«Историческiй взглядъ на Варангерское поморье»* (1862 № 10).

Въ «Библiотекѣ для чтенiя»: 8) *«Полярныя сiянiя»* (1847, т. 80).

Статьи Б. свидѣтельствуютъ о неугомонной жаждѣ дѣятельности и горячей любви къ дѣлу.

Богуславъ Лугинскiй («Москвит.» 1853 г.)—Мих. М. Левченко.

Богучаровъ, И. (Статьи въ «Голосѣ» 1865 года, «Нов. Вр.» и «Газетѣ Гатцука»» 1880 г.; «Разсказы» Спб. 1886)—псевдонимъ Н. И. Костомарова.

Богушевичъ, Юрiй Михайловичъ, журналистъ. О немъ см. въ настоящемъ же томѣ, передъ «Матерiалами».

Богушевскiй, П. К. баронъ, библiографъ. О немъ см. въ настоящемъ же томѣ, передъ «Матерiалами».

Бода-Варвынецъ («Молва» 30-хъ гг.) — Ос. М. Бодянскiй.

фонъ-**Боде**, Адольфъ-Фридрихъ Карловичъ [1]), лѣсоводъ (1807 † 31 января 1861 г.) Родился въ Германiи, лѣсоводственное образованiе получилъ въ Ремплинской лѣсной школѣ и берлинской лѣсной академiи (существовавшей при тамошнемъ университетѣ), гдѣ слушалъ курсъ лѣсныхъ наукъ у извѣстнаго профессора и лѣсовода-практика Пфейля. Переѣхавъ въ Россiю, съ 1829 по 1832 годъ Б. завѣдывалъ обширными лѣсами барона Медема въ Курляндiи; въ 1832 году поступилъ на русскую государственную службу инспекторомъ по разработкѣ торфа въ Курляндiи (*«кронсторфскимъ* инспекторомъ», какъ титулуетъ себя Боде на обложкѣ своей «Ручной книги») и вмѣстѣ съ тѣмъ (съ 1835 года) старшимъ учителемъ лѣсныхъ наукъ во вновь открытыхъ лѣсныхъ классахъ при митавской гимназiи. Въ то же время онъ состоялъ секретаремъ Курляндскаго Экономическаго Общества. Въ 1840 году Боде былъ приглашенъ въ Петербургъ на должность преподавателя лѣсной таксацiи, лѣсоводства, науки о государственномъ лѣсномъ хозяйствѣ и егерскомъ искусствѣ въ Лѣсномъ Институтѣ, въ каковой и состоялъ до 1855 г., — года назначенiя министромъ государствен. имуществъ М. Н. Муравьева. Обладая несомнѣнно обширными научными познанiями, но, къ сожалѣнiю, весьма мало знакомый съ русскимъ языкомъ, Б. далеко не принесъ дѣлу преподаванiя той пользы, на какую можно было разсчитывать, судя по его практической опытности и теоретической подготовкѣ.

[1]) Ср. о немъ: 1) „Мѣсяцесловъ" на 1862 г. 2) *В. Собичевскiй* въ „Энц. Сл." Брокгаузъ-Ефрона. 3) *Вереха и Рудзскiй*, Литература Рус. Лѣсоводства. 4) *Педе* и *Н. Н-въ*. Роспись книгъ по сельс. хозяйству. 5) *Геннади*, Словарь.

Отзывы: О *„Руководствѣ къ хозяйств. обращ. съ лошадьми"*: „Ж. Мин. Гос. Имущ." 1843 г. № 9.

О *„Руковод. для добыванiя торфа въ Россiи"*: 1) „Труды Вольн. Эк. Общ." 1858 г. т. 1. 2) „Вѣст. Промышл." 1858 г. № 6.

Объ *„Руковод. для хозяйств. обращ. съ лѣсами."*: „Библ. д. Чт." 1843 г. т. 59.

Объ *„Карман. книгѣ для рус. лѣсничаго"*: „Труды В. Эк. Общ." 1855 г. т. 1.

Безчисленное количестви анекдотовъ, основанныхъ на незнаніи Б. русскаго языка и коверканіи имъ самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ, разсказывались бывшими воспитанниками Лѣсного Института — кадетами; напротивъ того, слушатели академическаго курса — офицерскаго класса — относились къ нему болѣе сочувственно, уважая въ немъ знаніе и трудолюбіе. Такое уваженіе должна заявить ему и безпристрастная спеціальная критика относительно его сочиненія

1) «*Handbuch zur Bewirthschaftung der Forsten in den deutschen Ostseeprovinzen Russlands.* Ein Leitfaden für Privat Forstbesitzer und Forstverwalter. Mit. 1 lith. Tafel. 8°. Mitau. 1840, Lucas», которое плохо переведено на русскій языкъ Я. Граховымъ подъ загл. «Ручная книга для хозяйственнаго обращенія съ лѣсами». Руководство для частныхъ владѣльцевъ лѣсовъ и для завѣдывающихъ лѣсами. Одобрена Высочайше учрежденнымъ Обществомъ для поощренія Лѣсного Хозяйства. Спб.: 1843(издатель Н. А. Юнгмейстеръ) 8° VIII+295 стр. и табл. литограф. чертежей. По мнѣнію составителей библіографическаго сборника «Литература Русскаго Лѣсоводства 1878» — П. Верехи и А. Рудзскаго, «трудъ А. К. Боде принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ работъ, которыя основаны на изученіи русскихъ лѣсовъ, хотя бы одного только небольшого края», (т.-е. остзейскихъ губерній). Мы не раздѣляемъ указанное мнѣніе, такъ какъ не находимъ въ разсматриваемой книгѣ ясныхъ и убѣдительныхъ въ этомъ доказательствъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ согласны съ сдѣланнымъ тѣми же лицами заключеніемъ, что «книга Боде должна занять важное мѣсто въ исторіи русскаго лѣсоводства», такъ какъ вполнѣ справедливо, что «многія указанія, въ ней заключающіяся, представляютъ и нынѣ практическій интересъ». Такими замѣчаніями мы считаемъ общія лѣсоводственныя правила, умѣло выбранныя изъ современныхъ классическихъ произведеній нѣмецкихъ лѣсоводовъ (во многомъ изъ лѣсоводства Гвиннера) отчего «Ручная книга» Боде и въ настоящее время, болѣе полустолѣтія послѣ ея составленія, содержитъ тѣ весьма полезные совѣты, которые излагаются и въ новѣйшихъ нынѣшнихъ учебникахъ по лѣсоводству. Приводимъ вкратцѣ ея содержаніе: «Ручная книга» подраздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ, въ XXIII главахъ, (135 стр.) излагается: «Состояніе лѣсного хозяйства въ Остзейскихъ губерніяхъ», въ видѣ введенія къ «Руководству». Здѣсь авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что очень часто по возрастанію цѣнъ на дрова и другіе древесные матеріалы судятъ ошибочно (а между тѣмъ, это имѣетъ мѣсто и въ настоящее время) объ уменьшеніи и истощеніи лѣсовъ въ данной мѣстности, хотя гораздо вѣрнѣе было бы объяснить такое явленіе плохимъ состояніемъ путей сообщенія и ложно понимаемою бережливостью лѣсовладѣльца или лѣсничаго, безъ выясненія послѣдними существеннаго вопроса: чѣмъ же именно можно раціонально пользоваться въ данномъ лѣсѣ? «Если и такое обращеніе съ лѣсами можно называть *хозяйствомъ*, говоритъ Боде, но отнюдь уже не болѣе какъ отрицательнымъ лѣснымъ хозяй-

ствомъ»; далѣе: «намъ извѣстенъ только *одинъ* выгоднѣйшій способъ пользованія лѣсомъ и онъ состоитъ въ томъ, чтобы вырубать столько лѣса, сколько дозволяютъ лѣсоводственныя отношенія. Всякое пользованіе лѣсомъ свыше или менѣе этого предѣла есть злоупотребленіе, котораго послѣдствія тѣмъ опаснѣе, чѣмъ оно значительнѣе въ томъ или другомъ отношеніи». (стр. 5).

Затѣмъ послѣдовательно разсматриваются вопросы: 1) «на какія древесныя породы долженъ преимущественно обращать вниманіе владѣлецъ лѣса», причемъ указаны (относительно Остзейскихъ губерній) сосна, которая составляетъ для лѣсного хозяйства то же, что овца для сельскаго; ель, береза и отчасти черная ольха; дубъ слѣдуетъ разводить на способной почвѣ въ «весьма обширныхъ помѣщичьихъ и въ казенныхъ лѣсахъ»; но въ малыхъ участкахъ всякая другая древесная порода доставитъ высшую *денежную прибыль*, чѣмъ дубъ, и притомъ «почву, благопріятную для разведенія дуба гораздо прибыльнѣе можно употребить для хлѣбопашества, тѣмъ болѣе, что дѣйствительная потребность въ дубовомъ лѣсѣ очень невелика» (стр. 10); осина рекомендуется по доходности, но вредна въ хозяйственномъ отношеніи. 2) «Какія есть у насъ средства къ хозяйственному обращенію съ лѣсами». Указаны: «ученый и знающій свое дѣло управитель», измѣреніе лѣса, содержаніе постоянныхъ лѣсныхъ рабочихъ (достаточно четырехъ даже въ значительныхъ лѣсныхъ участкахъ), или соразмѣрное увеличеніе числа лѣсной стражи съ возложеніемъ на послѣднюю обязанности выполненія всѣхъ лѣсныхъ работъ», причемъ совѣтуется при недостаткѣ денежныхъ средствъ вознагражденіе отдачею земли въ обработку и т. п. 3) О водянистости нашихъ лѣсовъ, о сушкѣ ихъ. 4) О разныхъ родахъ хозяйства, причемъ обращается надлежащее вниманіе лѣсного хозяина на выгоду при заложеніи низкоствольниковъ. 5) Важнѣйшія правила, которыя должно соблюдать при заложеніи лѣсосѣкъ. 6) О возобновленіи высокоствольныхъ лѣсовъ дубовыхъ, сосновыхъ елевыми, березовыми и смѣшанныхъ. 7) О времени заказности, потребномъ для каждой древесной породы. 8) О проходныхъ прорубкахъ. 9) О низкоствольникахъ (разныхъ видовъ) и возобновленіи ихъ, отдѣльно по породамъ, причемъ указано на пользу дубняковъ на корье. 10) О переходѣ отъ одного рода хозяйства къ другому вообще и въ частности. 11) О лѣсопольномъ хозяйствѣ.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 136 — 239) излагается *лѣсоразведеніе* — посѣвъ, садка саженцевъ и отрѣзковъ (кольевъ и черенковъ) и размноженіе отводками. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаются нѣкоторыя замѣчанія автора — результаты его вывода изъ десятилѣтней практики въ Паульсгнадскихъ лѣсахъ; напримѣръ, о прекрасномъ ростѣ березоваго всхода подъ защитою травы, вопреки замѣчаніямъ въ большинствѣ учебниковъ (стр. 166); объ успѣшномъ посѣвѣ сосны на весьма сухой песчаной почвѣ въ іюнѣ (стр. 181) и т. п. Но зато попадаются и указанія совсѣмъ непрактичныя, въ родѣ *посѣва* канадскаго и чернаго тополя (стр. 177—178). Третій отдѣлъ (55 стр.) посвященъ вопросу объ извле-

ченіи лѣсного дохода и представляется менѣе удовлетворительными: различныя наставленія заготовщикамъ лѣсныхъ матеріаловъ имѣютъ мѣстное значеніе и потому могутъ быть небезполезными, точно такъ же, какъ и раздѣленіе лѣсовъ на кварталы или дѣлянки (ягены); но разъясненія составленія смѣтъ или приблизительнаго опредѣленія лѣсного дохода очень кратки и слабы. Послѣдняя заключительная глава о лѣсныхъ пожарахъ изложена съ надлежащею полнотою, но въ ней сдѣлано невѣрное объясненіе причинъ тушенія огня огнемъ встрѣчнымъ: Бодэ предполагаетъ, «что воздухъ, изрѣдившійся между обоими огнями, вліяніемъ жара, усиливаетъ въ этомъ мѣстѣ истеченіе воздуха изъ земли, а оттого, равно какъ и отъ изрѣженія воздуха огонь приближается», между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, по справедливому замѣчанію В. С. Семенова, разсматривавшаго сочиненіе Бодэ, воздухъ не истекаетъ изъ земли, но, холодный въ окрестностяхъ горящаго лѣса, онъ устремляется къ пожарищу, чтобы замѣстить разрѣдившійся надъ нимъ и тѣмъ возстановить въ атмосферѣ равновѣсіе. Изъ этой же главы мы узнаемъ, что лѣсныя пожарныя каланчи, на устройство которыхъ въ казенныхъ лѣсахъ было обращено особенное вниманіе администраціи въ послѣдніе 2—3 года, были уже въ тридцатыхъ годахъ извѣстны въ Волынской губ., а впослѣдствіи въ обширныхъ лѣсахъ Восточной Пруссіи и потому рекомендуются Боде.

Подводя общіе итоги всему вышеизложенному, слѣдуетъ придти къ заключенію, что «Ручная Книга» Боде, несмотря на полувѣковое свое существованіе, и въ настоящее время можетъ быть, по своему содержанію, весьма полезной и назидательной для лѣсныхъ хозяевъ, но къ сожалѣнію ей много вредятъ недостатки изложенія: русскій переводъ крайне неудаченъ. Въ подтвержденіе можно привести слѣдующіе примѣры: *прибыль* (вмѣсто *дохода*) древесной массы (стр. 8 и 120); *рвы* (т.-е. *канавы*) для осушки болотъ (23); *спекуляція*, вм. хозяйственный расчетъ (29 и 96) сѣменные *пни*, вм. сѣмянныя деревья (31); *ель* очень мало даетъ *поросли* (вм. всходовъ) (12) и у нея «очень короткіе годичные *отпрыски*» (т.-е. *побѣги*) (40 и 71); *порубленные*, вм. *вырубленные*, участки (40) *сплошнополосная* лѣсосѣка, вм. *сплошная* (42); учредить, (т.-е. заложить) лѣсосѣку (43); *разверзаніе* сѣмянъ, вм. *проростаніе* ихъ (47, 168, 170), *корневище*, вм. шейки корня (101); *сочная рубка* см. рубка лѣса въ соку (101), свалка, вм. валка (101, 110) и т. п. Слѣдовало также Грахову объяснить русскимъ читателямъ «Ручной Книги» что такое рутены, лофы, ревизскія лофныя мѣста, шерсточесный чердакъ и т. п.

2) *Лѣсная технологія.* Составлена по порученію Минист. Госуд. Имущ. Спб. 1846 Тип. Деп. Вн. Торг. 16° 130 стр. Весьма краткій, неполный и безполезный учебникъ, который былъ перепечатанъ во II части сборника: «Памятная книга для чиновъ губернскаго лѣснаго управленія» (1846).

3) Въ 1851 г. помѣщена Боде въ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens», Band 18, изда-

вавшихся подъ редакціей K. E.von Baer монографія: *Beitrag zur Würdigung der Forstwirthschaft in Russland*—Verbreitungsgrenzen der wichtigsten Holzgewächse des europäischen Russlands geographisch dargestellt, mit 3 Karten. Эта работа появилась въ печати почти одновременно съ ученымъ трудомъ по тому же вопросу извѣстнаго ботаника Р. Э. Траутфеттера, причемъ источники для пользованія были весьма различны: Траутфеттеръ руководствовался показаніями ботаниковъ и разныхъ ученыхъ путешественниковъ, Боде—исключительно оффиціальными свѣдѣніями, доставленными, относительно казенныхъ лѣсовъ, мѣстными лѣсничими, изъ которыхъ въ то время значительное большинство не были спеціалисты. Слабое знакомство съ географіей Россіи было причиной, что многія названія мѣстностей и лѣсныхъ дачъ обозначены невѣрно—исковерканы. Вслѣдствіе всего этого означенная монографія потеряла въ настоящее время, въ особенности послѣ появленія обширной работы Ѳ. Ѳ. Кеппена, всякое научное значеніе.

4) Въ 1854 г. въ тѣхъ-же Baer's Beiträge (Band 19) напечатано объемистое сочиненіе: «*Notizen gesammelt auf einer Forstreise durch einen Theil des Europäischen Russlands*». Mit 8 lith. Taf. gr. 8° 399 стр. Оно не представляло особаго интереса для русскихъ читателей, и въ лѣсоводственномъ отношеніи не замѣчательно.

5) *Карманная книга для русскаго лѣсничаго на 1855 годъ*. Спб. 1854; въ 3-хъ частяхъ. Во 2-й части помѣщена монографія сосны, составленная самимъ Боде. 6) *Руководство для добыванія и употребленія торфа въ Россіи*. 1-е изд. въ пер. Н. Ю. (Юнгмейстера?) вышло въ 1834 г. (Спб. 8° 95 стр.), второе въ 1858. (Спб. 8°. 127 стр.) какъ приложеніе къ «Газетѣ Лѣсоводства и охоты». 7) *Руководство къ хозяйственному обращенію съ лошадьми*. Пер. съ нѣм. *Я. Горохова* (Грохова) Спб. 1843.

Журнальныя статьи:

А) Въ «Лѣсномъ Журналѣ»:

1834 года, Часть I, книга 1-я 8) *О введеніи добыванія торфа въ Курляндіи* стр. 123—138. Тамъ же, Часть II, книга 1-я—9) *О произрастаніи дуба* стр. 1—13. Тамъ же, Часть II, книга 2-я—10) *О добываніи торфа* стр. 49—143. 1838 года Часть II, книга 2-я—11) *Нѣкоторыя замѣчанія о лѣсахъ въ Курляндіи* стр. 207—248.

Б) Въ «Kritische Blätter für Forst und Jagdwesen» herausgegeben von W. Pfeil.

XIV Band, 2-tes Heft: 12) *Waldberichte aus Kurland* стр. 76—116.

В) Въ «Allgemeine Forst und Jagd Zeitung» heusgegeben von Behlen:

1844 годъ: 13) *Ueber die forstliche Ausbildung und die Mittel da zu; von . . . e* стр. 121—124. 14) *Anordnungen und Anstalten zur forstlichen Bildung in Russland* стр. 406—418. 1845 годъ: 15) *Die*

Erziehung und Bildung russischer Forstmänner betreffend стр. 80. 16) *Wie weit soll sich der praktische Unterricht des russischen Forstmannes erstrecken* стр. 414—415. 17) *Zur Forstverwaltung Russlands* стр. 437.

Г) Въ «Neue Jahrbücher der Forstkunde» herausgegeb. von G. W. Freiherrn von Wedekind, Zweite Folge V Band 1—2-tes Heft, 1855:

18) *Forstreise nach der Krim und einigem Steppengegenden Südrusslands* стр. 60—89.

Д) Въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ»:

1852 года Мартъ (смѣсь) 19) *Нѣсколько замѣчаній о произрастаніи дуба въ Россіи.* 1855 года октябрь (Разныя извѣстія): 20) *Питомникъ при Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ въ С.-Петербургѣ.*

Е) «Газета Лѣсоводства и охоты»:

1855 годъ №№ 3, 4, 5 и 6: 21) *Питомникъ при Лѣсномъ Институтѣ.* Тамъ же № 10: 22) *Вліяніе мѣстности на хозяйство въ лѣсахъ.* Ibid. № 13: 23) *Гонка смолы при р. Ветлугѣ Костромской губ.* Ibid, № 16: 24) *Сѣмянной годъ.* Ibid № 37: 25) *Что собственно значитъ высокоствольный и низкоствольный лѣсъ.* 1856 годъ: № 50: 26) *Наблюденіе и ученіе въ лѣсу.* Ibid. № 51: 27) *Какого рода лѣсовозращеніе заслуживаетъ въ Россіи предпочтеніе—искусственное или естественное.* 1857 годъ № 51. Приложеніе V: *Руководство для добыванія и употребленія торфа въ Россіи* (2-е изд., которое вышло и отдѣльной книгой. См. выше). 1858 годъ №№ 9 и 10: 28) *Облѣсеніе степей.* Ibid. №№ 24 и 25: 29) *Важность лѣсовъ въ государствѣ.*

Выйдя въ 1855 году въ отставку Боде послѣдніе годы своей жизни снова посвятилъ частной лѣсной службѣ, управляя обширными частновладѣльческими лѣсами въ костромской и нижегородской губерніяхъ. Ум. 31 янв. 1861 г.

В. Собичевскій.

Боде, Александръ Карловичъ [1], баронъ, дядя бар. Боде-Колычева и братъ бар. К. К. Боде (см.). О родѣ Боде см. Боде-Колычевъ. Отдѣльно издалъ: 1) «*Усовершенствованное руководство о пчеловодствѣ, съ присовокупленіемъ новаго рода соломенныхъ ульевъ*», соч. Бельенеме. Пер. съ франц. Спб. 1817. 12°. 2) «*Руководство къ виноградному садоводству и винодѣлію въ южныхъ губерніяхъ Россіи*». Спб. 1833. 8°. 3) «*Милана, русская баллада или старыя погудки на новый ладъ*». Спб. 1884. 8° (подъ псевдонимомъ *Б. Александръ Б.*; въ прозѣ). 4) «*Литературные плоды безсонницы*» Спб. 1845. 8°. 5) *Управитель русскаго имѣнія.* Спб. 1847. 12°. 120 стр.

---

[1]) *Отзывы*: о „*Литерат. плодахъ*": 1) „Библ. для чт." 1845 г. т. 71. 2) „Отеч. Зап." 1845 г. т. 41, 18, объ „*Управитель рус. имѣнія*": 1) „Жур. Мин. Гос. Им." 1848 г. ч. 26. 2) „Отеч. Зап." 1847 г. № 11. 3) „Современ." 1847 г. № 12. Объ „*Руковод. къ развед. лѣсовъ*": 1) „Современ." 1853 г. т. 39. 2) „Труды В. Экон. Общ." 1853 г. т. 2. 3) *К. П.* въ „Сѣв. Пчелѣ" 1853 г. № 106. Нѣкоторые изъ отзывовъ вкратцѣ переданы въ „Росписи отд. книгъ по Сельск. Хозяйству" *Педе и Н. Н—ва.*

6) *Руководство къ разведенію лѣсовъ*. Спб. 1853. 16°. 82 стр. Въ *журналахъ* помѣстилъ: 7) *Произведеніе пробочнаго дерева*. «Духъ Журналовъ». 1818, № 11. 8) *Чрезвычайный урожай въ полуденныхъ губерніяхъ Россіи*. «Духъ Журн.». 1819, № 11. 9) *Средства противъ вырожденія сѣмянъ*. «Маякъ» 1842, т. III, стр. 26. 10) «*Опытный взглядъ на сельское домоводство въ Россіи*». «Библ. для чтенія» 1844, т. 64—67. 11) «*Льсоводство*» ib., 1845, т. 68. 12) «*Пчеловодство*» ib., т. 68—69. 13) «*Тысяча первое средство отъ крысъ*». «Воронежск. Губ. Вѣдом.» 1847, № 21. 14) Рядъ мелкихъ хозяйственныхъ *замѣтокъ и сообщеній* въ «Экономѣ» 1846—49 гг. и «Земледѣльческой Газетѣ» 1850-хъ гг. 15) Два, весьма посредственныхъ стихотвореній его: «Смерть» и «Кого ужъ нѣтъ» напечаталъ Берже въ «Рус. Старинѣ» 1886 г. № 10. «Литературные плоды безсоницы» частью были напечатаны въ Приложеніяхъ къ «Рус. Инвалиду». Какъ беллетристъ, Б. литературнаго интереса не представляетъ; какъ хозяинъ, онъ былъ не болѣе какъ диллетантъ. Въ библіограф. указателяхъ, благодаря общности иниціаловъ, его часто путаютъ съ извѣстнымъ лѣсоводомъ Адольфомъ Карловичемъ Боде.

Боде, Клементій Карловичъ, баронъ [1]), братъ бар. А. К. Боде и дядя бар. Боде-Колычева. Въ 1850-хъ гг. былъ первымъ секретаремъ посольства въ Персіи. Написалъ: 1) «*Путевыя записки*». Библ. для Чтенія, 1854, т. 123.; 2) «*Очерки туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря*». «Отеч. Зап.», 1856, т. 107 и 108. (сначала помѣщено въ сокращенномъ видѣ въ «Запискахъ Рус. Геогр. Общества», кн. II подъ заглавіемъ: «О туркменскихъ поколѣніяхъ» и по-нѣмецки въ «Denkschriften d. russ. Geograph. Gesel. Zu St.-Petersburg» (Weimar 1849). подъ заглавіями «Aperçu geographique et statistique de la province d'Astrabad en 1841». и «Les Samouds et les Goklans».

Боде, Марія Александровна, баронесса [2]), дочь бар. А. К. Боде (см). Помѣстила въ «Странникѣ» 1861 г.: 1) «*Памятный балъ въ воскресенье, предъ масляницею*» (№ 2); 2) «*Воспоминаніе о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ*» (№ 7); 3) «*Описаніе посѣщенія Ихъ Величествами Спасо-Бородинской обители*» (№ 8). 4) Изъ воспоминаній. (Графиня Ламотъ въ Крыму). «Рус. Арх.» 1882. II.

Боде-Колычевъ, баронъ, Михаилъ Львовичъ [3]), археологъ, сынъ оберъ-гофмейстера барона Льва Карловича Бодэ и его жены Натальи Өедоровны, урож-

---

[1]) Словарь *Березина*. По поводу „О туркменскихъ поколѣніяхъ": „Отеч. Зап." 1847 г. т. 54, отд. VI.

[2]) *Кн. Голицынъ*. Словарь рус. писательницъ.

[3]) *Б. М. Л. Б. К.* (Баронъ Михаилъ Львовичъ Боде-Колычевъ) Боярскій родъ Колычевыхъ. 2) *Ө. И. Буслаевъ*. Мои воспоминанія („Вѣстн. Евр. 1891, № 4). 3) „Моск. Вѣдомости" 1888, № 84. 4) ***. Ibid, № 89. 5) „Моск. Листокъ" 1888, № 84 и 85. 6) *Брокгаузъ—Ефронъ*, „Энцикл. Словарь". 7) *Языковъ*, Обзоръ трудовъ умершихъ писателей, въ „Книговѣдѣніи" 1894 г.

денной Колычевой (праправнукѣ святителя Филиппа) и племянникъ Александра К. Боде (см. выше), родился въ Москвѣ 17 декабря 1824 г. Фамилія Боде или Водъ—происхожденія французскаго и восходитъ къ XIII вѣку. Гонимые какъ гугеноты, Боде перешли въ XVI вѣкѣ въ Германію и были утверждены Карломъ VI въ древнемъ дворянствѣ и баронскомъ достоинствѣ. Въ 1788 году имъ былъ пожалованъ иммедіатный ленъ Сульцъ-Унтервальденъ въ Эльзасѣ. Когда разразилась французская революція, и всѣ лены германской имперіи въ Эльзасѣ были конфискованы французскою республикою, дѣду Б.-К. угрожала за роялистскія убѣжденія гильотина. Когда его пришли взять подъ стражу, вѣрный слуга помогъ ему бѣжать, и Боде со всею семьею эмигрировалъ въ Россію. Здѣсь онъ, подъ именемъ барона Карла Илларіоновича, присягнулъ на русское подданство, былъ ласково принятъ Екатериною и получилъ отъ нея два помѣстья: въ херсонской губерніи, съ 12000 душъ, и въ Крыму. Дѣти его: Левъ, Клементій (см.), Андрей и Александръ (см.) приняли православіе и въ 1840—42 гг. были причислены къ баронамъ Россійской Имперіи. Сыну Льва Карловича Боде, Михаилу Львовичу, разрѣшено въ 1875 году присоединить къ своей фамиліи фамилію угасшаго древняго рода своей матери Колычевыхъ. Отецъ Б.-К. самъ былъ причастенъ къ литературѣ. Сооружая Большой Дворецъ въ Кремлѣ и возобновляя старинные терема, онъ страстно увлекался дѣломъ ихъ реставраціи, которую велъ со всею строгостью археологической пунктуальности и тогда же перевелъ на французскій языкъ книжку Вельтмана: «Достопамятности Московскаго Кремля» (Souvenirs hystoriques du Kreml du Moscou» М. 1843. 8°). Кромѣ того имъ написаны оставшіяся въ рукописи записки о 12 годѣ.

Б.-К. росъ въ интеллигентной, слѣдившей за движеніемъ науки и литературы семьѣ; образованіемъ же его руководилъ знаменитый филологъ Ѳ. И. Буслаевъ, навсегда сохранившій дружбу со своимъ ученикомъ. Буслаевъ молодымъ кандидатомъ московскаго университета поступилъ въ 1838 году учителемъ въ домъ «безподобной», какъ онъ выражается, «фамиліи» Боде и оставался въ ней послѣ и поступленія своего ученика въ 1839 году въ Пажескій корпусъ. По окончаніи курса въ 1843 году, Б.-К. служилъ по придворному вѣдомству и въ Кавказскомъ комитетѣ (при Бутковѣ). Во время Крымской кампаніи онъ вступилъ въ ополченіе и состоялъ при командующемъ арміей генералѣ Лидерсѣ; потомъ занималъ мѣста помощника начальника оружейной палаты, члена и вице-президента коммиссіи по постройкѣ Храма Спасителя (1865 — 1883 гг.). Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи оберъ-гофмейстера, 22 марта 1888 года въ Москвѣ и погребенъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, сел. Лукинѣ.

Интересъ Б.-К. къ археологіи съ одной стороны объясняется тѣмъ, что онъ выросъ въ Кремлѣ, гдѣ жилъ его отецъ, также, какъ выше сказано, интересовавшійся археологіей, и гдѣ каждый шагъ напоминалъ объ историческомъ прош-

ломъ, а съ другой стороны тѣмъ, что горячо любимая имъ мать, послѣдняя изъ Колычевыхъ, разсказывала ребенку и юношѣ-сыну про судьбы своего славнаго рода; много конечно, слѣдуетъ приписать и вліянію Буслаева. Въ результатѣ Б.—К. страстно полюбилъ исторію и археологію и хотя не обладалъ обобщающею мыслью и историческимъ талантомъ, накопилъ такое количество знаній, что престарѣлый и тогда уже не нуждавшійся въ заискиванія Погодинъ однажды даже счелъ нужнымъ въ знакъ глубокаго уваженія поклониться ему до земли. Б.—К. выстроилъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Лукинѣ Кремль, детально воспроизведя московскій, временъ святителя Филиппа. Здѣсь онъ, не щадя труда и денегъ, собралъ замѣчательныя коллекціи древностей, рукописей и старопечатныхъ книгъ. Тамъ же помѣщается архивъ боярскаго рода Колычевыхъ и Колычевскій музей, давшіе матеріалъ для капитальнаго труда: «*Боярскій родъ Колычевыхъ*» М. 1887. 498 стр. 8 таблицъ. 1 рисунокъ 4° (подъ иниціалами *Б. М. Л. Б. К.*) Роскошно изданная въ 200 экз., книга въ продажу не поступала. Это—подробное, тщательное и своею необыкновенною детальностью чрезвычайно полезное пособіе. Нѣсколько сообщеній Б.—К. было помѣщено въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 и другихъ годовъ.

Бодуэнъ (Boudouin) Иванъ-Жакъ Стефанъ [1]). Въ Словарѣ профессоровъ московскаго университета Пако о немъ сообщаетъ:

«Коллежскій асессоръ, экстраординарный профессоръ французскаго языка съ 1773 года, января 23-го числа; послѣ Бордельера онъ читалъ студентамъ этимологію, синтаксисъ, стилистику, переводилъ съ ними на французскій языкъ избранныя мѣста изъ Виргилія, Горація, и объяснялъ съ особенною любовью оды Ж. Б. Руссо, заставляя ихъ учить наизусть. Изъ сочиненій его напечатаны три торжественныя слова на французскомъ языкѣ: 1) *По случаю заключеннаго Россіею съ Оттоманскою Портою мира*, произнесенное 1775 года, іюля 25-го. 2) *На рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича*, 1778 года января 23-го. 3) *Le triomphe de l'éloquence dans la faculté des arts*, говоренное въ университетскомъ собраніи на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, 30-го іюня 1779 года, и стихотвореніе 4) Epithalame sur le mariage de Leurs Altesses Imperiales Monseigneur le Grand Duc de Russie Constantin Pavlovitch et M-me la grande Duchesse Anna Féodorowna, née Princesse de Saxe-Cobourg, 1796. Профессоръ Б. скончался 1796 года, октября 23-го дня».

Кромѣ рѣчей (напеч. въ «Рѣчахъ Московскаго Университета») и эпиталамическаго стихотворенія, Б. напечаталъ еще: 5) *Ode sur l'année jubilaire de l'avenement de Sa Majesté Imper. Catherine II au trône de Russie* М. 1787. Въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» 1796 г. (ч. IX,

---

[1]) *Евгеній*, Словарь. 2) *Пако*, въ „Слов. Проф. Моск. Ун.“ 3) *Геннади*, Словарь 4) *Неустроевъ*, Истор. розысканіе. 5) „Другъ Юнош.“ 1805, № 7.

245) напечатана также его 6) *Надпись къ бюсту Екатерины II*, на французскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій.

***Бодуэнъ-де-Куртенэ** (Baudouin de Courtenay), **Иванъ Александровичъ**, извѣстный лингвистъ [1]). Въ отвѣтъ на просьбу редакціи, любезно сообщилъ о себѣ слѣдующую *автобіографическую записку*:

---

[1]) **Біографическія свѣдѣнія, общіе отзывы и оцѣнка научной дѣятельности И. А. Б.**

1) *В. А. Богородицкій* въ некрологѣ *Н. В. Крушевскаго* („Волжскій Вѣстникъ". Казань, 1887, № 288. „Русскій Филологическій Вѣстникъ". Варшава. 1891, № 2. 2) *F. M. Štiftar*: „Slovenski Narod". 1875, № 189. 3) Z Petersburga („Przegląd tygodniowy". Warszawa. 1875, № 25). 4) Очеркъ науки о языкѣ *Н. Крушевскаго.* Казань, 1883, стр. 7—8. = *N. Kruszewski.* (Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft von F. Techmer. I. 1884, стр. 299 сл.). 5) *F. Techmer* въ замѣткѣ о *„Kruszewski, N.*: Ueber die Lautabwechslung" (Intern. Zeitschr. für allgem. Sprachwiss. III, 1887, стр. 338). 6) *Adolf Dygasiński.* Z rodzimej niwy naukowej („Przegląd tygodniowy".1883, №№ 26—30). 7) „Dizionario biografico" *De Gubernatis*'а (1879) и французское изданіе того же словаря. 8) „Allgemeiner deutscher Hochschulen-Almanach. Herausgegeben von Dr. *Richard Kukula.* Wien, 1888. 9) „Ruch", kalendarz na 1889 rok. *(A. A. Wiślickiego).* 10) *И. Лось* въ „Энц. Сл." Брокгаузъ-Ефрона. 11) *A. A. Kryński*: „Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana" (Warszawa, 1892). 12) *G. Križnik*: „Dom in svet" (Ljubljana, 1893, № 3). 13) *L. Leger*: „Grande Encyclopédie" (Paris). 14) „Slovnik naučny" (Praha).

Отзывы объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ И. А. Б.

1) *„F. B. Kwieta: Popularna nauka o wychowoniu"* (переводъ). (№ 6 библіогр. перечня): а) „Tygodnik illustrowany" (Warszawa). 1865. № 286. б) A. Makowiecki: „Rodzina" (Warszawa). 1865, № 23. в) „Tygodnik mód" (Warszawa). 1865, № 47.

2) *О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія* (№ 7); а) *Johannes Schmidt*: „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung" VII. 1871. б) *W. Nehring*: „Göttingische gelehrte Anzeigen". 1873. Stück 37. в) *(Krzywicki)*: „Biblioteka Warszawska". 1870, IV. г) *(K. Małkowski)*: „Biblioteka Warszawska". 1871, I. д) Dr. *Omega (J. I. Kraszewski)*: „Tydzień" Drezdeński, 1871, № 25. е) *A. Bądzkiewicz*: „Tygodnik illustrowany". 1871, № 184. ж) *Appel-Kryński*: „Prace filologiczne", Warszawa, I. 1885, 597.

3) *Опыт фонетики резьянских говоров* (№ 8), *Резьянскій Катихизис* (№ 9) и *Резья и Резьяне* (№ 21): а) *B. P. Hasdeu*: D. Baudouin de Courtenay si dialectul slavo-turanic din Italia (въ румынскомъ журналѣ „Columna lui Traian. Bucuresci. 1876, стр. 448—463). б) *И. И. Срезневскій*: „Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова 25-го сентября 1876 года". Спб. 1878, стр. 397—420. =„Фріульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія". Спб. 1878, стр. 33—56. в) *Я. К. Гротъ*: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". 1876, январь. г) *(А. С. Будиловичъ)*: „Славянскій Сборникъ. Спб. Томъ II. 1877". д) „Филологическія Записки А. А. Хованскаго".(Воронежъ).1875.III(Рец.*Библіофила*). е) *Louis Leger*: „Revue critique". (Paris). 1876. №№ 38, 52. ж) *L. Leger*: Philologie slave (La Rivista Europea. Firenze. 1876. II). з) *V. Jagić*: „Archiv für slavische Philologie". I. 1876, стр. 509 сл. и) *A. A. Kryński*: „Ateneum". (Warszawa). 1876, II. і) *A. A. Kryński*: „Przegląd krytyczny". (Kraków). 1876, № 4. к) *D. Terstenjak*: Ruskoslovansko slovstvo. (Zora, Maribor, 1876, № 7). л) *(Matija Majar)*: „Slavjan". (Celovec). 1875, № 8. м) *Št. Kociančič*: „Glas" (Gorica). 1875, № 17. н) *Marinelli*: „Giornale di Udine". 1875. о) *(A.*

«Родился $^{1}/_{13}$ марта 1845 г. въ мѣстечкѣ Радзыминѣ, варшавской губерніи, въ Царствѣ Польскомъ. Отецъ его — землемѣръ б. Коммиссіи финансовъ

Święłochowski): Listy z Niemiec. (Tydzień. Lwów. 1875, № 21). п) *Pajk:* „Vestnik". (Maribor). 1876. р) *P. Tomić:* „Narodne Novine". (Zagreb). 1875, maj. с) *P. Tomić:* „Slovenski Narod". (Ljubljana). 1875, maj.

4) *Uebersicht der slavischen Sprachenwelt* (№ 10): а) *T. T. Jeż:* Ze Świata. (Przegląd tygodniowy. Warszawa. 1844. № 22). б) *Jagić:* „Archiv für slavische Philologie". VIII. 1885, стр. 134 сл. в) *Appel-Kryński:* „Prace filologiczne". I. 1885, стр. 564 сл.

5) *Vermenschlichung der Sprache* (№ 12): а) *H. Bohatta:* „Oesterreichisches Litteraturblatt", Wien, 1894, Nr. 16. б) „Blätter für litterarische Unterhaltung", 1894, 15 März. в) *G. Korbutt:* „Ateneum", Warszawa, 1894, maj. г) *E. K.:* „Uduchowienie mowy" (Przegląd pedagogiczny, Warszawa, 1893, № 20).

6) *Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ* (№ 15): *Appel-Kryński:* Prace filologiczne. I. 1885, стр. 551 сл.

7) *Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ* (№ 16): *Jagić:* „Archiv für slav. Philol.". VI. 1882, стр. 291.

8) *Глоттологическія замѣтки* (№ 17): а) *V. Jagić:* „Archiv für slav. Philol." II. 1877, стр. 750. б) *L. Leger:* „Revue critique". 1877, № 27. в) *D. Terstenjak:* „Slovenski Narod". 1878, № 136.

9) *Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка* (№ 18): *Jagić:* „Archiv für slav. Philol.". VI. 1882, стр. 626 сл.

10) *Изъ лекцій по латинской фонетикѣ* (№ 19): а) *И. Нетушилъ:* „Филологическое Обозрѣніе", Москва, 1893, V. б) *G. Loschi:* Un libro russo sulla fonetica latina" (Cittadino Italiano, Udine, 30 dicembre 1893).

11) *Нѣкоторые отдѣлы „сравнительной грамматики" славянскихъ языковъ* (№ 20): а) *В. К.* въ „Журналъ Министерства Народ. Просв.". 1881, октябрь. б) „Przegląd tygodniowy. (Warszawa), 1881. № 37. в) *Jagić:* „Archiv für slavische Philologie", VI, 1882. стр. 136.

12) *Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію* (№ 23): *L. Leger:* „Revue critique", Paris, 1877, № 4.

13) *Подробныя программы лекцій* (№№ 24, 25): а) *Jagić:* „Archiv für slavische Philologie". III, 1879, стр. 532; VI, 1882, стр. 138. б) *М. Колосовъ:* „Русскій Филолог. Вѣстникъ". (Варшава). I, 1879. в) *А. Смирновъ:* „Русск. Филол. Вѣстн.". VI. 1881. г) *Appel-Kryński:* „Prace filologiczne". I, 1885, стр. 553. д) *А. Хованскій* въ „Фил. Зап." 1878 г. в. IV.

14) *List do prof. Łepkowskiego* (№ 29): *Albin Kohn,* Die Mikorzyner Runensteine (Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1876, VI).

15) *Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination* (№ 46): а) *Appel-Kryński:* „Prace filologiczne". I, 1885, стр. 597. б) Краткая оцѣнка въ рецензіи *Bgm.* (*Brugmann'a*) брошюры „*Kruszewski:* Ueber die Lautabwechslung", (Literarisches Centralblatt, Leipzig, 1882, № 12).

16) *Note glottologiche* (№ 61): *Jagić:* „Archiv für slav. Philol.". VI. 1882, стр. 137.

17) Z *powodu jubileuszu prof. Duchińskiego* (№ 70): а) *А. Н. Пыпинъ:* Тенденціозная этнографія („Вѣстникъ Европы". 1887, I, январь). б) *(B. Wydżga):* Etnografja patryotyczna. (Kraj. Petersburg. 1886, №№ 39, 40, 41). в) *L. Rzepecki:* Dwojaka

Царства Польскаго, впослѣдствіи же частный землемѣръ, — одно время занимался тоже публицистикой; мать — Ядвига урожденная Добржинская (Dobrzyńska), дочь польскаго помѣщика. И. А. Б. по вѣроисповѣданію католикъ, по національности—полякъ, но родъ отца французскаго происхожденія. По преданію и до извѣстной степени по соображеніямъ на основаніи историческихъ документовъ, родоначальникомъ рода Бодуэновъ-де-Куртенэ, вымершаго во Франціи еще въ 1730 г. и, со временъ короля польскаго Августа II, существующаго только въ Польшѣ, является Петръ Французскій (Pierre de France), третій сынъ Людовика VI-го, Капетинга, прозваннаго «Толстымъ» (Louis VI le Gros). Женившись на Изабеллѣ де-Куртенэ и де-Монтаржи (Isabella de Courtenay et de Montargis), послѣдней наслѣдницѣ имени и имѣнія рода де Куртенэ (de Courtenay), Петръ Французскій принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ гербъ и фамилію жены. Прибавка имени «Бодуэнъ» (Baudouin)—болѣе поздняго происхожденія и она встрѣчается первоначально въ той вѣтви рода, которую начинаетъ Балдвинъ (Balduin, Baudouin) де Куртенэ, графъ Фландрскій (императоръ Константинопольскій послѣ 4-го крестоваго похода). Его крестное имя, Балдвинъ (Baudouin), стало впослѣдствіи чѣмъ-то въ родѣ прозвища, сначала одной только вѣтви всего рода, и затѣмъ, вѣроятно послѣ прекращенія его прямыхъ потомковъ, и другихъ, родственныхъ вѣтвей.

Размноженіе рода де Куртенэ и раздробленіе имѣній уменьшали постепенно его значеніе. Одною же изъ главныхъ причинъ разоренія и паденія рода былъ громадный процессъ, затѣянный всѣми жившими въ началѣ XVII-го вѣка пред-

---

odwaga. („Warta“ Poznań. 1886, №№ 621, 622, 623). г) „Gazeta Radomska“, 1886, № 48. д) „Новое Время“, 1886, № 3740.

18) *Przyczynek do historyi blagi warszawskiej* (№ 72): и *Groch na ścianę* (№ 73). а) „Gazeta Kielecka“. 1875, № 71. б) „Tygodnik illustrowany. (Warszawa). 1875, № 403. в) „Kłosy“. (Warszawa), 1875, № 531. г) „Wiek“. (Warszawa), 1875, №№ 190, 236. д) „Przegląd tygodniowy“. (Warszawa), 1875, №№ 37, 43. е) „Niwa“. (Warszawa), 1875, №№ 17, 19. ж) „Kurjer Warszawski“. 1875. №№ 230, 231, 232.

19) *Ksiądz Antoni Juszkiewicz* (№ 121): Ks. *E. K.*: „Przegląd katolicki“. (Warszawa). 1881, № 6.

20) *Нѣсколько словъ по поводу „общеславянской азбуки“* (№ 129): а) „Dziennik Poznański“. 1871. б) *А. Н. Пыпинъ* въ статьѣ „Литературный панславизмъ“. („Вѣстникъ Европы“. 1879, V. сентябрь, стр. 310—316).

21) *Труды филологическіе и лингвистическіе, помѣщенные въ изданіи „Rad“* (№ 148): *P. Tomić:* „Narodne Novine“. (Zagreb). 1879, №№ 140, 141.

22) *Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ Славянъ* (№ 158): *А. Будиловичъ,* Нѣсколько словъ въ отвѣтъ моимъ рецензентамъ. („Русскій Филологическій Вѣстникъ“. Варшава. III. 1880).

23) *„Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (А. Кочубинскаго“* (№ 165): *Jagić*: „Archiv für slavische Philologie“. III, 1879, стр. 731.

24) *Rozbiór Gramatyki polskiej księdza Malinowskiego* (№ 173): *A. A. Kryński*: „Przegląd krytyczny“. (Kraków), 1875, № 7.

ставителями рода противъ короля Генриха IV-го, съ цѣлью заставить его возвратить имъ права принцевъ крови и связанныя съ этимъ привилегіи. Не смотря однакоже на юридическую правоту, признанную всѣми выдающимися юристами и богословами Европы (Германіи, Италіи, Англіи, Даніи) и даже Аргентинской республики, господа де-Куртенэ должны были подчиниться общей участи французскихъ вельможъ, въ виду совершавшагося съ необыкновенною быстротой и энергіей процесса централизаціи государства. Такимъ образомъ представители рода де-Куртенэ приближаются быстрыми шагами къ полному разоренію, и имена разныхъ де-Куртенэ все чаще и чаще украшаются прибавкою «sine tera» (безъ земли). Въ началѣ XVIII-го в. остались еще только незначительныя владѣнія въ Бретани, не бывшія въ состояніи удовлетворить прихоти одного изъ послѣднихъ представителей рода, князя Генриха Рогера (Henri Roger) Бодуэнъ-де-Куртенэ, надоѣдавшаго своими притязаніями королю Людовику XV-му и наконецъ скончавшагося безъ потомства.

Другой представитель этого рода, не имѣя никакой надежды на составленіе блестящей карьеры во Франціи, ищетъ счастія за границею и попадаетъ къ королю польскому Августу II-му, который и назначаетъ его, въ чинѣ полковника артиллеріи, начальникомъ своей придворной иностранной гвардіи.

Наконецъ, третій Бодуэнъ-де-Куртенэ, по имени Петръ Гавріилъ (Piotr Gabryjel) (род. 1689 г. въ гор. *Avesnes* во французской Фландріи, ум. 1768 г. въ Варшавѣ), родной братъ только что названнаго полковника, побывавъ тоже на военной службѣ, дѣлается уже въ 1710 г. священникомъ, поступаетъ въ орденъ «миссіонеровъ» въ Парижѣ и, прибывъ въ 1717 г. въ Варшаву, воодушевленный желаніемъ облегчить въ своемъ новомъ отечествѣ страданія покидаемыхъ родителями незаконныхъ дѣтей, напрягаетъ всѣ свои силы и всю свою энергію для достиженія этой цѣли и, наконецъ, посредствомъ доброхотныхъ пожертвованій, основываетъ въ Варшавѣ знаменитую «Больницу Младенца Іисуса» (*Szpital Dzieciątka Jezus*) для подкидышей.

Со времени переселенія въ Польшу этихъ двухъ братьевъ и смерти безпотомно скончавшагося во Франціи въ 1730 г. Генриха Рогера, родъ Бодуэновъ-де-Куртенэ существуетъ только въ Польшѣ.

Однимъ изъ предковъ рода Бодуэновъ-де-Куртенэ былъ, по преданію. знаменитый крестоносецъ Жоселенъ-де-Куртенэ (Josselin-de-Courtenay), графъ Эдесскій, убившій будто бы льва во время турнира въ присутствіи короля и получившій за это гербъ съ изображеніемъ льва и съ девизомъ «*terrassé*» (поваленный).

Сынъ переселившагося въ Польшу полковника артиллеріи и прадѣдъ Ивана Александровича, тоже Иванъ (Jan) Бодуэнъ-де-Куртенэ былъ каммергеромъ или шамбелланомъ и совѣтникомъ двора (conseiller de la cour) послѣдняго польскаго короля, Станислава Августа Понятовскаго, въ послѣдствіи же занимался съ увлеченіемъ животнымъ магнетизмомъ или по имени тогдашняго главнаго пред-

ставителя этого способа лѣченія, Месмера, «*месмеризмомъ*». Онъ извѣстенъ въ польской литературѣ какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій о «*месмеризмѣ*» и переводчикъ Мольера и другихъ произведеній. (Умеръ 1822 г.).

И. А. Б.-де-К. первоначальное воспитаніе получилъ дома подъ руководствомъ матери и отца. Въ 1856 г. поступилъ въ третій классъ варшавской реальной гимназіи, безъ древнихъ языковъ, и только латинскому языку обучался по собственному желанію въ 4-омъ и 5-омъ классѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами, у одного изъ преподавателей въ неурочные часы. Учился хорошо и проявлялъ особенную любовь и способность къ математикѣ.

Изъ 6-го класса реальной гимназіи Б-де-К. перешелъ въ 1861 г. въ такъ наз. «Приготовительные курсы», имѣвшіе цѣлью подготовить учениковъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ основывавшемся тогда маркизомъ Велёпольскимъ польскомъ университетѣ или въ такъ назыв. «Варшавской Главной Школѣ». Первоначально Б.-де-К. намѣревался поступить на физико-математическій факультетъ; но, благодаря лекціямъ одного изъ преподавателей «Приготовительныхъ курсовъ», профессора методологіи и энциклопедіи академическихъ наукъ, Плебанскаго (Plebański), еще 16-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ порѣшилъ заниматься языковѣдѣніемъ, и въ особенности славянскими языками.

Въ 1862 г. Б-де-К. поступилъ во вновь открытую варшавскую Главную Школу и, вопреки желанію отца, на историко-филологическій факультетъ. По раздѣленіи факультета въ 1864 г. на три отдѣленія, Б.-де-К. избралъ отдѣленіе славянской филологіи.

Благотворное въ научномъ отношеніи вліяніе имѣли на Б.-де-К. болѣе всего Ф. В. Квѣтъ (F. B. Květ), І. Пржиборовскій (J. Przyborowski) и В. Ю. Хорошевскій. Но Б. не можетъ считать себя ученикомъ ни одного изъ нихъ, ибо уже въ варшавскомъ университетѣ, какъ и впослѣдствіи, онъ былъ по преимуществу автодидактомъ въ области языковѣдѣнія. Будучи еще варшавскимъ студентомъ, Б. сталъ заниматься болѣе или менѣе самостоятельно физіологіей звуковъ, санскритомъ, языкомъ литовскимъ и славянскими языками, въ особенности собирая съ большимъ усердіемъ матеріалъ для исторіи польскаго языка. Изученіе сочиненій Штейнталя и другихъ философовъ-лингвистовъ, продолжавшееся и впослѣдствіи, повліяло на расширеніе умственнаго кругозора Бодуэна и на развитіе въ немъ глубокаго убѣжденія о психическомъ характерѣ языка.

Въ 1866 Б.-де-К. окончилъ Главную Школу со степенью магистра историко-филологическихъ наукъ. Въ 1867 г., благодаря ходатайству В. Ю. Хорошевскаго и В. М. Бѣлозерскаго, былъ командированъ тогдашнимъ предсѣдателемъ Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, Ѳ. Ѳ. Витте, за границу, для приготовленія къ профессорской дѣятельности именно въ Варшавѣ. [Впослѣдствіи оказалось, что нечего было готовиться къ профессорской дѣятельности въ Варшавѣ, потому что Б.-де-К., какъ полякъ, не могъ получить

мѣста въ варшавскомъ русскомъ университетѣ, передѣланномъ изъ польскаго въ 1869 г.].

За границею Б.-де-К. провелъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Прагѣ, затѣмъ зимній семестръ 1867—1868 въ Іенѣ, посѣщая тамъ главнымъ образомъ лекціи Авг. Шлейхера по разнымъ отдѣламъ сравнительной грамматики и, между прочимъ, тоже лекціи знаменитаго естественника Гэкеля, изучая одновременно съ этимъ нѣкоторыя сочиненія о дарвинизмѣ; наконецъ, лѣтній семестръ 1868 Б.-де-К. провелъ въ Берлинѣ, слушая тамъ лекціи А. Вебера по ведаическому санскриту, на дому же занимаясь почти исключительно изученіемъ Ригъ-Веды и Сама-Веды.

Въ 1868 г. Б-де-К. былъ командированъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа, тѣмъ же Ѳ. Ѳ. Витте, въ Петербургъ и Москву, для усовершенствованія въ избранной имъ отрасли наукъ и для полнаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ. Въ Москву Б. не попалъ и долженъ былъ ограничиться однимъ только Петербургомъ.

Въ Петербургѣ Б-де-К. пробылъ въ качествѣ стипендіата варшавскаго учебнаго округа болѣе двухъ лѣтъ, работая тамъ по преимуществу подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго. Это руководство не могло повліять благотворно на научное развитіе Б—а. Измаилъ Ивановичъ, хотя и относился къ нему какъ къ человѣку съ полнымъ сочувствіемъ, былъ къ нему расположенъ и находился съ нимъ всегда въ очень хорошихъ личныхъ отношеніяхъ, но за-то, съ другой строны, не только не признавалъ той науки, которой Б. хотѣлъ посвятить свою дѣятельность, но даже относился къ ней насмѣшливо и съ презрѣніемъ. Для И. И. Срезневскаго не существовало вовсе настоящаго языковѣдѣнія и сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Всю задачу филолога и лингвиста онъ видѣлъ въ составленіи словарей и изданіи памятниковъ, считая всякое обобщеніе, всякую болѣе смѣлую научную мысль вполнѣ излишнею и даже вредною забавой. Послѣ этого не мудрено, что Б-де-К., начавшій еще за границей въ 1868 г. свою литературно-научную дѣятельность именно въ направленіи обобщеній, былъ теперь сильно парализованъ въ этихъ своихъ стремленіяхъ.

Въ Петербургѣ Б-де-К. посѣщалъ тоже лекціи К. А. Коссовича по санскриту и зенду.

Лѣтомъ 1870 г. Б-де-К. уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, въ Лейпцигъ, гдѣ, между прочимъ, выдержалъ докторскій экзаменъ и на основаніи этого экзамена и представленія раньше напечатанныхъ трудовъ былъ удостоенъ степени доктора философіи. Эта степень была ему необходима для того, чтобы быть допущеннымъ въ Петербургѣ къ испытанію на степень магистра; а то, такъ какъ степень магистра варшавской Главной Школы вовсе не признавалась, пришлось бы держать кандидатскій экзаменъ. Одновременно съ этимъ Б. напечаталъ въ Лейпцигѣ свою магистерскую диссертацію «*О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го ст.*», по публичномъ защищеніи которой осенью 1870 г.

въ Петербургѣ, получилъ степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія, и въ концѣ того же года былъ допущенъ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Пет. университета къ чтенію лекцій по сранительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ въ качествѣ приватъ-доцента. Б-де-К. былъ первымъ преподавателемъ, читавшимъ въ Петербургѣ лекціи по этому предмету; И. П. Минаевъ былъ избранъ доцентомъ по этой каѳедрѣ уже послѣ него.

Во второй половинѣ 1871 г. Б.-де-К. состоялъ тоже преподавателемъ русскаго, церковно-славянскаго и латинскаго языковъ въ частной гимназіи Н. А. Соколова.

Пробывъ годъ въ званіи приватъ-доцента петербургскаго университета, Б. былъ опять командированъ въ началѣ 1872 г. за границу, гдѣ два года получалъ стипендію министерства народнаго просвѣщенія, третій же годъ жилъ на собственныя средства.

Въ весенніе мѣсяцы 1873 г. Б-де-К. познакомился съ миланскимъ профессоромъ и знаменитымъ лингвистомъ Асколи (Ascoli) и посѣщалъ тоже его лекціи въ тамошнемъ (миланскомъ) историко-филологическомъ факультетѣ.

Въ 1874 г. казанскій университетъ избралъ В—а доцентомъ по каѳедрѣ сравнительной грамматики и санскрита, не занятой прежде никѣмъ со времени самаго изданія университетскаго устава 1863 г.

Въ 1875 г. Б-де К. защитилъ въ Петербургѣ докторскую диссертацію, «*Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ*», и былъ удостоенъ степени доктора сравнительнаго языковѣдѣнія.

Въ томъ же году онъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ казанскомъ университетѣ и продолжалъ ее вплоть до 1883 года.

Въ концѣ 1875 г. повышенъ въ экстраординарные профессора, осенью же 1876 г. въ ординарные.

По инициативѣ, между прочимъ, Б—а, историко-филологическій факультетъ казанскаго университета былъ раздѣленъ въ 1878 г. съ 3-го курса на три отдѣленія: классической филологіи, славянской филологіи и историческое.

Въ 1878 г. Б. участвовалъ въ 4-омъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ во Флоренціи.

Въ 1881 г. Б. отправляется, для поправленія здоровья и для научныхъ изслѣдованій, за границу и проводитъ тамъ, а именно въ Венеціи (гдѣ былъ депутатомъ отъ имени казанскаго университета на 3-емъ международномъ географическомъ съѣздѣ), въ Парижѣ и въ Лейпцигѣ, весь учебный годъ 1881—1882. Между прочимъ, онъ занимался тогда въ Лейпцигѣ, кромѣ обработки своихъ діалектологическихъ матеріаловъ, тоже кельтскимъ языкомъ (у Виндиша, Windisch) и ляринигоскопіей (у Гагена, Hagen).

Съ 1876 по 1880 г. Б—де К. состоялъ тоже сверхштатнымъ преподавателемъ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій въ казанской духовной академіи. Въ теченіе же цѣлыхъ двухъ лѣтъ 1878 и 1879 читалъ въ универси-

тетѣ безвозмездно нѣмецкій языкъ за командированнаго за границу лектора, Л. З. Колмачевскаго.

Въ 1883 г. Б-де-К. переходитъ въ Дерптъ на вновь открытую тамъ каѳедру сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Въ Дерптѣ онъ оставался до лѣта 1893 года, когда переселился въ Краковъ, въ качествѣ прежде всего академика краковской Академіи Наукъ. Съ февраля по ноябрь 1894 г. Б. состоялъ предсѣдателемъ антропологической коммиссіи этой академіи, съ октября же 1894 г. онъ читаетъ въ краковскомъ (Ягеллёнскомъ) университетѣ лекціи по сравнительному языковѣдѣнію, съ званіемъ титулярнаго ординарнаго профессора (т.-е. по вольному найму).

Въ Казани Б. изучалъ, между прочимъ, языки алтайскій (у В. В. Радлова) и чувашскій (у Н. И. Золотницкаго), въ Дерптѣ же — эстонскій (у М. П. Веске), латышскій (у Я. И. Лаутенбаха) и армянскій (у природнаго армянина, студента университета, Парсадана Теръ-Мовсесіанца).

Начало *литературной дѣятельности* Бодуэна приходится на 1865 г., когда онъ, еще будучи студентомъ Варшавской Главной Школы, выступилъ съ двумя брошюрами: одна изъ нихъ заключала въ себѣ переводъ съ чешскаго на польскій статьи Пуркинѣ (Purkyně); другая же была самостоятельною полемическою брошюрой, направленною противъ отзывовъ варшавскихъ газетъ о той брошюрѣ.

Пристрастіе къ полемикѣ и публицистическимъ выходкамъ — одна изъ характерныхъ чертъ литературной дѣятельности Бодуэна-де-Куртенэ, повредившая ему очень много какъ въ практическомъ, такъ и въ научномъ отношеніи: съ одной стороны она надѣлала ему враговъ или, по крайней мѣрѣ, недоброжелателей, съ другой же стороны она отвлекала его отъ спокойныхъ и чисто-теоретическихъ умственныхъ занятій, которыя должны бы стоять гораздо выше всѣхъ полемическихъ и публицистическихъ затѣй.

Рядомъ съ этою полемическою и вообще публицистическою дѣятельностью Бодуэна, отъ которой вышло очень мало пользы какъ для него самого, такъ и для другихъ, слѣдуетъ отмѣтить двѣ болѣе серьезныя стороны его публичной дѣятельности, именно: его дѣятельность какъ университетскаго преподавателя и, затѣмъ, его дѣятельность какъ ученаго и изслѣдователя. Но и эти двѣ стороны дѣятельности Б—а принесли далеко не ту пользу, какой можно бы отъ нихъ ожидать сравнительно съ громаднымъ количествомъ потраченнаго на нихъ труда и времени. Главная же причина этой неудачи: — неумѣнье работать систематически и сосредоточенно, но за то удивительное, хотя и весьма незавидное, умѣнье разбрасываться, хватаясь то за то, то за другое, умѣнье начинать за разъ множество работъ и доводить до конца только незначительную часть ихъ. Это находится въ связи съ отсутствіемъ способности сообщать своимъ научнымъ произведеніямъ законченный, округленный видъ.

Такъ, въ качествѣ профессора, Б. де-К. читалъ очень много лекцій самаго

разнообразнаго содержанія, но почти ни одного своего курса не довелъ, какъ слѣдуетъ, до конца. Одни отдѣлы науки излагалъ слишкомъ обширно, другіе же слишкомъ сокращенно, или же даже вовсе ихъ не излагалъ. Не придерживаясь никогда ни одного руководства и даже вообще ни одного готоваго ученія, Б-де-К. старался каждый изъ своихъ теоретическихъ курсовъ вести вполнѣ самостоятельно. Но такъ какъ у него не было никогда времени обрабатывать всесторонне подобные самостоятельные курсы, то они и выходили у него неотдѣланными и не законченными. Съ точки зрѣнія непосредственной пользы слушателей было бы, пожалуй, умѣстнѣе ограничиваться умѣлою передачей готовыхъ руководствъ и чужихъ воззрѣній, нежели гоняться за самостоятельностью, состоящею въ изложеніи своихъ собственныхъ взглядовъ, хотя, можетъ быть, и вполнѣ справедливыхъ, но не проведенныхъ въ частностяхъ и не провѣренныхъ цѣлымъ рядомъ фактовъ. У Бодуэна стояла всегда на первомъ планѣ научная пропаганда его собственнаго ученія, и вслѣдствіе этого его ученики не получали никогда полной картины даннаго отдѣла науки.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что для своихъ учениковъ и вообще слушателей Бодуэнъ никогда не щадилъ времени и иногда, какъ это бывало въ Казани, кромѣ шести обязательныхъ теоретическихъ лекцій въ университетѣ и четырехъ лекцій въ духовной академіи, удѣлялъ еще у себя на дому до шести или даже семи часовъ въ недѣлю для практическихъ занятій [1]).

Одинъ отдѣлъ этихъ практическихъ занятій, т.-е., съ одной стороны, чтеніе рефератовъ о выдающихся сочиненіяхъ, съ другой же стороны, сообщеніе собственныхъ работъ и соображеній участвовавшихъ, развился въ извѣстнаго рода лингвистическое общество, въ которомъ принимали участіе нетолько настоящіе и бывшіе слушатели Бодуэна, но даже посторонніе ученые.

Въ научной, не преподавательской, дѣятельности Бодуэна слѣдуетъ различать, во-первыхъ, дѣятельность научно-литературную, во-вторыхъ же, діалектологическія изслѣдованія въ средѣ народа.

О первой изъ нихъ, т.-е. о дѣятельности научно-литературной, можно себѣ составить приблизительное представленіе по прилагаемому при этомъ списку сочиненій и статей. Для общаго руководства слѣдуетъ замѣтить, что научныя сочиненія Б—а преимущественно лингвистическаго содержанія, хотя есть тоже между ними нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ по этнографіи и фолклористикѣ (народовѣдѣнію) вообще. Между лингвистическими же слѣдуетъ отмѣтить сочиненія и статьи: 1) общелингвистическаго содержанія, дающія или обобщеніе фактовъ извѣстнаго порядка, или же общій взглядъ на извѣстную область науки, 2) посвященныя преимущественно изслѣдованію и обработкѣ па-

---

[1]) Какъ были ведены эти практическія занятія, можно видѣть, между прочимъ, изъ напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Университета" 1882 г. *Отчета Н. Крушевскаго о занятіяхъ сравнительнымъ языкознаніемъ* за время отъ 15 декабря 1878 г. по 1 октября 1879 г.

мятниковъ языка, 3) занимающіяся изслѣдованіемъ народныхъ говоровъ и сообщеніемъ матеріаловъ по этой части, 4) подробныя программы университетскихъ лекцій. [Составленіе и изданіе подобныхъ программъ отнимаетъ у автора чрезвычайно много времени, наукѣ же не приноситъ почти никакой пользы, а слушателямъ приноситъ пользу крайне сомнительную.]

Изслѣдованію народныхъ говоровъ въ средѣ самого народа Б-де-К. предавался съ особеннымъ увлеченіемъ и даже слишкомъ усердно. Желая быть до нельзя добросовѣстнымъ и обстоятельнымъ, Б., съ одной стороны, никакъ не могъ достигнуть настоящей точности и обстоятельности, съ другой же стороны, набиралъ столько матеріала, что долженъ былъ впослѣдствіи падать подъ его тяжестью, такъ что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не въ состояніи справиться даже съ частью этого громаднаго матеріала. Вращаясь въ средѣ народа, Б. съ лихорадочною жадностью записывалъ все, что̀ слышалъ, боясь выпустить хоть одно слово; а само собою разумѣется, что подобное «фотографированье», слышимаго съ помощью невооруженнаго уха никогда не можетъ быть вполнѣ точнымъ. Затѣмъ, Б. старался посѣщать по возможности больше мѣстностей, относящихся къ извѣстному говору, съ цѣлью отмѣтить по возможности всѣ оттѣнки произношенія даже между отдѣльными деревнями; а подобная мелочность и научный педантизмъ отвлекаютъ вниманіе отъ болѣе важныхъ и существенныхъ діалектическихъ признаковъ, да кромѣ того заставляютъ ограничиваться только малымъ числомъ говоровъ, не позволяя расширять круга наблюденій. Но все-таки Б—у удалось изучить и отчасти даже открыть довольно много прежде неизвѣстныхъ народныхъ говоровъ. Такъ, во время своей командировки 1872 и 1873 гг., онъ изучилъ подобнымъ образомъ въ сѣверной Италіи и въ юго-западныхъ провинціяхъ Австріи около двадцати группъ южно-славянскихъ говоровъ и даже одинъ романскій говоръ. Свои діалектологическія изслѣдованія въ названныхъ земляхъ Б. продолжалъ въ вакаціонное время 1877, 1878, 1879, 1890, 1892 и 1893 гг. Кромѣ того онъ изучалъ на мѣстѣ нѣкоторые литовскіе говоры въ 1875 и 1885 гг.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о наблюденіяхъ Б—а надъ языкомъ дѣтей и надъ языкомъ «дисфатиковъ» (неправильно называемыхъ «афатиками»), т.-е. людей съ патологическими уклоненіями въ рѣчи. Въ особенности же съ 1885 г., Б. ведетъ весьма точныя и подробныя наблюденія надъ языковымъ и вообще психическимъ развитіемъ своихъ собственныхъ дѣтей.

Въ 1871 г. историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра избралъ Б—а единогласно доцентомъ по каѳедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ; но выборъ факультета встрѣтилъ сильную оппозицію въ совѣтѣ, мотивированную единственно тѣмъ, что Б., какъ полякъ, былъ бы опаснымъ въ Кіевѣ.

Въ 1874 г. краковскій университетъ приглашалъ Б—а ординарнымъ профессоромъ на каѳедру славянской филологіи. Б., конечно, съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью принялъ это предложеніе, но, будучи обязаннымъ отслуживать въ Россіи выдававшуюся ему въ теченіе двухъ лѣтъ министерскую стипендію, онъ могъ исполнить желаніе краковскаго университета только въ такомъ случаѣ, еслибы русское правительство освободило его отъ обязательствъ. Въ подобномъ освобожденіи было отказано, и такимъ образомъ и Б. долженъ былъ отказаться отъ лестнаго предложенія краковскаго университета.

Въ 1883 г. сербское министерство народнаго просвѣщенія спрашивало Б—а, не желаетъ ли онъ опредѣлиться на каѳедру русскаго языка и словесности, въ связи съ языкомъ и литературою другихъ славянскихъ народовъ, въ бѣлградской «Высокой Школѣ»; но изъ этого предложенія ничего не вышло.

Получивъ въ 1885 г. предложеніе перейти изъ Дерпта въ Харьковъ на каѳедру сравнительной грамматики и санскрита, Б. предпочелъ остаться въ Дерптѣ.

Въ концѣ 1881 г. Б. былъ избранъ пожизненнымъ членомъ парижскаго лингвистическаго общества (Société de linguistique de Paris), въ 1887 году дѣйствительнымъ членомъ краковской академіи наукъ и, наконецъ, въ 1890 г. членомъ кореспондентомъ Литовскаго литературнаго общества (Litauische litterarische Gesellschaft) въ Тильзитѣ.

Въ 1876 г. Б. получилъ отъ С.-Петербургской императ. академіи наукъ Уваровскую премію за свою докторскую диссертацію, «*Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ*», и за другіе труды о славянахъ въ сѣверной Италіи, въ 1878 же г. золотую уваровскую медаль за критическій разборъ одного изъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе таковой же преміи.

На торжественномъ праздновании 50-ти-лѣтняго юбилея «Ученаго Эстонскаго Общества» (Estnische Gelehrte Gessellschaft) 18 января 1888 г. Б., какъ почетный членъ нынѣ упраздненнаго дерптскаго Эстонскаго общества грамотности (Eesti Kirjameeste Selts), былъ однимъ изъ представителей этого послѣдняго и произнесъ отъ его имени поздравительную рѣчь.

Матеріаломъ для характеристики научнаго развитія и научной дѣятельности Б. де К. можетъ служить слѣдующее извлеченіе изъ письма его къ покойному *Ф. Техмеру* (Dr. F. Techmer), доценту лейпцигскаго университета и редактору «Internationale Zeitscrhift für Allgemeine Sprachwisseschaft», отъ 21 сентября 1884 г.:

„..... Своими психологически-лингвистическими идеями я не обязанъ ни Лескину (Leskien), ни Шереру (Scherer).

Мысль о необходимости объяснять языковыя измѣненія посредствомъ такъ называемой аналогіи я возымѣлъ приблизительно въ 1866 г., будучи еще студентомъ тогдашняго польскаго университета въ Варшавѣ. Какъ я къ этому дошелъ, я не могу объяснить. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Значительное большинство нашихъ

мыслей зарождается въ насъ вполнѣ безсознательно и мы не въ состояніи возстановить хоть приблизительно способъ ихъ возникновенія. Что тогдашніе представители языковѣдѣнія въ варшавскомъ университетѣ,—хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ Квѣтъ (чешскій языкъ) и Пржиборовскій (польскій языкъ), были очень почтенными учеными,—въ этомъ вовсе не повинны, разумѣется само собою, такъ какъ вѣдь имъ было совершенно чуждо психологическое объясненіе языковыхъ явленій. Точно такъ же нельзя допустить вліяніе тогдашняго профессора философіи, ибо его психологическія, какъ и всѣ остальныя лекціи были построены на апріорныхъ началахъ и никоимъ образомъ не могли быть примѣнены къ объясненію явленій языка. Самостоятельно же я не занимался тогда вовсе чистою психологіей и, слѣдовательно, изъ психологическихъ сочиненій не могъ почерпнуть импульса въ этомъ именно направленіи. (Да впрочемъ, какъ извѣстно, чисто психологическія сочиненія, въ особенности тогдашняго времени, языкомъ занимаются очень мало).

За то въ высшей степени вѣроятно, что разсѣянныя въ различныхъ, изучаемыхъ мною тогда, лингвистическихъ трудахъ объясненія отдѣльныхъ языковыхъ фактовъ съ помощью „аналогіи" способствовали болѣе всего развитію во мнѣ убѣжденія о необходимости распространить этотъ способъ объясненія на всѣ явленія языка. Ибо вѣдь нельзя отрицать, что лингвисты уже давно прибѣгали къ помощи „аналогіи", хотя только спорадически и совершенно произвольно, и хотя они вовсе не понимали, что вся жизнь языка можетъ быть объяснена только посредствомъ „аналогіи", т.-е. посредствомъ безконечнаго ряда ассоціацій.

Чтеніе сочиненій Штейнталя (Steinthal) должно было тоже сдѣлать свое дѣло. Хотя Штейнталь непосредственно объ „аналогіи" говоритъ очень немного, но тѣмъ не менѣе онъ наводитъ на нее самъ собою, такъ какъ безпрестанно подчеркиваетъ психическую природу языка и необходимость психологическаго объясненія языковыхъ явленій. А такъ какъ идеи Штейнталя развились по преимуществу подъ вліяніемъ безсмертныхъ произведеній Вильгельма фонъ Гумбольдта, то очевидно, что въ концѣ концовъ возникновеніемъ въ моей головѣ мысли объ объясненіи языковыхъ измѣненій посредствомъ „аналогіи" я обязанъ, по крайней мѣрѣ отчасти, В. фонъ Гумбольдту.

Еще варшавскимъ студентомъ занимался я совсѣмъ спеціально исторіею польскаго склоненія и собиралъ матеріалъ по этой части изъ польскихъ памятниковъ разныхъ столѣтій. При этомъ головѣ, не помраченной еще схоластикою и формализмомъ, должна была сама собою навязываться мысль, что слѣдовавшія другъ за другомъ и отражающіяся въ памятникахъ измѣненія формъ склоненія не могутъ быть вовсе объяснены фонетически, и что ихъ можно объяснить только чисто психологическимъ путемъ, черезъ „перенесеніе формъ" („Formübertragung") или „аналогію".

Собранный и частью упорядоченный матеріалъ я повезъ съ собою въ 1867 г. въ Іену, гдѣ въ зимнемъ семестрѣ 1867—1868 г. я слушалъ лекціи Шлейхера. Мертвящій формализмъ Шлейхера и полное отсутствіе пониманія новыхъ языковыхъ явленій вызвали во мнѣ до извѣстной степени протестъ, выразившійся въ составленіи мною разсужденія *„Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination"*. Окончивъ этотъ трудъ въ *февралѣ 1868 г.*, я передалъ его Шлейхеру для напечатанія въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung".

Шлейхеръ принялъ эту работу и велѣлъ ее напечатать въ VI-омъ томѣ названнаго журнала. Она ему очевидно понравилась. По крайней мѣрѣ, въ разговорѣ съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ, онъ назвалъ ее „очень удачною" („sehr gediegene Arbeit"). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе врожденной ему нетерпимости, онъ никакъ не могъ отказать себѣ въ окалѣченіи моего труда. Дѣло вотъ въ чемъ:

Еще въ 1865 или 1866 г., будучи студентомъ въ Варшавѣ, я пробовалъ прими-

рить между собою различныя ученія объ основахъ склоненія въ славянскихъ языкахъ, и именно принимая сокращеніе „гласныхъ основъ“ (vocalische Stämme) (т.-е. основъ на—*a*,—*i*,—*u*) и ихъ измѣненіе или переходъ въ чисто „согласныя основы“ (consonantische Stämme). При этомъ я придерживался обще-методологическихъ основаній, состоящихъ въ томъ, что наука должна изслѣдуемый предметъ брать такимъ, каковъ онъ есть, не навязывая ему никогда неподходящихъ къ нему категорій. Эта, впрочемъ совершенно простая, мысль была для меня въ то время, т.-е. въ 1866 г., еще яснѣе и сознательнѣе, нежели мысль о дѣйствіи „аналогіи“ въ языкѣ, и я ее сообщилъ тогда же нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей.

Эту мысль я и развилъ въ введеніи къ своимъ „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“ и между прочими примѣрами я указалъ тамъ тоже на нѣмецкія окончанія —*er*,—*en* (Götter, Menschen...), развившіяся изъ частей прежнихъ основъ. Шлейхеръ не потерпѣлъ подобнаго введенія, прямо противорѣчившаго его ученію о неподвижности и неизмѣняемости основъ склоненія, и просто вычеркнулъ его изъ моей работы. Изъ всего этого введенія осталось только нѣсколько словъ.

Составляя это свое разсужденіе, „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“, я зналъ Лескина только по имени, какъ одного изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Шлейхера. Въ то время онъ напечаталъ еще весьма немного, и это немногое не принадлежало,—если не ошибаюсь,—ни славянской филологіи, ни языковѣдѣнію, но классической филологіи. Обнародованный въ томъ же VI томѣ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“ трудъ Лескина „Ueber den Dialekt der russischen Volkslieder des Gouvernements Olonec“ былъ составленъ только въ декабрѣ 1868 г., тогда какъ мое разсужденіе „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“ было готово и передано Шлейхеру еще въ февралѣ 1868 г. Я указываю на это потому, что въ работѣ Лескина примѣняется тоже „аналогія“ какъ средство объясненія, хотя далеко не въ той мѣрѣ и не такъ послѣдовательно, какъ въ моемъ разсужденіи.

О Шерерѣ (Scherer) я ничего не слыхалъ не только въ 1868 г., но даже долго послѣ этого, или, если я послѣ кое что и слышалъ, то не обратилъ на это вниманія. Это мое незнаніе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что я вовсе не германистъ, и, стало быть, заглавіе „Zur Geschichte der deutschen Sprache“ не могло обѣщать ничего, спеціально меня интересующаго, точно такъ же какъ германисты и романисты мало заботятся о книгахъ и статьяхъ, принадлежащихъ по заглавію спеціально славянской филологіи. Другою причиною этого моего невѣдѣнія является обстоятельство чисто личнаго характера. Я вообще читаю очень мало, а тогда я читалъ еще меньше, такъ что я былъ невѣжей даже въ областяхъ, гораздо ближе меня касающихся. Однимъ словомъ, на сочиненіе Шерера я обратилъ вниманіе только въ 1873 или даже въ 1874 г., да и то только на основаніи какой то критики или даже просто разговора съ однимъ изъ товарищей по спеціальности. Прочиталъ же я это сочиненіе только въ 1882 г. (!!).

Итакъ, оказывается, что я примѣнилъ „аналогію“ при объясненіи многихъ явленій въ исторіи польскаго склоненія совершенно независимо отъ Шерера и Лескина, точно такъ же какъ и въ своемъ послѣдовавшемъ затѣмъ научномъ развитіи я не подвергался ихъ вліянію. (Вліянію Шерера я ни подъ какимъ видомъ не подвергался; съ Лескинымъ же я былъ послѣ знакомъ въ теченіе извѣстнаго времени и обязанъ ему кое какими научными частностями, но мои научные принципы у него не заимствованы).

Лѣтомъ 1870 г. я получилъ въ Лейпцигѣ степень доктора философіи, на основаніи устнаго испытанія и представленіе моихъ уже ранѣе напечатанныхъ трудовъ. Между этими трудами разсужденіе „*Einige Fälle der Wirkung der Analogie*“ занимало главное мѣсто. Лескинъ, какъ главный офиціальный рецензентъ этой „докторской

диссертаціи", долженъ былъ прочитать ее внимательно, и она ему понравилась, тѣмъ болѣе, что онъ самъ имѣлъ уже на вѣрное тѣже идеи объ историческомъ развитіи формъ языка. Возможно тоже, что многочисленные примѣры, почерпнутые мною изъ памятниковъ въ доказательство высказанныхъ въ названномъ трудѣ выводовъ и соображеній, заставили Лескина стать рѣшительно на сторону психологическаго пониманія измѣненій языка. Этимъ я вовсе не умаляю полной самостоятельности и независимости Лескина. Вѣдь часто случается, что у человѣка появляется совершенно новая мысль, но онъ не имѣетъ храбрости высказать ее рѣшительно, пока не найдетъ подтвержденія ей у кого нибудь другого. Впрочемъ, очень возможно, что мое предположеніе о вліяніи на Лескина моихъ „*Einige Fälle*" совершенно невѣрно.

Моя собственная независимость была признана тоже *Бругманомъ* (*Brugman*) въ его рецензіи на брошюру *Крушевскаго*: „Ueber die Lautabwechslung" (Literarisches Centralblatt, 1882, № 12). Между прочимъ онъ тамъ говоритъ:

„In dem Vorwort sagt der Verfasser, einige Gedanken, die als Grundlage seiner Untersuchung dienten, rührten von seinem Lehrer Baudouin de Courtenay her und Referentergreift gern diese Gelegenheit, um zu constatieren (was in den methodologischen Schriften der letzten Jahre noch keinen Ausdruck gefunden hat), dass *dieser Gelehrte mit unter den ersten gewesen ist*, die die hohe Wichtigkeit des Analogieprincips nicht nur erkannten, sondern mit demselben auch in angemessener Weise operierten".

Въ 1870 г. я пріѣхалъ въ Лейпцигъ только въ концѣ лѣтняго семестра и уѣхалъ оттуда уже въ сентябрѣ, такъ что я могъ посѣтить тогда только нѣсколько лекцій Лескина. Сколько помнится, онъ читалъ тогда о древнеболгарскомъ (древнецерковнославянскомъ) языкѣ и не упоминалъ вовсе дѣйствія „аналогіи". Указывалъ ли вообще Лескинъ въ своихъ чтеніяхъ до 1870 г. на „аналогію" какъ на необходимое средство обясненія языкового развитія, мнѣ неизвѣстно. Зато я знаю достовѣрно, что послѣ онъ читалъ цѣлые курсы, основанные на этомъ принципѣ, и въ 1874 я имѣлъ случай посѣщать подобный его курсъ, именно „сравнительную морфологію славянскихъ языковъ". (Вмѣстѣ со мною слушали тотъ же курсъ только еще другіе спеціалисты по языковѣдѣнію—Пауль, Брауне, Мазингъ, и ни одного студента.) Названный курсъ былъ вообще крайне интереснымъ, но онъ не представлялъ для меня ничего существенно новаго.

Относительно всего этого спора изъ-за мнимаго первенства, я позволю себѣ замѣтить еще слѣдующее:

Мысль о необходимости психологическаго объясненія развитія языка могла возникнуть въ разныхъ головахъ приблизительно въ одно и то же время. Вѣдь сходныя причины, сходныя условія ведутъ обыкновенно къ сходнымъ результатамъ. Впрочемъ, примѣненіе принципа „аналогіи" къ языку далеко не столь великое открытіе нашего столѣтія, какими въ прежніе вѣка были, напримѣръ, открытіе дифференціальнаго исчисленія, открытіе закона тяготѣнія и т. п. Вѣдь это только весьма скромная мысль, и надо только удивляться, какъ на нее раньше не напали (не упоминая объ отдѣльныхъ, вполнѣ обособленныхъ попыткахъ). И даже, несмотря на все это, мы до сихъ поръ не достигли безусловной строгости и точности въ примѣненіи этого принципа. Онъ все еще остается единственно только мыслью, единственно только направленіемъ, безъ установленія относящихся къ нему „законовъ".

Въ виду всего этого я никакъ не могу понять, почему утвержденіе объ относительно независимомъ возникновеніи новаго направленія въ Россіи (и Польшѣ) должно быть съ такимъ ожесточеніемъ оспариваемо. Вѣдь способность мышленія не взята вовсе въ аренду ни тѣмъ или другимъ народомъ, ни тѣмъ или другимъ ученымъ кружкомъ.

Подобныя простыя идеи, не производящія вовсе общаго переворота, могутъ возникнуть въ головахъ нѣсколькихъ человѣкъ совершенно независимо другъ отъ друга.

Проводимый мною впервые въ разсужденіи, написанномъ въ 1868 г., способъ объясненія языковыхъ измѣненій я развивалъ впослѣдствіи, хотя только при случаѣ, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, но въ особенности словесно, въ своихъ чтеніяхъ, практическихъ занятіяхъ и научныхъ разговорахъ. Можно, правда, спросить, почему я впослѣдствіи не издалъ ничего связнаго по этому вопросу, почему я вообще сдѣлалъ въ этой области относительно такъ мало.

Главною причиной этого прискорбнаго для меня факта является то обстоятельство, что уже въ 1868 г. я долженъ былъ, въ качествѣ казеннаго стипендіата, отправиться въ Петербургъ и попасть тамъ подъ такъ называемое руководство академика и профессора, И. И. Срезневскаго. Въ то время ни въ одномъ русскомъ университетѣ не было профессора сравнительной грамматики, и я, желая заниматься этимъ предметомъ въ Петербургѣ, долженъ былъ подчиниться руководству Срезневскаго, какъ профессора славянской филологіи и декана историко-филологическаго факультета. Срезневскій же не могъ терпѣть обобщеній, и всякое проявленіе новой или хотя бы даже старой, но хоть сколько нибудь смѣлой, научной мысли было ему противно. Послѣ этого легко понять, что подобный руководитель не хотѣлъ и не могъ признавать ни малѣйшаго значенія за моимъ трудомъ: „*Einige Fälle der Wirkung der Analogie*". Не допуская вовсе подобныхъ обобщающихъ работъ, для диссертаціи на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія онъ требовалъ отъ меня составленія словаря польскихъ словъ, встрѣчающихся въ латинскихъ грамотахъ. При этомъ онъ не показалъ мнѣ вовсе самаго цѣлесообразнаго способа составленія подобныхъ работъ, предоставляя меня моей собственной изобрѣтательности, такъ что я потерялъ по крайней мѣрѣ втрое больше времени, нежели его дѣйствительно потребовалось бы при толковомъ и практическомъ веденіи дѣла. Подобное безсмысленное занятіе должно было имѣть роковое вліяніе на молодой умъ. Я сталъ апатиченъ, равнодушенъ ко всему, потерялъ почти все мое честолюбіе, не находилъ никакого удовольствія въ трудѣ, никакого стимула ни въ самомъ себѣ, ни въ окружавшей меня средѣ. Я, правда, оправился впослѣдствіи; но то, что разъ было потрясено, не могло уже никогда возвратиться къ своей прежней энергіи.

Такимъ образомъ случилось, что я никогда не находилъ достаточнаго времени для продолженія моего научнаго образованія и для пополненія значительныхъ пробѣловъ въ моихъ лингвистическихъ и другихъ свѣдѣніяхъ. А между тѣмъ эти пробѣлы были во всякомъ случаѣ весьма значительны, такъ какъ я никогда не пользовался такимъ систематическимъ образованіемъ, какое приходится на долю, напримѣръ, всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, и поэтому я долженъ во многомъ отношеніи причислить себя къ самоучкамъ. Не расширяя же надлежащимъ образомъ своихъ положительныхъ свѣдѣній, мы не можемъ съ одними только общими идеями зайти очень далеко.

Состоя сначала доцентомъ и, затѣмъ, профессоромъ казанскаго университета, я терялъ слишкомъ много времени для своихъ учениковъ. Я никогда не довольствовался одними только обязательными лекціями, но устраивалъ тоже иногда тройныя практическія занятія у себя на дому, въ общемъ восемь (8) часовъ въ недѣлю, что̀ вмѣстѣ съ моими лекціями (въ университетѣ и въ духовной академіи) отнимало у меня до 15 или 16 часовъ въ недѣлю.

Въ своихъ упражненіяхъ и бесѣдахъ я сообщалъ своимъ ученикамъ и предоставлялъ въ ихъ полное распоряженіе всѣ свои общія мысли, равно какъ и многія частныя данныя изъ моихъ ненапечатанныхъ еще изслѣдованій. Мои „ученики" могли, если только имъ такъ было угодно, сами по себѣ только очень мало работать, такъ

какъ они получали отъ меня богатый матеріалъ, изъ котораго могли дѣлать разные выводы по своему усмотрѣнію.

Это объясняетъ тоже въ значительной мѣрѣ громадные успѣхи *Крушевскаго*. Правда, онъ прибылъ въ Казань уже зрѣлымъ человѣкомъ, съ солидною философскою или, точнѣе говоря, логически-психологическою подготовкой и съ ясною и строго думающею головой. Но онъ никогда не пошелъ бы такъ далеко въ столь непродолжительное время, еслибы не получилъ отъ меня готовыми многихъ общихъ мыслей и многихъ частныхъ объясненій. Онъ самъ производилъ очень мало частныхъ изслѣдованій.

Но чѣмъ болѣе пользы получали отъ меня мои слушатели, тѣмъ менѣе у меня самого оставалось времени для обработки моихъ сборниковъ и матеріаловъ.

Эта усердная преподавательская дѣятельность, эта столь значительная трата времени при занятіяхъ съ моими слушателями происходила частью оттого, что я хотѣлъ такимъ образомъ заглушать въ себѣ чувство моей, лично для меня крайне непріятной, жизни и удалять воспоминаніе объ испытанныхъ мною потрясающихъ несчастіяхъ.

Прибавивъ къ этому врожденную мнѣ неповоротливость, затѣмъ то обстоятельство, что при своихъ работахъ я слишкомъ углубляюсь въ частности и умышленно ставлю себѣ различныя препятствія, вслѣдствіе чего теряю обыкновенно ужасно много времени, прибавивъ, наконецъ, мое постоянно апатическое состояніе и довольно равнодушное отношеніе ко всему тому, что только меня лично касается, — мы получимъ обстоятельное и точное объясненіе, почему я до сихъ поръ сдѣлалъ такъ мало, несмотря на свой усиленный и напряженный трудъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что я развилъ кое-что и въ печати независимо отъ другихъ ученыхъ".

Нѣкоторыя изъ общихъ положеній, къ которымъ довели Б—а его наблюденія и изслѣдованія явленій языка;

1) Нѣтъ никакихъ „звуковыхъ законовъ". 2) Причислять языкъ къ „организмамъ", языковѣдѣніе же къ естественнымъ наукамъ есть пустая фраза, безъ фактической подкладки. 3) Сущность человѣческаго языка исключительно психическая. Существованіе и развитіе языка обусловлено чисто психическими законами. Нѣтъ и не можетъ быть въ рѣчи человѣческой или въ языкѣ ни одного явленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ психическимъ. 4) Такъ какъ языкъ возможенъ только въ человѣческомъ обществѣ, то кромѣ психической стороны мы должны отмѣчать въ немъ всегда сторону соціальную. Основаніемъ языковѣдѣнія должна служить нетолько индивидуальная психологія, но и соціологія (до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не на столько еще разработанная, чтобы можно было пользоваться ея готовыми выводами). 5) Законы жизни и развитія языка еще не открыты, и они могутъ быть добыты только путемъ тщательныхъ индуктивныхъ изслѣдованій. Теперешнее языковѣдѣніе находится, повидимому, на хорошемъ пути по направленію къ этой цѣли. 6) Причиною, двигателемъ всѣхъ измѣненій языка является стремленіе къ удобству, стремленіе къ облегченію въ трехъ областяхъ языковой дѣятельности: въ области произношенія (*фонаціи*), въ области слушанія и воспринниманія (*аудиціи*) и, наконецъ, въ области языковаго мышленія (*церебраціи*). 7) Всѣ существующіе и когда либо существовавшіе языки произошли путемъ *смѣшенія*. Даже индивидуальный языкъ, зарождающійся и слагающійся въ общеніи съ окружающими, по отношенію къ языку уже готовыми, индивидами, является плодомъ смѣшенія и скрещенія вліяній. 8) Многія особенности исторически сложившихся языковъ объяснимы только при предположеніи совершившагося

когда-то процесса смѣшенія разныхъ племенъ и языковъ. 9) Въ исторіи языковъ замѣчается фактъ постепеннаго „человѣченія" рѣчи человѣческой, т.-е. фактъ все большаго удаленія отъ языковаго состоянія, свойственнаго другимъ животнымъ высшаго порядка. 10) Историческія эволюціи морфологической стороны языка состоятъ въ поочередномъ перемѣщеніи языкового вниманія съ конца слова или предложенія къ его началу и наоборотъ. Жизнь словъ и предложеній языка можно бы сравнить съ *perpetuum mobile*, состоящимъ изъ вѣсовъ, безпрестанно осциллирующихъ (колеблющихся), но вмѣстѣ съ тѣмъ подвигающихся безпрестанно въ извѣстномъ направленіи. 11) Нѣтъ неподвижности въ языкѣ. Принимаемые, напримѣръ, многими лингвистами, одинаковые, неизмѣнные корни, одинаковыя, неизмѣнныя основы склоненія, спряженія и т. д. во всѣхъ родственныхъ языкахъ—есть ученая выдумка, ученая фикція и вмѣстѣ съ тѣмъ тормазъ для объективнаго изслѣдованія. Въ языкѣ, какъ и вообще въ природѣ, все живетъ, все движется, все измѣняется. Спокойствіе, остановка, застой—явленіе кажущееся; это частный случай движенія при условіи минимальныхъ измѣненій. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорѣе кинематики. 12) Въ языкѣ происходитъ вѣчное перемѣщеніе мѣстъ сцѣпленія дальше недѣлимыхъ языковыхъ единицъ. То извѣстная единица языка увеличивается на счетъ другой, то, наоборотъ, извѣстная единица лишается извѣстной части своего состава въ пользу другой. Одна единица исчезаетъ, другая рождается. 13) Изреченіе *ex nihilo nil fit* находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ языковѣдѣніи. Происходящія какъ будто изъ ничего языковыя единицы (фонемы или „звуки", морфемы и т. д.) создаются изъ готоваго уже матеріала и только получаютъ новую форму. 14) Слѣдуетъ брать предметъ изслѣдованія такимъ, каковъ онъ есть, не навязывая ему чуждыхъ ему категорій. 15) Въ языковѣдѣніи, еще, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ исторіи, слѣдуетъ строго держаться требованій географіи и хронологіи. 16) „Односложность корней" аріо-европейскихъ (индо-европейскихъ) языковъ есть ничѣмъ недоказанный догматъ. 17) „Корни" не есть вовсе преимущество какого нибудь періода развитія языка. Корни существуютъ въ языкѣ всегда. Новые корни могутъ рождаться постоянно, во всякое время. 18) Для языковѣдѣнія, какъ науки всесторонне обобщающей, гораздо важнѣе изслѣдованіе живыхъ, т.-е. теперь существующихъ, языковъ, нежели языковъ исчезнувшихъ и воспроизводимыхъ только по письменнымъ памятникамъ. Только біологъ (зоологъ и ботаникъ), изучившій всесторонне живую флору и фауну, можетъ приступить къ изслѣдованію палеонтологическихъ остатковъ. Только лингвистъ, изучившій всесторонне живой языкъ, можетъ позволять себѣ дѣлать предположенія объ особенностяхъ языковъ умершихъ. Изученіе языковъ живыхъ должно предшествовать изслѣдованію языковъ исчезнувшихъ. 19) По общепринятому теперь біологами-дарвинистами ученію, зародышъ (эмбріонъ) повторяетъ въ сокращеніи измѣненія и превращенія всего рода. Въ языковомъ развитіи ребенка замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Ребенокъ не повторяетъ вовсе въ сокращеніи языкового развитія цѣлаго племени, но, напротивъ того, ребенокъ захватываетъ въ будущее, предсказывая особенностями своей рѣчи будущее состояніе племенного языка, и только впослѣдствіи пятится, такъ сказать, назадъ все болѣе и болѣе приноравливаясь къ нормальному языку окружающихъ. 20) Толчки къ существеннымъ измѣненіямъ племенного языка даются главнымъ образомъ въ языкѣ дѣтей. Дѣти проявляютъ стремленія къ извѣстнымъ значительнымъ измѣненіямъ произношенія и морфологическаго строя языка. Впослѣдствіи они выучиваются говорить „правильно", на подобіе окружающихъ, но разъ данный толчекъ не остается безъ слѣда. Дѣти этихъ дѣтей наслѣдуютъ предрасположеніе къ подобнымъ же измѣненіямъ по направленію къ будущему состоянію языка, и съ своей стороны повторяютъ эти измѣненія. Они тоже усваиваютъ себѣ впослѣдствіи нормальный языкъ окружающихъ, но

поползновеніе къ измѣненіямъ передается ихъ дѣтямъ и внукамъ перваго поколѣнія еще съ большею силой, и т. д. Наконецъ, накопленіе (кумуляція) слѣдовъ отъ подобнаго рода толчковъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній ведетъ къ дѣйствительнымъ, окончательнымъ измѣненіямъ во всемъ, исторически сложившемся, языкѣ. 21) Родъ человѣческій, какъ собраніе существъ общественныхъ и одаренныхъ языкомъ, происходилъ много разъ, въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Начало языка не моногенетическое, не полигенетическое. 22) При разсмотрѣніи языка слѣдуетъ строго различать его *развитіе* отъ его *исторіи*. Исторія состоитъ въ простой послѣдовательности явленій однородныхъ, но различныхъ. Развитіе же состоитъ въ безпрерывности измѣненій не феномальныхъ (касающихся только явленія), но существенныхъ. Развитіе свойственно языку индивидуальному, исторія же—языку племенному.

1) Библіографическій перечень написаннаго И. А. Б.

А. Еще будучи студентомъ Варшавской главной школы Б. напечаталъ (все на польскомъ языкѣ):

I. Отдѣльно изданная брошюра полемическаго содержанія:

1) *Kilka słów s powodu wzmianki Tygodnika illustrowanego o rozprawie D-ra* J. *Ew. Purkyniego*, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich. Warszawa. 1865. 16°, стр. 60.

II. Рецензіи въ журналѣ *„Pamiętnik naukowy"* (Warszawa, 1866) слѣдующихъ сочиненій:

2) Stanowisko filologii słowiańskiej w dziedzinie badań językowych wogóle. Przez Bronisława *Trzaskowskiego*. 3) O dzisiejszem stanowisku filologii przez Antoniego *Mierzyńskiego*.

4) **III. Мелкія полемическія статейки** въ еженедѣльникѣ *„Rodzina"* (Warszawa, 1866, №№ 3 и 5).

IV. Переводы съ чешскаго на польскій.

5) D-ra J. *Ew. Purkyniego*: O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich. Warszawa. 1865.
6) *F. B. Kwieta*: Popularna nauka wychowania. Warszawa. 1865. 8°, стр. 104

Б. Послѣ выхода изъ Варшавской главной школы.

I. Отдѣльно изданныя сочиненія и брошюры строго-научнаго содержанія:

7) *О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія*. Лейпцигъ. 1870. 8°. стр. 196. (*Магистерская диссертація*). 8) *Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ*. Варшава. Петербургъ. 1875. 8°, стр. 144. (*Докторская диссертація*). 9) *Резьянскій Катихизис*, как приложеніе къ „Опыту фонетики резьянскихъ говоров". Варшава. Петербургъ. 1875. 8°. стр. 56. 10) *Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen.* Antrittsvorlesung, geh. a. d. Univ. Dorpat. Leipzig. 1884. 8°. стр. 21. 11) *Jedna z kwestji spornych pisowni polskiej*. Warszawa. 1890. 8°. стр. 13.

12) *Vermenschlichung der Sprache.* Hamburg. 1893. (Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. Neue Folge. Achte Serie. Heft 173). 8°, стр. 27.

13) *Il Catechismo resiano* con una prefazione del dott. Giuseppe Loschi. Udine. 1864. 16°, стр. 113.

14) *Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen.* Ein Capitel aus der Psychophonetik. Strassburg (Krakau). 1895. 8°, стр. 130.

II. Научные труды, разсужденія и статьи, напечатанные или въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ вообще, или же въ сборникахъ, съ отдѣльными оттисками или же безъ таковыхъ [1].

1. На русскомъ языкѣ.

а) Въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“*: 15) **Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ* (CLIII, 1871, февраль). *(Вступительная лекція* въ С.-Петербургскомъ университетѣ). 16) **Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ* (CCXIII, 1881, декабрь).

б) Въ *„Филологическихъ Запискахъ“* А. А. Хованскаго (Воронежъ): 17) **Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки* (1876, 1877). 18) **Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка* (1881, 1882). 19) **Изъ лекцій по латинской фонетикѣ* (1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892) (вышло отдѣльною книгой, Воронежъ, 1893, 8°, стр. 502).

в) Въ *„Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“* А. И. Смирнова (Варшава). 20) **Нѣкоторые отдѣлы „сравнительной грамматики“ славянскихъ языковъ* (1881).

г) Въ *„Славянскомъ Сборникѣ“* (С.-Петербургъ, III, 1876, стр. 223—371): 21) **Резья и Резьяне.*

д) Въ *„Извѣстіяхъ Казанскаго Университета“*: 22) *Программа чтеній въ 1875—1876 акад. году* (1876, XII). 23) **Отчеты командированнаго Министерствомъ Нар. Просв. за границу съ ученою цѣлью о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг.* (1876, 1877). 24) **Подробная программа лекцій въ 1876—77 уч. г.* (1877, 1878). 25) **Подробная программа лекцій въ 1877—78 уч. году.* (1881).

е) Въ *„Протоколахъ засѣданій Секціи физико-математическихъ наукъ Общества Естествоиспытателей при Имп. Казанскомъ Университетѣ“* 1883: 26) **Краткія историческія свѣдѣнія, касающіяся говорящей машины Фабера.*

ж) Въ *„Русской Мысли“* (Москва, 1893, іюнь): 27) **О Славянахъ въ Италіи* (публичная лекція въ пользу голодающихъ).

з) Въ *„Ученыхъ Запискахъ Имп. Юрьевскаго Университета“* (1893, № 2): 28) **Два вопроса изъ изученія о „смягченіи“ или палатализаціи звуковъ въ славянскихъ языкахъ* (тутъ-же въ извлеченіи по нѣмецки, ср. № 59).

2. На польскомъ языкѣ.

а) Въ сборникѣ *„Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauk Poznańskiego“* (Poznań, IX. 1876): 29) *List do prof. Łepkowskiego.* „datowany z Krakowa pod dniem 19 Marca 1872 r. o domniemanych napisach runicznych na kamieniach Mikorzyńskich“. (Въ статьѣ „Autentyczność kamieni Mikorzyńskich przez *K. Szulca*“).

б) Въ варшавской газетѣ *„Nowiny“* (1881, № 76): 30) *Z powodu Gramatyki sanskryckiej ks. Malinowskiego.*

в) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ *„Prawda“* (1881 №№ 11—17): 31) *Pogadanki naukowe.* O gramatyce porównawczej języków indoeuropejskich.

---

[1]) Въ послѣдующемъ спискѣ разсужденія и статьи, помѣщенныя въ журналахъ и сборникахъ, но вышедшія тоже отдѣльными оттисками, отмѣчаются звѣздочкою, *.

г) Въ сборникѣ „*Ognisko, książka zbiorowa, wydana dla uczeczenia 25 letniej pracy T. T. Jeża*". (Warszawa, 1882): 32) *O Słowianach we Włoszech.*

д) Въ варшавскомъ сборникѣ „*Prace filologiczne*, wydawane przez J. Baudouina de Courtenay, J. Karłowicza, A. A. Kryńskiego i L. Malinowskiego" (Warszawa). 33) **Z patologii i embryjologii języka.* (I. 1885, 1886). 34) **O zadaniach językoznawstwa.* (III. 1889). 35) **O ogólnych przyczynach zmian językowych.* (III. 1890). 36) **Jedna z kwestji spornych pisowni polskiej.* Jak pisać: czy —*ya*, —*ia*, —*ye*,—*ie*; czy też—*yja*, —*ija*, —*yje*, —*ije*; czy też nareszcie—*ja*, —*je*. (III. 1891).

е) Въ изданіи Краковской Академіи наукъ „*Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*". T. XIV Dz. III., 1890): 37) **Dwie melodyje do tej samej pieżni litewskiej.*

ж) Въ „Rozprawy Wydziału filologicznego Akademii umiejętności w Krakowie (t. XX, 1894): 38) **Próba teorji alternacyj fonetycznych.* Część I ogolna (стр. 148).

з) Въ „Sprawozdania z posiedeń Wydziału filologicznego Akademii umiejętnosci w Krakowie: 39) Sprawozdanie z częsci I, pracy „Próba teoryi alternacyj fonetycznych" (1893, 10 kwietnia). 40) (Streszcznie) *Z fonetyki międzywyrazowej* (äussere Sandhi-) *sanskrytu i języka polskiego* (1894, 12 marca). 41) *Drobiazgi etymologiczne* (тамъ же).

3. На чешскомъ языкѣ.

Въ журналѣ „*Sborník vědecký*" (Praha, 1868, I): 42) **Několik poznamenání o polském pravopisu.* (Передѣлка Варшавской *магистерской диссертаціи*). 43) **Poznámka o spolehlivosti vydání Zaltáře Markéty* (Margarety).

4. На словинскомъ языкѣ.

а) Въ газетѣ „*Slovenski Narod*" (Ljubljana, 1872, №№ 90, 106): 44) *Listek.*

б) Въ газетѣ „*Soča*" (Gorica, 1874, № 41): 45) *Jezikoslovska razprava.*

5. На нѣмецкомъ языкѣ.

а) Въ журналѣ „*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung her. von Kuhn und Schleicher*" (Berlin, VI. 1868—1870): 46) *Einige Tälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination.* (Главное изъ сочиненій, представленныхъ въ 1870 г. Лейпцигскому университету для полученія *степени доктора философіи*.) 47) *Uebergang der tonlosen Consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen Entwickelung der polnischen Sprache.* 48) *Wortformen und slbst Sätze, welche in der polnischen Sprache zu Stämmen herabgesunken sind.* 49) *Doppelung des Suffixes -ti -in der polnischen und russischen Sprache.* 50) *Hinneigung zu e im polnischen.* 51) *Einige Beobachtungen an Kindern.* 52) *Zetacismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache.* 53) *Wechsel des s (ś, ś) mit ch in der polnischen Sprache.* 54) *Miscellen:* 1) Nachtrag zu beitr. V, 209. 2) Uebergang des *i* in *u* im polnischen. 3) Zur Geschichte der polnischen Zahlwörter. 4) Pčoła. 5) Słza.

б) Въ журналѣ „*Archiv für slavische Philologie, her. von V. Jagić*" (Berlin): 55) **Der Dialekt von Cirkno* (Kirchheim). (VII. 1884). 56) **Das Slavische in den Werken von Bartholomaeo Georgieuiz.* (XI. 1888).

в) Въ „*Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft*" (Heidelberg. III. 1889): 57) Предисловіе къ *„*Hochzeitsbräuche der Wielonischen Litauer*" (см. № 226).

г) Въ *Kobert*'s „Lehrbuch der Intoxikationen" (1892, стр. 15—16): 58) Ausdrücke für „Gift" in den slavischen Sprachen, im Litauischen etc.

д) Въ „Acta et commentationes Imp. Universitatis Jurievensis (olim Dorpatensis)"

(1893, № 2): 59) **Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisation in dem slavischen* (ср. № 28).

е) Въ „Indogermanische Forschungen" (Strassburg. IV. 1894): 60) **Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)*.

6. На итальянскомъ языкѣ.

а) Въ „*Atti del IV. Congresso Internationale degli Orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878*". (Firenze, II. 1881): 61) **Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea*.

б) Въ газетѣ „*Forum Julii*" (Cividale, 1885, № 1): 62) „*La lingua dei nostri Slavi*".

III. Изданія текстовъ и образцовъ языка.

63) *Образцы говоровъ Фріульскихъ Славянъ*. (Въ книгѣ „Фріульскіе Славяне, статьи И. И. Срезневскаго и приложенія", Спб. 1878) (Приложеніе къ 38-му т. „Записокъ Императ. Академіи Наукъ"). 64) **Sprachproben des Dialektes von Cirkno*. (Kirchheim). (Въ „Archiv für slavische Philologie" VIII. 1885). (Съ приложеніемъ словаря). 65) **Chansonnettes polonaises pour la plupart des environs de Varsovie* (Въ „Κρυπτάδια. Recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires". Heilbronn. III. 1886). (Съ переводомъ на французскій языкъ). 66) *Il Catechismo resiano*. („Ta dütryna krištjànska"). Pietroburgo. 1891. 8°, стр. 28. 67) **Pieśni białorusko-polskie* z powiatu Sokólskiego, gubernii Grodzieńskiej. („Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej". Kraków. T. XVI. 1892). 68) **Dodatek do pieśni białorusko-polskich* z powiatu Sokólskiego („Zbiór wiadomości". T. XVIII. 1894). 69) *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie*. (Изданіе Имп. Академіи Наукъ; томъ 1-ый, заключающій въ себѣ резьянскіе тексты съ переводомъ на нѣмецкій языкъ и печатаемый уже нѣсколько лѣтъ, выйдетъ въ непродолжительномъ времени: Спб. 1895, 8°, стр. ок. 750).

IV. Брошюры научно-публицистическаго содержанія.

70) *Z powodu jubileuszu profesora Duchińskiego*. Kraków. 1886. 8°, стр. 39.

V. Болѣе обширныя или болѣе важныя статьи публицистическаго, полемическаго или т. п. содержанія, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ.

1. На польскомъ языкѣ.

а) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „*Przegląd tygodniowy*": 71) *Erudycya lingwistyczna „Tygodnika illustrowanego"* (1874, № 40). 72) *Przyczynek do historyi blagi warszawskiej* (1875, № 33). 73) *Groch na ścianę* (1875, № 42). 74) *Polityczne drgnienia Słowian austryackich* (1877, №№ 36—51).

б) Въ петербургской еженедѣльной газетѣ „*Kraj*": 75) *Za i przeciw. Odwaga „Warty" na polu kłamstw i przekręcań* (1886, № 50). 76) *W sprawie pisowni* (1894, № 32, 33).

в) Въ сборникѣ „*Biblioteka polska w Rumunii* (1866—1891 r.). *Książka pamiątkowa*. Jassy. 1891": 77) **Aforyzmy*.

г) Въ газетѣ „*Dziennik Poznański*": 78) *Sąd naganny o Elizie Orzeszkowej* (1891, № 174). 79) „Aforyzm" (1893, Nr. 293).

д) Въ „Upominek, książka zbiorowa na cześć Elizy Orzeszkowej" (Kraków. Petersburg. 1893): 80) Myśli oderwane.

е) Въ львовскомъ еженедѣльникѣ „*Tydzień*“. Dodatek literacki do „Kurjera Lwowskiego“ (1894, № 32): 81) *Sprawa przyjęcia jednolitej pisowni*, proponowanej przez Akademję Umiejętności.

2. На словинскомъ языкѣ.

Въ горицкой еженедѣльной газетѣ „*Soča*“. 1872 и 1873 гг.: 82) **Nektere opaske ruskega profesorja*.

3. На нѣмецкомъ языкѣ.

83) Замѣтка въ „*Zur Judenfrage*. Zeitgenössische Originalaussprüche. Her. v. C. E. Klopfer. München. 1891“. 84) *Zum neusprachlichen Unterrichts-Cursus von Frl. Elise Baranius*. (Въ дерптской газетѣ „Neue Dörptsche Zeitung“, 1891. № 283).

VI. Мелкія статьи и статейки публицистическаго, полемическаго или т. п. содержанія, опроверженія ложныхъ сообщеній и т. п.

1. На русскомъ языкѣ.

а) Въ петербургской газетѣ „*Новое Время*“ (1875, № 203): 85) Письмо въ редакцію.

б) Въ „*Извѣстіяхъ Казанскаго Университета*“ (1881, № 3): 86) Диспуты 17 мая 1881 г. въ Казанскомъ Университетѣ.

2. На польскомъ языкѣ.

а) Въ варшавскомъ журналѣ „*Niwa*“ (1875, I): 87) Do Redakcyi „Niwy“.

б) Въ варшавской газетѣ „*Nowiny*“: 88) *P. Ch. Mayreder* ((1879, № 349). 89) *W sprawie „Bibliografii przysłów*“ (1880, № 76). 90) *Małe sprostowanie* (1879, № 350). 91) *Sprostowanie* (1880, № 70).

в) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „*Prawda*“: 92) *O prawdę* (1881, № 43) 93) *Doktoryzacya*. Literatura litewska (1881, № 25).

г) Въ петербургской газетѣ-еженедѣльникѣ „*Kraj*“: 94) *List zaprzeczający* (1886, № 13; 1890, № 44). 95) „*W sprawie kościoła katolickiego w Dorpacie*“ (1886, № 52; 1887, №№ 5, 26; 1888, № 19; 1891, №№ 16, 30). 96) „Do redaktora“ (1894, № 27).

д) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „*Przegląd tygodniowy*“ (1889, № 45): 97) *List do redaktora*.

е) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „*Przegląd katolicki*“ (1891. №№ 45, 46): 98) *Z Dorpatu*. Sprostowanie (w sprawie funduszu miejscowego kosciola).

ж) Въ краковскихъ газетахъ „Czas“ (1894, № 45) и „Nowa Reforma“ (1894, № 45): 99) Wspomnienie pośmiertne (Ksiądz Michał Hórnik).

3. На словинскомъ языкѣ.

а) Въ горицкой газетѣ „*Soča*“: 100) *A. F. Hilferding* (Nekrolog). (1872, № 32). 101) *Odprto pismo* (1872, № 34). 102) *Poslano* (1872, №№ 51 и др.; 1873).

б) Въ люблянской газетѣ „*Slovenski Narod*“ (1874, № 138): 103) *Slovenskim prijateljem*.

4. На нѣмецкомъ языкѣ.

а) Въ дерптской газетѣ „*Neue Dörptsche Zeitung*“: 104) „*Locales*“ (1886, № 260). 105) „*In Sachen der hiesigen römisch-katholischen Kirche*“ (1888, № 219; 1891, №№ 129, 208). 106) Berichtigung des Referats über meinen Aula-Vortrag (1892, № 66).

б) Въ „Hochschul-Nachrichten“ (München, 1892, №№ 22, 27): 107) Zur Frage der Russificirung der Universität Dorpat.

в) Въ „Der Salon, Familienblatt. . . her. von M. v. Stoffella (Wien. 1894, № 7): 108) „Aus Nah' und Fern" (афоризмъ).

VII. Обширныя или болѣе важныя корреспонденціи или т. п.

109) *Международный географическій конгрессъ и выставка въ Венеціи* (въ журналѣ „Заграничный Вѣстникъ", учено-литературный журналъ. изд. В. Коршемъ. I, 1881. Спб. 110) *Z Gorycy.* (Въ варшавскомъ журналѣ „Niwa" 1872, №№ 17, 18, 21, 22). 111) *Kongres geograficzny.* (Въ варшавской газетѣ „Nowiny" 1881. №№ 259, 261, 262, 263, 264, 268, 281, 282, 284, 285, 287, 288). 112) *Odgłos drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie.* (Въ петербургской газетѣ „Kraj" 1890, № 30). 113) *Wspomnienia z podróży przelotnej po Czechach* (Въ газетѣ „Dziennik Poznański". 1891, №№ 153, 154, 156, 158, 159, 162, 171, 172).

VIII. Мелкія корреспонденціи.

114) Въ газетѣ *„Новое время"*, 1870, № 295. („Хроника". Сообщеніе о собственномъ магистерскомъ диспутѣ, по требованію редакціи). 115) Въ варшавской газетѣ *„Nowiny"*, 1880, № 78 („Z listów lekarza ziemskiego polaka"). 116) Въ горицской словинской газетѣ *„Soča"*, 1872, №№ 23, 25, 31. („Petrograd", „Berlin").

IX. Біографическіе очерки и замѣтки.

1. На русскомъ языкѣ.

а) Въ *„Критико-біограф. словарь русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова": 117) Александръ Ивановичъ Александровъ* (т. I. 1889).

б) Въ варшавскомъ *„Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ"* (XX, 1888): 118) **Замѣтка къ некрологу Николая Вячеславовича Крушевскаго.*

в) Въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія"* (1887, мартъ): 119) *Замѣтка къ некрологу И. В. Юшкевича.*

2. На польскомъ языкѣ.

а) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ *„Tygodnik illustrowany"* (1869, № 104): 120) *August Schleicher.*

б) Въ варшавской газетѣ *„Nowiny"* (1880, №№ 329, 354; 1881, № 35): 121) *Ksiądz Antoni Juszkiewicz.*

в) Въ варшавскомъ сборникѣ *„Prace filologiczne"*: 122) **Jan Juszkiewicz* (I, 1886). 123) **Mikołaj Kruszewski*, jego życie i prace naukowe (II, 1888. III, 1889).

г) Въ петербургскомъ еженедѣльникѣ *„Kraj"* (1886, №№ 29, 30, 31): 124) *Jan Juszkiewicz*, badacz litewski.

д) Въ чешскомъ журналѣ *„Athenaeum"* (Praha, 1891, № IV): 125) **Franciszek Bolemir Kwiet.*

е) Въ лужицкомъ журналѣ „Łužica" (1894, №№ 5, 6): 126) Spomnjenje wo Mich. Hórniku.

X. Разборы сочиненій, рецензіи и т. п.

1. На русскомъ языкѣ.

а) Въ газетѣ *„Новое Время"* (1870, № 298): 127) *Рецензія собственнаго сочиненія „О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія".*

б) Въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія": 128) *„Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. I. Die Volskepik der Kroaten. Von*

F. v. Miklosich" (XLIV, 1871, мартъ). 129) **Нѣсколько словъ по поводу „общеславянской азбуки"*. „Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Составилъ *А. Гильфердингъ*". (CLV, 1871, май). 130) *„Das natürliche System der Sprachlaute und sein Verhältniss zu den wichtigsten Culturspachen, mit besonderer Rücksicht auf deutsche Grammatik und Orthographie. Von *H. B. Rumpelt*" (CLVIII, 1871, ноябрь). 131) *„Der Infinitiv im Veda mit einer Systematik des litauischen und slavischen Verbs. Von *A. Ludwig*" (CLXI, 1872, май). 132) „Indogermanisch und Semitisch. Ein Beitrag zur Würdigung dieser beiden Sprachstämme. Von *Friedrich Müller*" (CLXI, 1872, іюнь). 133) „Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI вѣка. *А. Будиловича*" (CLXII, 1872, августъ; CLXIV. 1872, ноябрь). 134) *„Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache von *Aug. Schleicher*" (CLXVIII, 1873, августъ). 135) *„Физиологиjа гласа и гласови српскога jезика. Лингвистичка студиjа *Ст. Новаковича*"(CLXXVI, 1874, ноябрь). 136) *„Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen von *V. Jagić*" (тамъ же). 137) *„Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemiliani *Kałużniacki* confecta" (тамъ же). 138) *„Modlitwy Wacława. Zabytek języka polskiego z wieku XV, odkryty i skopijowany przez ś. p. A. hr. Przezdzieckiego. Wydał i objaśnił *L. Malinowski*" (CLXXXII, 1875, ноябрь). 139) *„Nàkres mluvnice staročeské. Sepsal *Josef Jireček*" (CLXXXIV, 1876, мартъ). 140) *„Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen von *J. Jolly*" (CLXXXIV, 1876, апрѣль). 141) *„Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Von *A. Leskien*" (CLXXXVIII, 1876, ноябрь). 142) *„Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе *П. Стремлера*" (CXCII, 1877, августъ). 143) *„Beiträge zur slavischen Dialectologie von *L. Malinowski*" (CXCIII, 1877, октябрь). 144) „Esquisse sommaire de la Mythologie Slave par *Louis Leger*" (CCXX, 1882, мартъ). 145) *Новый журналъ по общему языковѣдѣнію. „Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft von *F. Techmer*" (CCXXXV, 1884, октябрь). 146) *Учебникъ русскаго языка для нѣмцевъ. „Главнѣйшія правила русской этимологіи съ упражненіями въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно. Составилъ *А. Быстровъ*" (CCXLV, 1886, май).

в) Въ воронежскихъ „*Филологическихъ Запискахъ А. А. Хованскаго*": 147) *„Практическія правила русскаго правописанія и произношенія, составленныя *И. Паплонскимъ*" (1876, V). 148) *Труды филологическіе и лингвистическіе, помѣщенные въ изданіи „Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti" (1879, I). 149) *„Z dziejów języka polskiego, napisał *A. A. Kryński* (1880, II). 150) *„Słoworód ludowy przez *J. Karłowicza*" (тамъ же). 151) *„Ogled. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika obradjuje *Gj. Daničić*" (тамъ же). 152) *„Slovanščina v romanščini. Spisal Davorin *Terstenjak*" (тамъ же). 153) *„О нарѣчіи Венеціянскихъ Словенцевъ. Сочиненіе *А. Клодича*" (1880, V). 154) **Карлъ Апель:* 1) Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ. 2) Къ славянскому народному словопроизводству. 3) Библіографія" (тамъ же). 154) *„О бѣлорусскомъ нарѣчіи. Замѣтки *Карла Аппеля*" (тамъ же). 156) *„Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-Славянскаго народа. *А. С. Великанова*" (1881, II). 157) *„Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali *M. Hattala* a *A. Patera*" (тамъ же).

г) Въ варшавскомъ „*Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*" (1879. II): 158) *Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ Словянъ. (По поводу книги „*Антона Будиловича*.: Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи".) 159) „Восемь гимновъ Риг-Веды, Переводъ *Николая Крушевскаго*".

д) Въ „*Сборникѣ государственныхъ знаній*" *подъ редакціей В. П. Безобра-*

зова" (Спб., III, 1877): 160) *„Der Materialismus und das Slaventhum. Von *Josef Sernec*".

е) Въ „*Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета*": 161) *„Modlitwy Wacława. Zabytek mowy staropolskiej, odkryty przez A. hr. Przeździeckiego. Wiadomość o nich z rozbiorem filologicznym podaje *H. Suchecki*" (1877. № 1). 162) *По поводу книги „Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku. Napisao *V. Jagić*" (1877, № 3). 163) *„(*В. Ю. Хорошевскій*). Русскій букварь для польскихъ дѣтей" (1878, № 2). 164) *„Historyczny obszar Polski. Przez Wincentego *Pola*. Rzecz o dijalektach mowy polskiéj" (тамъ же). 165) *„Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе *А. Кочубинскаго*" (1879). 166) „*Н. В. Крушевскій*. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма" (1881, № 3).

ж) Въ „*Извѣстіяхъ Имп. Казанскаго Университета*": 167) Отзывъ о докторской диссертаціи *Д. Ѳ. Бѣляева*, „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида" (1879). 168) Отзывъ о сочиненіи (*Н. Букуранова*) „О языкѣ русскихъ былинъ", представленномъ въ истор.-филол. факультетъ подъ девизомъ „№ 333" для соисканія наградъ (тамъ же). 169) Отзывъ о кандидатской диссертаціи *В. А. Богородицкаго* п. з. „Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ" (1881, № 4, 5 и 6, іюнь—декабрь). 170) „*Н. В. Крушевскаго*: Очеркъ науки о языкѣ" (1883, май—августъ). 171) „*А. Александрова*: Дѣтская рѣчь" (тамъ же).

2. На польскомъ языкѣ.

а) Въ варшавскомъ журналѣ „*Biblioteka Warszawska*" (1873, III): 172) „Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache von *A. Schleicher*.

б) Въ варшавскомъ журналѣ „*Niwa*" (1874): 173) *Rozbiór Gramatyki polskiéj księdza *Malinowskiego*.

в) Въ краковскомъ журналѣ „*Przegląd krytyczny*": 174) *Jan Papłoński*: „Praktyczne prawidła poprawnego pisania i czystego wymawiania po rusku" (1875, № 12; 1876, № 7). 175) *Lucyjan Malinowski*: Modlitwy Wacława, zabytek języka polskiego z wieku XV" (1875, № 13). 176) „*Gregor Krek*: Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älterer Perioden" (1876, № 7). 177) „*Jan Karłowicz*- O języku litewskim" (1876, № 8). 178) „*J. M. Rabbinowicz*: Grammatik der polnischen Sprache verglichen mit der deutschen und hebräischen" (1876, № 9). 179) „*J. Kopernicki*: Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie Górali Bieskidowych, z dodatkiem słowniczka wyrazów góralskich" (1876, № 9).

г) Въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „*Przegląd tygodniowy*" 1875, № 51: 180) Notatki dla kupujących książki. (O książkach *Papłoń'skiego, Sernca, Kurschata, Grassauera, Kreka, Miklosich'a, L. Malinowskiego, Terstenjaka)*.

д) Въ варшавской газетѣ „*Nowiny*": 181) „*Kruszewskiego*: Восемь гимновъ Ригъ-Веды" (1879, № 195). 182) Przegląd naukowy. „Narodne pjesme iz starijih, najvisze primorskih zapisa. Sabrao i na svijet izdao V. *Bogisić*" (1879, № 228). 183) Przegląd piśmienniczy. „Antona *Budiłowicza*: Первобытные Славяне" (1879, № 246). 184) Prace lingwistyczne p. Karola *Appela*. (1880, №№ 238, 245). 185) Badania lingwistyczne (*Juszkiewicz, Kruszewski, Bogorodickij)*. (1880, №№ 329, 354).

е) Въ варшавскомъ журналѣ „*Ateneum*". 1884, wrzesień). 186) *Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft herausg. von F. *Techmer*".

ж) Въ львовскомъ еженедѣльникѣ „Tydzień" (1894, № 35): 187) „Литовско-Латышско-Польско-Русскій Словарь *М. Межиниса*".

3. На словинскомъ языкѣ.

Въ люблянской газетѣ „*Slovenski Narod*" (1874, № 145): 188) „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden von G. *Krek*".

4. На нѣмецкомъ языкѣ.

а) Въ берлинскомъ журналѣ „*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung*" (VIII, 1874): 189) *„О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. А. А. *Крынскаго*". 190) *„Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова. А. *Будиловича*". 191) *„Beiträge zur slavischen Dialectologie von L. *Malinowski*". 192) *„Historyczny obszar Polski. Przez W. *Pola*". 193) *„Физиологиjа гласа и гласови српскога jезика. Ст. *Новаковича*". 194) *„Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen. Von A. *Semenovitsch*". 195) *„Nákres mluvnice staročeské. Sepsal J. *Jireček*". 196) *„Modlitwy Wacława. Zabytek mowy staropolskiéj. Wiadomość o nich podaje H. *Suchecki*". 197) *„Kwestyja językowa. O bezzasadnym odróżnianiu rodzaju nijakiego od męskiego w deklinacyi przymiotników. Przez A. A. *Kryńskiego*". 198) *„Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aem. *Kałużniacki* confecta".

б) Въ берлинскомъ журналѣ „*Archiv für slavische Philologie*" (X. 1887). 199) *„Morphologie des Görzermittelkarstdialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse von Dr. Karl *Štrekelj*".

в) Въ журналѣ „Ausländ. Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde" (Stuttgart. 1893, № 19): 200) Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert, *Von Dr. A. Bielestein*".

XI. Официальные отзывы и представленія, напечатанные въ „Протоколахъ Совѣта Имп. Казанскаго Университета". („*Извѣстія Имп. Казанскаго Университета*").

201) Представленія Д. Ѳ. *Бѣляева* въ доценты и, затѣмъ, въ профессора по каѳедрѣ греческой словесности. (Протоколы засѣданій совѣта отъ 30 декабря 1876 г. ст. 24, отъ 27 мая 1878 г. ст. 14, отъ 18 ноября 1878 г. ст. 29). 202) Представленіе о командированіи за границу лектора нѣмецкаго языка, Л. З. *Колмачевскаго*. (Прот. зас. сов. отъ 16 апрѣля 1877 г. ст. 16). 203) Представленіе Н. В. *Крушевскаго* въ профессорскіе стипендіаты (Прот. зас. сов. отъ 28 октября 1878 г. ст. 10, отъ 17 января 1879 г. ст. 7). 204) По вопросу о замѣщеніи вакантной должности лектора англійскаго языка. (Прот. зас. сов. отъ 17 января 1879 г. ст. 10 и отъ 31 мая 1880 г. ст. 2). 205) Представленіе объ измѣненіи испытаній на степень магистра русской словесности, славянской словесности и исторіи всеобщей литературы (Прот. зас. сов. отъ 17 февраля 1879 г. ст. 14). 206) Представленіе о печатаніи сборника Литовскихъ пѣсенъ *Юшкевича* (Прот. зас. сов. отъ 1 декабря 1879 г. ст. 23). 207) Представленіе объ измѣненіи „Положенія" о раздѣленіи историко-филологическаго факультета. (Прот. зас. сов. отъ 9 февраля 1880 г. ст. 15, отъ 19 августа 1880 г., ст. 17; отъ 2 апрѣля 1881 г., ст. 5; отъ 7 мая 1881 г., ст. 10). 208) Представленіе В. А. *Богородицкаго* въ профессорскіе стипендіаты. (Прот. зас. сов. отъ 28 мая 1880 г. ст. 7). 209) Представленіе о печатаніи „Свадебныхъ обрядовъ Веленскихъ Литовцевъ" *Юшкевича*. (Прот. зас. сов. отъ 18 октября 1880 г. ст. 8). 210) Представленіе Н. В. *Крушевскаго* въ доценты. (Прот. зас. сов отъ 28 мая 1881 г. ст. 19.) 211) Заявленіе о безполезности чтеній приватъ-доцента И. А. *Снегирева*. (Прот. зас. сов. отъ 28 мая 1881 г. ст. 23). 212) Представленіе о заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью на цѣлый годъ. (Прот. зас. сов. отъ 28 мая 1881 г. ст. 26). 213) Представленія, касающіяся университетской библіотеки. (Прот. зас. сов. отъ 30 мая 1881 г. ст. 17 и отъ 20 февраля 1882 г. ст. 10). 214) Представленіе С. К. *Булича* въ профессорскіе стипендіаты. (Прот. зас. сов. отъ 28 мая 1882 г. ст. 4 и отъ 28 апрѣля 1883 г. ст. 19). 215) Представленіе Я. К. *Грота* въ почет-

ные члены университета. (Прот. зас. сов. отъ 16 октября 1882 г. ст. 13). 216) Представленіе Л. З. *Колмачевскаго* въ доценты по каѳедрѣ всеобщей литературы. (Прот. сов. отъ 22 декабря 1882 г. ст. 3). 217) Представленіе о темѣ на медаль по сравнительному языковѣдѣнію. (Прот. сов. отъ 27 апрѣля 1883 г. ст. 6). 218) Представленіе Н. В. *Крушевскаго* къ повышенію въ экстраординарные профессора и о порученіи приватъ-доценту В. А. *Богородицкому* чтенія нѣкоторыхъ отдѣловъ языковѣдѣнія. (Прот. сов. отъ 27 мая 1883 г., ст. 14 и 37). 219) Представленіе В. В. *Радлова* на каѳедру финско-тюркскихъ нарѣчій. (Прот. зас. сов. отъ 30 мая 1883 г. ст. 4). 220) Представленіе А. И. *Александрова* въ профессорскіе стипендіаты. (Прот. сов. отъ 15 сентября 1883 г. ст. 15).

XII. Чужіе труды, изданные Бодуэномъ-де-Куртенэ или же при его участіи.

221) *О славянскомъ языкѣ въ Резіянской долинѣ во Фріулѣ. Статья *С. Валенте* (Въ книгѣ „Фріульскіе Славяне. Статьи *И. И. Срезневскаго* и приложенія. Спб. 1878. Приложеніе къ XXXVIII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ"). (На итальянскомъ языкѣ). 222) *О нарѣчіи Венеціянскихъ Словенцевъ. Сочиненіе *А. Клодича.* (Тамъ же). (На словинскомъ языкѣ). 223) Литовскія народныя пѣсни, записанныя *Антономъ Юшкевичемъ* въ окрестностяхъ Пушолатъ и Велёны со словъ литовскихъ пѣвцевъ и пѣвицъ. (3 тома). Казань. 1880, 1880, 1882. (На литовскомъ языкѣ). 224) Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя *Антономъ Юшкевичемъ* и изданныя *Иваномъ Юшкевичемъ.* Спб. 1883. (Изданіе Имп. Акад. Наукъ). (На литовскомъ языкѣ). 225) Свадебные обряды Велёнскихъ литовцевъ, записанные *Антономъ Юшкевичемъ* въ 1870 году. Казань. 1880. (На литовскомъ языкѣ). 226) *Hochzeitsbräuche der Wielonischen Litauer. Beschrieben im Jahre 1870 von *Anton Jusskiewicz.* Uebersetzt im Jahre 1888 von *Arved Petry*, Stud. der slavischen Philologie und Sprachwissenschaft zu Dorpat, unter der Redaktion des Professors J. *Baudouin de Courtenay.* (Въ „Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft. Heidelberg. III. 14, 15, 16 Hefte. 1889, 1890, 1891"). Этотъ переводъ Бодуэнъ тщательно сличилъ съ подлинникомъ и повѣрилъ во всѣхъ отношеніяхъ, снабдилъ его примѣчаніями и предисловіемъ (ср. № 57) и велъ его, весьма утомительную, корректуру. 227) Sprawa przyjęcia jednolitej pisowni, proponowanej przez Akademję umiejętności w Krakowie (въ сборникѣ „Pamiętnik Zjazdu literatów i dziennikarzy polskich. 1894. Tom I. We Lwowie). 228) *Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej zapisał Adolf *Černý* (въ изданіи Краковской Академіи наукъ „Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej. Tom XVIII). 229) Съ 1885 г. *Бодуэнъ-деКуртенэ* состоитъ однимъ изъ редакторовъ издаваемаго въ Варшавѣ лингвистическаго журнала или скорѣе сборника п. з. *Prace filologiczne* wydawane przez J. *Baudouina de Courtenay*, J. *Karłowicza*, *A. A. Kryńskiego* i *L. Malinowskiego.* Z zapomogi Kasy pomocy dla osób pracujących na polu naukowym imienia Józefa Mianowskiego.

Изъ названнаго выше переведено на другія языки:

1. *O Słowianach we Włoszech* (№ 32). Переведено съ польскаго на чешскій языкъ и помѣщено въ журналѣ „Slovansky Sbornik". Praha. 1884.

2. *По поводу общеславянской азбуки* (№ 129). Переведено на польскій языкъ и издано отдѣльною брошюрой п. з. „*Hilferding czy ksiądz Malinowski, Moskale czy Polacy dadzą Słowianom Wszechsłowiańskie abecadło?* Pytania, na które czytelnik znajdzie odpowiedź w niniejszym tłumaczeniu broszury J. Baudouina de Courtenay pod tytułem: Kilka słów s powodu „Wszechsłowiańskiego abecadła". (Нѣсколько

словъ по поводу „Общеславянской азбуки“). Wydał *Ludwik Rzepecki* Fil. doktór. W Poznaniu. 1872“. Этотъ переводъ сдѣланъ не только безъ вѣдома и вопреки желанію автора, но даже тайкомъ отъ него, такъ что онъ узналъ объ немъ случайно только черезъ два года послѣ появленія въ свѣтъ названной брошюры. Переводъ сдѣланъ крайне неумѣло, такъ что нѣкоторыя, непонятныя переводчикомъ мѣста совсѣмъ выпущены. Затѣмъ, какъ заглавіе, такъ и самъ переводъ измѣнены и исковерканы тенденціозно и недобросовѣстно, да кромѣ того испещрены примѣчаніями, большею частью не идущими къ дѣлу и безсмысленными“.

Вышеприведенныя автобіографическія свѣдѣнія, сообщенныя имъ по просьбѣ редакціи „Критико-біогр. Словаря“, являясь цѣннымъ матеріаломъ для біографіи И. А., нуждаются безспорно въ нѣкоторомъ дополненіи и иномъ, болѣе объективномъ, освѣщеніи. Пишущій эти строки, какъ одинъ изъ учениковъ почтеннаго ученаго, стоявшій къ нему довольно близко въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, считаетъ своимъ долгомъ, во имя справедливости, вступить съ нимъ до извѣстной степени въ споръ, рискуя, быть можетъ, навлечь этимъ на себя его неудовольствіе. Извѣстное правило, что никто не можетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ судьей своихъ дѣйствій, находитъ еще одно подтвержденіе въ той самооцѣнкѣ, которую дѣлаетъ себѣ здѣсь почтенный ученый. Натура весьма оригинальная и самостоятельная, враждебная всякой рутинѣ, И. А. не отступилъ передъ трудной и щекотливой задачей сдѣлать самому критическую оцѣнку своей научной и преподавательской дѣятельности. При искренности и прямотѣ И. А., нажившихъ ему немало непріятелей, никто, знающій его сколько-нибудь близко, не заподозритъ его въ какихъ-либо скрытыхъ побужденіяхъ и заднихъ мысляхъ, внушившихъ ему смѣлую рѣшимость стать своимъ собственнымъ судьей. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что трудности такой задачи не позволили ему выполнить ее съ надлежащими спокойствіемъ и свободой ума. Судя строго свои (иногда мнимые) недостатки, почтенный ученый естественно не могъ говорить столь же откровенно о положительныхъ сторонахъ своей научной дѣятельности. Въ результатѣ получилась картина съ невѣрнымъ распредѣленіемъ свѣта: тѣни наложены слишкомъ густо и мрачно, а освѣщеніе главныхъ и существенныхъ элементовъ картины слишкомъ слабо и неудовлетворительно. Приписать ли такой результатъ какому-нибудь временному субъективному настроенію или только затруднительности положенія, — не будемъ рѣшать и попробуемъ сами дополнить недостающее. Основной чертой личнаго и научнаго характера И. А. является стремленіе къ духовной свободѣ и самостоятельности, отвращеніе къ какимъ бы то ни было предустановленнымъ взглядамъ, ко всему рутинному. Ненужно доказывать, что одной этой черты достаточно, чтобы отмѣтить недюжинность натуры, ею обладающей. Особенно цѣннымъ является подобное стремленіе въ языкознаніи, наукѣ въ смыслѣ самостоятельной научной дисциплины, съ собственнымъ методомъ и извѣстнымъ запасомъ обобщеній, очень молодой, хотя, въ смыслѣ суммы извѣстныхъ матеріаль-

ныхъ знаній и теоретическаго интереса, очень древней. Изслѣдователя встрѣчаетъ здѣсь съ одной стороны цѣлая сѣть рутины, предвзятыхъ взглядовъ и привычныхъ ошибокъ, а съ другой непочатое поле для наблюденія и изслѣдованія. Всякій, знакомый съ какой-любо областью умственнаго творчества, знаетъ легкость торныхъ дорожекъ и трудность прокладыванія новыхъ путей. И. А. всегда избѣгалъ первыхъ и стремился ко вторымъ. Въ связи съ этой его основной чертой и находится то желаніе «брать изслѣдуемый предметъ такимъ, каковъ онъ есть, не навязывая никогда не подходящихъ ему категорій», о которомъ онъ говоритъ выше. Онъ называетъ этотъ принципъ «очень простымъ», и однако, какъ мало найдется ученыхъ, которые могли бы сказать, что всегда оставались ему такъ вѣрны, какъ былъ ему вѣренъ И. А. во всей своей научной дѣятельности! Эта свобода и самостоятельность ума позволила И. А. сдѣлать рядъ оригинальныхъ и вѣрныхъ наблюденій и объясненій, изъ которыхъ укажемъ хотя бы, напр., на его блестящую и чреватую дальнѣйшими, весьма важными слѣдствіями, мысль о сокращеніи основъ въ пользу окончаній, развитую дальше талантливымъ ученикомъ И. А.—Н. В. Крушевскимъ въ ученіе о такъ назыв. морфологической абсорпціи, или на его идеи о двухъ различныхъ родахъ фонетическихъ чередованій, также развитыя и дополненныя Крушевскимъ. Эти ученія до сихъ поръ еще не получили правъ гражданства ни въ нашей, ни въ европейской наукѣ, хотя безусловно расширяютъ наши представленія о явленіяхъ языка, даютъ объясненіе массѣ фактовъ и представляютъ собой большой шагъ впередъ, въ отношеніи научной точности и закономѣрности. Не подлежитъ сомнѣнію, что будущая наука оцѣнитъ ихъ по достоинству и отведетъ подобающее мѣсто ихъ научнымъ творцамъ въ своей исторіи. Нечего говорить о томъ, какое вліяніе имѣла эта умственная свобода и самостоятельность И. А. на его учениковъ, открывая имъ новые научные горизонты, пріучая ихъ къ такому же свободному, непредубѣжденному взгляду на предметы и цѣли изслѣдованія, воспитывая въ нихъ своимъ примѣромъ уваженіе и стремленіе къ такой же точно самостоятельности и самодѣятельности. Въ связи съ этой свободой отъ предвзятыхъ и рутинныхъ научныхъ взглядовъ является и все научное направленіе И. А. и его школы. У насъ принято относиться къ нему свысока, отчасти насмѣшливо, отчасти съ пренебреженіемъ. Стремленіе къ объясненію фактовъ языка изъ данныхъ физіологіи и психологіи, признаніе необходимости всесторонняго детальнаго изученія явленій языка въ новыхъ, живыхъ языкахъ, ставшія на западѣ давно уже общими элементарными условіями, неизбѣжными для каждаго занимающагося языкомъ, считаются у насъ до сихъ поръ какими то пустяками, чѣмъ то ненужнымъ, ничего общаго съ дѣйствительной «наукой» не имѣющимъ.

За идеалъ научнаго лингвистическаго изслѣдованія у насъ нерѣдко выдается болѣе или менѣе механическое сопоставленіе сырого, часто односторонняго матеріала, направленіе чисто описательное, грубо-матеріалистическое, стремя-

щееся исключительно къ собранію новыхъ, большею частію сырыхъ, иногда даже сомнительныхъ фактовъ. Упускается изъ виду, что безъ извѣстныхъ общихъ теоретическихъ цѣлей, безъ яснаго представленія о факторахъ развитія языка и общелингвистической подготовки, самое собираніе матеріала, не говоря уже о его освѣщеніи и систематизаціи, не можетъ быть истинно научнымъ. Естественно, что, при такомъ общераспространенномъ у насъ взглядѣ на задачи языкознанія, «Бодуэновское направленіе» не пользуется особымъ расположеніемъ у многихъ нашихъ филологовъ, придирающихся обыкновенно къ незначительнымъ его внѣшностямъ и игнорирующихъ его существенныя стороны. Это понятно, такъ какъ все это «направленіе» представляется въ ближайшемъ внутреннемъ родствѣ съ господствующимъ на западѣ научнымъ направленіемъ сравнительнаго языкознанія, хотя и возникло въ значительной степени независимо отъ него. Между тѣмъ, по разнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, это направленіе западной науки, окрещенное въ насмѣшку «младо-грамматизмомъ», оставалось у насъ долго неизвѣстнымъ. Да и теперь у насъ имѣется далеко не точное представленіе о немъ. У насъ до сихъ поръ склонны считать «младограмматиковъ» маленькой фракціей молодыхъ языковѣдовъ, увлекшихся «завиральными идеями», свойственными молодости, находящихся въ абсолютномъ меньшинствѣ и никакого серьезнаго вниманія не заслуживающихъ. При этомъ забывается, что «младограмматики» были «молоды» и немногочисленны въ концѣ 70-хъ годовъ (когда ихъ такъ назвали), и что съ тѣхъ поръ прошло почти 20 лѣтъ, за которыя утекло много воды. «Младограмматики» теперь уже «состарѣлись», заняли почти всѣ выдающіяся мѣста въ западной наукѣ, являясь ея корифеями, создали уже не одно поколѣніе учениковъ и, пожалуй, въ силу общаго человѣческаго закона, скоро займутъ такое же скептически-недружелюбное положеніе по отношенію къ нарождающимися и имѣющимъ народиться новымъ направленіямъ, какое въ отношеніи къ нимъ самимъ занимали 20 лѣтъ т. назадъ «старограмматики» въ родѣ Курціуса, Потта и др. При такомъ смутномъ представленіи о западномъ «новограмматизмѣ», не удивительно у насъ полное отожествленіе съ нимъ «Бодуэновскаго направленія». Между тѣмъ это послѣднее, близко родственное съ нимъ по духу, исторически въ значительной степени было отъ него независимо, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шло гораздо дальше, избѣгая его ошибокъ. Одна изъ главныхъ характерныхъ его чертъ — широкое примѣненіе психологіи къ объясненіямъ фактовъ языка, явилась у И. А. совершенно независимо и даже раньше, чѣмъ получила распространеніе на западѣ. Точно такъ же въ вопросѣ о непреложности звуковыхъ законовъ, подѣлившемъ на время, 10 лѣтъ тому назадъ, европейскихъ ученыхъ на два враждебныхъ лагеря, наши «новограмматики», въ лицѣ И. А. и покойнаго проф. Крушевскаго, заняли совсѣмъ самостоятельное положеніе, благодаря болѣе точному и глубокому анализу звуковыхъ отношеній языка. Въ ихъ рукахъ недоказанная аксіома европейскихъ «новограмматиковъ»: «звуковые законы не имѣютъ исключеній»,

получила совсѣмъ иное освѣщеніе, вмѣстѣ съ болѣе строгимъ опредѣленіемъ самого понятія «звуковой законъ». Такимъ образомъ двѣ главнѣйшія черты западнаго «новограмматизма» въ «Бодуэновскомъ направленіи» имѣютъ совсѣмъ независимый характеръ и свою собственную физіономію. Стремленіе И. А. къ самостоятельности, отмѣченное выше, иной разъ, быть можетъ, и преувеличенное, приводило его къ тому, что онъ называетъ «невѣжествомъ», т.-е. къ извѣстному игнорированію готовыхъ уже чужихъ работъ и желанію все создать самому. Объ этомъ, вѣроятно, ему иногда приходилось жалѣть, но въ этомъ же заключается и еще одно изъ доказательствъ самостоятельности его направленія. Помянутое «невѣжество», впрочемъ, не нужно понимать слишкомъ буквально: И. А. никогда не уставалъ знакомиться со всѣмъ выдающимся въ старой и новой лингвистической литературѣ, иногда, быть можетъ, увлекаясь болѣе однимъ какимъ-нибудь ея отдѣломъ въ ущербъ другимъ. Такимъ предпочтеніемъ его, напр., пользовалась физіологія звука или физіологическая фонетика. Новый физіологическій методъ, пріобрѣтшій права гражданства въ наукѣ особенно со времени выхода въ свѣтъ извѣстной книги Брюкке, нашелъ въ лицѣ И. А. горячаго сторонника, что является вполнѣ естественнымъ въ виду характеризующаго его отсутствія предвзятыхъ взглядовъ и стремленія къ новымъ путямъ въ наукѣ. Все «Бодуэновское направленіе» и сводится къ широкому пользованію этими двумя новыми методами, физіологическимъ и психологическимъ, частью разработанными имъ самимъ, частью усвоенными (не безъ самостоятельной переработки) изъ западной науки. Какъ единственный почти у насъ долгое время представитель чисто европейскаго научнаго направленія и насадитель его у насъ, И. А. безусловно займетъ почетное мѣсто въ будущей исторіи русскаго языкознанія. Въ Казани онъ былъ первымъ профессоромъ по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, созданной уставомъ 1863 г. Въ Петербургѣ въ это время каѳедру эту занималъ покойный И. П. Минаевъ, прекрасный знатокъ религіозной и культурной исторіи Индіи (главнымъ образомъ буддизма), но совсѣмъ не лингвистъ, не выпустившій ни одного ученика сравнительнаго лингвиста. Другіе представители этой каѳедры, за исключеніемъ Московскаго Ф. Ѳ. Фортунатова, настоящаго лингвиста, хотя и довольно своеобразнаго направленія, имѣвшіеся въ то время, являются либо не лингвистами, а миѳологами въ родѣ Овсянико-Куликовскаго (таково было въ значит. степени и направленіе Всев. Миллера, теперь совсѣмъ измѣнившаго языкознанію), либо сомнительными дилеттантами, какъ Микуцкій. Только около И. А. и Ф. Ѳ. Фортунатова могли у насъ образоваться школы молодыхъ учениковъ — сравнительныхъ лингвистовъ. Говоря объ этой сторонѣ дѣятельности И. А., нельзя не отмѣтить еще одну черту его характера, какъ ученаго—это горячій энтузіазмъ къ своей наукѣ, способность самому увлекаться и увлекать другихъ своимъ примѣромъ. Черта эта опять есть характерный признакъ талантливости, и ею объясняется, почему въ сравнительно короткое время въ далекомъ казанскомъ университетѣ, съ его бѣднымъ слушателями историко-

филологическимъ факультетомъ, сгруппировалась около И. А. цѣлая самостоятельная школа молодыхъ ученыхъ, заявившихъ уже съ тѣхъ поръ о себѣ въ наукѣ болѣе или менѣе удачно, сообразно ихъ природнымъ даннымъ, и съ гордостью считающихъ себя его учениками. Изъ университетскихъ преподавателей назовемъ покойнаго проф. казанскаго университета Н. В. Крушевскаго, работы котораго были замѣчены и на западѣ, теперешняго представителя сравнительнаго языкознанія въ Казани, проф. В. А. Богородицкаго, проф. слав. нарѣчій (тамъ же) А. И. Александрова, а также пишущаго эти строки приватъ-доцента С.-Петерб. университета С. Булича. Если къ упомянутымъ чертамъ И. А., какъ ученаго, прибавимъ его благородную простоту и прямоту характера, человѣчность и участливость въ личныхъ отношеніяхъ къ слушателямъ, то нисколько неудивительно покажется его сильное нравственное и умственное вліяніе не только на его непосредственныхъ учениковъ, но и на другихъ ученыхъ, гл. обр. польскихъ, изъ которыхъ иные считаютъ себя его послѣдователями, не бывши никогда его слушателями. Пишущій эти строки навсегда сохранитъ воспоминаніе, какъ объ одной изъ свѣтлыхъ страницъ своей жизни, о томъ времени, когда онъ (въ бытность студентомъ, а потомъ магистрантомъ), принималъ участіе въ частныхъ занятіяхъ языкознаніемъ на дому у И. А. Какое это было свѣтлое, молодое, кипучее дѣятельностью и научными мечтами время; сколько въ немъ было жизни, безкорыстнаго энтузіазма и чистаго идеализма! Нечего прибавлять, что главнымъ центромъ и душой всей этой жизни былъ иниціаторъ и главный руководитель этихъ научныхъ бесѣдъ—И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, память о которомъ сохранится и у всѣхъ его прочихъ учениковъ.

Послѣ всего вышесказаннаго можетъ показаться страннымъ, если мы согласимся съ И. А., что его научная дѣятельноотъ не дала всего того, чего вправѣ была ожидать отъ него наука. Но причины этого явленія мы видимъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ находитъ самъ И. А. («неповоротливость, апатическое состояніе, равнодушное отношеніе», находящіяся въ полномъ противорѣчіи съ «усиленнымъ и напряженнымъ трудомъ»), а скорѣе въ его чрезмѣрной требовательности къ себѣ самому, такъ сказать, ученой мнительности, а также и въ его увлекающемся характерѣ, заставлявшемъ его разбрасываться и размѣниваться иногда на стрѣльбу изъ пушки по разнымъ воробьямъ, въ родѣ Великановыхъ, Полей, Духинскихъ и т. д.

Дѣйствительно въ длинномъ рядѣ его научныхъ работъ мы встрѣчаемъ сравнительно немного крупныхъ изслѣдованій и огромную массу полемическихъ статей, рецензій и т. д., создавшихъ ему пропасть непріятелей и репутацію такъ сказать «научнаго бреттера». Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта дѣятельность вытекала не изъ «апатіи» и «неповоротливости», а напротивъ изъ страстнаго и горячаго отношенія къ своему предмету и истинѣ. Справедливость требуетъ также сказать, что и научная дѣятельность, какъ дѣятельность артиста, требуетъ сочувствія и признанія. Не всякій можетъ сохранить прежній жаръ и одушевле-

ніе и идти «дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ», встрѣчая вокругъ общее непониманіе, недоброжелательство или въ лучшемъ случаѣ холодное равнодушіе...

С. Буличъ.

***Бодуэнъ-де-Куртенэ** (Baudouin de Courtenay), Ромуальда Ромуальдовна, урожденная Багницкая (Bagnicka). Родилась 15/27 ноября 1857, въ Александровскѣ, кіевской губ., дочь врача. Въ числѣ первыхъ поступила въ 1878 г. на петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, по филологическому отдѣленію. Окончила курсъ въ 1882 г. Въ январѣ 1882 г. вышла замужъ за проф. Ивана Александровича Бодуэна-де-Куртенэ. Р. Р. Б.-де-К. напечатала:

I. Отдѣльно изданные этюды (на польскомъ языкѣ).

1) *Korespondencya poufna ex-agenta dyplomatycznego z damą dworu i wyjątki z jej dziennika od r. 1813—1819.* Odbltka z „Przeglądu Powszechnego". Kraków. 1886. 8°, стр. 32. 2) *Nowe materyały do dziejów Kosciuszki,* (Archiwum księcia Woroncowa). W. Krakowie. 1889. (Osobne odbicie z Przeglądu Polskiego). 8°, стр. 28.

II. Новеллы и разсказы (на польскомъ языкѣ).

1) *Na wiosnę* (еженедѣльникъ „Prawda". Варшава, 1884, № 33). 2) *Na wyższych kursach żeńskich* (z powodu ich dziesięciolecia) (еженедѣльникъ „Kraj", Петербургъ, 1888, №№ 48, 49, 51, 52). 3) *Pocieszyciel.* (Тамъ-же, 1890, № 7). 4) *Kalejdoskop* (obrazki zmienne). (Тамъ-же, 1890, №№ 46, 47, 48, 49). 5) *W powszedni ranek,* opowiadonie (газета „Kurjer codzienny", Варшава, 1890, №№ 160, 161, 162, 165). 6) *Pałac cieniów* (Z. wrażeń peterhofskich). (Въ газетѣ „Nowa Reforma", Краковъ, 1893, №№ 288, 289, 290). 7) *Z bajek Pańczatantry i z liryki indyjskiej.* (Въ сборникѣ: „Charitas". Księga zbiorowa wydana na rzecz R.-K. towarzystwa dobroczynności przy Kościele św. Katarzyny w Petersburgu. Petersburg. 1894, стр. 299—304). 8) *Spomnjenka.* (Въ лужицкомъ журналѣ „Lušica", Будышинъ, 1894, № 4. Воспоминаніе о ксендзѣ Михаилѣ Горникѣ, написанное первоначально по-польски и переведенное на лужицкій д-ръ Э. Мукою). 9) *W miesiąc po ślubie,* obrazek. (Въ газетѣ „Czas", Краковъ, 1894. №№ 95, 96, 97, 98, 99).

III. Біографическія критическія, историческія и литературныя статьи.

А. На русскомъ языкѣ.

1) *Элиза Оржешко.* Итоги 25-ти-лѣтней литературной дѣятельности. (Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", 1892, декабрь № 12, стр. 241 — 273). 2) *Записки львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 года въ Москвѣ.* „Жур. Мин. Нар. Пр." 1895 г. № 5.

Б. На польскомъ языкѣ.

1) *Wspomnienia z 1863 r. przez Wiażmitinowa i Boratyńskiego.* (Русская Старина, 1886 г.) Въ журналѣ „Kwartalnik historyczny", Львовъ, 1887, стр. 371—373. 2) *Archiwum hrabiow De la Gardie w bibljotece uniwersytetu Dorpackiego.* (Тамъ-же, 1889, стр. 709—721). 3) *Julja Hasdeu* (въ петербургскомъ еженедѣльникѣ „Kraj". 1889, №№ 28, 31, 32). 4) *Niemiecki Mezzofanti.* (Dr. G. J. J. Sauerwein) (въ га-

зетѣ „Kurjer codzienny", Варшава, 1889, № 595). 5) *Kolchida polnocna.*(Prawda", 1890, № 21). 6) *Młode pokolenie kobiet w powieściach Orzeszkowej.* („Kraj", 1891, № 50). 7) „*Aforyzm*". (*Въ* „Upominek, książka zbiorowa na cześć Elizy Orzeszkowej. Kraków. Petersburg. 1893"). 8) *Ks. Michał Hòrnik.* („Nowa Reforma", 1894, № 47 и въ „Kraj, 1894, № 8) 9. *Dziś i przed laty piętnastu.* Melchior de Voguë: Les terroristes russes. („Nowa Reforma", 1894, №№ 121, 122, 123).

IV. Корреспонденціи, отчеты, замѣтки и пр.

А. На русскомъ языкѣ. 1) Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", 1878—1881 гг. 2) Въ „Молвѣ", 1878—1881 гг. 3. Въ газетѣ „Порядокъ", 1880—1881 гг. Б. На польскомъ языкѣ. 1) Въ „Przegląd tygodniowy". Варшава, 1873, № 32. 2) Рядъ корреспонденцій изъ Петербурга въ „Prawda", Варшава, 1881. 3) Рядъ корреспонденцій изъ Дерпта-Юрьева въ „Kraj", 1885—1893, подъ собственною фамиліей и псевдонимомъ „*Świadek*" (Свидѣтель). 4) Корреспонденція „Z Dorpatu" подъ псевдонимомъ „*Daleki*" (Далекій) (въ журналѣ „Ateneum" 1888, IV, стр. 448—456).

Бодянскій, Осипъ Максимовичъ, знаменитый славистъ [1]).

Съ тридцатыхъ годовъ возникаетъ въ Россіи наука славяновѣдѣнія. Университетскій уставъ 1835 г. ввелъ новую каѳедру — исторію славянскихъ лите-

[1]) **Отзывы:** объ „*О народной поэзіи*": 1) „Библ. д. Чт." 1837 г. т. 23, 5) „Литер. Приб." къ „Рус. Инв." 1837 г. № 31. Объ „*Объ одномъ прологѣ*": „Отеч. Зап." 1846 г. т. 46. Объ „*О времени происхожд. слав. письменъ*": 1) *Срезневскій* въ „Изв. Ак. Наукъ" т. 4 и въ 25 присужденіи Демидов. наградъ. 2) „Современникъ" 1855 г. № 3 и 5. 3) „Моск. Вѣд." 1855 г. № 46. 4) *Сушковъ* въ „Сѣв. Пчелѣ" 1855 г. № 55. 5) *К. Полевой.* Тамъ-же, № 169. **Общіе матеріалы для біографіи и оцѣнки Б.:** 1) *Кошовый*, Исторія письменства XIX в.; 2) *Бѣлинскій*, Молва 1835, 28; 3) *І. Галка* (Н. И. Костомаровъ), въ „Молодикѣ" 1844; 4) *Біографическій словарь* профессоровъ Москов. унив. 1855; 5) *Аксаковъ, К.* въ „Днѣ" 1862 №№ 39—40, 6) *А. В-нъ* (А. Н. Пыпинъ) въ „Вѣстн. Европы" 1877 X; 7) *Рус. Старина* 1879 №№ 5 и 11 (статьи *М. И. Семевскаго*, *Нила Попова* и кн. *Н. Н. Голицына.* Съ портр.); 8) „Газета Гатцука" 1877 г. № 38—40; 9) „Голосъ" 1877 г. № 212—213; 10) *Д. Языковъ*, въ „Древ. и Нов. Россіи" 1878; 11) *А. Дювернуа*, Рѣчи и отчеты Моск. Унив. 1878. 12) *Котляревскій* въ „Славянскомъ Ежегодникѣ" Задерацкаго 1878; 13) *Комаровъ* въ „Библ. покажчикѣ"; 14) *Пыпинъ*, Исторія слав. литер. т. I и „Исторія рус. этногр." т. III. 15) *Кояловичъ*, Ист. рус. самосознанія 239, 246, 457; 16) *Петровъ*, Очерки ист. украин. литер. XIX ст. 183—188; 17) *Срезневскій*, На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ 1878; 18) *Е. Барсовъ* въ предисл. къ „Изборнику Святослава" 1882 г.; 19) *Кочубинскій*, О. М. Бодянскій въ его дневникѣ (въ „Историч. Вѣстникѣ" 1887 XII). Другіе отрывки изъ дневника Б. сообщены 20) *И. Ф. Павловскимъ* въ „Рус. Ст." 1888. № 10 11; 21) *Успенскій*, Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ, 1890 г. (на 26 стр.); 22) *Болгаро-русскій календарь* изд. въ Софіи 1879 г.; 23) *Pervolf*, Slovanska myslenka na Rusi, въ „Osvěta" 1879 II 621. 24) *Барсуковъ*, Письма Бодянскаго къ Сахарову въ „Древней и Новой Россіи", 1880, апрѣль; 25) *Сумцовъ*, О сношеніяхъ Бодянскаго съ Шафарикомъ въ „Славянск. Обозрѣніи", 1892, май; 26) *Кочубинскій*, О. М. Бодянскій въ „Славянск. Обозр.", 1892, декабрь; 27) *Титовъ*, Письма О. М. Бодянскаго къ отцу, въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1893, III. 28) *Его-же*, Охранный Каталогъ (1881—88); 29) *Дашкевичъ*, въ 29 прис. Уваров. наградъ. Біографическій матеріалъ разсѣянъ еще въ раннихъ статьяхъ самого Бодянскаго и въ особенности

ратуръ, и, по счастливому стеченію обстоятельствъ, каѳедру эту заняли люди, какъ на подборъ, горячо преданные наукѣ, люди большого ума и выдающихся дарованій: въ Казани (потомъ въ Одессѣ) Григоровичъ, въ Харьковѣ (потомъ въ Петербургѣ) Срезневскій, въ Петербургѣ Прейсъ, рано умершій, и въ Москвѣ Бодянскій. Изъ этихъ патріарховъ славистики наиболѣе долговѣчными и наиболѣе производительными въ научномъ отношеніи были Бодянскій и Срезневскій. Заслуги Бодянскаго выражаются въ преподавательской профессорской дѣятельности, въ оригинальныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, немногія отличаются величиной и обработанностью, главнымъ образомъ въ изданіи массы памятниковъ, драгоцѣнныхъ для исторіи, филологіи и этнографіи. Это былъ бенедиктинецъ русской науки. По словамъ А. А. Котляревскаго, «О. М. Бодянскій былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ, и какъ секретарь ученаго общества и редакторъ его журнала онъ, говоря словами ап. Павла, вполнѣ «подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ».

Въ характерѣ и въ симпатіяхъ Бодянскаго, во многихъ его научныхъ предпріятіяхъ, въ частныхъ его письмахъ красной нитью проходитъ его украинское происхожденіе. Въ характерѣ выдается малорусская настойчивость и юморъ, въ дѣятельности — наклонность къ малорусской поэзіи и исторіи. Въ письмахъ Бодянскій охотно называетъ себя малороссомъ и вставляетъ часто малорусскія пословицы и поговорки, даже въ письма къ Погодину, которому малорусскія симпатіи Бодянскаго были совсѣмъ чужды. Эти симпатіи, какъ вообще своеобразныя черты характера Бодянскаго, обусловлены были не только малорусскимъ его происхожденіемъ, но и пройденной имъ малорусской семинарской школой. Бодянскій, сынъ священника, родился въ 1808 г. къ м. Варвѣ лохвицкаго уѣзда полтавской губ. Отсюда и его литературный псевдонимъ Бода-Варвинецъ. Первоначальное образованіе Бодянскій получилъ въ полтавской духовной семинаріи, и уже на семинарской скамьѣ обнаружились его литературныя наклонности, развившіяся отчасти подъ вліяніемъ изданнаго М. А. Максимовичемъ въ 1827 г. сборника малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Изъ писемъ семинариста Бодянскаго къ отцу видно, что онъ былъ добрый и любящій сынъ. Узнавъ въ 1831 г. о болѣзни матери, онъ писалъ отцу и меньшому брату, чтобы они «ухаживали за ней со всякимъ раченіемъ». Когда старикъ Бодянскій въ 1845 г. потерялъ мѣсто, сынъ изъявилъ немедленно готовность принять на себя заботу о содержаніи родителей. Со словъ Бодянскаго, А. А. Кочубинскій говоритъ, что «Б., семинаристъ, съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, изъ далекаго Переяслава полтавскаго

въ его письмахъ къ Погодину, изданныхъ въ „Чтеніяхъ", въ 1879 г., въ письмахъ къ А. Л., изданныхъ въ Кіевской Старинѣ 1889 г. XI и въ письмахъ къ отцу въ „Чтеніяхъ" 1893 г. Ср. также *Барсукова*, Жизнь и труды М. П. Погодина и *Его-же*, Рус. Палеологи 40-хъ гг. (1880). О судьбѣ библіотеки и бумагъ Б. см. сообщенія *А. А. Гатцука* въ „Рус. Ст." 1887 г. т. LVII и 1888 г. № 3. Также *И. Ф. Павловскаго* въ „Рус. Ст." 1888 г. № 11.

прибрелъ въ Москву затѣмъ, чтобы усѣсться за словарные фоліанты, съ трудомъ добытые изъ лавки стараго Ферапонтова на Никольской».

Въ 1831 г. Бодянскій поступилъ въ московскій университетъ и черезъ три года, въ 1834 г., окончилъ его со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Изъ студенческихъ кружковъ онъ ближе всего примыкалъ къ кружку Станкевича и Константина Аксакова, изъ профессоровъ пользовался совѣтами и указаніями Каченовскаго. Каченовскій въ своемъ долголѣтнемъ служеніи университету преподавалъ разныя науки, съ 1810 до 1821 изящныя искусства и археологію, 1821—1830 исторію, статистику и географію Россіи, 1830—1831 россійскую словесность, 1832—1833 всеобщую исторію и статистику. Университетскій уставъ 1835 года ввелъ въ университеты новую каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, и Каченовскій занялъ эту каѳедру. На виду у него, какъ будущій помощникъ по каѳедрѣ, былъ Бодянскій, ученикъ имъ любимый и по познаніямъ, и по трудолюбію, и какъ землякъ. Каченовскій сталъ поддерживать Бодянскаго въ занятіяхъ славянскими нарѣчіями. И. И. Срезневскій, вѣроятно, со словъ самого Бодянскаго, говоритъ, что Каченовскій былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для магистерской диссертаціи.

Въ 1837 г., вскорѣ по выдержаніи магистерскаго экзамена и защиты диссертаціи, Бодянскій обратилъ на себя вниманіе московскаго попечителя графа Строганова и былъ командированъ на два года за границу для научныхъ занятій. Частью по ученымъ занятіямъ, частью по болѣзни онъ сверхъ опредѣленнаго ему срока оставался за границей еще около трехъ лѣтъ. О его заграничныхъ занятіяхъ имѣются свѣдѣнія съ одной стороны въ его отчетахъ, съ другой—въ воспоминаніяхъ о немъ Срезневскаго, который былъ за границей въ одно время съ Бодянскимъ. «Жили мы вмѣстѣ, говоритъ Срезневскій, въ одной комнатѣ и работали въ Позвани; а въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, живя стѣна объ стѣну, видились очень часто». Эта близость Срезневскаго къ Бодянскому даетъ большую цѣну его сообщеніямъ о Бодянскомъ. Бодянскій, по словамъ Срезневскаго, былъ первый изъ отправленныхъ въ то время молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли и пробылъ въ путешествіи болѣе всѣхъ другихъ. Какъ дѣятеленъ былъ онъ во время этого путешествія, какъ старался воспользоваться всѣмъ, что представлялось ему нужнымъ для его научныхъ цѣлей, и знакомствами, и библіотеками, и пособіями для изученія нарѣчій и словесности, и источниками по исторіи славянъ, видно изъ почтительнаго отношенія къ нему западно-славянскихъ ученыхъ того времени. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» напечатано *два его отчета*: одинъ отъ 23 марта 1838 (XVIII, 323), а другой отъ 1 февраля 1839 (XXIII—XXIV, 15). Изъ перваго видно, что Бодянскій выѣхалъ за границу черезъ южнорусскія земли. Остановившись въ Переяславѣ, онъ занялся двумя харатейными евангеліями, изъ которыхъ одно, написанное въ 1656 г. съ особенностями малорусскаго говора, дало ему поводъ высказать нѣсколько замѣчаній о старославянскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ онъ обратилъ вниманіе

на нѣкоторыя изъ рукописей тамошнихъ библіотекъ. Изъ Кіева черезъ Варшаву и Бреславль онъ пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ въ первые четыре мѣсяца занимался исключительно систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и новомъ чешскомъ, словацкомъ, верхне и нижне-лужицкомъ языкахъ, изучалъ исторію литературы и исторію народа. Изъ второго отчета узнаемъ, что Бодянскій пробылъ въ Прагѣ еще болѣе полугода и съ апрѣля занимался древними чешскими памятниками по подлинникамъ. Лѣто до сентября онъ лѣчился въ Карлсбадѣ и Теплицѣ; сентябрь провелъ въ переѣздахъ по Чехіи для наблюденія надъ чешскимъ языкомъ въ устахъ самого народа. Въ октябрѣ онъ переѣхалъ въ Моравію и посѣтилъ тамъ Оломуцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ дѣятелями и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Въ числѣ памятниковъ съ полною довѣренностью въ подлинность онъ занялся монетами съ записью «пенизе» и райградскою латинской рукописью, гдѣ Палацкимъ отмѣчены Кирилловскія приписки, какъ очень древнія. Переѣхавъ въ Вѣну, онъ сблизился съ тамошними дѣятелями и изъ памятниковъ занялся исключительно Октоихомъ Ганкенштейна и сдѣлалъ изъ него огромныя извлеченія и нѣсколько снимковъ. Изъ Вѣны Бодянскій поѣхалъ въ южную Венгрію, населенную сербами, потомъ въ Сербію и Болгарію, потомъ въ Трансильванію, Буковину, Галицію, земли венгерскихъ русиновъ и словаковъ, затѣмъ къ словинцамъ. Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (1843 г.), вышедшемъ въ видѣ отдѣльной статьи, Бодянскій упомянулъ, что послѣ долговременнаго пребыванія въ Судетахъ у Присница онъ прибылъ въ Бреславль. Здѣсь онъ встрѣтился съ Срезневскимъ и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Россію.

О заграничномъ путешествіи Бодянскій весьма подробно говоритъ въ письмахъ къ Погодину, изданныхъ въ 1 кн. «Чтеній» 1879 г. Всѣхъ писемъ 23; но они весьма обширны, такъ что въ печати заняли 135 страницъ. Б. подробно говоритъ о своихъ научныхъ занятіяхъ, встрѣчахъ съ учеными и пр. т. п Изъ писемъ видно, что онъ отлично усвоилъ 7 славянскихъ нарѣчій и составилъ цѣнную библіотеку по славяновѣдѣнію. Изъ отзывовъ его о писателяхъ особенно выдаются восторженные отзывы о Шафарикѣ, какъ человѣкѣ глубоко-ученомъ, привѣтливомъ, добромъ и скромномъ.

Между Шафарикомъ и Бодянскимъ завязалась тѣсная дружба, имѣвшая важное значеніе для развитія славяновѣдѣнія въ Россіи. Въ основу дружбы легли общіе научные интересы, а скрѣпой послужило сходство въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Шафарикъ и Бодянскій одинаково дорожили общими и мѣстными славянскими интересами, одинаково заботились о сохраненіи историческихъ преданій, о собираніи и популяризаціи лучшихъ произведеній народной словесности.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Павелъ Іосифъ Шафарикъ по лѣтамъ (род. въ 1795 г.) и научнымъ заслугамъ (издалъ въ 1837 г. «Славянскія древности») вполнѣ уже могъ занять мѣсто главнаго руководителя въ славяноизученіи. Правда, его научная извѣстность въ это время не стояла еще на той высотѣ въ Россіи, какая позднѣе выпала на его долю, благодаря главнымъ образомъ пропагандѣ

его научныхъ заслугъ со стороны Бодянскаго, Но уже въ двадцатыхъ годахъ Шафарикъ былъ замѣченъ и оцѣненъ въ Россіи Кеппеномъ, немного позднѣе Погодинымъ; въ 1841 г. даже нѣмцы признали его высокія научныя заслуги и предлагали ему профессорскую каѳедру въ берлинскомъ университетѣ.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ молодой, начинающій ученый. Онъ только что сошелъ съ университетской скамьи и съ страстнымъ увлеченіемъ новичка углубился въ изученіе славянской народной поэзіи. Онъ шелъ тѣмъ же путемъ народоизученія, которымъ немного ранѣе его шелъ и Шафарикъ; жизнь и развитіе этихъ дѣятелей славяновѣдѣнія представляютъ много параллелей. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, первоначально прошли духовную школу, въ молодыхъ лѣтахъ полюбили родной языкъ и стали сторонниками движенія въ пользу духовнаго возрожденія мѣстныхъ славянскихъ литературъ. Первымъ трудомъ Шафарика въ этомъ направленіи былъ сборникъ стихотвореній «Tatranská Musa», 1814 г.; первымъ трудомъ Бодянскаго «Наськи украинськи казки», 1835 г. Для того и другого университетъ оказался exilium corporis, paradisus animae. Въ 1837 г. Шафарикъ издалъ «Славянскія древности»; въ томъ же году Бодянскій защитилъ свою магистерскую диссертацію. «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Молодой русскій ученый шелъ по стопамъ своего славнаго, старшаго современника, и нѣтъ ничего удивительнаго, что между ними установились въ высшей степени дружескія отношенія, когда благосклонная къ нимъ судьба свела ихъ для личнаго знакомства. Дружба Шафарика и Бодянскаго—прекрасный образчикъ славянскаго общенія. Въ этой дружбѣ есть много поучительнаго, и въ особенности поучительно то уваженіе къ наукѣ, къ личности и къ народности, на которомъ построена вся эта дружба.

Въ 1832 г. Шафарикъ оставилъ службу въ новосадской гимназіи и благодаря матеріальной поддержкѣ своихъ друзей, ревнителей чешскаго возрожденія—Юнгмана, Палацкаго и др. (кружка изъ 9 лицъ), поселился въ Прагѣ. По фигуральному выраженію Юнгмана, Шафарикъ «пересадилъ корень своей благотворной дѣятельности», и эта пересадка оказалась весьма важной въ научномъ отношеніи. Въ положеніи свободнаго ученаго и литератора, Шафарикъ первые два года по пріѣздѣ въ Прагу посвятилъ обработкѣ громадныхъ матеріаловъ для «Славянскихъ древностей». Сочиненіе это по выходѣ въ свѣтъ въ 1837 г. было сразу замѣчено и оцѣнено въ Германіи и въ славянскихъ странахъ. Въ непродолжительномъ времени послѣдовали переводы его на языки: нѣмецкій, русскій и польскій. «Что эта за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомится хотя сколько нибудь», писалъ И. И. Срезневскій о «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика. «Ее можно сократить, перевести, передѣлать, но не замѣнить. Каждый фактъ повѣренъ въ ней по нѣскольку разъ; каждый выводъ требовалъ перебора и сравненій множества свидѣтельствъ. И всему этому множеству надобно было дать малый объемъ, все надобно было сжать, чтобы сколько можно болѣе облег-

чить средства печатанія. Поневолѣ книгу тяжело читать. Зато какъ утѣшительно перечитывать, какъ легко трудиться, имѣя ее подъ руками. Кто скажетъ, что въ ней нѣтъ ошибокъ или кое-гдѣ пристрастія къ принятому мнѣнію? Но что значатъ всѣ эти недостатки въ сравненіи съ ученостью, которая поражаетъ читателя на каждой страницѣ,—съ отчетливостью въ разборѣ даже мелочей,—съ богатствомъ новыхъ фактовъ, въ первый разъ употребляемыхъ тутъ въ дѣло,—со всеобъемлемостію взгляда,—умѣньемъ пользоваться всѣмъ, чѣмъ могла сочинителю помочь современная наука, — съ умѣньемъ побѣдить тысячу трудностей, сообразить несчетное множество извѣстій и распорядиться имъ». Въ книгѣ громадный ученый трудъ соединенъ былъ съ теплою сердечною любовью къ самому предмету изслѣдованія. Эта характеристическая черта въ сочиненіи Шафарика была позднѣе подмѣчена и вѣрно обрисована однимъ нѣмецкимъ ученымъ К. Ф. Нейманомъ, который въ 1867 году сказалъ о ней: «Какъ высоко стоятъ въ этомъ отношеніи «Славянскія древности» надъ всѣми сочиненіями въ нашей литературѣ, разсуждающими о подобныхъ предметахъ! У славянина любовь до такой степени торжествуетъ надъ обратившеюся въ прахъ древностью, что совершенно оживляетъ ее и облекаетъ въ органическую форму».

Знакомство Бодянскаго съ сочиненіями Шафарика началось еще до поѣздки его за границу, подъ вліяніемъ Погодина. Впервые Погодинъ приступилъ къ ознакомленію русскаго общества съ Шафарикомъ. Въ 1837 г. подъ редакціей нашего историка выходилъ «Русскій Историческій Сборникъ», изданіе московскаго Общества исторіи и древностей, перешедшее въ 1845 г. въ «Чтенія». Въ I кн. Сборника Погодинъ перевелъ статью Шафарика о статуѣ Чернобога, а въ IV кн. того же Сборника находится сдѣланный Бодянскимъ переводъ другой статьи Шафарика: «Славянскія письмена въ нынѣшней Россіи». Погодинъ направилъ Бодянскаго не только къ сочиненіямъ Шафарика, но и къ самому автору въ Прагу, съ передачей ему кое-какихъ подарковъ изъ Россіи.

Перваго декабря 1837 года, въ 6 часовъ вечера, Бодянскій прибылъ въ Прагу и остановился въ гостинницѣ «Австрійскаго Императора» на Порѣчьѣ. Ни мало не медля, черезъ полчаса онъ уже въ фіакрѣ разыскивалъ № дома, гдѣ жилъ Шафарикъ. Шафарикъ принялъ Бодянскаго, какъ стараго знакомаго. «Первыя слова его были тѣ, писалъ Бодянскій Погодину,—что онъ извинялся въ невозможности для него объясняться по-русски, хотя, какъ извѣстно,—продолжаетъ Бодянскій, — онъ весьма хорошо разумѣетъ русскій языкъ; но я началъ говорить съ нимъ по чешски, и такимъ образомъ это дѣло было улажено». Это замѣчаніе Бодянскаго нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Шафарикъ разумѣлъ русскій языкъ, но не хотѣлъ говорить на немъ. Онъ разумѣлъ книжный русскій языкъ, но не могъ свободно объясняться порусски и не могъ писать на немъ. Всѣ его письма къ Погодину (145 №№) написаны по нѣмецки. Въ 1836 г., на призывъ переселиться въ Россію, Шафарикъ писалъ Погодину: «Meine Muttesprache ist das Böhmische; was ich hier und da theoretisch aus

anderen Mundarten erlernt habe, reicht nicht hin, um in Moskau praktisch wirken zu können».

Первая встрѣча Бодянскаго съ Шафарикомъ прошла въ оживленной бесѣдѣ о Россіи, Москвѣ, Погодинѣ и путешествіи Бодянскаго. На другой день рано утромъ Шафарикъ побывалъ у Бодянскаго, и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы они не видѣлись. Чтобы быть поближе къ Шафарику, по его совѣту, Бодянскій переѣхалъ въ гостинницу «Высокій Домъ» на Конскомъ торгу, какъ разъ противъ статуи св. Вацлава, а вскорѣ, при содѣйствіи Шафарика, подыскалъ поблизости подходящую квартиру. «Шафарикъ такъ добръ, такъ внимателенъ ко мнѣ,—писалъ Бодянскій Погодину въ 1838 г.,—что, право, я часто внутренно краснѣю самъ за себя, видя, какъ онъ хлопочетъ и заботится о малѣйшей мелочи, относящейся ко мнѣ». Нужно замѣтить, что Шафарикъ былъ бѣднякъ. Онъ могъ помогать Бодянскому своими знаніями, доброжелательствомъ, трудомъ, и самъ часто нуждался въ матеріальной помощи со стороны своихъ друзей. М. Погодинъ въ 1835 году такъ описываетъ домашнюю обстановку чешскаго ученаго: «Тѣсная рабочая комната установлена полками съ книгами; посрединѣ столъ, покрытый бумагами; подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ жена — словенка, родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей». Т. Н. Грановскій, посѣтившій Шафарика въ Прагѣ въ 1838 году, писалъ: «Я не знаю, чему болѣе удивляться въ Шафарикѣ,—его великой учености или его великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ». Подъ «тысячами обстоятельствъ» нужно разумѣть главнымъ образомъ полицейско-политическое преслѣдованіе всякаго національнаго и общественнаго развитія въ чешскихъ земляхъ, особенно сильное въ 50-хъ годахъ во времена Баха, когда за Шафарикомъ учреждено было строгое шпіонство.

Шафарикъ помогалъ молодому русскому ученому чѣмъ могъ и какъ могъ, помогалъ драгоцѣннѣйшимъ своимъ достояніемъ — обширной научной начитанностью. Изъ писемъ Бодянскаго къ Погодину узнаемъ, что въ 1838 году они вмѣстѣ работали надъ составленіемъ географическихъ картъ, перечитывали бѣлорусскія пѣсни, составили реестръ славянскихъ книгъ для московскаго университета, читали древнія сербскія и болгарскія сочиненія. Подъ руководствомъ Шафарика, Бодянскій отлично усвоилъ чешскій и словацкій языки и свободно говорилъ на первомъ. «Шафарикъ для меня—цѣлая академія,—писалъ Бодянскій Погодину 20 февраля 1838 года:—ему я болѣе всѣхъ обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Конечно есть здѣсь и другіе умные, ученые и заслуженные чехи; но они большею частью занимаются одной какой нибудь отраслью; напротивъ, Шафарикъ равно силенъ и какъ дома

во всѣхъ частяхъ славянщины: эта цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать, и когда помыслю—чего это стоило ему при такихъ крутыхъ обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ,—невольно изумляюсь. Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Страдая ужаснѣйшимъ ревматизмомъ, гибельно дѣйствовавшимъ на него въ нынѣшнюю (1838 г.) необыкновенно холодную въ здѣшнихъ краяхъ зиму, онъ ни на часъ не покидалъ пера, и только за письменнымъ столомъ забывалъ свои тѣлесныя мученія. Прибавьте къ этому почти всегда хворыхъ жену, тещу и двухъ сыновей,—его недостатокъ въ нужнѣйшихъ житейскихъ потребностяхъ и несмотря на все это постоянную, неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ, ни на волосъ гордости, спѣси или себялюбія, и всякій изъ насъ поневолѣ станетъ удивляться этому мужу».

Въ Шафарикѣ привлекала Бодянскаго еще одна черта—его безконечная преданность родному языку. Въ письмѣ къ Погодину 24 апрѣля 1841 года Бодянскій, по поводу отказа Шафарика отъ каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ университетѣ, писалъ: „Вотъ уже въ третій разъ онъ отклоняетъ отъ себя самыя блистательныя и питательныя для него предложенія, а все изъ чистаго и безпримѣрнаго народолюбія, соглашается скорѣе терпѣть возможнаго рода лишенія и недостатки, чѣмъ оставить свою родину и выѣхать, хотя бы то было даже и къ своимъ соплеменникамъ, гдѣ, разумѣется, долженъ былъ бы отказаться отъ своего языка, объясняться на языкѣ другомъ, что въ глазахъ его и въ глазахъ каждаго умнаго, разсудительнаго патріота составляетъ преступленіе, входящее въ одинъ разрядъ съ отцеубійствомъ».

Эта черта въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Шафарика бросалась въ глаза и была замѣчена, между прочимъ, Погодинымъ, мало расположеннымъ къ ея восторгу и надлежащей оцѣнкѣ. Вообще, Шафарикъ на всѣхъ русскихъ ученыхъ, встрѣчавшихся съ нимъ, производилъ чарующее впечатлѣніе своею просвѣщенной и гуманной личностью, своею преданностью родному языку, необыкновенною заботливостью о своей семьѣ и своемъ народѣ. Погодинъ, познакомившійся съ Шафарикомъ незадолго до поѣздки заграницу Бодянскаго, такъ описывалъ свои разговоры съ нимъ во время уединенныхъ прогулокъ: «Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе и—больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ угодно Богу»,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать передо мною исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ: рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, вѣра въ Провидѣніе,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ

вѣками; я увидѣлъ ясное различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долговременнаго размышленія и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значитъ зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ: только племена, народы занимали его».

Бодянскій преисполненъ былъ чувствомъ благодарности и всячески изыскивалъ способы для ея выраженія. Заботливостью о Шафарикѣ проникнуты почти всѣ письма Бодянскаго къ Погодину отъ 1838 по 1841 г. «Здоровье его незавидное, а обстоятельства и подавно. Жена и теща почти постоянно больны. Нуждается чрезвычайно во всемъ», писалъ Бодянскій въ началѣ 1838 г., и почти черезъ три года, въ 1841 г., не получая долго писемъ отъ Шафарика, Бодянскій писалъ Погодину: «Богъ его знаетъ — что-то замолчалъ! ужъ не боленъ ли? Сохрани его Спаситель, Царь небесный!» Это характерное религіозное восклицаніе показываетъ, какъ Бодянскій дорожилъ Шафарикомъ, какъ любилъ его. Попытки Бодянскаго улучшить положеніе Шафарика пробиваются во многихъ мѣстахъ его писемъ къ Погодину. Бодянскій заботился объ оказаніи Шафарику медицинской помощи, о снабженіи его русскими книгами, о денежной поддержкѣ, причемъ, не ограничиваясь приглашеніемъ своихъ московскихъ знакомыхъ къ денежнымъ жертвамъ, пробовалъ привлечь къ этому дѣлу и правительство. Заботливость о здоровьѣ Шафарика ярко выразилась въ поѣздкѣ Бодянскаго съ Шафарикомъ въ Теплицы. «Я хотѣлъ бы въ этомъ случаѣ пригодиться ему, т.-е. взять его на свой счетъ. Это хоть не такъ много будетъ для меня стоить, зато для него больше чѣмъ много. По крайней мѣрѣ на первый разъ я хоть этимъ немногимъ поблагодарилъ бы его за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ, оказываетъ и готовъ оказывать мнѣ въ моихъ занятіяхъ». Шафарикъ сначала отказывался отъ этой любезности Бодянскаго; но потомъ поѣхалъ съ нимъ въ Карлсбадъ и Теплицы. Минеральныя воды произвели совершенно различное дѣйствіе на Бодянскаго и Шафарика: первый окрѣпъ и поправился отъ своего ревматизма, а послѣдній еще болѣе разболѣлся, прекратилъ вскорѣ питье и купанье и возвратился домой. Книжное пособіе выразилось въ томъ, что Бодянскій выписывалъ изъ Россіи для Шафарика и его жены сочиненія Гоголя и Марлинскаго, дѣлалъ выписки изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ и проч. Многократно Бодянскій хлопоталъ о сборѣ въ Россіи денежныхъ пожертвованій въ пользу Шафарика и затѣмъ склонялъ Шафарика принять ихъ. «Что бы еще эта свѣтлая, строгая, ученая голова сдѣлала при немного лучшихъ житейскихъ условіяхъ!..» пишетъ Бодянскій Погодину и прибавляетъ, что нѣсколько разъ предлагалъ ему кой-что изъ червонцевъ отъ имени Погодина, но не могъ склонить его на то, чтобы онъ взялъ ихъ. Немного позднѣе Бодянскій писалъ Погодину, что ссудилъ Шафарику въ займы 12 червонцевъ. «Шафарикъ чрезвычайно благодаренъ вамъ за вексель,—писалъ далѣе Бодянскій Погодину;—безъ него я не знаю, что бы онъ дѣлалъ въ своемъ теперешнемъ слишкомъ критическомъ по-

ложеніи». Однажды Бодянскій, отдавъ всѣ свои наличныя деньги въ займы Шафарику, самъ долженъ былъ призанять у Юнгмана. Денежныя субсидіи Шафарику изъ Россіи навлекли однажды на Шафарика большую непріятность. Погодинъ какъ-то разболталъ о нихъ въ печати, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Книжка дошла до Шафарика и страшно его смутила. Онъ писалъ и Погодину, и Бодянскому, отказывался впредь отъ всякихъ пособій. Бодянскій вынужденъ былъ оправдывать Погодина, увѣрять Шафарика, что Погодинъ огорчилъ его по неосторожности, торопливости, невѣдѣнію обстоятельствъ. Бодянскій въ своемъ донесеніи министру нар. просв., отъ 23 марта 1838 г.: говоритъ: «Въ теперешнихъ моихъ занятіяхъ я болѣе всего обязанъ моею благодарностью г. Шафарику, первому современному славянскому филологу и знатоку во всемъ, что̀ только относится къ познанію славянъ, съ рѣдкимъ радушіемъ и готовностью предложившему мнѣ свои безмездныя услуги. Считаю для себя священнымъ долгомъ свидѣтельствовать объ этомъ предъ особой вашего высокопревосходительства. Въ немъ нашелъ я больше, нежели надѣялся, нежели воображалъ себѣ. Онъ былъ для меня живою славянскою энциклопедіею». Цѣль этого донесенія самъ Бодянскій разъяснилъ въ письмѣ къ Погодину: «О вознагражденіи Шафарика за его занятія со мной я уже намекнулъ въ первыхъ отчетахъ министру, попечителю и совѣту; на первый разъ мнѣ нельзя было писать болѣе; но во второмъ отчетѣ, переговоривъ съ вами (т.-е. Погодинымъ), я распространюсь болѣе и откровеннѣе. Тогда именно это будетъ кстати, а напередъ нехудо немножко предувѣдомить о томъ имѣющихъ власть рѣшити и вязати». Вознагражденіе, разумѣется, денежное. Титулы и ордена для Шафарика не имѣли значенія. Еще въ 1835 г. Шафарикъ писалъ Погодину: «Mit Ehren und Titeln, Orden und Diplomen möge man mich ja stets verschonen: diese kindischen Possen überlasse ich gern meinem Freunde Hanka, dessen Herz mit lächerlicher Freude daran hängt und darnach lechzt... von persönlicher Ehr-und Ruhmsucht bin ich Gottlob so ziemlich frei... Sendungen von russischen Büchern, behufs meiner Studien und Arbeiten, die ich hier zu kaufen nicht im Stande bin, werden mir stets sehr willkommen sein»...

Бодянскій, можно сказать, ввелъ Шафарика въ Россію. Онъ перевелъ большую часть лучшихъ его историческихъ сочиненій. Послѣ перевода статьи о статуѣ Чернобога, Бодянскій принялся за переводъ самаго крупнаго сочиненія Шафарика—«Древностей». Въ 1838 г. часть перевода была уже напечатана въ Москвѣ Погодинымъ, но плохо, и черезъ 10 лѣтъ (въ 1848 г.) Бодянскій издалъ полный переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика. Въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.» Бодянскій помѣстилъ въ переводѣ слѣдующія статьи Шафарика: «О Сварогѣ» (1845—1846. I, 30—34), «Объ имени и положеніи Винеты» (1846 -1847. VII, 1—20), «Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» (1847—1848. VII, 37—59), «О происхожденіи и родинѣ глаголи-

тизма» (1860. IV, 1—66). «Образованіе словъ удвоеніемъ корня» (1863. I, 1—113), «О кирилловскихъ типографіяхъ въ югославянскихъ земляхъ въ XV, XVI и XVII в.» (1845—1846. III, 17—27). Кромѣ того, Бодянскій въ «Москвитянинѣ» 1843 г. напечаталъ переводъ «Славянскаго народописанія» Шафарика (были и оттиски).

Руководящимъ началомъ дѣятельности Шафарика была мысль, высказанная имъ еще въ 1821 г. въ письмѣ къ Палацкому: «Мнѣ рѣшительно все равно— быть нижнимъ или верхнимъ камнемъ въ томъ зданіи, которое народъ мой ставитъ въ память о себѣ: лишь бы оно строилось и было достроено». Эта мысль дала окраску всѣмъ его отношеніямъ къ русскимъ ученымъ. Погодинъ называлъ свою дружбу съ Шафарикомъ «радостью жизни». Для Бодянскаго дружба съ Шафарикомъ имѣла такое же значеніе «радости жизни«. Въ этой «радости» любовь къ наукѣ, къ народному языку и народной поэзіи занимала первостепенное мѣсто.

Бодянскій и Шафарикъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ своихъ научныхъ стремленіяхъ были выразителями такого славянофильства, какое въ послѣднее время прекрасно объяснено г. Крамаршемъ въ апрѣльской книж. «Недѣли» за 1895 г. Это славянофильство прежде всего признаетъ, что «величіе славянской идеи нужно видѣть не въ единствѣ оффиціальнаго языка и офиціальной вѣры, а въ единствѣ культурныхъ стремленій, въ единствѣ умственныхъ и нравственныхъ идеаловъ». Г. Крамаршъ повторяетъ то, что и у насъ говорили Т. Шевченко, Костомаровъ, Буслаевъ, Пыпинъ. И Бодянскій въ основу славянскихъ отношеній полагалъ взаимное изученіе, уваженіе и любовь, и потому онъ самъ изучалъ всѣ славянскіе языки и во время пребыванія въ Прагѣ однихъ знакомилъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, а другихъ, напримѣръ, Челяковскаго, съ малорусскимъ.

Въ сентябрѣ 1842 г. Бодянскій возвратился въ Москву и занялъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ, которая была свободна по смерти Каченовскаго, умершаго за 4 мѣсяца до пріѣзда Бодянскаго. Срезневскій, занявшій около того времени такую же каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, пишетъ: «Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки, новой не только для Россіи, но и вообще... Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что̀ должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ». Бодянскій посвящалъ часть своихъ лекцій объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій сербскаго, чешскаго и польскаго. Кромѣ того въ лекціи входила политическая исторія и литература славянъ и сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій. Однимъ изъ главныхъ пособій Бодянскаго было переведенное имъ народописаніе Шафарика. Вообще, Шафарикъ былъ положенъ въ основу преподаванія славянскихъ древностей. Чешскій поэтъ и патріотъ Гавличекъ, бывшій въ Москвѣ домашнимъ учителемъ у проф. Шевырева, съ одушевленіемъ описываетъ экзаменъ студентовъ по славистикѣ 3 мая 1843 г.

Въ письмѣ къ Зааку Гавличекъ говоритъ: «Бодянскій читалъ въ нынѣшнемъ году древности Шафарика, его народописаніе и чешскій языкъ. Москва такимъ образомъ была первымъ городомъ въ свѣтѣ, гдѣ стали изучать карту славянскихъ народовъ и труды Шафарика. Дивны судьбы божіи! Шафарика въ Москвѣ лучше знаютъ, чѣмъ въ Прагѣ, и онъ самъ не воображаетъ, что его сочиненія, едва извѣстныя въ Прагѣ, за 250 миль отъ Праги стали научной книгой. На экзаменѣ каждый студентъ долженъ отвѣтить на одинъ билетъ по древностямъ, одинъ по народоописанію и долженъ прочесть, перевести и объяснить страничку изъ чешской книги». Гавличекъ, по приглашенію Бодянскаго, присутствовалъ 3 мая 1843 на экзаменѣ, видѣлъ, какъ на столѣ красовались Эрбенъ, Челяковскій, какъ «студенты рѣзали славянщину какъ печеночную колбасу» и Бодянскій только приговаривалъ «отлично», «превосходно» (Pervolf). Съ большимъ успѣхомъ Б. читалъ сербскія пѣсни, объяснялъ Краледворскую рукопись и «Марію» Мальчевскаго. Практическія занятія были полезны студентамъ. Курсы по сравнительной грамматикѣ онъ растягивалъ на многіе годы, что было неудобно для слушателей; лекціи имѣли отрывочный характеръ, такъ что однимъ пришлось выслушать объ одномъ имени числительномъ, другимъ о склоненіи и т. д. (изъ сообщеній М. С. Д.). Срезневскій говоритъ, что Бодянскій охотно помогалъ своимъ ученикамъ. Съ лучшими изъ нихъ (напр. М. С. Дриновымъ) В. входилъ въ переписку, особенно въ концѣ своей жизни, когда онъ былъ удрученъ гонительствомъ сильныхъ враговъ. Въ 1848—1849 годахъ профессорская дѣятельность Бодянскаго была временно прервана за напечатаніе Флетчера (см. дальше стр. 64) онъ былъ переведенъ въ Казань, а на его мѣсто назначенъ также извѣстный славистъ, профессоръ казанскаго университета В. И. Григоровичъ. Но Б. не поѣхалъ въ Казань, и вскорѣ снова занялъ каѳедру въ московскомъ университетѣ. Профессорская дѣятельность его продолжалась безъ перерыва до конца 60-хъ годовъ. Въ это время вышло правило, что для избранія профессора въ совѣтѣ по истеченіи 25-лѣтія требуется $^2/_3$ голосовъ, и Бодянскій, въ 1868 г., былъ забаллотированъ. Это темная исторія, и разъясненіе ея отчасти можно найти въ статьѣ Бодянскаго «Трилогія на Трилогію» 1873 г., направленной главнымъ образомъ противъ Леонтьева и Каткова. Эта забаллотировка глубоко огорчила Бодянскаго. Университетъ потерялъ въ Бодянскомъ необыкновенно свѣдущаго профессора, человѣка, который дорожилъ университетомъ, достоинствомъ учрежденія. Проф. А. А. Кочубинскій называетъ Б. искуснымъ преподавателемъ. Подъ руководствомъ Бодянскаго получили образованіе многіе выдающіеся слависты новѣйшаго времени: Е. П. Новиковъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, А. А. Майковъ, А. А. Котляревскій, А. А. Кочубинскій и М. С. Дриновъ. Незабвенный въ исторіи русской науки Бодянскій умеръ полузабвеннымъ тамъ, гдѣ протекла вся его трудовая жизнь.

Для обрисовки отношеній Бодянскаго къ студентамъ характеренъ одинъ эпизодъ, разсказанный самимъ Бодянскимъ въ «Дневникѣ» (изд. г. Кочубинскимъ

въ отрывкахъ въ 1887 г.). Ученикомъ Бодянскаго былъ А. Ѳ. Гильфердингъ, впослѣдствіи снискавшій себѣ почетную извѣстность своими трудами по славистикѣ и превосходнымъ сборникомъ онежскихъ былинъ. Бодянскій замѣтилъ дарованія Гильфердинга и направилъ его на научную дорогу. Магистерскіе экзаменъ и диспутъ Г. сошли, однако, несовсѣмъ удачно, и вотъ какъ гуманно отнесся Б. къ молодому ученому: «31 октября (1853 г.) было преніе въ университетѣ на степень магистра славянской словесности А. Ѳ. Гильфердинга. Какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: пропустилъ его на испытаніи и состязаніи, хотя и то и другое были очень слабы, и только въ память прекрасныхъ студенческихъ занятій его сжалился надъ нимъ послѣ долгаго колебанія, давши, однако, слово никогда не дѣлать подобнаго послабленія никому. Конечно, черезъ годъ нельзя было ему приготовиться къ испытанію достойнымъ образомъ; но въ такомъ случаѣ кто же торопилъ его? Не пропустить, значило бы, статься можетъ, навсегда убить въ немъ охоту къ занятіямъ славянщиной, къ которой у насъ такъ мало еще охотниковъ даже между учащимися. Впрочемъ, слабость его на испытаніи выставлена была ему на видъ послѣ окончанія въ присутствіи декана и одного профессора (Буслаева), присутствовавшаго на экзаменѣ, причемъ сказалъ ему почему рѣшаюсь допустить. Защищалъ же онъ изслѣдованіе свое «Объ отношеніи славянскаго языка къ родственнымъ» точно такъ, какъ я научилъ его за два дня передъ тѣмъ, сказавъ, чтобы онъ для избѣжанія посрамленія рубилъ направо и налѣво, и, такимъ образомъ, новостью и нечаянностью оборотовъ озадачилъ, не щадя въ случаѣ нужды и меня; одно лишь не забывалъ при томъ: не допускать того, чтобы я разгорячился. Все это исполнено было имъ въ точности. Защищеніе было блестящее, такъ что многіе (изъ профессоровъ) остались имъ и мною недовольными; но за то дѣло выиграно, и публика разъѣхалась совершенно увѣренною въ превосходствѣ защищавшаго передъ всѣми его возражателями, что и составляло главную цѣль мою, послѣ того, какъ я рѣшился уже пропустить его. Хуже было бы, еслибы я его сималъ на диспутѣ, какъ того требовали мои недовольные товарищи. Тогда кто же бы могъ назвать меня благороднымъ? Пропустить до диссертаціи и потомъ совсѣмъ уничтожить: развѣ можетъ быть сомнѣніе въ превосходствѣ учителя надъ только что вышедшимъ ученикомъ? Развѣ не могъ учитель достичь своего, не безчестя его передъ всѣми? Но, пропустивъ, обязанъ поддержать и повершить все» (Истор. Вѣст. 1887 XII 523). А. А. Кочубинскій замѣчаетъ по этому поводу: «Благородное чувство высокаго учителя не привело къ ошибкѣ, и именемъ Гильфердинга русская наука гордится».

Имя О. М. Бодянскаго связано неразрывно съ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящимъ при московскомъ университетѣ. Это Общество учреждено въ 1804 г., по инціативѣ извѣстнаго Михаила Никитича Муравьева. Въ продолженіе первыхъ 11 лѣтъ Общество ничѣмъ въ печати не заявило о своей дѣятельности. Въ 1815 г. вышелъ первый печатный трудъ Общества «Труды и Лѣтопи-

си». До 1837 г. было издано 8 частей «Трудовъ и Лѣтописи». Въ 1837 г. секретарь Общества М. П. Погодинъ, по порученію Общества, началъ издавать «Русскій Историч. Сборникъ», прекратившійся въ 1844 г. на 7 книжкѣ. Въ февралѣ 1845 г. секретаремъ Общества былъ избранъ Бодянскій, и съ этого времени начинается новый періодъ въ научной дѣятельности Общества, весьма важный въ исторіи русской науки. Бодянскій началъ новое періодическое изданіе подъ названіемъ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ ист. и древн. россійск.» по 4 книжки ежегодно. До іюня 1848 г. Бодянскимъ было издано 23 книжки «Чтеній». Въ іюнѣ 1848 вышла злополучная книжка съ записками Флетчера о Россіи временъ Ивана Грознаго, навлекшая кары на Общество и секретаря. Изданіе Общества было отдано подъ наблюденіе цензуры. Бодянскій былъ лишенъ должности секретаря и редактора. Съ 1848 по 1858 выходилъ «Временникъ Общества ист. и древ.» подъ редакціей Бѣляева (вышло 25 книгъ). Въ 1858 г. Бодянскій снова занялъ мѣсто секретаря и возобновилъ «Чтенія» и безпрепятственно продолжалъ ихъ до своей смерти. «Чтенія» Бодянскаго пріобрѣли важное значеніе въ русской исторіографіи и славяновѣдѣніи, какъ богатѣйшій сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, оригинальныхъ и переводныхъ. Бодянскій, какъ «щирый украинецъ», далъ большое мѣсто и малорусскимъ матеріаламъ, историческимъ и этнографическимъ. Въ годъ кончины (1877) Бодянскимъ издана была сотая книга «Чтеній». По смерти Бодянскаго его дѣло энергично и умѣло продолжалъ достойный его преемникъ Андрей Поповъ, скончавшійся въ 1881 г., а съ этого времени «Чтенія» издаются подъ редакціей Е. В. Барсова, но уже съ такими промахами, которые были невозможны при Бодянскомъ. Въ Чтеніяхъ разбросано 112 статей и замѣтокъ Бодянскаго, большею частью въ видѣ предисловій къ изданнымъ имъ памятникамъ русской литературы и славяновѣдѣнія.

О личномъ характерѣ Бодянскаго сохранились слѣдующія свидѣтельства компетентныхъ лицъ: «Неутомимость Бодянскаго въ изданіи Чтеній, говоритъ Срезневскій, невольно поражала всякаго столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и все, соединяемая нерѣдко и съ самомнѣніемъ» (стр. 45). Котляревскій говоритъ: «Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ; это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью» (Слав. Ежегод. 1878, стр. 352). Проф. А. А. Кочубинскій, «послѣдній ученикъ Нестора русскихъ славистовъ», какъ онъ выражается о себѣ, такъ отзывается о внѣшности и нравственныхъ качествахъ своего учителя: «Небольшого роста, сутуловатый, съ огромной головой на толстой и короткой шеѣ, съ испорченными болѣзнью врозь глядящими глазами, съ прямыми «гетманскими» усами, и все это на короткихъ ногахъ безъ пальцевъ,—Бодянскій былъ некрасивъ. Но эта некрасивая оболочка вмѣщала въ себѣ высокій духъ, который носителя своего возвышалъ надъ уровнемъ, не

дозволялъ ему входить въ соглашеніе. Упрямо-точный до смѣшного, твердый въ своихъ рѣшеніяхъ и въ то же время привѣтливый, съ отмѣнно добрымъ, мягкимъ сердцемъ, Осипъ Максимовичъ сторонился всего, что заключало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на низость, холопство или грязный практицизмъ и даже въ самыя трудныя, критическія минуты своей жизни былъ всегда однимъ, до самозабвенія» («Истор. Вѣст.» 1887 XII 507). По отзыву иностранца, чешскаго патріота Я. Малаго, «Бодянскій былъ настоящій малорусскій мягкій характеръ, занимался (въ Прагѣ) усердно, жилъ большею частью для себя, но былъ прямой и откровенный» (ib. 510).

Научно-литературная дѣятельность Б. началась въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ 1831 г. Бодянскій въ 15—16 №№ «Московскаго Наблюдателя» напечаталъ 1) *отзывъ о сборникѣ Коллара*: «Народныя спѣванки или пѣсни словаковъ въ Угріи». Статья посвящена этнографіи словаковъ и словацкой народной поэзіи сравнительно съ поэзіей другихъ славянскихъ народовъ.

Въ 1831 году Бодянскій написалъ 2) *четыре стихотворенія* на малорусскомъ языкѣ, напечатанныя въ 1833 г. въ 99 № «Молвы», которая издавалась Надеждинымъ при «Телескопѣ». Стихотворенія озаглавлены: «*До пана здателя слухивъ*», «*Казацкая пѣсня*», «*Епитафія Богдану Хмельницкому*» и «*Сухая ложка*». Въ 1832 г. Б. написалъ стихотвореніе «*Кирилу Розуму*», которое было напечатано въ 1843 г. въ «Молодикѣ» Бецкаго. Въ 1835 г. Б. издалъ 3) «*Наськи украинськи казки*» подъ псевдонимомъ запорожца Иськи Матырынки. Этими стихотвореніями ограничивается участіе Б. въ малорусской литературѣ. Срезневскій въ поминкѣ о Бодянскомъ совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ участіи, умолчаніе тѣмъ болѣе странное, что самъ Срезневскій въ молодости, во время своего пребыванія въ Харьковѣ, увлекался малорусской литературой, народной поэзіей и исторіей. Срезневскій, какъ великороссъ, съ переходомъ на службу въ Петербургъ отрицательно отнесся къ своимъ раннимъ литературнымъ и научнымъ симпатіямъ. Бодянскій, какъ малороссъ, сохранилъ украинскія симпатіи въ теченіе всей жизни въ сферѣ научнаго изученія украинской старины и народной поэзіи. Для Б. эти симпатіи были творческой живительной силой. «Украинскія сказки» Б. (числомъ три) заимствованы изъ народныхъ устъ. Н. И. Петровъ въ «Очеркѣ ист. укр. лит.» указалъ (стр. 186) на народные варіанты этихъ сказокъ въ сборникахъ Рудченка и Драгоманова. У Б. народныя сказки передѣланы на стихотворный ладъ. «Понятно, говоритъ г. Петровъ, что «сказки» Б. въ настоящее время почти не имѣютъ этнографическаго интереса; но за то онѣ имѣютъ немаловажное историческое значеніе какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера Бодянскаго и его учено-исторической дѣятельности, такъ и для уясненія исторической связи между явленіями украинской литературы. Бодянскій посвятилъ свои сказки «матери своїй

ридненькій, неньци старенькій, коханій, любій Украини». Въ предисловіи къ сказкамъ онъ высказываетъ горячую любовь къ Малороссіи и ревнуетъ о ея славѣ. Вспоминая съ гордостью о старыхъ временахъ, Б. находитъ, что и современная ему малорусская жизнь заключаетъ въ себѣ еще много хорошаго: «Хиба таки мы не хорошо живемъ? спрашиваетъ онъ читателя. А де, лышень, знайдешъ ты такія письни, що тольки зачуешь, такъ сердце въ тоби ходоромъ и заходыть, затліе, зомліе, серденька просыть... Такую хлибъ-силь, такихъ дивонекъ и парубятъ? Нибы въ ротъ тоби кожне слово кладутъ. Де стильки казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякой всячины?... Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, лугы, степы, рѣчки, про наше збижжя»... Н. И. Костомаровъ въ 1844 г. писалъ, что сказки Бодянскаго «достойны вниманія и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка». Несомнѣнно основательнымъ представляется замѣчаніе г. Петрова, что любовь Бодянскаго къ старенькой любимой матери Украинѣ побудила его обратить особенное вниманіе на малорусскія историческія произведенія стараго времени и въ этой сферѣ содѣйствовать развитію народнаго самосознанія.

4) *Отзывъ* въ «Телескопѣ» (1834 г. т. 21) *о сборникѣ пословицъ В. Н. С.* (*Смирницкаго*). Смирницкій отвѣчалъ строгому рецензенту въ слѣдующей (т. 22) книжкѣ «Телескопа» и за него также (въ «Учен. Зап. Моск. Унив.», 1834, ч. VI) заступился Срезневскій (Ср. Кіевская Старина 1889, XI). Въ томъ же году въ «Уч. Зап. Москов. Унив.» (1834, ч. VI, стр. 287—313) Б. весьма сочувственно встрѣтилъ (подъ псевдонимомъ *І. Мастака*) появленіе «Малороссійскихъ повѣстей» Основьяненко. 5) *О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси* (въ 37—39 №№ «Сына Отечества» и въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1835 г.). Здѣсь развито мнѣніе Каченовскаго о славянскомъ происхожденіи лѣтописныхъ Варяговъ. Варяги—славяне съ балтійскаго поморья, колонизовавшіе Новгородъ; Русь — турецкое племя, смѣшавшееся съ славянами и давшее имя южнорусскому и русскому народу. По словамъ Котляревскаго, сочиненіе это—«ясное и полное выраженіе мнѣній тогдашней скептической школы о происхожденіи Руси». 6) Магистерская диссертація Бодянскаго «*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*» вышла въ 1837 г. Это была одна изъ самыхъ раннихъ попытокъ научнаго изученія народной словесности. Срезневскій въ своей поминкѣ о Бодянскомъ отзывается съ похвалой объ этомъ научномъ первенцѣ Бодянскаго: «эта диссертація была первымъ звеномъ въ длинной цѣпи его трудовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указала опредѣлительно, въ какомъ кругѣ работъ думалъ сосредоточить свою дѣятельность новый труженикъ науки». По словамъ Котляревскаго, диссертація Бодянскаго въ свое время «имѣла научное и даже общественное значеніе. Теперь можно замѣтить въ ней слабость фактическаго содержанія, устарѣлыя школьныя воззрѣнія на сущность народной поэзіи; но въ 1837 г. это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ поэзіи. Еще большее чѣмъ у насъ

значеніе эта книга имѣла у Западныхъ Славянъ; она была переведена на языки сербскій и итальянскій и въ извлеченіи на чешскій».

7) *Рецензія* на книгу Ѳ. Булгарина «Россія въ историческомъ, статист., геогр. и литерат. отношеніяхъ» (въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1837 I). По словамъ Котляревскаго, «остроумная и убійственно безпощадная критика» Б. произвела впечатлѣніе въ литературѣ и въ высшемъ обществѣ и была причиной, что попечитель московскаго учебнаго округа гр. Строгоновъ указалъ на Б. какъ на человѣка достойнаго занять каѳедру въ университетѣ.

8) Въ сочиненіи «*О древнемъ языкѣ южныхъ и сѣверныхъ Руссовъ*» (помѣщ. въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета» 1839 № 3) Бодянскій рѣшалъ вопросъ не на филологическихъ, а на историческихъ фактахъ. «Здѣсь едва ли не въ первый разъ (говоритъ Котляревскій) высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и сравнительной славянской грамматикѣ. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр., утвержденіе что древне-церковно-славянскій языкъ — отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ; не видно также знакомства Бодянскаго съ сочиненіями Востокова; но много въ статьѣ угадано вѣрно».

9) Въ 6 № «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1840 г. Бодянскій напечаталъ статью «*О древнѣйшихъ свидѣтельствахъ, что церковный языкъ есть славяно-болгарскій*».

10) Въ 1843 г. Б. напечаталъ въ «Москвитянинѣ» и потомъ выпустилъ отдѣльно свой *переводъ* «*Славянскаго народописанія*» Шафарика.

11) Въ 1843 г. въ «Časopis českeho Musea» (стр. 627) напечатано *письмо* Бодянскаго *къ Штуру*.

12) Въ 1845 г. Б. *перевелъ* съ польскаго и издалъ *статьи Д. Зубрицкаго* по исторіи Галицкой Руси, подъ заглавіемъ «Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Галицкой Руси».

Первой статьей Б. въ «Чтеніяхъ» его редакціи, по возвращеніи изъ заграницы, была 13) *О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ*. Этотъ рефератъ былъ прочитанъ въ засѣданіи Общества ист. и древ. рос. 28 ноября 1842 г. и напечатанъ въ 1 кн. «Чтеній» 1846 г. (1—45). «Посѣщая племя за племенемъ нашихъ одноутробныхъ (славянъ) и обозрѣвая книгохранилища, я постоянно обращалъ также вниманіе и на все то, что прямо относится къ исторіи и древностямъ русскаго народа, особенно письменнымъ, зашедшимъ туда какимъ нибудь случаемъ». Въ статьѣ приведено нѣсколько документовъ этого рода, найденныхъ Бодянскимъ въ Познани въ библіотекѣ графа Рачинскаго, именно: 1) Сказаніе о Петрѣ Медвѣдкѣ, Москалѣ (о самозванцѣ 1607 г.), 2) Лѣтописецъ Великаго княжества Литовскаго и Житомірскаго, 3) Позовъ одному русскому секты епикуровой (1591), 4) Посланіе митроп. Исидора (уніата) къ Холмскимъ жителямъ 1439 г., 5) Переводъ 50 протестантскихъ духовныхъ пѣ-

сенъ на русскій языкъ XVII в. (приведено нѣсколько пѣсенъ съ комментаріями), 6) Письмо Петра Великаго къ канцлеру В. кн. Литовскаго, 7) Изъ повѣсти о королѣ Маркѣ, 8) Исторія о княжати Гвидонѣ, 9) Исторія объ Атилѣ королѣ Угорскомъ, 10) Разговоръ поляка съ Москвою 1601 г., 11) Пѣснь польская о Москвѣ 1609 г. и 12) Условія Сигизмунда III Лжедимитрію. Матеріалы любопытны въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ.

Въ той же книжкѣ Чтеній (1846, I) находится 14) краткое (въ 1 стр.) *предисловіе* Бодянскаго къ «Исторіи Руссовъ» (псевдо) Кониского, напечатанной по нѣсколькимъ спискамъ. Бодянскій проситъ читателей доставлять ему матеріалы по малорусской исторіи для «немедленнаго» помѣщенія ихъ въ Чтеніяхъ. «Пора, давно пора, говоритъ Б., не скрывать подобнаго рода богатствъ подъ спудомъ». Изданіе Исторіи Руссовъ оживило интересъ къ исторіи Малороссіи.

15) Въ той же книгѣ Чтеній напечатанъ *переводъ статьи Шафарика о Сварогѣ*, сдѣланный Бодянскимъ.

Во II кн. «Чтеній» (5—23) находятся статьи Бодянскаго 16) объ одномъ *прологѣ* библіотеки московской духовной типографіи и 17) *О тождествѣ славянскихъ божествъ Хорса и Даждьбога*. Послѣдняя статья была полезнымъ вкладомъ въ совсѣмъ новую въ то время науку о миѳологіи славянъ.

Въ той же книгѣ Бодянскій помѣстилъ 18) свой *переводъ* сочиненія Франца Палацкаго о русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы Кунгуты, и родѣ его. Въ III кн. «Чтеній» 1846 г. помѣстилъ 19) свой *переводъ* статьи Шафарика о древнеславянскихъ кирилловскихъ типографіяхъ въ Юго-славянскихъ земляхъ въ XV, XVI и XVII ст. Въ IV кн. «Чтеній» 1846 г. 20) издалъ *Винодольскій законъ* 1280 г. въ сербскомъ подлинникѣ, со снимкомъ съ рукописи и составилъ *словарь* этого важнаго памятника. Въ первыхъ двухъ книгахъ «Чтеній» 1847 г. 21) издалъ весьма важную для исторіи Малороссіи «*Лѣтопись Самовидца*» (о войнахъ Богдана Хмельницкаго, доведена продолжателями до 1734 г.). Бодянскій приложилъ указатель и словарь. Въ VII кн. «Чтеній» 1847 г. 22) *перевелъ* статью Шафарика объ имени и положеніи города Винеты.

Издавая 23) въ 7 кн. «Чтеній» 1847 г. «*Прѣніе митроп. Даніила* съ Максимомъ Грекомъ», Бодянскій въ краткомъ *предисловіи* высказываетъ ту мысль, что строгое соблюденіе правописанія необходимо лишь при изданіи древнѣйшихъ памятниковъ, а при изданіи сравнительно позднихъ (XVI в.) можно ограничиться характеристикой языка и выпиской текста, не утомляя вниманія читателя «безпрестаннымъ повтореніемъ ни къ чему не ведущихъ безсмыслицъ подлинника». Издавая историческіе памятники, говоритъ Б., нужно заботиться, безъ ущерба сущности дѣла о доступности памятника массѣ... И самое изящество въ извѣстной степени образа писанія не слѣдуетъ упускать изъ виду... Записные же труженики и знатоки старины и по отрывку или выноскѣ легко, если захотятъ, могутъ возсоздать его во всей первобытной чистотѣ».

Въ той же книгѣ «Чтеній» издана 24) *Повѣсть о нашествіи Стефана Баторія* и осадѣ Пскова» съ краткимъ (въ 2 стр.) *предисловіемъ* Бодянскаго (о языкѣ повѣсти). Въ IX кн. «Чтеній» 1847 г. Бодянскій 25) издалъ и снабдилъ небольшимъ предисловіемъ «*Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ*». Въ той же книгѣ 26) издалъ съ предисловіемъ «*Прѣніе Даніила* со старцемъ Вассіаномъ 1531 г.» и 27) помѣстилъ свою ученую переписку съ Сабининымъ *о Всеславѣ Брячеславичѣ*. Въ I кн. «Чтеній» 1848 г. издалъ 28) *Парамипоменъ Зонары* съ небольшимъ объясненіемъ и 29) помѣстилъ *переписку* шведскаго короля *Карла XII, польскаго короля Станислава Лещинскаго* и нѣкот. др. историческихъ лицъ. Въ IV, V и IX кн. «Чтеній» 1848 Б. 30) издалъ съ своимъ предисловіемъ *пятую часть Исторіи Россійской Татищева* (открыта Погодинымъ). Въ V кн. «Чтеній» 1848 г. 31) издалъ и снабдилъ предисловіемъ «*Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ*»—одну изъ анонимныхъ малорусскихъ лѣтописей XVII в. Въ VI кн.3 2) издано «*Написаніе Георгія Скрипицы о вдовствующихъ попѣхъ*» съ предисловіемъ Бодянскаго и его же 33) краткая замѣтка *о жизни А. И. Ригельмана*, автора «Лѣтописнаго повѣствованія о Малороссіи». Въ той же книгѣ напечатано 34) «*Краткое историческое повѣствованіе о Малой Россіи*» (лѣтопись до 1765 г.) съ предисловіемъ Бодянскаго. Въ VII кн. Бодянскій 35) помѣстилъ нѣсколько *славянорусскихъ сочиненій* изъ сборника Царскаго, между прочимъ Слово митроп. Иларіона о законѣ и благодати, съ довольно обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ онъ останавливается преимущественно на характерѣ и языкѣ рукописи. Въ VIII кн. (1848 г.) напечатаны съ краткими предисловіями Бодянскаго 36) два цѣнныхъ памятника по исторіи Малороссіи «*Лѣтопись Густынскаго монастыря*» XVII в.) и 37) «*Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ*» Зарульскаго (XVIII в.). Въ I кн. 1848 г. напечатаны 38) «*Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія*» неизвѣстнаго автора XVIII ст., съ краткимъ предисловіемъ Бодянскаго, 39) «*Граматично исказанье*» Юрія Крижанича съ довольно обширнымъ предисловіемъ Бодянскаго, гдѣ изложена біографія Крижанича и 40) изданы *грамоты и письма А. В. Суворова* съ краткимъ предисловіемъ Бодянскаго.

Въ 1848 г. Бодянскій издалъ 41) полный *переводъ* «*Славянскихъ Древностей*» *Шафарика* въ пяти книгахъ—капитальнѣйшій трудъ въ области славяновѣдѣнія. Это второе изданіе. Первое (1837—38) не было окончено (вышли только 3 кн.)

42) *Дневникъ* Бодянскаго, послѣ его смерти, былъ пріобрѣтенъ А. А. Котляревскимъ, а по смерти послѣдняго достался А. А. Кочубинскому, которымъ и былъ изданъ (неполнѣ) въ XII кн. «Историч. Вѣстника» 1887 г. Дневникъ обнимаетъ время съ 1852 по 1857 г. Часть листиковъ, составлявшихъ дневникъ, утеряна. То, что сохранилось, и что могло быть напечатано, помѣстилось на 22 страницахъ. Почти всѣ замѣтки Бодянскаго вызваны общественными интересами. Бодянскій былъ заинтересованъ, между прочимъ, политическими собы-

тіями времени Крымской войны. Въ дневникъ вошло два его стихотворенія на русскомъ языкѣ по случаю этой войны: «Политика Европы». («Вы поднимаетесь на насъ» и пр.) и «Опека» («Шумятъ на Западѣ народы»). Б. неодобрительно относится къ обличительно-патріотическимъ стихотвореніямъ Хомякова, какъ не своевременнымъ. Въ дневникѣ разбросаны замѣтки о гр. Уваровѣ, гр. Строгановѣ, П. А. Кулишѣ, Н. В. Гоголѣ, А. Ф. Гильфердингѣ, Г. П. Данилевскомъ, М. П. Погодинѣ, передаются разные ходившіе въ то время слухи о войнѣ. Личныхъ событій, личныхъ мнѣній Бодянскаго въ дневникѣ весьма мало.

Самое важное изслѣдованіе Бодянскаго 43) *«О времени происхожденія славянскихъ письменъ»* издано отдѣльно въ 1855 г. По отзыву Срезневскаго, это большая книга, гдѣ въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіяся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Другой знаменитый славистъ Котляревскій говоритъ: «Изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ доселѣ (1878 г.) настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старославянской письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія: это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ, напр., мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ. Нѣкоторое дополненіе къ этому сочиненію представляетъ разборъ сочиненія Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, написанный Бодянскимъ по приглашенію Академіи наукъ». При этомъ Котляревскій разсказываетъ о слѣдующемъ любопытномъ эпизодѣ: въ 1855 г. приходилось праздновать юбилей московскаго университета. Шевыревъ, руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній— московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены не въ 855, а въ 862 г., то по распоряженію Шевырева, печатаніе было пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Б. издалъ свое изслѣдованіе отдѣльной книгой. Онъ хотѣлъ представить ее на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Б. боится диспута, и только это обстоятельство ускорило диспутъ, на который Шевыревъ не явился»... Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы: 1) обзоръ свидѣтельствъ греческихъ, западныхъ и русскихъ, 2) критика ихъ съ точки зрѣнія достовѣрности, 3) обзоръ мнѣній ученыхъ и 4) общее рѣшеніе, что письмена составлены Кирилломъ Философомъ въ 862 г. въ Цареградѣ. Къ сочиненію приложены обширныя и цѣнныя примѣчанія.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. Бодянскій помѣстилъ 44) статью *О новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы.*

45) *Четыре письма* 1846—1858 г. къ А. Л. изданы въ Кiев. Стар. 1889 XI.

46) *Письмо* къ редактору «Черниг. Губ. Вѣд.» Шишацкому—Илличу въ отрыв-

кѣ издано въ IV кн. «Кіев. Старины» 1887, 783. Въ этомъ письмѣ Б., подразумѣвая себя, говоритъ: «да вѣдаютъ православные малороссы, что и на Москвѣ есть люди, которые кое-что подѣлываютъ для ихъ стороны».

Въ 1 кн. «Чтеній» 1858 г. Бодянскій помѣстилъ 47) «*Источники малороссійской исторіи*»—матеріалы, собранные Бантышъ-Каменскимъ, изъ 1649—1687 гг. Въ краткомъ предисловіи (въ 2 стр.) Б. говоритъ, что часть матеріаловъ была уже издана имъ въ «Чтеніяхъ» 1847 — 1848 г., но «нѣкоторыя обстоятельства, извѣстныя многимъ, нежданно прервали мои работы, говоритъ Б., иныя пріостановивъ въ самомъ началѣ, другія въ серединѣ, третьи въ концѣ, а были и такія, что стоило только, какъ говорится, прописать видъ, да и пустить на всѣ на четыре. Поступивъ снова въ секретари, естественно, я прежде всего стараюсь неоконченное покончить»...

Въ той же книгѣ «Чтеній» Б. издалъ 48) «*Діаріушъ*» *Ник. Дан. Ханенка* съ предисловіемъ въ 21 стр. Здѣсь онъ по семейному архиву Ханенковъ подробно говоритъ о предкахъ Н. Д. Ханенка и о самомъ составителѣ «Діаруша». Въ концѣ статьи Б. говоритъ: «Заключая мое историческое свѣдѣніе о предпослѣднемъ малороссійскомъ генеральномъ хорунжемъ, скажу, что другой его Діарушъ или журналъ, который велъ онъ изо дня въ день, въ продолженіе безъ малаго 35 лѣтъ, а также и нѣкоторыя бумаги, имѣющія важность по отношенію къ его родинѣ, будутъ мною изданы въ свое время. Прошедшія судьбы Малой Россіи преимущественно должны останавливать вниманіе и заботливость на себѣ малороссіянъ, сыновъ ея. Не позаботятся они о томъ, кто же станетъ заботиться? Всякое уваженіе и значеніе наше исходятъ прежде всего отъ насъ самихъ, и отъ нашего самопознанія и самоуваженія».

Во II кн. Б. помѣстилъ съ небольшимъ предисловіемъ 49) *Розыскъ о Висковатомъ*. Въ III кн. онъ напечаталъ 50) *Житіе Ѳеодосія Печерскаго* по харатейному списку XII в. съ краткимъ предисловіемъ, въ которомъ выражаетъ свою радость, что ему, послѣ невольнаго перерыва въ научной дѣятельности, удалось издать столь важный памятникъ, какъ составленное преп. Несторомъ Житіе Ѳеодосія. Въ I кн. «Чтеній» 1859 г. издалъ 51) *Житіе Бориса и Глѣба* сочиненіе Нестора съ небольшимъ предисловіемъ. Въ III кн. «Чтеній» 1859 г. издалъ 52) *Разсужденіе инока князя Вассіана* о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Памятнику предшествуетъ небольшое предисловіе издателя. Въ I кн. »Чтеній» 1860 г. Б. издалъ 53) *Житіе Ѳеодосія Терновскаго* съ небольшой объяснительной замѣткой. Во 2 кн. перепечатано имъ съ предварительнымъ краткимъ комментаріемъ 54) сочиненіе черногорскаго митрополита Василія Петровича «*Исторія Черногоріи*» (1754 г.). Въ «Чтеніяхъ» 1860 (съ IV кн.)—1862 Бантышъ-Каменскій помѣстилъ переписку Россіи съ Польшей отъ 1487 г. по 1645, а Бодянскій 55) сдѣлалъ въ началѣ маленькое *примѣчаніе*. Въ IV кн. «Чтеній» 1860 г. Б. напечаталъ свои 56) *Замѣчанія на проектъ положенія о производствѣ въ ученыя сте-*

пени (314—332 стр.). Въ III кн. «Чтеній» 1861 г. 57) *Записку В. А. о В. Н. Каразинѣ* и свои замѣчанія къ ней, свидѣтельствующія о томъ, что Б. очень интересовался замѣчательной личностью основателя харьковскаго университета. Въ IV кн. «Чтеній» 1861 г. Б. напечаталъ 58) *Путешествіе въ Іерусалимъ Іеровея Рачанинскаго* (1704) по своему обыкновенію, помѣстилъ краткое предисловіе, гдѣ говоритъ о мѣстѣ и времени нахожденія памятника. Въ, II кн. Чтеній» 1862 г. Б. напечаталъ свои 59) *Замѣчанія на проектъ университетскаго устава*. Это довольно обширная статья (217—242), свидѣтельствующая о близкомъ знакомствѣ автора со всѣмъ строемъ университетской жизни. Въ IV кн. «Чтеній» 1861 изданъ 60) *Польско-іезуитскій проектъ объ уничтоженіи греко-россійскаго вѣроисповѣданія* въ отторженныхъ Польшей отъ Россіи областяхъ. Въ предисловіи Б. развиваетъ свою любимую мысль, что историческая истина есть лучшій наставникъ. Въ I кн. «Чтеній» 1863 г. Бодянскій 62) *перевелъ* статью Шафарика объ образованіи словъ удвоеніемъ корня. Въ «Чтеніяхъ» 1863 г. IV 62) издалъ «*Журналъ реляцій Мих. Никит. Кречетникова* въ 1782—1787 г.» съ предисловіемъ, (въ 13 стран.), въ которомъ излагаетъ біографію Кречетникова въ связи съ исторіей войнъ въ царствованіе Екатерины II.

Въ «Чтеніяхъ» 1863 III Б. издалъ 64) *Журналъ генерала Петра Никит. Кречетникова* о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г. съ предисловіемъ (въ 11 стр.), въ которомъ находятся біографическія свѣдѣнія о П. Н. Кречетниковѣ. Въ началѣ предисловія обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее замѣчаніе Б. Сожалѣя о малочисленности изданныхъ мемуаровъ, Б. замѣчаетъ: «Я самъ имѣю нѣсколько списковъ съ разныхъ записокъ; но для изданія ихъ, увы! не оу приде часъ. Обнародовать же съ выпусками какъ-то не хочется, особливо въ наше время. Все думается: авось наступитъ пора и для нихъ показаться на свѣтъ Божій въ настоящемъ своемъ видѣ».

Въ 1863 г. Б. съ 3 кн. «Чтеній» началъ печатаніе 64) обширнаго *Сборника галицко-русскихъ пѣсенъ Головацкаго*. Въ предисловіи (въ 12 стр.) Б. очень сочувственно отзывается о народной малорусской поэзіи и указываетъ на предыдущіе сборники малорусскихъ пѣсенъ. Любопытно замѣчаніе Б: «Я долго встрѣчалъ къ обнародованію его (сборника) всякаго рода препятствія». Печатаніе сборника Головацкаго съ небольшими перерывами тянулось до 1877 года. Въ отдѣльномъ видѣ этотъ сборникъ составилъ четыре толстыхъ тома. Изданіе этихъ пѣсенъ было со стороны Бодянскаго большой заслугой. Обширная рецензія А. А. Потебни напечатана въ академическомъ отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ 1878 г.

Въ краткихъ 65) *Предисловіяхъ* къ Словарю Павла Любопытнаго (въ I кн. Чтеній 1863) и 66) къ Проектамъ объ уничтоженіи греко-россійскаго вѣроисповѣданія (въ IV кн. Чтеній 1862) высказывается пожеланіе свободы для научной истины, въ частности для изданія историческихъ памятниковъ: «Дерево, какъ

ни гнешь его, все вверхъ ростетъ; такъ и правда: какъ ни изводи ее, она все сплываетъ наверхъ, рано, поздно, но всплываетъ, подобно елею, непремѣнно и неудержимо. Эту необходимость должно имѣть въ виду при изданіи всѣхъ вообще памятниковъ: обращеніе же иномыслящихъ и иновѣрствующихъ предоставимъ силѣ, которой никто не въ состояніи противиться, какую всякая истина содержитъ въ себѣ и, сверхъ того, времени, первому и лучшему союзнику и пособнику правды. И засѣвшее въ костяхъ и обратившееся уже въ плоть и кровь, лучше всякихъ снадобьевъ выводится этими двумя могущественными силами».

Съ 1863 по 1873 г. Бодянскій помѣстилъ въ «Чтеніяхъ» 67) нѣсколько важныхъ памятниковъ, относящихся къ дѣятельности *свв. Кирилла и Меѳодія* (Паннонскія житія и похвальное слово), именно въ «Чтеніяхъ» 1863 II, 1864 II, 1873 I, 1865 I и II и 1866 II. Въ началѣ собранія памятниковъ находится небольшая замѣтка издателя.

Въ Седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова (1864 г.) напечатанъ составленный Бодянскимъ по порученію Академіи Наукъ 68) *Разборъ книги Петра А. Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи.*

Во II кн. «Чтеній» 1864 г. Бодянскій помѣстилъ статью 69): «*Нужно ли намъ преобразованіе календаря*» (185—200). Здѣсь онъ разбираетъ мнѣніе профессора дерптскаго университета Мердера о пользѣ замѣны юліанскаго календаря исправленнымъ григоріанскимъ, высказанное Мердеромъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», и находитъ, что Россія въ поправкахъ Мердера не нуждается и что сохраненіе юліанскаго календаря желательно не только по астрономическимъ, но главнымъ образомъ по религіознымъ и политическимъ соображеніямъ.

Въ III кн. «Чтеній» 1864 Б. помѣстилъ 70) небольшую (въ 2 стран.) *рецензію* на статью Е.М.Ѳеоктистова «въ Рус. Вѣстникѣ» о Магницкомъ. Въ Чтеніяхъ 1865 I—II, 1866 I, 1875 IV и 1876 I—II помѣщены 71) *Матеріалы Судіенка* объ архивѣ военно-походной канцеляріи гр. Румянцева (1779 г.) съ краткимъ предисловіемъ Бодянскаго. Во II кн. «Чтеній» 1865 г. напечатаны: 72) *Замѣчаніе Б. на проектъ устава и штатовъ Академіи Наукъ,* 73) *Разборъ* одной чешской статьи о чешскихъ рукописяхъ въ Москвѣ и 74) *Переводъ* статьи Коларжа о притчахъ св. Кирилла. Въ III кн. «Чтеній» 1865 г. находится маленькій (въ 3 стр.) 75) *Отвѣтъ* В. на одну статью въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» о Чтеніяхъ. Вообще Б. былъ очень неравнодушенъ къ отзывамъ о Чтеніяхъ и всегда отвѣчалъ на замѣчанія. Такъ, онъ неоднократно рѣзко отвѣчалъ «Русской Старинѣ», напр. 76) въ I кн. «Чтеній» 1873. Въ 1865 г. Бодянскій составилъ 77) *Рѣчь о Ломоносовѣ,* нап. въ «Праздкованіи столѣтней годовщины о Ломоносовѣ» (М. 1865). Въ III кн. «Чтеній» 1866 г. Б. 78) отмѣтилъ *пропуски въ Мертвыхъ душахъ Н. В. Гоголя* по списку, представленному въ цензурный комитетъ (240—246). Впослѣдствіи М. И. Сухомлиновъ написалъ болѣе подробную статью о цензурныхъ урѣзкахъ «Мертвыхъ Душъ». Въ I кн. «Чтеній» 1867 г. Б. помѣстилъ 79) маленькую (въ 3 стр.) *замѣт-*

ку о сочиненіи Срезневскаго «Обзоръ матеріаловъ славяно-русской палеографіи». Во II кн. находится *рядъ мелкихъ замѣтокъ* Б.—80) предисловіе къ «Описанію рукописей Синодальной библіотеки» Ундольскаго, 81) предисловіе къ воспоминаніямъ гр. Толя о польской войнѣ 1830 г. и 82) рѣчь къ славянамъ въ Москвѣ. Въ III кн. 83) *предисловіе* къ переводу одной хорватской хроники XII в. и 84) *рецензія* на статью о княжнѣ Таракановой.

Въ I кн. «Чтеній» 1868 г. Б. помѣщены: 85) статья *объ изображеніяхъ свв. Кирилла и Меѳодія* на по- ляхъ образа святителя Николая въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ (247 — 260) съ приложеніемъ литографированныхъ изображеній и 86) небольшое *предисловіе* къ запискѣ сербскаго митроп. Стефана Стратимировича Императору Александру Павловичу объ освобожденіи сербскаго народа. Въ III кн. «Чтеній» 1868 г. находятся краткія *предисловія* Б. 87) къ Запискамъ адмирала А. С. Шишкова и 88) Запискамъ архипресвитера Ѳеодосія Бродовича о событіяхъ на Волынѣ и Подоліи въ 1789 г.

Въ I кн. «Чтеній» 1870 г. Б. 89) издалъ «*Житіе свв. Бориса и Глѣба* по харатейному списку XII в. съ двумя литографированными снимками и большимъ предисловіемъ, 90) *переводъ* сочиненія Меркеля о ливонскихъ латышахъ также съ большимъ предисловіемъ и 91) *предисловіе* къ мнѣнію Голицына о разности между Восточной и Западной церквами. Во II кн. 92) *предисловіе* къ правиламъ единовѣрцевъ объ учрежденіи въ Россіи старообрядческой іерархіи. Въ III кн. Б. 93) напечаталъ съ своимъ предисловіемъ *Дѣло гадяцкаго полковника Милорадовича* съ генеральнымъ судьею Чернышемъ (1716 г.) и 94) помѣстилъ маленькое *предисловіе* къ собраннымъ Н. И. Стороженкомъ въ Британскомъ Музеѣ матеріаламъ для исторіи Россіи. Въ IV кн. 95) *предисловіе* къ статьѣ о соборномъ управленіи въ христіанской церкви и 96) *предисловіе* къ статьѣ архим. Леонида о греческихъ книгохранилищахъ Востока. Въ I кн. «Чтеній» 1871 г. Б. напечаталъ 97) описаніе рукописей библіотеки м. Новаго Іерусалима архим. Леонида 98) свою *замѣтку* по поводу этого описанія и 99) *разборъ* сочиненія «Объ источникахъ исторіи Малороссіи» Карпова. Въ III кн. находится 100) *предисловіе и послѣсловіе* Б. къ изданному въ этой книгѣ учебнику физики Мих. Сперанскаго и 101) *предисловіе* къ описанію представленія сербской депутаціи 1806 г. русскому императору. Въ I кн. «Чтеній» 1872 г. 102) *предисловіе* Б. къ сочиненію архіеп. Ѳеофилакта противъ «Эстетическихъ разсужденій» Ансильона, 103) *замѣтка* по поводу одной статьи о разности между католицизмомъ и православіемъ и 104) краткая (въ 1 стран.) *рецензія* на статью о. В. Н. Каразинѣ. Во II кн. 105) *рецензія* Б. на трудъ Каратаева о старо-печатныхъ книгахъ (1441—1730 г.). Въ IV кн. 106) *рецензія* на статью о русскихъ эмигрантахъ въ ц. Павла I и 107) *замѣтка* о надписи на найденномъ въ 1872 г. въ Смоленскѣ надгробномъ камнѣ.

Въ I кн. 1873 г. Б. напечаталъ 108) обширную статью (284—356) *объ*

университетскомъ уставѣ 1863 года—«Трилогія на трилогію», подъ псевдонимомъ Муція Сцеволы. Это сильная защита Устава 1863 г. по содержательности, по живости и бойкости изложенія. Бодянскій высоко цѣнитъ свободу университетовъ. Процвѣтаніе университета не можетъ быть безъ самобытной жизни. Много тутъ ироническихъ и колкихъ замѣчаній противъ «московскихъ конфедератовъ», «союзниковъ Страстного бульвара». Бодянскій отстаиваетъ коллегіальность рѣшеній, выборъ преподавателей и собственный судъ. Сильная и рѣзкая статья Бодянскаго, по словамъ Котляревскаго, «едва не вызвала разрушенія стараго московскаго историческаго общества».

Въ III кн. «Чтеній» есть 109) *замѣтка* Б. о письмахъ императора Павла къ ген. Орлову и 110) *предисловіе* къ запискамъ Мейербера. Въ IV кн. 111) *замѣтка* о Запискахъ Хржонщевскаго о «Путешествіи въ Имеретію» Соколова. Въ I и III кн. «Чтеній» 1874 напечатаны 112) *реестры Запорожскаго войска съ предисловіемъ* Б.; въ IV кн. 113) *предисловіе* къ письмамъ епископа пенз. Иннокентія (1819 г.), 114) *замѣтка* о скептицизмѣ Костомарова (о малорусскихъ пѣсняхъ), на 2 стр., 115) и (въ 1 стр.) *замѣтка* о черниговскомъ архіеп. Ѳеофанаилѣ. Во II кн. «Чтеній» 1875 г. 116) *замѣтка* (въ 2 стр.) на ст. Рачинскаго о русскихъ коммисарахъ въ Токаѣ. Во II кн. 1876 г. 117) *предисловіе* къ Донесенію о Московіи Іоанна Пернштейна 1575 г. Въ I кн. 1877 118) *примѣчаніе* къ объясненію Юрченка словъ γύρα и πολυδια. Въ III кн. 1878 119) *замѣтка* «Въ память М. П. Погодина».

По смерти Бодянскаго было издано нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ старославянской письменности, приготовленныхъ имъ къ изданію, именно:

1) *Богословіе Іоанна Дамаскина* въ переводѣ Іоанна экзарха болгарскаго по русскому списку XII вѣка, напеч. въ «Чтеніяхъ» 1877 IV.

2) *Житіе препод. Ѳеодосія Печерскаго*, по извѣстному ранѣе списку, въ «Чтеніяхъ» 1879 I.

3) *Шестодневъ Іоанна болгарскаго* по сербскому списку 1263 г., въ «Чтеніяхъ» 1879 III.

4) *Сборникъ вел. кн. Святослава Ярославича* 1073 года параллельно съ оригинальнымъ греческимъ текстомъ. Большая часть этого капитальнаго труда была приготовлена къ изданію Бодянскимъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и статьей Дювернуа Сборникъ былъ изданъ въ 1882 г. Обществомъ исторіи и древностей при Москов. университетѣ Всѣ эти изданія высоко цѣнятся спеціалистами.

Н. Сумцовъ.

Бодянскій, Павелъ Н., историкъ[1]). Въ 1881 г. окончилъ курсъ въ кіевскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическаго факуль-

[1]) 1) Академич. списки Унив. Св. Владиміра. 2) *Н. Л—въ* въ „Истор. Вѣст." 1882 г. № 12.

тета. Напечаталъ: *Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима.* Кіевъ 1882. (8°. 78 стр. первоначально напеч. въ «Унив. Изв.»). Авторъ примыкаетъ къ взглядамъ новѣйшихъ изслѣдователей, которые доказываютъ, что вакханаліи далеко не были проявленіемъ одного дикаго распутства, а напротивъ того, явились первоначально протестомъ противъ сухого формализма государственной религіи. И лишь позднѣе къ движенію примкнули, какъ это всегда бываетъ и съ самыми лучшими стремленіями человѣчества, элементы развращенные, которые и извратили основный смыслъ новаго культа.

Подъ редакціей П. Н. Бодянскаго переведено съ фр. членами кіевс. отдѣленія общ. клас. филологіи сочиненіе *Виллемса:* «Римское государственное право» (Вып. I. Кіевъ. 1888. 434 стр. 8°).

Боевъ, Н. (Рус. Вѣстн.», «Заря», «Нива», «Литер. Библ.» и пр.)—псевд. Ф. Н. Берга (см. т. III).

Боергавъ. См. Каау-Бургавъ (Boerhaave).

***Божеряновъ,** Иванъ Николаевичъ, пишетъ по исторіи искусства[1]). Род. 27 янв. 1852 г. въ Петербургѣ. Объ отцѣ его, Ник. Николаевичѣ, см. ниже. Мать—сестра севастопольскаго героя, адмирала Андрея Ив. Никонова († 1891). До 1864 И. Н. Б. воспитывался дома, причемъ съ 1862—66 гувернеромъ его былъ извѣстный археологъ проф. Д. Я. Самоквасовъ; съ 1863—65 учился въ Училищѣ Правовѣдѣнія, затѣмъ въ пансіонѣ Шакѣева при Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 г. съ опредѣленіемъ по болѣзни «къ статскимъ дѣламъ». Съ раннихъ лѣтъ Б. бралъ уроки рисованія у академиковъ В. К. Каменева и Шеніота и нѣкоторое время готовился поступить въ Академію Художествъ, по архитектурному отдѣленію, но ему помѣшала острая и опасная болѣзнь глазъ, длившаяся около года. Съ 1873 по 1886 г. Б. служилъ по департаменту таможенныхъ сборовъ.

Литературную дѣятельность свою Б. началъ въ 1872 г. статьями о художественныхъ выставкахъ въ „Пет. Листкѣ“ и юбилейными брошюрами: 1) *Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго.* Спб. 1872. 8°, стр. 31. 2) *Списокъ генералъ-адмираламъ, генералъ-фельдмаршалу и адмираламъ русскаго флота съ его основанія по настоящее время.* (8°. Спб. 1872, стр. 18). Болѣе же тѣсно примкнулъ къ журналистикѣ въ 1882 г., когда сталъ помѣщать „Художественныя бесѣды“ въ „Минутѣ“ и рядъ небольшихъ монографій и замѣтокъ въ „Русской Старинѣ“. Въ этомъ журналѣ напечатаны слѣдующія его сообщенія и статьи по исторіи русскаго искусства и его дѣятелей, преимущественно XVIII вѣка: 3) *Графъ Варѳоломей Варѳоломеевичъ де-Растрелли.* (1882 г., т. 35 и 36); 4) *Самойло Ивановичъ Гальбергъ.* Ib. т. 35). 5) *Памятники фельдмаршаламъ Кн. Кутузову-Смоленскому и Барклаю де-Толли предъ Казанскимъ соборомъ* (Ib.). 6) *Памятникъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ.* (Ib. т. 36). 7) *Михайловскій замокъ въ Петербургѣ въ 1800 —*

---

[1]) Ср. альбомъ М. И. Семевскаго.

1801 г. (1883 г. т. 39). 8) *Александръ Филиппович Кокориновъ, строитель и первый директоръ Академіи Художествъ* (Ib. т. 40). 9) *Михаилъ Арефьевичъ Щуруповъ, профессоръ архитектуры* (1884. т. 42). 10) *Художникъ Ив. Ив. Теребеневъ.* (1884 г. № 3). 11) *Сидъйки-экипажи для сообщенія Петербурга съ Москвою 50 лѣтъ тому назадъ.* (Ib. 44). 12) *К. Я. Аѳанасьевъ, академикъ-граверъ.* (Ib. № 4). 13) *Екатерингофъ.* (Ib. № 3). 14) *Н. И. Уткинъ и его произведенія.* (Ib. № 6). 15) *Графъ Ѳ. П. Толстой и его барельефы изъ Одиссеи.* (Ib.). 16) *Памяти Д. В. Давыдова.* (Ib. № 7). 17) *Александровская колонна въ Петербургѣ.* (Ib. № 8). 18) *Гатчинскій дворецъ* (Ib. № 10).

Изъ другихъ историческихъ изданій Б. принимаетъ участіе въ „Историч. Вѣст.", гдѣ помѣстилъ статьи и замѣтки: 14) *Столѣтіе рожденія художниковъ: Гомзина, Мельникова и Пименова.* (1884 г. № 6). 20) *Результаты нашихъ художественныхъ выставокъ.* (Ib. № 8). 21) *Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ.* (1886. № 10) 22) *Выборгская старина.* (1885. № 11). 23) *Къ исторіи Чесменскаго дворца.* (1886 № 9) и рядъ бубліографическихъ отзывовъ.

Въ 1883 г. дирекція Императорскихъ театровъ поручила И. Н. Б. написать къ юбилею Большого театра историческій очеркъ и прологъ. Прологъ за дороговизною не былъ поставленъ и напечатанъ въ журналѣ «Колосья» за 1884 г. подъ названіемъ «Вѣкъ Екатерины». Историческій очеркъ изданъ брошюрою подъ заглавіемъ 24) *Столѣтіе С-Петербургскаго Императ. Большого театра 1783—1883.* (Спб. 1883. 8°, стр. 50).

Въ томъ же 1883 г. къ празднованію Академіею Наукъ столѣтія появленія журнала «Собесѣдникъ», Б. издалъ вмѣстѣ съ академикомъ-офортистомъ В. А. Бобровымъ in folio гравюру и текстъ подъ названіемъ 25) *Столѣтіе журнала „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, 20 мая 1783—1883 г.*

Въ 1884 сталъ выходить иллюстрированный журналъ «Ласточка», подъ редакціей академика живописи Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго. Б. принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Съ 1885 онъ помѣщаетъ статьи о русскомъ искусствѣ въ «Новостяхъ», за подписью *И. Б.* или *И. Б—овъ.* Въ 1886 г. написалъ нѣсколько статей о русскихъ художникахъ для «Нови»; въ 1887 сталъ издавать еженедѣльный журналъ «Художественный хроникеръ», прекратившійся на 16 № за недостаткомъ подписчиковъ (ихъ было всего 200). Большинство какъ оригинальныхъ и переводныхъ статей «Худож. хроникера» принадлежитъ редактору-издателю. Въ 1888 г. Б. издалъ біограф. очеркъ 26) *Великая княгиня Екатерина Павловна,* четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская, 1788—1818», (Спб. 8°, стр. 87 съ портр. и автографомъ). Книга эта переведена почти цѣликомъ на нѣмец. яз. Квелемъ (Stutgart. 1890).

Съ 1882 г. Б. принимаетъ участіе въ «Рус. Вѣст.», гдѣ, кромѣ мелкихъ сообщеній и замѣтокъ, появились его двѣ статьи 27) *Костюшка* (1892) и 28) *Графъ д'Артуа* (1893).

Съ 1892 И. Н. Б. помѣщаетъ фельетоны историческаго сооержанія въ

«Правит. Вѣстникѣ». Множество небольшихъ статей его помѣщено также въ иллюстрированныхъ журналахъ—«Всемірн. Иллюстр.», «Нивѣ» и «Сѣверѣ».

Брошюры и статьи И. Н. Б. носятъ чисто-фактическій или вѣрнѣе справочный характеръ. Онѣ обыкновенно составлены на основаніи матеріала, уже появившагося въ печати, но авторъ умѣетъ разбираться въ источникахъ и потому на его справки можно положиться.

Божеряновъ, Николай Николаевичъ, механикъ [1]). Род. въ 1811 г., учился въ учительской гимназіи при морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ морскомъ инженерномъ корпусѣ, гдѣ по окончаніи курса остался сначала въ качествѣ преподавателя пароходной механики, а затѣмъ инспектора классовъ. Около 20 лѣтъ преподавалъ также Божеряновъ въ гардемаринскихъ и офицерскихъ классахъ морского корпуса. Умеръ, въ чинѣ генералъ-маіора и состоя членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній, 10 ноября 1876 г.

Божерянову принадлежатъ двѣ цѣнныя, для своего времени книги: 1) *Описаніе изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія паровыхъ машинъ.* Съ 53 черт. Спб. 1842 и 2) *Теорія паровыхъ машинъ*, съ приложеніемъ подробнаго описанія машины двойного дѣйствія по системѣ Вата и Больтона. Спб. 1849. 8°. 316 стр. 18 таб. и 16 л. чертежей. Съ портретомъ Тредгольда. Ни первая, ни вторая изъ этихъ книгъ, которыя являются исполненіемъ правительственнаго порученія дать полное сочиненіе о паровыхъ машинахъ, не представляютъ собою чего-либо самостоятельнаго, но все таки второй изъ нихъ Академія присудила половинную Демидовскую премію, потому что вполнѣ точно и научно передавая по лучшимъ иностраннымъ источникамъ результаты новѣйшихъ усовершенствованій и научныхъ изысканій, курсъ Божерянова былъ очень цѣннымъ вкладомъ въ крайне-бѣдную техническую литературу нашу того времени.

Бойковъ, Сергѣй Осиповичъ, водевилистъ [2]). Былъ актеромъ Императ. театровъ въ Петербургѣ, послѣдніе годы жизни игралъ въ Кронштадтѣ. Умеръ 3 октября 1877 г. «не имѣя 50 лѣтъ». Перевелъ и приспособилъ множество водевилей и небольшихъ комедій, шедшихъ съ большимъ успѣхомъ. Нѣкоторые и теперь часто ставятся. Напечатано меньшинство. Списокъ ихъ:

---

[1]) *Березинъ*, Энц. Сл. 2) Списокъ Истор. Общества.

Отзывы: объ „Описаніи изобрѣт. и постеп. усоверш. паровыхъ машинъ". 1) Библ. для чт. 1843. Т. 56, отд. 6; стр. 64—72. 2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1843. Т. 40, отд. 6; стр. 134—136. (Статья *Ф. Менцова*).—3) Отеч. Записки. 1843. № 1. Т. 26, отд. 6; стр. 28. О „Теоріи паровыхъ машинъ". 1) Отеч. Записки. 1850. № 1. Т. 68, отд. 6; стр. 27—30. 2) Современникъ. 1850. № 3—4. Т. 21, отд. 5; стр. 16—27. 3) Сѣв. Обозрѣніе, 1850. № 1. Т. 3; стр. 200—207. (Статья *И. Семенова*). 4) 19-е Присужд. Демидов. наградъ; стр. 169—191. Отзывы акад. *Ленца*, *Якоби*, и Капитана *Глазенапа 1-го.*

[2]) Списокъ Историч. Общества. 2) *Вольфъ*. Хроника Петерб. театровъ.

1) *Молодой мѣсяцъ.* Поставленъ въ 1852 г. 2) *Трюмо.* 1852. 3) *Трефовая дама.* 1852. 4) *Жилецъ и жилица.* 1852. 5) *Любовь мужа.* 1852. 6) *Посиди за меня въ тюрьмѣ.* 1852. (Напеч. Спб. 1878). 7) *Дуэль на жаворонкахъ.* 1853. 8) *Хитрость женщины.* 1853. 9) *Охота за курами.* 1853. 10) *Мужъ, жена и куропатка.* 1853. 11) *Хоть умри, а найди мнѣ мужа.* 1853. 12) *Система супружескаго счастья.* 1855. 13) *Жилецъ съ тромбономъ.* Пер. вод. 1855. (Литогр. М. 1891). 14) *Подставной женихъ.* 1855. 15) *Купленный выстрѣлъ.* 1856. (Напеч. 1861). 16) *Дядюшка-хлопотунъ.* 1856. 17) *Мужъ съ вѣсомъ.* 1856. 18) *Простуда у камина.* 19) *Безпокойный мужъ.* 1856. 20) *Стаканъ шампанскаго.* 1856. 21) *А вѣдь я не уѣхалъ.* 1861. (Напеч. 1861). 22) *Бродяги.* 1861. (Литогр. М. 1892). 23) *Больной отъ воображенія.* 1861. 24) *Лицо и маска.* 1861. (Напеч. 1863). 25) *Жена должна слѣдовать за мужемъ.* 1864. 26) *Дамскій вагонъ.* 1866. (Литогр. М. 1892). 27) *15-лѣтняя вдовушка* 1874. 28) *Два медвѣдя въ одной берлогѣ.* 1876. (Литогр Спб. 1876 г.). Не были поставлены на Имп. сценѣ: 29). *Жена на порукахъ или попался какъ куръ во щи.* Спб. 1874. 30) *Приданое Маргариты.* (Спб. 1874), 31) *Мартинова голова.* (Спб. 1874). 32) *Прогулка съ приключеніями.* (Спб. 1875). 33) *Пойду къ кухмистеру ѣсть телятину.* (Спб. 1885). 36) *Отравитель семейнаго счастья.* (Спб. 1875). 37) *Повѣситься или утопиться.* (Спб. 1876).

Бойченко, Павелъ Никифоровичъ, врачъ [1]). Род. въ 1813 въ г. Бѣлопольѣ, харьков. губ., въ семьѣ землевладѣльца, учился въ харьков. гимназіи и харьк. университетѣ, гдѣ въ 1835 окончилъ курсъ лѣкаремъ; съ 1842 служилъ въ екатеринославской больницѣ, съ 1865 былъ инспекторомъ екатериносл. врачебной управы. Въ 1877 земство, за 40 лѣтнюю службу Б. въ предѣлахъ екатериносл. губ., учредило стипендію и палату его имени. Ум. 10 ноябр. 1884 г. Напечаталъ разныя казуистическія сообщенія въ «Другѣ Здравія» (1841, 32; 1845 № 81) и въ «Протоколахъ Общ. Харьк. Врачей» (1863 № 26; 1869).

Бокачевъ, Николай Федоровичъ, библіофилъ [2]). Изъ купеческой среды; до недавняго времени служилъ въ Волжско-Камскомъ банкѣ. Какъ видно изъ предисловія къ его «Описямъ», собирать книги началъ въ Москвѣ въ 1868 г., а въ 1869 переѣхалъ въ Петербургъ.

Въ статьѣ о Я. Ф. Березинъ-Ширяевѣ (т. III), мы дали характеристику малоинтеллигентнаго типа библіофиловъ, для которыхъ содержаніе книги вещь почти второстепенная, а главное—рѣдкость книги, ея форматъ, переплетъ, особенности даннаго экземпляра и т. д. Бокачевъ въ значительной степени библіофилъ Березинскаго типа и на его «Описяхъ» лежитъ печать книжнаго спортсменства. Издавая для общаго пользованія каталогъ своей библіотеки, онъ считаетъ умѣстнымъ дѣлать такія отмѣтки: «сохранившійся экземпляръ», «превосходно сохранившійся», «мѣстами поврежденный», «захваченный» и даже «тре-

---

[1]) 1) *В. Т. Сыромятниковъ* въ „Прот. Общ. Екатер. врачей“ 1884—85. № 39—40; 2) *Змѣевъ,* Врачи-Писатели.

[2]) Ср. 1) *А. И. Браудо* въ „Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1893. 2) „Библіографъ“ 1893 г.

бующій замѣны». Оно, конечно, книга называется «Описи русскихъ библіотекъ и библіографическія изданія, *находящіяся въ исторической и археологической библіотекѣ Н. Бокачева*» (Спб. 1892) и на свои деньги каждый, можетъ быть, и воленъ своему нраву не препятствовать. Но пора уже гг. библіофиламъ понять, что превращеніе библіографіи въ орудіе пустого чванства своими библіотеками вещь совершенно неприличная.

Н. Ф. Бокачевъ, ктому-же, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ «Описи», вносилъ въ нее не только тѣ книги, которыя имѣются въ его библіотекѣ, но и тѣ, которыя ему хотѣлось-бы достать, для того что-бы она сдѣлалась идеальнымъ по полнотѣ собраніемъ библіографическихъ пособій. Пріемъ этотъ, конечно, нельзя не одобрить, потому что иначе «Опись» потеряли-бы всякую цѣнность, но тѣмъ менѣе умѣстно, въ такомъ случаѣ, сообщать публикѣ, что такая-то книга въ библіотекѣ г. собирателя отлично сохранилась, а такая-то «захватана».

Отвлекаясь отъ этого коллекціонерскаго чванства, нельзя не признать «Описи» Н. Ф. Бокачева очень полезнымъ пособіемъ. Она является существеннымъ дополненіемъ «Литературы русской библіографіи» Геннади, изданной въ 1858 г. и потому страшно устарѣвшей. «Описи» даютъ перечень—обыкновенно съ краткимъ указаніемъ содержанія,—всѣхъ каталоговъ, описаній рукописей, указателей къ журналамъ и газетамъ и всѣхъ вообще библіографическихъ указателей и пособій. Нѣкоторыя отдѣлы разработаны недостаточно полно, что уже было подробно указано въ рецензіи библіотекаря Публич. Библіотеки А. И. Броудо въ «Жур. Мин. Нар. Пр.». Но въ общемъ «Описи» Бокачева все-таки составлены тщательно и съ большою любовью къ дѣлу. **С. В.**

* **Бокій**, Иванъ Дмитріевичъ, химикъ [1]). Род. въ 1845 г., учился въ 1-й харьковской гимназіи и харьковскомъ университетѣ, гдѣ въ 1867 г., кончилъ курсъ со степенью кандидата физико-матем. факультета. Въ 1869 г. поступилъ преподавателемъ физики и химіи въ тифлисскую реальную гимназію, съ 1880 г. служитъ въ харьковскомъ учебн. округѣ, послѣднее время въ Изюмѣ. Напечаталъ *Основанія химіи*, имѣвшія три изданія (Тифлисъ 1874; 2-ое, съ предисловіемъ Н. Н. Бекетова. Спб. 1881. 8°. 180 стр.; изд. 3-ье—Харьковъ 1888. 8°. 194 стр.).

Боковъ, Павелъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ. Въ медицинскихъ спискахъ болѣе не значится. Въ 1886 г. жилъ въ г. Бѣловодскѣ харьков. губерніи. Напечаталъ: 1) *Руководство къ разведенію и воспитанію лошадей*. Полтава 1863. Въ 1867, на конкурсѣ, объявленномъ главнымъ управленіемъ коннозаводства, автору присуждена премія въ 500 р. Второе дополненное из-

---

[1]) Отзывы объ „Основаніяхъ Химіи": 1) *П. П. Алексѣевъ* въ „Жур. Физ.-Хим. Общ." 1876 г. № 5; *Его*-же въ „Кіев. Унив. Изв." 1881 г. № 6; 3) „Записки Учителя" 1882 г. № 3; 4) „Систем. Обзоръ Рус. Народ. Учебн. Лит.". Доп. 1-ое; 5) „Жур. М. Н. Пр." 1883.

даніе, подъ заглавіемъ «*Курсъ коннозаводства* или руководство къ разведенію, воспитанію, улучшенію и усовершенствованію лошадей». Спб. 1881 (8°. стр. 326), печаталось въ приложеніи къ «Журн. Коннозаводства» за 1881 годъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по главному управл. коннозавод. за 1881 годъ («Журн. Конноз. 1882 г. № 5) сказано, что руководство Бокова, «изложенное вполнѣ популярно не только можетъ служить отличнымъ пособіемъ для начинающаго коннозаводчика, но и не мало принесетъ пользы существующимъ заводамъ своими научно-практическими указаніями» [1]).

Въ «Жур. Коннозав.» Боковъ помѣщалъ разныя статьи, изъ которыхъ 2) *О сбереженіи здоровья лошадей*, вышла и отд. оттискомъ. (Спб. 1880 г. 49 стр.).

Бокъ, Иванъ Ивановичъ, вице-директоръ особой канцеляріи по кредитной части, на службѣ съ 1866 г. Въ 70-хъ годахъ, въ качествѣ одного изъ редакторовъ Центральнаго Статистическаго Комитета обработалъ: 1) выпускъ 6-й «Статист. Временника Рос. Имперіи» — *Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи* за 1868 годъ» (Спб. 1871—72); 2) выпускъ 15-й того же «Временника» — *Виноградарство и винодѣліе въ Россіи въ 1870—73 г.*. Вмѣстѣ съ Г. Ершовымъ. (Спб. 1877). Въ т. XIV п. «Извѣстій» Геогр. Общ. (за 1879) помѣстилъ статью «*Виноградарство и винодѣліе въ Россіи въ 1870—73 г.*», вышедшую и отд. оттискомъ (Спб. 1879. 8°. 21 стр.).

Первая изъ названныхъ обработокъ вызвала сердитую рецензію въ «Вѣст. Евр.» 1872 г. № 10. Рецензентъ упрекалъ редактора въ безсистемности и въ томъ, что вся его «обработка» сводится къ перепечаткѣ сырого матеріала. Въ слѣдующей же книжкѣ журнала И. И. Бокъ помѣстилъ опроверженіе, весьма убѣдительно снимающее съ него эти упреки.

Болгаревскій, Михаилъ, врачъ. Змѣевъ во «Врачахъ-писателяхъ» сообщаетъ о немъ довольно странныя свѣдѣнія:

«Въ харьковскомъ университетѣ былъ адъюнктъ-профессоромъ матеріи медики 1811—1816, по увольненіи оттуда учился въ москов. унив., гдѣ въ 1817 изъ студентовъ (?) медицины и адъюнктъ-профессоровъ переименованъ въ лѣкари и поступилъ въ штатъ москов. полиціи врачемъ, гдѣ и былъ до 1820, когда получилъ степень доктора медицины. Въ 1823 опредѣленъ москов. уѣзднымъ врачемъ, но уже 1824 отставленъ за нетрезвость».

Его диссертація «*De diferentia inter miasmata contagia et venena, nec non de antidotis in genere*». М. 1820. 8°.

---

[1]) Другіе отзывы о „*Коннозаводствѣ:*“ 1) *Якутинъ* въ „Журн. Конноз.“, 1871 г. № 7. 2) Тамъ-же 1881 г. № 24. Объ „*Сбереж. здоровья лошадей*“: 1) *Н. М.* въ „Рос. Библ.“ 1884 г. № 8. 2) „Архивъ ветер. наукъ“ 1880 г. № 3. Ср. также *Педе и Н. Н—въ* Роспись книгъ по сельскому хозяйству.

Болгарскій («Якорь», «Оса» 1860-хъ гг.)—В. В. Бажановъ.

* **Болдаковъ**, Иннокентій Михаиловичъ [1]). Родился 26 ноября 1846 г., въ Иркутскѣ, въ купеческой семьѣ. Отцомъ его, Михаиломъ Аѳанасьевичемъ, въ молодости бывшимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ник. и Ксен. Полевыми, была открыта, въ 1839 г., первая частная публичная библіотека въ Иркутскѣ (*Щегловъ*, Хронолог. перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1883), стр. 524—5), которая, перейдя черезъ нѣсколько частныхъ рукъ, вошла, какъ основное ядро, въ составъ мѣстной городской публичной библіотеки. По окончаніи въ Иркутскѣ гимназическаго курса въ 1863 г., Б. поступилъ въ петербургскій университетъ вольнослушателемъ на историко-филологическій факультетъ; въ 1867 г. уѣхалъ за-границу лѣчиться, и тамъ оставался до лѣта 1870 г., проживая частію въ Италіи, Швейцаріи и Франціи, частію въ Германіи, слушалъ лекціи въ Прагѣ и въ Боннѣ, и подготовлялъ свою кандидатскую диссертацію («Просвѣтительная дѣятельность Оттона, епископа Бамбергскаго, среди славянъ въ Помераніи»), которую и представилъ, по возвращеніи въ Россію, историко-филологическому факультету одесскаго университета по выдержаніи экзамена на степень кандидата. Получивъ отъ факультета предложеніе готовиться на каѳедру всеобщей исторіи литературы, уѣхалъ весной 1873 г. за границу, гдѣ слушалъ лекціи и занимался изученіемъ германскихъ и романскихъ языковъ и литературъ въ Гейдельбергѣ, Галле и Парижѣ. Возвратясь въ Петербургъ осенью 1877 г., вскорѣ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія порученіе преподавать его славянскимъ стипендіатамъ (назначавшимся потомъ въ учителя классическихъ языковъ въ гимназіяхъ) русскій языкъ; эти занятія продолжались три года. Въ 1884 г. поступилъ на службу въ канцелярію непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ, гдѣ прослужилъ три года, вплоть до перехода въ 1887 г. въ Публичную Библіотеку штатнымъ библіотекаремъ отдѣленія полиграфіи и исторіи иностранныхъ литературъ. Писать началъ въ 1868 г. («С.-Петер. Вѣд.» фельетонъ въ

---

[1]) Отзывы объ „Исторіи Франц. лит.“: 1) *А. Н. Веселовскій*, въ „Нов. Вр.“ 1888 г. отъ 10 янв. 2) *Ѳ. Д. Батюшковъ* въ „Жур. М. Н. Пр.“ 1888 г. № 1. 3) *П. И. Вейнбергъ*, въ „Новостяхъ“ 1889 г. № 250.

О редакт. имъ соч. Лермонтова: 1) *А. Н. Пыпинъ*, въ „Вѣст. Евр.“ 1891 г. № 9; 2) *В. Е. Якушкинъ* въ „Рус. Вѣд,“ 1891 г. № 239 и 243; 3) *Арс. И. Введенскій* въ „Нов. Вр.“ 1891 г. № 5527 и 5552; 4) „Книж. Вѣст.“ 1891 г. стр. 243; 5) *В. Якушкинъ* въ „Библіогр. Зап.“ 1892 г. № 5. Полемика съ П. А. Ефремовымъ въ „Нов. Вр.“ 1892 г.

О *„Предисловіи къ неизданнымъ стихтвореніямъ М. Ю. Лермонтова“* („Сѣв. Вѣстн.“ 1891; 1): 1) *А—ъ.* „День“ 1891, № 245; 2) *С. Сычевскій*, „Одесскій Вѣстн.“ 1891, № 60; 3) *В. Буренинъ.* „Нов. Вр.“ 1891, № 4618; 4) *Е. Гаршинъ.* „Бирж. Вѣд., 1891, № 8.

О *„Путешествіи Томаса Смита“*. 1) *А. И. Браудо* въ „Ж. Мин. Просв.“, 1894 № 9; 2) *В. И. Сэвва* въ „Трудахъ Московскаго Археолог. Общ.“, 1894; 3) *Дм. Войниловичъ* въ „Харьк. Губ. Вѣдом.“, 1894, № 96. 4) (*В. И. Саитовъ*) въ „Нов. Вр.“ 1894 г.

№ отъ 27 марта). Изъ-за границы, присылалъ корреспонденціи и замѣтки въ «Гражданинъ» (редакціи Ѳ. М. Достоевскаго и В. Ѳ. Пуцыковича), подписываясь подъ ними *Inn.* По пріѣздѣ въ Россію въ 1877 г. работалъ въ «Русскомъ Мірѣ» редакціи Ѳ. Н. Берга, а за тѣмъ Е. К. Раппа, причемъ нѣкоторое время велъ литературный фельетонъ. Тогда же имъ изданъ, переводъ съ добавленіемъ библіографіи предмета, очерка извѣстнаго англійскаго оріенталиста Сэйса: *Ассиро-вавилонская литература* (Спб. 1879). Въ изданной К. Риккеромъ, подъ редакціей сперва В. Ѳ. Корша, а потомъ проф. А. К. Кирпичникова «Всеобщей исторіи литературы», И. М. Б. принадлежатъ нѣсколько главъ (2-го тома) о средневѣковомъ періодѣ литературъ итальянской, голландской и французской; въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ.» 80-хъ и 90-хъ гг. помѣщенъ имъ рядъ рецензій о книгахъ историко-литер. содержанія (о диссертаціи *П. В. Владимірова* Великое Зерцало; о переводѣ *Е. В. Балобановой* Макферсонова «Оссіана», и др.). Имъ же составлены библіографическія примѣчанія въ изданной А. С. Суворинымъ, въ переводѣ на русскій языкъ, «Всеобщей исторіи литературы» *А. Штерна.* Спб. 1885. Въ 1887 г. И. М. Б. издалъ составленную имъ, при нѣкоторомъ участіи одного изъ нашихъ спеціалистовъ, по Деможô, Обертэну и др., «*Исторію французской литературы. IX—XV вѣкъ*». (Спб. 1887., 8°, стр. 215). Въ 1891 г. въ Москвѣ (въ изданіи Е. Гербекъ) вышли сочиненія М. Ю. Лермонтова въ 5 томахъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Б.; но имъ было заявлено тогда же въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 266), что вслѣдствіе возникшихъ между нимъ и издательской фирмой недоразумѣній, онъ беретъ на себя отвѣтственность только за редактированіе трехъ первыхъ томовъ. Въ ряду многочисленныхъ изданій Лермонтова 3 первые тома изданія Е. Гербекъ, тщательно редактированные И. М. Б. по рукописямъ поэта, занимаютъ видное мѣсто. Въ ежемѣсячныхъ журналахъ, кромѣ «Журнала Мин. Нар. Просвѣщ.», Б. напечаталъ, не считая нѣсколькихъ болѣе или менѣе мелкихъ рецензій, переводъ трехъ разсказовъ датскаго писателя Килланда въ «Устояхъ», 1892 г.; статью о плаваніи Норденшёльда на «Вегѣ» въ «Русской Рѣчи», 1879 г.; «Juvenilia или юношескія стихотворенія Лермонтова», съ введеніемъ и послѣсловіемъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1891 г., и тамъ же (1891, августъ и декабрь), двѣ статьи по случаю 50-лѣтней годовщины смерти поэта [1]). Ему же принадлежитъ статья въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1893 г., іюль) «*Эмерикъ Мадачъ и его Трагедія человѣка*».. Въ парижской «Revue critique d'histoire et de littérature», 1877 г., помѣщена его рецензія на сочиненіе *Н. П. Кондакова,* «Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей», причемъ указаны были и еще нѣкоторыя появившіяся тогда въ Россіи ученыя изслѣдованія другихъ авторовъ.

Нѣсколько стихотворныхъ переводовъ Б. изъ Ришпена, Байрона и Лонг-

---

[1]) Изданы, какъ рукопись, отдѣльной брошюрой (Спб. 1895. 8°).

феллo помѣщено въ «Нови» 1886 г. «Правдѣ» 1890-хъ гг. и «Всем. Илл.» 1893 г.

Въ 1893 г. вышло, изданное на счетъ гр. С. Д. Шереметева и въ оригиналѣ составляющее большую библіографическую рѣдкость, «*Путешествіе и пребываніе въ Россіи сэра Томаса Смита въ 1604—5 г.*» въ переводѣ Б. съ его же введеніемъ и примѣчаніями.

Болдыревъ, Алексѣй Васильевичъ, оріенталистъ [1]). Род. 16 марта 1780 г.; отецъ его былъ штабъ-лекаремъ. Въ 1798 г. онъ былъ отданъ въ московскую университетскую гимназію, гдѣ въ 1800 получилъ серебряную медаль. Въ 1801 г. поступилъ въ университетъ, сначала на юридическій, потомъ на философскій факультетъ. Въ 1805 получилъ степень кандидата новѣйшей литературы, въ 1806—магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ томъ же году пожалованъ отъ Государя золотою табакеркою за переводъ еврейской грамматики и отправленъ за границу для изученія восточныхъ языковъ. Въ 1811 г. Болдыревъ возвратился въ Москву и былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ восточныхъ языковъ, въ 1815 экстраордин. профессоромъ, въ 1818 ординарнымъ. Съ 1832—37 онъ былъ ректоромъ университета. Ум., находясь въ отставкѣ, 17 авг. 1842 г., въ Москвѣ.

А. В. Болдыревъ напечаталъ:

1) *Duae Moallakat Antarae et Harethi.* Gottingae 1808 in 12° и М. 1832 2) *Арабская хрестоматія,* Литограф. изданіе. М. 1824. 80 стр. 3) *Новая Арабская хрестоматія.* М. 1832. 2 ч. со словаремъ. 4) *Приключенія одного невольника.* (арабскій текстъ). Арабская повѣсть Ахмеда-бэнъ Арабши. М. 1824. (24 стр.). 5) *Краткая арабская грамматика.* — М. 1827 (въ таблицахъ) изд. 2-ое — 1836 (безъ раздѣленія на таблицы). 6) *Персидская хрестоматія.* М. 1826. 2 ч. изд. 2-ое. М. 1833—34 въ 3 ч. 7) *Карманный латинско-русскій словарь.* М. 1840 и 2-ое изд. 1841.

Еще студентомъ Болдыревъ напечаталъ рядъ небольшихъ статеекъ въ „Новостяхъ рус. литературы“ 1802 г.: 1) *Для чего женщины наряжаются* (ч. II). 2) *Приказчикъ.* (Ib.). 3) *Сатирическая мысль о перехожденіи душъ въ растенія.* (Ib.). 4) Басня: *Истина* (Ib.). 5) *Басня: Воробей* (Ib.). 6) *Кто бываетъ блѣденъ* (Ib.) 7) *Совѣсть* (Ib. ч. II). Позднѣе онъ помѣстилъ въ журналахъ: 8) *Элегія.* Перев. съ араб. (проза) въ „Вѣст. Евр.“ 1811 г. № 17. 9) *Меджнунъ и Леила.* Съ персид. (Ib. № 16). 10). *Нравоучительныя изреченія,* съ араб. (Ib.). 11) *Разсужденіе о глаголахъ* („Труды общ. люб. рос. слов. при Моск. унив.“ 1812, № 2). 12) *Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ* (Ib. № 3). 13) *Могамедово путешествіе на небо* („Вѣст. Евр.“ 1815, № 5—6). 14) *Отвѣтъ на замѣчанія* („Тр.

---

[1]) 1) *Буслаевъ и Петровъ* въ „Слов. проф. моск. унив.“. 2) Словари Березина, Геннади, Брокгаузъ-Ефрона. О „*Новой араб. хрест.*“: Шейхъ *Ибнъ-Амруэль-Мохди* въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1832 г. № 157. О „*Персид. хрестоматіи*“: мирза *Джеффаръ Топчибашевъ* въ „Телескопѣ“ 1834 г. т. 21. О „*Карман. лат.-рус. словарь*“: 1) „Сѣв. Пч.“ 1840. № 84 и 1842 г. № 202. 2) „Лит. Газ.“ 1840. № 24. 3) „Отеч. Зап.“ 1840 т. IX и 1841 г. т. XVIII. О „*Разсужденіи о глаголахъ*“: „Труды общ. люб. рос. слов.“ 1816 г. № 6 и 1819 г. ч. 15. (ст. *А. М. Б.*).

общ. люб. рос. сл.“ 1816, № 6). 15) *Объ изданіи словаря* (Ib. 1817 г. № 8). 16) *Нѣчто о сравнительной степени* (Ib. 1819, № 15). 17) *Отвѣтъ рецензенту „Моск. телеграфа“* („Вѣст. Евр.“ 1827, № 6).

Пособія Болдырева по арабскому и персидскому языку имѣютъ значеніе исключительно учебное. О работахъ его по русской грамматикѣ Буслаевъ говоритъ въ «Словарѣ профессоровъ москов. университета»:

„Мнѣніе Болдырева о томъ, чтобы видами и ученіемъ о производствѣ глагола замѣнить спряженія Ломоносова и старой Академической грамматики, встрѣчено было сильными возраженіями, которыя вмѣстѣ съ его отвѣтомъ были напечатаны въ („Труд. общ. люб. рос. сл.“ 1816 г., часть 6). Тамъ же въ 1819 г. (часть 15) были напечатаны примѣчанія на разсужденія Болдырева отъ лица А. М. Б. Указавъ на различіе глаголовъ по видамъ, Болдыревъ предлагаетъ отдѣльно спрягать каждый видъ глагола, какъ самостоятельное реченіе, образовавшееся помощію производства. „Мы знаемъ, — говоритъ онъ, что прилагательныя *бѣлъ*, *бѣленекъ* имѣютъ свое сходство и свое различіе въ свойствахъ, что они должны склоняться отдѣльно, слѣд. и глаголы *хлопать* и *хлопнуть*, *рубить* и *срубить*, имѣя свое сходство и свое различіе въ дѣйствіи, должны спрягаться особенно, а не вмѣстѣ; а потому и должны быть отдѣлены другъ отъ друга“.

Для того, чтобы удобнѣе провести свою теорію по всѣмъ глаголамъ, авторъ допускаетъ формы, неупотребительныя въ простомъ видѣ (напр. *дуваю*), и употребляемыя только въ сложеніи съ предлогами (напр. *раздуваю*, *продуваю*). Сверхъ того онъ указываетъ на то, что глаголы различныхъ видовъ, напр. *дую* и *дуну*, слѣдуютъ общему закону спряженія (ду—ешь, ду—ютъ, дун—ешь, дун—утъ), чѣмъ и доказываетъ различіе спряженія отъ производства видовъ. Въ основныхъ понятіяхъ о глаголѣ Болдыревъ сошелся съ Фатеромъ. Это сходство нашъ профессоръ объясняетъ тѣмъ, что, путешествуя по Германіи, онъ переписывался съ Фатеромъ по сему предмету, и что оба они, „стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время“.

Болдыревъ, Иванъ Михайловичъ, профессоръ анатоміи и физіологіи [1]), окончилъ курсъ москов. медико-хирур. академіи около 1812 г., въ теченіе военнаго времени былъ въ Касимовскомъ воен. госпиталѣ, по возвращеніи сдѣланъ сначала репетиторомъ, потомъ адъюнктомъ и ординарнымъ профессоромъ анатоміи и физіологіи москов. Медико-Хирург. Академіи. Ум. 28 іюня 1819 г.

Напечаталъ только докторскую диссертацію:

De caracteribus vitae vegetativae seu organicae, principalibus ejusque praecipue et animalibus in homine differentia. Diss. D. M., Mos. 1815, 8°.

* **Болдыревъ**, Матвѣй Фроловичъ, профессоръ ларингоскопіи [2]). Родился въ 1839 году, 6 авг., въ Саратовѣ, родомъ изъ дворянъ Малороссіи. Первоначально учился дома подъ вліяніемъ своей матери. Отецъ его состоялъ врачомъ вятскаго удѣльнаго вѣдомства и проживалъ въ г. Сарапулѣ. Кончивши курсъ въ сарапульскомъ уѣздномъ училищѣ, Б. 9 лѣтъ поступилъ въ 2-й классъ 1-й казан. гимназіи. Пробывши въ ней 2 года, былъ переведенъ въ пермскую гим-

---

[1]) 1) *Змѣевъ*, Врачи-Писатели; 2) Списокъ Истор. Общества.

[2]) Ср. *Змѣевъ*, Врачи-Писатели.

назію, о которой и вспоминаетъ съ любовію и благодарностію. Жилъ онъ у учителя латинскаго яз. Ив. Дмитр. Веретенникова, отличавшагося особенно добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей (въ 27 лѣтъ не пропустилъ ни одного урока) и замѣчательнымъ образованіемъ.

Не достигши еще полныхъ 16 лѣтъ, Б. кончилъ курсъ гимназіи и какъ отличный ученикъ, безъ экзамена (слѣдов. безъ разсмотрѣнія документовъ и лѣтъ) поступилъ въ казанскій университетъ, на медиц. факультетъ.

«Когда я былъ на 2-мъ курсѣ» — говоритъ М. Ф. Б. въ любезно составленнной по нашей просьбѣ автобіографической запискѣ—«въ студенчествѣ началось сильное броженіе идей, а равно и требованіе реформъ преподаванія. Эмпиризмъ медицины отходилъ въ ея исторію и имя Вирхова, великаго реформатора медиц. науки, было на устахъ всѣхъ студентовъ. Введеніе въ науку микроскопа, опытной физіологіи, кабинетовъ и лабораторій какъ учебныхъ пособій, физическихъ методовъ изслѣдованія больныхъ и проч.—одушевляло студентовъ медиц. факультета и подвигало ихъ къ живымъ и самостоятельнымъ занятіямъ мед. наукой. Каждый новый профессоръ (напр. Ф. В. Овсянниковъ) вносилъ обновленіе въ научную жизнь преподаванія и благотворно вліялъ на молодыхъ слушателей».

Кончивши въ 1861 г. курсъ въ университетѣ, Б. остался при немъ на службѣ, сначала студенч. врачомъ, а потомъ—ординаторомъ клиники. Черезъ три года по окончаніи М. Ф. курса, въ городѣ развилась сильнѣйшая тифозная эпидемія, что повело къ открытію временной, на 75 кроватей, больницы. Б. былъ приглашенъ завѣдывать ею. Отдавшись занятіямъ въ этой больницѣ со всею энергіею молодыхъ силъ, онъ, черезъ три съ половиною года завѣдыванія ею, въ качествѣ директора и единственнаго врача, доставилъ ей имя «Александровской» и затѣмъ эта больница, уже для мѣщанъ и ремесленниковъ г. Казани, сдѣлалась постоянною и получила, по постановленію думы, ежегодное содержаніе (въ размѣрѣ 10 тыс. руб.) изъ прибылей городского банка. Для больницы былъ купленъ домъ, приспособленный Б. подъ больничное помѣщеніе, а въ его прекрасномъ, обширномъ саду Болдыревымъ же устроены, для лѣтняго помѣщенія больныхъ, три большихъ барака. Средства для постройки ихъ и прочаго ремонта были пріобрѣтены, по ходатайству М. Ф., отъ одного частнаго благотворителя (В. И. Романова).

«Увлекаясь больничными занятіями и практикой,—говоритъ М. Ф. Б. въ своей запискѣ,—я, однако, не опускалъ идеи дальнѣйшаго своего усовершенствованія. Меня неотразимо привлекала, какъ и прочихъ молодыхъ врачей, поѣздка съ ученою цѣлью за границу. Влекло туда обаяніе именъ великихъ учителей нашей науки, профессоровъ, составлявшихъ честь и славу вѣнской и берлинской школъ. Какъ скоро я получилъ возможность ѣхать за границу на собственный счетъ и средства (съ 1866—67 я находился на службѣ городск. Общества), я

сталъ проситься въ отпускъ на $1^1/_2$ года и получивши его (дума дала мнѣ авансомъ же и жалованье за эти $1^1/_2$ года) немедленно уѣхалъ.

Пробылъ я за границею однако не $1^1/_2$, а цѣлыхъ три года, занимаясь и изучая: гистологію, патол. анат. и клинич. медицину въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Грацѣ. Въ то же время я много интересовался изученіемъ новой отрасли медиц. знанія,—именно ларингологіи, только что тогда входившей въ права отдѣльной, медицинской спеціальности». Пріѣхавши затѣмъ въ Кіевъ, на съѣздъ естество-испытателей, Б. защитилъ тамъ свою диссертацію на доктора медицины («Сосуды и нервы слиз. обол. гортани») и снова уѣхалъ въ Берлинъ и Лейпцигъ, провелъ тамъ зимній и лѣтній семестры, занимаясь физіологіей и физіологич. химіей, и наконецъ, пріѣхавши въ Казань въ 1872 году, поступилъ, по приглашенію, прив.-доцентомъ въ казанскій университетъ, для преподаванія ларингологіи. Теперь состоитъ тамъ экстраордин. профес.

Съ 1882 года М. Ф. Б. состоитъ, кромѣ того, на службѣ губ. земства, старшимъ врачомъ городск. больницы (гдѣ, по уставу, старшій врачъ—въ то же время и проф. универ.) и директоромъ фельдшерской школы.

Ученые труды М. Ф. Б.: 1) *Сосуды и нервы слизистой оболочки гортани* (Дисс. Кіевъ. 1871 г.); 2) *Stenosis membranacea laryngis*. Deutsche Klinik. № 46. 1870 г. (то же самое было напечатано и въ Военно-Мед. Журналѣ 1871 г.); 3) *Къ гистологіи слиз. оболочки гортани и дыхат. горла*. «Московск. Мед. Газ.» № 17. 1870 г.; 4) *Ueber die Drüsen d. Larynx u. d. Trachea*. Untersuchungen aus d. Inst. für Phys. u. Histol. in Graz. Herausgegeb. v. Rollett. 1870; 5) *Beiträge zur Kenntniss der. Nerven, Blut u. Lympgefässe d. Kehlkopf-Schleimhaut*. Max Schultze's Archiv. 7 Band. 11 Heft. 1871; 6) *Ein Beitrag zur Histologie d. croupösen Processes*. Reichert's u. Du-Bois-Reymond's Archiv. Heft. 1. 1872; 7) *Слизистый полипъ гортани*. Труды Общ. Врачей г. Казани. 1872 г. вып. 2-й. 8) *Оперативн. случай извлеч. полипа изъ полости гортани*. 1880 г. Труды Общ. Врачей г. Казани; 9) *Polypus laryngis multiplex*. 1883. Тамъже. 10) *О холерѣ*. Докладъ на 6-мъ съѣздѣ врачей каз. земства. 1885. Въ Трудахъ Съѣзда. 11) *Восемь медицинскихъ отчетовъ Старшаго Врача*, д-ра *М. Ф. Болдырева по губ. земск. больницѣ съ 1882—90 г.* Напечат. отд. изд. Казань.

Болотникова, Марія, поэтесса [1]). Князь Иванъ Долгоруковъ сообщаетъ о ней въ своемъ «Капищѣ моего сердца»:

„Молодая замужняя дворянка, живущая въ Орловской деревнѣ. Не зная ее въ лицо, не вѣдая даже, что она существуетъ, я привлеченъ былъ къ знакомству съ ней, заочному и весьма странному, ея стихами. Она ихъ писывала очень посредственно, чтобъ не сказать худо, но любила ими заниматься, изволила сочинить книжку подъ

---

[1]) 1) *Руссовъ*, Словарь; 2) *Кн. И. Долгорукій*, Капище моего сердца; 3) *Геннади*, Словарь; 4) *Толь*, Наст. Словарь, доп.; 5) *Голицынъ*, кн. Слов. писательницъ.

названіемъ „Плодъ моего уединенія“ и разсудила посвятить ее мнѣ, напечатала, пустила въ публичную продажу и мнѣ при письмѣ прислала препорядочной экземпляръ въ сафьянѣ. Надобно было писать благодарность, хвалить. Я истощался въ привѣтствіяхъ, надѣясь, что ими все кончится: напротивъ, г-жа Болотникова, начитавшись моихъ сочиненій и приходя ежедневно отъ нихъ въ восторгъ, не по заслугамъ моимъ, а по капризу ея воображенія, повела со мной переписку, которая хоть изрѣдка, но приняла характеръ твердаго знакомства. Неожиданное сіе отношеніе между нами началось уже послѣ московскихъ бѣдствій и долго ли продолжится, не знаю. Нерѣдко я отъ нея получаю новые стихи, стараюсь отвѣчать моими и не безъ крайняго удивленія вижу на опытѣ, что можно быть очень близко знакому съ человѣкомъ, котораго отъ роду въ глаза не видывалъ. Сей диковинкой я обязанъ г-жѣ Болотниковой и потому далъ ей право гражданства въ моемъ Словарѣ. Въ то время, какъ я упражнялся собраніемъ онаго, г-жа Болотникова прибыла на короткое время по дѣламъ своимъ въ Москву; я ее видѣлъ, наконецъ, ознакомился съ ней лично, нашелъ даму скромную, тихую, застѣнчивую даже, и съ трудомъ могъ понять, какимъ образомъ, будучи благоразумна, она такъ свободно приняла на себя званіе актора, съ которымъ, кажется, вовсе не сладитъ“.

«Сладила» Болотникова свои дѣла по «званію автора», дѣйствительно неблистательно. Но скука ознакомленія съ ея «Деревенскою Лирою, или Часы уединенія» (М. 1817. 12°), все-таки, искупается кое-чѣмъ. Начать, напр., съ того любопытнаго факта, что какой-нибудь кн. Ив. Долгоруковъ, поэтъ, много что третьестепенный, могъ вызывать въ современныхъ ему читателяхъ такіе восторги:

Прими—прими о князь, почтенный!
Не лестну жертву—въ дань тебѣ
Духъ, сердце чувства посвященны —
Тобой все дышетъ — все живетъ во мнѣ!
Чѣмъ я богата, тѣмъ и рада —
Тебѣ восторгъ мой воспою
Твои творенья мнѣ награда,
Я съ ними внѣ себя живу

и т. д. въ безконечно-умиленномъ тонѣ.

А затѣмъ намъ показалось любопытнымъ историческимъ документомъ стихотвореніе, озаглавленное «Разсужденіе моего дворецкаго»:

Скоро свѣчка такъ сгораетъ?
Ванька, слышу я, спросилъ;
Видно барыня читаетъ
Все Глафиру и Каминъ.
Нѣтъ! отпала бы охота
Ночку съ книгой провождать,
Коль узнала бъ, сколь работа
Тяжела намъ—жать, пахать.
Коль досталось бы деніочикъ
Ей хотя помолотить
Иль гресть сѣно на лужочикъ,
Или съ поля хлѣбъ возить
Тогда бъ рада лишь до мѣста
Къ уголочку гдѣ прильнутъ
И, покушавъ кисло-ль, прѣсно,
Поскорѣе бы заснуть.
Господамъ какое горе?
Лишь проснулися—за чай,
А тамъ завтракъ такъ же вскорѣ:
Рѣжь, спѣши, приготовляй.
Бѣдный поваръ суетится
Каждый часъ подлѣ огня —

Блюдъ до дюжины варится.
Нѣтъ ему спокойна дня.
Что за роскошь?—За обѣдомъ
Пьютъ заморское вино,
А крестьянинъ съ чернымъ хлѣбомъ
Ѣсть садится толокно.
Правду молвить—мы и сыты,
Кашу, щи, ѣдимъ—всегда
Не боимся, что бы биты
Были старостой когда.
Онъ у насъ мужикъ свирѣпой
Не дастъ лѣтомъ намъ гулять
На зарѣ уже одѣтой
Спѣшитъ всѣхъ къ работѣ гнать.
Мы жъ ребята непривычны
Намъ ли за сохой ходить?
Господа жъ хотятъ отличны
Въ насъ таланты находить.
Вѣдь однимъ чѣмъ заниматься
Будемъ въ комнатахъ служить
А то дѣвки разрѣзвятся
И начнутъ ужъ рюмки бить
И буфетъ весь опустѣетъ!
Безъ дворецкаго тогда
Дѣвка на полъ ромомъ сѣетъ
Врядъ взойдетъ ли онъ когда!
А во всемъ мы виноваты
И что свѣчи все горятъ!
Видно были не прибраты,
Господа о томъ твердятъ.
Да расходу имъ вѣдь много
Я, позвольте, доложу;
Парикмахеръ кричитъ строго:
„Я вѣдь барынѣ скажу,
Что безъ сала невозможно
Нынѣ голову убрать—
Имъ, пригладивъ осторожно,
Можно пуклю завязать".
Ахъ! такой охоты къ чтенью
Нигдѣ вѣрно не сыскать!
Наша барыня въ ученьи
Любитъ время провождать.
День и ночь всегда читаетъ
Про Порфіона и Авось
Но хозяйскихъ дѣлъ не знаетъ,
По ней все въ огонь хоть брось.
Говорятъ, что не читали
Въ старину-то господа
А ихъ хлѣбъ-соль всѣ знавали,
Но не та теперь пора.
Всѣ въ поэзію пустились
Звѣзды всѣ хотятъ считать;
Мнятъ, что очень просвѣтились
А хозяйство?—не имъ знать.

Глубокое убѣжденіе автора-помѣщицы, что устами дворецкаго говоритъ одно только непроходимое невѣжество, по истинѣ безподобно. И вѣдь, какъ никакъ, въ своемъ-то медвѣжьемъ уголку Болотникова навѣрное была явленіемъ выдающимся и даже свѣтлымъ, потому что все же она искренно стремилась къ чему то высшему. Очевидно, значитъ, въ вопросахъ соціальной этики мало одной логической силы и самыя правильныя посылки приводятъ къ самымъ неожиданнымъ умозаключеніямъ. **С. В.**

Болотниковъ, Сергѣй. Перевелъ съ фр. соч. П. Белидора. «Теорія о дѣланіи подкоповъ, нужныхъ въ воинскихъ обстоятельствахъ, основанныхъ на многочисленныхъ опытахъ». Спб. 1765 8°.

Болотовъ, Алексѣй Павловичъ, геодезистъ [1]) Р. 18 марта 1803 г., учился въ москов. университетскомъ пансіонѣ, затѣмъ съ 1820 г. въ москов-

---

[1]) 1) Словари „Военно-Энцикл." (Статья *М. Богдановича)*, Старчевскаго, (т. II, стр. 531) Березина, Толя (дополненія), Геннади, Леера, Брокгаузъ-Ефрона; 2) *Глиноецкій*, Николаев. академія генер. штаба. Отзывы о *„Геодезіи"*: 1) Библ. для Чт. 1835. Т. 18, отд. 6; стр. 50—53. 1838. Т. 26, отд. 6; стр. 82—85;—2) „Сынъ Отеч." 1838. Т. 3. 3) „7 присužд. Демидов. наградъ". О *„Курсъ высшей и низшей геодезіи"*:

скомъ же училищѣ колонно-вожатыхъ, откуда въ 1821 г. выпущенъ прапорщикомъ свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ преподавателемъ фортификаціи. Въ 1823 г. училище было переведено въ Петербургъ, а Болотову поручено было окончаніе топографической съемки окрестностей Москвы. Въ 1824 онъ снова былъ опредѣленъ въ училище колонно-вожатыхъ и преподавалъ въ немъ математику до закрытія училища въ 1826 г. Въ 1828—30 гг. В. былъ при арміи, дѣйствовавшей въ Европейской Турціи, въ 1832 назначенъ профессоромъ геодезіи въ основанную тогда военную академію и занималъ эту каѳедру вплоть до своей смерти въ 1853 г. (въ Марсели). Умеръ въ чинѣ генералъ маіора.

Болотовъ напечаталъ: 1) *Геодезія*, или руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построенію картъ, и производству тригонометрич. и топографич. съемокъ и нивеллировокъ. 2 ч. Спб. 1836—37. Изд. 2-е. Спб. 1845—49. 8°; 2) *Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и нивеллированія*. Съ табл. и черт. Спб. 1842. 8° 2-ое изд. Спб. 1856.—Изд. 3-е. Съ 4 табл. и 207 черт. Спб. 1862 3) *Курсъ Высшей и Низшей Геодезіи*. 2 ч. Спб. 1837 и 2-ое изд. Спб. 1845. 8°. 4) *О снарядѣ Гретера для измѣренія неприступныхъ разстояній*. Спб. 1852. 8°. Онъ также издавалъ съ 1846 по 1852 г. «Военный Журналъ» и перевелъ, съ Христіани, «Полный Курсъ Математики», *Франкера*. 2 ч. Спб. 1840.

«Геодезія» была первымъ русскимъ сочиненіемъ по этому предмету. Принимая во вниманіе какъ это обстоятельство, такъ и ясное, полное и вполнѣ стоящее на высотѣ науки изложеніе предмета, Академія Наукъ присудила Болотову, по рецензіи Струве, половинную Демидовскую премію. За «Руководство къ производству хозяйственной съемки» Академія дала Болотову почетный отзывъ.

Для вычерчиванія покатостей на планахъ Болотовъ, примѣняясь къ условіямъ не знающихъ большихъ крутизнъ русскихъ возвышенностей, ввелъ въ такъ называемую Лемановскую шкалу болѣе дробное дѣленіе. Въ этомъ видѣ Болотово-Леманская шкала употребляется до сихъ поръ русскими геодезистами при сниманіи плановъ русскихъ мѣстностей. **В. Витковскій.**

Болотовъ, Андрей Тимофеевичъ [1]), получилъ при жизни вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ неутомимый писатель по сельско-хозяйственнымъ во-

---

1) „Сѣв. Пчела". 1845. № 104.—2) „Финск. Вѣстникъ". 1846, Т. 10, отд. 5; стр. 49—64; 3) „Отеч. Записки". 1845. № 5. Т. 40, отд. 6; стр. 24—25. 1850. № 5. Т. 70, отд. 6; стр. 35—38; 4) „Современникъ". 1850. № 3—4. Т. 21, отд. 5; стр. 27—34; 5) „Рус. Инв." 1845 г. № 155. Отзывы о *„Руководствѣ къ производству хозяйств. съемки"* etc.; 1) „Журн. Мин. Госуд. Имущ." 1842. Ч. 5; стр. 142—144; 2) „Отеч. Записки". 1842. № 3. Т. 21, отд. 6, стр. 21—23; 3) „Сѣв. Пчела". 1842. № 43. „Отеч. Зап." 1857, Т. 113, стр. 34—43. 4) „12 Присужд. Демид. наградъ". (Отзывъ *Якоби)*.

[1]) Библіографическія указанія о немъ см. въ концѣ статьи.

просамъ,—а съ 1870 г., когда въ «Русской Старинѣ» появился полный текстъ его много-томныхъ записокъ, какъ авторъ любопытнѣйшихъ произведеній этого рода въ русской литературѣ. Его записки представляютъ литературно обработанную лѣтопись жизни, условій быта, нравовъ и умственнаго развитія нѣсколькихъ поколѣній небогатаго и незнатнаго дворянскаго рода, отъ прадѣдовъ XVII в. до дѣтей самого автора. Родъ Болотовыхъ принадлежалъ къ тому слою «благороднаго россійскаго шляхетства», которому петровская реформа принесла особенно много пользы и среди котораго поэтому нашла много помощниковъ и поклонниковъ. Дѣдъ А. Т. отслужилъ боевую службу за все время Великой Сѣверной войны и умеръ въ 1719 г. въ Ригѣ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни майоромъ мѣстнаго гарнизона. Оба его сына жили здѣсь при немъ и учились въ нѣмецкой городской школѣ. Воспитаніе среди нѣмецкой обстановки оставило неизгладимый слѣдъ на личности Тимофея Петровича, отца писателя: онъ навсегда сохранилъ глубокое уваженіе къ иностранной и особенно нѣмецкой культурѣ; читалъ лучшее и самое практичное, что могла дать литература его времени, самъ переводилъ съ нѣмецкаго; вообще, это былъ добросовѣстный самоучка петровскаго образца, достигшій возможнаго въ его положеніи умственнаго развитія,— одна изъ тѣхъ отзывчивыхъ и гибкихъ натуръ, которыя бываютъ прекрасными передатчиками между сталкивающимися культурными вѣяніями. Почти всю жизнь Тим. Петр. прослужилъ въ Прибалтійскомъ краю и въ Финляндіи, состоялъ въ Измайловскомъ полку въ первые годы его существованія, когда большая часть офицеровъ въ немъ были нѣмцы; но онѣмечился онъ ровно настолько, сколько это считали полезнымъ по традиціямъ вѣка реформъ. Онъ умеръ въ 1750 г. въ Финляндіи полковникомъ Архангелогородскаго полка. Сыну онъ передалъ лучшіе завѣты эпохи преобразованій—любовь къ труду, уваженіе къ иностранной культурѣ, вѣру въ книгу и науку.

Андрей Тимофеевичъ р. 7-го октября 1738 г. въ родовомъ имѣньи Дворениновѣ, каширскаго у., тульской г. и росъ младшимъ ребенкомъ и единственнымъ сыномъ своихъ уже немолодыхъ родителей, почему и былъ предметомъ нѣжныхъ заботъ. Свое раннее дѣтство онъ провелъ въ разъѣздахъ между родной деревней и полковыми стоянками отца. Во Псковѣ, едва мальчику пошелъ 6-й годъ, его стали посылать учиться грамотѣ въ школу къ одному старику-мастеру. За годъ ученья при всемъ усердіи онъ дошелъ только до псалтыря; а по выѣздѣ изъ Пскова доучивался читать подъ присмотромъ преданнаго и способнаго дядьки; писать училъ его уже полковой писарь; онъ же пріохотилъ мальчика къ рисованью. По петровской программѣ за этимъ слѣдовало обученіе нѣмецкому языку и математическимъ наукамъ. По недостатку средствъ и по недостатку учителей, полковникъ поручилъ обученіе 8-ми лѣтняго сына унтеръ-офицеру своего полка, въѣзжему нѣмцу; послѣдній оказался злымъ, грубымъ и невѣжественнымъ человѣкомъ и, засѣкая командирскаго сына до обмороковъ, обучилъ его сносно только ариѳметикѣ; но и за это А. Т. вспоминалъ его съ благодарностью. По-нѣмецки

мальчикъ выучился только благодаря нѣсколькимъ мѣсяцамъ пребыванія въ семьѣ одного курляндскаго помѣщика. Отсюда мальчика перевезли въ Петербургъ и отдали въ пансіонъ къ французу, служившему въ кадетскомъ корпусѣ. Французъ былъ добрый и мягкій человѣкъ, но за плохое обученіе французскому языку (чтеніемъ и переводами газетныхъ статей), знакомство съ картой Европы и очень плохое содержаніе бралъ огромныя для того времени деньги.

Тутъ вскорѣ умеръ отецъ; черезъ 2 г. за нимъ послѣдовала мать, неимѣвшая, впрочемъ, никакого вліянія на воспитаніе сына. 12-ти лѣтній мальчикъ остался безъ всякаго руководства. Только случай далъ ему возможность утвердиться въ практикѣ французскаго языка у гувернера сыновей богатаго петербургскаго генерала; здѣсь же, почти самоучкой, только прислушиваясь къ ихъ урокамъ, прошелъ онъ геометрію и фортификацію. Со священной исторіей и правилами вѣры онъ ознакомился изъ бесѣдъ съ дядькой, большимъ начетчикомъ. Такъ благодаря собственной любознательности и трудолюбію, А. Т. удалось пройти программу хорошаго ученика кадетскаго корпуса. Поселившись въ деревнѣ одинъ съ крѣпостными людьми, А. Т. не скучалъ и постоянно чѣмъ-нибудь занимался, читалъ отцовскія книги и все, что попадалось, переводилъ, списывалъ, рисовалъ, повторялъ математику по старымъ тетрадкамъ петровскихъ временъ. Среди деревенской свободы по молодости и неопытности онъ пропустилъ срокъ, когда долженъ былъ явиться на службу. Отецъ записалъ его 4-хъ лѣтъ солдатомъ въ свой Архангелогородскій полкъ, прибавивъ при этомъ годъ возраста. Къ 16-ти годамъ юноша былъ уже сержантомъ, но изъ-за просрочки накинутаго года ему пришлось сильно хлопотать, чтобы получить офицерскій чинъ. На военной службѣ Б. остался тѣмъ же мирнымъ, скромнымъ любителемъ книжныхъ упражненій, какимъ былъ въ деревнѣ; къ тревогамъ военной жизни онъ чувствовалъ отвращеніе, а разрушенія и кровопролитія, производимыя войной, возбуждали въ немъ глубокое негодованіе. Только перемѣны мѣста, жизнь среди нѣмецкаго населенія окраинъ занимала его. Впрочемъ, онъ усердно и аккуратно училъ солдатъ, умѣлъ поддерживать дисциплину, обращаясь съ ними лучше многихъ товарищей. Но больше всего любилъ онъ сидѣть смирно въ своей квартиркѣ и читать все, что случалось достать или купить; русскія книги онъ выучивалъ наизусть, нѣмецкія переводилъ. На походахъ, пользуясь минутнымъ роздыхомъ, А. Т., не слѣзая съ лошади, вынималъ изъ кармана томикъ Клевеланда или другого подобнаго романа и читалъ; на дневкахъ вооружался письменнымъ приборомъ и списывалъ или переводилъ. Страсть къ книгѣ снѣдала его, какъ многихъ его передовыхъ современниковъ.

Едва Б. успѣлъ пообжиться въ полку, какъ началась Семилѣтняя война. Походъ Апраксина 1757 г. далъ ему возможность сдѣлаться участникомъ, хотя и не активнымъ, Гроссъ-Эгерсдорфскаго сраженія; описаніе этого боя принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ его записокъ, а для исторіи похода служитъ однимъ изъ первоисточниковъ. Поклонникъ нѣмецкаго генія, А. Т. очень строго

судитъ всѣ движенія русскихъ войскъ; плохое пониманіе военнаго дѣла и нелюбовь къ нему играютъ немалую роль въ этой строгости. Крайне строгъ онъ и къ Апраксину: литераторъ Екатерининскаго времени смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на боярина-медлителя стараго закала. Второй походъ 1758 г. совершился быстро и даже весело; полкъ Б. шелъ вслѣдъ за главной побѣдоносной арміей и къ веснѣ вступилъ въ Кенигсбергъ держать караулы. Вскорѣ сюда прибылъ изъ Петербурга баронъ Н. А. Корфъ, назначенный ген.-губернаторомъ только что присоединенной восточной Пруссіи. Онъ привезъ съ собой цѣлую канцелярію чиновниковъ, но только здѣсь, на мѣстѣ, замѣтилъ, что не имѣлъ при ней хорошихъ переводчиковъ, одинаково знакомыхъ съ русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ; для этой работы потребовали офицеровъ изъ арміи, и А. Т. явился первымъ въ канцелярію, особенно рекомендованный своими ближайшими командирами. Это событіе имѣло рѣшающее вліяніе на всю его жизнь; онъ болѣе не возвращался въ полкъ и 4 года занимался мирными канцелярскими работами, имѣя еще много времени въ запасѣ для чтенія и другихъ занятій. Самъ онъ былъ въ восторгѣ, что судьба дала ему возможность остаться въ образованномъ университетскомъ городѣ, полномъ библіотекъ и ученыхъ людей; и дѣйствительно, пребываніе въ Кенигсбергѣ оказалось временемъ настоящаго студенчества для 20-ти лѣтняго любознательнаго юноши, отчасти даже свѣтскою школою, благодаря характеру того общества, среди котораго онъ оказался.

Первыми знакомцами Б. сдѣлались скромные и дѣльные нѣмцы-канцеляристы, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ. Они отговорили его отъ безполезныхъ покупокъ неизвѣстныхъ книгъ, указали библіотеку для чтенія и давали первые совѣты, что̀ читать. Вскорѣ изъ Москвы стали наѣзжать студенты первыхъ выпусковъ; одни присылались, какъ переводчики въ управленіе, другіе—для усовершенствованія въ наукахъ. Съ увеличеніемъ общества умственные интересы Б. все расширялись. Первое время онъ читалъ одни романы, ради полнаго ознакомленія со всѣми оборотами нѣмецкаго языка; масса беллетристическихъ произведеній прошла черезъ его руки и все лучшее было прочитано. Съ тѣхъ поръ А. Т. сдѣлался навсегда сторонникомъ этого рода чтенія и признавалъ за романами развивающее и облагораживающее душу вліяніе [1]). Затѣмъ онъ познакомился съ книгами эстетика-вольфіанца Зульцера [2]) и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ. Въ легкой, часто разговорной формѣ Зульцеръ училъ, что высшее эстетическое наслажденіе можно найти только среди красотъ природы, что ея совершенство, гармонія ея явленій непремѣнно наводятъ на религіозно-нравственныя размышленія; что самый порядокъ этихъ явленій показываетъ человѣку, какъ совершать свои дѣйствія по разъ установленному правилу, и въ этой

---

[1]) Въ спискѣ рукописей Б. помѣщенномъ въ „Земл. Журн." 1838 г. № 5 указана рук. Мысли о романахъ. 2 ч. 1791.

[2]) Sultzer. Versuch einiger moralischen Betrachtungeu über die Werke der Natur и др. Въ рус. пер. „Разговоры Сульцера о красотахъ естества".

гармоніи поступковъ находить истинное спокойствіе и благополучіе жизни. Доводы автора слабы, мелочны, искусственны, мораль узко-практична; но для необыкновенно отзывчиваго русскаго юноши этого было довольно; таившаяся въ его душѣ безсознательная любовь къ природѣ вспыхнула вдругъ; онъ началъ присматриваться къ ней, проникался ея красотами; воздѣлывалъ въ себѣ эту любовь до экстазовъ, подобно героямъ Зульцера, и, дѣйствительно, до конца жизни умѣлъ находить въ ней наслажденіе.

Сочиненія Зульцера сдѣлались надолго его настольными книгами; онъ называлъ ихъ фитилемъ, зажегшимъ въ немъ любовь къ физическимъ и естественнымъ наукамъ [1]); онъ ихъ переводилъ, комментировалъ, впослѣдствіи положилъ въ основу своихъ любимыхъ нравоучительныхъ темъ.

Съ тѣхъ поръ А. Т. сталъ увлекаться произведеніями нравоучительно-богословскими и философскими; на ряду съ ними занимали его нѣмецкіе поэты, воспѣвавшіе природу въ стихахъ съ той же морально-эстетической стороны, какъ Зульцеръ въ прозѣ. Зачитывался онъ и нравоучительными еженедѣльными изданіями, которыя, по примѣру англійскихъ, выходили во множествѣ въ Германіи, и перевелъ для себя много статеекъ [2]). Б. восторгался также нравоучительными баснями бар. Гольберга и размышленіями графа Оксенштирна; особенно понравилась ему книга Гофмана «О спокойствіи и удовольствіи человѣческомъ» [3]); она вполнѣ соотвѣтствовала потребностямъ его души, всегда стремившейся къ квіетизму.

Послѣдовательно переходя отъ легкаго къ болѣе трудному, онъ поглотилъ популярное и знаменитое тогда произведеніе Готтшеда «Начальныя основанія философіи» и вполнѣ проникся тѣми практическими наставленіями, выполняя которыя человѣкъ могъ выработать изъ себя мудреца (ein Weiser). Подъ этимъ впечатлѣніемъ Б. началъ настраиваться довольно наивно на философскія размышленія, началъ искоренять изъ своей души страсти, которымъ въ сущности не былъ подверженъ, рѣшилъ всякую приходившую въ голову мысль, всякое доброе чувство записывать на бумагу; изъ записочекъ составилась понемногу цѣлая книжка. Въ городскіе сады съ билліардами Б. ходилъ уже неспроста, а «чтобы философическимъ окомъ посмотрѣть на людей».

Такъ начался 1760 г., для А. Т. самый шумный изъ всей кенигсбергской эпохи. Въ это время канцелярія ген. губернатора сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для большого русскаго общества: здѣсь сходились русскіе студенты поговорить о книгахъ и профессорахъ; здѣсь же толпились молодые офицеры,

---

[1]) Ж. и Прик. т. 1-й, стр. 863.

[2]) Различныя нравоучительныя сочиненія, переведенныя изъ разныхъ книгъ. 1763 г. (?) Кенигсбергъ. Рукопись хранилась у потомковъ А. Т.

[3]) Произведенія Зульцера, Гольберга, Оксенштирна, Гофмана около этого же времени переводились на русскій языкъ; видно, что они интересовали русскую читающую публику.

проживавшіе въ Кенигсбергѣ по казенной командировкѣ или просто на перепутьи; среди нихъ было не мало представителей блестящей петербургской молодежи; Григорій Орловъ, Ф. Пассекъ, П. И. Панинъ, Зиновьевъ и др. водили здѣсь компанію и съ Б. офицеромъ-переводчикомъ, и со студентами изъ духовнаго званія и съ мелкими канцеляристами. Здѣсь обдумывались и устраивались балы, на которыхъ А. Т. танцовалъ до упаду рядомъ съ гвардейскими щеголями, спектакли и маскарады двора русскаго губернатора. Пассекъ накупилъ въ ученомъ городѣ много книгъ и коллекцію физическихъ приборовъ, которую охотно всѣмъ показывалъ; благодаря ему, Б. впервые познакомился съ электрической машиной.

Поощряемый товарищами-студентами, Б. сталъ ходить и въ университетъ слушать лекціи. Въ автобіографіи онъ говоритъ только о профессорахъ философіи; слушалъ ли онъ другихъ—неизвѣстно. Вслѣдъ за Готтшедомъ Б. перечиталъ нѣсколько другихъ философскихъ произведеній, которыхъ, къ сожалѣнію, не называетъ; но изъ его записокъ легко заключить, что между ними попались труды мыслителей, относившихся къ религіи несравненно радикальнѣе Готтшеда, и писатель понемногу дочитался до такихъ воззрѣній, которыхъ при всемъ уваженіи къ философіи не могъ совмѣстить съ благочестіемъ, и на время сдѣлался жертвой мучительныхъ сомнѣній. Онъ придаетъ большое значеніе этой эпохѣ внутренней борьбы, а между тѣмъ говоритъ о ней неясно и сбивчиво; впрочемъ, записки писались главнымъ образомъ для наставленія потомковъ, поэтому, можетъ быть, Б. и старался отклонить отъ юношества излишне ясное представленіе о соблазнахъ и смущеніяхъ, которые имъ овладѣвали. Сочиненія и проповѣди эклектика Крузія (или Крузіуса) вывели его изъ сомнѣній. Въ кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ система Вольфа находила себѣ широкое примѣненіе по всѣмъ отдѣламъ наукъ, сохранился еще одинъ представитель враждебной ей школы, магистръ Вейманъ; онъ держался въ своемъ преподаваніи системы лейпцигскаго богослова Крузія, за что и считался отщепенцомъ среди ученой корпораціи. Крузій не признавалъ многого того, въ чемъ заключалось достоинство системы Вольфа,—тѣсной переходной связи между причиной и слѣдствіемъ, напр., и положенія о достаточномъ основаніи; основаніе для нравственныхъ обязанностей онъ видитъ въ воли Божіей и не признаетъ положенія Вольфа, что нравственный законъ вытекаетъ изъ человѣческой природы и самъ по себѣ обязателенъ. Крузій разрѣшаетъ сомнѣваться въ Св. писаніи только тому человѣку, который изучилъ все то, что вышло въ свѣтъ въ защиту и подтверженіе закона Божія и Писанія. Слушая Веймана и изучая сочиненія Крузія, Б. совершенно успокоился духомъ, а по его понятіямъ только то и было истинно, научно и полезно въ философіи, что вело къ душевному спокойствію, т.-е. къ счастію. Впослѣдствіи въ Россіи Б. всегда восхвалялъ «Крузіанскую философію» [1]), проповѣдывалъ ее какъ школу новую, опере-.

[1]) Хр. Авг. Крузія. Нравоученіе, какъ жить благоразумно. Перев. съ нѣм. яз 2-ое загл. Телемотологія или наука о силахъ и свойствахъ человѣческой воли. Рукопись Библ. Общ. Любит. Древ. Письменности.

дившую французовъ вольнодумцевъ, какъ якорь спасенія противъ свободомыслія безбожниковъ; онъ говорилъ о Крузіи съ такимъ пафосомъ, что нѣкоторые современники остались въ полной увѣренности, что В. учился въ Кенигсбергѣ именно у этого самаго мудреца [1]), тогда какъ А. Т. никогда не видалъ Лейпцигскаго богослова; таковъ былъ результатъ полемическаго задора.

Успокоившись на философіи откровенія, А. Т. сильно проникся духомъ протестантской морали, увлекался проповѣдями піэтистовъ (Іерузалема, Мосгейма). Въ 1761 г. онъ такъ напрактиковался въ чтеніи философскихъ книгъ и бесѣдахъ, (нѣкоторыя главы и изреченія Крузія даже выучивалъ наизусть), что дерзалъ принимать участіе въ философскихъ диспутахъ въ университетѣ. Въ началѣ слѣдующаго года ему пришлось покинуть Кенигсбергъ. Отъ заграничнаго пребыванія осталось нѣсколько образчиковъ литературныхъ упражненій А. Т. Еще отправляясь на войну, онъ началъ вести краткій дневникъ своимъ приключеніямъ; подъ разными заглавіями Болотовъ велъ его аккуратнѣйшимъ образомъ всю свою жизнь и положилъ въ основу обработанной автобіографіи. Въ 1759 и 60 гг. онъ очень увлекался и эпистолярной формой литературы, и ради упражненія завелъ переписку съ морякомъ Тулубьевымъ, тоже любителемъ литературы; А. Т. писалъ огромныя письма, по большей части, съ довольно ничтожнымъ содержаніемъ, но за то хорошимъ, для того времени, очень выработаннымъ слогомъ. Какъ литературные опыты, для А. Т. собственныя письма были дороже, писемъ пріятеля, вскорѣ умершаго, и онъ списалъ ихъ въ особую книжку, помѣченную 1760 г. [2]).

Подъ живымъ впечатлѣніемъ нравоучительной литературы, проникнутый проповѣдью о самоусовершенствованіи, онъ составилъ (изъ упомянутыхъ выше записочекъ) «Памятную книжку», какъ сводъ своихъ размышленій. Это рядъ правилъ обыденной морали, расположенныхъ въ 365 пунктахъ, какъ бы на каждый день года [3]).

Баронъ Корфъ, сдѣлавшійся изъ прусскаго ген.-губернатора петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, сталъ при Петрѣ III-мъ сильнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ; онъ выписывалъ къ себѣ на службу всѣхъ полюбившихся ему офицеровъ; въ началѣ 1762 г. онъ потребовалъ Б. къ себѣ въ адъютанты. Отъ такой чести нельзя было отказываться. А. Т. съ грустью разстался съ Кенигсбергомъ и явился въ Петербургъ. Здѣсь его донимало безцѣльное

---

[1]) См. „Земледѣльческій Журналъ“ 1838 г. № 5, краткая біографія Болотова. „Москвитянинъ“. 1843, № 3-й, стр. 275.

[2]) „Письма“ 1760 г., переплетенная рукопись въ 8°, хранится въ Имп. П. Библ.

[3]) „Памятная книжка или собраніе различныхъ нравоучительныхъ правилъ, собственно себѣ для памяти при разныхъ случаяхъ написанныхъ“. Въ Кенигсбергѣ, 1761 г. Имѣется у потомковъ А. Т. въ Спб. въ 2-хъ экз. старая собственноручная рукопись Б. и новый, плохо списанный переписчикомъ, экземпляръ. Повидимому авторъ поучался по этой книжкѣ и въ старости.

метанье по городу съ порученіями торопливаго и безтолковаго генерала и непріятное дежурство во дворцѣ; приходилось быть свидѣтелемъ поступковъ непопулярнаго государя, слышать ропотъ гвардіи. Неизбѣжность и близость переворота его, жаждавшаго спокойствія, пугала. Онъ поспѣшилъ чистой отставкой избавиться совсѣмъ отъ военной службы, и былъ радъ радехонекъ, когда, получивъ капитанскій чинъ, выбрался изъ Петербурга въ началѣ іюня, а о переворотѣ узналъ уже гдѣ то дорогой. Навѣстивъ замужнихъ сестеръ, онъ водворился въ Двoрениновѣ.

Съ тѣхъ поръ начинается оригинальная, вполнѣ труженическая жизнь Б.-писателя. Въ деревнѣ первой заботой Б. было заведеніе садовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе видѣлъ онъ за границей, второй женитьба. Первые 2 года онъ устраивалъ свое хозяйство, наслаждался своей независимостью и природой; въ садахъ мечталъ и обращался къ Творцу въ напыщенномъ тонѣ героевъ Зульцера. Лѣтомъ 1764 г. онъ женился на 14-тилѣтней Александрѣ Михайловнѣ Кавериной. Ради воспитанія и развитія своей юной невѣсты, онъ принялся за сочиненіе педагогической книжки: «Дѣтская философія», оконченной и напечатанной гораздо позже. Серьезный интересъ къ литературѣ сельскаго хозяйства въ немъ не пробуждался до 1766 г., когда онъ пріобрѣлъ первую книгу «Трудовъ Вольно-Экономич. Общ.»; она подѣйствовала на него такъ же зажигательно, какъ книги Зульцера въ свое время и дала рѣшительный толчекъ къ литературной дѣятельности.

Онъ тотчасъ принялся отвѣчать на задачу общества—сообщить свѣдѣнія о сел. хозяйствѣ въ своемъ уѣздѣ. На первый разъ знаній Б. не хватало, и онъ писалъ многое со словъ своего приказчика. Первая статья о земледѣліи въ Каширскомъ у. была напечатана. Съ этихъ поръ интересъ къ хозяйству, къ экономическимъ вопросамъ сталъ по временамъ перевѣшивать интересъ къ морали и философіи, и доставлялъ А. Т. самое подходящее поприще для его самостоятельной литературной дѣятельности. Нартовъ, секретарь В. Эк. Об., съ восторгомъ привѣтствовалъ каждую работу трудолюбиваго помѣщика и все имъ присылаемое аккуратно печаталъ. На ряду съ домашними записками была заведена записная книжка «Экономическій магазинъ» для разныхъ свѣдѣній и мелочей по хозяйству. Б. началъ выписывать иностранныя экономическія сочиненія, сборники и словари и работалъ главнымъ образомъ для Эк. Общ.; писалъ о рубкѣ лѣса, объ удобреніи, а подъ вліяніемъ иностранной литературы и о многопольномъ хозяйствѣ, о «раздѣленіи полей», (хотя самъ признавался, что при тогдашнемъ состояніи хозяйства и черезполосности владѣній не могъ и въ своей деревнѣ предпринимать подобныхъ опытовъ). Самое интересное изъ агроном. соч. Б. «Наказъ управителю» помѣщенъ въ XVI томѣ «Трудовъ» рядомъ съ «Наказомъ» П. И. Рычкова. «Наказъ» послѣдняго простъ, ясенъ и практиченъ; «Наказъ» Б.—цѣлое разсужденіе на 200 стр. о веденіи хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ, со множествомъ подробностей, съ наставленіями, какъ вести отчет-

ность, съ образцами книгъ и росписей для экономической конторы. Съ 1766 г. по 1779, включая 3 г., когда «Труды» не выходили, Б. напечаталъ 18 статей большихъ и малыхъ и получилъ 2 медали: большую золотую за «Наказъ» и серебряную за статью о раздѣленіи полей. Нартовъ усердно переписывался съ нимъ, постоянно побуждалъ писать и присылать разныя рѣдкости. Посланы были въ общество, между прочимъ, разные камни, имѣвшіе лечебное значеніе. Но самого Б. не только не удовлетворяло это сотрудничество, но скорѣе дразнило его страсть къ писательству: промежутки между выходами частей были для него слишкомъ длинны; изданіе мало раскупалось и имѣло слишкомъ мало читателей, да и вознагражденіе медалями и похвалами онъ считалъ «несущественительнымъ». Онъ жаждалъ болѣе широкаго поприща, и съ 1770 г. подумывалъ о собственномъ экономическомъ журналѣ, который бы непрестанно поглощалъ его труды. Литературные замыслы его въ эту пору были очень широки, но экономическія сочиненія не вытѣснили горячаго интереса къ прочей литературѣ; чтеніе романовъ, историческихъ сочиненій и журналовъ, переводы и сочинительство шли своимъ чередомъ; онъ много занимался «морально-философическими» сочиненіями, медленно вырабатывалъ «Путеводителя къ истинному счастью» (оконченъ въ 1772 г.), который рекомендуетъ своимъ потомкамъ, какъ важнѣйшее изъ своихъ сочиненій написалъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня недѣли»; окончилъ нѣсколько томиковъ «Дѣтской философіи» [1]); изъ нихъ первый напечатанъ въ 1776 г. у Гиппіуса въ Университетской Типографіи, а 2-я часть залежалась тамъ до знакомства Б. съ Н. И. Новиковымъ. Это произведеніе представляетъ подражаніе извѣстному «Дѣтскому Училищу» г-жи Ле-Пренсъ де-Бомонтъ и состоитъ изъ разговоровъ матери съ 14-тилѣтнимъ сыномъ и 12-тилѣтнею дочерью; въ діалогахъ являются и вводныя лица, какъ представители добродѣтелей или пороковъ. Въ первой части мать учитъ дѣтей познанію Бога; этотъ отдѣлъ проникнутъ духомъ протестантскаго піэтизма; во II-й части рѣчь идетъ о видѣ, формѣ и движеніи земли, ея спутниковъ, планетъ и проч. Свое произведеніе авторъ читалъ дома племянницамъ и воспитанникамъ; среди слушателей бывалъ мѣстный молодой священникъ; послѣдній расхвалилъ «Дѣтскую Философію» своему духовному начальству. Библіотека Б., основаніе которой положено покупкой книгъ въ Кенигсбергѣ, въ 1770 г. перешла за 700 томовъ, считая собственныя рукописи; для небогатаго сельскаго помѣщика это число довольно значительное; съ тѣхъ поръ она росла еще быстрѣе.

Въ ту пору, какъ писатель, нравственный авторитетъ, любитель и знатокъ сельскаго хозяйства, Б. настолько прославился въ Тульской провинціи, что, когда имп. Екатерина II-я пожелала купить нѣсколько населенныхъ имѣній въ

---

[1]) Дѣтская философія или нравоучительные разговоры между одною госпожею и дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользы молодыхъ людей. Печ. при Им. М. унив. 1776 (1 ч.) 1784 (2-я ч.).

этой мѣстности, ея уполномоченному, кн. Гагарину, указали прямо на А. Т., какъ на лучшаго оцѣнщика и управителя. Въ 1774 г. онъ сдѣлался управителемъ Кіясовской волости, а въ 1776 г. переведенъ на болѣе важный постъ въ Богородицкъ. Здѣсь онъ провелъ 21 годъ, самую дѣятельную и цвѣтущую пору своей жизни. Матеріальное положеніе его улучшалось съ каждымъ годомъ; А. Т. сталъ прикапливать капиталъ, ссужая деньгами тульскихъ купцовъ; его главною личной роскошью стала покупка книгъ и выписка журналовъ; на это онъ тратилъ сравнительно много.

Съ 1778 г. Б. вступилъ въ новый фазисъ своей литературной дѣятельности. Ридигеръ, новый владѣлецъ книжной лавки при университетѣ, согласился печатать задуманный Б. агрономическій журналъ, предоставивъ ему весь трудъ сочинительства за 200 р. въ годъ. Этотъ первый въ своемъ родѣ русскій журналъ, «Сельскій житель» [1]) (таковъ псевдонимъ автора), долженъ былъ выходить еженедѣльно, по субботамъ; объявленіе о его выходѣ приглашало желающихъ обращаться къ «С. Ж.» съ интересующими ихъ по хозяйству вопросами, обѣщая каждому отвѣтъ на страницахъ изданія. 1-й № вышелъ въ началѣ апрѣля 1778 г., и журналъ продолжался ровно годъ; Ридигеръ нашелъ убыточнымъ продолжать изданіе, имѣя около 100 подписчиковъ. Но самъ Б. остался доволенъ своимъ опытомъ; его только временно и слегка смущали дерзкія письма недоброжелательныхъ корреспондентовъ, но зато утѣшали и радовали корреспонденты дѣльные и просвѣщенные; онъ узналъ ихъ имена и завелъ съ ними прочныя сношенія. Запросы корреспондентовъ печатались тутъ же въ листкахъ, поправленные Б., и за ними слѣдовали отвѣты писателя. На ряду съ письмами о хлѣбопашествѣ и садоводствѣ Б. приходилось отвѣчать и любителямъ рисованія—какъ готовить краски домашнимъ образомъ и т. п. Для предпріимчиваго литератора потребность русскаго общества въ экономическомъ изданіи была очевидна. Въ этомъ же 1779 г. Б. познакомился съ Н. И. Новиковымъ. Знаменитый издатель расхвалилъ «С. Ж.» и «Дѣтскую философію», (II-ю часть которой нашелъ въ типографіи), и самъ предложилъ продолжать оба изданія. Рѣшили выпускать журналъ листками въ видѣ прибавленія къ «Моск. Вѣд.» [2]) подъ названіемъ «Экономическій Магазинъ» [3]). А. Т. поставлялъ весь матеріалъ; Новиковъ самъ располагалъ его по листкамъ; первые годы онъ платилъ писателю 400 р., а впослѣдствіи 500. Изданіе имѣло большой успѣхъ; первые 8 томиковъ (за 2 г.) скоро были вновь отпечатаны. Когда авторъ въ 1781 г., удрученный ссорами съ новымъ начальствомъ своихъ волостей, хотѣлъ бросить свои листки, Новиковъ уговорилъ его продолжать. Необыкновенно стойко, не взирая на множество занятій и поль-

[1]) Сельскій Житель, экономическое въ пользу деревенскихъ жителей служащее изданіе. 2 ч. М. 1778—9 гг. 8°.

[2]) Моск. Вѣд. выходили тогда 2 раза въ недѣлю.

[3]) Экономическій магазинъ, или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ и т. д.

зуясь каждой минутой времени, Б. велъ одинъ свое изданіе [1]), никогда не задерживая недостаткомъ матеріала; только подроставшій сынъ Павелъ помогалъ перепиской да изрѣдка переводилъ. Конечно, много статеекъ представляютъ переводы безъ указанія источниковъ. Авторъ говоритъ, что, имѣя много иностранныхъ экономическихъ книгъ, онъ черпалъ изъ нихъ какъ изъ кладезя; оплачиваемый трудъ давалъ средства для ихъ пріобрѣтенія. Содержаніе «Экон. Маг.» гораздо разнообразнѣе «Сел. Жит.»; статьи сельско-хозяйственныя (въ современномъ смыслѣ) тонутъ среди различныхъ домашнихъ рецептовъ и замѣтокъ по разнымъ отдѣламъ естествознанія [2]).

«Эконом. Маг.» прекратился въ 1789 г. [3]) по многимъ причинамъ; немаловажную роль играло ожиданіе бѣдствій, скоплявшихся надъ головой Новикова; самъ Б. утомился срочной однообразной работой, сталъ находить доходъ съ нея ничтожнымъ, да и невѣрнымъ въ виду положенія издателя.

За это 10-ти лѣтіе напечатаны Новиковымъ слѣд. труды Б.: переводы

---

[1]) Геннади въ своемъ Словарѣ почему-то полагаетъ, что кн. Щербатовъ и др. корреспонденты „Сел. Жит.“ были *сотрудниками* и „Эк. Маг.“. На это нѣтъ указаній; эти лица остались, впрочемъ, корреспондентами автора.

[2]) Напр. 1780 г. № 14. Способъ дѣлать картинки, неумѣючи рисовать. № 201. О дом. лѣк. отъ чахотки и груд. бол. 215. О табачныхъ статьяхъ. 219. О трудахъ. 221. О разныхъ родахъ барбариса. 222. О перемываніи терпентина. 223. Есть біографіи замѣчательныхъ людей: Боергаве, Парацельса; имѣются рецепты помадъ и притираній.

[3]) Прощаясь съ читателями Экон. Маг., Б. возражаетъ на обвиненія въ многословіи (свойство его рѣчи особенно поразительное въ автобіографіи). „Въ особливости же прошу я любезныхъ согражданъ моихъ отпустить мнѣ то, что я въ статьяхъ собственнаго моего сочиненія не наблюдалъ желаемой многими краткости но изъяснялъ все пространно и обстоятельно. Мнѣ сколько ни свѣдомо то, что многимъ плодовитость въ сочиненіяхъ не угодна; однако и въ томъ я болѣе, нежели удостовѣренъ, что съ экономическими сочиненіями помянутая и столь для многихъ милая краткость совсѣмъ несовмѣстна, а удобна только къ заведенію насъ во многіе труды и предначинанія, но которыя всего лучше могутъ оставаться тщетными и безполезными. Не рѣдко случалось, что отъ единой такой недосказанной и самой иногда бездѣлицы, весь дѣланный по предписанію таковаго сочиненія опытъ не имѣлъ своего успѣха“. Въ „Москвитянинѣ“ 1843 г. № 3-й неизвѣстный авторъ изъ Тулы вспоминаетъ съ какимъ удовольствіемъ современники читали эти статейки; „теперь, прибавляетъ онъ, смѣшно говорить о достоинствахъ и недостаткахъ этого изданія, но въ свое время оно вполнѣ удовлетворяло невзыскательную публику“. Довольно запутаны разсужденія Б. (Ж. и Пр. т. II ст. 666, 1047) по поводу вознагражденія за литературную дѣятельность: писательство было потребностью его души; ни честолюбіемъ, ни любостяжаніемъ онъ, повидимому, не былъ одержимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ очень не любилъ работать даромъ и не разъ высказывалъ, что вмѣсто медалей и любезностей В. Эк. Общ. должно бы было выхлопатывать отъ правительства награды посущественнѣй, чиновъ или жалованья—не досказываетъ. Очевидно въ душѣ потомка служилыхъ людей и добраго хозяина практическіе разсчеты нерѣдко боролись съ правилами повседневной морали: искоренять въ себѣ страсть честолюбія и наживы.

проповѣдей Іерузалема [1]), Гецена—«Разсужденіе о началѣ и концѣ нынѣшняго и состояніи будущаго міра», романъ «Генріэтта или Гусарское похищеніе» [2]). «Несчастныя сироты», драма [3]), и нѣсколько оригинальныхъ нравоучительныхъ произведеній. «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня недѣли», вышли въ 1781 г. Печатаніе «Дѣт. философіи» не пошло дальше 2 частей; авторъ написалъ еще 6; но окончаніе затянулось до 1789 г., когда Б. не рѣшался высылать рукописи въ унив. тип., боясь, что онѣ пропадутъ. Между тѣмъ первыя ч. вышли изъ продажи и Новиковъ подумывалъ о 2-мъ изд. Въ 1784 г. вышелъ «Путеводитель къ истинному человѣческому счастью» [4]), произведеніе странное, но Новиковъ нашелъ его достойнымъ печати. Оно раздѣляется на главы, которыя авторъ называетъ «разсужденіями». Введеніе этого запоздавшаго подражанія нѣмецкимъ моралистамъ нач. XVIII в. очень курьезно по крайнему стремленію къ популяризаціи,—поученія сравниваются съ кушаньями, приготовленными по рецепту доктора; оно подписано: «Писано въ моей кухнѣ 1772. Доброжелатель». Въ 1-й ч. находимъ наивные рецепты, какъ бороться со зломъ и собственными пороками, причемъ послѣдніе именуются звѣрками. Во 2-й ч. въ разск. 14-мъ «О умноженіи веселія» на вопросъ—что нужно для достиженія истиннаго веселія?—авторъ отвѣчаетъ текстомъ: «Возлюбиши Господа Бога» и т. д. (стр. 265). Всѣмъ извѣстно, что исполненіе этой заповѣди приноситъ неисчислимыя пользы въ общежитіи, но это и есть главная стезя къ жилищу благополучія человѣка. Эта любовь должна быть чистой и совершенной и не въ наружныхъ добродѣтеляхъ проявляться (стр. 292), какъ богопочитаніе, неоставленіе бѣдныхъ; можно отдать все имѣніе нищимъ, отдать себя на сожженіе, а любви все-таки не имѣть. Вмѣсто отвѣта авторъ совѣтуетъ читать Св. Писаніе: оно укажетъ, какъ поступать. Далѣе авторъ учитъ, что люди, какъ подобіе Божіе, должны трудиться надъ самоусовершенствованіемъ, познавать Бога въ явленіяхъ природы и поклоняться ему. Здѣсь же (стр. 427) находимъ списокъ книгъ, изъ которыхъ почерпнуты главныя мысли; на первомъ мѣстѣ соч. Зульцера.

Въ 1781 г. Новиковъ предложилъ Б. подыскать въ Тулѣ желающаго брать у него книги для продажи на коммиссію. А. Т. съ радостью согласился.

---

1) „Моск. ежемѣс. изданіе„ 1781 г. ч. II, стр. 1-я. Безуміе идущихъ противъ воли Божіей и невѣрующихъ его провидѣнію. Проп. Іерузалема.

2) Генріетта или Гусарское похищеніе, приключенія, происходившія во время недавно бывшей послѣдней войны у пруссаковъ съ Цесарцами. Съ нѣм. А. Б. 3 ч. М. 1782 г.

3) „Несчастныя сироты“, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. въ Богородицкѣ въ 1780 г. Въ М. въ ун. тип. Написана для дѣтскаго театра и въ своемъ родѣ довольно удачно; дѣйствіе идетъ гладко и живо; въ сельской глуши д. б. произвести эффектъ.

4) „Путеводитель къ истинному человѣческому счастію или опытъ нравоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни и средствахъ къ пріобрѣтенію онаго.“ Иждивеніемъ Новикова и К. 1784 г.

Новиковъ два раза высылалъ ему транспортъ книгъ экз. въ 1000; значительная часть ихъ оставалась въ Богородицкѣ, часть отправлялась въ Тулу для продажи. Записки глухо говорятъ [1]), что дѣло не имѣло успѣха, а почему—неизвѣстно; можетъ быть и потому, что Б. не ожидалъ отъ него доходовъ. Книгами пользовались больше самъ хозяинъ, его знакомые, да больные, пріѣзжавшіе лечиться электричествомъ.

Съ прекращеніемъ «Эк. Маг.» въ литературной дѣятельности Б. наступило затишье. Не было прежняго щедраго издателя; приходилось работать изъ чести, изъ любви къ искусству, а практичный помѣщикъ всегда этимъ возмущался. Въ 1793 г. онъ отдалъ старому знакомому Ридигеру для напечатанія переводъ «Жизнь англійскаго претендента» [2]) за 25 экз. и нашелъ это крайне убыточнымъ. Впрочемъ по почину Нартова въ 1790 г. опять началась переписка съ В. Эк. Общ., но безъ всякаго жара со стороны А. Т. Подталкиваемый секретаремъ и ворча на это, Б. писалъ кое-какія статьи больше потому, что скучалъ безъ литер. работы. Къ задачамъ Общ. развившійся писатель относился строго критически и находилъ, что ихъ неправильно ставятъ. Съ 1791 г. по 1794 г. онъ далъ всего 8 небольшихъ статеекъ. Участіе его въ «Трудахъ» 1-го десятилѣтія XIX в. все ослабѣвало, сошло на маленькіе отчеты о посѣвахъ сѣмянъ, присылаемыхъ обществомъ (Записки Дѣяній), а съ 1807 г. вовсе прекратилось. «Общество» относилось къ нему попрежнему внимательно и, хотя съ оговорками, но напечатало его работу о леченіи электричествомъ [3]). Б. собирался написать разсужденіе на обнародованную въ 1812 г. задачу Общ.—о сравнительной выгодности для хозяина крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда; но, насколько можно судить по сохранившимся рукописямъ, не пошелъ дальше чернового наброска [4]). Какъ и слѣдовало ожидать отъ разсчетливаго и осторожнаго

---

[1]) Ж. и Пр. т. III, ст. 935—6, 950.

[2]) Жизнь и странныя приключенія умершаго въ 1788 г. Карла-Эдуарда, претендента Великобританіи и франц. короны. Пер. съ нѣм. А. Б. М. 1794 г.

Б. переводилъ и романы, между ними знаменитую „Лолоту и Фанфана", но часто опаздывалъ со своими переводами: романы оказывались уже переведенными. Тѣ мѣста подлинниковъ, которыя ему не нравились, онъ часто передѣлывалъ по своему.

[3]) „Краткія и на опытности основанныя замѣчанія о электрицизмѣ и о способности электрическихъ махинъ къ помоганію отъ разныхъ болѣзней. Съ изложеніемъ и описаніемъ наипростѣйшихъ махинъ и разныхъ способовъ, употребляемыхъ при врачеваніи ими болѣзней" Въ Спб. при Им. Ак. Н. 1803. Предувѣдомленіе рекомендуетъ слѣдовать этимъ опытамъ, посовѣтовавшись съ врачемъ.

[4]) Имп. П. Библ. Q. II, № 100. Небрежно написанная тетрадь въ 147 стр.; изъ нихъ 60 недостаетъ. Б. распространяется между прочимъ и о томъ, какъ трудно снабдить освобожденныхъ крестьянъ въ достаточномъ количествѣ землей пашенной и луговой, чтобы исправляя всѣ повинности, они имѣли въ рукахъ достаточно средствъ для улучшенія своего хозяйства. Если есть помѣщики тиранны, говоритъ въ заключеніе Б., то противъ нихъ надо принять мѣры сперва нравственныя (?), а затѣмъ и

хозяина, главная мысль его разсужденія та, — что для помѣщика крѣпостной трудъ несравненно выгоднѣе вольнонаемнаго, да и крестьянъ свобода не приведетъ къ счастливому состоянію. Послѣ долгаго промежутка возникновеніе «Земледѣльческаго журнала», издаваемаго Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства, побудило къ дѣятельности 83-лѣтняго старца. Въ 1821 г. его избрали почетнымъ членомъ этого общества; энергичный труженикъ отвѣтилъ небольшими статейками изъ огромнаго запаса своихъ опытовъ и наблюденій, хранившихся въ записныхъ книжкахъ. Одна статья «О прочныхъ спускахъ при небольшихъ деревенскихъ прудахъ» обратила на себя общее вниманіе по вѣрности оцѣнки свойствъ почвы. Съ 1821—1825 Б. доставилъ 11 статей; послѣ 4 л. промежутка 92-лѣтній слѣпецъ прислалъ въ 1830 г. свою послѣднюю работу о фруктовыхъ садахъ.

Но въ это затишье (съ 1789 г.) у А. Т. было очень много дѣла; кромѣ постоянныхъ хлопотъ по хозяйству казенныхъ волостей и своему собственному, онъ работалъ дома надъ электрической лечебницей, надъ планами, проектами зданій; г. Богородицкъ отстраивался по его плану; много времени поглощала многочисленная подроставшая семья; въ домѣ постоянно жили ученики, дѣти пріятелей или бѣдныхъ дворянъ; родители привозили ихъ, прося уважаемаго моралиста поучить ихъ; приводились дѣти крестьянъ учиться рисованью. По вечерамъ и по праздникамъ обыкновенно съѣзжались гости; В. очень любилъ общество, самъ устраивалъ балы, иллюминаціи, катанья, особенно любилъ дѣтскіе спектакли и самъ сочинялъ для нихъ пьесы. Читалъ онъ еще больше прежняго; вся текущая литература, (кромѣ произведеній масоновъ и яркихъ вольнодумцевъ), проходила черезъ его руки. За одинъ 1791 г. его библіотека увеличилась на 300 т., (тогда онъ получалъ 5,300 р. доходу въ годъ), а по замѣткамъ прочитано 200 кн. Находя невыгоднымъ печатать свои труды даромъ, Б. удовлетворялъ свою страсть къ писательству неутомимымъ составленіемъ разнаго рода дневниковъ и записокъ. Разставаясь съ «Эк. Маг.», онъ принялся за литературную обработку своей автобіографіи; это дѣло было начато давно, но 1-я часть сгорѣла во время пожара въ деревнѣ; пришлось писать ее вновь. Матеріаломъ для этого труда служили домашніе дневники. Еще въ Богородицкѣ пришла ему охота описать яблони въ своемъ саду, вникая въ ихъ характеристику, такъ какъ описанія сортовъ яблокъ и грушъ ни печатнаго, ни писанаго еще не было. Переѣхавъ домой, въ Двоенниново, А. Т. съ обычнымъ усердіемъ принялся за это дѣло, и получился трудъ въ 7 т. въ 8-ку «Изображенія и описанія разныхъ породъ яблокъ и грушъ, родящихся въ Дворениновѣ, а отчасти и въ другихъ садахъ». Рисованы А. Болотовымъ 1797—1800». Росс. Общ. любителей садоводства еще въ 1837 г. хотѣло издать ихъ; но рукописи пролежали до 1861 г., когда редакторъ «Журнала Садоводства» изложилъ систему помологіи Б. подъ заглавіемъ

болѣе существенныя; хорошихъ же помѣщиковъ, отцовъ своихъ подданныхъ, надо отличать, а не такъ, чтобы по пословицѣ: вознегодовавъ на вши, кидать самую шубу въ печь.

«Матеріалы для русской помологіи» [1]). Въ предисловіи онъ говоритъ, что общая часть труда А. Т. едва ли не дѣльнѣе всего, что до этого написано иностранными помологами, такъ какъ система извѣстнаго помолога Диля появилась въ Германіи только въ 1799 г.

Кромѣ домашнихъ, Б. велъ еще дневники «историческіе» или отчеты о внѣшнихъ, политическихъ и общественныхъ событіяхъ, слухахъ, ходячихъ мнѣніяхъ и пр. Въ разные годы томики писались подъ разными заглавіями: «Историческое обозрѣніе» 1792, «Богородицкій вѣстникъ» 1793, «Современникъ» 1795 «Памятникъ протекшихъ временъ» 1796 [2]), «Анекдоты про Потемкина», цѣлыя книжечки полны стиховъ, прославляющихъ природу. Писались ежедневныя замѣтки о погодѣ, хозяйственныя записки, лечебныя [3]). Все это онъ велъ собственноручно до полной потери зрѣнія. Въ 1791 г. А. Т. пришла охота писать критики на книги, которыя прочитывалъ и «критику особаго рода, а не такую, какая иными пишется, но полезнѣйшую» [4]); исписалъ три томика, которые заняли мѣсто въ его библіотекѣ; впослѣдствіи критическія замѣтки попадались и въ дневникахъ.

Наиболѣе извѣстное теперь произведеніе Б.—его автобіографія. 29 частей ея, отдѣльно изд. «Рус. Стариной» въ 1870—73 гг., представляютъ 4 большихъ тома въ 2 столбца убористой печати и прерываются на 1795 г. Но позднѣе отыскалось продолженіе, доведенное до 1805 г. А черновые дневники, на основаніи которыхъ составлена автобіографія, доходятъ до 1828 г. «Записки» Б. написаны въ легкой, занимательной формѣ писемъ къ пріятелю и въ одномъ выдержанномъ тонѣ; послѣдняго требовала цѣль труда—назиданіе потомства. Есть основаніе думать, что главы его читались дѣтьми автора, по мѣрѣ того, какъ выходили изъ подъ его пера. Ради этого многія темныя стороны быта исключены, краски смягчены опытною рукою писателя, что, конечно, умаляетъ значеніе труда, какъ историческаго источника. Для произведенія позднихъ лѣтъ автора, записки, однако, въ общемъ правдивы, довольно искренни.

Самое странное въ нихъ,—это равнодушіе необыкновенно дѣятельнаго автора къ общественной дѣятельности и общественнымъ учрежденіямъ; онъ намѣренно скрывался отъ депутатскихъ выборовъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи и почти ничего не говоритъ о ней; къ реформѣ 1785 г., къ новымъ учрежденіямъ онъ

---

[1]) Журналъ Садоводства, 1861 г. 1-4, стр. 207.

[2]) А. Т. Болотовъ. Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ. Изд. П. С. Киселева. М. 1875. 2-я ч. вышла ранѣе въ Рус. Арх. 1864 г.: „Любопытные и достопамятные дѣянія и анекдоты государя имп. Павла Петровича“.

[3]) Въ 1793 г. электрическая лечебная машина работала 2,852 раза, и вылечила 670 больныхъ Ж. и Пр. т. IV, стр. 1059.

[4]) Ж. и Пр. т. IV, стр. 794.

совершенно равнодушенъ, находя, что все это вовсе его не касается (т. III, 922), а слѣдовательно неинтересно и потомкамъ. Если вѣрить запискамъ, все это вовсе не дѣйствовало на отзывчивую душу А. Т. По натурѣ мягкій и заботливый человѣкъ, онъ былъ заурядныиъ сыномъ своего времени во взглядахъ на свои помѣщичьи права. Слабостью интереса къ общественнымъ вопросамъ объясняются страницы автобіографіи, разсказывающія о голодѣ 1786—87 гг. Для знаменитаго хозяина и писателя-экономиста бѣдствіе открылось внезапно, застало его врасплохъ, а ропотъ голодающихъ вызывалъ только досаду, потому что велъ за собой возню съ начальствомъ и мѣшалъ кабинетной работѣ. Отношенія къ начальству, прикрываніе растратъ совершаемыхъ начальствомъ, сочиненіе вѣдомостей и отчетовъ вполнѣ отражаютъ мрачный характеръ эпохи. Записки такъ повѣствуютъ объ основаніи школъ въ волостяхъ, больницъ и богадѣленъ, какъ будто инициатива всегда исходила отъ начальства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились и указанія на то, что самъ Б. интересовался общественными вопросами; только на это указываетъ не автобіографія, а черновые дневники. Весьма возможно, что А. Т. исключилъ этотъ матеріалъ изъ автобіографическаго, какъ неимѣющій значенія и не поучительный для потомковъ, непригодный для самоусовершенствованія; это характерная черта для его міровоззрѣнія.

Съ 1790—91 гг. авторъ сталъ сильнѣе интересоваться политикой и общественною жизнью; французская революція, ея бурный, загадочный характеръ способствовали развитію этого интереса въ русскомъ обществѣ. Б. сѣтовалъ, что «Политическій журналъ» появился не съ самаго начала этой эпохи. Послѣ казни Людовика XVI-го онъ переводилъ для знакомыхъ статьи изъ Гамбургскихъ газетъ и собралъ изъ нихъ цѣлую книжку; переводилъ исторію Фр. Рев. Гиртанера. Среди старыхъ книгъ, привезенныхъ изъ Пруссіи, нашелъ недочитанное «Истолкованіе апокалипсиса» Бенгеля, и вычиталъ отсюда предсказаніе на конецъ XVIII в., вполнѣ совпадающее съ событіями революціи (Ж. и Пр. т. IV, стр. 1134).

Образцы критики Б. напечатаны въ отрывкахъ «Современника» [1]—рукописи, случайно пріобрѣтенной Н. В. Губерти. Всего интереснѣе, однако, помѣщенная рядомъ съ ними статья о вредѣ откуповъ [2]). Здѣсь писатель вполнѣ въ своей сферѣ, отлично знаетъ дѣло и потому пишетъ горячо и рѣзко; самый языкъ силенъ и энергиченъ.

Свѣдѣнія о жизни Б. послѣ 1795 г. даютъ краткія воспоминанія его

---

[1]) Библіографъ 1885 г. 9 и 10, 1886 г. 1, 2, 1890 г. 2, 3, 4, 11. Въ „Совр." помѣщаются также мнѣнія и слухи о политическихъ дѣлахъ. Говорится, напр., (Библ. № 3—4, стр. 43), что Польшу слѣдуетъ оставить государствомъ, измѣнивъ въ ней форму правленія; это оградитъ Россію отъ опаснаго сосѣдства Пруссіи и избавитъ отъ необходимости содержать многочисленныя войска.

[2]) 1890 № 11, стр. 125.

внука [1]). Послѣ смерти Екатерины II Богородицкая и проч. волости перешли въ собственность гр. А. А. Бобринскаго. А. Т. вышелъ тогда въ отставку и переѣхалъ въ Дворениново, которое затѣмъ только 2 раза покидалъ на продолжительное время ради своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ 1797 и 1803. Жизнь его отличалась необыкновенною правильностью; день дѣлился между чтеніемъ и писаніемъ сочиненій и записокъ. Онъ начинался раннимъ вставаніемъ и записываніемъ въ «Книжкѣ метеорологическихъ замѣчаній» подробныхъ свѣдѣній о погодѣ и температурѣ прошедшаго вечера и наступившаго утра. Эти записи, составлявшіяся 52 года, отправлены потомъ въ Академію Наукъ, такъ какъ никто въ средней Россіи не дѣлалъ такихъ продолжительныхъ наблюденій. Здоровье А. Т. было превосходно; еще въ 1821 г. онъ не отставалъ въ танцахъ отъ молодежи. Въ концѣ 20-хъ годовъ зрѣніе стало быстро ослабѣвать, и въ 1830 г. ему наняли чтеца. Онъ слегъ въ постель только за 2 дня до смерти и тихо скончался 4 окт. 1833 г. Есть извѣстія, что В. Эк. Общ. устроило въ честь его вечеръ съ торжественными рѣчами [2]).

Такъ жилъ и работалъ почтенный дѣятель, созданный европейской культурой XVIII в., но вмѣстѣ крайне оригинальный и цѣльный, не принадлежавшій ни къ одному изъ главныхъ направленій своего времени; онъ одинаково чуждался и масонства и вольтерьянства. Масонство Новикова всегда мѣшало ему сойтись съ этимъ великимъ дѣятелемъ просвѣщенія, котораго онъ высоко цѣнилъ. То же было причиной его отчужденія отъ другихъ писателей (напр. Хераскова). Процессъ вырабатыванія нравственно-религіозныхъ понятій завершился въ немъ еще за границей ясно и законченно; онъ даже создалъ себѣ своеобразный культъ творца среди величія природы и въ своихъ садахъ слагалъ особыя славословія и пѣсни. Это оградило его отъ броженія неудовлетвореннаго религіознаго чувства, которыя захватывали тогда многихъ выдающихся людей. Его воззрѣнія піэтиста-эстетика тверды, хотя довольно узки; узкая мораль, слишкомъ рано усвоенная, въ значительной степени породила сухое, формальное отношеніе ко многимъ сторонамъ общественной дѣятельности. Онъ осуждалъ своихъ семейныхъ за избытокъ внѣшняго благочестія, за хожденія по святынямъ; съ другой стороны онъ возмущался французскимъ свободомысліемъ и боялся всякихъ чуждыхъ его установившимся взглядамъ вліяній.

Е. Щепкина.

Писательская дѣятельность Андрея Болотова представляетъ собою совершенно изъ ряду вонъ выходящее явленіе по своей плодовитости. Есть много людей, серьезно убѣжденныхъ, что превращеніе литературы въ оплачиваемое ремесло создаетъ совершенно искусственную продуктивность, что и половины того, что печатается, не былобы написано, еслибы не желаніе получить гонораръ. Но вотъ

---

[1]) Рус. Старина 1873 г. нояб., стр. 738.

[2]) Москвитянинъ 1843 г., стр. 277.

передъ нами вполнѣ обезпеченный и очень занятой человѣкъ, и тѣмъ не менѣе онъ столько написалъ, что его слѣдуетъ назвать самымъ плодовитымъ русскимъ писателемъ. Оплачена же была только ничтожная часть изъ того, что̀ имъ было написано и переведено. Говорятъ о многописаніи П. Д. Боборыкина. Когда мы въ нашемъ этюдѣ о почтенномъ романистѣ опредѣлили совокупность всего написаннаго имъ во всевозможныхъ родахъ, начиная съ длинныхъ романовъ и кончая газетными фельетонами, въ 80 томовъ обыкновеннаго формата—эта цифра всѣхъ поразила. Но въ какое же сравненіе идетъ П. Д. съ Болотовымъ! Продуктивность Болотова можетъ быть сопоставлена только съ продуктивностью Крашевскаго, котораго считаютъ самымъ плодовитымъ изъ европейскихъ писателей.

Само собою разумѣется, что дѣлая сопоставленія между Болотовымъ и Боборыкинымъ и Крашевскимъ, мы не намѣрены входить въ сравненія по существу. Хотя Болотовъ вполнѣ заслуживаетъ названія литератора, потому что онъ писалъ замѣчательно легкимъ для своего времени языкомъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ его литературная дѣятельность не столько творческая, сколько дѣловая и лѣтописная. Но мы собственно говоримъ объ охотѣ писать, объ этой изумительной потребности исписывать десятки томовъ единственно для своего удовольствія или для поученія ближайшихъ домочадцевъ.

Точно установить перечень написаннаго Болотовымъ не легко. Дѣло въ томъ, что только незначительная часть его литератур. наслѣдія (обыкновенно изящные, имъ самимъ калиграфически переписанные, томики въ 12°) напечатана. Большая же часть ихъ остается въ рукописи и притомъ въ настоящее время принадлежитъ разнымъ лицамъ.

Существенную помощь при приведеніи въ извѣстность литературнаго инвентаря Болотова намъ оказалъ молодой ученый А. І. Лященко. Имъ (первый разъ въ печати) описаны рукописи Болотова, принадлежащія «Обществу любителей древней письменности», и, съ любезнаго разрѣшенія владѣльца, рукописи, принадлежащія проф. И. В. Помяловскому.

Общее количество написаннаго и переведеннаго Болотовымъ достигаетъ, по нашимъ соображеніямъ, 350 томовъ обычнаго формата!

На возникающій самъ собою вопросъ: не слѣдовало ли бы издать рукописи Болотова, нельзя дать общаго отвѣта. Есть въ нихъ вещи совсѣмъ не интересныя, но есть и вещи, на которыя мы обращаемъ вниманіе издателей историческихъ журналовъ. Стихи, напр., Болотова весьма мало любопытны и если мы въ нашей «Русской поэзіи» кое-что взяли изъ стихотвореній его, хранящихся въ Общ. Древ. Письменности, то единственно изъ стремленія къ полнотѣ. Художественнаго таланта у Болотова не было и какъ беллетристическія произведенія его, такъ и морально-богословскія, могутъ продолжать оставаться въ неизвѣстности.

Но вотъ, напр., находящіяся въ Публичной Библіотекѣ разсужденія Болотова о крѣпостномъ правѣ, оставшіяся неизвѣстными даже почтенному историку крестьянскаго вопроса В. И. Семевскому, непремѣнно слѣдовало бы напечатать.

Правда, въ рукописи недостаетъ почти цѣлой половины, но это совсѣмъ не важно. Интересъ рукописи, конечно, не въ стройной послѣдовательности мыслей автора, а въ способѣ его доказательствъ, въ томъ, что вопросъ о замѣнѣ труда крѣпостнаго трудомъ вольнонаемнымъ трактуется съ дѣловой, сельскохозяйственной точки зрѣнія, точно дѣло идетъ о замѣнѣ труда лошадей домашнихъ трудомъ лошадей, выросшихъ на свободѣ въ степи. Безподобно по своей откровенной наивности заключеніе автора:

«Для всякаго хозяина *выгоднѣе* обрабатывать здѣсь не вольнонаемными, а собственными своими людьми непремѣнно».

И такъ разсуждалъ одинъ изъ «лучшихъ и образованнѣйшихъ людей 18 вѣка», какъ принято аттестовать Болотова. Чѣмъ онъ въ данномъ случаѣ отличается отъ своей современницы и вѣроятно сосѣдки по имѣнію—г-жи Простаковой.

Мы должны, впрочемъ, признаться, что эпитетъ «одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей» своего времени, какъ намъ кажется, весьма мало заслуженъ Болотовымъ. Еще образованность можно за нимъ оставить, хотя, конечно, образованность второго сорта. Для помѣщика онъ, конечно, весьма много зналъ и книгъ на своемъ вѣку перечиталъ не мало. Но той истинной образованности, которая дается не количественнымъ, а качественнымъ усвоеніемъ образованія, той образованности, которая выражается въ тонкости сужденія, въ глубинѣ пониманія, въ широтѣ взглядовъ у Болотова нѣтъ и слѣда. Болотовъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ самый заурядный тульскій помѣщикъ, самымъ банальнымъ образомъ судящій о людяхъ и событіяхъ. Критика его мелка и придирчива, пониманіе вещей и событій весьма заурядное.

Почтенный авторъ выше помѣщеннаго этюда о Болотовѣ, Е. Н. Щепкина, вполнѣ правильно отмѣтила, что Болотова, какъ и многихъ его современниковъ «снѣдала любовь къ книгѣ». Это очень вѣрно сказано, но все-таки нуждается въ нѣкоторомъ дополненіи. Есть два сорта любви къ книгѣ, два сорта любознательности. Одинъ имѣетъ источникомъ потребность ума, другой потребность сердца; одинъ ведетъ къ жаждѣ знанія, другой къ жаждѣ истины и тоскѣ по идеалу. У Болотова была любознательность только перваго рода, и вотъ почему мы этого разсчетливаго практика, не брезгавшаго отдавать деньги въ ростъ и смотрѣвшаго на крестьянъ, какъ на домашній скотъ, никоимъ образомъ къ «лучшимъ людямъ» своего времени причислить не можемъ.

Возвращаясь къ вопросу о томъ, что изъ Болотовскихъ рукописей слѣдовало бы напечатать, мы указали бы еще на продолженіе записокъ его, въ черновомъ экземплярѣ находящихся въ Публичной Библіотекѣ («Дневныя записки» и «Домашній Историческій Журналъ»). Какъ и изданные 4 тома записокъ, продолженіе ихъ, обнимающее годы 1805—28 заключаетъ въ себѣ массу мелочей, съ перваго взгляда совершенно не интересныхъ. Но эти-то мелочи и драгоцѣнны, какъ детальная фотографія почти исчезнувшаго быта. Записи чисто-семейныя можно

было бы отбросить, но остальное и для историка культуры, и для историческаго романиста очень цѣнный матеріалъ. Болѣе подробно мы ознакомились съ томикомъ записокъ, касающимся 1812 года. Конечно, тутъ нѣтъ никакихъ новыхъ историческихъ данныхъ. Болотовъ глубокимъ старикомъ жилъ тогда въ деревнѣ, вдали отъ людей и событій, и только съ величайшею аккуратностью отмѣчалъ все, что дѣлалось и, главное, что *говорилось* въ домѣ. Вотъ почему, если какой-нибудь романистъ рѣшится послѣ «Войны и мира» взяться за двѣнадцатый годъ, то домашняя лѣтопись Болотова дастъ ему замѣчательный матеріалъ для характеристики захолустной жизни въ годину великаго испытанія. Тутъ передъ нимъ не казовая сторона эффектнаго историческаго спектакля, не декораціи и бенгальскій огонь, а та настоящая, реальная, хотя и весьма сѣрая жизнь, которая совершенно пропадаетъ въ обычныхъ воспоминаніяхъ и приподнятыхъ описаніяхъ «великой эпохи».

Серьезнѣйшимъ препятствіемъ къ извлеченію чего-нибудь изъ «Домаш. Ист. Журнала» является ихъ крайняя неразборчивость. Они написаны такою небрежною скорописью, что можно только кое-какъ понять общій смыслъ.

A. Печатныя произведенія А. Т. Болотова.

а) При *жизни* А. Т. Болотова появились въ печати слѣдующія его сочиненія, переводы и статьи:

I. Отдѣльныя изданія.

1) *Дѣтская философія* или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для споспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей. 2 части. М. 1776—1779, 12°. 2) *Чувствованія христіанина*, при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣлѣ, относящіяся къ самому себѣ и Богу. М. 1781, 8°. 3) *Несчастныя сироты*, драма въ 3 д., сочинена въ Богородскѣ. М. 1781, 8°. 4) *Генріетта* или гусарское похищеніе; происшествія, происходившія во время недавно бывшей послѣдней войны у пруссаковъ съ Цесарцами. Съ нѣм. А. Б. 3 части. М. 1782, 8°. 5) *Іоанна Мельхіора Гецена, разсужденіе* о началѣ и концѣ нынѣшняго и состояніи будущаго міра. Съ нѣм. А. Б. М. 1783, 8°. 6) *Путеводитель къ истинному человѣческому счастію,* или опытъ нравоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ пріобрѣтенію онаго. 3 части. М. 1784. 7) *Жизнь и странныя приключенія умершаго въ 1788 г. Карла Эдуарда,* претендента Великобританіи и франц. короны. Пер. съ нѣм. М. 1794, 8°. 8) *Краткія и на опытности основанныя замѣчанія о електрицизмѣ* и о способности електрическихъ махинъ къ помоганію отъ разныхъ болѣзней; издано Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Спб. 1803, 8°, съ рисунками.

II. Въ періодическихъ изданіяхъ.

Въ *„Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“:*

1766 г.: 1) *Описаніе свойствъ и доброты земель Каширскаго у.* и прочихъ до сего у. касающихся обстоятельствъ, съ отвѣтомъ на предложенные вопросы (ч. II,

стр. 129); 2) *О рубленіи, поправленіи и заведеніи лѣсовъ* (ч. IV, стр. 68; ч. V, стр. 78).

1768: 3) *О хлѣбопашествѣ вообще* (ч. IX, стр. 28); 4) *Примѣры и опыты о посѣвѣ хлѣбныхъ сѣмянъ* (ч. IX, стр. 92).

1770: 5) *О дѣланіи изъ картофеля муки* (ч. XIV, стр. 33); 6) *О удобреніи земель* (ч. XV, стр. 1); 7) *Наказъ для деревенскаго управителя* въ отсутствіе помѣщика (ч. XVI, стр. 69).

1771: 8) *О раздѣленіи полей* (ч. XVII, стр. 175; ч. XVIII, стр. 48).

1773: 9) *О употребляемыхъ въ деревняхъ домашнихъ лѣкарствахъ* (ч. XXIII, стр. 52); 10) *О скотскомъ навозѣ* (ib., стр. 138); 11) *О новомъ родѣ способной телѣжки* (ib., стр. 162); 12) *О истребленіи костеря* въ пшеницѣ (ib., стр. 174); 13) *О заведеніи и размноженіи хмеля* (ч. XXIV, стр. 45; продол. 1774 г., ч. XXVII, стр. 55).

1774: 14) *Продолженіе опытовъ и примѣчаній, касающихся до хмелеводства* (ч. XXVIII, стр. 182).

1775: 15) *Наставленіе пересаживать деревья* (ч. XXIX, стр. 233); 16) *Способъ полученія большаго количества хлѣба* сверхъ обыкновеннаго урожая (ч. XXX, стр. 158).

1779: 17) *О разныхъ родахъ удобренія земли* (ч. XXXI, стр. 38); 18) *О легкомъ способѣ дѣлать дороги* навсегда примѣтными (ib., стр. 63).

1790: 19) *О разноцвѣтныхъ пескахъ* (ч. XL, стр. 212).

1791: 20) *Примѣчаніе о ближнихъ замоскворѣцкихъ мѣстахъ* (ч. XLIV, стр. 293).

1792: 21) *О подниманіи водяныхъ ключей* (ч. XLV, стр. 1); 22) *О хорошемъ урожаѣ спаржи* (ч. XLVI, стр. 162).

1793: 23) *Замѣчаніе о погодахъ и плодородіи* (ч. XLVII, стр. 229), 24) *Изслѣдованіе богородицкой глины* (ч. XLVIII, стр. 146).

1794: 25) *О средствахъ къ изгнанію изъ раны червей* (ч. XLIX, стр. 130); 26) *О городьбахъ и заборахъ* (ч. XLIX, стр. 232).

1803: 27) *Скамьи и лотки для садовниковъ* (ч. 55, Дѣянія, стр. 26); 28) *Шпанскія мухи*; средство ихъ истреблять въ садахъ (ib., дѣян., стр. 86); 29) *Ящики для храненія яблокъ* (ib., дѣянія, стр. 30); 30) *О новомъ родѣ сажденія деревьевъ* (ib., дѣянія. стр. 81).

1804: 31) *Рощи усадебныя* (ч. 56, стр. 315); 32) *Опыты надъ произращеніемъ миндаля* (ib., стр. 91).

1805: 33) *О пшенѣ китайскомъ* (ч. 57, дѣянія, стр. 65).

1807: 34) *Конопли китайскія* (ч. 59, дѣянія, стр. 59).

Въ „*Сельскомъ жителѣ*“ 1778—1779 (ч. I и II), выходившемъ въ Москвѣ подъ редакціей Болотова, иждивеніемъ книгопродавца Ридигера, почти весь текстъ, составляющій 2 части, въ 8° (432+416 стр.) написанъ Болотовымъ.

Болѣе *4,000 статей и замѣтокъ* по разнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства помѣстилъ Болотовъ (см. выше ст. г-жи Щепкиной) въ журналѣ „*Экономическій магазинъ* или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, садоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лѣкарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и небезполезныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей, въ пользу россійскихъ домостроителей и другихъ любопытныхъ людей, образомъ журнала издаваемый“. М. 1780—1789 (40 частей по 416 стр.). Единственнымъ сотрудникомъ Б., переводившимъ

нѣкоторыя статьи для „Эк. М.“ и помогавшимъ отцу въ редакціи, былъ его сынъ Павелъ А. Болотовъ. Постоянными корреспондентами были: кн. И. И. Щербатовъ, В. А. Левшинъ, М. Бороздинъ, Беренсъ и др.

Въ „*Московск. Ежемѣсячномъ изданіи*“:—*Безуміе идущихъ противъ воли Божіей* и не вѣрующихъ Его Провидѣнію. Проповѣдь Іерузалема. Пер. (1782, ч. II, стр. 1).

Въ „*Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*“:

1796: 1) *Пѣснь къ Вездѣсущему*, стих. (ч. XI, стр. 269).

1797: 2) *Утреннее расположеніе духа*, стих. (ч. XIII, стр. 271); 3) *Оканчивающаяся зима*, стих. (ч. XIII, стр. 289); 4) *Время созрѣванія плодовъ* (ч. XV, стр. 385 и 401).

Въ „*Земледѣльческомъ Журналѣ*“:

1822: 1) *Опытныя замѣчанія*, относящіяся до скотоводства (№ IV, стр. 109); 2) *О прочныхъ спускахъ* на небольшихъ деревянныхъ прудахъ (№ V, стр. 197); 3) *Нѣкоторыя замѣчанія*, относящіяся до вновь запружаемыхъ и дѣлаемыхъ прудовъ и водоемовъ (№ VI, стр. 348) [1]).

1823: 4) *О разведеніи крупнаго шиповника* (№ VII, стр. 109); 5) *Опытъ надъ яблочными сѣменами* (№ IX, стр. 376).

1824: 6) *Опыты съ кореньями плодоносныхъ деревъ* (№ X, стр. 74); 7) *О рубленыхъ, сточныхъ ящикахъ* при прудовыхъ спускахъ (№ XI, стр. 232) [2]).

1825: 8) *О плодовитыхъ деревьяхъ, поврежденныхъ морозами* (№ XV, стр. 251); 9) *О споспѣшествованіи лучшему росту и плодородію яблоней* (№ XV, стр. 257); 10) *Объ употребленіи навоза въ степныхъ губерніяхъ* (ib., стр. 268); 11) *О запашкѣ ржи бороздами* (ib., стр. 271).

1830: 12) *О фруктовыхъ садахъ* (№ XXIX, стр. 247).

б) Послѣ *смерти* Болотова издано:

1) *Матеріалы по русской помологіи* (Журн. Садоводства 1861, № 10. Въ этой статьѣ изложено содержаніе работы Б., законченной имъ еще въ 1800 г. Она озаглавлена: „Изображенія и описанія разныхъ породъ яблонь и грушъ, родящихся въ Дворениновѣ, и отчасти въ другихъ садахъ. Рисованы А. Болотовымъ 1797—1800“. 7 томовъ, 8°. (Рукопись въ Россійскомъ Обществѣ Садоводства). 2) *Записки А. Т. Болотова*. Отрывки ихъ появлялись: въ „Сынѣ Отеч.“ 1839 г., № 4 и 5 (кн. VIII и IX); въ „Отеч. Зап.“ 1850 (т. LXIX—LXXII) и 1851 (т. LXXIV—LXXVI) напечатаны первыя 6 частей „Записокъ“, но крайне неисправно, съ пропусками, искаженіями, подновленіемъ языка. (Были отд. оттиски изъ „От. Зап.“, Спб. 1851). Кромѣ того, отрывки Записокъ появлялись: 1) въ „Библ. для Чт.“ 1858 и 1860, т. 158 („Деревня и Москва въ концѣ XVIII ст.“); 2) въ „Журн. для чт. восп. военно-учебн. завед.“ 1851, т. 88, № 349, стр. 3—21 („Исторія Еремея Гавриловича Болотова“).

Полное изданіе „Записокъ“ появилось въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ 1870—1873, и отд. 4 тома. Спб. 1871—1873. Къ этому изд. приложенъ портретъ Болотова, 2 снимка, 3 плана, 31 виньетка, біографія автора и указатели. Первый томъ, вмѣстѣ съ 3-ьимъ изд. „Рус. Старины“, вышелъ 3-мъ изд. въ Спб. 1875. Здѣсь напечатаны 29 частей [3]) „Записокъ“.

---

[1]) Тамъ же, на стр. 358, отзывъ объ этой статьѣ полковника Яниша.

[2]) Тамъ же, на стр. 266—267, замѣчанія на эту статью Яниша.

[3]) По поводу правъ на изданіе, возникла полемика: 1) *В.* и *М. Семевскіе.* Письмо въ редакцію „Голоса“ 1870, № 339; 2) Отвѣтъ на него *Н. Киселева.* Ibid.,

Продолженіе записокъ (ч. 35, 36 и 37 за годы 1799 — 1802) печатается въ „Рус. Стар.": 1889, т. 62, стр. 535—576; т. 64, стр. 23—30 и 1895, августъ, стр. 135—155.

3) *Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ.—Любопытные и достопримѣчательные дѣянія и анекдоты Государя Императора Павла Перваго.* Изд. П. С. Киселева М. 1875 (Помѣщ. прежде въ „Рус. Арх." 1864). 8°. 4) *Современникъ или записки для потомства.* Сообщилъ Н. В. Губерти. „Библіографъ" 1891 и отд., изд. ред. журн. „Библіографъ". Спб. 1891. 5) *2 Стихотворенія Болотова* въ „Русской Поэзіи", С. А. Венгерова, т. I, примѣчанія и дополненія, стр. 59—65.

Б. Рукописи А. Т. Болотова.

I. Рукописи Болотова, по описанію *С. Маслова* въ «Земледѣльч. Журналѣ» 1838 г. № 5 [1]):

„1) *Записки о замѣчательныхъ событіяхъ.* А. Т. началъ ихъ въ 1755 году и продолжалъ во всю жизнь свою. Здѣсь много любопытныхъ извѣстій о семилѣтней войнѣ, въ которой авторъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. 2) *Опыты нравоученія.* 3) *Краткая исторія Польши.* 4) *Разныя замѣчанія и извѣстія о Турецкой войнѣ 1768 года.* 5) *Руководство къ благочестивой и благоразумной жизни.* 6) Восемъ частей *Дѣтской философіи*, содержащія физику, минералогію и ботанику. [Изъ нихъ напечатаны только двѣ. Въ настоящее время эта рукопись принадлежитъ Д. И. Бурылину (№ 4) и Обществу древней письменности (№ 1)]. 7) *Исторія походовъ христіанъ въ обѣтованную землю.* 8) *Электрическій лечебникъ, съ замѣчаніями о существѣ и дѣйствіи электрицизма.* 9) *Описаніе всѣхъ породъ яблоковъ и грушъ, находящихся въ садахъ А. Т. Болотова, съ раскрашенными изображеніями* сихъ плодовъ. (Сравн. № 15 рукописей Бурылина и выше стр. 111). 10) *Очаковскіе анекдоты или описаніе происшествій при осадѣ сего города въ 1789 году.* 11) *Мысли о романахъ. 2 части, 1791.* 12) *О врачебности электрицизма и о разныхъ родахъ электризованія, 1793.* (Сравн. выше: Печатныя отдѣльныя изданія, № 8). 13) *Собраніе анекдотовъ о князѣ Потемкинѣ.* 14) *Описаніе происшествій 1793 г., 2 ч.* 15) *Практическія замѣчанія о земляномъ строеніи въ Богородицкѣ, въ 1794 г.* 16) *Современникъ или записки объ отечественныхъ событіяхъ 1795.* Ср. рукописи принадл. Публ. Библ., № 9. 17) *Духовныя пѣсни и стихотворенія.* (Нѣсколько томиковъ стих. А. Б-ва хранятся теперь въ Обществѣ древн. письм. (№ 5, 6) и въ Публ. Библ. (№ 17, 18). 18) *Записки о садоводствѣ, съ замѣчаніями и о другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства; 7 ч.* 19) *Собраніе мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, 7 ч., 1794—1821.* (Принадлежитъ теперь Публ. Библ., № 15). 20) *Современныя извѣстія о первой французской войнѣ. 15 частей съ 1805—1810.* 21) *Описаніе послѣдней французской войны въ 30-ти частяхъ, съ 1811—1815.* 22) *Описаніе собственной своей жизни 39 ч.*"

№ 34; 3) Отвѣтъ на заявленіе г. Киселева *В.* и *М. Семевскихъ* „Рус. Стар." 1871, № 1; 4) Заявленіе *Николая* Киселева о правѣ его на „Записки" Б. „Рус. Арх." 1870, № 12, въ особ. прилож.

[1]) Несомнѣнно Болотову принадлежатъ рукописи, обозначенныя подъ № 1, 6, 8, 9, 11, 14—22. Многія рукописи переходили изъ рукъ въ руки и потому фигурируютъ въ нѣсколькихъ описаніяхъ.

II. Рукописи А. Т. Болотова по описанію его внука М. П. Болотова и Н. Киселева [1]).

„Библіотека моего дѣдушки была весьма обширна и съ каждымъ годомъ увеличивалась прикупкою разныхъ книгъ, а въ особенности его сочиненіями по разнымъ предметамъ. Андрей Тимоѳеевичъ самъ мнѣ высчитывалъ, что кромѣ „Экономическаго Магазина“, который былъ напечатанъ и заключался въ 40 томахъ, имъ написано еще до 80-ти разныхъ сочинеиій, изъ которыхъ могу припомнить нѣкоторыя, прочитанныя мною, а именно: цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, касающихся хозяйства и домоводства, о разныхъ постройкахъ, землебитныхъ строеніяхъ (называемыхъ *пизе*), о построеніи прудовыхъ спусковъ, объ украшеніи садовъ, о садоводствѣ вообще, описаніе разныхъ породъ яблокъ, о производствѣ табаку, въ особенности виргинскаго и проч., и проч. Собраніе этихъ статей, въ нѣсколькихъ томикахъ, по смерти его, было отправлено въ Московское Общество сельскаго хозяйства. Дѣдушка изъ всѣхъ своихъ сочиненій особенно совѣтовалъ молодымъ людямъ читать „Бесѣды дѣда со внукомъ“ [2]) (касательно разныхъ предметовъ — XV томиковъ) и „Размышленія о чудесахъ природы“ XII томиковъ. Выписки его „О французской революціи“ занимали XII томиковъ, какъ и всѣ его рукописи переплетенныя, „Выписки о польской революціи“ занимаютъ 3 томика. На какомъ именно годѣ онъ остановилъ свои записки, въ видѣ писемъ къ другу— достовѣрно сказать не могу; но помнится, что онъ покончилъ ихъ на 1810 или на 1811 годѣ, ибо онъ мнѣ разсказывалъ, что описалъ подробно поѣздку свою въ Орелъ и мое рожденіе. Всѣ эти записки онъ составлялъ изъ подробно веденнаго имъ „Черноваго журнала вседневныхъ событій“, которыхъ было болѣе 50 томиковъ; изъ нихъ 39 проданы мною гг. Киселеву и Самарину“.

Краткая ихъ опись сообщена Н. Киселевымъ:

„1) *Жизнь Андрея Болотова*, ч. 1. 2) *Приключенія А. Б. съ 1752—1758* (частію въ письмахъ, частію въ связномъ разсказѣ; содержаніе этого томика есть сокращеніе частей II—V „Записокъ“, за исключеніемъ 1751 г., котораго у меня вовсе нѣтъ). 3—9) *Жизнь и приключенія Андрея Болотова съ 1758—1769 г.* (ч. VI—XII; ч. XIII—XVI у меня вовсе нѣтъ). 10—13) *Жизнь и приключенія А. Б. съ 1774—1780 г.* (ч. XVII—XX). 14) *Домашній историческій журналъ 1766 г.* (краткій ежедневникъ). 15) *Тоже на 1772 г.* 16) *Продолженіе Записокъ, касающихся до моей жизни, 1773 г.* (связный разсказъ о первомъ полугодіи этого года). 17) *Дневникъ 1790 г.* (подробный ежедневникъ). 18) *Продолженіе описанія моей жизни, 1793—1794 г.* (краткій ежедневникъ). 19—21) *Краткій ежедневникъ 1797—1802 г.* 22—24) *Богородицкій Вѣстникъ*, или историческое обозрѣніе всего происходившаго въ свѣтѣ, въ 1792 и 1793 г. 25—26) *Памятникъ протекшихъ временъ 1796 и 1797 г.* (напечатанъ въ „Русск. Арх.“ 1864). 27—34) *Магазинъ достопамятныхъ бумагъ*, 1812 и 1813 гг. 35—39) „*Отечественникъ*“, содержащій въ себѣ современныя записки и замѣчанія о происшествіяхъ въ Россіи. Писаны въ 1814—1826 г. Между 38 и 39 томиками недостаетъ одного, заключающаго 5-ую часть *Отечественника*“ [3]).

---

[1]) „Русская Старина“ 1873, т. VIII, стр. 747—748.

[2]) Находятся теперь у Бурылина (№ 24, 17) и въ Публ. Библ. (№ 20).

[3]) Черновые наброски записокъ, дневники, историческія выписки, служившія источникомъ для связнаго разсказа въ автобіографіи Болотова, разошлись по разнымъ рукамъ. См. рукописи П. С. Киселева, Д. И. Бурылина, №№ 1, 40—48; И. Публ. Библ. №№ 1, 2, 3, 4, 9, 10, 12, 14; рукописи И. В. Помяловскаго №№ 1, 5, 6, 8—13, 15.

По воспоминаніямъ М. П. Болотова, ежедневно послѣ утренней молитвы, Андрей Тимоѳеевичъ садился за письменный столъ и записывалъ:

1) Въ *Книжкѣ метеорологическихъ замѣчаній*, погоду вчерашняго дня и наступившаго утра, т.-е. сколько градусовъ по термометру, какое стояніе или измѣненіе барометра, какой вѣтеръ и какое небо при восходѣ солнца. Весь этотъ трудъ, кажется, за 52 года постоянныхъ отмѣтокъ, послѣ кончины А. Т., отправленъ Павломъ Андреевичемъ Болотовымъ, въ С.-Петербургъ—въ Академію Наукъ, которая съ признательностью приняла этотъ подарокъ, ибо подобныхъ наблюденій и за столь продолжительный періодъ времени въ средней Россіи никто не дѣлалъ.

2) Въ *Журналѣ вседневныхъ событій* Б. записывалъ занятія и приключенія протекшаго дня, т.-е. чѣмъ онъ занимался, какія приходили ему идеи или размышленія, а если бывали гости, то какой въ особенности занимательный былъ разговоръ или разсказъ.

III. Рукописи Болотова принадлежащія П. С. Киселеву [1]).

1) *Историческое Обозрѣніе всего происходившаго въ свѣтѣ въ теченіе минувшаго 1792 года.* Одна часть.

2) *Богородицкій вѣстникъ* или обозрительная исторія происшествій во всемъ свѣтѣ въ 1793 году. 2 части.

Эти три книги, большею частью, заключаютъ въ себѣ выписки изъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ.

3) *Памятникъ протекшихъ временъ* или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ [2]).

1-ая часть, начатая въ январѣ 1796 г., содержитъ всякаго рода извѣстія: политическія, придворныя, хозяйственныя, біографическія, литературныя и проч. и кончаются извѣстіемъ о кончинѣ имп. Екатерины II.

II-ая часть исключительно посвящена императору Павлу и, кромѣ упомянутаго заглавія, имѣетъ еще другое: „Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты импер. Павла Перваго" (эта часть съ нѣкоторыми сокращеніями помѣщена въ „Рус. Арх." 1864 г.).

4) *Магазинъ достопамятныхъ и любопытныхъ бумагъ*, носившихся въ народѣ, 8 частей (VIII—XV), содержитъ преимущественно извѣстія о войнѣ 1812 и 1813 гг.

5) *Отечественникъ*, содержащій въ себѣ современныя записки и замѣчанія о происшествіяхъ въ Россіи, также важнѣйшія издаваемыя въ ней узаконенія и другія интересныя и любопытныя бумаги. 5 частей (I—IV и VI), начатъ въ октябрѣ 1814 г. и оконченъ въ январѣ 1826 г.

IV. Рукописи А. Т. Болотова, принадлежащія нынѣ Дм. Генад. Бурылину (въ Иваново-Вознесенскѣ) пріобрѣтенныя имъ у В. И. Клочкова [3]).

I. Сочиненія, стихи, переводы.

1) *Памятная книжка* или собраніе различныхъ нравоучительныхъ правилъ, собственно себѣ для памяти при разныхъ случаяхъ записанныхъ въ Кенигсбергѣ 1761.

---

[1]) См. предисловіе къ изд. „Памятникъ протекшихъ временъ".

[2]) Изд. П. С. Киселевымъ въ Москвѣ въ 1875 г.

[3]) Перечень этихъ рукописей составленъ на основаніи № 163 „Каталога русскихъ книгъ книжной торговли В. И. Клочкова". Спб. 1894.

Другой экземпляръ „Памятной книжки“ хранится въ Публичн. Библіот., см. № 12. 2) *Опытъ нравоучительнымъ сочиненіямъ*, А. Болотовъ. 1764, 8°, въ кож. пер. 3) *Собраніе правилъ, служащихъ къ побужденію и руководству къ благочестивой, добродѣтельной и благоразумной жизни.* Соч. А. Болотовымъ. Собраны 1770 г. 4) *Дѣтская философія*, сочиненная разговорами между одною госпожею и ея дѣтками. Соч. А. Болотова. 1773 г., ч. 1, 3, 4 и 5. (См. рукописи, опис. Масловымъ, № 6. Продолженія ея и Дѣтская библіотека хранится въ Публ. Библ., № 5). 5) *Кунсткамера душевная* или театръ, представляющій въ миніатюрѣ всѣ судныя дѣла Зиждителя, въ устроеніи міра, служащій пріятнымъ руководствомъ къ нужнѣйшимъ познаніямъ человѣческимъ. Ч. I. 1773 г. 6) *Седмь священныхъ коренныхъ столповъ вѣчности и времени*, представленные въ ясныхъ подобіяхъ для пользы всѣхъ ищущихъ премудрости. Издалъ Adamach Booz. Перев. съ нѣм. подлинника, напеч. въ Лейпцигѣ въ 1783. 7) *Опытъ руководства къ описанію красоты и пріятности натуры.* Соч. А. Болотова. 1788. 8) *Кунсткамера натуры* или собраніе записокъ, относящихся до красоты и пріятностей натуры. 1789. 9) *Краткія метеорологическія и натурологическія записки и примѣчанія на 1789 г.* 10) *Настольный журналъ 1791 г.* 11) *Исторія моего електризованія и врачеванія разныхъ болѣзней онымъ.* Въ Богородицкѣ. 1792 г. 3 тома. 12) *Журналъ електрическимъ моимъ врачеваніямъ разныхъ болѣзней въ 1792 г.* Ч. 1. 13) *Краткій електрическій лечебникъ*, сочиненный въ удовольствіе нѣкоторыхъ друзей своихъ Андреемъ Болотовымъ въ 1793 г. (Срвн. рук., опис. Масловымъ, № 8). 14) *Животписатель натуры* или опыты сочиненіямъ, относящимся до красоты натуры и увеселенія себя оными. Труды Андрея Болотова. Собраніе I. 1794—1798. 15) *Видъ разныхъ породъ грушъ и дуль*, родящихся въ Двореииновскихъ и другихъ садахъ. Срисованные съ натуры Андреемъ Болотовымъ. 1800 г. 16°, съ раскрашенными рисунками. (Сравни Описаніе рукописей Маслова, № 9). 16) *Лѣкарственникъ* состоящій въ исчисленіи разныхъ и наиболѣе простыхъ лѣкарствъ, употребляемыхъ для лѣченія болѣзней разныхъ родовъ. Извлеченный изъ Эконом. моего „Магазина“ и изъ опытности Андреемъ Болотовымъ. Ч. II. Въ Двореииновѣ. 1809—1813. 17) *Утренники 73-хъ-лѣтняго старца*, состоящіе въ совѣтахъ и наставленіяхъ своимъ внучатамъ. Кн. 2. Въ Двореииновѣ. 1812. 18) *Записки садовыя* и разныя новѣйшія замѣчанія, относящіяся до садовъ и другихъ частей сельскаго хозяйства. Андрея Болотова. Ч. VI и VII. 1813. 19) *Исторія трехъ послѣднихъ лѣтъ житія на земли Іисуса Христа*, переведена А. Б. въ 1818 г. Т. V, VI, VII и VIII. (Ч. II, III и IV принадл. Обществу древн. письм., см. №№ 9 и 10). 20) *Пѣсни С...к.* (сельскія?). 1818 [1]). 21) *Справочникъ* или книга содержащая въ себѣ повременныя записки всего нужнаго относящагося до всѣхъ моихъ садовъ, дома, питомниковъ и прочаго, впредь для справокъ. Ч. II, III и V. 1819—1826. Начато съ 26 апр. 1819. 22) *Ни то, ни се*, или кое что, могущее служить въ пользу тому, кто имѣть ее похочетъ. Ч. II. Сочиненіе Болотова. Двореииново. 1820. Ч. I въ Публ. Библ., см. № 19. 23) *Драгоцѣнныя правила для христіанскаго юношества.* 1821. 8°. 24) *Старикъ со внукомъ*, или разговоры у стараго человѣка съ молодымъ его внукомъ. Соч. 84-хъ-лѣтняго старика А. Болотова. 1822 г. 2 тома. 25) *Предполагаемое наугадъ.* Происшествіе на томъ свѣтѣ и разговоры въ мірѣ духовъ у душъ умершихъ людей между собою и ангелами. 1823. (Срвн. № 20 рукописей И. Публ. Библ.). 26) *Собраніе мелкихъ сочиненій* въ стихахъ и прозѣ. Т. XII. 1824. См. рукописи, опис. Масловымъ, № 19. 27) *Планы и всякія записки, относящіяся до моего ближняго сада, верхняго сада и полеваго сада.*

---

[1]) Впрочемъ, это скорѣе „Пѣсни Свободно—Каменщицкія“, т.-е. масонскія, неимѣющія никакого отношенія къ А. Т. Болотову.

1827. 3 тома. 28) *Планы моего нижняго сада* и историческія записки, относящіяся до него. 1827. 2 тома, 16°. (Срвн. рукоп. И. В. Помяловскаго, № 14). 29) *Чувствованія и мысли утѣшительныя, увеселительныя.* 30) *Чувствованія и мысли устрашительныя и укорительныя.* 31) *Собраніе разныхъ рецептовъ*, 4°. Срвн. выше, № 16. 32) *Собраніе разныхъ лѣкарствъ*, 4°. 33) *Бесѣды о законѣ христіанскомъ*, 8°. 34) *Чувствованія и вздохи благодарственные ко Творцу и Богу.* 35) *Кто я, зачѣмъ я, чѣмъ я буду?* 36) *Письма о красотахъ натуры.* 37) *Таблица родословная.* Родъ Донскихъ. 38) *Собраніе печатей*, 8°. 39) *О тройственныхъ познаніяхъ*, кои суть: историческія, художескія, живыя. Историческія познанія суть: 1) Нравственныя; 2) метафизическія и 3) физическія.

II. Записки, письма Болотова.

40) *Продолженіе описанія моей жизни*, состоящее въ запискахъ всего со мною случившагося. 1792. 41) *Современникъ, или записки для потомства.* А. Б. Ч. II. 1795. Ср. стр. 112 (№ 4 списка печат. соч. Б.). 42) *Correspondence paretnelle* 1796 (писано на рус. языкѣ). 43) *Тоже*, 1806. 44) *Собственноручная копія писемъ А. Болотова.* 1816—1818, 16°. 45) *Тоже 1799.* 46) *Письма 1803.* 47) *Письма рдонымъ моимъ.* 1805. Собственноручныя копіи. 16°. 48) *Переписка двухъ родственниковъ*, живущихъ въ отдаленіи и не знающихъ другъ друга лично. Въ Двоpениновѣ. 1808—1809. 16°.

V. Рукописи А. Т. Болотова, принадлежащія **И. Обществу Любителей Древней Письменности.**

1) *Дѣтская философія*, сочиненная разговорами между одною госпожею и ея дѣтьми. Андрея Болотова, ч. V. 1773 г. Начата сочиненіемъ отъ 20 ноября 1773 г. Ркп. 8° на 438 стр. Нечеткая скоропись А. Болотова съ помарками (О. CШ, 5825). (Напечатаны только 2 части „Д Ф.“ въ Москвѣ 1773 г.; сравн. рук., описанная Масловымъ, № 6). 2) *Соборное посланіе Св. апостола Іакова* съ толкованіемъ и примѣчаніями на нѣкоторыя важнѣйшія мѣста онаго относительно его внутренней жизни. Пер. съ франц. 1780 года (Ркп. 8°, черновая на 122 лл. О. LXXXVIII; 5811). 3) *Тоже*, ркп. переписанная начисто. Въ заглавіи прибавлено: „Сочин. г. Деля Мотъ Гіоне. Списано съ печатнаго въ 1806 г. (О. LXXXIX, 5810). 4) *Натурологическій журналъ* (съ 20 апр. 1788, по 6 марта 1789) Метеорологическія замѣтки А. Болотова; Ркп. 8°, на 192 стр. На послѣдней страницѣ запись: „Послѣдованіе сихъ записокъ должно смотрѣть въ особой книжкѣ на 1789 г. (О. XCII, 5814). Это одинъ изъ томиковъ *Книжки метеорологич. замѣчаній.* См. рукописи, описанныя М. П. Болотовымъ. 5) *Разныя стихотворенія, или сельскія пѣсни* Андрея Болотова. Собраніе I, въ 8—ку, на 349 стр. (О. LXXXVI; 5808). Автографъ Болотова, писанный довольно четко съ сравнительно немногими помарками. Въ этомъ собраніи 39 слѣдующ. стих.: 1) Къ росѣ утренней весною. 2) Къ соловью. 3) Пѣснь утренняя. 4) Къ черемухѣ цвѣтущей. 5) Къ одуванчикамъ цвѣтущимъ. 6) Вздохъ благодарный къ Богу. 7) Утро майское въ саду. 8) Къ рябинѣ цвѣтущей. 9) Къ аглинскому садику во время цвѣта яблоней. 10) Къ березѣ. 11) Къ саду въ началѣ іюня. 12) Къ дерновой канапе. 13) Пѣснь къ вешнему вечеру. 14) Къ саду послѣ долговременнаго отсутствія. 15) Къ саду во время цвѣта махровыхъ піонъ и желтыхъ розъ. 16) Пѣсня къ цвѣтущему въ іюнѣ лугу. 17) Пѣсня къ цвѣтущимъ ноготкамъ. 18) Къ небу, покрытому множествомъ бѣлыхъ облаковъ. 19) Пѣсня къ брюму. 20) Ода искусству уве-

селяться красотами натуры. (Ода натурологіи). 21) Пѣснь благодарная за рожденіе на землѣ христіанской. 22) Концертъ благодарный. 23) Пѣснь духовная, переложенная изъ „Отче нашъ". 24) Къ веснѣ во время еще первѣйшихъ зимою талей. 25) Молитва утренняя о вспоможеніи препроводить день такъ, какъ должно. 26) Вздохъ къ Вездѣсущему. 27) Чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ. 28) Чувствованія по препровожденіи благополучно ночи. 39) Чувствованія при настаніи зимы. 30) Пѣснь вечерняя благодарственная. 31) Пѣснь возбудительная при шествіи къ службѣ Божіей въ церковь. 32) Совѣтъ самому себѣ въ утреннее время. 33) Собесѣдованіе съ самимъ собой въ утреннее время. 34) Вечерній отчетъ самому себѣ. 35) Долгъ Творцу вседневный. 36) Пѣснь вечерняя. 37) Пѣснь „Единородный сынъ". 38) Вздохъ вечерній. 39) Продолж. стих. „Къ моей березѣ". 40) Прибавка къ стих. „Къ росѣ утренней".— Отрывки изъ 6 и 20 го стих. помѣщены въ изд. С. А. Венгерова „Русская поэзія" Спб. 1895 г. вып. V, 51 стр. III, стр. 59–65. 6) *Разныя стихотворенія*. Въ первой части списано нѣсколько одъ Державина, М. Магницкаго, Нелединскаго-Мелецкаго, С. Каргопольскаго и другихъ, Заглавіе 2-ой части этого сборника: „Собраніе нѣкоторыхъ батюшкиныхъ стихотвореній", т.-е. стих. А. Т. Болотова. Сюда вошли: 1) Пѣснь весеннему вечеру. 2) Пѣсня къ ноготкамъ. 3) Пѣснь въ похвалу наукѣ и искусству увеселяться красотою и устроеніемъ натуры. 4) Чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ. 5) Гимнъ Богу. 6) Пѣснь благодарственная Богу за произведеніе на свѣтъ въ землѣ христіанской. 7) Чувствованія по препровожденіи благополучной ночи. Всѣ эти стих. есть въ „Сельскихъ пѣсняхъ" Б. подъ №№ 13, 17, 20, 27, 6, 21, 28. (Ркп. 8°. О. С., 5822). 7) *Крейцберовы размышленія на всѣ дни въ году*, переведены Андреемъ Болотовымъ ч. I, январь 1817 г. февраль (въ одномъ перепл.) Ркп. 4°, (Q. CCCXXXII, 6193). 8) *Юнга Штиллинга. Теорія науки о духахъ*. Пер. съ нѣмецкаго ч. I. Списано въ Дворениновѣ въ 1818 г. Отдѣленія 1, 2 и 3 (Остались безъ перевода первые 16 §§ 1 отд.). — Ч. III. Списано А. Б. Отд. 4, 5 и прибавленія. Списано Болотовымъ начисто собственноручно. Ркп. 8°, стр. 324—306 (О. LXXXVII; 3809). 9) *Исторія трехъ послѣднихъ лѣтъ житія на землѣ Іисуса Христа*, ч. II, Ркп. 4°, на 263 стр. На заглавномъ листѣ запись: „Батюшкинъ переводъ соч. Гесса, (Q. CCCXVII; 6178). См. рук. Бурылина № 19, а также слѣдующій, 10, №. 10) *Исторія трехъ послѣднихъ лѣтъ житія на землѣ Іисуса Христа*, ч. I. Переведено А. Б. Въ Двореииновѣ. 1817 г. — ч. II. — 1817 г. — ч. III — 1818 г. ч. IV. — 1819 г. Ркп. 8°, стр. 366, 354, 374, 384. (О. CII, 5824). Автографъ Болотова. 11) *Опытъ составленія четверо-евангелія на русскомъ яз.* Начато 7 авг. 1819 г., четвергъ. Ркп. 4° на 72 стр., рукою переписчика, съ поправками рукою Болотова (Q. CCCVII, 5168). 12) *Четвертое благовѣстіе на русскомъ языкѣ* 1821 г. (25 марта, понедѣльникъ). Ркп. 4° на 27 стр. (не окончена), рукою переписчика, вступленіе рукою Болотова. (Q. CCCVIII, 6169). 13) *Душеспасительныя христіанскія размышленія на всѣ дни въ году*, переведенныя А... Б... Отд. I, январь, 1817. Въ Двореииновѣ.—Отд. 2, февраль 1817 г.—Отд. 3, мартъ 1818.—Отд. 4, апрѣль 1819. — Отд. 5, май 1819. — Отд. 6, іюнь 1820. — Отд. 7, іюль 1820. - Отд. 10, октябрь 1823.—Отд. 11, ноябрь 1823.—Отд. 12, декабрь 1823. Каждый мѣсяцъ составляетъ отд. томъ четкаго письма. При 1 т. есть примѣчаніе: „Нѣмецкаго оригинала сочинитель принялъ на себя названіе Амедея Крейцберга, а подлинное его имя (какъ значится въ Цергалевой Астротеологіи на стр. LXII Филиппъ Бальтазаръ Шюценъ (Schützen, genannt Sinold), владѣтельнаго графа Гогенлогенскаго тайный совѣтникъ и президентъ консисторіи". Ркп. 8° (О. XC., 5812). 14) *Разсужденіе*: 1-ое. о преходимости міра и веселостей его. 2) О всевѣдѣніи Божескомъ. 3) О томъ какимъ образомъ и для чего христіанину о спасеніи своемъ стараться надобно. Ркп. въ 8°, на 165 стр. На оборотѣ переплета надпись: „Сіи разсужденія переведены съ нѣмец.

прямо на бѣло, А. Т. Болотовымъ собственною его рукою, какъ въ сей книгѣ находятся". (О. XCI; 5813). 15) *Христіана Августа Крузія. Нравоученіе или наставленіе какъ жить благоразумно.* Переведено съ нѣмецкаго яз. Переводъ, судя по почерку, Болотова. Ркп. 4, на 75 стр. (Q. CCCXXVIII; 6189). 16) *О послѣднихъ временахъ,* изъ Wahrheiten etc и Пуарета. (Внизу 1-й стр. приписка: Нѣмецкій переводъ А. Бол.). Переводъ черновой съ помарками. Ркп. 4⁰, (Q. CCCXI, 6172).

Обществу, кромѣ того, принадлежитъ часть рукописей библіотеки Болотова и его ближайшихъ потомковъ. Сюда входятъ рукописные переводы мистическихъ книгъ, списанные ихъ оригиналы, списки съ печатныхъ книгъ—отчасти также мистическаго характера, выписки изъ русскихъ періодическихъ изданій. Всѣ эти рукописи хорошій матеріалъ для опредѣленія того, чѣмъ интересовались провинціальные дворяне начала XIX в. Къ сожалѣнію, библіотека Болотова разошлась по разнымъ рукамъ и притомъ, по всей вѣроятности, сохранилась не въ полномъ видѣ. Страсть къ писательству, хотя бы въ видѣ рукописныхъ—никогда не увидѣвшихъ свѣта—переводовъ или даже въ видѣ простого списыванія съ печатнаго, Болотовъ, сколько можно судить, передалъ своимъ потомкамъ.

VI. Рукописи А. Т. Болотова, принадлежащія Императорской Публичной Библіотекѣ [1]).

1) *Письма* А. Б. 1760. Въ Кенигсбергѣ. Переплетенная тетрадь, 4⁰, 168 страницъ, содержащая въ себѣ переписанныя рукою Болотова письма его къ разнымъ лицамъ, отправленныя въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1760 г. (собраніе автографовъ; см. „Отчетъ И. Публ. Библ." за 1889, стр. 79). (Срвн. ниже, № 12). 2) *Журналы Андрея Тимоѳеевича Болотова.* 19 томиковъ, 8⁰, писанныхъ имъ собственноручно и содержащихъ записки (въ черновой, необработанной редакціи) за годы: 1770 (съ 7-го сентября по конецъ года), 1790 (съ 7 янв. по 4 февр.), 1805—1812, 1815—1823, 1825 и 1828 гг.) (О. IV, № 69; см. „Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1889, стр. 78). 3) *Домашній историческій журналъ,* состоящій въ ежедневныхъ запискахъ о случившемся со мною 1813 г. въ Дворениновѣ. Автографъ Болотова, 8⁰, 368 л. Кромѣ журнала 1813 г., въ этомъ томикѣ (съ стр. 238) содержится и часть журнала 1814 г., въ черновой редакціи (О. IV, № 69; см. „Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1888, стр. 154). 4) *Собесѣдованія съ Богомъ и съ самимъ собою,* или записки сопряженныя съ разными размышленіями 1779 г., 8⁰, 172 стр. Автографъ Болотова. Въ началѣ помѣщено „Нѣчто въ предувѣдомленіе о сей книжкѣ". Вотъ его содержаніе: „Книжка сія содержитъ въ себѣ не иное что, какъ опытъ особливаго рода Журнала или Записокъ разнымъ происшествіямъ, бывшимъ со мною въ началѣ 1779 года, писанныхъ мною прямо на бѣло и такъ, какъ они здѣсь находятся, иногда всякій день сряду, а иногда черезъ нѣсколько дней, и какъ случалось досужное и удобное къ тому время. Разныя обстоятельства помѣшали мнѣ тогда продолжать сіе дѣло далѣе. А случившійся 1782 г. пожаръ лишилъ меня и самого начала сего журнала, почему сіе начало приписалъ я уже послѣ, но былъ по крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что огонь пощадилъ сей остатокъ, могущей служить доказательствомъ тогдашнихъ моихъ чувствованій и расположеній мыслей и сердца". Журналъ продолжается отъ января по 17 марта 1779 г. (О. IV, № 68; см. „Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1888 г., стр. 153). 5) *Дѣтская библіотека,* или книга могущая для дѣтей служить вмѣсто многихъ и познакомить ихъ съ многоразличными вещами, нуж-

[1]) Описаніе составлено на основаніи „Отчетовъ Имп. Публ. Библ.".

ными для знанія оныхъ и могущими обратиться въ существительную ихъ пользу, посвященная младымъ россіянамъ сочинителемъ „Дѣтской философіи". Ч. I. 4°, 202 л. (Q. XVII, № 205). Автографъ Болотова, съ собственноручными его поправками. „Начата мая 1, 1781 г."—Этотъ трудъ представляетъ продолженіе „Дѣтской философіи", но въ нѣсколько измѣненномъ и переработанномъ видѣ. (См. выше, рукописи описанныя Масловымъ, № 6 и ниже № 16). 6) *Исторія народа Господня*, извлеченная изъ однѣхъ книгъ священнаго писанія, простирающаяся ко времени основанія еврейской монархіи до раздѣленія оной на 2 царства. Скоропись конца XVIII в., 4°, 52 лл. На 1-мъ читаемъ еще такое заглавіе: „Переводъ изъ Библейской Исторіи Саула и Девзоры, 1784, въ Богородицкѣ". Въ рукописи много поправокъ рукою А. Т. Болотова. (Q. I, № 1055; см. Отчетъ за 1890, стр. 111). 7) Переписанное начало предыдущаго труда, въ которое внесены всѣ поправки Болотова. Скоропись конца XVIII в., 4°, 8 л. (Q. I, № 1055, см. тамъ же). 8) *Разсужденіе А. Т. Болотова о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда.* Черновой автографъ, 4°, безъ начала, на 44 листахъ (стр. 61—147). Заключеніе этого разсужденія таково: „Какъ изъ всего вышеговореннаго означается, что при нынѣшнемъ нравственномъ состояніи нашего подлаго народа наемныя работы въ земледѣліи и домоводствѣ не могутъ по многимъ отношеніямъ быть таковы совершенны, какъ производимыя крѣпостными людьми, не только при нынѣшнемъ положеніи и состояніи дѣлъ, но и въ случаѣ освобожденія крестьянъ отъ рабства, то и слѣдуетъ само собою, что для всякаго хозяина выгоднѣе обрабатывать землю и все свое хозяйство не наемными, а собственными своими людьми и крестьянами". (Q. II, № 100; см. Отчетъ за 1890, стр. 106—107). 9) *Современникъ или записки для потомства.* А. Б. Ч. I, 1795. Мал. 8°, 416 стр., автографъ Б.—Объ этой книжкѣ см. ст. Н. В. Губерти въ „Библіографѣ" 1885, №№ 9 и 10.—Въ концѣ 1-ой части находится оглавленіе находящимся въ ней запискамъ. Всѣхъ главъ 85; изъ нихъ гл. 22, 56, 57 и 58 напечатаны г. Губерти въ № 10 „Библіографа" за 1885 г.—(O. IV, № 66; см. „Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1885, стр. 78—79. 10) *Письма А. Т. Болотова къ сыну Павлу Андреевичу* за 1801 (25 писемъ), 1808 (29 писемъ), 1813 (6 писемъ), 1814 (1 записка). См. „Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1889, стр. 79. 11) *Черновой набросокъ*, собственноручно писанный А. Т. Болотовымъ, 4°, 6 л., заключаетъ двѣ статьи: 1) О постныхъ маслахъ и 2) О нѣкоторыхъ вновь открытыхъ лѣкарствахъ.—См. „Отчетъ за 1890", стр. 107. 12) *Памятная книжка* или собраніе различныхъ нравоучительныхъ правилъ, собственно себѣ для памяти при разныхъ случаяхъ, записанныхъ въ Кенигсбергѣ. 1761; 8° на 204 листахъ. Всѣхъ правилъ помѣщено 365. Книжка писана не рукою Болотова. (См. „Отчетъ за 1892 г.", стр. 127; ср. рукописи, принадлежащія Бурылину, № 1). 13) *Различныя нравоучительныя сочиненія*, переведенныя изъ разныхъ книгъ А. Б. 1763. Въ Кенигсбергѣ. 4°, 272 страницы. Всѣхъ статей 12: 1) О благополучіи человѣческомъ; 2) О познаніи Творца изъ видимаго свѣта; 3) О понятіи, которое намъ имѣть о Богѣ; 4) Краткое разсужденіе о видимой изъ всего премудрости Создателя въ порядкѣ зданія всего свѣта; 5) О верховнѣйшемъ или высочайшемъ благѣ человѣческомъ; 6) Краткое разсужденіе о неутомимомъ желаніи жизни въ созданіяхъ, яко доказательство о ихъ безсмертности; 7) О покойностяхъ въ жизни; 8) О счастливѣйшей для насъ неизвѣстности предбудущихъ вещей; 9) О счастіи; 10) О нетерпѣливости; 11) О препровожденіи времени и упражненіяхъ; 12) Размышленіе на погостѣ. (См. „Отчетъ за 1892 г.", стр. 127—128). 14) *Магазинъ достопамятныхъ и любопытныхъ бумагъ и пьесъ, носившихся въ народѣ.*—18 переплетенныхъ томиковъ, 8°, обнимающихъ періодъ времени съ 1789 г. по средину 1815 года. Недостаетъ нѣсколькихъ статей; есть части: I, II, IV—VII, XVII—XX, XXIII, XXVIII и XXX. Наи-

болѣе любопытны томики, относящіеся къ войнѣ съ французами: Болотовъ вносилъ какъ печатныя статьи, извѣстія, стихотворенія, появлявшіяся въ это время, такъ и рукописныя, циркулировавшія въ то время по рукамъ въ обществѣ. Не всѣ статьи писаны рукою самого А. Т. Болотова. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 119—127. Такой же характеръ носятъ разныя выписки, указанныя подъ №№ 20, 21, 22, по описанію Маслова; №№ 27—34, по описанію М. П. Болотова; №№ 1, 2, 4 и 5 рукописей П. С. Киселева; №№ 7, 8, 14 рукописей И. В. Помяловскаго). 15) *Собраніе мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ*. Андрея Болотова. — 11 переплетенныхъ томиковъ, 8°. Время ихъ написанія съ 1794 по 1824 г. включительно; въ 1-мъ томѣ встрѣчаются сочиненія, относящіяся къ 1764—1796 годамъ. Послѣдній томъ содержитъ черновую рукопись подъ заглавіемъ: „Концепты мелкихъ сочиненій 1824 года“. Сочиненія касаются предметовъ богословскихъ, нравственныхъ, общественныхъ, естествовѣдѣнія и пр. Стихотворенія носятъ духовный характеръ или вызваны содержаніемъ красотъ природы. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 118). (Сравн. рукописи, описанныя Масловымъ, № 19). 16) *Забавы живущаго въ деревнѣ* или собраніе разныхъ мелкихъ нравоучительныхъ, сатирическихъ, натурологическихъ и другихъ, отчасти важныхъ, отчасти забавныхъ сочиненій, писанныхъ въ праздные часы для пользы и удовольствія себѣ и другимъ людямъ однимъ россіяниномъ, сочинявшимъ нѣкогда „Дѣтскую Философію“ и разныя другія книги. 1798, 8°, 304 страницы. Въ началѣ краткое „Предувѣдомленіе“. Въ этой книгѣ помѣщены слѣдующія сочиненія Болотова: 1) Мысли о неохотѣ къ читанію книгъ, изображенныя въ письмѣ или паче въ заочномъ разговорѣ съ однимъ пріятелемъ въ 1765 г.; 2) О ложномъ мнѣніи, что разумъ нашъ довольно совершенъ; 3) О пользѣ, происходящей отъ чтенія книгъ (1767); 4) О незнаніи тѣхъ вещей, которыя бы человѣку познавать надлежало (1767); 5) О цѣли и порядкѣ всѣхъ познаній человѣческихъ (1767); 6) О удивительномъ нераченіи человѣковъ о познаніи Бога (1767); 7) О худыхъ слѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ недостаточнаго познанія Бога; 8) О самолюбіи, или о томъ, отчего всякій почитаетъ себя умнѣйшимъ (1768); 9) О важности искупленія (1765); 10) О хладнокровіи, съ какимъ иные читаютъ важныя матеріи (1765); 11) О модѣ и обожаніи оной (1765); 12) О зимнихъ красотахъ натуры (1779). Всѣ почти статьи представляютъ „мысли, сообщенныя въ письмѣ къ одному пріятелю“; только 12-я представляетъ описаніе, сообщенное въ письмѣ къ другому пріятелю въ февралѣ 1779 года. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 128—129). 17) *Стихотворенія натурологическія* или живописующія природу. Андрея Болотова. Въ Двoрениновѣ. 1798, 8°, 3 листа и 260 страницъ. Тутъ помѣщены 33 стихотворенія. 1) „Къ первымъ талямъ“; 33) „Къ зимнему прекрасному утру“. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 129—130). 18) *Чувствованія и вздохи покаянныя ко Творцу и Богу*. Сочинены въ разныя времена А. Б. Въ Двoрениновѣ, 8°, 108 страницъ. Помѣщено 386 „чувствованій и вздоховъ“, написанныхъ стихотворнымъ размѣромъ. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 130—131). (Ср. рукоп. Бурылина, № 34). 19) *Ни то, ни се*, или кое-что могущее служить въ пользу тому, кто имѣть ее похочетъ. 1820. Въ Двoрениновѣ. 8°, 382 страницы. Въ книгѣ 50 размышленій религіознаго содержанія (напр., о богомоліи, о несужденіи другимъ). Въ концѣ слѣдующая замѣтка: Сочиненія А. Б. въ концѣ 82 года его жизни. Окончено перепискою 18 августа 1820 года въ 29. 864 день его житія. (См. „Отчетъ за 1892 г.“, стр. 131; смотри рукописи Бурылина, № 22). 20) *О душахъ умершихъ людей*. Разговоры у старика со внукомъ. 1823. Въ Двoрениновѣ. 8°, 562 страницы. Сочиненіе состоитъ изъ девяти разговоровъ: 1) О безсмертіи душъ нашихъ; 2) О состояніи, въ какомъ выходятъ души изъ тѣлъ умирающихъ людей; 3) О состояніи душъ счастливѣйшихъ предъ прочими; 4) О перемѣнахъ, происходящихъ съ состояніемъ душъ умершихъ людей;

5) О послѣднихъ временахъ свѣта; 6) О кончинѣ міра и всеобщемъ воскресеніи всѣхъ мертвыхъ; 7) О участіи душъ умершихъ людей и Судѣ Страшномъ; 8) О новомъ мірѣ и о устроеніи онаго; 9) О участіи праведныхъ и блаженствѣ ихъ. Въ концѣ сочиненія Болотовымъ сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Сочинена и писана Андреемъ Болотовымъ въ 1823 году, въ мѣсяцахъ мартѣ и апрѣлѣ, на 85 году его жизни". (См. „Отчетъ за 1892 г.", стр. 131—132; срвн. № 25 рукописей Д. И. Бурылина). 21) *Замѣчанія о земледѣліи, хлѣбопашествѣ и разныхъ частяхъ промышленности и хозяйства по сѣверной части Тульской губерніи.* Рукопись, собственноручно писанная А. Т. Болотовымъ. Въ 4-ю д. л.; 83 страницы (Q. X. № 9). См. „Отчетъ за 1892 г.", стр. 283).

VII. Рукописи А. Т. Болотова, принадлежащія **проф. И. В. Помяловскому** (въ С.-Петербургѣ).

1) *Описаніе вторичной моей поѣздки въ Шадскую деревню* 1772 г., 8°, на 55 листахъ. Писано рукою Болотова. 2) *Честохвалъ,* комедія дѣтская въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена въ гор. Богородицкѣ 1779 г., 4°, на 109 стран. Переписана начисто рукою А. Т. Болотова. (Дѣйствующія лица: Благонравъ, Феона, Клеонъ, Оронтъ, Честохваловъ, Добродушинъ, Ванька, крестьянинъ). 3) *Несчастныя сироты*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. „Сочинена Андреемъ Болотовымъ въ 1780 г. въ Богородицкѣ и представлена въ первый разъ на Богородицкомъ театрѣ 23 августа, помянутаго года, благородными". 4°, писана рукою Болотова, со многими поправками. (Напеч. при жизни Болотова). 4) *Достопамятная жизнь графа Корфинса Ульфеля.* Переведена съ нѣмецкаго Андреемъ Болотовымъ. Въ Богородицкѣ. 1791. 8°, писана рукою Болотова на 246 стр. 5) *Описаніе жизни Андрея Болотова,* сочиненное самимъ имъ для его потомковъ. Продолженіе—1791 г. Черновая рукопись, 8°, писанная рукою Болотова, 2 небольшія тетрадки, 60 стр.; въ срединѣ недостаетъ нѣсколькихъ страницъ. 6) *Тоже*, небольшой отрывокъ, 8°, безъ начала и конца. 7) *Описаніе казни Людовика XVI,* переводъ Андрея Болотова. Автографъ. 8) *Выписки изъ журналовъ;* (№ 1). Публикованное отъ шведскаго двора извѣстіе отъ 29 іюня о дѣйствіяхъ шведскихъ съ 12 по 22 іюня, и друг. 8°, 60 страницъ. 9) *Письмо А. Болотова къ роднымъ изъ Москвы* 1799 г. 8 сентября, 4°, 4 страницы. Автографъ. 10) „*Батюшкины письма* 1800—1810". Большой томъ переписки А. Т. Болотова, 8°, до 400 страницъ. 11) „*Наша корреспонденція 1800*". Письма Павла Андреевича Болотова къ отцу, и обратныя. 8°. 12) „*Батюшкины письма. 1807 г.*". 8°. Письма къ сыну и другимъ родственникамъ. 13) *Письма, 1808* г. 8°. 14) *Планъ описанія Дворениновскаго сада*, называемаго Заовражной, и записки до сего сада относящіяся, основанныя съ апрѣля 1802 года. 8°, на 90 лл. (изъ нихъ половина не записана). Съ чертежами и рисунками. Писано рукою А. Т. Болотова. 15) *Его Императорскому Величеству докладъ* (1812 г.) и другія выписки о 1812 г., 4°, на 11 листахъ.

Кромѣ того, И. В. Помяловскому принадлежитъ 16) нѣсколько томиковъ писемъ Павла Андреевича Болотова къ отцу, представляющихъ несомнѣнный интересъ и для біографіи послѣдняго.

В. Статьи о Болотовѣ.

1) „Другъ Просвѣщенія" 1805, № 7 (м. Евгеній); 2) Словари Евгенія, Плюшара, Березина, Геннади, Брокгауза-Ефрона и др. 3) „Сынъ Отеч." 1839, т. VIII,

отд. IV, стр. 61—62. 4) *С. Масловъ* въ „Земледѣльческ. Журналѣ“ 1838, кн. V. 5) „Москвитянинъ“, 1843, № 5, стр. 245; 6) „Русскій Инвалидъ“ 1845, № 55. 7) „Журналъ садоводства“ 1861, № 10, стр. 207—213. 8) Воспоминанія о послѣднихъ годахъ жизни Б. Сообщ. *М. П. Болотовъ*, его внукъ. „Рус. Стар.“ 1873. т. VIII, стр. 738—753. 9) А. Т. Болотовъ. Біографическій очеркъ „Всеміpн. Иллюстрація“ 1870. № 104. 10) *Неустроевъ*. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изд. и сборникахъ. Спб. 1874. 11) Письма гр. Ѳ. В. Растопчина къ министру юстиціи объ А. Т. Болотовѣ. „Рус. Арх.“ 1875, т. II, стр. 489. 12) Письма изъ-за Дуная, 1829 г., А. П. Болотова (внука Андр. Т. Б—ва). „Древн. и Нов. Россія“ 1877, III, 78, 87. 13) Соч. Державина, 1-е академич. изданіе. Спб. 1883. т. IX, стр. 199 (письмо о Болотовѣ гр. Ѳ. Растопчина, 1803 г,). 14) *Н. В. Губерти*, А. Т. Болотовъ какъ критикъ и рецензентъ литературныхъ произведеній. — Библіографъ 1885. № 9, стр. 33—38; № 10, стр. 49—52; 1886, № 1, стр. 2—4, № 2, стр. 25—28. (Статья составлена на основаніи рукописи А. Т. Болотова: „Современникъ или записки для потомства. А. Б. 1795. ч. I (416 стр.), ч. II, (414 стр.), принадлежащій нынѣ Публ. Библ. 15) *Е. Ф. Шмурло*. Къ біографіи А. Т. Болотова. „Библіографъ“ 1889, стр. 21—22. 16) *В. С. Иконниковъ*. Опытъ исторіографіи. Спб. 1892, т. II, 1153. 17) *А. І. Лященко*. Статья въ „Русской Поэзіи“ С. А. Венгерова. Спб. Вып. 5. 1895. 18) Отчеты публичной биліотеки за 1885, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892. 19) Предисловія *М. И. Семевскаго* къ „Запискамъ“.

О „**Запискахъ**“ 1) *Иногородній подписчикъ (А. Дружининъ)* „Соврем.“ 1850, т. XXI, отд. VI, стр. 86; 2) *Онъ же*. Ibid т. XXIV, отд. VI, стр. 56; 3) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1860, № 91; 4) „Всемірная Иллюстрація“ 1870, № 104, 5) „Гражданинъ“ 1873. № 6, стр. 180—182; 6) „Русскій міръ“ 1872, № 198; 7) *К(ачановскій)*. Записки Болотова; ихъ языкъ. „Вѣстникъ славянства“, т. V. Казань. 1890, стр. 72—75; 8) *П. Пекарскій*. Русскіе мемуары XVIII в., ст. I. „Соврем.“ 1855, № 4; статья III, ib., № 8.

Со времени изданія „Записокъ“ редакціей „Русской Старины“ имя А. Т. Болотова и указанія на его автобіографію можно найти во множествѣ историческихъ трудовъ по исторіи XVIII в., начиная съ „Исторіи Россіи“ Соловьева. На основаніи ихъ составлена монографія Е. Щепкиной „Старинные помѣщики на службѣ и дома“. Спб. 1892. Особенно важнымъ матеріаломъ послужили „Записки“ для работъ: Д. Ѳ. Масловскаго „Русская армія въ семилѣтнюю войну“. Спб. (0000) и Н. Д. Чечулина „Русское провинціальное общество во 2-ую полов. XVIII в.“. Спб. 1890. (Изъ „Ж. М. Н. Пр.“).

О „**Памятникѣ протекшихъ временъ**“:

1) „Древн. и Нов. Россія“ 1875, № 4, стр. 399—404 (*Б. Гнв.*) 2) „Кіевскія Унив. Изв.“ 1875, № 3, стр. 3, рец. *В. С. Иконникова*. 3) Ibid. 1876, № 5, стр. 154—156. *Ею же*.

Полемика по поводу права на „Записки“: 1) *В. и М. Семевскіе*. Письмо въ редакцію. „Голосъ“ 1870, № 339; 2) Отвѣтъ на него *Н. Киселева*. Ibid, № 354; 3) Отвѣтъ на заявленіе г. Киселева *В. и М. Семевскихъ*. „Рус. Стар.“ 1871, № 1; 4) Заявленіе *Николая Киселева*. „Рус. Арх.“ 1870, № 12.

С. Венгеровъ.

Болотовъ, Василій Васильевичъ, богословъ [1]). Въ 1875 г. изъ тверской семинаріи поступилъ въ петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ

---

[1]) 1) *Чистовичъ*, Петерб. дух. академія за 1858—88 г. стр. 149 и въ прил. 83; 2) Списокъ ректорамъ, инспекторамъ и преподавателямъ духов. акад. и т. д. на 1895 г. Отзывъ объ „Ученіи Оригена“: *К. К.* (Арсеньевъ) въ „Вѣст. Евр.“ 1879 г. № 3.

магистрантомъ въ 1879. Въ томъ же году защитилъ магистерскую диссертацію «*Ученіе Оригена о Святой Троицѣ*» (Спб. 1879. 8°. Стр. 451) и назначенъ доцентомъ академіи. Съ 1885 г. экстраординарный профессоръ. Въ 1893 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Кромѣ диссертаціи, напеч. въ «Христіан. Чтеніи»: 1) *Нѣмецкая богословская литература* (1881); 2) *Къ исторіи внѣшняго состоянія Константинопольской церкви подъ игомъ Турецкимъ* (1882); 3) *Иностранная богословская литература* (1882); 4) *Изъ церковной исторіи Египта* (1884—86); 5) *Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Эѳіопіи: I. Къ вопросу о соединеніи Абиссинъ съ православною церковью* и II. *Богословскіе споры въ эѳіопской церкви* (1888); 6) *Описаніе двухъ эѳіопскихъ рукописей*, пожертвованныхъ въ библ. Спб. духовн. акад. (1887).

Главное сочиненіе г. Василія Болотова «Ученіе Оригена о Святой Троицѣ» было бы замѣтнымъ явленіемъ и въ болѣе богатой богословской литературѣ, нежели наша. Хотя объ Оригенѣ вообще и о нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ его доктрины написано очень много и въ Германіи, и во Франціи и въ Англіи, и ученіе его о Троицѣ обсуждалось многократно въ общихъ сочиненіяхъ, но спеціально этому предмету посвящена, насколько мнѣ извѣстно, только одна небольшая монографія (Harrer, Die Trinitätslehre des Origenes, Rgsbg. 1858), по объему и обстоятельности изслѣдованія безъ сравненія уступающая труду г. Болотова.

Въ задачу нашего автора не входило обогащать изученіе Оригена новыми источниками—открытіемъ чего нибудь изъ потерянныхъ, или уничтожавшихся сочиненій великаго писателя. Впрочемъ открыть здѣсь что нибудь значительное возможно было бы только при особенно счастливой случайности. Кое-что изъ Оригена, впервые изданное послѣ появленія диссертаціи г. Болотова (именно кардиналомъ Питра въ его Analecta sacra, tt. II, III, IV) прямого отношенія къ ученію о Троицѣ не имѣетъ. Что касается до литературы предмета, то г. Болотову пришлось бы, конечно, считаться съ такими замѣчательными сочиненіями, вышедшими за послѣднее 15-лѣтіе, какъ *Denis*, De la philosophie d'Origène, P. 1884, *Bigg*, The christian Platonists of Alexandria, 1886, а также съ превосходною главою объ Оригенѣ у Гарнака, Dogmengeschichte I, 1888. Тѣмъ не менѣе ученіе Оригена о Троицѣ не есть предметъ такого рода, чтобы хорошая книга о немъ могла устарѣть въ 15 лѣтъ.

Въ краткомъ введеніи г. Болотовъ объясняетъ, что преобладающее значеніе для его предмета имѣетъ точка зрѣнія догматическая. «Ученіе Оригена о Троицѣ имѣетъ традиціонную славу спорнаго вопроса, и эта слава составляетъ его спеціальную характеристику. Но всѣ эти споры велись на догматической почвѣ» (стр. 1). Это безъ сомнѣнія справедливо. Но то, что авторъ говоритъ о точкѣ зрѣнія исторической, вызываетъ недоумѣніе. Онъ утверждаетъ, что по данному вопросу «вести изслѣдованіе въ историческомъ интересѣ весьма трудно,

если не совсѣмъ невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ самыхъ важныхъ задачъ, которую можетъ ставить въ отношеніи къ данному вопросу историческая точка зрѣнія, будетъ состоять въ томъ, чтобы понять ученіе Оригена о св. Троицѣ, какъ *результатъ прошедшаго, или тѣхъ вліяній* [1]), среди которыхъ развивался этотъ христіанскій мыслитель. Но для удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи необходимо точное представленіе о суммѣ этихъ вліяній, между тѣмъ какъ мы не можемъ питать увѣренности не только въ томъ, что всѣ они могутъ быть изучены съ достаточною точностью, но даже и въ томъ, что можно составить вѣрное представленіе объ ихъ количествѣ. Точныхъ историческихъ указаній на тѣ источники, *изъ которыхъ Оригенъ могъ заимствовать* [2]) тѣ или другія воззрѣнія, такъ не много, что невозможно создать изъ этихъ данныхъ твердой почвы для изслѣдованій» (стр. 2). Общія вліянія, подъ которыми сложилось ученіе Оригена о Троицѣ, хорошо извѣстны, предполагать же заранѣе какія нибудь особенные источники, изъ которыхъ онъ *заимствовалъ* тѣ или другія существенныя частности своего воззрѣнія, нѣтъ достаточнаго основанія. Несомнѣнно, что въ александрійскую эпоху какъ языческіе, такъ и христіанскіе писатели очень много списывали у своихъ предшественниковъ, но на этотъ общій фактъ нельзя ссылаться, когда дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ самостоятельныхъ и богато одаренныхъ умовъ во всей церковной литературѣ. Подъ какими бы вліяніями ни слагались его мысли, во всякомъ случаѣ онѣ не были только результатомъ этихъ вліяній. Если мы въ правѣ ставить вопросъ о заимствованіяхъ относительно Оригена, то мы должны ставить тотъ же вопросъ и относительно его предполагаемыхъ источниковъ и такъ далѣе ad infinitum. Другая, по мнѣнію нашего автора, а на самомъ дѣлѣ единственная въ настоящемъ случаѣ, историческая задача состоитъ въ томъ, чтобы объяснить общее отношеніе Оригенова ученія къ прошедшему, опредѣлить значеніе и мѣсто Оригена въ ряду тѣхъ представителей богословской мысли, которые уясняли ученіе о Троицѣ. Эту задачу г. Болотовъ основательно вводитъ въ свое изслѣдованіе и разрѣшаетъ ее съ успѣхомъ.

Вся книга раздѣляется на три отдѣла. Первый представляетъ очеркъ состоянія ученія о св. Троицѣ до времени Оригена въ связи съ философскимъ ученіемъ объ отношеніи перваго и второго начала. Второй отдѣлъ имѣетъ своимъ содержаніемъ самое ученіе Оригена о св. Троицѣ. Въ третьемъ отдѣлѣ излагается судьба этого ученія въ церковной исторіи и сужденія о немъ древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ.

Изученіе Оригена осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что главное его сочиненіе «о началахъ» (περὶ ἀρχῶν, de principiis) дошло до насъ не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ Руфина, достовѣрность котораго уже вскорѣ

---

[1]) Курсивъ мой. *В. С.*

[2]) Курсивъ мой. *В. С.*

по его появленіи была основательно заподозрѣна. Измѣненія, которымъ Руфинъ намѣренно подвергалъ слова и мысли Оригена касались главнымъ образомъ его ученія о Троицѣ. Дѣло въ томъ, что промежутокъ времени (болѣе столѣтія), отдѣляющій Оригена отъ его переводчика, имѣлъ рѣшающее значеніе именно для церковнаго ученія о Троицѣ: Оригенъ писалъ до Аріанства и до Никейскаго символа, а Руфинъ переводилъ его по завершеніи споровъ, вызванныхъ аріанскими и полуаріанскими взглядами. Выраженія и соображенія которыя могли представляться совершенно невинными при догматѣ еще неопредѣлившемся, становились прямо еретическими послѣ того какъ выяснилась ихъ логическая связь съ антихристіанскими идеями, и вмѣстѣ съ тѣмъ православному вѣроученію было дано болѣе точное и полное опредѣленіе. Такихъ мыслей у Оригена было не мало, но съ другой стороны его авторитетъ въ эпоху Руфина былъ еще такъ высокъ и его писанія имѣли еще такъ много почитателей между православными (и даже такими свѣтилами православія, какъ напр. св. Іоаннъ Златоустъ), что переводчикъ могъ искренно считать добрымъ дѣломъ очистить твореніе великаго учителя отъ всякаго «пятна ереси», исключая или измѣняя въ своемъ переводѣ всѣ тѣ мѣста, которыя были или казались несогласными съ никейскимъ вѣроопредѣленіемъ. Уличенный въ подлогахъ блаж. Іеронимомъ, Руфинъ, не отрицая своихъ отступленій отъ греческаго текста, имѣлъ малодушіе оправдываться тѣмъ, что будто бы книги Оригена были уже испорчены еретиками, и что онъ только возстановлялъ истинный смыслъ подлинника. Это заявленіе Руфина поддерживается и нѣкоторыми позднѣйшими учеными (Гюэ, Маранъ, Кэвъ), желающими во что бы то ни стало сохранить для православія такого великаго человѣка какъ Оригенъ; но большинство высказывается за Іеронима. Обстоятельный разборъ аргументовъ за и противъ приводитъ и нашего автора къ тому заключенію, что порча Оригеновыхъ сочиненій еретиками ни чѣмъ не доказана и сама по себѣ мало вѣроятна, тогда какъ весьма существенныя измѣненія, внесенныя Руфиномъ были совершенно произвольны и оправдывались только его намѣреніемъ привести мнѣнія александрійскаго учителя въ полное согласіе съ никейскою формулою. Такимъ образомъ, сочиненіемъ «о началахъ» можно пользоваться какъ источникомъ лишь съ большими ограниченіями и провѣряя его другими сочиненіями, подлинность которыхъ несомнѣнна. Такихъ до насъ дошло не много сравнительно съ огромнымъ количествомъ всего написаннаго «адамантовымъ» александрійцемъ; тѣмъ не менѣе и то, что есть, достаточно, чтобы представить въ ясномъ и цѣльномъ видѣ его ученіе о св. Троицѣ.

Хотя въ своемъ первомъ отдѣлѣ нашъ авторъ говоритъ, между прочимъ, о философскихъ воззрѣніяхъ (Филона и Плотина), но при изложеніи и оцѣнкѣ Оригенова ученія онъ стоитъ почти исключительно на собственно-богословской точкѣ зрѣнія. Формально онъ въ этомъ, конечно, правъ, такъ какъ его сочиненіе было диссертаціей на ученую богословскую степень въ духовной академіи. Но по существу дѣла о такомъ ограниченіи слѣдуетъ пожалѣть: во-первыхъ, потому, что

самъ Оригенъ былъ нераздѣльно и богословъ, и философъ, а во-вторыхъ, потому, что относительно ученія о Троицѣ философскій интересъ, правильно понимаемый, находится въ совершенномъ согласіи съ религіознымъ.

Философская мысль языческаго міра уже возвысилась надъ хаотическимъ многобожіемъ, когда среди этого міра явилась христіанская проповѣдь единаго Бога. Но единство можетъ пониматься различно: или какъ мертвенная пустота, все въ себѣ поглощающая, или какъ живая полнота бытія, все въ себѣ содержащая. Единство Божіе очевидно не можетъ быть пустымъ безразличіемъ, это есть единство живое, содержательное или внутренне различенное. Троица есть опредѣленіе божественной жизни. Въ извѣстномъ смыслѣ Троичность находится во всякой жизни. Во всякомъ дѣйствительно живомъ существѣ необходимо различается: 1) то, чтѣ живетъ, субъектъ жизни или душа; 2) то, посредствомъ чего жизнь проявляется, ея форма, или организація и 3) самое осуществленіе жизни въ совокупности ея процессовъ и функцій. У существа конечнаго эти три стороны или вида жизни не равны между собою, не покрываютъ другъ друга, такъ какъ связь между ними только отчасти внутренняя, частію же опредѣляется извнѣ. Такъ, хотя несомнѣнно, что начало жизни или души въ зародышѣ создаетъ себѣ соотвѣтственную организацію, но не изъ себя, а изъ внѣшняго матеріала, и точно также хотя та же душа дѣйствуетъ въ органическихъ функціяхъ и процессахъ, но не постоянно и не всецѣло, а лишь поскольку эти процессы обусловлены помимо души еще внѣшними воздѣйствіями, а также состояніемъ органовъ. Здѣсь такимъ образомъ можно сказать, что живая душа больше, чѣмъ ея жизненная организація, а жизненная организація есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ жизненные процессы въ ихъ дѣйствительности. Понятно, что такое отношеніе немыслимо въ примѣненіи къ жизни божественной. Такъ какъ здѣсь не можетъ быть никакихъ внѣшнихъ, привходящихъ условій и воздѣйствій, то предметная дѣйствительность Божества есть прямое и всецѣлое порожденіе самого первоначальнаго существа (изъ него самого), и изъ него же внутренно исходитъ самый процессъ божественной жизни, или вѣчно-осуществляемое единство абсолютнаго первоначала съ порождаемою имъ абсолютною дѣйствительностью. Такъ какъ въ божественномъ существѣ не можетъ быть ничего препятствующаго его самооткровенію, то это самооткровеніе есть полное или всецѣлое, т.-е. три необходимые его термина совершенно самостоятельны или имѣютъ жизнь въ себѣ— это три совершенныя ипостаси или лица; но такъ какъ эта жизнь, будучи полною въ каждомъ, есть одна и та же во всѣхъ, такъ какъ они обладаютъ ею совмѣстно и нераздѣльно, ибо въ божественномъ существѣ не можетъ быть ничего такого, чтѣ бы могло ихъ разъединять, то это существо не теряетъ своего первоначальнаго единства, а напротивъ, показываетъ его безусловную силу въ неразрывномъ соединеніи трехъ равныхъ и самостоятельныхъ носителей абсолютной жизни; такъ какъ наконецъ и въ божествѣ предметная дѣйствительность жизни и ея внутренній процессъ логически обусловлены абсолютною мощью бытія, то въ этомъ

смыслѣ вторая и третья ипостась предполагаютъ первую и зависятъ отъ нея;— то божество, или та божественная сущность, которая всецѣло принадлежитъ второй и третьей ипостаси въ силу ихъ отношенія къ первой, этой первой принадлежитъ безотносительно, и слѣдовательно она первѣе двухъ другихъ, такъ что сохраняется не только единство существа, но и единство начала въ божественной Троицѣ, и устраняется всякая тѣнь многобожія.

Высшій интересъ умозрительной философіи требуетъ, чтобы абсолютное существо могло быть предметомъ разумнаго мышленія само по себѣ, независимо отъ его отношенія къ бытію конечному. Этимъ, во-первыхъ, предполагается въ абсолютномъ нѣкоторое опредѣленное внутреннее различеніе, безъ котораго вобще нельзя въ немъ ничего мыслить; а во-вторыхъ этимъ требуется, чтобы различаемые моменты или опредѣленія абсолютнаго существа сами полагались, какъ абсолютныя безъ всякаго смѣшенія съ категоріями ограниченнаго бытія. При несоблюденіи этого второго условія хотя и можно мыслить о божествѣ, но это будетъ мышленіе недостойное своего предмета или неистинное. Этому двойному требованію: 1) чтобы въ абсолютномъ нѣчто мыслилось и 2) чтобы это мыслимое было истинно, т.-е. соотвѣтствовало предмету, вполнѣ удовлетворяетъ указанное опредѣленіе абсолютнаго какъ тріединаго, ибо здѣсь опредѣленно различаемые термины внутренней божественной жизни берутся абсолютно, съ рѣшительнымъ устраненіемъ такихъ неадэкватныхъ мыслей какъ смѣшеніе, сліяніе, а съ другой стороны—неравенство, подчиненіе, раздѣленіе и т. п.

Того же въ сущности требуетъ и религіозный интересъ христіанства. Какъ религія, христіанство держится сознаніемъ вѣрующаго о его соединеніи съ небеснымъ Отцемъ черезъ Іисуса Христа въ Духѣ Святомъ. Это соединеніе для того, чтобы удовлетворять религіозную потребность вообще, должно быть *дѣйствительнымъ*, а чтобы удовлетворять ее въ наивысшей степени должно быть *совершеннымъ*. Но 1) дѣйствительное *соединеніе* съ божествомъ въ отличіе отъ поглощенія или уничтоженія предполагаетъ въ самомъ божествѣ живое единство пребывающихъ (ипостасныхъ) различій, такъ какъ еслибы божество было только бездною абсолютнаго безразличія, то и соединеніе съ нимъ человѣка было бы мыслимо лишь какъ поглощеніе или исчезновеніе его въ этой бездиѣ; 2) для совершенства же соединенія требуется, чтобы соединяющія ипостаси были въ полномъ смыслѣ божественны или чтобы каждая изъ нихъ всецѣло обладала божествомъ, какъ единосущная, нераздѣльная и равная съ другими; ибо если я соединенъ съ Отцемъ черезъ Христа въ Духѣ Св., а эти ипостаси не суть (вмѣстѣ съ Отцомъ) единый и совершенный Богъ, то какимъ образомъ мое соединеніе съ божествомъ (религія) можетъ быть совершеннымъ?

Такимъ образомъ религіозный и умозрительный интересы христіанскаго ученія сходятся въ требованіи, чтобы опредѣленіе божественной жизни одинаково не допускало какъ сліянія или поглощенія ипостасей въ единствѣ существа, такъ и раздѣленія ихъ на отдѣльныя, неравныя между собою существа.

Это требованіе и было выражено въ совершенно общей, но точной формулѣ никейскаго догмата, которая по праву можетъ служить мѣриломъ при оцѣнкѣ всякаго взгляда на Божество и божественную жизнь.

Съ этой точки зрѣнія (которую нашъ авторъ беретъ лишь въ ея богословскомъ значеніи) ученіе Оригена о Троицѣ сравнительно съ взглядами предшествовавшихъ ему церковныхъ писателей представляетъ и важные успѣхи христіанской мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительную остановку ея на такихъ воззрѣніяхъ, которыя не соотвѣтствуютъ истинной сущности христіанства.

Положительныя заслуги Оригена относительно ученія о Троицѣ могутъ быть сведены главнымъ образомъ къ тремъ пунктамъ: 1) Для обозначенія дѣйствительнаго внутренняго различенія въ Божествѣ Оригенъ, первый изъ христіанскихъ учителей, писавшихъ по гречески, ввелъ какъ постоянный терминъ слово ὑπόστασις, которое и было затѣмъ окончательно принято въ догматикѣ восточной церкви; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Оригенъ въ этомъ случаѣ лишь примѣнилъ къ христіанскому догмату терминъ, употреблявшійся Плотиномъ въ его метафизическомъ ученіи объ основныхъ началахъ бытія, которыя онъ обозначалъ какъ три начальныя ѵпостаси—τρεῖς ἀρχικαὶ ὑποστάσεις—хотя разумѣется между лицами христіанской Троицы и плотиновскими метафизическими ѵпостасями [сверхсущее Благо (или Единое), Умъ и міровая Душа] была только болѣе или менѣе близкая аналогія или соотвѣтствіе, а никакъ не тождество. 2) Второю главною заслугою Оригена можно считать то, что изъ понятія о троичномъ отношеніи въ Божествѣ онъ удалилъ всѣ пространственно-матерьяльныя опредѣленія, позволявшія сближать рожденіе Сына и исхожденіе Духа Св. съ языческими представленіями объ эманаціяхъ божественнаго свѣта. 3) Третья и самая важная заслуга Оригена, за которую особенно цѣнили его Св. Аѳанасій и другіе столпы никейскаго догмата, состоитъ въ томъ, что онъ рѣшительно возвысилъ понятіе божественнаго самооткровенія въ Св. Троицѣ надъ категоріей времени и утвердилъ безусловную совѣчность Сына и Духа съ Отцемъ.

Но на этомъ вѣрномъ пути Оригенъ не дошелъ до конца, то есть до идеи единосущія и полнаго равенства по существу и достоинству между божественными ѵпостасями. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ субординаціонизмъ у Оригена даже рѣзче выраженъ, чѣмъ у болѣе раннихъ церковныхъ писателей. Признавая божество Сына, Оригенъ утверждалъ, что это божество, какъ полученное отъ Отца, есть собственно лишь участіе въ Божествѣ, такъ что Сынъ не есть ὁ θεός, а только θεός (безъ члена), какъ и другія существа называются богами и сынами Божіими, причемъ «отъ вѣка рожденный» есть первый между этими «богами по причастію», хотя и неизмѣримо высшій, чѣмъ всѣ прочіе. Сынъ благъ лишь по участію въ благости Отца, и его вѣдѣніе не совпадаетъ съ всевѣдѣніемъ Нерожденнаго. Характерно также въ связи съ этимъ, хотя и можетъ быть истолковано въ православномъ смыслѣ, извѣстное утвержденіе Оригена, что область Отца заключаетъ въ себѣ все существующее, тогда какъ

собственная область Сына ограничивается лишь разумными существами, а собственная область Духа Св.—лишь святыми. Наконецъ Оригенъ не побоялся вывести изъ этихъ идей ихъ крайнее слѣдствіе, противное не только богословскому интересу, но и непосредственному религіозному чувству, а именно, онъ училъ, что Христосъ есть только посредникъ, а не предметъ истиннаго богопочитанія, и что къ Его собственному Лицу не должно обращаться съ молитвой.

Г. Болотовъ превосходно объясняетъ и справедливо оцѣниваетъ съ богословской точки зрѣнія отличительныя особенности Оригеновскаго субординаціонизма. Къ этой оцѣнкѣ можно только прибавить, что и въ философскомъ отношеніи этотъ субординаціонизмъ такъ же несостоятеленъ, какъ и въ чисто богословскомъ. Разъ допущена идея внутренней жизни Божества, или Его *вѣчнаго* самооткровенія, нельзя найти никакихъ логическихъ основаній, допускающихъ сюда какія нибудь внѣшнія ограниченія, или мѣшающихъ этому самооткровенію быть полнымъ или всецѣлымъ. Если же божественныя ѵпостаси всецѣло обладаютъ абсолютною сущностью, то неравенство между ними могло бы зависѣть только отъ временной послѣдовательности въ самомъ ихъ возникновеніи, но такъ какъ Оригенъ безусловно исключилъ изъ внутренней божественной сферы всякія временныя опредѣленія, то значитъ никакой *реальной* преемственности въ сообщеніи бытія, а слѣдовательно и никакого дѣйствительнаго подчиненія или неравенства здѣсь быть не можетъ, а остается только логическое или мыслимое первенство начала производящаго и непроизводимаго. *Это* первенство самоочевидно, совершенно согласно съ православнымъ ученіемъ и никогда никѣмъ не отрицалось.

Для своего спеціальнаго и труднаго предмета книга г. Болотова написана достаточно живымъ и яснымъ языкомъ, не свободнымъ однако отъ варваризмовъ. Такъ мы читаемъ о памятникахъ, *авторизованныхъ* (7 и др.) церковью, о *градальныхъ* (64 и др.) различіяхъ. Приведя изъ Ипполита слова папы Каллиста, нашъ авторъ замѣчаетъ: «можетъ быть въ этой фразѣ есть уже элементъ, *въ уніональныхъ* видахъ заимствованный у Савеллія»..... (124) Можетъ быть въ этой фразѣ г. Болотова есть уже уніональный элементъ по отношенію къ чужому языку, также какъ и въ слѣдующихъ его словахъ «опредѣленіе Бога какъ начало *постулируетъ къ безусловной простотѣ* существа Его» (192). На одной и той же страницѣ г. Болотовъ пишетъ и *субординаціонистическій* и *субординатическій* (358),—но и одного такого прилагательнаго было бы за глаза довольно. Я готовъ примириться съ *эманатическимъ* (211 и др.) смысломъ и съ *привносными* (10) элементами, но вотъ выраженіе, которое мнѣ кажется неумѣстнымъ въ богословскомъ разсужденіи: «понятіе о Богѣ, какъ Сущемъ, *имѣетъ своимъ двойникомъ* опредѣленіе Его уже съ нравственной стороны» (199). Неудачна и такая фраза: «*генерація* богослововъ, смѣнившая дѣятелей никейской эпохи, самою исторіей поставлена была *на высшемъ фазисѣ* развитія догматики, чѣмъ тотъ, котораго Оригенъ былъ бле-

стящимъ представителемъ» (421). Во-первыхъ по-русски говорится не *генерацiя*, а *поколѣнiе*, а во-вторыхъ *фазисъ*, хотя бы и высшiй, не есть такой предметъ, *на* который можно кого нибудь поставить.

Кое-какiя погрѣшности противъ чистоты языка не умаляютъ, конечно, значенiя книги, которая во всякомъ случаѣ есть одно изъ очень рѣдкихъ у насъ богословскихъ сочиненiй, стоящихъ на высотѣ европейской науки.

Еще болѣе рѣдкое преимущество должно быть признано за статьями г. Болотова по догматикѣ и церковной исторiи Эѳiопiи или Абиссинiи. Настоящихъ ученыхъ эѳiоповѣдовъ очень немного и въ Европѣ, а у насъ изъ живущихъ богослововъ г. Болотовъ, кажется, единственный, занимающiйся этимъ предметомъ съ достаточною компетентностью. Въ виду толковъ о православiи Абиссинъ, особенно важно соединенiе въ одномъ лицѣ качествъ превосходнаго богослова и знакомства по источникамъ съ абиссинскою церковною литературой. Заключенiе г. Болотова по этому предмету выражается въ слѣдующемъ вопросѣ: «Знаютъ ли въ Абиссинiи, что мы, русскiе, не монофизиты? Въ этой странѣ возможны вѣдь очень оригинальные выводы per antithesin: не франки, не инглизы, всегда воюютъ съ турками—стало быть они такiе же, какъ и мы, православные — въ эѳiопскомъ смыслѣ этого слова».

Владимiръ Соловьевъ.

Болотовъ, Павелъ Андреевичъ, сынъ А. Т. Б. О немъ см. выше, стр. 111, 121 (№ 16 рук. Помяловскаго).

Болтина. В. А. См. въ настоящемъ же томѣ, передъ «Матерiалами».

Болтина, Евдокiя Ѳедоровна [1]), дочь князя Ѳедора Ивановича Голицына (1700—1769) отъ 2-го его брака съ Анной Петровной Измайловой (1712—1749). Родилась 4-го августа 1734 года, въ 1775 вышла замужъ за бригадира Александра Ивановича Болтина. Перевела прозою съ французскаго драму Томсона «Сократъ» въ 3-ю д. (Спб. 1774, безъ имени переводчицы).

Болтинъ, Дмитрiй Сергѣевичъ [2]). Перевелъ:

1) *Первобытный мореплаватель.* Поэма въ 2-хъ пѣсняхъ, Геснера. Съ нѣм. 1874. 8°. 2) *Исповѣданiе Ж. Ж. Руссо, уроженца и гражданина Женевскаго.* 2 ч. М. 1797. „Сей переводъ“ замѣчаетъ Сопиковъ, составляетъ не болѣе 4-й части фран. подлинника. 3) *Размышленiя госпожи Жанлисъ* съ фран. *Д. Б. 1808. 12°.* Онъ помѣстилъ въ „Другѣ Просвѣщенiя“ 1805 г., 4) *„Затмѣнiе луны“.*

Болтинъ, Иванъ Никитичъ [3]), замѣчательнѣйшiй изъ русскихъ изслѣдователей, занимавшихся въ XVIII вѣкѣ отечественной исторiей, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, представители котораго не разъ занимали не первостепенныя,

[1]) 1) *Backmeister,* Russische Bibliothek. (III, 346), 2) *Геннади,* Словарь, 3) *Голицынъ,* Словарь писательницъ, 4) *Его-же,* родъ Голицыныхъ, 5) *Кн. П. Долгоруковъ,* Родословная книга, I, стр. 292.

[2]) *Геннади,* Спис. рус. анон. кн. стр. 36. 2) *Его-же,* Словарь.

[3]) Библiографическiя данныя о немъ см. въ концѣ статьи.

но почетныя мѣста въ военной и гражданской службѣ московскаго государства. Отецъ его, Никита Борисовичъ (1672 — 1738), дослужился до стольничества, а по новой табели о рангахъ числился капитаномъ и служилъ комиссаромъ въ кригсъ-комиссаріатѣ—интендантствѣ Петровскаго времени. Мать Болтина, Дарья Алексѣевна, рожденная Чемоданова, была за Никитой Борисовичемъ во второмъ бракѣ, а послѣ смерти его еще разъ вышла замужъ за маіора, потомъ за надворнаго совѣтника И. Е. Кроткаго, большого кутилу, который заставлялъ и пасынка принимать участіе въ кутежахъ и распѣвать съ дворней разгульныя пѣсни во время его пирушекъ.

Иванъ Никитичъ родился 1 января 1735 года [1]). Ребенку было всего три года, когда умеръ его отецъ, и 8 — 10 лѣтъ, когда мать вышла замужъ за вотчима (1735 — 1745). Вдова была повидимому не изъ практичныхъ, судя по тому, что только послѣ новаго замужества она собралась укрѣпить за собой законную часть имѣнія второго мужа и справить остальное за сыномъ. На долю послѣдняго пришлось довольно солидное состояніе въ 900 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта «пожиточность» вмѣстѣ съ родовитостью давала Болтину и возможность и право отбывать обязательную для дворянъ военную службу въ лучшей части русскаго войска, въ петербургской гвардіи. Мы не имѣемъ свѣдѣній, являлся ли малолѣтній Болтинъ на первые два смотра, узаконенные манифестомъ 1736 года, — въ 7 и 12 лѣтъ, и держалъ ли онъ установленный для второго смотра экзаменъ грамотности (чтенія и письма). На третій смотръ, по закону, онъ явился уже въ Петербургъ, тотчасъ по достиженіи установленнаго срока, 16-ти лѣтъ, и согласно тому же манифесту 1736 года представилъ заявленіе, что «до сего времени находился въ домѣ своемъ и своимъ коштомъ обучался ариѳметикѣ и по-французски». Дальнѣйшей отсрочкой до 20-ти лѣтъ— для обученія географіи, фортификаціи и исторіи—Болтинъ не воспользовался и тогда же (1751 г.), согласно своему прошенію, опредѣленъ былъ «на собственномъ своемъ содержаніи» рейторомъ (рядовымъ) лейбъ-гвардіи коннаго полка, учрежденнаго при Аннѣ и составлявшагося преимущественно изъ дворянства. Служба въ этомъ полку, требовавшая большихъ расходовъ и не разъ вводившая Болтина въ долги, доставляла за то близость ко двору и хорошія связи: здѣсь Болтинъ сблизился съ Потемкинымъ, постоянно покровительствовавшемъ впослѣдствіи и ему и его роднымъ.

Въ военной службѣ Б. оставался 18 лѣтъ — до 1768 года, постепенно проходя всѣ чины отъ рейтора до премьеръ-маіора. Въ этотъ же промежутокъ времени (не позже 1757 г.) онъ женился. Въ сентябрѣ 1768 г. Б. подалъ прошеніе объ отставкѣ, мотивируя его «частыми болѣзненными припадками, коими

---

[1]) Показаніе митр. Евгенія, подтверждаемое съ точностью двухъ недѣль свидѣтельствомъ самого Болтина, считавшаго себѣ 15 января 1751 г. отъ роду 16 лѣтъ. См. біографію Болтина въ Исторіи рос. академіи Сухомлинова, т. V, 66 и 362 стр.

я одержимъ бываю» и которые «дѣлаютъ меня ко оной (службѣ) неспособнымъ». Болѣзненность Болтина—фактъ несомнѣнный; но необходимо, помимо этой причины отставки, привести прошеніе Болтина въ связь съ окончательнымъ разъясненіемъ сената въ мартѣ того же 1768 года по поводу подобныхъ дворянскихъ просьбъ—объ отставкѣ по болѣзни (П. С. З. № 13,087), что манифестъ Петра III 1762 года о вольности дворянства сохраняетъ свою силу и военная служба, слѣдовательно, необязательна. Итакъ, Болтинъ оставилъ военную службу при первой возможности; любопытно отмѣтить, что и во время этой службы онъ не столько посвящалъ время строевой службѣ, сколько исполнялъ разныя хозяйственныя должности при полкѣ: завѣдывалъ складами строительныхъ матеріаловъ и временно находился при конскихъ заводахъ конной гвардіи, содержавшихся на богатые доходы съ недвижимыхъ имуществъ этого полка. Едва выйдя изъ военной службы, онъ просилъ объ опредѣленіи его къ таможеннымъ дѣламъ и 27 іюля 1769 года былъ опредѣленъ на освободившуюся вакансію директора пограничной таможни въ Васильковѣ. Черезъ десять лѣтъ, по просьбѣ Потемкина, онъ получилъ повышеніе, именно 27 мая 1779 года былъ назначенъ въ главную таможенную канцелярію. Конечно, благодаря тому же вліянію, онъ сохранилъ свое жалованье и послѣ закрытія этой канцеляріи, съ 24 октября 1780 года «впредь до помѣщенія къ дѣламъ». Это «помѣщеніе» состоялось уже черезъ 5 мѣсяцевъ: 15 марта 1781 года. Болтинъ былъ опредѣленъ въ прокуроры военной коллегіи, гдѣ и оставался, сперва въ званіи прокурора, а потомъ (съ 1788 г.) въ званіи члена коллегіи до самой своей смерти 6 октября 1792 года. И здѣсь также онъ исполнялъ привычныя для него должности по хозяйству: завѣдывалъ нѣкоторое время дѣлами главной провіантской канцеляріи, въ должности члена завѣдывалъ денежной казною. Въ 1783 году, по присоединеніи Крыма, Болтинъ въ теченіе полугода исполнялъ обязанности секретаря Потемкина, «находясь во все сіе время при немъ, и исправляя по приказанію его разныя порученности». Въ Крыму, впрочемъ, самъ Потемкинъ пробылъ за все это время только нѣсколько недѣль. Очевидно, въ это же время и при посредствѣ того же Потемкина Болтинъ получилъ въ арендное содержаніе кинбурнскія соленыя озера. Вотъ все, или почти все, что мы знаемъ о біографіи Болтина,—даже послѣ прекрасной работы Сухомлинова. Надо признаться, что всѣ эти данныя нисколько не разъясняютъ вопроса, какъ и когда Болтинъ научился исторіи. Рукописная біографія Казадаева (у Сухомлинова, стр. 325 — 379) пытается пополнить этотъ пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, но сообщаетъ только сомнительныя или прямо невѣрныя данныя (къ первымъ относятся извѣстія о сношеніяхъ съ Миллеромъ, Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ; ко вторымъ — ученье въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ; какъ видно изъ собственнаго заявленія Болтина, онъ учился дома). Остается собственное свидѣтельство Болтина — о привычкѣ съ юности читать книги и дѣлать изъ нихъ выписки. Первая печатная

работа Болтина—1) «*Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ*, съ приложеніемъ нужныхъ свѣдѣній и совѣтовъ для имѣющихъ намѣреніе къ тѣмъ водамъ ѣхать для своего пользованія». (Спб. 1782)—стоитъ въ связи съ его болѣзнью, свидѣтельствуетъ о его практичности, наблюдательности и дѣловитости, но не имѣетъ почти никакого отношенія къ главному предмету его занятій. Ближе къ этимъ занятіямъ стояла дѣятельность Болтина въ россійской академіи, членомъ которой онъ былъ сдѣланъ съ самаго открытія ея (21 октября 1783 г.), вмѣстѣ съ Потемкинымъ и, навѣрное, не безъ вліянія послѣдняго. Съ начала 1784 г. Болтинъ принималъ 2) живое *участіе въ составленіи академическаго словаря;* по свидѣтельству Лепехина (1786) онъ даже «сообщилъ академіи выписанныя слова изъ многихъ книгъ церковныхъ, яко плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ». Въ 1786 году академія единогласно приняла предложеніе Дашковой: «увѣнчать труды и усердіе» Болтина золотою медалью. Тогда же, вѣроятно, онъ сошелся съ гр. Ал. Ив. Мусинымъ-Пушкинымъ, предсѣдателемъ комитета по присужденію медалей сочинителямъ, гдѣ Б. былъ членомъ.

Еще раньше, чѣмъ Болтинъ занялся собираніемъ матеріаловъ для исторіи языка, онъ 3) принялся за составленіе *терминологическаго и историко-географическаго словаря для древняго періода русской исторіи.* Копія этого словаря, который считался утраченнымъ, вмѣстѣ съ другими рукописями Болтина, въ пожарѣ библіотеки Мусина-Пушкина (1812),—отыскалась недавно среди рукописей библіотеки московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ. Сличая эту рукопись съ соотвѣтствующими статьями «Словаря Географическаго Россійскаго государства» *Аѳ. Щекатова* (М. 1807—9, 7 томовъ) мы могли убѣдиться, что почти все историко-географическое содержаніе словаря Болтина перешло въ словарь Щекатова, начиная со второго тома этого изданія. Сама по себѣ цѣнность этой работы Болтина довольно незначительна, но для біографа Болтина его «Словарь географическій всѣмъ городамъ, рѣкамъ и урочищамъ, кои вспоминаются въ лѣтописи Несторовой,» въ высшей степени важенъ, такъ какъ онъ вводитъ насъ въ ходъ подготовительной исторической работы Болтина. По нѣкоторымъ признакамъ, словарь составлялся между 1779—1783 годами, когда Болтину было 45—50 лѣтъ. Благодаря словарю, мы узнаемъ, что въ этомъ возрастѣ Болтинъ еще только учился русской исторіи у Татищева. Дѣло въ томъ, что словарь составленъ исключительно по Татищеву и представляетъ собой нѣчто среднее между конспектомъ и указателемъ къ Татищевской исторіи. При каждомъ словѣ сдѣланы самыя точныя ссылки на Татищева, не допускающія сомнѣнія относительно источника свѣдѣній Болтина. Иногда онъ передаетъ заимствованныя у Татищева свѣдѣнія своими словами и въ своей группировкѣ, иногда прямо выписываетъ Татищевскій текстъ, иногда, наконецъ, бѣгло отмѣчаетъ заинтересовавшее его слово со ссылкой на соотвѣтствующее мѣсто Исторіи Татищева, напр., «ересь, пр(имѣчаніе) 374», «Клязма, р. II, 167», «погостъ, что значитъ у Т. пр. 127» и т. д. Очень рѣдко Болтинъ по-

зволяетъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ Татищева (напр., о мѣстоположеніи Корсуни); обыкновенно, онъ принимаетъ утвержденія Татищева на вѣру и тщательно ихъ усваиваетъ. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ познанія надолго остаются главнымъ арсеналомъ, изъ котораго Болтинъ черпаетъ свои ученые доводы.

Въ то самое время, когда Болтинъ кончилъ свое изученіе первыхъ трехъ томовъ Татищевской исторіи, начала появляться въ Парижѣ многотомная Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne par M. *Le Clerc* (первые 5 томовъ въ 1783—1785 гг.; 6-й въ 1792 г.) Авторъ, бывшій домовый врачъ графа Кир. Гр. Разумовскаго, потомъ директоръ наукъ шляхетскаго корпуса, профессоръ и совѣтникъ академіи искусствъ, провелъ въ Россіи 1759, и 1769 — 1775 гг. Уже въ это время онъ задумалъ писать русскую исторію и получилъ нѣкоторыя указанія и матеріалы отъ историка Щербатова, члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнаго судьи мастерской оружейной конторы Собакина; очень сильно онъ воспользовался словаремъ Новикова и совершенно безцеремонно эксплуатировалъ французскую передѣлку Щербатовской исторіи Левека. Изъ всего этого онъ составилъ произведеніе, изобиловавшее ошибками и недоразумѣніями, происходившими изъ плохого знанія русскаго языка. Къ Россіи и ея исторіи авторъ относился снисходительно и свысока. Задѣтый за живое въ своемъ патріотическомъ чувствѣ, Болтинъ принялся «по мѣрѣ чтенія» дѣлать письменныя замѣчанія на сочиненіе Леклерва. Онъ не думалъ предпринимать по этому поводу какихъ либо спеціальныхъ изученій; онъ просто мобилизировалъ свой наличный запасъ свѣдѣній и отмѣчалъ, по его словамъ, «только тѣ (ошибки Леклерка), кои при простомъ чтеніи съ памятью моею встрѣчалися». 4) «*Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка*» были готовы въ 1786 году; черезъ два года Болтинъ издалъ ихъ въ двухъ томахъ, при посредствѣ Потемкина, на собственныя средства Екатерины. Въ «Примѣчаніяхъ» Болтина она хотѣла, очевидно, дать читающей публикѣ особый «антидотъ» противъ французскаго автора, затронувшаго ея самолюбіе такъ же, какъ затронуло его путешествіе аббата Шаппа.

Согласно съ этимъ своимъ происхожденіемъ, книга Болтина преслѣдовала двѣ задачи: во-первыхъ, опровергнуть нападки Леклерка на Россію и, во-вторыхъ, показать полное невѣжество автора въ русской исторіи. Но, преслѣдуя эти отрицательныя цѣли, авторъ невольно достигъ положительной, гораздо болѣе важной: попутно и мимоходомъ онъ развилъ цѣльную систему взглядовъ на русскую исторію, сразу поставившую его на первое мѣсто среди современныхъ ему изслѣдователей и заслужившую ему репутацію умнѣйшаго и талантливѣйшаго изъ русскихъ историковъ прошлаго вѣка. Прежде всего бросалась въ глаза обширная начитанность автора «Примѣчаній» въ западной литературѣ. Конечно, большая часть многочисленныхъ цитатъ его на первоисточники сдѣлана по источникамъ второй руки; но за то эти послѣдніе, особенно словарь Бейля, Essai sur les moeurs et l'esprit des nations Вольтера, сочиненія Монтескье,

Руссо, Рейналя и Мерсье изучены имъ замѣчательно отчетливо. Сообразно своему складу ума и характера, Болтинъ примкнулъ не къ идеалистическому, а къ научно-органическому направленію литературы XVIII вѣка. Въ приложеніи къ исторіи этотъ послѣдній взглядъ принялъ тогда форму ученія о *климатѣ*, какъ главномъ естественномъ условіи исторической жизни, опредѣляющемъ «нравы» и «духъ» народовъ. «Нравы происходятъ отъ воспитанія,... а воспитаніе зависитъ отъ началъ или формы правленія»—говоритъ Леклеркъ. «Больше, кажется, есть вѣроятія, отвѣчаетъ Болтинъ, что главное вліяніе въ человѣческіе нравы, въ качествѣ сердца и души имѣетъ климатъ; прочія же побочныя обстоятельства, яко форма правленія, воспитаніе и проч. частью только содѣйствуютъ ему или, по мѣрѣ силы ихъ и стеченія, больше или меньше дѣйствіямъ его препятствіе творятъ». Сообразно съ этимъ въ ходѣ исторіи Болтинъ склоненъ выдвигать стихійную, матеріальную сторону явленія передъ сознательной; не отрицая послѣдней, но давая ей второстепенную роль въ качествѣ историческаго фактора.

«Нѣкоторые, любящіе пускаться въ крайности, говоритъ онъ, климату болѣе надлежащаго могущества присвояли, и всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ изъ него выводили; другія, напротивъ, все отъ него отняли и оставили его безъ силы и дѣйствія. Но я послѣдую тѣмъ, кои держатся средней дороги, т.-е. кои хотя и полагаютъ климатъ первенственною причиною въ устроеніи и образованіи человѣковъ, однакожъ и другихъ содѣйствующихъ ему причинъ не отрицаютъ. По ихъ мнѣнію, климатъ имѣетъ главное вліяніе въ наши тѣла и нравы; прочіе же причины, яко воспитаніе, форма правленія, примѣры и проч. суть второстепенныя или побочныя: онѣ токмо содѣйствуютъ или, приличнѣе, препятствуютъ дѣйствіямъ онаго».

Въ научномъ отношеніи эта точка зрѣнія помогаетъ Болтину усвоить идею обусловленности, единообразія, закономѣрности историческаго процесса. «Во всѣхъ временахъ и во всѣхъ мѣстахъ человѣки, находясь въ одинакихъ обстоятельствахъ, имѣли одинакіе нравы, сходныя мнѣнія, и являлись подъ одинакимъ видомъ». Въ практическомъ отношеніи та же точка зрѣнія приводитъ Болтина къ консерватизму. «Нравы» не могутъ и *не должны* быть измѣняемы по произволу: «не должно вводить насиліемъ перемѣнъ въ народныхъ началахъ и образѣ умствованія ихъ, а *оставлять времени и обстоятельствамъ* ихъ произвести». Изъ другихъ мѣстъ видно, впрочемъ, что «насиліемъ» Болтинъ считаетъ перемѣны, произведенныя *законодательствомъ*; желательными же считаетъ перемѣны, производимыя воспитаніемъ и просвѣщеніемъ. «Не сильно могущество власти противъ мрачныхъ привидѣній невѣжества и суевѣрія: свѣтъ единъ заставляетъ ихъ исчезать».

При такихъ общихъ взглядахъ, естественно, что Болтинъ борется съ Леклеркомъ не путемъ идеализаціи русскаго прошлаго и настоящаго, а путемъ низведенія европейскаго прошлаго и настоящаго на одинъ уровень съ русскимъ. Когда

Леклеркъ утверждаетъ, напр., что «сей (русскій) народъ грубъ, суевѣренъ, покоренъ и свирѣпъ, ослушливъ по характеру и къ господамъ своимъ не привязанъ, лживъ, коваренъ, проворенъ по нуждѣ, хитеръ, пьянъ, лѣнивъ по склонности», то Болтинъ не думаетъ опровергать этой характеристики, а только показываетъ, что, при желаніи, можно набрать подобные же эпитеты для характеристики другихъ народовъ и заключаетъ: «касательно грубости, суровости и суевѣрія вопрошу: какая же чернь не есть суевѣрна, не есть робка и нагла, по стеченію обстоятельствъ, и къ грабежу не склонна? Такова она во всѣхъ народахъ была и до тѣхъ поръ таковою будетъ, пока останется въ непросвѣщеніи». Понятно также, какъ относится Болтинъ къ общему мѣсту французскаго раціонализма, къ утвержденію Леклерка, что въ древней Руси «монахи и и попы, находя свои выгоды, чтобы народы оставалися въ мракѣ невѣжества, удерживали ихъ въ грубыхъ суевѣріяхъ». «Воображая глубочайшее невѣжество тогдашняго нашего духовенства, говоритъ онъ, никакъ не можно бы, казалось, повѣрить, чтобы они для своихъ выгодъ умѣли или хотѣли удерживать народъ въ грубыхъ суевѣріяхъ; понеже потребно нѣкоторое просвѣщеніе, чтобы изъ невѣжества другихъ выводить свою пользу». Общій выводъ изъ подобныхъ частныхъ возраженій, составляющій основную мысль всѣхъ «примѣчаній» Болтина, мы можемъ формулировать также словами самого Болтина: «не должно приписывать единому народу пороковъ и страстей, общихъ человѣчеству. Прочтите первобытные вѣка всѣхъ царствъ, всѣхъ республикъ,—найдете во всѣхъ нравы, поведеніе и дѣяніе ихъ сходныя. Можно привести тысячу примѣровъ, что повсюду человѣки были и нынѣ есть во всемъ одинъ другому подобны, кромѣ нѣкоторыхъ легкихъ чертъ, составляющихъ особенность образованія въ ихъ характерѣ».

Составляя свои «Примѣчанія», Болтинъ не имѣлъ подъ руками «Россійской исторіи» князя Щербатова, хотя и подозрѣвалъ,—и даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ высказалъ свое подозрѣніе,—что Щербатовская исторія была источникомъ нѣкоторыхъ ошибокъ Левека и Леклерка. Щербатовъ былъ косвенно задѣтъ и въ слѣдующемъ же году по выходѣ «Примѣчаній» напечаталъ «Письмо кн. Щербатова, сочинителя россійской исторіи, къ одному его пріятелю, на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. генералъ-маіора Болтина, творца примѣчаній на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка» (Спб. 1789). Болтинъ въ томъ же году напечаталъ свой 5) «*Отвѣтъ ген.-м. Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя россійской исторіи* (181 стр.)». Указавши въ этомъ отвѣтѣ уже прямо нѣкоторыя ошибки Щербатовской исторіи, онъ приступилъ затѣмъ къ составленію подробнаго разбора ея. Щербатовъ, въ свою очередь, не выдержалъ: давши обѣщаніе еще въ «письмѣ» не продолжать полемику, онъ, однако, написалъ толстый томъ «Примѣчаній на отвѣтъ». Однако, полемикѣ не суждено было кончиться при жизни авторовъ; Щербатовъ умеръ въ 1790 г. и его послѣднія «примѣчанія» напечатаны были (анонимно) только въ годъ смерти Болтина

1792 г.; въ это время собственныя 6) «*Критическія примѣчанія ген.-м. Болтина на первый и второй томъ исторіи кн. Щербатова*» были уже готовы, судя по тому, что въ этомъ году они были (конечно, въ рукописи) представлены Болтинымъ черезъ Мусина-Пушкина имп. Екатеринѣ. Напечатаны были эти вторыя «примѣчанія» Болтина уже по смерти автора, въ 1793—1794 гг. По самому существу дѣла эти «примѣчанія» болѣе детальны, чѣмъ первыя и не даютъ такъ много матеріала для характеристики общихъ взглядовъ Болтина. Мѣстами авторъ черезчуръ придирчивъ и иногда несправедливъ къ Щербатову, но въ общемъ эти примѣчанія совершенно уничтожили первые два тома Щербатовской «исторіи»,—правда, наиболѣе слабые въ его трудѣ. Къ послѣднему году жизни Болтина относятся также 7) его «*Примѣчанія*» къ «*Историческому представленію изъ жизни Рюрика*», сочиненному и напечатанному императрицей еще въ 1786 г.; по ея словамъ, тогда публика не замѣтила, что въ эту драму она ввела свои историческія гипотезы о началѣ русской исторіи и, получивъ Болтинскія примѣчанія на Щербатова, она захотѣла подвергнуть эти гипотезы «суровой критикѣ Болтина». На этотъ разъ, суровый критикъ далъ себѣ трудъ найти серьезный и глубокій смыслъ въ историческихъ гаданіяхъ императрицы; по ея просьбѣ составленный имъ комментарій былъ напечатанъ въ томъ же году при второмъ изданіи драмы. Въ послѣднемъ году жизни Болтина вышла также въ свѣтъ 8) «*Правда русская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха*, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечественной исторіи». Этими «любителями» были А. И. Мусинъ-Пушкинъ и И. П. Елагинъ; но переводъ и примѣчанія принадлежатъ одному Болтину. Наконецъ, вѣроятно, около того же времени императрица Екатерина пользовалась совѣтами Болтина для своихъ «Записокъ касательно россійской исторіи». По свѣдѣніямъ митр. Евгенія 9) «Екатерина II препоручила было ему сочинить историческое, географическое и статистическое *описаніе россійской имперіи*, для чего повелѣла она собрать по всѣмъ губерніямъ сколько возможно таковыхъ свѣдѣній, которыя ему и доставлены; но онъ не успѣлъ окончить сего труда». По смерти Болтина рукописи его купила Екатерина и подарила Мусину-Пушкину, у котораго онѣ сгорѣли въ пожаръ 1812 года. Митр. Евгеній, который еще могъ ихъ видѣть, передаетъ, что, кромѣ изданныхъ сочиненій, здѣсь было *до 100 связокъ неизданныхъ:* между ними остатки (упоминавшагося выше) недоконченнаго историко-географическаго труда: «выписки для уразумѣнія древней лѣтописи, съ изъясненіемъ древнихъ словъ, изъ употребленія вышедшихъ, и географическихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ нашихъ», и отдѣльно отъ нихъ «историческое и географическое описаніе намѣстничествъ, въ коемъ обстоятельно показаны: древнее и нынѣшнее состояніе народовъ и городовъ, мѣстоположеніе, границы, нравы, обычаи и суевѣрія, число жителей, ихъ промыслы, почва земли, рѣки, озера, произрастенія,

государственные доходы, выгоды и недостатки». Кромѣ Щекатова, этими работами воспользовался также Мусинъ-Пушкинъ для описанія городовъ и урочищъ, приложеннаго къ его «Историческому изслѣдованію о мѣстоположеніи древняго россійскаго Тмутараканскаго княженія» (СПб. 1794). Кромѣ названныхъ матеріаловъ, въ рукописяхъ Болтина находилось 10) *начало Толковаго славяно-россійскаго словаря* (буква А и матеріалы для продолженія); любопытно отмѣтить, что въ составѣ ихъ былъ также 11) *переводъ французской энциклопедіи*, набѣло переписанный рукой Болтина (до буквы К).

Какъ видно изъ сообщенныхъ свѣдѣній, научная дѣятельность Болтина по русской исторіи и словесности относится къ послѣднему десятилѣтію его жизни и особенно усиливается къ концу этого десятилѣтія. Печатныя произведенія Болтина всѣ явились по болѣе или менѣе случайнымъ причинамъ; не случайнымъ образомъ, конечно, всѣ они имѣютъ видъ «примѣчаній» и не представляютъ ничего цѣльнаго. Въ произведеніяхъ Болтина вѣрно отразился характеръ его ученой работы: таковы, т.-е. столь же случайны и не систематичны были текущія занятія Болтина по русской исторіи. Простое чтеніе любителя превращалось незамѣтно въ ученое изслѣдованіе, когда то или другое внѣшнее обстоятельство останавливало вниманіе дилетанта на извѣстномъ историческомъ явленіи. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, Болтинъ несомнѣнно, обратилъ усиленное вниманіе на изученіе древняго періода русской исторіи; вмѣстѣ съ этимъ замѣтно ростетъ и его знакомство съ первоисточниками. Въ это время онъ наконецъ эмансипируется и отъ Татищева, которому слѣпо слѣдовалъ еще во время писанія «Примѣчаній на исторію Щербатова».

Есть, однако, и еще одна причина, побудившая Болтина придать своимъ трудамъ или форму критическихъ отрывковъ или форму словарныхъ работъ. Писать цѣльную исторію Россіи во времена Болтина было труднѣе, чѣмъ во времена Татищева. Болтинъ вполнѣ сознаетъ, что трудъ Татищева «не иное что, какъ лѣтопись Несторова и продолжателей его безъ всякой перемѣны, но токмо исправленная, пополненная изъ разныхъ списковъ и примѣчаніями обогащенная». «Весьма тѣ ошибаются, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, которые думаютъ, что всякій тотъ, кому случай поможетъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать достаточное количество историческихъ припасовъ, можетъ сдѣлаться историкомъ. Многаго еще ему недостаетъ, если кромѣ этого ничего не найдетъ. Припасы необходимы, но необходимо также умѣньс располагать ими». «Недостаетъ понынѣ у насъ полной хорошей исторіи не по недостатку къ тому припасовъ, но по недостатку искуснаго художника, который бы умѣлъ тѣ припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить». Такимъ образомъ, Болтинъ различалъ дѣятельность Geschichts-*sammler*'а и Geschichts-*erzähler*'а, говоря терминами Шлецера; онъ только не выдѣлилъ здѣсь третью промежуточную дѣятельность, Geschichts-*forscher*'а, критика историческихъ фактовъ, какимъ хотѣлъ быть исключительно самъ Шлецеръ.

Есть нѣчто характерное въ этомъ сопоставленіи философско-исторической терминологіи знаменитаго нѣмецкаго ученаго и «величайшаго (по его же отзыву) русскаго знатока отечественной исторіи». Оба прославились тѣмъ, что поставили науку въ тѣснѣйшую связь съ жизнью. Но у обоихъ были при этомъ не совсѣмъ одинаковыя цѣли. Первый имѣлъ въ виду расширеніе рамокъ старинной схоластической науки; второй — расширеніе и углубленіе житейскаго опыта; первый обогащалъ и обновлялъ [1] науку жизненнымъ содержаніемъ; второй съ помощью науки старался уяснить себѣ окружающую дѣйствительность. Вотъ почему тамъ, гдѣ первый пользовался чутьемъ реальности, какъ основаніемъ новой исторической критики, второй не ограничивался критикой, не могъ смотрѣть на нее, какъ на цѣль саму по себѣ и старался воспользоваться знаніемъ жизни для приведенія въ прямую связь прошлаго и настоящаго.

Проведя эту параллель, мы въ сущности уже опредѣлили ту основную черту, которая проходитъ черезъ всю историческую работу Болтина и, вопреки раздробленности и отрывочности формы, сообщаетъ ей нѣкоторую внутреннюю цѣльность. Русская исторія была для Болтина не предметомъ антикварныхъ увлеченій, а живымъ явленіемъ, фактомъ той же хорошо ему знакомой дѣйствительности. Его знакомство съ исторіей развивалось, такъ сказать, извнутри, органически,—изъ знакомства съ современностью; не предпринимая спеціальныхъ изслѣдованій и не останавливаясь на изученіи отдѣльныхъ явленій и періодовъ, онъ легко усваивалъ себѣ встрѣчающіеся при чтеніи разрозненные факты, такъ какъ каждый изъ нихъ пояснялъ или самъ объяснялся чѣмъ-нибудь въ настоящемъ; и благодаря тому, что каждый усвоенный имъ фактъ немедленно употреблялся въ дѣло, вся эта безпорядочная и случайная масса деталей въ его головѣ принимала видъ стройнаго порядка. Вотъ почему, не написавъ ничего цѣльнаго, онъ былъ тѣмъ не менѣе единственнымъ представителемъ *цѣльнаго взгляда* на русскую исторію и въ значительно большей степени заслуживаетъ названія историка Россіи, чѣмъ Татищевъ и Щербатовъ, гораздо болѣе его ученые. Въ отвѣтъ послѣднему Болтинъ не даромъ выражаетъ ироническое сожалѣніе, что Щербатовъ захотѣлъ «писавъ исторію научиться познать состояніе Россіи», вмѣсто того чтобъ изучить это состояніе «ранѣе, нежели началъ ее писать». «Въ (=при) недостаткѣ жъ онаго (т. е. познанія о состояніи Россіи), замѣчаетъ Болтинъ, позволительно усумниться о исправности пишемаго имъ; ибо дѣянія историческія весьма тѣсно сопряжены съ познаніемъ той страны, въ которой они происходили. Равнымъ образомъ и то подвержено сумнѣнію, чтобъ исторія такая, которыя сочинитель не имѣлъ онаго познанія, могла служить помощью для тѣхъ, кои впредь исторію нашего отечества писать предприимутъ».

Не останавливаясь здѣсь детально на изложеніи взглядовъ Болтина на отдѣльныя явленія и эпохи русской исторіи, отмѣтимъ нѣкоторыя выдающіяся черты, наиболѣе тѣсно связанныя съ основными принципами Болтина, или наиболѣе обращавшія на себя вниманіе его читателей. Въ основу историче-

скаго изученія Болтинъ кладетъ изученіе этнографическое и историко-географическое. Этнографическій составъ древней Руси онъ старается, вслѣдъ за Татищевымъ привести въ связь съ современной этнографіей Россіи и сосѣднихъ странъ; средствомъ для историко-этнографическихъ сопоставленій и отожествленій онъ считаетъ сравненіе языка древнихъ и современныхъ народовъ, не ограничиваясь сравненіемъ ихъ названій: принципы вѣрные сами по себѣ, но, конечно, неудобоприложимые при тогдашнемъ состояніи этнографической и лингвистической науки и приведшіе Болтина ко многимъ произвольнымъ догадкамъ.

Принявъ вмѣстѣ съ Татищевымъ основное дѣленіе древняго населенія Россіи на скиѳовъ, сарматовъ и славянъ, Болтинъ отдѣляетъ отъ этихъ народностей — руссовъ, которыхъ онъ считаетъ смѣсью «цымбровъ» съ сарматскими, готскими и славянскими элементами. Такой смѣшанный характеръ народности «руссовъ» доказывается для Болтина сопоставленіемъ русскихъ словъ съ финскими, шведскими и даже венгерскими; къ словопроизводствамъ изъ венгерскаго языка онъ даже чувствуетъ особенную слабость.

Исходную точку историческаго развитія Россіи Болтинъ отказывается представлять себѣ, какъ состояніе абсолютной дикости: «знаемъ достовѣрно, говоритъ онъ, что (россіяне) жили въ обществѣ, имѣли города, правленія, торговлю», сословное дѣленіе. Конечно, отсюда далеко еще до идеализаціи нашего прошлаго; мы видѣли, что Болтинъ характеризуетъ древнюю Русь какъ эпоху варварства, суевѣрія и невѣжества. Взгляды его на политическіи строй и общій ходъ исторіи древней Руси не представляютъ ничего оригинальнаго сравнительно съ Татищевымъ.

Подобно послѣднему, онъ подчеркиваетъ «ограниченный» первоначально характеръ княжеской власти и «великую силу вельможъ и народа въ опредѣленіяхъ о вещахъ важныхъ». Дальнѣйшій ходъ русской исторіи опредѣлился, по Болтину, какъ и по другимъ историкамъ XVIII столѣтія, главнымъ образомъ двумя факторами: раздробленіемъ Россіи на удѣлы и подчиненіемъ ея татарамъ. Совершенно въ духѣ тогдашней исторіографіи, удѣльная система и татарское иго разсматриваются не какъ послѣдствія даннаго историческаго состоянія, а какъ его причины. Спеціальной особенностью Болтина является здѣсь только попытка вывести изъ этихъ причинъ исторію законодательства. народнаго хозяйства и «нравовъ» древней Россіи. Какъ исторія русской государственности дѣлится на три главныя періода: первоначальное единство, раздробленіе и новое объединеніе Россіи, такъ и исторія «нравовъ» и зависящихъ отъ нихъ «законовъ» должна была пройти тѣ же три періода. И «нравы», и «законы» древнѣйшей Руси оставались единообразными на всемъ ея протяженіи вплоть до раздробленія ея на части. «Главными причинами въ перемѣнѣ и различіи нравовъ между народовъ, населяющихъ Россію», Болтинъ считаетъ, такимъ образомъ, «раздѣленіе государства на многіе удѣлы» и «послѣдовавшія по томъ завоеванія татарскія и долговременность ихъ начальства». «По мѣрѣ

измѣны въ нравахъ, должно было перемѣнить и законы. Тѣ законы, кои при единоначальствѣ были примѣнены, стали быть по раздѣленіи на удѣлы, а паче и подъ игомъ варваровъ, не нужными, не удобными, тѣмъ болѣе, что и нравы и обстоятельства не тѣ уже быть стали, которыя были прежде... Удѣльные князья, сообразуяся обстоятельствамъ и потребностямъ своихъ подданныхъ, къ общимъ законамъ собственные присовокупляли, которые не могли быть согласны съ законами другихъ областей, въ разсужденіи разныхъ нуждъ каждаго княженія особенно; а сіе различіе законовъ еще вящшую отмѣну въ нравахъ между народовъ жившихъ въ тѣхъ областяхъ причинило... По ниспаденіи татарскаго владычества и по соединеніи большой части удѣловъ подъ единоначальствіе, надлежало... издавать новыя учрежденія... Однакожъ, сіи новоиздаваемые законы не могли выполнить желаемаго намѣренія, чтобы возстановить прежній порядокъ и единообразіе...; затрудненія... отъ различія удѣльныхъ законовъ полагали тому препоны. Нельзя было согласить законовъ, не соглася прежде нравовъ, мнѣній и пользъ: время одно могло безъ насильства произвести сію перемѣну». Поэтому не удались попытки издать новые законы при Иванѣ III и Василіи III. Только при Иванѣ IV различія «нравовъ» успѣли достаточно сгладиться, и путь для новаго законодательства былъ открытъ. Иванъ IV и возстановилъ единое право на Руси, совершенно тожественное съ древнимъ правомъ эпохи Русской Правды. И позднѣе, съ изданіемъ Уложенія, непрерывная юридическая традиція продолжала сохраняться. Конечно, «прибыли нужды, прибавлены и законы»; но возстановленное въ Судебникѣ древнее русское право «даже и по сочиненіи *Уложенія* не было отрѣшено, ибо и въ немъ во многихъ мѣстахъ ссылка дѣлается на Судебникъ и прежніе уставы». Въ значительной степени, однако же, старое право было «отрѣшено», вопреки схемѣ Болтина,—и онъ не могъ этого игнорировать; но, отмѣчая такіе случаи отступленій отъ старыхъ «законовъ», онъ не упускаетъ замѣтить, что измѣненныя статьи «по прежнимъ законамъ были лучше учреждены, разсмотрительнѣе и благоразсуднѣе уложены, обстоятельнѣе и яснѣе истолкованы, нежели въ Уложеніи». Такъ же неодобрительно онъ относится и къ послѣдующимъ перемѣнамъ въ законахъ. «Не должно вводить насиліемъ перемѣнъ въ народныхъ началахъ и образѣ умствованія ихъ, а оставлять времени и обстоятельствамъ сіе произвести». «Удобнѣе законы сообразить нравамъ», повторяетъ онъ свою любимую мысль въ другомъ мѣстѣ, «чѣмъ нравы законамъ: послѣдняго безъ насилія сдѣлать не можно». Естественно, что на измѣненіе самихъ «нравовъ» Болтинъ смотритъ еще враждебнѣе, если только дѣло не касается «просвѣщенія». Россія, по его мнѣнію, тѣмъ и сильна, что въ своихъ «законахъ» и «нравахъ» она сохранила единство традиціи на всемъ протяженіи своей исторіи. Въ этомъ состоитъ и главное ея отличіе отъ Европы. Иноземное завоеваніе не произвело въ Русской исторіи такого крутого перелома, какъ на западѣ. «Въ россійскомъ народѣ такихъ чувствительныхъ и скорыхъ перемѣнъ, какъ въ европейскихъ государствахъ, исторія не представляетъ...

Число его всегда оставалось превосходнѣйшимъ его побѣдителямъ, коихъ побѣдамъ и завоеваніямъ болѣе способствовало раздѣленіе и междоусобія Россіянъ, нежели слабость ихъ и безсиліе... При владычествѣ татаръ управляемы были русскіе тѣми же законами...; нравы, платье, языкъ, названія людей и странъ остались тѣ же, какія были прежде, исключая малыхъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ общежительныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ и въ нѣсколькихъ словахъ языка, кои мы заимствовали отъ татаръ». Эти обстоятельства объясняютъ и то явленіе, что когда «со всѣхъ сторонъ тѣснимая Россія къ средоточію своему собрала свои народы», то она «нашла себя сильнѣе, нежели чаяла». Дѣло въ томъ, что «по приведеніи разныхъ удѣловъ подъ единоначальствіе, прекратился раздоръ, исчезло взаимное ненавидѣніе, возобновилося тѣсное сообщеніе и *нравы и обычаи сдѣлалися почти сходными*». Такимъ образомъ «россійскія завоеванія были другого рода», нежели, напр., римскія; здѣсь не приходилось содержать огромныхъ войскъ для удержанія въ повиновеніи покоренныхъ провинцій: «таковыя завоеванія нетрудно удержать, коихъ жители сами собою... въ разсужденіи единой вѣры и единаго языка—и могутъ и усердно хотятъ защитить себя отъ покусившихся поработить ихъ своей власти».

И въ области духовной жизни русскаго народа Болтинъ старается подчеркнуть ту же естественную связь и непрерывность явленій, ихъ зависимость отъ условій времени. Идетъ ли рѣчь о принятіи христіанства, онъ спѣшитъ указать, что оффиціальному принятію новой религіи предшествовало давнишнее знакомство съ нею, что и послѣ этого принятія она оставалась надолго мертвой буквой, такъ какъ для дѣйствительнаго вліянія ея на нравы „потребно было ученіе, просвѣщеніе, примѣръ и попеченіе государя и начальниковъ: многіе труды и не малое время... Цѣлаго государства перемѣнить нравы, смягчить жестокія сердца варваровъ дикихъ въ столь короткое время было бы чудо несравненно большее, нежели стонаніе и рыданіе идола, влекомаго къ потопленію въ Кіевѣ". Естественно, что Болтинъ считалъ себя въ правѣ „сумнѣваться" въ успѣхѣ св. Владиміра, если всей русской исторіи, по его мнѣнію, было недостаточно, чтобы вывести русскій народъ изъ „невѣжества и суевѣрія", вполнѣ раздѣлявшагося и его пастырями. Невѣжество духовенства Болтинъ даже находилъ полезнымъ при невѣжествѣ народа: „Богъ насъ сохранилъ отъ просвѣщеннаго духовенства, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: въ противномъ случаѣ и въ Россіи власть бы его не меньшая была, какъ и въ областяхъ римскаго исповѣданія", т.-е. духовенство злоупотребило бы своимъ просвѣщеніемъ для достиженія себѣ высшей власти и для „не допущенія народа до просвѣщенія".

Особенно интересенъ становится Болтинъ, когда переходитъ къ московскому и къ петербургскому періоду: чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе представляются историку явленія внутренней, преимущественно матеріальной исторіи и тѣмъ живѣе чувствуется и подчеркивается имъ связь ихъ съ современнымъ ему положеніемъ вещей. Опираясь на живую, устную традицію, Болтинъ все болѣе и бо-

лёе оставляетъ здѣсь въ сторонѣ историческіе источники, — даже извѣстные и отпечатанные въ его время, — и говоритъ какъ свидѣтель или какъ человѣкъ, слышавшій собственными ушами живыя свидѣтельскія показанія. Исходя изъ того, что «всѣ знали» и помнили въ его время, онъ устанавливаетъ въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе обширныхъ экскурсовъ преемство главныхъ явленій военной, политической, законодательной, финансовой, экономической и соціальной исторіи. Мы не всегда знаемъ, благодаря этому характеру источниковъ Болтина, сообщаетъ ли онъ свои собственные или общепринятые въ его время взгляды; но, несомнѣнно, *большая часть изъ нихъ стала общепринятыми* послѣ его работъ и сохранила вѣру,—можетъ быть, даже дольше чѣмъ слѣдовало: но это уже не вина Болтина, а вина позднѣйшихъ изслѣдователей.

Особенное вниманіе обращаетъ Болтинъ на всѣ вопросы, связанные съ положеніемъ низшихъ классовъ. Съ цифрами въ рукахъ онъ изслѣдуетъ вопросъ о плотности населенія въ Россіи вообще и по отдѣльнымъ мѣстностямъ, о движеніи народонаселенія, о препятствіяхъ къ возрастанію населенія. Объ экономическомъ положеніи крестьянства Болтинъ говоритъ, какъ опытный душевладѣлецъ: поэтому, всѣ его сообщенія о нормальныхъ платежахъ и повинностяхъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства, о способахъ выполненія помѣщиками рекрутской повинности и т. п.,—имѣютъ особенную цѣнность. Весьма крупное преимущество Россіи передъ западомъ онъ находитъ въ томъ, что плательщики податей не имѣютъ дѣла непосредственно съ государственными сборщиками: весьма подробно и обстоятельно онъ описываетъ при этомъ организацію мірской тягловой разверстки земли и податей, и изображаетъ роль мірского схода. Естественно, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ особенно интересуетъ историка; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ возвращается къ выясненію исторіи крѣпостнаго права, состоянія крѣпостныхъ и мѣръ, необходимыхъ для улучшенія этого состоянія. Происхожденіе крѣпостного права онъ представляетъ, какъ результатъ смѣшенія крестьянъ съ холопами: никакой законъ не вводилъ крѣпостного состоянія, но оно явилось мало-по-малу въ результатѣ *отсутствія* законодательныхъ мѣръ, которыя бы опредѣляли взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ. «Запрещеніемъ крестьянъ перехода отъ одного помѣщика къ другому положено начало ихъ рабства». Благодаря этому запрещенію, владѣльцы «распространили власть свою надъ крестьянами: стали принуждать ихъ къ платежу бо́льшаго оброка и требовать отъ нихъ работъ излишнихъ»; тогда какъ раньше, до уничтоженія перехода, «не могъ помѣщикъ отъ крестьянъ своихъ требовать ничего сверхъ условнаго или закономъ предписаннаго, или обычаемъ установленнаго, если не желалъ остаться безъ крестьянъ и безъ дохода». Теперь же «крестьяне, будучи связаны, не смѣли имъ отказать; понеже законъ, отнявшій отъ нихъ волю перехода, не предписалъ мѣръ работъ ихъ и повинностей». При такомъ «недоразумѣніи предѣловъ помѣщичьей власти и крестьянскаго подчиненія» помѣщики всегда «умѣли растолковать законъ въ свою пользу и сдѣлать крестьянъ вино-

ватыми». Но и тогда владѣльцы «не смѣли еще отдѣлять ихъ отъ земли и продавать по одиночкѣ», такъ какъ они «стали быть крѣпки помѣщикамъ, не сами по себѣ, какъ холопи, но по землѣ, не имѣя воли ея оставить». «Первый поводъ къ продажѣ по одиночкѣ поданъ владѣльцамъ выборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, показавъ тѣмъ дорогу, что можно отдѣлять ихъ отъ земли и отъ семействъ по одиночкѣ. Указъ сравнявшій помѣстья съ вотчинами и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, которою и холопи, безъ различія кабальныхъ отъ полныхъ, поверстаны въ одинакій окладъ съ крестьянами, утвердили владѣльческое притязаніе—присвоить надъ тѣми и другими одинакое властительство права. Послѣ сего стали холопей превращать въ крестьянъ, а крестьянъ въ холопей» и «стали быть помѣщики таковыми же властителями надъ имѣніемъ и жизнію крестьянъ и холопей своихъ, каковыми, по древнему закону, были надъ одними только повинными». «Нѣтъ закона, заключаетъ авторъ, дѣлающаго лично крестьянъ помѣщикамъ крѣпостными: обычай, мало-по-малу введенной—обращать ихъ въ дворовыхъ людей, прямо въ противность уложенныя статьи о семъ, и подъ названіемъ дворовыхъ продавать ихъ по одиночкѣ, съ начала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился наконецъ, черезъ долговременное употребленіе, въ законъ».

И такъ, крѣпостное право есть, по Болтину, узаконенное злоупотребленіе. Ужасовъ этого состоянія онъ не отрицаетъ, но считаетъ ихъ явленіями исключительными. «Жестокихъ помѣщиковъ, говоритъ онъ, поистинѣ нынѣ мало, и время отъ времени становится меньше». Къ таковымъ, «коихъ звѣрскихъ сердецъ примѣръ Царствующія надъ нами не силенъ былъ исправить»,—онъ обращается съ горячимъ нравственнымъ увѣщаніемъ, хотя и признается, что «такіе люди рѣдко книги читаютъ». Къ мысли объ освобожденіи крестьянъ Болтинъ относится весьма осторожно. «Всѣ проповѣдники вольности говорятъ, человѣкъ родится свободенъ и слѣдовательно всякая неволя есть нарушеніе права ему природой даннаго. Не спорю я въ томъ, хотя бы и могъ нѣчто предложить на разсмотрѣніе къ ограниченію сія природныя свободы; но желаю, чтобы меня вразумили,—во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время и всякому ли народу одинакая приличествуетъ свобода», а также, «съ состояніемъ или, приличнѣе, съ названіемъ свободныхъ сопряжено ли нѣкое дѣйствительное счастіе, благоденствіе, покой?» Разбирая эти вопросы, Болтинъ приходитъ къ заключенію, что формы «вольности» весьма разнообразны и скрываютъ самое различное содержаніе; «названіе одно ничего не составляетъ». Европейскія формы «вольности» для Россіи не годятся: «земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскаго помрутъ они съ голода, а англинская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы крѣпостное состояніе слѣдовало сохранить въ прежнемъ видѣ. «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я чтобы наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченіе,

пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дѣлѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти». Если бы помѣщичьихъ крестьянъ собственность ограждена была безопасностью, усовершенствовалось бы дѣло ихъ благосостоянія... За ограниченіемъ закономъ власти помѣщиковъ и повинностей подданныхъ учредилась бы между ними взаимность пользъ и выгодъ, коя возложила бы бразды на наше самоправіе помѣщиковъ и на дерзкое своевольство крестьянъ. Помѣщики восчувствовали бъ нужду въ крестьянскомъ послушаніи, услугахъ, работѣ, сверхъ предписанныхъ закономъ; а крестьяне—въ помѣщичьей защитѣ, ходатайствѣ, попеченіи; помѣщики не могли бъ притѣснять, презирать крестьянъ, а сіи не стали бы жаловаться, роптать, ненавидѣть помѣщиковъ. Первые бы увѣрилися, что они не больше суть, какъ человѣки, а послѣдніе бъ узнали, что они не скоты; познавъ же цѣну своего состоянія, познали бъ и право человѣчества и право своего званія, и что ихъ благоденствіе зависитъ отъ нихъ самихъ, а не отъ другого». Чтобъ оцѣнить по справедливости всѣ эти замѣчанія Болтина, надо принять во вниманіе, что, во-первыхъ, та «вольность» крестьянъ, противъ которой онъ возстаетъ здѣсь, есть *безземельное* освобожденіе, и что, во-вторыхъ, эти умѣренные совѣты, подававшіеся въ концѣ Екатерининскаго царствованія, не уступали по содержанію предположеніямъ Екатерининскаго наказа,—даже въ черновомъ его текстѣ: такимъ образомъ, *ближайшія* задачи внутренней политики по этому вопросу — въ книгѣ, написанной старымъ товарищемъ Потемкина и изданной на деньги императрицы,—представлялись почти такъ же, какъ ей самой въ періодъ ея юнаго идеализма. Дальнѣйшія же мѣры въ пользу крестьянскаго освобожденія ставились въ связь съ развитіемъ просвѣщенія, по правилу Руссо, часто повторявшемуся противниками освобожденія: «прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже ихъ тѣла», и въ этомъ отношеніи Болтинъ подчеркивалъ свое согласіе съ намѣреніями императрицы, которая «желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинаетъ сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи невѣжества и суевѣрія».

Приведенный примѣръ взгляда Болтина на исторію и будущность крестьянства можетъ служить хорошей иллюстраціей къ его общей характеристикѣ и еще разъ помогаетъ намъ понять секретъ вліянія Болтина на позднѣйшихъ изслѣдователей. Скоро послѣ него историческія занятія перешли изъ кабинета любителя-вельможи въ кабинетъ ученаго спеціалиста, отъ людей жизни къ людямъ науки; конечно, отъ этого они выиграли въ учености, но первое время много проиграли въ широтѣ постановки, въ знаніи жизни, и самыя рамки изученія внутренней исторіи сильно и надолго съузились сравнительно съ смѣлымъ обхватомъ Болтинскаго времени. *Взгляды того времени, какъ они сложились подъ вліяніемъ живой исторической традиціи*, остались неприкосновенными иногда почти до нашего времени, и современный *изслѣдователь, перелистывая*

Болтина, не разъ съ изумленіемъ замѣтить, какъ далеко восходятъ корни того или другого ходячаго историческаго воззрѣнія.

Болтинъ представляетъ, наконецъ, и еще одинъ интересъ, какъ свидѣтель своего времени. Онъ не только передаетъ состояніе современнаго ему историческаго самосознанія, но, какъ было уже не разъ замѣчено, выражаетъ историческое самосознаніе извѣстной общественной группы. Онъ служитъ выразителемъ стародумства Екатерининскаго времени. Преклоняясь передъ реформой Петра, онъ, подобно самой императрицѣ, сохраняетъ къ реформѣ критическое отношеніе. Не все, что есть хорошаго въ Россіи, создалъ Петръ; одной силой и приказаніемъ перенимать чужое—и нельзя создать многаго; для настоящей реформы необходимо время и просвѣщеніе. Съ такими взглядами, естественно, Болтинъ не разъ изображался какъ предшественникъ славянофильства, и до нѣкоторой степени основательно; но не надо забывать той разницы общественнаго положенія и воспитанія людей XVIII и XIX вв., о которой мы только что говорили. Теоретическія воззрѣнія этихъ высокопоставленныхъ любителей просвѣщенія умѣрялись ихъ знаніемъ реальной жизни, и стародумство лучшихъ людей XVIII в. никогда не могло дойти до книжнаго фанатизма Шишкова, также какъ ихъ историческая критика никогда не могла дойти до кабинетнаго скептицизма Каченовскаго. Нечего и говорить, что еще болѣе чужды, чѣмъ этотъ фанатизмъ и скептицизмъ, были для нихъ абстрактныя философско-историческія построенія московскаго славянофильства.

П. Милюковъ.

Выше уже было отмѣчено (стр. 133), что Болтинъ съ начала 1784 г. принималъ живое участіе въ составленіи академическаго Словаря. Оно выразилось, между прочимъ, и въ томъ, что онъ составилъ: 1) „*Примѣчанія на начертаніе для составленія Словено-Россійскаго Толковаго Словаря*". Эти „Примѣчанія" считались утраченными, но Гротъ нашелъ одинъ экземпляръ ихъ въ бумагахъ Державина и напечаталъ ихъ въ 5 т. академическаго изданія соч. Державина (т. V, стр. 382—90). „Примѣчанія" заключаютъ въ себѣ много дѣльныхъ мыслей. Такъ, напр., онъ требовалъ, чтобы Словарь былъ не корнесловный, а алфавитный. Академія не приняла сначала мнѣнія Болтина, но потомъ вернулась къ вполнѣ правильной мысли Болтина.

Екатериненское „*Подражаніе Шакеспиру,* историческое представленіе безъ сохраненія обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика" (Спб. 1786), къ 2-му изд. котораго (1792) Болтинъ писалъ весьма сдержанныя примѣчанія, въ 1793 г., вмѣстѣ съ примѣчаніями Болтина, появилось въ нѣмецкомъ переводѣ академическаго совѣтника Христіана Фелькнера (Völkner, 1722—96): „Historisches drama nach Shakespears muster ohne beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der schaubühne, aus Rjurikslеben. Zweite russische Ausgabe mit Anmerkungen vom general-major Boltin. St.-Petersburg. bei der Kaiserlichen bergschule". Тутъ напеч. два текста: на одной сторонѣ русскій, на другой нѣмецкій.

Нѣкоторое время въ литературный формуляръ Болтина входила „*Книга большому чертежу или древняя карта россійскаго государства,* поновленная въ Разрядѣ и списанная въ книгу 1627 г. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Горнаго училища, 1792 г.". Книгѣ предпослано предисловіе, никѣмъ не подписанное. Какъ это

предисловіе, такъ и самое изданіе [1]), Д. Д. Языковъ, въ третій разъ издавшій „Книгу большому чертежу" въ 1838 приписывалъ Болтину. Но Г. И. Спасскій, которому принадлежитъ 4-ое изд. „Кн. Б. Ч." (1846), рѣшительно отрицаетъ это и весьма убѣдительно доказываетъ, что изданіе 1792 г. слѣдуетъ приписать гр. А. И. Мусину-Пушкину.

Статьи, посвященныя И. Н. Болтину:

1) *Щербатовъ*, кн. „Письмо къ пріятелю" (Спб. 1789 г.) и „Примѣчанія на отвѣтъ Болтина (М. 1792 г.); 2) Эпитафія въ Нов. ежемѣс. сочин. 1792 г. ноябрь (перепеч. у Сухомлинова); 3) *Ѳ. Туманскій*, въ „Россійскомъ Магазинѣ" 1792 г. ч. I, стр. 266; 4) *В. Рубанъ*, Списокъ надгробія, въ „Нов. Ежемѣс. Сочиненіяхъ" 1793 г. ч. LXXXVI, стр. 26 (переп. у Сухомлинова); *И. П. Елагинъ*, Опытъ повѣствованія о Россіи. М. 1803, стр. 446—47; 5) *Евгеній*, въ „Другѣ Просвѣщенія" 1805 г. № 7; тоже, въ болѣе полномъ видѣ, въ отд. изд. „Словаря свѣтскихъ писателей" (М. 1845.). Еще полнѣе по рукописи Публ. Библіотеки у Сухомлинова. 6) *Шлецеръ*, Несторъ. Спб. 1809. Ч. I, стр. рог. — род.; 380—82; 7) *Гречъ*, Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей. Спб. 1812 г.; 8) *Карамзинъ*, Исторія Государства россійскаго. К. многократно полемизируетъ съ Болтинымъ въ примѣчаніяхъ. См. эти мѣста по алфавитному указателю въ изд. Эйнерлинга; 9) „Сынъ Отеч." 1821 г. ч. 69, № 19, стр. 223—227; 10) *Вихманъ*, въ „Allgemeine Encyclopädie" Эрша и Грубера. Т. XI. 1823. 11) *Гречъ*, Опытъ; 12) *Калайдовичъ*, въ „Запискахъ" Общ. Древн. 1824 г. Ч. II, стр. 26—28; 13) *Н. Устряловъ*, въ „Энциклоп. Лексиконѣ" Плюшара т. VI; 14) *Н. Стекаловъ*, и *М. Т. Каченовскій*, въ „Учен. Запискахъ" Москов. Унив. 1835 г. № 11 и 12; 15) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамят. людей т. I; 16) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія; 17) *Калачовъ*, Предварит. юридич. свѣдѣнія для полнаго объясненія „Русской Правды". 1846, стр. 3—4; 18) *С. М. Соловьевъ*, въ „Архивѣ" Калачова, т. II; 19) „Nouvelle biographie générale" изд. Didot. (1885 г. т. VI); 20) *П. Знаменскій*, Историч. труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ рус. церковной исторіи. Въ „Труд. Кіев. дух. Акад." 1862 г. № 5. 21) Сочиненія Державина изд. Гротомъ, т. 5, стр. 367—69 и 382—90; 22) „Сборникъ" II отд. Акад. Наукъ, т. 5. Вып. I. Въ разныхъ мѣстахъ, отмѣченныхъ въ указателѣ; 23) *Геннади*, Словарь. Также въ „Энциклоп. Словаряхъ" Старчевскаго, Березина, Брокгаузъ-Ефрона; 24) *Н. П. Барсуковъ*, въ объяснительномъ указателѣ къ изд. имъ „Дневнику А. В. Храповицкаго". Спб. 1874, стр. 450—54; 25) „Сборникъ рус. Истор. Общ." т. XIII, стр. X. Рѣчь *А. Ѳ. Бычкова*; 26) *Я. Гротъ*, Письма Екатерины II къ Гримму. Спб. 1874, стр. 639; 27) *Семевскій*, В. И. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I; 28) *И. Н. Милюковъ*, въ „Рус. Мысли" 29) *Онъ же*, въ статьяхъ „Главныя теченія рус. историч. мысли". („Рус. Мысль" 1893 г. № 5); 30) *Иконниковъ*, Опытъ Исторіографіи; 31) Самое обстоятельное изслѣдованіе о Болтинѣ принадлежитъ *М. И. Сухомлинову*, въ 5 вып. его „Исторіи россійской академіи" (стр. 62—296). Въ примѣчаніяхъ, между прочимъ, впервые помѣщено множество рукописныхъ матеріаловъ для біографіи Болтина: статья митр. Евгенія въ полномъ видѣ, статья о Болтинѣ изъ рукописнаго Словаря сенатора А. В. Казадаева; статья о Болтинѣ изъ рукописнаго Словаря Николая и Ксенофонта Полевыхъ; Выписки изъ дѣлъ московскаго архива юстиціи о родѣ Болтиныхъ; выписки изъ архива лейбъ-гвардіи коннаго полка, сената, государственнаго архива и т. д.

С. В.

[1]) По счету второе; первое принадлежитъ Новикову.

Болховитиновъ, Владиміръ Александровичъ. Перевелъ съ фр. *Жанлисъ.* Религія есть единственное основаніе счастія и истинной философіи. 2 ч. М. 1805. 8°.

Болховитиновъ, Евѳимій, см. Евгеній, митрополитъ.

Болховской, Алексѣй [1]). Въ 1804 былъ присланъ изъ Воронежской семинаріи въ Александроневскую и былъ удостоенъ степени кандидата богословія по публичномъ защищеніи *„Разсужденія о книгѣ именуемой православное исповѣданіе вѣры соборныя и апостольскія церкви восточныя, сочиненной кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою"*. (Спб. 1804. 4°). Это „Разсужденіе" неправильно приписано Сопиковымъ (№ 3663) митр. Евгенію Болховитинову, который только руководилъ молодымъ авторомъ.

Въ „Другѣ Просвѣщенія" Б. помѣстилъ рядъ переводовъ: 2) *Нѣчто о поцѣлуѣ*, съ фр. (1804 г. № 7). 3) *Идиллія* (ib.). 4) *Эклога Тирсисовы жалобы* съ лат. (ib. № 5). 5) *Ночь.* Стансы одного архипелажскаго грека. Съ греч. (ib.). 6) *Изъ сочиненій Г. Трюблета.* О томъ, что надлежитъ ученымъ людямъ слѣдовать своему дарованію (1805 г. № 9 и 10).

Больдтъ, Константинъ. Напечаталъ:

1) Переводъ шведскаго сочиненія *Ф. Даля: Руководство къ гальванопластикѣ*, для художниковъ, ремесленниковъ и любителей нумизматики. Переводъ съ шведскаго Спб. 1856. 2) *Руководство для изученія военнаго огнестрѣльн. ручного оружія*, съ 86 гравированными фигурами. Спб. 1859 г.— 1 т. 8°—257 стр. Изд. 2-ое. Спб. 1892 г. съ 128 фиг., 294 стр. 8°. 3) *Объ обученіи стрѣльбѣ въ Россіи, Пруссіи, Австріи, Франціи, Англіи и Швеціи.* Спб. 1879 г. 8°. 216 стр. 4) *Систематическій сборникъ изъ разныхъ уставовъ.* Спб. 1886. 12°. 578 стр.

Больманъ, Александръ Казиміровичъ. Авторъ сельско-хозяйственныхъ книгъ и распространенныхъ математическихъ учебниковъ [2]). Род. въ 1805, ум. 17 ноября 1887 г. статскимъ совѣтникомъ въ отставкѣ. Напечаталъ: 1) *Приложеніе*

---

[1]) *Чистовичъ*, Ист. Пет. дух. академіи, стр. 142.

[2]) 1) Списокъ истор. общества. 2) Упоминаніе въ „Энц. Слов." Березина. 3) Передача нѣкоторыхъ отзывовъ у *П. Педе* и *Н. Н-въ*, Роспись отд. книгъ по сельскому хозяйству.

Отзывы:

О *„Прилож. алгебры къ рѣшенію геом. задачъ:* 1) „Отеч. Зап." 1847 г. № 11. 2) „Фин. Вѣст." 1847 г. т. 23. 3) *П. Головковъ*, въ „Жур. М. Нар. Пр." 1849 г. т. 61. 4) „Сѣв. Пчела" 1848 г, № 292. О *„Руководство къ изуч. 4 ариѳ. дѣйствій"*: 1) „Сѣв. Пчела" 1849 г. № 114. 2) *В. Волєнсъ* въ „Учителѣ" 1862 г. № 4. Объ *„О предохраненіи картофеля отъ болѣзни"*: „Труды В. Эк. Об." 1853 г. т. 2. 2) „Земледѣл. Газета" 1853 г. № 25. 3) *П-г* въ „Жур. Мин. Гос. Имущ." 1853 г. ч. 47. Объ *„Краткомъ опис. привил. печей"*: „Труды В. Эк. Общ." 1854 г. т. 1. О *„Руковод. къ изуч. устр. печей"*: „Землед. Газ." 1854 г. № 38. О *„Полной ариѳм. на счетахъ"*:

алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Кіевъ 1847. 2) *Руководство къ изученію 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій.* Спб. 1849 г. 3) *Полная ариѳметика на счетахъ, или новые и легчайшіе способы для производ ства всякаго рода ариѳмет. вычисленій на счетахъ,* съ нѣкоторою перемѣною въ ихъ обыкновенномъ устройствѣ. 2 ч. 1849. 2-е изд. 1863. 3-е изд. Спб. 1871. 4) *Практическія упражненія въ алгебрѣ.* 3 ч. 1849. Послѣднее—7-е изд. Спб. 1875. 5) *О предохраненіи картофеля отъ болѣзни.* Спб. 1855. 6) *Краткое описаніе привилегированныхъ безпрерывно-дѣйствующихъ печей съ сушильнями для разныхъ огнево-техническихъ производствъ.* Съ черт. Спб. 1853. 7) *Руководство къ изученію устройства и употребленію привилегированныхъ печей съ устройствомъ надъ ними сушиленъ.* Спб. 1854. съ 13 черт. 8) *Описаніе новаго строительнаго матеріала, подъ наименованіемъ трубчатый кирпичъ.* Съ 25 черт. Спб. 1874. 4°. 52 стр. и 25 л. чертежей.

Больцани, Іосифъ Антоновичъ, математикъ [1]). Главнымъ и единственнымъ матеріаломъ для его біографіи является обстоятельный некрологъ въ т. XII «Извѣстій Казан. Унив.», принадлежащій проф. *Ѳ. Суворову,* написанный, впрочемъ, въ приподнятомъ тонѣ. Онъ состоитъ изъ надгробной рѣчи почтеннаго профессора и очень интереснаго, имъ же составленнаго, біографическаго очерка.

I.

1876 года въ ночь съ 12 на 13 февраля скончался профессоръ Казанскаго университета Іосифъ Антоновичъ Больцани. 16 февраля совершенъ христіанскій обрядъ отпѣванія тѣла усопшаго въ казанской католической церкви. Послѣ заупокойной мессы доцентъ университета Суворовъ сказалъ слѣдующую надгробную рѣчь:

„Трудныя испытанія выпали на долю нашего Университета въ настоящемъ году; утраты болѣе и болѣе тяжкія слѣдуютъ одна за другой, — и вотъ предъ нами еще новая утрата—тяжелая и невознаградимая, утрата особенно близкая для сердца тѣхъ, кому удалось уже, при вступленіи на путь самостоятельныхъ изслѣдованій, воспользоваться той громадной эрудиціей, которой такъ славился Іосифъ Антоновичъ. И дѣйствительно кто незнакомъ съ эрудиціей покойнаго Іосифа Антоновича? Я не говорю уже о математикахъ и физикахъ, кто изъ химиковъ, натуралистовъ и медиковъ не обращался къ Іосифу Антоновичу за совѣтами по вопросамъ, касающимся ихъ спеціальности? Люди, спеціально занимающіеся науками философскими, историческими и соціальными, всегда высоко цѣнили эрудицію Іосифа Антоновича и въ этой области знаній. При такой громадной эрудиціи, обладая отъ природы строгимъ математическимъ умомъ, Іосифъ Антоновичъ былъ глубокимъ критикомъ новыхъ изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ знанія. Онъ требовалъ математической точности какъ отъ опытныхъ

---

1) *Н. Головковъ* въ „Жур. Мин. Н. Пр.“ 1849 г. т. 61. 2) „Систем. Обзоръ народ. учеб. лит.“ 1878 г. 3) *П. Кондыревъ* „Сѣв. Пч.“ 1849, № 66. О „*Практич. упраж. въ алгебрѣ*“: 1) *Н. Головковъ* въ „Жур. М. Нар. Пр.“ 1849 г. т. 61. 2) *В. Шереметевскій* въ „Учеб. Восп. Библ.“ 1875 г. т. 1.

[1]) Кромѣ приводимой статьи проф. Ѳ. Ѳ. Суворова ср. статью проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго въ „Энц. Словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона.

іѣдованій, такъ равно и отъ новыхъ философскихъ теорій. Обладая обширными знами въ области наукъ естественныхъ, астрономіи и философіи, онъ болѣе чѣмъ кто бо другой интересовался и понималъ тѣ жгучіе вопросы, которые родились вмѣстѣ . Канто-Лапласовой гипотезой и занимаютъ умы философовъ и натуралистовъ до настоящаго времени; но привычка къ строгой критикѣ не допустила его до увлеченій, и нъ до конца своей жизни оставался глубокимъ идеалистомъ съ искренней вѣрой въ загробную жизнь.

Да, велика извѣстность Іосифа Антоновича, особенно-же гремитъ имя его на Востокѣ Россіи. Возможно ли встрѣтить хотя одного образованнаго человѣка, даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Сибири, который бы не былъ знакомъ съ именемъ Іосифа Антоновича; есть ли въ Казани хоть одинъ грамотный кто бы не зналъ профессора Больцани. Но какой трудный и тернистый путь долженъ былъ пройти Іосифъ Антоновичъ,—только рѣдкія природныя дарованія и настойчивый трудъ и могутъ доставить ту огромную извѣстность, какой пользовался покойный.

Можетъ быть въ числѣ присутствующихъ здѣсь есть еще лица, которыя помнятъ въ Казани лавку Даціора съ картинами и нотами и за прилавкомъ молодого энергичнаго приказчика, который объясняется на всѣхъ европейскихъ языкахъ и занимаетъ покупателей свободными разговорами на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ о всѣхъ интересныхъ для того времени вопросахъ. Этого молодого приказчика мы видимъ въ высокихъ чинахъ, знаменитымъ (?) ученымъ профессоромъ университета, и сегодня отдаемъ ему послѣднее прощаніе.

Блестящія природныя дарованія Іосифа Антоновича проявились еще въ дѣтствѣ, когда онъ, бывши приказчикомъ въ одной торговой конторѣ, въ Берлинѣ, по приказанію хозяина въ мѣсяцъ выучился свободно объясняться по англійски; также скоро онъ изучилъ и другіе языки, а будучи 20 лѣтъ онъ уже свободно говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и по довѣренности Даціора торговалъ въ различныхъ городахъ по Волгѣ. Любознательность и быстрый умъ покойнаго обратили на него вниманіе бывшаго профессора Казанскаго университета Лобачевскаго, который направилъ его таланты къ научнымъ занятіямъ, гдѣ только и выразилась вполнѣ вся сила его дарованій. Не имѣя никакой научной подготовки, онъ самостоятельно, безъ учителей, съ изумительной быстротою прошелъ весь курсъ научнаго образованія. Да, можно сказать это былъ поистинѣ русскій Фаредей. Двадцати трехъ лѣтъ онъ едва былъ знакомъ съ ариѳметикой, а на двадцать шестомъ мы его видимъ учителемъ ариѳметики въ здѣшнемъ Родіоновскомъ институтѣ, двадцати шести — онъ кандидатъ, а тридцати пяти — магистръ математическихъ наукъ. Съ этого времени и начинается ученая дѣятельность Іосифа Антоновича.

Не легкаго труда стоило Іосифу Антоновичу достичь этой ученой степени. Неимѣя средствъ къ жизни, онъ долженъ былъ при усиленныхъ занятіяхъ для приготовленія къ экзамену въ то же время исполнять обязанности учителя гимназіи: и несмотря на скудное содержаніе учителя того времени, Іосифъ Антоновичъ удѣлялъ почти половину своего жалованья на удовлетвореніе единственной своей страсти—пріобрѣтені книгъ, необходимыхъ ему для научныхъ занятій. Плодомъ этой страсти осталась і смерти Іосифа Антоновича драгоцѣнная библіотека. Но при всѣхъ этихъ лишенія желаніе его руководителя, проф. Лобачевскаго, сбылось и Іосифъ Антоновичъ выс пилъ адъюнктомъ чистой математики 36 лѣтъ отъ роду. Это было лучшее время жи Іосифа Антоновича и объ немъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ покойный. былъ тотъ путь, который доставилъ бы всесвѣтную ему извѣстность и ввелъ бы ег храмъ славы. Къ этому времени и относится его знаменитая (?) работа объ эллипт скихъ интегралахъ. Но не то суждено было Іосифу Антоновичу.

Іосифъ Антоновичъ такъ высоко цѣнилъ тѣ пособія, которыя оказалъ ему Казанскій университетъ въ его занятіяхъ, что въ благодарность принесъ ему безпримѣрную жертву. Въ 1855 году Казанскій университетъ нуждался въ профессорѣ физики, и физико-математическій факультетъ, вполнѣ надѣясь на таланты Іосифа Антоновича, просилъ его принять на себя преподаваніе физики. Іосифъ Антоновичъ принялъ близко къ сердцу нужду дорогого для него Университета и, пожертвовавъ задатками на славу великаго математика, онъ перешелъ на каѳедру физики. Занявшись съ свойственной ему энергіей изученіемъ новаго предмета, Іосифъ Антоновичъ долженъ былъ оставить математическія занятія, обѣщавшія ему историческую извѣстность. Но и занятія его физикой не прошли безслѣдно. Помимо отпечатанныхъ имъ изслѣдованій по гальванизму, имя молодого русскаго ученаго Больцани до сихъ поръ хорошо извѣстно въ физическихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ корифеевъ физическихъ наукъ, Дюбуа-Реймонда, Магнуса и Ренье и въ физическихъ обсерваторіяхъ Себина и Ламонта, подъ руководствомъ которыхъ онъ работалъ, будучи командированъ за границу въ 1857 году. Уваженіе, которымъ пользовался Іосифъ Антоновичъ у великихъ учителей Запада, доказывается тѣми дружескими сношеніями, какія онъ сохранилъ съ европейскими учеными до самой своей смерти. Но честное отношеніе по исполненію принятаго на себя труда, преподаванія физики, не дало возможности Іосифу Антоновичу достичь той же высоты въ наукѣ физикѣ, какой онъ достигъ въ математикѣ. Будучи единственнымъ преподавателемъ физики и физической географіи, онъ долженъ былъ одновременно читать четыре различныхъ курса и такимъ образомъ имѣлъ до 16 демонстративныхъ лекцій въ недѣлю, которыя поглощали все его время. Его профессорская дѣятельность доставила ему заслуженную славу знаменитаго профессора среди серьезно занимавшихся студентовъ, но лишила его той громкой исторической славы, которой онъ долженъ былъ бы достичь по силѣ своихъ талантовъ, славы великаго математика. Устная дѣятельность профессора не оставляетъ послѣ себя тѣхъ внѣшнихъ слѣдовъ, какіе остаются за дѣятельностью ученаго въ напечатанныхъ работахъ. Іосифъ Антоновичъ не имѣлъ времени издавать своихъ работъ, а передавалъ ихъ только устно, на лекціяхъ. Только люди близко знавшіе Іосифа Антоновича и мы, ученики его, можемъ вполнѣ оцѣнить тѣ заслуги, какія онъ оказалъ своими глубокими изслѣдованіями въ физическихъ наукахъ. Да, Іосифъ Антотовичъ, хотя твое усердіе къ дѣлу преподаванія и лишило тебя ореола славы въ исторіи науки, но имя твое займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи просвѣщенія восточнаго края Россіи, которому ты посвятилъ всѣ свои таланты, всю свою жизнь и пожертвовалъ тѣмъ, что всего дороже, громкою славою безсмертнаго ученаго. Прощай нашъ дорогой Іосифъ Антоновичъ, мы высоко цѣнимъ заслуги твои и на Востокѣ Россіи никогда не забудутъ имя твое".

II.

Дѣйствительно, жизнь Іосифа Антоновича Больцани очень замѣчательна, его біографія представляетъ рѣдкіе примѣры въ исторіи самостоятельности человѣка и ждетъ пера искуснаго художника. Въ краткомъ некрологѣ можно ограничиться только перечисленіемъ главнѣйшихъ событій изъ его жизни.

Іосифъ (Фортунатъ) Антоновичъ Больцани родился въ 1818 году 6 (18) сентября въ Берлинѣ. Отецъ его, Антоній Марія Больцани, итальянецъ, мать, Розина Гасперъ, нѣмка. Антоній Больцани занимался торговлей и, вѣроятно, торговыя дѣла привлекли его изъ Италіи въ Берлинъ, гдѣ, какъ сказывалъ покойный Іосифъ Антоновичъ, отецъ его потерпѣлъ банкротство. Поселившись въ Берлинѣ, отецъ его велъ ничтожную тор-

говлю и имѣлъ кондитерскую. Въ этой кондитерской провелъ Іосифъ Антоновичъ первые годы своего дѣтства и надо полагать въ большой бѣдности, такъ какъ кондитерская помѣщалась въ отдаленномъ кварталѣ и посѣщалась только студентами и заѣзжими итальянцами, отыскивавшими своихъ соотечественниковъ. Кондитерская Больцани получила извѣстность въ Берлинѣ только въ 50-хъ годахъ, когда въ ней можно было встрѣтить представителей итальянской республики, эмигрировавшихъ послѣ событій 49-го года.

Первоначальное образованіе Іосифа Антоновича ограничилось элементарной школой въ Берлинѣ, и еще мальчикомъ онъ былъ отданъ въ торговый домъ пріучаться къ веденію торговыхъ дѣлъ. Проводя юность на службѣ въ разныхъ большихъ торговыхъ домахъ, Іосифъ Антоновичъ выучился французскому и англійскому языкамъ. Вѣроятно, энергія, съ которой относился Іосифъ Антоновичъ ко всякому дѣлу, и эта способность къ быстрому изученію языковъ и были причиною того довѣрія, какое оказалъ ему Даціоръ, отправивъ его торговать въ Россію. Приписавшись къ нижегородскому мѣщанскому обществу, Іосифъ Антоновичъ торговалъ въ разныхъ городахъ по Волгѣ нотами и картинами.

Ко времени службы въ торговыхъ домахъ относится первое знакомство Іосифа Антоновича съ математикой. Покойный разсказывалъ, что его очень удивляли жестокія наказанія, которыя выпадали на долю хозяйскаго сына, и онъ поинтересовался узнать, за что того сѣкутъ. Отъ сына хозяина онъ услышалъ, что наказываютъ его за уроки изъ математики, что эта наука очень трудная и въ ней все наоборотъ: „если, говорилъ хозяйскій сынъ, сложить a и b, то не будетъ ab, а выйдетъ a + b“. Этотъ дѣтскій разсказъ такъ заинтересовалъ Іосифа Антоновича, что онъ тогда же рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, что это за наука. Онъ самостоятельно безъ всякаго руководителя прошелъ весь курсъ ариѳметики и началъ заниматься алгеброй.

Бывшій профессоръ Казанскаго университета А. Ѳ. Поповъ встрѣтилъ І. А. Больцани въ Россіи, въ лавкѣ Даціора, уже за чтеніемъ курса механики Пуассона. Чтеніе приказчикомъ такой серьезной книги обратило вниманіе тогда еще молодого А. Ѳ. Попова. Онъ въ разговорѣ проэкзаменовалъ І. А. Больцани и хотя не встрѣтилъ знанія высшей математики, необходимаго для чтенія названнаго сочиненія, но въ то же время успѣлъ подмѣтить глубокій математическій складъ ума молодого приказчика, интересовавшагося изученіемъ тѣхъ законовъ механики, для пониманія которыхъ не требуется знанія высшей математики. А. Ѳ. Поповъ сообщилъ о своемъ открытіи Н. И. Лобачевскому, бывшему тогда профессоромъ математики въ Казанскомъ университетѣ. Послѣдній самъ отправился въ лавку Даціора, долго бесѣдовалъ съ молодымъ приказчикомъ и далъ позволеніе Іосифу Антоновичу посѣщать его и пользоваться отъ него необходимыми совѣтами для научныхъ занятіи. Іосифъ Антоновичъ всегда питалъ глубокую признательность и считалъ себя много обязаннымъ Н. И. Лобачевскому за тѣ знанія, какія онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ. Проф. Лобачевскій скоро убѣдился въ способностяхъ и трудолюбіи новаго ученика и предвѣщалъ ему блестящую ученую дѣятельность. Чтобы Больцани могъ удѣлять болѣе времени для научныхъ занятій, Лобачевскій вытащилъ его изъ лавки и доставилъ ему мѣсто надзирателя въ первой Казанской гимназіи въ концѣ 1842 года. Здѣсь Іосифъ Антоновичъ оказалъ изумительные успѣхи въ своихъ научныхъ занятіяхъ. Менѣе чѣмъ черезъ два года, въ маѣ мѣсяцѣ 1844 года, онъ вполнѣ успѣшно сдалъ одновременно два экзамена: за гимназическій курсъ и на степень кандидата математическихъ наукъ, въ сентябрѣ представилъ диссертацію „Объ интегрированіи линейныхъ дифференціальныхъ уравненій“, которая заслужила полное одобреніе отъ факультета, 14 февраля 1845 года утвержденъ въ степени студента—кандидата.

Пріобрѣтеніе степени кандидата составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ

въ жизни I. А. Больцани, такъ какъ съ этого момента наступаетъ полный переворотъ въ его дѣятельности,—отъ торговли онъ переходитъ къ дѣятельности педагогической.

Сначала Іосифъ Антоновичъ выступаетъ учителемъ математики въ Родіоновскомъ институтѣ, еще до утвержденія въ степени кандидата, въ августѣ 1844 года; затѣмъ переходитъ учителемъ математики и физики въ первую Казанскую гимназію, съ ноября 1846 года.

Педагогическая дѣятельность не отрывала Іосифа Антоновича отъ научныхъ занятій. Преслѣдуя цѣль, указанную знаменитымъ руководителемъ, Іосифъ Антоновичъ съ успѣхомъ сдалъ экзаменъ на степень магистра математическихъ наукъ осенью 1852 года. Въ мартѣ 1853 года представилъ магистерскую диссертацію 1) *„Математическія изслѣдованія о распредѣленіи гальваническаго тока въ тѣлахъ даннаго вида“* и защитилъ ее 12 апрѣля. Это сочиненіе помѣщено въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета по представленію проф. Савельева, который далъ о диссертаціи самый похвальный отзывъ: „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ проф. Савельевъ въ своемъ отзывѣ,—что будущіе труды магистранта увѣнчаются самыми блистательными успѣхами и что Больцани не ослабитъ своей дѣятельности, столь блистательно начатой“.

Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ степени магистра проф. Поповъ предложилъ I. А. Больцани адъюнктомъ чистой математики „какъ вполнѣ достойнаго помощника профессора этой каѳедры“, и Іосифъ Антоновичъ исполнялъ эту должность въ теченіе года, съ мая 1854 года по іюнь 1855 г. Этотъ годъ былъ роковымъ для Іосифа Антоновича. Іосифъ Антоновичъ былъ страстно преданъ занятіямъ математикой и не чувствовалъ призванія къ занятіямъ науками опытными; каѳедра чистой математики должна бы была быть вѣнцомъ его карьеры. Но въ то время каѳедра математики была занята молодымъ еще профессоромъ А. Ѳ. Поповымъ, и I. А. Больцани предстояло остаться адъюнктомъ на всю жизнь. Между тѣмъ Іосифъ Антоновичъ въ 1849 году женился на дѣвицѣ Марьѣ Ивановнѣ Стопани и имѣлъ уже сына Евгенія. Въ виду увеличенія семейства онъ долженъ былъ предвидѣть недостаточность жалованья адъюнкта, особенно при неудержимой своей страсти къ покупкѣ книгъ, на что онъ тратилъ почти половину своего содержанія. Въ 1855 году освободилась каѳедра физики и Іосифъ Антоновичъ, согласно желанію факультета, принялъ преподаваніе физики въ званіи адъюнкта.

Хотя недолго Іосифъ Антоновичъ посвящалъ себя исключительно математическимъ занятіямъ, но и въ это время онъ успѣлъ приготовить къ печати свою извѣстную 2) *„Теорію якобіевыхъ функцій и эллиптическихъ интеграловъ“*, напечатанную въ 1857 году. Предавшись съ свойственной ему энергіей занятіямъ физикой, онъ долженъ былъ оставить начатыя имъ математическія работы. Кромѣ занятій по преподаванію и приготовленію къ экзамену, I. А. Больцани занимался улучшеніемъ и пополненіемъ физическаго кабинета и метеорологической обсерваторіи. По порученію Совѣта Университета предпринялъ заграничное путешествіе для пріобрѣтенія новыхъ приборовъ и изученія усовершенствованныхъ способовъ производствъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Съ ничтожными средствами, безъ пособія, на одно только содержаніе адъюнкта Іосифъ Антоновичъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ онъ успѣлъ осмотрѣть всѣ знаменитыя физическія обсерваторіи и физическіе кабинеты и пріобрѣлъ всѣ необходимые инструменты. Былъ въ Берлинѣ, Прагѣ, Мюнхенѣ, Гёттингенѣ, въ Брюсселѣ, Парижѣ и Лондонѣ.

Физико-математическій факультетъ оцѣнилъ лишенія, которыя долженъ былъ вынести Іосифъ Антоновичъ во время этой поѣздки для пользы университета, и исходатайствовалъ ему пособіе. Профессоры Ковальскій и Бутлеровъ въ представленіи I. А. Больцани къ пособію, выставляя его ученыя заслуги, говорятъ между прочимъ „что Больцани постоянно значительную часть своего небольшого содержанія обращалъ на

научныя изысканія и пріобрѣтеніе ученыхъ пособій" и „что поѣздка Больцани въ чужіе края, столь удовлетворительно имъ совершенная, при мало благопріятствовавшихъ ей матеріальныхъ условіяхъ, по справедливости заслуживаетъ названія жертвы, принесенной на пользу университета и науки".

По возвращеніи изъ-за границы, Іосифъ Антоновичъ сдалъ въ Петербургѣ, въ 1858 году, экзаменъ на доктора физики и химіи, и представилъ и защитилъ диссертацію по электролизу солей, которая, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени не была окончательно обработана и потому осталась въ архивахъ Петербургскаго университета не напечатанной.

По возвращеніи въ Казань Іосифъ Антоновичъ былъ избранъ въ 1859 году экстраординарнымъ, а въ 1860 уже ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Университетъ и впослѣдствіи всегда высоко цѣнилъ заслуги І. А. Больцани, что выражалось порученіемъ послѣднему весьма важныхъ командировокъ. Такъ Іосифъ Антоновичъ былъ командированъ за границу для обзора Лондонской всемірной выставки въ 1862 году, и какъ депутатъ отъ университета въ Петербургъ на первый Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. Полученныя имъ вознагражденія за поѣздки свидѣтельствуютъ объ успѣшномъ исполненіи порученій университета. Кромѣ того, первый Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей почтилъ Іосифа Антоновича весьма важнымъ научнымъ порученіемъ—произвести астрономическія наблюденія измѣненія температуры воздуха въ связи съ высотой. Къ сожалѣнію отсутствіе въ Россіи искусныхъ аэронавтовъ не дало возможности Іосифу Антоновичу исполнить этого важнаго порученія, хотя онъ уже приготовилъ по своей мысли многіе приборы, необходимые для этихъ наблюденій, о чемъ и дѣлалъ доклады на 2 и 4 съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей.

Одновременно съ этимъ Іосифъ Антоновичъ предпринялъ изслѣдованія надъ измѣненіемъ температуры почвы въ связи съ глубиной: для этой цѣли въ физическомъ кабинетѣ, подъ его руководствомъ, были приготовлены приборы, большею частью гальваническіе, отчеты которыхъ можно было наблюдать въ кабинетѣ. Во все время профессорской дѣятельности Іосифа Антоновича, велись ежегодныя наблюденія состоянія атмосферы въ метеорологической обсерваторіи. Инструменты, употреблявшіеся для наблюденій постоянно вывѣрялись самимъ проф. Больцани, а для повѣрки барометровъ приготовляли въ физическомъ кабинетѣ и установляли нормальный барометръ. Кромѣ этихъ въ физическомъ кабинетѣ приготовлялись многіе приборы для физическихъ опытовъ, между которыми нельзя не упомянуть о приборѣ для наблюденія качаній маятника въ абсолютной пустотѣ.

Требованіе математической точности отъ физическихъ опытовъ много замедляли работы проф. Больцани и удерживали его отъ публикованія результатовъ, которые постоянно казались ему недостаточно точными и требовавшими провѣрки. Отъ повторенія же опытовъ его постоянно отвлекали занятія по приготовленію и чтенію лекцій, которыхъ онъ имѣлъ обыкновенно до девяти въ недѣлю, а иногда число лекцій возростало до шестнадцати. Сверхъ того Іосифу Антоновичу давались различныя порученія отъ Совѣта университета и попечителя Округа: онъ былъ членомъ испытательныхъ комитетовъ на званіе учителей и для пріемовъ студентовъ въ университетъ, участвовалъ въ коммиссіи для обревизованія библіотеки, былъ членомъ Совѣта при попечителѣ Казанскаго Учебнаго Округа, присутствовалъ на выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ депутатомъ отъ университета, участвовалъ въ коммиссіи для обревизованія Казанскихъ гимназій по учебной части и исполнялъ много другихъ порученій.

Съ другой стороны лѣченье болѣзни второй жены пр. Больцани, Полины Августовны, бывшей Генкель, требовало неоднократныхъ поѣздокъ за границу. Хотя во время этихъ поѣздокъ Іосифъ Антоновичъ пользовался отпусками, а не командиров-

ками, но всякая поѣздка его была крайне полезна для кабинетовъ, которыми онъ завѣдывалъ, такъ какъ при обширномъ знакомствѣ съ западно-европейскими учеными и механиками онъ успѣвалъ пріобрѣтать приборы по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ это можно сдѣлать въ Россіи.

Физико-математическій факультетъ постоянно высоко оцѣнивалъ эти заслуги Іосифа Антоновича и почтилъ его въ 1868 году избраніемъ въ деканы. Обычную энергію высказалъ Іосифъ Антоновичъ и при исполненіи этой новой обязанности. Хотя по истеченіи трехлѣтія онъ и оставилъ обязанности декана, но чрезъ это не утратилъ уваженіе своихъ товарищей по служенію наукѣ; Совѣтъ университета по выслугѣ проф. Больцани 25 лѣтъ два раза избиралъ его на пятилѣтіе. Правительство равнымъ образомъ оцѣнивало его труды и онъ удостоился высокихъ наградъ—чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ кавалеромъ орденовъ Владиміра 3-й степени и Станислава І-й степени.

Іосифъ Антоновичъ Больцани скончался на 58 году своей жизни отъ рожистаго воспаленія подглазной клѣтчатки, сопровождавшагося воспаленіемъ въ мозгу".

Думая получить еще какія-нибудь дополнительная свѣдѣнія о Больцани, мы обратились къ извѣстному профессору математики казанскаго унив. Ал. Вас. Васильеву и вотъ что любезно отвѣтилъ намъ почтенный ученый:

«По сравненіи статьи проф. Суворова съ формулярнымъ спискомъ Больцани и другими документами университетскаго архива выяснилось, что прибавлять къ этой статьѣ нечего. Желательно только указать, что когда по иниціативѣ проф. М. А. Ковальскаго было предпринято изданіе полнаго собранія сочиненій Лобачевскаго, оно поручено было Больцани, подъ наблюденіемъ котораго оно и велось до 1876 г.

Сочиненіе проф. Больцани: «Теорія Якобіевыхъ функцій и эллиптическихъ функцій и интеграловъ», даетъ изложеніе основаній теоріи эллиптическихъ функцій; изложеніе ведется путемъ, указаннымъ однимъ изъ основателей теоріи эллиптическихъ функцій Якоби въ его письмѣ къ Эрмиту, напечатанномъ въ 1845 г. (См. полное собраніе соч. Якоби, т. II, стр. 115), а именно теорія эллиптическихъ функцій развивается независимо отъ интегральнаго исчисленія и основывается на изученіи свойствъ безконечныхъ строкъ, служащихъ опредѣленіемъ Якобіевыхъ фукцій или функцій *тета*. Къ сожалѣнію, обстоятельно написанное сочиненіе Больцани не закончено. Въ сочиненіи Б. интересно также вступленіе, въ которомъ авторъ излагаетъ основныя теоремы теоріи безконечныхъ строкъ и безконечныхъ произведеній. Больцани пользуется при этомъ въ значительной степени только что появившимися тогда изслѣдованіями Вейерштрасса о безконечныхъ произведеніяхъ, которыми знаменитый нѣмецкій математикъ положилъ основаніе созданной имъ теоріи аналитическихъ функцій».

А. Васильевъ.

Больцъ (Boltz), Августъ-Константинъ, нѣмецко-русскій лингвистъ [1], род. 26 сентября 1819 г. въ Бреславлѣ, посвятилъ себя сначала торговой дѣятельности, но одновременно усердно предавался лингвистическимъ занятіямъ и вскорѣ сталъ преподавателемъ гамбургскаго Коммерческаго училища. Получивъ мѣсто воспитателя въ русскомъ семействѣ, опъ объѣздилъ съ нимъ значительную часть Европы, а затѣмъ сталъ преподавателемъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній. Вернувшись въ 1852 г. въ Германію, Больцъ преподавалъ русскій яз. въ берлинской военной академіи. Послѣдніе 15 лѣтъ живетъ въ Дармштадтѣ. Больцу принадлежитъ длинный рядъ руководствъ для изученія разныхъ языковъ и множество переводовъ съ разныхъ языковъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и нѣсколько историко-литературныхъ работъ.

I. Историко-литературныя и филологическія работы:

1) *Ueber die russische Literatur.* Berlin. 8°. (брошюра). 1851). 2) *Ueber das altrussische Heldenlied im Vergleiche mit der Arthur-Sage.* Berlin. 1854. (брошюра). 8°. 3) Съ **H. Frantz**'омъ — *Handbuch der englischen Literatur.* 2 ч. Berlin. 1852. 4) *Beiträge zur Völkerkunde aus Wort und Lied.* Berlin. 1868. 5) *Die Sprache und ihr Leben.* Leipzig. 1868. 6) *Die hellenischen Taufnamen.* 1883. 7) *Land und Leute in Nord-Euböa.* 1884. 8) *Die Cyclopen ein historisches Volk.* 1885.

II. Труды лингвистическіе:

9) *Neuer Lehrgang der russischen Sprache.* 2 ч. Berlin. 1852. 2-ое изд. 1853, 3-ье 1859, 5-ое 1880. 10) Съ **Форстеромъ**, *Nowy przewodnik* w rozmowach nowoczesnych w języku polskim i ruskim. Berlin. 1854. 12°. Новое изд. ib. 1865. 11) Съ **Фишеромъ** и **Белланже** (Bellenger) — Nowy przewodnik w rozmowach nowoczesnyh w języku polskim, ruskim, niemieckim i francuskim. Berlin. 12°. 1855 и 1859. 12) Съ **Фишеромъ** — Neuer Sprachenführer der russischen und deutschen Conversations-Sprache. Berlin. 1854 по 1855. 12°. 14) Съ **Белланже** - Nouveau guide de conversations modernes en russe et en français. Berlin. 1854. 12°. 14) Съ **Фишеромъ**, **Виткомбомъ** (Witcomb) и **Белланже** — Nouveau guide de conversations modernes en russe, allemand, anglais et français. Berlin. 1856. 12°. 15) *Deutsche Sprachlehre.* 16) *Vorschule des Sanskrit in lateinischer Umsschrift.* Oppenheim, 1868. 17) *Die hellenische oder neugriechische Sprache.* Darmstatd. 1881. 18) *Руководство для изученія испанскаго языка* по системѣ Роберсона (кажется на нѣмец. яз.).

По-русски [2] напечатаны слѣдующія руководства Больца:

19) Вмѣстѣ съ **Беланже**: *Новое руководство для русскаго и французскаго бесѣдованія.* Берлинъ. 1854. 12°, 1860—въ 16° и 1874 тоже въ 16°. 20) Вмѣстѣ съ **Фишеромъ**: *Новое руководство для русскаго и нѣмецкаго бесѣдованія.* Берлинъ. 1855. 12°. 21) Вмѣстѣ съ **К. Форстеромъ**: *Новое руководство для русскаго и польскаго бе-*

---

[1]) 1. Нѣмецкіе Энциклопед. Словари Брокгауза, Мейера, Пиррера. 2. „Энц. Словарь“ Брокгаузъ-Ефрона. 3. *De Gubernatis*, Ecrivains du jour.

Русскіе отзывы: О „*Нов. руков. нѣм. яз.*“: 1) „Вѣсти. Евр.“ 1872 г. № 4. 2) „Спб. Вѣд.“ 1871 г., № 276. О „*Нов. рук. итал. яз.*“: 1) „Новор. Тел.“ 1880 г. № 1660.

[2]) Даемъ списокъ только того, что имѣется въ Публичной Библіотекѣ и что занесено въ нѣкоторые русскіе книгопродавческіе каталоги.

сѣдованія, содержащее разговоры о путешествіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Изд. новое. Берлинъ. 1865. 22) *Новое руководство англійскаго языка по новому практическому и теоретическому методу Т. Робертсона.* Брауншвейгъ—Берлинъ. 1862. 8⁰. 2 ч. 2-ое изд. Брауншвейгъ. 1865 23) *Новое руководство нѣмецкаго языка по практико-теоретическому методу Т. Робертсона.* Лейпцигъ и Одесса. 1872. Изд. 2-ое. Наумбургъ. 1872–76. 8⁰. 3 ч. 24) *Новое руководство новогреческаго языка по практико-теоретическому методу Т. Робертсона.* Для употребленія и самообученія въ школахъ, съ приноровленіемъ русскихъ словъ, съ соотвѣтствующими имъ иностранными и германскими выраженіями по новѣйшимъ изслѣдованіямъ языкознанія. Ч. I. Наумбургъ. 1881. 8⁰. 25) *Новое руководство итальянскаго языка по практико-теоретическому методу Т. Робертсона.* Для самообученія и употребленія въ школахъ съ приноровленіемъ латинскихъ словъ, съ соотвѣтствующими имъ иностранными выраженіями. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ языкосравненія. Наумбургъ. 1881. 3 ч. 2 изд. Наумбургъ. 1885.

III. Переводы.

26) *Лермонтова.* Der Held unserer Zeit. Kaukasische Lebensbilder. Berlin. 1852. 27) *Слово о полку Игоревѣ.* Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert im Urtexte mit Commentar, Grammatik und einer metrischen Uebersetzung, Berlin. 1854. 8⁰. 28) *Тургенева.* Aus dem Tagebuche eines Jägers. Berlin. 1859. 29) Стихотворный переводъ съ санскритскаго „Ausgewählte Fabeln der Hitodeça“. 1868. 30) Lieder des hellenischen Mirza Schaffy, Athanasios Christopulos. Leipzig. 1880. 31) *Hellenische Erzählunge.* 1887.

Несмотря на многочисленность своихъ лингвистическихъ трудовъ, Больцъ не болѣе какъ лингвистъ-диллетантъ. Онъ, конечно, «знаетъ» очень много языковъ, но уже одно количество языковъ, для которыхъ Больцъ составилъ руководства, доказываетъ, что о серьезномъ знаніи тутъ не можетъ идти рѣчь. Лучшею иллюстраціею въ данномъ случаѣ могутъ служить работы Больца по русскому языку. Русскій языкъ является главною спеціальностью Больца. Онъ и профессоромъ его былъ много лѣтъ, и руководство его для изученія русскаго языка выдержало множество изданій, и лекціи читалъ онъ о русской литературѣ, и переводилъ много съ русскаго и наконецъ, беря въ сотрудники по составленію своихъ многочисленныхъ русско-польскихъ, русско-французскихъ, русско-англійскихъ «Руководствъ» природныхъ поляковъ, французовъ и англичанъ, русскую часть всегда оставлялъ за собою. Ну, и хороша же она! Гдѣ переводъ съ русскаго на другой языкъ тамъ удовлетворительно, потому что теоретически Больцъ русскій языкъ знаетъ достаточно. Но за то попытки его составлять русскія фразы и даже письма подчасъ прямо уморительны. Онѣ живо напоминаютъ анекдоты о двухъ Ифанъ Ифановичахъ, которые спорили о томъ, какъ нужно «коворить по русскій?»:—«стригивался» или «стригнулся». Сплошь да рядомъ въ «Новомъ руководствѣ для русскаго и нѣмецкаго бесѣдованія (sic)» вы натыкаетесь на перлы въ родѣ: «они имѣли фигъ», «выстирли ли ваше бѣлье» и т. д. Всего же лучше образчики связнаго русскаго стиля. Вотъ какъ коммиссіонеры должны писать письма своимъ кліентамъ:

„Мы льстимъ себѣ, что, познавши нашъ образъ поступленій въ торговлѣ, и какимъ образомъ мы стараемся о интересахъ нашихъ поручителей, вы не будете отказаться отъ корреспонденціи ровно полезной для обѣихъ сторонъ. Что касается до насъ, то мы надѣемся, что никто не можетъ справедливо дать вамъ о насъ худого мнѣнія". (Изъ „Нов. Рук. для рус. и нѣм. бесѣдованія". Берлинъ 1851).

Лучшее изъ руководствъ Больца—«Neuer Lehrgang der russischen Sprache». Начиная со 2-го изданія, въ немъ курьезовъ нѣтъ, но это не столько заслуга самого составителя, сколько извѣстнаго педагога Иринарха Введенскаго, сослуживца Больца по петербургскимъ военно-учебнымъ заведеніямъ. Проѣзжая въ 1852 г. въ Англію черезъ Берлинъ, Введенскій, отчасти по порученію гр. Я. И. Ростовцева, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, которому книга была посвящена, читалъ корректуру Lehrgang'а и, понятно, уничтожилъ въ немъ всѣ прегрѣшенія противъ русской грамоты.

Переводы Больца съ русскаго на нѣмецкій болѣе или менѣе удовлетворительны. Онъ хорошо владѣетъ не только прозаическою нѣмецкою рѣчью, но и стихотворною. Болѣе другихъ намъ понравились переводы изъ русскихъ поэтовъ въ брошюрѣ «Ueber russische Litteratur». Переводъ «Записокъ Охотника» плоховатъ. Метрическій переводъ «Слова о полку Игоревѣ» очень точенъ и гладокъ, но самая мысль перевести «Слово» метромъ испанскаго романцеро придаетъ ему слишкомъ нарядный видъ и вполнѣ понятно, почему пишущіе о русской литературѣ по-нѣмецки (напр., А. А. Рейнгольдъ въ своей «Geschichte d. russ. Litteratur») предпочитають знакомить своихъ читателей со «Словомъ» по другимъ переводамъ, менѣе щеголеватымъ, но ближе подходящимъ къ подлиннику. Въ предисловіи переводчикъ пытается установить аналогію между «Словомъ» и цикломъ сказаній о рыцаряхъ Круглаго Стола короля Артура Но этотъ домыслъ, къ которому Больцъ возвращается и позднѣе въ своей книгѣ «Beiträge Zur Völker Kunde aus Wort und Lied», никакими серьезными данными не подкрѣпляется.

Брошюра Больца «Ueber russische Litteratur» очень содержательна и при всей своей бѣглости даетъ толковый обзоръ общаго хода русской литературы, при томъ же недурно иллюстрированный переводами отрывковъ изъ произведеній русскихъ поэтовъ.

Въ общемъ, Больца, несмотря на промахи, вполнѣ извинительные для иностранца, всетаки, слѣдуетъ причислить къ людямъ, которымъ Россія должна быть благодарна за ихъ труды по ознакомленію Европы съ нашимъ отечествомъ.

С. Венгеровъ.

Большой, Савва, врачъ. У Змѣева («Врачи-Писатели» т. I, стр. 27) находимъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Сынъ церковника, надв. совѣтникъ, учился въ сѣвской семинаріи; въ московскій генеральный госпиталь ученикомъ 1789; подлекаремъ 1790; лѣкаремъ павлов-

скаго гренадерскаго полка 1797; 1798 лѣкарь въ горномъ училищѣ; штабъ-лѣкарь 1800; 1802, іюля 14, получилъ *первый* въ спб. медико-хирур. академіи степень доктора медицины и отправленъ съ коммиссіею въ Бухарію 1802; попался въ плѣнъ (во время плѣна ему было 34 года), пробылъ въ немъ 10 мѣсяцевъ и по возвращеніи оставленъ опять при горномъ корпусѣ 1805; за слабостью здоровья уволенный 1805, проживалъ въ г. Пронскѣ, Рязанской губ., до смерти въ 1827 г.

Напечаталъ: 1) *De electricitate, ejusque principus.* Diss. D. M. Petrp. 1801, 8°[1]). 2) *Замѣтки о приключеніяхъ въ плѣну у киргизъ-кайсаковъ въ 1803 и 1804 гг., съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.* „Сынъ Отеч." 1822, ч. 76, стр. 168, 213, 289 и ч. 77, стр. 24. Неокончены. 3) *Замѣчанія о киргизахъ изъ записки д-ра С. Большова.* Сынъ От." 1822, ч. 80, стр. 49.

Къ «новой ѳеоріи» Большого мы, вѣроятно, еще вернемся въ дополненіяхъ къ настоящему тому.

Большой Рокотовъ, Иванъ. Есть его переводъ: *О правительствѣ и монахахъ въ Испаніи.* Съ нѣм. «Моск. Ежем. Изд.» 1781, ч. II, 88.

Бонавентура, Аполлинарій—А. П. Грекъ.

Бонгардъ, Густавъ Петровичъ (Heinrich Gustav), [2]). Род. 12 сент. 1786 г. въ Боннѣ, учился въ Іозефинской Академіи въ Вѣнѣ, гдѣ въ 1810 г. получилъ степень доктора медицины. Переѣхавъ, затѣмъ, въ Россію, онъ былъ въ 1819 г. признанъ докторомъ Медико-Хирургич. Академіею. Въ февралѣ 1823 г. Б. становится профессоромъ ботаники петербургскаго университета, хотя въ то время еще никакихъ работъ по ботаникѣ за нимъ не числилось. Но онъ глубоко привязался къ своей новой спеціальности, пріобрѣлъ въ ней обширныя познанія и ревностно старался внушить любовь къ ней ученикамъ своимъ. Старанія его, однако, мало увѣнчивались успѣхомъ, потому что читалъ онъ по-латыни. Въ 1831—33 гг. Б. былъ также инспекторомъ студентовъ. Читалъ онъ въ университетѣ вплоть до самой смерти своей — 5 авг. 1839 года.

Въ 1829 г. Б. былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, а въ 1835 г.—ординарнымъ академикомъ. Въ значительнѣйшей степени его трудами устроенъ ботаническій музей Академіи Наукъ.

Бонгардъ былъ по преимуществу систематикъ и почти все напечатанное мъ относится къ описанію, по коллекціямъ, растеній Бразиліи и Ситхи (послѣд-ій по коллекціямъ Мертенса и Постельса, собран. въ 1826—29 гг. въ рус. ѣверо-Амер. владѣніяхъ).

Б. напечаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ:

---

[1]) Переводъ (?) ея въ „Сѣв. Вѣст." 1804 г. № 2 и 3 подъ названіемъ „*Новая ѳрія* электричества г. Д. Большова. Перевелъ 981".

[2]) 1) „Recueil des actes des seances publiques de l'Academie des Sciences de Petersbourg" за 1839 г. (Спб. 1840). 2) *Григорьевъ*, 50-лѣтіе Петерб. унив. 3) *Ген-*', Словарь. 4) *Его-же*, Литература рус. библіографіи, стр. 34. 5) *Trautvetter* es florae rossicae. 6) *Ledebur*, Flora rossica, I, p. VIII. 7) *Herder*, Biographische en въ Engler's botanische Jahrbücher. IX Band. (1885).

1) *Essai monographique sur les espèces d'Eriacaulon du Bresil.* „Memoires de l'Acad. d. Sciences de St.-Pet." VI Serie T. 1; Suite I—Ibid. t. II; Suite II—Ibid. t. III (I); Suite III. t. V (III); всѣ съ многочисленными таблицами рисунковъ. 2) *Observations sur la vegetation de l'ile de Sitcha.* Ibid. T. II. 3) *Generis Lacis revisio speciesque nonnulae novae.* Adnexa est Philocrena, genus e Podostemonearum ordine novum. Ibid. I, t. I (III). 4) *Observations sur le Sedum verticillatum L.* Ibid. t. I. (III). 5) *Bauhiniae et Pauletiae species Brasilienses novae,* Ibid. t. II (IV) 6). *Genera duo e Melostomacearum ordine nova.* Ibid. II (IV). 7) *Plantae quatuor Brasilienses novae.* Ibid. III (V) также въ извлеченіи въ „Bulletin scientifique" академіи t. I. 8) *Compositae Brasilienses novae.* Ibid. t. III (V) извлеч. въ „Bulletin Scient." t. V, 9) *Memoire sur la vegetation des îles de Bonin-Sima,* „Bulletin Scient". t. II. 10) *Rapport sur les aquisitions du Musée botanique et les travaux qui y ont été executés en 1837.* Ibid. t. III. 11) *Rapport sur le Musée botanique pour l'année 1838.* Ibid. t. V. 12) *Esquise historique des travaux sur la botanique, entrepris en Russie depuis Pierre-le-Grand jusqu'à nos jours et de la part que l'Academie a eu aux progrès de cette science.* „Recueil des actes des Seances publiques de l'Acad. d. Sc. de St.-Pet." 1834 г. 13) Вмѣстѣ съ д-ромъ *C. A. Meyer*'омъ—*Verzeichniss der im Jahre 1838 an Saisang-Nor und an Irtysch gesammelten Pflanzen.* Ein zweites Supplement zur Flora Altaica. Angefangen von D-r G. H. Bongard, beendigt von D-r C. A. Meyer. („Memoires" VI Ser. t. IV (VI) Извлеч. въ „Bull. Scient." t. VIII.

Изъ этихъ статей № 1, 7 и 8 были собраны въ одну книгу—*Descriptiones plantarum novarum* Спб. 1839 in 4° съ 22 таблицами. Отдѣльными оттисками. (Спб. 1841. 90 стр. съ 16 таб. in 40) вышли также № 12 и 13.

Въ VII присужденіи Демидовскихъ наградъ есть отзывъ Б. о соч. профессора Гебеля „Reise in die Steppen des südlichen Russland's" (совмѣстно съ академиками Гессомъ, Бэромъ и Ленцомъ). Онъ принималъ также участіе въ Словарѣ Плюшара.

До пріѣзда въ Россію Б. издалъ въ Вѣнѣ брошюру *Wiederlegung der neuesten von D. Bernard aufgestellten Heilart der Lustkrankheit.* (1812).

Бондаревъ, крестьянинъ-мыслитель. Статью о немъ, съ письмомъ въ редакцію «Крит. біогр. Словаря» гр. Льва Николаевича Толстого, см. въ настоящемъ-же томѣ, передъ «Матеріалами».

***Бонсдорфъ**, Аксель Робертовичъ, геодезистъ генеральнаго штаба, генералъ-маіоръ, родился 9 декабря 1839 г. въ Фридрихсгамѣ, гдѣ и воспитывался въ тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ. Затѣмъ послѣдовательно окончилъ курсы въ Михайловской Артиллерійской и въ академіи генеральнаго штаба (по геодезическому отдѣленію въ 1870 г.), послѣ чего занимался практическою и теоретическою астрономіею въ Пулковской обсерваторіи и въ Стокгольмѣ у знаменитаго астронома Гильдена. Въ 1873 г. командированъ въ Ташкентъ для производства астрономическихъ работъ. Изъ выполненныхъ имъ тамъ экспедицій съ ученою цѣлью замѣчательны: въ Кульджу и Текесъ (1873 г.) и въ Западную Сибирь (1876 г.). Онъ участвовалъ въ походахъ: 1) для покоренія кокавскаго ханства, 2) въ экспедиціи въ Ферганскую область (1876 г.) и 3) въ долину большого Алая и на Памиръ. Въ 1877 г. назначенъ начальникомъ военно-тобографическаго отдѣла въ гор. Оренбургѣ, откуда предпринималъ научныя экспедиціи по

рѣкѣ Эмбѣ и на Усть-Уртѣ, въ киркизскія степи и пр. Въ одной изъ такихъ экспедицій былъ опасно раненъ напавшими на него бродячими киргизами. — Въ 1882 г. назначенъ начальникомъ съемки возсоединенной части Бессарабіи, а въ 1884 г. начальникомъ съемки Финляндіи, переведенной въ 1888 г. въ г. С.-Петербургъ, гдѣ Б. находится и въ настоящее время (1895 г.).

Изъ сочиненій генерала Бонсдорфа, справедливо считающагося лучшимъ въ Россіи знатокомъ теоретической геодезій, напечатаны:

I. Въ Мемуарахъ Стокгольмской Академіи Наукъ:

1) *Allmänna störingar som af Jorden förorsakas i Enckeska kometens rörelse* (въ 1876 г. вмѣстѣ съ *О. Баклундомъ*).

II. Въ изданіяхъ Императорской С.-Петербуртской Академіи Наукъ:

2) *„Melanges Math. et Astr.“—Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreieke* (1885 t. VI) 3) *Zur Bestimmung der Constanten der Erdellipsoids aus Gradmessungen* (1888 t. VI). 4) *Herleitung einer Formel zur Berechnung von Parallelbogen des Erdellipsoides* (1889. t. VII).

III. Въ финлядскомъ сборникѣ геогр. общества „Fennia“:

5) *Untersuchungen über die Hebung der Küste Finlands* и 6) *Bestimmung der Erddimensionen auf Grund der Russisch-Skandinavischen Gradmessung* (1889. t. I), 7) *Ueber die telegraphische Längenbestimmung von Wiborg, Kuopio uud Joensuu* (1890, t. 3), 8) *Die säculare Hebung der Küste bei Kronstadt* (1891, t. 4), 9) *Mesures de bases avec l'appariel de Jäderin* (1892, t. 7) и 10) *Ableitung von Formeln für die Berechnung von Lot-störungen in den Eckpunkten eines sphäroidischen Dreiecks* 1894, t. 9).

IV. Въ Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

11) *Перечень астр. и топ. работъ въ Оренбургскомъ краѣ въ 1874—79 гг.* и нивеллировка отъ Оренбурга къ Аральскому морю и по низовьямъ р. Сыръ-Дарьи (1881. в. 4).

V. Въ Запискахъ Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба:

12) *Опред. разности долготъ между Пулковымъ и Москвою* (часть XXXV, 1872, вмѣстѣ съ *П. Кульбергомъ*). 13) *Хронометр. экспедиція, произведенная во время Алайскаго похода 1876 года; хронометр. экспедиція въ Ферганскую область въ 1876 г. и астроном. и топ. работы, произведенныя въ Оренбургскомъ краѣ съ 1874 по 1881 гг. включительно* (часть XXXVIII, 1882). 14) *Опредѣленіе по телеграфу долготъ Сергіополя и Копала въ 1875 г.* (часть XXXIX, 1883 г.). 15) *Хронометрическая экспедиція 1875 — 81 гг. въ Тургайской и Уральской областяхъ* (часть XL, 1885 г. вмѣстѣ съ *М. Лебедевымъ*). 16) *Хронометр. экспедиція, произведенная А. Ернефельтомъ въ Лапландіи; опредѣленіе по телеграфу долготъ Выборга, Куопіо и Іоэнсу и опредѣленіе размѣровъ земли на основаніи данныхъ Русско-Скандинавскаго градуснаго измѣренія* (часть XLII. 1888 г.) и 17) *Измѣреніе Молосковицкого и Пулковскаго базисовъ базиснымъ приборомъ Едерина* (часть LI, 1894.

В. Витковскій.

* **Бооль-фонъ**, Владиміръ Георгіевичъ [1]), родился 13-го марта 1835 года въ мѣстечкѣ «Новый дворъ» близъ Новогеоргіевска (Модлинъ), гдѣ отецъ его Георгій Ивановичъ, въ чинѣ полковника артиллеріи, служилъ начальникомъ лабораторной роты [2]). Георгій Ивановичъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, женатъ былъ на русской—Ольгѣ Яковлевнѣ Палицыной, почему В. Г. крещенъ въ православіи.

Съ 6-ти лѣтъ (въ 1841-мъ году) В. Г. фонъ-Бооль былъ отданъ на воспитаніе въ малолѣтній Александровскій кадетскій корпусъ, находившійся въ Царскомъ Селѣ, откуда въ 1846-мъ году былъ переведенъ въ Петербургъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Окончивъ курсъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ корпуса въ 1856 году, онъ выпущенъ былъ прапорщикомъ въ гвардію и поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, гдѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду въ 1859-мъ году.

По окончаніи курса въ академіи, В. Г. поступилъ въ 1-й кадетскій корпусъ сперва репетиторомъ физики, а по выдержаніи обязательныхъ въ то время пробныхъ лекцій,—преподавателемъ физики и физической географіи. Въ 1863-мъ г. получилъ должность помощника инспектора классовъ 1-го корпуса, переименованнаго въ 1864-мъ году въ 1-ю С.-Петербургскую военную гимназію. Въ 1866-мъ году назначенъ помощникомъ инспектора классовъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, гдѣ также преподавалъ физику. Въ 1867-мъ году сдѣланъ былъ инспекторомъ классовъ въ полтавской военной гимназіи, въ 1868-мъ г. переведенъ на ту же должность въ кіевскую военную гимназію. Въ 1884-мъ г. переведенъ въ должность инспектора классовъ Александровскаго военнаго училища въ Москвѣ, гдѣ находится и въ настоящее время.

Въ 1890-мъ году съ 1-го января В. Г. былъ избранъ московскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества редакторомъ «Записокъ» москов. отдѣленія и состоялъ въ этомъ званіи четыре года, до января 1894-го г., когда сложилъ съ себя званіе редактора, вслѣдствіе разногласія съ нѣкоторыми членами комитета отдѣленія во взглядахъ на значеніе критики техническихъ сочиненій.

---

[1]) Отзывы объ „*Учебникъ физики и метеорологіи*“: 1) „С. Отеч.“ 1865 № 197. 2) *М—скій* „Соврем. Обозр.“ 1868 г. № 6. Объ „*Элемент. физикъ*“: 1) *Ж—ъ* въ „Новостяхъ“ 1875 г. № 239. 2) *Н. Шишкинъ* въ „Учеб. воспит. Библіотекѣ“ 1875 г. т. 1. ч. 2-ая. 3) „Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1877, № 10. О „*Физич. таблицахъ*“: 1) „Народ. Школа“ 1872 г. № 4. 2) „Системат. Обзоръ рус. народ. учеб. лит.“ (Спб. 1878).

[2]) Георгій Ивановичъ въ 1831 г. во время польской кампаніи командовалъ батареей, былъ раненъ и уже не могъ служить въ строю, поэтому ему предложена была должность начальника лабораторной роты; въ этой должности онъ и скончался въ 1839 году. Отецъ его, въ должности инженернаго генерала, при Екатеринѣ II строилъ дворецъ и паркъ въ Гатчинѣ; при Павлѣ I вышелъ въ отставку, попросивъ ея у Императора въ награду, которую самъ императоръ предложилъ ему выбрать для себя. Гнѣвъ Павла выразился тѣмъ, что онъ уволилъ его въ отставку безъ мундира (впослѣдствіи особымъ указомъ мундиръ былъ ему возвращенъ) и не принялъ дѣтей его въ 1-й корпусъ, куда онъ просилъ ихъ опредѣлить (опредѣлены имп. Александромъ).

В. Г. Фонъ-Бооль напечаталъ:

I. Самостоятельные труды:

1) *Учебникъ физики и метеорологіи.* С.-Петербургъ. Ч. I. 1865 г., ч. II 1866 г. Цѣна 1 ч.—1 р. 60 к., 2 ч.—1 р. 75 к. 2) *Задачи и вопросы изъ физики.* Спб. 1865. Цѣна 1 р. 3) *Элементарная физика.* Спб. Изданіе 1-е — 1875 г. Изданіе 2-е — 1877 г. Цѣна 80 к. 4) *Электрическій телеграфъ.* Спб. 1867. Цѣна 2 р. 5) *Физическія таблицы:* I. Электрическій телеграфъ. Спб. 1872 г. II. Паровая машина и III. Паровозъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 ч. таб. 50. 2 и 3—60 к. 2-е изданіе всѣхъ трехъ таблицъ въ Москвѣ. 1885 г. Цѣна 85 к. 6) *Учебникъ математической и физической географіи.* Кіевъ. 1-е изданіе 1879 г. 2-е изданіе 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к. 7) *Теорія и устройство различнаго рода вѣсовъ.* Спб. 1885. Цѣна 1 р. 25 к. 8) *Метеорологическіе приборы и инструменты.* Москва. 1889. Цѣна 1 р. 50 к. 9) *Инструменты и приборы для Геометрическаго черченія.* Москва. 1892. Цѣна 2 р.

II. Переводы и компиляціи.

10) *Физика по Жамену и Вюльнеру.* Т. III. Магнетизмъ, электричество и гальванизмъ. Изданіе Вольфа. Спб. 1867. 11) *Физика Циммермана.* Гальванизмъ. Спб. 1863. Изданіе „Товарищество Общественная Польза". 12) *Физика Циммермана.* Приложеніе къ части „Свѣтъ". Спб. 1863. 13) *Семь лекцій общей физики Коши.* Спб. 1873. Изданіе „Тов. Общ. Польза".

III. Статьи, помѣщенныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

14) *Система образованія, принятая въ военныхъ училищахъ.* „Педагогическій Сборникъ" 1867. № 8. 15) *Еще о системѣ образованія въ военныхъ училищахъ.* „Пед. Сб.". 1868. № 3. 16) *Экзамены или репетиціи слѣдуетъ принять въ воен. гимназіяхъ.* „Пед. Сб." 1868. № 1. 17) *Изъ моей записной книжки.* „Учитель". 1867—1868 г. № 13—16. 18) *Уроки физики.* „Учитель". 1869. №№ 2, 3, 5, 6, 9, 10, 12 и 13. 19) *Иллюстрированная физическая географія Зуева* (разборъ). „Учитель". 1870. № 21. 20) *Отчего и оттого Отто Уле* (разборъ). „Учитель". 1870. № 22, 21) *Уроки физики.* „Пед. Сб." 1870. № 4, 6 и 11, 1871 г. № 1, 10, 11, 1873 г. № 1. 3, 6. 22) *Уроки физики въ народныхъ школахъ.* „Народная школа". 1872. № 8. 1873. № 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10 и 11. 23) *Изобрѣтатели воздушныхъ шаровъ.* „Дѣтское Чтеніе". 1872. № 4. 24) *Книги для дѣтскаго чтенія.* Сочиненія Жюля Верна (разборъ). „Нар. Шк." 1873. № 11. 1874. № 2, 3. 1876. № 3. 25) *Химическія свѣдѣнія— И. Пантюхова* (разборъ). „Нар. Шк." 1873. № 7. 26) *Сочиненія Майнъ-Рида.* „Нар. Шк." 1874. № 2, 3, 4. 1875. № 6 и 7, 11. 1876. № 3. 1877. № 4. 27) *Химическія бесѣды—Константиновича* (разборъ). „Нар. Шк." 1847. № 5. 28) *Сочиненія М. Чистякова* (разборъ). „Нар. Шк." 1874. № 8, 10. 1875. № 1, 4, 6, 7. 29) *Сочиненія Маррієта* (разборъ). „Нар. Шк." 1875. № 6, 7. 30) *Отдыхъ Васильевской* (разборъ). „Нар. Шк." 1875. № 6, 7. 31) *Приключенія Жиль Блаза Лесажа* въ передѣлкѣ для юношей (разборъ). 1875. № 6 и 7. 32) *Школа для дѣтей прислуги при кіевской военной гимназіи.* „Кіевлянинъ". 1875. № . 33) *Горна. Уаттъ, Стефенсонъ, Драке* Разсказы для юношества (разборъ). „Нар. Шк." 1875. № 11. 34) *Муравей—Якоби* (разборъ). „Нар. Шк." 1875. № 11. 35) *Дѣлу время, отдыху часъ— Макаровой* (разборъ). „Нар. Шк." 1875. № 11. 36) *Наши землепроходцы—Садов-*

никова (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 3. 37) *Его не поняли—Монтгомери* (разборъ). 1876. № 3. 38) *Приключенія молодого натуралиста Л. Біара* (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 3. 39) *Отъ старшаго къ меньшому Л. Біара* (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 3. 40) *Прелесть что за дѣвушка, Бичеръ Стоу* (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 5. 41) *Маленькій оборвышъ, Гринвуда* перед. съ англійскаго (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 5. 42) *Двѣ сказки*, съ англійскаго (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 5. 43) *Чтеніе для дѣтей.—Щербинской* (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 5. 44) *Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя.—С. Стрѣльцова* (разборъ). „Нар. Шк." 1876. № 5. 45) *Замѣтка о народныхъ школахъ въ Богеміи.* „Нар. Шк." 1876. № 12. 46) *Жизнь и труды Ломоносова—Н. Любимова* (разборъ). „Нар. Шк." 1877. № 4. 47) *Записки мальчика Ю. Гуро* (разборъ). „Нар. Шк." 1877. № 4. 48) *Дѣти фермеры. Гуро* (разборъ). „Нар. Шк." 1877. № 4. 49) *Серебряные коньки. Сталя* (разборъ). „Нар. Шк." 1878. № 1. 50) *Зимніе вечера—Анненской* (разборъ). „Нар. Шк." 1878. № 1. 51) *Павелъ Николаевичъ Юшеновъ* (некрологъ). „Московскія Вѣдомости" 1879. № 112. 52) *Игры и занятія для дѣтей.—Н. Герда* (разборъ). „Нар. Шк." 1881. № 1. 53) *Болѣзни памяти.—Рибо* (разборъ). „Нар. Шк." 1883. № 4. 54) *О выставкѣ предметовъ освѣщенія и нефтянаго производства въ С.-Петербургѣ.* „Записки Московскаго Отдѣленія Импер. Русск. Технич. Общества" 1888. Вып. 3, 4 и 5. 55) *О техническихъ школахъ военно-сухопутнаго вѣдомства.* „Зап. М. О. Имп. Р. Т. Общ." 1888. вып. 3, 4 и 5. 56) *Ремесленныя училища Кавказскаго округа.* „Зап. М. О. Имп. Рус. Техн. Общ." 1889. вып. 6—10. 57) *Новый фотометръ.* „Зап. М. О. Имп. Русск. Тех. Общ." 1890. № 8. 58) *Бездымный порохъ.* „З. М. О. И. Р. Т. Общ." 1890. № 10. 59) *Инструменты для штриховки большихъ поверхностей.* „Техническій Сборникъ" 1891. № 5. 60) *Техническое черченіе по Мегеде* (разборъ). „Техн. Сб." 1891. № 8. 61) *Приборы для черченія дугъ большого радіуса.* „Тех. Сб." 1891. № 10. 62) *Круговая линейка Чебышева.* „Художественный Сборникъ" 1891. вып. 3. 63) *Приборы для штриховки.* „Худож. Сбор." 1891. вып. 5. 64) *Инструменты и приборы для черченія спиральныхъ линій.* „Тех. Сб." 1891. № 12. 65) *Универсальные приборы для черченія кривыхъ второго порядка.* „Тех. Сб." 1892. № 2 и 3. 66) *Электромагнитъ и электромагнитные механизмы.—П. Томпсона* (разборъ). „Т. Сб." 1892. № 3. 67) *Автоматическій приборъ для умноженія Эгиса.* „Ремесленная Газета" 1892. № 39. 68) *Приборы для механическаго производства ариѳметическихъ дѣйствій.* „Зап. М. О. Имп. Русск. Техн. Общ." 1892. №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10 (прод. во всѣхъ № за 1893 годъ). 69) *Нѣмецко-русскій техническій словарь Коренблита* (разборъ). „Зап. М. О. Имп. Р. Тех. Общ." № 9—10. 1892. 70) *Увлеченіе математическими теоріями, Ярковскаго* (разборъ). Тамъ же. 1892. № 9—10. 71) *Новый приборъ для раздѣленія линіи на равныя части.* „Рем. газета" 1893. № 3. 72) *Православная церковь въ Каукъ-ярви (въ Финляндіи).* „Рус. Паломникъ", 1893. № 46. 73) *Катехизисъ желѣзно-дорожной электротехники, Столповскаго* (разборъ). „Зап. М. О. Имп. Р. Т. Общ." № 5—6. 74) *Политехническая библіотека, издаваемая Щепанскимъ* (разборъ). „З. М. О. И. Р. Т. Общ." 1893. № 3—4. 75) *О новыхъ изобрѣтеніяхъ академика Чебышева.* Тамъ же. 1893. № 3—4. 76) *Кильке-Электричество* (разборъ). Тамъ же. № 5—6. 77) *Примѣненіе воздушныхъ шаровъ для военныхъ цѣлей.* Тамъ же. № 5—6. 78) Въ 1890—93 гг. рядъ мелкихъ статей въ „Зап. М. О. Имп. Русск. Техн. Общ." 78) *Основаніе электротехники. Посникова. Ч. III* (разборъ). „Технич. Сб." 1894. №. 2.

Всѣ статьи, указанныя выше, были подписаны или полной фамиліей, или иниціалами В. Ф. Б., В. Б., Б., В., или вовсе безъ подписи.

*** Боргманъ, Иванъ Ивановичъ, физикъ** [1]). *Въ отвѣтъ на просьбу* **редакціи «Крит. біографич. Словаря» любезно сообщилъ о себѣ:**

„Я родился въ Петербургѣ 12 февраля 1849 г. Отецъ мой, уроженецъ Финляндіи, съ дѣтства поселился въ Петербургѣ и имѣлъ небольшую фабрику, на которой выдѣлывались разныя военныя вещи. Помню, что, когда я былъ ребенкомъ, пожарная команда чуть-ли не всей Россіи выписывала каски съ нашей фабрики. У отца былъ, кромѣ того, магазинъ на Владимірской и онъ числился купцомъ Петербурга и первостатейнымъ купцомъ г. Вильманстранда. Отецъ, живя въ Петербургѣ, совсѣмъ обрусѣлъ и передъ женитьбой на моей матери принялъ православіе. Мать моя, изъ коренного купеческаго рода Петербурга, вышла замужъ очень молодою, ей не было еще и 16 лѣтъ, отцу же было тогда больше 40. Дѣтей у моей матери было только двое: я да еще старшій братъ, который умеръ совсѣмъ маленькимъ. Я выросъ совсѣмъ одинъ среди взрослыхъ. Въ 1858 г., когда мнѣ было 9 лѣтъ, внезапно скончался мой отецъ отъ апоплексическаго удара, въ день своего ангела. Я до сихъ поръ отлично, вполнѣ живо, помню этотъ злосчастный день и смерть отца. Послѣ смерти отца всѣ заботы о моей матери и обо мнѣ взялъ на себя племянникъ моего отца, А. А. Боргманъ — аптекарь въ Петербургѣ — теперь тоже умершій. Ему-то я и обязанъ всѣмъ. Онъ заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ.—Еще при жизни отца я началъ учиться у одного чиновника, потомъ нѣсколько мѣсяцевъ посѣщалъ маленькую школу, а осенью 1860 г. поступилъ во второй классъ Петербургской 2-ой гимназіи. Со второй половины перваго года своего пребыванія въ гимназіи я сдѣлался первымъ ученикомъ, получалъ награды при переходѣ изъ класса въ классъ и кончилъ курсъ (въ 1866 г.) съ золотою медалью. Я поминаю добромъ гимназію. Въ то время насъ немногому учили, зато оставалось достаточно времени для самостоятельныхъ занятій. Уже въ 6-мъ классѣ гимназіи мы почти всѣ хорошо были знакомы съ литературой и жадно читали журналы. Хорошіе, свѣтлые были эти годы! Недовольства жизнію, какое часто встрѣчаешь теперь у юношей, среди насъ не замѣчалось. Хотѣлось жить, работать и стараться приносить обществу пользу. Самымъ любимымъ предметомъ изъ гимназическаго курса была у меня математика, превосходно преподававшаяся въ нашей гимназіи глубокоуважаемымъ Е. Х. Рихтеромъ (впослѣдствіи—директоръ 2-го пет. Реальн. училища). Я былъ большимъ поклонникомъ Чернышевскаго и Писарева. Романъ „Что̀ дѣлать“ чуть не обратилъ меня въ физіолога. Въ началѣ пребыванія моего въ 7-мъ классѣ я было рѣшилъ поступить въ Медицин. Академію, чтобы заняться спеціально физіологіей. Однако любовь къ математикѣ и физикѣ пересилили вліяніе романа.

Тотчасъ послѣ окончанія гимназіи я со своимъ товарищемъ отправился на Волгу путешествовать. Около двухъ мѣсяцевъ странствовали мы, и эта поѣздка имѣла для меня весьма большія послѣдствія. Она обратила меня, истаго горожанина, никуда до того времени не выѣзжавшаго изъ Петербурга, въ страстнаго любителя деревенской жизни.

Я поступилъ на физико-математическій факультетъ петербургскаго университета съ цѣлью заниматься физикой. Въ 1870 г. я окончилъ курсъ, былъ оставленъ при университетѣ и съ 1871 г. началъ свои, не прерывавшіяся до сихъ поръ, занятія со студентами въ физической лабораторіи. Въ 1873 г., сдавъ экзаменъ на магистра физики, я поѣхалъ въ Гейдельбергъ и лѣто проработалъ въ лабораторіи Кирхгофа, изучая главнымъ образомъ постановку практическихъ занятій по физикѣ. У Кирхгофа это дѣло было образцово устроено. Съ осени 1873 г. я былъ назначенъ

---

[1]) Ср. ст. проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго* въ „Энц. Слов.“ Брокгаузъ-Ефрона т. IV.

сначала консерваторомъ, потомъ лаборантомъ при физической лабораторіи университета. Я оставался лаборантомъ до 1883 года. Въ 1877 г. я женился. Годъ я учительствовалъ въ частной гимназіи Гавловскаго, но сбѣжалъ оттуда, не кончивъ учебнаго года. Первый дебютъ мой чтенія лекцій былъ осенью 1876 г. на Владимірскихъ вечернихъ курсахъ. Я читалъ тамъ физику. Затѣмъ, когда открылись Высшіе Женскіе Курсы, я сталъ преподавать на нихъ и читалъ лекціи 11 лѣтъ и состоялъ все время секретаремъ педагогическаго совѣта. Весною 1877 года я защитилъ въ университетѣ диссертацію „pro venia legendi" и съ осени сталъ читать лекціи въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Я былъ приватъ-доцентомъ 11 лѣтъ, и мнѣ пришлось перечитать лекціи почти по всѣмъ отдѣламъ физики. 1-го іюня 1888 года я былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ университета, 1 дек. 1894 ординарнымъ. Съ 1877 г. по 1883 г. я былъ преподавателемъ физики на женскихъ педагогическихъ курсахъ. Въ январѣ 1883 г. я былъ удостоенъ высокой чести, я былъ приглашенъ преподавать физику Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю Александровичу. Я занимался съ Цесаревичемъ до осени 1886 г., а затѣмъ началъ преподавать физику Его Императорскому Высочеству, нынѣ Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Георгію Александровичу. Съ Вел. Княземъ я занимался также $3^1/_2$ года. Въ 1892—94 г. я имѣлъ честь преподавать физику Ея Имп. Высоч. Вел. Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ, а нынѣ веду занятія съ его Импер. Высоч. Велик. Кн. Михаиломъ Александровичемъ.

Съ осени 1886 г. я читаю лекціи по механической теоріи тепла и курсъ электричества въ Технологическомъ Институтѣ. Годъ (1887—1888) читалъ въ Институтѣ Гражданскихъ Инженеровъ. Въ настоящее время я имѣю еще 2 лекціи по теоретическому курсу электричества въ Электротехническомъ Институтѣ.—Съ 1875 года я состою редакторомъ физической части „Журнала Русскаго Физико-Химическаго Общества". Съ 1888 состою членомъ Совѣта Торговли и Мануфактуры.

Всѣ работы мои по физикѣ на русскомъ языкѣ напечатаны въ „Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества". Нѣкоторыя мои сообщенія и замѣтки, дѣланныя въ засѣданіяхъ Физическаго Общества, напечатаны только въ протоколахъ Общества, а не въ видѣ отдѣльныхъ статей. Эти сообщенія отмѣчены чрезъ: *(прот.)*.

1) *Замѣтка по поводу статьи Эттингсена о колебательныхъ разрядахъ.* 1874 (прот.); 2) *Объ электрическихъ фигурахъ.* 1875 (прот.); 3) *О гальваническомъ сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ.* Диссертація „pro venia legendi". 1877; 4) *Объ электровозбудительной силѣ при нагрѣваніи мѣста соединенія проводника съ проходящимъ по немъ токомъ и проводника безъ тока.* 1877; 5) *Употребленіе электрометра Липмана для сравненія электровозбудительныхъ силъ индукціонныхъ токовъ* (прот.) 1877; 6) *Теорія натяженій въ магнитномъ полѣ Максвелля.* 1877; 7) *Англійская система электрическихъ единицъ.* 1877; 8) *О вліяніи окружающей среды на электродинамическія явленія.* 1878; 9) *Объ опредѣленіи функціи намагничиванія жидкостей.* 1878. Двѣ послѣднія статьи составили диссертацію на степень магистра. (Спб. 1878). 10) *Объ опытѣ Декстера* (прот.) 1879; 11) *О законѣ гальванич. индукціи.* 1880; 12) *Лекціонный приборъ для показанія измѣненія емкости конденсатора.* 1881; 13) *Два коммутатора для электрометра.* 1881; 14) *Батарея Даніелля.* 1881 (прот.); 15) *По поводу статьи проф. Колли „О существованіи пондеро-электрокинетической части энергіи электромагнитнаго поля"* 1881; 16) *Отвѣтъ профессору Колли* по тому же вопросу. 1881; 17) *О проводимости гальваническаго тока жидкими пластинками.* 1881 (прот.); 18) *Международная система электрическихъ единицъ.* 1881; 19) *Международный электри-*

ческій конгрессъ въ Парижѣ. 1881; 20) *О нагрѣваніи желѣза при прерывчатомъ намагничиваніи.* 1881. Диссертація на степень доктора. 21) *Электромагнитная теорія свѣта Максвелля.* 1882; 22) *Фотоэлектрическая баттарея.* 1882; 23) *О нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ солнца.* 1883; 24) *Преломленіе свѣта призмою изъ Исландскаго шпата.* 1884 (прот.); 25) *Опытъ Тиндаля-Стокса.* 1884 (прот.); 26) *Объ измѣненіи продолжительности индукціонныхъ токовъ.* Замыканія и размыканія при введеніи въ цѣпь индуктирующаго тока вѣтви съ другою индукціонною катушкою, параллельною дѣйствующей. 1884; 27) *Квадрантный электрометръ.* 1884. (прот.); 28) *Нагрѣваніе стекла конденсаторовъ при прерывчатой электризаціи ихъ.* 1886; 29) *По поводу вывода второй теоремы Кирхгофа.* 1886; 30) *О сѣверномъ сіяніи 15-го іюля 1886 г.* (прот.); 31) *Нѣсколько опытовъ надъ распространеніемъ электрическаго тока черезъ воздухъ.* 1886. Напеч. также въ „Lumière électrique". 32) *О распространеніи электрическаго тока черезъ воздухъ.* 1887 (статья вторая). Также въ „Lumière électrique"; 33) *Электроскопъ съ золотыми листочками.* 1888 (прот.); 34) *О вліяніи свѣта на электрическій разрядъ.* 1887 (прот.)—въ видѣ замѣтки напечатано въ „Philosofical Magazine" 1888—On the influence of Light upon electric discharge"; 35) *Компенсаціонный способъ сравненія малыхъ электроемкостей·* 1888 (прот.); 36) *О нѣкоторыхъ опытахъ надъ передачею работы при посредствѣ электрическаго тока* (прот.) 1888; 37) *Объ актино-электрическихъ явленіяхъ.* 1889; 38) *Механическія дѣйствія перемѣнныхъ токовъ.* 1890; 39) *Замѣтка по поводу теоріи Poynting'а.* 1890. (прот.); 40) *Механическія дѣйствія альтернативныхъ токовъ.* 1890; 41) *Электромагнитныя вращенія въ жидкостяхъ.* 1890; 42) *Медленныя электрическія колебанія.* 1890; 43) *Современныя воззрѣнія на физическія явленія*—рѣчь, читанная на актѣ въ петерб. университетѣ (1890); 44) *Постоянная электризація при электрическихъ колебаніяхъ въ проводникахъ* (1891). 45) *A lecture experiment illustrating the magnetic Screening of conducting media* („Nature "1891)".

Извлеченія изъ всѣхъ статей помѣщены въ переводѣ въ Journal de Physique и Beiblätter zu den Annalen der Physik. Кромѣ того нѣкоторыя статьи полностію напечатаны за границей во французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ журналахъ.

Подъ моею редакціей и съ моими дополненіями напечатанъ съ англійскаго переводъ „*Электричество и Магнетизмъ*" Сильвануса Томпсона.

Въ „Журналѣ Р. Ф. Х. О." напечатано нѣсколько рефератовъ, составленныхъ мною о различныхъ статьяхъ. Кромѣ того въ „Сборникѣ о медіумическихъ явленіяхъ" Д. И. Менделѣева напечатана 46) моя статья „*Сеансы съ медіумомъ Бредифомъ*". Нѣсколько моихъ статей по физикѣ напеч. въ 47) „Энц. Словарѣ" Брокгаузъ-Ефрона. Послѣдніе 3 года я былъ занятъ составленіемъ теоретическаго курса электричества. Моею цѣлью было написать курсъ, который давалъ бы возможность ознакомиться съ главными основаніями современнаго ученія объ электричествѣ и въ то же время содержалъ бы въ себѣ вѣрное изложеніе историческаго хода развитія этого ученія. Свой курсъ я составлялъ, пользуясь непосредственно оригинальными мемуарами. Повсюду, гдѣ только казалось мнѣ нужнымъ, я приводилъ цитаты. Эти 3 года я цѣликомъ посвятилъ своему курсу и потому не въ состояніи былъ производить какія-бы то ни было изслѣдованія. Мой курсъ озаглавленъ 46) „*Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ*". Онъ состоитъ изъ 2 частей. Въ первой части (Спб. 1893), заключающей въ себѣ отдѣлы электростатики и электрическій токъ, 470 стр. Во второй части (1895) въ которойизложены отдѣлы: магнетизмъ, электромагнетизмъ, электродинамика и индукція, 642 страницы. Отдѣльно вышло также: 47) *Магнитный потокъ и его дѣйствіе* (Спб. 1893)".

Въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ И. И. Боргманъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ диссертаціи pro venia legendi *„О гальваническомъ сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ“* изложены экспериментальныя изслѣдованія автора надъ особенностью всѣхъ сортовъ угля и различныхъ породъ деревъ по отношенію къ проведенію гальваническаго тока. Сопротивленіе всѣхъ углей и всѣхъ изслѣдованныхъ имъ деревъ уменьшается при увеличеніи температуры. Измѣненіе сопротивленія при этомъ весьма значительно. Угольныя пластинки обнаруживаютъ уменьшеніе сопротивленія даже отъ дѣйствія лучей тепла, попадающихъ на нихъ. Металлы же, какъ извѣстно, обнаруживаютъ увеличеніе сопротивленія съ возрастаніемъ температуры.

Въ своей работѣ Б. опредѣлилъ температурные коэффиціенты сопротивленія многихъ углей.

Въ статьѣ *„О термоэлектровозбудительной силѣ, являющейся при нагрѣваніи мѣста соединенія желѣзной проволоки, по которой проходитъ токъ, съ желѣзной проволокою безъ тока“* изслѣдователь впервые констатировалъ термоэлектрическую разность между двумя желѣзными проволоками, одинаковыми во всѣхъ отношеніяхъ, но отличающимися другъ отъ друга только тѣмъ, что по одной изъ нихъ проходитъ токъ. Такое явленіе указываетъ косвенно на молекулярныя измѣненія желѣза отъ прохожденія по немъ тока.

Въ магистерской диссертаціи *„О вліяніи окружающей среды на электродинамическія явленія и объ опредѣленіи функціи намагничиванія жидкостей“* авторъ показалъ опытнымъ образомъ правильность ученія Фарадея-Максвелля, по которому среда, окружающая проводники, оказываетъ существенное вліяніе на всѣ внѣшнія дѣйствія токовъ. Онъ доказалъ опытами, что такое вліяніе среды опредѣляется магнитными свойствами этой среды и не зависитъ отъ діэлектрической постоянной ея. Въ этой же работѣ опредѣлены впервые абсолютныя величины коэффиціентовъ намагничиванія, вѣрнѣе — величины магнитныхъ воспріимчивостей, двухъ жидкостей: концентрированнаго раствора хлорнаго желѣза и концентрированнаго раствора желѣзнаго купороса.

Въ докторской диссертаціи *„О нагрѣваніи при прерывчатомъ намагничиваніи желѣза“* Б. доказалъ путемъ опытовъ выдѣленіе въ желѣзѣ тепла н посредственно отъ намагниченія и размагниченія его. Этою работою онъ рѣши вопросъ, на который раньше давали и совсѣмъ иной отвѣтъ: многіе думали, наблюдаемое нагрѣваніе вызывается индукціонными токами, являющимися въ лѣзѣ. Впослѣдствіи вопросъ былъ рѣшенъ и теоретически согласно съ тѣ что было показано опытами Б. Онъ показалъ еще, что, при многократномъ по реніи круговыхъ процессовъ намагничиванія, количество тепла, выдѣляющ въ желѣзѣ, уменьшается.

Въ статьѣ *„О нагрѣваніи изолирующихъ слоевъ конденсаторовъ прерывчатой электризаціи послѣднихъ“* авторъ сообщилъ результаты

товъ надъ прерывчатою электризаціею конденсаторовъ съ изолирующимъ слоемъ изъ стекла. Опыты показали, что при этомъ происходитъ нагрѣваніе стекла и это нагрѣваніе пропорціонально числу заряженій конденсатора въ единицу времени и пропорціонально квадрату разности потенціаловъ, сообщаемыхъ проводящимъ поверхностямъ конденсатора.

Въ статьѣ „*Распространеніе электрическаго тока чрезъ воздухъ*" авторъ показалъ, что электрическій токъ можетъ существовать въ цѣпи и въ томъ случаѣ, когда проводники въ ней прерываются слоями воздуха, что въ самомъ воздухѣ можно обнаружить явленіе тока. Эта работа была вызвана работами предшественниковъ (Беккерель и др.) надъ распространеніемъ электрическаго тока чрезъ воздухъ, показавшихъ, что, при обыкновенной упругости, токъ проходитъ чрезъ *накаленные* газы. Вопросъ же о прохожденіи тока чрезъ воздухъ при обыкновенной упругости и обыкновенной комнатной температурѣ былъ поставленъ Боргманомъ, который и получилъ весьма интересные результаты. Для наблюденія этого явленія необходимо, чтобы концы металлическихъ частей цѣпи въ мѣстахъ разрыва въ воздухѣ представляли собою остроконечія или же были введены въ пламена спиртовой лампы или изолированной Бунзеновой горѣлки. Въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при употребленіи пламенъ, какъ электродовъ въ воздухѣ, возможно наблюдать токъ въ цѣпи съ сравнительно весьма небольшою электродвижущею силою, съ батареею изъ нѣсколькихъ десятковъ элементовъ, когда разстояніе по горизонтальному направленію между двумя такими электродами — пламенами равняется нѣсколькимъ сантиметрамъ. При пользованіи источникомъ электричества, развивающимъ на своихъ полюсахъ разность потенціаловъ большой величины (какія представляетъ электрическая машина или катушка Румкорфа), замѣтный токъ получается и въ томъ случаѣ, когда въ цѣпи имѣются нѣсколько разрывовъ, длина которыхъ въ суммѣ равняется нѣсколькимъ метрамъ. При этомъ въ мѣстахъ разрыва происходитъ распространеніе тока въ воздухѣ отъ одного конца металлическаго проводника къ другому, подобно тому, какъ происходить это въ проводящей жидкости, когда въ нее опущены электроды, соединенные съ полюсами гальванической батареи. Величина потенціала, наблюдаемая въ пламени, находящемся на концѣ металлическаго проводника, при одной и той же силѣ тока въ этомъ проводникѣ получается неодинаковая смотря потому, будетъ ли это пламя въ воздухѣ электродомъ положительнымъ или отрицательнымъ, т.-е. представляетъ ли оно по отношенію къ воздуху анодъ или катодъ. На пламени—анодѣ величина потенціала больше, чѣмъ на пламени—катодѣ. При различныхъ силахъ тока въ проводникѣ отношеніе между этими потенціалами остается безъ измѣненія.

Въ статьяхъ „*Механическія дѣйствія перемѣнныхъ токовъ*" описаны опыты надъ отталкиваніями проводящихъ колецъ и дисковъ отъ катушки, по которой проходитъ перемѣнный токъ. Эти явленія были впервые наблюдены Элигю Томсономъ. Боргманомъ они были воспроизведены со скромными средствами фи-

зической лабораторіи петербургскаго университета Онъ вывелъ также нѣкоторые законы такихъ отталкиваній, что и приведено въ одной изъ статей. Занимаясь явленіями Элигю Томсона, авторъ замѣтилъ любопытныя и вполнѣ своеобразныя явленія въ проводящихъ жидкостяхъ при дѣйствіи на послѣднія перемѣнныхъ токовъ, всего лучше наблюдаемыя въ ртути. Плоскодонная кювета, въ которой налита ртуть, помѣщается на верхнее основаніе вертикально поставленной катушки и по этой катушкѣ пропускается перемѣнный токъ. Тотчасъ послѣ замыканія тока образуются въ жидкости два вихреобразныхъ теченія, сливающіяся въ одинъ потокъ по направленію діаметра кюветки. При помѣщеніи (эксцентрично) подъ кюветкой со ртутью тонкаго металлическаго кружка получаются въ ртути два очень сильныхъ вихря съ общимъ потокомъ, имѣющимъ направленіе параллельное діаметру подложеннаго кружка. Помѣстивъ эксцентрично подъ кюветку 2 или 3 кружка, можно замѣтить образованіе 4 или 6 отдѣльныхъ вихрей, изъ которыхъ два послѣднихъ вихря сливаются въ потокъ, направленный параллельно діаметру соотвѣтствующаго кружка. Можно значительно разнообразить движеніе ртути въ кюветкѣ, подкладывая подъ ртуть проводящіе слои различной формы и различныхъ веществъ.

Въ статьѣ *„Нѣсколько опытовъ съ электрическими колебаніями“* описывается опытъ, демонстрирующій непрозрачность слоя проводящей жидкости для электрическихъ волнъ, а кромѣ того сообщается новый фактъ: возникновеніе постоянной электризаціи проводниковъ отъ дѣйствія электрическихъ колебаній.

Въ книгѣ *„Магнитный потокъ и его дѣйствія“*, представляющей собою четыре популярныя лекціи, читанныя въ Педагогическомъ музеѣ, содержится элементарное изложеніе современнаго взгляда на магнитныя явленія, а также дается элементарное объясненіе дѣйствія динамомашинъ и электродвигателей.

Дѣятельность И. И. Боргмана въ петербургскомъ университетѣ выразилась, во 1) въ постановкѣ практическихъ занятій студентовъ физикою, отчасти по образцамъ, видѣннымъ имъ въ иностранныхъ университетахъ, отчасти выработанныхъ на основаніи приспособленія къ характеру преподаванія физ. въ нашемъ университетѣ. Существовавшія до него практическія занятія онъ расширилъ и возвелъ въ систему, которую и поддерживалъ при помощи сотрудниковъ, изъ которыхъ, по самостоятельности замысла, слѣд. отмѣтить В. В. Лермантова. Въ настоящее время И. И. Б. продолжаетъ вести такія занятія со студентами высшихъ курсовъ, давая имъ задачи на экспериментальное разрѣшеніе, отвѣты на которыя служатъ инымъ изъ студентовъ какъ матеріалъ для обязат. письменныхъ работъ до приступа къ государств. экзаменамъ. И. И. Б. читаетъ имъ объяснительныя лекціи, приспособленныя къ цѣли рѣшенія задачъ и вообще руководитъ развитіемъ студентовъ по предмету физики. Магистранты, къ нему обращающіеся, тоже пользуются его совѣтами и руководствомъ, продолжающимися до окончательнаго диспута.

2) Теоретическія лекціи имъ постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ обработывались пока онъ не оформилъ ихъ, по крайней мѣрѣ, по предмету электри-

чества и магнетизма недавно изданной имъ книгой озаглавленной: «Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ» С. П. Б. Часть I. Электростатика и электрическій токъ. 1893.—Часть II. Магнетизмъ, электромагнетизмъ, электродинамика и индукція. 1895.

Въ этомъ сочиненіи описываются явленія въ области магнетизма и электричества, и затѣмъ изложены гипотезы и теоріи, связывающія явленія между собою, какъ причины и слѣдствія. Теоретической части предоставлено наиболѣе мѣста и въ этомъ отдѣлѣ авторъ знакомитъ читателя съ современнымъ состояніемъ науки объ электричествѣ. Теоріи обработаны при помощи математическаго анализа: въ нихъ одно изъ важныхъ мѣстъ занимаютъ работы Максвелля. Сочиненіе И. И. Боргмана, обработанное по самостоятельному плану, представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу научную литературу и по ясности изложенія можетъ принести большую пользу и въ высшемъ преподаваніи.

Нѣкоторую часть времени И. И. отдаетъ и прикладному знанію, а именно— электротехникѣ (читаетъ въ электротехническомъ институтѣ) и преимущественно электрическому освѣщенію.

Вообще работы по электричеству, имъ начатыя въ нашемъ университетѣ, преобладаютъ со времени Э. Х. Ленца и И. И. можетъ считаться однимъ изъ представителей школы, идущимъ на ряду съ современными научными теоріями и экспериментальною частью. **Ѳ. Петрушевскій.**

Бордиловская, Ѳ. [1]) Напечатала: «назидательныя» книжки 1) *Разговоры двухъ дѣвушекъ о нравственности, покорности родителямъ и о пользѣ душевной отъ духовнаго чтенія.* Новгородъ 1847. 18°. 2) *Назидательные примѣры юношамъ.* Новгородъ 1848. 16°.

Боресковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, электротехникъ и воздухоплаватель [2]). Род. 19 апр. 1829 г. въ Петербургѣ, учился въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 г. Участвовалъ въ крымской компаніи, причемъ ему было поручено загражденіе Дуная подводными минами и производство подрывныхъ работъ для разрушенія крѣпостей Килія и Измаилъ. По окончаніи войны М. М. спеціально посвятилъ себя минному дѣлу и электротехникѣ и произвелъ рядъ изслѣдованій, давшихъ матеріалъ для премированнаго военнымъ вѣдомствомъ трактата: 1) „*Объ углубленіи взрывами фарватера рѣкъ и лимановъ*" («Инженер. Журналъ» 1859 г. № 3). Во время войны 1877—78 гг. М. М. Боресковъ, произведенный въ генералъ-майоры, завѣдывалъ минною частью дѣйствующей арміи. Въ настоящее время, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, завѣдуетъ электротехническою частью инженернаго корпуса.

---

[1]) *Кн. Голицынъ*, Словарь писательницъ. *Отзывъ* о „Назидател. примѣрахъ". „Отеч. Зап." 1848 г. Т. 58.

[2]) Ср. 1) „Ниву" 1885 г. № 37, съ портр. 2) Списокъ генераламъ на 1894 г. По поводу изслѣдованія „Объ углубленіи взрывами фарватеровъ": *И. Ч. С.* въ „Инжен. Журналѣ" 1860 г. № 1.

М. М. Боресковъ также отважный аэронавтъ и стоитъ во главѣ дѣла примѣненія воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ.

Кромѣ выше названнаго трактата М. М. Боресковъ напечаталъ: 2) *„Руководство къ минному искусству въ примѣненіи его къ подводнымъ оборонительнымъ минамъ и гидротехническимъ работамъ.* (Спб. 1876. 8°.384 стр. 21 л. черт.) и рядъ статей въ «Инженерномъ Журналѣ», гдѣ также печаталось по частямъ «Руковод. къ Минному искусству»:

3) *О подводныхъ фугасахъ, употребленныхъ на Дунаѣ въ 1854 г.* (1857 г. № 1). 4) *Нѣсколько словъ по поводу статьи: „Краткое описаніе способа употреблявшагося въ Севастополѣ для отрывки каменистаго грунта, при возведеніи оборонительныхъ построекъ* (1859 г. № 1). 5) *Письмо въ редакцію* (1860 № 1). 6) *По поводу замѣчаній на статью „Объ углубленіи взрывами фарватеровъ рѣкъ и лимановъ“* (1850 г. № 3). 7) *О гальваническихъ батареяхъ* (1857 г. № 4). 8) *О морскомъ ледоколѣ г. Н. Эйлера* (1866 г. № 4). 9) *Примѣненіе пороховыхъ взрывовъ къ прочисткѣ металлическихъ трубъ* (1865 г. № 1).

Борецкій («Русск. Мысль» 83, 84 гг.)—А. С. Пругавинъ.

* **Борзаковскій**, Владиміръ Степановичъ, историкъ [1]. Изъ дворянъ черниговской губерніи, родился въ 1834 году. Первоначальное образованіе получилъ во 2-й СПБ. гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ на историко-филологическомъ факультетѣ по отдѣлу наукъ историческихъ въ 1857 году.

Весьма непродолжительное время Б. былъ на службѣ въ ковенской гимназіи, затѣмъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ и занимался преподаваніемъ исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго министерства, а также вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (въ инженерномъ училищѣ, 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, Смольномъ Институтѣ и нѣкоторыхъ другихъ). Въ настоящее время (состоя въ чинѣ д. с. с) преподаетъ въ Смольномъ институтѣ.

Въ 1876 г. В. С. Б. окончилъ и напечаталъ свою диссертацію «Исторія Тверского Княжества», за которую спб. университетъ удостоилъ его степени магистра русской исторіи, а Академія Наукъ — Уваровской преміи. Диссертація издана въ томъ же 1876 г. книгопродавцемъ И. Мартыновымъ и содержитъ въ себѣ 269 стр. текста и 152 стр. примѣчаній мелкаго шрифта. По порученію Академіи Наукъ, рецензія написана проф. Е. Е. Замысловскимъ.

По окончаніи своего труда о тверскомъ княжествѣ, В. С. Б. принялся за новую диссертацію, на степень доктора, успѣлъ уже сдѣлать кое-что, какъ вдругъ

---

[1]) **Отзывы** объ „Истор. Твер. Княжество“: 1) „Древняя и Новая Россія“. 1876. Т. II № 5; стр. 73—74. (Рец. *К. Бестужева-Рюмина*). 2) „Дѣло“. 1876. № 9. стр. 71—76. 3) „Кіевскія Унив. Извѣстія“. 1875. № 4, стр. 1—2. (Библ. зам. *В. Иконникова*). 4) „Русская Старина“. 1876. Т. 16. № 6. (Библ. зам. на обертке). 5) *Е. Е. Замысловскій* въ „20 присужд. Уваров. наградъ. 6) *Кояловичъ*, „Исторія рус. самосознанія“. Стр. 490—92 и др.

его неожиданно поразила глазная болѣзнь, отъ которой онъ чуть не ослѣпъ. Это положило конецъ стремленіямъ его къ учено-литературной дѣятельности.

β.

Книга В. С. Борзаковскаго «Исторія Тверского княжества» представляетъ собою одну изъ самыхъ цѣнныхъ черновыхъ работъ въ области научнаго изученія мѣстной русской исторіи. Сложный процессъ созданія единаго московскаго государства изъ множества крупныхъ и мелкихъ удѣльныхъ княженій, незнакомыхъ древнѣйшей Руси, уясняется всего лучше, когда взглядъ историка скользитъ не отъ центра къ области, а наоборотъ, отъ области къ центру. Ив. Д. Бѣляевъ сдѣлалъ замѣчательную попытку въ этомъ родѣ, предпринявъ свои всѣмъ хорошо знакомые «Разсказы изъ русской исторіи»; въ послѣднее время кіевская школа В. Б. Антоновича придала этому изученію особенную систематичность и настойчивость, неизвѣстныя разработкѣ удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія. Работы А. И. Никитскаго, Н. И. Костомарова П. И. Мельникова, Д. И. Иловайскаго, Д. А. Корсакова и В. С. Борзаковекаго являются разрозненными попытками лицъ разныхъ школъ и направленій, лишенными единства цѣлей и пріемовъ научнаго изученія мѣстной исторіи; эти попытки въ общемъ не отвѣтятъ на многіе запросы современной русской исторической науки, ибо иныя изъ нихъ даже и не могли предвидѣть новѣйшихъ запросовъ послѣдней. Идея закономѣрности историческаго процесса, пустившая глубокіе корни въ наше время, была еще недостаточно ясна кое-кому изъ названныхъ сейчасъ авторовъ, представлявшихъ себѣ исторію едва ли не пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ» и довольствовавшихся ролями разсказчиковъ. Историкомъ-разсказчикомъ является въ своей книгѣ и В. С. Борзаковскій. Онъ превосходно изучилъ относящіеся къ тверскому княжеству первоисточники и литературу, съ громаднымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью разработалъ доставленныя ими данныя и на основаніи этой скрупулёзной разработки далъ намъ точное, подробное, цѣльное повѣствованіе о дѣятельности тверскихъ князей. Повидимому это было исключительной цѣлью нашего автора, озаглавившаго свою книгу «Исторіей тверского княжества», а давшаго на самомъ дѣлѣ исторію «внѣшнихъ сношеній тверскихъ князей», какъ выразился въ своемъ отчетѣ Е. Е. Замысловскій (Записки Академіи Наукъ, т. XXXIII, стр. 567). Князья заслонили собою княжество, о которомъ въ книгѣ г. Борзаковскаго читаемъ лишь въ первой да послѣдней (девятой) главахъ, наиболѣе слабыхъ во всемъ трудѣ. Г. Борзаковскій весьма силенъ тамъ, гдѣ ему на основаніи изученнаго матеріала приходится разсказывать біографіи своихъ героевъ—тверскихъ князей — но теряется и блѣднѣетъ, когда мимоходомъ касается быта изучаемой области. Не будучи ни филологомъ, ни археологомъ, онъ могъ дать лишь поверхностный очеркъ колонизаціоннаго процесса на территоріи тверского княжества, не будучи соціологомъ, онъ далъ мало удовлетворительную съ точки зрѣнія современной науки

главу подъ названіемъ: «замѣтки о внутреннемъ состояніи тверского княжества». Какъ истинный сынъ петербургской лѣтописной исторической школы, г. Борзаковскій начинаетъ свою книгу съ вопроса о томъ, «какой народъ жилъ раньше славянъ въ нынѣшней сѣверной и средней Россіи, а стало быть и въ той мѣстности, гдѣ впослѣдствіи времени образовалось тверское княжество», добросовѣстно излагаетъ результаты литературной разработки поставленнаго вопроса, усложняя его дальнѣйшими попутными вопросами о славянской колонизаціи верхняго Поволжья, переходитъ затѣмъ къ основной своей цѣли, біографіямъ тверскихъ князей, и послѣ ряда малозначительныхъ замѣчаній о внутреннемъ состояніи тверского княжества, благополучно заканчиваетъ свою работу справками о тверскихъ кунахъ. Жизнь народной массы, учрежденія и нравы остались совсѣмъ въ сторонѣ — все это склонилось предъ укоренившейся привычкой повѣствовать о событіяхъ. Высказываясь такъ о книгѣ г. Борзаковскаго, я вовсе не хочу умалить ея значеніе и съ охотой приведу слова современнаго ея появленію рецензента почтеннаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина: «читатель здѣсь имѣетъ дѣло не съ юношескимъ трудомъ, но съ зрѣлымъ сдержаннымъ изслѣдованіемъ: это плоды продолжительнаго изученія, которое не могло быть легкимъ при разсѣянности матеріаловъ, при отсутствіи указателей, при трудности добыванія провинціальныхъ изданій, безъ которыхъ подобное сочиненіе не можетъ быть кончено... нельзя не отдать справедливости тщательному и добросовѣстному изученію источниковъ, качеству не столь частому въ нашъ вѣкъ скорописанія... литература юридическая, насколько она касается занимающаго его времени, настолько же хорошо извѣстна ему, какъ географическая, археологическая и этнографическая литература... не желая, чтобы читатель вѣрилъ ему на слово, авторъ составилъ множество примѣчаній, дающихъ возможность повѣрить его слова, и приложилъ нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій по вопросамъ «наиболѣе темнымъ» (стр. 73—74 во II т. «Древней и Новой Россіи» за 1876 г.). Нѣсколько строже отнесся къ работѣ г. Борзаковскаго ея академическій рецензентъ Е. Замысловскій. Я считаю необходимымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ его обширнаго отчета, любопытныхъ для сопоставленія съ вышеприведенными словами г. Бестужева-Рюмина. «Къ несомнѣннымъ достоинствамъ труда, говоритъ г. Замысловскій, слѣдуетъ отнести: добросовѣстное изученіе источниковъ, пользованіе ими согласно съ требованія современной критики и основательное знакомство съ литературою, имѣющею отношеніе къ предмету изслѣдованія» и перечень которой «служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ неутомимаго трудолюбія и начитанности автора». Характерны упреки, которые дѣлаетъ г. Борзаковскому упомянутый рецензентъ: авторъ не приложилъ къ своему изслѣдованію указателя, карты, обозрѣнія источниковъ и пособій, а также памятниковъ тверской письменности и далъ нѣсколько совсѣмъ лишнихъ выписокъ въ своихъ примѣчаніяхъ. Замѣтивъ, что г. Борзаковскій нигдѣ не обмолвился ни словомъ о задачахъ своего изслѣдованія и что о нихъ

можно только догадываться, г. Замысловскій справедливо замѣчаетъ: «авторъ не сдѣлалъ общаго обозрѣнія событій тверского княжества, не опредѣлилъ его значеніе въ ряду другихъ земель и княжествъ русскихъ, но свелъ въ одно цѣлое замѣтки, которыя вообще касаются судебъ этого княжества. Въ своихъ общихъ выводахъ (?) онъ не всегда принималъ въ соображеніе всю сумму историческихъ условій и данныхъ, на которыхъ они могли бы быть основаны, хотя мы спѣшимъ замѣтить, что указанія на эти условія и данныя отыскиваются въ «Исторіи Тверского княжества», вообще отличающейся объективностью въ изложеніи фактовъ. Заботясь не столько объ отысканіи внутренней связи между ними и объ опредѣленіи ихъ значенія, сколько о томъ, чтобы ихъ вѣрно воспроизвести въ своемъ разсказѣ, авторъ старался найти ближайшее отношеніе между отрывочными извѣстіями, непосредственно извлекаемыми имъ изъ источниковъ и сохранялъ всѣ сколько нибудь замѣчательныя подробности фактическія... Г. Борзаковскій не сдѣлалъ никакихъ общихъ заключеній о дѣятельности тверскихъ епископовъ; но они, кажется, возможны и не излишни (тоже замѣчено о боярахъ и власти князей на стр. 595)». Авторъ вездѣ предоставляетъ выводы дѣлать самому читателю; этимъ отчасти объясняется громоздкость примѣчаній къ книгѣ, о которыхъ г. Замысловскій счелъ нужнымъ даже послѣ отзыва г. Бестужева-Рюмина сказать слѣдующее: «Значительную и весьма полезную въ научномъ отношеніи часть «Исторіи Тверского княжества» составляютъ примѣчанія г. Борзаковскаго. Число ихъ доходитъ до 1263; они напечатаны мелкимъ убористымъ шрифтомъ и занимаютъ 152 страницы, а собственно исторія Тверского княжества, напечатанная шрифтомъ болѣе крупнымъ—240 страницъ. Въ примѣчаніяхъ авторъ постоянно отмѣчаетъ всѣ сходныя извѣстія, имъ отысканныя въ источникахъ, выписываетъ изъ нихъ мѣста, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя или подтверждающія его мнѣнія, сопоставляетъ противорѣчивыя или несходныя между собою и сомнительныя; затѣмъ опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Эта кропотливая работа, требовавшая много времени, конечно, будетъ по достоинству оцѣнена учеными изслѣдователями, понимающими и всю ея тяжесть, и всю ея важность, и необходимость».

Итакъ, книга г. Борзаковскаго трудъ очень почтенный, богато обставленный, но, несомнѣнно, черновой, чуждый опредѣленной научной задачи, научныхъ выводовъ и какихъ-либо теоретическихъ построеній. Это отсутствіе философской подкладки и странное пристрастіе къ повѣствованію—черта петербургской исторической школы, въ которой воспитался г. Борзаковскій и которая еще продолжаетъ въ нашей исторической литературѣ поддерживать младенческіе взгляды на исторію, не какъ на науку, а какъ на кучу событій, художественно разрисованныхъ. Впрочемъ, этимъ взглядамъ приходитъ несомнѣнный конецъ; этотъ поворотъ въ наукѣ русской исторіи безапелляціонно рѣшенъ превосходными работами московскаго проф. П. Н. Милюкова, напечатанными въ «*Мірѣ Божіемъ*» и «*Русской Мысли*»: я разумѣю его «Очерки по исторіи русской культуры»

и «Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIV столѣтій» (см. замѣчательныя предисловія къ нимъ); и та, и другая работы надолго сдѣлаются исходными точками для преподавательской и ученой дѣятельности русскаго профессорства и начинающей ученой молодежи.

Василій Сторожевъ.

***Борзенко,** Александръ Александровичъ, юристъ [1]). Род. 19 ноября 1847 г. въ Тифлисѣ. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца, въ началѣ 60-хъ гг. занимавшаго постъ вице-губернатора въ Пензѣ. Въ 1860 г. поступилъ въ 4-ый классъ Дворянскаго Института въ Пензѣ, въ 1861—66 учился въ Ришельевской гимназіи въ Одессѣ. Кончивъ курсъ съ золотою медалью, сперва поступилъ въ Новороссійскій университетъ, затѣмъ въ 1867 г. перешелъ въ московскій, гдѣ въ 1870 г. кончилъ курсъ со степенью кандидата правъ. Зачисленный въ томъ же году стипендіатомъ Демидовскаго Лицея въ Ярославлѣ для приготовленія къ профессорскому званію, Борзенко съ 1870 по 1873 находился за границею, слушая лекціи въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Вернувшись въ 1873 г. въ Россію, состоялъ до 1884 г. исправляющимъ должность доцента гражданскаго и торговаго права въ ярославльскомъ Демидовскомъ лицеѣ. Въ 1885 г. защитилъ въ Кіевѣ диссертацію на степень магистра гражданскаго права, подъ заглавіемъ «Концессія желѣзнодорожнаго права», въ 1884 г. поступилъ въ число московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Моск. Вѣд.», главнымъ образомъ по юридическому отдѣлу. Впослѣдствіи—въ 1891 г., Борзенко разошелся и полемизировалъ съ этой газетой изъ-за нападокъ ея на рефератъ Владиміра Соловьева въ москов. психологическомъ обществѣ.

Въ 1889 г. совершилъ путешествіе въ Египетъ, Палестину и Грецію, въ 1892 г. принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ происходившаго въ Парижѣ международнаго конгресса «de la navigation interieur», и въ томъ же году читалъ докладъ о литературной собственности на международномъ литературномъ конгрессѣ въ Миланѣ. Лѣтомъ слѣдующаго 1893 г. Борзенко на международ-

---

[1]) **Отзывы** о *„Рус. Граждан. Право“*: „Судеб. Вѣст.“ 1876 г. № 274. На послѣдовавшее возраженіе автора (1876 г. № 282) появился отвѣтъ рецензента въ № 20 за 1877 г. О *„Граждан. ограниченіяхъ желѣзнод. предпріятій“*: 1) *Кр. Малышевъ* въ „Журн. Гражд. и Угол. Права“ 1882 г. № 2. 2) *В. Гольцевъ* въ „Юрид. Вѣст.“ 1881 г. № 12. 3) *С. Муромцевъ* въ „Юрид. Вѣст.“ 1884 г. № 1. По поводу *перевода Іеринга*: *Н. Коркуновъ* въ „Журн. Гражд. и Угол. Права“ 1881 г. № 2. О рѣчи на конгрессѣ уголовн. права въ Парижѣ былъ отчетъ въ Журн. Гражд. и Угол. Права“ 1893 г. (№ 8). Другія упоминанія о Б.:

1) *С. В. Максимовъ*, Крылатыя Слова. Здѣсь между прочимъ говорится, что заслуга истолкованія пословицы „ни кола, ни двора“ принадлежитъ А. А. Борзенко, который слову „колъ“ даетъ значеніе мѣры земли пахатной, такъ что смыслъ пословицы такой: не имѣетъ земли, не имѣетъ усадьбы“. 2) *Гальперинъ-Каминскій* „Авторское право. Спб. 1894.

номъ конгрессѣ Уголовнаго права въ Парижѣ произнесъ рѣчь о русскихъ сектантахъ-бѣгунахъ. Изъ Парижа онъ отправился въ Лондонъ гдѣ въ засѣданіи «Англо-Русскаго литературнаго общества» читалъ рефератъ объ русскихъ сношеніяхъ Бентама, а затѣмъ совершилъ путешествіе въ Сѣв. Америку. Поселившись въ Одессѣ, Б. въ 1894 оставилъ адвокатуру и снова поступилъ на государственную службу, въ качествѣ юрисконсульта одесской конторы Государственнаго Банка.

А. А. Борзенко напечаталъ:

Въ отдѣльномъ изданіи: 1) *Русское гражданское право.* Введеніе. Ярославль. 1875. 8°. 133 стр. 2) **Рудольфъ Іерингъ**, Интересъ и право. Правоспособность учредителей. Непреодолимая сила. Пассивныя дѣйствія правъ. Цѣль въ правѣ. Перев. съ нѣм. съ приложеніемъ статьи переводчика: *Учредительство и желѣзныя дороги.* Очеркъ желѣзнодорожнаго права. Ярославль. 1880. 3) *Личность общественность, собственность.* Ярославль. 1881. 8°. 50 стр. 4) *Гражданскія ограниченія желѣзнодорожныхъ предпріятій.* Сравнительно-законодательное изслѣдованіе. Часть I. Вещное Право. Ярославль 1881. Часть II. *Концессія желѣзнодорожнаго права.* М. 1883. 5) *Матеріалы по желѣзнодорожнымъ вопросамъ.* I. Желѣзныя дороги въ Англіи, Франціи и Россіи. II: а) Концессіи и уставы желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи по времени ихъ утвержденія. б) Законъ швейцарскаго союза о залогѣ и о принудительномъ взысканіи съ желѣзныхъ дорогъ. в) Предварительный проектъ имперскаго желѣзнодорожнаго закона. Ярославль. 1881. 6) *Литературная собственность въ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатахъ.* М. 1892. (Изъ „Рус. Обозр.“). 7) *Право автора на переводъ.* М. 1892. 8°. (Изъ „Рус. Обозр.“). 8) *Рѣчь, читанная въ засѣданіи Англо-Русскаго Литературнаго Общества въ Лондонѣ,* 3 окт. 1893. Спб. 1893. 9) *Промышленная Собственность.* Одесса 1893. Въ 1896 г. должна появиться на нѣм. яз. въ новомъ берлинскомъ журналѣ „Zeitschrift für den Schutz der gewerblichen und geistlichen Erzeugnissen“ въ переводѣ редактора его—проф. гейдельбергскаго университета Альберта Остерита. 10) *Вознагражденіе судебныхъ приставовъ по дѣламъ государственнаго банка.* 1895 (брошюра). 11) *Протестъ переводнаго векселя* (брошюра) 1895 г.

II. Статьи въ **періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ:**

Во „*Временникѣ Демидовскаго Лицея*“ (кромѣ вышедшихъ и въ отдѣльномъ изданіи №№ 1—5): 12) *Программа лекцій гражданскаго права*“. 1875 г. кн. 10, 1877 г. кн. 13 и 1880 г. кн. 22. 13) *Программа лекцій торговаго права.* 1879 г. кн. 17. 14) *Искъ о возвращеніи свыше стоимости уплаченнаго.* 1877 г. кн. 14. 15) *Единство рода и постепенность призванія къ открытому наслѣдству по закону.* Ibid. кн. 13.

Въ „*Юридическомъ Вѣст.*“: 16) *О правѣ на обсохшую въ прудѣ землю.* 1882 г. № 9. 17) Отчетъ о рефератѣ А. А. Б. въ моск. юридич. общ. *Сводный желѣзнодорожный законъ въ Англіи:* Протоколы засѣданій юрид. общ. 1881, № 9. 18) Отчетъ о его же рефератѣ въ томъ же обществѣ: *Австрійскій желѣзнодорожный законъ 19 мая 1874 г. и парламентскій актъ объ обезпеченіи, представляемомъ желѣзнодорожными компаніями 10 авг. 1866.* Протоколы засѣд. Юрид. Общ. 1881. № 2.

Въ „*Русскомъ Вѣст.*“: 19) „*Сенъ-Готардское желѣзнодорожное предпріятіе*“. (1882 г., № 11).

Въ „*Рус. Обозрѣніи*": 20) *Современное государство и его дѣятельность*. 1890 г. № 12. (Разборъ соч. Поля Леруа-Болье „L'etat moderne et ses fonctions"). 21) *Pacta sunt servanda*. Тамъ же. (Разборъ III т. „Курса Граждан. Права" К. П. Побѣдоносцева). 22) *Возраженіе на статью „Нѣкоторыя юридическія соображенія по поводу реферата г. Соловьева", помѣщенную въ № 339 „Моск. Вѣд." 1891 г.* 1891. № 12. 23) Разборъ книги Н. В. Муравьева „Руковод. для волостныхъ судовъ". 1890. № 8. 24) *Свободная торговля и покровительственная система въ Россіи*. Разборъ доклада Моск. Отд. „Общ. для содѣйствія рус. промышл. и торговлѣ" Л. В. 1891. № 5. 25) *Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ*. 1892 г. № 3).

Въ *Трудахъ междунар. литер. ассоціаціи*—(Association internationale litteraire. Paris 1892 г.)—26) *Rapport sur le droit d'auteur* à la traduction de son oeuvre". Рус. переводъ доклада появился въ „Судеб. Газетѣ" за сентябрь 1892, нѣмецкій—въ „St. Petersb. Zeitung" и „St. Petersb. Herold.

Въ *Трудахъ Англо-Рус. Литер. Общества* (Proceeding of the Anglo-Russian Litterary Society) 1893 г.: 27) Рефератъ объ рус. отношеніяхъ Бентама.

Въ „*Журн. Гражд. и Уголов. Права*: 28) *Опекунская Реформа*. 1892 г. № 12.

Въ „Revue penitentiaire" 1894 г. (апрѣль) и въ одесскихъ газетахъ начала апрѣля 1894 г. была напеч.: 29) Рѣчь сказанная А. А. Борзенко въ торжественномъ засѣданіи 3 апр. 1894 г. одесскаго Юридическ. Общества по случаю 25-ти-лѣтія введенія Судеб. реформы на югѣ Россіи.

Въ „*Рус. Вѣдом.*": а) 30) *Терминъ „секвестръ" въ сводѣ законовъ*. 1891, № 326.

Въ „*Москов. Вѣд.*": 31) Рядъ статей по вопросамъ желѣзнодорожнаго права съ іюля 1883 г. по конецъ года. 32) *Уголокъ Востока*, путевыя замѣтки, май 1889 г.

33) *Судебная рѣчь* въ москов., судеб. палатѣ по обвиненію С. Ѳ. Шарапова въ клеветѣ въ печати инспектора добровольнаго флота М. В. Вахтина. 1891, № отъ 6 февр.

Въ „*Судеб. Газетѣ*": 34) Рядъ статей по разнымъ юридичесхимъ вопросамъ въ 1893 г.

Весною 1889 г. правитель канцеляріи мин. вн. дѣлъ при гр. Д. А. Толстомъ, извѣстный инициіаторъ реформы волостного суда и введенія института земскихъ начальниковъ—А. Д. Пазухинъ предложилъ А. А. Борзенко составить проектъ повременнаго изданія, посвященнаго обсужденію главнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни русскаго общества и государства. Борзенко представилъ подробную записку, въ которой предлагалъ организовать періодическое изданіе, на подобіе „Zeit-und Streit Fragen" въ Германіи, подъ назв. „Повременныя монографіи". А. Д. Пазухинъ отнесся очень сочувственно къ мысли Борзенко, но смерть гр. Толстого остановила практическое осуществленіе этой мысли.

Въ своихъ работахъ, посвященныхъ желѣзнодорожному праву, авторъ имѣетъ въ виду указать на вліяніе экономическихъ отношеній въ каждой странѣ на развитіе и особенности создавшагося въ ней желѣзнодорожнаго законодательства. Развитіе и могущество капитала во Франціи при дробности поземельной собственности подчинили послѣднюю требованіямъ желѣзнодорожныхъ компаній. Нерѣдко частная собственность экспропріируется въ интересахъ желѣзнодорожныхъ компаній во Франціи за фиктивную цѣну. Цѣлые участки земли отходятъ отъ частныхъ лицъ въ пользу желѣзнодорожныхъ компаній за мнимую цѣну въ одинъ франкъ. Иначе сложились отношенія въ Англіи, гдѣ крупная

поземельная собственность наложила на компаніи цѣлый рядъ ограниченій въ свою пользу. Наконецъ могущественная административная власть въ Германіи соединила въ своемъ завѣдываніи управленіе рельсовыми путями, сдѣлавъ ихъ государственными (Verstaatlichung der Eisenbahnen).

Магистерская диссертація А. А. Борзенко «*Концессія желѣзнодорожнаго права*» (Москва 1883 годъ) устанавливаетъ то основное положеніе «концессіоннаго права», что оно имѣетъ характеръ прекарный и подлежитъ отмѣнѣ по усмотрѣнію той государственной власти, которая даровала концессію. Наиболѣе авторитетный изъ рецензентовъ диссертаціи — С. А. Муромцевъ отнесся къ ней отрицательно, какъ къ труду несамостоятельному и не достаточно точно излагающему результаты чужихъ изслѣдованій.

Борзенковъ, Дмитрій Семеновичъ [1]), профессоръ словесности харьковскаго унив. 1820-хъ гг. и библіотекарь его. За его подписью помѣщено въ журналахъ того времени: 1) *О происхожденіи языковъ сарматскаго и славянскаго отъ мидскаго и о сходствѣ оныхъ съ языкомъ санскритскимъ*. Пер. съ франц. «Труды Харьк. Общ. Наукъ» 1817 г. № 2. 2) *Два письма о приведеніи въ порядокъ республики, писанныя къ К. Цезарю, К. К. Саллюстіемъ*. Съ латин. Тамъ же. 3) *Рѣчь на погребеніе Р. Т. Гонорскаго*. «Украин. Вѣст.» 1819. № 8.

Борзецовскій, Семенъ, титулярный совѣтникъ. Составилъ и перевелъ:

1) *Краткое руководство къ Логикѣ*, или прямое употребленіе разума къ умствованію и различенію истиннаго отъ ложнаго; Спб. 1821. 8°. 2) *Всеобщая Исторія Юстина*, извлеченная изъ бытописаній Трога Помпея; пер. съ лат. съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, служащихъ къ поясненію оной. Спб. 1824. 8°.

Борзовъ, Гаврило. Перевелъ:

Описаніе судоходныхъ каналовъ, выкопанныхъ въ Англіи съ 1759 года и нынѣ по большей части оконченныхъ, для внутренняго сообщенія знатнѣйшихъ торговыхъ городовъ, съ присовокупленіемъ опыта исторіи о внутреннемъ судоходствѣ и всѣхъ донынѣ внутри и внѣ Европы извѣстныхъ судоходныхъ каналовъ; соч. Гогрева; съ нѣм. Спб. 1800. 4°.

Борисова, А. [2]). Написала: «*Разсказы для дѣтей*». М. 1890. Ц. 1 р. Книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду развить въ дѣтяхъ добрыя чувства, но ей вредитъ слащавость. Иногда авторъ впадаетъ въ анахронизмы (упоминаетъ о существованіи подзорныхъ трубъ тысячу лѣтъ тому назадъ); иногда—допускаетъ совершенно непедагогическія фразы (напримѣръ—о пророческомъ значеніи сновъ), могущія развить въ дѣтяхъ суевѣріе. Одинъ разсказъ («Иванъ Сусанинъ») написанъ вялыми стихами. **В. К.**

---

[1]) 1) *Кеппенъ*. Списокъ слобод. украин. писателямъ. 2) Списокъ истор. общ.

[2]) О „Разсказахъ": „Рус. Вѣдом." 1889 № 349.

Борисовъ, Аркадій Васильевичъ—математикъ [1]). Образованіе получилъ на математическомъ факультетѣ спб. университета, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ. Съ 1882 и до 1893 гг. читалъ въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ аналитическую механику. Преподавалъ математику въ 3-й спб. гимназіи. Ум. 16 марта 1895 г. Ему принадлежитъ «*Курсъ теоретической механики*». Ч. I. Кинематика. 8°. Спб. 1892 г. 170 стр.

Борисовъ, Василій, перевелъ: 1) *Наставленіе отъ отца къ сыну*, при отпускѣ его въ университетъ, *Г. Геллерта*; съ нѣм. М. 1798. 8°. 2) *Краткое, точное историческое описаніе народнаго мятежа*, произведеннаго въ Вѣнѣ выставленнымъ трицвѣтнымъ знаменемъ отъ французскаго посольства, 18 апрѣля 1798 г. Съ франц. М. 1799. 12°. 3) *Новѣйшее физическое воспитаніе дѣтей;* съ франц. М. 1800. 12°.

Борисовъ, Владиміръ Александровичъ, археологъ [2]). Предки его были богатые разнощики, вышедшіе въ 1765 г. на свободу посредствомъ выкупа отъ владѣльца с. Нижній Ландехъ гороховецкаго уѣзда владимірской губ., князя Черкасскаго, и потомъ записавшіеся въ гороховецкое купечество. Родъ Б. уже при Петрѣ Великомъ занимался торговлею въ Сибири, а позднѣе—въ Украйнѣ и, наконецъ, хлѣбною оптовою торговлею въ Моршанскѣ, Рыбинскѣ и Москвѣ. Б. родился въ 1809 г. въ томъ же Нижнемъ Ландехѣ. По смерти отца Б. въ 1811 г., мать его, изъ рода шуйскихъ купцовъ Барановыхъ, переѣхала на свою родину с. Горицы шуйскаго уѣзда. Первоначальное образованіе Б. получилъ у мѣстнаго причетника, а затѣмъ въ открывшемся въ 1820 г. въ с. Дуниловѣ, по сосѣдству съ Горицами, приходскомъ училищѣ. Онъ выучился часослову, псалтири и чтенію—тѣмъ его образованіе и ограничилось. Но послѣ дѣда Б., просвѣщеннаго для своего времени и среды человѣка, осталась довольно большая библіотека. Здѣсь среди разныхъ историческихъ сочиненій и описаній путешествій Б. нашелъ нѣсколько старинныхъ гравюръ и два хронографа, переписанные его дѣдомъ еще въ 1786 г. Это пробудило въ немъ любовь къ старинѣ, развившуюся подъ вліяніемъ чтенія «Моск. Вѣдомостей» и, особенно, «Моск. Телеграфа», который выписывался образовавшимся среди молодыхъ купцовъ кружкомъ любителей чтенія.

---

[1]) 1) Пятидесятилѣтіе института гражд. инженеровъ. 2. *Гельбке*, Календарь для учителей на 1895—96 гг., ч. II, стр. 143.

[2]) 1) *Геннади*. Словарь. 2) *В. Р(удаковъ)*. Энцикл. словарь Брокгаузъ-Ефрона (ошибочно названъ Владиміромъ Андреевичемъ). 3) Энцикл. словари *Толя* (дополненіе), *Березина*, *Гарбеля*, *Клюшникова*. 4) *В. П. Безобразовъ*. Отчетъ рус. географическаго общества за 1862 г. 5) *К. Н. Тихонравовъ*. „Владим. Губ. Вѣдом.“ 1862, № 4 и „Труды Владим. Губ. Статистич. комитета“, вып. III (1864). 6) *Петръ Гундобинъ*. „Моск. Вѣдом.“ 1862, № 31. 7) *И. Лядовъ*. „Влад. Губ. Вѣдом“. 1862, № 4. 8) Протоколъ годичнаго собранія владим. губ. статистич. комитета. Ibid; 1862, № 13.

Отзывы объ „*Описаніи г. Шуи*“ 1) „Современникъ“ 1852, № 3. 2) „Отеч. Зап.“ 1852, № 8. 3) *М. К.* „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1852, т. 75. 4) „Москвитянинъ“ 1851, № 24. 5) „Спб. Вѣдом.“ 1852, № 200

Конецъ 1820-хъ и начало 1830-хъ гг. Б. провелъ въ Бѣлоруссіи, работая для торговаго дѣла своей матери, оборотъ котораго (бумажно-ситцевые, холщевые и т. п. товары) простирался до 250—300000 руб. ассигнаціями въ годъ. Въ 1832 г. Б. познакомился съ извѣстнымъ изслѣдователемъ старины, протоіереемъ М. Я. Діевымъ, подъ вліяніемъ котораго сталъ отыскивать въ разныхъ архивахъ старинные акты; изъ нихъ числа около ста напечатано въ «Актахъ археографической коммиссіи». Между тѣмъ торговыя дѣла Борисовыхъ пошли хуже. Въ 1836 г. торговля ихъ прекратилась окончательно, и Б. поступилъ въ 1838 г. приказчикомъ къ шуйскимъ купцамъ Посылинымъ, у которыхъ управлялъ главною товарною кладовою и ситцевою фабрикою до 1846 г., когда завелъ небольшіе каменный и кирпичный заводы. Послѣдній за безвыгодностью пришлось оставить, а первый поддерживалъ существованіе Б. до самой его смерти. Впрочемъ, ему постоянно приходилось нуждаться, что̀ и отвлекало его отъ занятій археологіей,—обстоятельство, на которое онъ горько жалуется въ одномъ изъ писемъ къ К. Н. Тихонравову.

Б. состоялъ членомъ-соревнователемъ московскаго общества исторіи и древностей съ 1835 г., членомъ губернскаго статистическаго комитета съ 1854 г. и членомъ-сотрудникомъ русскаго географическаго общества съ 1856 г. За занятія отечественною исторіею онъ получилъ, по ходатайству губернаторовъ Донаурова и Тиличеева, въ 1847 г., серебряную медаль для ношенія на шеѣ (тогда онъ былъ шуйскимъ мѣщаниномъ), а въ 1858 г.—возведенъ въ званіе личнаго почетнаго гражданина. Кромѣ того, онъ, живя въ 1831 г. въ Шкловѣ, былъ избранъ главнымъ смотрителемъ больницы и вспоможенія нуждающимся во время холерной эпидеміи; въ 1850 г.—мѣщанскимъ шуйскимъ старостою для составленія обывательной книги, а въ 1853 г.—шуйскимъ городскимъ старостою.

Б. умеръ въ Шуѣ 13 января 1862 г. Вдова его, Ирина Федоровна, осталась въ крайне стѣсненномъ положеніи, почему губернскій статистическій комитетъ назначилъ ей въ пособіе 5% съ имѣющей поступить за всѣ комитетскія изданія суммы и, независимо отъ того, вошелъ съ представленіемъ о пособіи ей въ литературный фондъ.

Первыя печатныя работы Б—ва, въ виду его неумѣнія владѣть перомъ, редактировались учителемъ шуйскаго уѣзднаго училища В. А. Бѣляевымъ, а затѣмъ уже онъ писалъ совершенно самостоятельно.

Б. напечаталъ: 1) «*Описаніе города Шуи и его окрестностей*» съ приложеніемъ старинныхъ актовъ, видомъ Шуи и картою уѣзда. М. 1851, 8°. Эта книга, представляющая много интересныхъ историческихъ подробностей, является важнѣйшимъ трудомъ Б.

Въ журналахъ и сборникахъ онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ замѣтокъ и сообщилъ множество историческихъ документовъ:

Объ „*О бракосочетаніи Петра Великаго*“: *А. Н. Афанасьевъ* въ „Чтеніяхъ въ общ. исторіи и древн.“ 1861, кн. 3.

Въ „**Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду**“: 2) „*Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ русскихъ лѣтописяхъ*“ (1837, № 47). Въ „**Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей Росс.**“: 3) „*Допросныя рѣчи шуянъ о набѣгѣ литовцевъ на Шую и ея окрестности*“ (1846, № 5); 4) „*Запись въ крестьяне 1865 г.*“ (ib.); 5) „*Усыпальница рода Собакиныхъ*“ (ib); 6) „*Актъ относящійся до разбоя, производившагося на рѣкахъ Волгѣ и Окѣ*“ (1847, кн. 8), 7) „*Показанія шуйскихъ поповъ и прочихъ въ 1619 г. о набѣгѣ литовцевъ и черкасовъ на Шартомскій (близъ Шуи) монастырь и объ его опустошеніи*“ (ib); 8) „*Актъ объ опустошеніи шуйскаго уѣзда поляками и русскими въ 7124/1616 году*“ (1847, кн. 3); 9) *Письмо ростовскаго митрополита Іоны къ тестю царя Алексѣя Михайловича, Ильѣ Даниловичу Милославскому*“ (1848, кн. 5); 10) „*Пенная память за убійство 1665 г.*“ (ib.); 11) „*Прошеніе къ государю Петру I объ осмотрѣ неизвѣстнаго мертваго тѣла 1702 г.*“ (ib); 12) „*Акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ въ XVII в.*“ съ предисловіемъ (1859, кн. 2); 13) „*Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ*“ (1860. кн. 3); 14) „*Акты, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрій шуянъ въ XVII вѣкѣ*“ (ib); 15) „*О бракосочетаніи Петра Великаго съ Екатериною*“ (1861, кн. 2); 16) „*Два акта о спорѣ шуянъ съ крестьянами селъ Иванова и Васильевскаго о переямныхъ пошлинныхъ деньгахъ за разные товары и продукты въ 1666 г.*“ (1861, кн. 4); 17) „*Челобитная, поданная въ 1620 г. царю Михаилу Θеодоровичу отъ суздальцевъ на архіепископа Іосифа Кіянина, въ разграбленіи у нихъ кожевень*“ (1863, кн. 1). Во „**Владим. Губ. Вѣдомостяхъ**“: 18) „*Два древнихъ преданія, существующихъ въ с. Гаврицахъ шуйскаго уѣзда*“ (1862, № 3); 19) „*Нѣчто о старыхъ и новыхъ обычаяхъ*“ (ibid); и 20) *Рядъ мелкихъ, обыкновенно неподписанныхъ, статей, помѣщавшихся съ 1838 по 1861 г.* Въ „**Библіографическихъ Запискахъ**“: 21) *Письма А. Ф. Мерзлякова, К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина, гр. Хвостова, И. И. Дмитріева и др. къ Н. Ф. Грамматину*“ (1859. № 11); 22) „*Письма А. Е. Измайлова къ Н. Ф. Грамматину*“ (1859, №№ 13 и 14); 23) „*Письма Д. В. Дашкова*“ (1859, № 9); 24) „*Письма Каченовскаго къ Грамматину*“ (1859, № 8); 25) „*Письма М. В. Милонова*“ (1859. № 10); 26) „*Письма Сандунова къ Н. Ф. Граматину*“ (1859, № 8). Во „**Временникѣ Имп. Общ. Исторіи и Древн.**“: 27) „*Книга о строеніи Сокольскаго городка на р. Воронежѣ въ 1666 г.*“ (1850, кн. 5); 28) „*Наказъ нарымскаго острога воеводѣ Василью Якову 1622 г. о ясачномъ, о денежномъ сборѣ, о казенномъ хлѣбопашествѣ*“ (1853, кн. 17); 29) „*Челобитная царю Алексѣю Михайловичу, поданная въ 1654 г. Волковымъ*“ (1855, кн. 23). Въ „**Вѣстникѣ Имп. Рус. Географ. Общ.**“: 30) „*Свѣдѣнія о кузнечномъ мастерствѣ въ шуйскомъ уѣздѣ*“ (1856, ч. 17); 31) „*Торговля г. Юрьева Польскаго въ 1684 г.*“ (1858, ч. 22). Въ „**Сборникѣ, изд. Имп. Рус. Геогр. Общ.**“: 32) „*Опись краткая г. Шуи (1778) и строенію въономъ*“ (1862, вып. V). Въ „**Маякѣ**“: 33) „*Замѣчательный крестьянинъ*“ (1841, т. XIII). Часть собраннаго Б. матеріала вошла въ „Историческіе акты, изд. археографическою коммиссіею“. Вѣроятно, ему же (В. И. Борисову) принадлежитъ: 34) „*Слѣдственный обыскъ о поступкахъ мятежника Болотникова въ 1613 г.*“ („Москвитянинъ“ 1856, т. IV).

Борисовъ, Владиміръ Михайловичъ [1]), съ 1867 по 1869 пробылъ 6 семестровъ въ Петровско-Разумовской земледѣльч. академіи, въ 80-хъ гг. былъ секретаремъ статистическаго комитета въ Тулѣ.

---

[1]) Ср.: 1) „Сборникъ Свѣд. о Петров. Землед. Акад.“. 2) „Дѣло“ 1879 г. № 10. (Отзывъ объ „Экскурсіи на р. Молочную“).

Отдѣльно напечаталъ: 1) *Экскурсія на рѣку Молочную.* Опытъ сельско-хоз. и эконом. изслѣд. южно-рус. хозяйствъ. Хозяйства рус. землевладѣльцевъ, землевладѣльцевъ-менонитовъ и колонистовъ-менонитовъ и лютеранъ. Вып. 1. (Совмѣстно съ **Н. К. Калагеоргіемъ.**). Спб. 1878. 8°. 103 стр. Первонач. напеч. въ „Сельск. хоз. и лѣсовод." 2) *Статистико-экономич. изслѣдованіе Сергіевской волости Тульскаго уѣзда.* Тула 1880. Составл. по порученію Тульск. уѣзд. земскаго собр. 3) *Статистико-экономич. изслѣдованіе волостей Тульск. у.* Тула. 1881. Составл. по поруч. Тульск. уѣзд. земства.

Въ **журналахъ**:

Въ „**Трудахъ Вольн. Экон. Общ.**": 1) „*Воздѣлываніе лекарствен. растеній*" 1869. 2) *Описаніе выставки скотоводства въ Спб. 1869 г.* 1869 — 70. 3) *Изъ Суджанскаго и Льговскаго у. Кур. губ.* 1878. III. 4) *Сельско-хозяйственные и экономич. очерки.* 1878 г. II. 5) *Кустарные промыслы на всер. выставкѣ въ Москвѣ*, 1882. III.

Въ „**Земледѣльч. Газетѣ**": 6) „*Нѣсколько данныхъ объ урожаѣ хлѣбовъ на черноземѣ Тульской губ.* 1870 г. № 37. 7) *Объ истощеніи чернозема воздѣлываемыми на немъ хлѣбами.* Ib. № 40. 8) *Нѣсколько данныхъ объ урожаѣ хлѣбовъ нѣкоторыхъ культурныхъ растеній на черноземѣ Тульск. губ.* 1871 г. № 35. 9) *Сельско-хозяйственные очерки восточ. берега Чернаго моря.* 1873 г. № 50 — 52; 1874 г. № 1, 3, 8, 9. 10) *Первая губ. земская выставка рог. скота въ г. Елизаветградѣ.* 1873 г. № 21. 11) *Листопадъ херсон. губ. на поляхъ.* 1873 г. № 27. 12) *Нѣсколько данныхъ для учета полевыхъ работъ въ сѣв. части чернозем. раіона.* 1879 г. № 34, 50. 13) *Приготовленіе сѣмянъ въ им. И. А. Долинина-Иванскаго.* 1879 г. № 51, 52.

Въ „**Сельск. хозяйствѣ и лѣсовод.**": 14) *Рядъ сельско-хоз. очерковъ*, за подп. *Е. К. Т.* 1870—71: 15) *Десятинщики херсонской губ.* 1876. 16) *Урожай хлѣбовъ за 50 лѣтъ въ одномъ имѣніи уѣзда Елисаветградскаго, Херсон. губ.* 1877. 17) *Учетъ удобренія въ имѣніи И. А. Долинина-Иванскаго Чернскаго у. Тул. губ.* 1880.

Въ „**Трудахъ**" *4 съѣзда рус. сельск. хозяевъ въ Харьковѣ:* 18) *О вредныхъ насѣкомыхъ Херсон. губ.* Докладъ.

Въ „**Земствѣ**": 19) *Земледѣліе и земское представительство въ Тульск губ.* 1881 г. № 4.

Въ журн. „**Скотоводство**": 20) *Изъ Курской губ.* 1878 г. № 7 и 8. 21) *Вопросъ о чумѣ на V всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ.* 1878 г. № 4. 22) *Вопросъ о конокрадствѣ на V всерос. съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ г. Одессѣ.* 1879 г. № 3 и 4. 23) *Вопросъ о травосѣяніи и удобреніи на V всер. съѣздѣ въ Одессѣ.* 1879 г. № 5. 24) *Изъ Курской губ.* 1879 г. № 6, 13 и 14. 25) *По поводу V всер. съѣзда сел. хозяевъ въ Одессѣ.* 1879 г. № 7, 8, 9. 26) *Нѣсколько данныхъ для учета содержанія скота на черноземѣ Тульск. губ.* 1879 г. № 17—19. 27) *По поводу проекта страхованія рогатаго скота въ тульск. земствѣ.* 1880 г. № 4.

Въ „**Трудахъ коммиссіи по изслѣд. кустар. промыш.**": 28) *Самоварно-наводильный и котельный промыслы.* 1882. Вып. VII. 29) *Исторія развитія кустарныхъ промысловъ въ г. Тулѣ. Тульскомъ уѣздѣ и мѣры къ дальнѣйшему развитію.* 1883. Вып. IX. 30) *Гармонно-ящичный промыселъ Мясновской волости Тульскаго уѣзда.* Тамъ же. 31) *Кустарная промышленность на всеросійской промышленно-художе. выставкѣ въ г. Москвѣ въ 1882 г.*

Въ „**Трудахъ съѣзда членовъ Имп. Рус. Технич. Общ.**": 1883, т. III. 32) *Докладъ о кустарной промышленности*, о доставленіи сырыхъ матеріаловъ кустарямъ, объ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ можетъ быть развиваема форма кустарнаго производства, о складахъ, артеляхъ и частной иниціативѣ, какъ средствахъ для развитія различныхъ отраслей кустарной промышленности.

Кромѣ того, В. М. Б. помѣщалъ статьи и корреспонденціи въ „Недѣлѣ", „Голосѣ", „Харьков. губ. вѣд.", „Туль. губ. вѣд.", „Одес. Вѣст.", „Нов. Времени" и др.

Борисовъ, Вячеславъ Евстафьевичъ, капитанъ генеральнаго штаба, род. въ 1861 г., произведенъ въ офицеры въ 1882 г., служилъ въ 64 пѣхотномъ Казанскомъ полку, затѣмъ состоялъ при Виленскомъ военномъ округѣ, академію генер. штаба окончилъ въ 1890 г., съ 1894 старшій адъютантъ штаба южно-уссурійскаго отдѣла.

Вмѣстѣ съ **А. Сыцянко** составилъ: «*Матеріалы для исторіи русской арміи. Походы 64-го пѣхотнаго казанскаго Е. И. В. великаго князя Михаила Николаевича полка. 1642—1700—1886*» (съ посвященіемъ августѣйшему шефу). Спб. 1888. 8°. XVI+819 стр. Это документальное изслѣдованіе о полку, прошлое котораго тѣсно связано съ русскою боевою славою, потребовало отъ авторовъ большого труда. Сначала они составили «*Краткій очеркъ исторіи казанскаго полка*» (не напечатанъ), въ которомъ, придерживаясь хроники россійской императорской арміи, вели его происхожденіе изъ полка солдатскаго Ивана фонъ-Дельдена, въ 1708 г. переименованнаго въ казанскій. Новыя разысканія Б. и Сыцянко убѣдили ихъ, что, идя такимъ путемъ, можно было только дать исторію 80-го пѣхотнаго кабардинскаго полка, называвшагося до 1819 г. казанскимъ, въ то время какъ настоящій казанскій полкъ именовался ширванскимъ. Составленный очеркъ пришлось переработать заново. При этомъ Б. и Сыцянко документально разъяснили всю путаницу отношеній, возникшихъ между казанскимъ, кабардинскимъ и ширванскимъ (нынѣшнимъ) полками, причемъ, по ихъ иниціативѣ, командиръ казанцевъ В. К. Жерве добился возвращенія имъ чтимаго отличія—георгіевскихъ знаменъ, данныхъ послѣ краонскаго боя 1816 и совершенно напрасно перешедшихъ къ *новому* ширванскому полку. **В. К.**

* **Борисовъ**, Евгеній Васильевичъ, математикъ [1]), род. 28 февраля 1854 г. въ С.-Петербургѣ. Сынъ оберъ-офицера, православнаго вѣроисповѣданія. Воспитывался въ I-й Спб. гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1874 году — въ томъ же году поступилъ студентомъ въ Спб. университетъ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата математ. наукъ въ 1878 году. По окончаніи курса былъ оставленъ при университетѣ на 3 года для приготовленія къ профессорскому званію. Съ 1880 года состоитъ преподавателемъ математики въ 2-й Спб. прогимназіи. Въ 1881 году сдалъ экзаменъ, а въ 1891 году, 3 февраля, защитилъ диссертацію на степень магистра чистой математики. Съ 1891 года состоитъ приватъ-доцентомъ при Спб. университетѣ.

Труды Е. В. Б.: 1) «*Объ Интегрированіи диф. уравненій при помощи непрерывныхъ дробей*» (1877 г.—рукопись 4°, 209 стр.—студенч. работа, за которую былъ награжденъ серебряною медалью). 2) «*О приведеніи положитель-*

---

[1]) Ср. Біографич. словарь проф. петерб. университета.

ныхъ тройничныхъ квадратичныхъ формъ по способу Зеллинга [1]) (1890 г., Спб., 8°, 108+116=224 стр.) (диссертація на степень магистра). 3) *О критическихъ центрахъ кривыхъ 3-го порядка* («Сборникъ москов. математ. общ.» 1894 г. т. XVII).

* **Борисовъ,** Евгеній Ивановичъ [2]), сынъ священника села Вербовца, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, родился въ 1853 году. Въ 1863 году поступилъ въ уманское духовное училище, по окончаніи въ немъ курса перешелъ въ 1869 году въ кіевскую духовную семинарію, изъ которой, неокончивъ полнаго курса, вышелъ въ 1873 году и поступилъ въ число студентовъ Новороссійскаго университета, по юридическому факультету. Университетъ окончилъ въ 1877 году со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Служилъ около трехъ мѣсяцевъ въ одесской конторѣ государственнаго банка помощникомъ секретаря по вольному найму, и около полугода помощникомъ дѣлопроизводителя въ одесской городской управѣ. Писать началъ еще студентомъ, напечатавъ въ 1875 г. въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» фельетонъ 1) «*Выгодный урокъ*», затѣмъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» начали появляться статьи и корреспонденціи, съ заглавіемъ и безъ заглавія, съ подписью инициалами и безъ всякихъ подписей. Съ закрытіемъ «Кіевскаго Телеграфа» въ 1876 году, Е. И. дѣятельно сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ этой газетѣ, кромѣ статей и корреспонденцій, касавшихся русской жизни, было помѣщено нѣсколько корреспонденцій изъ Австріи и преимущественно Галиціи, въ которой Б. жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1878 году. Живя въ Австріи, онъ близко сошелся съ галицкими малорусскими литераторами Франко и Павликомъ и помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ «Громадськiй Другъ», «Дзвінъ», «Молотъ». Въ 1879 году въ журналѣ «Слово» помѣстилъ двѣ статьи: 2) «*Малорусское сельское общество*» въ № 1 и 3) «*Нищенство по русскому законодательству*» въ № 4. Послѣдняя статья представляетъ извлеченіе изъ кандидатской диссертаціи. Въ половинѣ 1879 года былъ сосланъ въ Якутскую область, въ городъ Верхоянскъ. За время пребыванія въ Сибири, съ 1879 по 1881 г., помѣстилъ нѣсколько статей изъ сибирской жизни въ газетахъ «Сибирь», «Олекминскіе скопцы» и др., въ «Сибирской Газетѣ» (отмѣтимъ статью «Выборъ улуснаго головы» за подписью Якутофилъ), и въ «Русскомъ Курьерѣ». Приготовлено было имъ, кромѣ того, рядъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ «По Сибири». Очерки эти приняты были редакціею журнала «Русская Мысль», но не появились въ свѣтъ по независящимъ отъ редакціи и автора обстоятельствамъ. Встрѣтило затрудненія и довольно объемистое сочиненіе «Якутская область и Якуты», побывавшее въ Географическомъ Обществѣ и затѣмъ пере-

1) Съ приложеніемъ таблицы приведенныхъ формъ для всѣхъ опредѣлителей отъ 1 до 200.

2) Свѣдѣнія получены въ 1889 году.

данное въ ред. «Восточнаго Обозрѣнія» Ядринцева для напечатанія въ «Сибирскомъ Сборникѣ». По пріѣздѣ въ Кіевъ, въ іюлѣ 1881 года, Е. И. писалъ въ «Трудѣ» и «Зарѣ». Къ концу этого года М. И. Кулишеръ предложилъ ему постоянное сотрудничество въ «Зарѣ» и завѣдываніе внутреннимъ отдѣломъ. За это время написано имъ въ газетѣ множество статей по вопросамъ экономическимъ, бытовымъ, текущей жизни, библіографическихъ замѣтокъ, театральныхъ рецензій, фельетонныхъ набросковъ. Въ № 2 «Сѣвернаго Вѣстника» за 1885 годъ помѣщена была статья 4) «*Малорусская драматическая литература*»; на эту же тему написано было Б. нѣсколько статей въ 1883 году въ журналѣ «Искусство». Въ 1884 году Б. пришлось оставить Кіевъ и переселиться на временное жительство въ Варшаву. Изъ Варшавы за время 1884—1886 г. онъ писалъ въ «Зарѣ» рядъ писемъ, касавшихся польскихъ и русско-польскихъ отношеній, литературы польской; переводилъ мелкіе очерки польскихъ писателей. Письма изъ Варшавы подписывались: Е. И—чъ, много было и безъ подписи. Въ «Недѣлѣ» за 1885—1887 годы напечаталъ рядъ статей, касавшихся русско-польскихъ отношеній и внутренней жизни польскаго общества: «Польскія поминки по Костомаровѣ». «Неизвѣстная русской печати провинція», «Хлестаковское полякофобство», «Между треxъ огней», «Воскрешеніе и возрожденіе», «Источники русско-польскихъ недоразумѣній», «Наше незнакомство съ Польшей и его причины», «Политика попрошайства», «Новое направленіе въ польской публицистикѣ», «Польское народничество» и др. Въ концѣ 1887 года Е. И. приглашенъ былъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Одесскаго Вѣстника», гдѣ и работалъ, раздѣляя редакторскіе труды съ С. А. Барскимъ. Кромѣ ежедневнаго «Газетнаго Обозрѣнія», онъ писалъ большинство передовыхъ статей, массу критико-библіографическихъ статей, театральныхъ рецензій и т. д. Кромѣ того, помѣщено имъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» рядъ переводовъ изъ Крашевскаго, Балуцкаго, Пруса, Ожешко и другихъ польскихъ писателей. Больше всего писалъ Е. И. въ газетахъ по вопросамъ крестьянскаго самоуправленія и быта, земскимъ, обычнаго права. Сектантскому вопросу на югѣ Россіи посвящено также нѣсколько статей въ «Зарѣ», «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Новостяхъ» (№№ 22 и 23 за 1883 годъ подъ заглавіемъ «Кіевскіе штундисты»), въ «Громадскомъ Другѣ» (статья «Де що про релігійни секты на украіні). Въ 1881 году въ галицкомъ журналѣ напечатана была статья «Чумацька пісня», а въ сборникѣ «Малорусскіе народные преданія и разсказы» и въ сочиненіи «Нові украинскиі пісні про громадськi справѣ» напечатано нѣсколько пѣсень, преданій, разсказовъ, записанныхъ Е. И. въ кіевской губерніи. Статьи въ газетахъ большею частью не подписаны. Изрѣдка подъ статьями поставлены были иниціалы: Е. И. Б., Н. Е. («Недѣля») Е. Ч., Е.—Ч—ный; («Заря», и «Трудъ», «Од. В.») Е. И—чъ («Заря»), Б., Бр. или просто N. Z. и т. д. Е. И. Борисовъ состоитъ членомъ кіевскаго и одесскаго юридическихъ обществъ и числится помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при одесскомъ окружномъ судѣ.

Борисовъ, И. - сотрудникъ газеты «Голосъ» [1]).

Борисовъ, Иванъ. Ему принадлежитъ переводъ съ датскаго: «*Изъ Гольберговыхъ писемъ*» («Трудол. Пчела» 1759, декабрь, стр. 748).

Борисовъ, Иванъ. Напечаталъ два стихотворныхъ перевода: 1) «На спокойствіе», изъ Горація («Улей» 1812, № 17) и «Смерть Оскара и Дермиды», изъ Оссіана (ib, № 18). Оба они полны неупотребительныхъ уже и въ то время архаизмовъ. **В. К.**

Борисовъ, Л. («Рус. Вѣстн.» 1890-хъ гг.)—псевдонимъ Л. Б. Вейнберга.

Борисовъ, Н.—шенкурскій обыватель, напечаталъ: 1) «*Нѣсколько простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ шенкурскомъ уѣздѣ архангельской губ.*» («Отеч. Зап.» 1844, № 32) и 2) «*Простонародная сказка о Бухтанѣ Бухтановичѣ*» («Москвитянинъ» 1844, № 1).

Борисовъ, Н.—перевелъ довольно гладкими стихами: «*Первое дѣйствіе Шиллеровской драмы «Вильгельмъ Телль»*» («Сынъ Отеч.» 1842, № 8). **В. К.**

Борисовъ, П. («Сѣв. Обозр.» 1849, пов. «Любинька»)—Вл. Толбинъ.

* **Борисовъ,** Николай Александровичъ, писатель для юношества [2]). Родился 27 іюня 1849 г. въ Петербургѣ. Учился въ морскомъ училищѣ. Служилъ съ 1869 г. во флотѣ, а съ 1876 г. въ мин. пут. сообщенія. Съ 1885 г., вслѣдствіе тяжкой болѣзни, вышелъ въ отставку. Началъ литературную дѣятельность въ 1866 г. небольшими замѣтками въ провинціальной прессѣ, съ 1877 до 1882 принималъ участіе въ «Дѣт. Чтеніи»; возобновилъ свое сотрудничество въ этомъ журналѣ съ 1892 г. Отдѣльно издалъ нѣсколько компилятивныхъ книжекъ для юношества:

1) *Школа жизни*, повѣсть (по Диккенсу). Спб. 1882. 8°. 219 стр. Изд. 2-ое. Спб. 8°. 2) *Калевала*, финскія народныя былины, съ 7 рис. Спб. 1889. 8°. 120 стр. 3) *Фритіофъ*. Древне-Скандинавское преданіе. Съ 3 рис. и портр. Исаіи Тегнера.

---

[1]) Пятнадцатилѣтіе газеты „Голосъ". Спб. 1878.

[2]) **Отзывы:** О „*Калевалѣ*": 1) „Новости" 1888 г. № 349. 2) „День" 1888 г. № 209 3) „Рус. Вѣд." 1888 г. № 269. 4) „Нов. Вр." 1889 г. № 4645. 5) „Сѣверъ" 1892 г. № 26. 6) „Газета А. Гатцука" 1889 г. № 2. 7) „Рус. Мысль" 1889 г. № 3. 8) „Систем. Обзоръ рус. нар. учеб. лит." спб комитета грамот. 1895.

О „*Фритіофѣ*": 1) Рус. Жизнь" 1893 г. 2) „Образов." 1893 г. 3) „Сѣв. Вѣст." 1894 г. № 2. 4) „Нива" 1894 г. 5) „Рус. Школа" 1894 г. 6) „Системат. обзоръ рус. нар. учеб. лит." изд. Спб. Комит. Грамотности" Спб. 1895 г.

О „*Петрѣ Пахтусовѣ*": 1) „Сѣв. Вѣст." 1894 г. 2) *К.* въ „Новомъ Времени" 1894 г. № 6491. 3) „Литер. Обозр." 1895 г. 4) „Рус. Школа" 1895 г. 5) „Міръ Божій" 1895 г. № 1.

О „*Гибели военнаго корабля Ингерманландъ*": *Е. Т.* въ „Восп. и Обуч." 1874 г. № 8.

Объ „*Отовсюду*": 1) „Книж. Вѣст." 1894 г. 2) „Рус. Жизнь" 1894 г. 3) „Дѣт. Чт." 1892 г.

Спб. 1893 г. изд. М. М. Ледерле. 8°. 114 стр. 4) *Петръ Пахтусовъ.* Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю. Біограф. очеркъ. Съ картою. Спб. 1894. 8°. 82 стр. Изд. М. М. Ледерле. 5) *Гибель военнаго корабля „Ингерманландъ“.* Съ 2 рис. Л. Ф. Лагоріо. Спб. 1894. Изд. М. М. Ледерле. 8°. 26 стр. 6) *Отовсюду.* Пересказы и переводы. Съ рис. В. М. Максимова и бар. М. П. Клодта, Спб. 1894. Изд. М. М. Ледерле. 8°. 132 стр.

* **Борисовъ**, Николай Ивановичъ, земскій статистикъ (братъ Евг. И. Б.). Сынъ священника кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда. Родился въ 1860 г. Учился сначала въ кіево-софійскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, изъ которой вышелъ по окончаніи четырехъ классовъ, а въ 1880 году поступилъ на медицинскій факультетъ въ кіевскомъ университетѣ. На студенческой скамьѣ началъ писать въ «Зарѣ», «Трудѣ», «Порядкѣ» и «Новостяхъ» статьи по общественнымъ вопросамъ. Въ 1884 году, во время студенческихъ безпорядковъ, вышелъ изъ университета съ 4 курса, въ настоящее время состоитъ александровскимъ (херсонской губерніи) земскимъ статистикомъ. Въ 1884 году напечатаны имъ брошюры: 1) «*Къ пятидесятилѣтнему юбилею кіевскаго университета*», въ 1885 году; 2) «*Медицинскій очеркъ села Вербовца*», въ 1887 году; 3) «*Матеріалы для медицинской статистики кіевской губерніи*». Съ 1887 напечаталъ рядъ сельско-хозяйственныхъ бюллетеней по александрійскому уѣзду. Въ издаваемомъ херсонскимъ земствомъ описаніи губерніи Н. И. принималъ самое дѣятельное участіе. Пишетъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; въ 1888 году напечат. отдѣльною брошюрою его статья — 4) «*Водоснабженіе въ херсонскихъ степяхъ*», въ 1892 г.: 5) «*Сельско-хозяйственный обзоръ по александрійскому уѣзду за 1889/90 сельско-хозяйственный годъ*» (Херсонъ 1894). Вмѣстѣ съ *С. Синицкимъ* издалъ 6) «*Опытъ шелководства въ александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.* (Херсонъ 1892). Н. И. Б. принималъ дѣятельное участіе въ кіев. журналѣ „По морѣ и сушѣ“ начала 1890-хъ гг. и въ «Сборникѣ Херсонскаго Земства».

Борисовъ, Петръ — стихотворецъ-самоучка [1]). Род. въ 1811 г., въ селѣ Лопасня серпуховскаго уѣзда, въ зажиточной крестьянской семьѣ. Убѣдивъ родителей своихъ дозволить продолжать ему ученіе въ Москвѣ, Л. явился къ И. И. Дмитріеву и просилъ доставить ему случай учиться словесности. Дмитріевъ обласкалъ Б. и предложилъ ему написать оду: «*На кончину имп. Александра I*». Представленная на другой день ода превзошла ожиданія маститаго поэта. Вотъ— двѣ строфы изъ нея:

Науками обогащаемъ
Себя и ближнихъ щедро мы:
Природы книгу раскрываемъ,
Да умствуютъ по ней умы!..

---

[1]) *Н. Б.* „Отеч. Записки“ 1826, ч. 25.

Познали цѣпь всего творенья,
Планетъ познали отдаленья,
Измѣрили и глубь, и высь...
Чтò умъ еще воображаетъ?
Душа чего еще желаетъ?..
Безсмертія! — его потщись.
Взыграй, о сонмъ ты просвѣщенный,
Взыграй и Музъ, и Нимфъ плетень!
Восторгъ великій и священный
Въ потомствѣ огласитъ сей день!
Гдѣ выискать намъ выраженья,
Достойныя сему хваленья?
Обиленъ-ли на-то языкъ?..
Обиленъ — коль владѣетъ геній!
Для всѣхъ душевныхъ выраженій
Единъ онъ силенъ и навыкъ!

Дмитріевъ похлопоталъ о помѣщеніи Б. въ московскую гимназію для того, чтобъ перевести его затѣмъ въ университетъ. Помимо Дмитріева, Б. нашелъ себѣ покровителя и въ И. М. Снегиревѣ. Оба они надѣялись, что изъ Б. выйдетъ второй Ломоносовъ. Ожиданія эти, возлагавшіяся въ то время на многихъ самоучекъ, не оправдались, и о Б-вѣ больше свѣдѣній не появлялось. Врядъ-ли онъ принималъ какое-нибудь дальнѣйшее участіе въ литературѣ.

В. Карцовъ.

Борисоглѣбскій, стихотворецъ начала 19 вѣка. Въ журналахъ напечатаны его стихотворенія:

1) *Полночный часъ въ темницѣ.* „Сѣв. Вѣст.“ 1805 г. № 7. 2) *Новый годъ несчастнаго.* „Лицей“ 1806 г. № 2. 3) *Нѣчто на клевету.* Ibid. № 12. 4) *Стихи В. И. К-ну.* Ibid. № 9. 5) *Ослѣпшій герой.* Ibid. № 8.

Борисполецъ, Тимофей Никифоровичъ. А. Н. Неустроевъ въ своемъ «Историческомъ розысканіи о рус. повремен. изданіяхъ» могъ только по «Росписи» Смирдина дать указаніе на существованіе журнала: *Мой досугъ* или уединеніе, еженедѣльное изд. по средамъ и субботамъ, на 1801 годъ, 2 книжки. Спб. въ т. акад. наукъ, 1801, 8°. Описать же этотъ журналъ ему не удалось, потому что его не оказалось ни въ Публич. библіотекѣ, ни въ частныхъ библіотекахъ. Поэтому же даже имя издателя «Моего досуга» оставалось неизвѣстнымъ. Оно выяснилось изъ слѣдующаго письма къ А. Н. Неустроеву («Розысканіе» стр. 878) дѣйств. стат. сов. Александра Тимофеевича Борисписольца:

„*Мой досугъ*“ издавался въ 1801 году отцомъ моимъ, Тимофеемъ Никифоровичемъ Бориспольцемъ. Въ разговорахъ его со мною передъ отъѣздомъ моимъ изъ Мало россіи въ Петербургъ въ 1834 г. онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, и по прибытіи сюда я, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по росписи Смирдина, получилъ изъ библіотеки, чрезъ одного изъ абонировавшихся въ ней, первый номеръ „Моего досуга“. Сколько теперь припоминаю, въ немъ заключалось не болѣе печатнаго полулиста, сложеннаго въ

осьмушку и въ оберткѣ синевато-сѣрой бумаги, безъ надписи. Въ числѣ статей заключалось предисловіе и не помню кѣмъ написанные стихи на бракосочетаніе отца моего. Не знаю только почему, предисловіе подписано: *И.*, а не *Т.* Борисполецъ, такъ какъ старшаго брата отца моего, Ивана, товарища по Кіевской Академіи извѣстнаго издателя журнала „Муза“ И. И. Мартынова, не было уже въ то время въ живыхъ, да онъ и въ Петербургѣ никогда не былъ.

Я не знаю, сколько вышло въ свѣтѣ номеровъ изданія „Мой досугъ“, но могу съ достовѣрностію сказать, что оно въ первомъ же мѣсяцѣ 1801 года и прекратилось, какъ по недостатку подписчиковъ, такъ и по случаю перехода отца моего на службу изъ Петербурга въ Малороссію, къ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину.

Отецъ мой служилъ потомъ постоянно по судебной части въ должности губернскаго прокурора въ Житомірѣ, Минскѣ и Херсонѣ и умеръ въ отставкѣ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ имѣніи своемъ Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда при мѣстечкѣ Барышевѣ 17 мая 1849 года“.

Борисякъ, Никифоръ Дмитріевичъ—геологъ, заслуженный профессоръ харьковскаго университета [1]). По «преданію», родился въ 1817 году, въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, въ своемъ «дворянскомъ гнѣздѣ», состоявшемъ изъ 10 десятинъ земли и трехъ крестьянъ. «Писаніе» начинаетъ слѣдить за жизнью Борисяка лишь съ 1839 года, когда онъ, тогда еще молодой (выпуска 1838 г.) лѣкарь и воспитанникъ перваго отдѣленія философскаго факультета, намѣчается совѣтомъ харьковскаго университета, какъ достойнѣйшій кандидатъ, на проэктируемую каѳедру минералогіи и геогнозіи и командируется въ Петербургъ и другія мѣста для подготовки къ профессурѣ. Въ этотъ трехлѣтній «подготовительный» періодъ Борисякъ поражаетъ своей кипучей дѣятельностью. Въ Петербургѣ, въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ, онъ слушаетъ лекціи Соколова, Гельмерсена, Эйхвальда (минералогія и геологія), Ленца (физика), Воскресенскаго (химія) и Куторги (палеонтологія и сравнит. анатомія); изучаетъ музеи и кабинеты. Лѣтомъ 1839 г. экскурсируетъ по Петербургской губерніи и дѣлаетъ поѣздки по Балтійскому побережью, вплоть до Лифляндіи, а также на Ладожское озеро и вглубь Финляндіи. Въ 1840 году сопровождаетъ Бетлинга въ его путешествіи по Финляндіи, Швеціи и Норвегіи. Здѣсь они объѣзжаютъ значительный районъ—отъ Röraas, на сѣверѣ, до Göteburgland, на югѣ (Упландія, Седерманландія. часть Готіи, округа Огергусъ, Христіанзундъ и Бергенъ); посѣщаютъ музеи стокгольмскій, упсальскій и христіанскій; знакомятся съ Нильсономъ, Гизингеромъ, Зефштремомъ и др. Но особенно цѣннымъ было руководство молодого и энергичнаго Бетлинга, о которомъ Борисякъ уже на закатѣ своей дѣятельности вспоминалъ съ глубокой благодарностью [2]).

1841 годъ посвящается геологическому осмотру примосковнаго края.

[1]) Некрологи: 1) „Статистическій Листокъ“, № 5, 1882 г., 2) „Южно-русскій Горный Листокъ“, № 7, 1882, 3) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, 1882, №№ 90 и 116 (выдержки изъ первыхъ двухъ).

[2]) „О стратиграфич. отношеніяхъ почвъ“...

Поѣздка эта, совершенная подъ руководствомъ Гельмерсена, имѣла также большое образовательное значеніе для молодого ученаго.

Въ 1842 г., осмотрѣвъ попутно Валдайскія возвышенности, Борисякъ ѣдетъ на Уралъ и является сюда уже настолько подготовленнымъ, что приходитъ къ самостоятельнымъ заключеніямъ о кряжеобразованіи Урала, о подраздѣленіи горнаго известняка на ярусы и т. п.[1]).

Въ 1843 году Борисякъ вернулся въ Харьковъ, гдѣ его ждала новая каѳедра Минералогіи и Геогнозіи и званіе «исправляющаго должность адъюнктъ-профессора». Въ 1847 г., по выдержаніи испытанія, удостоенъ степени магистра и званія адъюнкта. Въ 1852 г. назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора, а въ 1854 г. утвержденъ въ этомъ званіи и въ степени доктора. Съ 1857 года—ординарный профессоръ.

Въ только что указанный періодъ жизнь Борисяка течетъ замѣчательно ровно и спокойно. Онъ аккуратно читаетъ лекціи, устраиваетъ кабинетъ, исполняетъ порученія учебнаго и неучебнаго начальства (вродѣ разсмотрѣнія проекта замощенія харьковскихъ улицъ, опредѣленія годныхъ для этой цѣли горныхъ породъ и т. п.), а въ каникулярное время усердно изучаетъ геологію обширнаго харьковскаго учебнаго округа, обнимавшаго почти всю степную полосу между Днѣпромъ и Дономъ. Печаталъ въ это время Борисякъ мало, можетъ быть, потому, что не было подходящаго мѣста для помѣщенія научныхъ работъ, а вѣрнѣе—потому, что новая каѳедра, составленіе курса и устройство кабинета слишкомъ много времени брали у молодого профессора.

Но въ 1858 году какой-то семейный разладъ [2]), о которомъ глухо говорится въ одномъ изъ некрологовъ, выбилъ Борисяка изъ колеи и «произвелъ глубокія потрясенія въ жизни и дѣятельности Н. Д. Онъ перестаетъ быть домосѣдомъ, охотно скитается по необозримымъ пространствамъ южной Россіи, сталъ вести непривлядную жизнь бездомнаго холостяка.» Лекціи заброшены. «Лекціи, пишетъ некрологистъ, какъ и всегда, блистали умомъ, одушевленіемъ, какое умѣлъ онъ вносить повсюду, но дождаться ихъ—была счастливая случайность». Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что научная дѣятельность Борисяка достигаетъ наибольшей интензивности именно въ этотъ періодъ (съ 1857 по 68 г.). Наиболѣе цѣнныя наблюденія, лучшія и крупнѣйшія работы, наибольшее количество статей онъ даетъ теперь, точно желаетъ забыться въ наукѣ отъ тяжелой дѣйствительности. Этотъ «бездомный бродяга» устраиваетъ въ 1867 г. приличный пріютъ для научныхъ работъ южнорусскихъ геологовъ и издаетъ (вмѣстѣ съ проф. Леваковскимъ) «Сборникъ Матеріаловъ, относящихся до геологіи южной Россіи», первый (и единственный) томъ котораго заполняетъ одинъ.

---

[1]) „Отчетъ о дѣят. Харьк. унив. за 1842—43 уч. годъ".

[2]) Борисякъ женился въ 1844 году на дочери одного горнаго начальника на Уралѣ. Имѣлъ двухъ сыновей и 4 дочери.

Словомъ, Борисякъ былъ полонъ энергіи и научныхъ силъ, когда совѣтъ университета нашелъ нужнымъ, за выслугою лѣтъ, уволить его въ отставку (въ 1868 г.), наградивъ званіемъ «заслуженнаго профессора». Какъ справедливо замѣчаетъ некрологистъ, «заштатный профессоръ — все равно, что заштатный священникъ, вынужденный доживать свой вѣкъ на чужой пасѣкѣ». Порвалась связь съ университетомъ, который настраивалъ его высоко и поддерживалъ силы, и устои жизни расшатались. Еще двѣ-три статеечки — и Борисякъ окончательно умолкъ. Этотъ профессоръ-Лиръ, оттолкнутый послѣднимъ дѣтищемъ—наукой, больной и хилый, сталъ бродить по родной степи и, говорятъ, опустился совершенно. Въ такомъ состояніи онъ имѣлъ мужество прожить почти 14 лѣтъ: умеръ въ ночь съ 19 на 20-е марта 1882 г. въ г. Золотоношѣ.

Списокъ печатныхъ работъ Борисяка (въ хронологическомъ порядкѣ):

1) *Объ аэролитѣ, упавшемъ въ Харьковской губ.* („Горн. Журн." 1846 г. т. IV). Тоже по французски: Sur l'aérolithe tombé prés de Verknetshirskaia Stanitsa въ „Bulletin phys. mathem." Акад. Наукъ, т. V. 2) *Записки о геогностическомъ путешествіи 1847 года* (1848). 3) *О черноземѣ.* Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи И. Харьк. Университета (1852). 4) *Объ археологическихъ открытіяхъ въ Новочеркасскѣ.* („Современная Лѣтопись", № 27, 1854). 5) *Очеркъ геогностическаго состава и минеральныхъ богатствъ Харьковской губерніи* (1857). 6) *Объ антрацитѣ въ южной Россіи.* Рѣчь, произнесенная на торж. собраніи И. Харьк. Универс. (1858). 7) *О строительныхъ и горючихъ матеріалахъ Харьковской губерніи.* („Горный Журналъ", 1858 г., т. IV). 8) *О географическомъ положеніи города Харькова* (1859). 9) *О минералогическихъ изслѣдованіяхъ г. Гильменовъ въ Россіи.* (Прибавленіе къ „Харьк. Губ. Вѣдомостямъ", 1860). 10) *О каменныхъ шарахъ, находящихся близъ м. Меньковцы, Подольской губерніи* (1862 ?). 11) *О кристаллическихъ днѣпровскихъ породахъ.* („Извѣстія о второмъ съѣздѣ натуралистовъ въ Кіевѣ", 1862). 12) *Взглядъ на значеніе горной промышленности въ Харьковской губерніи.* Докладъ въ засѣданіи Харьк. статистич. Комитета (1862). 13) *Программа для собиранія свѣдѣній о Харьковской губерніи, въ отношеніи топографическомъ и геологическомъ.* Докладъ въ засѣданіи Харьк. Статистич. Комитета (1862). 14) *О возможности буренія въ Харьковѣ артезіанскаго колодца.* (Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣдом.", 1862). 15) *О каменномъ углѣ гг. фонъ-Земмера и Пильстрема* (1863 ?). 16) *Объ орографическихъ отношеніяхъ на пространствѣ, занимаемомъ Изюмскимъ уѣздомъ.* („Памятная книжка Харьковской губ." 1864 г.). 17) *Рѣчь 29 декабря при погребеніи почетн. члена университета Н. С. Турчанинова* (1863). 18) *О чистотѣ воды въ Харьковскихъ рѣкахъ* (Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣдом.", 1864). 19) *Нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Ломоносова относительно минераловъ* („Памяти Ломоносова", Харьковъ, 1865). 20) *Нѣсколько словъ о Н. С. Турчаниновѣ* (1866). 21) *Отчетъ о ревизіи Новочеркас. гимназіи, произв. въ 1866 г.* (Приб. къ № 22 „Циркуляровъ по харьк. учеб. округу", 1866). 22) *Мѣстонахожденія желѣзныхъ рудъ въ Харьков. губ.* („Харьк. Губ. Вѣдом.", 1867). 23) *Объ орографическихъ отношеніяхъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ* („Памятная книжка Харьковской губ." на 1867 г.). 24) *О стратиграфическихъ отношеніяхъ почвъ въ Харьковской и прилежащихъ къ ней губерніяхъ* („Сборникъ матеріаловъ, относящихся до геологіи южной Россіи", книга I, Харьковъ, 1867). 25) *О сѣверномъ и западномъ продолженіи, подъ новѣйшими осад-*

ками, западной части донецкой каменно-угольной формаціи (Ibid.). 26) *Геолого-гидрологическій обзоръ мѣстности, орошаемой нижнимъ теченіемъ р. Дона, и нѣсколько словъ о мѣрахъ къ водоснабженію Новочеркасска* (Ibid.). 27) *Сводъ наблюденій надъ состояніемъ горизонта воды, и надъ вліяніемъ на измѣненія этого состоянія дѣйствія вѣтровъ, въ нижнихъ частяхъ теченія рѣки Дона* (Ibid.). 28) *О развитіи горнаго промысла на югѣ Россіи* („Горный Журналъ", 1868). 29) *О геогностико-топографической съемкѣ въ западной части донецкаго кряжа* („Харьк. Губ. Вѣдом.", 1869). 30) *О новомъ мѣстонахожденіи каменнаго угля* (1869). 31) Нѣсколько небольшихъ историч. справокъ въ „Харьков. губ. вѣд." 1870-хъ гг. Ему-же, вѣроятно, принадлежатъ: 32) Краткіе отчеты объ экскурсіяхъ въ „Отчетахъ о дѣятельности И. Харьковскаго университета" за 1842—43 и 1847—48 гг. 33) Редактированіе нѣсколькихъ „Памятныхъ книжекъ Харьковской губерніи", начиная съ 1864 г.

Чтобы сдѣлать болѣе или менѣе правильную оцѣнку научной дѣятельности Борисяка, необходимо принять во вниманіе ту обстановку, въ которой онъ работалъ и которую, въ общемъ, грубо, можно охарактеризовать такъ: глухое время и глухое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, сороковые и пятидесятые года отнюдь не могутъ быть названы золотымъ вѣкомъ русскаго естествознанія. Все дѣло натуралистовъ сводилось къ констатированію и регистраціи тѣхъ или иныхъ букашекъ, тѣхъ или иныхъ растеній, тѣхъ или иныхъ геологическихъ слоевъ. Значитъ, возможный упрекъ Борисяку въ томъ, что въ его работахъ мало идейности и широкихъ обобщеній, падаетъ самъ собою. Ктому-же, и по самому складу своей натуры, Борисякъ не былъ особенно склоненъ къ отвлеченностямъ. Но что *время* отражалось, если и не въ указанномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, на характерѣ и тонѣ печатныхъ работъ Борисяка, — несомнѣнно. Работы шестидесятыхъ годовъ гораздо живѣе, изобилуютъ постоянными экскурсіями изъ сферы геологіи въ области, часто даже мало соприкосновенныя съ нею. То, напр., онъ громитъ «людей, гордящихся своимъ образованіемъ» за ихъ беззаботность насчетъ науки и ничѣмъ, по его словамъ не отличающихся отъ «полицейскихъ, межевщиковъ» и иныхъ «полуграмотныхъ прощалыгъ»; то въ «Геолого-гидрологическомъ обзорѣ мѣстности, орошаемой нижнимъ теченіемъ Дона» онъ отводитъ десятокъ страницъ вопросамъ образованія въ Области Войска Донского и «нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ, которыми наглядно можетъ быть выражено движеніе цивилизаціи здѣсь, равно какъ и во всякой другой странѣ»... и т. п., и т. п. Борисяку, видимо, дѣлается тѣсно въ узкихъ рамкахъ описательной геологіи. И кто знаетъ, если-бы шестидесятые года застали начало научной дѣятельности Борисяка, а не ея закатъ,—быть можетъ, характеръ этой дѣятельности былъ-бы совсѣмъ иной.

Съ другой стороны, самое географическое положеніе Харькова,—вдали отъ центровъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія,—не могло, конечно, способствовать процвѣтанію науки. Лучшія научныя силы и пособія были сосредоточены въ то время въ Петербургѣ и Москвѣ, сношенія которыхъ съ Западомъ, къ тому же, не

прерывались [1]). Весь югъ, далѣе, не имѣлъ ни одного научнаго органа, гдѣ-бы могли находить пріютъ работы ученыхъ, и эти работы ютились по самымъ неподходящимъ мѣстамъ, вродѣ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей», или оставались, какъ выражается Борисякъ, «втуне лежащими въ портфейляхъ». И такъ, съ одной стороны, полная матеріальная и интеллектуальная оброшенность, а съ другой,— черезчуръ внимательная попечительность администраціи (даже не учебной),— вотъ условія, въ которыхъ работали южные университеты. Если къ этому еще прибавить, что Борисяку пришлось при этомъ *создавать* каѳедру, то едва-ли было-бы справедливо предъявлять къ нему большія требованія.

И однако, при такихъ условіяхъ, Борисякъ сдѣлалъ много. Какъ неутомимый изслѣдователь и знатокъ мертвой природы своего края, онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами этого края. Имя его было авторитетнымъ. «Ни одно изслѣдованіе южнаго края, говоритъ некрологъ, не обходилось безъ его указаній. Онъ былъ необходимымъ спутникомъ во всѣхъ экспедиціяхъ, которыя снаряжались для геологическихъ изысканій». И въ настоящее время вы не встрѣтите научной работы, посвященной геологіи центральной степной полосы Россіи, гдѣ бы не упоминалось имя Борисяка, иногда просто испещряющее работу,— имя, которое подчасъ, правда, выставляется, какъ мишень для полемическаго обстрѣливанія, но чаще,—какъ авторитетное.

Видное мѣсто займетъ имя Борисяка и въ исторіи русскаго почвовѣдѣнія. Его статья «О черноземѣ» представляетъ, по тогдашнему времени, довольно обстоятельное изслѣдованіе по данному вопросу [2]). И хотя его теорія происхожденія чернозема (черный илъ, осажденный прѣсноводными озерами и болотами) и было поколеблено еще въ 1866 году Рупрехтомъ, а позднѣе окончательно опровергнуто проф. Докучаевымъ, тѣмъ не менѣе, за Борисякомъ остается заслуга въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ геологовъ, которые занялись этими любопытнѣйшими поверхностными образованіями [3]).

Для полноты обрисовки научной физіономіи Борисяка, необходимо отмѣтить одну черточку, весьма рѣзкую. «Занимаясь довольно долго изученіемъ геогностическаго состава почвы харьковской губерніи — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ [4]),—я старался изъ теоретическихъ, научныхъ изслѣдованій вывести заклю-

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Борисякъ упоминаетъ съ величайшимъ сожалѣніемъ, что онъ, по какимъ-то „независящимъ" обстоятельствамъ, не могъ воспользоваться заграничной командировкой, хотя университетомъ и были отпущены на это деньги. Вѣроятно, эти обстоятельства слѣдуетъ отнести на счетъ „духа времени".

[2]) Академикъ Рупрехтъ, несогласный съ выводами Борисяка, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что его сочиненіе „О черноземѣ" „*менѣе извѣстно, нежели оно того заслуживаетъ*" („Гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ").

[3]) Любопытно, что и въ настоящее время еще существуютъ геологи, которые почему-то считаютъ ниже своего геологическаго достоинства заниматься почвами.

[4]) „О возможности буренія" и т. д.

ченіе о степени примѣнимости ихъ къ пользамъ матеріальнымъ». И дѣйствительно, это стремленіе проходитъ красной нитью чрезъ всѣ работы Б. Просмотрите списокъ его статей, и вы увидите, что значительная часть ихъ посвящена рудамъ, углямъ, чистотѣ воды, развитію горнаго промысла и инымъ предметамъ, клонящимся «къ пользамъ матеріальнымъ». Особенно страстно былъ преданъ Борисякъ вопросамъ эксплоатаціи полезныхъ ископаемыхъ. Этотъ «апостолъ горнаго дѣла», какъ говорится въ некрологѣ, «жилъ надеждами на лучшее будущее отъ разработки неисчерпаемыхъ минеральныхъ богатствъ южнаго края». Онъ неустанно пропагандируетъ это дѣло въ обществахъ и среди частныхъ лицъ, одно время самъ собирается заняться разработкой какихъ-то залежей. Печатныя работы, даже чисто-научнаго характера, полны отступленій въ область горной промышленности, причемъ онъ со страстнымъ негодованіемъ обличаетъ всеобщую косность въ этомъ дѣлѣ.

Авторъ одного изъ некрологовъ говоритъ, что, по складу своего ума и дѣятельности, Борисякъ былъ скорѣе академикъ, чѣмъ профессоръ. Едва-ли. Напротивъ, только-что сказанное заставляетъ насъ заключить, что онъ былъ менѣе всего академикъ. Въ этой преданности «пользамъ матеріальнымъ», въ этой жаждѣ пропаганды любимаго дѣла виденъ именно профессоръ. Только, пожалуй, по своей натурѣ профессоръ этотъ былъ бы болѣе на мѣстѣ въ какомъ нибудь научно-прикладномъ институтѣ, чѣмъ въ университетѣ.

Чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительную характеристику Борисяка, какъ *профессора* и *человѣка*, мы не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ. Друзья и знакомые покойнаго профессора слишкомъ поскупились на воспоминанія о немъ, а товарищи по наукѣ не дали ничего [1]). Тѣ же немногочисленныя свидѣтельства, которыя были въ нашемъ распоряженіи, рисуютъ очень симпатичный образъ Н. Д. Вотъ что пишетъ авторъ одного некролога:

«Студенты того времени помнятъ прекрасный курсъ минералогіи, составленный съ большимъ талантомъ, сохранили воспоминаніе о свѣтломъ умѣ преподавателя, о преданности его дѣлу, объ усидчивыхъ его занятіяхъ съ ними»...

«Потребность овладѣвать вниманіемъ слушателей и собесѣдниковъ и вводить ихъ въ кругъ идей, которыя его самого одушевляли, была у него сильна.

---

[1]) Кстати, можетъ быть, не лишнее отмѣтить здѣсь одинъ любопытный и, какъ намъ кажется, характерный фактъ — Умеръ человѣкъ, тридцать лѣтъ проработавшій для науки, извѣстный всякому изслѣдователю геологіи юга,—и ни одно изъ ученыхъ учрежденій и обществъ (даже изъ тѣхъ, въ которыхъ Б. состоялъ членомъ) не обмолвилось ни единымъ словомъ по поводу его смерти! Въ отчетѣ харьковскаго общества испытателей природы за 1882 г. стоитъ лишь фамилія Б. въ спискѣ „скончавшихся". Въ „Запискахъ И. Харьковскаго Университета" и этого нѣтъ; а о смерти Б. можно лишь *догадаться* по слѣдующей фразѣ въ одномъ изъ протоколовъ засѣданій Совѣта: „*вдова* заслуженнаго профессора, Лариса Борисякъ, проситъ объ исходатайствованіи ей пенсіи".

Это была выдающаяся черта его характера. Какъ только выступалъ онъ передъ публикой, онъ казался вдохновеннымъ!.. Высокое настроеніе замѣчалось и въ аудиторіи, и въ засѣданіяхъ обществъ, которыя онъ посѣщалъ,—даже въ дружеской бесѣдѣ. Онъ всегда умѣлъ, когда того желалъ, сосредоточить на себѣ и на своей рѣчи полное вниманіе»...

Другой некрологъ, подписанный *Горнорабочимъ*, составленъ въ такомъ лирическомъ тонѣ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли быть продиктованы только искреннимъ и, конечно, заслуженнымъ горячимъ чувствомъ къ покойному Борисяку. **П. Отоцкій.**

Боричевскій (собственно *Тарнава-Боричевскій*), Иванъ Петровичъ, историкъ и этнографъ [1]). Сынъ священника, родился въ 1810 г. въ Минской губ., обучался въ Минской семинаріи, затѣмъ въ Кіевской духовной Академіи, въ которой въ 1833 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата. Съ 1833 г. по 1835 Б. былъ преподавателемъ Орловской духовной семинаріи. Послѣ недолгой педагогической дѣятельности онъ оставилъ духовное вѣдомство и переѣхалъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія (1835—1838), въ департаментѣ государственныхъ имуществъ (1838 — 1839), въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства подъ начальствомъ Клейнмихеля. Въ 1841 г. Б. перешелъ въ вѣдомство (впослѣдствіи министерство) путей сообщенія, съ 1860 г. былъ директоромъ канцеляріи министерства путей сообщенія, въ 70-хъ годахъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, состоялъ членомъ совѣта того же министерства. Въ этомъ званіи Б. умеръ въ Выборгѣ 24-го іюня 1887 г., почти

---

[1]) О немъ: 1) „Энциклоп. Словарь“ *Березина*. 2) „Энциклоп. Словарь *Брокгауза-Ефрона*. 3) „Рус. Арх.“ 1873. № 6, стр. 964 (Записки *Сахарова*. 4) „Рус. Стар.“ 1878, т. 21, стр. 181. 5) Воспоминанія *Старчевскаго* „Истор. Вѣстн.“ 1888, т. 34, стр. 103. 6) „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевск. дух. Акад.“. Кіевъ 1869, стр. 113, 332 и 410. 7) „Нов. Вр.“ 1887, № 4066 (извѣщеніе о смерти). 8) „Литовск. Епарх. Вѣд.“ 1887, № 37, стр. 314. 9) *А. Н. Пыпинъ*. Ист. рус. этногр., т. I, 361; IV, 78. 10) *Д. Д. Языковъ*. Обзоръ жизни и трудовъ рус. покойн. пис. В. 7-й. Писатели, умершіе въ 1887 (стр. 88—89)—въ прилож. къ „Библ. Зап“. 1892 и отд. М. 1892. 11) Письмо къ нему изъ Гродна (*Игнатовича*) „Маякъ“ 1845, т. 23, стр. 21 (матеріалы).

Отзывы о „*Повѣст. и предан. народовъ славян. плем.*“ 1) „Журн. Мин. Нар. Просв. 1840, т. 28, отд. 6, стр. 69 — 70. 2) Сѣв. Пчела 1840, № 114. (Ст. *Вл-Ал. др-скаго*). 3) Библ. д. Чт. 1842, т. 52, отд. 6. стр. 55 — 59. 4) С.-Петерб. Вѣд. 1842 (Ст. *Н. Савельева*). 5) Маякъ — 1840, ч. VII, стр. 137, библ. 6) Отеч. Зап. 1840, т. X, отд. VI, стр. 17. 7) Соврем. 1840, т. 19, стр. 140. 8) *Сумцовъ*—Колдуны, вѣдьмы и упыри. (Библ. указат.) Харьк. 1891, стр. 9.

О „*Народн. славянск. разск.*“: 1) Литер. Газ. 1844, № 31. 2) Библ. д. Чт. 1845, т. 68, отд. 6, стр. 5—7.

О „*Правосл. и рус. народн. въ Литвѣ*“: „Москвит.“ 1852, ч. III, стр. 156 — 158, отд. V.

Объ „*Изслѣдов. о происхожд. литовск яз.*: С.-Петерб. Вѣдом. 1848, № 158. стр. 629—632 (*Н. Савельевъ-Ростиславичъ*).

всѣми забытый; краткія сообщенія столичныхъ газетъ передавали лишь о смерти «тайнаго совѣтника Боричевскаго», безъ всякаго обзора дѣятельности покойнаго.

Большая часть литературныхъ работъ Боричевскаго относится къ сороковымъ и началу пятидесятыхъ годовъ. Ему принадлежитъ немало статей, имѣвшихъ несомнѣнную научную цѣнность. Вотъ списокъ его работъ:

1) *Сказаніе Адольфа Лизека* о посольствѣ отъ имп. римскаго Леопольда къ царю московск. Алексію Михайловичу. Ж. М. Н. Пр. 1837, ч. 16, стр. 327. 2) *Отзывъ о книгѣ А. Терещенка:* „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи Ib. 1838, ч. 17, стр. 462 — 478, отд. IV. 3) *Отзывъ о кн. „Воспоминанія о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ“.* Ib. 1838, ч. 18, отд. V, стр. 596—603. 4) *О русской лѣтописи въ Литвѣ, называемой „Хроника Быховца“.* Ib. 1838, ч. 19, стр. 109. 5) *Первое путешествіе англичанъ въ Россію* въ 1553 г.—Ib. 1838, ч. 20 стр. 35. 6) *Камни литовскихъ богинь.* Ib. 1839, ч. 22, отд. VII, стр. 14. 7) *Извлеченіе изъ сказаній Я. Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.* Ib. 1839, ч. 23, отд. II, стр. 1. 8) *Мекленбургскія древности.* Ib., 1839, ч. 23, отд. VII, стр. 11. 9) *Руссы на южн. берегу Балтійскаго моря.* — Маякъ 1840, ч. VII, стр. 176. (Перепеч. въ „С.-Петерб. Вѣдом. 1860, № 124). 10) *Замѣчанія на ст. Жолкевича „Хронологія славянскихъ племенъ до принятія христіанской вѣры“.* Ib. 1841. ч. XIII, гл. IV, стр. 16 — 28. 11) *Повѣсти и преданія славянскаго племени.* Спб. 1840 и 1842 (2 части). 12) *Разсказы и повѣрья народовъ славянскаго племени.*—Маякъ 1841, ч. 15, стр. 85 — 91; ч. 16, 115 — 116, ч. 23; ч. 31. 13) *Рец. изд. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича,* соч. Гр. Кошихина. Спб. 1840“.—Маякъ ч. 14, матер., стр. 107—114. 14) *Рец. „Опыта алфавитн. указат. къ русскимъ періодич. изданіямъ,* сост. И. Быстровымъ. В. 1ᵘ. — Ib., ч. 16, 245 — 247. 15) *О древне-славянской письменности.* (По случаю книги Glagolito Clozianus -Копитара). — Ib. 1841, ч. 17. 30—44.—По поводу этой статьи письмо Н. В. Савельева къ Б. — Ib., стр. 45 — 47 и прим. ред.—стр. 47—48. 16) *Отзывъ о „Сказаніяхъ рус. народа“, ч. I—IV, Сахарова.*— Ib. 1841, ч. 17, стр. 94—103. 17) *Отзывъ о „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ Сахарова.* Спб. 1841. — Маякъ. 1841, ч. 17 — 18; стр. 103 — 105. 18) *Черногорія* (этногр. очеркъ). Ib. 1841, ч. 23, стр. 24. 19) *Сказанія польскаго историка Бобржицкаго о походахъ Сигизмунда III и Владислава IV.* — С. Отеч. 1842, № 3, 4, 5, отд. I. 20) *Отзывъ объ изд. А. И. Тургенева: „Historica Russiae Monument.“* Ж. М. Н. Пр. 1842, ч. 34, отд. VI, стр. 78—107. 21) *Коссовская битва.*—Маякъ. 1844, ч. 13, стр. 45, глава V. 22) *Бѣлорусскія повѣрья.* Ib., ч. 14, стр. 44, глава V. 23) *Кулачный бой.*—Ib., ч. 15, стр. 37, глава V. 24) *Отрывокъ изъ европейской миѳологіи о Россіи.*—Ib. 1844, ч. 18, смѣсь, стр. 25. 25) *Народные славянскіе разсказы.* Спб. 1844. 26) *Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ.* Ж. М. Н. Пр. 1844, ч. XLII, отд. II, стр. 1—53 (Тоже въ „Журн. для чт. восп. военно-уч. заведеній“ 1845, т. 53, № 210, стр. 153 - 204). 27) *Отрывокъ изъ литовской исторіи.* Война князей Полоцкихъ въ Семигаліи въ 1106 г.—С.-Петерб. Вѣд. 1844, № 28, стр. 125—126. 28) *Отрывокъ изъ литовско-русской исторіи.* Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48, № 12, отд. II, стр. 187—208. 29) *Отзывы объ изд. „Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи“,* Ж. М. Н. Пр. ч. 50, отд. VI, стр. 35—62 ч. 64, стр. 109 — 134; ч. 73, стр. 30—59. 30) *О смерти Стефана Баторія* — Финск. Вѣстн. 1847, т. XX, сѣв. ист., стр. 11—16. 31) *Изслѣдованіе о происхожденіи, названіи и языкѣ литовскаго народа.* Ж. М. Н. Пр. 1848,

т. 56, отд. II, стр. 272 и сл., и отд. Спб. 1848. 32) *Отзывъ о „Чтеніяхъ о церковной словесности или гомилетикѣ" Амфитеатрова.* Ж. М. Н. Пр. 1848, ч. 57, отд. VI, стр. 26 — 39. 33) *Отзывъ о соч. Терещенка:" Бытъ русскаго народа".* Ib. 1848, ч. 59, отд. VI, стр. 364—380. 34) *Отзывъ о 2 т. „Сказаній р. народа, собранныхъ Сахаровымъ".* Ж. М. Н. Пр. ч. 61, отд. VI, стр. 259 — 267. 35) *Разборъ соч. подъ заглавіемъ: „Дополненіе къ Актамъ историческимъ".* Спб. 1849. 36) *Обозрѣніе Губ. Вѣдомостей съ 1842 по 1847,* 9 статей. — Ж. М. Н. Пр. 1848 — 1851, ч. 58, отд. VI стр. 41, 265; ч. 59, стр 207; ч. 61, стр. 145, 279; ч. 63, стр. 155, 325; ч. 65, стр. 132; ч. 67, стр. 79; ч. 68, стр. 1; ч. 69, стр. 115; ч. 72, стр. 1. (Были отд. оттиски). 37) *Православіе и русская народность въ Литвѣ.* Спб. 1851 (Изъ „Христ. Чт."). 38) *Обозрѣніе Губ. Вѣдомостей съ 1848 по 1850 г.* — Ж. М. Н. Пр. 1852—1855, ч. 75, отд. VI, стр. 1, 133 — 158; ч. 76, стр. 129; ч. 80, стр. 1, 153; ч. 85. 39) *Рядъ статей по исторіи въ „Военно-Энцикл. Лексиконѣ",* изд. 2, 1856. 40) *Рец. кн. „Bajki J. Krylowa, tłomaczone в Rossyjskiego.* Ж. М. Н. Пр. 1852, ч. 75, отд. VI, стр. 204. 41) *Извѣстія о древнихъ памятникахъ, находящихся въ вѣдомствѣ Главнаго Управленія Путей сообщенія и Публичныхъ зданій.*—Изв. И. Рус. Арх. Общ. 1861, т. III, в. 4, столб. 286—300. 42) *Предположенія частныхъ лицъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ,* поступившія въ главн. управл. путей сообщенія до 1860—г., Ж. Гл. Управл. Пут. Сообщ. 1863, т. 39 и 40, №№ 1, 2, 4. 43) *Аракчеевъ и Шумскій*—Русская Стар. 1878, т. 21, стр. 180 — 184. (Нѣсколько замѣчаній на эту статью въ ст. *В.*: Н. Ѳ. Минкина, домоправит. гр. Аракчеева. Ib. 1884, т. 41, стр. 363). 44) *Замѣтка къ ст. Борвинникова „Пріѣздъ польскаго депутата къ цесар. Константину Павловичу".* — Рус. Стар. 1878. т. 21, стр. 203. 45) *Покутье въ отношеніи археологическомъ, изслѣдованіе Киркора.* Изв. И. Р. Арх. Общ., т. IX, стр. 108—114, и отд. 1879.

Кромѣ того, Б. принималъ участіе въ трудахъ И. Русскаго Археологическаго Общества (избранъ въ члены-сотрудники 14 февраля 1850 г.) и въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи; подъ его наблюденіемъ, напечатана вторая половина V т. „Актовъ, относящихся къ исторіи Зап. Россіи". Спб. 1853.

Боричевскій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, обратившихъ серьезное вниманіе на изученіе исторіи Западной России. Изученіе это велось имъ довольно безпристрастно на основаніи источниковъ; взаимныя отношенія польскаго и русскаго народовъ въ старину характеризовались имъ на основаніи данныхъ историческихъ, безъ особой тенденціозной окраски. При всемъ томъ, онъ ясно указывалъ на значеніе для русской народности западной окраины. Въ чисто-научныхъ статьяхъ Боричевскій, дѣятельный сотрудникъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, давалъ обстоятельные отчеты о явленіяхъ исторической литературы или собственные опыты изслѣдованій по исторіи З. Россіи и Литвы («Православіе и русская народность въ Литвѣ», «О лѣтописи Быховца», «Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ»). Въ статьѣ «О происхожденіи, названіи и языкѣ литовскаго народа» авторъ добросовѣстно собралъ имѣвшіяся въ литературѣ свѣдѣнія по этому вопросу. Эта добросовѣстность является причиной того, что нѣкоторыя его работы имѣютъ цѣну и до настоящаго времени.

Другою областью, откуда Боричевскій бралъ темы для своихъ статей, была

исторія и этнографія славянъ. Распространившійся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ интересъ къ народной словесности не остался чуждъ и Боричевскому. Въ рядѣ статей «Разсказы и повѣрья народовъ славянскаго племени» («Маякъ», часть ихъ вошла въ отдѣльныя книги: «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени» и «Народные славянскіе разсказы») онъ изложилъ довольно много народныхъ преданій изъ всѣхъ славянскихъ литературъ: изъ эпоса сербскаго, польскихъ повѣрій, малорусскихъ разсказовъ, даже изъ Краледворской рукописи. Книжки Боричевскаго имѣли нѣкоторый успѣхъ. Къ сожалѣнію, издатель ихъ, какъ и многіе его современники, далеко неясно опредѣлили свое отношеніе къ произведеніямъ безъискусственной народной поэзіи. Преданія и повѣрья явились въ его книжкѣ не въ первоначальной своей простотѣ, а въ литературной передѣлкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ издателемъ сдѣланы на этотъ счетъ оговорки; въ другихъ же случаяхъ, когда источникъ разсказа неопредѣленъ, пользованіе книгою въ научныхъ работахъ затруднительно, потому что Боричевскій не только сокращалъ разсказы, но даже передѣлывалъ, дополнялъ одинъ при посредствѣ другого. Тѣмъ не менѣе, книги его въ свое время имѣли уже то значеніе, что въ доступной формѣ знакомили съ народной поэзіей соплеменныхъ намъ народовъ.

Изъ работъ Боричевскаго заслуживаетъ также большого вниманія библіографическое обозрѣніе губернскихъ вѣдомостей за 9 лѣтъ (съ 1842 по 1850 г.). Самымъ тщательнымъ образомъ отмѣчалъ нашъ авторъ въ своемъ обозрѣніи всѣ сколько нибудь интересные матеріалы и статьи по мѣстной исторіи, этнографіи, статистикѣ и т. д., появлявшіеся на страницахъ недавно еще основанныхъ провинціальныхъ изданій. Благодаря ему, эти матеріалы и статьи были зарегистрованы и въ другихъ библіографическихъ пособіяхъ, и они вошли, такъ сказать, въ ученое обращеніе. Нельзя не пожалѣть, что образцовый трудъ Боричевскаго мало нашелъ подражателей. Правда, мы имѣемъ теперь нѣсколько обзоровъ губернскихъ вѣдомостей, съ указаніемъ статей по нѣкоторымъ отдѣламъ, имѣемъ цѣлый рядъ спеціальныхъ *указателей* къ разнымъ губернскимъ вѣдомостямъ; но и въ настоящее время *обозрѣніе* провинціальной печати по плану Боричевскаго, было бы очень и очень нелишнимъ.

А. Лященко.

Въ дополненіе къ статьѣ А. І. Лященко помѣщаемъ письмо, полученное нами отъ Василія Александровича-Васильева (см. о немъ «Крит. біогр. Словарь» т. IV. «Матеріалы» стр. 146—48) въ ноябрѣ 1895 г.:

«На стр. 148 тома 4-го вашего словаря («Матеріалы») нѣсколько строкъ посвящено *В. Васильеву*, о которомъ сказано:

„*Васильевъ*, *В.*, авторъ полемической статьи „Еще о Руссахъ" („Сѣв. Пчела" 1860 г. № 161), весьма задорной и свидѣтельствующей вмѣстѣ съ тѣмъ о серьезномъ знаніи русской исторіи. Статья направлена противъ литовской теоріи Костомарова и вызвала отвѣтъ послѣдняго въ „Архивѣ" Калачева за 1860. № 1 и *Я. О—ча* въ

„С. Пет. Вѣд.“ 1860 г. № 209. Этотъ Васильевъ — вѣроятно псевдонимъ. Не В. В. Григорьева-ли?“

Въ виду, что на очереди въ словарѣ фамилія Ивана Петровича Боричевскаго, спѣшу сообщить вамъ, что статья «Еще о Руссахъ» всецѣло принадлежитъ И. П. Боричевскому,

Съ юныхъ лѣтъ со мною близко знакомый, онъ вчастую, еще вчернѣ написанныя статьи, повѣрялъ моему уху.

Статью «о Руссахъ» я читалъ уже передѣланную для типографіи.

Когда же, чрезъ нѣсколько дней, я увидѣлъ ее напечатанную и съ подписью моей фамиліи, я полюбопытствовалъ узнать отъ него о причинѣ, почему онъ скрылъ свою фамилію; онъ отвѣтилъ: «очень просто отчего: мой патронъ не жалуетъ литераторовъ. Боричевскаго нѣтъ другого, а Васильевыхъ нѣсть счета. Ты подвернулся, я и писнулъ. Ты скажешь, не я писалъ и скажешь правду; а Боричевскому отъ своей подписи нельзя отказаться.

Поэтому если въ статьѣ о Боричевскомъ помѣстите въ трудахъ его «Еще о Руссахъ»,—то это будетъ уже не предположеніе, а правда».

Веймарнъ, Иванъ Ѳедоровичъ, генералъ-адъютантъ [1]). Род. въ 1802 г. въ дворянской семьѣ: его предокъ, Иванъ Ивановичъ В. (1722—1792), генералъ-поручикъ, былъ во время семилѣтней войны ген.-квариртмейстеромъ, причемъ, вызванный въ Петербургъ, для объясненія происшествій въ арміи ген.-фельдмаршала Апраксина, представилъ отвѣты, представляющіе цѣнный матеріалъ для тогдашней военной исторіи и напечатанные въ «Hиppel's Nordische Miscellen» (т. VII); впослѣдствіи онъ былъ посломъ при дворѣ Станислава Лещинскаго и командиромъ рус. войскъ въ Польшѣ. Братъ И. Ѳ. В., Петръ Ѳедоровичъ (1796—1846) былъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Е. И. В. и непремѣннымъ членомъ совѣта военной академіи. В. учился въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ артиллерію въ 1819 г.; переведенъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части въ 1820 г.; переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ въ 1823 г. Въ кампанію 1828—1829 гг. въ Турціи В. участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, за что получилъ ордена св. Анны третьей степени и св. Владиміра четвертой степ. съ бантомъ; съ 19 апрѣля 1829 г. онъ исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера войскъ праваго фланга арміи, находился при обложеніи Силистріи и дѣйствіяхъ противъ скодринскаго паши. Съ 14 декабря 1829 г. состоялъ при полномочномъ предсѣдателѣ Дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Въ 1832 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса и въ томъ же году исправляющимъ должность адъюнкта военной академіи по тактикѣ; въ

[1]) 1) *М. И. Б(огдановичъ)*. „Военно-Энцикл. Лексиконъ“, т. III. 2) *Лесръ*. Энциклопедія военно-морскихъ наукъ, т. II. 3) *Геннади*. Словарь. 4) *Брокгаузъ-Ефронъ*. „Энциклоп. Словарь“, т. IV. 5) „Рус. Инвалидъ“ 1846, № 99.

1833 г. утвержденъ въ должности профессора. Въ 1834 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса; въ 1835 флигель-адъютантомъ; въ 1839 г. произведенъ въ ген.-майоры свиты Е. И. В. Въ 1840 г. назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса; въ 1842 г. начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса; въ 1845 г. ген.-адъютантомъ. Умеръ 27 апрѣля 1846 г.

В. принадлежитъ сочиненіе «*Высшая тактика*». Спб. 1840. XVI+284+i нен. стр. Къ ней отдѣльно приложенъ атласъ чертежей на 25 листахъ.

Авторъ имѣлъ въ виду дать руководство для академическихъ занятій. Въ то время существовалъ уже довольно полный курсъ начальной тактики барона Медема, но высшая тактика преподавалась по иностраннымъ руководствамъ, такъ что В. явился до извѣстной степени новаторомъ. Его книга даетъ сжатыя, но точныя и содержательныя свѣдѣнія о состояніи военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ, о современномъ автору общемъ составѣ корпусовъ и армій, и правилахъ выбора позицій, расположеніи войскъ въ лагеряхъ и на квартирахъ, походныхъ движеніяхъ войскъ, сраженіяхъ—наступательныхъ, оборонительныхъ и случайныхъ, оборонѣ рѣкъ и переправѣ черезъ нихъ, амбаркаціи, дессантѣ и войнѣ въ горахъ. Трудъ В. пользовался широкою популярностью и для своего времени былъ сочиненіемъ замѣчательнымъ.

Вейманъ, (Водевили)—Л. О. Яковлевъ.

* **Веймарнъ**, Павелъ Платоновичъ, музыкальный критикъ [1]). Род. въ Петербургѣ въ 1857 г., сынъ генералъ-лейтенанта, православнаго вѣроисповѣданія. Окончивъ курсъ въ 1-й Спб. гимназіи, поступилъ вольноопредѣляющимся въ л.-гв. семеновскій полкъ. Въ 1884 г. выдержалъ офицерскій экзаменъ и продолжалъ службу въ томъ же полку до 1888 г., когда вышелъ въ отставку, штабсъ-капитаномъ, по слабости зрѣнія. Склонность къ музыкѣ имѣлъ съ дѣтскаго возраста, фортепіанною игрою занимался у проф. Фанъ-Арка, а теоріей и композиціей у К. П. Галлера и другихъ преподавателей.

В. издалъ съ 1879 г. восемь сочиненій для фортепіано, віолончели и пѣнія. Литературную дѣятельность началъ въ 1879 г. въ «Рус. Музык. Вѣстникѣ». Съ 1888 по 1890 г. издавалъ и редактировалъ, сперва вмѣстѣ съ другими лицами, а затѣмъ одинъ журналъ «Баянъ» (музыкально-литературный текстъ и нотныя приложенія). Съ 1888 г. В. принималъ участіе, какъ музыкальный критикъ и рецензентъ, въ «Сынѣ Отеч.», «Рус. Жизни» (1891); «Сѣверѣ» (1892—93), «Гражданинъ», «Артистѣ» (1893—94), «Новороссійск. Телеграфѣ» (1888) и мн. др. Отдѣльно издалъ: 1) *Очеркъ исторіи оперы*

---

[1]) О „*М. И. Глинка*“: 1) *Свѣтозаровъ (Ф. Пржибыльскій)*. „Петерб. Листокъ“, 24 дек. 1891; 2) *Н. С.* „Сынъ Отеч.“; 24 дек. 1892; 3) „Спб. Вѣдом.“ 1892 г. 30 дек.
О полемикѣ В. съ М. М. Ивановымъ—См. „Новое Время“, „Гражданинъ“ и „Сынъ Отечества“ за августъ и сентябрь 1894.

„Жизнь за Царя“. (Спб. 1886, 8°. 162 стр.); 2) *„М. И. Глинка“*. Біографич. очеркъ (М. 1892, 8°. 245 стр.).

По направленію, В. принадлежитъ къ сторонникамъ новой русской музыкальной школы. Осенью 1894 г. въ музыкальныхъ сферахъ надѣлала шуму его полемика (на столбцахъ «Гражданина» и «Сына Отечества») съ музыкальнымъ критикомъ «Нов. Времени», причемъ обѣ стороны не скупились на самыя рѣзкія обвиненія.

***Вейнбергъ** Леонидъ Борисовичъ изслѣдователь Воронежской старины [1]. Родился въ 1852 г. (28 января) въ г. Вильнѣ, вѣроисповѣданія православнаго. Отецъ и дѣдъ его были люди по своему времени весьма образованные, и собранная ими библіотека древнихъ и новыхъ писателей и ученыхъ принадлежала къ числу наиболѣе обширныхъ изъ частныхъ библіотекъ въ городѣ.

Его помѣстили въ гимназію, но кончить курсъ ему однако не удалось; сначала тяжкая и продолжительная болѣзнь, а затѣмъ семейныя обстоятельства принудили его оставить гимназію незадолго до окончанія курса. По выздоровленіи В. опредѣлили въ аптеку. Служа въ аптекѣ въ Петербургѣ, В., въ качествѣ вольнослушателя, посѣщалъ лекціи Петербург. университета. Лекціи по фармаціи В. слушалъ сперва въ московскомъ, а затѣмъ въ кіевскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со званіемъ провизора; по приглашенію покойнаго профессора П. П. Алексѣева онъ остался при университетѣ работать на степень магистра фармаціи. Проработавъ годъ В., по домашнимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свои университетскія занятія и поселиться въ Воронежѣ. Въ 1881 г. онъ поступилъ на государственную службу въ воронежское губерн-

---

[1] Свѣдѣнія о воронежской дѣятельности Л. Б. Вейнберга можно найти въ двухъ книгахъ *Н. В. Воскресенскаго*: 1) Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Вор. 1888 и 2) Историческій очеркъ дѣятельности Воронежскаго Губ. Статистич. Комитета. Ворон. 1892 (особ. стр. 48, 57, 60, 66, 77) и въ книгѣ проф. *Е. Ф. Шмурло* „Митроп. Евгеній какъ ученый. Спб. 1888“, стр. 248. Упоминаніе въ „Энц. Слов.“ Брокгаузъ-Ефрона т. 5, стр. 720.

Отзывы: объ отдѣльныхъ изданіяхъ:

О *„Матеріалахъ по ист. Ворон. губ.“*: 1) въ ст. *Д. И. Багалѣя* „Новыя данныя для исторіи Воронеж. края“. Ж. М. Н. Пр. 1886, ч. CCXLVI, въ которой разсмотрѣнъ историч. очеркъ В-га „Воронежскій край“ (переп. въ „Ворон. Губ. Вѣд.“ 1886, № 63) 2) *Е. Ш(мурло)* „Библіогр.“ 1887, № 8—9. 3) *Н. Д-скій*, въ „Ист. Вѣст.“ 1886 г. № 5. О *„Воронеж. Край въ санит. отношеніи“*: 1) „Рус. Мысль“ 1886. № 1. 2) „Ист. Вѣст.“ 1886 г. № 11.

О *„Гор. Воронежъ“* 1) *Н. Д-скій*, Историч. Вѣстн. 1886, № 10. 2) *Е. Ш(мурло)*. „Библіогр.“ 1886, № 12. 3) „Ворон. Г. Вѣд.“ 1886, № 33.

О *„Гор. Воронежъ въ санитарн. отношеніи“*: „Медиц. Обозр.“ 1886 (перепеч. въ Ворон. Г. Вѣд. 1886, № 94). Объ *„Очеркъ древностей Ворон. края“* 1) *А. Лященко* въ „Кіев. Стар.“ 1892, январь. 2) „Правительств. Вѣстн.“ 1891, перепеч. въ Ворон. Губ. Вѣд.“ 1891, № 22.3) *П. П(олевой)* „Истор. Вѣстн.“ 1892, январь.

О *„Матеріалахъ по ист. Сарат. губ.“*: „Саратов. Дневн.“ 1893, № 109.

ское правленіе сначала корректоромъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и вскорѣ былъ назначенъ смотрителемъ губернской типографіи. Эта служба дала ему возможность, съ одной стороны, заняться изслѣдованіемъ малоизученной губерніи, а съ другой—помѣщать результаты своихъ изслѣдованій въ «Воронежск. Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Съ 1882 по 1891 гг. В. почти въ каждомъ № помѣщалъ переводныя и оригинальныя статьи по сельскому хозяйству, медицинѣ и проч., а также статьи статистико-экономическаго и историческаго характера. Въ 1885 г. избранъ членомъ воронежскаго медицинскаго общества и прочиталъ нѣсколько рефератовъ, помѣщенныхъ потомъ въ «Протоколахъ» Общества. Назначенный въ 1884 г. секретаремъ воронежск. статистическ. комитета, В. окончательно посвятилъ себя изученію губерніи, главнымъ образомъ въ гео-ботаническомъ и историко-археологическомъ отношеніяхъ, причемъ при содѣйствіи дѣятельнаго члена комитета. А. А. Полторацкой, возобновилъ и продолжалъ изданіе древнихъ актовъ мѣстныхъ архивовъ. Всего издано было ими 16 выпусковъ «*Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній*», составившихъ 2 тома съ словарями и указателями. Кромѣ того много документовъ разработано и отправлено ими въ разныя ученыя архивныя коммиссіи. Въ 1891 г. В. переселился въ С.-Петербургъ и съ тѣхъ поръ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ «Правител. Вѣстника». Въ 1891 г. читалъ въ Географическомъ Обществѣ рефератъ — «Слѣды Хазарской народности въ предѣлахъ Воронежск. губерніи».

Статьи Л. Б. Вейнберга (подписанныя иногда L. W-g, Л. В., Эльве) въ „**Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ**“ въ 1882—1887 гг. перечислены въ книгѣ Н. В. Воскресенскаго. Болѣе пространныя изъ нихъ:

1) *Популярныя научныя бесѣды*: Повальныя болѣзни людей и животныхъ. О болѣзни „злая корча“ (1882, № 86, 87). 2) *Памяти перваго русскаго печатника Ивана Өедорова* (1883, № 89 и отд. Ворон. 1883, 7 стр.). 3) *Положеніе овцеводства въ Воронежской губ.* (1883, № 91). 4) *Опаснѣйшій врагъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія нашего народа—водка* (1883. № 7 и 8). Эта же ст. вышла отд. оттиск. подъ загл. „*Бесѣда съ арестантами Воронежскаго тюремнаго замка*“ о послѣдствіяхъ неумѣрен. употребленія спиртн. напитковъ. Ворон. 1883, 5 стр. 5) *О почвѣ.* О почвѣ, удобреніи, неурожаяхъ и т. п.) 1883, № 17 — 28). 6) *Публичныя гулянья въ Воронежѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.* Изъ историч. очерка Болховитинова. (1884, № 66). 7) *Минеральные источники* Ворон. губ. (1885, № 63). 8) *Воронежскій край.* Историч. очеркъ (1885. №№ 12—28, и отд. вып. 1, до царствованія Михаила Өедоровича). 9) *200 лѣтъ назадъ.* Воронежъ при Өедорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Вел. (1885, № 35, 38). 10) *Острогожскъ и Острогожскіе черкасы въ XVII в.* (1885, №№ 58—63). 11) *По поводу проектируемаго Волго-Донскаго канала.* (1885, № 66, 68, 69, 71). 12) *Наблюденія, произведенныя при Воронежскомъ Губ. Стат. Комитетѣ надъ атмосферными осадками,* съ 17 февр. (1885, нач. съ № 15). 13) *Въ нѣдрахъ земли.* Популярный очеркъ. (1887, № 14, 15, 20, 21). 14) *Земля и звѣзды.* Космологическій очеркъ. (1887, №№ 30, 31, 33, 38, 50—52, 69—72, 74). 15) *Очерки стародавняго мѣстнаго быта.* (1890, №№ 40—49). 16) *Донъ и его притоки.* (Пе-

реводъ съ допол. изъ „Hydrographie d. Russ. Reiches“ И. Штукенберга). **Печ. въ** 1890 г. и вышло отд. брошюрой (Воронежъ 1891).

Въ **„Русскомъ Архивѣ“** 1887. *Очерки стародавняго мѣстнаго быта*: 1) Воевода Волковъ. 2) Кондратъ Голосковъ, 3) Помѣщикъ Сѣверцевъ. (т. II, 289—306; т. III, 417—423).

Въ **„Пастырскомъ Собесѣдникѣ“** 1888 г. *„Историческіе очерки изъ религіозно-нравственнаго быта при-Донскаго края при еп. Митрофанѣ“* (сост. по неизданнымъ документамъ).

Рядъ статей въ **„Словарѣ И. Историческаго Общества“** и въ **„Энциклопедич. Словарѣ“** Брокгауза-Ефрона (важнѣйшія: Воронежск. губ., Донскаго войска земля).

Въ **„Воронежскомъ Юбилейномъ Сборникѣ“** 1886: 1) *Городъ Воронежъ*, историческій очеркъ (и отд. Вор. 1886, 207 стр.) 2) *Матеріалы для исторіи г. Воронежа.* 3) *Воронежская почта*, историч. очеркъ. Изслѣдованіе. 4) *Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи.* Историческій очеркъ. Изслѣдованіе (и отд.).

Въ книгѣ **„Рефераты, читанные въ засѣданіяхъ Ворон. Г. Статистич. Комитета въ** теченіе 1889 г.“ Вор. 1889:

1) *Прошлое и настоящее Воронежской губ.* 2) *Личность Анны Васильевны.* вел. кн. Рязанской. 3) *Гдѣ былъ Червленный Яръ?* 4) *Урочище Донская Бесѣда.*— (Тутъ же помѣщены „Замѣчанія на сообщенія г. Вейнберга“ М. А. Веневитинова).

Въ **„Протоколахъ Воронеж. Общ. Врачей“**: 1) *О металлоорганическихъ соединеніяхъ.* 2) *„Вредныя комбинаціи и смѣси“.*

Въ **„Медицинской Бесѣдѣ“** 1880-хъ гг. 1) *„Къ исторіи народныхъ средствъ“.* 2) *Толкованіе древняго травника.*

Въ **„Русскомъ Вѣстникѣ“**: 1) *Антоній де-Лаваль.* (1890, № 12). 2) *Къ исторіи петровскихъ полковъ* (1891, № 11). 3) *Крестьянская семья.* (1891, № 6. Подъ псевдонимомъ *Л. Борисовъ*).

Въ **„Историч. Вѣстникѣ“**: 1) *По поводу инфлюэнцы* (историч. справка) 1892, апр 2) *А. В. Кольцовъ.* (1893, № 1).

Отдѣльно: Л. Б. Вейнбергъ издалъ:

1) *Воронежскій край.* Историч. очеркъ. Вып. I. Воронежъ 1885. 8°. 120 стр. 2) *„Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній“* выходили выпусками, начиная съ 1884, составлявшими оттиски изъ Ворон. Г. Вѣд. Всѣхъ вып. (по 1890) было 16. Они были переизданы съ сокращеніями и указателями Ворон. Статистич. Комитетомъ въ 2-хъ т.: т. I. Ворон. 1887, подъ ред. Л. Вейнберга и А. Полторацкой. Воронежскіе акты; т. II. Воронежскія писцовыя книги. 1891, стр. 296. 3) *Распространеніе христіанства на Украйнѣ.* Воронежъ. 1889. 4) *Памятники дѣяній Петра Вел. въ Воронежѣ.* 1889. 5) *Матеріалы по исторіи Пензенской и сосѣднихъ губерній.* 1889. 6) *Очеркъ сельско-хозяйственной промышленности въ Воронежской губ.* Вып. 1: XVII—XVIII в. 1890, стр. 109 + 27 + V. 7) *Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ.*, съ предисл. и рисунками Е. Л. Маркова. Ворон. 1891. въ листъ.

Въ **„Трудахъ Саратовск. архивн. ком.“**, т. IV, 1893.— *Матеріалы для исторіи Сарат. и Самарск. губ. во втор. полов. XVIII в.*

Въ **„Извѣстіяхъ Тамб. арх. ком.“** (в. XXVIII): *Документы, касающіеся Тамб. губ.*

Изъ работъ Л. Б. Вейнберга наибольшее значеніе имѣютъ опубликованные имъ матеріалы по мѣстной (Воронежской) исторіи и опыты самостоятельной разработки ея. Въ изданіи историческихъ документовъ Воронежскаго края

онъ имѣлъ предшественниками Второва и Александрова-Дольника, Де-Пуле и Яворскаго. Первымъ двумъ издателямъ слѣдовалъ В. въ группировкѣ матеріала, приложивъ, какъ и они, указатели, *предметный* и именные, и карту, дополненную только на основаніи новыхъ матеріаловъ. Цѣлью предпринятаго Л. Б. Вейнбергомъ, при сотрудничествѣ А. А. Полторацкой, изданія было—послѣ пересмотра документовъ, хранящихся при Воронежскомъ губ. статистическомъ комитетѣ, напечатать главнѣйшіе изъ нихъ, не стѣсняясь перепечаткою ранѣе опубликованныхъ. Документы первоначально, по мѣрѣ ихъ разбора, печатались въ «Губ. Вѣдом.» безъ опредѣленной системы; потомъ они были вновь пересмотрѣны и переизданы въ хронологическомъ порядкѣ, съ прибавленіемъ указателей, но съ опущеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, менѣе важныхъ по мнѣнію издателей.

Значеніе изданныхъ въ двухъ большихъ томахъ Вейнбергомъ и Полторацкой документовъ было оцѣнено спеціальною критикою; объ изданіи съ большимъ сочувствіемъ отозвались проф. Д. И. Багалѣй и Е. Ф. Шмурло. Указавъ на важность его для исторіи мѣстнаго управленія, колонизаціи, на интересъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся бунта Стеньки Разина, устройства флота въ Воронежѣ при Петрѣ Великомъ, наконецъ на матеріалъ для мѣстной исторіи, даваемый писцовыми книгами, критика не могла не отмѣтить и нѣкоторыхъ недостатковъ изданія. Указано было на не всегда удачное исключеніе актовъ, ранѣе напечатанныхъ въ «Ворон. Г. Вѣд.; на то, что напрасно старинная ороографія замѣнена современной, на неполноту предметнаго указателя, на невыдержанность плана изданія. Сюда же можно отнести недостаточность библіографическихъ замѣчаній о документахъ, ранѣе изданныхъ, и слишкомъ краткое предисловіе. Въ первомъ томѣ «Матеріаловъ для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губ.» напечатаны 170 №№ документовъ, съ 1605 по 1705 г.; во второмъ 1) списокъ съ Воронежскихъ книгъ письма и дозору Гр. Кирѣевскаго (1615 г.). 2) списокъ съ Валуйской писцовой книги и 3) извлеченіе изъ писцовой и межевой книги Романа Кирѣевскаго и Л. Недовѣскова (1629). Рядъ довольно важныхъ документовъ по мѣстной исторіи помѣщенъ Л. Б. Вейнбергомъ въ приложеніяхъ къ другимъ его трудамъ и сообщенъ въ изданія Саратовской и Тамбовской архивныхъ коммиссій.

Результаты самостоятельныхъ трудовъ г. Вейнберга по мѣстной исторіи находятся въ зависимости отъ имѣвшихся у него источниковъ и пособій. Изслѣдователь могъ пользоваться только пособіями, имѣвшимися въ провинціальномъ городѣ, и документами только мѣстныхъ архивовъ. Пришлось поэтому по необходимости нерѣдко повторять устарѣлые сужденія и выводы; притомъ, всесторонняя разработка исторіи Воронежскаго края немыслима безъ пользованія документами Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Г. Вейнбергу невсегда удавалось избѣгнуть рискованныхъ догадокъ и соображеній, на которыхъ строились имъ выводы. Тѣмъ не менѣе, труды его въ общемъ представляютъ цѣнный матеріалъ для мѣстной исторіи.

Интересны также небольшія работы г. Вейнберга по мѣстной топографіи. Ему принадлежитъ заслуга опредѣленія топографіи нѣкоторыхъ мѣстностей при верхнемъ Донѣ, упоминаемыхъ старыми источниками. Благодаря близкому личному знакомству его съ мѣстностью и сопоставленію историческихъ извѣстій, это опредѣленіе можетъ быть, большею частью, признано удачнымъ. Г. Вейнбергу въ первый разъ съ полною вѣроятностью удалось установить положеніе Донской Бесѣды, Червленаго Яра, Дивьихъ горъ.

Съ отъѣздомъ изъ Воронежа г. Вейнбергъ прекратилъ полезное дѣло изданія «Матеріаловъ»; воронежскому краю посвящены только нѣкоторыя статьи его въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона.

А. Лященко.

Вейнбергъ, Павелъ Исаевичъ, разсказчикъ [1]), младшій братъ Петра Исаевича В.). Род. въ началѣ 40-хъ гг., учился недолго въ низшихъ классахъ гимназіи, съ конца 60-хъ гг. сталъ выступать какъ разсказчикъ изъ еврейскаго и армянскаго быта, что ему создало шумную извѣстность и множество подражателей. Въ серединѣ 70-хъ гг. былъ принятъ на александринскую сцену въ Петербургѣ, но успѣха какъ актеръ не имѣлъ. Разсказы его, не лишенные забавности, литературнаго значенія не имѣютъ. Въ нихъ мало типичнаго и весь юморъ держится на передразниваніи русской рѣчи евреевъ и армянъ. Они много разъ были изданы подъ слѣдующими заглавіями:

1) *Сцены изъ еврейскаго быта.* Спб. 1870 г. Изд. 8-ое, Спб. 1896. 2) *Сцены изъ еврейск. и армянскаго быта.* Спб. 1878. 3) *Новые сцены и анекдоты изъ еврейск., армянск., греческ., нѣмецк. и русск. быта.* Спб. 1880. 4) *Полный сборникъ юмористическихъ сценъ изъ еврейскаго быта.* М. 1883. 5) *Новые разсказы и сцены.* Спб. 1886. 2-е изд. Спб. 1895.

Вейнскгопфенъ-фонъ, Іосифъ Антоновичъ — одинъ изъ піонеровъ провинціальной журналистики [2]). Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Извѣ-

---

[1]) *Отзывы* о „*Сценахъ изъ евр. быта*“: 1) Дѣло 1870. № 7, стр. 108—112. 2) Отеч. Записки 1870. № 7, т. 191, отд. 2; стр. 54—55. Сынъ Отеч. 1870. № 167. 4) Вѣстн. русск. евреевъ. 1871. № 2.

О „*Нов. сцен. изъ евр.*: 1) „Отечеств. Записки“ 1881. № 5, стр. 58—59. 2) „Росс. Библ.“ 1880. № 73.

[2]) О немъ: 1) *С. С. Рымаренко.* „Востокъ“. 1866—№№ 1, 2, 23 и 1867—№№ 18, 35, 40, 45, 47. 2) *Астраханецъ.* „Востокъ“ 1867, №№ 20 и 21. 3) *В. Н. Сахаровъ.* „Астрах. Справочн. Листокъ“ 1866, №№ 103—105. 4) *А. Дмитріевъ.* „Записки для чтенія“ 1867, №№ 2—3. 4) *Н. А. Лопатинъ.* „Историч. очеркъ астраханской гимназіи“ („Циркуляры по Казанск. учебн. округу“ 1875, №№ 3—4 и „Труды астраханск. губернск. статистическ. комитета“, вып. IV). 5) *Н. Леонтьевъ.* „І. А. фонъ-В., издатель первой астрах. газеты „Восточныя Извѣстія“. Астрахань, 1885 (отт. изъ „Астрах. Губ. Вѣдом.“). 6) „Библіографъ“ 1886, № 8 (по брошюрѣ Леонтьева и съ его письмомъ). 7) *Геннади.* Словарь. 8) *Ф. Ш(перкъ)* въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона.

стно только, что В., по происхожденію австрійскій дворянинъ, родился между 1778—80 гг. въ Тиролѣ и обучался юридическимъ наукамъ въ вѣнскомъ университетѣ. Прибывъ въ Россію въ 1806 г., онъ жилъ сначала въ Москвѣ, затѣмъ—въ Петербургѣ, гдѣ издалъ: 1) «*Probabilia de origine mali*». 1810. Въ 1811 г. В. является уже учителемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ въ астраханской гимназіи. Тогда же онъ выхлопоталъ разрѣшеніе завести типографію, вошелъ для ея устройства въ компанію съ иностранцами Гревомъ и Литке и вложилъ, съ своей стороны, въ дѣло 2830 р. Получивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право на изданіе еженедѣльной газеты «Восточныя Извѣстія», онъ объявилъ о подпискѣ въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ», но первый № вышелъ не 1 января 1813 г., какъ предполагалось, а 29-го того же мѣсяца. Причина замедленія лежала въ томъ, что мѣстное начальство, не удовлетворяясь однимъ разрѣшеніемъ министерства народнаго просвѣщенія, представила дѣло о газетѣ еще министру полиціи. В. обѣщалъ подписчикамъ «пропущенное въ теченіе года дополнить разными матеріями».

Дѣйствительно, газета, по тому времени, довольно полна, и, надо отдать В-ну справедливость, онъ очень заботился о такой полнотѣ, неоднократно печатая воззванія къ читателямъ, съ просьбой сообщать факты мѣстной жизни, этнографическіе матеріалы и т. п.

Въ первый годъ изданія В. удѣлялъ много мѣста политикѣ, усердно перепечатывая изъ «Московскихъ» и «Спб. Вѣдом.» и «Сѣверной Почты» извѣстія о «славныхъ побѣдахъ россійскаго оружія». Но скоро успѣхъ и умѣлое веденіе газеты вызвали опасеніе, чтобъ она не сдѣлала подрыва казеннымъ изданіямъ, и В-ну запретили заимствовать изъ нихъ политическія и другія статьи, что было равносильно уничтоженію политическаго отдѣла. Затѣмъ, несмотря на то, что «В. Изв.» имѣли уже утвержденную программу, по которой и издавались, министръ народнаго просвѣщенія приказалъ составить «новый планъ для сего журнала и сообщить оный издателю для непремѣннаго исполненія». По этому плану «В. Изв.» стали съ 1814 г. исключительно органомъ Востока. Трудность такой задачи не испугала В—на, который обратился къ читателямъ съ просьбой присылать не только статьи мѣстнаго характера, но и сообщенія объ Индіи, Китаѣ, Аравіи, Тибетѣ и другихъ восточныхъ странахъ.

Благодаря интересу Вейскгопфена къ этнографическому и географическому элементу, имъ въ «В. Изв.» удѣлялось много мѣста. Многія изъ географ. статей «В. Изв.» могутъ быть прочтены съ пользою и теперь. Чтобъ судить о содержаніи газеты, укажемъ, что въ числѣ прочихъ были помѣщены оригинальныя статьи о метафизическомъ ученіи калмыковъ, объ обрядахъ индійскаго богослуженія (Пружковскаго), объ ученіи Конфуція, о нравахъ татаръ, о водяныхъ метеорахъ (Ѳ. Шп[ерка?]), роспись травъ, собранныхъ въ окрестностяхъ Астрахани аптекаремъ Блюмомъ, описанія монастырей и т. д. О распространенности газеты можно судить по тому, что у нея были корреспонденты не въ

одной астраханск. губ., но и въ Кизлярѣ, елисаветградскомъ уѣздѣ и пр. В. же напечаталъ присланное ему письмо штурмана Хлѣбникова, одного изъ товарищей Головнина по японскому плѣну, за три года до появленія записокъ Головнина въ печати.

Кромѣ того, въ «В. Изв.» помѣщались метеорологическія таблицы, свѣдѣнія о торговлѣ и курсѣ, воззванія къ благотворителямъ, объявленія, случайныя статьи (напр., переводные «Разговоры деиста съ вертопрахомъ»), переводные анекдоты, изъ которыхъ нѣкоторые еще донынѣ циркулируютъ въ юмористической прессѣ, и, конечно, неизбѣжныя стихотворенія. Авторы послѣднихъ, за исключеніемъ А. Нарциссова, Ал. Смирнова и особенно плодовитаго Семена Бѣлоусова, скрыты за разными мудреными псевдонимами.

Какой же еще полноты можно требовать отъ тогдашней провинціальной газеты, особенно при новизнѣ дѣла?

Что принадлежитъ въ «В. Изв». собственно В—ну,—мы доискаться не могли.

Во второй половинѣ 1815 г. В. сдалъ типографію своему компаніону—Литке, а самъ, представивъ свои сочиненія, сталъ хлопотать объ удостоеніи его степени д-ра словесныхъ наукъ.

Въ 1816 г. «В. Изв.» начали печататься параллельно на русскомъ и армянскомъ языкахъ, причемъ самый форматъ газеты измѣнился съ 4° на листъ малаго формата. Переводомъ на армянскій завѣдывалъ смотритель астрах. арм.-католическаго іезуитскаго училища К. П. Шахвердовъ, а переводы сличалъ смотритель астр. уѣздн. училища И. К. Егуловъ.

Но въ это время В—на постигло несчастіе: между нимъ и Литке начался процессъ, кончившійся заключеніемъ Литке за долги въ тюрьму и сильно подѣйствовавшій на нравственное и физическое состояніе В—на. А 2 іюля 1816 г. В. умеръ, оставивъ шестнадцатилѣтнюю жену, урожденную Гуськову и годовалаго сына безъ всякихъ средствъ къ существованію. Вдовѣ было дано единовременное пособіе въ размѣрѣ штатнаго жалованія мужа—800 р.

Со смертью В—на «В. Изв.» прекратились.

Дѣятельность и газета В—на, пользовавшаяся несомнѣннымъ успѣхомъ (что видно хотя бы изъ опасеній подрыва казеннымъ органамъ), были такъ основательно забыты, что даже М. И. Сухомлиновъ, перечисляющій въ «Матеріалахъ для исторіи въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» провинціальныя изданія того времени, ни слова не говорятъ о «В. Изв.». Только съ 1866 г. тѣнь перваго астраханскаго публициста вызвана изъ незаслуженнаго забвенія.

Но и теперь свѣдѣній о немъ очень мало, и воззваніе о сообщеніи ихъ, сдѣланное редакціею «Библіографа», осталось безъ отвѣта.

Г. Леонтьевъ мимоходомъ высказываетъ предположеніе, что В—на заставила издавать газету не одна польза края, но, можетъ быть, и секретное предписаніе изъ Рима, такъ какъ самъ В. могъ быть тайнымъ послѣдователемъ Лойолы.

Что В. былъ католикомъ, это—вѣрно; что онъ дружилъ съ іезуитами—тоже вѣрно. Но это такъ понятно: просвѣщеннаго издателя влекло къ просвѣщеннымъ же людямъ, гдѣ онъ могъ встрѣтить больше образованія, чѣмъ въ обществѣ іезуитовъ?

В—ну принадлежатъ еще книжки: 2) *„Руководительная тетрадь для преподаванія нѣмец. языка въ* 1, *2 и 3 классахъ"*. Три выпуска. Астрахань. 1813—14 и 3) *„Руковод. тетрадь для преподаванія франц. яз. въ первомъ классѣ"*. Астр. 1815. Полнаго экземпляра «В. Изв.» нѣтъ нигдѣ.

В. К.

Вейтбрехтъ (Вейдбрехтъ Фейтбрехтъ), академикъ по каѳедрѣ физіологіи [1]. Род. 20 октября 1702 г. въ Шорндорфѣ и получилъ образованіе въ тюбингенскомъ университетѣ, отъ котораго былъ удостоенъ званія магистра философіи. Въ 1725 г. В. прибылъ въ Петербургъ и сначала находился при академіи, въ качествѣ студента, съ жалованьемъ 200 р. въ годъ. Въ 1726 г. В. обучалъ гимназистовъ ариѳметикѣ, а съ 1727 г. исключительно занялся анатоміею подъ руководствомъ Дювернуа, работалъ надъ составленіемъ каталога рюйшевскаго музея и составилъ: 1) «*Compendium anatomicum*» (рукопись въ академическомъ архивѣ)—введеніе къ этому каталогу.

Въ 1731 г. В. объявленъ академикомъ по каѳедрѣ физіологіи, которую онъ читалъ по Бургаве. Въ томъ же году было приказано Крафту и В. составлять, подъ редакціею Бекенштейна, жизнеописанія знаменитѣйшихъ женщинъ для назиданія принцессы Анны Леопольдовны. Въ 1736 г. В. получилъ отъ кенигсбергскаго университета степень доктора за присланную имъ диссертацію: 2) «*De ferbrili constitutione petschizante*» (Спб. 1735), разбиравшую эпидемію, свирѣпствовавшую въ то время въ Петербургѣ. Онъ занимался и медицинскою практикою. Въ 1736 г. архіатеръ Фишеръ выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ академики представляли ему отчеты о пользуемыхъ больныхъ. Этому подчинился одинъ только В., а Дювернуа, Амманъ и Вильде, находя унизительнымъ зависѣть отъ посторонняго академіи лица, предпочли вовсе отказаться отъ практики. Такой поступокъ В. даетъ поводъ думать, что Шумахеръ, указывая на корыстолюбіе В., былъ, можетъ быть, правъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ В. проявлялъ не уступчивость, а крутой нравъ. Такъ онъ болѣе другихъ возставалъ противъ вмѣшательства секретаря академической кан-

[1]) *В. Рихтеръ*. Исторія медицины въ Россіи (М. 1820), III.—2) *I. F Brandt*. Versuch einer Kurzen Uebersicht der Fortschritte, welche die Kentniss der thierischen Körper den Schriften der Kaiserlichen Academie des Wissenschaften zu S.-Petersburg verdankt („Recueil des actes de la séance publique de l'Académie imperiale des sciences de S.-Pet. tenue le 29 déc. 1831"). 4) *Пекарскій*. Исторія академіи наукъ, I — II.— 4) Матеріалы для исторіи академіи наукъ, Спб. 1885 — 1887, I — IV. — 5) *Геннади*, Словарь.—5) *Неустроевъ*. Историч. розысканіе. — 6) *Билярскій*. Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб. 1865). 7) *Чистовичъ*, Медицин. школы.

целяріи, Нартова, въ дѣла академіи, а въ 1742 г. даже не принялъ указа, присланнаго Нартовымъ, заявивъ секретарю канцеляріи Волчкову, что канцелярія — хвостъ, а профессорская конференція — глава академіи. Мало того, В., не стѣсняясь, назвалъ академика Вильде дуракомъ, а въ 1733 г. подрался на засѣданіи конференціи съ академикомъ Юнкеромъ. Ссора произошла изъ-за того, что великолѣпный латинистъ—В. презрительно отозвался о писавшемъ латинскіе стихи Юнкерѣ. Послѣдній жаловался; разбирательство тянулось очень долго, обѣ стороны отписывались, пока, наконецъ, въ 1735 г. баронъ Корфъ не оштрафовалъ В. 20 рублями за разбитое во время драки зеркало въ конференцъ-залѣ. Въ 1743 г. окончился срокъ контракта, заключеннаго съ В. Академики находили, что не кѣмъ замѣстить его каѳедры, но Шумахеръ, сердитый на В. за то, что тотъ, вмѣстѣ съ другими, жаловался на него въ сенатъ, внушилъ Разумовскому отказать В. въ требованіи прибавки жалованья. В. медлилъ подписать контрактъ на прежнихъ условіяхъ, и тогда академическая канцелярія вовсе уволила его. Обремененный большимъ семействомъ, В. обратился къ Разумовскому съ изъявленіемъ покорной готовности подписать предложенный ему контрактъ; его снова сдѣлали академикомъ, но черезъ два мѣсяца, 8 февраля 1747 г., В. умеръ. Многіе, въ томъ числѣ и Ломоносовъ, называли причиною его смерти Шумахера, огорчившаго его своими интригами.

Кромѣ упомянутаго, В. напечаталъ:

3) „*О гидрофобіи, то-есть боязни отъ воды по угрызеніи бѣшеной собаки*". („Примѣч. въ Спб. Вѣдом." 1729); 4) „*О симпатіи и антипатіи*" (ib. 1731) 5) „*О кофе*" (ib. 1732); 6) „*О годахъ степенныхъ*"; (ib. 1733); 7) „*О шоколадѣ*" (id. 1733); 8) „*Sermones in solenni Academiae scientiarum imperialis conventu publice recitati*" (Спб. 1742 4°; отвѣтъ В. на рѣчь Крафта o clavecin oculaire Кастеля); 9) „*Syndesmologia, sive historia ligamentorum corporis humani, quam secundum observationes anatomicas*" (Спб. 1742; посвящено Герм. Лестоку); 10) „*De actione musculorum ab ipsorum directione pendente specimen*" („Commentarii Academiae scient. petropolitanae, IV); 11) „*Ligamenti clavicuralum communis descriptio*" (ib.); 12) „*Observationes anatomicae*" (ib. V); 13) „*De figura et situ vesicae urinariae*" (ib.); 14) „*De notis characteristicis ossium*" (ib.); 15) „*De cordibus villosis*" (ib. VI); 16) „*De circulatione sanguinis*; (VI — VIII); 17) „*De mutationibus caloris et frigoris aquae fluentis*" (VII); 18) „*Observationes anatomicae ad historiam et actionem musculorum frontalium, occipitalium, palpebrarum faciei pertinentes*" (ib. VIII); 19) „*Tentamen theoriae qua ascencus aquae in tubis capillaribus explicatur*" (ib.); 20) „*De thermometris concordantibus*" (ib.); 21) „*Observationes anatomicae ad historiam et actionem musculorum labiorum, ossis hyoidis, faucium, linguae, laryngis pertinentes*" (ib. IX); 22) „*Observata in sectione juvenis 1735, cujus manus et pedes monstrosi erant*" (ib.); 23) „*Explicatio difficiliorum experimentorum circa ascensum aquae in tubas capillares*" (ib.); 24) „*Solutio problematis physiologici*" (ib., X); 25) „*Tentamen explicandi dilatationem et contractionem pupillae*" (ib., XIII); 26) „*De pituita glutinosa laryngis*" (ib., XIV); 27) „*De vera significatione processuum mamillarium cerebri*" (ib.); 28) „*De utero muliebri observationes anatomicae*" („Novi Comm. Acad. Scient", I).

Работы В. считались для своего времени образцовыми. Даже Юнкеръ, врагъ В., не могъ не похвалить его «Ligamenti» въ своемъ рапортѣ гр. Бестужеву-Рюмину (1742). Но особенно выдается «Sindesmologia», гдѣ В. выказалъ прекрасное знаніе анатоміи, подтверждая свои выводы описаніемъ ста слишкомъ вскрытій. Рихтеръ называетъ ее классическимъ трудомъ и говоритъ, что В. первый показалъ важность силы малыхъ артерій и тонкихъ вѣтвей сосудовъ, доказывая, что сила сердца недостаточна для обращенія крови въ малыхъ кровеносныхъ сосудахъ.

«Syndesmologia» была переведена: на франц. яз. — Desmograhie ou description des ligaments du corps humain» (Парижъ, 1752) и на нѣм. яз.— «Syndesmologie oder Beschreibung der Bänder des menschlichen Körpers» (Страсбургъ, 1779).

Отвѣтъ Крафту переведенъ Г. Тепловымъ: «Рѣчи, которыя въ публичномъ собраніи Имп. Академіи Наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года» (Спб. 1742).

Вейтцлеръ, Е. Б., напечаталъ:

Двойная Англійская бухгалтерія, по вновь изобрѣтенной Эдуардомъ Джонесономъ двойной бухгалтеріи, приспособленная наиболѣе для негоціантовъ, не имѣющихъ прямыхъ отношеній съ иностранными государствами, съ переложенными на Россійскую серебряную монету разсчетами, по которой всякій, не учившійся бухгалтеріи, можетъ правильно вести свои книги. 1840 г. 2-ое изд. М. 1846.

Великій (Владиміръ Николаевичъ)—физіологъ. Род. въ Кіевѣ 7 авг. 1851 г. Учился въ 1-ой кіевской гимназіи, но вышелъ до окончанія курса и держалъ окончательный экзаменъ, экстерномъ, при первой петербургской гимназіи. Въ 1868 г. поступилъ на юридическій факультетъ спб. унив., но въ 1870 г. перешелъ на естественный, который и окончилъ въ 1874 г. кандидатомъ. Во время пребыванія въ университетѣ В. спеціально занимался у проф. Ф. В. Овсянникова и, уже студентомъ второго курса, исправлялъ должность ассистента по физіологіи, анатоміи и гистологіи. Въ 1875 г. В. былъ назначенъ лаборантомъ при каѳедрѣ физіологіи и сравнительной анатоміи въ акад. наукъ. Въ 1878 г. былъ командированъ для осмотра заграничныхъ лабораторій. Въ 1885 г. получилъ въ спб. университетѣ степень магистра зоологіи, защитивъ диссертацію 1) *Къ инерваціи лимфатическихъ сердецъ* (Спб. 1884), а въ 1889 г. въ томъже унив. защитилъ докторскую диссертацію 2) «*Дополненія къ изслѣдованіямъ лимфатическихъ сердецъ и сосудовъ у нѣкоторыхъ представителей амфибій*». (Спб. 1889). Съ 1885 г. В. состоялъ приватъ-доцентомъ спб. унив., а по защитѣ докторской диссертаціи, былъ назначенъ проф. физіологіи медицин. факультета томскаго унив. Первоначально на ту-же имѣлся въ виду дру-

---

[1]) 1) *Богдановъ.* Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности по зоологіи, II.—2) „Врачъ" 1889.—3) „Нов. Время" 1889, № 6691.

гой кандидатъ—пр.-доцентъ (теперь профессоръ) физіологіи военно-медиц. академіи, И. П. Павловъ, но назначеніе это почему-то не состоялось, что возбудило недовольство въ медицинскомъ мірѣ, выраженное газетою «Врачъ», по мнѣнію которой принципіально важно, чтобъ физіологію читалъ студентамъ врачъ, знающій потребности будущихъ врачей. Съ этимъ согласился и такой авторитетный судья, какъ И. М. Сѣченовъ.

Кромѣ названнаго, В. напечаталъ: 3) «*Объ окончаніи нервовъ въ голосовыхъ сумкахъ млекопитающихъ*» (Труды Общ. Естеств. при спб. унив. 1872); 4) «*О строеніи спиннаго мозга миноги*» (ibid, 1874). 5) «*De l'influence du cervelle sur la coordination des mouvements*» («Bulletins de l'Académie des Sciences de St.-Pet.» 1876; вмѣстѣ съ Ф. В. Овсянниковымъ); 6) «*Объ отдѣленіи панкреатическаго сока*» («Тр. Общ. Естеств. при спб. унив.» 1876; вмѣстѣ съ *Лебедевымъ*); 7) «*Объ ускоряющихъ нервахъ сердца*» (ib.; вмѣстѣ съ *Павловымъ*); 8) *О живыхъ канюляхъ изъ кровеносныхъ сосудовъ*» (ib., 1877 съ *Истоминымъ*); 9) «*L'influence des nerfs depresseurs sur la quantité de la limphe*» («Bull. de l'Acad. d. Sc. 1877); 10) «*Des centres depresseurs et accelerateurs*» (ib., вмѣстѣ съ *Истоминымъ*); 11) « *De l' éxcitabilitaté de la moelle épinière*» (ib., 1879); 12) «*Zur Innervation der Speicheldrüsen*» (ib., 1881; вмѣстѣ съ *Овсянниковымъ*); 13) «*Нѣкоторыя дополненія къ гистологіи, анатоміи и физіологіи лимфатическихъ сердецъ*» (ib.; 1884); 14) *Zum feineren Bau der Bindegewebe*» («Bull. de l'Acad. d. Sc.» 1883); 15) «*Ueber die Endigungen der sympathischen Nervenfasern in den Lymphherzen des Frosches*» (ib., 1883); 16) «*Ueber die Vielzähligkeit der Lymphherzen bei Siredon pisciformis*» «Zoolog. Anzeiger» 1885); 17) «*Ueber die Anwensenheit der Vielzahligkeit der Lymphherzen bei Froscheslarve*» (ib. 1886); 19) *Ueber die Vielzähligkeit der Lymphherzen bei Triton taeniatus*» (ib. 1887).

Съ 1889 по 1893 г. Великій состоялъ ректоромъ томскаго унив.

Великій, Семенъ. Перевелъ: *Обидагъ*, восточная повѣсть, съ нѣм. Спб. 1786. 8°.

Величко, Самуилъ, малорусскій лѣтописецъ [1]), род. въ 1670 году, въ очень молодыхъ годахъ сталъ въ ряды запорожскихъ казаковъ, занялъ здѣсь

---

[1]) **Біографическія данныя**: 1) Лѣтопись Величка, т. I—IV (предисловія) 2) „Энциклоп. Словарь" Брокгауза и Ефрона.

Отзывы о лѣтописи: 1) „Москвитянинъ", 1849 г., № 2, кн. 2, стр. 80—82, № 15, кн. 1, стр. 33—54—1852 г., т. IV, № 15, кн. 1, стр. 57—81 (Статья Клеванова). 2) „Современникъ" 1852 г., т. 34, отд. 4, стр. 15—16—3). „Спб. Вѣдомости", 1855 г., № 271.

Въ отдѣльномъ изданіи вышло: Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII в." въ 1849 и 1851 г., 2 тома.—*Тоже*, томъ 3 и 4 въ 1864 г.

черезъ нѣкоторое время должность секретаря при генеральномъ писарѣ Вас. Леонт. Кочубеѣ и потому принималъ участіе въ секретной корреспонденціи его съ Петромъ В. Гибель Кочубея, послѣдовавшая въ 1708 г., неблагопріятно отразилась и на Величкѣ. Съ этого, вѣроятно, года онъ поселился въ имѣніи Кочубея, селѣ Диканькѣ, и занялся литературной работой. Въ 1728 г., однако, зрѣніе его настолько ослабѣло, что онъ уже не могъ самъ ни читать, ни писать. «Ку зрѣнію писанія затворена очесъ имущи двери». онъ заставлялъ читать и писать для себя отроковъ, которыхъ, несмотря на свою немощность, самъ училъ грамотѣ.

Изъ литературныхъ трудовъ Велички до насъ дошла, и то не въ полномъ видѣ, одна «Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи», единственный списокъ который случайно былъ найденъ въ пятидесятыхъ годахъ М. П. Погодинымъ. Къ сожалѣнію, не сохранились первые листы рукописи, заключающіе въ себѣ разсказъ о событіяхъ, происходившихъ до Богдана Хмельницкаго. Это видно изъ ссылокъ на эти страницы, встрѣчающихся въ лѣтописи. Разсказъ о событіяхъ заканчивается 1700 годомъ, хотя, очевидно, Величко намѣренъ былъ довести свой разсказъ до болѣе поздняго времени. Причину, побудившую его взяться за лѣтопись, Величко объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Проходя лѣтописныя и историческія иностранныхъ народовъ писанія и дѣянія, видѣхъ въ нихъ объясненную ихъ славу. Нашихъ-же сармато-козацкихъ продковъ, подобніе иностраннымъ въ воинскихъ случаяхъ давнихъ временъ и вѣковъ бывшіе рыцарскіе отваги и богатырскіе описаніе и объясненія, чрезъ ихъ власныхъ писаровъ оставленіе, и всегдашняго забвенія вѣчнымъ лѣности ихъ плащемъ увидѣхъ покрытіе». Задумавъ описывать «славу» своихъ «сармато-козацкихъ продковъ», Величко, однако, съумѣлъ удержаться отъ панегирика. Онъ тщательно выпускалъ изъ своихъ источниковъ всѣ мѣста, отличавшіяся панегирическимъ или поэтическимъ характеромъ, употреблялъ всѣ старанія для того, чтобы разобраться среди нерѣдко противорѣчивыхъ показаній этихъ источниковъ. «Мусилемъ, говоритъ онъ, вонтпити, невѣдущи совершенно, кто отъ тѣхъ историковъ истинствуетъ». Что касается до источниковъ, то главное мѣсто среди нихъ занимаютъ краткія козацкія лѣтописныя записки; они представляли собой только «реестрики», были написаны «барзо щуплыми и краткими слови», не объясняли «зъ якихъ прычынъ що повстало», почему Величко долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ, даже иностраннымъ источникамъ. Изъ источниковъ этого разряда больше всего имѣютъ значенія разнаго рода документы офиціальнаго и частнаго характера, универсалы, грамоты и письма, которыя Величко приводитъ цѣликомъ. Кромѣ того, онъ пользовался разнаго рода мемуарами, сочиненіями польскихъ писателей—Сам. Твардовскаго, Тылевскаго, Окольскаго и др., а также переведеннымъ тогда и на русскій языкъ—Пуффендорфа. Этими источниками, впрочемъ, Величко пользовался очень осторожно. Въ свою лѣтопись онъ не внесъ такихъ полувымышленныхъ, сказочныхъ подробностей и разсказовъ, какими изо-

билуетъ извѣстная «Исторія Руссовъ»; среди источниковъ нѣтъ ни одного, который бы соотвѣтствовалъ по своимъ историческимъ достоинствамъ сочиненію о козацкихъ войнъ Шевалье, вставленному Ригельманомъ въ свое сочиненіе. Несмотря на свою осторожность и внимательность, Величко, однако, допускалъ возможность ошибокъ не только въ годахъ и фактахъ, но также и въ объясненіи этихъ фактовъ. «Если покажется тебѣ,—обращается онъ къ читателю, въ семъ дѣлѣ моемъ, що подзорное и несправедливое, то може такъ и есть». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ лѣтопись Велички, также какъ и другія малорусскія лѣтописи, не подвергнуты критическому разбору и не оцѣнены съ точки зрѣнія историческаго источника. Во всякомъ случаѣ, лѣтопись Велички имѣетъ несомнѣнно значеніе, какъ сборникъ недошедшихъ до насъ козацкихъ «реестриковъ» и немалаго количества документовъ. Цѣнность ея увеличивается въ этомъ отношеніи еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Величко довольно объективенъ. Онъ сочувствуетъ славному прошлому Малороссіи, сожалѣетъ объ утратѣ его, но внутренно сознаетъ, что его уже вернуть нельзя, что славное козачество отжило свое время. «Едина матка наша Малороссія, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра бывшая,—говоритъ онъ,—черезъ несогласія уповредныхъ и властолюбивыхъ сыновъ своихъ пришла въ раздраніе и раздвоеніе».... Онъ ясно видитъ всѣ достоинства и недостатки своихъ козацкихъ «продковъ». «Народъ нашъ козацко-русскій, говоритъ Величко,—истинно простодушный и правосердечный мало що о прошлихъ, настоящихъ и пришлихъ рѣчахъ и поведеніяхъ разсуждати хотящій, только до внутрной между собою невзгоди, а наипаче за древніи вольности свои завше до брани и кровопролитія склонный». Далекій отъ патріотическихъ увлеченій, имѣвшій въ виду главнымъ образомъ историческую правду, Величко «простымъ стилемъ и нарѣчіемъ козацкимъ» составилъ лѣтопись, значеніе которой, какъ историческаго источника несомнѣнно.

Съ именемъ Велички сохранилась также хранящаяся въ библіотекѣ кіевской археографической коммиссіи рукописная космографія. Сочиненіе это, впрочемъ, не представляетъ собой самостоятельной работы. Проживая въ Диканькѣ, Величко случайно прочелъ «рукописную несовершенную и помилокъ много въ себѣ имущую» космографію, нашелъ, что она представляетъ собой интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о массѣ предметовъ, что «черезъ увесь вѣкъ долговременнаго житія по разныхъ земляхъ и странахъ пилигримуючи, довѣдатися и вибадатися не могъ бы» и приказалъ своимъ отрокомъ «зъ рукописнои переписати». Поэтому въ новую рукопись внесены были нѣкоторые «ерори» старой, и также и новыя «черезъ лѣнивыхъ и неисправныхъ переписчиковъ».

В. Боцяновскій.

* **Величко**, Валеріанъ Михайловичъ, врачъ [1]), родился въ 1823 г., въ Вильно, происхожденія польскаго. Окончивъ курсъ въ виленскомъ дворянскомъ

---

[1]) *Змѣевъ*. Врачи-писатели.

институтѣ, служилъ полтора года въ канцеляріи воронежскаго губернатора, но въ 1843 г. поступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1848 г. а затѣмъ служилъ по военному вѣдомству до 1886 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ д. с. с. Въ 1865 г. В. защитилъ докторскую диссертацію: 1) «*О сущности и происхожденіи зернистаго состоянія соединительной оболочки*» (Харьк., 1865). Кромѣ того, написалъ: 2) «*Параличъ небной занавѣски*» («Др. Здравія» 1854, № 25) и 3) «*О сбереженіи здоровья. Четыре совѣта новобранцамъ*». Варш., 1876. 8°.

Величковскій, Іосифъ, см. Іосифъ Величковскій.

Величковскій, Паисій, см. Паисій Величковскій.

Велланскій, Даніилъ Михайловичъ, извѣстный медикъ, физикъ и философъ-шеллингіанецъ [1]). Род. 11 декабря 1774 г. въ г. Борзнѣ, черниговской губ. Настоящая его фамилія *Кавунникъ* (отъ слова *кавунъ*—арбузъ). Отецъ В. былъ по ремеслу кожевникъ, а мать торговала на базарѣ бубликами. Старикъ Кавунникъ часто запивалъ и умеръ, оставивъ семью въ крайней бѣдности. Вдова получила мѣсто просвирни и, такимъ образомъ, кое-какъ перебивалась съ дѣтьми. Старшій изъ нихъ, Данило, научившись грамотѣ у дьячка, хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь помочь семьѣ и уже одиннадцати лѣтъ отъ роду служилъ за при-

---

[1]) Біографическія данныя: 1) *Геннади*. Словарь. 2) *Змѣевъ*. Врачи-писатели. 3) Энциклопедическіе словари *Брокгаузъ-Ефрона* (статья проф. *Н. Егорова*), *Старчевскаго*, *Толля, Клюшникова, Гарбеля*. 4). *Callisen*. Medic. Schriftsteller Lexicon. 5) *А. М. Левинъ*. Д. М. Велланскій и шеллингизмъ въ рус. медицинѣ начала XIX вѣка] („Врачъ" 1895, №№ 28—30; 6) *Н. И. Розановъ*. Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ. 7) *Архимандритъ Гавріилъ*. Исторія рус. философіи. 8) *Я. Н. Колубовскій* въ прибавленіи къ рус. переводу „Исторіи философіи" Ибервега-Гейнце. 9) „Моск. Вѣстникъ" 1830, ч. 2; 10) *В. Аскоченскій*. Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей, II, стр. 406 (свѣдѣнія ошибочны); 11) „Моск. Вѣдомости" 1847, № 35 (перепечатано въ „Нижегор. Губ. Вѣдомостяхъ" 1847, № 23): 12) „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія" 1847, часть 54; 13) *Max. Heine* въ „Med. Zeitung Russlands" 1847. № 15; 14) Переписка кн. *В. Ѳ. Одоевскаго*. „Рус. Архивъ" 1864, стр. 604; 15) *Прозоровъ*. „Матеріалы для исторіи медико-хирургической академіи". Спб. 1850; 16) *Я. Чистовичъ*. „Рус. Стар." 1876, №№ 2 и 3; 17) О вызовѣ В. желающихъ доказать несостоятельность его теорій: „Моск. Теллегр" 1832, № 6.

Отзывы: О „*Пролюзіи къ медицинѣ*": „Лицей" 1806, № 1.

О „*Біологическомъ изслѣдованіи*": *Ф(овицкій)* „Спб. Вѣстникъ." 1812, № 4.

О „*Свѣтѣ и теплотѣ*": *Д. Я. Г.* (д-ръ Говоровъ?)—„Сынъ От." 1817, № 31.

О „*Животномъ магнетизмѣ*" 1) *Я. Говоровъ* „Благонамѣренный" 1818, № 10. 2) *I. Weisse* „Archiv für thierisch. Magnetismus" 1819, III.

О „*Конспектѣ главныхъ содержаній общей физики*": 1) „Сынъ Отеч." 1831, № 1. 2) „Моск. Телегр." 1831, № 2.

Объ „*Опытной, наблюдательной и умозрительной физикѣ*": „Разборъ физики г. Велланскаго и другихъ новѣйшихъ авторовъ, учиненный въ 1834 г." (Спб. 1834 г. ч. I; болѣе не выходило).

четниковъ, нанимался читать по покойникамъ, но все это, понятно, давало только жалкіе гроши. Между тѣмъ, Борзненскимъ уѣзднымъ лекаремъ служилъ нѣкто Костенецкій, и при немъ полагалось два фельшера, съ жалованьемъ каждому по 30 р. ассигнаціями въ годъ. Сумма эта казалась Даніилѣ Кавуннику цѣлымъ богатствомъ, и вотъ онъ, одѣвъ праздничный кафтанъ, отправился къ Костенецкому съ просьбою взять его въ фельдшера. Врачъ объяснилъ ему, что это невозможно, такъ какъ онъ не знаетъ по-латыни, а фельдшеру латынь необходима. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Костенецкій помогъ уладить дѣло: его пріятель, помѣщикъ Бѣлозерскій, жившій въ Борзнѣ, держалъ при дѣтяхъ учителя, студента кіевской академіи, и позволилъ Кавуннику учиться вмѣстѣ съ его дѣтьми. Однажды Кавунникъ сѣтовалъ на свою фамилію, за которую дразнили его ребятишки, въ разговорѣ съ старшимъ изъ дѣтей Бѣлозерскаго, Михаиломъ Васильевичемъ, дѣдомъ малороссійскаго писателя. Бѣлозерскій читалъ въ это время французскую книгу и какъ разъ дошелъ до слова vaillant. «Да будь же ты — Велланскій», сказалъ онъ. «Названіе по тебѣ: ты вѣдь любишь спорить, и кто ни свяжись съ тобою, никому не уступишь: всякаго переспоришь». Черезъ годъ В. явился къ Костенецкому съ собственноручно писаннымъ и имъ самимъ сочиненнымъ латинскимъ прошеніемъ о принятіи на службу. Подивившись такимъ быстрымъ успѣхамъ, Костенецкій сказалъ мальчику, что онъ достоенъ быть врачемъ, а не фельдшеромъ, и посовѣтывалъ ѣхать въ Кіевъ, такъ какъ тамъ найдутся въ академіи и книги, и учителя. Четырнадцатилѣтній В. съ жаромъ ухватился за этотъ совѣтъ, кое-какъ добрался до Кіева и поступилъ въ академію. Здѣсь у него развилось экзальтированно-религіозное настроеніе: онъ мечталъ стать архіереемъ, проводилъ ночи за молитвою, и одно время у него не сходила со лба красная припухлость отъ земныхъ поклоновъ. Но это скоро прошло: В. всю жизнь оставался глубоко-религіознымъ человѣкомъ, но былъ далекъ отъ религіозныхъ эксцессовъ.

Къ осьмнадцати годамъ онъ перечиталъ все, что можно было имѣть для чтенія въ академіи. Затѣмъ, продолжая числиться студентомъ, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ харьковскому помѣщику Хрущову, чтобъ подготовить его дѣтей къ поступленію въ гвардію, поставивъ условіемъ, чтобъ послѣ двухлѣтнихъ занятій Хрущовъ опредѣлилъ въ гвардію и его. Хрущовъ уже записалъ его въ полкъ, но въ это время В. узналъ, что правительство требуетъ изъ кіевской академіи въ Петербургъ пять лучшихъ окончившихъ курсъ академистовъ, чтобъ отправить ихъ изучать медицину за границею. Онъ написалъ въ академію, что желаетъ быть въ числѣ избранныхъ и просьба его была принята. Но во время пути въ Петербургѣ произошли большія перемѣны. Екатерина II умерла, и на престолъ вступилъ Павелъ, отмѣнившій распоряженіе покойной государыни «по смутному положенію дѣлъ во Франціи». Все время царствованія Павла В. оставался въ Петербургѣ, въ медицинской школѣ при второмъ сухопутномъ, нынѣ клиническомъ, госпиталѣ, скоро преобразованной въ медико-хирур-

гическую академію. Съ воцареніемъ Александра предположеніе Екатерины было приведено въ исполненіе, и В. отправился въ 1802 г. за границу, вмѣстѣ съ Г. Θ. Гаевскимъ, для усовершенствованія въ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ. Въ Германіи, слушая одновременно съ Океномъ лекціи Шеллинга и Стеффенса и занимаясь подъ непосредственнымъ руководствомъ перваго, В. увлекся идеями натурфилософской школы и сталъ страстнымъ поборникомъ ея изученія. Это отразилось и на томъ, что онъ первый внесъ философскій стиль этой школы въ русскую литературную рѣчь. Возвратившись въ 1805 г. въ Россію, В. представилъ академіи диссертацію: 1) «*Dissertatio physico-medica de reformatione theoriae medicae et physicae auspicio philosophiae naturalis ineunte*» Спб. 1806 8°. Диспутъ назначался три раза, но оффиціальныхъ оппонентовъ тогда не назначали, а добровольныхъ по такому непонятному тогда предмету не нашлось ни одного. Такимъ образомъ диссертація прошла безъ возраженій, В. получилъ докторскую степень и былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ анатоміи и ботаники къ проф. Рудольфу. Послѣдній въ 1809 г. умеръ, и на его мѣсто долженъ былъ быть назначенъ В., но связи сына извѣстнаго поэта, д-ра Я. В. Петрова, доставили каѳедру послѣднему, а В. былъ переведенъ адъюнктомъ къ проф. анатоміи и физіологіи Загорскому. Въ 1814 г. онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1818 г. назначенъ библіотекаремъ академіи. Годъ спустя В., все еще состоявшій адъюнктомъ у Загорскаго, былъ, наконецъ, назначенъ на самостоятельную каѳедру физіологіи и общей патологіи, которую занималъ восемнадцать лѣтъ.

Какъ лекторъ, В. пользовался общими симпатіями. Этому много способствовало то, что онъ не читалъ лекцій, подобно своимъ сотоварищамъ, изъ году въ годъ по одной и той же тетрадкѣ, но, идя въ аудиторію, бралъ только набросокъ лекціи и читалъ 1½ часа съ большимъ воодушевленіемъ. Впрочемъ, многіе студенты на лекціяхъ только поддавались таланту и эрудиціи В., а затѣмъ приходили къ выводу, что физіологія въ его преподаваніи была слишкомъ отвлеченна и не вполнѣ полезна для медиковъ-практиковъ; нѣкоторые же шли дальше и говорили, что система В. была для нихъ вредна, завлекая въ область гипотезъ, не подтверждаемыхъ явленіями.

Когда В. издалъ: 2) «*Промюзію къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ*» (Спб. 1805, 8°), она была встрѣчена критикою, въ лицѣ журнала «Лицея», неблагосклонно. Рецензентъ самъ признавался, что не знаетъ медицины и Шеллинга, но нападалъ на претенціозность В., выраженную уже первою фразою предисловія: «Уже довольно протекло времени съ тѣхъ поръ, какъ Шеллингово огненное перо стало жечь дряхлыя селенія учености»... Большая часть рецензіи состоитъ изъ простыхъ придирокъ къ словамъ (недостатокъ, общій тогдашней критикѣ). Интересно, что многія изъ словъ, за новаторское введеніе которыхъ рецензентъ упрекалъ В., вошли въ современную литературную рѣчь. Таковы слова: реформа,

объектъ, циркулировать, рефлексія, идеальность, реальность, организмъ, продуктъ и мн. др.

Новый и обширный трудъ В.: 3) «*Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя очертанія всеобщей физіологіи*» (Спб. 1812, 8°, XVI + 464 стр.), написанный, какъ заявлялъ въ «предувѣдомленіи» самъ В., «только для одной ученой публики», содержалъ подробное изложеніе общей физики, сравнительной анатоміи, физіологіи и антропологіи съ точки зрѣнія правовѣрнаго шеллингіянства. Трудъ этотъ едва не былъ запрещенъ, но былъ спасенъ энергичною его защитою въ синодѣ митрополитомъ Михаиломъ Десницкимъ.

Къ тому времени русскихъ послѣдователей Шеллинга было уже немало, и «Біологич. изслѣдованіе» доставило В. между ними почетную извѣстность. Но оно вызвало суровый разборъ Фовицкаго. Рецензентъ вооружался противъ В. во имя логики и опыта и особенно возмущался его взглядомъ, что «анатомія, физика, химія, механика и прочія науки, основанныя на опытахъ въ нынѣшнемъ состояніи ихъ, т. е. не озаренныя шеллингіанскою философіею суть ничто иное, какъ пустыя зданія» и «что гдѣ нѣтъ сей философіи, тамъ царствуетъ мракъ и хаосъ».

Погромъ спб. университета Руничемъ заставилъ В. надолго отказаться отъ оригинальной литературной дѣятельности. Корнемъ зла Магницкій и Руничъ считали философовъ вообще, а Шеллинга въ особенности, и Магницкій немало гордился тѣмъ, что «открылъ и уничтожилъ адскую тайну шеллинговой философіи». В., какъ горячій поборникъ Шеллинга, подпалъ подъ подозрѣніе; его лекціи, записанныя студентами-медиками, были отобраны и подвергнуты разсмотрѣнію. Къ счастію въ этихъ тетрадкахъ подозрительнаго ничего не нашлось; В-аго оставили въ покоѣ, но его внутренній покой былъ нарушенъ, и продолжать проповѣдь шеллингіанства стало небезопаснымъ. Это видно и изъ его письма 1834 г. къ кн. Одоевскому, издававшему тогда «Мнемозину», въ которой философіи давалось много мѣста. «Почти за двадцать лѣтъ передъ симъ», пишетъ В.,—«я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на ѳеософическомъ понятіи, которое, хотя зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ. Таковыя познанія относилъ я единственно къ физическимъ предметамъ, не приноравливая ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однакоже нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, не могши ни понять, ни опровергнуть моихъ положеній, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею русскаго Феба, ужаснулся я отъ тучъ, окружавшихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи». Далѣе онъ жалуется, что была заподозрѣна его: 4) «*Физіологическая программа о внѣшнихъ чувствахъ, внутреннихъ дѣйствіяхъ*

и наружныхъ очертаніяхъ головы» (Спб. 1819, 8°), за которую «при бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія кн. Голицынѣ чуть я не пострадалъ, и онъ не позволилъ мнѣ преподавать Галловой краніоскопіи, о которой насказали ему, что оная противна христіанской религіи». Что боязнь Велланскаго отнюдь не была мнительностью и преувеличеніемъ, видно изъ того, что, когда И. И. Давыдовъ началъ въ 1826 г. чтеніе лекцій философіи по системѣ Шеллинга, ему это было запрещено.

Но если было опасно изданіе книгъ въ духѣ шеллингіанства, то можно было надъ ними работать, и результатомъ такой долгой подготовительной работы явилась: 5) «*Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра, составляющая первую половину энциклопедіи физическихъ познаній*» (Спб. 1831, 8°, 900 стр.). За нею послѣдовалъ другой капитальный трудъ: 6) «*Основное начертаніе общей и частной физіологіи или физики органическаго міра*» (Спб. 1836, 8°, 502 стр.).

Публика, въ общемъ, отнеслась къ труду В. довольно равнодушно. Баронъ Брамбеусъ въ своей сатирѣ: «Большой выходъ сатаны» заставилъ чертей заткнуть разсѣлину въ стѣнахъ ада «Умозрительною физикою» В., которая настолько-де темна, что сквозь нее не проникнетъ никакой свѣтъ. Но то же сочиненіе производило и другое дѣйствіе. Полевой говорилъ, что только утѣшеніе, почерпнутое въ чтеніи «Умозр. физики», помогло ему перенести опалу, павшую на него послѣ неодобрительнаго отзыва о пьесѣ Кукольника: «Рука всевышняго отечество спасла».

В., для котораго дѣло распространенія шеллингизма было священнымъ, очень волновался успѣхомъ своихъ идей и напечаталъ публичный вызовъ, обязуясь заплатить 5000 р. тому, кто опровергнетъ хотя бы одно изъ положеній его физики. Черезъ три года послѣдняя вызвала оригинальный, но неоконченный «Разборъ физики г. Велланскаго», принадлежавшій неизвѣстному автору, который, относясь къ В. съ большимъ уваженіемъ, выдвигалъ противъ его положеній теорію всемірнаго эѳира. Къ этому разбору мы еще вернемся своевременно.

В. не рѣдко получалъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи лестныя письма отъ совершенно незнакомыхъ людей. Его лекціи по общей физіологіи посѣщались не только студентами, но и многими лицами изъ общества. Передъ выпускомъ въ свѣтъ своей «Физики» В. въ теченіе 3мѣсяцевъ, по два раза въ недѣлю, излагалъ ея содержаніе кружку изъ 25 образованныхъ слушателей, очевидно это не были студенты, такъ какъ за курсъ была положена особая плата по 100 р. съ каждаго слушателя. Въ августѣ 1833 г. В. провелъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Московскіе шеллингисты—профессора—какъ медики (Павловъ, Іовскій, Альфонскій), такъ и сло-

весники (Давыдовъ, Надеждинъ)—принимали его съ величайшимъ почетомъ и просили прочесть нѣсколько лекцій, но онъ не могъ долѣе оставаться въ Москвѣ. Въ другой разъ онъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Москву на мѣсяцъ прочесть кружку мѣстныхъ интеллигентовъ рядъ лекцій, за что ему предлагали 20.000 руб. ассигнаціями за 20 лекцій, сумму, не маленькую и по теперешнему времени.

Въ 1837 г. у В. развились обоюдосторонніе катаракты. Онъ ослѣпъ и былъ принужденъ отказаться отъ чтенія лекцій. Но нѣкоторое время онъ еще числился библіотекаремъ академіи, такъ какъ надѣялись, что зрѣніе возвратится. Однако операція, произведенная два раза, не дала никакихъ результатовъ.

В. поселился въ Москвѣ и до самой смерти не переставалъ слѣдить за наукою. Лишенный возможности писать, онъ диктовалъ свои работы своей женѣ, Надеждѣ Андреевнѣ, урожденной Тонъ. Изъ нихъ появился въ печати только переводъ Кленке съ нѣм.: 7) «*Анатомія и физіологія кожи и леченіе ея по Присницу*» («Военно-Медиц. Журн.» 1843, ч. 41). Другой оригинальный трудъ его не появился въ свѣтъ. Около этого времени къ В. явился книгопродавецъ Жебелевъ и сообщилъ, что многіе требуютъ его: 8) «*Животный магнетизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоритическомъ содержаніи*» (Спб. 1818, 8°, 291 стр.; 3 части, изъ нихъ первыя двѣ—переводъ изъ *Клуге*), давно уже вышедшій изъ продажи, Жебелевъ предлагалъ продать ему право изданія за 6000 р. Обдумывая предложеніе, В. пришелъ къ выводу, что многое, являвшееся въ 1818 г. новостью, къ концу 1830-хъ гг. устарѣло, почему требуется новая обработка книги, по даннымъ, выясненнымъ, главнымъ образомъ, Кизеромъ. Въ результатѣ явилась обширная рукопись: 9) «*Животный магнетизмъ и теллуризмъ*». Цензура ее запретила, затѣмъ она разсматривалась, по просьбѣ В., въ особомъ комитетѣ изъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ трехъ протоіереевъ петербургскихъ церквей. В—скому было предложено передѣлать мѣста, профанировавшія святость чудеснаго врачеванія. Онъ это сдѣлалъ, но изданіе рукописи все же не состоялось, и она до сихъ поръ хранится въ библіотекѣ военно-медицинской академіи. Судьба другихъ рукописей В., переданныхъ послѣ его смерти его дочерью библіотекарю московской медико-хирургической академіи, лекарю Никитину, неизвѣстна.

Въ 1847 г. В. умеръ отъ apoplexia plexus solari. Ему поставленъ по подпискѣ съ высочайшаго соизволенія памятникъ на Большой Охтѣ, около церкви.

Отличительными чертами характера В. было его удивительное трудолюбіе и твердость характера, несмотря на мягкость обращенія. Интересы истины были ему дороже личныхъ выгодъ. Такъ онъ разошелся съ покровительствовавшимъ

ему всемогущимъ лейбъ-медикомъ Я. В. Вилліе изъ-за того, что тотъ интриговалъ противъ ректора академіи, извѣстнаго терапевта Петра Франка, научное значеніе котораго В. ставилъ очень высоко. Познакомившись съ Жуковскимъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы тотъ устроилъ во дворцѣ классъ философіи, говоря: «Счастливы народы, гдѣ философы царствуютъ, а цари философствуютъ».

Жилъ В. скромно, вина не пилъ и только позволялъ себѣ игру «по маленькой» въ карты.

Незадолго до смерти онъ говорилъ Розанову объ интересномъ для психологіи слѣпцовъ странномъ явленіи, происходившемъ съ нимъ. «Внутренній, свойственный органу зрѣнія свѣтъ возжигается въ его глазахъ самъ собою, не по возбужденію внѣшняго свѣта, и онъ ясно видитъ, какъ бы чрезъ самую узкую трубочку, портреты на стѣнѣ. Явленіе это бываетъ рѣдко и проходитъ мгновенно. Въ погоду сѣроватую и сумерки все покрывается мракомъ, какъ ночью, а днемъ, при свѣтѣ солнца,—красноватымъ тономъ».

Помимо перечисленнаго, В. напечаталъ: 10) «*Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебной науки*» **Мацгера**, съ нѣм. Спб. 1799, 8°, 222 + 4 стр. 11) «*Практическая медицина*», **Селле** съ нѣм. Спб. 1802, 8°, 16 + 982 + 22 стр. 2-е изд. Спб. 1806, 8°. 12) «*Наставленія естествословія человѣческаго*», **Прохаски**, съ лат. 2 ч. Спб. 1809, 8°, 290 + 241 стр. (Прозоровъ приписываетъ этотъ переводъ Я. В. Петрову). 13) «*Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествознанія*». Изъ сочин. **Окена**. Спб. 1815, 8°. 14) «*Описаніе главныхъ цѣлительныхъ водъ Германіи*», **Гуфеланда**, съ нѣм. Спб. 1816, 8°. 15) «*О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента*», **Окена**. Пер. съ нѣм. Спб. 1811. 8°. 16) «*Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ*». Гр. **Прохаски**, съ нѣм. Спб. 1822, 8° 634 стр. (Прозоровъ приписываетъ этотъ переводъ Я. В. Петрову). 17) «*Общая паѳологія*» **Ѳ. Гартмана**, съ нѣм. Спб. 1825, 8°, 12 + 650 + 2 стр. 18) «*Конспектъ главныхъ содержаній общей физики*» Спб. 1830, 8°. 19) «*Философія, относящаяся къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка*» **І. Голуховскаго**, съ нѣм. Спб. 1834, 8°. 20) «*О солнцѣ, свѣтѣ и теплѣ*» «Вѣстн. Евр.» 1814, № 4. 21) «*Замѣчанія на статью литературнаго французскаго журн. «Le Faret»*. «Лит. Газ.» 1830, № 16. 22) «*Солнце*», «Моск. Телегр.» 1831, № 15. 23) «*Краткое извлеченіе изъ физики*» «Сынъ От.» 1832, ч. 150, стр. 212, 268 и 349. 24) «*Письмо къ проф. Павлову*» «Телескопъ» 1834, ч. 21, стр. 483.

Послѣ его смерти появились: 25) «*Письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому*» «Рус. Архивъ» 1864, стр. 604 и слѣд.

В. К.

Къ мѣсту, занимаемому В. въ исторіи русской мысли и науки мы еще вернемся.

Вельдманъ, Александръ, авт. Ариѳметики (Спб. 1817). См. Вельтманъ Александръ.

Вельсбергъ, Александръ, баронъ [1]). По некрологу «Сѣв. Пчелы» (1853 г. № 15) «переводчикъ разныхъ романовъ и повѣстей». Ум. въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1852 г. Съ его именемъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ *„Желѣзная лампа Данiила Гранильщика*, **М. Массона** (Раймона). Съ фр. 3 ч. М. 1843. 12°.

Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ, извѣстный романистъ и археологъ [2]). Пото-

---

[1]) 1) „Сѣв. Пчела" 1853 г. № 15. 2) *Геннади*, Словарь. 3) Списокъ Истор. Общ.

[2]) О немъ и о его сочиненіяхъ вообще: 1) Энциклопедическіе словари *Брокгаузъ-Ефрона, Края, Березина, Толля, Гарбеля, Ключникова.* 2) *Геннади.* Словарь. 3) *Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. 4) *Гербель.* Хрестоматія для всѣхъ. 5) *К. П. Петровъ.* Исторія рус. литературы. 6) *И. И. Срезневскій.* „Записки Акад. Наукъ", т. XVII, кн. 1. 7) *Погодинъ.* А. Ѳ. Вельтманъ („Рус. Стар." 1871, кн. 10). 8) *Н. Дуб—скій.* „Всем. Иллюстрація" 1870, № 61. 9) *С—въ.* „Моск. Епарх. Вѣдом." 1870, № 7. 10) „Кроншт. Вѣстн. 1870, № 15. 11) „Рус. Вѣдом". 1870, № 19 12) „Новости" 1895, № 12. 13) „Иллюстр. Газета" 1870, № 5. 14) *Скабичевскій.* Исторія новѣйшей рус. литературы. 15) *Колюпановъ.* Біографія А. И. Кошелева. т. II. 16) *Панаевъ.* Литературныя воспоминанія. 17) *Погодинъ.* „Москвитянинъ" 1850, ч. V. 18) „Моск. Наблюдатель" 1836, ч. VII. 19) „Сынъ Отеч." 1838, ч. II. 20) „Библ. для чтенія" 1841, т. 47. 21) „Москвитянинъ" 1842, № 1. 22) „Маякъ" 1842, т. I. 23) „Литер. Газета" 1844, № 2. 24) „Современникъ" 1851, т. XXV. 25) *Т. Пассекъ.* „Рус. Старина" 1877, т. XIX, стр. 433. 26) *Е. С. Некрасова.* Воспоминаніе о Вельтманѣ. „Вѣстн. Евр." 1881, кн. 3. 27) *Ап. Григорьевъ.* Сочиненія, т. I. 28) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. 1, 2, 11, 12. 29) Краткая автобіографія Вельтмана. „Рус. Стар." 1871, т. IV. 30) Письмо *А. З. Зиновьева* къ М. П. Погодину. Ibid.

Отзывы объ отд. произведеніяхъ:

Объ *„Исторіи Бессарабіи":* „Моск. Телеграфъ" 1829, № 6.

О *„Муромскихъ лѣсахъ":* 1) Моск. Телеграфъ" 1831, № 7. 2) „Телескопъ" 1831, т. III. 3) *—е—.* „Сѣв. Пчела" 1831, №№ 134—136.

О *„Странникѣ":* 1) „Литер. Газета" 1831, № 30. 2) „Моск. Телеграфъ" 1831, № 5, № 18 и 1832, № 21. 3) „Молва" 1833, № 4. 4) „Телескопъ" 1831, томы I, II и V. 5) *Ю.* „Сѣв. Пчела" 1831, № 102.

О *„Бѣглецѣ":* 1) *Ю.* „Сѣв. Пчела" 1831, № 95. 2) „Телескопъ" 1831, №№ 6 и 8. 3) „Литер. Газета" 1831, № 30. 4) „Сѣв. Меркурій" 1831, № 66. 5) „Библ. для Чтенія" 1836, т. 18. 6) „Молва" 1836, ч. 12.

О *„Рукописи Мартына Задеки":* 1) „Моск. Телеграфъ 1834, ч. 55. 2) „Библ. для Чтенія" 1834, т. V. 3) ... *М*... Взглядъ на разборъ „Библ. для Чт." „Молва" 1834, № 5. 4) *А. Ѳ. Вельтманъ.* Взглядъ на помѣщенный въ „Библ. для Чт. разборъ книги „3448 годъ". „Молва" 1834, № 9.

О *„Кощеѣ Безсмертномъ":* 1) Моск. Телеграфъ" 1834, ч. 51. 2) *А. А. А.* „Сѣв. Пчела" 1833, № 55.

О *„Пѣснь ополченію":* 1) *Кн. Шаликовъ.* „Ученыя Зап. Моск. Унив." 1835, ч. 10. 2) „Библ. для Чтенія" 1834, томъ X. 3) „Моск. Телегр." 1833, № 7. 4) *С. Окромненко. (Строевъ).* О подлинности стихотворенія Слово о полку Игоревѣ. „Сѣв. Пчела" 1834, № 294. 5) *М. Максимовичъ.* „Молва" 1833, №№ 23 и 24.

мокъ стариннаго шведскаго рода Weldman, поселившагося въ Ревелѣ еще до завоеванія его русскими, В. родился въ Петербургѣ 8 іюля 1800 г. Отецъ его, отставной гренадерскій офицеръ, скоро переселился въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто смотрителя знаменитой «ямы»—тюрьмы для несостоятельныхъ должниковъ. Въ 1811 г.

О „*Лунатикѣ*": 1) „Библ. для Чтенія" 1834, т. V. 2) *В. В. В.* (Строевъ). „Сѣв. Пчела" 1834, № 182. 3) *III—XIII.* „Молва" 1834, № 39. 4) „Телескопъ" 1834, т. 23.

О „*Поѣздкахъ Калимероса*": 1) „Библ. для Чтенія" 1836, т. 16. 2) „Молва" 1836, ч. 11. 3) (*Бѣлинскій*) „Телескопъ" 1836, т. 32. 4) *Z.* „Рус. Инв. 1836, № 151. 5) *М. Н. Лихонинъ.* Вельтманъ и его сочиненія. „Моск. Наблюд." 1836, ч. 7.

О „*Виргиліи*": 1) „Библ. для Чт." 1838, т. 27. 2) „Литер. Прибавл. къ Рус. Инв. 1838, №№ 7 и 8. 3) „Современникъ" 1838, т. 9. 4) „Сѣв. Пчела" 1838, № 28. 5) „Моск. Наблюд." 1838, т. XVI. 6) „Сынъ Отеч." 1838, т. II.

О „*Сердцѣ и думкѣ*": 1) „Библ. для Чт." 1838, т. 26. 2) „Литер. Приб. къ Рус. Инв." 1838, №№ 7 и 8. 3) „Современникъ" 1838, т. 9. 4) „Моск. Набл." 1838, т. XVI. 5) „Сынъ Отеч." 1838, т. II.

О „*Портфелѣ служебной дѣятельности*": „Библ. для Чт." 1840, т. 39.

О „*Генералѣ Калимеросѣ*": 1) Библ. для Чт." 1840, т. 41 и 42. 2) „Литер. Газета" 1840, № 79. 3) „Сынъ Отеч." 1840, т. IV. 4) „Отеч. Зап. 1840, т. 12. 5) „Сынъ Отеч." 1840, т. IV.

О „*Ратиборѣ*": 1) *Ѳ. Кони.* „Литер. Газета" 1841, № 125. 2) *С. Шевыревъ.* „Москвитянинъ" 1841, ч. 5, № 10. 3) *А. Ѳ. Вельтманъ.* Отвѣтъ г. Шевыреву. Ibid. ч. 6, № 11. 4) *С. Шевыревъ.* Отвѣтъ г. Вельтману. Ibid, ч. 6, № 12. 5) *А. Ѳ. Вельтманъ.* „Сѣв. Пчела" 1841, № 212. 6) „Библ. для Чт." 1841, т. 48. 7) „Отеч. Зап." 1841, т. 18. 8) Сынъ Отеч." 1841, № 40.

О „*Захарушкѣ*": „Рус. Вѣстн." 1842, т. V.

О „*Повѣстяхъ*": 1) „Библ. для Чт." 1843, т. 60. 2) „Отеч. Зап." 1843, № 10. 3) СПБ. Вѣдом. 1843, № 280.

О „*Достопамятностяхъ Моск. Кремля*": 1) „Библ. для Чт." 1843, т. 59. 2) „Отеч. Зап." 1843, № 9. 3) „Сѣв. Пчела" 1843, № 185.

О „*Волшебной ночи*": „Отеч. Зап." 1844, т. 35.

О „*Новомъ Емелѣ*": 1) „Финскій Вѣстн." 1845, т. 8. 2) „Сѣв. Пчела" 1846, № 23. 3) „Иллюстрація" 1846, т. 2. № 3. 4) „Отеч. Зап." 1846, № 2. 5) „Москвитянинъ" 1846, № 2.

О „*Моск. Оружейной Палатѣ*": „Отеч. Зап." 1845, № 4.

О „*Троянѣ и Ангелицѣ*": 1) „Библ. для Чт." 1846, т. 76. 2) „Иллюстрація" 1846, т. 3, № 29. 3) „Москвитянинъ" 1846, № 4. 4) „Отеч. Зап." 1846, № 8. 5) „Современникъ" 1846, т. 43. 6) *Я. Я. Я. (Л. Брантъ).* „Сѣв. Пчела" 1846, № 143. 8) Фин. Вѣстн." 1846, т. 11.

О „*Приключеніяхъ изъ моря житейскаго*": 1) (*Бѣлинскій*) Взглядъ на рус. литературу 1846 г. „Современникъ" 1847, т. 1. 2) Взглядъ на рус. литературу 1847 г. Ibid. 1848, т. 8. 3) „Отеч. Зап." 1849, т. 64. 4) „Соврем." 1851, т. 25; 1857, т. 61 и 1863, № 1—2. 5) „Отеч. Зап." 1862, № 9. 6) „Библ. для Чт." 1863, № 4. 7) „Рус. Слово" 1863, № 4.

О „*Чудодѣѣ*": 1) *Иногородній подписчикъ* (А. В. Дружининъ). „Современникъ" 1849, томы 14, 15 и 18 и въ „Собраніи сочиненій, т. VI. 2) „Отеч. Зап." 1850, т. 68 и 1856, т. 109. 3) „Библ. для Чт." 1856, т. 138.

Вельтмана отдали въ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, но нашествіе французовъ прекратило его занятія. Въ 1814 г. онъ поступилъ въ петербургскій пансіонъ братьевъ Терликовыхъ, гдѣ пробылъ два года, а затѣмъ поступилъ въ корпусъ колоно-вожатыхъ, а въ 1817 г. былъ произведенъ въ офицеры въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, соотвѣтствовавшую по своему назначенію современному генеральному штабу. По словамъ біографической статьи «Энцикл. Словоря» Крайя, В. въ это время составилъ курсъ чистой математики, изъ которой напечатана въ 1816 г. Ариѳметика. Очевидно, это книга „*Начальныя основанія ариѳметики*“ Александра *Вельдмана*. М. 1817. 8°.

Продолжая затѣмъ службу по квартирмейстерской части во второй арміи, В. былъ командированъ по межевой части въ Бессарабію, а затѣмъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг., причемъ былъ старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба при главной квартирѣ и, наконецъ, начальникомъ историческаго отдѣленія арміи. Въ 1831 г. онъ былъ уволенъ, по болѣзни, въ отставку. подполковникомъ. Поселившись въ Москвѣ, В. дѣятельно занялся литературою и былъ однимъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и популярныхъ беллетристовъ тридцатыхъ гг. Въ началѣ 1840-хъ гг. онъ пристрастился къ археологіи. Въ 1842 г. В. вновь поступилъ на службу—помощникомъ директора оружейной палаты. Тогда же онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей россійскихъ и членомъ общества любителей россійской словесности. Вельтманъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ изданіяхъ московскаго общества исторіи и древностей. Такъ онъ, вмѣстѣ съ Коноплевымъ, Морошкинымъ и Венелинымъ, наблюдалъ за печатаніемъ «Свода лѣтописей» Арцыбашева. Сообразно указаніямъ В.. было исправлено Снегиревымъ и его «Описаніе московскаго успенскаго собора». Въ 1845—1854 гг. онъ былъ членомъ комитета для изданія «Древностей Росс. Государства», которыя выходили подъ его редакціею. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ директоромъ оружейной палаты и занималъ эту должность до самой смерти, 11 января 1870 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. В. былъ женатъ два раза:

Объ „*Обновленіи храма*“: „Отеч. Зап.“ 1850, т. 72.

Объ „*Описаніи новаго императорскаго дворца*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1852, № 8. 2) „Современникъ“ 1852, т. 32. 3) *Ив. Дм.* „Москвитянинъ“ 1852, № 1. 4) „Сынъ Отеч.“ 1853, кн. 2.

О „*Древностяхъ росс. государства*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1852, т. 82.

Объ „*Индо-Германскомъ мірѣ*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1856, т. 109. 2) *С—въ*. Объ историч. трудахъ покойнаго А. Ѳ. Вельтмана. „Моск. Епарх. Вѣдом.“ 1870, № 7.

Объ „*Аттила и Русь*“: 1) (*Добролюбовъ*). „Современникъ“ 1858, т. 68 и „Сочин.“, т. 1. 2) „Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отдѣл. рус. языка“, т. 7. 3) „Моск. Обозр.“ 1859, № 1.

О „*Воспитанница Сара*“: „Современникъ“ 1863, т. 94.

на дѣвицѣ Вейдель и на Еленѣ Ивановнѣ Кубе (см. Вельтманъ, Е. И.). Онъ пережилъ и вторую жену, и единственную дочь, и доживалъ свой долгій вѣкъ совершенно одинокимъ.

Многочисленныя воспоминанія о В. даютъ о немъ, въ сущности, очень немного свѣдѣній, и то почти исключительно, какъ о частномъ человѣкѣ. Вездѣ онъ рисуется чудаковатымъ добрякомъ, съ головою ушедшимъ въ свои археологическія изысканія, къ которымъ относились съ сдержанною насмѣшкою даже ближайшіе друзья, напримѣръ Погодинъ, вѣрно замѣчающій, что В. въ своихъ работахъ командовалъ древними народностями, какъ солдатами въ былое время своей военной службы. «Свевы—направо! Маркоманы—налѣво»! восклицалъ онъ, если это нужно было для доказательства какой-либо понравившейся ему теоріи, почти не справляясь, насколько соотвѣтствуютъ такимъ перемѣщеніямъ историческія данныя.

В. писалъ очень много—и въ стихахъ, и въ прозѣ. Публика знаетъ его только, какъ романиста, а изъ его стиховъ популярностью донынѣ пользуется лишь «Пѣсня разбойника» («Что затуманилась зоренька ясная»?) изъ «Муромскихъ лѣсовъ», возбуждавшая при своемъ появленіи такой-же восторгъ, какъ «Тройка» Ѳ. Н. Глинки. **В. К.**

Къ историко-литературному значенію Вельтмана мы еще вернемся. Покамѣстъ-же даемъ списокъ его произведеній.

Отдѣльнымъ изданіемъ, кромѣ вышедшей съ именемъ *Вельдманъ* курса ариѳметики В. напечаталъ:

2) *„Начертаніе древней исторіи Бессарабіи“*, съ присовокупленіемъ историч. выписокъ и карты. М. 1828. 8°. XVI+74 стр. 3) *„Муромскіе лѣса“*. Повѣсть въ стихахъ. М. 1831 г. 8°. 4) *„Бѣглецъ“*. Повѣсть въ стихахъ. М. 1831 г. 16°. VII+65 стр. 5) *„Странникъ“* (Изъ „Моск. Телеграфа“) 2 части, М. 1831—32 гг. 3 ч. М. 1840, 12°; 3-е изд. 3 ч. М. 1840 въ 32 д. 6) *„MMMCDXLVII годъ“*. Рукопись Мартына Задеки. 3 ч. М. 1833. 12°. 7) *„Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго“*. М. 1833, 8°. 8) *„Кощей безсмертный“*. Былина стараго времени (Изъ „Моск. Телеграфа“). 3 ч. 1833 г. 12°. 298+252+262 стр. 9) *„Лунатикъ“*. Случай. 2 ч. 1834, 12°. 167+168 стр. 10) *„О господинѣ Новгородѣ Великомъ“*. Съ приложеніемъ вида Новгорода въ XII стол. и плана окрестностей. М. 1834 г. 8°, 42 стр. (подъ буквами *А. В.*). 11) *„Святославичъ, вражій питомецъ“*. Диво временъ Краснаго солнца Владиміра. 2 ч. М. 1835, 12°. 208+22+245+10 стр. 12) *„Картины свѣта“* энциклопедическій живописный альманахъ (подъ редакціею В.) М. 1836, 4°. Ч. 2-ая М. 1837. 13) *„Предки Калимероса“*, *Александръ Филиппповичъ Македонскій*, 2 ч. М. 1836, 12°. 14) *„Виргинія или поѣздка въ Россію“*. 2 ч. М. 1837, 12°. 15) *„Ротмистръ Чернокнижниковъ или Москва въ 1812 г.“*, романъ. 3 ч. М. 1837, 12°. 16) *„Повѣсти“*. М. 1837, 12°. 17) *„Сердце и думка“*. Приключеніе. 4 ч. М. 1838, 8° 129+174+177+173 стр. 18) *„Древнія славянскія собственныя имена“*. М. 1840, 8°. 19) *„Очерки русской литературы“*. Статья I. Изустная словесность. М. 1840, 8°. 20) *„Генералъ Калимеросъ“*, романъ. 2 ч. М. 1840, 8°. 21) *„Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова изъ собственноручныхъ бумагъ“*. М. 1840, 8°.

85 стр. 22) *„Ратиборъ Холмоградскій“*. М. 1841, 12° (Въ стихахъ, драм. піеса). 23) *„Достопамятности Московскаго Кремля“*. 1843 г., 8°. IV+79 стр. Съ отд. атласомъ въ 14 рис. и чертежемъ. 24) *Отзывъ на разборъ „Достопамятностей Московскаго Кремля“*, помѣщенный въ 11 нумерѣ „Москвитянина“. М. 1843 г. 8°. 25) *„Повѣсти“*. Спб. 1843, 12°. 26) *„Московская Оружейная Палата“*. М. 1844 г. 8° (съ 50 изображеніями древностей) 2-е изд. М. 1860, 8°. 4+288 стр. съ 12 табл. рис. 27) *„Новый Емеля, или превращенія“* (Изъ „Библ. для Чт.“ 1845), 4 ч М. 1845, 8°. 28) *„Троянъ и Ангелица“*. Повѣсть, разсказанная свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу. М. 1846, 8°, 59 стр. (Въ стихахъ). 29) *„Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго“: I. „Саломея“*. (Изъ „Библ. для Чт.“ 1846—47). М. 1848 г. 8° 176+114+188+168 стр. 2-е изд. 1864 г. 8° 238+151+253+230 стр. II. *„Чудодѣй“*. М. 1849, 8° (Изъ „Москвитянина“ 1849), 2-е изд. 1864. III. *„Воспитанница Сара“* (Изъ „Рус. Вѣстника“ 1862). М. 1862 г. и 1864 г. IV. *„Счастье—несчастье“*, 2 т. М. 1863 г. 8°. 371+308 стр. 30) *„Древности россійскаго государства“*. VI отдѣленій. М. 1849—1853. 4° (Здѣсь В—ну принадлежитъ текстъ 2, 3 и 5 отдѣленій и редакція остальныхъ). 31) *„Обновленіе храма Знаменія Пр. Богородицы въ селѣ Дубровицахъ“, основаннаго въ 1690 г. и освященнаго въ 1705 г.* М. 1850, 4°. 15 стр. съ 1 рис. 32) *„Золотой и Бѣла“*. Чешская сказка. М. 1850. 16°. 33) *„Описаніе новаго Императорскаго Дворца въ Кремлѣ Московскомъ“*. М. 1851. 4°. 2+VI+41 стр. Съ 12 отд. хромолит. рис. и 2 чертежами. М. 1854. 34) *„Индо-Германе или Сайване“*. М. 1856, 4°. VI+171 стр. съ 2 картами. 35) *„О Свевахъ, Гуннахъ и Монголахъ“*. М. 1856. 36) *„Аттила и Русь IV и V вѣка“*. М. 1858, 8°. I+IX+219 стр. 37) *„Маги и мидійскіе каганы XIII столѣтія“*. М. 1860 г. 4°. VIII+72 стр. и 1 карта. 38) *„Первобытное вѣрованіе и буддизмъ“*. М. 1864 г. 8°. 2+X+115 стр. 39) *„Слово объ ополченіи Игоря Святославича въ 1185 году*. Изд. 2-е. 1866 г. 8° 80 стр. 40) *„Донъ“*. I. *„Мѣсто ссылки Овидія Назона“*. II. *„Митрополія Великой и Малой Руси на Дону съ IV до IX вѣка“*. М. 1866 г. 4°, 92+XIV стр. 41) *„Днѣпровскіе пороги по Константину Багрянородному“*. М. 4°, 14 стр. 42) *„Амалатъ-Бекъ“*. Либретто оперы въ 4 дѣйств. и 5 картинахъ. М. 1870.

Въ журналахъ и сборникахъ, кромѣ указаннаго, помѣщено:

Въ **„Сынѣ Отечества“**: 43) *„О воспитаніи“* (1826, № 18—19); 44) *„Юная грѣшница“*, стих. (1828, № 1); 45) *„Ожиданіе“*, стих. (ibid); 46) *„Радой“*, повѣсть (1839, т. VII); 47) *„Путевыя впечатлѣнія и, между прочимъ, горшокъ ераки“*. (1840, т. I). Въ **„Моск. Телеграфѣ“**: 48) *„Мегеммедъ“*, стих. (1829, № 5); 49) *„Александръ Великій“*, стих. (1829, № 17); 50) *„Зороастръ“*, 1830, № 2); 51) *„Искандеръ“*, стих. (1831, № 2); 52) *„Отрывокъ изъ новаго романа“* (1834, № 5). Въ **„Телескопѣ“**: 53) *Взглядъ на помѣщенный въ „Библ. для Чтенія“ разборъ книги „3448 годъ“* (1834, т. 20). Въ **„Моск. Наблюдателѣ“**: 54) *„Эротида“*, повѣсть (1835, I). 55) *„Голанда“*, повѣсть (1837, XII). Въ **„Библіотекѣ для чтенія“**: 56) *„Провинціальные актеры“*, разсказъ (1835, т. 10); 57) *„Карьера“*, разск. (1842, т. 55). 58) *„Райна, Королева Болгарская“* (1843, т. 59); 59) *„Наемъ дачи“* (1848, т. 91). Въ **„Отеч. Зап.“** 60) *„Пало“*, повѣсть Врихадазвы въ стихахъ (1839, т. III). Въ **„Литер. Газетѣ“**: 61) *„Лихоманка“*. Солдатская сказка (1841, № 5); 62) *„Пѣснь Ратибора Холмоградскаго“*, стих. (1841, № 96); 63) *„Объ обрѣтеніи и возобновленіи древнѣйшей церкви „Воскресеніе Лазаря“* (1842, № 28). Въ **„Рус. Бесѣдѣ“**: 64) *„Захарушка—добрая душа и каменная баба“*, разсказъ (1842, ч. II). Въ **„Рус. Вѣстникѣ“**: 65) *„Колумбъ“*, драматическая картина (1842, № 1). Въ **„Москвитянинѣ“**:

66) *„Леченіе царевича Алексѣя Михайловича“* (1844, ч. I, № 2); 67) *„Два маіора“*, пов. (1848, ч. I, № 1); 68) *„Освященіе новаго Московскаго дворца въ Кремлѣ“* (1849, ч. II, № 8); 69) *„Дочь Ипократа“*, пов. (1849, ч. III, № 10); 70) рядъ рецензій, между прочимъ, подробный разборъ книги Іакинфа: *„Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи“* (1848, ч. 2, № 4). Въ **„Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“**: 71) *„Первобытное вѣрованіе въ буддизмъ“* (1861, № 1).

Въ отдѣльныя изданія *„Повѣстей“* В. вошли еще слѣдующія произведенія: 72) *„Урсулъ“*; 73) *„Неистовый Роландъ“*; 74) *„Аленушка“*; 75) *„Костешскія скалы“*; 76) *„Пріѣзжій изъ уѣзда“*; 77) *„Ольга“*; 78) *„Не домъ, а игрушка“*; 79) *„Иміріонъ Ларинъ“*. Послѣ смерти В. появилось только одно его 80) *„Стихотвореніе“* (Рус. Архивъ“ 1885, № 1). Переводы произведеній В.: 1) „Райна блъгарска царкъінія“. Пер. отъ Русьы Елена Мутьева. Спб. 1852. 12°. 189+1 стр. и 2) Souvenirs historiques du Kreml de Moscou. Trad. par le baron Léon de Bode. M. 1843. 8°.

Вельтманъ, Елена Ивановна, беллетристка [1], урожденная *Кубе*; жена А. Θ. Вельтмана. Біографическихъ свѣдѣній о ней почти нѣтъ. Близко знавшій семью Вельтмановъ Погодинъ, кромѣ похвалъ таланту В., говоритъ только о благотворномъ, умиротворяющемъ вліяніи ея на мужа. Судя по фамиліи и по тому, что В. любила переносить своихъ героевъ въ Молдавію и Новороссію и съ особою любовью останавливалась на описаніяхъ южной природы, можно думать, что она была южнаго происхожденія. Произведенія свои В., обыкновенно, подписывала дѣвическою фамиліею (*Е. Кубе* или *Е. Куб.*).

В. напечатала:

1) *„Такъ это былъ сонъ“*, разсказъ („Библ. для Чтенія“ 1846, т. 76); 2) *„Оксана“*, повѣсть (ibid., 1847, т. 79); 3) *„Маркиза Луиджи“*, пов. („Москвит. 1846); 4) *„Лидія“*, разсказъ изъ жизни музыкальнаго учителя („Москвитянинъ“ 1848 и отд. М. 1848); 5) *„О воспитаніи женщины въ общественныхъ училищахъ“* (М. 1848); 8) *„Алкивіадъ своей семьи“*, пов. („Москвит.“ 1849, т. VI); 9) *„Викторъ“* пов. (М. 1853); 10) *„Азбука и чтеніе для перваго возраста“* (М. 1862, двѣ части); 11) *„Увѣдомленіе о дѣтскомъ домашнемъ обученіи“* („День“ 1862, № 12); 12) *„О русскихъ нянюшкахъ“* (ib., № 41); 13) *„Приключенія королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксеніи Годуновой“*, истор. романъ (отрывки помѣщались въ сборникѣ

---

[1]) *Біографическія данныя*: 1) *Геннади*. Словарь. 2) Словари *Березина, Брокгаузъ-Ефрона, Гарбеля, Толля*. 3) *М. Погодинъ*. „Рус. Старина“ 1871, т. IV (въ некрологѣ А. Θ. Вельтмана). 4) *Онъ же* „Русскій“ 1868, № 16. 5) „Моск. Вѣдом.“ 1868, № 54. 6) „Иллюстр. Газета“ 1868, № 11. 7) *Ап. Григорьевъ*. „Автору Лидіи“. Стих. („Москвитянинъ“ 1849, т. I; перепечатано въ „Русскомъ“ 1868, № 11). 8) *Кн. Голицынъ*. Библіогр словарь рус. писательницъ. 9) „Крестный календарь Гатцука“ на 1869 г.

Отзывы:

О *„Викторѣ“*: 1) *К. П(олевой)* „Сѣв. Пчела“ 1853, № 140. 2) „Отеч. Зап.“ 1853, т. 88 и 89. 3) „Современникъ“ 1853, т. 42.

О *„Приключеніяхъ королевича Густава Ириковича“*: „Библіот. для Чт“. 1851, т. 107.

Объ *„Азбукѣ и чтеніи для перваго возраста“*: 1) *I. Шарловкій*. „Журн. Мин. Нар. Просв. 1862, № 12. 2) *О. Мильчевскій*. „Соврем. Слово“ 1862, № 130. 3) *Онъ же*. „Книжн. Вѣстникъ“ 1862, № 15. 4) „День“ 1862, № 15.

Сушкова „Раутъ“, 1851., „Днѣ“ 1863 г., затѣмъ весь романъ былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1867 и вышелъ отдѣльно, Спб. 1868); 14) „*Святыни и достопримѣчательности московскаго Кремля*“ (М. 1873).

Уже первыя повѣсти В. имѣли несомнѣнный успѣхъ, трудно объяснимый для современнаго читателя, до такой степени онѣ скучны и водянисты. «Лидія» вызвала даже восторженное стихотвореніе Ап. Григорьева, несмотря на всѣ свои увлеченья, умѣвшаго тонко цѣнить художественныя произведенія. Мы думаемъ что его подкупило гуманное отношеніе автора къ погрѣшающей женщинѣ, отношеніе, въ которой какъ бы сказывается отдаленное вліяніе Жоржъ-Зандъ, проведенной чрезъ горнило московскаго благодушія. Въ чистомъ видѣ жоржъ-зандизмъ не нашелъ бы себѣ мѣста въ «Москвитянинѣ», да еще «Москвитянинѣ» старой редакціи.

Но В., видимо, работала надъ собою. Въ «Викторѣ» уже попадаются страницы, полныя живого интереса и наблюдательности, а «Приключенія Густава Ириковича» — прямо вещь талантливая. Интриги Годуновскаго двора, Густавъ съ его несчастною судьбою, Ксенія, самъ Годуновъ и цѣлая галлерея второстепенныхъ лицъ обрисованы ясно и съ правдивостью, говорящей о добросовѣстномъ изученіи эпохи. Нѣкоторую же идеализацію старины нельзя особенно строго ставить въ вину автору, дарованіе котораго крѣпло подъ вліяніемъ совѣтовъ Погодина и А. Ѳ. Вельтмана.

Что было совсѣмъ неудачно — это экскурсіи В. въ область педагогики. Въ предисловіи къ «Азбукѣ» она справедливо указываетъ на трудную роль матери-преподавательницы. Книга В. имѣла цѣлью облегчить какъ мать, такъ и дѣтей. Но В., видимо, плохо знала дѣтскую природу. Уже не говоримъ о томъ, что длинныя страницы складовъ (ихъ у В.—семь, тогда какъ другія азбуки ограничивались двумя, а во время появленія книги склады уже всѣми признавались устарѣвшими) врядъ ли пробудятъ въ ребенкѣ любовь къ ученію. Но В. прибѣгаетъ еще къ діалогическому методу (разговоръ учительницы съ ученикомъ), причемъ въ уста отвѣчающихъ дѣтей влагаетъ безусловно недоступныя ихъ пониманію, почти философскія разсужденія о Богѣ, вселенной и т. п.

Затѣмъ В. указываетъ, что длинныя статьи въ книгахъ для первоначальнего чтенія утомляютъ дѣтей, а въ 5—6 строкахъ трудно дать удовлетворительный разсказикъ или басню. Чтобы помочь этому, она рѣшилась говорить только о повседневномъ, понятномъ ребенку, бытѣ. Какой же это бытъ? Можно подумать, что деревенскій, такъ какъ о немъ начинаетъ интересно разсказывать авторъ. Но черезъ нѣсколько страницъ онъ уже увлекается и говоритъ о паровыхъ машинахъ, электричествѣ, жаккордовомъ станкѣ, папахъ, Магометѣ, Аріи (это—пяти-семилѣтнему ребенку!), говоритъ на протяженіи четырехсотъ слишкомъ страницъ!.. Вся «Азбука и книга для первонач. чтенія» занимаетъ 490 страницъ, являясь энциклопедіей, маленькой, но непригодной для маленькихъ дѣтей.

Что касается до «Святынь и достопримѣчательностей моск. Кремля», то книжка эта, какъ путеводитель, можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительною. В. скончалась 1 марта 1868 г. **В. Карцовъ.**

Великановъ, Александръ Семеновичъ, археологъ[1]). Родился въ 1818 г., въ Одессѣ. Окончивъ курсъ Ришельевскаго лицея съ золотою медалью за разсужденіе: 1) «*О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ древней философіи*» (Одесса, 1842, 146 стр. 8°) поступилъ затѣмъ на службу въ одесскій цензурный комитетъ. Въ 1850-хъ гг. В. основалъ въ Одессѣ образцовую библіотеку для чтенія, пополнилъ ее большимъ количествомъ рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ, на что затратилъ большія деньги, но не встрѣтивъ сочувствія въ публикѣ, скоро ее закрылъ. Около того же времени онъ, по словамъ некрологовъ, издалъ «Гамлета» и «Макбета» Шекспира въ переводѣ Кронеберга и сочиненія Квитки-Основьяненки. Затѣмъ В. былъ членомъ-распорядителемъ дореформенной думы, а по введеніи новаго городового положенія—гласнымъ думы. Съ открытіемъ въ Одессѣ мирового института, В. былъ сначала участковымъ, а затѣмъ—почетнымъ мировымъ судьею. Все свое, довольно значительное, состояніе онъ употребилъ на устройство въ Одессѣ такъ называемаго «Русскаго театра», но дѣло не пошло, и В., ликвидировавъ предпріятіе, успѣвъ спасти только кое-какія жалкія крохи. Въ 1870-хъ гг. В., покинувъ общественную дѣятельность, сдѣлался членомъ московскаго археологическаго общества и занялся учено-литературными трудами. Принадлежа къ числу убѣжденныхъ противниковъ школы норманистовъ, онъ рѣшилъ написать обширное сочиненіе для подтвержденія словъ лѣтописца: «а словѣнескъ языкъ и русскый одинъ», послѣ чего весь столѣтній споръ долженъ найти свое окончательное разрѣшеніе. Сначала В. выпустилъ: 2) «*Зарницы Руси за скифскимъ горизонтомъ розысканій о ея началѣ. Древнія русскія и славянскія имена днѣпровскихъ пороговъ*» (Одесса, 1877, 85 + VII стр., 8°), брошюру, представляющую лишь одну главу указаннаго изслѣдованія и доказывающую, что имена днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя Константиномъ Багрянороднымъ, древне-русскія и славянскія. Доказательства В. основаны на объясненіи названій словами санскритскаго языка и уцѣлѣвшими формами этихъ словъ въ языкѣ древне-русскомъ. Продолженіемъ труда В. явилась книга: 3) «*Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь—Славянскаго народа*» (Томъ I, Одесса 1878, 446 + XV + II стр., 8°; т. II, Одесса, 1879, 88 стр., 8°; т. II,

---

[1]) 1) „Новоросс. Телеграфъ" 1886, № 3215; 2) „Одесскій Листокъ „1886, №№ 75 и 76; 3) Историч. записка о дѣятельности имп. московскаго археологическаго общ.

Отзывы: О „Реформѣ, какую произвелъ Сократъ": 1) „Отечеств. Зап." 1843, т. 26; 2) „Современникъ" 1843, т. 30.

О „*Зарницахъ Руси*": 1) „Истор. Библ." 1878, № 2; 2) „Семья и Школа" 1877, № 3; 3) „Указатель по дѣламъ печати" 1877, № 2—3.

О „*Развѣдкахъ*": 1) „Голосъ" 1880, № 62; 2) „Филологич. Записки" 1881, № 2; 3) „Страна" 1881, № 115.

выпуска II, Одесса, 1881, 225 стр., 8°) гдѣ авторъ доказывалъ свою мысль тоже филологическими данными. Кромѣ того, В. принадлежитъ статья: 4) «*О надписанныхъ камняхъ по теченію Западной Двины*» («Труды Имп. Моск. Археологич. Общ. », т. VIII). Въ протоколахъ того же общества упоминается еще врядъ ли гдѣ напечатанная работа В.; 5) «*Свѣдѣнія о томъ, что вышло изъ печати по части отечественной археологіи въ уфимской и пермской губерніяхъ*». Въ научныхъ сферахъ работы В. не встрѣтили сочувствія. В. умеръ въ Одессѣ 17 марта 1886 г.

Вельци(ы)нъ (Weltzien), врачъ [1]. По-нѣмецки его звали Johann Christian, по-русски видимо близко знавшій его докторъ К. К. Зейдлицъ (другъ и біографъ Жуковскаго) называетъ его Иваномъ *Юрьевичемъ*, а митроп. Евгеній — Иваномъ Васильевичемъ. Иваномъ же Васильевичемъ называлъ его Чистовичъ въ своей „Исторіи медицин. школъ въ Россіи“, составленной по оффиціальнымъ даннымъ.

В. род. въ 1767 г. въ Ригѣ, учился въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, гдѣ получилъ степень доктора медицины за диссертацію: 1) «*De affectuum animi usu medico*» (Геттингенъ 1789). Затѣмъ онъ занимался въ госпиталяхъ Берлина, Лондона и Парижа. Изъ Парижа, по словамъ Зейдлица, «революція побудила его возвратиться въ Россію, въ С.-Петербургъ. Отличныя его познанія во врачебной наукѣ и образованность вскорѣ доставили Вельцину званіе профессора патологіи и терапіи въ С.-Петербургскомъ хирургическомъ институтѣ (1790) и младшаго доктора въ военно-сухопутномъ госпиталѣ». Въ это время онъ напечаталъ: 2) «*Rede welche im K. medic. chir. Institute bei der feierlichen Eröffnung seines neuen Wohngebäudes d. 7 Jan. 1791 gehalten worden*» (Спб. 1791. 4°). Слабость груди заставила В. перейти въ 1792 г. на службу въ Ярославль, губернскимъ докторомъ. Здѣсь онъ написалъ: 3) «*Начертаніе врачебнаго благоустройства или о средствахъ, зависящихъ отъ правительства къ сохраненію народнаго здравія*» (Спб. 1795. 8°). Въ томъ же году В. былъ взятъ ко двору и состоялъ до 1798 г. при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, котораго сопровождалъ въ итальянскомъ походѣ. Въ 1804 г. былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта, въ 1810 г., кромѣ того, старшимъ докторомъ пажескаго корпуса. В. былъ однимъ изъ основателей и предсѣдателей медико-филантропическаго комитета. Въ 1807 г. ему было поручено устроить госпитали въ Гродненской, Виленской, Минской и Курляндской губ. У И. Ю. Вельцина былъ сынъ *Константинъ*, тоже врачъ [2].

[1] Біограф. данныя: 1) Словари *Евгенія* и *Смирдина*; 2) Энц. лексиконъ т. IX ст. К. *Зейдлица*; 3) *Recke und Napiersky*. Lexicon IV. 488; 4) Callisen's Medic. Schriftsteller Lexicon. XXI. 3; 5) *Геннади*, Словарь; 6) *Березина*, Словарь; 7) *Чистовича*, Исторія медиц. школъ въ Россіи.

[2] Ср. 1) Recke und Napiersky. Lexicon; 2) *Геннади*, Словарь; 3) Album Academicum дерпт. унив.

ившійся 2-го октября 1798 г. въ Петербургѣ, учившійся въ Дерптѣ, гдѣ училъ и степень доктора медицины за: *«Dissertatio inaugaralis de pulmum antenergia in organico respirationis mechanismo»* (Дерптъ, 1819, 8°). іняя смерть только что вернувшагося изъ заграничнаго путешествія молодого ча (1821) настолько потрясла отца, что онъ мало-по-малу отказывался отъ ей обширной практики, въ 1825 г. вышелъ въ отставку и удалился въ с имѣніе—мызу Зомель, въ Лифлянд. губ. Послѣ тяжкой 18-ти мѣсяч. бони онъ умеръ въ Петербургѣ 25 марта 1829 г., оставивъ по себѣ пресвѣйшую память.

Вельцынъ, Иванъ Васильевичъ—см. **Вельцинъ**, Иванъ Юрьевичъ.

Вельцынъ, Самуилъ. Издалъ книгу:

Легчайшій и удобнѣйшій способъ къ достаточному разумѣнію франц. ка безъ всякой помощи учителя, состоящій въ чтеніи французской книги, подъ в.: Молодой Грандисонъ, соч. Беркеня, переведенной междустрочно изъ слова до за, съ прибавленіемъ полнаго наставленія о произношеніи французскихъ словъ нѣкоторыхъ грамматическихъ примѣчаній: 2 ч. М. 1806—1807. 8°. Изд. 2-е, подъ з.: *Легчайшій и удобнѣйшій способъ къ разумѣнію французскаго языка безъ ющи учителя, и проч.*, 2 ч. М. 1824. 8°.

Венелинъ. Юрій Ивановичъ, извѣстный славистъ [1]).

[1]) **Біографическія данныя**: 1) *П. Безсоновъ*. Предис ко II т. „Древ. и нын. Болгаръ" Журн. Мин. Нар. Просв. 1882 г. іюнь; 2) *А. Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи; *Онъ же*: Исторія слав. литературъ; 4) Сѣвер. Пчела 1839. № 77; 5) Прибав. къ ск. Инвалиду 1839 № 15 и 21 (ст. *П. Савельева*) 6) *Морошкинъ*, Отеч. Зап.) г. № 10, отд. II, стр. 77—92; 7) Жизнеописанія на Ю. И. Венелина перев. отъ *Э. Палаузова*. Одесса. 1851 г. 8°. 32 стр. (рец. о ней въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1 г. № 90; предислов. Морошкина изъ 2 т. „Болгаръ"); 8) Нѣкоторыя черты путетвія В-на въ Болгарію. *П. Безсонова*, М. 1857 г. 8°. 90 стр. (изъ Москвитянина 6 г. № 9); 9) *Геннади*, Словарь; 10) *Березинъ*, Энциклоп. Словарь; 11) *Толль*, Словь, Дополненія; 12) Энцикл. слов. *Брокгауза-Ефрона;* 13) *Змѣевъ*, Врачи писатели; Исторія Московскаго Унив.. стр. 571; 15) Московскій Наблюдатель, 1839 г. ч., отд. VI; 16) *Барсуковъ* Жизнь и труды М. Погодина. 17) Отчетъ Импер-ія. Библ. за 1891 г. Переписки В-на съ Краевскимъ; 18) Открытіе памятника В-ну ковскія Вѣдомости 1842 т. № 104; 19) Открытіе памятника В-ну (въ Даниловомъ аст.) Москвитянинъ 1843 г. ч. I., № 1, стр. 344; 20) Открытіе памятн. В-ну, Маякъ 3 г. т. 9, стр. 56—58; 21) Памятникъ Ю. И. В-ну. Сын. Отеч. 1842 г. № 3 отд. тр. 19—20; 22) Некрологъ Ю. В-на. Галатея 1839 г. ч. 2, № 16, стр. 587—88. Венелинъ. Біографія. Московск. Вѣдом. 1839. № 40. 24) Ю. И. Венелинъ. Некроь. Сынъ Отечества. 1839. № 8, отд. V, стр. 18—20. 25) Памятникъ Ю. И. В-ну, двигаемый одесск. болгарами (ст. подписана —г) С.-П. Вѣдомости 1842 г. № 44. Моск. Телегр. 1829 г. № 19, стр. 397. Письмо *Полевого:* 27) О В-нѣ въ статьѣ читателямъ" Моск. Телегр. 1829 г. № 17; 28) Московскій вѣстн. 1830 г., ч. II. , стр. 391.

Критич. статьи *о его трудахъ*:

Разборы: *„Древн. и нын. Болгаръ"* 1) Вѣстн. Евр. 1830 г. № 1; 2) Моск. егр. 1829, № 16. стр. 485); 3) Моск. Вѣстн. 1829, ч. IV, стр. 164; 4) Моск. Вѣстн.

Юрій Ивановичъ Венелинъ (Георгій Гуца) родился 23-го апрѣля 1802 г. въ сѣверной Венгріи въ селѣ «Большая Тибава» (Nagy Tibava) Бережскаго комитата, у подошвы Карпатскихъ горъ. Отецъ его, протоіерей Верховины (Vicearchidiaconus), по семейнымъ преданіямъ велъ свой родъ отъ одного изъ покутскихъ князей, удалившагося изъ Покутья въ Карпаты во время гоненій, поднятыхъ католиками на православныхъ съ цѣлью принудить ихъ принять унію. Полный энергіи, пылкій и одаренный недюжинными способностями, Юрій Гуца десяти лѣтъ лишился отца и для первоначальнаго образованія поступилъ въ Унгварскую гимназію (Archigymnasium Unghvaricense), гдѣ подъ руководствомъ директора Фекете, благоволившаго къ талантливому ученику, окончилъ курсъ первымъ. Этотъ первый успѣхъ обратилъ на Юрія Гуцу вниманіе мѣстнаго духовенства и начальства Унгварской духовной семинаріи и молодой человѣкъ получилъ предложеніе вступить въ духовное вѣдомство стипендіатомъ семинаріи, въ тѣхъ разсчетахъ, что современемъ онъ сдѣлается въ ней преподавателемъ. Пользуясь пособіемъ отъ семинаріи, Юрій Гуца прослушалъ въ 1821 г. курсъ философскихъ наукъ въ Сатмарскомъ лицеѣ, причемъ съ особенною любовью занимался исторіей. По окончаніи здѣсь курса онъ далеко не оправдалъ надеждъ начальства семинаріи: все болѣе и болѣе увлекаясь своей

1828 ч. XII. № 23, 24, стр. 365; 5) Моск. Вѣстн. 1829. ч. VI, стр. 129, ст. *Погодина;* 6) Библ. д. Чт. 1841, т. 48, отд. VI, 31; 7) Отеч. Зап. 1841, т. 18, отд. VI, 19; 8) Маякъ 1842 т. VI, стр. 81; 9) Отеч. Зап. 1847, т. 52, отд. VI, 89; 10) Атеней 1829, 7, 4; стр. 104—112; 11) Галатея 1829, 7, 8 — 9, стр. 254 — 284 и 29—57 (отв. Ю. В. Московскому Телеграфу); 12) Литер. Газета 1847 № 27, стр. 427; 13) Русск. Инвалидъ 1856 г. № 259 (ст. *Турунова*); 14) Спб. Вѣдом. 1856 г. № 161; 15) Современникъ 1856 г. № 10, т. 59, отд. 4.

Объ *О характерѣ именъ слав. Задунайскихъ:* 1) Библ. д. Чт. 1835 т. 16 отд. 6, стр. 41—44; 2) Телескопъ 1836, ч. 31; 3) Молва 1836, т. 11, стр. 31—37. Объ *О зародышѣ нов. болг. литер:* 1) Библ. д. Чт. 1838, т. 29, отд. 6, стр. 36; 2) Современникъ 1838 г., т. XI, стр. 57; 3) Моск. Наблюд. 1837, т. XIV, 47. Объ *„Влахо-болг. граматахъ.* 1) Отеч. Зап. 1840 г., № 11, т. 13, отд. 6, стр. 18; № 12, т. 13, отд. 4, стр. 23—47. О *„Скандинавоманіи“:* 1) Сынъ Отеч. 1842 г., ч. 4. № 7, отд. 6; стр. 19—40; 2) Маякъ 1842 г., кн. 12, стр. 81—116 (ст. *Ф. Морошкина*); 3) Москвитян. 1842, ч. 4, № 8, стр. 396—399 (ст. *С. Соловьева*). О *Критич. изслѣдованіяхъ:* 1) Москвит. 1849 г., ч. 6, № 21—21, стр. 29—30, критика; 2) Современн. 1850, т. 20, отд. 5, стр. 6—14; 3) Отеч. Зап. 1850 г. № 4. т. 69, отд. 6, стр. 45—54; 4) Отеч. Зап. 1840 г. т. XII, отд. II, 77; 5) Сынъ Отеч. 1839 г., VII, отд. IV, стр. 85; 6) Атеней 1829 г., октябрь. О *Болгарскихъ именахъ:* 1) Изв. Акад. Наукъ т. IV, вып. 8 (ст. *И. И. Срезневскаго*); 2) Отеч. Зап. 1855 г. № 12, т. 103; 3) Журн. М. Н. Просв. 1856 № 3, ч. 89. О статьѣ: *Мысли объ исторіи:* Современн. 1847, т. III, отд. III, стр. 75. *О „Грам. нынѣш. болгар. нарѣчія“* Телескопъ 1834 т. 19, 521; о ст. *Окружные жители:* Современ. 1847, т. II, стр. 37, отд. III. О статьѣ: *О древн. жилищахъ р. нар.* 1) Соврем. 1847, т. IV, отд. III, 84 стр. 2) Отеч. Зап. 1847 г., т. 54, отд. V, 84.

любимой наукой, онъ направился въ 1822 г. въ Львовскій университетъ, славившійся тогда рядомъ ученыхъ историковъ.

Рѣшительно отказавшись отъ духовной карьеры, Гуца даже постарался скрыть отъ начальства свое мѣстопребываніе и съ этой цѣлью перемѣнилъ свое имя на новое, назвавшись Венеловичемъ-Венелинымъ; подъ прикрытіемъ этого псевдонима онъ живетъ нѣкоторое время во Львовѣ, занимаясь усердно изученіемъ исторіи и собирая въ библіотекѣ различные историческіе матеріалы, главнымъ образомъ касающіеся древнѣйшей исторіи Россіи и другихъ славянскихъ государствъ. Россія влекла его къ себѣ еще издавна; съ дѣтскихъ лѣтъ, съ гимназической скамьи началъ онъ интересоваться ею и стремился ознакомиться какъ можно ближе. Наконецъ, весною 1823 года, онъ рѣшается исполнить свое завѣтное желаніе и, проведя зиму въ Сегединѣ, слушая лекціи проф. академіи, направляется съ двоюроднымъ братомъ И. И. Молнаромъ [1]) черезъ Черновицы въ предѣлы Россіи и наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія прибываетъ въ Хотинъ и въ Кишиневъ, не имѣя ни знакомыхъ, ни средствъ къ существованію.

Трудно сказать, какой бы оборотъ приняла судьба молодого ученаго, еслибы ему не оказалъ своего покровительства извѣстный генералъ-губернаторъ Бессарабіи И. Н. Инзовъ. Въ судьбѣ Венелина приняли также участіе архіепископъ кишиневскій Димитрій и ректоръ семинаріи Ириней, которые пристроили его въ семинаріи воспитателемъ и учителемъ ариѳметики. Тамъ провелъ Венелинъ два года, не покидая своихъ занятій исторіей и заводя знакомства съ мѣстными славянами. Здѣсь онъ впервые знакомится ближе съ болгарами, которымъ впослѣдствіи отдалъ всѣ свои силы, весь талантъ. Любознательный и пытливый, онъ учится ихъ языку и полагаетъ начало собиранію матеріаловъ по болгарской исторіи и грамматикѣ.

Однако стремленіе В. къ центру Россіи, къ источнику умственной и ученой жизни—къ Москвѣ, не ослабѣвало и лѣтомъ 1825 года онъ покинулъ Кишеневъ. Въ большой нуждѣ свершивъ путь, съ пятью рублями въ карманѣ вступилъ В. въ Москву въ сентябрѣ этого года. Всѣ симпатіи и предыдущая подготовка влекли его на филологическій факультетъ, но грозившая нищета и совѣты земляка И. С. Орлая заставили его поступить на медицинскій факультетъ «Проходя до 1822 г. въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ курсъ наукъ по факультету, къ которому принадлежитъ исторія и искусство, или правила критики я дѣлалъ для упражненія себя въ сей послѣдней замѣчанія на разные предметы своего ученія. Но съ 1825 г., перешедши въ Моск. унив., я посвятилъ себя *наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ исторія и метафизика.* Прежніе историческіе труды мои оставлены безъ употребленія», писалъ онъ позже въ предисловіи къ «Древнимъ и нынѣшнимъ Бол-

---

[1]) Позже ординаторъ Павловской больницы въ Москвѣ.

гарамъ» (1829, I). Однако мы не должны вѣрить этимъ словамъ В., сказаннымъ, вѣроятно, въ минуту раздраженія, что особенно замѣтно въ подчеркнутыхъ нами выраженіяхъ.

Правда, В., предавшись медицинѣ и естественнымъ наукамъ, и здѣсь не ограничивался лишь формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу: извѣстна имъ написанная диссертація „de cacove animali“ и начало медицинскаго словаря; но природное влеченіе беретъ свое. Въ 1828 г. онъ дебютируетъ разборомъ книги И. Яковенка «Нынѣшнее состояніе турецкихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи и россійской Бессарабской области» и въ годъ окончанія курса — уже печатаетъ I т. своего изслѣдованія о болгарахъ.

Студенческая жизнь В. шла между посѣщеніемъ университетскихъ лекцій и домашними занятіями славяновѣдѣніемъ. Средства къ жизни добывалъ онъ уроками, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ—въ домѣ С. Т. Аксакова, гдѣ онъ занимался съ К. С. Аксаковымъ, которому передалъ свою любовь къ славянству и наукѣ. Живя на Кисловкѣ, какъ позволяли его скудныя средства, въ каретномъ заведеніи Сетгофера, въ коморкѣ, отдѣленной лишь перегородкой отъ французскихъ комедіантовъ, среди шума и крика, урывками, между обязательной работой и уроками, молодой и энергичный студентъ медицины писалъ замѣчанія на Византійскую исторію. Неизвѣстно, какими путями узналъ о занятіяхъ Венелина Погодинъ. Въ 1828 г. между ними завязывается знакомство, скоро перешедшее въ дружбу, укрѣпляющуюся годъ отъ году, несмотря на временныя ссоры и размолвки, неизбѣжныя при вспыльчивомъ характерѣ В. Уже въ 1828 г. В. окончилъ свои первыя замѣчанія по исторіи болгаръ, разросшіяся впослѣдствіи въ цѣлую книгу и предложилъ ихъ для напечатанія Н. Полевому, который выразилъ на это свое согласіе. Но видимо Полевой или не довѣрялъ молодому и неизвѣстному автору, или боялся денежнаго риска, сопряженнаго съ изданіемъ такого труда и всячески затягивалъ печатаніе, такъ что В. уже перестал надѣяться увидать въ печати свое произведеніе. Между тѣмъ Погодинъ, которому очень понравились «замѣчанія» В., предложилъ ему издать этотъ трудъ, на что В. съ радостью согласился и такимъ образомъ появилась въ 1829 г. книга «Древніе и нынѣшн. Болгары въ политич., народописномъ, историч. и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіи. Историко-критич. изысканія Ю. Венелина, т. I» съ посвященіемъ А. С. Шишкову. Не входя въ обсужденіе достоинствъ и недостатковъ труда В., укажемъ одно: Погодинъ осыпалъ его похвалами, порицая лишь отрывочность его замѣчаній, отсутствіе строгаго порядка и повторенія. Но Полевой, еще не прочитавъ этой книги, обрушился на ея автора съ грубой бранью и обвиненіемъ въ недобросовѣстности. Оскорбленный В. отвѣчалъ ему въ «Галатеѣ». Но и помимо Полеваго, аттестовавшаго В. ученымъ-невѣждой и сравнившаго его съ Тредьяковскимъ, противъ В. возсталъ также и Каченовскій. Повидимому, сужденія этихъ лицъ имѣли вліяніе на дальнѣйшую судьбу врача-археолога: вѣроятно бла-

годаря имъ академія была впослѣдствіи такъ недовѣрчива къ трудамъ Венелина.

Одновременно съ выходомъ I-го тома «Болгаръ» В. окончилъ курсъ и былъ выпущенъ изъ унив. со званіемъ лѣкаря, но практикой онъ не занимался, посвятивъ себя ученой и литературной дѣятельности. Еще съ 1828 г. онъ начинаетъ сотрудничать въ Моск. Вѣстникѣ и въ другихъ журналахъ, какъ это видно изъ прилагаемаго списка его печатныхъ трудовъ.

Венелинъ самъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о своихъ трудахъ по исторіи Болгаръ. Въ дополненіяхъ къ I т. (стр. 241) онъ «съ сожалѣніемъ» признавался, «что не бывъ въ турецкихъ владѣніяхъ, за Дунаемъ—не могъ изобразить сего народа въ нынѣшнемъ его положеніи вѣрно и подробно». Позже въ статьѣ «О характерѣ народн. пѣс. и славянъ Задунайскихъ» (1835 г.) онъ также выражалъ свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ своего перваго большого труда. Вполнѣ естественно, поэтому, явилось у В. желаніе ближе ознакомиться съ болгарами. При представленіи Россійской Академіи экземпляра своего сочиненія онъ выразилъ желаніе быть командированнымъ въ Болгарію, въ эту страну «классическую для филологовъ и историковъ славянскихъ».

Еще до выхода изслѣдованія о Болгарахъ В. былъ представленъ С. Т. Аксаковымъ Шишкову, который послѣ много содѣйствовалъ исполненію желанія молодого слависта. По представленію министра народнаго просвѣщенія кн. Ливена 14 дек. 1829 г. послѣдовало высочайшее соизволеніе на поѣздку лѣкаря Венелина за Дунай. Онъ долженъ былъ объѣхать Молдавію, Большую и Малую Валахію, собственную Болгарію съ частью Ѳракіи. Цѣль поѣздки была частью научная: В. долженъ былъ осмотрѣть книгохранилища, пріобрѣсти книги, рукописи и произвести розысканія по исторіи славянъ и русской въ частности, главнымъ же образомъ—изучить новоболгарскій языкъ, составить его грамматику и словарь—и все это въ одинъ годъ. Названныя вкратцѣ задачи, возложенныя академіей на В., конечно не могли быть исполнены имъ вполнѣ при тогдашнемъ положеніи славяновѣдѣнія. Этотъ планъ, въ которомъ, между прочимъ ставится условіемъ «открытія для уяспенія исторіи славянъ», обличаетъ лишь наивность тогдашнихъ академиковъ и ихъ малое знакомство съ изученіемъ славянства.

Въ январѣ 1830 г. Венелинъ является въ Петербургъ для полученія инструкціи и денегъ на путевыя издержки. Принятый въ столицѣ радушно и проживъ здѣсь до 13 марта, онъ возвращается обратно и со дня прибытія въ Москву (17 марта) начинаетъ приготовляться къ далекому пути. Сборы были недолги, но внезапная болѣзнь 6-го апр. задержала его и лишь 18-го апр. 1830 г. онъ могъ выѣхать изъ Москвы. 1-го мая В. прибылъ въ Харьковъ и узналъ здѣсь, что русскія войска, занимавшія Болгарію, возвращаются обратно. 8 мая онъ прибылъ въ Одессу и долженъ былъ здѣсь дожидаться возвращенія новороссійскаго ген.-губернатора; ничего путнаго не узнавъ,

В. направился въ г. Тирасполь къ фельдм. Дибичу, отъ котораго ему удалось получить рекомендательныя письма къ ген. Киселеву, полномочному предсѣдателю дивановъ Молдавіи и Валахіи, въ главный штабъ и къ ген. Роту, командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, который долѣе другихъ оставался за Дунаемъ. Венел. вернулся 22-го мая въ Одессу и увидалъ, что по условіямъ военнаго времени ему скоро не удастся выбраться въ путь; къ тому же началась холера и чума, опустошившая позже Болгарію. Около мѣсяца прождалъ В. въ Одессѣ, но это время прошло для него не безслѣдно. Масса эмигрантовъ, выселившихся изъ Болгаріи, дали ему матеріалъ для изученія. Среди нихъ В. собираетъ пѣсни и слова для словаря, а также дѣлаетъ экскурсіи въ окрестности Одессы, въ Овидіополь, съ одесскимъ протоіереемъ В. С. Куницкимъ, на розыски рукописей; но эти розыски оказываются неудачными вслѣдствіе излишней подозрительности болгаръ.

27-го іюня 1830 года В. моремъ отправился въ Варну, куда прибылъ 4-го іюля и направился съ письмами къ ген. Роту, который назначилъ ему провожатыхъ для ознакомленія съ городомъ и его окрестностями. И здѣсь розысканія В. не увѣнчались успѣхомъ: трудно было добиться чего-либо въ это смутное время, когда болгары были какъ между двухъ огней — между турками и русскими войсками. Часть Болгаріи была опустошена, другая была уже въ Турецкихъ рукахъ и В. могъ проникнуть лишь въ Силистрію.

22-го іюля В. выѣхалъ на Коварну, осмотрѣвъ древніе монастыри св. Константина и св. Димитрія, изъ Коварны онъ направился въ Монгалію, Кюстенджи и съ 27-го іюля пробылъ недѣлю въ Бабадагѣ, гдѣ потерпѣлъ неудачу, желая пріобрѣсти рукопись «Цареставника». Наконецъ 6-го авг., добравшись до Силистріи, В. слегъ въ самый день прибытія, захворавъ горячкою и лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ постели, могъ приняться за дѣло. Ему удалось собрать свѣдѣнія о Трновѣ, Разградѣ и другихъ мѣстахъ собственной Болгаріи. Срокъ командировки приходилъ къ концу и надо было торопиться возвращеніемъ, тѣмъ болѣе, что В. видимо не надѣялся найти что-нибудь важное въ опустошенной странѣ. 24 сентября мы застаемъ В. уже въ Бухарестѣ, гдѣ онъ проводитъ пять мѣсяцевъ, занимаясь византійскими историками и затѣмъ отправляется въ Бессарабію, въ Кишиневъ, гдѣ и остался на два мѣсяца, изучая отъ выходцевъ албанскій языкъ и розыскивая рукописи. Отправившись отсюда въ Одессу, онъ выѣхалъ въ началѣ лѣта въ Москву и неспѣша, долго оставаясь въ Харьковѣ (для изученія малор. нарѣчія) и въ Курскѣ, въ октябрѣ прибылъ въ Москву и 12 ноября 1831 г. окончательно устроился въ ней.

Каковы были результаты этого путешествія? Можно смѣло сказать, что главная добыча досталась В. въ руки всего менѣе въ Болгаріи: большую часть матеріала собралъ онъ въ болгарскихъ поселеніяхъ Бессарабіи, у эмигрантовъ и во время своего пребыванія въ Одессѣ. Повсюду преслѣдовала В. недовѣрчивость болгаръ, а что касается пѣсенъ, то и здѣсь высказывалась эта черта: петер-

бургскимъ и московскимъ генераламъ нѣтъ никакой нужды въ болгарскихъ пѣсняхъ, говорили одни: да и не до пѣсенъ было болгарамъ въ это время. Другіе смотрѣли, по выраженію В., въ карманъ. Что до рукописей, то число ихъ было также не изобильно. Ю. В. вернулся взъ своего путешествія въ крайне болѣзненномъ состояніи и поселился у своего друга Погодина, продолжая заниматься розыскиваніями по исторіи Болгаръ и сотрудничая въ Телескопѣ, Московскомъ Наблюдателѣ, Журналѣ М. Н. Просвѣщ. и Отечеств. Запискахъ. Одно время мы находимъ его въ имѣніи Погодина, Сѣрковѣ, занимающемся сельскимъ хозяйствомъ. Матеріальное положеніе В. было въ это время далеко не блистательно, а между тѣмъ нужно было приготовить къ печатанію и привести въ порядокъ собранныя грамоты и рукописи, а главное — составитъ грамматику. Все это требовало свободнаго времени, а жизнь отвлекала его своими требованіями и время проходило въ хожденіяхъ по урокамъ и писаніи статей. Только въ началѣ 1833 года были посланы въ Академію «Влахаболгарскія грамоты» и собраніе сдѣланныхъ снимковъ, въ отвѣтъ на требованіе отчета о командировкѣ. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ В., Надеждинъ всячески старается извлечь изъ него выгоду, предлагая за гроши держать корректуру въ его журналѣ. Это желаніе эксплуатировать В. съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Погодинъ.

Всѣ такія обстоятельства не могли не отразиться на подвижномъ и нервномъ характерѣ В. Болѣзненное состояніе его усиливается. Въ припадкахъ онъ убѣгаетъ отъ надзора друзей и напивается при малѣйшемъ удобномъ случаѣ.

Казалось, 1833 годъ долженъ былъ принести нѣкоторое измѣненіе въ судьбѣ В. Въ засѣданіи 5-го ноября, при секретарѣ И. М. Снегиревѣ, В. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей и въ 1834 г., по совѣту друзей, гл. обр. Погодина, выставилъ свою кандидатуру на каѳедру славянскихъ нарѣчій въ моск. университетѣ, исчисливъ свои ученые труды и представивъ значительную часть болгарской грамматики. Факультетъ одобрилъ ее и В. уже составилъ планъ лекцій; но эту каѳедру занялъ «сильный человѣкъ», хотя и не спеціалистъ по славяновѣдѣнію—проф. русской исторіи и *ректоръ* М. Т. Каченовскій. Вмѣсто неудавшейся профессуры В. пришлось искать занятій на иномъ поприщѣ, но онъ былъ очень гордъ и настолько высоко цѣнилъ себя, что когда въ томъ же 1834 г. въ Спб. прибылъ русскій посланникъ въ Константинополѣ, А. П. Бутеневъ, искавшій русскаго учителя для воихъ дѣтей, и Погодинъ предложилъ В. рекомендовать его на это мѣсто—В. не на шутку оскорбился.

Академія между тѣмъ медлила и не давала никакого рѣшенія относительно представленныхъ ей трудовъ В., хотя самъ патріархъ русской филологіи А. Х. Востоковъ отозвался о его трудахъ съ одобреніемъ. Въ 1835 г. Венелинъ получилъ отзывъ Востокова. Переговоры о печатаніи, которое В. хотѣлъ

взять въ свои руки, затянулись до октября 1837 г., когда наконецъ В. получилъ изъ академіи совершенно неожиданно извѣщеніе, что грамматика его, разсмотрѣнная вторично особымъ комитетомъ, найдена не заслуживающей напечатанія. Это было тяжелымъ ударомъ для В.; впрочемъ, изъ писемъ его къ Краевскому относящихся еще къ 1835 г. видно, что онъ мало надѣялся на одобреніе Академіи, хотя Уваровъ и обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Несмотря на такое сильное заступничество и ходатайство, у академіи «не оказалось свободныхъ денегъ». Тогда В. «вздохнулъ и замолчалъ; замѣтивши, что его грамматикѣ и снимкамъ не было никакого ходу, со слезами въ глазахъ», онъ «разшилъ клеенку и заперъ грамматику въ сундукъ, въ надеждѣ когда-либо сообщить ее публикѣ». Для напечатанія грамотъ «свободныя деньги» нашлись у академіи лишь въ 1840 г., послѣ смерти В.

Въ 1836 г. дѣла В. нѣсколько поправились: онъ получилъ мѣсто инспектора классовъ въ институтахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ. Вмѣстѣ съ этимъ получилъ и возможносбь продолжать печатаніе II-го тома изслѣдованій о Болгарахъ. Эта книга начала печататься еще въ 1835 г., но число подписчиковъ оказалось ничтожно: за границей 200, а въ Россіи лишь 25. Несмотря на дороговизну печатанія, въ февралѣ было уже готово 16 листовъ. Но матеріальныя средства В. не могли выдержать такихъ затратъ и трудъ его былъ напечатанъ значительно позже. Нельзя не упомянуть кстати о томъ, что образованные болгары изъ Одессы и Бухареста, узнавши о положеніи В., купили у него часть экземпляровъ I-го т. и прислали 500 р. для напечатанія II-го. Однако этотъ II-й т. появился въ свѣтъ уже въ 1841 г.

Въ томъ же 1836 г. мы видимъ В. сотрудничающимъ въ Московскомъ Наблюдателѣ. Кромѣ того онъ принимаетъ участіе въ надзорѣ за печатаніемъ свода лѣтописей Арцыбашева, изданіе котораго взяло на себя Общество Исторіи и Древностей, къ этому же времени относится предложеніе, сдѣланное Вадимомъ Пассекомъ, принять участіе въ предпринятомъ имъ изданіи Очерковъ Россіи. Этотъ годъ, какъ и всѣ послѣдніе годы жизни В., отличается какой-то судорожной, тревожной дѣятельностью, чередующейся съ полной апатіей подъ вліяніемъ преслѣдовавшей его болѣзни. Изъ писемъ Шафарика къ Погодину узнаемъ, что въ это время В. сдѣлалъ важныя и интересныя сообщенія знаменитому славису, котораго впрочемъ не любилъ и къ которому не питалъ особаго уваженія; Шафарикъ и Венелинъ были людьми совершенно противоположныхъ наклонностей: В. презрительно отзывался о кропотливости Ш., послѣднему не могли нравиться черезчуръ фантастическіе выводы изъ изслѣдованій В.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни В.; знаемъ только, что незадолго до смерти онъ лишился казеннаго мѣста въ институтахъ. Это было время наиболѣе тяжелыхъ испытаній. Разбитый болѣзнью, страдая кровохарканіемъ, медленно умирая, онъ, однако, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни отдавался напряженнымъ занятіямъ—разработкѣ своихъ матеріаловъ. Ре-

зультаты его трудовъ появились позже, уже послѣ смерти его, послѣдовавшей передъ заутренею Свѣтлаго Христово Воскресенія 26 марта 1839 г., на рукахъ И. И. Молнара, съ которымъ 16 лѣтъ тому назадъ полный надежды и энергіи вступилъ онъ на почву Россіи. Онъ умеръ отъ двойного апоплексическаго удара съ конвульсіями (по другимъ извѣстіямъ—отъ эпилепсіи (?) или—отъ скоротечной чахотки; послѣднее считаемъ вѣрнѣе). Еще незадолго передъ смертью онъ надѣялся выздоровѣть отъ деревенскаго воздуха, но мечты его не сбылись. До послѣдней минуты онъ былъ на ногахъ: отправившись въ универс. клинику и не нашедши мѣста, онъ по возвращеніи домой, на порогѣ своей комнаты, упалъ, пораженный ударомъ и былъ отвезенъ въ Павловскую больницу.

Гробъ его несли изъ больницы студенты и литераторы на мѣсто его вѣчнаго успокоенія—въ Даниловъ монастырь. Всѣ друзья его были огорчены его смертью. Многочисленные некрологи и воспоминанія рисуютъ В. человѣкомъ пылкимъ, увлекающимся, но съ чистой, свѣтлой душой, сохранившей благородство чувствъ и непорочность мысли до самой смерти, несмотря на тяжелыя обстоятельства жизни и постоянно преслѣдовавшія его неудачи. «Ему была необходима поддержка», говоритъ одинъ изъ его друзей; «но онъ не умѣлъ искать покровителей, а если они и находились сами, онъ не умѣлъ ими пользоваться». По свидѣтельству Палаузова, В. обладалъ громадной начитанностью; онъ зналъ языки: латинскій, греческій, французскій, итальянскій, англійскій, нѣмецкій, мадьярскій, румынскій и турецкій, отчасти албанскій, не считая славянскихъ нарѣчій. Его изслѣдованія по исторіи болгаръ дали первый сильный толчекъ къ возрожденію этого народа. Роль В. въ возрожденіи болгаръ громадна и всякій болгаринъ съ благоговѣніемъ произноситъ имя его, имя перваго своего историка и изслѣдователя. Въ 1842 г. въ Даниловомъ монастырѣ 20-го дек. на могилѣ Венелина, на деньги, собранныя по подпискѣ, былъ поставленъ благодарными болгарами памятникъ.

Мы еще вернемся къ содержанію работъ Венелина. Покамѣстъ-же даемъ списокъ ихъ:

1) Замѣчанія на соч. Яковенки о Молдавіи, Валахіи и проч. Моск. Вѣстн. 1828 г., ч. XI, № 18, стр. 160; 2) Критика соч. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей книги въ историч. видѣ. М. 1829". Моск. Вѣстн. 1829, ч. VI, стр. 17; 3) Рец. на соч. Экономидова „Опытъ о ближайшемъ сродствѣ яз. славяно-россійск. съ греческимъ Спб. 1828, 3 т. Моск. В. 1829, ч. VI, стр. 85. 4) Древніе и нынѣшніе Болгаре. М. 1829—1841 г. 2 т.; т. I, М., 1856 г. переизд. Безсоновымъ; 5) О библіографическомъ искусства Телеграфа и о глупости издателя онаго. Галатея 1829 №№ 42, 43 (отвѣтъ на рец. Н. Полеваго); 6) Старый долгъ или антикритика. Телескопъ. 1832, т. X, 395; 7) Письмо къ издателю. Телескопъ. 1834 т. XX, 186; 8) Рец. на „Краткую всеобщую исторію" Кирова. Телескопъ. 1834 г., т. XXI, 322; 9) Критика. Телескопъ. 1834, т. XXII, 430 и 578; 10) О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ, кн. I. Сербскія. Телескопъ. 1835 г. и отдѣльно М. 1835; 11) О зародышѣ новой болгарской литературы, кн. I. М. 1838. 12) Принятіе христіанства славянскими наро-

дами до Кирилла и Меѳодія. Отеч. Зап. 1839 г., т. II, отд. 2. 13) Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія грамоты. Спб. 1840. 14) Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варягахъ. М. 1842; 15) О словѣ „бояринъ". Чтен. въ Общ. Ист. и др. Росс. 1847 г. кн. I; 16) Нѣчто къ изысканіямъ о Готахъ. Чтенія. 1847, кн. II; 17) Окружные жители балтійскаго моря. Чтенія 1847, кн. 25; 18) О Солянномъ озерѣ Halmyris. Чтен. 1847, кн. VI; 19) Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности. Чтен. 1847, кн. VIII; 20) О древнихъ жилищахъ русскаго народа и о времени рожденія названій: греческое, латинское, русское или гражданское, славянское или церковное письмо. Чтен. 1847, кн. IX; 21) О нашествіи Завислянскихъ славянъ на Русь. Чтен. 1848, кн. V; 22) Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ. М., 1849; 23) Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина и др. изд. П. Безсоновъ. М. 1855 г.

В. Перетцъ.

Бѣлавинъ, Петръ. Одинъ изъ «питомцевъ учрежденнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ вольнаго благороднаго пансіона», «труды» которыхъ составили сборникъ «Распускающійся Цвѣтокъ» (1787). Б. помѣстилъ въ немъ весьма посредственную басню *«Вода и Плотина»* (стр. 75).

Бѣлявскій, Яковъ, капитанъ. Издалъ оду *«Ея Сіятельству, милостивѣйшей государынѣ, графинѣ Натальѣ Владиміровнѣ Салтыковой въ день ея тезоименитства всеусерднѣйшее приношеніе»*. Авг. 26 числа 1792. 8° (мѣсто изданія не обозначено). Страницъ 5. «Ода» совершенно ничтожна.

Ветошниковъ, Иванъ. Напечаталъ: 1) *Свѣтъ несравненный*, поэма въ 3 пѣсняхъ, купно же и въ 3 бесѣдахъ. Спб. 1795. 4°. 20 стр. 2) *Три молитвы къ Господу*. Спб. 1808. Въ Публичной Библіотекѣ отыскался только «Свѣтъ несравненный». На заглавномъ листѣ имя автора обозначено только иниціалами *И... В...*, но на оберткѣ имѣется собственпоручная надпись автора отъ 1801 г., изъ которой узнаемъ, что онъ «коммиссіи составленія законовъ россійской имперіи коллежскій ассесоръ».

Поэма состоитъ изъ трехъ обличительныхъ пѣсенъ-бесѣдъ съ астрологомъ, «логикомъ» и «нравоучителемъ» на тэму что «Свѣтъ намъ несравненный въ Богѣ». Она очень плоха. **С. В.**

*** Видертъ (фонъ)** Августъ Ѳеодоровичъ, лекторъ нѣмецкаго языка [1]), род. въ 1829 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ учителемъ нѣмецкаго языка; воспитаніе получилъ частью дома, частью въ пансіонѣ, откуда вынесъ хорошее знаніе французскаго и латинскаго языковъ. Въ университетъ по обстоятельствамъ

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ архива С.-Петербургскаго университета. См. также: 1) Некрологъ въ Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 6. 2) „Записки" Фета. 3) „Изъ записной книжки кн. Вяземскаго" (соч. т. X). 4) *Виноградовъ*, 50-лѣтіе моск. 3 гим. 5) „Нов. Вр." 1888 г. № 4374 и 4410. 6) „Ист. Вѣст." 1888. № 9. 6) *Языковъ*. „Обзоръ". 7) *Ѳ. Браунъ*, въ „Слов. проф. Спб. унив.".

не попалъ. Въ Москвѣ рано познакомился съ литературнымъ кругомъ (въ особенности съ Катковымъ). Случайно попавъ въ Петербургъ, онъ узналъ Тургенева, кн. Вяземскаго, Никитенко и др. Въ 1854 г. поѣхаль за границу, гдѣ пробылъ до 1856 г. Онъ жилъ преимущественно въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи Бека, Риттера, Кепке. Въ эту эпоху своей жизни Видертъ знакомилъ корреспонденціями въ русскихъ журналахъ нашу публику съ нѣмецкой литературой и жизнью и въ то же время знакомилъ Германію съ русской литературой, отчасти переводами, отчасти статьями и публичными чтеніями. Возвратясь въ Россію, онъ выдержалъ въ Петербургѣ экзаменъ на учителя нѣмецкаго языка, а въ 1854 г. получилъ мѣсто учителя въ московской 3-й гимназіи. Къ этому времени относится его усиленная журнальная дѣятельность (см. ниже). Въ 1864 г. избранъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ харьковскій университетъ, гдѣ въ 1869 г. выдержалъ экзаменъ на степень кандидата историко-филологическаго факультета. Въ 1874 г. избранъ въ лекторы совѣтомъ петербургскаго университета. Должность эту исправлялъ до своей смерти. Въ 1877 г. назначенъ членомъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, въ разное время онъ преподавалъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ (Историко-Филологическомъ Институтѣ, Военно-Юридической Академіи, Покровской женской гимназіи, на высшихъ женскихъ курсахъ). Умеръ онъ скоропостижно, переѣзжая по конно-желѣзной дорогѣ въ засѣданіе ученаго комитета (2 мая 1888 г.). Лично Видертъ былъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный: романтикъ во вкусѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, страстный поклонникъ Гейне, дѣтски простодушный, онъ былъ всегда правдивъ и всегда говорилъ то, что думаетъ.

Его труды: Письма изъ Мюнхена, Лейпцига и Дрездена о новостяхъ литературы и искусствъ въ Германіи («Моск. Вѣд.» 1852—53 гг.); письма изъ Берлина объ умственной жизни Германіи («Спб. Вѣд.» 1853—1856 гг.); Генрихъ Гейне («Отеч. Зап.» 1857 г. №№ 2, 3, 5); Эммануилъ Гейбель («Атеней», 1858 г., ч. III); Эйхендорфъ (тамъ же, ч. IV); Гейне (тамъ же), разборъ перевода Больца «Записокъ Охотника» («Моск. Обозр.» 1859 г. № 1); о руководствахъ по исторіи нѣмецкой литературы (тамъ же, № 2); Оскаръ фонъ-Редвицъ («Отеч. Зап.» 1859 г. № 11); въ «Отеч. Зап.» 1860 г. онъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ о новыхъ нѣмецкихъ книгахъ; Шиллеръ Біографическій очеркъ («Моск. Вѣд.» 1859 г.; а потомъ отдѣльно М. 1860 г.); въ «Русской Рѣчи» 1861 г. помѣщено нѣсколько его мелкихъ замѣтокъ. По-нѣмецки онъ тоже писалъ: въ «Энцикл. Слов.» Брокгауза (изд. 10) и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ журналахъ помѣщены имъ біографіи Гоголя, Кантемира, Козлова, Лермонтова, Ломоносова, Пушкина, Жуковскаго, И. С. Тургенева. Въ 1854 г. издалъ онъ переводъ первой части «Записокъ Охотника» („Aus dem Tagebuch eines Iägers" Berlin; 2-е изд. 1857); въ томъ же году перевелъ «Ревизора» („Dev Revisor. Ein Lustspiel" Berlin). Въ разныхъ журналахъ (Deutscher Museum, Novellenzeitung, Modenzeitung, Dresdenes Album) помѣщалъ Видертъ свои переводы

Кольцова. Въ послѣдніе годы онъ писалъ только разборы учебниковъ, появлявшіеся безъ подписи въ Жур. Мин. Нар. Пр. и сообщилъ нѣкоторыя пѣсни Кольцова въ Westerman's Illustr. Monatschefte.

Труды Видерта, хотя кратко, но вѣрно оцѣнены пр. Бауэромъ въ представленіи совѣту Спб. университета при избраніи его въ лекторы. «Въ переводѣ— говоритъ Бауэръ—Видертъ умѣлъ сохранить особенность подлинниковъ, съумѣлъ побѣдить затрудненія при передачѣ чисто-народныхъ элементовъ и тѣмъ всего лучше доказалъ, что въ совершенствѣ владѣетъ обоими языками. Критическія статьи его на русскомъ языкѣ, появившіяся въ разное время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ Германіи, говорятъ въ пользу общелитературнаго образованія автора, обнаруживаютъ въ немъ основательное знаніе предмета, критическій тактъ и умѣнье излагать предметъ живымъ и безукоризненно-правильнымъ русскимъ языкомъ».

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Вестманъ, Яковъ. Перевелъ *Миртиль и Клое;* драма, съ фр. Спб. 1793, 8°.

Веснинъ, Серафимъ (Симеонъ); см. Серафимъ (Симеонъ) Веснинъ.

Версиловъ, Андрей. Перевелъ:

1) *Мальчикъ у ручья* Коцебу; 4 ч. Смоленскъ 1802. 12°. 2) *Приключенія Едуарда Бомстона, описанныя имъ самимъ чрезъ переписку съ Пріо, Юліей, Клерой, Вольмаромъ и другими, служащія дополненіемъ къ Новой Элоизъ;* съ фр. Спб. 1798. 12°.

Верріенскій, Аѳанасій. Есть его переводъ: *Мнѣніе схоластическое, философское и богословское о дѣлахъ естественныхъ и нравственныхъ*; пер. съ Еллинскаго Спб. 1781. 8°.

Верденъ (фонъ), Карлъ, капитанъ флота, гидрографъ [1]). Въ 1719—20 гг. онъ вмѣстѣ съ Соймоновымъ составилъ первую достовѣрную карту Каспійскаго моря. Подробнѣе см. Соймоновъ, Ѳедоръ Ивановичъ.

Верещагинъ, Арсеній (Василій) см. Арсеній Верещагинъ (т. I, стр. 753—54).

Верещагинъ, Ираклій Петровичъ, преподаватель математики. Род. въ 1846, ум. въ 1888 г. Профессоръ Д. К. Бобылевъ сообщаетъ о немъ въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона: «По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1868 г. В. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности, но, почувствовавъ слабость здоровья и не желая быть въ тягость университету, возвратилъ полученную имъ магистрантскую стипендію. Посвятивъ себя дѣятельности преподавателя среднихъ учебныхъ заве-

---

[1]) 1) *Евгеній*, словарь свѣтскихъ писателей, 2) *Пекарскій*, Наука и Литература при Петрѣ, т. I., стр. 50—51, 340—41. 3) *Бергъ*, Жизнеопис. рос. адмираловъ, II, стр. 117—118. 4) *Соколовъ*, Морская библіотека., стр. 23.

денiй по математикѣ, вскорѣ прiобрѣлъ извѣстность отличнаго педагога. Составленные имъ «*Собранiе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометрiи*» (Спб. 1883 г.) и «*Сборникъ ариѳметическихъ задачъ*» (съ 1884 г. выдержалъ 7 изданiй) цѣнятся въ педагогическомъ мiрѣ» [1]).

Верещагинъ, Михаилъ Николаевичъ. Перевелъ: 1) *Ѳедюша или маленькiй Савоецъ въ овернскихъ горахъ*, **Шписа**; перев. съ нѣм. на франц. баронъ Бильдебергъ, а съ фр. М. Верещагинъ 2 ч. М. 1805. 12°. 2) *Александра и Марiя* или Любовь и честность. **Авг. Лафонтена** съ нѣм. М. 1807. 2-ое изд. 1816. 12°. По указанiю списка къ будущему словарю историческаго общества это тотъ самый московскiй купеческiй сынъ Верещагинъ, который въ 12 году перевелъ и распространилъ прокламацiю Наполеона, и былъ 2 сентября растерзанъ народомъ. Всѣ, читавшiе «Войну и Миръ» Толстого, помнятъ, конечно, потрясающее описанiе народной расправы съ Верещагинымъ, вина которой, однако, падаетъ всецѣло на Ростопчина.

Денбовцевъ, Павелъ. Новиковъ о немъ сообщаетъ въ своемъ «Опытѣ Историческаго Словаря»:

«Студентъ Императорскаго Московскаго университета. Изъ его сочиненiй напечатана только одна Епистола и нѣсколько стиховъ къ г. Мамонтову, въ Москвѣ 1770 г.»

Въ Публичной библiотекѣ мы не нашли ничего изъ «сочиненiй» Денбовцева. У Сопикова и Смирдина объ нихъ нѣтъ упоминанiя.

Владыкинъ, Иванъ. Въ Словарѣ Евгенiя съ прибавленiями Снегирева, о немъ сказано:

«*Владыкинъ*, Иванъ, надворный совѣтникъ, сочинилъ *елегiю* на кончину Петра Великаго (1763), и нѣсколько *одъ*, *епистолъ* и другихъ мелкихъ стихотворенiй, напечатанныхъ въ разныя времена. Имъ изданы:

1) *Въ праздности непраздное время, изъявляющее сокращенное, но вѣрное понятiе о всѣхъ въ обществѣ вещахъ.* 5 частей. М. 1777, 85 и 1800, въ 8°. 2) *Похвала истинной любви къ отечеству.* С.-Петерб. 1778, въ 12°. 3) Панегирикъ *Екатеринѣ II на день восшествiя Ея на Престолъ.* С.-Петерб. 1770, въ 8°. Онъ перевелъ (съ французскаго) стихами Мильтоновы поэмы: *Потерянный и прiобрѣтенный рай.* С.-Петерб. 1776, въ 4° и 1792, въ 8°. Но стихи его не показываютъ поэта».

Нѣкоторыя бiографическiя даты о Владыкинѣ даетъ заглавiе одной его «Елегiи о кончинѣ Государя Императора Петра Великаго, Россiю новымъ обра-

[1]) Отзывы о его „*Сбор. ариѳмет. задачъ*“: 1) Журналъ Министст. Народн. Просв. 1884. № 6; стр. 105—106.—1885. № 8; стр. 55—1887. № 1; стр. 22. 2) Русскiй Нач. Учитель. 1884. № 6—7.—1885; стр. 408. 3) Воспитанiе и Обученiе. 1885. № 3; стр. 66. 4) Педагог. Хроника. 1885; стр. 56. О „*Собранiи вопрос. и зад. прямол. тригон.*“. Педагог. Хроника 1883. № 21—22.

зомъ переродившаго, *сочиненная при арміи въ 1749 году чрезъ Капитана Ивана Владыкина»*. М. 1763. (Сопиковъ 3704).

Кромѣ указаннаго Снегиревымъ, мы нашли еще слѣдующія произведенія Владыкина: 4) *Поэма на похвалу истины; на обличеніе лжи: на подкрѣпленіе и утѣшеніе христіанъ отъ различныхъ приключеній колеблемыхъ и скорбящихъ*. С.-Петерб. 1765. 5) *Ода ея Императорскому Величеству Вел. Монархинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, премудрой Государынѣ и матери всероссійской на вожделѣнный и всерадостный миръ между Имперіею Россійскою и Портою Отоманскою заключенный*, С.-Петерб. 1774. 4°. 16 стр

Извѣстны затѣмъ по библіографіямъ:

6) *Стихи на благополучное изъ Москвы въ Петербургъ Ея И. Величества и Ихъ Имп. Высочествъ съ вожделѣннымъ миромъ возвращеніе* въ 8°, 2 стр.

7) *Ода на день восшествія на престолъ имп. Екатерины II*. С.-Петерб. 1765.

8) *Епистола къ Е. И. В. Г. Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ день священнѣйшаго Е. В. коронованія*. С.-Петерб. 1767.

9) *Похвала истинной любви Ея Имп. В. Г. Екатеринѣ II на день славнаго ея на Всероссійскій престолъ восшествія*. С.-Петерб. 1770. 4°. 32 стр. Прозаическій панегирикъ...

10) *Похвала истинной любви къ отечеству*. С.-Петерб, 1778.

11) *Стихи на брачное сочетаніе ихъ Императорскихъ Высочествъ 26 сент. 1776 г.* Листъ.

Отзывъ Евгенія вполнѣ вѣренъ: «поэта» въ многочисленныхъ стихотворныхъ упражненіяхъ усерднаго піиты дѣйствительно нѣтъ. Для образца приводимъ выдержки изъ «Поэмы въ похвалу истины». Нѣкоторыя строфы, впрочемъ, представляютъ извѣстный интересъ по паѳосу, съ которымъ обличается главная язва того времени—неправый судъ:

Стихіи! вы въ сей часъ кротчайшій видъ примите!
О небо! о земля! мой нынѣ гласъ внушите!
А паче ты внемли разумный человѣкъ!
Ты образъ всѣхъ вещей! Ты долженъ тщиться въ вѣкъ
И силы всѣ свои похвально въ то подвигнуть:
Чтобъ точно истину, въ вещахъ, въ дѣлахъ постигнуть!
Что зло? и что добро? чтобъ прямо то узнать:
И отвергая зло, добру въ жизнь подражать!
Морально знаніе, предъ физичнымъ, превыше;
И лутче, нежели Зефиръ Борея тише,
Одно, даетъ намъ лучъ, вещей зрѣть имена:
Другоежъ, сѣетъ въ насъ дѣлъ добрыхъ сѣмена.
Чрезъ физику, умомъ, вещей мы не вмѣщаемъ:

Но нравственно добро, мы въ волѣ заключаемъ.
. . . .
Къ тебѣ я вопію, о правда всѣхъ честнѣйша!
Суди и разсуди, о истина святѣйша!
Доколѣ будешь ты обиды всѣ терпѣть?
Доколѣ будешь ты въ пожнахъ свой мечъ имѣть?
Доколѣ тотъ злодѣй въ избыткахъ богатѣетъ?
Доколѣ добрый мужъ покрова не имѣетъ?
Доколѣ богачу въ судъ бѣднаго тащить?
Напрасно, чтобъ его въ приказѣ истощить!
Доколѣ будетъ мзда. съ заслугами, не явна!
Доколѣ не для всѣхъ она пребудетъ славна?
Доколѣ тотъ писецъ, не зная прямо честь,
Пить будетъ бѣдныхъ кровь, жадать себя вознесть?
Доколѣ судіи отъ лихвы не отстануть?
Доколѣ развращать судъ правый непрестанутъ?

Нѣкоторою извѣстностью Владыкинъ пользовался какъ «переводчикъ» Мильтона. Такъ напр., цѣлыхъ 70 лѣтъ спустя объ этомъ «переводѣ» вспомнилъ Михаилъ Дмитріевъ въ своихъ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти».

Мы, однако же, рѣшительно недоумѣваемъ относительно того, слѣдуетъ ли относиться къ увѣсистой книгѣ, заключающей въ себѣ 246 страницъ въ большую четвертку и озаглавленную «Потерянный и Возвращенный Рай. *Сочиненіе* Ивана Владыкина», какъ къ переводу. Правда, Сопиковъ отмѣчаетъ ее какъ переводъ, а Евгеній весьма опредѣленно говоритъ, что Владыкинъ «перевелъ стихами поэму Мильтона *Потерянный и Возвращенный Рай*». Но дѣло-то въ томъ, что, желая провѣрить точность перевода, мы стали его сравнивать съ подлинникомъ и, къ немалому удивленію нашему, не нашли ничего общаго между «сочиненіемъ» Владыкина и поэмою Мильтона. Даже строй обоихъ произведеній различенъ: у Мильтона эпосъ, разсказъ, описанія, а у Владыкина—какія-то абстрактныя разсужденія о добрѣ и злѣ. Въ добавленіяхъ Снегирева къ Словарю Евгенія сказано, что Владыкинъ переводилъ «Потерянный и Возвращенный Рай» съ французскаго. Чтобы провѣрить это указаніе, мы взяли нѣсколько французскихъ переводовъ Мильтона, относящихся къ срединѣ 18 вѣка и могшихъ послужить источникомъ для Владыкина. Но оказалось, что эти переводы довольно близко передаютъ англійскій подлинникъ. Остается такимъ образомъ предположить, что Владыкинъ перевелъ нѣчто только заглавіемъ напоминающее Мильтона.

Но какъ бы то ни было, поэтическое значеніе многихъ тысячъ, до-нельзя тяжелыхъ, стиховъ Владыкинскаго «Потеряннаго и Возвращеннаго Рая» совершенно ничтожно. **С. Венгеровъ.**

Глѣбовъ, Сергѣй. «Извѣстіи» *Дмитревскаго* (1768. См. «Матеріалы для исторіи рус. лит.» П. А. Ефремова) о немъ сказано:

«Артиллеріи маіоръ Сергѣй Глѣбовъ заслужилъ похвалу какъ своими мелкими стихотвореніями, такъ и переводомъ великихъ мужей Плутарха, образцы

котораго появились недавно въ печати. Я не сомнѣваюсь въ удачномъ продолженіи этого труда, хотя отдаленіе мое отъ родины лишаетъ меня удовольствія произнесть о немъ удовлетворительное сужденіе. Мое довѣріе тѣмъ основательнѣе, что Глѣбовъ уже не новичекъ и ему за тридцать лѣтъ. Онъ перевелъ также комедію Дидро: le Père de famille, соревнуя съ Елчаниновымъ, хотя и не одержалъ верха».

По *Новикову* «Глѣбовъ артиллеріи подполковникъ, писалъ стихи, которые и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ; но онъ болѣе извѣстенъ по своимъ переводамъ, изъ коихъ, *Исторія великихъ мужей*, выбранныхъ изъ Плутарха, сдѣлаютъ ему честь и похвалу, есть-ли всѣхъ ихъ жизни будутъ изданы. Есть и другіе его изрядные переводы».

Снегиревъ въ прибавленіяхъ къ Словарю Евгенія даетъ болѣе точныя даты:

«Сергѣй Ивановичъ Глѣбовъ родился 1736 г., марта 13-го, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, скончался, 1786 г. мая 24-го, въ чинѣ артиллеріи генералъ-маіора. Онъ извѣстенъ какъ хорошій переводчикъ; писалъ также стихи, помѣщенные въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ; издалъ *Военныя правила Вегеціевы*, съ франц., С.-Петербургъ, 1764. 8°. Новиковъ свидѣтельствуетъ, что Глѣбовъ перевелъ *Исторію великихъ мужей*, выбранныхъ изъ Плутарха, также *Дидеротовы комедіи* [1]) и нѣсколько *романовъ*».

Мелкіе стихи, которыми, по словамъ Дмитревскаго Глѣбовъ, «заслужилъ похвалу», если и были помѣщены «въ разныхъ мѣстахъ», т. е. журналахъ, то, очевидно, безъ подписи. Неустроевъ указываетъ только два перевода Глѣбова: 1) *О лести*, въ «Трудолюб. Пчелѣ» 1759, сентябрь и 2) *Епистола Кардинала де Бернисъ*, въ «Новыхъ Ежемѣс. Сочиненіяхъ» 1788 г. Апрѣль.

Голѣневскій, Іванъ. По митрополиту Евгенію «бывшій придворный пѣвчій». По происхожденію, вѣроятно, бѣлорусъ. По крайней мѣрѣ, одна изъ одъ (V) его «Собранія Сочиненій», какъ значится въ ея заголовкѣ «принесена сочинителемъ отъ города Полотска», да и вся эта ода выражаетъ радость бѣлорусса, освободившагося отъ «Сарматовъ» и «Конфедератовъ».

Голѣневскій напечаталъ:

1) *Ода на д. восшествія на престолъ И. Елисаветы Петровны* С.-Петерб. 1751. 2) *Ода на д. тезоименитства И. Елисаветы Петровны*. С.-Петерб. 1751. 3) *Ода на д. тезоименитства Ал. Гр. Разумовскаго*. С.-Петерб. 1751. 4) *Плачъ на кончину блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Г. И. Елисаветы Петровны*. С.-Петерб. 1762 и 1774. 5) *Ода на д. тезоименитства И. Екатерины II*. С.-Петерб. 1763. 6) *Ода на д. коронаціи Ея В. Г. И. Екатерины Алексѣевны, принесенная отъ*

[1]) Кромѣ „Чадолюбиваго Отца“ (1765 и 1783) еще „Побочнаго Сына“ (1766).

града Св. Петра 22 сент. 1772 года С.-Петерб. 1774. 7) *Рѣчь Станиславу Августу, королю польскому Георгія Конисскаго.* Переводъ, съ польскимъ текстомъ. С.-Петерб. 1774. 8) *Даръ Обществу.* С.-Петерб. 1779.

Всѣ оды собраны въ маленькой книжкѣ «*Собраніе сочиненій, съ переводами, Івана Голѣновскаго*». С.-Петерб. 1777, гдѣ, однако, никакихъ переводовъ нѣтъ.

Оды написаны въ обычномъ раболѣпномъ тонѣ того времени. Для образца приводимъ отрывокъ изъ оды, посвященной Екатеринѣ:

Восходитъ день съ Олімпа ясный
Дверь отверза'я къ Торжеству
Сіяетъ Ангелъ нашъ прекрасный
Подобный вышню Божеству;
Сіяетъ въ Славѣ и въ Порфірѣ
Россія, торжествуетъ въ мирѣ
Монархиню кротчайшу зря!
Въ ней солнце, рай, весну находитъ
Стократно взоръ на Ту возводитъ
Усерднымъ жаромъ къ Ней горя.
О! Матерь наша увѣнчанна
Для щастія Россійскихъ чадъ,
Рукою Вышняго избранна
Ликуй страна, чертогъ, и градъ;
Забывъ печальны перемѣны
Дардански пали горды стѣны
Намъ сладкій возвращенъ покой;
Вдругъ буря мрачно укротилась
Гонима правда возвратилась
И вѣкъ въ Россіи сталъ златой... и. т. д.

С. Венгеровъ.

Грачевскій, Илья. По Новикову «Казанской гимназіи учитель, сочинилъ стихи, которые напечатаны въ описаніи торжественныхъ воротъ, въ Казани построенныхъ 1767 года».

Въ Публичной Библіотекѣ этого описанія нѣтъ.

Грѣшищевъ, Александръ. По Сопикову (№ 11478) имѣются «Стихи Арсенію, епископу Тверскому, въ день его тезоименитства, студентовъ московской академіи *Михайла Завьялова и Александра Грѣшищева.* М. 1779, въ 4°. Въ Публичной Библіотекѣ мы этихъ стиховъ не нашли.

Грѣшищевъ, Иванъ. Новиковъ въ «Опытѣ Историч. Словаря» сообщаетъ о немъ: «Троицкой Семинаріи студентъ философіи, писалъ стихи, изъ которыхъ одна ода напечатана въ Москвѣ 1771 года. О другихъ его сочиненіяхъ извѣстія нѣтъ».

Оды Ивана Грѣшищева въ Публичной Библіотекѣ нѣтъ. Очевидно, это

тотъ же Иванъ Грѣшищевъ, который издалъ прозаическій переводъ (съ французскаго) «Возвращеннаго Рая» *Мильтона.* (М. 1778).

Гурчинъ, Даніилъ. У Новикова о немъ сказано: «писалъ стихи, а напечатано изъ нихъ только одно сочиненіе, на побѣды Петра Великаго, надъ Шведами, въ Москвѣ 1706 годъ, подъ заглавіемъ: *Тріумфъ Польской музы.* Сіе сочиненіе писано на Россійскомъ и польскомъ языкѣ».

Въ Публичной Библіотекѣ «Тріумфа» нѣтъ; судя по описанію Пекарскаго (т. II, стр. 133—135), нескладные стихи Гурчина написаны по-польски, а напечатаны эти стихи одновременно и польскими и русскими буквами.

Верещагинъ, Иванъ. По Новикову „Верещагинъ Троицкой семинаріи студентъ философіи, писалъ стихи; изъ нихъ напечатана одна только его торжественная ода въ Спб. 1771 г.». Позднѣе, какъ видно изъ заглавнаго листка „Пѣсни", В. былъ студентомъ Моск. университета. Стихи В. довольно гладкіе. (Начало „Пѣсни Осѣняемой" нап. въ I т. нашего изданія „Русская поэзія").

Напечаталъ:

1) *Пѣснь осѣняемая свыше Россія,* на день Тезоименитства Имп. Екатерины II. Спб. 1775 г. 2) *Ода на славныя побѣды, одержанныя россійскою арміею* въ 1770 г. М. 1770. 3) *Ода на заключеніе міра между Россіею и Оттоманскою Портою.* М. 1775. 4) *Ода на бракосочетаніе в. кн. Александра Павловича.* М. 1793. (читана въ Моск. унив.). 5) *Ода, съ которою Москов. унив. изъявляетъ свою радость о возвращеніи изъ чужихъ краевъ куратора И. И. Шувалова.* М. 1777.

Вершницкій, Алексѣй. По Новикову „былъ прежде студентомъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ и сочинялъ разные случайные стихи, которые и напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: *Доброе Намѣреніе* 1764 г. въ Москвѣ. Нынѣ онъ священникомъ въ Архангельскомъ московскомъ Соборѣ".

По Неустроеву Вершницкій помѣстилъ въ „Добромъ намѣреніи" прозаическіе переводы, а въ „Свободныхъ часахъ" 1763 г. (стр. 466) элегію «Страдай моя душа». Намъ ее видѣть не пришлось, потому что въ Публичной Библіотекѣ имѣются только первыя части «Свободныхъ часовъ».

Виноградовъ, Иванъ Ивановичъ. Немногія извѣстія о немъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, всѣ относятся къ 1837 г. Первое появилось въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 г. № 1 (стр. 140) въ (анонимной) статьѣ «Черты изъ жизни русскихъ дворянъ»:

„Наша домашняя библіотека разставлена была на пяти или шести висячихъ полочкахъ, на которыхъ издали можно было видѣть: *Смѣшныя повѣсти забавнаго Скаррона*, съ описаніемъ его жизни и всѣхъ сочиненій, переведенныя съ французскаго И. Виноградовымъ. Этотъ Виноградовъ, какъ мнѣ разсказывалъ дядя, былъ изъ духовнаго званія, хорошо учился и попалъ въ солдаты. Но какъ грамотные люди всегда были въ милости у начальства, то и его скоро отличили, произвели въ капралы и далѣе. Иванъ Виноградовъ не остался въ долгу: ему обязаны мы за переводъ *Священной Исторіи ветхаго и новаго*

Завѣта, *Созерцаній природы Боннета* и многихъ другихъ книгъ самыхъ полезныхъ. Въ мое время, говорилъ дядя, служившій въ гвардіи, мы всѣ у него учились; онъ былъ нашъ грамотникъ: его зналъ Дмитріевъ, Шишковъ, Хвостовъ, Долгоруковъ. По немъ начально познакомился Карамзинъ съ Боннетомъ и пр. Какъ жаль, что мы объ этомъ достопамятномъ Виноградовѣ, учителѣ многихъ Екатерининскихъ гвардейскихъ сержантовъ, такъ мало знаемъ".

Въ томъ же году въ «Энцикл. Лексиконѣ» Плюшара (т. VIII), Д. Языковъ сообщилъ болѣе точныя данныя о Виноградовѣ:

„*Виноградовъ*, Иванъ Ивановичъ, сынѣ священника, обучался сначала въ духовномъ училищѣ, и по хорошимъ способностямъ былъ взятъ въ учительскую семинарію, при первоначальномъ ея учрежденіи. Заведеніе это, замѣненное впослѣдствіи Педагогическимъ институтомъ, было основано для образованія учителей въ народныя школы. Виноградовъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ студентовъ, очень основательно зналъ греческій и латинскій языки, разумѣлъ французскій и нѣмецкій, и имѣлъ склонность къ поэзіи. „Растущій Виноградъ", журналъ, издававшійся воспитанниками семинаріи, былъ первымъ его поприщемъ въ словесности. Къ несчастію, страсть къ дарамъ Вакха, такъ сильно имъ овладѣла, что тогдашнее главное начальство семинаріи принуждено было, несмотря на всѣ его хорошія способности, отдать въ военную службу. Онъ былъ помѣщенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ наконецъ заслужилъ чинъ сержанта; въ исходѣ 1796 года уволенъ изъ полка и въ 1800 или 1801 г. кончилъ жизнь бѣдственнымъ образомъ, какъ жертва своего идола. Когда несчастная страсть не терзала его, что иногда продолжалось довольно долго, Виноградовъ былъ весьма трудолюбивъ и оказалъ отечественной словесности значительныя услуги: главнѣйшая состояла: 1) въ переводѣ *Боннетова „Созерцанія природы"* (Contemplation de la nature); оно напечатано въ Санктпетербургѣ 1792, въ IV частяхъ въ 8°[1]). Прочіе его ученые труды, сверхъ легкихъ стихотвореній въ „Растущемъ Виноградѣ", заключаются въ слѣдующемъ: 2) *Златые остатки древности*, содержащіе древнихъ греческихъ философовъ драгоцѣнныя нравоученія: переводъ съ Елинно-Греческаго; Москва 1783, въ 8°; 3) *Поэма естественный законъ*, переводъ. Санктпетербургъ, 1786, 12°; 4) *Жизнь славнѣйшаго Вольтера*, со включеніемъ разныхъ анекдотовъ о семъ мужѣ, стихотворческихъ и прозаическихъ сочиненій; переводъ съ французскаго (С.-Петербургъ). 1780 и 1787. 5) *Ода на миръ, заключенный съ Оттоманскою Портою;* Санктпетербургъ, 1786, въ 4°. 6) *Стихотворенія Сафы*, Лесбійской стихотворицы, съ ея жизнію и присовокупленіемъ пѣсней изъ Анакреона и и другихъ; переводъ съ греческаго, Санктпетербургъ, 1792, 12°. 7) *Жизнь Франца Яковлевича Лефорта*, Санктпетербургъ 1799, въ 12°".

Кромѣ названнаго Языковымъ, Виноградовъ напечаталъ: 8) *Оду Импе-*

---

[1]) Еще 2 ч. вышли въ 1804 г. въ Смоленскѣ. *С. В.*

ратору Павлу I на день восшествія на престолъ. С.-Петерб., 1799. 9) *Страсти молодаго Вертера*, соч. *Гетте*, съ нѣм. С.-Петерб., 2 ч., 1796 и М. (4 ч.), 1817. 10) *Храмъ всеобщаго баснословія*, соч. Помея, съ лат. 3 ч. М. 1785. 11) *Всеобщее нравоученіе*, служащее къ наставленію обоего пола и всякаго состоянія людей, г-жи *Жанлисъ*. Съ франц. С.-Петерб. 1796. 12) *Библіотека забавнаго и естественнаго волшебства.* Перев. С.-Петерб., 1792. 13) *Іисусъ*, книга, заключающая въ себѣ чудеса, ученіе, житіе и страданія Іисуса Христа. Съ нѣмецк. С.-Петерб. 1799 и М. 1808. 14) *Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта.* 3 ч. Съ франц. М. 1799—1800 и М. 1802. 15) *Емилій и Софія или благовоспитанные любовники*, съ пріобщеніемъ повѣсти: *Уединенники*, служащей продолженіемъ Емилія и Софіи; изъ соч. *Руссо.* Съ франц. С.-Петерб. 1800. Изд. 2-ое. М. 1820. 16) *Смѣшныя повѣсти забавнаго Скаррона.* Съ франц. 4 ч. С.-Петерб. 1801.

Съ именемъ Ивана Виноградова также появились въ 1802 г. (С.-Петерб.)—*Грамматика или Самоучитель* нѣмецк. языка и въ 1812 г. (М.)—*Новѣйшія, нравственно-историческія повѣсти.* Соч. *Севелинга.* Съ франц., но принадлежатъ ли эти книги именно Ив. Ив. Виноградову, умершему въ 1801—сказать трудно.

Въ журналѣ «Растущій Виноградъ», который въ 1785—87 гг. издавался въ Петербургѣ „Главнымъ Народнымъ Училищемъ города Святаго Петра“ помѣщены слѣдующія стихотворенія „Студента Ивана Виноградова“:

1) *Ода на краткость человѣч. жизни.*—1785, сент., стр. 80. 2) *Ода Екатеринѣ Вел. на новый 1786 г.* Ibid. 1786, янв., стр. 1. 3) *Ода Сафы къ дѣвицѣ*, перев. съ греч.—Ibid., янв., 91. 4) *Епистола А. П. Ермолову.* 5) *Стихи къ сочинит. комед. „Обманщикъ“.* — Ibid., февр., 79, 83. 6) *Пиндарическая ода П. В. Завадовскому* (по получ. орд. Св. Александра Невск.)—Ibid., мартъ, 43. 7) *Поэма: Гнѣвъ природы*—Ibid., апрѣль, стр. 3. 8) *„Мнѣ женщины сказали“.* Перев. съ греч.—Ibid., май, стр. 75. 9) *Ода: Жизнь человѣческая.* 10) *Имнъ Сафо къ Афродитѣ*, перев. съ греч.—Ibid., іюнь, стр. 38, 54. 11) *Ода Екатеринѣ II на учрежденіе Государств. Банка.* 12) *Сонетъ П. В. Завадовскому на пожал. орд. Св. Владиміра* 13) *Размышленія утреннія о красотѣ природы.*—Ibid., авг., стр. 1, 26. 28. 14) *Ода Екатеринѣ II на Юбилей коронованія.* Ibid., сент., 1. 15) *Ода Екатеринѣ II на новый 1787 годъ.* Ibid. 1787, янв., 1.

Въ „Новыхъ Ежемѣсячн. Сочиненіяхъ“ 1789 г. часть XXXI, стр. 80 за подписью Ивана Виноградова имѣется. 16) *„Ода храброму Россійскому воинству“.*

Какъ стихотворецъ, трудолюбивый, при всемъ своемъ пристрастіи къ «дарамъ Бахуса», Виноградовъ ничего интереснаго собою не представляетъ. (Его «Епистола Александру Петровичу Ермолову» напеч. въ I т. нашего изданія «Рус. поэзія»). **С. В.**

* **Введенскій**, Вячеславъ Евгеніевичъ, публицистъ [1]); сынъ священника тотемскаго у. вологодской губ., братъ Ник. Евг. Введенскаго. Родился 13 февраля 1855 года. Образованіе получилъ въ вологодской духовной семинаріи, а затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1875 — 1878) былъ учителемъ въ земскомъ училищѣ вологодскаго уѣзда; по окончаніи университета также посвятилъ себя педагогической дѣятельности и съ 1883 по 1888 г. состоялъ наставникомъ въ тотемской учительской семинаріи, откуда перешелъ въ гатчинскій сиротскій институтъ, гдѣ въ настоящее время преподаетъ естествознаніе и географію.

Напечаталъ статьи: 1) «*Съ Кубенскаго озера*» («Рус. Рѣчь» 1889 г., 10 кн. и 1880 г., 4 кн.), 2) «*Два факта изъ жизни общины*» (Недѣля 1881 г., № 8), 3) «*Къ вопросу о волостныхъ судахъ*» («Рус. Мысль» 1881 г., кн. 4 и 5), 4) «*Полемика и логика г. Евгенія Маркова*» («Рус. Мысль» 1881 г., кн. 12), 5) *Имѣютъ ли выкупные платежи право на разрушеніе общины*» («Р. М.» 1882 г., кн. 2) и 6) «*Церковно-приходскія школы*» («Страна» 1882 г., № 146).

Первая изъ этихъ статей была подписана полной фамиліей, вторая безъ всякой подписи, а прочія—псевдонимомъ В. Е. Денскій.

Введенскій, Евлампій—см. Евлампій Введенскій.

В—въ, А. («Пр. и пол. пр. вр.»; «Иппокрена»)—А. Ѳ. Воейковъ.

В—въ, А. («Душеполезн. чт.» 1880)—А. Востоковъ.

В—въ, А—й («Морск. сборн.» 1855)—А. Величковъ.

В—въ, М. («Чтеніе для вкуса»)—М. М. Вышеславцевъ.

В. Г. («Русс. Вѣд.» 1887)—В. А. Гольцевъ.

В. Г. («Сокровищница Парнасса, пер., Спб. 1778)—В. Г. Рубанъ.

В. Гр. («Благонамѣр.»)—В. Григорьевъ.

В. Д. (Правила шахматной игры. Спб. 1843)—В. Ив. Дудышкинъ.

В. Д. («Вѣстн. Евр.» 1866 г.)—В. Д. Спасовичъ.

Вебе. («Пет. Газ.» 1880-хъ гг.)—В. С. Баскинъ.

* **Вдовиковскій**, Теофилъ Ѳедоръ-Ромуальдъ Игнатьевичъ врачъ [2]). Родился 6 февраля 1834 г. въ г. Проскуровѣ, подольской губ., въ польской

---

[1]) О статьѣ „Къ вопросу о волостныхъ судахъ" были отзывы: въ „Порядкѣ" (апрѣль 1881 г., фельетонъ *И. Х.*), въ „Русской Рѣчи" (1881 г., кн. V, въ статьѣ *Евг. Маркова* „Сельское правосудіе", стр. 217—219) и въ „Вѣстн. Евр." 1882 г., 1 кн., стр. 311—312, (въ ст. *Е. Карцева* „Сельское правосудіе").

Статья „Полемика и логика г. Евг. Маркова" вызвала отвѣтъ послѣдняго въ „Русской Рѣчи" (1882 г., кн. ?), а изъ ст. о церковно-приходскихъ школахъ были сдѣланы большія извлеченія во внутреннемъ обозрѣніи „Русской Мысли" начала 1893 г.

[2]) *Змѣевъ*. Врачи-писатели. Объ операціяхъ В.: *Надеждинъ*. Матеріалы для оцѣнки срединнаго камнесѣченія. Спб., 1891.

дворянской семьѣ. Воспитывался въ винницкой и каменецъ-подольской гимназіяхъ и на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра, откуда выпущенъ лекаремъ въ 1858 г. Въ 1861 г. отправился за границу, причемъ, посвятивъ себя изученію сифилиса и болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ работалъ въ клиникѣ госпиталя Неккера, подъ руководствомъ знаменитаго профессора Сивіяля и въ Hôpital du Midi у Рикора. Возвратившись въ 1863 г., занялъ мѣсто ординатора при одесской городской больницѣ и основалъ въ томъ же году *первое въ Россіи отдѣленіе болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ*. Въ 1880 г. назначенъ консультантомъ одесскаго военнаго госпиталя; въ 1890 г. вышелъ въ отставку.

В. пользуется на югѣ Россіи большою извѣстностью, какъ искусный операторъ при болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ, а особенно славится операціями камнесѣченія.

В. напечаталъ:

1) „*Къ діагнозѣ болѣзней мочевого канала*" („Протоколы Общества Одесск. Врачей" 1868, I); 2) „*Случай холерины и грибка Penicilli*". (ib. II); 3) „*Отчетъ по отдѣленію болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ Одесской городской больницы за 1869 г.*" (ib. 1870 г. I и „Совр. Медиц." 1870, 262); 4) *Тоже за 1872 г.* („Совр. Медиц." 1873, 438 и отдѣльно — Одесса 1873, 8°, 32 стр.). 5) „*Случай наружной уретротоміи*" („Прот. Общ. Одесск. Вр." 1870, I); 6) „*Заслонка у внутренняго отверстія мочевого канала*" (ib., II); 7) „*О діагностикѣ почечныхъ камней*" (ib. 1873); 8) „*Случай rupiae syphiticae*" (ib.); 9) „*Psoriasis palmaris*" (ib.); 10) „*Застарѣлаго сифилиса*" (ib.); 11) „*Внутренней уретротоміи*" (ib.); 12) „*Два случая порока образованія мочевого канала*" (ib.); 13) „*Современное улучшеніе въ камнедробителѣ*" (ib,); 14) „*Инкрустаціи слизистой оболочки и контрактуры мочевого пузыря*" („Медиц. Обозр." 1875, IV); 15) „*Замѣтка по поводу статьи въ № 8 Совр. Медиц. настоящаго года*" („Совр. Медиц." 1875, № 10—12); 16) „*Казуистика болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ*" (ib. 14—16 и „Труды Врач. Одесск. больн. 1875, I); 17) „*Нѣсколько словъ о камнераздробителѣ д-ра Реликета*" (ib., 1875, I и „Совр. Медиц." 1875, № 17, 18); 18) „*Сахарное мочеизнуреніе*" („Труды Врач. Од. больн." 1875); 19) „*Памяти д-ра Эм. Мих. Соловейчика*" (ib., 1876); 20) „*О микроскопическомъ изслѣдованіи мочевыхъ камней*" (ib., 1877, III и „Совр. Мед." 1877, № 27—32). 21) *Тоже.* („Труды Вр. Од. больн." 1881, IV); 22) „*Случай мочевого камня необыкновенной величины*" (ib., 1877, III и „Совр. Мед." 1877, № 33 и 36); 22) „*Кокаинъ при операціи камнедробленія*" („Хирург. Вѣстн." 1886, стр. 498); 23) „*Антисептика при операціяхъ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ*" (ib., 1887).

* **Веберъ,** Карлъ Карловичъ, современный технологъ, популяризаторъ и публицистъ [1]). Родился въ Петербургѣ 25 апр. 1855 г., по вѣроисповѣданію—

---

[1]) Краткая справка, безъ біограф. датъ, въ „Энцикл. Словарѣ" Брокгаузъ-Ефрона.

Отзывы:

Объ „*Разсказ. о фабр. и завод.*" 1) „Педаг. Лист." при „Дѣтск. Чт." 1871, № 1); 2) „Дѣтскій Садъ", 1871, № 3, стр. 140—141 и 1874, стр. 382—385; 3) „Вѣстн.

протестантъ. Учился въ спб. реформатскомъ училищѣ; агрономическое образованіе получилъ въ Гогенгеймской академіи, а техническое—въ Цюрихѣ.

К. К. В-ру принадлежитъ иниціатива перваго съѣзда русскихъ льноводовъ (въ Спб. 1877), перваго съѣзда крахмалозаводчиковъ (въ Спб. 1885) и съѣзда мукомоловъ (въ Москвѣ, 1888). Въ 1886 г. онъ былъ пожалованъ за свои заслуги по сельскому хозяйству орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1887 г. В. предпринялъ, подъ свою же редакцію, изданіе журнала: 1) «Успѣхи мукомольнаго и крахмальнаго производствъ» (прекратился въ 1889 г.). Не состоя на постоянной государственной службѣ, К. К. В. послѣднія 10 лѣтъ часто принималъ на себя порученія министерства государ. имуществъ по изслѣдованію различныхъ отраслей земледѣлія и промышленности. Такъ въ послѣднее время (1896) онъ командированъ министерствомъ земледѣлія въ черниговскую и могилевскую губернію «для всесторонняго изслѣдованія этихъ губерній въ сельскохозяйственномъ отношеніи».

К. К. Веберъ напечаталъ рядъ полезныхъ пособій по технологіи, популярныхъ книгъ и изслѣдованій:

2) *Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы*, разсказы для дѣтей. М. 1873. 4 изд. М. 1891. 8°. 152 стр. 3) *Дары природы.* Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. Спб. 1880. 161 стр. 4) *Разсказы о фабрикахъ и заводахъ.* (Изд. Дѣтск. Библ.). Спб. 1871, стр. 121. 5) *Руководство*

Евр.“ 1871, № 3; 4) „Русская Лѣтопись“ 1871, № 12; 5) *И. Бѣловъ.* „Спб. Вѣд.“ 1871, 227; 6) „Что читать народу“ т. I. О „*Понемногу обо всемъ*“: 1) „Педаг. Лист.“ при „Дѣтск. Чт.“ 1874, № 1; 2) *Ек. О.* „Дѣтскій Садъ“ 1874; стр. 385—387; 3) „Что читать народу“ т. II. О „*Для вседневной жизни*“: 1) „Другъ народа“ 1876, № 22. О „*Дары природы*“ 1) *В. Соболевъ.* „Женское образованіе“ 1880 г. № 7; 2) „Моск. Вѣд.“ 1880, № 327; 3) „Новое Время“ 1880, № 1614; 4) „Воспитаніе и Обученіе“. 1881. Педаг. отд. № 11 и 12; 5) „Нива“ 1881, № 44; 6) *В. Соболевъ* „Педагог. Сборн.“ 1882, № 3; 7) *А. Баталинъ* „Педагог. хрон.“ 1881, № 9. О „*Двѣнадц. мѣсяц.*“: 1) „Педагогич. хроника“ 1881, № 33; 2) „Сист. обз. русск. нар. уч. литер.“ Дополн. 1-е, стр. 41. О „*Крахмальн. и декстринномъ производствѣ*“: „Сельск. хоз. и лѣсовод.“ 1881 г. № 11. О „*Крахмальн. и паточн. произв.*“: „Русская Мысль“ 1885, № 4. О „*Солодов. произв.*“: „Русская Мысль“ 1884, № 19. О „*Мукомольн. дѣлѣ*“: „Русская Мысль“ 1885, № 1. О „*Справочн. книгѣ*“: „Русская Мысль“ 1886, № 5. Объ „*Интересахъ сельско-хоз. и промышл. винокур.*“: „Сынъ Отеч.“ 1889, № 40. Объ „*Маслобойномъ производ.*“: „Рус. Мысль“ 1888, № 1. Объ „*Винокур. производ.*“: „Рус. Мысль“ 1891, № 2. Объ „*Руков. по дрожжевому производству*“: „Рус. Мысль“ 1891, № 2. Объ „*Руков. къ льсопильн. производству*“: 1) „Сѣв. Вѣст.“ 1893, № 1; 2) „Рус. Мысль“ 1891, № 3. Объ „*Сооруж. подъѣздныхъ путей*“: „Рус. Мысль“ 1892, № 2. Объ „*Нуждахъ нашего народнаго хозяйства*“: 1) *Л. З. Слонимскій* въ статьѣ „Экономич. недоразумѣнія“, „Вѣст. Евр.“ 1894, № 6; 2) „Нов. Вр.“ 1892, № 5918 и 1893, № 6061; 3) „Сѣв. Вѣст.“ 1892, № 8; 4) *Б. Б.* въ „Книж. Вѣст.“ 1892, стр. 284—85. О „*Канатномъ и веревоч. производствѣ*“: „Рус. Мысль“ 1894. № 11.

къ воздѣлыванію льна. Ч. I. Культура льна. Ч. II. Мочка льна. Спб. 1877. 8°. 144 стр. 6) *Для вседневной жизни.* Знакомство съ химіей при помощи домашнихъ средствъ (для родителей, наставниковъ и самообразованія). Спб. 1876. 12°. 257 стр. 7) *Очерки сельскаго хозяйства въ Псковской губ.* Спб. 1881. 8°. 136 стр. 8) *Значеніе сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ для нашего хозяйства.* Спб. 1887. 95 стр. 8°. 9) *Справочная книга по сельско-хозяйственнымъ техническимъ производствамъ.* Сост. для хозяевъ. Спб. 1886. 8°. 10) *Маслобойное производство.* Руков. къ добыванію конопляннаго, льняного, подсолнечнаго, сурепнаго и проч. маслъ изъ масличн. растеній, воздѣлываемыхъ въ Россіи. Спб. 1887. 8°. 220 стр. 2-ое допол. изд. Спб. 1895. 11) *Мукомольное дѣло.* Рук. къ устройству мукомольныхъ и крупяныхъ мельницъ при конныхъ, вѣтряныхъ, водяныхъ и паровыхъ двигателяхъ и производство мучныхъ продуктовъ. Спб. 1883. 2 изд. значит. допол. и переработанное. Спб. 1892. Съ атл. 70 табл. 602 стр. 12) *Солодовенное производство.* Практич. руков. для пивоваровъ, винокуровъ и солодовниковъ. Спб. 1884. 217 стр. 13) *Двѣнадцать мѣсяцевъ.* (Опытъ характеристики 12 мѣсяцевъ въ картинахъ природы, очеркахъ изъ жизни человѣка, животныхъ и растеній). Спб. 1882. 8°. 175 стр. 14) *„Отчетъ по изслѣдованію крахмальнаго и паточнаго производства въ Россіи и за границею"*. Спб. 1887. 8°. 125 стр. 5 табл. чертежей. 15) *„Руководство по дрожжевому производству"*. Спб. 1890. 8°. IV+88 стр. 16) *„Руководство къ смолокуренію"*. Спб. 1890. 8°. VII+96 стр. 17) *„Сооруженіе сельско-хозяйственныхъ, лѣсныхъ, промышленныхъ и вообще подъѣздныхъ путей"*. Спб. 1892. 8°. VI+257 стр. 18) *„Нужды нашего народнаго хозяйства"*. Спб. 1892. 8°. 2 нен.+120 стр. 19) *„Практическое руководство по лѣсопильному производству"*. Спб. 1890. Со 104 рис. 8°. IV+127 стр. 20) *„Практическое руководство по винокуренію"*. Ч. I. Спб. 1889. 8°. I+189+VII стр. 21) *„Интересы сельско-хозяйственнаго и промышленнаго винокуренія"*. Спб. 1889. 8°. 17 стр. 22) *„Исторія льняной промышленности и ея борьба съ хлопчато-бумажной мануфактурой"*. Спб. 1889. 8°. 51 стр. 23) *„Ленъ, его воздѣлываніе и обработка"*. Спб. 1891. 8°. IV+212 стр. 24) *„Плодовое и ягодное винокуреніе и его значеніе для Россіи"*. Спб. 1888. 8°. 94 стр. 25) *„Винокуренное производство. Практич. руководство по винокуренію"*. Спб. 1890. 8°. VII+192 стр. 26) *„Крахмальное и паточное производство"*. Съ 25 политипаж. Спб. 1885. 3 нен.+II+II+188 стр. 27) *„Крахмальное и декстринное производство"*. Спб. 1881. 28) *„Сельско-хозяйственныя техническія производства и ихъ значеніе"*. Спб. 1886. 29) *Практическое руководство къ производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій* и прочаго лицевого товара для архитект. искусства. Съ атласомъ изъ 24 таб. Спб. 1893. 8°. 315 стр. 30) *Канатное и веревочное производство.* Съ 58 рис. въ текстѣ. Спб. 1893. 8°. 127 стр. 31) *Корзиночное производство.* Съ 69 рис. Спб. 1893. 8°. 133 стр. 32) *Двигатели и приводы.* Съ атл. Спб. 1894. 33) *Выборъ и работа земледѣльческихъ орудій и машинъ для обработки земли и посѣвовъ.* Съ атласомъ. Спб. 1895.

Множество небольшихъ *статей и замѣтокъ* В. разсѣяна въ „Земледѣльч. Газетѣ" (съ 1876), „Журн. Сельск. Хозяйства и Лѣсоводства" (съ 1879), „Успѣхахъ мукол. и крахм. производствъ" и другихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Болѣе крупныя статьи:

34) *„Обзоръ нашего льноводства и средства къ поднятію его"* („Труды Имп. Вольно-Эконом. Общ." 1877). 35) *„Свеклосахарное производство въ Россіи и за границею"* (ib., 1887). 36) *„Обзоръ сельско-хозяйств. производствъ, ихъ кормовая сила и значеніе для нашего скотоводства"* (ib., 1887); 37) *„О значеніи сельско-хозяйств. техническихъ производствъ въ вопросѣ о поднятіи производительныхъ силъ страны"* (ib., 1887). 38) *„Производительныя силы нашего земледѣлія"*

1887). 39) *„Хлѣбная торговля въ Индіи“* („Рус. Вѣстн.“ 1889, № 4); 40) *„Заничные промышленные музеи“* („Вѣстн. Евр.“ 1895, № 4).

Изъ трудовъ В. „Солодовенное производство“ переведено въ 1880-хъ гг. на ецкій яз. („Die Malzfabrication v. Karl Weber. Verlag von Hartleben in ızig).

Веверъ, Христіанъ Людвигъ. Въ 1774 издавалъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ ков. капельмейстеромъ первый въ Россіи музыкальн. журналъ «Музык. Увесея». Перевелъ съ фр.:

Торгъ Амстердамскій, содерж. все то, что должно знать купцамъ и банамъ, какъ въ Амстердамѣ живущимъ, такъ и иностраннымъ, торгъ и фабрики ıнѣйшихъ на свѣтѣ городовъ; ихъ корреспонденцію и сравненіе вѣсовъ, мѣръ и . 2 ч. М. 1762. 4°.

Веглерисъ, Григорій, см. Григорій Веглерисъ.

Веденскій. Ефимъ. Перевелъ:

1) *Правосудный судія* или зрѣлище политическое, въ которомъ предписывается кому то, что дѣлать должно и чего не должно, доказанное св. писанія свидѣтельıми, эмблемами, философическими мнѣніями, гіероглифами, разными исторіи достоятностями и проч. Перев. съ лат. М. 1787 г. 2) *Стези благонравія*, или нравогельныя разсужденія, собранныя изъ разныхъ авторовъ, которые разными Святаго :анія изрѣченіями, съ довольнымъ оныхъ истолкованіемъ, церковными свѣтскими мѣрами Св. Отецъ и Философовъ мнѣніями объясняются. Пер. съ лат. М. 1791 г.

Веденскій, Семенъ. Перевелъ: *Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ, а бливо Восточныхъ и Индійскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей,* примѣру Плутархову; соч. Л Голберга; съ нѣм. ч. I-я П. 1766. 8°.

Веденяпинъ, Александръ Александровичъ [1]). Родился 11 августа 1845 г., образованію военный инженеръ. На службѣ съ 1863 г. Въ настоящее мя, въ чинѣ генералъ-маіора, состоитъ (съ 1887) ординарнымъ профессоъ Николаевской инженерной академіи и преподавателемъ устройства отонія и вентиляціи зданій въ петербургскомъ технологич. институтѣ. Издалъ *урсъ отопленія и вентиляціи для Николаевской Инженерной Акаде-ı“*. Ч. I. Спб. 1890. 8°. 249 стр. Ч. II. Спб. 1892. 8°. 391 стр.

* **Ведровъ,** Владиміръ Максимовичъ, историкъ [2]). Род. въ Петербургѣ іюля 1824 г. Отецъ его—М. Г. Ведровъ былъ смотрителемъ уѣзднаго учица на Петербургской сторонѣ. В. М. былъ помѣщенъ на казенный счетъ въ ю петербургскую гимназію, учился очень хорошо, переходя изъ класса въ

---

[1]) Списокъ полковникамъ по старшинству. Спб. 1894.

[2]) Ср. 1) „Энцикл. Сл.“ Брокгаузъ-Ефрона. 2) *Вороновъ*, Историко-статист. зрѣніе. 3) Записка Москов. Археол. Общ. 4) *Григорьевъ*, 50-лѣтіе С.-Петерб. ıв. 5) Газетные некрологи въ началѣ марта 1892 г.

Отзывы: о *„Жизни Критія“*: „Литер. Газ.“ 1848 г. № 12. О *„Походѣ Авиъ“*. *(Н. Добролюбовъ)* „Современникъ“ 1857 г. № 9 и въ 1 т. соч. Добролюбова.

классъ съ похвальными листами, и рано обнаружилъ склонность къ классической филологіи. Когда въ 1842 г. былъ устроенъ конкурсъ четырехъ петерб. гимназій, то ученикъ 7-го класса, Вл. Ведровъ, получилъ четвертую премію по греческому языку. Въ петербургскомъ университетѣ В. былъ казеннокоштнымъ студентомъ по филологическому факультету и окончилъ курсъ въ 1846 г. кандидатомъ. Увлеченный лекціями М. С. Куторги, онъ избралъ спеціальностью древнюю исторію и въ 1848 г. защитилъ магистерскую диссертацію «*Жизнь Аѳинскаго олигарха Критія*» (Спб. 1848). 7 марта 1851 г. В. читалъ въ штабѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній пробную лекцію по исторіи, вслѣдъ зачѣмъ сталъ преподавать исторію въ Дворянскомъ полку, въ Инженерномъ училищѣ, Павловскомъ корпусѣ и Военно-Аудиторскомъ училищѣ. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ исторіи въ Александровскій лицей, а въ 1857—исправляющимъ должность ординарнаго профессора исторіи въ казанскій университетъ. Въ 1857 г. напечаталъ (Спб.) изслѣдованіе «*Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ*», которая была представлена какъ докторская диссертація въ петербургскій университетъ; но мнѣнія въ факультетѣ раздѣлились, произошелъ разрывъ съ М. С. Куторгою, и диссертація не была принята. Въ 1859 г. В. М. оставилъ профессуру и былъ прикомандированъ къ мин. нар. просвѣщенія, работая въ ученомъ комитетѣ министерства, въ коммиссіи по университетскому уставу и по преобразованію цензуры. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ въ Москву отдѣльнымъ цензоромъ по иностранной цензурѣ, въ 1872 переведенъ цензоромъ въ петербургскій цензурный комитетъ. Въ этой должности прослужилъ вплоть до своей смерти 2 марта 1892 года. Похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Таковы внѣшнія событія жизни В. М. Ведрова, которыя сами по себѣ не дали бы ему большихъ правъ на вниманіе. Историческіе его труды [1]) мало любопытны, и если Добролюбовъ счелъ нужнымъ посвятить большую язвительную рецензію неудачной докторской диссертаціи о «Походѣ Аѳинянъ въ Сицилію», то это было лишь отголоскомъ той непріязни, которую возбудила въ передовыхъ кружкахъ первая диссертаціи Ведрова объ аѳинскомъ тиранѣ Критіи. Въ выборѣ темы не было и тѣни преднамѣренности, да къ тому же она была указана маги-

---

[1]) Кромѣ двухъ, отдѣльно изданныхъ, изслѣдованій, онъ напечаталъ: 3) *Объ Итальянскихъ колоніяхъ, въ XIII вѣкѣ, въ Хозаріи.* Замѣтка на докладъ Г. Бруна. „Труды 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ". Т. 2. стр. 404—407. 4) *Рецензіи книгъ*: a) „Chronologie des Manetho" von *G. F. Unger*. Berlin 1867. „Труд. Моск. Археол. Общ." 1870 г. т. 2; b) „Itaque. Le Péloponese. Troie". Par *H. Schlieman*. Тамъ же. c) „Bibliographia geographica Palestinae". Von *T. Tobler*. Тамъ же. d) „Hertha". Von D-r J. Rolle. Тамъ же. e) „Philon d'Alexandre". Par F. Delaunay de Fontenay. Тамъ же. f) „Photius, Patriarch von Constantinopel" v. *Hergenröther*. Тамъ же. Т. III. g) „Четыре бесѣды Фотія". Тамъ же. 5) *Голландскіе Старо-католики*. „Моск. епарх. вѣд." 1872 г. № 27.

страну Куторгой. Но диссертація появилась въ 1848 г., когда, подъ вліяніемъ европейскихъ событій, цензурныя строгости и стѣсненіе общественной самодѣятельности приняли размѣры, даже для того времени небывалыя. Въ подобную эпоху «объективное» изслѣдованіе тиранніи, разъясненіе, что ходячія представленія о тиранніи неправильны, что она имѣетъ свои заслуги въ исторіи греческой гражданственности—невольно возбуждали враждебное чувство. А люди болѣе раздражительные шли дальше, видѣли тутъ даже карьеризмъ и желаніе подслужиться. Несправедливость этого подозрѣнія опровергается всею дальнѣйшею жизнью В. М. Карьеристъ смолоду лучше бы устроилъ свои дѣла. А Ведровъ, оставивъ профессуру, лѣтъ восемь занималъ разныя случайныя должности, затѣмъ, поступивъ въ цензурное вѣдомство, прослужилъ въ немъ четверть вѣка безъ всякаго повышенія. Двадцать лѣтъ онъ пробылъ цензоромъ въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, гдѣ считался умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ изъ всѣхъ цензоровъ и не дошелъ даже до того, чтобы быть назначеннымъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Можно ли послѣ этого сколько-нибудь серьезно говорить о карьеризмѣ?

Уходъ Ведрова изъ казанскаго университета тоже служитъ яркимъ доказательствомъ того, что всего менѣе къ нему приложимъ эпитетъ карьериста. Изъ хорошо освѣдомленнаго источника мы знаемъ исторію оставленія имъ каѳедры въ слѣдующемъ видѣ:

«Значительно измѣнившій весь характеръ дѣятельности В. М. Ведрова переворотъ въ его жизни случился въ Казани въ 1858 году и хорошо обрисовываетъ строго-добросовѣстное отношеніе его къ преподаваемому предмету. Исторію всеобщую читалъ онъ филологамъ и юристамъ и вдругъ замѣчаетъ охлажденіе къ своимъ лекціямъ у юристовъ. Глубоко уважая свою науку, добросовѣстно заботясь о своемъ курсѣ, онъ не могъ вынести равнодушія слушателей, приписывая его, какъ оказалось не безосновательно, постороннимъ вліяніямъ, и вызвалъ особымъ объявленіемъ слушателей-юристовъ въ актовую залу для объясненій. Взволнованный, выяснилъ онъ свой взглядъ на обязанности профессора и объявилъ, что если слушатели не находятъ его на высотѣ своего призванія, то онъ покидаетъ каѳедру. Это поспѣшное рѣшеніе, которое онъ не измѣнилъ и послѣ обращенной къ нему совѣтомъ казанскаго университета *единогласной* просьбы остаться, было внушено уваженіемъ къ учащейся молодежи и чрезмѣрно-высокимъ и идеальнымъ представленіемъ о значеніи профессуры».

Если въ заключеніе прибавить, что покойный былъ человѣкъ въ высшей степени мягкій, привѣтливый и добрый, то въ общемъ получается образъ его, какъ личности, чрезвычайно симпатичный.

Но, конечно, и эти личныя качества не дали бы Ведрову правъ на вниманіе исторіи русской образованности. Если же мы не ограничиваемся простой справкой, то потому, что Владиміръ Максимовичъ Ведровъ вполнѣ заслужилъ благодарнаго упоминанія о немъ въ литературномъ словарѣ какъ одинъ изъ

лучшихъ русскихъ цензоровъ. Исторія русской цензуры создала такія печальныя знаменитости, какъ Красовскій, пусть же не исчезнетъ память и о Ведровѣ, истинномъ другѣ литературы и литераторовъ, который дѣлалъ все возможное, чтобы смягчить суровость цензурныхъ постановленій.

Мы бы оскорбили память покойнаго, еслибы вздумали утверждать, что онъ дѣлалъ какія бы то ни было *послабленія*. Разъ человѣкъ взялся исполнять извѣстныя обязанности, онъ долженъ исполнять ихъ такъ, какъ этого отъ него ожидаютъ. Но мы, кромѣ того, проявили бы не мало наивности, еслибы серьезно предположили, что у Ведрова была охота и возможность за свой страхъ дѣлать какія-бы то ни было крупныя облегченія. Если онъ и не двигался по служебной лѣстницѣ, то все же держался и выговоровъ не получалъ, значитъ въ общемъ исполнялъ свои цензорскія обязанности какъ слѣдуетъ. Но именно исполнялъ только то, что полагалось, а не выскакивалъ, не старался отличиться. А это качество для цензора первостепеннаго значенія. Литераторы тоже не малые ребята и отлично знаютъ, что въ данный моментъ можетъ «пройти», и что должно остаться до поры до времени въ головѣ и сердцѣ писателя. Писать для одной цензуры радости мало. Ну, вотъ всякій и приспособляется какъ-нибудь. Но какъ вы ни будете приспособляться, вы совершенно безпомощны, когда попадаете къ человѣку, желающему отличиться или, по спеціальной терминологіи, «робкому», боящемуся вызвать самую мимолетную тѣнь на челѣ власть имѣющихъ. У васъ начинаютъ читать между строкъ и вычитываютъ то, что вамъ и во снѣ не снилось, къ вамъ начинаютъ примѣнять принципы послѣдней изступленной выходки «Москов. Вѣд.» или «Гражданина». Конечно, можно жаловаться— и «робкаго», какъ и ретиваго цензора хлѣбомъ не корми, а только жалуйся на его «строгость»,—но вѣдь нельзя же вѣчно жаловаться и хлопотать.

Ведровъ былъ тѣмъ хорошъ, что авторъ, къ нему попавшій, могъ быть увѣренъ, что весь maximum свободы, предоставленный въ данный моментъ литературѣ, будетъ имъ использованъ. Ведровъ никогда не придирался къ словамъ и отдѣльнымъ мыслямъ, онъ вычеркивалъ только то, что совершенно не допускалось даннымъ цензурнымъ настроеніемъ. Сплошь да рядомъ онъ возстановлялъ уже зачеркнутое, если вы ему представляли *фактическій* доводъ, т.-е. показывали, что зачеркнутые имъ факты уже были предметомъ научнаго изслѣдованія или что онъ ложно понялъ мысль вашу и т. д. Окончательно онъ зачеркивалъ съ истинною болью сердечною. У насъ хранится письмо Ведрова къ редактору одной подцензурной газеты по поводу непропущеннаго имъ репортерскаго отчета. Спрашивается, что ему было за дѣло до какого-то отчета? Послѣдовалъ въ то время циркуляръ не пропускать статей о такомъ-то событіи, онъ зачеркнулъ на этомъ основаніи статью, и дѣлу конецъ. Такъ бы, конечно, отнесся всякій другой цензоръ. Но Ведровъ написалъ цѣлое объяснительное и соболѣзнующее письмо, расхвалилъ самый отчетъ, словомъ сдѣлалъ все, чтобы смягчить не по его волѣ приключившуюся и въ концѣ концевъ очень ничтожную непріятность. Происходи

это въ 60-хъ годахъ, когда «либеральныхъ» цензоровъ окружали въ обществѣ почетомъ, а по службѣ имъ ущерба не происходило, тутъ можно было бы усмотрѣть исканіе популярности. Но карьера Ведрова проходила при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ; въ либеральномъ обществѣ онъ не вращался, дружбы съ литераторами, какъ цензора «Современника», онъ не водилъ, а по службѣ кромѣ косыхъ взглядовъ за снисходительность ничего не могъ ожидать.

Припоминается намъ еще одинъ фактъ сердечнаго отношенія Ведрова къ литературѣ. Выпустилъ одинъ авторъ книжку безъ предварительной цензуры. Книжка имѣла очень скверное прошлое. Значительная часть ея входила въ составъ книжки того же автора, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была уничтожена. При всякомъ другомъ цензорѣ такой прецедентъ страшно тяжело легъ бы на вѣсы. Задумался и Владиміръ Максимовичъ и серьезно проштудировалъ книгу. Но ничего «такого» онъ не нашелъ въ ней, и когда къ нему заявился авторъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ прочелъ «опасныя» мѣста и еще разъ убѣдился, что цѣлости и безопасности Россійской Имперіи книжка не угрожаетъ. Приходилось, однако, разрушить старое предубѣжденіе, и Вл. Максимовичъ не полѣнился изготовить подробнѣйшій докладъ въ благопріятномъ смыслѣ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ, и надо было видѣть радость Ведрова. Когда дрожащій отъ волненія авторъ пришелъ за окончательнымъ отвѣтомъ, В. М. шумно и радостно поздравилъ его, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ.

Пишущій эти строки хранитъ самую лучшую память о Ведровѣ. Владиміръ Максимовичъ до самой смерти цензурировалъ «Критико-біограф. Словарь», который сначала выходилъ небольшими выпусками въ 3 печат. листа и потому подлежалъ цензурѣ предварительной. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока мы другъ къ другу приноровились, а потомъ мы такъ другъ друга изучили, что уже и сношенія личныя почти прекратились. А это въ цензурныхъ дѣлахъ самое главное, французская поговорка pas des nouvelles--bonnes nouvelles къ нимъ спеціально примѣнима. Разъ въ 3—4 мѣсяца, все-таки, приходилось вступать въ переговоры, но они всегда кончались если и не къ обоюдному удовольствію, то къ обоюдному удовлетворенію: либо мы убѣждали Вл. М., что онъ переусердствовалъ, либо онъ насъ съ полною доказательностью убѣждалъ, что всякому овощу свое время. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ обыкновенно говорилъ: «жалуйтесь на меня въ комитетъ, авось пройдетъ; просите другого цензора, можетъ быть онъ и добрѣе меня будетъ», а мы ему всегда неизмѣнно на это отвѣчали: «отъ добра добра не ищутъ».

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что пропуская къ печати что-нибудь «сомнительное» съ очень «робкой» точки зрѣнія, Ведровъ дѣлалъ это не по слабости характера, а съ полнымъ убѣжденіемъ и никогда не боялся могущихъ возникнуть для него непріятностей. Когда вышла въ свѣтъ книга, о которой выше было сказано, «Гражданинъ» помѣстилъ о ней громовую статью. Со свойственною этому органу психопатическаго мракобѣсія необузданностью, въ книгѣ

усматривалось чуть ли не государственное преступленіе. Автору стало ужасно непріятно. За книгу онъ уже не боялся,—она была пропущена, но ему было жаль старика-цензора, котораго, ему казалось, онъ «подвелъ». Отправился онъ тотчасъ къ Ведрову, чтобы какъ-нибудь извиниться передъ нимъ за доставленныя ему, хотя и невольно, непріятности. Вл. Максимовичъ встрѣтилъ его съ спокойною усмѣшкою: «что перепугались? Напрасно, напрасно, я знаю, что дѣлаю и руковожусь своею совѣстью и своимъ разумомъ, а не «Гражданиномъ». Замѣчанія я никакого не получилъ».

За «Крит.-біогр. Словарь» Вл. М. оффиціальныхъ замѣчаній не получалъ, но ему часто говорили, что въ «Словарѣ» слишкомъ рѣзко говорится о многихъ «почтенныхъ» особахъ. Въ числѣ этихъ «особъ» очутился разъ еще молодой, но съ большими связями провинціальный профессоръ. Когда въ «Словарѣ» одинъ ядовитый публицистъ весьма вѣжливо, но и весьма убѣдительно показалъ полное ничтожество этого столь же мало свѣдущаго, сколько бездарнаго ученаго, послѣдній совершенно разсвирѣпѣлъ. Онъ нашелъ достойнымъ своего званія формально жаловаться. Конечно, его жалобѣ не было дано никакого оффиціальнаго движенія, но все-таки Ведрову было поставлено на видъ «поносительное» направленіе словаря. Всякій другой на его мѣстѣ навѣрное при первой же встрѣчѣ съ горечью сказалъ бы: «а мнѣ изъ-за васъ замѣчаніе сдѣлали», и строгость бы удвоилъ. Но Ведровъ сообщилъ намъ все это самымъ спокойнымъ образомъ, и когда мы съ удивленіемъ спросили: «Господи, да неужели NN одна изъ основъ русскаго государственнаго строя, что его и трогать нельзя», В. М. отвѣтилъ: «Конечно, нѣтъ. Иначе я бы не пропустилъ».

Припоминая множество такихъ же разсказовъ, рисующихъ Ведрова какъ рѣдко-добросовѣстнаго въ *обоихъ направленіяхъ* цензора, припоминая затѣмъ, что въ теченіе 20 лѣтъ онъ былъ цензоромъ множества первостепенныхъ періодическихъ изданій («Вѣст. Европы» и др.) и почти всѣхъ книгъ, выходившихъ за предѣлы «умѣренности и аккуратности», мы не можемъ не причислить его къ крупнымъ дѣятелямъ русскаго просвѣщенія. Вѣдь у насъ только и свѣта, что отъ независимой литературы, отъ того «свободнаго слова», про которое Константинъ Аксаковъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи сказалъ:

„Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчно жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово“.

Какъ же не сказать спасибо всякому, кто, имѣя возможность гасить этотъ свѣтильникъ, не гасилъ его. Покойный В. М. Ведровъ обѣими руками подписался бы подъ заключительными словами того же стихотворенія:

„О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной —
Путь рабства преступный укажетъ".

Насколько это только было въ его силахъ, Ведровъ не вязалъ дара Бога святого и былъ истинно счастливъ въ тѣ моменты, когда русской мысли давался бо́льшій просторъ. **С. Венгеровъ.**

* **Ведровъ**, Сергѣй Владиміровичъ, сынъ предъидущаго, профессоръ полицейскагоправа [1]). Родился 7 дек. 1855 г. Учился въ 5 москов. гимн. (кончилъ курсъ въ 1872 съ золотой медалью) и на юридич. факультетѣ Спб. университета. Студентомъ получилъ за сочин. на факульт. тэмы 2 серебр. и 1 золотую медаль. Окончивъ курсъ въ 1876 г., защитилъ въ 1878 г. магистерскую диссертацію: 1) «*О лѣсоохраненіи по русскому праву*» (Спб., 1878) и былъ командированъ за границу. Съ 1879 г. доцентъ полицейскаго права въ петербургскомъ университетѣ, съ1884 г. — экстраординарный профессоръ. Съ 1880 г. читаетъ полицейское право, общее законовѣдѣніе и лѣсные и межевые законы въ лѣсномъ институтѣ, съ 1881 политическую экономію, финансовое и полицейское право въ училищѣ правовѣдѣнія.

Кромѣ диссертаціи В. напечаталъ: 2) «*О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ*» (М. 1877. Оттискъ изъ «Чт. въ общ. Ист. и Древ.»); 3) «*Труды всероссійскихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ по вопросу о лѣсоохраненіи*». Сообщ. Имп. Вольно-Эконом. Общ-ву по отд. политич. экономіи и статистики (Спб. 1877); 4) «*Отехническомъ образованіи въ народныхъ школахъ во Франціи*». По даннымъ всемірной выставки 1878 (Спб., 1879). 5) «*Воспоминанія объ И. Е. Андреевскомъ*» («Рус. Стар.», 1891, кн. 8); 6) «*И. Е. Андреевскій*». Некрологъ («Журн. Рус. Общ. Охран. Народн. здравія» 1891).

Везовскій (драмат. пьесы)—псевдонимъ И. В. Шпажинскаго.

Вейде, Адамъ Адамовичъ, составитель воинскаго «Устава» 1698 г. [2]). Сынъ

---

[1]) Ср. 1) Словарь *Брокгаузъ-Ефрона*. 2) Слов. проф. пет. унив.

Отзывы: О „*Лѣсоохраненіи*": 1) *Дм. Шиловъ*. „Наше лѣсоохраненіе" („Лѣсн. Журн." 1880); 2) „Вѣст. Евр." 1878, № 6; 3) „Дѣло" 1878, № 5; 4) *Тарасовъ*. „Кіевскія Университ. Извѣстія" 1878, № 12; 5) *Н. Коркуновъ*. „Журн. Гражд. и Уголовн. права" 1878, № 4; 6) *В. Гольцевъ*. „Критич. Обозр." 1879, № 1.

[2]) 1) *П. О. Бобровскій*. Вейде, Адамъ Адамовичъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго и его Военный Уставъ 1698 г. Казань 1887. 2) Словарь *Брокгаузъ-Ефрона*. 3) Военно-Энцикл. Лексиконъ, III (статья *А. В. В.*). 4) *А. Л.* въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1847, іюль (перев. съ нѣм.). 5) *А. Востоковъ*. Описаніе рус. и словенскихъ рукописей румянцевскаго музея. Спб. 1842. 6) *Н. М. Устряловъ*. Описаніе царствованія Петра Вел., т. II и III. 7) Журналъ или поденная записка Петра Вел. съ 1698 г. Спб. 1770, ч. I и II. 8) *Пекарскій*. Исторія академіи наукъ, I. 9) *Онъ же*. Наука и литература при Петрѣ Вел., I и II. 10) *М. Розенгеймъ*. Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1878. 11) Сборникъ Имп. Рус. Историч. Общества. т. 25. 12) *Саитовъ*, В. И. Петербургскій некрополь.

полковника-нѣмца, поселившагося въ Москвѣ, В. род. въ 1667 г. и сначала готовился къ занятіямъ медициною; затѣмъ сблизился съ Петромъ, поступилъ въ преображенскіе потѣшные и изучалъ военныя науки, преимущественно инженерное дѣло. Въ 1694 г. В. былъ уже маіоромъ, т. е. однимъ изъ старшихъ офицеровъ преображенскаго полка и дружески переписывался съ царемъ, во время его архангельскаго путешествія. Въ первомъ азовскомъ походѣ В. завѣдывалъ частью инженерныхъ работъ; въ 1696 г. былъ названъ во флотѣ капитаномъ 5 роты и участвовалъ въ дѣйствіяхъ морского каравана, спускавшагося по Дону къ Черкасску. Лѣтомъ 1696 г. Петръ командировалъ В. для ознакомленія съ устройствомъ различныхъ войскъ въ Европѣ. В. объѣздилъ Голландію, Саксонію, Австрію, Венгрію и внимательно изучилъ уставъ французской службы: повидимому, однако, онъ не былъ знакомъ съ организаціею шведской арміи, чѣмъ объясняется отсутствіе указаній «Устава» на полковой и полевой штабы. Особенное впечатлѣніе произвели на В. имперскія войска. Онъ былъ очевидцемъ пораженія при Цейтѣ Евгеніемъ Савойскимъ турокъ, превосходившихъ имперцевъ численностью вдвое. Въ письмѣ объ этомъ В. сообщалъ царю, что не столь важна многочисленность рати, сколько «добрый порядокъ» и передавалъ о существующемъ между турками пророчествѣ, что въ 1699 г. придетъ съ сѣвера славянское племя, которое отвоюетъ Царьградъ. Извѣстіе это, видимо, произвело на Петра впечатлѣніе, онъ писалъ о немъ изъ Амстердама Виніусу, заканчивая словами: «Въ чемъ да будетъ воля Господня, отъ которой побѣды происходятъ и волею Его высятся и ни во что премѣняются». Самую же побѣду Евгенія онъ приказалъ Ѳ. Ю. Ромодановскому отпраздновать въ Москвѣ торжественнымъ тріумфомъ.

Но чтобъ «побороть враговъ христіанства» нужна была хорошо дисциплинированная регулярная армія. А сдѣлавъ смотръ, Петръ убѣдился въ полной ненадежности стрѣльцовъ, да и лучшіе—солдатскіе выборные, Лефортовъ и Гордоновъ, и гвардейскіе — преображенскій и семеновскій полки въ сравненіи съ цесарскими представлялись «толпою, которой много недоставало, чтобъ назвать ихъ настоящими воинами» (Корбъ).

Вейде, сопровождая Петра въ его знаменитомъ путешествіи 1698 г. по Европѣ, независимо отъ спеціально возлагавшихся на него посольскихъ обязанностей, окончилъ въ это время разработку своего «Устава». Современные В. списки находятся въ Публичной Библіотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. «Уставъ» начинается посвященіемъ «Пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому Государю и Царю и вел. кн. Петру Алексѣевичу», въ которомъ авторъ высказывается о необходимости поддержанія въ войскахъ дисциплины и порядка, о систематическомъ обученіи солдатъ и, вообще, о тактическомъ образованіи войска и его начальниковъ. Выводъ—что «солдатъ нужно держать постоянно въ строю и ученіи». Посвященіе оканчивается подписью: «Азъ пребываю Вашъ пресвѣтлаго и державнѣйшаго Государя подданнѣйшій рабъ Адамко Вейде».

Въ 1841 г. напечатанъ по высочайшему повелѣнію *«Воинскій уставъ, сотавленный и посвященный Петру Великому генераломъ Вейде»* (Спб., 185 стр.), на церк.-славянскомъ и русскомъ яз., съ художественно исполненными гравюрами, изображающими положеніе солдата съ ружьемъ, при исполненіи всѣхъ упоминаемыхъ «Уставомъ» ружейныхъ пріемовъ. Редактировалъ изданіе, по рукописи румянцевскаго музея, вѣроятно, Востоковъ; списокъ, которымъ онъ пользовался, неполонъ, почему и не изданы находящіяся въ спискѣ публичной библіотеки статьи военно-юридическаго характера.

Печатное изданіе распадается на слѣдующія части: I. «Описаніе должностей всякаго рода чиновъ отъ рядового солдата до старшаго генерала въ войскѣ»; начинается съ общаго опредѣленія: «Что имянно солдаты есть». II. «О ученіи обыкновенномъ скратчайшимъ растолкованіемъ. Также что при томъ примѣчать, и во осмотрѣніи имѣть надлежитъ». Каждый пріемъ поясняется и иллюстрируется примѣромъ цесарскихъ войскъ. III. «О караулахъ, какъ на оные ходить и сняхъ подобаетъ сходить, о всѣхъ караулахъ въ мѣсте, о словѣ, о такте или битьи зари, о руне или обходе (головной рунъ, средній рунъ и дневной рунъ»).

В. подробно описываетъ существо обязанностей старшихъ начальниковъ: генерала или полкового воеводы, съ находящимся при немъ для принятія приказаній ген.-адъютантомъ, генерала надъ пѣхотою, ген.-коммиссара и ген.-инженера; особенно важными онъ считаетъ обязанности послѣдняго. Должность ген.-квартирмейстера онъ совершенно отвергаетъ, хотя она существовала, и въ цесарскихъ, и въ московскихъ войскахъ («большой окольничій»). А не нужно ее, «понеже войско всегда равно вдругъ идетъ, такожъ и паки становится».

Помимо заимствованій изъ иностранныхъ источниковъ, В. многое взялъ и изъ русскаго устава 1647 г. («Ученіе и хитрость ратнаго строя пехотныхъ людей»).

Большой интересъ представляетъ военно-юридическая часть «Устава» В. впервые опубликованная П. О. Бобровскимъ. «Збиранія строю»—правила о поведеніи нижнихъ чиновъ заключаютъ въ себѣ полный, предусматривающій всѣ проступки дисциплинарный уставъ. Особенно стремится В. бороться съ такъ распространенными въ то время «пьянствомъ, зерныю и гульбой». Лѣстница наказаній слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: арестъ на сутки съ держаніемъ 3 мушкетовъ на плечѣ по 2 часа и съ отдыхомъ по 3 часа; то же съ держаніемъ 6 мушкетовъ по 2 часа и съ отдыхомъ по 2 часа; битье батогами; перечисленіе въ племянничій окладъ; жестокое наказаніе, смотря по винѣ; то же съ исключеніемъ изъ службы; наказаніе спицрутеномъ съ исключеніемъ изъ службы.

Къ чести В. надо отмѣтить, что онъ не увлекался устрашающею силою наказаній, а постоянно указывалъ на необходимость принимать въ соображеніе внутреннюю сторону проступка, отнюдь не упуская изъ виду смягчающихъ обстоятельствъ. Такое человѣчное воззрѣніе было въ то время рѣдкостью: его нѣтъ и въ наиболѣе гуманномъ военномъ уложеніи Густава-Адольфа.

Предложенія, изложенныя «Уставомъ» В., соотвѣтствовали намѣреніямъ Петра и требованіямъ времени. Поэтому, осенью 1699 г. было приказано генералу Автомону Головину и бригадиру Адаму В. сформировать въ Москвѣ и ея окрестностяхъ 18 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка, а кн. Репнинъ посланъ въ низовые города на Волгу, для набора 9 полковъ. Такъ началось устройство *первыхъ 27 пѣхотныхъ полковъ „прямого регулярнаго войска»* изъ даточныхъ людей всего московскаго государства, а также изъ охочихъ людей и боярскихъ слугъ г. Москвы. Полки эти были раздѣлены на три дивизіи, хотя лично В. рекомендовалъ дѣленіе на бригады.

Петръ заботился о своевременномъ составленіи воинскаго наказа и артикула, къ чему были привлечены В. и Брюсъ; составленные «статьи или артикулы» были примѣнены къ первоначально устроеннымъ регулярнымъ полкамъ. Было обращено большое вниманіе на развитіе дисциплины, причемъ особенно преслѣдовалось оставленіе караула и передача ружья (была запрещена даже и самому государю). Работы В. были прерваны великою Сѣверною войною.

Въ октябрѣ 1699 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Съ начала 1700 г. стали усиленно формироваться полки «изъ новонабранныхъ людей для стройныхъ войскъ». Ихъ обучали по «Уставу», написанному В. съ поправками сдѣланными Петромъ и А. Головинымъ. Но дѣло подвигалось плохо, и Головинъ писалъ царю: «Солдатъ учили повседненевно, потому что сырную недѣлю не учились и ружье забыли; многіе за то биты. Прапорщиковъ преображенскаго полку Абрашку Хмѣлевскаго да Ивашку Пухерта позволь отъ полку отставить; гульки великіе и въ строю многажды были тростью биты». Особенно плохи были офицеры, и Головинъ спрашивалъ: «Начальныхъ людей не повелишь ли набирать изъ царедворцевъ и изъ заморскихъ?»

Въ неудачномъ сраженіи подъ Нарвою (1700) В. былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, въ которомъ находился до 1710 г., когда былъ вымѣненъ на рижскаго губернатора Штремберга.

Затѣмъ В. участвовалъ въ Прутскомъ походѣ, причемъ высказался на военномъ совѣтѣ за вступленіе рус. войскъ въ Молдавію. Съ этихъ же поръ онъ сталъ неразлучнымъ спутникомъ Петра во всѣхъ его важнѣйшихъ операціяхъ противъ шведовъ. Въ 1714 г. В. занялъ часть Финляндіи, затѣмъ участвовалъ въ сраженіи подъ Гангутомъ, причемъ командовалъ частью галеръ въ авангардѣ, за выказанную храбрость получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и назначенъ шефомъ «гренадерскаго Вейдова полка».

Въ 1712—1716 гг., когда Петръ трудился надъ составленіемъ «Устава воинскаго» 1716 гг., В. помогалъ ему въ обработкѣ первой книги. Сочувственно относясь къ устройству школъ и идеѣ коллегіальной системы высшаго управленія, В., занимая въ 1715 г. со своею дивизіею Мекленбургъ-Шверинъ, отыскалъ здѣсь голштинца Фика, котораго послалъ къ Петру. Тогда же Петръ поручилъ В. за границею «ученыхъ и въ правосудьяхъ искусныхъ людей, для

правленія дѣлъ въ коллегіяхъ, достать». По запискѣ Фика, въ 1718 г. помѣно: «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ му склонность имѣетъ, также начать переводить книги Юриспруденцій».

В. участвовалъ въ слѣдствіи надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. 1718 г. онъ назначенъ президентомъ военной коллегіи; въ 1719 г. выраганы, подъ руководствомъ В., штаты военной коллегіи и штатное положеніе о нералитетѣ, генеральномъ штабѣ, полевой арміи и гарнизонныхъ полкахъ.

Подъ конецъ жизни В. сталъ, какъ и многіе его современники, поклонкомъ суроваго прусскаго милитаризма. Но смерть (26 іюня 1720 г.), на кореніе которой повліяло и огромное количество работы, лежавшее на немъ, дала ему оставить существенныхъ слѣдовъ въ этомъ направленіи. Незадолго смерти В. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

Гуманитарныя начала «Устава» В. скоро заглохли. Военный судъ былъ реданъ въ руки малообразованныхъ аудиторовъ, руководствовавшихся исклютельно формальною правдою, не принимая въ соображеніе деталей и смягчаюіхъ вину обстоятельствъ. Такъ дѣло обстояло вплоть до временъ Александра I, иказавшаго образовать аудиторовъ при сенатѣ. Но этимъ заслуга опередивго свое время В. не умаляется.

Для полноты его характеристики нужно прибавить еще, что въ 1698 г. ъ направлялъ дѣятельность русской типографіи Тессинга въ Амстердамѣ и лалъ царю 600 экземпляровъ какой-то неизвѣстной книги.

Н. Н. Обручевъ [1]) приписываетъ В. еще: «*Краткое обыкновенное учеѣ, съ крѣпчайшимъ и лучшимъ растолкованіемъ (въ строеніи пѣшихъ лковъ), какъ при томъ поступати, и во осмотрѣніи имѣти надлеитъ господамъ капитанамъ и прочимъ начальникамъ и урядникамъ*» ісано 1702. напеч. 1704), но это указаніе пока не подтверждено.

Въ общемъ, В. въ исторіи русской образованности долженъ занять не слѣднее мѣсто. Онъ принималъ видное участіе въ преобразованіи рус. арміи, дѣйствовалъ рус. книгопечатанію, основанію академіи наукъ и стремился эсти въ общественную мысль гуманныя начала, и это не можетъ быть забыто.

К.

Вейдемейеръ, Александръ Ивановичъ, историкъ, р. 1789, † 11 марта 52 г. [2]). Служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, состоялъ при нѣ-

---

[1]) „Обзоръ рукописей и памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусіа, въ Россіи по 1725 г.". Спб. 1854.

[2]) **Біографическія данныя:** 1) *Геннади*, Словарь; 2) *Березинъ*, Словарь; 3) Спиъ Историч. Общества.

Отзывы: Объ *„Обзорѣ главн. происшествій въ Россіи"*: 1) „Моск. Телегр.", 31. Ч. 42, стр. 243—245; 2) „Телескопъ", 1831 г. Ч. 6, отд. 6, стр. 278—282; 3) Сѣв. Пчела", 1831. № 252. 1832. № 162; 4) „Отеч. Зап.", 1848. № 9. Т. 60, отд. 6, . 14—15; 5) „Современникъ", 1848. № 10. Т. 11, отд. 3, стр. 143—145. О *Царствованіи Елиз. Петр.:* 1) „Моск. Телегр.", 1834. Ч. 55, стр. 658—659. 2) „Сѣв.

скольких заграничныхъ посольствахъ. Въ 1814 г. управлялъ первымъ отдѣленіемъ департамента внѣшней торговли, потомъ служилъ въ министерствѣ финансовъ съ 1817 г. и морскимъ съ 1820 г. Умеръ въ чинѣ дѣйствит. стат. совѣтника.

Литературная его дѣятельность выразилась въ цѣломъ рядѣ историческихъ сочиненій, перечисленныхъ въ примѣчаніи [1]). Всѣ они, взятыя вмѣстѣ, представляютъ собой послѣдовательную *лѣтопись* государства Россійскаго, начиная съ смутнаго времени и кончая вступленіемъ на престолъ Павла I, т.-е. обнимаютъ собой періодъ времени, который въ началѣ XIX вѣка былъ совершенно неизслѣдованъ и наименѣе неизвѣстенъ. Существовали разнаго рода мемуары, коекакія компиляціи, даже работы, посвященныя отдѣльнымъ моментамъ этого періода; въ обществѣ ходило еще не мало анекдотовъ, разсказовъ, но свода всего наличнаго матеріала, который могъ бы дать болѣе или менѣе цѣльный разсказъ о событіяхъ всего столѣтія—еще не было. Вейдемейеръ понялъ этотъ недостатокъ и послѣдовательно издалъ цѣлый рядъ книгъ, восполнявшихъ собой пробѣлъ. Этимъ только и объясняется то, что книжки Вейдемейера расходились очень скоро, выдержали по нѣсколько изданій, встрѣтили болѣе или менѣе сочувственный пріемъ въ современныхъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, критикъ «Телескопа» находилъ, что книга («Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи») Вейдемейера, написанная «чистымъ, иногда даже излишне красивымъ языкомъ» обозрѣвала «всѣ главныя происшествія ясно, обстоятельно и безпристрастно», читалась «съ живѣйшимъ любопытствомъ отъ начала до конца». Также сочувственно относились къ нимъ «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія».

Были, впрочемъ, и тогда критики съ болѣе строгими и серьезными требованіями, которые не вполнѣ были удовлетворены Вейдемейеромъ. Уже «Отеч. Зап.», которыя въ общемъ относились къ его произведеніямъ одобрительно, находили, что вся заслуга Вейдемейера заключается въ томъ, что онъ «разсказалъ факты всѣмъ уже извѣстные, гораздо болѣе подробно разсказанные Болотовымъ, Сумароковымъ, Бантышъ-Каменскимъ и др.» и что «кромѣ сокращенія фактовъ онъ ничего не сдѣлалъ». Тотъ же критикъ совершенно справедливо упрекаетъ,

---

Пчела", 1834. № 33. О „*Дворъ и замѣч. люд. въ Россіи*". 1) „Москвитян.", 1846. Ч 5, № 9, стр. 208—209; 2) „Отеч. Зап.", 1846. Т. 48, отд. 6, стр. 46—56, 3) „Современникъ", 1846. Т. 44, стр. 207—209; 4) „Библ. для Чт.", 1847. Т. 80, отд. 5, стр. 1—20; 5) „Журн. Мин. Народн. Просв.", 1847. Т. 53, отд. 6, стр. 78—90 (Ст. *А. Лакіера*); 6) „Сѣв. Пчела", 1846. № 249—253 (Статья *Я. Я. Я.*); 7) „Финскій Вѣстникъ", 1846. Т. 12, отд. 5, стр. 120.

[1]) Въ отдѣльномъ изданіи вышло: 1) „*Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*, съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны". 1831, 2 части. 2-е изд. въ 3 частяхъ 1832 г. 3-е изд. 1835. 4 изд. въ 2 ч. 1848 г. 2) „*Царствованіе Елизаветы Петровны*", служащее продолженіемъ „Обзора глав-

Вейдемейера за разсказъ событій по годамъ и за вытекавшее изъ этого «сближеніе событій, не имѣющихъ между собой ничего общаго». Гораздо раньше и гораздо вѣрнѣе оцѣнилъ Вейдемейера Николай Полевой, назвавшій сочиненія Вейдемейера «анналами». По мнѣнію этого критика они были «писаны не историческимъ перомъ и не въ историческомъ духѣ». Занятый въ это время своей «Исторіей Русскаго народа», преклонявшійся передъ Нибуромъ и другими западно-европейскими историками, Полевой, конечно, не могъ удовлетвориться «анналами» Вейдемейера. Онъ поэтому и упрекалъ его за то, что онъ «не смотрѣлъ и не хотѣлъ смотрѣть ни на что философически». По его словамъ, Вейдемейеръ только «составилъ погодную записку о главнѣйшихъ происшествіяхъ въ Россіи съ 1725—1741 годъ». «Новаго тутъ мы почти не нашли, писалъ онъ дальше. Это сухая выписка изъ Миниха, Манштейна, газетныхъ реляцій, Чулкова, Болтина и т. п. Говорятъ, что подобныя книги полезны *для справокъ*. Положимъ и такъ, но зато они недостаточны и *лишены жизни*, какую видимъ въ матеріяхъ, изъ коихъ оныя составляются...» Также мало благосклонно отнесся къ Вейдемейеру и «Финскій Вѣстникъ», назвавшій одну изъ его книгъ («Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи») — рядомъ «біографій, не совсѣмъ удовлетворительныхъ и не проникнутыхъ одною идеей».

Приведенные отзывы даютъ вѣрное представленіе о трудахъ Вейдемейера. Прежде всего въ нихъ дѣйствительно бросается въ глаза чисто лѣтописное, хронологическое изложеніе. Годъ за годомъ Вейдемейеръ, имѣвшій въ виду одну внѣшнюю, военную и придворную исторію, перечисляетъ войны, сраженія, событія изъ придворной жизни. Всѣ факты, особенно анекдоты, нашли себѣ мѣсто въ этой лѣтописи, пересказаны очень подробно и, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ «Телескопъ», «излишне красивымъ языкомъ». Никакой критики, никакихъ объясненій здѣсь нѣтъ. Все, что было въ современныхъ источникахъ—вошло и сюда. О какой нибудь «общей идеѣ», о «жизни», которыхъ требовали отъ него современные критики, и говорить нечего. Вейдемейеръ сообщаетъ не мало подробностей изъ придворнаго быта, даетъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики придворной жизни того времени, но жизни чисто внѣшней. Факты внутренней жизни у него не только не объяснены, но часто даже отсутствуютъ. Описывая довольно подробно всю исторію съ патріархомъ Никономъ, онъ, напримѣръ, не обмолвился ни единымъ словомъ о расколѣ; только вскользь упомянулъ онъ о

нѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго и проч. Спб. 2 ч. 1834 г. 2-ое изд. Спб. 1835, 3-е изд. Спб. 1849 г. 3) *Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи, въ полов. XVIII стол.* Спб. 2 ч. 1848 г. 4) *Tableaux historiques, chronologiques, géographiqes et statistiques de l'empire de Russie.* Pét. 1828; 5) *Эпизодъ изъ владычества Биронова.* Историч. повѣсть. Соч. А. В. П. 1837. 8°. 6) *Вечернія бесѣды у Барона К.* Соч. А. Моховицина. П. 1840. 8°. 7) *О Россіи подъ державою дома Романовыхъ до единодержавія Петра Великаго.* Спб. 1858. 8°.

появленія и развитія у насъ свѣтской литературы. О внутренней дѣятельности Екатерины II сообщилъ гораздо меньше, чѣмъ это дѣлаютъ простые учебники. Никакихъ выводовъ, итоговъ, даже простыхъ характеристикъ у Вейдемейера нѣтъ. Говоря о Петрѣ В., Елизаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II, Вейдемейеръ не даетъ общей оцѣнки ихъ дѣятельности, а только сообщаетъ отдѣльные факты или анекдоты, которые, конечно, не могутъ дать необходимаго цѣльнаго впечатлѣнія.

Особнякомъ стоятъ въ ряду написаннаго Вейдемейеромъ «Вечернія бесѣды у барона К.», книжка, которой, повидимому, и самъ Вейдемейеръ не придавалъ серьезнаго значенія, потому что даже не поставилъ на ней своего имени. Это простой сборникъ анекдотовъ о разнаго рода «замѣчательныхъ» лицахъ XVIII вѣка, вродѣ Сведенборга, графа Сенъ-Жерменъ, гр. Каліостро. Всѣ эти анекдоты пересказаны Вейдемейеромъ очень подробно въ формѣ вечернихъ разговоровъ у барона К., отставного прусскаго ветерана, съ остроуміемъ чисто XVIII в., отчасти напоминающимъ Кузьму Пруткова.

Въ общемъ, однако, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, сочиненія Вейдемейера были очень полезны. Они заключали въ себѣ полный сводъ всѣхъ наиболѣе важныхъ событій XVIII в., знакомили съ этимъ любопытнымъ временемъ, были единственными книжками, резюмировавшими весь извѣстный тогда матеріалъ и потому имѣли въ свое время несомнѣнное значеніе. Ихъ успѣхъ во всякомъ случаѣ былъ успѣхомъ вполнѣ заслуженнымъ.

В. Боцяновскій.

Вейдемейеръ, Татьяна Васильевна [1]) (или Семеновна), урожд. кн. Херхеулидзева, пріятельница Жуковскаго, Козлова и другихъ литераторовъ, у которыхъ была извѣстна подъ именемъ Темиры. Что она писала—неизвѣстно. На ея литературную дѣятельность намекаетъ Воейковъ, котораго сама Т. В. Вейдемейеръ просила помѣстить ее въ сатирѣ «Домъ Сумасшедшихъ». Вмѣсто льстиваго мадригала, на который она повидимому разсчитывала, Воейковъ посвятилъ ей слѣдующія строки:

Вотъ, Темира: вкругъ разбросанъ
Перьевъ пукъ, тряпицъ, газетъ...
Ангелъ дьяволомъ причесанъ
И чертовкою одѣтъ.
Карлица и великанша,
Смѣсь съ юродствомъ красоты:
По талантамъ генеральша,
По причудамъ прачка ты!

В. Б.

---

[1]) 1) Словарь Голицына; 2) „Русская старина", 1874 г., т. IX, стр. 597, 605; 3) „Русскій Архивъ", 1867 г., стр. 831, 832. 4) „Русскій Архивъ", 1886 г., т. I, стр. 182. 5) „Русскій Вѣстникъ", 1871 г., № 12, стр. 201.

Вейденбаумъ, Густавъ Густавовичъ, натуралистъ [1]), братъ Е. Г. Вейденбаума. Сынъ врача, В. родился въ 1847 г., учился въ пятой спб. гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1864 г. съ золотою медалью, и поступилъ на естественный факультетъ спб. университета. Не домогаясь диплома и желая посвятить больше времени любимымъ занятіямъ по біологіи, В. оставилъ университетъ, не окончивъ курса. Свою учено-литературную дѣятельность онъ началъ, вмѣстѣ съ братомъ, составленіемъ: 1) *зоологическаго отдѣла* въ «Настольномъ словарѣ» Толля. Кромѣ того, обоимъ Вейденбаумамъ принадлежитъ въ томъ же «Словарѣ»: 2) *рядъ статей по другимъ отдѣламъ естественныхъ наукъ*. Съ 1870 г. начинается дѣятельное сотрудничество В. въ «Знаніи». Первою его работою здѣсь была статья: 3) «*О происхожденіи чернозема*», въ которой онъ высказалъ совершенно оригинальный взглядъ на этотъ, въ то время еще мало разъясненный, вопросъ. Кромѣ того, были помѣщены въ «Знаніи» статьи его: **1871**. 4) «*Жизнь въ глубинахъ моря*»; 5) «*Ученіе о самозарожденіи*»; 6) «*Современныя теоріи мірозданія*»; 7) «*Очеркъ новѣйшихъ путешествій къ сѣверному полюсу*». **1872**. 7) «*Процессъ развитія органическаго міра*»; 8) «*Къ ученію о пангенезисѣ*»; 9) «*Законы развитія органическаго міра*»; 10) «*Очеркъ успѣховъ естественно-историческихъ изслѣдованій въ Россіи въ 1871 г.*» **1873**. 11) «*Южно-американская экспедиція и геологическія изслѣдованія Агассица*»; 12) *Съѣздъ британской ассоціаціи для развитія наукъ въ Брэдфордѣ*. **1874**. 13) «*Начало жизни*» (по Чарльтону Бастіану); 14) «*О первобытномъ населеніи средней и сѣверной Россіи и о родственныхъ связяхъ финскаго племени*». **1875**. 15) «*Научное изслѣдованіе такъ называемаго чуда въ Буа-д'Эннѣ*». **1876**. 16) «*Колонизація Россіи и сѣвера Скандинавіи и древнѣйшее состояніе ихъ цивилизаціи*»; 17) «*Новыя дополненія А. Р. Уоллэса къ теоріи естественнаго подбора*». Кромѣ того, В. помѣстилъ въ «Знаніи»: 18) *рядъ переводовъ по геологіи и біологіи* и 19) *огромное количество неподписанныхъ рецензій книгъ по естествознанію* (печатались во все время существованія журнала). Тамъ же съ 1872 года В. велъ отдѣлъ: 20) «*Разныхъ извѣстій*» и составлялъ 21) «*Библіографическій указатель иностранныхъ книгъ*». Этотъ же отдѣлъ онъ началъ вести и въ преобразованномъ изъ «Знанія» журналѣ «Слово», но дальнѣйшая работа была пріостановлена его преждевременною смертью. «Указатель» въ томъ видѣ, какъ его велъ В., требовалъ огромной затраты труда: всякая, мало-мальски выдающаяся, книга старательно штудировалась Вейденбаумомъ и затѣмъ характеризовалась краткимъ, но содержательнымъ отзывомъ.

В. находилъ еще время для сотрудничества въ «*Горномъ Журналѣ*» и «*Зодчемъ*».

В. принадлежалъ къ рѣдкому у насъ типу скромныхъ, истинно-трудолю-

---

[1]) „Слово" 1878, № 2.

бивыхъ и вполнѣ преданныхъ своему дѣлу научныхъ дѣятелей. Личные, практическіе интересы были ему чужды. Въ жизни онъ, казалось, ничего не искалъ, кромѣ возможности служенія наукѣ. Всегда спокойный и сосредоточенный, онъ оживлялся и доходилъ до восторженнаго одушевленія, когда узнавалъ о новомъ открытіи или сочиненіи, могущемъ расширить или подтвердить его научныя воззрѣнія. Громадная любознательность и любовь В. къ труду заставляли его употреблять свои краткіе досуги на изученіе и другихъ отраслей знанія, помимо естественныхъ наукъ. Въ этомъ ему помогало знакомство съ иностранными языками: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ и финскимъ.

Безъ сомнѣнія, подобная непрерывная работа, подобное сосредоточеніе умственныхъ силъ обѣщали Вейденбауму занять въ наукѣ видное мѣсто. Онъ задумалъ обширное сочиненіе по теоріи образованія ледниковъ, для котораго тщательно собиралъ матеріалы. Быть можетъ, это сочиненіе дало бы ему ту извѣстность и то положеніе въ русской наукѣ, на которыя онъ могъ вполнѣ разсчитывать, но судьба рѣшила иначе. Съ осени 1877 г. друзья В. стали замѣчать въ немъ зловѣщіе признаки тяжелой грудной болѣзни, а 21 января 1878 г. чахотка свела его въ могилу.

О томъ уваженіи, какимъ пользовался В. въ средѣ своихъ товарищей, можно заключить изъ заключительныхъ словъ его некролога во «Словѣ»: «Мы считаемъ для себя большою честью, что въ теченіе семи лѣтъ работали вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Веденбаумъ, и до конца жизни будемъ хранить самое лучшее воспоминаніе объ этой прекрасной, возвышенной личности».

В. К.

* **Вейденбаумъ** Евгеній Густавовичъ, братъ предыдущаго, род. 9 ноября 1845 г. въ Петербургѣ, окончилъ въ 1862 г. курсъ въ 5-й петербургской гимназіи, затѣмъ учился въ С.-Петербургскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ съ степенью кандидата естественныхъ наукъ. Съ конца 60-хъ гг. служитъ на Кавказѣ по управленію кавказскими горцами, нынѣ состоитъ предсѣдателемъ Сословно-Поземельной Коммиссіи военно-народнаго вѣдомства на Кавказѣ и почетнымъ мировымъ судьею округа тифлисскаго окружнаго суда.

Еще студентомъ В. Г. В. 1) былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Настольнаго Словаря» Толля, гдѣ помѣстилъ много статей естественно-историческаго содержанія, Затѣмъ онъ принималъ участіе въ слѣдующихъ изданіяхъ:

I. **С.-Петербургскія Вѣдомости**: 2) *Ученая дѣятельность на Кавказѣ* (1871 г. № 352).

II. Журналъ **Знаніе**: 3) Рецензія „Сборника свѣдѣній о Кавказѣ“, изд. Н. Зейдлицемъ, т. I (1871 г., № 11). 4) Рецензія „Списка населенныхъ мѣстъ Бакинской губерніи“, изд. Н. Зейдлицемъ, (1871 г., № 11). 5) Рецензія „Сборника свѣдѣній о Кавказѣ, изд. Н. Зейдлицемъ, т. II, (1872 г., № 9—10). 6) *Кавказскія Амазонки*. Изслѣдованіе (1872 г., № 9—10). 7) Рецензія: „Малоголовые“, К. Фогта (1872 г., № 11). 8) Рецензія: „Изверженіе Везувія“, Л. Пальміери (1872 г., № 11). 9) Рецен-

зія: „Русскій Туркестанъ“ (1873 г., № 4). 10) Рецензія: „Записки Кавказ. Технич. Общества“ (1873 г., № 4).

III. Газета **Тифлисскій Вѣстникъ**: 11) фельетоны „*Вѣстовой*“ (1875 г., № 13 и 92). 12) Рецензія: Dr. Lange Die Mineralwässer des Kaukasus (1875 г., № 115; перепечатана въ Извѣстіяхъ Кавказ. Отдѣла Геогр. Общ., т. IV, № 3). 13) Рецензія: Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, изд. Н. Зейдлицемъ, т. III (1876 г., № 82). 14) „*Голосъ*“ *о Кавказѣ*. Замѣтка (1876 г., № 204). 15) „*Голосъ*“ — *возмутитель Кавказа*. Замѣтка (1876 г., № 219). 16) *Перечень восхожденій на Араратъ* (1876 г., № 241), 17) *По поводу черкесовъ въ Дагестанѣ* (1876 г., № 246). 18) Рецензія: Сборника статист. свѣдѣній о Ставропольской губерніи, вып. VII (1876 г., № 246). 19) Рецензія: „Нижегородскаго Сборника“, т. VI и „Нижегородки“ (1877 г., № 238).

IV. Газета **Кавказъ**: 20) *Домашнія „утки“*. По поводу корреспонденцій съ малоазіатскаго театра войны. (1877 г., №№ 154, 163, 178 и 179). 21) Рецензія: „Геологическое описаніе частей Кутаисской губ. и Сухумскаго отдѣла“ (1877 г., № 190). 22) Рецензія: соч. Н. Динника, „Горы и ущелья сѣверо-западнаго Кавказа“ (1877 г., № 205). 23) Рецензія: „Обозрѣніе XXVII-лѣтней дѣятельности Ставропольскаго женскаго благотворительнаго общества по учебному заведенію св. Александры“ (1877 г., № 212). 24) *Не любо—не слушай* (1878 г., № 11). 25) *Отъ Батума до Артвина*. Путевыя замѣтки 1879 г., №№ 6—10 и отдѣльные оттиски, Тифлисъ 1879. Рецензію на эти Замѣтки см. въ „Извѣстіяхъ Кавказ. Отдѣла Геогр. Общ.“, т. VI, № 2. 26) Рецензія: Ornis Caucasica von Dr. G. Radde (1885 г., № 80). 27) *Кавказскія замѣтки* I. Землянка Петра Великаго въ Дербентѣ. — II. Кееноба. — III. Бурдючные плоты. — IV. Архипъ Осиповъ и Латуръ д'Овернь. — V. Докторъ Шуллеръ (1890 г., №№ 52, 59, 66 и 77). 28) Рецензія: С. Бѣлокуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ, (1890 г., № 103). 29) *Ученое безсиліе*. По поводу изданія лингвистическихъ трудовъ барона Услара (1890 г., № 294). 30) *Какъ пишется исторія*. По поводу статьи Ал. Гарсеванова о „Французской экспедиціи въ Грузіи въ XVIII столѣтіи“, (1892 г., № 334). 31) Библіографическая замѣтка о Ванъ-Галенѣ и др. (1893 г., № 18). 32) *Памяти В. Я. Опочининой* (1893 г., № 344).

V. **Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества**. 33) *Къ исторіи Казбекскихъ заваловъ* (т. III, № 1). 34) *Замѣтка о кавказскихъ каменныхъ орудіяхъ*, (т. III, № 4). 35) *Еще къ исторіи Казбекскихъ заваловъ* (т. № 3). 36) *Замѣтки объ употребленіи камня и металловъ у кавказскихъ народовъ* (т. IV, №№ 3 и 5. Отзывъ объ этой ст. въ газетѣ „Кавказъ“, 1877 г., №№ 181, 184 и 186). 37) *Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ* (т. V, № 3). 38) *О священномъ деревѣ „Сегутъ“* (т. VII, № 1). 39) *Къ исторіи Шотландской колоніи около Пятигорска* (т. VII, № 1).

VI. **Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества**. 40) *Большой Араратъ и попытки восхожденія на его вершину* (книга XIII, вып. 1 и отдѣльные оттиски).

VII. **Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа**. Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. 41) *Ксаверіо Главани*. Описаніе Черкассіи 1724 г. Переводъ и примѣчаніе Е. Г. Вейденбаума (т. XVII и отдѣльные оттиски). 42) *Начало гуэнской пѣсни* (т. XVII, стр. 58—59). 43) *Матеріалы для историко-географическаго словаря Кавказа*. Выпускъ I (приложеніе къ т. XX и отдѣльные оттиски).

Отдѣльно Е. Г. В. **издалъ**: 44) *Путеводитель по Кавказу*. Составленъ по

порученію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова.—Съ 12 рисунками и дорожною картою.—Тифлисъ 1888.—8°. 434 стр.

Андреевъ, Павелъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Напечаталъ въ журналахъ конца вѣка:

1) *На смерть П.*—(«Пріятное и полезное препровожд. врем.», 1798, ч. XVIII, стр. 240); 2) *Вечернее размышленіе.*—(Ibid., ч. XIX, стр. 93); 3) *Изъ Анакреонта, Къ Кузнечику.*—(Ibid., стр. 115); 4) *На рожденіе П.*—(Ibid., ч. XX, стр. 139.); 5) *Стих. На кончину М. Вл. Б. Р...ъ.*—(«Ипокрена», 1799, ч. IV, стр. 249); 6) *Стих. Къ Виргилію.* (Изъ Горація).—(Ibid., стр. 252).

Общее направленіе немногочисленныхъ и очень слабыхъ стихотвореній Андреева меланхолическое. Беремъ для образчика „*На Смерть П.*":

Цвѣтокъ прекрасный, несравненный
Въ вечерни тихіе часы
Лишь показалъ свои красы,
Какъ въ полночь хладъ насталъ чрезмѣрный,
И нѣжный сей цвѣтокъ увялъ.
Вотъ жизнь какъ наша быстротечна!
Я сердца въ горести сказалъ,
Родился—и мгновенно вѣчна
Закрыла тьма его глаза,
Лишь въ *вѣчности* живетъ душа!.

С. В.

* **Бородинъ**, Иванъ Парфеньевичъ, выдающійся ботаникъ [1]).

И. П. Бородинъ съ полною готовностью сообщилъ мнѣ по моей просьбѣ свой краткій біографическій очеркъ, который передаю цѣликомъ. Изъ него читатель можетъ составить себѣ понятіе о значеніи трудовъ И. П., несмотря на краткость. Тѣмъ не менѣе оцѣнка этихъ трудовъ, по весьма понятной причинѣ, недостаточно выяснена ихъ авторомъ. Общая характерная черта ихъ состоитъ въ точности и основательности, не говоря уже о талантѣ наблюдателя и экспериментатора. Въ работахъ И. П. нѣтъ ни одной ошибки. Нѣкоторыя изъ нихъ оспаривались, особенно въ началѣ ученой дѣятельности, но затѣмъ, и притомъ въ скоромъ времени, подтверждались и становились достояніемъ науки. Такъ напримѣръ существованіе устьицъ у водяныхъ растеній (1870. № 4 перечня со-

---

[1]) Біограф. данныя о немъ: 1) „Энц. Сл." *Брокгаузъ-Ефрона.* 2) Словарь проф. Петерб. унив. 3) „Записки Новор. унив." 1886 г. 4) *Маркевичъ.* 25-лѣтіе Новор. университета.

Журнальные отзывы: О „*Процессъ оплодотворенія:* „Рус. Мысль", 1886 г. № 5 и 1895 г. № 11. О „*Протоплазмъ и витализмъ*": *К. Тимирязевъ*, въ „Рус. Мысли" 1894 г. № 11, стр. 156—169. О „*Краткомъ учеб. ботаники*": „Рус. Мысль", 1894 г. № 4.

чиненій), открытое И. П., авторитетно отрицалось извѣстнымъ морфологомъ Гегельмейеромъ, но тотчасъ же было подтверждено; отрицались и нѣкоторые результаты изслѣдованій И. П. надъ дыханіемъ растеній, но и тутъ возраженія были устранены (1881 № 11). Наука получила трудами И. П. много вкладовъ и притомъ такихъ, которые значительно способствовали ея поступательному движенію. Таковы работы, касающіяся дыханія растеній (№№ 6, 7, 10), въ связи съ изслѣдованіями надъ распространеніемъ аспарагина въ растеніяхъ (№ 9). Этими работами установлено важное значеніе аспарагина при дыханіи растеній, что подало поводъ ко многимъ изслѣдованіямъ въ томъ же направленіи и къ утвержденію въ наукѣ того воззрѣнія, что углекислота, выдѣляемая растеніями при дыханіи, происходитъ не вся вслѣдствіе непосредственнаго сожиганія углеводовъ, находящихся въ растеніи (напр., крахмалъ), но отчасти и отъ окисленія углеводовъ, образующихся при распаденіи бѣлковыхъ веществъ. Бородинъ даже думаетъ, что углеводы, подверженные окисленію при дыханіи, происходятъ постоянно чрезъ распаденіе бѣлковыхъ веществъ, при чемъ эти послѣднія возрождаются изъ аспарагина.

Самое изслѣдованіе аспарагина, а впослѣдствіи и лейцина, произведенное Бородинымъ, есть одинъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ его въ науку. Тутъ не только открыты новые микрохимическіе методы для распознаванія присутствія въ растеніи названныхъ тѣлъ, но и установлено обширное распространеніе ихъ и условія ихъ образованія. Въ виду важнаго значенія означенныхъ тѣлъ при дыханіи растеній, изслѣдованія эти получили весьма важное значеніе въ физіологіи растеній. Ихъ однихъ было бы достаточно для того, чтобы имя Бородина заняло навсегда почетное мѣсто въ исторіи науки.

Большой научный интересъ представляютъ и анатомическія изслѣдованія Бородина. Онъ обратилъ вниманіе на распространеніе въ растительныхъ тканяхъ кристаллическихъ отложеній, гесперидина и пр., при чемъ выяснилась несомнѣнная связь между присутствіемъ или отсутствіемъ этихъ веществъ и самою формою, въ которой они появляются съ одной стороны, и между систематическимъ положеніемъ даннаго растенія въ системѣ растительнаго царства. Такимъ образомъ Бородину удалось, помощью чрезвычайно многочисленныхъ наблюденій, поколебать издавна существовавшее мнѣніе, что анатомическое строеніе находится лишь въ слабой связи съ морфологическимъ строеніемъ растительныхъ видовъ, родовъ и даже семействъ. Въ послѣдующіе годы своей ученой дѣятельности И. П., заинтересовавшійся въ лѣтнее время флорою окружающей его мѣстности, именно новгородской губерніи, основательно ее изучилъ и ему удалось представить нѣсколько интересныхъ вкладовъ въ науку по части систематики. Онъ даже основалъ, совмѣстно съ извѣстнымъ ученымъ нашимъ М. С. Воронинымъ, прѣсноводную біологическую станцію на берегу бологовскаго озера, подаривъ ее Императорскому петербургскому Обществу Естествоиспытателей. Это первая подобная станція въ Россіи, если не считать попытки устройства такой же московскимъ

Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Общія сочиненія Б. (помѣщенныя въ концѣ списка трудовъ) отличаются большою ясностью и отчетливостью изложенія, не грѣша излишнимъ многословіемъ. Этою ясностью и опредѣленностью отличается и устное изложеніе И. П. Его лекціи, какъ академическія, такъ и публичныя, могутъ несомнѣнно служить образцомъ ученаго краснорѣчія, состоящаго не въ подыскиваніи громкихъ фразъ, не въ цвѣтистости выраженій, а въ плавности рѣчи и въ мастерской группировкѣ фактовъ ради опредѣлительности и точности выводовъ.

А. Бекетовъ.

Автобіографическій очеркъ И. П. Бородина.

Родился 18 января 1847 г. въ Драгунскомъ Штабѣ близъ Новгорода, гдѣ и провелъ первые 4 года жизни.

Родители: отецъ—Парфеній Афанасьевичъ, капитанъ Л. Гв. Драгунскаго полка (изъ дворянъ Екатериносл. губ.), сынъ полковника Бородина, любимаго адъютанта Паскевича, убитаго при штурмѣ Ахалцыха. Въ письмѣ ко вдовѣ Паскевичъ, извѣщая о геройской кончинѣ мужа, сообщилъ, что кладетъ въ банкъ изъ своихъ денегъ 50,000 р. въ обезпеченіе оставшихся сиротъ. Старшимъ изъ нихъ былъ отецъ И. П., окончившій курсъ въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ мирно служившій въ Драгунскомъ полку вплоть до ранней своей кончины (онъ умеръ 29 лѣтъ); онъ, впрочемъ, по природѣ не имѣлъ склонности къ военной службѣ, былъ нрава кроткаго, застѣнчивъ въ обществѣ и любилъ серьезныя занятія.

Мать,— Екатерина Александровна, урожденная Лыкошина (изъ древняго дворянскаго рода Смол. губ.). Отецъ ея, въ молодости блестящій гвардейскій офицеръ, былъ впослѣдствіи директоромъ Новгородской гимназіи. Образованіе Е. А. получила домашнее, но по тому времени солидное. Она была старшею въ семьѣ; одна изъ сестеръ была замужемъ за Н. К. Щебальскимъ. Оставшись молодою вдовою, Е. А. всецѣло посвятила себя воспитанію двухъ сыновей, которымъ было 4 и 2 года (меньшой—Александръ Парф. — инженеръ, бывшій управл. юго-западн. дорог.). Дѣти благоговѣйно чтятъ память матери, пожертвовавшей для нихъ своимъ личнымъ счастьемъ и воспитавшей въ нихъ любовь къ труду, идею долга и бережливость.

Дѣтство и воспитаніе. Еще съ больнымъ мужемъ Е. А. переселилась въ Петербургъ, гдѣ и овдовѣла. Матеріальное положеніе было стѣсненное, пришлось вести процессъ, тянувшійся нѣсколько лѣтъ и окончившійся пріобрѣтеніемъ дачи за Нарвскою заставою, куда она и переселилась. Оттуда дѣти ходили впослѣдствіи пѣшкомъ сначала въ 5-ю гимназію (у Аларчина моста), а затѣмъ одинъ въ Университетъ, другой—въ Технологич. Инст. Этому солидному ежедневному моціону, въ связи съ жизнью за городомъ, мы, безъ сомнѣнія, обязаны прекраснымъ здоровьемъ. Воспитаніе было строгое, не чуждое даже умѣренныхъ тѣлесныхъ наказаній. Обстановка жизни (кромѣ помѣщенія,—всегда просторнаго) была очень скромная: гостинцы отрицались и третье блюдо за обѣдомъ появлялось лишь по воскресеньямъ. При насъ была бонна нѣмка, а французскимъ языкомъ занималась мать и мы уже въ дѣтствѣ освоились съ обоими языками.

Военная жилка (наслѣдственная?) сказалась въ патріотическомъ письмѣ моемъ (мнѣ было 8 лѣтъ) къ Императору Николаю въ эпоху крымской войны. Вслѣдствіе этого письма мы съ матерью (незадолго до кончины Государя) представлялись ему въ

Зимнемъ Дворцѣ и получили на память военную игрушку. Это одно изъ самыхъ яркихъ воспоминаній моего дѣтства.

Ученіе. Читать я выучился на пятомъ году. Занималась съ нами главн. обр. мать и приготовила меня въ 12 лѣтъ къ 4-му классу гимназіи. Только математику и естеств. науки преподавалъ студентъ (юристъ). Въ 5-й гимназіи я пробылъ съ 1859 по 1863 годъ и окончилъ съ серебр. мед., все время идя первымъ и только въ 7-мъ классѣ уступилъ первенство В. В. Лермантову (лаборанту Физич. Каб. въ Спб. Унив.). Изъ начальствующихъ лицъ съ особою благодарностью вспоминаю—директора А. Н. Бѣляева, инспектора—В. Ф. Эвальда, а изъ учителей болѣе всего—К. Д. Краевича. Несомнѣнно обязанъ я и Н. И. Раевскому—пробужденіемъ (хотя и мимолетнымъ) любви къ ботаникѣ; одно лѣто я самостоятельно опредѣлялъ растенія по Шнейдеру. Что касается гимназич. товарищей, то въ послѣдніе два года у насъ составился тѣсный кружокъ, въ которомъ участвовали, между прочимъ, Е. И. Золотаревъ (впослѣдствіи проф математики и академикъ, безвременно погибшій), П. В. Котурницкій (нынѣ проф. механики въ Технолог. Инст.), Н. И. Верховскій (присяжный повѣр. въ Смоленскѣ) и нѣкоторые другіе. Мы собирались другъ у друга, читали Писарева, Достоевскаго и пр., и обсуждали, конечно, міровые вопросы. У насъ на дачѣ душою этого кружка бывалъ мой дядя, М. К. Контевъ, военный, женатый нѣкогда на сестрѣ моей матери (въ состояніи аффекта онъ застрѣлилъ свою жену на Кавказѣ и былъ оправданъ судомъ—извѣстное уголовное дѣло), человѣкъ рѣдкаго ума, замѣчательный діалектикъ и убѣжденный гегеліанецъ, составлявшій противовѣсъ нашимъ юнымъ башкамъ.

Изъ гимназіи я вышелъ 16½ лѣтъ, не имѣя опредѣленныхъ склонностей къ чему либо, и поступилъ-было на юридическій факультетъ, но, къ счастью, послѣ нѣкоторой проволочки, не былъ принятъ, на основаніи только что введеннаго новаго устава, за молодостью лѣтъ. Проболтался годъ, давая уроки (началъ заниматься этимъ еще въ гимназіи, а впослѣдствіи, въ университетѣ, зарабатывалъ много этимъ путемъ и могъ составить себѣ хорошую спеціальную библіотеку, пріобрѣсть микроскопъ и т. д.); на лѣто попалъ на кондиціи въ семью, гдѣ былъ студентъ естественникъ, а по сосѣдству медикъ. Заинтересовавшись уже раньше естествознаніемъ, вѣроятно, отчасти подъ вліяніемъ статей Писарева, я сталъ здѣсь читать анатомію Гиртля, органическую химію Менделѣева, курсъ ботаники Бекетова и т. п., послѣ чего твердо рѣшилъ поступить осенью уже не на юридическій, а на естественный факультетъ, что и исполнилъ вопреки желаніямъ матери. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня курсъ Ботаники Бекетова. Я живо помню, съ какимъ негодованіемъ сообщилъ я дома, поступивъ на юридическій факультетъ, что естественникамъ на золотую медаль предложена тема о какихъ-то „печеночныхъ мхахъ“,—можно же заниматься такимъ вздоромъ! И вотъ, въ книгѣ Бекетова я впервые познакомился съ этими самыми печеночными мхами и, вообще споровыми; передо мною открылся новый міръ... Когда на слѣдующій годъ на актѣ медаль за печеночные мхи присуждена была К. А. Тимирязеву, я смотрѣлъ на него какъ на героя, возбуждавшаго во мнѣ зависть.

Первое время въ Университетѣ меня влекла къ себѣ анатомія человѣка и я чуть было не перешелъ въ Медиц. Акад. (чему рѣшительно воспротивилась моя мать), но вскорѣ окончательно остановился на ботаникѣ — анатоміи и физіологіи растеній. Наибольшее вліяніе оказало на меня личное знакомство съ А. Н. Бекетовымъ, въ домѣ котораго я былъ принятъ какъ родной, и съ А. С. Фаминцынымъ; въ небольшой квартирѣ послѣдняго была темная комната, въ которой онъ производилъ свои опыты надъ вліяніемъ свѣта на водоросли,—день и ночь горѣли тамъ въ устроенномъ имъ фонарѣ керосиновыя лампы, освѣщавшія водоросли полнымъ, краснымъ и синимъ свѣтомъ. Этой комнаты я никогда не забуду, — она казалась мнѣ храмомъ, а профессоръ жрецомъ.

Впечатлѣніе было такъ сильно, что я вскорѣ рѣшился на свои трудовыя деньги завести такой же фонарь и сжигалъ керосину на 15—20 р. ежемѣсячно. Этимъ путемъ произведена была моя первая самостоятельная научная работа, стоившая мнѣ дорого въ буквальномъ смыслѣ (я былъ тогда на 3-мъ курсѣ). Окончилъ я курсъ кандидатомъ въ самомъ началѣ 1869 года.

Служба. Весною 1869 года скончался преподаватель Бот. въ Землед. Институтѣ (въ Лѣсномъ)—Карельщиковъ. Бекетовъ и Фаминцынъ рекомендовали меня. Я читалъ пробныя лекціи, изъ которыхъ первая, на предложенную тему (о питаніи корнями) понравилась, вторая же (о млечныхъ сосудахъ) показалась сухою и безцвѣтною. Выбранъ я не былъ, но былъ приглашенъ по найму для лѣтнихъ практич. занятій со студентами. Осенью, послѣ оживленнаго конкурса, въ которомъ я оффиціально не участвовалъ, я былъ избранъ и утвержденъ преподавателемъ Землед. Института, съ которымъ не разставался съ тѣхъ поръ, переживъ и превращеніе его въ Лѣсной Институтъ. Профессоромъ назначенъ въ 1880 г., а съ 1891 г.—помощникомъ директора.— Кромѣ профессуры въ Институтѣ, короткое время занималъ должность экстр. проф. ботаники въ Мед. Хирург. Акад. (съ 1878 по 1880 г.), а съ 1887 г. сталъ читать въ Спб. Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, въ февралѣ же 1892 г. утвержденъ экстр. проф. Спб. Университета. Въ 1893 г. покинулъ службу въ Университетѣ и перешелъ снова въ Военно-Медиц. Акад. экстр., а съ 1894 г.—ордин. проф. Сверхъ того много лѣтъ преподавалъ я на женскихъ курсахъ: Владимірскихъ, Васильеостровскихъ, Бестужевскихъ, Медицинскихъ и Фребелевскихъ. Неоднократно читалъ публичныя лекціи, а въ первые годы жизни въ Лѣсномъ устраивалъ лѣтомъ по воскресеньямъ безплатныя публичныя ботаническія экскурсіи (вѣрнѣе бесѣды на открытомъ воздухѣ), привлекавшія очень многихъ (въ послѣдніе годы собиралось до 200 человѣкъ и болѣе).—Степень магистра получилъ въ Спб. Университетѣ въ 1876 г., а въ 1886 г. удостоенъ Новороссійскимъ Университетомъ степени почетнаго доктора. Въ 1887 г. Имп. Акад. Наукъ избранъ въ члены- корреспонденты, а въ 1894 г.—Имп. Спб. Общ. Ест. въ почетные члены.

Будучи преподавателемъ Землед. Инст., я женился на А. Г. Перегцъ (по первому мужу—Степановой) и имѣю отъ нея двухъ дочерей.

Ученые труды. Ученая дѣят. моя началась въ 1867 г. на 3-мъ курсѣ Университета статьею: 1) *Famintzin u. Borodin*, *„Ueber transitorische Stärkebildung bei der Birke“*, напечат. въ Бюллетенѣ Спб. Акад. Наукъ и въ „Botanische Zeitung“. Здѣсь впервые указано на отсутствіе крахмала зимою въ тонкихъ вѣтвяхъ березы и на образованіе его весною изъ маслообразнаго вещества. 2) *О вліяніи свѣта на проростаніе споръ папоротниковъ и на расположеніе зеренъ хлорофилла“* въ „Трудахъ 1-го съѣзда русск. естеств. въ Спб.“; изд. въ 1868 г., тоже на нѣмецкомъ языкѣ въ Бюллетенѣ Академіи. Здѣсь устанавливается необходимость свѣта для проростанія споръ папоротниковъ. Съ тѣхъ поръ фактъ этотъ неоднократно оспаривался, однако, въ концѣ концовъ, подтвердился. 3) *„Ueber die Wirkung des Lichts auf die Vertheilung der Chlorophyllkörner“* въ Бюллетенѣ Акад. 1869 г. Указано перемѣщеніе хлороф. зеренъ не только отъ темноты, но и отъ яркаго свѣта и объясненъ „тѣневые рисунки“ Сакса. 4) *„Ueber den Bau der Blattspitze einiger Wasserpflanzen“* Bot. Ztg. 1870. Указано существованіе устьицъ на кончикѣ листа подводныхъ растеній, считавшихся всегда лишенными таковыхъ. 5) *„О вліяніи температуры на расположеніе зеренъ хлорофилла“* въ Трудахъ Спб. Общ. Ест., т. III (1872). Колебанія температуры, подобно свѣту, могутъ вызывать перегруппировку хлороф. зеренъ въ клѣткахъ. 6) *„Sur la respiration des plantes pendant leur germination“* въ Actes du congrès internat. de Florence (1875). Изученъ ходъ дыханія сѣмянъ кресса.

пророст. при различной температурѣ. 7) *„Физіологическія изслѣдованія надъ дыханіемъ листоносныхъ побѣговъ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. VII (1876)—магистерская диссертація. Устанавливается зависимость энергіи дыханія отъ количества дыхат. матеріала и косвенное вліяніе свѣта, накопляющаго такой матеріалъ. Чѣмъ меньше его остается, тѣмъ бережнѣе онъ расходуется растеніемъ. 8) *„Ueber die Wirkung des Lichtes auf die Entwickelung von Vaucheria sessilis"* въ Bot. Ztg. 1878. Показано, что масло Вошеріи образуется на свѣтѣ и исчезаетъ въ темнотѣ подобно крахмалу Спирогиры. Это и до сихъ поръ единств. случай, гдѣ масло является непосредств. продуктомъ ассимиляціи. 9) *„Ueber die physiologische Rolle und die Verbreitung des Asparagins im Pflanzenreiche"* въ Bot. Ztg. 1878. Предлагается новый методъ микрохимич. изслѣдованія (съ тѣхъ поръ укоренившійся подъ именемъ „Borodin'sche Methode), устанавливается повсемѣстное образованіе аспарагина при голоданіи и строится теорія постояннаго распада и новообразованія бѣлковъ въ растеніи (теорія эта подхвачена впослѣдствіи Детмеромъ). 10) *„О дыханіи въ чистомъ кислородѣ"* въ Труд. Общ. Ест., т. XI (1880). Дыханіе усиливается. 11) *„Untersuchungen über die Pflanzenathmung"* въ Mémoires de l'Acad. de St. Pétersb. (1881). Новыми опытами устанавлитается, противъ возраженій Ришави, зависимость дыханія отъ колич. дыхат. матеріала и указывается на поглощеніе углекислоты сухимъ веществомъ растенія. 11) *„Объ осадкахъ, полученныхъ при обработкѣ разрѣзовъ растит. тканей спиртомъ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XII (1881). Примѣненіе микрохимич. изслѣд. къ открытію тирозина, селитры и др. веществъ. 12) *„О кристаллахъ хлорофилла"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XII (1881) и въ „Bot. Ztg.". Описаны зеленые кристаллы, получающіеся при дѣйствіи спирта и обладающіе замѣчат. свойствами. Весьма вѣроятно, что это и есть настоящій хлорофиллъ живого растенія. 13) *„О сферокристаллахъ Paspalum elegans и микрохимическомъ открытіи лейцина"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XIII (1882). Указанъ способъ открытія лейцина, пользуясь его возгоняемостью. 14) *„Ueber krystallinische Nebenpigmente des Chlorophylls"* въ Бюллетенѣ Акад. (1883). Указано на кристаллизацію двухъ (и даже трехъ иногда) различныхъ желтыхъ пигментовъ, сопровождающихъ хлорофиллъ. 15) *„Къ анатоміи листьевъ Chrysosplenium"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XIV (1883). 16) *О распространеніи гесперидина въ растит. царствѣ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XIV (1883). Основано на анализѣ болѣе 3000 видовъ. 17) *„Sur la répartition des cristaux d'oxalate de chaux dans les feuilles des Légumineuses et des Rosacées"* въ Bull. du congrès internat. de St. Pétersb. (1885)—сравнит. анатомич. изслѣдованія кристаллич. отложеній. 18) *„Объ условіяхъ накопленія лейцина въ растеніяхъ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XVI (1885). Устанавливается существованіе растеній (Гвоздичныя, Гречишныя), при голоданіи накопляющихъ не аспарагинъ, а лейцинъ, и указана необходимость кислорода для образованія аспарагина. 19) *„О кристаллическихъ отложеніяхъ въ листьяхъ Anonaceae и Violarieae"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XXI (1891). 20) *„О диффузномъ отложеніи щавелевокальціевой соли въ листьяхъ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XXII (1892). 21) *„О дыханіи почекъ, распускающихся на срѣзанныхъ вѣтвяхъ"* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XXIII (1893). 22) *„Die in St.-Petersburg befindlichen Herbarien und botanischen Museen"* въ Botan. Centralbl. 1893. Свѣдѣнія о гербаріяхъ и другихъ коллекціяхъ ботанич. кабинета Спб. Лѣснаго Института. 23) *„Добавленія къ флорѣ Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи* въ Труд. Спб. Общ. Ест., т. XXV (1895). 24) *„Ботаническія экскурсіи лѣтомъ 1895 г. въ Валдайскомъ уѣздѣ Новгор. губ. и въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губ."* въ Проток. Имп. Спб. Общ. Ест. 1896 г. 25) *„По озерамъ Валдайскаго и Крестецкаго уѣздовъ"* (Тамъ же). Послѣднія три сообщенія основаны на лѣтнихъ экскурсіяхъ

въ окрестностяхъ Бологова, завершившихся устройствомъ, совмѣстно съ М. С. Воронинымъ, прѣсноводной біологической станціи на берегахъ Бологовскаго озера. Сверхъ того книги и учебники: 1) *Новѣйшіе Успѣхи Ботаники*. Спб. 1880. 2) *Процессъ оплодотворенія въ растит. царствѣ*. Спб. 1888 и 2-е изд. 1896. 3) *Курсъ анатоміи растеній*. Спб. 1888. 4) *Краткій учебникъ Ботаники*. Спб. 1-е изд. 1888 и 4-е изд. 1896. 5) *Протоплазма и витализмъ*. Рѣчь [1]) Спб. 1895.

Переводы: 1) *Саксъ*. Учебникъ Ботаники (вм. съ Розановымъ). 2) *Мейеръ*. Учебникъ Землед. Химіи (вм. съ Гуссаковскимъ). 3) *Гартвигъ*. Клѣтки и ткани (вм. съ Холодковскимъ). Спб. 1894.

* **Бородина**, Александра Григорьевна, жена Ив. П. Бородина [2]) (урожденная *Перетцъ*), родилась 25 окт. 1846 года въ Петербургѣ; образованіе получила въ частномъ французскомъ пансіонѣ г-жи Заливкиной (бывш. M-me Ott), гдѣ и окончила курсъ въ 1861 г., а въ 1862 г. выдержала въ петерб. университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу. Въ издававшейся въ 1862 г. газетѣ «Современное Слово» была напечатана первая литературная замѣтка ея «*Объ эмансипаціи женщинъ*», а вслѣдъ затѣмъ были помѣщены тамъ же и записки «*Изъ воспоминаній пансіонерки*». Въ 1864 и 1865 г. Б. переводила для внутренняго отдѣла «Сѣв. Почты», въ 1865—69 гг. помѣщала статьи по женскому вопросу въ «С.-Пет. Вѣд.». Въ 1865 г. вышла замужъ за С. Н. Степанова, въ 1868—70 гг. работала въ сатирич. журналѣ «Будильникъ», подписывая свои статьи псевдонимомъ *Горикъ*. Въ 1870 г. издала и перевела съ А. Н. Энгельгардтъ романъ Флобера *Сантиментальное воспитаніе*, и романъ Альфреда Мюссе *Исповѣдь сына вѣка*. Въ слѣдующей десятилѣтній періодъ было переведено ею въ разныхъ журналахъ много романовъ, какъ-то: «*Вавилонское столпотвореніе* въ «Дѣлѣ» 1871 г., *Фрицъ Эльродтъ*, *Духовное сродство* и *Парижскіе шалопаи* въ «Отдѣльн. романахъ» Львова и др. Въ «Пчелѣ» (Микѣшина) Б. помѣщала переводы нѣм., франц. и англ. авторовъ, между прочими были напечатаны изъ «Сказокъ Нинонѣ» Золя *Та, которая меня любитъ*, *Фея Любовь*, *Нинонъ*. Въ 1879 г. были переведены и изданы *Птичьи сказки* д-ра Бальдамуса подъ ред. проф. зоологіи д-ра Гримма, а въ 1880, *Фантастическія сказки* Я. Годинъ. Въ 1872 г. Б. писала библіографич. фельетоны въ газетѣ «Новое Время», ред. Устрялова, тамъ же помѣщались ею еженедѣльные обзоры журналовъ, подписывавшіеся также, какъ и фельетоны иниціалами *А. С.* Въ тоже время Б. вступила во второй бракъ съ проф. И. П. Бородинымъ. Въ 70-хъ гг. участвовала въ моск. журналѣ Пушкарева «*Московское обозрѣніе*», гдѣ были помѣщены ея путевыя замѣтки, озаглавленныя *Картинки*

---

[1]) Рѣчь эта, произнесенная на юбилейномъ собраніи Имп. Спб. Общ. Ест. 28 декабря 1893 г., напечатанная въ журналѣ „Міръ Божій", а затѣмъ отдѣльною брошюрою (въ пользу фонда на устройство безплатныхъ народныхъ читаленъ), произвела нѣкоторое впечатлѣніе, вызвавъ нѣсколько отвѣтовъ и рецензій (Тимирязевъ, М. Филипповъ, Гольдштейнъ, Эльпе и др.) большею частью неблагопріятныхъ.

[2]) Ср. *Кн. Голицынъ*, Словарь рус. писательницъ, стр. 237.

съ натуры, повѣсть *Драма въ сумасшедшемъ домѣ* и др. Съ 1878—92, училась на Бестужевскихъ курсахъ по словесному отдѣленію. Въ 1894 г., напечатала въ журналѣ «Міръ Божій» два перевода изъ Золя (Изъ сказокъ Нинонѣ) *Кровь* и *Сестра бѣдныхъ*. Напеч. также разборъ сочин. Авенаріуса «*Юношескіе годы Пушкина*» въ «Филологич. Библіотекѣ» (1894, II вып.). Въ 1894 же году Б. приняла на себя иниціативу въ дѣлѣ поднесенія подарка и адреса M-me Adam отъ русск. женщинъ.

* **Бредихинъ**, Ѳедоръ Александровичъ, выдающійся астрономъ [1]; сынъ флота капитанъ-лейтенанта Александра Ѳедоровича Б., родился 26 ноября 1831 г. въ г. Николаевѣ, херс. губ.

Фамилія Бредихиныхъ, какъ гласятъ ея дворянскія грамоты, служила Россійскому Престолу стольниками и въ иныхъ чинахъ и Бредихины жалованы были отъ Государей въ 1613 и другихъ годахъ помѣстьями (въ московской, курской, костромской и позднѣе въ херсонской губерніяхъ) и внесена въ родословную книгу, въ 6-ую часть, древняго дворянства.

Прадѣдъ Ѳ. А., Сергѣй Александровичъ, былъ капитанъ-поручикомъ Преображенскаго полка во время вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II. Государыня относилась къ нему весьма милостиво, о чемъ свидѣтельствуютъ крупныя денежныя пожалованія и возведеніе его въ камеръ-юнкеры.

Сынъ его, дѣдъ Ѳ. А., Ѳедоръ Сергѣевичъ служилъ въ конной гвардіи и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ. Въ 1797 г. пожалованы были ему 4500 десятинъ земли въ Новороссіи, въ херсонскомъ уѣздѣ, куда онъ и переселился и принялъ должность херсонскаго предводителя дворянства. Тамъ онъ женился на дочери извѣстнаго атамана запорожскаго войска Сидора Бѣлаго, убитаго подъ крѣпостью Кинбурномъ.

Мать Ѳ. А. была урожденная Рогуля, сестра полнаго адмирала Рогули, второго коменданта Севастополя во время его осады. Почти всѣ дяди Ѳ. А. (8 человѣкъ), по отцу и по матери, были моряки.

Ѳ. А. до 14-тилѣтняго возраста воспитывался въ домѣ родителей, въ степной деревнѣ отца, въ херсонскомъ уѣздѣ, подъ руководствомъ достойнаго педагога, отставного директора херсонской гимназіи, кандидата математическихъ наукъ Захара Степановича Соколовскаго, благотворно повліявшаго на его умственное развитіе и внушившаго ему уваженіе и любовь къ наукѣ. Въ 1845 г. помѣщенъ былъ въ благородный пансіонъ при Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, а въ 1849 г. перешелъ въ студенты лицея. Но лицей не вполнѣ удовлетворялъ его желанію учиться, почему въ 1851 г. онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1855 г. Во время прохожденія университетскаго курса Б. интересовался глав-

---

[1]) Ср. о немъ: 1) *Иконниковъ*, Слов. проф. кіев. унив. 2) „Энц. Сл. *Брокгаузъ Ефрона*“.

нымъ образомъ физикою, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался поступить либо во флотъ, либо въ артиллерію. Лишь на послѣднемъ курсѣ началъ онъ интересоваться астрономіею, съ тѣхъ поръ какъ профессоръ астрономіи Драшусовъ сталъ приглашать его на обсерваторію. Слѣдующіе затѣмъ два года прошли частью въ занятіяхъ на обсерваторіи, частью въ приготовленіи къ магистерскому экзамену, по выдержаніи котораго онъ былъ назначенъ, въ 1857 г., адъюнктомъ по каѳедрѣ астрономіи въ московскомъ университетѣ. Эту каѳедру занималъ онъ 33 года, до переѣзда въ С.-Петербургъ, уже со званіемъ заслуженнаго профессора и чиномъ тайнаго совѣтника. Въ 1873 г., послѣ смерти Б. Я. Швейцера, Ѳ. А. принялъ на себя должность директора московской обсерваторіи, пріобрѣвшей подъ его управленіемъ почтенную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Съ 1860 г. Ѳ. А. женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Бологовской, изъ дворянъ костромской губерніи. Дѣтей въ живыхъ не имѣетъ.

Ѳ. А. былъ однимъ изъ членовъ-учредителей основаннаго въ 1864 г. московскаго математическаго общества. Въ 1877 г. онъ вступилъ въ члены международнаго астрономическаго общества, и въ томъ же году избранъ въ члены-корреспонденты Имп. Академіи Наукъ, а въ 1880 г. въ почетные члены имп. московскаго общества любителей естествознанія. Въ 1883 г. поднесла ему дипломъ дѣйствительнаго члена старинная Леопольдино-Каролинская Академія въ Германіи. Въ 1884 г. онъ избранъ въ почетные члены королевскаго астрономическаго общества въ Лондонѣ и ливерпульскаго астрономическаго общества, а въ 1886 въ почетные члены имп. московскаго общества испытателей природы, которое, послѣ смерти К. И. Ренара, избрало его въ сентябрѣ того же года своимъ призедентомъ. Президентское кресло въ этомъ обществѣ онъ занималъ до конца 1890 года. Въ 1889 г. Ѳ. А. избранъ въ члены-корреспонденты итальянскаго общества спектроскопистовъ и математическаго и естественно-историческаго общества въ Шербургѣ, а въ 1891 г. въ почетные члены харьковскаго математическаго общества и въ члены имп. русскаго географическаго общества. Въ 1892 г. Падуанскій университетъ поднесъ ему почетную степень доктора философіи, а въ 1894 г. «Бюро Долготъ» въ Парижѣ избрало Ѳ. А. своимъ членомъ-корреспондентомъ. Весною 1890 г. Ѳ. А. избранъ въ ординарные академики имп. академіи наукъ, и вслѣдъ затѣмъ назначенъ на важнѣйшій для русскаго астронома постъ директора Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ, научная и учебная дѣятельность которой, подъ его управленіемъ, значительно оживилась и расширилась. По учрежденіи, въ декабрѣ 1890 г., русскаго астрономическаго общества, Ѳ. А., уступая единодушному желанію его членовъ, принялъ званіе перваго его президента.

Ученые труды Ѳ. А. Бредихина (болѣе 130 книгъ и статей) по содержанію своему группируются въ шесть отдѣловъ: теорія кометныхъ формъ, теорія падающихъ звѣздъ, астрофизика, прочія отрасли астрономіи, астро-

номическія наблюденія, популярная астрономія. Большинство ихъ, на французскомъ языкѣ, напечатано въ 12 томахъ изданныхъ имъ «Annales de l'Observatoire de Moscou 1874—1890. Moscou. 4°». Остальные частью вышли отдѣльными изданіями, частью помѣщены въ бюллетенѣ имп. москов. общ. испыт. природы, въ бюллетенѣ имп. академіи наукъ, въ московскомъ математическомъ сборникѣ и въ различныхъ иностранныхъ ученыхъ журналахъ.

Первые труды Ѳ. А. относятся къ теоріи кометъ:

О хвостахъ кометъ. Москва. 1862. (Магист. диссертація). *Возмущенія кометъ, происходящія отъ сопротивленія эфира*. Москва. 1863. *Возмущенія кометъ, независящія отъ планетныхъ притяженій*. Москва. 1864. (докторская диссертація). *Изліяніе вещества изъ ядра большой кометы 1862 года*. Москва. 1864. *Колебанія кометнаго ядра*. (Москов. Мат. Сборникъ, 1867).

Статьи въ журналѣ „Astronomische Nachrichten“: *Quelques mots sur les queues des comètes*. 1861.; *Sur la direction des queues des comètes de* 1844 III et de 1853 III. 1861.; *Sur la comète de 1861* II. 1869.; *Sur la queue anomale de la comète de 1862* III. 1876.; *Sur la queue normale de la comète de 1862* II. 1876.; *Sur la queue de la comète 1862* II. 1877.

Сначала въ этихъ сочиненіяхъ излагается, исправленная авторомъ, Бесселева теорія и изслѣдуются соотношенія между притягательною силою солнца и отталкивательною силою, развивающеюся внутри кометъ; затѣмъ, шагъ за шагомъ, развивается эта теорія, открываются совершенно новые взгляды, какъ напр., извѣстный законъ автора о трехъ типахъ кометныхъ хвостовъ, обусловливаемыхъ различнымъ атомистическимъ составомъ кометъ, подвергаются вычисленію всѣ достаточно наблюденныя свѣтлыя, имѣвшія хвосты, кометы; и когда исчерпывается собранный наблюдателями матеріалъ, — совокупность этихъ долголѣтнихъ трудовъ представляетъ собою стройную, законченную, совершенно новую теорію. Сюда относятся, кромѣ вышеприведенныхъ первыхъ трудовъ, *35 статей во всѣхъ томахъ Анналовъ Московской обсерваторіи*, кромѣ перваго (преимущественно: Remarques générales sur les comètes т. V; Recherches sur les queues des comètes, т. V, VI, VII; Sur la constitution des queues des comètes, т. V, VI, Sur les syndynames et les synchrones dans les comètes, т. X; Nouvelles recherches sur les comètes, т. XI; Sur l'origine des comètes périodiques, т. XII; и проч.).

Многія статьи о кометахъ встрѣчаются и въ бюллетенѣ Имп. Москов. Общ. испытателей природы; изъ нихъ не вошли въ Анналы Моск. Обс. слѣдующія заглавія: Хвосты кометъ *b* и *c* 1881 года. 1881; Sur la comète de 1825 IV. 1881; Quelques formules de la théorie du comètes. 1884: Sur l'anomalie apparente de la structure de la grande comète de 1744—1884.; и наконецъ въ бюллетенѣ Имп. Академіи наукъ: Sur les phénoménes extraordinaires présentés par la grande comète de 1882—1890. Les isody-

names et les synchrones de la comète 1893, IV. 1894 г. Mouvement des substances émises par les comètes 1893 II et 1893 IV. Variations séculaires de l'orbite de la comète 1862 III et de ses orbites dérivèes. 1895 г. Собрать въ одну книгу всѣ мысли, изслѣдованія и открытія, разсѣянныя въ этой массѣ статей, было бы почтенною заслугою въ области науки.

Не менѣе важны и новыя изслѣдованія Ѳ. А. Б. о падающихъ звѣздахъ, составляющія въ сущности дальнѣйшее развитіе его теоріи кометъ. Собственныя наблюденія автора и организованныя по его иниціативѣ наблюденія другихъ астрономовъ встрѣчаются во II-мъ и IV-мъ томахъ Московскихъ наблюденій. Обработка ихъ, равно какъ и иностранныхъ наблюденій, приводитъ автора къ чрезвычайно интереснымъ результатамъ; не только опредѣляются орбиты движенія метеорныхъ потоковъ, но объясняются аналитически всѣ подробности измѣненія этихъ движеній, какъ вслѣдствіе внутреннихъ силъ въ кометахъ, породившихъ эти потоки, такъ и вслѣдствіе возмущающаго дѣйствія встрѣчающихся съ ними планетъ. Теорія метеоровъ, считавшаяся до послѣдняго времени недостаточно подготовленною наблюдателями для приложенія къ ней математическаго анализа, и потому предоставлявшаяся астрономами почти исключительно на долю любителей, возводится этими работами въ высшую область астрономіи, въ область небесной механики, образуя въ ней совершенно новый, какъ по существу, такъ и по способамъ вычисленій, отдѣлъ. Сочиненія Ѳ. А. по этой части слѣдующія:

Sur l'origine des étoiles filantes. 1890. (Annales, XII). *Sur les propriétés importantes des courants météoriques.* 1890 (тамъ же). *Sur les Perséides observès en Russie en 1890.* 1892, 1893, 1894 гг. (Бюлл. Академіи Наукъ). *Sur les radiants des Andromédides.* 1891 (тамъ же). *Sur l'origine et les orbites du systeme des Aquarides 1896* (тамъ же).

Сюда же принадлежатъ нѣсколько сообщеній, сдѣланныхъ въ Русскомъ Астрономическомъ Обществѣ.

Къ области астрофизики принадлежатъ: наблюденія поверхности Юпитера съ многочисленными рисунками (Annales II—VII, IX), спектроскопическія наблюденія солнца (Ann. II—IX), наблюденія спектровъ кометъ (Ann. IV, VI, IX) и спектровъ туманностей (Ann II, III), а также статьи «*Spectre des Nébuleuses*» въ журналѣ итальянскихъ спектроскопистовъ за 1875 г. и «*Спектральныя линіи планетарныхъ туманностей*» въ «Москов. Математич. Сборникѣ» 1876 г. Въ особенности цѣнны наблюденія надъ спектрами кометъ, произведенныя въ такое время, когда лишь единичныя личности между астрономами умѣли пользоваться спектроскопомъ съ истинною пользою для науки. Поэтому спектральныя наблюдія кометъ, произведенныя Ѳ. А., послужили главнѣйшимъ матеріаломъ для современнаго ученія о физическомъ составѣ кометъ и для электрической теоріи ихъ свѣченія.

Въ названныхъ направленіяхъ Ѳ. А. трудился настойчиво, но опредѣленно

намѣченному плану, въ теченіи долгихъ лѣтъ. Ученые же труды его по различнымъ другимъ отраслямъ астрономіи и геодезіи имѣютъ болѣе случайный характеръ. Таковы:

Нѣсколько словъ по поводу новой теоріи (*поля зрѣнія и увеличенія оптическихъ снарядовъ*) *г. Любимова*. 1872. (Москов. Матем. Сборн.).

Table auxiliaire pour le calcul des réfractions. 1875. (Annales II). *Sur l'équation personnelle absolue*. 1876. (Ann. II). *Inégalités de la vis micrométrique du grand rèfracteur*. 1876. (Ann. II). *Sur la parallaxe de l'étoile nèbuleuse* H. IV 37. 1877. (Ann. III). *Sur la résistance de l'éther produite par le mouvement de translation du systéme solaire*. 1880. (Ann. VI). *Expériences faites avec le pendule á réversion*. 1882. (Ann. VIII). *Sur le milieu résistant*. 1883. (Ann. IX). *Note sur le pendule á réversion*. 1883. (Ann. IX). *Sur l'hypothése des ondes cosmiques, composeé pour l'explication des formes cométaires*. 1884. (Ann. X). (Критика гипотезы проф. Шведова).

Многія изъ наблюденій, послужившихъ основаніемъ для вышепоименованныхъ трудовъ, произведены самимъ авторомъ. Другія астрономическія наблюденія его частью послужили цѣннымъ матеріаломъ для ученыхъ изслѣдованій другихъ астрономовъ, частью ожидаютъ еще вывода изъ нихъ результатовъ. Не считая наблюденій, о которыхъ была уже рѣчь, эти наблюденія слѣдующія: наблюденія звѣздъ меридіаннымъ кругомъ (Annales III, IV); наблюденія положеній кометъ рефракторомъ (Ann. II, IV, VI, VII, IX); микрометрическія измѣренія звѣздныхъ кучъ (Ann. III, IV, V); наблюденія положеній планетъ (Ann. II, IV); наблюденія затменій (Ann. IV).

Наблюденія эти съ осени до весны производились на московской университетской обсерваторіи, а во время лѣтнихъ вакацій на собственной обсерваторіи Б. въ его усадьбѣ Погостъ близъ Кинешмы, костромской губерніи. Главные инструменты погостской обсерваторіи перешли въ собственность нижегородскаго кружка любителей астрономіи и физики.

Изъ популярныхъ сочиненій наиболѣе извѣстны: *Публичныя лекціи астрономіи* (въ журналѣ «Природа»); *Отклоненія отвѣса въ Московской губерніи*; *Кометы*; *Падающія звѣзды; Прошедшее и настоящее тѣлъ солнечной системы, преимущественно земли* (въ «Бесѣдѣ» 1871 г.) и др.

Свободное отъ ученыхъ трудовъ по своей спеціальности время Ѳ. А. нерѣдко посвящалъ литературнымъ занятіямъ, переводя стихами произведенія иностранныхъ, преимущественно итальянскихъ авторовъ. Нѣкоторые изъ его переводовъ напечатаны въ русскихъ журналахъ, какъ-то: *переводъ трагедіи «Виргинія» Альфіери* въ «Вѣстникѣ Европы» 1871 г. (№ 7) *переводъ «Герцога Миланскаго»*, трагедіи одного изъ предшественниковъ Шекспира; въ «Кругозорѣ». Переводъ трагедіи *«Франческа ди Римини» Сильвіо Пеллико*, къ сожалѣнію, затерянъ до напечатанія въ одной московской редакціи.

О Бредихинской теоріи кометныхъ формъ.

Значительная часть научныхъ работъ Ѳ. А. Бредихина относится къ изслѣдованію и изученію тѣхъ своенравныхъ и загадочныхъ формъ, извѣстныхъ подъ именемъ «кометныхъ хвостовъ», которыя съ самыхъ древнихъ временъ обращали на себя вниманіе человѣчества, въ старину вселяли въ него удивленіе и ужасъ, а теперь представляются намъ занимательными и поучительными явленіями, въ изученіи которыхъ кроется, можетъ быть, разрѣшеніе многихъ важныхъ задачъ міроздания.

Знаменитый Бессель первый указалъ математическій путь для изслѣдованія этихъ сложныхъ явленій и приложилъ свои формулы къ изученію развитія хвоста Галлеевой кометы при второмъ ея появленіи въ 1835 году; еще раньше его Ольберсъ (1812 г.) указывалъ на необходимость допустить, при объясненіи этихъ явленій, существованіе новой силы въ междупланетномъ пространствѣ до сихъ поръ еще не разсматривавшейся тамъ учеными: эта новая сила есть *отталкивательное дѣйствіе* солнца на частицы весьма разрѣженной кометной матеріи — дѣйствіе, прямо противоположное обыкновенному Ньютоніанскому притяженію и, подобно ему, убывающее пропорціонально квадрату разстоянія отъ центральнаго свѣтила. Подъ вліяніемъ такой силы, какъ показалъ еще Ньютонъ, вѣсомыя частицы должны двигаться по той вѣтви гиперболы, которая выпукла къ солнцу, и такимъ образомъ навсегда удаляться отъ него [1]); сочетаніемъ этой новой силы съ обыкновеннымъ Ньютоніанскимъ притяженіемъ, а также съ внутренними силами кометы, и обусловливаются, какъ оказывается теперь, всѣ эти интересныя, прежде загадочныя и даже грозныя явленія.

Ольберсъ отождествлялъ новую силу съ электрическимъ отталкиваніемъ; но очевидно, что при постановкѣ вопроса объ изслѣдованіи кометныхъ формъ на чисто механическую и математическую почву безразлично, какое бы физическое объясненіе ни давалось разсматриваемой силѣ, разъ только мы задались впередъ болѣе или менѣе вѣроятной гипотезой о законахъ дѣйствія этой силы. Задача теоретическаго изслѣдованія и состоитъ именно въ томъ, чтобы, прилагая къ изучаемымъ явленіямъ могущественное орудіе математическаго анализа, показать, насколько дѣйствительные факты соглашаются съ принятой гипотезой; для этого конечно необходимо собрать и обработать возможно бо̀льшее число такихъ фактовъ; изслѣдователь подвергаетъ эти факты строгой критикѣ, классифицируетъ ихъ и, составивъ себѣ такимъ путемъ картину изучаемаго явленія со всѣми его подробностями и во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, приступаетъ затѣмъ къ болѣе точному и строгому сравненію добытаго изъ природы съ математическими слѣдствіями допущенной гипотезы. Это сравненіе рѣшаетъ участь гипотезы, а потомъ остается только приступить къ наиболѣе вѣроятному физическому объясненію ея.

---

[1]) Въ фокусѣ другой вѣтви гиперболы находится само солнце.

Такимъ именно путемъ шелъ Ѳ. А. Бредихинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ кометныхъ формъ; онъ изучилъ болѣе сорока кометъ, другими словами, всѣ яркія кометы, о положеніи и фигурѣ хвостовъ которыхъ можно было найти свѣдѣнія въ старинныхъ хроникахъ и въ болѣе новыхъ публикаціяхъ; при этомъ онъ пользовался сначала приближенными формулами Бесселя для качественнаго изслѣдованія явленія и для вычисленія величины отталкивательной силы солнца, подъ вліяніемъ которой движутся частицы разрѣженной матеріи, вытекающей изъ ядра кометы и образующей хвостъ того или другого вида. Уже въ 1877 году было высказано имъ подозрѣніе, что, относительно величины этой силы, всѣ кометы раздѣляются *на три основныя группы или типа,* для каждаго изъ которыхъ она остается почти одинаковой; въ сентябрѣ 1878 года, на основаніи значительнаго матеріала, онъ высказывается уже опредѣленно въ этомъ смыслѣ и даетъ среднюю величину отталкивательной силы для каждаго изъ трехъ типовъ хвостовъ. Съ этихъ поръ начинается въ работахъ Ѳ. А. Бредихина вторая стадія, а именно: болѣе подробное сравненіе теоріи съ собранными и собираемыми фактами съ помощью строгихъ формулъ гиперболическаго движенія, которыя онъ вскорѣ послѣ этого вывелъ, убѣдившись на опытѣ въ недостаточности приближенныхъ формулъ Бесселя (и другихъ) для болѣе точнаго количественнаго изслѣдованія явленія во всѣхъ его частяхъ.

Послѣдующія изысканія послужили, во-первыхъ, къ полному подтвержденію дѣленія кометныхъ хвостовъ на три типа, а, во-вторыхъ—къ болѣе точному опредѣленію величины отталкивательной силы для каждаго типа; вотъ результаты этихъ замѣчательныхъ изслѣдованій: всѣ обыкновенные, такъ называемые нормальные, хвосты кометъ, въ образованіи которыхъ играетъ роль отталкивательная сила солнца, по существу *отвращены* отъ него, т.-е. расположены *внѣ площади орбиты кометы* [1], однако направлены не прямо противоположно солнцу, но нѣсколько уклонены отъ линіи, соединяющей солнце съ кометой (радіуса—вектора) въ ту сторону, *откуда* идетъ комета; это отклоненіе тѣмъ *болѣе*, чѣмъ *менѣе* величина отталкивательной силы, образующей хвостъ; хвосты перваго типа, наименѣе уклоненные, очень прямы, часто весьма длинны и развиваются подъ вліяніемъ отталкивательной силы, въ $17^1/_2$ разъ превосходящей по абсолютной величинѣ силу обыкновеннаго Ньютоніанскаго притяженія (на томъ же разстояніи отъ солнца); таковы хвосты кометъ 1811-го, 1843-го, 1874-го года, Галлевой и многихъ другихъ; въ хвостахъ этого типа частицы движутся по вѣтви гиперболы, выпуклой къ солнцу. Хвосты второго типа болѣе отклонены отъ радіуса-вектора, изогнуты, часто весьма ярки, короче и шире хвостовъ перваго типа; иногда они состоятъ изъ ясно отдѣлимыхъ полосъ (напр., комета Шезо 1744-го года); къ этому типу принадлежитъ главный хвостъ кометы Донати (1858 г.), у которой былъ также слабый хвостъ перваго типа. Второму

[1] Ось хвоста, представляющаго одинъ или нѣсколько вложенныхъ другъ въ друга полыхъ коноидовъ, *всегда* лежитъ въ *плоскости* орбиты кометы.

типу соотвѣтствуетъ отталкивательная сила, только на одну десятую долю превосходящая обыкновенное притяженіе (1.1); собственно говоря, такая сила соотвѣтствуетъ частицамъ, находящимся на средней линіи фигуры хвосты (на оси хвоста), а отъ одного края до другого она можетъ мѣняться въ предѣлахъ отъ 2.2 до 0.5 той же единицы; въ хвостахъ этого типа можетъ встрѣтиться любопытный случай движенія по прямой линіи безъ дѣйствія силъ (по инерціи) [1]. Хвосты третьяго типа бываютъ очень коротки, широки и слабы и значительно отклонены отъ радіуса-вектора въ указанную сторону; имъ соотвѣтствуетъ отталк. сила, равная одной пятой силы обыкновеннаго притяженія и мѣняющаяся въ предѣлахъ отъ 0.1 до 0.3; здѣсь обыкновенное притяженіе является только нѣсколько ослабленнымъ и потому частицы двигаются въ этомъ случаѣ по вѣтви гиперболы, вогнутой къ солнцу; хвосты этого типа у свѣтлыхъ кометъ большею частью встрѣчаются только въ соединеніи съ хвостами другихъ типовъ (комета Галлея и проч.).

Надо замѣтить, что частицы кометной матеріи, вытекающія изъ ядра, не просто отдѣляются отъ него и подчиняются затѣмъ отталкивательной силѣ, но, вообще говоря, выбрасываются изъ ядра съ нѣкоторою начальною скоростью: величина этой скорости, совокупно съ величиною отталкивательной силы, обусловливаетъ между прочимъ размѣры головы кометы и слѣдовательно наоборотъ можетъ быть вычислена, если эти размѣры получены изъ наблюденія. Изъ подобныхъ изслѣдованій Ѳ. А. Бредихинъ пришелъ къ важному заключенію, что величина начальной скорости частицъ также *постоянна* въ извѣстныхъ предѣлахъ для каждаго типа; именно: для хвостовъ перваго типа въ среднемъ она равна $6^1/_2$ километрамъ въ секунду (предѣлы 3—10 килом.), для второго типа $1^1/_2$ километра (предѣлы 0.9—2.1 кил.) и для третьяго отъ 300 до 600 метровъ въ секунду. Относительно приведенныхъ чиселъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что величина отталкивательной силы для перваго и третьяго типовъ опредѣляется изъ наблюденій съ значительно меньшей точностью, чѣмъ для 2-го типа; особенно, если хвостъ коротокъ. Приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя относительно дѣленія хвостовъ на типы: сорокъ кометъ, изслѣдованныхъ Ѳ. А. Бредихинымъ по 1885 годъ, имѣли въ общей сложности 62 хвоста; изъ нихъ къ первому типу принадлежали 22 хвоста, ко второму 26 и къ третьему 14; въ двухъ случаяхъ кометы имѣли хвосты всѣхъ трехъ типовъ (двѣ кометы 1882-го года очень близко подходившія къ солнцу); затѣмъ первый типъ чаще соединялся со вторымъ (13 случаевъ), чѣмъ съ третьимъ (6 случаевъ), въ трехъ случаяхъ второй типъ соединялся только съ третьимъ; 4 кометы имѣли по одному только хвосту перваго типа, 9 кометъ—второго и 5 кометъ—третьяго.

Обратимся теперь къ физическому объясненію дѣленія кометныхъ хвостовъ

---

[1]) Когда сила обыкновеннаго притяженія уравновѣшивается съ отталкивательной силой при нѣкоторой начальной скорости.

на три типа, предложенному Ѳ. А. Бредихинымъ въ первый разъ въ апрѣлѣ 1879 года. Съ очень большою вѣроятностью можно предположить, что отталкивательная сила есть результатъ электрической энергіи солнца, дѣйствующей на частицы кометной матеріи, пришедшей подъ вліяніемъ тепловыхъ и свѣтовыхъ лучей въ состояніе крайней диссоціаціи; это допущеніе тѣмъ болѣе законно, что теперь вполнѣ доказано электрическое вліяніе солнца на тѣла солнечной системы (связь періодичности солнечныхъ пятенъ съ полярными сіяніями и магнитными бурями на земной поверхности). Изъ этого допущенія, на основаніи работъ Цёлльнера, вытекаетъ такое слѣдствіе: отталкивательная сила солнца должна быть *больше* или *меньше*, въ зависимости отъ молекулярнаго вѣса частицъ кометной матеріи, и именно: *обратно пропорціональна этому вѣсу*. Отсюда слѣдуетъ, что съ приближеніемъ къ солнцу комета будетъ развивать хвостъ того или другого типа, или даже нѣсколькихъ типовъ, смотря по тому, какой молекулярный вѣсъ имѣютъ частицы ея матеріи, другими словами—каковъ ея химическій составъ; поэтому по величинѣ отталкивательной силы, найденной изъ наблюденій, мы можемъ судить, какіе элементы входятъ въ составъ хвоста данной кометы, и обратно, получивъ понятіе о химическомъ составѣ кометы помощью спектральнаго анализа, мы можемъ вычислить, какой величины отталкивательная сила дѣйствуетъ на комету. Посмотримъ теперь, какъ согласуется теорія съ наблюденіями: принимая величину отталкивательной силы для перваго типа за единицу и выписывая молекулярные вѣса нѣкоторыхъ химическихъ элементовъ и соединеній, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Типы.	Отталк. сила.	Отношеніе къ I-му типу.	Молекулярные вѣса.	
I.	17.5	1	Водородъ	$H = 1$
II.	2.2	8	Болотный газъ	$CH_4 = 8$
			Углеродъ	$C = 12$
	1.1	16	Этиленъ	$C_2H_2 = 13$
			Азотъ.	$N = 14$
			"	$C_2H_4 = 14$
			"	$C_2H_6 = 15$
			Натрій	$Na = 23$
			Синеродъ	$C_2N_2 = 26$
	0.5	35	"	$HCy = 27$
			Калій	$K = 39$
III.	0.3	58	Желѣзо	$Fe = 56$
			Мѣдь	$Cu = 64$
	0.2	88	Свинецъ	$Pb = 104$
			Серебро	$Ag = 108$
	0.1	175	Золото	$Au = 197$

Изъ этой таблицы ясно, что если хвосты перваго типа состоятъ изъ *водорода*, то въ составъ хвостовъ второго типа должны входить *углеводороды, металлоиды и легкіе щелочные металлы*; наконецъ третій типъ долженъ содержать *тяжелые металлы*; комета развиваетъ хвосты одного или нѣсколькихъ типовъ, смотря по тому, какіе элементы входятъ въ ея составъ и насколько эти элементы диссоціировались подъ вліяніемъ солнечной энергіи. Теперь совершенно ясно, почему хвосты перваго типа стоятъ особнякомъ и почему во второмъ типѣ отталкивательная сила мѣняется въ извѣстныхъ предѣлахъ, понятно также, что третій типъ долженъ встрѣчаться рѣже и притомъ большею частью въ соединеніи съ другими типами, такъ какъ требуется сильное и продолжительное вліяніе солнечныхъ лучей на комету, чтобы диссоціировать элементы съ большимъ молекулярнымъ вѣсомъ; притомъ эти хвосты всегда слабы и трудно отдѣлимы отъ хвостовъ второго типа.

До 1879 года, когда Ѳ. А. Бредихинъ впервые излагалъ эту гипотезу, и даже позже, изъ спектральныхъ изслѣдованій свѣта кометъ имъ самимъ, Фогелемъ, Гассельбергомъ и другими было несомнѣнно констатировано въ кометахъ только присутствіе углеводородовъ; но 31-го мая (н. с.) 1882 года Фогель замѣтилъ въ спектрѣ кометы Wells'а желтую свѣтлую линію, несомнѣнно принадлежащую *натрію*; то же самое было замѣчено совершенно независимо Бредихинымъ и Dunér'омъ въ этотъ и въ слѣдующіе дни; наконецъ, что еще болѣе поразительно, въ спектрѣ большой кометы того же года утромъ 18-го сентября астрономы Copeland и Lohse нашли *несомнѣнныя линіи желѣза*; такимъ образомъ теоретическое указаніе получило самое блестящее подтвержденіе, какого только можно было ожидать; надо замѣтить, что большая комета 1882 года подходила очень близко къ солнцу и имѣла хвосты всѣхъ трехъ типовъ. Принимая во вниманіе съ одной стороны указанную выше сравнительную неточность опредѣленія величины отталкивательной силы для перваго и третьяго типовъ, а съ другой стороны—несовершенство спектральнаго анализа кометъ и наше недостаточное знаніе физическихъ условій, въ которыхъ находится кометная матерія, можно смѣло сказать, что только подобными причинами обусловливается неполное пока совпаденіе чиселъ приведенной ниже таблицы, а также ненахожденіе въ кометахъ того или другого элемента [1]); полное соглашеніе теоріи съ наблюденіями есть вопросъ будущаго, но и теперь уже мы въ состояніи теоретически построить хвостъ кометы и въ общихъ чертахъ предсказать ходъ явленія. Здѣсь неумѣстно, конечно, приводить математическія формулы, знакомство съ которыми необходимо для изученія теоріи во всѣхъ ея деталяхъ; скажу только, что съ помощью послѣднихъ мы можемъ слѣдить мысленнымъ окомъ за каждой частичкой матеріи, вышедшей при извѣстныхъ условіяхъ изъ кометнаго ядра; совокупное положеніе всѣхъ частичекъ для дан-

[1]) Въ послѣднее время (1895—96 годъ) въ астрофизической литературѣ встрѣчаются указанія на присутствіе въ кометахъ *свободнаго водорода*.

наго времени, въ проэкціи на небесный сводъ, дастъ намъ фигуру хвоста кометы; обратно: наблюдая относительное положеніе различныхъ частей головы и хвоста въ одно и то же, или въ разныя времена, мы можемъ опредѣлить силу, движущую эти части и время ихъ выхода изъ ядра. Конечно эти вычисленія достаточно сложны и трудны; дальнѣйшая разработка вопроса очень желательна, но, благодаря работамъ Ө. А. Бредихина, главное и существенное сдѣлано: математическій анализъ взялъ явленіе въ свои руки и каждое новое появленіе яркой кометы прибавитъ только нѣсколько лучей къ свѣту, внесенному въ эту, прежде темную, область.

Упомянемъ еще объ одномъ явленіи въ разсматриваемой нами области, которое является связующимъ звеномъ изложенной теоріи съ другою областью астрономической науки, а именно съ теоріей падающихъ звѣздъ, къ которой относятся новѣйшія работы Ө. А. Бредихина. Въ многочисленныхъ мемуарахъ Бредихина встрѣчаются указанія на наблюденія короткихъ и очень слабыхъ придатковъ, противъ обыкновенія направленныхъ *къ солнцу* и слѣдовательно лежащихъ *внутри* площади орбиты кометы (напр., кометы 1844 и 1882 г. и проч.; всего восемь случаевъ); въ образованіи этихъ, такъ называемыхъ *аномальныхъ* хвостовъ кометъ очевидно *не можетъ* играть роль отталкивательная сила, и Ө. А. Бредихинъ показалъ, что для объясненія ихъ происхожденія вполнѣ достаточно обыкновеннаго притяженія и начальной скорости того же порядка, что и прежде указанная по поводу образованія нормальныхъ хвостовъ. Эти хвосты должны состоять изъ такихъ частицъ кометной матеріи, которыя не успѣли еще разложиться на отдѣльныя молекулы и настолько велики и тяжелы, что обыкновенное притяженіе, которое пропорціонально массѣ частицы, совершенно преобладаетъ надъ отталкивательной силой, пропорціональной поверхности частицы (какъ электрическое отталкиваніе); такимъ образомъ эти частицы, получивъ начальный толчокъ по направленію къ солнцу, описываютъ затѣмъ по закону Ньютона орбиту, похожую на орбиту кометы и располагаются въ видѣ аномальнаго хвоста. Въ этомъ изліяніи изъ кометы болѣе вѣсомыхъ частицъ Ө. А. Бредихинъ видитъ источникъ происхожденія метеорныхъ потоковъ (потоковъ падающихъ звѣздъ) и строго математически развиваетъ эту идею въ цѣломъ рядѣ интереснѣйшихъ мемуаровъ. Я не могу въ краткомъ очеркѣ вдаваться въ подробности этой изящной теоріи и скажу только, что ею вполнѣ объясняются многіе интересные факты, которыхъ не въ состояніи объяснить прежняя теорія тѣхъ же явленій, предложенная Скіапарелли; таковы напримѣръ: площадь радіаціи метеорнаго потока и ея фигура, разбрасываніе радіантовъ по времени на многіе дни, даже недѣли, періодичность потоковъ, сравнительно рѣдкое появленіе болидовъ въ эпохи сильныхъ метеорныхъ потоковъ и т. д. [1]). Въ одномъ изъ

[1]) Обширная его статья о происхожденіи падающихъ звѣздъ изъ кометъ напечатана на русскомъ языкѣ въ первой книжкѣ извѣстій „Русскаго Астрономическаго общества" въ С.-Петербургѣ.

послѣднихъ мемуаровъ Ѳ. А. Бредихина, развивается также интересная идея о происхожденіи періодическихъ кометъ изъ параболическихъ, путемъ дѣленія послѣднихъ на части вслѣдствіе дѣйствія внутреннихъ силъ кометы или возмущеній со стороны большихъ планетъ [1]).

Бросивъ общій взглядъ на работы Ѳ. А. Бредихина въ области кометъ, мы ясно видимъ, насколько онъ раскрылъ намъ тайны этого загадочнаго міра и какъ далеко подвинулъ впередъ эту область астрономіи; тамъ, гдѣ былъ прежде кажущійся хаосъ, царствуетъ теперь гармонія и красота; онъ неопровержимо доказалъ намъ дѣйствіе въ междупланетныхъ пространствахъ новой силы, что расширяетъ область небесной механики; имъ приготовлено обширное поле и указанъ астрономамъ новый путь для изслѣдованія строенія небеснаго пространства. Поэтому его работы составляютъ гордость не только русской, но и иностранной науки и я считаю всего лучшимъ закончить свой очеркъ словами королевскаго астронома для Ирландіи Роберта Болля, сказанными имъ на годичномъ засѣданіи Британскаго общества въ Монтреалѣ въ 1884 году [2]).

«...сосредоточимъ наше особенное вниманіе на трехъ монументальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ новѣйшей исторіи кометъ. Эти пріобрѣтенія суть: во-первыхъ, открытіе зависимости между кометами и падающими звѣздами, во-вторыхъ спектральныя изслѣдованія кометъ и, въ-третьихъ, изслѣдованія надъ хвостами кометъ. Первое изъ нихъ навсегда должно быть связано съ именемъ профессора Скіапарелли, второе—съ именемъ профессора Гёггинза, третье—съ именемъ профессора Бредихина». **Сергѣй Костинскій.**

Бринкъ, А. [3]). Перевелъ съ нѣмецкаго:

1) *Практическая нѣмецкая Грамматика*, или новый и легчайшій способъ для изученія нѣмецкаго языка; изд. Мейдингеръ. М. 1820 и 1823. 8°. 2) *Остроумная выдумка, или женихъ по волѣ и неволѣ*, Крамера. М. 1821. 18°. 3) *Очарованное зеркало, или пути провидѣнія неисповѣдимы*, повѣсть древнихъ временъ, Шписа 2 ч. М. 1821. 12°. 4) *Мои путешествія по пропастямъ злосчастій*, Шписа. 6 ч. М. 1821. 18°. 5) *Іоаннъ Хейлингъ, четвертый и послѣдній владѣтель земныхъ, воздушныхъ, огненныхъ и водяныхъ духовъ*, повѣсть X-го вѣка, Шписа. 6 ч. Орелъ 1822. 18. 6) *Графы Штроццы, или добродѣтель не остается безъ награжденія*; съ нѣмец. 4 ч. М. 1818. 18°. 7) *Подарокъ милымъ дѣтямъ обоего пола* на новый 1822 годъ, или собраніе поучительныхъ повѣстей, изъ Круммахера. М. 1822. 12°.

Брешковскій, Михайло. Перевелъ:

Историческая игра для дѣтей, или новый и самый легчайшій способъ, подъ видомъ забавы, обучать дѣтей Исторіи; съ нѣм. 3. ч. М. 1795. 12°.

---

[1]) Яркіе примѣры дѣленія кометъ на части: комета Біэлы, комета 1889 г. V.

[2]) См. *Nature* Sept. 4, 1884. Comets Lecture by. Profes. R. S. Ball, Astronomer Royal for Ireland, of the Montreal meeting of the Britisch Association.

[3]) *Геннади*, Словарь.

Бржезинскій, Эразмъ Францовичъ, врачъ. [1]) Родился около 1796 г., учился въ краковской гимназіи и краковскомъ университетѣ, гдѣ въ 1825 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1829 г. поступилъ на русскую службу по управленію пут. сообщеній, въ 1838 г. былъ назначенъ врачемъ при 2-ой кіев. гимназіи, въ 1843 г. инспекторомъ харьковской врачебной управы, съ 1844 по 1864 гг. былъ инспекторомъ врач. управы въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости въ 1879 году. Напечаталъ:

1) *Carmen Saeculare ad Deos pro incolumitate gymnasii cracoviensis.* Crac. 1818, 4°. 2) *De Asthmate spastico, item de forcipe ad operationem labii leporini correcta.* Diss. Д. М., Crac. 1825, 8°, p. 57. 3) *Tironi medico trames.* Vilna, 1839, 12°, 2 + 179. 4) *О недѣйствительности магнита для извлеченія завязнувшихъ въ глазу желѣзныхъ опилокъ.* Др. Здр., 1841, № 21. 5) *Сифилистическая болѣзнь подъ видомъ скрытой лихорадки.* Тамъ-же, № 28. 6) *О вредномъ дѣйствіи іодовой настойки.* Тамъ-же, № 39. 7) *О глистахъ вышедшихъ чрезъ нарывы въ правомъ паху.* „Др. Здр.“ 1841, № 48. 8) *Необыкновенный крупъ.* Тамъ-же 1842, № 17. 9) *Предупреждающая перемежающаяся лихорадка у рожениць.* Тамъ-же 19. 10) *Практическое обозрѣніе болѣзней печени.* Тамъ-же 43. 11) *De statu medicina hodierno.* „Др. Здр.“ 1842, приб. 5. 12) *Практическія наблюденія* 1) о безвредности проглоченныхъ камней, 2) признаки скрывшейся рожи, 3) патологическая чувствительность. „Др. Здр.“ 1843 № 49. 13) *Вредное дѣйствіе табачныхъ клистировъ.* Тамъ-же 1844, № 28. 14) *Новый способъ узнавать и получать сахаръ изъ мочи діабетиковъ.* Тамъ-же, № 29. 15) *Леченіе холеры впрыскиваніемъ въ вены чистой теплой воды.* „Воен. Мед. жур.“ 1853, ч. 62. т. II, стр. 30. 19) Tytón i jego skutki.

Бочарниковъ, Капитонъ [2]). Напечаталъ:

1) *Дѣтское чтеніе, или отборныя небольшія повѣсти, удобныя увеселить дѣтей и наставить ихъ любить добродѣтель;* съ фр. Спб. 1779. 8°. 2) *Краткое описаніе Россійскаго торга, отправляемаго сухимъ путемъ съ Китаемъ, Бухаріею, Калмыками, Курляндіею и Польшею.* Спб. 1782 12°. 3) *Описаніе нравовъ и употребленій древнихъ народовъ*, съ франц. М. 1783. 8°.

Ботиковъ, С. — С. П. Кораблевъ.

Босканъ, баронъ Казимиръ, перевелъ съ французскаго:

Похвала строгости, соч. Сорина де Розы. На росс. и франц. языкахъ. Спб. 1817. 12°.

* **Буслаевъ**, Θедоръ Ивановичъ, знаменитый филологъ [3]).

Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ, род. 13 апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, гдѣ отецъ его былъ уѣзднымъ стряпчимъ. Когда ему было 5 лѣтъ, его роди-

---

[1]) 1) *Callisen*, Medicin. Schriftsteller Lexicon, т. III, стр. 607. 2) *Kosminski*, Slownik Lekazów Polskich, стр. 55. 3) *Змѣевъ*, т. I, стр. 29.

[2]) *Геннади*. Словарь.

[3]) Посвященныя ему статьи см. въ концѣ настоящей статьи.

тели переѣхали въ Пензу, гдѣ вскорѣ отецъ его умеръ, а мать осталась жить навсегда. Ѳ. И. учился нѣкоторое время въ приготовительномъ пансіонѣ, а 10 лѣтъ поступилъ въ 1-й классъ пензенской гимназіи и оставался въ ней 5 лѣтъ. Въ то время гимназіи были 4-хъ классныя, курсъ ихъ былъ необширенъ (греческій языкъ не преподавался вовсе; изъ латыни не шли дальше переводовъ изъ Саллюстія и т. д.), а уроки были утромъ (отъ 8 до 12) и вечеромъ (отъ 2—4), и каждый продолжался два часа. Вотъ что говоритъ Ѳ. И. въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]) о преподаваніи въ пензенской гимназіи: «Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ, давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, еслибъ не была злоупотребляема.

Большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собою, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ учитель перваго и второго классовъ, а въ верхнемъ— третьяго и четвертаго; внизу обыкновенно избирался для прогуливанія второй классъ, а въ верхнемъ — четвертый. Потому въ обоихъ этихъ классахъ наши оригинальные опыты взаимнаго обученія нѣсколько нарушались хотя бы и пассивнымъ надзоромъ находившихся на лицо учителей, которые сновали изъ стороны въ сторону передъ нашими скамейками, впрочемъ, мало обращая на насъ вниманія.

Любопытное исключеніе составлялъ преподаватель физики, минералогіи и ботаники, Нилъ Михайловичъ Филатовъ, человѣкъ очень образованный и довольно богатый помѣщикъ. Искалѣченный и хромоногій, онъ не могъ и думать о военной карьерѣ, которой обыкновенно предназначали себя тогдашніе молодые люди изъ зажиточныхъ дворянъ, но, желая получить чинъ по выходѣ изъ университета, искалъ себѣ какую-нибудь приличную и притомъ самую легкую службу, и не нашелъ ничего лучшаго, какъ быть учителемъ гимназіи. Онъ былъ очень добръ и ласковъ съ нами, и мы любили его. По своей искалѣченности онъ не могъ забавляться прогулками по классу съ своими товарищами и былъ принужденъ сидѣть за учительскимъ столомъ передъ нашими скамейками. Впрочемъ, онъ нисколько не мѣшалъ нашему взаимному обученію, потому что постоянно былъ углубленъ въ чтеніе французскихъ романовъ. Для нашего развлеченія, онъ позволялъ намъ разсматривать разныя породы минераловъ, или же дѣлать физическіе опыты при помощи снарядовъ и машинъ, которые тогда приносились въ нашъ классъ. Отъ уроковъ естественной исторіи остались у меня въ памяти

[1]) Вѣстн. Евр. 1890 № 10 и слѣд.

только одни разрозненные термины, безъ всякаго смысла тогда задолбленные: изломъ кварца, поляризація призмы, явнобрачныя и тайнобрачныя растенія и т. п.

Долгъ справедливости заставляетъ меня присовокупить, что изъ числа нашихъ учителей были двое такихъ, которые въ теченіе всего двухчасового урока ни на минуту не оставляли насъ безъ своего внимательнаго надзора и строго исполняли свои обязанности, а именно: во-первыхъ Зоммеръ, [1]) неукоснительно соблюдавшій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ врожденную его натурѣ нѣмецкую аккуратность, и, во-вторыхъ, законоучитель, который, безъ сомнѣнія, находилъ неприличнымъ достоинству своего духовнаго званія неумѣстное праздношатаніе взадъ и впередъ по классу.

Рѣшительно не понимаю, какъ могло случиться, что директоръ, являясь въ гимназію, ни разу не заставалъ насъ врасплохъ. Только что появится онъ у насъ передъ окнами, тотчасъ же по всѣмъ классамъ разносится осторожный шопотъ: «Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!» Учителя опрометью спѣшатъ каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно разсаживаются, насторожив глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого нибудь изъ насъ заглянетъ въ книгу, одного погладитъ по головкѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, учителя и ученики, опять принимаемся за свое».

При такомъ способѣ веденіи дѣла ученики не могли, конечно, успѣвать ни въ «наукахъ», ни въ иностранныхъ языкахъ (кромѣ нѣмецкаго), но за то имѣли много досуга для игры и для чтенія. До 15 лѣтъ Ѳ. И. перечиталъ не только массу романовъ и произведеній русскихъ поэтовъ, но и такія капитальныя и для послѣдующихъ поколѣній тяжелыя вещи, какъ Потерянный Рай Мильтона, Времена года Томсона и пр. Читали же въ то время иначе, чѣмъ теперь: одну и ту же вещь по многу разъ и, что̀ особенно нравилось, списывали въ свою «рукописную библіотеку», хотя бы то была цѣлая длинная поэма. Вообще въ отечественномъ языкѣ и словесности успѣхи лучшихъ учениковъ, въ томъ числѣ и Ѳ. И., были безконечно выше, чѣмъ въ другихъ предметахъ [2]), и «сочиненія» писались очень охотно. 15 лѣтъ Ѳ. И. окончилъ полный курсъ гимназіи и въ продолженіе года подготовлялся къ экзамену въ университетъ (гимназія того времени не давала права на поступленіе въ него), въ особенности изъ греческаго и латыни.

Въ августѣ 1834 г., 16 лѣтъ отъ роду, Ѳ. И. явился въ московскій уни-

---

[1]) Учитель нѣмецкаго языка.

[2]) Въ 1-мъ классѣ Буслаева училъ русскому языку бывшій воспитанникъ той же гимназіи *В. Г. Бѣлинскій*, исправлявшій до поступленія въ университетъ нѣкоторое время обязанности преподавателя. По устнымъ разсказамъ Буслаева, фамилію будущаго великаго критика тогда произносили—Бѣлынскій.

верситетъ, выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ казеннокоштнымъ студентомъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета. О жизни въ такъ назыв. студенческихъ «нумерахъ» Ѳ. И. говоритъ въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ»:

«Въ помѣщеніи, гдѣ съ утра и до поздней ночи собрано до десятка веселыхъ молодыхъ людей, ни какими предписаніями и стараніями нельзя водворить надлежащую тишину и спокойствіе. У насъ въ нумерѣ не выпадало ни одной минуты, въ которую пролетѣлъ бы надъ нами тихій ангелъ. Постоянно въ ушахъ гамъ, стукотня и шумъ. Кто шагаетъ взадъ и впередъ по всему нумеру, кто бранится съ своимъ сосѣдомъ, а то музыкантъ пилитъ на скрипкѣ или дудитъ на флейтѣ. Привычка—вторая натура, и каждый изъ насъ, не обращая вниманія на оглушительную атмосферу, усердно читалъ свою книгу или писалъ сочиненіе».

Изъ своихъ сотоварищей по «нумеру» Ѳ. И. вспоминаетъ съ благодарностью двоихъ старшихъ студентовъ, которые оказали благотворное вліяніе на его научную подготовку: Классовскаго, впослѣдствіи автора извѣстнаго: «Описаніе Помпеи», и еще болѣе знаменитаго Каэтана Коссовича, позднѣе оріенталиста и профессора санскрита въ петербургскомъ университетѣ. Изъ своекоштныхъ студентовъ его товарищами по курсу были: Юрій Самаринъ, Катковъ, историкъ Кудрявцевъ и др. Московскій университетъ въ это время былъ какъ разъ въ переходномъ состояніи: только что ввели 4-хъ-лѣтній курсъ вмѣсто прежняго 3-хъ-лѣтняго; попечителя кн. Голицына, за котораго всѣмъ распоряжался Голохвастовъ, облекавшій студентовъ даже за неважныя провинности въ солдатскую шинель, только что смѣнилъ графъ Строгоновъ. Профессора принадлежали къ тремъ поколѣніямъ: старѣйшему (Ивашковскій, Щедритскій, Каченовскій), которое смотрѣло на студентовъ, какъ на мальчишекъ, и не считало нужнымъ работать для лекцій; среднему (И. И. Давыдовъ), которое заботилось о *формѣ* лекцій, но не работало надъ своею спеціальностью (а часто и не имѣло ея), за то давало слушателямъ хорошую литературную школу, и наконецъ младшему (С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ), которое и само стояло на научной высотѣ и студентовъ старалось поднять до себя. Ѳ. И. особенно многимъ обязанъ, конечно, послѣдней категоріи: Шевыревъ возбудилъ въ немъ интересъ и любовь къ исторіи отечественнаго языка и древнерусской литературы; Погодинъ выучилъ его читать рукописи и указалъ ему на Гримма. Ѳ. И. вышелъ изъ университета въ маѣ 1838 г. со степенью кандидата. Онъ вынесъ оттуда основательное знаніе древнихъ языковъ, общую начитанность, незаурядное развитіе и нѣкоторую научную подготовку [1]), а главное: онъ вынесъ привычку и умѣнье заниматься: на послѣднемъ курсѣ, подъ руководствомъ Давы-

---

[1]) Между прочимъ онъ свободно читалъ по-польски и даже началъ учиться по-еврейски.

дова и Шевырева, онъ пыталъ свои силы на работахъ почти самостоятельныхъ [1]). Неутолимая жажда знанія лежала въ свѣтлой натурѣ Буслаева: университетскій курсъ укрѣпилъ и регулировалъ ее.

Немедленно по окончаніи курса Ө. И. былъ приглашенъ частнымъ учителемъ русскаго языка и словесности въ семейство Боде, а въ августѣ того же года получилъ мѣсто сверхштатнаго преподавателя во 2-й московской гимназіи. Уроки въ гимназіи, гдѣ отъ него требовали неукоснительнаго слѣдованія учебнику, только надрывали его еще неокрѣпшія силы; но нестѣсненныя никакой программой занятія съ живымъ и способнымъ 14-ти-лѣтнимъ сыномъ барона Боде (о немъ выше стр. 15—16) приносили и удовольствіе и пользу молодому кандидату; здѣсь именно онъ началъ вырабатывать тотъ практическій методъ преподаванія, который впослѣдствіи положилъ въ основу своей книги: «О преподаваніи отечественнаго языка» (1844 г.). Ровно черезъ годъ по окончаніи курса Ө. И. получилъ предложеніе отъ попечителя графа С. Г. Строгонова ѣхать на продолжительное время съ его семействомъ за границу, главнымъ образомъ въ Италію и, разумѣется, съ восторгомъ принялъ его (матушки его въ это время уже не было въ живыхъ). Въ тридцатыхъ годахъ посылка за границу молодыхъ ученыхъ вовсе не была правиломъ, а крайне рѣдкимъ исключеніемъ; ѣхать же на свой счетъ небогатому человѣку не было ни малѣйшей возможности: одинъ заграничный паспортъ стоилъ 500 рублей.

Съ руководствомъ Отфрида Мюллера въ карманѣ, Ө. И. черезъ Любекъ, Гамбургъ и Лейпцигъ (гдѣ ему удалось прослушать нѣсколько лекцій) направился въ Дрезденъ и въ его знаменитой галлереѣ и небольшихъ музеяхъ принялся усердно изучать археологію и исторію искусства по памятникамъ; тамъ же въ Дрезденѣ онъ запасся новымъ изданіемъ Винкельмана и исторіей живописи Куглера, которая тогда только что вышла. Въ августѣ Ө. И. соединился съ семействомъ гр. Строгонова и черезъ Нюренбергъ, Мюнхенъ, Инсбрукъ, Верону, Мантую, Болонью и пр. пріѣхалъ въ Неаполь. Семейство графа путешествовало со всѣми въ то время возможными удобствами и не спѣша: въ большихъ городахъ они останавливались на нѣсколько дней, иногда недѣль и внимательно осматривали всѣ достопримѣчательности, при чемъ графъ Строгоновъ, хорошо знавшій Европу и серьезно занимавшійся нѣкоторыми отдѣлами археологіи, былъ въ высшей степени полезнымъ руководителемъ не только для своихъ дѣтей, но и для ихъ молодого учителя. Въ Неаполѣ Ө. И. провелъ всю зиму; отъ 9—12 утра онъ занимался съ своими учениками и ученицами, а на весь остальной день былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ работалъ чрезвычайно усердно надъ археологіей и исторіей, не столько по книгамъ, сколько по памятникамъ. Каждый

---

[1]) Онъ, по указанію Давыдова, перевелъ „Общую грамматику“ Дю Саси въ нѣм. передѣлкѣ Фатера и пополнилъ ее русскими и церковнослав. данными, а для Шевырева составилъ сводъ изъ церковнославянскихъ грамматикъ.

день онъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ Бурбонскомъ музеѣ, а праздники — въ Помпеѣ; по вечерамъ же провѣрялъ свои впечатлѣнія по учебникамъ и пособіямъ и записывалъ свои наблюденія. Такимъ образомъ онъ развилъ въ себѣ замѣчательную въ такомъ молодомъ человѣкѣ «наглядку» и рѣдкій эстетическій тактъ. Лѣтомъ, проживая на Искіи и потомъ въ Сорренто, онъ изучалъ Данта, читалъ Тассо и Аріосто и началъ по тому же Куглеру и пособіямъ, указаннымъ ему графомъ Строгоновымъ, заниматься исторіей ранней итальянской живописи. Въ октябрѣ 1840 г. онъ вмѣстѣ съ семействомъ Строгоновыхъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ и оставался семь мѣсяцевъ; тамъ онъ бралъ уроки итальянскаго языка и литературы, но болѣе всего отдавалъ времени на изученіе самого «вѣчнаго города», какъ по монументальнымъ памятникамъ, такъ и по книгамъ; Винкельманъ, Отфр. Мюллеръ и Куглеръ попрежнему были неразлучными его спутниками. Кромѣ того, онъ часто посѣщалъ Кирхеріанскій музей и началъ изучать древнехристіанское, катакомбное искусство, но только по пособіямъ, такъ какъ катакомбы въ это время были закрыты. Онъ сошелся съ нѣсколькими русскими художниками и въ ихъ мастерскихъ знакомился съ техникою искусства. Въ апрѣлѣ 1841 г. Ѳ. И. возвратился въ Россію и въ Москву, гдѣ попрежнему оставался домашнимъ учителемъ у Строгоновыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и казенное мѣсто преподавателя русскаго языка въ 3-й гимназіи.

Основательно подготовившись по дидактикѣ и методикѣ своего предмета, Ѳ. И. оказался не только очень хорошимъ учителемъ, но и полезнымъ помощникомъ для гр. Строгонова, по порученію котораго онъ составлялъ циркуляры и объяснительныя записки (между прочимъ объ обученіи грамотѣ по звуковому методу); но все же, по его собственному признанію, учительство было для него «и тягостно и скучно», и его влекло къ литературѣ и наукѣ. Еще будучи за границей, написалъ онъ статью «Храмъ св. Петра въ Римѣ» и теперь въ 1842 г. напечаталъ ее въ «Москвитянинѣ» М. П. Погодина. Хотя впослѣдствіи Ѳ. И. и не далъ ей мѣста въ сборникѣ своихъ статей по исторіи искусства («Мои Досуги») изъ-за ея «юношеской незрѣлости и напыщенности слога», для того времени она представляла явленіе далеко не заурядное, какъ по интересному матеріалу, такъ и по самостоятельности обработки его. Другой его бывшій учитель, проф. Крюковъ, побудилъ его эксплуатировать свои заграничныя занятія по археологіи монографіей о типахъ греческихъ божествъ, которую, впрочемъ, онъ окончательно обработалъ много позднѣе.

Въ то же время Ѳ. И. усердно занимался санскритомъ съ своимъ товарищемъ К. А. Коссовичемъ, изучалъ сравнительную грамматику Боппа и грамматику нѣмецкихъ нарѣчій Гримма, также какъ и его «Миѳологію» и «Правовыя Древности». Всецѣло усвоивъ идеи знаменитаго германиста и уже имѣя возможность провѣрять ихъ на отечественномъ матеріалѣ, Ѳ. И. смотрѣлъ на языкъ. какъ на живой организмъ, въ исторіи котораго столько же глубокаго интереса, сколько и во всякой другой области духовной жизни человѣчества; въ древнѣй-

шихъ памятникахъ языка онъ видѣлъ проявленіе творческой силы народа, а въ позднѣйшемъ его развитіи—результатъ многовѣковой работы.

Въ 1843 г. Ѳ. И. приступилъ къ магистерскому экзамену; усердно готовиться ему пришлось только по философіи, къ которой онъ не чувствовалъ никакого расположенія, и по славянскимъ нарѣчіямъ, которыя не преподавались въ его время въ университетѣ; но по-польски онъ уже зналъ прежде, а занятія болгарскимъ и сербскимъ, преимущественно по памятникамъ поэзіи, принесли ему впослѣдствіи огромную пользу. По грамматикѣ, русской и иностранной литературѣ онъ былъ уже давно готовъ. Экзаменъ онъ выдержалъ настолько блистательно, что экзаменаторы чуть не перессорились между собою, споря, руководству кого изъ нихъ онъ болѣе обязанъ.

Одновременно съ приготовленіемъ къ экзамену, Ѳ. И. работалъ надъ своей книгой: «О преподаваніи отечественнаго языка», которая вышла въ 1844 г. въ 2-хъ частяхъ; первую изъ нихъ онъ посвятилъ изложенію дидактическихъ пріемовъ, а вторую—своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ и замѣткамъ по исторіи русскаго языка; эта вторая часть была настолько научна и самостоятельна, что ему предлагали представить ее въ факультетъ въ видѣ диссертаціи. Къ книгѣ его критика отнеслась довольно внимательно: было не мало похвальныхъ отзывовъ, а баронъ Брамбеусъ въ Библіотекѣ для Чтенія, какъ говорится, разнесъ ее въ пухъ, не щадя прозрачныхъ намековъ на отношенія Буслаева къ Строгонову: баронъ Брамбеусъ, какъ извѣстно, былъ у насъ представителемъ такъ называемой школы *du bon sens*, и въ увлеченіи Буслаева народной поэзіей и первобытной древностью видѣлъ проявленіе самаго разнузданнаго и, по его мнѣнію, вреднаго романтизма.

Въ это время Ѳ. И. сблизился съ кружкомъ знаменитыхъ московскихъ славянофиловъ: съ Хомяковымъ, Константиномъ Аксаковымъ, Кирѣевскимъ [1]) и пр., которые тогда уже начали выдѣляться въ особую литературно-политическую школу: его сближали съ ними любовь къ народной поэзіи и занятія исторіей родного языка; но ихъ богословско-философскія доктрины, ихъ политическіе взгляды были ему совершенно чужды, впрочемъ не вызывая съ его стороны противорѣчія прежде всего потому, что онъ нисколько не интересовался политикой [2]).

Въ началѣ 1845 г. Погодинъ по случаю отъѣзда сдалъ редакцію Москвитянина Ив. Кирѣевскому, а тотъ пригласилъ къ себѣ въ помощники Буслаева для завѣдыванія отдѣломъ библіографіи и критики. Ѳ. И. напечаталъ за это время рядъ небольшихъ рецензій и двѣ довольно обширныя статьи: О «Словѣ о Полку Игоревѣ» въ изданіи Дубенскаго и объ Общей грамматикѣ И. И. Да-

---

[1]) Немногословную, но чрезвычайно теплую и превосходную характеристику ихъ см. въ его „Воспоминаніяхъ“ Вѣстн. Евр. окт. 1891 г., стр. 637—639.

[2]) Чрезвычайно характеренъ его разсказъ о томъ, какъ въ Неаполѣ гр. Строгоновъ напрасно старался выучить его читать газеты (Воспоминанія. Вѣст. Евр. іюнь 1891 г., стр. 578 и слѣд.).

выдова; обѣ статьи свидѣтельствуютъ о томъ, насколько молодой критикъ, вооруженный новѣйшими пріемами западной науки, стоялъ уже и тогда выше тѣхъ почтенныхъ въ своемъ родѣ авторовъ, книги которыхъ разбиралъ онъ.

Между тѣмъ служба въ гимназіи, гдѣ ему приходилось терпѣть почти постоянныя нападки отъ директора, становилась для Буслаева все тяжеле и тяжеле; его обязанности въ домѣ гр. Строгонова оканчивались сами собою, такъ какъ и младшій изъ его учениковъ поступалъ въ университетъ. Въ 1846 г. Ѳ. И. вышелъ въ отставку, переѣхалъ отъ Строгоновыхъ и женился на М. А. Сиротининой. Какъ разъ въ это же время И. И. Давыдовъ перешелъ на службу въ Петербургъ, и Ѳ. И. былъ приглашенъ въ московскій университетъ на освободившуюся такимъ образомъ каѳедру, но, какъ не имѣющій магистерской степени, только въ качествѣ преподавателя.

Вступая 29 л. отъ роду на каѳедру старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, кромѣ основательныхъ свѣдѣній по своему спеціальному предмету, принесъ съ собою рѣдкое по широтѣ даже въ то время энциклопедическое (сравнительно съ нашимъ) время общее образованіе, знаніе обоихъ древнихъ и 3-хъ новыхъ языковъ, близкое и непосредственное знакомство съ славянскими нарѣчіями, основательную подготовку по сравнительной грамматикѣ и по той отрасли филологіи, которая со времени его великаго учителя Гримма извѣстна подъ именемъ германистики; а главное: онъ принесъ съ собою неутомимую жажду знанія, энергію въ работѣ, строгій научный методъ, умѣнье распредѣлять свое время и живой интересъ къ разнообразнымъ проявленіямъ человѣческаго чувства и мысли въ произведеніяхъ словесности и искусства [1]).

Если мы къ этому прибавимъ мягкій и любящій характеръ, педагогическую опытность, блестящій даръ изложенія и въ ранней юности пріобрѣтенное вниманіе къ правильности и красотѣ литературной формы, всякій легко пойметъ, какой превосходный профессоръ долженъ былъ изъ него выйти.

Съ первыхъ же лѣтъ своего пребыванія на каѳедрѣ Ѳ. И. не только пользовался уваженіемъ и любовью студентовъ, но и началъ образовывать свою

---

[1]) Вотъ каковъ былъ составъ его *настольной* библіотеки не задолго до его поступленія на каѳедру: въ его комнаткѣ на дачѣ въ Кунцевѣ „стояли рядомъ: „Іоаннъ Екзархъ Болгарскій" Калайдовича и „Нѣмецкая Миѳологія" Якова Гримма, Остромирово Евангеліе и Библія на готскомъ языкѣ въ переводѣ Ульфилы, Памятники русской литературы XII столѣтія и сравнительная грамматика Боппа съ его же санскритскимъ словаремъ, Судъ Любуши и отрывки древнечешскаго перевода Евангелія, изданные вмѣстѣ въ одной книгѣ Шафарикомъ и Палацкимъ, а *рядомъ* „Доріійцы" Отфрида Миллера, русскія былины и пѣсни Кирши Данилова, Краледворская рукопись и Чешскія „старобыльныя складанья" (т.-е. стихотворенія) въ изданіяхъ Ганки, сербскія пѣсни Вука Караджича, вперемежку съ томами Божественной комедіи Данта, которая всегда была при мнѣ неотлучно, и Сервантесовъ Донъ-Кихотъ, на чтеніи котораго я учился тогда испанскому языку, и многое другое, чего теперь не припомню" Воспоминанія, Вѣстн. Евр., окт. 1891 г. стр. 642—3.

школу, которой потомъ предстояло охватить почти всѣ русскіе центры просвѣщенія. Онъ намѣчалъ между своими слушателями болѣе способныхъ и усердныхъ къ наукѣ, дѣлился съ ними знаніемъ и книгами, указывалъ имъ темы, направлялъ ихъ работы и своимъ примѣромъ и совѣтами велъ ихъ все дальше и дальше.

Что касается до отношеній Ѳ. И. къ его товарищамъ по университетской дѣятельности, то въ общемъ они были тоже очень хороши (тѣ же товарищи впослѣдствіи выбирали его на пятилѣтія одними бѣлыми шарами и встрѣчали результатъ своей баллотировки аплодисментами), но въ частностяхъ, въ особенности въ началѣ, были неровности и непріятности, о которыхъ онъ благодарно умалчиваетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Вскорѣ послѣ вступленія Ѳ. И. на каѳедру гр. Строгоновъ получилъ высочайшій выговоръ и вышелъ въ отставку; тогда иные измѣнили свои отношенія къ «домашнему секретарю» и любимцу бывшаго попечителя и предупредительную любезность замѣнили холодностью, почти враждою. Самъ С. П. Шевыревъ, которому Буслаевъ былъ столькимъ обязанъ въ первыхъ шагахъ своихъ, впослѣдствіи, когда ученикъ перегналъ своего учителя, не выказывалъ ему особаго доброжелательства; а когда Шевыревъ, послѣ извѣстной исторіи, оставилъ каѳедру, была сдѣлана попытка не дать ея его естественному наслѣднику адъюнкту Буслаеву, а замѣстить другимъ лицомъ; эта попытка, впрочемъ, окончилась полной неудачею. Но возвращаемся къ ученымъ трудамъ Ѳ. И.

Приблизительно черезъ годъ послѣ вступленія на каѳедру Буслаевъ представилъ въ факультетъ диссертацію подъ заглавіемъ: «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію» и защитилъ ее 3-го іюня 1848 г. Главнымъ матеріаломъ для нея, кромѣ Остромирова Евангелія, послужилъ Ульфила, а пособіями — труды братьевъ Гриммовъ съ ихъ послѣдователями и масса памятниковъ народнаго, русскаго и славянскаго творчества, въ первый разъ тогда привлеченныхъ въ такомъ количествѣ къ строгонаучному изслѣдованію [1]). Эта небольшая книга имѣетъ чрезвычайно важное

---

[1]) Вотъ какъ самъ авторъ въ Воспоминаніяхъ (Вѣстн. Евр. 1891 т. № 11 стр. 142) резюмируетъ главные выводы своей диссертаціи:

„Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка. Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ. Славянскій языкъ за долго до Кирила и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. Славянскій переводъ евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній до-христіанскій бытъ. Готскій переводъ библіи, напротивъ того, являетъ едва замѣтный переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей. Въ исторіи славянскаго яз. видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми

значеніе въ исторіи русской науки; но многіе изъ фактовъ, на которыхъ изслѣдователь основываетъ свои выводы, теперь понимаются иначе, и поэтому Ѳ. И. впослѣдствіи ея не перепечатывалъ, хотя она уже давно сдѣлалась библіографической рѣдкостью.

Сдѣланный послѣ защиты диссертаціи адъюнктъ-профессоромъ, Ѳ. И. читалъ каждый годъ новые и вполнѣ самостоятельные спеціальные курсы (которые имѣлъ привычку писать почти отъ слова до слова) и довольно значительную часть ихъ потомъ обдѣлывалъ въ видѣ статей и помѣщалъ въ журналахъ: Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ, Русскомъ Словѣ, Русской Рѣчи и пр.; кромѣ того онъ писалъ рецензіи (отчасти вмѣстѣ съ А. Д. Галаховымъ), изъ которыхъ иныя тоже представляли собою цѣлыя изслѣдованія. Еще въ 1849 г., прочитывая до печати изслѣдованіе гр. Строгонова о Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, Ѳ. И. заинтересовался исторіей древне-русскаго искусства, сталъ изучать иконописный „Подлинникъ“ и лицевыя рукописи, значительную коллекцію которыхъ ему удалось составить, и съ тѣхъ поръ какъ въ своихъ курсахъ, такъ и въ статьяхъ изслѣдовалъ параллельно памятники словесности и искусства. Къ столѣтнему юбилею московскаго университета (1855 г.) онъ составилъ монографію о нѣкоторыхъ рукописяхъ синодальной библіотеки, въ которой въ первый разъ заинтересовался русскимъ орнаментомъ.

Во все продолженіе этого времени Ѳ. И. не прерывалъ и своихъ работъ по исторіи русскаго языка, такъ удачно начатыхъ книгой: „О преподаваніи“; языкъ, по его убѣжденію, не отдѣлимъ отъ поэзіи, какъ не отдѣлимъ и отъ другихъ сторонъ жизни народной, и почти всѣ свои выводы относительно родной старины Ѳ. И. подкрѣплялъ и уяснялъ данными этого порядка. Кромѣ того занятія древними рукописями, въ которыхъ тогда заключались почти всѣ памятники нашей до-петровской литературы, давали ему рядъ интереснѣйшихъ и совсѣмъ новыхъ фактовъ, и наконецъ лекціи по грамматикѣ и практическія занятія со студентами побуждали его приводить эти факты въ строгую научную систему. Такимъ образомъ Ѳ. И. черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на каѳедру оказался лучшимъ знатокомъ исторіи родного языка, и Я. И. Ростовцевъ, начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній, былъ совершенно правъ, когда именно ему поручилъ составить историческую грамматику и церковно-славянскаго и русскаго языка, какъ руководство для учителей: по степени знанія изъ петербурсскихъ ученыхъ съ Буслаевымъ могъ соперничать только Востоковъ, издатель Описанія рукописей Румянцевскаго музея и Остро-

---

народами и переводъ св. Писанія извлекли славянъ изъ тѣсныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго яз. въ переводѣ св. писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія христіанскихъ идей, очищенныхъ отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ находили гораздо менѣе въ готскомъ“.

мирова Евангелія, но онъ не имѣлъ такой педагогической опытности. Грамматика Ѳ. И. [1]) вышла въ свѣтъ въ 1858 г. и съ тѣхъ поръ передѣлана еще четыре раза [2]); несмотря на то, что позднѣйшіе, ею же порожденные труды ученыхъ (въ особенныхъ недавно умершаго проф. Потебни), далеко оставили за собою многіе выводы и наблюденія Буслаева, книга долго еще не потеряетъ научнаго значенія по массѣ представляемаго ею превосходно подобраннаго матеріала.

Отъ того же Ростовцева и для учителей тѣхъ же военно-учебныхъ заведеній получилъ Ѳ. И. предложеніе составить Историческую хрестоматію, которая должна была состоять изъ 2-хъ отдѣловъ: 1-й изъ памятниковъ языка, 2-ой изъ памятниковъ словесности, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ рукописей, въ которыхъ они найдены. Памятники должны были быть воспроизведены во всей дипломатической точности со всѣми описками, неправильными знаками препинанія и пр. и пр., но снабжены критическими и объяснительными примѣчаніями. Главный вопросъ о значеніи книги сводился къ тому, какіе памятники выберетъ составитель, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что почти всякій другой ограничился бы памятниками болѣе или менѣе извѣстными въ то время; въ такомъ случаѣ, какъ бы ни были хороши его примѣчанія, книга имѣла бы только временное и преимущественно педагогическое значеніе. Буслаевъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: онъ обратился къ самому источнику — къ рукописямъ и рядомъ съ произведеніями обслѣдованными внесъ въ свою книгу массу памятниковъ, извѣстныхъ только ему да немногимъ русскимъ палеографамъ; такимъ образомъ онъ чуть не вдесятеро расширилъ рамки до-петровской литературы, и его «Историческая Хрестоматія церковно-славянскаго и древнерусскаго языка» (1861 г.) не только въ то время составила очень крупный шагъ въ наукѣ, обусловившій появленіе и «Памятниковъ» Костомарова и Пыпина, и «Памятниковъ» Тихонравова и обстоятельныхъ, дѣйствительно научныхъ обозрѣній древне-русской соовесности, какъ книги Галахова и Порфирьева, но и до настоящаго времени служитъ превосходнымъ университетскимъ учебникомъ, одинаково необходимымъ и для студентовъ и для магистрантовъ [3]).

Къ концу 50-хъ годовъ Ѳ. И. успѣлъ столько наработать и столькихъ подготовить, что одинъ изъ первыхъ и по времени и по достоинству учениковъ его Н. С. Тихонравовъ задумалъ и привелъ въ исполненіе планъ спеціальнаго изданія, извѣстныя «Лѣтописи русской литературы и древности», гдѣ вмѣстѣ съ редакторомъ и его учителемъ работали и многіе другіе молодые представи-

---

[1]) „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“ въ 2-хъ частяхъ.

[2]) 5-ое изд, 1881 г.

[3]) Покойный проф. Потебня, никогда не бывшій непосредственнымъ ученикомъ Буслаева, въ продолженіе своей 30-лѣтней университетской дѣятельности, по его словамъ, почти не выпускалъ Буслаевской хрестоматіи изъ рукъ.

тели *школы* Буслаева, пользующіеся теперь вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ европейской наукѣ.

Въ концѣ 1859 г. Ѳ. И. получилъ отъ того же гр. С. Г. Строгонова, не задолго передъ тѣмъ сдѣлавшагося воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, предложеніе прочесть Его Высочеству курсъ «Исторіи русской словесности, въ томъ ея значеніи, какъ она служитъ выраженіемъ духовныхъ интересовъ народа» [1]). Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Петребургъ и тамъ одновременно съ превосходно веденнымъ имъ преподованіемъ онъ занялся печатаніемъ своихъ «Очерковъ», одной изъ лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ научныхъ книгъ, какія только существуютъ на русскомъ языкѣ.

Вотъ въ двухъ словахъ характерная исторія появленія на свѣтъ «Очерковъ». Между учениками Буслаева выдѣлялся и способностями и энергіей въ работѣ и любовнымъ уваженіемъ къ своему учителю А. А. Котляревскій, впослѣдствіи извѣстный ученый и профессоръ славянскихъ нарѣчій въ кіевскомъ университетѣ. Онъ обладалъ значительными для студента-филолога средствами и, страстно любя книги, рано началъ составлять себѣ библіотеку; между прочимъ онъ скупалъ старые журналы и вырѣзалъ изъ нихъ хорошія статьи, изъ которыхъ составлялъ цѣлые томы. Статьи его любимаго учителя, разумѣется, были собраны съ особеннымъ тщаніемъ, и Котляревскій, усматривая въ нихъ единство воззрѣній и метода и близкую связь сюжетовъ, не разъ принимался убѣждать Буслаева издать эти статьи въ видѣ сборника. Ѳ. И. былъ вполнѣ согласенъ съ нимъ, но вопросъ въ томъ, гдѣ найти издателя? Его отыскалъ тотъ же А. А. Котляревскій въ лицѣ своего пріятеля Кожанчикова, который открылъ тогда въ Петербургѣ большой книжный магазинъ. Кожанчиковъ не только принялъ на себя изданіе, но и согласился сдѣлать его роскошнымъ и увеличить внутреннюю цѣнность статей многочисленными иллюстраціями изъ лицевыхъ рукописей, для чего приглашенный имъ художникъ сдѣлалъ по указанію Ѳ. И. массу снимковъ какъ съ собственныхъ ркп. автора, такъ и изъ ркп. Публичной Библіотеки и другихъ собраній. Приготовляя свои статьи для перепечатки, Ѳ. И. значительно исправилъ и дополнилъ ихъ. Въ 1861 г. въ 2-хъ томахъ in 4° вышли «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства» [2]). Эти два изящные, несмотря на свой почтенный размѣръ,

---

[1]) См. письмо гр. Строгонова въ Воспоминаніяхъ Буслаева Вѣстн. Евр. 1892 г. февр., стр. 569—70.

[2]) Вотъ перечень ихъ главъ: I томъ: I. Эпическая поэзія. II. Русскій бытъ и пословицы. III. Миѳическія преданія о человѣкѣ и природѣ, сохранившіяся въ языкѣ и поэзіи. IV. Областныя видоизмѣненія русской народности. V. Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи. VI. О сродствѣ славянскихъ Вилъ, Русалокъ и Полудницъ съ нѣмецкими Эльфами и Валькиріями. VII. Языческія преданія села Верхотишанки. VIII. О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ относящимся къ эпохѣ,

тома не только представляютъ то, что нѣмцы называютъ *bahnbrechendes Werk* въ исторіи русской науки, но и имѣютъ огромное значеніе въ исторіи нашей цивилизаціи вообще. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я рѣшаюсь сравнить ихъ, какъ ни странно можетъ показаться это сравненіе съ перваго разу, съ «Бѣдной Лизой» Карамзина. Обозрѣнія русской литературы начинаютъ съ Карамзина новый періодъ потому, что до тѣхъ поръ отечественная словесность была у насъ достояніемъ немногихъ любителей, которыхъ не отпугивала отъ нея ея тяжелая форма, и общество или читало по-французски или не читало вовсе. «Бѣдная Лиза» и «Письма русскаго путешественника» показали, что и по-русски можно писать легко и пріятно; они заинтересовали ищущую просвѣщенія массу и создали литературную среду. Въ 70 лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, мы далеко шагнули впередъ; у насъ сложилась интеллигенція, если не блиставшая количествомъ, то по степени *общаго*, умственнаго и художественнаго развитія никакъ не уступавшая западно-европейской, у насъ создалась литература, которая теперь по достоинству оцѣнена всѣмъ міромъ. Но наукѣ у насъ не везло. Ея самостоятельные работники были и немногочислены и мало вліяли на общество; если кто изъ нихъ *спускался до публики*, тотъ считалъ нужнымъ приноравливаться къ ней. Ученыя статьи въ журналахъ, или были компиляціями, или въ половинѣ экземпляровъ оставались неразрѣзанными; а о книгахъ, заключавшихъ въ себѣ самостоятельныя изслѣдованія, и говорить нечего: лучшія изъ нихъ считали своихъ читателей десятками.

Буслаевъ въ своихъ Очеркахъ не спускался до публики, а поднималъ ее до науки. Онъ показалъ, что о научныхъ, далеко не разработанныхъ вопросахъ, касающихся очень, очень далекаго, можно писать живо, легко и красиво, и что разрѣшеніе этихъ вопросовъ, хотя бы приблизительное и частичное, ве-

---

языческой жизни. IX. Древнесѣверная жизнь. X. Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда. XI. Сказанія новой Эдды о сооруженіи стѣнъ Мидгарда и Сербская пѣсня о построеніи Скарда. XII. Славянскія сказки. XIII. Древнѣйшія эпическія сказанія славянскихъ племенъ. XIV. Русская поэзія XI и начала XII вѣка. XV. Русскій народный эпосъ. XVI. Волотъ Волотовичъ. XVII. Замѣчательное сходство Псковскаго преданія о горѣ Судомѣ съ однимъ эпизодомъ Сервантесова Донъ Кихота. XVIII. Русская поэзія XVII вѣка. XIX. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи. **II томъ.** I. О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ. II. О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ. III. Памятники древнерусской духовной письменности. IV. Изображенія Страшнаго Суда по русскимъ подлинникамъ. V. Смоленская легенда о св. Меркуріи и Ростовская о св. Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ. VI. Византійская и древнерусская символика по рукописямъ отъ конца XV до конца XVI вѣка. VII. Древнерусская борода. VIII. Идеальные женскіе характеры древней Руси. IX. Для исторіи русской живописи XVI вѣка. X. Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ XI. Видѣніе Мартирія, основателя Зеленой пустыни. XII. Для біографіи царскаго иконописца Симона Өедоровича Ушакова. XIII. Русская эстетика XVII вѣка. XIV. Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка.

детъ къ лучшему пониманію многихъ и важныхъ сторонъ настоящаго. Онъ показалъ, что лингвистика, палеографія, этнографія, археологія, сравнительная миѳологія вовсе не чернорабочія исторіи, а ея равноправныя сестры, и если за нихъ браться умѣючи, съ любовью и съ живымъ человѣческимъ чувствомъ, они столько же способствуютъ самосознанію общества, какъ и сама природа. Онъ заинтересовалъ ими образованную массу и своимъ примѣромъ побудилъ сотни работниковъ пробовать силы на этомъ, до тѣхъ поръ заповѣдномъ для всѣхъ, кромѣ немногихъ записныхъ спеціалистовъ, поприщѣ.

Съ научной точки зрѣнія теперь, черезъ 30 лѣтъ, цѣнность составныхъ частей Очерковъ оказывается далеко не одинаковой: иные изъ нихъ представляютъ только талантливо-составленныя компиляціи (но всегда по лучшимъ монографіямъ и съ интересными добавленіями), другія, напротивъ, являются совершенно самостоятельными изслѣдованіями по вопросу, самимъ же авторомъ поставленному. Правда, ни одно изъ этихъ изслѣдованій не исчерпываетъ матеріала окончательно и часто, не рѣшая одной задачи, выдвигаетъ массу новыхъ; но въ томъ то и значеніе «Очерковъ» въ исторіи русской науки, что почти каждая изъ статей ихъ возбуждала пытливость, направляла ее по вѣрной дорогѣ, и являлась какъ бы частью программы для послѣдующихъ работъ или самого Буслаева или одного изъ многочисленныхъ учениковъ его (какъ непосредственныхъ, по университету, такъ и посредственныхъ, по книгамъ).

Разработка этой широкой программы продолжается и до сихъ поръ; на иные вопросы ея получился отвѣтъ отрицательный; иные ея пункты завели увлекающіеся, слабые въ критическомъ отношеніи умы въ дебри неудачныхъ домысловъ и малоплодотворныхъ сопоставленій. Но въ общемъ планъ оказался настолько удачнымъ и исполняется такъ хорошо, что архитекторъ можетъ только гордиться имъ.

Когда въ 1861 г. Ѳ. И., по окончаніи своего преподаванія Наслѣднику Цесаревичу и по выходѣ въ свѣтъ «Очерковъ», вернулся въ Москву и началъ свой превосходный курсъ объ эпической поэзіи [1]), нижеподписавшійся былъ его слушателемъ; онъ считаетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Буслаевѣ, какъ профессорѣ, на основаніи личныхъ воспоминаній.

Большинству студентовъ первокурсниковъ, плохо подготовленному въ гимназіи, лекціи Ѳ. И. были на первое время не вполнѣ по силамъ; но онѣ сразу давали слушателямъ представленіе о *настоящей*, самостоятельно разрабатываемой наукѣ и обаятельно дѣйствовали на нихъ спокойной, увѣренной красотой своей формы.

Но еще сильнѣйшее и обаятельнѣйшее дѣйствіе производила самая личность

---

[1]) Первая часть его напечатана въ Русск. Вѣстн. за 1862 г. подъ заглавіемъ: „Русскій богатырскій эпосъ“ (перепеч. въ 1887 г. въ книгѣ: Народная поэзія).

лектора, красиваго и симпатичнаго человѣка среднихъ лѣтъ, живого и изящнаго во всѣхъ движеніяхъ, къ тому же чрезвычайно доступнаго для студентовъ, готоваго дѣлиться съ ними и знаніями и книгами. Всякій студентъ или вольный слушатель хотя бы и другого факультета могъ придти къ нему въ пятницу вечеромъ, пользоваться его совѣтами и указаніями, заниматься по его книгамъ и уносить къ себѣ домой тѣ, которыя не были необходимы профессору для текущихъ его работъ. Студентовъ и другихъ гостей (главнымъ образомъ бывшихъ учениковъ Буслаева) бывала у него такая масса, что трудно и сообразить, какъ они помѣщались въ небольшой его квартирѣ.

Скоро наши набѣги на квартиру Ѳ. И. уже не ограничивались однѣми пятницами. Въ виду невозможности оканчивать наши работы въ 2—3 ч. въ недѣлю, а вѣрнѣе въ виду того, что мы не успѣвали вдоволь наговориться съ хозяиномъ, котораго отвлекали другіе гости, онъ самъ предложилъ намъ приходить по вторникамъ вечеромъ, предупредивъ насъ, что его круглый столъ и библіотека къ нашимъ услугамъ, а самъ онъ будетъ занятъ приготовленіемъ лекцій на среду. Такъ это и было; но въ 10-мъ часу Ѳ. И. оканчивалъ работу и выходилъ къ намъ посмотрѣть, что мы сдѣлали, и поболтать *полъчасика.* Эти полъ-часика не рѣдко растягивались часовъ до 11, и здѣсь то рѣчь даровитаго профессора, возбуждаемаго юношески горячими запросами и возроженіями студентовъ, лилась особенно свободно. Легко понять, какое благотворное дѣйствіе оказывали на студентовъ эти задушевные разговоры.

И этимъ дѣло не ограничилось: скоро Ѳ. И. предложилъ намъ слушать у него дома по воскресеньямъ утромъ курсъ исторіи русскаго языка. Мы приходили часовъ въ 10; Ѳ. И. раздавалъ намъ рукописи и книги для подготовительной работы, а въ 12 часовъ начиналась его лекція, въ формѣ бесѣды, при которой присутствовали и нѣсколько кандидатовъ и магистрантовъ, занимавшихся сродными предметами. Здѣсь опять-таки былъ для насъ случай поговорить съ Ѳ. И.; только эти воскресные разговоры носили исключительно дѣловой, ученый характеръ.

Понятно, что при такихъ частыхъ сношеніяхъ съ студентами Буслаевъ зналъ ихъ прекрасно и легко могъ отличать тѣхъ изъ нихъ, кто выказывалъ охоту и способность къ наукѣ; за такихъ онъ стоялъ горой во всѣхъ перипетіяхъ студенческой жизни: доставлялъ, если была надобность, уроки, пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, если студентъ попадалъ въ какую-нибудь «исторію», конечно, не безнравственнаго характера, и нерѣдко спасалъ всю карьеру молодого человѣка.

Во 1863 г. Буслаевъ выпустилъ 2-ое изданіе своей грамматики, значительно измѣненное и дополненное; въ декабрѣ того же года онъ отправился во второй разъ за границу съ цѣлью заняться исторіей искусства, главнымъ образомъ для обслѣдованія русской иконографіи, миніатюры и орнаментики. Такимъ образомъ уже знаменитый профессоръ снова дѣлается ученикомъ, снова «са-

дится на студенческую скамейку», какъ выразился о немъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему студентами, Н. С. Тихонравовъ. Буслаевъ знакомится въ Берлинѣ съ проф. Пиперомъ, авторомъ «Введенія въ Монументальную Теологію» и «Христіанской Миѳологіи» и основателемъ христіанскаго музея, и Ваагеномъ, однимъ изъ самыхъ тонкихъ въ то время знатоковъ средневѣковаго и новаго искусства, усердно учится у нихъ и въ то же время учитъ ихъ (особенно Пипера), затѣмъ по совѣту Ваагена изучаетъ голландскую живопись въ музеяхъ Брюсселя, Гента, Антверпена и пр., потомъ спускается въ Италію. гдѣ во Флоренціи присутствуетъ при приготовленіяхъ къ празднованію 600-тилѣтняго юбилея Данта, затѣмъ ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ знакомится съ Дидрономъ, поучается отъ него и поучаетъ его и въ іюнѣ 1864 г. возвращается въ Москву. Отчеты объ этомъ преимущественно художественномъ путешествіи Ѳ. И. давалъ въ видѣ корреспонденцій, которыя печатались въ Моск. Вѣд. и Русскомъ Вѣстникѣ. Главнѣйшія изъ нихъ онъ потомъ (1886 г.) перепечаталъ въ книгѣ «Мои Досуги», въ которую вошла также и его большая статья о юбилеѣ Данта.

Усердныя занятія стариннымъ любимцемъ Дантомъ внушили Ѳ. И. мысль прочесть студентамъ большой спеціальный курсъ о Божественной Комедіи (въ то время каѳедра исторіи всеобщей литературы была еще не занята въ Москвѣ); этотъ курсъ растянулся на цѣлые 3 года и составилъ превосходное введеніе къ чтенію Данта. Къ сожалѣнію, онъ не получилъ окончательной отдѣлки и не былъ напечатанъ; но его, вмѣстѣ съ другими, болѣе ранними оставшимися въ рукописи курсами [1]). Ѳ. И. впослѣдствіи пожертвовалъ въ Румянцевскій Музей на всеобщее пользованіе.

Во время своего отсутствія Ѳ. И. былъ избранъ секретаремъ только что открывшагося при Румянцевскомъ Музеѣ (главнымъ образомъ по его же мысли) Общества Любителей Древнерусскаго Искусства. Черезъ 2 года это общество издало большой томъ трудовъ своихъ подъ названіемъ «Сборникъ Общ. Люб. Древнер. Иск.», гдѣ помѣщенъ длинный рядъ мелкихъ статей и рецензій Буслаева и большая его статья (болѣе 100 стр. in 4-ое): «Общія понятія о русской иконописи», которая имѣетъ такое же важное значеніе для нашей археологіи и исторіи древнерусскаго искусства, какъ его «Очерки» для изученія памятниковъ народной словесности и древней письменности, но съ тою, въ свою пользу, разницею, что она является результатомъ многолѣтнихъ работъ, а не вчерашнихъ открытій, и авторъ, талантъ и критическій тактъ котораго достигли полной зрѣлости, въ ней безусловно свободенъ отъ увлеченій и поспѣшныхъ выводовъ [2]).

[1]) Готовя свои лекціи, онъ почти всегда писалъ ихъ цѣликомъ; но чтеніе „по тетрадкѣ“, не въ примѣръ другимъ, нисколько не мѣшало живости его преподаванія.

[2]) Чтобы показать, насколько результаты изслѣдованій Буслаева близки къ потребностямъ русской жизни, позволяю себѣ сдѣлать изъ этой статьи одну выписку. Разсмотрѣвъ общій ходъ церковнаго искусства на западѣ и востокѣ, авторъ говоритъ:

Въ 1867 г. Буслаевъ овдовѣлъ, а въ 1868 г. женился вторично на Людм. Яковлевнѣ Троновой [1]).

Въ 1869 г. Буслаевъ выпустилъ въ свѣтъ свой «Учебникъ русской грамматики, сближенный съ церковнославянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора, для средне-учебныхъ заведеній» [2]), а въ слѣдующемъ 1870 г. вышла его «Русская Хрестоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ, для средне-учебныхъ заведеній» [3]). Обѣ эти книги находятся въ тѣсной связи съ его прежними трудами: «большой» Грамматикой и исторической Хрестоматіей, представляя извлеченіе изъ нихъ, приспособленное для педагогическихъ цѣлей; но помимо этого «Хрестоматія» имѣетъ и научное значеніе, такъ какъ въ ней, кромѣ введеній и примѣчаній ко всѣмъ главнымъ памятникамъ древнерусской литературы, авторъ сдѣлалъ единственную въ своемъ родѣ попытку дать критически очищенные и приведенные къ единству правописанія тексты. Средневѣковые памятники западной литературы давно уже издавались такимъ образомъ и не только для среднихъ школъ, но и для ученыхъ потребностей; а у насъ въ большинствѣ

„Между церковнымъ искусствомъ русскимъ и западнымъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Чтобы согласить успѣхи цивилизаціи съ національною самостоятельностью, свѣтское искусство въ нашемъ отечествѣ можетъ идти по слѣдамъ западнаго; что же касается до искусства церковнаго и преимущественно до иконописи, то напрасно будетъ русскій художникъ искать себѣ руководства тамъ, гдѣ давно уже вдохновеніе изсякло, а руководство и всегда прежде было шаткое и обманчивое. Живопись свѣтская —одна для всего образованнаго міра; живопись церковная согласуется съ преданьями, вѣрованіями и убѣжденіями народныхъ массъ: она по преимуществу живопись національная. Отказываться отъ мысли поддерживать и усовершенствовать нашу иконопись значило бы посягать на самые существенные элементы русской народности; не способствовать въ нашемъ отечествѣ живописи свѣтской, значило бы отказать искусству въ возможности идти въ уровень съ идеями цивилизаціи. Но по самому существу своему та и другая область искусства не должны быть между собою смѣшиваемы. Русскій художникъ можетъ съ успѣхомъ подражать Деларошу или Каульбаху въ живописи исторической, но съ этими же руководителями въ живописи церковной рискуетъ онъ впасть въ разслабленность и безсмысліе, какъ результатъ охлажденія религіознаго вдохновенія на западѣ, и стать въ смѣшное противорѣчіе съ преданіями и религіозными убѣжденіями своего отечества. Единственное средство спасти русскую церковную живопись отъ всего пошлаго, безсмысленнаго, разслабленнаго и смѣшного — это основательное изученіе русской иконописи въ ея лучшихъ источникахъ“.

Кто видѣлъ, напр., роспись собора св. Владиміра въ Кіевѣ, можетъ оцѣнить практическое значеніе вывода Буслаева.

[1]) Единственный сынъ его отъ перваго брака избралъ педагогическое поприще и служитъ директоромъ въ одной изъ гимназій Моск. учебнаго округа.

[2]) 6-е изд. въ 1888 г., 8-ое изд. въ 1896 г.

[3]) 4-е изд. 1888 г., 6-ое въ 1894 г.

случаевъ даже гимназисты пользовались или «дипломатическими» текстами, т.-е. воспроизведенными безъ измѣненій, со всѣми описками, или текстами, исправленными произвольно.

Въ маѣ 1870 г. Буслаевъ предпринялъ третье путешествіе за границу. Все болѣе и болѣе увлекаясь своими работами по древнерусскому искусству, Ѳ. И. задумалъ изучить вопросъ объ отношеніи миніатюры къ тексту въ Византіи и на западѣ, причемъ одною изъ спеціальныхъ цѣлей его поѣздки была знаменитая страсбургская рукопись: *Hortus deliciarum* (XII в.). Побывавъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, онъ уже направлялся въ Страсбургъ съ намѣреніемъ проѣхать оттуда въ Парижъ, какъ вспыхнула франко-прусская война. Буслаевъ (онъ былъ съ женою и сыномъ) поспѣшилъ уѣхать въ Швейцарію, а оттуда спустился въ Италію, гдѣ работалъ въ рукописныхъ собраніяхъ Милана, Пармы и Болоньи и изучалъ византійскіе памятники Равенны. Между тѣмъ «Hortus deliciarum» сгорѣлъ при взятіи Страсбурга. Въ сентябрѣ Ѳ. И. возвратился въ Москву.

Въ послѣдующіе четыре года Буслаевъ, продолжая работать по исторіи русскаго искусства, въ то же время внимательно слѣдитъ за энергичнымъ движеніемъ, охватившимъ въ то время на западѣ и у насъ сравнительное изученіе памятниковъ словесности; изъ университетскихъ лекцій по этому предмету онъ извлекъ нѣсколько монографій; самая обширная изъ нихъ «О странствующихъ повѣстяхъ» напечатана имъ въ «Русскомъ Вѣстн.» и впослѣдствіи перепечатана въ книгѣ «Мои Досуги».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1874 г. Ѳ. И. въ четвертый разъ поѣхалъ за границу уже на цѣлый годъ. Онъ направился прежде всего въ Парижъ, но проѣздомъ черезъ Германію близко сошелся съ Феликсомъ Либрехтомъ, однимъ изъ самыхъ въ то время видныхъ представителей сравнительнаго изученія памятниковъ словесности. Въ Парижѣ нижеподписавшійся былъ свидѣтелемъ, съ какимъ почетомъ принимали Буслаева ученые даже довольно отдаленныхъ спеціальностей [1]). О своихъ сношеніяхъ и ученыхъ бесѣдахъ съ Полемъ Дюраномъ и Шарлемъ Кайе Буслаевъ разсказываетъ въ статьѣ «Шартрскій соборъ» («Мои Досуги») и въ Воспоминаніяхъ [2]). Изъ Парижа черезъ Савойю, Туринъ, Геную, Пизу и Флоренцію, гдѣ Ѳ. И. пробылъ около мѣсяца [3]), онъ проѣхалъ въ Римъ, гдѣ

---

[1]) Напр., извѣстный *романистъ* (т.-е. занимающійся романскими нарѣчіями), Гастонъ Парисъ. Въ Société de linguistique, чтобы избрать Буслаева членомъ, былъ съ общаго согласія нарушенъ уставъ, требующій, чтобы предложеніе въ члены и выборъ происходили въ два засѣданія; Буслаева и предложили, и избрали одновременно.

[2]) Вѣстн. Евр. 1892 г. апр. стр. 186 и слѣд.

[3]) Итальянская пресса привѣтствовала его пріѣздъ (Revista Europea ноябрь 1874 г.); кстати при этомъ замѣтимъ, что одно изъ лучшихъ заграничныхъ изслѣдованій по византійскому періоду итальянскаго искусства ((P. *Richter*, Die Mosaiken v. Ravenna. Wien 1878) посвящено имени Ѳ. И. Буслаева.

оставался около полугода; тамъ онъ посѣщалъ германскій археологическій институтъ, работалъ въ Ватиканѣ и въ Кирхеріанскомъ музеѣ, часто и подолгу бесѣдовалъ съ знаменитымъ де-Росси и вообще трудился съ такою же юношескою энергіей, какъ 33 года назадъ [1]). Осенью 1875 г. онъ возвратился въ Москву не только не утомленный, а съ обновленными силами для ряда задуманныхъ имъ работъ по исторіи русскаго искусства.

Въ 1878 г. Буслаеву пришлось вступить въ полемику съ извѣстнымъ французскимъ архитекторомъ и знатокомъ исторіи искусства Віолле-ле-Дюкомъ, который въ 1877 г. на средства, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, издалъ книгу: L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. Двѣ статьи Буслаева объ этой книгѣ, помѣщенныя имъ въ «Критическомъ Обозрѣніи» (изд. Вс. Миллеромъ и М. Ковалевскимъ), по массѣ заключающагося въ нихъ совершенно новаго матеріала и по точности выводовъ, стоятъ двухъ хорошихъ диссертацій.

Вскорѣ послѣ этого Буслаевъ принялся за свою грандіозную работу о лицевыхъ Апокалипсисахъ, о происхожденіи и ходѣ которой вотъ что сообщаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]): «По настоятельнымъ увѣщаніямъ и совѣтамъ Викторова (Алексѣя Егоровича, начальника рукописнаго отдѣла въ Румянц. музеѣ, близкаго пріятеля Буслаева и его дѣятельнаго помощника во всѣхъ палеографическихъ работахъ), я обѣщалъ князю (П. П. Вяземскому, предсѣдателю не за долго передъ тѣмъ основаннаго Общества Любителей Древнерусской письменности) изготовить для общества подробное описаніе принадлежащихъ мнѣ двухъ лицевыхъ Апокалипсисовъ XVI столѣтія, особенно замѣчательныхъ по древнѣйшимъ редакціямъ рисунковъ и по изяществу ихъ исполненія. Когда я принялся за эту работу, оказалось, что для ясности въ опредѣленіи особенностей ранняго стиля мнѣ надлежало касаться и редакцій позднѣйшихъ, къ которымъ относятся еще четыре другихъ лицевыхъ Апокалипсиса моей библіотеки. Викторовъ рѣшилъ, что для полноты обозрѣнія мнѣ необходимо имѣть подъ руками великолѣпный, такъ наз. *подносный* экземпляръ лицевого Апокалипсиса XVII в. въ библіотекѣ московской духовной академіи въ Троицкой лаврѣ, и выписалъ его оттуда для меня. Затѣмъ понадобился мнѣ Апокалипсисъ XVI столѣтія Соловецкаго монастыря, перенесенный оттуда вмѣстѣ съ другими рукописями въ библіотеку казанской духовной академіи. Потомъ понадобилось и то, и другое, и третье. Викторовъ наводитъ справки въ своихъ записныхъ книжкахъ и отовсюду выписываетъ для меня рукописи. Такимъ образомъ накопилось къ моимъ услугамъ до шестидесяти лицевыхъ Апокалипсисовъ, и вмѣсто описанія только двухъ рукописей, я предпринялъ многосложную работу обширныхъ размѣровъ.

---

[1]) См. „Мои Досуги" Римскія письма 1874—5 г.

[2]) Вѣстн. Евр. 1892 г. апрѣль.

По мѣрѣ того, какъ я приводилъ въ извѣстность свои домашніе русскіе матеріалы, я все живѣе чувствовалъ настоятельную потребность въ ихъ сравнительномъ изученіи съ источниками иноземными. Особенно необходимо было мнѣ увидѣть и изучить знаменитый лицевой Апокалипсисъ X столѣтія, находящійся въ бамбергской библіотекѣ, не изслѣдованный еще спеціалистами. Лѣтомъ 1880 г. я отправился вмѣстѣ съ женою на четыре мѣсяца за границу и недѣли три провелъ въ Бамбергѣ, просиживая ежедневно по пяти часовъ въ тамошней библіотекѣ надъ знаменитою рукописью. Она превзошла мои ожиданія. Хотя текстъ Апокалипсиса латинскій, но миніатюры, великолѣпно исполненныя, отличаются очевидными признаками той далекой старины, когда западная иконографія пользовалась еще византійскими основами и принципами. Такимъ образомъ бамбергскій Апокалипсисъ я положилъ краеугольнымъ камнемъ въ сооруженіи громаднаго изслѣдованія о редакціяхъ апокалипсическихъ изображеній по русскимъ рукописямъ отъ XVI столѣтія по XVIII».

Для той же цѣли въ эту же поѣздку Ѳ. И. работалъ въ рукописныхъ отдѣленіяхъ библіотекъ Мюнхена и Вѣны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (въ 1881 г.) Буслаевъ покинулъ каѳедру [1]) и всецѣло отдался давно задуманной и подготовлявшейся работѣ объ Апокалипсисѣ [2]). Въ общей сложности онъ посвятилъ ей пять лѣтъ упорнаго неустаннаго труда, и всякій, даже только перелистывающій его монографію, подивится тому, какъ онъ успѣлъ въ пять лѣтъ покончить съ нею: 900 стр. текста, въ которомъ каждая фраза есть результатъ или тщательныхъ, кропотливыхъ наблюденій и сличеній или упорной работы мысли, текста, въ которомъ нѣтъ ни одной праздной и непровѣренной фразы, и атласъ in F° въ 308 таблицъ, въ которомъ каждая черточка дѣлалась подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ автора—это можетъ надорвать силы и молодого, свѣжаго работника; а Буслаеву шелъ уже седьмой десятокъ и за плечами у него были десятки ученыхъ трудовъ.

Буслаевъ не надорвался, не потерялъ ясности и свѣжести своего ума, а потерялъ надъ Апокалипсисомъ зрѣніе (уже во время корректуры онъ сталъ чувствовать сильное утомленіе въ глазахъ, до тѣхъ поръ безусловно здоровыхъ; позднѣе сталъ плохо видѣть однимъ глазомъ, а потомъ зрѣніе ослабѣло и въ

---

[1]) При выходѣ его въ отставку не только Московскій университетъ, но также Петербургскій и Кіевскій избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

[2]) Другая его меньшая работа, предпринятая для того же Общества Любителей Древне-русской письменности (Образцы письма и украшенія изъ Псалтыри съ возслѣдованіемъ по рк. XV в., хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры подъ № 308 Спб. 1881) была въ то время уже окончена и печаталась. Въ декабрѣ 1881 г., по предложенію кн. П. П. Вяземскаго и гр. С. Д. Шереметьева, Буслаевъ поднесъ ея экземпляръ Государю Императору. „Русскій Лицевой Апокалипсисъ“ вышелъ въ Москвѣ въ 1884 г.

другомъ; всѣ медицинскія пособія оказались безсильными; теперь онъ можетъ только диктовать и читать чужими глазами). Но онъ потерялъ его не даромъ. Вотъ какой отзывъ даетъ о его работѣ извѣстный знатокъ археологіи христіанскаго востока père Martinov: [1]) «совершенно особое мѣсто слѣдуетъ отвести «магистральной» книгѣ академика Буслаева, автора столькихъ по заслугамъ уважаемыхъ трудовъ по русской литературѣ и искусству: «Русскій Лицевой Апокалипсисъ». Плодъ долгихъ изслѣдованій, эта превосходная монографія вноситъ свѣтъ въ хаосъ, окружавшій до сихъ поръ русскіе памятники апокалипсической иконографіи, въ подробности устанавливаетъ редакціи и указываетъ русскому Апокалипсису мѣсто между древнѣйшими произведеніями того же рода на западѣ, съ которыми онъ, не смотря на свою сравнительную молодость, представляетъ поразительное сходство. Богатство новыхъ данныхъ, эрудиція лучшаго пошиба, критическій методъ, литературное достоинство, не говоря о превосходномъ типографскомъ исполненіи, отводятъ работѣ скромнаго академика почетное мѣсто въ литературѣ послѣдняго десятилѣтія и заставляютъ западную науки завидовать русской». Къ этому надо прибавить, что изслѣдованіе Буслаева есть монографія только по названію; по существу это самая содержательная, какая только есть до сихъ поръ, исторія древняго-русскаго искусства сравнительно съ средневѣковымъ западнымъ. построенная на одномъ, но очень характерномъ и вліятельномъ памятникѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тоже изслѣдованіе даетъ матеріалъ для отвѣта на цѣлый рядъ общихъ, теоретическихъ, и частныхъ, фактическихъ, вопросовъ не только по искусству, но и по литературѣ и культурѣ Россіи отъ XVI по XVIII в., и всякая послѣдующая, болѣе или менѣе широкая по темѣ, работа въ этихъ областяхъ, авторъ которой не познакомится съ Апокалипсисомъ Буслаева, непремѣнно пострадаетъ отъ этого.

Не успѣвъ отдохнуть отъ этого труда, Ѳ. И. принимается за собираніе и исправленіе своихъ статей и изслѣдованій и издаетъ ихъ въ двухъ сборникахъ: «Мои Досуги» М. 1886 г. и «Народная Поэзія, Историческіе Очерки» Спб. 1887 г.

Кто знаетъ только количество и размѣры работъ Буслаева, тотъ долженъ думать, что Ѳ. И. пишетъ чрезвычайно быстро. Кто не знаетъ Буслаева лично, а только по его работамъ, тотъ можетъ думать, что онъ обладаетъ желѣзнымъ здоровьемъ и нервами. На дѣлѣ и то, и другое одинаково невѣрно. Буслаевъ работаетъ медленно и осторожно; до разстройства зрѣнія онъ писалъ все самъ и большую часть статей самъ же переписывалъ послѣ тщательной отдѣлки; оттого такъ вѣско у него каждое слово. Корректуры своихъ книгъ онъ держалъ тоже самъ и въ высшей степени старательно.

---

[1]) Авторъ настольной во всѣхъ большихъ библіотекахъ книги: Annus ecclesiasticus graeco-slavicus (Брюссель 1863).

А между тѣмъ онъ никогда, сколько мы знаемъ, [1]) не проводилъ ночей за работою, такъ какъ здоровье его не отличается особенной крѣпостью и выносливостью, и онъ всегда берегъ его, насколько возможно: онъ никогда не начиналъ работать сейчасъ же вставши съ постели или немедленно послѣ обѣда; каждый день, когда у него не было лекцій или другого обязательнаго выхода, онъ гулялъ по часу и болѣе, и прекращалъ работу за полтора, за два часа до сна.

Но за то онъ работалъ *каждый день непремѣнно* и minimum по 4—5 часовъ, всегда съ одинаковой энергіей и напряженіемъ, и въ этомъ весь его великій секретъ.

Въ маѣ 1888 г. московскія и петербургскія газеты стали справляться о началѣ службы Буслаева, очевидно, имѣя въ виду устройство его 50 лѣтняго юбилея, но Ѳ. И. рѣшительно отклонилъ предложеніе, отчасти дорожа своимъ здоровьемъ, отчасти потому, что, по его мнѣнію, чествованіе въ принятой формѣ (подписка на обѣдъ), „не соотвѣтствуетъ его представленію о чествованіи" [2]).

«Юбилей не состоялся, но совершилось то, что въ собственномъ смыслѣ можно назвать чествованіемъ» [3]), и торжество приняло такіе размѣры и въ тоже время отличалось такой искренностью и задушевностью, что другого примѣра такого единенія русскаго общества въ выраженіи почтенія къ труженнику науки мы не знаемъ.

Во-первыхъ, 21 августа была подписана Высочайшая Грамота на имя Ѳ. И., отзывающаяся въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о его преподавательскихъ и ученыхъ заслугахъ. Затѣмъ явились со всѣхъ концовъ Россіи поздравительныя телеграммы и письма въ такомъ количествѣ, что ихъ отказывается даже перечислить спеціальное изданіе, посвященное этому случаю; [4]) оно только приводитъ привѣтствія Академіи Наукъ (2-го отдѣленія), Петербургскаго университета, профессоровъ и преподавателей Одесскаго учебнаго округа, Пензенской гимназіи, Пензенскаго Статистическаго Комитета, 2-ой и 3-ьей московскихъ гимназій (гдѣ когда-то служилъ Буслаевъ) и редакціи Филологическихъ Записокъ.

Университеты Новороссійскій, Казанскій, С.-Петербургское и Московское Археологическія общества, Московское общество Этнографіи, Казанское общество Исторіи и Археологіи и мн. другія избрали Ѳ. И. своимъ почетнымъ членомъ. Почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ явились статьи учениковъ и почитателей Буслаева, посвященныя перечисленію его трудовъ и указанію его заслугъ.

---

[1]) Пишущій эти строки знаетъ Буслаева 35 лѣтъ.

[2]) См. брошюру: „Чествованіе пятидесятилѣтней ученой дѣятельности академика и заслуженнаго профессора Ѳ. И. Буслаева" Отд. оттиски изъ Филол. Зап. Воронежъ. 1889 стр. 2.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., стр. 8.

Повидимому чествованіе было достойно закончено, къ чести Буслаева и русскаго общества; но оказалось, что это было только начало.

Когда черезъ полъ-года послѣ этого Ѳ. И. поѣхалъ въ Петербургъ благодарить Государя за милость, академики, профессора университета и другіе ученые устроили въ честь Буслаева обѣдъ; на этомъ обѣдѣ лучшіе представители русской науки, имена которыхъ и на западѣ пользуются заслуженною извѣстностью, съ гордостью признавали себя учениками Буслаева и свидѣтельствовали, сколь многимъ они обязаны его руководству.

Когда послѣ этого Ѳ. И. возвратился въ Москву, Общество Любителей Россійской Словесности поднесло ему адресъ [1]), гдѣ между прочимъ находятся слѣдующія глубоко вѣрныя мысли: «Вы застали науку о народной старинѣ въ младенческомъ состояніи, затемненною досужими выдумками и узко-патріотическимъ самовосхваленіемъ, располагающею скудными данными. Вы внесли въ нее свою энергію, увлеченіе, всестороннее знаніе, и она преобразилась. Ученыя и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно написанныя статьи, блестящія лекціи ваши вызвали на свѣтъ плодотворное направленіе науки. Десятки учениковъ и послѣдователей примкнули къ вамъ, собирая и научно объясняя памятники прошлаго, и историкъ словесности отведетъ важное мѣсто «буслаевской школѣ». Цѣнные въ научномъ отношеніи труды ваши въ то же время проникнуты искреннимъ уваженіемъ къ народности, стремленіемъ разгадать по памятникамъ старины духъ и міросозерцаніе народа, гуманнымъ сочувствіемъ мысли и творчеству массы. Этимъ вы увлекли за собой и непосвященную публику, научившуюся высоко ставить изслѣдованія по старинѣ и народности. То было на зарѣ великаго акта освобожденія крестьянъ, и въ своей замѣчательной университетской рѣчи 1859 года вы во всеуслышаніе подтвердили связь научнаго и общественнаго движенія».

За тѣмъ послѣдовали адресы отъ московскихъ гимназій 5-ой и 6-ой, отъ Историческаго Музея, отъ Общества Исторіи и Древностей, отъ Казанской Духовной Академіи (которая избрала Ѳ. И. своимъ почетнымъ членомъ) и наконецъ отъ московскаго университета, который возвелъ Буслаевъ въ степень доктора теоріи и исторіи искусствъ. Мы приводимъ текстъ послѣдняго адреса цѣликомъ, такъ какъ онъ чрезвычайно удачно опредѣляетъ значеніе преподавательской дѣятельности Буслаева:

«Съ чувствомъ искренней радости и справедливой гордости слѣдилъ Московскій университетъ за тѣми выраженіями уваженія и признательности, которыя неслись къ вамъ отъ представителей русскаго ученаго и педагогическаго сословія по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія вашего служенія наукѣ: ибо ваша слава есть вмѣстѣ съ тѣмъ и слава университета, въ которомъ вы учились и учили. Обязанные въ воспитаніи и образованіи умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій Вашихъ графу Сергію Григорьевичу Строга-

[1]) По случаю 30 лѣтія со дня избранія его въ члены общества.

нову, просвѣщенныя попеченія котораго о Московскомъ университетѣ занимаютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ его исторіи, вы начали свое служеніе русскому слову коренною реформою преподаванія отечественнаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Научныя и педагогическія начала, положенныя въ основу этой реформы, быстро вытѣснили схоластику и рутину, дотолѣ господствовавшія въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета, и вамъ дано было видѣть благіе плоды посѣянныхъ вами сѣмянъ. Занявши въ Московскомъ университетѣ каѳедру русской словесности, вы положили начало новой школѣ въ изученіи русскаго языка и русской народной словесности, и, благодаря внесенному и упроченному вами сравнительно-историческому методу изслѣдованія, изученіе русской старины и народности широко развилось на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Вашимъ слушателямъ въ Московскомъ университетѣ въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, вы, кромѣ строго-научнаго метода изслѣдованія, кромѣ богатства добытыхъ вами научныхъ данныхъ, передавали и то горячее одушевленіе къ изученію родной старины и народности, которымъ сами были глубоко проникнуты и которое никогда въ васъ не ослабѣвало. Изъ вашей аудиторіи вышли не только ученые спеціалисты-изслѣдователи судебъ русскаго языка и русской литературы, но и тѣ собиратели русскихъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, которые обогатили литературу классическими сборниками поэтическихъ сокровищъ русскаго народнаго творчества. Вамъ, наставнику-вдохновителю этихъ тружениковъ, выпала судьба прежде другихъ дать научную оцѣнку этому драгоцѣнному матеріалу и тѣмъ положить начало научному изученію русскаго богатырскаго эпоса. Полагая самую широкую основу изученію русской старины и народности, вы раздвинули область преподаванія исторіи русской словесности въ Московскомъ университетѣ внесеніемъ въ оную фактовъ изъ исторіи древнерусскаго искусства, которая также была съ давняго времени излюбленнымъ предметомъ вашихъ изученій. Вдохновляемые и поддерживаемые на трудномъ пути изслѣдованія христіанскаго и древне-русскаго искусства просвѣщеннымъ авторомъ «Дмитріевскаго собора», вы своими неустанными трудами дали научную постановку и обработку исторіи русскаго иконописнаго художества. Вѣрные своему основному, сравнительно-историческому методу изслѣдованія, вы чувствовали въ тоже время необходимость расширить университетское преподаваніе словесности введеніемъ въ его кругъ курсовъ по исторіи европейской литературы и приняли на себя чтеніе лекцій о скандинавской Эддѣ, о Дантѣ, бывшихъ предметомъ вашего глубокаго спеціальнаго изученія. И когда Уставъ, дарованный русскимъ университетамъ Императоромъ Александромъ II-мъ, создалъ въ нихъ двѣ новыя каѳедры на историко-филологическомъ факультетѣ: исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи искусствъ,—эти новыя каѳедры въ нѣсколькихъ университетахъ быстро нашли себѣ достойныхъ представителей въ спеціалистахъ, подготовленныхъ вашими лекціями и приватными занятіями съ ними.

Многолѣтнее преподаваніе ваше въ Московскомъ университетѣ, вводившее слушателей въ уразумѣніе началъ, на коихъ зиждется народность, освѣщавшее историческія судьбы русскаго языка, миѳологіи, поэзіи, искусства, проникнуто было глубокимъ сочувствіемъ къ началамъ европейскаго просвѣщенія и воспитывало въ студентахъ уваженіе и любовь къ своей народности, широкую гуманность и сознательную преданность принципамъ общечеловѣческаго просвѣщенія. На рубежѣ совершившагося пятидесятилѣтія вашего служенія наукѣ, оставившаго прочный слѣдъ въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія, благодарный вамъ Московскій университетъ горячо привѣтствуетъ васъ, высокоуважаемый Ѳедоръ Ивановичъ, и сердечно желаетъ, чтобы еще на долгіе и долгіе годы продолжалась ваша дѣятельность на благо нашего отечества, къ славѣ вашей и Московскаго университета».

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Когда черезъ полгода въ Москвѣ собрался Археологическій съѣздъ, и Буслаевъ въ качествѣ почетнаго члена его (отъ предсѣдательства онъ рѣшительно отказался) пришелъ дѣлать свой докладъ, сотни представителей науки, собравшихся со всѣхъ концевъ Россіи, привѣтствовали его нескончаемыми рукоплесканіями и выраженіями глубокаго почтенія. Такъ будетъ, конечно, и всегда впослѣдствіи, когда Буслаевъ появится публично.

Въ лицѣ Буслаева русское общество чтитъ идеальнаго представителя чистой науки, дѣятельность котораго получила такое значеніе и извѣстность. И здѣсь опять невольно приходитъ на мысль сравненіе Буслаева съ Карамзинымъ, который былъ въ Россіи первымъ *литераторомъ* и *только литераторомъ*, безъ претензій на служебную или другую общественную роль. Такъ и Буслаевъ всю жизнь былъ ученымъ и профессоромъ и не желалъ быть ничѣмъ инымъ. Наука и преподаваніе ея были для него выше всего остального, были единственно достойнымъ его дѣломъ. Все то, что мѣшало ея успѣхамъ, было въ его глазахъ зломъ, разстроивало его и глубоко огорчало.

Выше, на основаніи словъ Буслаева, мы говорили о его необыкновенномъ равнодушіи къ газетной политикѣ во время его перваго путешествія за-границу; также мало интересовался онъ сю и во всю остальную жизнь.

Когда Буслаевъ сталъ профессоромъ, и наука въ концѣ 40-хъ годовъ оказалась «въ загонѣ» [1]), онъ глубоко страдалъ за нее и сохранилъ объ этомъ времени самыя печальныя воспоминанія, несмотря на молодость и на личное счастье.

Когда въ слѣдующее царствованіе началось броженіе въ университетахъ, и въ 1861 г. въ Москвѣ разразилась «университетская исторія», Буслаева «охватило отчаяніе» [2]) которое потомъ «стало затихать въ тупомъ унынiи»;

[1]) Воспоминанія В. Евр. февр. 1892, стр. 159.

[2]) Ibid., апрѣль, стр. 161.

онъ одно время думалъ покинуть университетъ, такъ какъ студенты начали заниматься «внутренней политикой», вмѣсто науки [1]).

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ въ совѣтѣ московскаго университета началась ожесточенная борьба партій, Буслаевъ, несмотря на живость и впечатлительность своего характера, единственный изъ вліятельныхъ профессоровъ, оставался совершенно чуждымъ ей и только жалѣлъ другихъ. Онъ чувствовалъ интересъ къ служебнымъ дѣламъ только тогда, когда они касались преподаванія его науки или другой сродной съ нею. Онъ никогда не занималъ никакихъ административныхъ должностей и былъ вполнѣ равнодушенъ къ тому, кто ихъ занимаетъ. Чрезвычайно отзывчивый, мягкій и расположенный къ дружбѣ, онъ мало имѣлъ друзей между своими сослуживцами, а недоброжелателей (хотя и уважающихъ его *ученыя* заслуги) имѣлъ болѣе, чѣмъ достаточно и именно за свое равнодушіе къ тому, что̀ считалось «общественнымъ дѣломъ». Но онъ мало огорчался этимъ, потому что для себя зналъ только одно дѣло — науку.

За то и являлся онъ въ ней такимъ великимъ мастеромъ и всеобщимъ учителемъ. Его историческая роль въ ней всесторонне можетъ быть оцѣнена только слѣдующими поколѣніями, но въ общихъ чертахъ она ясна и теперь.

Буслаевъ самъ считаетъ себя не спеціалистомъ, а энциклопедистомъ [2]) въ наукѣ; онъ и является таковымъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ были профессорами-энциклопедистами Давыдовъ и Шевыревъ, а въ томъ, въ какомъ бываютъ энциклопедистами всѣ крупные реформаторы, которые начинаютъ почти одновременно нѣсколько разнообразныхъ дѣлъ и, не закончивъ ихъ, передаютъ другимъ, чтобы приняться за новыя.

Такъ и Буслаевъ поставилъ множество новыхъ вопросовъ, открылъ множество новыхъ областей, намѣтилъ пути для ихъ изслѣдованія и, предоставивъ разработку другимъ [3]), самъ шелъ все дальше и дальше, отыскивая новыя залежи научнаго матеріала. Едва не единственное исключеніе его Апокалипсисъ, гдѣ онъ самъ и началъ, самъ и кончилъ дѣло.

Буслаевъ—только ученый, не разбрасывавшійся никогда въ публицистику и беллетристику, какъ его предшественники по каѳедрѣ; научная истина, критически очищенная, для него важнѣе всего; но историческая связь между нимъ и его учителями, какъ русскими, такъ и западными, видна въ томъ, что эта истина не остается для него безплодной, въ ожиданіи подбора другихъ подобныхъ, а требуетъ вывода, обобщенія, а иногда (см. выше по поводу иконописи) и практическаго примѣненія. Выводъ можетъ быть иногда преждевременень.

---

[1]) При самомъ началѣ „исторіи" Буслаевъ въ мягкихъ, но ясныхъ выраженіяхъ высказалъ студентамъ на лекціи свое неодобреніе; но мы рѣшительно не поняли его, и онъ огорченный уѣхалъ къ Троицѣ.

[2]) l. c., стр. 170–271.

[3]) Напомнимъ въ видѣ примѣра Апокрифы, Житія русскихъ святыхъ, Духовные стихи и пр., гдѣ Буслаевъ началъ работу, съ честію продолжаемую другими.

слишкомъ широкъ, но онъ всегда интересенъ и благотворно возбудителенъ для послѣдующихъ работниковъ.

Этой исторической преемственностью отъ учителей и традицій 40-хъ годовъ объясняется и та изящная форма, которую придавалъ Буслаевъ своимъ изслѣдованіямъ.

Какъ по этимъ причинамъ, такъ и по свойству тѣхъ отдѣловъ науки, въ которыхъ работалъ Буслаевъ, онъ, оставаясь ученымъ чистѣйшаго типа, въ то же время является и крупнымъ литературнымъ дѣятелемъ, проводникомъ извѣстныхъ убѣжденій; а такъ какъ его убѣжденія слагались въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, когда вопросъ о славянофильствѣ и западничествѣ былъ поставленъ такъ остро, то для опредѣленія его историко-литературной роли всего важнѣе указать его мѣсто въ этой плодотворной для русской мысли борьбѣ. Но Буслаевъ самъ сдѣлалъ это такъ хорошо въ своихъ воспоминаніяхъ, что мы можемъ только привести его слова:

«Несмотря на мою любовь къ Италіи и на благоговѣніе къ ученымъ трудамъ Якова Гримма, назвать себя западникомъ я рѣшительно не могъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это прозвище прилагается къ Чаадаеву или Бѣлинскому. Не стану же я, думалось мнѣ, вмѣстѣ съ Чаадаевымъ поклоняться римскому папѣ и въ качествѣ московскаго аббатика прислуживать ему за обѣднею, хотя бы даже и въ Сикстинской капеллѣ: я давно зналъ, что не боги обжигаютъ такіе скудельные горшки; не стану вмѣстѣ съ нимъ же позорить Византію, потому что знаю высокое ея призваніе въ средневѣковой исторіи просвѣщенія не только въ Россіи, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произведеніями византійскаго художества, базиликами временъ Юстиніана въ Равеннѣ, Палатинскою капеллою въ Палермо, соборомъ апостола Марка въ Венеціи и такъ далѣе, до безконечности. Я не презиралъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», какъ онъ самъ выразился о «Трехъ Портретахъ» Тургенева; напротивъ того, я посвящалъ себя на прилежное изученіе именно русскихъ преданій и ихъ глубокой старины; я не глумился и не издѣвался вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ надъ нашими богатырскими былинами и пѣснями, а относился къ нимъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ поэмамъ Гомера или къ скандинавской Эддѣ. Послѣ всего этого, думалось мнѣ, какой же я западникъ?

По стольку же не могъ я назвать себя и славянофиломъ. Не меньше К. С. Аксакова я любилъ русскій языкъ, но изучалъ его не по методу мечтательныхъ умозрѣній за одно съ нимъ, а всегда пользовался точнымъ, микроскопическимъ анализомъ сравнительной и исторической грамматики.

Въ нашихъ преданіяхъ, стародавнихъ обычаяхъ, въ былинахъ, пѣсняхъ и сказкахъ славянофилы видѣли завѣтные тайники народныхъ сокровищъ доморощенной мудрости, равныхъ которымъ по ихъ глубинѣ не было и нѣтъ во всемъ мірѣ; для меня же все это служило интереснымъ и цѣннымъ матеріаломъ, къ

которому я старательно подбиралъ сходные, а иногда и почти одинаковые факты изъ другихъ народностей, преимущественно изъ родственныхъ по происхожденію, т.-е. индо-европейскихъ. Славянофилы восхищались образцовымъ строемъ русской семьи, русской общины и земщины, русскимъ третейскимъ судомъ и другими особенностями такъ называемаго обычнаго права. Мнѣ гораздо интереснѣе было анализировать терминологію семейныхъ отношеній, именно самыя слова: отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, свекровь, сноха, и на основаніи законовъ сравнительной грамматики возводить ихъ къ санскритскому языку для очевиднаго доказательства, что наши предки въ незапамятныя времена вмѣстѣ съ собою вынесли изъ своей азіатской прародины уже вполнѣ благоустроенную семью. По географической картѣ Шафарика и московскіе славянофилы, увлеченные панславизмомъ, мечтали объ изгнаніи нѣмцевъ изъ Австріи, чтобы совокупить чеховъ, лужичанъ, словаковъ, сербовъ, поляковъ и другихъ ихъ соплеменниковъ въ одно великое панславянское государство, между тѣмъ какъ я, начинивъ свою голову параграфами нѣмецкой миѳологіи Якова Гримма, представлялъ себѣ умилительную картину примиренія германцевъ съ славянами въ идеальной апоѳеозѣ Асовъ и Вановъ, изъ которыхъ сложилось дружественное и родственное сонмище скандинавскаго Олимпа».

Этими словами Буслаевъ характеризуетъ свои взгляды въ молодости, когда онъ только вступалъ на каѳедру, но они написаны въ 1891 г. и, стало быть, въ нихъ онъ невольно высказываетъ руководящія идеи всей своей дѣятельности.

Такова, стало быть, его, такъ сказать, *политическая* программа, изъ которой позднѣе онъ развивалъ главнымъ образомъ пунктъ о народности вообще. и эта сторона его дѣятельности оказалась особенно вліятельной между прочимъ потому, что Буслаевъ, какъ было извѣстно всѣмъ, не былъ славянофиломъ и исходилъ не изъ поэтическаго увлеченія русской стариной, а изъ общеевропейскихъ идей и научныхъ фактовъ.

Полнаго и всесторонняго выраженія *критическихъ* взглядовъ Буслаева мы вправѣ ожидать отъ его книги о Тургеневѣ, которую онъ готовитъ уже нѣсколько лѣтъ.

Въ нашемъ очеркѣ мы перечислили только главнѣйшіе труды Буслаева, занимавшіе его по многу мѣсяцевъ или лѣтъ. Не только въ силу живости и отзывчивости своей натуры, но также и въ силу тѣхъ требованій, которыя молодыя общества возлагаютъ на выдающихся дѣятелей, ему приходилось отдавать свое время и энергію на вопросы, имѣющіе очень мало общаго съ его большими работами: успѣхи антропологіи побуждаютъ его написать статью «Догадки и мечтанія о первобытнымъ человѣкѣ»: новыя открытія по ассиріологіи—статью о надписяхъ Ахеменидовъ; въ концѣ 60-хъ гг. онъ читаетъ публичную лекцію «о главнѣйшихъ направленіяхъ въ современной литературѣ», позднѣе пишетъ: «О значеніи современнаго романа» (1877 г.); своимъ воспоминаніямъ о Погодинѣ онъ посвящаетъ цѣлую небольшую книгу (1876 г.): по порученіи Академіи Наукъ онъ

даетъ серьезные критическіе разборы и объ «Ильѣ Муромцѣ» О. Ѳ. Миллера, и о книгѣ Н. И. Костомарова, и пр. и пр.; по просьбѣ московскаго дворянства онъ составляетъ мотивированный учебный планъ для женскаго института [1]) и т. д. и т. д.; да и рецензіи, написанныя имъ по собственному почину, всегда даютъ и новый матеріалъ и новыя соображенія. Всѣ эти Kleinere Schriften Буслаева непремѣнно должны быть впослѣдствіи собраны и изданы особой книгой, или, вѣрнѣе, книгами; но еще раньше ихъ нуждаются въ изданіи читанные имъ курсы, частію рукописные, частію литографированные, и въ особенности превосходный общій курсъ исторіи допетровской литературы, прочитанный наслѣднику Николаю Александровичу. Было бы далеко не лишнимъ издать отдѣльною книгою и превосходно написанныя и чрезвычайно важныя для уясненія недавняго прошлаго русской литературы и науки *Воспоминанія* Буслаева. Любопытныя дополненія къ нимъ см. въ «Починѣ» Общ. Люб. Росс. Словесности за 1896 г. (также въ Вѣстн. Евр. 1896 г., № 1, см. О римской виллѣ кн. З. Волконской). Въ «Починѣ» за 1895 г. изданъ небольшой отрывокъ изъ курса Буслаева о Дантѣ.

А. Кирпичниковъ.

I. Біографическія и критическія статьи, посвященныя Ѳ. И Буслаеву:

1) Словарь проф. москов. унив.; 2) Словари *Толя* (допол.), *Березина, Клюшникова, Гарбеля, Брокгаузъ-Ефрона, De-Gubernatis'а.* 3) *Селивановъ*, А. О. Біографіи. Пенза. 1889. 4) Юбилейная записка Моск. Археол. Общ. 5) „Отеч. Зап." 1855 г., т. 93, отд. III, стр. 24. 6) *Чернышевскій*, въ „Современникѣ" 1856 г. и отд. „Замѣтки о современ. литературѣ" Спб., 1894 г., стр. 116—122, 394—409. 7) *Котляревскій*, соч., т. 1, 2, 4. 8) *А. Галаховъ*, въ „Рус. Ст." 1879 г., т. XXIV, стр. 322—323. 9) *Пыпинъ*, въ „Вѣст. Евр." 1883 г., № 10 и 1886 г., № 6. 10) *Л. Поливановъ*, „Библіотека по рус. и церк.-слав. яз. и словесности". М. 1888. 11) *П. П.*, въ „Ист. Вѣст." 1887 г., № 6. 12) *М. Н. Катковъ*, въ „Рус. Арх." 1888 г., т. II, № 8. 13) „Нива" 1888 г. № 36 съ портр. 14) *Н. Полевой*, въ „Ист. Вѣст." 1888 г., № 10. 15) *Бѣльскій*, Л., въ „Газетѣ Гатцука" 1889 г. № 2. 16) *А. Ѳ. Селивановъ*, въ Рус. Ст." 1889 г., № 1. 17) *О. N.*, въ „Филолог. Зап." 1889, III. 18) „Газета Гатцука" 1889 г., № 6, 9 и 23. 19) „Рус. Вѣд." 1889 г., № 111. 20) „Чествованіе 50-лѣт. юбилея учен. дѣятельности Ѳ. И. Буслаева". Воронежъ, 1889. (Изъ „Фил. Вѣст."). 21) *Пыпинъ*. Исторія рус. этнографіи и Характ. лит. мнѣній. 22) „Истор. Вѣст." 1892 г. № 11. 23) „Обзоръ учеб. и науч. литер. по рус. яз.". Спб. 1896. Изд. музея воен. учеб. завед. 24) *Иларіоновъ*, В., въ „Рус. Обозр." 1895 г. № 3, стр. 183; № 4 стр. 719. 25) Воспоминанія *Оома* въ „Рус. Арх." 1896 г. 26) „Молва" 1857 г., № 9 и 28. 27) *Кр...невъ* въ „Бесѣдѣ" 1857 г., № 8.

Отзывы: О „*Преподаван. отечеств. яз.*": 1) *Студитскій* въ „Москвитянинѣ" 1844, ч. 5, № 10, стр. 392—415. 2) „Соврем." 1844, т. 35, стр. 330—334. 3) „Библ. для Чт." 1844, т. 65, отд. 6, стр. 53—57. 4) „Русск. Инв." 1844, № 211. 5) „Отеч. Зап." 1846, т. 46, отд. 5, стр. 37—54. 5) „Москвит." 1846, ч. III, № 6. стр. 193.

Объ „*О вліяніи христіанства на славянск. яз.*": „Отеч. Зап." 1848, т. 59, отд. VI, стр. 7.

[1]) Напечатанъ отдѣльной книжкой на средства гр. С. Д. Шереметьева.

О ст. *„Объ эпич. выражен. украинск. поэзіи“*: 1) „Отеч. Зап.“ 1850, т. 73, отд. VI, стр. 37—114. 2) „Современн.“ 1850, т. XXIV, стр. 50. 3) „Москвит.“ 1851, ч. IV, стр. 359.

О ст. *„Дополн. и прибавл. къ II т. сказаній русск. нар.“*: „Отеч. Зап.“ 1850, т. 70, отд. V, стр. 22.

О ст. *„Мысли объ ист. русск. языка Срезневскаго“*: 1) „Отеч. Зап.“ 1851, т. 74, отд. V, стр. 7. 2) „Москвит.“ 1851, ч. 1, стр. 143.

О ст. *„О значен. словъ: Лютичи, Вильцы и т. д.“*: 1) „Соврем.“ 1851, т. XXIX, стр. 55, отд. V. 2) „Отеч. Зап.“ 1851, т. 78, отд. VI, стр. 41.

О ст. *„Женск. типы въ изваяніяхъ греч. богинь“*: 1) „Москвит.“ 1851, ч. VI, стр. 563. 2) „Современн.“ 1851, т. XXVII, стр. 40, отд. III. 3) „Библ. для Чт.“ т. 107, отд. VI, стр. 57.

О *„Русск. поэзіи XVII в.“*: „Отеч. Зап.“ 1852, т. 83, отд. VI, стр. 41.

О ст. *„Объ област. слов.“*: „Москвит.“ 1852, ч. VI, стр. 69, отд. 5.

О ст. *„Русск. пословицы и поговорки“*: 1) „Отеч. Зап.“ 1854, т. 95, отд. VI. 2) „Современн.“ 1854, т. XLVII, стр. 10, отд. IV.

Объ *„Извлеч. изъ русск. грамматики проф. Бароова“*: „Отеч. Зап.“ 1855, т. 101, отд. IV, стр. 73.

Объ *„О народ. поэзіи* и т. д.: *Котляревскій*, соч. т. I.

Объ *„Историч. граммат. русск. яз.“*: 1) *Аксаковъ, К.*, въ „Русск. Бес.“ 1859, № 5 и 6, стр. 65—154, 101—122 и въ Собр. соч. К. Аксакова, т. II. 2) *Эк. С—ть (А. А. Котляревскій)*, въ „Отеч. Зап.“ 1859, № 8 и 9, стр. 59—86 и 1—26 и соч. Котляревскаго, т. I. 3) *Водовозовъ, В.*, въ „Русск. Словѣ“ 1859, № 5, стр. 42–61. 4) *М. де-Пулле*, въ „Современн.“ 1859, № 8, т. 76, отд. 3, стр. 237—254. 5) *Майковъ, А.*, въ „Библ. для Чт.“ 1859, № 10—12, т. 157 и 158, стр. 1—48, 1—50 и 1—68. 6) „Моск. Вѣст.“ 1859, № 9 и 12. 7) *Полевой, К.*. Разб. кн. „Опытъ и проч.“ Спб. 1859, 65 стр. (Отд. отт. изъ „Сѣв. Пч.“. 8) *Лавровскій, П.*, въ „Зап. И. Ак. Наукъ“ т. VIII, 1865. 9) „Русск. Міръ“ 1859, № 18. 10) *Hattala*, въ „Часописѣ“ чешскаго музея 1862 и 1864. 11) *Колосовъ*, въ „Замѣткахъ о звукахъ рус. и старослав. яз.“. Воронежъ 1872.

Объ *„Историч. очерк. русск. народн. словесности и искусства“*: 1) *Шестаковъ, П.*, въ „Моск. Вѣд.“ 1860, № 251. 2) „Изв. И. Ак. Наукъ“, т. 9, вып. 4. 3) „Филог. Зап.“ 1850, № 5—6, стр. 302—314. 4) *Пыпинъ, А.*, въ „Современн.“ 1860, № 12, стр. 263—265; 1861, № 1, стр. 1—52. 5) *Мордовцевъ, Д.*, въ „Русск. Словѣ“ 1861, № 2, 3 и 4. 6) „Время“ 1861, № 4. 7) *Водовозовъ, В.*, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861, № 5 и 6. 8) „Библ. для Чт.“ 1861, № 4—7. 9) *А—и* въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1860 г., № 285.

Объ *„Историч. хрестоматіи“*: 1) Изв. И. Ак. Наукъ, т. X, вып. 1. 2) „Отеч. Зап.“ 1861, № 10, стр. 116—117. 3) „Спб. Вѣд.“ 1861, № 243. 4) *Н. Н.*, въ „Русск. Вѣстн.“ 1861, № 12.

Объ *„Учебн. русск. граммат.“*: „Учитель“ 1869, № 19, стр. 628—630. 2) „Сист. обз. русск. нар.-учебн. литер.“ 1878, стр. 195. 3) „Жур. Мин. Н. Пр.“ 1870 г., № 12 и 1899 г., № 5.

О *„Русск. хрестоматіи“*: 1) *К.*, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1871, № 3, т. 154, стр. 53—59. 2) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1882 г., ч. 220, № 3, стр. 17—19 и 1889 г., № 3. 3) „Фил. Зап.“ 1870, вып. 3.

О *„Русск. лицевомъ апокалипсисѣ“*: *Кондаковъ, Н.*, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1885, № 7, стр. 110—142.

О *„Моихъ досугахъ“*: 1) *Зміевъ, Ф.*, въ „Нови“ 1886, № 11, стр. 327—330.

2) *А. Веселовскій*, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886 г., № 7, стр. 154—168. 3) *А. В—нъ* (*А. Н. Пыпинъ*), въ „Вѣст. Евр“. 1886 г., № 6.

О „*Народн. поэзіи*“: 1) *Кирпичниковъ, А.*, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 18[illegible], № 6, стр. 401—407. 2) *П. П.* (Полевой). „Ист. Вѣстн.“ 1887, № 6. 3) „Вѣст. Евр.“ 1887, № 5, стр. 820—825.

II. Труды Ѳ. И. Буслаева, вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ и оттиски изъ журналовъ и сборниковъ.

1) *О преподаваніи отечественнаго языка.* М. 1844 г. 8°. Тип. унив. 1 ч.— стр. V + II + 335. 2 ч.—стр. III + 375 Изд. 2-ое. М. 1867 г. 8°. Тип. С. Орлова. Стр. III + 472. 2) *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ.* Опытъ исторіи языка по Остромирову евангелію, написанный на степень магистра. М. 1848 г., 8°. Унив. тип. Стр. 211. 3) **А. Галаховъ и Ѳ. Буслаевъ.** *Конспектъ русскаго языка и словесности для руководства въ воен.-учебн. заведеніяхъ*, сост. на основаніи Наставленія для образованія воспитан. воен.-учебн. зав. Высочайше утвержд. 24 дек. 1848 г. Спб. 1852. 8°. Тип. штаба воен.-учебн. зав. Приготовительн. курсъ. Стр. 83. Спеціальный курсъ. Стр. 33. 4) *Словарь областныхъ реченій великорусскаго нарѣчія.* Записка. Спб. 1852 г. 8°. Тип. Имп. Акад. Наукъ. Стр. 16. (*Оттискъ* изъ 4 вып. I т. „Изв. II отд. Акад. Наукъ“). 5) *Русская поэзія XVII вѣка.* М. 1852. 8°. Тип. унив. Стр. 71. (*Оттискъ* изъ „Моск. Вѣд“ 1852 г., №№ 52, 53, 55—57). 6) *Русскія пословицы и поговорки.* М. 1854 г. 8°. Тип. Алекс. Семена. Стр. 176. (*Оттискъ* изъ „Арх. ист.-юрид. свѣд.“, кн. 2, отд. 2). 7) *Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ 15-ти рукописей Моск. синодальн. библіотеки.* Съ приложеніемъ 22 снимковъ, литогр. Іоною Шелковниковымъ. (Изъ сборника „Матеріалы для Восточныхъ, Греческихъ, Римскихъ и Славянскихъ письменъ, изготовленныхъ къ 100 лѣтнему юбилею Москов. унив. трудами профессоровъ-преподавателей *Петрова, Клиноменьшикова и Буслаева.* М. ҂ѦѾНЄ (1855). 55 стр. и 22 рис. 8) *Опытъ исторической грамматики русскаго языка.* Учебное пособіе для преподавателей. (Учеб. руков. для воен.-учебн. зав.). М. 1858 г. 8°. Тип. унив., ч. I—Этимологія. Стр. XL + 244. Ч. II—Синтаксисъ. Стр. X + 428. Дальнѣйшія изд. см. № 19. 9) *О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ.* Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Моск. Унив. 12-го янв. 1859 г. М. 1859 г. 4°. Унив. тип. Стр. 51 + 32 10) *Московскія молельни.* М. 16°. Тип. Грачева и К°. Стр. 17. (Отт. изъ „Сборн. общ. любит. древне-русс. искусства“ на 1866 г.). 11) *Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда.* Четыре лекціи изъ курса объ исторіи народной поэзіи. 39 стр. (*Оттискъ* изъ „Атенея“ 1858 г.). 12) *Новости русской литературы* по церковному искусству и археологіи. 9 стр. въ 2 столбца. (*Оттискъ* изъ „Современ. Лѣтописи“ 1863, № 9). 13) *Повѣсть града Іерусалима.* М. 1860 г. (*Оттискъ* изъ „Лѣтоп. рус. лит. и древ.“, т. II). 14) *Русскія народныя пѣсни, собранныя П. И. Якушкинымъ.* М. 1860 г. 8°. Тип. В. Грачева и К°. Стр. 89. (*Оттискъ* изъ „Лѣт. русс. литер. и древн.“). 15) *Смоленская легенда о Св. Меркуріи.* М. 1860 г. 8°. (*Оттискъ* изъ „Лѣтописей рус. лит. и древ.“, т. II). 16) *Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.* Спб. 1861 г. 4°. I т. Русская народная поэзія. Стр. III + 643. II т. Древне-русс. народная литература и искусство. Стр. 429. Содержаніе ихъ см. выше, стр. 302—303. 17) *Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (Учебное руководство для военно-учебн. зав.). М. 1861 г. 8°. Тип. унив. Стр. II + 1632 +

VIII. 18) *Образцы иконописи въ публичномъ музеѣ.* (Въ собраніи П. И. Севастьянова). (*Оттискъ* изъ „Моск. Вѣд." 1862 г. №№ 111—113). Унив. тип. Стр. 23. 19) *Историческая грамматика русскаго языка.* Ч. I. Этимологія. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 1-ое см. № 8. Изд. 2-ое М. 1863 г. Тип. Унив. (Каткова и К°), 1 ч.—стр. 259, 2 ч.—стр. 374. Изд. 3-ье М. 1868—69 г. Тип. Грачева и К°, 1 ч.—стр. 276, 2 ч.—стр. 394. Изд. 4-ое М. 1875 г. Тип. Т. Рисъ. Изд. 5-ое Тип. Т. Рисъ, 1 ч.—стр. 276, 2 ч. стр. 394. 20) *Общія понятія о русской иконописи.* Съ 40 литогр. рис. на XV табл. съ 5 политипажами. М. 1866 г., 4°. Тип. Грачева и К°. Стр. 106. (*Оттискъ* изъ „Сборн. на 1866 г., изд. Общ. Любит. древне-русс. искусства). 21) *Краткое руководство къ первоначальному преподаванію русскаго языка.* М. 1867. 8°. Тип. Орлова. Стр. 55. (*Отд. оттиски* изъ 2-го изд. книги „О преподаваніи отеч. языка"). 22) *По поводу одной замѣтки,* помѣщенной въ „Воскр. прибавленіяхъ къ Моск. Вѣд". (Письмо къ редактору газ. „Москва"). М. 1867 г. 12°. Тип. А. И. Мамонтова. Стр. 8. 23) *Этнографическіе вымыслы нашихъ предковъ.* М. 1868 г. 4°. Тип. унив. (Катковъ и К°). Стр. 9 въ 2 столбца. (*Оттискъ* изъ „Сборника антрополог. и этногр. статей о Россіи" изд. В. А. Дашковымъ). 24) *Отзывъ о сочиненіи В. Стасова.* „Происхожденіе русскихъ былинъ". Спб. 1869 г. 8°. Тип. Имп. Акад. Наукъ. Стр. 59. (*Оттискъ* изъ „12 прис. увар. наградъ"). 25) *Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.* М. 1869 г. 8°. Тип. унив. (Катковъ и К°). Стр. 7. (*Оттискъ* изъ „Моск. универ. Изв." 1869 г. № 1). 26) *Учебникъ Русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора.* Для средн. учебн. зав. М. 1869 г. 8°. Тип. Грачева и К°. Стр. VIII + 286. Изд. 2-ое. М. 1870 г. Стр. VI + 222. Изд. 3-ье. М. 1873 г. Тип. унив. Стр. 221. Изд. 4-ое. М. 1874 г. Тип. унив. Стр. 211. Изд. 5-ое. М. 1878 г. Изд. 6-ое. М. 1882 г. Изд. 7-ое М. 1889 г. Тип. Е. Потемова. Стр. II + 235. 27) *Русская хрестоматія.* Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими литературными и грамматическими объясненіями съ словаремъ и указателемъ. М. 1870 г. Изд. 2-ое, М. 1877 г.; Изд. 3-ье, М. 1881 г.; Изд. 4-ое, М. 1888 г.; Изд. 5-ое, М. 1891 г.; Изд. 6-ое, М. 1894 г. 28) *Разборъ сочиненія О. Миллера* „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русс. эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб. 1872 г. 8°. Тип. Имп. Акад. Наукъ. Стр. 25. (*Оттискъ* изъ 14-го присужд. уваров. наградъ) 29) *Славянскія сказанія о Соломонѣ Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Сочиненіе А. Веселовскаго.* Спб. 1872 г. Рецензія. Спб. 1874 г. 8°. Тип. Имп. Акад. Наукъ. Стр. 43. (*Оттискъ* изъ 16-го присужд. уваров. наградъ). 30) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ.* (Читано въ публичномъ засѣданіи Общ. любителей росс. словесности 21 марта 1876 г.). М. 1876 г. 8°. Тип. А. Гатцука. Стр. 19. Съ портр. Погодина. 31) *О значеніи современнаго романа и его задачахъ.* М. 1877 г. (*Оттискъ* изъ „Газеты Гатцука"). 32) *Объ элементарныхъ правилахъ филологической критики,* по поводу книги архимандрита Амфилохія „Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—28 г." Воронежъ 1872 г. (*Оттискъ* изъ „Филол. записокъ"). 33) *Образцы письма и украшеній изъ псалтыри съ возслѣдованіемъ по рукописи XV в., хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры подъ № 308 (481).* „Памятники древ. письменности" № LXXIV. Факсимиле изъ слѣдованной псалтыри XV в. Съ введеніемъ Ѳ. Буслаева. Изд. Общ. любит. древн. письмен. Спб. 1881 г. 8°. Тип. Добродѣева и лит. А. Бегрова. Стр. 79 и 60 табл. 34) *Бѣсъ.* Къ исторіи московскихъ нравовъ XVII в. Спб. 1881 г. 8°. Тип. А. Траншеля. Стр. 15. 35) *Русскій лицевой Апокалипсисъ.* Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI-го вѣка до XIX. Два тома. М. 1884 г. 4° Стр. XIV+835. Съ атласомъ въ

308 таблицъ. („Памят. Древ. Письмен." №№ LIII, LXXV и LXXXII). 36) *Мои досуги.* Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія. М. 1886 г. 8°. Синодальн. тип. ч. I—стр. 407, ч. II—стр. 480. Содержаніе: Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь. 1851 г.—Христіанскій музей при берлинск. унив. 1864 г. – Римскія письма. 1875 г. — Регенсбургъ. 1880 г. — Бамбергъ 1880 г. — Флоренція въ 1864 г.—Шестистолѣтній юбилей дня рожденія Данта Аллигіери 1864 г.—Изъ Бургдорфа. 1870 г. — Итальянскія карикатуры во время франко-прусской войны 1870 г. — Задачи эстетической критики. 1868 г. **Ч. II.** Содержаніе: Бѣсъ 1881 г.—Женщина въ народныхъ книгахъ. 1864 г. — Иллюстрація стихотвореній Державина. 1866 г. — Письма Русс. Путешественника. 1866 г. — Памятникъ 1000-лѣтію Россіи. 1862 г. — Басни Крылова въ иллюстраціи академика Трутовскаго. 1869 г.—Комикъ Щепкинъ о Гоголѣ. 1863 г.— Погодинъ, какъ профессоръ. 1876 г.—Перехожія повѣсти и разсказы. 1874 г.—Значеніе романа въ наше время. 1877 г. 37) *Народная поэзія.* Историческіе очерки. Спб. 1887 г. 8°. Тип. Имп. Акад. Наукъ. Стр. VI+501. Содержаніе: 1) Русскій богатырскій эпосъ. 2) Слѣды Славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой миѳологіи. 3) Бытовые слои русскаго эпоса. 4) Пѣсня о Роландѣ. 5) Испанскій народный эпосъ о Сидѣ. 6) Русскіе духовные стихи. 38) *Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературъ въ женскихъ средне-учебн. заведеніяхъ.* Изд. журн. „Пантеонъ Литературы". Спб. 1890 г. (*Оттискъ* изъ „Пантеона Литературы"). 39) *Нѣсколько замѣтокъ при чтеніи одного церковно-археологическаго труда.* (Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ"). Спб. 1892 г. 8°. Стр. 10. (*Оттискъ*).

III. Журнальныя статьи и замѣтки.

1844 г. 1) *Рецензія на соч. Ник. Варадинова:* „Нѣчто о русскомъ слогѣ" („Москвитянинъ", ч. III, № 5, стр. 55).

1845 г. 2) *Рецензія на „Русскіе достопамятн."* „Слово о полку Игор. въ изд. Дубенскаго („Москвитянинъ" ч. I, № 1, стр. 29). 3) *Рецензія на статью „О мѣстоименіяхъ вообще и о русскомъ въ особенности"*, помѣщенную въ прибавленіи къ журн. „Bulletin scientifique", изд. Ист.-филолог. Отд. Имп. Акад. Наукъ. (ibidem, ч. I № 2, стр. 41). 4) *Рецензія на изданную Гречемъ „Учебную книгу русской словесности"* (ibidem, ч. I, № 2, стр. 45).

1846 г. 5) *Отвѣтъ на отзывъ, помѣщен. въ „Отеч. Зап."* на книгу: „О преподаваніи отечеств. языка" (ibidem, ч. III, № 6, стр. 193).

1849 г. 6) *Объ одномъ старинномъ русскомъ заклятіи*". („Москвитянинъ" ч. V, № 19, стр. 103).

1850 г. 7) *Лингвистическое недоразумѣніе.* (М. Погодину). („Москвитянинъ" ч. III, стр. 29). 8) *Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи.* По поводу изд. Максимовичемъ „Сборн. Украинскихъ пѣсенъ". (ibidem, ч. V, стр. 19). 9) *Разборъ соч. Срезневскаго:* „Мысли объ исторіи русскаго языка". („Отеч. Зап." т. LXXII, отд. V, стр. 31). 10) *Дополненія и прибавленія ко 2 т. сказаній рус. народа собран. И. Сахаровымъ.* („Архивъ Калачова" кн. I отд. IV, стр. 1—48).

1851 г. 11) *Эпическая поэзія.* („Отеч. Зап." т. LXXVII, отд. II).

1852 г. 12) *Разборъ соч. Павскаго:* „Филологическія наблюденія надъ составомъ русс. языка". („Отеч. Зап." т. LXXXI, отд. V, и т. LXXXII, отд. V). 13) *Разборъ*

„Извѣстій Имп. Акад. Наукъ“ (ibidem, т. LXXXIII, отд. VI, стр. 104). 14) *Разборъ „Опыта областн. великорусскаго словаря“* (ibidem, т. LXXXV, отд. V).

1855 г. 15) *Разборъ соч. К. Аксакова*: „О русскихъ глаголахъ“. („Отеч. Зап.“ т. CI, отд. III, № 8, стр. 23—46). 16) *Разборъ статьи Хомякова*: „Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими“ (ibidem, т. CII, № 6, отд. IV, стр. 36—57); 17—18) *Извлеченіе изъ русской грамматики профессора Барсова.* (Сборникъ „Въ воспоминаніе 12 янв. 1855 г.“ М. 1855).

1856 г. 19) *Рецензія на „Народныя русск. сказки А. Аѳанасьева“.* („Русс. Вѣстн.“ Т. I, № 2, январь, учено-литер. обозр., стр. 85—94. Ст. подъ загл. „Народная литература“. 20) *Древняя русская словесность. Повѣсть о Горѣ и Злосчастіи какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ.* Древнее стихотвореніе (ibidem, т. IV, № 13 и 14 (іюль, кн. 1 и 2), стр. 1—52 и 279—322). 21) *Рецензія на „Описаніе славянск. рукописей моск. синодальн. библіотеки“. Гг. Горскаго и Невоструева.* Отдѣлъ первый: Священное писаніе“ (ibidem, т. I, кн. 1). 22) *Рецензія на „Указатель для обозрѣнія моск. патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки, сост. архим. Саввою“* (ibidem, т. I, январь, кн. 1, № 1). 23) *О преподаваніи русск. языка и словесности.* Замѣтки на статью Н. Греча въ 7-мъ № „Морск Сборника“. („Отеч. Зап.“ т. CIX, № 12, отд. I, стр. 327—344). 24) *Женскіе типы въ изваяніяхъ греческ. богинь.* („Пропилеи“, изд. 2-е, кн. 1, отд. I, стр. 99—124).

1857 г. 25) *Древне-сѣверная жизнь.* (Altnordisches Leben. Von Karl. Weinhold. Berlin. 1856). („Русск. Вѣстн.“ Т. VII, № 4, Совр. Лѣтоп., стр. 259—269). 26) *Новости по исторіи средневѣковой литературы* (ibidem, т. IX, № 9, (май, кн. 1), стр. 9—21). 27) *Новѣйшіе нѣмецкіе журналы по средневѣковой старинѣ.* (ibidem, т. VIII). 28) *О народности въ древнерусской литературѣ и въ искусствѣ.* По поводу новыхъ соч. и изд. епископовъ Филарета и Макарія, гг. Пыпина, Ровинскаго, Сухомлинова и Ундольскаго (ibidem, т. X (августъ, кн. 1), № 15, стр. 352—392). 29) *Изображеніе страшнаго суда по русс. подлиннику XVII в.* („Современникъ“ Т. LXV, № 10, отд. II, стр. 139—156). 30) *Индо-германы или Сайване.* (Индо-германы или Сайване. Опытъ свода и повѣрки сказаній о первобытныхъ населеніяхъ Германіи. А. Вельтмана. М. 1856). („Отеч. Зап.“ т. CXII, № 6, отд. I, стр. 737—752).

1858 г. 31) *Идеальные женскіе характеры древней Руси.* I. Юліанія Лазаревская. („Русс. Вѣстн.“ т. XVII, № 19 (октябрь, кн. 1), стр. 417—440). 32) *Подлинникъ (или руководство для живописцевъ)* по *редакціи XVIII в.* (ibidem. т. XVI, № 14 (іюль, кн. 2), стр. 241—276). 33) *Русскіе подлинники въ литературн. отношеніи.* (Изъ лекцій объ исторіи русс. словесности). („Атеней“ ч. III, № 19, стр. 137—172). 34) *Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда.* (Четыре лекціи изъ курса объ исторіи народной поэзіи) (ibidem, ч. IV, № 30, стр. 191—229). 35) *Изъ исторіи русской живописи XVI в.* По поводу 2-й книги „Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. Россійск. при Моск. унив. 1858 г., апрѣль—іюнь. („Атеней“, ч. V, №№ 36 и 37, стр. 1—24, 71—91).

1859 г. 36) *Народныя преданія о лихорадкахъ.* (Изъ рѣчи Ѳ. И. Буслаева.) („Моск. медиц. газ.“ № 16). 37) *Русская поэзія XI и начала XII в.* („Лѣтописи русск. литер. и древн.“, т. I, кн. 1, стр. 3—31). 38) *О „Православномъ Собесѣдникѣ“.* (Ibidem, т. I, отд. III, стр. 74—100). 39) *Предисловіе къ „Русскимъ народн. пѣснямъ, собран. П. И. Якушкинымъ.* (Ibidem, т. I, № 2, отд. II, стр. 69—160). 40) *Разборъ статей журнала „Jahrbuch für romanische und englische Literatur“*, herausgeg. von A. Ebert. 1858—1859 г. 1-го тома №№ 1, 2 и 3. (Ibidem, т. I, кн. 2,

отд. III, стр. 167—182). 41) *Замѣтки о старинѣ и народности.* (Солнце въ заточеніи. Летавецъ блудный бѣсъ. Связь позднѣйшихъ лѣчебниковъ съ Изборникомъ Святослава 1073 г. Варіантъ къ Вирашанію Кюрикову. Недремаемое Око. Стихъ Адама на русск. миніатюрѣ XVI в. Апокрифъ о погребеніи Авеля, по лубочному изданію XVIII в. Простолюдинъ Никита, писатель половины XVII в. Народный стихъ апокрифическаго содержанія. (Ibidem, т. I, кн. 1, отд. III, стр. 149—152). 42) *Предисловіе къ „Сказанію о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константинополѣ“.* (Ibidem, т. II, кн. 3, отд. II, стр. 3—34). 43)*Древне-русская борода* („Отеч. Зап.“ т. CXXVI, № 10, отд. I, стр. 357—378).

1860 г. 44) *Правила, постановленныя на соборѣ 1551 г.* 23 февраля. Стоглавъ краткой редакціи съ предисловіемъ Н. Калачева. („Архивъ ист. и практ. свѣдѣній о Россіи“ кн. V, отд. 2, стр. 1—44). 45)*Муромское сказаніе о Маррѣ и Маріи.* Изъ лекцій объ исторіи русс. словесности въ 1858—59 акад. году. („Лѣтописи русс. литер. и древн.“ т. III, кн. 5, стр. 56—62). 46) *Лекціи изъ курса исторіи русс. литературы читан. студентамъ Моск. унив. въ 1860—61 акад. году.* (Ibidem, т. III, кн. 6, отд. I, стр. 63—68). 47) *Предисловіе къ „Слову и откровенію святыхъ апостоловъ.* (Ibidem, т. III, кн. 5, отд. II, стр. 3—6). 48) *Древнѣйшія эпическ. преданія славянск. племенъ.* („Русс. Слово“ № 10, отд. I, стр. 246—269). 49) *Византійская древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до конца XVI в.* Шестая глава изъ 2-го тома „Историч. очерковъ русс. народн. словесности и искусства“, соч. Ѳ. Буслаева, печатаемыхъ Д. Е. Кожанчиковымъ). („Отеч. Зап.“ № 9, т. CXXXII, отд. I, стр. 311—328 . 50) *Славянскія сказки.* Изъ лекцій о народн. поэзіи, читан. въ 1857—1859 акад. гг. (Ibidem, т. CXXXII, № 10, отд. I, стр. 641—668). 51) *О преподаваніи археологіи.* („Труды 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ“, т. I, стр. 75—82). 52) *Для иконографіи души.* (Ibidem, т. II, стр. 848—852).

1861 г. 53) *Отвѣтъ г. Пыпину* на его статью, подъ загл.: „По поводу изслѣдованій г. Буслаева о русск. старинѣ.“ Письмо къ А. Н. Пыпину. („Отеч. Зап.“ т. CXXXV, № 4, стр. 61—86). 54) *Еще о народности и Пушкинѣ.* Мнѣніе „Русс. Вѣстника“. Взглядъ Гоголя и Бѣлинскаго на тотъ же предметъ. Мнѣніе г. Буслаева. (Ibidem, т. CXXXVI, № 5, отд. III, стр. 45—58). 55) *О русс. народн. книгахъ и лубочныхъ изданіяхъ.* (Лубочныя картинки русс. народа въ Моск. мірѣ. Соч. Снегирева и Histoire des livres populaires, par Charles Nizard. Paris 1854). (Ibidem, т. CXXXVIII, № 9, отд. III, стр. 1—68). 56) *Объ одной притчѣ изъ русс. синодика.* („Библіогр. Зап.“ № 8, т. III, столб. 223—226). 57) *Похожденіе бѣса въ женской богадѣльнѣ.* Для исторіи московск. нравовъ конца XVII в. („Русс. Рѣчь“ № 15). 58) *Русскіе духовные стихи* (Ibidem, №№ 21, 23 и 26).

1862 г. 59) Памятникъ *тысячелѣтію Россіи* („Наше Время“ № 9). 60) *Русскій богатырскій эпосъ.* („Русс. Вѣстн.“ т. XXXVIII и XLI, №№ 3, 9 и 10, стр. 4—64, 5—102 и 523—571). 61) *Слѣды русскаго богатырск. эпоса въ миѳическихъ преданіяхъ индо-европ. народовъ.* („Филолог. Зап.“ вып. II и III, стр. 69—85, 86—99). 62) *Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія.* Двѣ лекціи изъ курса русс. литературы. („Лѣтописи русс. литер. и древн.“ т. IV, отд. I, стр. 3—24). 63) *О народахъ на страшномъ судѣ, по одному лицевому сборнику XVII в. Новгородской Софійской библіотеки.* (Ibidem, т. IV, отд. III, стр. 16—18). 64) *Разборъ соч. Н. И. Костомарова:* „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусск. народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, („31-ое Присужд. Демидовск. нагр.“, стр. 129—165). 65) *Разборъ соч. Ив. Забѣлина:* Домашній бытъ русс. народа въ XVI и XVII стол. т. I. Другое заглавіе: „Домашній бытъ русс. царей въ XVI и XVII стол“ („32-ое Присужд. Демидовск. нагр.“, стр. 49—65).

1863 г. 66) *Новая программа русс. языка и словесности для желающихъ поступить въ студенты Моск. унив.* („Циркуляръ по Упр. Моск. Учебн. Окр.“ № 9 и „Соврем. Лѣтопись“ № 13). 67) *Къ воспоминаніямъ о Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ.* („Соврем. Лѣтопись“ № 42). 68) *Иконописное братство.* (Ibidem, № 14; извлеченія изъ этой статьи въ „Правосл. Обозр.“ т. X, № 4, отд. II, стр. 235—238, въ „Кіевск. епарх. вѣд.“ № 14, отд. II, стр. 437—438 и въ „Душепол. Чтен.“ ч. II, май, отд. II, стр. 28—34). 69) *По поводу памяти св. Кирилла и Меѳодія.* („Моск. Вѣд.“ № 101). 70) *Для опредѣленія иностран. источниковъ повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ.* („Лѣтописи русс. литер. и древн.“ т. V, отд. III, стр. 84—86). 71) *Картины русс. школы живописи, находившіяся на лондонск. всемірной выставкѣ.* („Соврем. Лѣтопись“ № 5). 72) *Изданія Моск. публичнаго музея.* (Фотографич. снимки съ византійск. миніатюръ изъ греч. рукописей, хранящихся въ Моск. библіотекахъ). (Ibidem, № 16).

1864 г. 73) *Замѣтки изъ исторіи чешской живописи.* („Русс. Вѣстн.“ т. XLIX, № 2, стр. 547—572). 74—76) *Изъ Флоренціи.* (О Флорентійской живописи) (ibidem, т. LI, № 5, стр. 269—287). 77) *Судьба женщины въ народныхъ книгахъ.* („Библ. для Чтенія“ № 3, стр. 1—30). 78) *Пѣсня о Роландѣ.* („Отеч. Зап.“ т. CLVI, отд. I, № 9, стр. 169—190). 79) *Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Алигіери.* („Соврем. Лѣтопись“, № 39 и 40). 80) *Изъ Праги.* (Описаніе христіанск. музея, основ. Пиперомъ въ зданіи унив.) (ibidem, № 6). 81) *Испанскій народн. эпосъ о Сидѣ.* (Приложеніе къ V-му тому „Зап. Имп. Акад. Наукъ“ № 6. Спб. 1864. 8° и отдѣльно, Спб. 1864 г.).

1865 г. 82) *О современной русс. литературѣ.* Публичная лекція, читан. въ Моск. унив. на вечерней бесѣдѣ, 22-го марта 1865 г. („Моск. унив. изв.“ № 1, стр. 15—23). 83) *Разборъ соч. Н. Полевого „Опытъ общесравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи Германской и Славянской.* (XXXIV Присуж. Демид. наградъ“).

1866 г. 84) *Рѣчи, произнесен. въ унив. св. Владиміра по случаю 100-лѣтн. юбилея Н. М. Карамзина.* (Приложеніе къ 12-му № „Унив. Кіевск. Изв.“). 85) *Письма русскаго путешественника (Н. М. Карамзина).* („Моск. унив. изв.“ 1866 г. № 2 и 1867 г. № 3). 86) *Символика христіанск. искусства въ русс. рукописныхъ сборникахъ.* („Сборн. на 1866 г., изд. Общ. древне-русс. искусства“, Смѣсь, стр. 130—132). 87) *Современный вопросъ о значеніи христіанск. музея въ народномъ просвѣщеніи* (ibidem, Смѣсь, стр. 143—146). 88) *Для характеристики древне-русс. иконописца.* (ibidem, Смѣсь, стр. 129—130). 89) *Общія понятія о русс. иконописи.* (ibidem, отд. I, стр. 1—107). 90) *Новыя иконы акад. Е. С. Сорокина* (ibidem, Смѣсь, стр. 151—156). 91) *Житія русс. угодниковъ, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи русс. церк. искусства.* По изд. г. Невоструева. (ibidem, отд. II, стр. 64—76). 92) *Сравненіе одного рельефа на порталѣ Пармскаго баптистерія съ миніатюрою Углицкой псалтири XV-го в.* По соч. г. Пипера (ibidem, Отд. II, стр. 80—83). 93) *Отзывы иностранцевъ о русск. національномъ искусствѣ* (ibidem, Отд. II, стр. 52—59). 94) *Краткое обозрѣніе исторіи византійск. искусства.* По соч. Лабарта и Гасса (ibidem, отд. II, стр. 64—67). 95) *Рѣчь о Карамзинѣ, какъ преобразователь русс. языка и слога* („Моск. Вѣд.“ № 254, въ статьѣ „Карамзинскій юбилей въ Москвѣ“).

1867 г. 96) *О преподаваніи церк.-славянск. языка въ средн. учебн заведеніяхъ.* („Журн. мин. нар. просв.“ ч. CXXXIII, № 1, отд. II, стр. 58—75). 97) *Иностранныя слова въ славянск. нарѣчіяхъ.* Die Fremdwörter in der slav. Sprachen. Von. F. v. Miclosich. Wien. 1867 (ibidem, ч. CXXXV, № 8, стр. 540—560). 98) *Ломоносовъ*

какъ грамматикъ. (Въ книгѣ „Празднованіе 100-лѣтней годовщины Ломоносова 4 апр. 1765—1865. Имиер. Моск. унив. въ торжеств. собр. апрѣля 11-го дня". М. 1867. 8°. Стр. 67—74).

1868 г. 99) *Опыты г. Веселовскаго по сравнит. изученію древне-итал. литературы и народной словесности славянской и въ особенности русской.* („Журн. мин. нар. просв." № 2, т. CXXXVII, стр. 495 — 526). 100) *Задачи соврем. эстетической критики.* („Русс. Вѣстн." т. LXXVII, № 9, стр. 273—336). 101) *Археологич. драгоцѣнность.* („Соврем. Лѣтопись" № 12).

1869 г. 102) *Некрологъ. Иванъ Мих. Снегиревъ.* („Рѣчи и отчетъ Имп. Моск. унив. 12-го янв. 1869 г.", стр. 56 — 62 и отдѣльно, М. 1869 г.). 103) *Рецензія на 1-й и 2-й т. „Сочиненій Державина".* („Русс. Вѣстн." т. LXXX, № 4, стр. 708—774). 104) *Рецензія на изд. „Басенъ Крылова"* (ibidem, т. LXXXII, № 8, стр. 750—767).

1870 г. 105) *Начальное обученіе въ Швейцарской народной школѣ и отечествен. языкъ въ гимназіяхъ.* („Журн. мин. нар. просв." ч. CLI, № 9, отд. IV, стр. 106—121). 106) *Изъ Бургдорфа.* („Соврем Лѣтопись" № 29).

1872 г. 107) *Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи.* („Русс. Вѣстн." т. CI, стр. 645—727 и т. CIII, № 1, стр. 293—329).

1873 г. 108—9) *Сравнительные очерки народн. быта и поэзіи.* („Русс. Вѣстн." т. CIV, № 4, стр. 568 — 649). 110) *Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ.* (Ibid., т. CVII, № 10, стр. 689 — 764). 111) *Замѣтка о первобытныхъ правахъ женщинъ, по теоріи Баховена.* (Ibid.). 112) *Клинообразныя надписи Ахеменидовъ въ изд. проф. К. А. Коссовича.* (Ibid., № 12).

1874 г. 113) *Письма изъ Парижа и изъ Шартра.* („Моск. Вѣд.", № 222). 114) *Изъ Льежа.* (Ibidem, № 200). 115) *Изъ Рима.* Письма на имя предсѣдателя общества. („Вѣстн. Общ. древне-русс. искусства" 1874—76 гг., отд. IV, стр. 65—72). 116) *Археологическая драгоцѣнность, сассанидской формы блюдце.* (Ibid., отд. V, стр. 43—44). 117) *Некрологъ Петра Иван. Севастьянова.* (Ibid., отд. V, стр. 40—42). 118) *Странствующіе повѣсти и разсказы.* („Русс. Вѣстн." т. CX, № 4, стр. 669—734 и т. CXI, № 5, стр. 5—44).

1875 г. 119) *Объ одной славянской рукописи, находящейся въ Парижской библіотекѣ.* (Письмо въ редакцію изъ Пармы). („Журн. Мин. Нар. Просв." т. CLXXX, № 8, стр. 238—244). 120) *Изъ Рима.* („Моск. Вѣд." № 21 и рядъ другихъ корреспонденцій въ той же газетѣ, подписанныхъ буквою *Б.*).

1879 г. 121—2) *Разборъ кн. Віолле-ле-Дюка* о рус. искусствѣ („Крит. Обозр." 1879 г. № 2, 5).

1880 г. 123) *Изъ путевыхъ замѣтокъ.* („Русс. Вѣстн. № 9).

1884 г. 124) *Рецензія о кн. В. В. Стасова* „Славянскій и восточный орнаментъ". Вып. I. Спб. 1884. („Жур. Мин. Нар. Пр." № 5, отд. II, стр. 54—104.

1891—92 г. 125) *Мои воспоминанія.* („Вѣстн. Евр." №№ 4—7 и 10—12, и 1892 г. № 2 и 3).

1895 г. 126) *Язычество и христіанство* (Вступит. лекція неизданнаго курса о Данте, читаннаго авторомъ въ 1866 — 69 гг. въ моск. унив.) „Починъ, сборникъ Об—ва люб. Рос. слова на 1895 г.". М. 1895, стр. 1—8.

1896 г. 127) Изъ дополненій къ „Моимъ воспоминаніямъ" (I. Эпизоды изъ исторіи моск. унив. II. Трехдневное празднованіе во Флоренціи пятисотлѣтняго юбилея Данта Аллигіери. III. О двухъ священно-служителяхъ при русскихъ посольствахъ за границей.—„Починъ" на 1896. М. 96, стр. 1—34. 128) *Римская вилла кн. З. А. Волконской.* Изъ моихъ воспоминаній. („Вѣст. Евр." № 1).

С. В.

***Борисъ**, архимандритъ, въ мірѣ Владиміръ Владиміровичъ *Плотниковъ* [1]) род. въ 1855 г. въ г. Красноярскѣ, сынъ столоначальника красноярскаго духовнаго правленія. Первоначальное образованіе получилъ въ красноярскомъ Владимірскомъ дѣтскомъ пріютѣ и въ красноярскомъ духовномъ училищѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ былъ посланъ на казенный счетъ въ томскую духовную семинарію. Изъ семинаріи В. В. Плотниковъ былъ выпущенъ въ 1876 г. первымъ студентомъ и на казенный счетъ посланъ въ казанскую духовную академію, куда, послѣ конкурсныхъ пріемныхъ экзаменовъ, былъ принятъ тоже первымъ по списку студентомъ. Окончилъ академію въ 1880 г. со степенью кандидата богословія. Еще на студенческой скамьѣ В. В. Плотниковъ настолько выдѣлялся своими знаніями и солидной научной подготовкой, что церковно-практическое отдѣленіе намѣтило его въ качествѣ преемника покойному профессору И. Я. Порфирьеву, выслуживавшему тогда послѣднее пятилѣтіе въ академіи. Самъ И. Я. Порфирьевъ въ заявленіи, поданномъ въ Совѣтъ Академіи отъ имени своего отдѣленія, перечисляя студенческія работы В. В. Плотникова (изъ которыхъ большая часть была напечатана въ «Филолог. Запискахъ»), находилъ молодого кандидата вполнѣ подготовленнымъ для занятія каѳедры въ академіи, и Совѣтъ, соглашаясь съ Порфирьевымъ, предположилъ назначить Плотникова приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ словесности и исторіи литературы.

Хотя дѣло устраивалось такимъ образомъ, что молодого труженика сразу же послѣ скамьи ожидала сфера дѣятельности, наиболѣе сродная и подходящая его натурѣ, но избытокъ молодой энергіи и стремленіе приложить свои силы къ болѣе широкому поприщу заставила Плотникова отказаться отъ академической каѳедры и предпочесть ей заманчиво рисовавшуюся службу въ японской миссіи. Какъ разъ въ это время начальникъ миссіи епископъ Николай вызывалъ къ себѣ на службу свѣжія силы и, посѣтивъ въ концѣ выпускныхъ экзаменовъ 1880 г. Казань, успѣлъ увлечь В. Плотникова перспективой предстоящей дѣятельности. Личное свиданіе съ японскимъ владыкой повліяло на восторженнаго молодого кандидата такъ рѣшительно, что онъ поспѣшилъ дать свое согласіе на поступленіе въ миссію. Произошла, однако, какая-то недоговоренность въ установкѣ условій этого назначенія. Плотниковъ далъ согласіе ѣхать въ миссію съ сохраненіемъ своего свѣтскаго званія, т.-е. міряниномъ. Въ такомъ убѣжденіи онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда долженъ былъ отправиться въ Японію. Но тутъ

---

[1]) Ср. о немъ: 1) *Терновскій*, Ист. Казан. Акад. 2) „Церк. Вѣст." 1892 г. № 46 и 1893 г. № 50. 3) Г. О. Булашевъ. Десятилѣтіе учено-литературной дѣятельности архимандрита Бориса (Плотникова). Кіевъ, 1890. 8°. 39 стр. (Оттискъ изъ „Руков. для сел. пастырей" 1890 г.). 4) „Ист. Вѣст." 1886 г. № 8. (Отзывъ о диссертаціи). 5) *С. А-въ*, въ „Истор. Вѣст." 1890 г., сент. Отзывъ объ „Ист. христ. просв.". 6) Чтен. въ общ. любит. дух. просвѣщ., 1890 г., янв. 7) Протоколы Совѣта Казанск. дух. Академіи (въ особ. прил. къ „Правосл. Собесѣдн.") за 1876. 1880, 1881. 1885 и 1886 гг.

преосв. Николай потребовалъ отъ него принятія монашества въ видѣ непремѣннаго условія, безъ котораго назначеніе не можетъ осуществиться. Рѣшительный отказъ, которымъ отвѣчалъ Плотниковъ на неожиданное требованіе, равенъ былъ съ одной стороны отказу отъ службы въ миссіи, съ другой—имѣлъ худыя послѣдствія лично для Плотникова. Его отказъ не поправился тѣмъ, отъ кого зависѣло дальнѣйшее устроеніе судьбы его и въ результатѣ всѣхъ этихъ недоразумѣній вышло то, что Плотниковъ, по собственному признанію, принужденъ былъ «самъ себя сослать въ Сибирь». Ему не оставалось ничего другого, какъ принять назначеніе на должность преподавателя въ томской дух. семинаріи по каѳедрѣ словесности съ исторіей русской литературы и логики. Здѣсь онъ пробылъ четыре года—до августа 1884 г. Эти четыре года были очень тяжелымъ временемъ для Плотникова: человѣкъ съ привычками и вкусами кабинетнаго ученаго, онъ испытывалъ глубокую тоску въ разлукѣ съ книжными сокровищами, которыми богаты библіотеки только высшихъ учебн. заведеній. Между тѣмъ ограниченность оклада не позволяла роскошествовать относительно выписки книгъ, заставляя ограничиться самымъ необходимымъ: и понятна глубокая благодарность, которую питалъ Плотниковъ къ книгопродавцу Киммелю, оказывавшему довѣріе молодому ученому льготной разсрочкой платежа по счетамъ и т. д. Вотъ какъ самъ Плотниковъ говоритъ объ этомъ тяжкомъ періодѣ своей жизни (въ письмѣ къ И. А. Бодуэну-де-Куртене): «я прожилъ тамъ (въ Томскѣ) четыре очень печальныхъ года, самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, въ теченіе которыхъ сильно притупилъ свои дарованія и растерялъ много познаній. Я сталъ уже думать, что, должно быть, придется сгнить мнѣ въ Сибири и отъ такого мрачнаго настроенія едва было не дошелъ до умопомѣшательства въ концѣ 1883 г.». Въ 1884 г. Плотниковъ избранъ былъ совѣтомъ казанской духовн. академіи на вакантную каѳедру метафизики, которую и занялъ по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій («Ученіе о бытіи» и «Ученіе о пространствѣ»). Въ 1885 г. В. В. Плотниковъ представилъ въ совѣтъ академіи на соисканіе степени магистра сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности*. Періодъ первый. Отъ начала христіанства до Константина Великаго». Послѣ диспута (26 января 1886 г.) Плотниковъ былъ удостоенъ степени магистра и утвержденъ въ должности доцента. 29 марта 1886 г. Плотниковъ принялъ монашество съ нареченіемъ имени Бориса, а въ октябрѣ того же года назначенъ былъ, въ санѣ архимандрита, инспекторомъ московской духовной академіи съ предоставленіемъ ему каѳедры введенія въ кругъ богословскихъ наукъ. Въ московской академіи служба архим. Бориса продолжалась до іюля 1888 г., когда онъ переведенъ былъ на должность ректора кіевской духовной семинаріи. Занявъ эту должность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался редакторомъ издаваемаго при этой семинаріи журнала «Руководство для сельскихъ пастырей» и предсѣдателемъ комитета по изданію журнала «Воскресное Чтеніе» съ повременными выпусками «Кіевскихъ Листковъ» религіозно-нравственнаго со-

держанія для народа. Въ концѣ 1888 г. о. Борисъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, въ августѣ 1892 г. старшимъ цензоромъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры, но занималъ эту должность только до октября, когда былъ назначенъ на высокій постъ ректора петербургской духовной академіи. Хотя и здѣсь служба о. Бориса была непродолжительна, но о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ она была завершеніемъ почти четырнадцати-лѣтней педагогической дѣятельности о. Бориса; здѣсь съ наибольшею яркостью проявились какъ личныя достоинства о. Бориса, такъ и достоинства его педагогической системы, выработанной на прежнихъ службахъ.

Призванный къ нравственному руководству лучшей части духовнаго юношества, о. Борисъ въ этой роли пользовался прочными и при томъ прогрессивно возраставшими симпатіями молодого поколѣнія, съ присущей ему чуткостью сразу и безошибочно угадавшаго въ о. Борисѣ лучшаго своего друга. Мало сказать— симпатіи. То чувство, которое питали студенты академіи къ о. Борису, у болѣе восторженныхъ натуръ переходило прямо въ обожаніе. Преклоняясь предъ нравственными качествами высокой и чистой личности о. Бориса, студенты особенно цѣнили ту черту въ отношеніяхъ своего начальника, которая состоитъ въ отсутствіи всего начальническаго, всего напускного. Въ этомъ отношеніи характерно вотъ что. Самъ строгій монахъ-аскетъ, о Борисъ никогда не утруждалъ своихъ питомцевъ тою прописною моралью, которая обыкновенно пропускается мимо ушей и вызываетъ лишь ироническое чувство. Кто учился въ академіи при о. Борисѣ, тотъ помнитъ, какой непринужденный характеръ имѣли тогда обычныя еженедѣльныя собранія дежурныхъ, приходившихъ къ о. ректору съ изложеніемъ текущихъ студенческихъ дѣлъ. Начиналась дружеская бесѣда, затягивавшаяся на продолжительное время. Въ залѣ собраній совѣта, гдѣ обыкновенно собирались для этого доклада, на предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ о. Борисъ—высокій и худой монахъ съ доброю и нѣсколько грустною улыбкою на устахъ, а вокругъ длиннаго стола располагались десятка два молодыхъ людей. Никто не чувствовалъ стѣсненія, точно въ родной семьѣ, всякій говорилъ свободно и непринужденно. И не нужно думать, будто бы о. Борисъ пользовался любовью учащихся благодаря какимъ-нибудь поблажкамъ съ своей стороны. Этого-то именно и не было. Сколько разъ случалось студентамъ получать отказъ на свои ходатайства, но это никогда и ни въ комъ не вызывало неудовольствія или раздраженія. Для всякаго видно было, что отказъ у о. Бориса вытекалъ не изъ прихоти или личнаго произвола, а вызывается необходимостью.

Разныя служебныя непріятности и огорченія, а также сырой климатъ сѣверной столицы вредно отразились на слабомъ здоровьи о. Бориса. Согласно прошенію, онъ 2 декабря 1893 г. назначенъ былъ на должность настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, гдѣ служитъ и до нынѣ.

Перечень написаннаго о. Борисомъ:

I. **Отдѣльно** изданныя сочиненія: 1) *Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности.* Книга первая. Періодъ первый. Отъ начала христіанства до Константина Великаго. Казань. 1885 (сочиненіе на степень магистра) Книга вторая: періодъ второй. Отъ торжества христіанства при Константинѣ Великомъ до окончательнаго паденія греко-римскаго язычества при Юстиніанѣ (313—529). Казань. 1890. (Сочиненіе первоначально печаталось по частямъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" подъ заглавіемъ: „Отношенія древняго іудейства къ греческой образованности"—1884, III; 1885, I—III; 1886, I—II; 1887, III; 1888, I—III; 1889, II—III и 1890, I). 2) *Изъ церковно-общественной жизни въ Сибири.* Сборникъ статей. Томскъ. 1884. 3) *Вопросъ о классикахъ.* Взглядъ на его исторію, его современное состояніе и значеніе. Казань. 1884. (Напечатано первоначально въ „Правосл. Собес." подъ тѣмъ же заглавіемъ—1883, II и 1884, I). 4) *О началѣ міра.* Апологетическое изслѣдованіе. М. 1889. (Первоначально напечатано въ „Прибавл. къ Твор. Свв. Отц.). 5) *Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ.* Вып. I. О пространствѣ и времени. М. 1888. (Напечатано тамъ же). Вып. II. О движеніи, матеріи и силѣ. (Первоначально печаталось въ „Вѣрѣ и Разумѣ"): Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще. Съ предварительнымъ трактатомъ. Задачи метафизики. Введеніе въ курсъ метафизики. Харьковъ. 1889. (Печаталось въ томъ же журналѣ). 6) *Опытъ объясненія XLIX главы книги Бытія,* съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетическое ея значеніе. М. 1888. (Первоначально напечатано въ „Прибавл. къ Твор. Свв. Отц."). Изд. 2-е. Спб. 1893. 7) *Къ учащимся.* О побужденіяхъ къ усерднымъ занятіямъ науками по ученію Слова Божія. Кіевъ. 1890. Изд. 2-е Спб. 1893. 8) *Византійскія публичныя школы и библіотеки до IX в.* Кіевъ. 1890 г. 9) *Состояніе византійской литературы до IX в.* Кіевъ. 1890. 10) *Систематизація христіанскаго ученія въ твореніяхъ св. Іоанна Дамаскина.* Кіевъ. 1891 г. 10) *Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церкви обладать научнымъ знаніемъ богословія.* Изд. 2-е (1-е — оттискъ изъ „Руков. для сель. паст.") Спб. 1893 11) *Въ чемъ искать счастья въ жизни.* Изд. 2-е. (1-е—оттискъ оттуда же). 12) *О невозможности чисто-физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка* Изд. 2-е. (1-ое—оттискъ изъ „Вѣры и Разума") Спб. 1894. 13) *Очерки по исторіи просвѣщенія въ періодъ византійскій.* Вып. 1. Кіевъ. 1893. (Изъ „Трудовъ Кіев. дух. акад." 1891—93 гг.).

II **Журнальныя статьи:**

Въ *„Филологическихъ Запискахъ"*: 14) *Среднеболгарскій служебникъ 1532 г.* Палеографико-глоттологическое изслѣдованіе (1880). 15) *Замѣтки по сравнительной миѳологіи Макса-Мюллера.* Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ (1880). 16) *Основные принципы научной теоріи литературы.* Методологическій этюдъ (1888). 17) *Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности* (1889). 18) *Главнѣйшія черты арійской до-исторической культуры по даннымъ сравнительнаго языкознанія* (1890). Есть отдѣльные оттиски поименованныхъ статей.

Въ *„Трудахъ Кіевской духовной Академіи"* за 1890—93 гг. — 19) *Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности.* Византійскій періодъ просвѣщенія и литературы—отъ Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453).

Въ *„Православномъ Собесѣдникѣ"* и „Прибавл. къ Творен. Свв. Отцовъ" были напечатаны поименованныя раньше изслѣдованія, изданныя потомъ отдѣльно.

Въ *„Вѣрѣ и Разумѣ"*, кромѣ поименованныхъ, напечатана (въ 1889 г.) статьи: 20) *О невозможности чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка.* Апологетическое изслѣдованіе (вышло отдѣльнымъ оттискомъ).

Въ *„Руководствѣ для сельскихъ пастырей"* за 1888—1889 гг.: 21) *О значеніи и пользѣ образованія.* Рѣчь къ учащимся. 22) *Объ изученіи церковной исторіи.* Изъ академич. чтеній. 23) *Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церкви обладать научнымъ знаніемъ богословія?* 24) *Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ.* 25) *Записки по пастырскому богословію.* 26) *Въ чемъ искать счастья жизни?* (Всѣ статьи вышли отдѣльными оттисками).

Въ *„Церковн. Вѣстникѣ"* напечатана 27) *Рѣчь,* произнесенная о. Борисомъ при вступленіи въ должность ректора С.-Петербургской Духовной Академіи (1892 г., № 46).

Кромѣ поименованныхъ изданій, о. Борисъ состоялъ сотрудникомъ „Сибирской Газеты" и „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей".

Въ своей учено-литературной дѣятельности о. Борисъ является однимъ изъ послѣднихъ представителей той почтенной категоріи трудолюбцевъ, беззавѣтно преданныхъ наукѣ, которыхъ воспитала духовная наша школа въ лучшую пору своей жизни, совпадающую съ дѣйствіемъ устава 1869 г. Знаніе большого количества европейскихъ языковъ даетъ ему возможность широко пользоваться западноевроп. литературою. Въ равной степени о. Борисъ располагаетъ знаніемъ классическихъ языковъ, что для богослова особенно важно. Между прочимъ, это съ самой выгодной стороны сказалось въ наиболѣе капитальномъ изслѣдованіи о. Бориса—«Исторіи христіанскаго просвѣщенія». Въ числѣ положительныхъ качествъ слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить у о. Бориса—относительную свободу отъ специфически-богословской односторонности.

Къ числу недостатковъ его ученыхъ работъ нельзя не отнести прежде всего то, что онъ нагромождаетъ часто слишкомъ много фактовъ, иногда мелочныхъ и малозначительныхъ; за ними какъ-то теряются иногда выводы и заключенія. Едва ли также является достоинствомъ работъ о. Бориса чрезмѣрное обиліе выписокъ и цитатъ. Выписки изъ подлинниковъ и строгая цитація конечно могутъ составлять и положительную сторону работъ, но лишь въ томъ случаѣ, если выписки подобраны яркія, если они легко вяжутся съ общимъ ходомъ рѣчи, если авторъ до такой степени освоился и сроднился съ историческимъ матеріаломъ, лежащимъ въ основаніи его работы, что можетъ легко и безъ видимаго напряженія вести свою рѣчь словами первоисточника. Но это драгоцѣнное качество пріобрѣтается только многими годами усиленныхъ изысканій въ извѣстной области, и, конечно, о. Борисъ, выпустившій свой трудъ въ скоромъ времени послѣ оставленія школьной скамьи, этимъ качествомъ, возвышающимъ труды историка до степени художественнаго произведенія, не располагаетъ. Равнымъ образомъ цитація будетъ образцовой и имѣетъ научную цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если авторъ не повторяетъ ее въ десятый разъ со вторыхъ рукъ (хотя бы даже цитуемое мѣсто было лично имъ провѣрено и проштудировано), а даетъ отъ себя, какъ результатъ самостоятельнаго изученія первоисточника въ цѣломъ его видѣ.

Въ ряду ученыхъ трудовъ о. Бориса на первое мѣсто нужно поставить его диссертацію: «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности» въ 2 т. Предметомъ ея служитъ весьма любопытная, крайне разнообразная и громадная группа явленій, выражающихъ взаимоотношеніе христіанства и язычества. Къ сожалѣнію, о. Борисъ не очертилъ точно программы собственно личнаго своего авторскаго отношенія къ этой необъятной области, вслѣдствіе чего сочиненіе — весьма цѣнное и ученое страдаетъ нѣкоторою пестротою и безпорядочностью въ группировкѣ матеріала. Это видно уже изъ краткаго перечня вопросовъ, которыхъ касается въ своемъ изслѣдованіи авторъ. Такъ какъ христіанство, какъ историческое явленіе, появилось на почвѣ іудейства, то, естественно, автору пришлось начать изслѣдованіе своей темы съ краткаго очерка отношеній іудейства къ греческой образованности, чему отведено двѣ главы въ 1 т. Указавши на обособленность іудейской теософіи и на религіозную замкнутость евреевъ подъ вліяніемъ строгихъ предписаній торы, какъ на препятствіе къ тѣснымъ и дружескимъ отношеніямъ между іудействомъ и язычествомъ, о. Борисъ даетъ затѣмъ краткій очеркъ болѣе терпимыхъ отношеній къ языческой образованности той фракціи, которая извѣстна подъ именемъ александрійскаго іудейства. Съ 3 гл. авторъ переходитъ къ обрисовкѣ отношеній христіанства къ многоразличнымъ языческимъ обществамъ. Христіанство, какъ и всякая новая религія, стремясь на первыхъ порахъ упрочить свое положеніе и привлечь къ своему ученію возможно бо́льшее количество членовъ, по необходимости должно было занять боевое (отчасти—оборонительное, отчасти—наступательное) положеніе по отношенію къ религіямъ уже установившимся. На зарѣ христіанской исторіи выработался въ зависимости отъ указанныхъ условій типъ писателей-апологетовъ, вступившихъ въ литературную борьбу съ учеными представителями язычества Длившаяся подъ-рядъ нѣсколько вѣковъ (съ особымъ же оживленіемъ—первые три вѣка), полемика представляетъ очень любопытное явленіе въ исторіи христіанской литературы. У о. Бориса эта эпоха представлена нѣсколько сухо. Для читателя (особенно нерасполагающаго предварительной подготовкой) такъ и останется неяснымъ, гдѣ причина, подъ вліяніемъ которой полемика затянулась на небывало-продолжительный срокъ, въ чемъ лежитъ корень запальчивости и желчности, съ которыми Цельсъ и Порфирій относятся къ ученію, превосходство котораго для нихъ—людей ученыхъ и несомнѣнно умныхъ, должно, казалось бы, быть несомнѣннымъ. Жаль также, что о. Борисъ, вообще щедрый на выписки въ другихъ случаяхъ, не даетъ здѣсь наглядныхъ образчиковъ пріемовъ тогдашней литературной борьбы, ограничиваясь общими фразами въ родѣ слѣдующихъ: «Іустинъ раскрываетъ здѣсь несостоятельность языческой религіи и философіи» (1. 64) или: «въ этомъ сочиненіи (протрептикъ Климента Александрійскаго) доказываетъ ложность языческой религіи, разоблачаются безобразіе и пустота языческихъ мистерій и вообще безчеловѣчный и гнусный характеръ языческаго культа» (1, 66). Какой, напр., благодарный мате-

ріалъ давало въ распоряженіе автора превосходное сочиненіе Минуція Феликса «Октавій»—эта страстная драматическая рѣчь язычника Цецилія—Фауста древней эпохи, пришедшаго къ глубокому, самому безотрадному скептицизму и съ горькой усмѣшкой трактующаго о христіанствѣ и въ рѣзкій контрастъ этому—мягкая, задушевная рѣчь христіанина Октавія, въ лицѣ котораго мы видимъ яркій, живой образъ христіанина эпохи катакомбъ и гоненій. Между тѣмъ о. Борисъ объ этомъ апологетическомъ трудѣ ограничивается короткой фразой, что Цецилій «стройно и ясно» излагаетъ свои возраженія противъ христіанства, а Октавій такъ же «стройно и ясно» разбиваетъ ихъ.

Слѣдуя за естественнымъ ходомъ событій, о. Борисъ въ V гл. обрисовываетъ примирительное направленіе, которое возникаетъ въ нѣдрахъ христіанства вслѣдъ за эпохой апологетовъ. Христіанскіе писатели, сколько бы ни поражали язычество, не могли игнорировать тотъ безспорный фактъ, что въ литературѣ (особенно философской) Греціи и Рима разсыпано не мало такихъ элементовъ, которые приходится признать чистой, безпримѣсной истиной и противъ которыхъ напитывать стрѣлы ядомъ невозможно. Считая присутствіе такихъ истинъ въ языческихъ писаніяхъ слѣдствіемъ особеннаго, едва ли не сверхъестественнаго «озаренія» писателей силою Единаго Бога, представители этого направленія положили доброе начало болѣе терпимому и внимательному отношенію богословской науки къ плодамъ науки языческой, въ результатѣ чего первая, конечно, только выиграла въ своемъ качествѣ. Впрочемъ, примирительное направленіе возобладало въ сферѣ обще-христіанскаго мнѣнія не сразу, а послѣ нѣкоторой борьбы—на этотъ разъ уже въ нѣдрахъ самой христіанской интеллигенціи. Появленіе ерессей вызвало у нѣкоторыхъ іерарховъ мнѣніе, будто бы виною тутъ не что другое, какъ греческая философія, проникшая въ сферу христіанской догматики и повлекшая за собою колебаніе и сомнѣніе нѣкоторыхъ нетвердыхъ умовъ. Означенные іерархи поэтому ратовали за изгнаніе философскихъ методовъ изъ сферы христіанской науки, какъ оказывающихъ на нее вредное вліяніе (VI гл.). Въ связи съ этимъ возникло разногласіе у христіанъ также по вопросу о томъ, не будетъ ли вредить христіанину образованіе, получаемое имъ въ тогдашнихъ свѣтскихъ языческихъ школахъ. Насущное значеніе такого вопроса для христіанства тогдашняго времени будетъ вполнѣ понятнымъ, если взять во вниманіе, что христіане не успѣли еще обзавестись своими хорошо организованными училищами (VII гл.). Наконецъ въ послѣднихъ двухъ главахъ о. Борисъ группируетъ скудныя и отрывочныя свѣдѣнія о способахъ полученія образованія христіанами, даетъ понятіе о началѣ системы богословской науки и о зарожденіи научныхъ направленій въ богословіи въ зависимости отъ такой или иной постановки вопроса объ отношеніи разума къ вѣрѣ, науки къ Откровенію.

Второй томъ сочиненія о. Бориса представляетъ изслѣдованіе тѣхъ же вопросовъ въ примѣненіи къ IV—VI вв. Послѣ общаго введенія о значеніи періода (I гл.) авторъ на первомъ мѣстѣ ставитъ вопросъ о школьномъ образо-

ваніи христіанскаго юношества въ то время (I гл.). Обрисовавши отношеніе враждебнаго къ христіанству правительства (въ лицѣ Юліана Отступника) къ христіанскому обществу по вопросу о классическомъ образованіи (III гл.), авторъ ведетъ пространную рѣчь съ изложеніемъ взглядовъ корифеевъ тогдашняго христіанства на классическую образованность (св. Василія Великаго—IV гл., св. Григорія Богослова—V гл., св. Іоанна Злат.—VI гл., западныхъ Отцовъ и писателей церковныхъ—VII и VIII гл.). Такъ какъ большинство изъ лицъ, ставшихъ впослѣдствіи достопоклоняемыми писателями церковными, получили образованіе классическое въ тогдашнихъ языческихъ школахъ, то, само собою разумѣется, ихъ произведенія, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, носятъ на себѣ сильный отпечатокъ научныхъ пріемовъ, выработанныхъ языческой литературой. Да и со стороны содержанія сочиненія этихъ писателей даютъ право заключать, что авторы ихъ далеко не брезгали черпать (и даже полной горстью) изъ сокровищницы положительныхъ знаній, которыя выработала много вѣковъ процвѣтавшая языческая образованность. Поэтому авторъ включаетъ въ свою задачу разборъ этого вліянія языческой образованности на христіанскую и послѣ предварительныхъ замѣчаній (гл. IX) на протяженіи X—XVII глл. подробно разсматриваетъ вліяніе въ указанныхъ рамкахъ языческой науки и философіи на всю область христіанскихъ дисциплинъ — начиная съ апологетическихъ системъ IV в. (св. Кирилла Александрійскаго. блаж. Феодорита и Августина) и богословскихъ сочиненій въ строгомъ смыслѣ слова и оканчивая христіанскимъ краснорѣчіемъ и поэзіей. Особенно подробно проанализированы въ указанномъ отношеніи труды: De civitate Dei — бл. Августина, апологет. тр. Евсевія Кесарійскаго и Шестодневъ св. Василія великаго. Наконецъ, три послѣднія главы посвящены суммировкѣ общихъ выводовъ и заключеній.

Таково содержаніе двухъ объемистыхъ томовъ. Диссертація со стороны композиціи, взаимнаго соотношенія отдѣльныхъ частей не лишена крупныхъ недостатковъ. Отдѣльныя части сочиненія мало связаны между собою, лишь механически цѣпляясь одна за другую. Но внутреннія качества — добросовѣстность, научность, строгій анализъ и достаточная мѣра безпристрастія, съ лихвой выкупая внѣшніе недостатки, выдвигаютъ трудъ о. Бориса на видное мѣсто среди новѣйшихъ церковно-историческихъ диссертацій нашихъ.

Изъ другихъ сочиненій, касающихся церковно-исторической науки, отмѣтимъ брошюру: «Объ изученіи церковной исторіи». Здѣсь о. Борисъ особенно настаиваетъ на необходимости надлежащего изученія первоисточниковъ для вполнѣ научнаго изложенія судебъ христіанской церкви. Другіе общіе вопросы (о предметѣ, задачѣ и пользѣ этой науки) рѣшаются по обычнымъ мѣркамъ

Второе мѣсто въ ряду ученыхъ работъ о. Бориса занимаетъ «Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ». Это едва ли не лучшее въ нашей богословской литературѣ сочиненіе по данному вопросу. Можно пожалѣть, что о. Борисъ ограничился здѣсь разсмотрѣніемъ только двухъ существенныхъ вопросовъ

(о сущности религіи и объ отношеніи вѣры къ знанію, разума къ Откровенію) и не затронулъ всѣхъ остальныхъ (т.-е. изложенія важнѣйшихъ религіозныхъ системъ и наиболѣе оригинальныхъ взглядовъ на религію и откровеніе новѣйшихъ философовъ), составляющихъ предметъ означенной богословской дисциплины. Тогда его трудъ получилъ бы значеніе отличнаго общаго курса, недостатокъ котораго сильно чувствуется у насъ (существующіе семинарскіе учебники подверглись осужденію даже оффиціальныхъ богословскихъ сферъ, см. Протоколы Москов. Духовн. Акад. за послѣдніе годы). Опредѣленіе религіи, которое даетъ о. Борисъ, страдаетъ нѣкоторою искусственностью: религія — по этому опредѣленію—«есть воспріятіе супранатуральнаго вмѣстѣ съ дѣйствіемъ этого воспріятіи на всю психофизическую природу человѣка». При томъ же оно не достаточно въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ на первое мѣсто чисто-отвлеченное «воспріятіе», а на второмъ уже мѣстѣ—въ видѣ какъ бы придатка—ставитъ вліяніе этого воспріятія на человѣческую жизнедѣятельность, тогда какъ эти двѣ функціи по ихъ значенію слѣдовало бы поставить наоборотъ. Но все же формулировка этого понятія о. Борисомъ отличается бо́льшею точностью и научностью, чѣмъ обычное опредѣленіе («религія есть союзъ человѣка съ Богомъ»). Тою же научностью въ общемъ отличаются обширныя разсужденія о. Бориса (с. 40—82) объ отношеніи вѣры къ знанію, разума къ Откровенію. Для примѣра приведемъ основное положеніе автора: «Такъ какъ въ человѣкѣ безъ сомнѣнія нельзя дробить его силъ и способностей, нельзя также дѣятельность однихъ способностей въ извѣстномъ случаѣ устранить совсѣмъ и заставить дѣйствовать другія, то очевидно, что разумъ человѣка естественно и необходимо долженъ принимать участіе въ религіозной его жизни, входить въ извѣстное соотношеніе и связь съ его вѣрою». Выходя изъ этого положенія, о. Борисъ ставитъ своей задачей «опредѣлить мѣру участія разума» въ вопросахъ вѣры и выполняетъ эту задачу 1) путемъ историческаго изслѣдованія даннаго вопроса (т.-е. чрезъ анализъ мнѣній древнѣйшихъ писателей церкви) и 2) путемъ изслѣдованія его «по началамъ здравой философіи, а въ заключеніе даетъ формулировку церковнаго взгляда на разсматриваемый вопросъ. Значеніе разума въ вопросахъ вѣры и пользу отъ его участія авторъ опредѣляетъ въ видѣ трехъ положеній: 1) онъ содѣйствуетъ наиболѣе прочному и твердому усвоенію истинъ вѣры; 2) онъ прилагаетъ нравственныя истины вѣры къ жизни и дѣятельности человѣка; 3) онъ защищаетъ и ограждаетъ истинную вѣру отъ нападеній невѣрующихъ и неправовѣрующихъ.

Въ вопросѣ о значеніи разума въ дѣлѣ вѣры и о пользѣ участія о. Борисъ не отступаетъ отъ обычныхъ представленій. Остальная часть книги излагаетъ надлежащее обоснованную классификацію богословскихъ наукъ. Въ общемъ (за нѣкоторыми исключеніями) трудъ о. Бориса пріятно выдѣляется среди трактатовъ подобнаго рода научностью пріемовъ и особенно серьезностью тона, который ни разу не склоняется на сторону крикливой полемики съ мнѣніями, идущими въ разрѣзъ съ установившимися въ церковномъ преданіи положеніями.

Изъ остальныхъ трудовъ о. Бориса, значительная часть—студенческія работы, въ которыхъ, кромѣ добросовѣстной разработки предмета и полной зрѣлости мысли, можно указать въ нѣкоторыхъ случаяхъ на оригинальность и свѣжесть взглядовъ. Такова, напр., брошюра: «Основные принципы научной теоріи литературы», гдѣ авторъ намѣчаетъ самые широкіе рамки для критической оцѣнки литературныхъ произведеній и требуетъ разсматриванія ихъ въ связи съ явленіями общественной жизни. Нѣкоторыя изъ апологетическихъ работъ о. Бориса переведены на французскій языкъ. Именно, Д. П. Д--въ перевелъ извлеченіе изъ статьи, напечат. въ «Вѣрѣ и Разумѣ»: «Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще» и статью: «О пространствѣ». Препод. франц. яз. М. Н. К. перевелъ: «Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церкви обладать научнымъ знаніемъ богословія» и «Введеніе въ изслѣдованіе о началѣ міра».

К. Храневичъ.

* **Вешняковъ**, Владиміръ Ивановичъ [1]), родился 16 ноября 1830 года въ Петербургѣ, происходитъ изъ дворянъ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ 1839—43 гг. въ извѣстномъ частномъ пансіонѣ А. Я. и В. Я. Филиповыхъ, откуда въ 1843 году перешелъ въ ларинскую гимназію, въ 3-й классъ, и окончилъ курсъ въ 1848 году съ золотой медалью. Въ пансіонѣ Филиповыхъ В. пріобрѣлъ основательное знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, а изъ учителей ларинской гимназіи съ особенною благодарностью вспоминаетъ объ учителѣ рус. словесности Ник. Алекс. Вышнеградскомъ. Нѣкоторыя изъ гимназическихъ сочиненій В. читались на гимназическихъ литературныхъ бесѣдахъ, устроенныхъ въ то время по мысли попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина, и были удостоены одобренія въ циркулярахъ по округу.

Поступивъ въ 1848 году въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, по разряду камеральныхъ наукъ, В. писалъ въ 1850/51 уч. году на медаль, на тему, заданную профессоромъ Устряловымъ отъ историко-филологическаго факультета *„О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества“*. Сочиненіе это удостоено было золотой медали и, по опредѣленію совѣта университета, было напечатано на счетъ университета.

Окончивъ въ 1852 году курсъ со степенью кандидата, въ числѣ 3-хъ первыхъ кандидатовъ, получавшихъ право поступленія на службу въ министер-

---

[1]) „Энциклопедическій Словарь“ *Брокгауза-Ефрона* т. VI. 1892, стр. 149—150; 2) „Петербургская Жизнь“ 11 апрѣля 1893 г. № 23 (съ портретомъ В. И.); 3) „Иллюстрированный С.-Х. Словарь Энциклопедія Сельскаго Хозяйства“. Профессора *С. М. Богданова*. Кіевъ 1891 г. Вып. II, стр. 123; 4) упоминалось о В. И. В. въ Воспоминаніяхъ Ѳ. Н. Устрялова въ „Историч. Вѣстникѣ“, и въ Воспоминаніяхъ М. о графѣ Муравьевѣ въ Вильнѣ. въ Русской Старинѣ; 5) Исторія Геогр. Общества. **Отзывы** о соч. см. ниже 341—42.

ства и главныя управленія, В. И. 3 декабря 1852 г., по рекомендаціи ректора П. А. Плетнева и профессора Н. Г. Устрялова, принятъ былъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, въ департаментъ сельскаго хозяйства, по статистическому отдѣленію, и съ 1 января 1853 года получилъ мѣсто помощника редактора въ этомъ отдѣленіи. Въ 1858 году В. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій д-та с. х. и дѣлопроизводителемъ коммиссіи, подъ предсѣтательствомъ товарища министра Г. Ад. Зеленаго, по устройству государственныхъ крестьянъ, состоявшихъ на особыхъ положеніяхъ; въ 1859 г.—начальникомъ отдѣленія, въ январѣ 1861 года вице-директоромъ того же департамента; 1 января 1874 г. директоромъ департамента земледѣлія и сельской промышленности (бывшаго д-та сельск. хоз.), 3-го января 1883 года товарищемъ министра г. и.; въ апрѣлѣ 1885 г.—сенаторомъ съ оставленіемъ въ прежней должности, 27 декабря 1887 г. въ день 50 лѣтняго юбилея министерства Г. И. В. Всемилостивѣйше пожалованъ званіемъ статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества съ оставленіемъ въ прочихъ званіяхъ и должностяхъ. Послѣ назначенія министра г. и. статсъ-секретаря М. Н. Островскаго предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта, В. И. съ 1-го января 1893 по 29 марта того же года временно управлялъ министерствомъ г. и. и затѣмъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Такимъ образомъ В. И. прослужилъ въ м-вѣ г. и. болѣе 40 лѣтъ, изъ нихъ 30 лѣтъ въ одномъ департаментѣ сельскаго хозяйства, пройдя въ немъ всѣ должности съ самой низшей до самой высшей. Не разъ В. И. въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ его службы были дѣлаемы выгодныя предложенія перейти въ другія вѣдомства, но онъ всегда отклонялъ ихъ и не имѣлъ повода въ томъ раскаиваться. Съ 26 января 1894 года В. И. занимаетъ должность предсѣдателя особаго при государственномъ совѣтѣ присутствія для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданѣйшихъ жалобъ на департаменты правительствующаго сената.

Въ первые годы по окончаніи университетскаго курса, В. И. занимался подъ руководствомъ начальника статистическаго отдѣленія К. С. Веселовскаго (бывшаго непремѣннаго секретаря академіи наукъ) разработкою разныхъ вопросовъ по исторіи и статистикѣ государственныхъ крестьянъ и государственныхъ имуществъ. Эти вопросы интересовали въ то время министра г. и. гр. П. Д. Киселева. Свободное отъ служебныхъ работъ время В. И. посвящалъ изученію экономической литературы и одно время даже собирался приступить къ экзамену на магистра политической экономіи. Вообще В. И. нѣкоторое время колебался между гражданской и ученой службой, тѣмъ болѣе, что въ разное время ему дѣлались разныя болѣе или менѣе соблазнительныя предложенія по ученой части. Такъ академикъ Устряловъ высказывалъ желаніе, чтобы В. посвятилъ себя русской исторіи и готовился занять современемъ его каѳедру, но этому мѣшала необходимость держать предварительно экзаменъ на кандидата и ма-

гистра по историко-филологическому факультету. Въ 1856 г. П. А. Плетневъ, Я. К. Гротъ и Н. Г. Устряловъ рекомендовали В. И. графу Армфельту, статсъ-секретарю великаго княжества финляндскаго для каѳедры русской исторіи въ и. александровскомъ университетѣ, которую занималъ прежде Я. К. Гротъ и которая освободилась въ то время съ выходомъ проф. Шиля. По совѣту гр. Армфельта В. И. совершилъ лѣтомъ 1856 г. предварительно поѣздку въ Гельсингфорсъ, incognito даже для такихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ личныя рекомендеціи отъ Я. К. Грота, какъ напр. къ ректору университета Рейну и къ редактору оффиціальной газеты Б. М. Лундалю. Поѣздка эта принесла В. И. ту пользу, что она заставила его познакомиться съ шведскимъ языкомъ, но принять на себя чтеніе лекцій въ университетѣ онъ отказался.

Въ слѣдующемъ 1857 г. юридическій факультетъ спб. университета, по предложенію проф. И. Я. Горлова, избралъ В. И. для посылки вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами за границу съ научною цѣлью, въ видахъ подготовленія къ профессорской дѣятельности, но поѣздка эта не состоялась, такъ какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не оказалось достаточныхъ суммъ для командировки всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были тогда избраны университетомъ, по предложенію попечителя округа, кн. Гр. А. Щербатова. Университетъ ограничился посылкою меньшаго числа лицъ, и въ томъ числѣ В. И. Ламанскаго, О. Ѳ. Миллера, А. Н. Пыпина.

Такимъ образомъ судьба окончательно отклонила В. И. отъ ученой дѣятельности и направила его на служебную, которая при томъ въ это время начинала ему улыбаться. Лѣтомъ 1857 г. директоръ департамента С. Х. А. П. Заблоцкій-Десятовскій предложилъ В. И—чу сопровождать его въ служебной поѣздкѣ по Россіи, продолжавшейся 3 мѣсяца. Это доставило В. И. возможность проѣхать до Бессарабіи и Крыма и осмотрѣть на пути многія хозяйства и заведенія. Въ томъ же 1857 г. были напечатаны въ «Журналѣ М. Г. И.» составленныя В. И. еще въ 1853 г. и затѣмъ имъ дополненныя и отчасти переработанныя статьи «*О происхожденіи разныхъ названій государственныхъ крестьянъ*». Эти же статьи послужили поводомъ для назначенія В. И. дѣлопроизводителемъ особой коммиссіи объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Занятія по коммиссіи сблизили В. И. какъ съ ген-ад. Зеленымъ, такъ и съ министромъ Г. И. гр. М. Н. Муравьевымъ, и съ тѣхъ поръ началось для В. И. быстрое движеніе по службѣ. Около того же времени В. И. началъ выступать и на учено-литературномъ поприщѣ, главнымъ образомъ со времени вступленія его въ члены совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, гдѣ онъ познакомился со всѣми выдающимися экономистами и статистиками того времени. Тогда же В. И. началъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, писалъ рецензіи на статистическія и экономическія сочиненія, а также статьи историческія, преимущественно по исторіи крестьянъ въ Россіи. Въ концѣ 1861 года В. И. былъ командированъ гр. М. Н. Муравьевымъ на

на 6 мѣсяцевъ за границу для изученія организаціи сельско-хозяйственныхъ учрежденій. Результатомъ поѣздки былъ *«Обзоръ иностранныхъ с.-х. учрежденій»*, изданный министерствомъ Г. И. въ 1866 г. и награжденный И. Московскимъ Обществомъ С. Х. въ 1867 г. золотою медалью. Кромѣ описанія организаціи означенныхъ учрежденій, въ книгѣ данъ и историческій очеркъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ Западной Европѣ. Развивая мысль о повсемѣстно сознанной необходимости особаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности, авторъ поддерживалъ эту мысль и въ 2-хъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 г.; *«Объ учрежденіи Департамента Земледѣлія въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ»* и о *«Комитетѣ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи»*, а впослѣдствіи приводилъ ту же мысль въ разныхъ оффиціальныхъ отчетахъ и изданіяхъ, которые проходили черезъ его редакцію.

Какъ поѣздка за границу въ 1861 — 62 г., такъ и послѣдующія, на международные статистическіе конгрессы въ Берлинъ въ 1863 г. и въ Гаагу въ 1869 г., а также на всемірныя выставки въ Парижъ въ 1887 г. и въ Вѣну въ 1873 г. доставили В. И. возможность собрать обширный матеріалъ по разнымъ экономическимъ вопросамъ, въ особенности же о положеніи государственныхъ имуществъ въ Западной Европѣ, о движеніи законодательства по привилегіямъ на изобрѣтенія и др. и дали матеріалъ для нѣкоторыхъ докладовъ и сообщеній, читанныхъ въ ученыхъ обществахъ, а также и для нѣкоторыхъ статей и сочиненій.

Въ концѣ 70-хъ годовъ В. И. издалъ небольшой *Сборникъ законовъ объ охотѣ*, и потомъ *Сборникъ законовъ для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ*, съ двумя къ нему *дополненіями* вышед. въ 1882 и 1888 годахъ. Въ настоящее время приготовляется второе изданіе этого сборника. Въ сентябрѣ 1894 г. В. И. окончилъ печатаніе своего сочиненія: *«Рыболовство и законодательство»*, которое задумано было еще въ 1869 г. въ Гаагѣ, но къ составленію котораго авторъ приступилъ лишь въ 1887 году, въ виду первой всероссійской рыбопромышленной выставки и съѣзда рыбопромышленниковъ.

В. И. надѣется также современемъ привести въ порядокъ и издать какъ собранные имъ матеріалы и напечатанныя уже статьи по исторіи крестьянъ, такъ и другія свои историко-экономическія статьи.

Общественная дѣятельность В. И. заключалась преимущественно въ участіи его въ И. Русскомъ Географическомъ Обществѣ, гдѣ онъ исполнялъ обязанности секретаря отдѣленія статистики въ 1860-хъ гг., и члена совѣта, а также въ И. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, гдѣ онъ былъ сперва предсѣдателемъ политико-экономическаго комитета, а затѣмъ вице-президентомъ общества. Въ началѣ 70-хъ годовъ В. И. былъ членомъ комитета Литературнаго Фонда и 1 годъ казначеемъ. Въ Русск. Техническомъ Обществѣ В. И. дѣлалъ сообщеніе по вопросу объ уничтоженіяхъ привилегій на изобрѣтенія и предсѣда-

тельствовалъ въ коммиссіи, избранной обществомъ для пересмотра законодательства объ этихъ привилегіяхъ. Сверхъ того В. И. принималъ участіе въ съѣздѣ 1870 г. фабрикантовъ, заводчиковъ и интересующихся отечественною промышленностью, въ С.-Петербургѣ, въ международныхъ статистическихъ конгрессахъ въ Берлинѣ, Гаагѣ и С.-Петербургѣ, въ 1863, 1869 и 1871 гг., въ с.-х. конгрессѣ въ Вѣнѣ въ 1873 г., предсѣдательствовалъ въ С.-Петербургѣ на съѣздѣ желѣзозаводчиковъ въ 1886 г., на съѣздахъ рыбопромышленниковъ и винокуренныхъ заводчиковъ въ 1888 г.

Библіографическій списокъ сочиненій, статей, переводовъ, и изданій В. И. В.

А) Подписанныя именемъ автора отдѣльныя изданія:

1) *О причинахъ возвышенія Московскаго княжества.* Разсужденіе, написанна III-мъ курсѣ университета удостоенное Совѣтомъ И. С.-Петербургскаго университета золотой медали, съ напечатаніемъ на казенный счетъ. С.-Петербургъ 1851 стр. 175. in 8 съ родословною, таблицею князей, упоминаемыхъ въ книгѣ и съ картой территоріальнаго расширенія В. Княжества Московскаго. *Рецензіи:* 1) „Библ. для Чт." 1851 г. т. 109, отд. 6. стр. 36—38. 2) „Современ." 1851 г. т. 29 отд. 5 стр. 46—54. 3) Актъ Имп. Спб. Унив. 1851. 2) *Крестьяне-собственники въ Россіи.* Спб. 1858 г. in 8°, стр. 134. Отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ „Журналѣ Мин. Гос. Имущ." 1858 г. № 12, подъ заглавіемъ: Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ. Удостоенъ малой золотой медали Географическаго Общества. Рецензіи: 1) „Земл. Газета" 1859 г. № 14 стр. 106—109. 2) „Спб. Вѣд." 1859 г. № 7. 2) *Бѣлопашецъ и обѣльные вотчинники и крестьяне* 1859 г. (См. далѣе Б. 3). 3) *Руководство къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ,* соч. *Курсель-Сенеля.* Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Вешнякова, изданіе типографіи В. П. Безобразова и К°. (Экономическая Библіотека). Спб. 1860 г. XIV+620. 4) *Обзоръ сельскохозяйственныхъ учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи.* (Отчетъ по командировкѣ за границу въ 1861—62 годахъ, изданный министерствомъ государственныхъ имуществъ и удостоенный Императорскимъ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства золотой медали въ 1867 году) Спб. 1866 г. in 8. Стр. XXXVI+787+4 приложенія на 56 стр. и карта Европы съ указаніемъ с.-х. учебн. заведеній. Рецензіи: 1) „Отеч. Записки" 1866. № 21, т. 169, отд. 2, стр. 50—53. 2) „Вѣст. Евр." 1867. № 1, отд. 3, стр. 59—60. 5) *Объ уничтоженіи привилегій на изобрѣтенія* (сообщенія 28 янв. 1870 г. въ Р. Т. Общ., отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Русскаго Техническаго Общества"), Спб. 1870. in 8°, стр. 43. 6) *Notice sur l'état actuel de l'industrie domestique en Russie par W. Weschniakoff.* (написано по порученію министерства государственныхъ имуществъ для всемірной выставки въ Вѣнѣ въ 1873 г.) S.-Pétersbourg. 1873. 7) *Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ.* Составилъ и издалъ В. Вешняковъ. Спб. 1879. in 8° стр. LXIII + 560. *Отзывы* о Сборникѣ: 1) „Новое Время" 1879 г. окт. 12. № 1231. 2) „Голосъ" 1879 г. № 170 іюня 21. 3) „Молва" 1879 г. № 206 іюля 29. 4) „Недѣля" 1880 № 13 марта 30. 5) „Русск. Вѣд." 1879 г. № 288.

6) „Моск. Вѣд." 1879 г. №285. 7) „Отголоски" 1879 г. № 28 іюля 15. 8) „S.-Petersb. Zeit." 1879 г. № 207. (Beiblatt). 9) „Journ. de S.-Petersbourg". 10) „St. Pet. Herold" № 34 авг. 26, 1879 г. (Sonntags Beiblatt). 11) „Отеч. Зап." № 7 іюль 1879 г. 12) „Труды И. В. Эк. Общ." сент. 1879 г. 13) „Лѣсн. Журн." 1879 г. август. № 8. 14) „Вѣстн. Евр. № 9 сентябрь 1879. 15) „Юрид. Вѣстн." № 9 сент. 1879. 16) „Петерб. Листокъ" 1879 г. № 190. 17) „Russische Revue" 1879 г. № 11 ноябрь. 18) „Baltische Wochenschrift" № 43, 1879 г. 19) „Журн. Гражд. Права" 1879 г. 20) „Критич. Обозр." 1879 г. № 19, окт. 1. 21) „Кіевлянинъ" 1879 г. № 115, 27 сент. 22) „Харьк. Вѣдомости" 1879 г. № 232. 8) *Дополненіе* (первое) къ сборнику законовъ и т. д., съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній Пр. Сената Спб. 1882 г., in 8° стр. XLVII + 178. 9) *Второе Дополненіе* къ тому же Сборнику Спб. 1888 in 8° XVII + 228. 10) *Рыболовство и Законодательство* Спб. 1894 г. (Изданіе автора) in 8° стр. CXVI+780. Приложенія. Стр. VIII + 153. Рецензіи: 1) Прав. Вѣст. 1894 г. 2) Journ. de S.-Pet. 15 сент. 1894 г. 3) Нов. Вр. 1894 г. № 6683. 4) S.-Petersb. Herold. № 282 окт. 9. 1894 г. 5) Вѣстн. Русск. С. Хоз. 17 сент. 1894 г. № 37. 6) Астрах. Вѣстникъ № 1593, 1894 г.

В) Статьи въ періодическихъ изданіяхъ.

Въ **Журналѣ Министерства Госуд. Имущ.**: 1) *Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ*, 1857 г. №№ 1, 3, 4 и 12. Всего 101 страница. 2) *Крестьяне водворенные на собственныхъ земляхъ*. 1858 г. № 12. (См. выше А. № 2). 3) *Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне*. 1859 г. Т. LXXI. II стр. 27. (были отд. оттиски). Рец.: „Свѣточъ" 1860 г. № 1. 4) *Острожская ординація и ординацкіе крестьяне*. Т. LXXV отд. II. 1859 г. стр. 14. 5) *О ленныхъ имѣніяхъ въ западныхъ губерніяхъ*. Т. LXXVI. II. 1. 1861 г. стр. 24. 6) *Объ отправленіи государственными крестьянами рекрутской повинности по жеребьевой системѣ*. Т. LXXVI II 1861 г. стр. 259—290. 7) *Нѣсколько данныхъ о государственныхъ имуществахъ въ Западной Европѣ*. Т. LXXXVI. 1864 г. стр. 35. 8) *Описаніе обѣда, даннаго А. П. Заблоцкому 22 февраля 1859 г.* Т. LXX. III.

Въ **Отчетѣ о четвертомъ присужденіи наградъ Гр. Уварова** стр. 117—181: 9) *Разборъ сочиненія Г. Бѣляева. Крестьяне на Руси*, въ 1860 г. стр. 65. (По этой рецензіи Г. Бѣляеву была присуждена малая уваровская премія, а рецензенту назначена золотая медаль.

Въ **„Архивѣ историческихъ свѣдѣній о Россіи"** Н. В. Калачова. 1861. № 4. 10) *Панцырные бояре*, стр. 16.

Въ **„Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества"**: 11) *Проектъ Императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей.*

Въ **„Русскомъ Вѣстникѣ"**: 12) *Департаментъ Земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ*. 1869. № 1, стр. 252 — 264. 13) *Комитетъ 1833 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи* [1]. 1869, іюль, стр. 286—320.

---

[1]) Эта же статья, отчасти дополненная, отчасти сокращенная на всю вторую половину съ 305 страницы, и съ приложеніемъ самыхъ протоколовъ Комитета перепечатана въ вып. I. 1891, изданія: Историческіе Матеріалы изъ Архива Мин. Г. И. подъ заглавіемъ: Высочайше утвержденный Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи.

Въ **„Земледѣльческой Газетѣ“**: 14) *Расходы нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ по развитію и поощренію сельскаго хозяйства.* 1863. 11 мая, № 19.

Въ **„Вѣстникѣ Европы“**: 15) *Русская промышленность и ея нужды.* 1870. окт., ноябрь и дек. 1871, апрѣль и май.

Въ **„Сборникѣ государственныхъ знаній“**: 16) *Привилегіи на изобрѣтенія.* Т. I. 17) *Новые законы и сочиненія въ Германіи о привилегіяхъ на изобрѣтенія* (рецензія). Т. VI. 1878. 18) *Рецензія* на книги: 1) Обзоръ 25-лѣтней дѣятельности Кавказскаго Общ. С. Х.; 2) Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго Общ. С. Х. за первыя 25 лѣтъ его существованія, Н. Ситовскаго, и 3) Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. и въ эпоху ея, А. Ермолова. Т. VI. 1878. 18ᵃ) Писцовыя книги, издаваемыя И. Р. Геогр. Общ. (рецензія). 1877 г.

Въ **„Русской Старинѣ“** (1891. № 2): 19) *Дмитрій Дмитріевичъ Ниловъ.* Біографическій очеркъ, стр. 421—430.

Въ **„Вѣстникѣ Рыбопромышленности“**: 20) *Докладъ о съѣздѣ рыбопромышленниковъ Россійскому Обществу рыбоводства и рыболовства.* 1890. № 5—6, стр. 9.

Въ **„Вѣстникѣ И. Р. Геогр. Общ.“**: статья о книгѣ И. Аксакова. Изслѣд. о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. 1859. Т. 25. Отд. 4, стр. 13—16.

Въ **„Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“**: 1869. № 6. 21) *Международный Статистическій Конгрессъ въ Гагѣ* (были и отдѣльные оттиски). Стр. 30.

Статьи, неподписанныя или подписанныя иниціалами.

Въ **„Журналѣ Министерства Г. И.“**: 1) *О состояніи сельскаго хозяйства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.* 1853. № 58. 2) *Хозяйственное обозрѣніе 1852 года.* 1853. № 1. 3) *Земледѣльческая статистика Бельгіи* по результатамъ генеральной переписи. 1853. Ч. XLIX. 4) *Объ отводѣ государственнымъ крестьянамъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ участковъ на правѣ долговременнаго пользованія.*

Въ **„С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“**: 5) *Брюссельскій международный конгрессъ по поводу таможенныхъ преобразованій.—1856*, въ ноябрѣ и декабрѣ 9 нумеровъ. 6) *Замѣтка* въ фельетонѣ по поводу импровизацій профессора итальянской литературы Джустиніани. 1852 г. декабрь. 7) *Рецензія* книги: Начала Политической Экономіи пр. Горлова. 1859 № 186. Августа 29. 8) *Политико-Экономическій комитетъ при И. Р. Географическомъ Обществѣ.* 1861. № 97, мая 4.

Въ **„Сѣверной Пчелѣ“**: 9) *По случаю обѣда, даннаго въ 50-лѣтній юбилей академика П. И. Кеппена.* 1860. 12 января. 10) *Экскурсія* за Лугу. 1860. Авг. 22, № 186.

Въ **„Голосѣ“**: 11) *О преобразованіи представительныхъ учрежденій* по части промышленности и торговли. 12) *Хлѣбная торговля и продовольствіе Европы.* 1878. №№ 328 и и слѣд. 13) *Рецензія* сочиненія *А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго:* Финансы Пруссіи.

Въ **„Отечественныхъ Запискахъ“** 1857 -- 1858 гг. *Рецензіи* на разныя сочиненія по части политической экономіи и статистики: Новый опытъ о богатствѣ народномъ *Каменскаго*, Начала общественной экономіи *Эллиса*, Начала народнаго хозяйства *Вильгельма Рошера*, перев. Бабста, О погашеніи государственныхъ долговъ *А. Запасника*, *Пѣхановецкаго*; Матеріалы для статистики Финляндіи; О внѣшней торговлѣ въ Россіи, Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 г. Изслѣ-

дованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ *И. Аксакова*, Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, Матеріалы для статистики Россіи, Статистическія описанія губерній и областей Росс. Имперіи, Статистическіе труды Ив. Ѳ. Штукенберга, Русскій государственный цвѣтъ *А. Языкова.*

Въ „**Вѣстникѣ Европы**“: 1868—1878. 1) *Новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. (В. В.)* 1868. сент. 2) *Международный статистическій конгрессъ въ Петербургѣ*, W. 1872, августъ стр. 759—770, октябрь стр. 761—810. 3) *Писчебумажное производство*, W. 1873, февраль. 4) *Всемірный торговый рынокъ и его современное положеніе*, W. 1877, іюль. 5) *Всемірный торговый рынокъ въ 1877 году*, W.—іюль 1878. 6) *Финляндія въ эпоху Гельсингфорской выставки*, W. W. 1876, декабрь. 7) *Рецензія* книги: Rapport spécial sur l'immigration accompagné de reuseignements pour les immigrants par *Edw. Jung* (безъ подписи) 1873, сентябрь.

Сверхъ того напечатаны въ нижеслѣдующихъ изданіяхъ рѣчи В. И. В., произнесенныя въ разныхъ собраніяхъ.

I. Въ засѣданіяхъ Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ 16 января 1868 (№ 15) по поводу доклада Н. П. Колюпанова о значеніи таможенной реформы для сельскохозяйственной промышленности.

II. Въ „*Протоколахъ и стенографическихъ отчетахъ засѣданій перваго Всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью 1870*“. (Спб. 1872).—Вступительная рѣчь (стр. 2—5) и далѣе, въ качествѣ председателя третьяго отдѣленія того же съѣзда, во время преній.

III. *Въ трудахъ пятой сессіи международнаго статистическаго конгреса въ Гагѣ:*

Въ Compte rendu sur les travaux de la septième section. Seconde partie: Rapport de M. Weschniakow sur la question relative à la statistique des pêches. Стр. 500—503.

IV. *Въ трудахъ восьмой сессіи конгресса въ С.-Петербургѣ*, гдѣ В. И. В. былъ членомъ и докладчикомъ организаціонной коммисіи по вопросу о промышленной статистикѣ, и затѣмъ председателемъ третьяго отдѣленія конгресса, гдѣ обсуждался этотъ вопросъ.

V. *Въ Трудахъ Имп. Московскаго О-ва С. Х.* Вып. XI. Москва 1882. По вопросамъ: Министерство земледѣлія и его задачи въ Россіи и въ какомъ видѣ должно выразиться содѣйствіе правительства развитію сел.-хоз. промышленности. Доклады С. Ѳ. Шарапова и І. П. Шатилова. Рѣчь В. И. В. на стр. 98—109.

VI. *Въ отчетахъ о съѣздахъ желѣзозаводчиковъ и винокуренныхъ заводчиковъ.*

VII. *Въ отчетахъ о засѣданіяхъ Политико-Экономическаго Комитета И. В. Эк. Общества.*

Сверхъ того В. И. В. принималъ непосредственное участіе во многихъ оффиціальныхъ изданіяхъ М. Гос. Им. и многія изъ нихъ редактировалъ. Такъ по его иниціативѣ, какъ директора Д-та Земледѣлія и С. Пр., выходилъ сборникъ свѣдѣній этого Д-та (3 выпуска: 1879, 1880 и 1881 гг.) и съ 1881 г. предпринято было ежегодное собираніе свѣдѣній отъ хозяевъ-корреспондентовъ объ урожаяхъ. Подъ его непосредственной редакціей изданы были въ 1887—1888 гг. юбилейныя изданія. 1) *Историческое обозрѣніе 50 лѣтъ дѣятельности М. Г. И.* 5 томовъ. Спб. 1888. Составленъ В. И. В. 2) *Очеркъ 50-лѣтн. дѣятельности М-ва* съ портретомъ 3-хъ императоровъ, очеркъ написанъ В. И. В-мъ. 3) *Архивъ М. Г. И.* Вып. I. Дѣла и систем. описанія V отдѣленія собственной Его И. В. Канцеляріи Спб. 1887. Въ 1888 по иниціативѣ же В. И. и подъ его редакціей выпущенъ 1 вып.: Историческіе матеріалы изъ Архива М. Г. И. Спб. 1891. Здѣсь помѣщена въ сокращеніи статья В. И. В. „Комитетъ“ 1833 г., напеч. въ „Рус. Вѣст.“ 1860 г.

X.

Въ области русской исторіи главную заслугу В. И. В. составляютъ его труды по исторіи крестьянъ. Между тѣмъ какъ И. Д. Бѣляевъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Крестьяне на Руси» и К. П. Побѣдоносцевъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ имѣли въ виду первый преимущественно, а второй исключительно исторію крѣпостного права, В. И. В. обратилъ вниманіе на многіе изъ разнообразныхъ разрядовъ земледѣльческаго сословія, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ крестьянъ государственныхъ. Въ своемъ трудѣ «Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ», вызванномъ насущными потребностями министерства государственныхъ имуществъ В. И. В. сгруппировалъ оффиціальныя свѣдѣнія объ архіерейскихъ и монастырскихъ служителяхъ, войсковыхъ обывателяхъ, о такъ называемыхъ вольныхъ людяхъ (въ западной Россіи), о государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (бывшіе «свободные хлѣбопашцы»), евреяхъ-земледѣльцахъ, колонистахъ, коннозаводскихъ крестьянахъ, лашманахъ (приписанныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ), ленныхъ крестьянахъ, лоцманахъ, малороссійскихъ казакахъ, обѣльныхъ вотчинникахъ, однодворцахъ великороссійскихъ и западныхъ губерній, Остзейскихъ крестьянахъ, пахотныхъ солдатахъ, поіезуитскихъ, помонастырскихъ крестьянахъ, солтысахъ и старостинскихъ крестьянахъ. Если присоединить къ тому особые очерки о панцырныхъ боярахъ, о ленныхъ имѣніяхъ въ западныхъ губерніяхъ, острожской ординаціи и ординацкихъ крестьянахъ, бѣлопашцахъ и обѣльныхъ вотчинникахъ и крестьянахъ-собственникахъ, то получится цѣлый рядъ историческихъ монографій или замѣтокъ по различнымъ разрядамъ государственныхъ крестьянъ. Правда, труды В. И. В. далеко не представляютъ исчерпывающей исторіи интересовавшихъ его составныхъ частей нашего казеннаго крестьянства уже по тому одному, что источникомъ для него служило почти исключительно Полное Собраніе Законовъ, но мы и не можемъ предъявлять автору слишкомъ большихъ требованій: во-первыхъ цѣлію главнаго его труда по исторіи крестьянъ было, какъ видно изъ самаго заглавія, объясненіе происхожденія «разныхъ названій» государственныхъ крестьянъ, для чего и потребовались лишь нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, а не полная исторія каждаго изъ этихъ разрядовъ, а во-вторыхъ нужно помнить, что В. И. шелъ, такъ сказать, по первопутью, не имѣя предшественниковъ въ избранномъ имъ отдѣлѣ исторіи крестьянъ. Вслѣдствіе практической цѣли своего труда—облегчить министерству государственныхъ имуществъ, въ которомъ служилъ авторъ, реформу быта государственныхъ крестьянъ, В. И. В. не анализировалъ тѣхъ составныхъ элементовъ государственныхъ крестьянъ, которые уже ранѣе слились съ ихъ главною массою — таковы крестьяне экономическіе (до 1764 г. принадлежавшіе церквямъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и синоду), а также половники, ямщики. Ограничивъ свой матеріалъ почти исключительно Полнымъ Собраніемъ законовъ, авторъ почти не касается экономическаго быта государственныхъ крестьянъ, но слѣдуетъ замѣтить, что вообще въ то время преобладали изслѣ-

дованія историко-юридическія, а изслѣдованія въ области экономической исторіи явились позднѣе. При всей неполнотѣ трудовъ В. И. В., авторъ ихъ заслуживаетъ признательности историковъ русскаго крестьянства: его статьи полезны уже тѣмъ однимъ, что ясно показываютъ, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ составилось наше крестьянское сословіе, и если онѣ не даютъ полной исторической классификаціи государственныхъ крестьянъ, то во всякомъ случаѣ сообщаютъ сжатыя свѣдѣнія о различныхъ разрядахъ этихъ крестьянъ, съ болѣе или менѣе подробными историческими объясненіями, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ. Нужно помнить, что это былъ первый трудъ о нашихъ казенныхъ крестьянахъ, и что хотя нѣкоторые ихъ отдѣлы подверглись позднѣе болѣе подробному и внимательному изслѣдованію, но о большинствѣ перечисленныхъ выше составныхъ частей нашего государственнаго крестьянства и въ настоящее время приходится обращаться за историческими справками къ трудамъ В. И. В. Всего внимательнѣе обработанъ авторомъ очеркъ о «крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи», въ которомъ мы находимъ свѣдѣнія о «свободныхъ хлѣбопашцахъ» съ приложеніемъ статистическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ неизданныхъ источниковъ.

Съ благодарностію слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что по настоянію В. И. В. былъ подвергнутъ научному описанію архивъ министерства государственныхъ имуществъ и начато изданіе матеріаловъ, въ немъ хранящихся.

Въ заключеніе нельзя не выразить пожеланія, чтобы В. И. собралъ во едино и издалъ, хотя бы и безъ переработки, свои монографіи по исторіи крестьянства.

В. Семевскій.

Крушевскій, Николай Вячеславичъ. Род. 6 дек., 1851 г. на Волыни. ум. 31 окт. 1887 г. въ Казани, профессоръ казанскаго университета по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія и санскрита, извѣстный ученый. Родомъ изъ небогатой польской помѣщичьей семьи, К. началъ свое образованіе въ трехклассномъ уѣздномъ училищѣ въ Луцкѣ. Отсюда онъ поступилъ въ 4-й классъ, учился въ холмской гимназіи, гдѣ уже обращалъ на себя вниманіе своими способностями. По окончаніи здѣсь курса (съ серебряной медалью), К. поступилъ въ варшавскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ на филолог. факультетѣ со степенью кандидата въ 1875 г., Въ университетѣ ничто еще не предвѣщало въ немъ будущаго лингвиста. Всѣ научные интересы его были сосредоточены на философскихъ предметахъ: психологіи, логикѣ (проф. Троицкій), а затѣмъ на русской словесности и славянской филологіи (проф. Колосовъ). Спеціалиста по сравнительному языкознанію, кромѣ Микуцкаго, могшаго служить лишь отрицательнымъ примѣромъ, варшавскій университетъ тогда не имѣлъ, а потому неудивительно, если вниманіе талантливаго молодого человѣка было обращено на другіе научные предметы, послужившіе однако, превосходной подготовительной школой для будущаго лингвиста-психо-

лога, какимъ впослѣдствіи явился К. Только на лекціяхъ проф. Колосова, посвященныхъ исторіи русскаго языка, К. могъ получить первые зародыши научнаго интереса къ вопросамъ языкознанія. Плодомъ университетскихъ занятій была первая научная работа К.: «Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи» (Изв. варш. имп. унив. 1876 г. № 3 и отд. отт.) — кандидатская его диссертація. По окончаніи университета, К. былъ назначенъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ Троицкую (оренбургской губ.) гимназію. Здѣсь, вдали отъ всякихъ научныхъ центровъ и пособій, въ маленькомъ степномъ городкѣ на дальнемъ востокѣ, К. не переставалъ стремиться къ научной дѣятельности и началъ заниматься санскритомъ и сравнительнымъ языкознаніемъ. Списавшись съ проф. казанскаго университета И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, занимавшимъ тогда каѳедру сравнительнаго языкознанія, и скопивъ немного трудовыхъ денегъ (въ то время К. уже сталъ семьяниномъ), онъ оставилъ въ 1878 г. учительство и пріѣхалъ въ Казань. Подъ руководствомъ проф. Бодуэна-де-Куртенэ, принявшаго въ К. живое участіе, молодой ученый, ревностно трудясь надъ избраннымъ предметомъ, сталъ дѣлать быстрые успѣхи и уже въ 1879 г. представилъ разсужденіе pro venia legendi «Наблюденія надъ нѣкоторыми фонетическими явленіями, связанными съ акцентуаціей» (Казань, 1879; также въ Уч. запискахъ каз. унив.), посвященное вопросу объ измѣненіяхъ въ ведійскомъ санскритѣ гласныхъ звуковъ подъ вліяніемъ ударенія. Получивъ за него званіе приватъ-доцента, К. началъ въ томъ же году свою университетскую преподавательскую дѣятельность. Въ этомъ же году вышли: его русскій переводъ «Восьми гимновъ Ригведы» (Каз., 1879, также въ Учен. зап. каз. унив.) и статья «Объ аналогіи и народной этимологіи» (Русск. Филол. Вѣстникъ 1879, т. II, 109—122) съ «Дополнительной замѣткой» къ ней (тамъ же, 266 стр.), представляющая рядъ новыхъ и прекрасныхъ мыслей относительно этого тогда еще совсѣмъ почти нетронутаго вопроса. Въ 1880 г. появились его «Лингвистическія замѣтки: I. Новѣйшія открытія въ области аріо-европейскаго вокализма. II. Измѣненіе согласныхъ группъ вида ЕЕ. III. О морфологической абсорпціи». (Русск. Филол. Вѣстн., 1880, т. IV). Первая замѣтка есть рефератъ о работахъ Бругмана и де Соссюра, явившихся въ 1879 г., вторая даетъ нѣсколько интересныхъ фонетическихъ замѣчаній, а третья, самая важная, развиваетъ одно изъ обобщеній проф. Бодуэна-де-Куртенэ, формулируя его гораздо точнѣе и подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано названнымъ только-что ученымъ. Въ 1881 г. К. защитилъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ «Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма» (Р. Филол. Вѣстн., т. V, 1881 г.), въ которой особенно важно общее теоретическое введеніе, заключающее немало новыхъ, блестящихъ замѣчаній по методологіи фонетики. До извѣстной степени К. здѣсь развиваетъ идеи своего учителя Бодуэна, выраженныя, впрочемъ, послѣднимъ еще въ очень общемъ и неполномъ видѣ. Заслуга болѣе глубокаго анализа извѣстныхъ звуковыхъ явленій, замѣчаемыхъ въ языкѣ, и опредѣленія ихъ характерныхъ

типическихъ чертъ безусловно принадлежитъ К-му, сдѣлавшему въ этомъ направленіи крупный шагъ впередъ въ сравненіи съ его учителемъ. Здѣсь особенно ярко сказывается серьезная философская подготовка К., благодаря отсутствію которой проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ не могъ извлечь всего того изъ своихъ предварительныхъ обобщеній, что извлекъ изъ нихъ К. Сама диссертація сводится къ примѣненію новой еще тогда теоріи индо-европейскаго вокализма де-Соссюра (теперь уже во многомъ устарѣлой и оставленной) къ отношеніямъ старославянскаго вокализма. Какъ добросовѣстный сводъ матеріала, эта часть книги К. еще долго сохранитъ свое значеніе. Введеніе своей диссертаціи К., переработавъ, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Ueber die Lautabwechslung» (Казань, 1881 г., 16°, 41 стр.). Книжечка эта встрѣтила очень сочувственную оцѣнку со стороны такихъ европейскихъ ученыхъ, какъ Бругманъ (Literar. Centralblatt., 1882. № 12) и L. Havet (Revue Critique, 1882, № 42). Диссертація К. впрочемъ встрѣтила и отрицательные отзывы со стороны извѣстной части ученыхъ, объясняющіеся полнымъ непониманіемъ и предвзятой слѣпой враждой ко всякой попыткѣ внести въ науку новые пріемы и цѣли изслѣдованія. Таковъ былъ отзывъ берлинскаго слависта Брюкнера, историка-филолога, но совсѣмъ не лингвиста (Archiv für slavische Philologie, 1881 г., V), на который К. отвѣчалъ, быть можетъ, слишкомъ рѣзко, но справедливо («Отвѣтъ г. Brückner'у» Русск. Филол. Вѣстн., 1882, VII). По защитѣ магистерской диссертаціи, К. былъ избранъ въ доценты, а въ 1883 напечаталъ и защитилъ свою докторскую диссертацію «Очеркъ науки о языкѣ» (Казань, 1883, а также въ приложеніяхъ къ Учен. записками Каз. унив.). Работа эта, несмотря на свой небольшой объемъ (148 стр.), богата содержаніемъ и является важнѣйшимъ научнымъ трудомъ К. Въ весьма сжатомъ, но точномъ и ясномъ очеркѣ К. формулируетъ основные законы и факторы развитія языка, причемъ обнаруживаетъ выдающійся философскій умъ, глубокій и проницательный взглядъ настоящаго ученаго. Многое здѣсь вполнѣ оригинально и представляетъ безусловно крупный вкладъ въ науку. Лучшія части книги посвящены анализу звукового и морфологическаго состава языка. Послѣднія страницы книги писались наскоро и потому слабѣе остального. Книга К. близко соприкасается по содержанію съ капитальнымъ трудомъ Пауля «Principien der Sprachgeschichte» (Галле, 1-е изд. 1880, 2-е 1886), но, за незначительными исключеніями, является вполнѣ самостоятельной, что и было отмѣчено нѣмецкой критикой (Haupt въ Berliner Philolog. Wochenschrift, 1884, № 5). Такъ, по весьма трудному вопросу о звуковыхъ законахъ, волновавшему лѣтъ 10 тому назадъ всѣхъ лингвистовъ и раздѣлившему ихъ на два противоположныхъ лагеря, К. высказываетъ здѣсь весьма важныя соображенія, частью упущенныя изъ виду Пауломъ и др. западными учеными, частью очень неполно ими формулированныя, вслѣдствіе чего сторонникамъ непреложности звуковыхъ законовъ не удалось дать рѣшительный отпоръ своимъ противникамъ. Нѣмецкая

переработка «Очерка», сдѣланная самимъ Крушевскимъ, была напечатана имъ въ Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachforschung Тахмера подъ заглавіемъ Principien der Sprachentwickelung. Получивъ степень доктора, К. былъ избранъ въ экстраординарные профессора на каѳедру сравнительнаго языкознанія, освободившуюся вслѣдствіе перехода профессора Бодуэна въ дерптскій университетъ (1883 г.), а черезъ 2 года (1885) назначенъ ординарнымъ. Послѣдней печатной работой К. была статья «Przyczynek do historyi pierwotnych samogłosek długich» (рефератъ объ изслѣдованіи Остгоффа), напечатанная въ польскомъ лингвистическимъ журналѣ «Prace filologiczne», (т. I). Послѣдніе два года жизни К. здоровье его, вообще слабое, разстраивалось все болѣе и болѣе. Усиленная умственная работа въ теченіе 5 лѣтъ со времени пріѣзда К. (1878) въ Казань до защиты имъ докторской диссертаціи (1883 г.), когда приходилось и усиленно заниматься наукой, и давать уроки (въ казанскомъ институтѣ для дѣвицъ) для добыванія средствъ къ жизни, подорвала и безъ того слабыя нервныя силы неутомимаго ученаго и была причиной сильнаго нервнаго разстройства, завершившагося прогрессивнымъ параличемъ головного мозга, отъ котораго К. и умеръ въ 1887 г., послѣ болѣе чѣмъ годового пребыванія въ казанской психіатрической лѣчебницѣ. По смерти К. изданы были еще его курсы (подъ редакціею проф. каз. унив. В. А. Богородицкаго): «Французская грамматика» (Русск. Фил. Вѣсн. 1891 г. и отд. отт.), «Антропофоника» (тамъ же 1893 и отд. отт.) и «Важнѣйшія данныя фонетики романскихъ языковъ» (Ученыя Зап. Каз. Унив. 1894 и отд. отт.). По своему научному направленію К. былъ очень близокъ къ такъ назыв. «младограмматикамъ» (ср. выше статью о Бодуэнѣ-де-Куртенэ) въ началѣ 80-хъ гг. занимавшимъ изолированное положеніе въ наукѣ. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, роли перемѣнились, и первыя мѣста въ европейской наукѣ теперь всѣ заняты «младограмматиками», служившими 15 л. тому назадъ мишенью для насмѣшокъ и дешеваго остроумія. Философъ-позитивистъ англійской школы и психологъ, К. не могъ не оцѣнить новѣйшаго психо-физіологическаго метода въ наукѣ о языкѣ, проповѣдуемаго «младограмматиками», тѣмъ болѣе, что и учитель его проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, являлся однимъ изъ самыхъ первыхъ основателей этого метода, вполнѣ независимымъ отъ аналогичнаго направленія, возникшаго въ европейской наукѣ. Немудрено, что живое и смѣлое «младограмматическое» направленіе западной науки встрѣтило въ К. горячаго, хотя и отнюдь не слѣпого сторонника и проповѣдника, какимъ онъ являлся не только въ своихъ научныхъ трудахъ, но и въ университетской преподавательской и наставнической дѣятельности. Научная заслуга К. и состоитъ въ самостоятельномъ развитіи этого направленія у насъ и ознакомленіи русскихъ ученыхъ съ важнѣйшими его результатами. Матеріалы для біографіи К.: Бодуэнъ-де-Куртенэ «Mikołaj Kruszewski, jego życie i prace naukowe» («Prace filologiczne», т. II, 837—849 и III, 116—175) съ подробнымъ разборомъ научной дѣятельности покойнаго, написаннымъ, къ сожалѣнію, далеко не sine ira et studio; Н. В. Крушевскій. Некро-

логъ» Л. К(олмачевскаго) въ Р. Филол. Вѣстн. 1888, XIX т. Поправка къ нему проф. Бодуэна-де-Куртенэ (тамъ же 1888 т. XX). «Н. В. Крушевскій, некрологъ» В. А. Богородицкаго (Волжск. Вѣстникъ 1887, № 288). С. Буличъ въ «Энц. Сл.» Брокгаузъ-Ефрона. Замѣтка въ польской газетѣ Kraj (1887, № 47), писанная г. Жарскимъ. Критика нѣкоторыхъ научныхъ взглядовъ К. есть также въ изслѣдованіи Бодуэна-де-Куртенэ Próba teorji alternacyj fonetycznych. Część I. Ogólna (Краковъ, 1894).

С. Буличъ.

Веніаминъ (въ мірѣ Василій Никифоровичъ *Смирновъ*), архимандритъ миссіонеръ у самоѣдовъ архангельской губ. Сынъ священника онежскаго у., Смирновъ родился въ 1780 г.; обучался (съ 1793 по 1805 г.) въ архангельской семинаріи, по окончаніи которой былъ въ ней учителемъ въ младшихъ классахъ. Въ декабрѣ 1810 г. онъ принялъ постриженіе и вскорѣ былъ назначенъ префектомъ семинаріи и учителемъ всеобщей исторіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ (съ 1813) игуменомъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, архимандритомъ (1817) архангельскаго третьеклассаго монастыря, смотрителемъ (съ октября 1818 г.) архангельскаго духовнаго уѣзднаго и приходскаго училищъ, (1819) инспекторомъ семинаріи. Въ апрѣлѣ 1820 г. о. Веніаминъ былъ назначенъ настоятелемъ Антоніева Сійскаго монастыря. Къ этому времени относится первая его литературная работа: 1) «*Исторія Сійскаго монастыря*» (осталась въ рукописи въ Сійскомъ монастырѣ). Въ 1823 году о. В. сдѣлался цензоромъ проповѣдей и членомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Въ декабрѣ 1824 г. при епископѣ Неофитѣ образована былъ миссія для обращенія въ христіанство самоѣдовъ. Во главѣ былъ поставленъ архимандритъ Веніаминъ. Первымъ дѣломъ его было самому обучиться самоѣдскому языку; послѣ чего онъ составилъ: 2) *Грамматику самоѣдскаго языка*: 3) *Лексиконъ самоѣдскаго языка* (оба труда остались ненапечатанными). Затѣмъ онъ приступилъ къ переводу на самоѣдскій языкъ: 4) *Катехизиса разныхъ молитвъ и правилъ* и 4) *Новаго Завѣта*. (Имъ переведены 4 евангелія, Дѣянія св. апостолъ, соборныя посланія и три первыя посланія апостола Павла). Успѣхъ проповѣди о. Веніамина былъ замѣчательный; онъ крестилъ до 3.300 самоѣдовъ; необходимо помнить, что онъ дѣйствовалъ только словами убѣжденія. Миссія длилась 5 лѣтъ; поставивъ новообращенную паству, устроивъ для нея нѣсколько церквей, о. Веніаминъ счелъ задачу миссіи законченной и она прекращена по его почину. Съ 1830 г. онъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи и благочиннымъ надъ монастырями и соборами архангельской епархіи и управлялъ монастырями Крестнымъ и архангельскимъ; въ то же время онъ отказался отъ должности ректора архангельской семинаріи. Въ 1834 онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для проповѣданія. Пребываніемъ въ столицѣ архимандритъ воспользовался для пополненія своихъ свѣдѣній о самоѣдахъ изъ ученой литературы. Въ 1839 г. онъ удостоился высочайшаго благоволенія.

Въ 1841, былъ назначенъ игуменомъ Онежскаго Крестнаго монастыря. Вслѣдствіе разстроившагося здоровья архимандритъ Веніаминъ хлопоталъ о переходѣ на югъ Россіи; въ 1847 г. онъ сдѣланъ настоятелемъ глуховскаго монастыря, но прожилъ въ немъ менѣе года; 1 сентября 1848 онъ умеръ.

О. Веніаминъ былъ членомъ архангельскаго губернскаго статистическаго комитета и членомъ корреспондентомъ статистическаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1844 г. онъ пожертвовалъ для губернской выставки въ Архангельскѣ по экземпляру всѣхъ собранныхъ имъ въ самоѣдскихъ тундрахъ минералловъ, растеній и животныхъ. Цѣнныя наблюденія его надъ жизнью самоѣдскою появились большею частью уже по смерти автора. Намъ извѣстны 5) *Выписки изъ письма къ архим. Анастасію изъ Пустозерстка.* «*Отеч. Зап.*» 1828, ч. 35, № 10. 6) *Обращеніе въ христіанство мезенскихъ самоѣдовъ.* «*Христ. Чтен.*» *1850, ноябрь, декабрь; 1851, № 1.* 7) *О бытѣ мезенскихъ самоѣдовъ 3 кн.* «*Вѣстн. Геогр. Общества*». 8) *Мезенскіе самоѣды.* «*Сѣв. Пчела*» *1850, № 224, 226, 252, 253* [1]).

А. Лященко.

Веніаминъ (въ мірѣ Дмитрій Ильичъ *Базилевичъ*), архимандритъ Кіево-Выдубицкаго монастыря. Сынъ приходскаго священника кіевской губ., родился въ селѣ Великой Мотовиловкѣ васильковскаго у. 26 октября 1787 года. Образованіе получилъ (съ 1800 г.) въ кіевской духовной академіи, курсъ которой окончилъ со степенью студента; въ академіи кромѣ наукъ спеціальныхъ занимался архитектурой и механикой; въ виду этого ему поручено было смотрѣніе за постройкою второго этажа бурсы (нынѣ кіево-подольское духовное училище). Въ 1819 г. Базилевичъ былъ постриженъ въ кіево-печерской лаврѣ и получилъ санъ іеромонаха. Съ 1822 по 1855, т.-е. въ теченіе 33 лѣтъ, о. Веніаминъ былъ начальникомъ лаврской типографіи, и благодаря своей энергіи поставилъ въ ней дѣла на надлежащую высоту. Во время его управленія типографія выпустила рядъ работъ знаменитаго митрополита Евгенія, какъ напримѣръ «Описаніе Кіево-Софійскаго собора». По порученію митрополита Евгенія, о. Веніаминъ составилъ «*Полный Кіевскій мѣсяцесловъ*», выдержавшій нѣсколько изданій. Помимо своихъ ближайшихъ обязанностей, онъ исполнялъ должность архитектора въ лаврѣ и проповѣдывалъ въ великой лаврской церкви. Съ 1863 по 1867 о. Веніаминъ, въ санѣ архимандрита, управлялъ Кіево-Выдубицкимъ монастыремъ, послѣ чего удалился на покой въ лавру, гдѣ и умеръ 4 декабря 1873 г., на 87 году отъ роду. Авторъ его некролога въ «Кіевскихъ Епар-

---

[1]) Ср. о немъ: Некрологъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1848, ч. 60. 2) Некрологъ *М. Заринскаго* въ „Арханг. Губ. Вѣд.“ 1848, № 52. 3) „Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1851, ч. 70. 4) „Христ. Чтеніе“ 1851, № 1, стр. 85. 5) *Филаретъ*. Обзоръ дух. лит. Изд. 3-е, 1884, II, 464. 6) *Толь*. Дополненія къ словарю. 7) Словарь *Геннади*, I, 145. 8) „Энцикл. Словарь“ *Брокгаузъ-Ефрона*, V, 920.

хіальныхъ Вѣдомостяхъ» указываетъ на постоянную любознательность о. Веніамина, его близкія отношенія и бесѣды съ профессорами и студентами академіи, на общую къ нему расположенность за ласковое обращеніе; онъ велъ жизнь простую, почти аскетическую [1]).

А. Л.

Веніаминъ (Венедиктъ) *Жуковъ*, архимандритъ. Въ 1792 г. изъ воронежской поступилъ въ невскую семинарію и въ тотъ же годъ постриженъ; 1805— архимандритъ тобольскаго Знаменскаго монастыря, потомъ былъ настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго и Иверскаго монастыря. Умеръ 14 мая 1811 г. Ему принадлежатъ «Различныя слова, переведенныя съ греческаго языка» (рукопись с.-петербургской духовной академіи [2]).

А. Л.

Веніаминъ, славянинъ, доминиканецъ, переводчикъ конца XV в. [3]). О немъ имѣются слѣдующія два свидѣтельства: 1) въ хранящемся въ румянцевскомъ музеѣ переводѣ твореній Діонисія Ареопагита (№ XCIII) впереди рукописи наклеены два обрѣзка старинной бумаги и на одной изъ нихъ имѣется слѣдующая память (записка) 1491 года.: «По римскому закону отъ божіа нароженіа лѣтъ тысяща и четыреста и пятдесятъ и одно, Мая въ первынадесят на память Святого мученика Мокѣя. А по рускому лѣтописцу тысяща и четыреста и пятдесятъ и девять. Тогды Турскои Царьградъ взялъ. А имя цесарю Амуратъ. А писана ся память лѣта шестьтысящного девятьсотного девятдесять девятого а сказывалъ *попъ Веньяминъ, родомъ словънинъ, а вѣрою латынянинъ*». (Опис. рукопис. Музея, стр. 164). 2) Въ полномъ спискѣ Библіи XV в. (Геннадія) отмѣчено послѣ Макавейскихъ книгъ: «Сія кѣнига Макавейская преведошося съ латинска языка на рускый лѣта перваго по седмитысящъ (т.-е. 1493 г.) повелѣніемъ господина архіепископа Геннадія отъ нѣкоего мужа честна, именемъ Веніамина, родомъ словѣнина, вѣдуща латинскый языкъ и граматику, вѣдуща же отчасти и греческа языка и фряжска» (Опис. рукоп. Синод. библ., стр. 128).

А. Л.

Бурачковъ, Платонъ Осиповичъ, археологъ, почетный членъ императорскаго одес. общ. исторіи и древностей, сынъ помѣщика днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи, родился въ 1815 году. Первоначальное воспитаніе получилъ въ симферопольской гимназіи, затѣмъ учился въ харьковскомъ университетѣ. Службу началъ въ канцеляріи таврическаго губернатора, былъ впослѣдствіи его чиновникомъ особыхъ порученій, а съ введеніемъ въ новороссійскомъ краѣ новыхъ

[1]) „Странникъ" 1874, № 1, хроника, стр. 67—68 (перепечатка некролога изъ „Кіевск. Епарх. Вѣдом."); 2) Словарь *Геннади*, I, 144.

[2]) *Строевъ*, Списки іерарховъ, стр. 54, 57, 320; 2) *Чистовичъ*, Исторія с.-петербургской духовной академіи, стр. 91; 3) *А. С. Родосскій*, Опис. 432 рукописей с.-петербургской академіи, 1894, стр. 36—37, 191.

[3]) *Филаретъ*. Обзоръ духовной литературы, 3-е изд., стр. 121—122.

судебныхъ учрежденій избранъ почетнымъ мировымъ судьей въ днѣпровскомъ уѣздѣ и предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей. Вышелъ въ отставку въ 1870 году, послѣ чего поселился въ г. Херсонѣ, гдѣ и скончался 13 октября 1894 года. Еще состоя на службѣ и объѣзжая обильную остатками древностей таврическую губернію, Б—въ заинтересовался археологіей и постепенно совершенно предался этой наукѣ, сталъ собирать древности и заниматься археологическими раскопками. Послѣднія онъ началъ производить въ своемъ имѣніи Ивановкѣ въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губ., а затѣмъ и въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи, преимущественно во владѣньяхъ частныхъ лицъ. Самоучка въ дѣлѣ археологіи, покойный Пл. О-чъ довольно часто становился жертвою обмана, платя значительныя деньги за поддѣльныя вещи; но въ концѣ концовъ, постоянная практика выработали изъ него все-таки знающаго археолога. Изъ собранныхъ въ теченіе сорока лѣтъ Бурачковымъ древностей обширная коллекція мѣстныхъ (Новороссійскаго края) монетъ имъ уступлена московскому историческому музею, остальныя древности переданы въ даръ императорскому одесскому обществу исторіи и древностей, а обширная (болѣе 4000 томовъ), хорошо подобранная по археологіи и исторіи, библіотека пожертвована одесской городской публичной библіотекѣ. Покойный состоялъ почетнымъ членомъ одесскаго общества исторіи и древностей и дѣйствительнымъ почти всѣхъ русскихъ обществъ археологіи. Въ научной литературѣ имя Пл. О-ча появилось сравнительно довольно поздно. Вотъ перечень его работъ:

1) *Замѣтки по древней географіи Новороссійскаго края* (письмо проф. Ф. К. Бруну по поводу статьи Л. Н. Майкова о древней географіи Россіи). „Извѣстія императорскаго географическаго общества" 1875, т. II, вып. 3-й и 5-й; 2) *Греко-скифскій міръ на берегахъ Понта.* „Журн. мин. нар. просв." 1876, № 12; 3) *О запискѣ готскаго Топарха.* „Журн. мин. нар. просв.". 1877, № 8; 4) *Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скифіи.* „Труды IV-го археологическаго съѣзда" т. II-й; 5) *О памятникахъ съ руническими надписями, находящихся на югѣ Россіи.* „Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей". т. IX-й; 6) *О мѣстоположеніи древняго Киркинита (возлѣ Евпаторіи) и монетахъ ему принадлежащихъ.* Ibid.; 7) *Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ.* Ibid., т. X-й; 8) *Опытъ согласенія открытой въ Херсонесѣ надписи съ природою мѣстности и сохранившимися у древнихъ писателей свѣдѣніями, относящимися ко времени войнъ Діофанта полководца Миѳридата со Скиѳами.* Ibid., т. XII-й; 9) *Общій каталогъ монетъ*, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Одесса, 1894 г., in. 4°, 289 стр. и XXXII табл.; 10) *По поводу брошюры А. В. Орѣшникова*: „Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартакидовъ". „Труды VI археологическаго съѣзда", т. II; 11) *Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей.* „Кіевская Старина". 1886 г., кн. 4-я; 12) Объясненія къ археологической картѣ новоросійсскихъ губерній и Крыма. Древности, Труды императорскаго московскаго археологическаго общества, т. XII, вып. 1-й.

В. Яковлевъ.

Буцковскій, Николай Андреевичъ [1]), сенаторъ, судья, государственный дѣятель, ученый юристъ. Родился въ 1811 г., вѣроятно, въ С.-Петербургѣ, умеръ холостымъ, тамъ же, 25-го сентября 1873 года. Первоначально Б. готовилъ себя къ инженерной карьерѣ. По окончаніи домашняго образованія, онъ въ 1828 г. поступилъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища. Въ 1833 г. Б. сдалъ всѣ офицерскіе экзамены и служилъ три года въ с.-петербургской инженерной командѣ. Затѣмъ еще три года пробылъ на педагогическомъ поприщѣ, преподавая въ гатчинскомъ воспитательномъ домѣ (нынѣ сиротскій институтъ) свой любимый предметъ—математику. Въ 1839 г., наконецъ, былъ имъ сдѣланъ послѣдній и окончательный выборъ съ поступленіемъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи.

Какія вліянія и соображенія побудили талантливаго математика покинуть чистыя, но нѣсколько безстрастно-холодныя сферы точнаго анализа и опуститься въ темную и грязную область нашей старой до-реформенной юстиціи, откуда и заправскіе юристы [2]) бѣжали нерѣдко въ неравной борьбѣ съ господствовавшею въ то время въ судахъ «неправдою черною»—изъ біографіи Б. не видно.

Съ декабря 1839 г. Б. занялъ въ министерствѣ скромную должность помощника столоначальника и съ обычною своею добросовѣстностью принялся за выполненіе новыхъ канцелярскихъ обязанностей. Если бы онъ всецѣло имъ предался, изъ него вышелъ бы хорошо натасканный канцелярскій дѣлецъ, но не юристъ. Б. иначе сталъ относиться къ своей новой карьерѣ—онъ сталъ «готовиться» къ ней теоретически. Прекрасно владѣя французскимъ языкомъ, Б. сталъ знакомиться съ юридическими науками (особенно уголовнымъ правомъ) въ источникѣ наиболѣе пригодномъ для русскаго юриста, особенно практика. Если французскіе юристы и уступали нѣмецкимъ въ тонкости построенія глубокомысленныхъ, но нѣсколько расплывчатыхъ теорій, то за то превосходили ихъ простотою, ясностью своихъ ученій, представлявшихъ, подобно классической римской юриспруденціи, строго замкнутый циклъ логическихъ понятій, которыя особенно должны были прельстить и занять умъ молодого юриста-самоучки съ выдающимися математическими способностями.

Но для Б. служба въ министерствѣ юстиціи въ это время представляла опасность особаго рода. Министромъ юстиціи былъ въ то время извѣстный бюрократъ, буквоѣдъ и мизантропъ гр. В. Н. Панинъ, умѣвшій налагать на окружаю-

[1]) Журн. Мин. Юстиціи 1866 № 4; 2) Голосъ 1873 № 260; 3) Биржевыя Вѣдомости, 1873, № 260; 4) „Рус. Міръ", 1873, № 257; 5) „С.-Пет. Вѣд.", 1873, № 267; 6) Энциклопедическій словарь изд. Брокгауза и Эфрона т. V; 7) *Г. Д.* (Джаншевъ), Вѣстникъ Европы, 1889, № 12 и глава VI моихъ „*Основъ судебной реформы*", М., 1891.

[2]) Правовѣдъ И. С. Аксаковъ долженъ былъ оставить должность оберъ-секретаря изъ-за того, что сенаторы оправдали титулованнаго негодяя, изобличеннаго въ гнусныхъ преступленіяхъ, см. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", т. II, предисл.

щихъ людей,—если въ нихъ не было нравственной самостоятельности,—мертвенный отпечатокъ бюрократическаго педантизма. Б. счастливо избѣгъ этой опасности. Благодаря живому общенію съ наукою, онъ съумѣлъ стать выше обычной канцелярской рутины и всегда старался отъискивать въ дѣлахъ жизненный нервъ ихъ, насколько это допускало старое бумажно инквизиціонное производство. Личное же свое достоинство уберегъ онъ благодаря тому ровному и независимому положенію, которое занялъ съ самаго начала.

Строгій къ себѣ, снисходительный къ другимъ, Б. былъ такъ аккуратенъ, исполнителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чуждъ всякаго искательства, а тѣмъ болѣе подобострастія, что умѣлъ заслужить уваженіе даже у гр. Панина, привыкшаго относиться пренебрежительно къ лицамъ неаристократическаго происхожденія.

Проходя разныя административныя должности, частью въ департаментѣ, частью въ оберъ-прокуратурѣ Сената, Б. основательно усвоилъ уголовное право и судебную практику. Съ 1853 г. по 1861-й включительно Б. занималъ постъ оберъ-прокурора въ московскихъ департаментахъ Сената, а съ 1862 г. открылось новое широкое законодательное поприще.

Благовѣстъ свободы, радостно пронесшійся надъ Россіею, далъ толчокъ и оживленіе всѣмъ задуманнымъ реформамъ, въ томъ числѣ и судебной. Въ 1862 г. по докладу кн. П. П. Гагарина Высочайше повелѣно было составить, согласно указаніямъ *науки и опыта европейскихъ* государствъ, основныя начала преобразованія судебной части въ Россіи. Это открытое пріобщеніе русскаго законодательства къ жизни цивилизованныхъ народовъ, недаромъ совпавшее съ празднованіемъ начала новаго тысячелѣтія Россіи, создало возможность построить, на раціональныхъ основаніяхъ, наше новое судебное законодательство, заключающееся въ знаменитыхъ Судебныхъ Уставахъ.

Составленіе вышеупомянутыхъ «Основныхъ началъ» было возложено на государственную канцелярію, къ которой были прикомандированы наилучшіе юристы того времени. Въ числѣ ихъ былъ Б. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе вообще во всѣхъ работахъ, но особенно важна была его роль въ разработкѣ вопроса о судѣ присяжныхъ. Въ Запискѣ своей *Объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства* [1]) Б., съ свойственною ему ясностью и логичностью, изъясняетъ сущность и особенности суда присяжныхъ и доказываетъ не только возможность, но и *безусловную необходимость* введенія въ Россіи суда совѣсти. «Люди многообразной внѣшней дѣятельности, писалъ онъ между прочимъ, способнѣе оцѣнить выходящіе изъ нея факты, чѣмъ судьи-техники, теряющіе иногда за своими кабинетными занятіями живое созерцаніе дѣйствительности и впадающіе отъ долговременнаго обращенія съ подсудимыми въ *равнодушіе* къ

---

[1]) См. т. XVII. Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи. Матеріалы № 15.

ихъ участи; наконецъ, между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти, продолжалъ Б., должны быть такія лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ средѣ по ихъ *понятіямъ, нравамъ и обычаямъ*, для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенья уликъ такъ и свойства виновности подсудимаго, опредѣляемой вообще кругомъ его понятій и общимъ уровнемъ нравственности для того, чтобы судьи были олицетворенною совѣстью обвиняемаго».

Противъ тѣхъ, которые считали невозможнымъ введеніе суда присяжныхъ въ Россіи, въ виду неразвитости народа, Б. возражалъ такъ: «введеніе суда присяжныхъ въ Россіи *необходимѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было*, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями, образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ къ высшему сословію и подсудимыхъ изъ низшаго сословія существуетъ *цѣлая пропасть*... Такъ что если считать доказанною неразвитость народа, то она, разсуждалъ Б., даетъ основаніе къ противоположному заключенію, т.-е. къ необходимости суда присяжныхъ, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ *особыхъ гарантіяхъ* на судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе».

Вслѣдъ за утвержденіемъ Основныхъ Началъ судебнаго преобразованія была образована спеціальная коммиссія для составленія проектовъ судебныхъ уставовъ. Б. былъ назначенъ предсѣдателемъ уголовной секціи, составлявшей проектъ уст. уголов. судопр. Сопровождающая проектъ замѣчательно обстоятельная записка, которую наши криминалисты, оставшіеся вѣрными духу Судебныхъ Уставовъ, юридическимъ евангеліемъ [1]), въ значительной мѣрѣ вышла изъ-подъ пера Б. и вся она была имъ проредактирована.

Съ открытіемъ новаго суда въ 1866 г. Б. былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, гдѣ онъ оказалъ громадную услугу русскому правосудію, настаивая на примѣненіи, несмотря на наступившую съ 1866 г. реакцію, Судебныхъ Уставовъ, согласно положеннымъ въ ихъ основаніе гуманно-либеральнымъ началамъ. Являя въ качествѣ судьи образецъ безтрепетнаго, мужественнаго и честнаго служенія правосудію, чуждаго стремленію угодить моднымъ теченіямъ или властнымъ сферамъ, Б. вмѣстѣ съ тѣмъ поражалъ своею замѣчательною добросовѣстностью аккуратностью и трудолюбіемъ. Составленныя имъ кассаціонныя рѣшенія (по уголовному кассаціонному департаменту и общему собранію кассац. департ.) настоящіе chef-d'eouvre'ы научной интерпретаціи и имѣютъ столько же научно-практическій интересъ, сколько и литературно-научный. Занимая трудный, въ особенности въ началѣ судебной реформы, постъ кассаціоннаго сенатора, Б. принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) См. журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1891 г. № 8.

живое участіе въ юридической періодической прессѣ и издавалъ отдѣльныя монографіи по уголовному процессу и праву. Тутъ важно не только то, что Б. умѣлъ у своего дѣлового времени урвать досугъ для научно-литературныхъ занятій, но и фактъ влеченія къ нимъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ то время это былъ единственный изъ сенаторовъ, принимавшій живое участіе въ текущей литературѣ.

Въ 1866 г. Б. выпустилъ двѣ монографіи:

a) *О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей* (о мѣрѣ участія присяжныхъ судей въ уголовномъ приговорѣ. о постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ; о существѣ объясненія предсѣдателя суда; о рѣшенія присяжныхъ; о послѣдствіяхъ рѣшенія присяжныхъ и о порядкѣ постановленіе приговоровъ). Спб. 1866 г.

b) *Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по Судебнымъ Уставамъ 1864 г.* Спб. 1866 г.

Въ 1867 Б. издалъ брошюру *О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной* Спб. 1867 г.

Въ 1872 г. Б. выпустилъ *Основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ*. Спб. 1872. 8⁰ 59 стр. [1]).

Изъ журнальныхъ статей Б. укажемъ: въ *Судебномъ Вѣстникѣ:* 1) *Возобновленіе дѣла, по которому приговоръ не вошелъ въ силу* (1866 № 83) и 2) *О постановкѣ вопросовъ присяжнымъ* (1867 г. № 78).

Въ *„Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права»* были имъ напечатаны въ 1873 г. двѣ статьи: 1) *Дѣйствующій законъ о самоуправствѣ и насиліи* (уст. о нак. нал. мир. суд. ст. 142) (№ 1) и 2) *О возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ.* (№ 3).

За два дня до своей смерти Б. успѣлъ вполнѣ пересмотрѣть и приготовить къ печати выпущенныя имъ ранѣе монографіи и статьи и онѣ вышли въ 1874 г. подъ заглавіемъ «*Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 ноября 1864 г.*», съ прекраснымъ портретомъ автора.

Научно-литературные труды Б. имѣли для своего времени громадное значеніе. Принадлежа перу главнаго редактора Уст. угол. судопр., они давали драгоцѣнный матеріалъ и незамѣнимую точку опоры для вѣрнаго распознанія, какъ смысла отдѣльныхъ статей закона и цѣлыхъ институтовъ, такъ и системы ихъ. Особенно важное значеніе имѣли монографіи Б. по кассаціонному производству, заимствованному изъ Франціи и по суду присяжныхъ, который составлялъ перлъ судебной реформы и правильная постановка коего имѣла капитальное значеніе для судебъ ея.

---

[1]) Отзывы: Журналъ Министерства Юстиціи 1866 №№ 3 и 4 (статья М—а), № 12 (статья Т.). Н. В. Муравьева Прокурорскій надзоръ 1889. М. стр. 484—485.

Но и для нашего времени работы Б. далеко не утратили значенія и хотя нѣсколько и устарѣли, въ виду новеллъ послѣднихъ лѣтъ и развитія кассаціонной практики, но тѣмъ не менѣе пользуются большимъ уваженіемъ среди нашихъ юристовъ. Книга Б. составляетъ понынѣ настольную и для судьи, прокурора и адвоката, и для профессоровъ и студентовъ-юристовъ. Причиною такой популярности служитъ не только то обстоятельство, что она принадлежитъ перу одного изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы, къ которымъ дѣятель науки и новаго суда чувствуютъ невольную pietas, но и содержаніе книги, дающее отвѣтъ на многіе текущіе вопросы судебной практики. Укажемъ хоть на недавно выдвинутый бывшимъ оберъ-прокуроромъ А. Ѳ. Кони вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ обвинительной власти, предающей суду за дѣйствія, имѣющія характеръ гражданскаго правонарушенія, но не уголовнаго преступленія. Вполнѣ разумное рѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ названной статьѣ Б. «О возбужденіи уголовнаго преслѣдованіи по гражданскимъ сдѣлкамъ».

Общественное значеніе литературныхъ трудовъ Б. заключается въ томъ, что они всецѣло проникнуты гуманнымъ духомъ, составлявшимъ отличительную черту дѣятелей освободительной эпохи 60-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи Б. можетъ служить типичнымъ представителемъ европейскаго либеральнаго правосознанія или правового порядка, сущность котораго прекрасно формулирована указомъ сената 20-го ноября 1864 г., гласящимъ, что «уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, должно быть руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». Это настойчивое стремленіе къ огражденію отъ произвола особенно рельефно проявляется въ статьѣ Б. «О самоуправствѣ». Относясь съ полною симпатіею къ новому закону (ст. 142 Уст. о нак. нал. миров. суд.), имѣющему цѣлью огражденіе отъ унаслѣдованной отъ крѣпостного времени кулачной самораспрaвы, разныхъ видовъ самодурства и самоуправства, Б. вмѣстѣ съ тѣмъ старается понятіе самоуправства ввести въ опредѣленныя границы, дабы оградить подсудимаго отъ произвола и самодурства судьи. Унасъ въ Россіи, гдѣ такъ слабо развито чувство законности, высказывалось мнѣніе, что, благодаря неопредѣленности закона о самоуправствѣ, судъ можетъ дать сму широкое примѣненіе и тѣмъ искоренить столь развитое у насъ самодурство. Другими словами, противъ самодурства рекомендовали бороться самодурствомъ же. Б. энергически возрастаетъ противъ этого, какъ онъ называетъ «оригинальнаго» мнѣнія, коренящагося въ нашемъ дореформенномъ строѣ. «Неправомѣрное наказаніе, говоритъ Б., никогда не можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ къ исправленію нравовъ; а затѣмъ изъ всѣхъ видовъ самодурства, продолжаетъ онъ, *самое вопіющее* есть самодурство судейское, дозволяющее себѣ миловать и карать по своему прихотливому произволу, а для такого самодурства неточные законы служатъ щитомъ, прикрывающимъ его отъ надлежащаго преслѣдованія».

Заслуживаютъ вниманія и слова, которыми заканчивается эта статья. Въ

отличіе отъ высокопоставленныхъ самодуровъ (гр. Панинъ, напр., *никогда* не сознавался въ своихъ промахахъ, какъ бы они ни были нелѣпы) Б. публично сознается въ ошибкахъ, допущенныхъ имъ, въ качествѣ сенатора, въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по этому вопросу (о самоуправствѣ). Мало того. Со скромностью, свойственною истинно просвѣщеннымъ людямъ, онъ и самое появленіе статьи своей мотивируетъ желаніемъ представить свое мнѣніе на судъ публики съ цѣлью вызвать рѣшеніе вопроса, говоритъ онъ, «болѣе насъ свѣдущими и компетентными».

Послѣдняя воля этого гуманнаго криминалиста можетъ лучше всего дать понятіе о его добромъ сердцѣ и отзывчивости къ горю ближняго. Въ то время какъ даже въ Европѣ еще не былъ поднятъ вопросъ о вознагражденіи невинно-привлеченныхъ къ суду, объ этихъ жертвахъ правосудія вспомнилъ судья-человѣкъ Б. Въ послѣдніе десять лѣтъ Б. получалъ до 9.500 р. въ годъ (7.000 р. сенаторскаго оклада и 2.500 р. за участіе въ составленіи судебныхъ уставовъ). Живя очень скромно, Б. сберегъ значительный капиталъ въ 50.000 р., который и завѣщалъ на учрежденіе фонда для первоначальнаго пособія, по с.-петербургскому судебному округу, во-1-хъ оправданнымъ, по очевидной невинности, подсудимыхъ, а, во-2-хъ, тѣмъ изъ осужденныхъ подсудимыхъ, кои впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ и для коихъ своевременная помощь можетъ быть окончательнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни. Распоряженіе этимъ по истинѣ благотворительнымъ фондомъ, дѣлающимъ честь уму и сердцу его учредителя, Б. возложилъ на с.-петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ [1]), исходя изъ того соображенія, что они, въ качествѣ защитниковъ, являются лучшими судьями мотивовъ, вызвавшихъ преступленія. **Гр. Джаншіевъ.**

Ба(о)рковскій, Иванъ Ѳомичъ [2]) Род. 28 дек. 1831 г. въ польской семьѣ, учился въ брестскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, окончилъ Николаевскую академію въ 1862 г. въ чинѣ штабсъ-капитана, затѣмъ состоялъ при главномъ интендантскомъ управленіи; въ 1879 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1889 г. въ ген.-лейтенанты; состоитъ теперь членомъ техническаго комитета главнаго интендантскаго управленія. Напечаталъ: «Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней рѣки Волги къ Петербургу» (Спб. 1870), въ «Трудахъ» экспедиціи, снаряженный Имп. Вольно-Экономическимъ обществомъ, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи (т. I); «Изслѣдованіе хлѣбной торговли въ Верхне-волжскомъ бассейнѣ» (т. II «Трудовъ», 1872), за которое Русское Географическое общество присудило Б. малую золотую медаль; «Торговое движеніе по Волжско-Маріинскому водному пути» (1874). Съ 1873 г. редактировалъ «Сбор-

[1]) Подробности см. въ сборникѣ Макалинскаго — С.-Петербургская адвокатура, стр. 226—237.

[2]) 1) Списокъ генераловъ. 2) Исторія геогр. общ. 3) *Венгеровъ*, Рус. книги.

никъ Министерства путей сообщенія» и состоитъ начальникомъ статистическаго отдѣла этого министерства. Съ 1877 по 1882 гг. издалъ 7 выпусковъ «Сборника», въ которыхъ заключаются свѣдѣнія: о желѣзныхъ дорогахъ, водяныхъ и шоссейныхъ путяхъ и о движеніи по нимъ грузовъ.

Бѣ(е)лавенецъ, Иванъ Петровичъ, ученый морякъ, родился въ маѣ 1829 г. и происходилъ изъ смоленскихъ дворянъ. Отлично кончивъ курсъ въ морскомъ корпусѣ и морскихъ академическихъ классахъ, онъ плавалъ кругомъ свѣта на фрегатѣ «Паллада» въ 1852 г. и съ первыхъ шаговъ на службѣ обнаружилъ склонность къ научной работѣ. Уже на «Палладѣ», 23-лѣтнимъ мичманомъ, онъ дѣятельно занимается магнитными и астрономическими наблюденіями, преподаетъ гардемаринамъ навигацію, астрономію и физику. Командированный на шкуну «Востокъ», онъ принимаетъ участіе въ описи и опредѣленіи астрономическихъ пунктовъ береговъ Кореи (одинъ изъ мысовъ которой носитъ его имя). Возвратившись въ 1855 г. черезъ Камчатку и Сибирь, Б. дѣлается командиромъ лодки. Шла крымская война. Родной братъ Бѣлавенца былъ убитъ на бастіонахъ, и Б. проситъ у начальства какъ особой награды—быть назначеннымъ на мѣсто брата. Нахимовъ исполняетъ его желаніе буквально. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ужасовъ обороны, Б. получилъ сильную контузію, отъ которой страдалъ до самой смерти. Къ счастію, болѣзнь не могла пересилить этотъ энергическій характеръ. Практикъ и дѣлецъ, И. П. по своей натурѣ напоминалъ скорѣе англичанина или американца, на которыхъ походилъ и наружностью. Какъ-бы весь сотканный изъ нервовъ, съ нездоровымъ румянцемъ на лицѣ и оживленною, вѣчно возбужденною рѣчью, онъ рвался къ живой дѣятельности и всюду отлично осваивался. Въ 1857 году, командированный морскимъ министерствомъ на лондонскую всемірную выставку, онъ тотчасъ же вошелъ въ сношенія со многими учеными моряками, между прочимъ съ знаменитымъ Арчибальдомъ Смитомъ, съ которымъ до самой смерти былъ въ постоянной перепискѣ. На выставкѣ Б. былъ выбранъ членомъ жюри по части морскихъ наукъ и сдѣлался корреспондентомъ Британскаго Съѣзда ученыхъ. Эта командировка на всемірную выставку опредѣлила направленіе научной дѣятельности Б. До этого времени его вниманіе разбрасывалось на разныхъ областяхъ морскихъ знаній. Писать онъ началъ въ «Морск. Сборникѣ» за 1856 г. № 2 небольшою статьею: 1) *„Замѣчаніе о штормѣ, выдержанномъ фр. „Паллада“ въ 1853 г.,“* а въ слѣдующей книжкѣ № 3 «Сб.» онъ разбираетъ уже морскіе артиллерійскіе вопросы: 2) *«О маркахъ на прибайникахъ»* и 3) *«О прицѣливаніи орудій при большихъ углахъ возвышенія.»* Эти двѣ статьи вызвали полемику («Замѣчанія» А... (Антипенко) въ №№ 7 и 12 «М. Сб». 1856 г. и статья Поля въ № 13 того же года). Б. отвѣчалъ статьею 4) *«Еще о прицѣливаньи орудій при большихъ углахъ возвышенья съ чертежами на трехъ листахъ»* (М. Сб. 1856 г. № 13). Въ томъ-же году Б. перевелъ въ № 7 «Сб.» статью 5) *«Параллельный цир-*

куль»—далекую, какъ и предъидущая, отъ его будущей спеціальности, но въ томъ-же № журнала появляется и первая, тоже переводная его статья по девіаціи: 6) *«Наставленіе для вычисленія таблицъ девіаціи компасовъ»* (Арчибальда Смита), а въ № 11 «Сб.» за тотъ же годъ оригинальная статья: 7) *«Практическія правила для опредѣленія девіаціи на судахъ»*. Знакомство съ Арчибальдомъ Смитомъ окончательно остановило Б. на изслѣдованіи девіаціи—дѣлѣ весьма сложномъ, только что зарождавшемся за границей, а у насъ совершенно до того неизвѣстномъ. При переходѣ отъ деревянныхъ кораблей къ желѣзнымъ надо было рѣшить крайне важный вопросъ: что сдѣлается съ магнитной стрѣлкой, очутившейся внутри желѣзной массы, и какъ сохранить ея способность указывать на сѣверъ,—способность, безъ которой мореплаваніе невозможно. Бѣлавенецъ посвятилъ этому вопросу всю жизнь и вышелъ изъ него побѣдителемъ. Вначалѣ онъ знакомитъ русскихъ моряковъ съ состояніемъ этого вопроса за границей. Являются статья въ М. Сборникѣ: 8) *«О компасахъ и компасной обсерваторіи въ Вуличѣ»* (1857 г. № 5), 9) *«Графическій способъ исправить девіаціею судовые компасы»* (1857 г. № 10), 10) *«Карты линій равныхъ магнитныхъ склоненій, наклоненій и горизонтальныхъ силъ для 1858 г.* (особое изданіе), 11) *«Компасъ, неимѣющій девіаціи, г. Кальвинъ-Клейна»* (1859 г. № 9). Въ 1858 г. Бѣлавенецъ былъ командированъ въ Соединенные Штаты С. А., вмѣстѣ съ покойнымъ И. А. Шестаковымъ на строившійся тамъ *«Генералъ Адмиралъ»*. Проведя тамъ болѣе года, Б. коротко познакомился съ морскими и ученными учрежденьями этой страны, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними учеными, и все полезное описывалъ въ «Мор. Сборникѣ». Таковы его статьи: 12) *«Діограмма и таблица для вычисленія меридіанальной высоты* (способъ Foscolo); 13) *«Пароходъ Вайнанса на подобіе сигары»* (1859 г. № 1), 14) *«Инструментъ для измѣренія глубины, изобрѣтенный Эриксономъ»* (1860 г. № 8), 15) *«О нѣкоторыхъ новыхъ инструментахъ для наблюденія высотъ свѣтилъ»* (1859 г. № 10), 16) *«Новый высотомѣрный инструментъ Оака»* изд. 1860 г. (Эта статья вызвала въ № 9 «Сб.» за 1860 г. замѣчанія А. Борисова). Въ 1859 году Б. былъ назначенъ командиромъ парохода «Курьеръ», и командуя имъ два года, продолжалъ изученіе вопросовъ о девіаціи. Къ этому времени относятся статьи Б.: 17) *«О необходимости постоянныхъ наблюденій надъ компасами»* (М. Сб. 1861 г. № 3): 18) *«Взглядъ на современную потребность разрѣшенія задачъ мореплаванія и способъ устройства магнитныхъ пеленговъ въ Кронштадтѣ»* (М. Сб. 1861 г. № 4 и отд. брошюр. in 4°). Этимъ началась практическая, организаторская дѣятельность Б. по постановкѣ девіаціоннаго дѣла въ Россіи. Въ 1861 г. онъ произвелъ въ Кронштадтѣ рядъ магнитныхъ наблюденій и назначилъ на стѣнкѣ гавани истинные пеленги трубы Литейнаго завода, которыми моряки пользуются и до сихъ поръ. Эта капитальная работа, кромѣ

означенной статьи въ М. Сб., описана Б. и въ «Кр. В.» за тотъ же годъ. Пропагандируя необходимость устройства компаснаго дѣла на научныхъ основаніяхъ, Б. въ томъ же году печатаетъ: 19) «*Извлеченіе изъ отчетовъ Ливерпульской компасной коммиссіи за 1855—56 г.*» (М. Сб. 1861 г. №№ 7 и 8 и отд. брош.), 20) «*Устройство пеленговъ для опредѣленія девіаціи на большомъ кронштадтскомъ рейдѣ*. (М. Сб. 1861 г. № 9). Къ этимъ-же годамъ относятся случайныя статья Б.: 21) «*Ледяной промыселъ*», о торговлѣ льдомъ въ Америкѣ (М. Сб. 1861 г. № 10) и 22) «*Устройство тюремъ въ С. Штатахъ*» (М. Сб. 1862 г. № 4). Въ 1863 г. Б. прочелъ въ морскомъ собраніи въ Кронштадтѣ шесть публичныхъ лекцій: 23) *О девіаціи компасовъ и компасной обсерваторіи;* онѣ были напечатаны (М. Сб. 1863 г. № 11) и изданы особой книжкою и составили капитальный трудъ по вопросу о судовомъ магнетизмѣ, а главное имѣли рѣшающее значеніе для практической организаціи компаснаго дѣла. Въ томъ же году Б. былъ командированъ въ Англію на строившуюся тамъ броненосную батарею «Первенецъ» для опредѣленія девіаціи и установки компасовъ. Даже въ Англіи такая задача была новостью. При содѣйствіи Арчибальда Смита этотъ крайне важный вопросъ для броненоскаго флота былъ блестяще рѣшенъ Б., и результатомъ работъ явились новыя статьи: 24) „*О магнитномъ состояніи броненосца „Первенецъ“* (М. Сб. 1865 г. № 2) и самый важный трудъ его, вышедшій въ 1865 г. 25) «*О девіаціи компасовъ и днгограмахъ*» (Спб. 1865 г. 8° съ 7 листами чертежей ц. 2 р.). Случайныя статьи этихъ лѣтъ: 26) «*Описаніе инструментовъ кораблевожденія, представленныхъ на всемірную выставку въ Лондонѣ въ 1862 г.* (М. Сб. 1862 г. № 8); 27) «*По поводу изобрѣтеній Джизборна*» (М. Сб. 1863 г. № 9), 28) «*Новый и точный способъ опредѣленіи мѣста на морѣ Т. Сомнэра*» (Спб. 1863 г. 8°, изданіе морского министерства). Въ 1863 г. сбылись, наконецъ, мечты Бѣлавенца, которыя онъ пропагандировалъ на лекціяхъ и въ печати: въ Кронштадтѣ основана компасная обсерваторія, а устройство и завѣдываніе ею поручено ему. Въ это учрежденіе, обязанное ему и устройствомъ и развитіемъ, И. П. вложилъ всю душу, и окончательно погрузился въ темную область магнитныхъ явленій, пожертвовавъ ученому труду несравненно болѣе выгодною линейною службой. «Дѣятельность Ив. Петр. на этомъ поприщѣ была необычайна, говоритъ авторъ некролога о немъ въ «Кр. Вѣстникѣ» (1878 г. № 24). Онъ устанавливалъ, напримѣръ, компасы внутри желѣзной подводной лодки. Эта ученая работа, неимѣющая себѣ подобной, потребовала около года усилій пока неудалось побѣдить всѣ затрудненія. Она описала въ обширной, снабженной таблицами статьѣ: 29 «*Установка компаса внутри желѣзной лодки съ чертежами. 1867 г. Ц. 1 р. Изд. Гидрографическаго Департамента*». Къ тому же году относится статья: 30) «*О наблюденіяхъ девіаціи, произведенныхъ на судахъ флота въ 1864 году*» (М. Сб. 1865 г. № 11). Въ

1865 г. Бѣлавенцу была дарована оригинальная Высочайшая награда: золотой компасъ съ 32 брилліантами (на каждый румбъ компаса) и съ надписью «за полезные ученые труды». Кромѣ кабинетной, работы, Б. былъ заваленъ по горло практическою: на всѣхъ судахъ флота, мониторахъ, броненосныхъ и желѣзныхъ судахъ, поповкахъ и пр. онъ устанавливалъ компасы—работа, требующая каждый разъ особыхъ наблюденій и вычисленій; онъ-же опредѣлялъ и девіацію этихъ компасовъ, и провѣрялъ ихъ зимою въ обсерваторіи. И сверхъ того у него находилось время для множества другихъ занятій, ученыхъ и общественныхъ: постоянно участвуя въ «Морск. Сб.» и «Кроншт. В.», онъ написалъ, по словамъ коротко знавшаго его автора некролога, болѣе семидесяти статей и массу замѣтокъ, въ которыхъ горячо отстаивалъ все тоже любимое свое компасное дѣло. Съ 1865 года онъ выпускалъ чуть не ежегодно по книжкѣ «Дополненій» къ сочиненію «О девіаціи компасовъ и о дигограммахъ», которыя составляли какъ бы ученые отчеты о компасной обсерваторіи и о ходѣ компаснаго дѣла во флотѣ: 31) «*Первое дополненіе*» 1866 г., 32) «*Второе дополненіе*» 1867 г., 33) «*Третье дополненіе*», 1869 г., 34) «*Четвертое дополненіе*», 1871 г., 35) «*Пятое дополненіе*» 1872 г., 36) «*Шестое дополненіе*» 1875 г., 37) «*Седьмое дополненіе*». Смерть застала Б. за изданіемъ 8-го дополненія. Кромѣ этихъ книгъ, имъ написаны въ этотъ періодъ слѣдующія статьи: 38) «*Арчибальдъ Смитъ*» (М. Сб. 1866 г. №№ 1 и 2), 39) «*Извлеченіе изъ адреса президента британскаго общества ученыхъ*» (М. Сб. 1866 № 2); 40) *Переводъ статьи А. Смита „Вліяніе на компасъ отдѣльныхъ массъ судового желѣза“* (М. Сб. 1866 г. № 6); 41) «*По поводу письма королевскаго астронома Эри о девіаціи компасовъ*» (М. Сб. 1867 г. № 4); Въ 1870 г. Б. сопровождалъ великаго князю Алексѣя Александровича въ его путешествіи по Сѣверу Россіи, причемъ имъ и подъ его руководствомъ сдѣлана была масса магнитныхъ наблюденій по сѣвернымъ рѣкамъ, Мурманскому берегу, на островахъ Калгуевѣ, Новой землѣ и пр. Результаты этой работы описаны въ брошюрѣ: 42) «*Магнитныя наблюденія, произведенныя во время плаванія Е. И. В. Великаго князя Алексѣя Александровича въ Сѣверномъ океанѣ*». Изд. Гидрографическаго Департамента Спб. 1871 г. ц. 1 р. Около этого же времени написаны статьи: 43) «*Девіація судовыхъ компасовъ*—необходимое предостереженіе для пасажировъ и коммерческихъ судовъ» (М. Сб. 1870 г. № 1); 44) «*Краткое обозрѣніе практическихъ примѣненій девіаціи компасовъ на военныхъ судахъ русскаго и англійскаго флота и о мѣрахъ, необходимыхъ для предохраненія отъ гибели коммерческихъ и пассажирскихъ судовъ*» (М. Сб. 1870 г. № 8), 45) « *Девіаціонный приборъ*» (1873).—брошюра, въ которой дается описаніе девіаціоннаго прибора, изобрѣтеннаго самимъ Бѣлавенцемъ. Кромѣ того, имъ было сдѣлано нѣсколько усовершенствованій инструментовъ другихъ изобрѣтателей. Приборы и инструменты свои

Б. выставлялъ на выставкахъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ и имѣлъ за нихъ нѣсколько медалей и почетныхъ отзывовъ. Какъ немногіе лишь изъ русскихъ ученыхъ, Ив. Петровичъ пріобрѣлъ даже за границей извѣстность авторитета по своей спеціальности и иностранные ученые моряки иногда обращались къ нему за совѣтами и разъясненіями. Такъ напримѣръ, португальское правительство поручило Б. назначить истинные пеленги для опредѣленія девіаціи въ устьѣ Таго. Кромѣ удачныхъ проектовъ, какъ и у другихъ ученыхъ, Б. было представлено въ теченіе своей дѣятельности и нѣсколько неудачныхъ, но разработка которыхъ была полезна по освѣщенію новыхъ сторонъ даннаго предмета. Таковы проекты: *измѣренія глубины воздушными мѣшками* (разборъ ихъ см. въ М. Сб. 1874 г. № 9, 1876 г. №№ 7 и 11, и 1878 г. № 4), *объ установкѣ надъ баканами* зеркальныхъ шаровъ (М. Сб. 1874 г. № 9 и 1876 г. № 11) и пр. Всѣ труды Ивана Петровича отличаются добросовѣстною разработкою; но хотя онъ былъ и весьма плодовитымъ морскимъ писателемъ, главнѣйшая его заслуга предъ флотомъ состоитъ въ созданіи и организаціи компаснаго дѣла на научныхъ началахъ. Въ этой области онъ сдѣлалъ не только многое, но почти все, и до сихъ поръ основанная имъ обсерваторія дѣйствуетъ по его программѣ. На трудахъ Б. флотъ до сихъ поръ учится и его имя живетъ и пользуется прежнею извѣстностью. Замѣчателенъ былъ этотъ человѣкъ и какъ общественный дѣятель. Основавшись въ Кронштадтѣ, онъ явился самымъ энергическимъ членомъ мѣстной интеллигенціи и въ жизнь ея вносилъ такое же творчество, какъ въ свою науку. Имъ съ супругою, столь же дѣятельною женщиной, основаны литературные вечера; онъ же основалъ Дѣтскую библіотеку, школу для приготовленія дѣтей на оригинальныхъ семейныхъ началахъ, имъ выработанныхъ, принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи ссудо-оберегательнаго товарищества и городского кредитнаго общества. Сверхъ того Б. былъ почетнымъ мировымъ судьей, членомъ наблюдательнаго совѣта кредитнаго общества, членомъ и предсѣдателемъ комитета Морской библіотеки, преподавалъ въ Техническомъ училищѣ М. В. и пр. и пр. Преисполненный энергіи, онъ за работой не забывалъ жизни и умѣлъ жить; смерть подкралась къ нему совершенно неожиданно для него и для другихъ. Онъ скончался 22 февраля 1878 года отъ разрыва сердца.

М. Меньшиковъ.

* **Бунаковъ**, Николай Федоровичъ, извѣстный педагогъ [1]). Родился 26-го ноября 1837 г. въ г. Вологдѣ. Отецъ его былъ мѣстный чиновникъ. Николай

[1]) Ср. о немъ: 1) „Энц. Слов.“ Брокгаузъ-Ефрона. 2) *Гр. Левъ Ник. Толстой*, о народ. образованіи. 3) *Н. К. Михайловскій*, Записки Профана. 4) *С. Миропольскій* въ „Руковод. къ препод. общеобраз. предметовъ“ изд. *Веселемъ*. 5) „Обзоръ педагог. литер. за 1875 г.“ (М.). 6) *Ф. Ф. Резенеръ*, Педагогич. труды Н. Бунакова, въ „Нар. Школѣ“ 1881. № 2, 3 и 6. 7) *Песковскій*, баронъ Н. А. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Спб. 1895. **Отзывы**: Объ *„Урокахъ чтенія“*:

Федоровичъ былъ однимъ изъ старшихъ въ многочисленной семьѣ. Учился онъ въ вологодской гимназіи, въ которой въ то время процвѣтали занятія литературой благодаря преподавателямъ Н. П. Титову и Н. П. Левицкому. Съ особою любовью вспоминаетъ Н. Ф. объ учителѣ русскаго языка и географіи въ младшихъ классахъ — Н. П. Титовѣ. Человѣкъ одинокій, 30 лѣтъ работавшій на педагогическомъ поприщѣ, Н. П. Титовъ отдавался всею душею избранному дѣлу. Онъ любилъ всѣхъ своихъ учениковъ, трудящихся и лѣнивыхъ, способныхъ и неудачныхъ, всѣхъ привѣтливо принималъ въ своей чистенькой и уютной квартиркѣ и со всѣми дружески бесѣдовалъ. Онъ вліялъ на учащихся не только своимъ живымъ, интереснымъ и одушевленнымъ преподаваніемъ, но и своимъ отношеніемъ къ дѣлу, строго честнымъ и любовнымъ, своей добротой, счастливо соединявшейся съ настойчивостью и справедливостью. Онъ первый и научилъ Н. Ф. любить родной языкъ, стремиться хорошо понимать его и владѣть имъ.

Въ старшихъ классахъ преподавалъ Левицкій, который (по воспоминаніямъ Н. Ф.) былъ воспитанъ на Пушкинѣ, Гоголѣ и Бѣлинскомъ, самъ обладалъ литературнымъ вкусомъ и мастерски читалъ. Любовь свою къ литературѣ Левицкій умѣлъ сообщить и своимъ ученикамъ, заставляя ихъ развиваться на непосредственномъ чтеніи и изученіи лучшихъ авторовъ, научалъ владѣть слогомъ и хорошо обработывать по формѣ письменныя сочиненія.

---

1) „Систем. обзоръ рус. нар. учеб. лит.". Спб. 1878. 2) *С. Миропольскій*, въ „Семьѣ и Школѣ" 1877. № 11. О *Хрестоматіи для изуч. образцевъ рус. слов.*": 1) „Жур. М. Нар. Пр." 1876 г. № 5; 1884 г. № 12. 2) „Дѣт. Садъ" 1876, № 6. 3) „Педаг. Хр." 1884, № 38. Объ „*Обученіи грамотѣ*": 1) „Рус. Вѣд." 1873 г., № 265. 2) *С. Миропольскій*, въ „Семьѣ и Школѣ" 1877 г., № 8. 3) *Свящ. Масловъ*. въ „Жур. Мин. Нар. Пр." 1872 г., № 8. 4) „Пед. хроника" 1878, № 23. 5) *Вл. Гречулевичъ*, въ „Мір. словѣ" 1877. № 1. 6) „Сист. обзоръ нар. уч. лит." 1878. 7) *Рсзенеръ*, въ „Нар. Школѣ" 1881, № 2. 8) „Рус. нар. уч." 1881 г., № 4. Объ „*Азбукѣ и урокахъ чтенія*": 1) *Н. Островская*, въ „Учеб. воспит. библ. 1875 г., т. I. О „*Школьномъ дѣлѣ для нар. уч. и учительницъ*": *С. Миропольскій*, въ „Нар. школѣ" 1877. № 10. О „*Родномъ языкѣ какъ предметѣ обученія: Н. Островская*, въ „Учеб. восп. библ." 1875, т. I. О „*Двадцати большихъ стѣнныхъ таблицахъ*": *Провинціалъ* въ „Пед. хроникѣ" 1882 г., № 19 и 20. О „*Рус. подвиж. школѣ*": 1) „Педаг. хроника" 1882 г. № 11, 12 и 13. 2) *Акатовъ*, въ „Нар. школѣ" 1882, № 2. Объ *Учеб. рус. грам.*: 1) „Жур. Мин. Нар. Пр." 1884, № 12. 2) О „*Народ. былинахъ*": 1) Вѣст. Евр." 1885, № 7. 2) „Жур. М. Нар. Пр." 1885. Объ „*Въ школѣ и дома*": 1) *В. Гречулевичъ*, въ Мір. Словѣ" 1877. № 30. 2) *О. И.* въ „Педагог. музеѣ" 1878, № 9. 3) „Систем. обз. рус. учеб. нар. лит." 4) О вышедшемъ подъ его ред. собр. соч. Пушкина: 1) „Правит. Вѣст." 1888 г., № 39. 2) „Рус. Мысль" 1884 г., № 4. О его предисловіи къ пьесѣ „Жизнь за царя": *Н. Рубакинъ*, въ „Рус. Бог." 1890, № 3. О „*Концентрич. учебникѣ*: 1) *Л. Поливановъ*, въ „Учеб. восп. библ." 1875, т. I. 2) „Педаг. хроника" 1884, № 37. 3) *М. Прокопьевъ*, въ „Педаг. музеѣ" 1877, № 11. 4) „Систем. обзоръ нар. учеб. лит. 1878. 5) *Ф. Резенеръ*, въ „Народ. шк." 1881, № 2, 3, 6 и 7. О „*Книжкѣ-Первинкѣ*: 1) „Нар. школа" 1882, № 2. 2) „Систем. обзоръ нар. уч. лит.". Дополн. I.

Окончивъ въ 1851 г. курсъ гимназіи, Н. Ф. поступилъ въ 1854 г. преподавателемъ русскаго языка въ тотемское уѣздное училище. Въ Тотьмѣ написалъ онъ первый свой литературный трудъ, напечат. въ 1855 г. въ «Москвитянинѣ», 1855 г. № 23 и 24: 1) «*К. Н. Батюшковъ, критико-біографическій очеркъ*». Будучи скоро переведенъ въ Вологду, Н. Ф. написалъ нѣсколько статистическихъ работъ: 2) «*Движеніе народонаселенія вологодской губ.*», въ «Журналѣ М. Вн. Дѣлъ» за 1859 г., ч. XXXIV, кн. I; 3) *Сельско-хозяйственные очерки вологодской губ.*», въ Вологод. Губ. Вѣд. 1858 г. №№ 5—13 и 15—29 и «Рус. Дневникѣ» 1859 г. № 133-35; 4) «*Лѣсные промыслы вологодской губ.*» («Вѣстникъ Промышленности»); 5) «*Вологда въ началѣ XVII вѣка*», въ «Волог. Губ. Вѣд.» 1857 г. №№ 23—37; 6) «*Очерки мѣстностей и нравовъ вологод. губ.*» Ibid. № 5; 7) *Мелкія замѣтки въ «Волог. Губернскихъ Вѣдомостяхъ»*. За эти труды Н. Ф. былъ приглашенъ въ производители работъ вологодскаго губ. ст. комитета, оставаясь уѣзднымъ учителемъ.

Оживленіе, охватившее тогда всю Россію, коснулось и такихъ далекихъ угловъ, какъ Вологда. Приближалось освобожденіе крестьянъ. Николай Федоровичъ также былъ охваченъ общимъ увлеченіемъ и распространившемся въ то время стремленіемъ обличать. А обличать было что. Общественная же жизнь въ Вологдѣ, несмотря на незначительность города (16000 жителей), въ то время была велика (нельзя сказать развита): Вологда вмѣщала въ себѣ значительное число мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, проживавшихъ въ довольствѣ при крѣпостномъ правѣ. Къ обличеніямъ побуждало тогда и искреннее чувство, и соблазнительное значеніе обличителя. Н. Ф. обличалъ и въ корреспонденціяхъ, и въ повѣстяхъ. Повѣсти его 8) «*Село на югу*», во «Времени» 1861, № 5; 9) «*Городъ и деревня*». Ibid. № 11 и 12; 10) «*Мѣшалкины*», въ «Библ. д. Чт.» 1862 г., т. 170; 11) «*Наши браконьеры*», въ «Эпохѣ» 1864 г., № 12; 12) «*Озерской приходъ*», въ «Библ. д. Чт.» 1863 г.; 13) «*По дорогѣ*», въ «Рус. Сл.» 1862 г.; 14) «*Бѣсовское навожденіе*». Ibid. 1864 г., не имѣли значенія литературнаго, но нѣкоторыя изъ нихъ, рисуя живыхъ людей, которыхъ легко узнавали мѣстные жители, будучи написаны легко и живо, притомъ довольно ѣдко, производили въ Вологдѣ большое впечатлѣніе и вмѣстѣ съ корреспонденціями Н. Ф. вызвали гоненія на ихъ автора. Н. Ф. долженъ былъ оставить Вологду, былъ прикомандированъ къ учебному округу, и, въ ожиданіи обѣщаннаго мѣста въ Петрозаводскѣ, переѣхалъ въ Петербургъ. Обѣщанное Бунакову мѣсто однако не открылось. Тогда Н. Ф. рѣшился выйти въ отставку и заняться литературнымъ трудомъ. Въ это время Н. Ф. напечаталъ статьи: 15) «*Очеркъ народнаго образованія въ вологодской губ.*». (Ж. М. Н. Пр. за 1864 г. и въ «Памятной книжкѣ вологодской губ.» за 1865 г.), рецензіи въ журналѣ «Русская Сцена», за подписью *Эн—ковъ*, тамъ же большую статью; 16) «*Пріобрѣтенія нашего театра въ 1864 г.*»; 17) «*Дѣти на сценѣ*» («День», Аксакова за 1863 г.), вышеназванныя и др. повѣсти и

разсказы въ журналахъ «Время», «Свѣточъ», «Искра», потомъ въ «Воронежскомъ Телеграфѣ», подъ псевдонимами: *Н. Федоровичъ*, *Н. Свой*, *Колоколовъ*, *Эн—ковъ*. Къ концу 50-хъ и началу 60-хъ гг. относятся статьи и сообщенія: 18) *Два образчика изустнаго старорусскаго эпоса*. «Рус. Слово» 1859 г., № 1; 19) *Русское семейство, какъ выразилось оно въ народной поэзіи*. «Разсвѣтъ» 1860, № 5.

Пребываніе въ Петербургѣ повело къ знакомству Н. Ф. съ К. Д. Ушинскимъ, который тогда только что вернулся изъ Швейцаріи и напечаталъ свое знаменитое «Родное Слово» и съ Ѳ. Ѳ. Резенеромъ, руководившимъ въ то время безплатной школой для уличныхъ дѣтей, помѣщавшейся на Васильевскомъ о-вѣ. Эти знакомства, а также и съ нѣкоторыми другими лицами направили Н. Ф. опять къ его настоящему призванію—педагогической дѣятельности. Самъ Н. Ф. говоритъ: «Разговоры съ Ушинскимъ возбудили во мнѣ интересъ къ серьезнымъ занятіямъ педагогіей, къ изученію педагогической литературы, русской, которая въ то время была еще, однако, очень бѣдна, и иностранной, конечно преимущественно нѣмецкой. Но гораздо болѣе значенія для меня имѣло знакомство съ покойнымъ Ѳ. Ѳ. Резенеромъ. Резенеръ былъ мнѣ симпатичнѣе Ушинскаго... Ушинскій въ моихъ глазахъ былъ больше педагогомъ-книжникомъ, теоретикомъ, съ большими знаніями и любовью къ дѣлу, но не подагогомъ-дѣятелемъ. Извѣстно, что Ушинскій свои теоретическія воззрѣнія, напримѣръ, въ дѣлѣ обученія родному языку не самъ непосредственно примѣнялъ и провѣрялъ на практикѣ, а черезъ посредство своихъ, такъ сказать, учениковъ.

Не таковъ былъ Резенеръ. Онъ былъ по своимъ воззрѣніямъ педагогъ-радикалъ, неспособный ни къ какимъ примиреніямъ. Кромѣ того, при большой эрудиціи, онъ былъ педагогъ-дѣятель, больше любившій непосредственную жизненную работу въ школѣ или въ семьѣ, нежели работу теоретическую, кабинетную. Въ его безплатной школѣ было много своеобразнаго. Не говоря уже о томъ, что въ ней были собраны дѣти вольныя, какъ птицы,—въ дѣлѣ обученія не допускалось никакого насилія, никакой дисциплины, навязанной сверху; учителя должны были привлекать дѣтей къ ученію интересомъ самого знанія, имъ сообщаемаго; а дисциплина должна была исходить отъ самихъ дѣтей, постепенно вырабатываться сама собой и устанавливаться свободнымъ, сознательнымъ признаніемъ ея со стороны дѣтей, ее создающихъ. Памятно, что не только наградъ или наказаній, но даже похвалъ, порицаній и оцѣнки успѣховъ, съ цѣлью поощренія ихъ, не допускалось. Въ опредѣленный часъ всѣ дѣти, безъ различія въ успѣхахъ и поведеніи, получали завтракъ изъ чернаго хлѣба съ солью и водой. Учителя учили, пока дѣтей интересовало ученье и удерживало въ классѣ, а затѣмъ — они совершенно произвольно, не спросясь и ничего не дожидаясь, выскакивали въ окна. Бесѣды съ Резенеромъ перевернули всѣ мои понятія въ дѣлѣ учебно-воспитательномъ и представили мнѣ это дѣло совсѣмъ въ новомъ

свѣтѣ. Теперь это дѣло неодолимо тянуло меня къ себѣ. Нѣсколько уроковъ, данныхъ мною въ школѣ Резенера, окончательно утвердили меня въ рѣшеніи возвратиться къ этому дѣлу. Правда, что уроки мои были неудачны: минутъ 20—25 послушавъ меня, дѣти приближались къ окнамъ и выскакивали въ садъ; но я все-таки уходилъ изъ школы съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что теперь только понялъ, какъ надо учить, и съ ясною вѣрою, что я въ состояніи буду учить такъ, какъ должно».

Вліяніе на Н. Ф. названныхъ лицъ понятно. Ушинскій былъ крупнымъ талантомъ, оставившимъ глубокій слѣдъ въ русской педагогической литературѣ, и хотя онъ написалъ «Родное Слово» пользуясь, конечно, иностранными источниками, но такъ самостоятельно переработалъ чужую мысль, такъ талантливо придалъ своей книгѣ родную окраску, что всѣ послѣдующіе составители книгъ для чтенія въ большей или меньшей степени пользовались и пользуются его трудомъ, не исключая и новѣйшихъ. Н. Ф. прямо признаетъ это относительно себя. На «Родномъ Словѣ» были построены министерскія программы, и оно всюду рекомендовалось болѣе 20 лѣтъ. Много за Ушинскимъ числится и другихъ педагогическихъ заслугъ и трудовъ.

Резенеръ увлекалъ Н. Ф. своей преданностью дѣлу и горячностью. Занятія въ его школѣ не сдѣлали Бунакова практическимъ послѣдователемъ его теорій, не помѣшали признать впослѣдствіи особенно важною заботу о выработкѣ въ дѣтяхъ умѣнья управлять собою и необходимость помочь имъ въ этомъ, но они подѣйствовали возбуждающимъ образомъ, увлекли дѣломъ—таково вліяніе энергіи и живой, свободной работы.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ было временемъ лихорадочной педагогической дѣятельности и общаго увлеченія педагогическими вопросами, а у педагоговъ собственно рядомъ съ увлеченіемъ общими широкими идеями царило крайнее увлеченіе методикой, *пріемами* преподаванія—настолько педагогическое дѣло было невыработаннымъ. Но интересъ къ педагогическому дѣлу былъ общій, педагогическіе журналы читались и не педагогами по профессіи. Какъ велика была разница въ настроеніи общества сравнительно съ прежнимъ временемъ—видно уже по тому впечатлѣнію, которое было произведено статьями Пирогова «Вопросы жизни». Между тѣмъ тѣ же мысли о необходимости прежде всего воспитывать «человѣка», развивать его силы и дарованія («мы учимся, чтобы сдѣлаться способными къ дѣйствованію», «задача школы—дать воспитанникамъ волю и средства къ дальнѣйшему себя образованію» и т. д.) были горячо и очень опредѣленно высказаны еще въ 1833 г. въ «Педагогическомъ Журналѣ» Ободовскаго, Гугеля и Гурьева. Даже эпиграфъ статьи Пирогова очень сильно напоминаетъ одинъ изъ разговоровъ, помѣщенныхъ въ «Педагог. Журн.». Но въ 30-хъ годахъ «Пед. Журналъ» не читали, онъ погибъ черезъ $1^1/_2$ года. Его идеи «О высшихъ и низшихъ взглядахъ въ преподаваніи» не были услышаны.

Школа Резенера была вскорѣ закрыта, какъ и всѣ вообще безплатныя школы. Тогда Н. Ф. сталъ искать возможности болѣе прочно приложить свои силы къ практической педагогической дѣятельности. Случай скоро представился. Въ то время только что совершилось преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ обще-образовательныя военныя гимназіи. Тамъ кипѣла работа, тамъ искали и умѣли находить и привлекать къ себѣ хорошія силы, хотя дѣло не обходилось и безъ увлеченій. Н. Ф. рѣшилъ тамъ и вести работу, для чего выдержалъ экзаменъ на учителя русскаго языка и словесности въ военныхъ гимназіяхъ, такъ какъ не имѣлъ университетскаго диплома. Впечатлѣніе, произведенное имъ на экзаменахъ было таково, что Н. Ф. очень скоро получилъ мѣсто въ воронежской военной гимназіи, въ началѣ 1866 г.

Вскорѣ по пріѣздѣ Н. Ф. основалъ въ Воронежѣ (въ 1867 г.) частную начальную школу на новыхъ началахъ, которою и руководилъ 14 лѣтъ. Отчеты о дѣятельности школы онъ печаталъ въ разныхъ педагогическихъ журналахъ: «Педагогическомъ Сборникѣ», въ «Семьѣ и Школѣ», въ «Народной Школѣ», а со времени основанія «Русскаго Начальнаго Учителя»—въ послѣднемъ. Въ Воронежѣ Н. Ф. перешелъ постепенно къ исключительно педагогической дѣятельности, которой отдался всецѣло, чему способствовала и особенно сложившаяся семейная жизнь. Именно работа въ начальной школѣ дала основу правильному развитію педагогической дѣятельности Н. Ф., дала ей творческое направленіе, котораго не было прежде.

Начало его извѣстности было положено статьями по обученію грамотѣ, напечатанными въ 1871 г. въ «Семьѣ и Школѣ», а потомъ сейчасъ же вышедшими отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: 20) «*Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и начальными упражненіями въ родномъ языкѣ*» (Спб. 1871, 20-е изд. Спб. 1896) «*Азбука*» (изд. 59-е. Спб. 1896); 21) «*Первинка*», т.-е. первая книжка для чтенія (20-е изд. Спб. 1896). Значеніе труда Н. Ф. заключалось въ томъ, что это былъ первый обстоятельный трудъ, на практикѣ выработанный русскимъ человѣкомъ, понимающимъ натуру русскаго ребенка. Написанъ онъ по аналитико-синтетической звуковой методѣ, т.-е. въ немъ совѣтуется при обученіи грамотѣ сперва научить дѣтей разлагать слова на части (слоги), а послѣднія на звуки (звуковой анализъ), а потомъ сочетать эти звуки въ новыя слова (синтезъ). Важная особенность книги Бунакова—онъ настаиваетъ на необходимости начинать какъ можно скорѣе чтеніе не только отдѣльныхъ словъ, но цѣлыхъ фразъ, почему въ «Первинкѣ» дается матеріалъ для чтенія дѣтямъ, знающимъ еще не весь алфавитъ, а только 12 буквъ. Въ трудномъ дѣлѣ обученія грамотѣ весьма важное значеніе имѣютъ пріемы обученія. Вотъ что говоритъ о пріемахъ Бунакова одинъ изъ первыхъ его рецензентовъ священникъ Масловъ (Ж. М. Нар. Пр. за 1872 г., № 8): «Руководство Бунакова имѣетъ такія черты, которыми легко можетъ воспользоваться учитель сельской школы въ интересахъ самаго дѣла»,

а г. Миропольскій въ 1874 г. въ «Руководствѣ къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ» (т. II, стр. 483) говоритъ: «Какъ образецъ, можно указать на пріемъ, какой употребляетъ г. Бунаковъ въ этомъ случаѣ» (звуковой анализъ), а послѣ описанія пріема прибавляетъ: «Въ этомъ пріемѣ поражаетъ прежде всего его *простота*, естественность, можно сказать, безъискусственная, но потому и вполнѣ педагогическая; затѣмъ останавливаетъ васъ *ясность* какъ хода самаго анализа, такъ и добытаго имъ результата; при этомъ послѣдній полученъ учениками не только самостоятельно, но и съ живымъ интересомъ». Книга Ушинскаго, какъ сказано, предшествовала книгѣ Бунакова и даже была, по словамъ самого Н. Ф., лично слышаннымъ нами отъ него, болѣе талантлива, но не затмила книги Бунакова, потому что первая не основывалась на непосредственныхъ наблюденіяхъ и была написана для городскихъ дѣтей, а не сельскихъ. Въ этомъ же направленіи и также раньше (1860 г.) было написано руководство къ обученію грамотѣ Паульсономъ; но пріемы послѣдняго гораздо менѣе удачны, обставлены массой мелочныхъ требованій, которыя не нравятся русскимъ, и языкъ г. Паульсона часто страдалъ нѣмецкимъ складомъ. Существовали раньше также руководства къ обученію грамотѣ по звуковому способу, но въ иной формѣ—исключительно синтетической или исключительно аналитической, болѣе одностороннія. Вотъ почему книга Бунакова обратила на себя большое вниманіе. Раньше же всѣхъ (въ 1834 г.) было издано руководство къ обученію грамотѣ по аналитическому—звуковому методу: «Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ». Издалъ ее Е. Гугель (инспекторъ классовъ гатчинскаго института) 1834 г. Гугель говоритъ, что по этой методѣ въ недѣлю успѣвалъ научить дѣтей читать и «можетъ быть скоро съ удивленіемъ спросятъ, писалъ онъ, какъ возможно было въ продолженіе столь долгаго времени убивать цѣлые годы, чтобы выучиться читать, и никто не оправдаетъ тогда упрямаго слѣпотствованія прежнихъ нашихъ учителей». Но книга Гугеля была забыта. С. Миропольскій, писавшій вышеупомянутый историческій очеркъ методовъ обученія грамотѣ, не упоминаотъ о ней; только Паульсонъ въ 1887 г. говоритъ о ней.

Извѣстность Н. Ф. расширилась когда въ 1872 г. въ Москвѣ была устроена политехническая выставка, на которой былъ и учебный отдѣлъ. Завѣдывалъ имъ тогдашній начальникъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковъ, согласившійся устроить всероссійскій съѣздъ народныхъ учителей, для которыхъ были устроены и лекціи по методикѣ предметовъ начальнаго обученія. Намѣченный лекторъ по русскому языку отказался за мѣсяцъ до открытія съѣзда. Тогда лекціи предложено было читать Н. Ф. Онъ настолько былъ подготовленъ къ дѣлу, что и въ это короткое время успѣлъ вполнѣ приготовиться къ лекціямъ. На лекціи собиралось 600 и болѣе учащихъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи; лекціи Н. Ф. видимо нравились. Въ 1873 г. онѣ были изданы той же редакціей «Семьи и Школы» подъ названіемъ 22) «*Родной языкъ, какъ предметъ обу-*

ченія въ народной школѣ». (Изд. 11-е. Спб. 1891). Такимъ образомъ ихъ узнали и не бывшіе на съѣздѣ. Этотъ трудъ Бунакова окончательно укрѣпилъ за авторомъ почетное имя. Въ немъ онъ даетъ очень обстоятельное изложеніе послѣдовательнаго хода занятій въ начальной школѣ роднымъ языкомъ, основанныхъ на наглядномъ обученіи; не только знакомитъ съ сущностью каждаго рода работъ по языку, но и разъясняетъ ихъ воспитательное значеніе, а также даетъ историческій очеркъ развитія методовъ обученія.

Начавъ руководить съ 1873 г. съѣздами народныхъ учителей, устраивавшимися для ознакомленія учащихъ съ методами преподаванія, для обсужденія вопросовъ школьнаго дѣла и пополненія знаній учащихъ, Н. Ф. Бунаковъ въ 1874 г. издалъ свои чтенія, какъ руководителя съѣздовъ, отдѣльной книгой подъ названіемъ 23) *«Школьное дѣло»* (2-е изд. Спб. 1886). Въ ней трактуется объ отношеніи школы къ физическому воспитанію, къ нравственному воспитанію, излагаются общія основанія дидактики, а потомъ отдѣльные статьи: наглядное обученіе, обученіе грамотѣ, объяснительное чтеніе, письменныя работы, грамматика, ариѳметика и геометрія. Послѣднія главы посвящены историко-біографическимъ статьямъ о шести важнѣйшихъ педагогахъ. Книга хорошо написана, очень доступно для малоподготовленныхъ лицъ, но въ тоже время очень обстоятельно.

Въ это же время, въ 1873 г., Бунаковымъ былъ изданъ 24) *«Концентрическій учебникъ русской грамматики»* (3-е изд. Спб. 1891). Содержаніе книги видно изъ заглавія; она была принята сочувственно, какъ ясно изложенный и строго выдержанный курсъ. Матеріалъ для чтенія учащихся въ начальной школѣ вскорѣ (1876 г.) былъ данъ Бунаковымъ хрестоматіей 25) *«Въ школѣ и дома»* (изд. 28-е. Спб. 1894). Статьи хрестоматіи расположены въ 5 кругахъ, выбраны хорошо и даютъ основу для самыхъ разнообразныхъ работъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній назначена 26) *«Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности»*.

Названные нами учебно-педагогическіе труды Бунакова, изданные въ очень короткое, сравнительно, время, охватываютъ собою полный курсъ начальной русской школы (одноклассной и даже двуклассной — по русскому языку). Всѣ они отличаются одинаковыми достоинствами: сочувственнымъ отношеніемъ къ школѣ и народному образованію, разумностью взглядовъ, ясностью, простотою и основательностью изложенія. Недостатокъ ихъ — нѣкоторая суховатость. Въ трудахъ Бунакова, написанныхъ хорошимъ языкомъ, видна начитанность, тщательная работа; ихъ нельзя назвать открывающими новые пути въ педагогическомъ дѣлѣ, но они даютъ *самостоятельно разработанный* на непосредственной практикѣ въ *русской* школѣ и строго обдуманный матеріалъ, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Бунаковъ первый съ такою полнотою разработалъ русское «школьное дѣло». — Вотъ почему его труды обратили на себя вниманіе и получили широкое распространеніе.

Вскорѣ послѣ московской выставки 1872 г. Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, увлекавшимся тогда по преимуществу педагогическими вопросами, было предложено сравнить на практикѣ выработанные имъ (Толстымъ) въ Яснополянской школѣ пріемы обученія грамотѣ (въ сущности по старому буквослагательному способу) съ обученіемъ грамотѣ по звуковому способу. Опытъ сравненія былъ сдѣланъ, но изъ него ничего не вышло, кромѣ раздоровъ. Послѣ того въ 1874 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ», Толстой напечаталъ извѣстную статью «О народномъ образованіи». Такъ какъ на съѣздѣ въ Москвѣ первую роль играли Евтушевскій и Бунаковъ, то на нихъ главнымъ образомъ и ополчился графъ Толстой, олицетворяя въ нихъ тѣ пріемы и недостатки веденія дѣла, которые уничтожали, по его мнѣнію, значеніе земской школы. Евтушевскій отвѣчалъ особой брошюрой, но неудачно. Бунаковъ отвѣтилъ коротко 27) *Письмомъ къ редактору «Семьи и Школы»*. Отвѣтъ его значительно сильнѣе отвѣта Евтушевскаго, написанъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ, но больше pro domo sua, мало касаясь общихъ идей Толстого, въ которыхъ заключалась главная сила статьи.

Статья гр. Л. Толстого, какъ извѣстно, произвела громадное впечатлѣніе. Но предложенія учить народъ только тому, чего онъ самъ желаетъ, отказаться отъ стремленія руководить воспитаніемъ дѣтей, чтобы ихъ не портить, на практикѣ не были ли равносильны оставленію народа въ томъ же невѣжествѣ, какъ и прежде? Какъ могъ народъ требовать обученія тому, чего онъ самъ не зналъ? Къ чему могло привести одно умѣнье читать? И вотъ почему теоретически вѣрная мысль Толстого на общую постановку дѣла народнаго образованія вліянія не оказала. Въ частности, по отношенію къ Бунакову, результаты статьи были совершенно обратны тѣмъ, которыхъ можно было бы ожидать. Извѣстность Бунакова (и Евтушевскаго) возросла, его книги получили гораздо большее распространеніе, а земства чаще стали приглашать Н. Ѳ. руководить съѣздами учителей. Бунаковъ руководилъ съѣздами въ Костромѣ, въ Херсонѣ, въ Псковѣ, въ Нижне-Тагильскѣ, въ Великихъ Лукахъ, въ Ирбитѣ, въ Шадринскѣ, да еще отъ многихъ предложеній онъ отказался. Комитетъ Грамотности, состоявшій при Импер. В. Экон. Обществѣ, въ 1882 г. присудилъ Н. Ѳ. золотую медаль за его дѣятельность на пользу русской народной школы. Слѣдуетъ однако замѣтить, что нападки гр. Толстого, хотя и не измѣнили характера дѣятельности Бунакова и другихъ педагоговъ заставили ихъ, тѣмъ не менѣе, отрезвиться отъ господствовавшаго крайняго увлеченія методическими пріемами. Относительно себя Н. Ѳ. прямо признавалъ это.

За этотъ періодъ времени Н. Ѳ., кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ, были напечатаны: 28) *Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ*" (Спб. 1880. Изд. 3-ье 1885). 29) *„Руководство къ книгѣ для чтенія „Въ школѣ и дома"* (Спб. 1886. 2-е изд. Спб. 1890), рядъ статей въ педагогическихъ журналахъ (въ „Учителѣ" Паульсона, въ „Педагоги-

ческомъ Сборникѣ" ред. Веселя, въ „Семьѣ и Школѣ" ред. Симашко, въ журналѣ „Дѣтскій Садъ". Въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ" (съ 1881 г.) Бунакову принадлежатъ почти всѣ рецензіи книгъ по русскому языку и нѣкоторыхъ др., а также обзоръ руководствъ по обученію русской грамотѣ, азбукѣ и книжекъ для первоначальнаго чтенія" и др. Въ томъ же журналѣ имъ напечатаны рядъ статей о педагогахъ (напр. Песталоцци, Ушинскомъ, Коменскомъ) и многіе „Очерки школьнаго дѣла". Въ „Филологическихъ Запискахъ" изд. въ Воронежѣ, Бунаковъ напечаталъ: 30) *„Мнѣніе о преподаваніи русскаго языка и словесности въ военныхъ гимназіяхъ"*, 1866. 31) *„Басни Крылова, какъ нравственно-педаг. матеріалъ"* 1868. № 5, 32) въ 1871 *переводъ ст. Головацкаго: Первое научно-лит. движеніе у Русиновъ*, 33) *„Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ нѣмецкой литературѣ по языкознанію и педагогикѣ"* 1866. IV — V. 34) *„Огородничество въ Костромской губ."* и 35) *„Свѣдѣнія о состояніи сельскихъ школъ Костромской губ."*—въ „Матеріалахъ для статистики Костромской губ." вып. 3-й. 1875 г., 36) *„Народное образованіе въ Воронежской губ."* — въ „Воронежскомъ Телеграфѣ" за 1869 г. За это же время Н. Ѳ. съ благотворительными цѣлями читалъ въ Воронежѣ публичныя лекціи о Пушкинѣ, о Некрасовѣ, о Тургеневѣ, о Кольцовѣ, объ идеалахъ московскаго государства, о современномъ взглядѣ на искусство, о практическомъ значеніи поэзіи, о Никитинѣ, о Руссо, Песталоцци и Фребелѣ. За свои статистическіе труды Бунаковъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ статистическихъ комитетовъ: Вологодскаго (въ 1861 г.), Воронежскаго (въ 1866 г.), Костромскаго (въ 1874 г.).

Въ 1879 г. Н. Ѳ. серьезно заболѣлъ, вышелъ въ отставку получивъ пенсію и долженъ былъ заняться леченіемъ. Оправившись, Бунаковъ въ 1884 г. переселился въ с. Петино воронежскаго у., верстахъ въ десяти отъ губернскаго города. Въ селѣ было около 1000 жителей, но грамотныхъ всего 2—3 человѣка. Бунаковъ купилъ себѣ участокъ земли и рѣшилъ основать школу. На свой счетъ построилъ онъ домъ для школы, мѣстное земство согласилось платить жалованье учителю. Н. Ѳ. самъ круглый годъ живетъ въ селѣ и постоянно работаетъ въ школѣ, уѣзжая по дѣламъ своихъ изданій разъ или два въ годъ не болѣе какъ на мѣсяцъ. Прежнюю школу въ Воронежѣ онъ сдалъ въ другія руки. Бунаковъ, не только устроилъ школу, но стремился путемъ школы воздѣйствовать и на взрослое населеніе; онъ старался привлечь сочувствіе жителей къ школѣ, познакомить ихъ съ лучшимъ складомъ жизни. Съ этою цѣлью онъ приглашалъ жителей въ школу при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, устраивалъ постоянно (разъ или два въ недѣлю) чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и живыя картины, на которыя приглашались и родители учащихся, постепенно пришелъ къ устройству народнаго театра, вѣроятно перваго народнаго театра, въ которомъ актерами были все молодые крестьяне, большею частью бывшіе ученики школы, и даже одна неграмотная дѣвушка. Въ настоящее время Бунаковымъ построено отдѣльное зданіе для театра. Когда наступилъ голодный 1891 годъ (воронежская губернія одна изъ наиболѣе пострадавшихъ), Н. Ѳ. горячо взялся за устройство мѣстнаго попечительства, еще съ осени, и въ результатѣ вышло, что попечительство доставило все необходимое всѣмъ нуждавшимся: помогло прокормиться, засѣять во-время поля, сохранить лошадей, да притомъ крестьяне большую часть ссуды

уже отработали (были устроены общественныя работы, доставившія хорошую дорогу — спускъ къ рѣкѣ, необходимые колодцы, общественную баню).

Не сразу сталъ писать Бунаковъ о деревнѣ и своихъ работахъ въ деревенской школѣ, только съ 1889 г. онъ началъ печатать свои наблюденія. Они весьма интересны и обратили на себя вниманіе. Въ нихъ Н. Ѳ. совершенно освободился отъ прежняго, указаннаго нами недостатка—нѣкоторой сухости; напротивъ, рѣчь его дѣлается образной: видно, что онъ говоритъ о дѣлѣ, которое ему всего дороже. Бунаковъ первый изъ вполнѣ и разносторонне подготовленныхъ педагоговъ сталъ непосредственно работать въ народной школѣ, а не только изучать ее какъ посѣтитель, если, конечно, не считать гр. Толстого, который не былъ профессіональнымъ педагогомъ. С. А. Рачинскій также раньше Бунакова сталъ преподавать въ сельской школѣ, но онъ былъ много лѣтъ профессоромъ, а профессорство не научаетъ точно судить о томъ, какъ воспринимается слушателями читаемое и отъ элементарныхъ объясненій отучаетъ. Этотъ-то высокій уровень прежней дѣятельности и отсутствіе предварительной педагогической подготовки какъ графа Толстого, такъ и С. А. Рачинскаго склонили ихъ къ преувеличенной оцѣнкѣ ихъ собственныхъ опытовъ, къ признанію за этими опытами не только личнаго и мѣстнаго успѣха и значенія, но общаго и *единственно* правильнаго. Личный элементъ, вносимый ими въ свои школы, они оба приняли за истинно-народный и даже обще-народный, хотя воззрѣнія того и другого сильно различны между собою [1]). Бунаковъ же видѣлъ школу въ разныхъ концахъ Россіи, имѣлъ огромную переписку съ дѣятелями народной школы, не бывшими его учениками, слѣдовательно не смотрѣвшихъ на дѣло его глазами, очень много лѣтъ самъ практиковалъ въ низшихъ и среднихъ школахъ и спеціально по начальному обученію и только послѣ того поселился въ деревнѣ и сталъ заниматься въ сельской школѣ лично. Поэтому-то его наблюденія лучше провѣрены и болѣе безпристрастныя — въ этомъ его большое преимущество.

Съ 1884 г. Н. Ѳ. написаны вновь: 37) *„О школахъ грамотности въ народѣ“* (по матеріаламъ, собраннымъ Спб. Комитетомъ Грамотности) въ 1885 г. (Русскій Нач. Уч. и отдѣльное изданіе), 38) *„Двадцать отдѣльныхъ таблицъ для обученія грамотѣ безъ книгъ“* (отдѣльное изданіе), 39) *„Дневникъ народной общеобразовательной школы“* (отд. изд.), 40) *„Школьный годъ“* 1886 г. (отд. изд.), 41) *„Русская подвижная школа“*, воскресные повторительные курсы и съѣзды народныхъ учителей. (отд. изд.) 42) *„Народныя былины о богатыряхъ“*. Чтеніе для народа и народныхъ школъ съ объяснительнымъ словомъ и примѣчаніями. (Въ Рус. Нач. Уч. и отд. изд.), 43) *Дешевое изданіе* для народно-учебныхъ сочиненій *Пушкина* съ объяснительнымъ словомъ и примѣчаніями, въ 2 вып. (въ Рус. Нач. Уч. и отд. изд.), 44) Такое же изданіе сочиненій *Лермонтова* и 45) изданіе соч. *Кольцова*, а главное 46) *рядъ ста-*

---

[1]) Любопытно, что въ Ж. М. Н. Пр. за 1891 г. инспекторомъ Вахтеровымъ помѣщена статья, которая приводитъ документальныя доказательства существованія въ народѣ взглядовъ несоотвѣтствующихъ тому, что утверждаетъ Рачинскій, хотя касается мѣстностей весьма близкихъ къ тѣмъ, гдѣ дѣйствуетъ С. А.

тей въ „Русскомъ Нач. Учитель“ подъ общимъ заглавіемъ: *„Сельская школа и народная жизнь“*, въ которыхъ Бунаковъ говоритъ: 1) объ устройствѣ своей школы, 2) объ отношеніяхъ школы къ населенію, 3) о преподаваніи родного языка, 4) ариеметики, 5) о письменныхъ работахъ учащихся, 6) о распредѣленіи занятій въ теченіе года, 7) объ экзаменахъ, 8) объ устроенномъ имъ народномъ театрѣ, 9) объ итогахъ и урокахъ голоднаго года, 10) о крестьянствѣ и крестьянской школѣ на мѣстной выставкѣ, 11) о десятилѣтнемъ юбилеѣ сельской школы. Бунаковъ помѣстилъ кромѣ того въ томъ же Рус. Нач. Учителѣ, статьи о 25-тилѣтіи земской дѣятельности по народному образованію и др.

Лѣтомъ 1896 г. Н. Ѳ. прочелъ лекцію для народныхъ учителей объ Ушинскомъ во время Нижегородской выставки. Для народнаго театра нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ построилъ особое зданіе, стремясь внести новые образовательные и облагораживающіе элементы въ жизнь сельскаго населенія. Имъ устроены также вокально-музыкальные вечера въ зданіи театра.

Когда исполнилось 10 лѣтъ дѣятельности школы, Н. Ѳ. задумалъ провѣрить результаты этой дѣятельности и потому рѣшилъ устроить въ школѣ праздество, пригласивъ на него мѣстныхъ жителей, и предложилъ бывшимъ ученикамъ и ученицамъ школы подвергнуться испытанію въ знаніи ими пройденнаго въ школѣ. Довольно равнодушное отношеніе населенія къ празднику школы сильно огорчило Н. Ѳ.: онъ ожидалъ иного; не всѣ окончившіе курсъ пришли на испытанія, да по жизненнымъ условіямъ не всѣ, конечно, были въ то время въ деревнѣ. По нашему мнѣнію подобныя испытанія, напротивъ, всегда доказываютъ глубокое уваженіе народа къ знанію, если это уваженіе побѣждаетъ естественное смущеніе, вызываемое публичнымъ испытаніемъ взрослыхъ въ давно пройденномъ курсѣ. Достаточно каждому изъ насъ представить себя въ такомъ положеніи, чтобы подивиться тому, съ какою готовностью соглашаются въ большинствѣ случаевъ бывшіе питомцы народной школы становиться въ подобное положеніе, хотя въ то же время сильно конфузятся.

Результаты испытанія у Н. Ѳ., какъ и въ другихъ мѣстахъ, доказали что грамотность, данная школой, крѣпко держится и любовь къ чтенію сохраняется. Нѣсколько слабѣе были отвѣты по закону Божію, еще нѣсколько слабѣе по ариеметикѣ. Оказывается, что жизнь сельская еще настолько скудна, что многимъ умноженія и дѣленія почти не приходилось дѣлать.

Когда прошло первое непріятное впечатлѣніе и Н. Ѳ. вспомнилъ, что́ нашелъ онъ въ селѣ, когда тамъ поселился, онъ снова началъ бодро работать, развивая свое дѣло. Въ 10 только лѣтъ нельзя еще пробудить отъ вѣковаго сна тѣхъ, кто и не учился никогда.

Н. Ѳ. такъ дѣятельно проводитъ жизнь, такъ серьезно работаетъ на избранномъ поприщѣ, такъ много успѣлъ сдѣлать полезнаго, что имя его занимаетъ видное положеніе въ исторіи народнаго образованія въ Россіи.

В. Латышевъ.

Дружининъ, Александръ Васильевичъ, беллетристъ и критикъ. Странное положеніе занимаетъ Д. въ ряду русскихъ писателей. Съ одной стороны, онъ безспорно принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся именамъ новѣйшей русской литературы. Если рѣчь идетъ о лучшихъ представителяхъ русской критики, то рядомъ съ Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ и Писаревымъ всегда упоминаютъ и о Дружининѣ. Если рѣчь идетъ о знаменитой плеядѣ сороковыхъ годовъ, то опять таки рядомъ съ именами Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Григоровича, всегда называется и имя Дружинина. Виднѣйшіе люди прошлаго поколѣнія отзывались о немъ крайне сочувственно и придавали большое значеніе его литературнымъ дарованіямъ. Бѣлинскій напр., весьма лестно отозвавшійся о первой повѣсти Дружинина—«Полинька Саксъ»,—отзывался въ письмѣ къ Боткину о второмъ его произведеніи («Разсказъ Алексѣя Дмитрича») въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую—чудо. Тридцать лѣтъ разницы отъ «Полиньки Саксъ». Онъ будетъ для женщинъ то же, что Герценъ для мужчинъ» [1]). По поводу статей Дружинина, посвященныхъ разбору перваго собранія сочиненій Тургенева (1857), послѣдній писалъ своему критику: «Вчера я прочелъ Вашу статью обо мнѣ въ № 2 «Библ. д. Чт.» Какъ мнѣ ни неловко говорить о ней, потому что дѣло идетъ о собственной моей особѣ—не могу скрыть, что статья показалась мнѣ превосходной. Вы вложили перстъ въ язву—и я самъ увидѣлъ свою физіономію какъ въ зеркалѣ (только черезъ-чуръ снисходительномъ). То, что Вы говорите по поводу Колосова—поразило меня: c'est de la divination (извините французскую фразу) — и тѣже самыя мысли давно смутно вертѣлись въ моей головѣ. Если я еще буду писать — повѣрьте, эта критика была для меня драгоцѣнно-полезна» [2]). Тонкій эстетикъ и литературный цѣнитель—Василій Боткинъ въ своей перепискѣ съ Дружининымъ [3]) постоянно шлетъ ему самые задушевные и самые лестные отзывы о его умѣ, образованіи, критическомъ талантѣ и эстетическомъ чутьѣ.

Если мы обратимся даже къ отзывамъ тѣхъ изъ современниковъ Дружинина, которые находились въ открытой литературной враждѣ съ нимъ, то и тутъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно почтительнымъ отношеніемъ къ автору «Полиньки Сокс» и «Писемъ иногородняго подписчика». Такъ напр. Аполлонъ Григорьевъ, въ качествѣ главнаго вдохновителя «молодой редакціи» «Москвитянина» постоянно и ожесточенно полемизировавшій съ дѣятелями «Современника», о Дружининѣ, тѣмъ не менѣе, отзывался какъ о «самомъ образованномъ и самомъ умномъ изъ современныхъ (1853) критиковъ» [4]).

---

[1]) *Пыпинъ*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1876 г. т. II, стр. 324.

[2]) *Тургеневъ*, Первое собраніе писемъ. (Спб. 1885 г.) стр. 49.

[3]) XXV лѣтъ. Сборникъ общ. для пособія нуждающимся литераторомъ и ученымъ. Стр. 481—508.

[4]) *Григорьевъ*, Аполлонъ, Сочиненія т. I, стр. 60.

Мнѣніе Григорьева о Дружининѣ можно назвать общимъ мнѣніемъ о послѣднемъ для всего промежутка (1848—55), отдѣляющаго смерть Бѣлинскаго отъ начала дѣятельности Добролюбова и Чернышевскаго. Все это время Дружининъ занималъ мѣсто «перваго критика» и давалъ тонъ лучшей части журналистики.

И тѣмъ не менѣе Дружининъ очень скоро перешелъ въ разрядъ мало или почти никѣмъ не читаемыхъ авторовъ, извѣстныхъ исключительно по преданію. Въ настоящее время онъ несомнѣнно «забытый талантъ», какъ назвалъ его проф. А. И. Кирпичниковъ въ своей статьѣ [1]), посвященной Дружинину какъ фельетонисту. По свидѣтельству г. Кирпичникова, замѣчательно дешевое собраніе сочиненій Дружинина (8 томовъ по 50 листовъ чрезвычайно убористой печати стоятъ всего только 10 р.) заваливаютъ полки букинистовъ, совсѣмъ новые, неразрѣзанные экземпляры отдаются за половинную цѣну и тѣмъ не менѣе не находится охотниковъ.

Проф. Кирпичниковъ негодуетъ на такое отношеніе публики къ нѣкогда весьма извѣстному писателю и фаталистически объясняетъ эту холодность тѣмъ, что habent fata sua libelli! Мы совершенно несогласны съ почтеннымъ профессоромъ и полагаемъ, что въ безвозвратномъ забвеніи, которому подвергся Дружининъ ничего фаталистическаго нѣтъ. Мы даже полагаемъ, что успѣхъ и вліяніе, которымъ пользовался Дружининъ въ тѣ нѣсколько лѣтъ, когда онъ занялъ мѣсто «перваго критика» можетъ служить только отрицательною характеристикою любопытнаго и малоизслѣдованнаго промежутка, который отдѣляетъ Бѣлинскаго отъ Добролюбова. Дружининъ совсѣмъ не дюжинная фигура въ исторіи русской критики, у него дѣйствительно много было вкуса и эстетическаго пониманія, но всѣ эти качества свои онъ развернулъ отнюдь не въ годы своего вліянія, а тогда, когда оно кончилось и когда пришлось вступить въ борьбу съ бравшими верхъ новыми литературными теченіями.

Можно, конечно, задаться еще вопросомъ: почему же о Дружининѣ не вспомнили тогда, когда безусловное господство новыхъ теченій ослабѣло? Вышелъ же теперь изъ забвенія Аполлонъ Григорьевъ, котораго нѣкогда тоже совсѣмъ оттерли. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, все-таки нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ бы то ни было фаталистическимъ объясненіямъ. Отвѣтъ кроется въ разсмотрѣніи основныхъ качествъ литературнаго дарованія и темперамента Дружинина.

I.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о Дружининѣ какъ о человѣкѣ. Правда, біографическій матеріалъ для того скуденъ [2]), но общіе контуры личной жизни «Иногороднаго подписчика» все-таки достаточно вырисовываются и изъ этого

---

[1]) „Истор. Вѣст.“ 1884 г. № 4.

[2]) *Біографическія и критическія статьи о Дружининѣ:* 1) Некрологи, появившіеся въ газетахъ и журналахъ послѣ его смерти: „Голосъ“ 1864 г. № 26 и 33.

матеріала. Александръ Васильевичъ Дружининъ родился въ Петербургѣ 8 октября 1824 года. Будучи сыномъ состоятельныхъ и чиновныхъ родителей, онъ съ раннихъ лѣтъ пріобрѣлъ прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ и ту благовоспитанность, которая составляла основную черту не только личнаго характера Дружинина, но и всей литературной дѣятельности его. Чинная обстановка, среди которой прошло дѣтство и отрочество будущаго поклонника англійскаго cant, на всю жизнь наложила на него печать свѣтскаго человѣка, сказывавшуюся какъ въ щеголеватой, «сдержанной и даже нѣсколько принужденной» внѣшности его, такъ и въ литературной бонтонности его, чуждой какихъ бы то ни было крайностей, въ ту или другую сторону. Среда, давшая Дружинину первыя житейскія впечатлѣнія, была не столько аристократическая, какъ писали въ некрологахъ его, сколько именно чинная. Отецъ Дружинина по происхожденію ничего особеннаго собою не представлялъ, а лично создалъ себѣ довольно видное положеніе въ качествѣ завѣдывающаго почтовою частью. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, онъ прилагалъ особенныя старанія, чтобы придать «тонъ» своему дому и можетъ быть въ этомъ надо искать одну изъ причинъ нетолько внѣшняго, но и внутренняго дэндизма Дружинина.

---

2) „Москов. Вѣд.“ 1864 г. № 17; 3) „С. Пет. Вѣд.“ 1864 г. № 14. 4) „Библ. д. Чт.“ 1864 г. № 1. 5) *Н. А.* (Некрасовъ) въ „Современ.“ 1864 г. № 1. (Воспроизведено при 8 т. соч. Дружинина). 6) „Отеч. Зап.“ 1864 г. № 1. 7) „Рус. Худож. Листокъ“ 1859 г. № 14. съ портретомъ. 8) Воспоминанія *М. Н. Лонгинова*, приложенныя къ 8 т. Сочиненій Дружинина 9) Портретная галлерея Мюнстера. Съ портр. Статья писана *М. Д. Хмыровымъ*. 10) Рѣчь *Тургенева* въ память Дружинина, читанная въ литературномъ фондѣ въ 1864 г. напеч. въ „Рус. Инвалидѣ“ 1874 г. № 40, также въ „Биб. д. Чт.“ 1864 г. № 1. Въ собраніе сочиненій Тургенева не вошла. 11) Краткія справочныя свѣдѣнія въ словаряхъ Толя, Березина, Геннади. 12) *А. В. Старчевскій*, въ „Наблюдателѣ“ 1885 г. № 4—6. 13) *В. П. Гаевскій*, въ сборникѣ литерат. фонда „XXV лѣтъ“. 14) *Григоровичъ*, Д. В., Воспоминанія „Рус. Мысль“ 1893 г. № 1 и „Сочиненія“ изд. 1896. 15) *С. Венгеровъ*, въ „Энц. Слов.“ Брокгауза-Ефрона и въ „Вѣст. Евр.“ 1895 г., № 1 и 2. (Послѣдняя статья воспроизводится здѣсь въ значительно дополненномъ видѣ). 16) *А. Скабичевскій*, Исторія новѣйшей рус. литературы. Двѣ страницы, посвященныя здѣсь Дружинину, написаны съ совершенно непонятною небрежностью и съ полнымъ игнорированіемъ всего, что было замѣчательнаго въ дѣятельности Дружинина. 17) Характеристикѣ фельетоновъ Дружинина посвящена статья *А. И. Кирпичникова* въ „Истор. Вѣст.“ 1884 г. № 4, и въ его „Очеркахъ по исторіи новой рус. литературы“ Спб. 1896 г. 18) *Н. Гербель*, Русскіе поэты. 19) *П. П.* въ „Живоп. Обозр.“ 1884 г., стр. 257—258. Съ портр. 20) *Головачева-Панаева*, Воспоминанія (крайне недостовѣрны). 21) *А. П. Милюковъ*, въ „Рус. Ст.“ 1880 г., т. XXVII, стр. 853—866, статья „Къ портрету шести рус. литераторовъ“. 22) *Ахматова*, Знакомство съ А. В. Дружининымъ. „Рус. Мысль“ 1891 г., № 12. 23) *Ровинскій*, Словарь гравиров. портретовъ. 24) „Рус. Мысль“ 1892 г., № 10, ст. „Изъ литер. переписки Кавелина“, стр. 14. 25) „Вѣст. Евр.“ 1894, № 2, ст. „Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ“ стр. 489—490. 26) *П. Быковъ* во „Всем. Ил.“ 1889 г., т. XLI, стр. 79—80 и въ „Нивѣ“ 1889 г., № 8. Съ портр. 27) *Волынскій*, въ „Сѣв. Вѣст.“ 1893 г, № 10, стр. 141—144 и отд. „Рус. Критики“. 28) *Ливенцовъ*, Алек. Вас.

Вплоть до 16 лѣтъ Дружининъ воспитывался дома, а затѣмъ былъ отданъ въ самое аристократическое учебное заведеніе Петербурга—Пажескій корпусъ. Здѣсь впервые сказались литературныя дарованія его: онъ сдѣлался присяжнымъ поставщикомъ «сочиненій» для менѣе одаренныхъ писательскими способностями кадетъ, а кромѣ того пописывалъ юмористическіе стихи на разные случаи школьной жизни.

Въ 1843 г. Дружининъ, 19-лѣтнимъ юношей, былъ выпущенъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, гдѣ уже служили два старшихъ брата его и гдѣ онъ близко сошелся съ извѣстнымъ жанристомъ Ѳедотовымъ, о которомъ впослѣдствіи написалъ обстоятельный біографическій этюдъ. При всей своей наружной сдержанности, будучи человѣкомъ привлекательныхъ личныхъ качествъ, Дружининъ былъ очень любимъ товарищами и долженъ былъ бы чувствовать себя хорошо въ такой дружеской атмосферѣ. Тѣмъ не менѣе, полковая жизнь совершенно не удовлетворяла молодого гвардейца, въ которомъ усиленное чтеніе, составлявшее главное времяпрепровожденіе его еще съ дѣтства, поселило стремленія къ иной дѣятельности. Черезъ 3 года онъ выходитъ въ от-

---

Дружининъ, „Рус. Ст." 1887 г., т. 54, № 6, стр. 739—60. 29) „Нов. Вр." 1889 г., № 4681. 30) *Н. Юшковъ* въ „Волж. Вѣст." 1889 г., № 17. 31) „Истор. Вѣст." 1888 г., № 1. 32) „Кіев. Телегр." 1866 г., № 73. (Неиздан. стихотв. Дружинина).

Отзывы о литер. дѣятельности Дружинина:

О „*Полинькѣ Саксъ*": 1) *Анненковъ*, т. II, стр. 38—40 и въ „Современ." 1849 г., т. XIII; 2) *Бѣлинскій*, въ „Современ." 1846 г, т. VIII и сочиненія, т. XII ст. „Взглядъ на рус. лит. 1847 г.

О „*Разсказъ Алексѣя Дмитріевича*": *Анненковъ*, Воспоминанія и крит. ст., т. II, стр. 38—40 и въ „Современ." 1849 г., т. XIII.

О *Жюли*: „Отеч. Зап." 1850 г., т. LXVIII, отд. V. стр. 19.

О „*Легендѣ на кислыхъ водахъ*": „Отеч. Зап." 1855 г., т. С, отд. IV, стр. 49.

О „*Деревен. разск.*": 1) „Отеч. Зап." 1855 г., т. 99, отд. IV, стр. 68. 2) „Соврем." 1855 г., т. L, стр. 260.

О „*Двухъ встрѣчахъ*": 1) „Отеч. Зап." 1855 г., т. 98, отд. IV, стр. 51. 2) „Соврем." 1855, т. XLIX, стр. 67.

О *переводахъ Шекспира*: „С.-Пет. Вѣд." 1857 г., № 15.

О „*Пашенькѣ*": 1) „Москвит." 1855 г., т. II, № 5; 2) „Библ. для Чт.", т. 129, отд. VI, стр. 30; 3) „Современ." 1855 г., т. XLIX, стр. 228.

О ст. *Вальтеръ Скоттъ*: „Москвит." 1854 г., т. II, отд. V, стр. 137.

О ст. „*Воспом. о Ѳедотовѣ*": „Москвит." 1854 г., т. II, отд. V, стр. 41.

О ст. *Баронъ Штейнъ*: „Жур. Мин. Нар. Пр." 1857 г., № 5.

Общіе отзывы о его лит. дѣятельности: 1) „Москвит." 1851 г., ч. II, стр. 258; 1852 г., № 4, отд. V, стр. 40; 1852 г., ч. I, отд. V, стр. 56; 1852 г., ч. VI, отд. V, стр. 35; 1852 г., ч. V, отд. VIII, стр. 9; 1852 г., ч. VI, отд. V, стр. 104; 1853 г., ч. II, № 5 и ч. III, № 12, отд. V, стр. 116; 1853 г., ч. I, стр. 141 и 214; 1852 г., ч. II, стр. 46 и 147; т. V, отд. VIII, стр. 24; 2) *Аполлон. Григорьевъ* въ „Москвит." 1852—55 г. и въ Сочиненіяхъ т. I; 3) „Библ. для Чт." т. 131, отд. VI, стр. 39; 1852 г., ч. I, стр. 92, отд. V; 4) „Соврем." 1851 г., т. XXV, отд. III, стр. 49.

ставку и берется за «Полиньку Саксъ». Но чтобы гдѣ-нибудь, все-таки, «числиться» —неслужащій дворянинъ въ тѣ времена былъ чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго ворона—Дружининъ поступилъ въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ прослужилъ до 1851 г., послѣ чего уже окончательно бросилъ службу и до конца жизни остался «только» писателемъ.

Литературная дѣятельность Дружинина началась въ 1847 году—«Полинькой Саксъ», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Современника» за этотъ годъ. Дебютъ 23-лѣтняго беллетриста былъ блестящій. Повѣсть имѣла большой успѣхъ, да въ сущности и до сихъ поръ составляетъ краеугольный камень извѣстности Дружинина. Большинство современной читающей публики, знающее его только по наслышкѣ, если имѣетъ о немъ какое-нибудь представленіе, то главнымъ образомъ какъ объ авторѣ «Полиньки Саксъ».

Успѣхъ ободрилъ молодого писателя и онъ въ теченіе какого-нибудь года, одну за другой, печатаетъ три крупныя произведенія: «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича«—по нашему мнѣнію лучшее изъ всего, что писалъ Дружининъ, «Фрейленъ Вильгельмина» и романъ въ двухъ частяхъ «Жюли». Этимъ романомъ Дружининъ какъ бы закончилъ свою беллетристическую дѣятельность: продолжая отъ времени до времени давать разсказы и даже большія повѣсти, онъ главныя силы свои направляетъ на критику и статьи по исторіи литературы.

И на новомъ поприщѣ Дружинина ожидалъ большой успѣхъ «Письма иногородного подписчика», въ легкой, фельетонной формѣ дававшія отчетъ о новостяхъ текущей литературы, въ скоромъ времени стали тѣмъ, что нѣмцы называютъ massgebend и, несмотря на всю ихъ шутливую легковѣсность, Дружининъ своими «письмами» занялъ вакантное со смерти Бѣлинскаго мѣсто «перваго критика». Какъ мы уже знаемъ, къ нему относились съ уваженіемъ даже «молодая редакція» враждебнаго «Москвитянина». Послѣднихъ, помимо всякихъ иныхъ качествъ Дружинина, привлекала та умѣренность, съ которою, когда приходилось, онъ велъ полемику съ органомъ нео-славянофильства и отъ которой не осталось и слѣда, когда литературный фельетонъ «Современника» взялъ въ свое завѣдываніе Панаевъ. За джентльменство Дружинина прозвали въ кружкѣ «Москвитянина» «честнымъ рыцаремъ».

Но именно эта то вытекавшая отчасти изъ индиферентизма сдержанность, въ связи съ нѣкоторыми личными недоразумѣніями, разсорила на время Дружинина съ Панаевымъ, главнымъ заправилой тогдашняго «Современника». Несмотря на успѣхъ «Писемъ иногородняго подписчика»,—успѣхъ настолько большой, что конкурировавшая съ «Современникомъ» «Библіот. д. Чт.» не сочла ниже своего достоинства завести «Письма *загородняго* подписчика»—Дружининъ былъ устраненъ отъ критическаго фельетона. За время размолвки, длившейся, впрочемъ, небольше года, Дружининъ перенесъ «Письма иногородняго подписчика» въ «Библ. д. Чтенія», въ которой и раньше немного сотрудничалъ и къ редактору которой — Сенковскому, не раздѣляя въ данномъ случаѣ чувствъ,

господствовавшихъ въ кружкѣ «Современника», всегда относился съ уваженіемъ.

Почти одновременно съ началомъ своей критической дѣятельности, Дружининъ выступаетъ въ роли «эссенста». «Галереею замѣчательныхъ романовъ» («Современникъ» 1850 г. № 1) онъ открываетъ рядъ обширныхъ статей объ англійской литературѣ, которыя утвердили за нимъ славу знатока не только англійской, но и всей вообще иностранной литературы.

Всею этою разнообразною дѣятельностью Дружинина не была, однако, исчерпана многосторонность литературныхъ дарованій молодого писателя. Лѣтомъ 1850 г. онъ печатаетъ «Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ», которымъ дебютируетъ еще на одномъ литературномъ поприщѣ—юмористическаго фельетона.

Успѣхъ не заставилъ себя ждать и тутъ. Хотя «Чернокнижниковъ» и произвелъ небольшой скандалъ въ литературныхъ кружкахъ, но читался очень усердно и вообще возбудилъ всеобщее вниманіе [1]). Самъ Дружининъ, во всякомъ случаѣ, былъ вполнѣ доволенъ своею первою экскурсіею въ область юмористики. Правда, по настоянію нѣкоторыхъ друзей, находившихъ, что въ путешествіи «шутка перешла границу и была beaucoup trop crûe, какъ говорятъ французы» [2]), Дружининъ прекратилъ дальнѣйшее печатаніе «Чернокнижникова», но впослѣдствіи онъ неоднократно и съ большою охотою возвращался къ этому своему псевдониму. Кромѣ «Чернокнижникова», Дружининъ въ теченіе 1855 и 1856 гг. писалъ въ «С.-Пет. Вѣд.» «Замѣтки петербургскаго туриста». Въ общей сложности юмористическіе фельетоны Дружинина, появлявшіеся въ «Современникѣ», «С.-Пет. Вѣд.», «Искрѣ», «Вѣкѣ» и «Сѣв. Пчелѣ» (позднѣйшей ея формаціи) мало уступаютъ объемомъ статьямъ его по другимъ родамъ литературы. Въ собраніи сочиненій Дружинина они занимаютъ весь 8-й томъ.

Коснувшись «Чернокнижникова», мы непремѣнно должны остановиться на исторіи происхожденія этого псевдонима. Она намъ многое объяснитъ въ ходѣ литературной карьеры Дружинина и можетъ быть дастъ ключъ къ уразумѣнію того, почему одаренный и обладавшій значительнымъ образованіемъ авторъ «Писемъ иногородняго подписчика» не оказалъ сколько-нибудь серьезнаго вліянія при жизни и очень скоро перешелъ въ разрядъ «забытыхъ талантовъ».

«Громъ грянулъ надъ русской литературой и просвѣщеніемъ въ концѣ февраля 1848 года», разсказываетъ извѣстный М. Н. Лонгиновъ въ своей біографической замѣткѣ о Дружининѣ. «Журналистика сдѣлалась дѣломъ и опаснымъ, и въ высшей степени затруднительнымъ. Надо было взвѣшивать каждое слово, говоря даже о травосѣяніи или коннозаводствѣ, потому что во всемъ предполагались личность или тайная цѣль. Слово «прогрессъ» было строго вос-

---

[1]) См. „Письма иногор. подписчика“ въ 6 т. соч. Дружинина стр. 581—83.

[2]) Лонгиновъ, въ 8 т. соч. Дружинина.

прещено, а «вольный духъ» признанъ за преступленіе даже на кухнѣ. Уныніе овладѣло всею пишущею братьею, а келейные авторы обвинительныхъ меиуаровъ на журналы торжествовали. Въ такихъ обстоятельствахъ Дружининъ, застигнутый бурею при самомъ началѣ своего литературнаго поприща, оказался драгоцѣннѣйшимъ сотрудникомъ «Современника». Въ немъ неожиданно для всѣхъ проявились неисчерпаемыя средства къ тому, чтобы поддерживать интересъ журнала. Стоитъ заглянуть въ библіографическую роспись его сочиненій, чтобы понять, какъ оригинальны, разнообразны, многочисленны и удачны были новые, такъ сказать, отдѣлы, открытые имъ для замѣны въ журналѣ прежнихъ статей, сдѣлавшихся невозможными».

«Не всѣ обладали такими средствами создавать себѣ литературныя занятія, какъ Дружининъ, многіе ударились въ разныя стороны; иные предприняли многолѣтніе труды, въ надеждѣ на благопріятнѣйшія обстоятельства ко времени ихъ окончанія въ далекомъ будущемъ; другіе продолжали прежнюю дѣятельность, но въ меньшихъ поневолѣ размѣрахъ. Въ результатѣ при этомъ оказалось у нихъ лишнее противъ прежняго свободное время и, по привычкѣ къ литературному кругу, они стали чаще проводить его въ дружескихъ бесѣдахъ, посвященныхъ по преимуществу любимымъ своимъ предметамъ. Прибавьте къ тому, что всѣ мы были тогда молоды или еще молоды, и вы не удивитесь, что мрачное настоящее не могло вытѣснить изъ этихъ бесѣдъ шутки и веселія, которое и стало выражаться, всетаки, въ литературной формѣ, именно стихотворной. Пародіи, посланія, поэмы и всевозможныя литературныя шалости составили, наконецъ, въ нашемъ кругу цѣлую рукописную литературу. При самомъ началѣ Дружининъ принялъ живое участіе въ этихъ забавахъ, сопровождавшихся уморительными разсказами, анекдотами и даже пресмѣшными похожденіями, въ которыхъ такъ отличался нашъ остроумный другъ Языковъ [1]), веселый и даровитый Панаевъ и многіе другіе. Нѣсколько чопорный съ виду Дружининъ оказался первымъ двигателемъ на этой аренѣ остроумія и рѣзвой шутки, изливая въ нее весь избытокъ молодыхъ умственныхъ силъ. При отсутствіи нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ занятій, намъ пришло въ голову облекать всѣ наши импровизаціи въ литературную форму и дать имъ въ такомъ видѣ мѣсто въ журналѣ. Я помню, что кто-то предложилъ связывать всѣ наши «imbroglio» нитью длиннаго романа, на манеръ „Memoires du diable» или «Confession generale» Фридриха Сулье. Рамой для этого должны были служить похожденія разныхъ чудаковъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ, гувернантокъ и т. д. по объявленію полицейской газеты и безпрерывно натыкающихся на эксцентрическія и забавныя сцены. Весь этотъ циклъ стиховъ, разсказовъ и похожденій получилъ отъ

[1]) Александръ Михайловичъ Языковъ († 1884 г.), интимный членъ литературныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ.

Дружинина названіе «Чернокнижія». Но всему этому суждено было еще довольно долго существовать лишь für wenige» [1]).

Велико было удивленіе членовъ кружка, когда, возвратившись изъ лѣтнихъ поѣздокъ, они застали въ «Современникѣ» «Путешествіе Чернокнижникова», въ которое, если и не вошло все интимное «чернокнижіе», въ полномъ видѣ совершенно немыслимое, то значительная часть его. «Чернокнижники» энергично запротестовали и настояли на прекращеніи «путешествія».

Къ «путешествію» мы еще вернемся, а пока остановимся нѣсколько на «чернокнижіи». Явленіе это глубоко знаменательно для характеристики того безвременія, которое отдѣляетъ эпоху Бѣлинскаго отъ эпохи Добролюбова, для характеристики того идейнаго оскудѣнія, которое было порождено тяжелою реакціею 1848—1855 годовъ, когда страхъ, вызванный европейскими событіями 1848 года и цѣлый рядъ доходящихъ до анекдотичности мѣръ совершенно парализовалъ идейное броженіе первой половины сороковыхъ годовъ. «Мрачная година, наступившая въ концѣ февраля 1848 года», говоритъ Лонгиновъ въ той же замѣткѣ. изъ которой мы взяли свѣдѣнія о «чернокнижіи», «нанесли жестокіе удары литературѣ и наукѣ и всѣ занимавшіеся ею надолго были лишены возможности дѣйствовать какъ слѣдуетъ».

Свѣдѣніе безусловно вѣрное, къ которому, къ сожалѣнію, остается добавить, что «лишеніе возможности дѣйствовать какъ слѣдуетъ» обусловливалось не только одними цензурными и иными стѣсненіями. Безвременіе, въ началѣ котораго къ тому же умеръ Бѣлинскій, а Герценъ ушелъ изъ русской литературы, крайне неблагопріятно отозвалось и на внутренней духовной жизни виднѣйшихъ представителей тогдашней литературы. И именно «чернокнижіе» и можетъ служить лучшею иллюстраціею наступившаго духовнаго оскудѣнія. Если, въ самомъ дѣлѣ, брать «чернокнижіе» даже такимъ, какимъ оно вырисовывается намъ изъ приведенныхъ выше словъ Лонгинова, то и тогда оно чрезвычайно характерно. Какое ничтожество интимной бесѣды людей, стоявшихъ во главѣ текущей литературы своего времени! «Похожденія чудаковъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ, гувернантокъ и т. д. по объявленіямъ полицейской газеты». Странный сюжетъ для задушевныхъ собраній руководящихъ литературныхъ кружковъ.

Но фактъ рѣшительнаго вырожденія этихъ кружковъ только тогда выступаетъ во всей своей рельефности, когда мы изъ сохранившихся у нѣкоторыхъ библіографовъ списковъ узнаемъ, въ чемъ состояла та обширная рукописная литература, тѣ «пародіи, посланія, поэмы», которыя главный поставщикъ ихъ—Лонгиновъ такъ мягко называетъ «литературными шалостями» [2]).

---

[1]) *М. Лонгиновъ* въ сочин. Дружинина т. 8, стр. XI.

[2]) Онѣ были изданы заграницею—въ Карлсруэ, но Лонгиновъ впослѣдствіи, когда вышелъ въ люди, скупалъ ихъ и уничтожалъ.

Со временъ Баркова русскій стихъ впервые служилъ такую службу. Въ «чернокнижныхъ» «шалостяхъ» нѣтъ и слѣда того остроумія, той изящной игривости, которая придаетъ рѣшительный художественный интересъ многимъ продуктамъ шаловливаго настроенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева. Соль чернокнижныхъ «шалостей» состоитъ исключительно въ томъ, что все называется по имени и притомъ по возможности часто.

Мы только что назвали Пушкина, Лермонтова, Гоголя въ числѣ авторовъ шаловливой литературы. Можно еще увеличить перечень весьма выдающихся писателей, которые упражнялись въ этого рода творчествѣ. Такъ напр., отъ юношескихъ лѣтъ даже лучшихъ представителей плеяды сороковыхъ годовъ остались вещи, которыя въ печати могутъ появиться только со значительнымъ количествомъ многоточій.

Было бы, однако, смѣшнымъ пуризмомъ относиться черезчуръ строго ко всѣмъ этимъ проявленіямъ молодого темперамента въ юныхъ писателяхъ, которые еще не привыкли серьезно смотрѣть на свое дарованіе. А затѣмъ обязательно принимать во вниманіе среду, подъ вліяніемъ которой создаются игривыя произведенія. Пушкинъ писалъ ихъ, главнымъ образомъ, тогда, когда былъ въ лицеѣ, Лермонтовъ—исключительно тогда, когда былъ въ училищѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Но чтобы кружокъ первенствующихъ литераторовъ, постоянными членами котораго былъ редакторъ лучшаго журнала, лучшій критикъ этого журнала и такой солидный историкъ литературы, какъ Лонгиновъ, кружокъ, въ которомъ часто появлялся даровитый молодой профессоръ Владиміръ Милютинъ, многіе виднѣйшіе беллетристы и поэты своего времени, въ томъ числѣ и Некрасовъ, чтобы такой кружокъ создалъ «цѣлую литературу» грубаго цинизма, этого ни до «чернокнижія», ни послѣ «чернокнижія» никогда не было. Мы уже не будемъ говорить о шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда оживленіе общественной жизни, въ связи съ тѣмъ, что новое поколѣніе вообще отличается большимъ ригоризмомъ, дѣлало совершенно немыслимымъ подобныя «чернокнижныя» собранія не только въ средѣ первенствующихъ литераторовъ, но даже гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ. Возьмемъ эпоху болѣе близкую въ данномъ случаѣ, спросимъ мыслимо ли было «чернокнижіе» какихъ-нибудь пять—шесть лѣтъ раньше? Члены кружка Бѣлинскаго, какъ и всѣ вообще люди сороковыхъ годовъ, при всемъ своемъ идеализмѣ, отнюдь не были крайними идеалистами и пуристами въ своихъ развлеченіяхъ. Самыя оживленныя въ идейномъ отношеніи собранія ихъ, послѣ которыхъ каждый уходилъ съ цѣлымъ запасомъ глубокихъ мыслей и благородныхъ намѣреній, тѣ собранія, плодомъ которыхъ были самыя пламенныя и возвышенныя страницы въ статьяхъ Бѣлинскаго и Искандера, въ стихахъ Некрасова, Огарева, въ повѣстяхъ Тургенева, даже эти собранія не обходились безъ бокала вина, безъ веселаго словца или анекдота. Но все это была та дань человѣческой натурѣ, которую платитъ и

самый идеальный человѣкъ, если его идеализмъ искренній и не имѣетъ въ себѣ святошества. Вино и рѣзвая шутка въ собраніяхъ руководящихъ кружковъ первой половины сороковыхъ годовъ были, конечно, средствомъ, а не цѣлью, какъ у чернокнижниковъ: живѣе лились послѣ вина страстныя рѣчи, легче вѣрилось въ близкое осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ. И если мимолетно проскальзывала при этомъ крѣпкая шутка, то потому что въ концѣ концевъ дружеская бесѣда не есть засѣданіе парламента. «Чернокнижіе» же тѣмъ и характерно, что мимолетное превратилось въ немъ въ основное.

Было бы, однакоже, совершенно несправедливо объяснять глубокую пошлость «чернокнижныхъ» собраній одними личными качествами чернокнижниковъ. Правда, ни въ комъ изъ нихъ не горѣлъ тотъ святой огонь, который придавалъ такой возвышенный интересъ и такую плодотворность собраніямъ руководящихъ кружковъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Всѣ они прежде всего были свѣтскіе люди, хотя и искренно преданные литературѣ, но не знавшіе той лихорадочной жажды истины, которая одна создаетъ серьезнаго общественнаго и литературнаго дѣятеля. И все-таки тотъ же самый Панаевъ, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, когда вращался въ кружкѣ Бѣлинскаго, барковщиной не занимался, чудаками, ищущими гувернантокъ по объявленіямъ, не интересовался, а напротивъ того, всѣми силами старался проникнуться «проклятыми вопросами», на разрѣшеніе которыхъ уходили бурныя собранія людей первой половины сороковыхъ годовъ. «Остроумный» Языковъ, тоже входившій въ составъ кружка Бѣлинскаго, игралъ въ немъ роль только за ужиномъ и его «пресмѣшными похожденіями», какъ объ этомъ можно судить по богатымъ всякими интимными деталями воспоминаніямъ Панаева, никто до «чернокнижія» не интересовался. «Оставшіеся послѣ Дружинина юмористическія произведенія довольно нецеремоннаго свойства», какъ выражается Анненковъ [1]), относятся только къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. О случайности связей Некрасова съ «чернокнижіемъ» много распространяться нечего. Но, что всего замѣчательнѣе, — даже Лонгиновъ, этотъ главный поставщикъ чернокнижной литературы, предавался своимъ «шалостямъ» тоже главнымъ образомъ въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Такимъ образомъ мы въ «чернокнижіи» наталкиваемся на одно изъ многочисленныхъ проявленій того «отчаянія скуки», какъ выразился Добролюбовъ, характеризуя обиліе мелочно-библіографическихъ статей въ періодъ 1848—55 гг. [2]), которое грызло интеллигенцію того времени и направляло ея умственныя и душевныя силы совсѣмъ не туда, куда имъ слѣдовало бы направляться при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественной жизни.

На Дружинина въ частности, «чернокнижіе», какъ одно изъ явленій

[1]) „Вѣст. Евр.“ 1882 г., № 4, стр. 636.

[2]) Добролюбовъ, сочиненія т. I, стр. 517.

умственнаго упадка эпохи, должно было дѣйствовать болѣе неблагопріятнымъ образомъ, чѣмъ на другихъ литературныхъ сверстниковъ его. Тѣ все-таки помнили другія времена, хранили въ душѣ воспоминанія объ иныхъ интимныхъ собраніяхъ. Дружининъ же, выступившій на литературное поприще въ послѣдніе мѣсяцы жизни Бѣлинскаго, только по наслышкѣ могъ знать о бурныхъ сходбищахъ старшаго литературнаго поколѣнія, тѣхъ знаменитыхъ «всенощныхъ бдѣніяхъ», которыя воспитали умъ и сердце людей тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ лучше всякихъ университетовъ и парламентовъ. А между тѣмъ Дружининъ болѣе другихъ нуждался именно въ такого рода бурныхъ, страстныхъ дебатахъ, которыя расшевелили бы его диллетантскую натуру, которые уничтожили бы его индиферентизмъ, индиферентизмъ, главнымъ образомъ вытекавшій изъ его аристократическаго дэндизма, изъ его отвращенія къ шуму и сутолокѣ, связанной съ толпой, съ общественными и политическими движеніями. Для Дружинина, незнавшаго, что такое значитъ увлечься какою-нибудь идеею до того, чтобы ею одною жить, гордившагося даже этою своею безстрастностью [1], не понимая, что въ ней Ахиллесова пята его таланта, «чернокнижныя» собранія должны были быть прямо вредными. Не тѣмъ, конечно, что на нихъ процвѣтали «шалости», а тѣмъ, что большое вниманіе, которое удѣлялось этимъ «шалостямъ», да «забавнымъ похожденіемъ чудаковъ», неизбѣжно должно было умалять и дѣйствительно умаляло интересъ къ болѣе серьезнымъ предметамъ. Нельзя въ однихъ и тѣхъ же собраніяхъ создавать «цѣлую литературу» произведеній крайне пошлаго пошиба и вырабатывать пункты общественно-политическаго и философскаго міросозерцанія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить сравненіе статей Дружинина разныхъ эпохъ его жизни. Въ статьяхъ періода «чернокнижія» есть легкость, извѣстная эрудиція, извѣстный литературный вкусъ, но нѣтъ и слѣда какого бы то ни было общественно-политическаго или философскаго міросозерцанія. Всѣ они совершенно лишены того, что можно назвать полетомъ, вращаются исключительно въ сферѣ мелкихъ литературныхъ явленій и ни разу не поднимаются до рѣшенія тѣхъ кардинальныхъ вопросовъ, разработка которыхъ одна только и можетъ обезпечить за критикомъ серьезное значеніе. Совсѣмъ другое статьи Дружинина второй половины 50-хъ годовъ. Повышеніе общественнаго настроенія ярко сказалось на немъ, какъ онъ ни открещивался отъ «политики», какъ ни старался ратовать за искусство «свободное» отъ «мутныхъ волнъ современности». Въ личной обстановкѣ его мало-по-малу исчезаютъ всякіе слѣды «чернокнижія». Насколько пусты и пошлы были недавнія «чернокнижныя» собранія, настолько, по общему отзыву людей, ихъ помнящихъ, были содержательны и порядочны устроенные Дружининымъ у себя «четверги». Тутъ «шалостямъ» не предавались никакимъ, хотя общество тоже было мужское, а съ огромнымъ интересомъ и искреннею любовью толковали, спорили и обсу-

---

[1]) Многократно въ „Письмахъ иногор. подписчика". См. ниже при разборѣ ихъ.

ждали все касающееся литературы. Вопросы общественные мало волновали Дружинина и его кружокъ, но все-таки онъ не вовсе уже чуждался ихъ, въ общемъ сочувственно относился къ реформамъ новаго царствованія, а 19 февраля 1861 г. даже устроилъ у себя торжественный обѣдъ.

И вотъ почему Дружининскія статьи второй половины 50-хъ годовъ точно другимъ человѣкомъ писаны. Есть и въ нихъ, правда, прежняя холодность, есть даже и дэндизмъ, но безъ тѣни той пустой и бездушной щеголеватости, которая является основной чертой «чернокнижнаго» періода дѣятельности «иногородняго подписчика»,

II.

Въ самомъ концѣ 1856 года Дружининъ изъ роли журнальнаго сотрудника переходитъ на роль журнальнаго хозяина: онъ становитсл во главѣ редакціи «Библіотеки для Чтенія». Новый издатель «Библіотеки» [1]) былъ увѣренъ, что удачно замѣнилъ вышедшаго изъ моды Сенковскаго. И дѣйствительно, на сторонѣ Дружинина, кромѣ свѣжести дарованія и вообще личныхъ его качествъ, были еще тѣсныя связи со всѣмъ новымъ литературнымъ поколѣніемъ, связи настолько тѣсныя, что даже оба редактора главнаго конкуррента «Библіотеки»—«Современника» (Панаевъ и Некрасовъ) фигурировали въ спискѣ сотрудниковъ обновленнаго журнала и притомъ не только фигурировали, но и напечатали въ немъ кое-что. Журнальное обозрѣніе «Современника» самымъ горячимъ образомъ привѣтствовало Дружинина въ его новой дѣятельности. Сверхъ всего этого, четыре главныя литературныя силы «Современника»—Тургеневъ, Левъ Толстой, Островскій и Григоровичъ, которые по только-что заключенному, надѣлавшему въ свое время много шуму, контракту обязаны были помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ», получили отъ Некрасова и Панаева разрѣшеніе участвовать въ «Библіотекѣ» и имена ихъ фигурировали въ объявленіи объ изданіи журнала подъ редакціею Дружинина. Присоединить къ нимъ цѣлый рядъ другихъ хорошихъ литературныхъ именъ, фигурировавшихъ въ этомъ объявленіи—Писемскаго, Анненкова, Василія Боткина, Фета, Полонскаго, Майкова, Мея и др., которые всѣ изъ расположенія къ Дружинину обѣщали принять живое участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія» и мы поймемъ, что издатель имѣлъ основаніе надѣяться, что новый редакторъ поставитъ на ноги совсѣмъ было рухнувшій журналъ. Да и не одинъ издатель питалъ такія надежды. Боткинъ былъ увѣренъ, что Дружининъ сдѣлаетъ «Библіотеку» журналомъ «на который публика принуждена будетъ обратить вниманіе» [2]). Тургеневъ писалъ, что «много ждетъ отъ «Биб. д. Чт.» подъ командой Дружинина» [3]).

---

[1]) В. П. Печаткинъ.

[2]) „XXV лѣтъ".

[3]) Ibid.

И, однакоже, всѣ эти надежды сбылись въ очень слабой степени. Журналъ нѣсколько пошелъ, но въ общемъ былъ совершенно затертъ другими изданіями.

Главную причину малаго успѣха обновленной «Библіотеки д. Чт.» нельзя не искать въ духовной личности новаго редактора, въ томъ сухомъ, не имѣющемъ связей съ живою дѣйствительностью направленіи, которое приняла умственная дѣятельность его подъ вліяніемъ пустоты и ничтожества «чернокнижной» эпохи. Стоитъ только приглядѣться къ profession de foi, съ которымъ Дружининъ выступилъ, когда взялъ на себя редакцію «Библіотеки», чтобы понять, что журналъ не могъ имѣть успѣха въ обществѣ, начинавшемъ переживать свой Sturm und Drang-Periode. Въ концѣ 1856 года русское общество уже зажило совсѣмъ особенною жизнью, уже раздался изъ одного конца Россіи въ другой мощный призывъ къ обновленію и всѣ съ лихорадочнымъ жаромъ принялись очищать русскую жизнь отъ прежней скверны и неурядицы. Начался тотъ интенсивно-политическій періодъ русской исторіи, когда всякіе другіе интересы, кромѣ интересовъ общественнаго обновленія, были отодвинуты совершенно на второй планъ. Чуткая часть литературы сразу поняла смыслъ переживаемаго момента и постаралась отразить его. Не только публицистика и критика, но и изящная литература, въ лицѣ крупнѣйшихъ ея представителей—Тургенева, Островскаго, Некрасова, Писемскаго—участвуетъ въ этомъ искреннемъ и горячемъ порывѣ къ общественному возрожденію, чѣмъ и удесятеряетъ свое вліяніе и популярность, и чѣмъ окончательно утверждаетъ высокое положеніе, которое занимала литература прежняго времени какъ единственное проявленіе русской общественной мысли.

Какія же были отношенія Дружинина къ этому новому фазису русской духовной жизни? Положительныя или отрицательныя, брюзжалъ онъ, или, напротивъ того, восторгался подъемомъ общественнаго духа?

Въ одномъ письмѣ къ Дружинину, относящемся какъ разъ къ тому времени, когда Дружининъ взялся за «Библ. д. Чт.», Тургеневъ называетъ его, «милѣйшемъ изъ консерваторовъ» [1]). Въ другой разъ Тургеневъ, коснувшись въ рѣчи, посвященной памяти Дружинина, англоманства своего покойнаго друга, сказалъ, что въ Англіи онъ «вѣроятно занялъ бы мѣсто въ ряду торіевъ» [2]).

Оба эти отзыва, хотя и исходятъ онъ человѣка близкаго къ Дружинину, однако, совершенно невѣрны. Они основаны только на томъ, что Дружинина трудно было назвать рьянымъ прогрессистомъ. На самомъ дѣлѣ сколько-нибудь внимательное изученіе сочиненій Дружинина убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не былъ ни консерваторомъ, ни либераломъ, ни торіемъ, ни вигомъ. Онъ просто былъ глубоко индиферентенъ къ вопросамъ общественно-политическимъ, индиферентенъ въ силу своего слабаго знакомства съ науками общественными и фило-

[1]) *Тургеневъ*, Первое собраніе писемъ.

[2]) „Биб. д. Чт." 1864 г. № 1.

софскими. Гдѣ ему было ознакомиться съ ними? Въ университетѣ онъ не былъ и не въ Пажескомъ же корпусѣ или Финляндскомъ полку могъ онъ восполнить этотъ пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ. Конечно, попади онъ въ кружокъ серьезныхъ людей, ему бы, при его страсти и способности много читать, и университета никакого бы не нужно было, какъ онъ не нуженъ былъ Бѣлинскому, который отъ членовъ своего кружка узналъ болѣе, чѣмъ могъ бы узнать отъ профессоровъ того времени. И оттого то мы такъ подчеркивали пустоту и ничтожество «чернокнижныхъ» собраній, что при другомъ характерѣ они могли бы служить коррективомъ индиферентизма Дружинина къ серьезнымъ вопросамъ соціальной жизни, могли бы ему сообщить какое-нибудь опредѣленное общественное и политическое міросозерцаніе, безъ котораго какъ же быть журналисту?

Вся эта неподготовленность къ роли журналиста одной изъ наиболѣе бурныхъ эпохъ русской жизни сразу и сказалась въ редакціонномъ profession de foi Дружинина. Въ немъ очень много говорилось о томъ, что редакція ознакомитъ читателей съ «сокровищницей иностранной литературы», но ни единымъ словомъ не говорилось о томъ, какъ смотритъ редакція на новое теченіе русской жизни, какъ она желала бы его направить и каковы вообще ея общественно-политическія desiderata. И это какъ разъ тогда, когда только что возникшій «Русскій Вѣстникъ» пользовался огромнымъ успѣхомъ именно потому, что онъ понялъ «моментъ», понялъ, что назначеніе журнала теперь исключительно боевое, что нельзя посвящать главныя силы «сокровищницѣ иностранной литературы» въ то время. когда жизнь положительно ежеминутно выдвигаетъ вопросъ за вопросомъ, одинъ болѣе животрепещущій, чѣмъ другой, въ то время, когда нужно осмыслить это броженіе, направить его въ ту или другую сторону.

Заканчивалось заявленіе редакціи тѣмъ, что она обѣщала вести дѣло

Ohne Hast, Ohne Rast.

Лозунгъ характерный для безстрастности и спокойного трудолюбія Дружинина, но какъ мало подходилъ онъ къ эпохѣ, которая понеслась на всѣхъ парахъ!

И поплелся тихимъ шагомъ журналъ, давая иной разъ недурныя въ чисто-литературномъ отношеніи вещи, добросовѣстно знакомя съ произведеніями иностранной литературы, но въ общемъ крайне вялый и неинтересный. «Библіотека» имѣла тѣ же самые публицистическіе отдѣлы, какъ и другія изданія, но все это было безжизнено, все это было лишено того огня, той страстности, благодаря которой подписчики съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали каждую новую книжку «Современника» или «Русскаго Вѣстника». Чувствовалось, что редакція нехотя занимается всѣмъ, что переходитъ тѣсныя рамки чисто-литературныхъ предметовъ, что она совершенно этимъ не интересуется и если удѣляетъ мѣсто статьямъ по вопросамъ общественно-политическимъ, то исключительно затѣмъ, чтобы не очень уже отстать отъ прочихъ журналовъ.

Въ 1858 году издатель «Библіотеки», убѣдившись изъ хода подписки, что

Дружининъ не оправдываетъ его надеждъ, пригласилъ въ помощь ему Писемскаго. Этотъ выборъ тоже былъ мало удаченъ. Человѣкъ почвы и живой дѣйствительности, Писемскій, оканчивавшій въ то время «Тысячу душъ», несомнѣнно больше понималъ моментъ, чѣмъ кабинетный петербуржецъ Дружининъ, котораго болѣе всего на свѣтѣ занимали разныя біографическія мелочи изъ жизни англійскихъ писателей. Но зато Дружининъ значительно превосходилъ его историко-литературной эрудиціей. А въ вопросахъ общественно-политическихъ они оба одинаково мало были компетентны и одинаково мало годились въ руководители. И вотъ почему совокупное редакторство двухъ первостепенныхъ литераторовъ своего времени такъ мало приносило пользы «Библ. д. Чт.», которая, благодаря ихъ неподготовленности къ публицистической дѣятельности, заняла совершенно второстепенное мѣсто въ ряду тогдашнихъ изданій. Настолько второстепенное, что въ половинѣ 1861 года, значитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Дружининъ сложилъ съ себя редакторство, предоставивъ его одному Писемскому, Тургеневъ писалъ Анненкову: «Я прочелъ вашу статью о двухъ національныхъ школахъ и нашелъ ее превосходной. И я увѣренъ, что на нее обратили бы гораздо больше вниманія, еслибы она явилась не въ этой темной и глухой дырѣ, называемой «Библіотека для Чтенія» [1]).

Удивительно ли, что мало кто хотѣлъ въ такой «дырѣ» участвовать и что всѣ пріятели Дружинина, горячо и вполнѣ искренно обѣщавшіе ему вначалѣ свое сотрудничество, обѣщаній не сдержали и работали въ изданіяхъ, болѣе стоявшихъ на уровнѣ современнаго движенія и потому болѣе читаемыхъ и вліятельныхъ. А если кое-что и давалось ими Дружинину, то большею частью второстепенныя вещи, такъ сказать объѣдки отъ роскошной литературной трапезы, которая выпадала на долю подписчиковъ «Современника», «Русскаго Вѣстника», «Русскаго Слова».

Одинъ только разъ Дружининъ во время своего редакторства выказалъ большое чутье современности, явившись иниціаторомъ дѣла, которое имѣло шумный и вмѣстѣ съ тѣмъ прочный успѣхъ. Мы говоримъ о литературномъ фондѣ, основанномъ главнымъ образомъ по мысли Дружинина. Вычитавъ въ англійскихъ изданіяхъ свѣдѣнія о британскомъ litterary fund, Дружининъ въ ноябрѣ 1856 г. [2]) на одномъ изъ литературныхъ собраній - обѣдовъ, происходившихъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ у гр. Кушелева-Безбородко, предложилъ устроить нѣчто подобное у насъ. Мысль Дружинина была встрѣчена настолько сочувственно, что онъ рѣшился изложить ее печатно, въ обстоятельной статьѣ «Нѣсколько предположеній по устройству русскаго литературнаго фонда для пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга» [3]), подписанной

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1885 г. № 4 стр. 496.

[2]) *В. П. Гаевскій*, Дружининъ какъ основатель литературнаго фонда „XXV лѣтъ“ стр. 423.

[3]) „Биб. для Чт.“ 1857 г. стр. 5.

буквой *N*, а потому, вѣроятно, пропущенной въ собраніи его сочиненій. Дружининъ ставилъ вопросъ уже прямо на практическую почву. Въ происходившихъ вслѣдъ затѣмъ другихъ подготовительныхъ работахъ Дружининъ принималъ самое дѣятельное участіе, такъ что въ общемъ его въ полномъ смыслѣ можно назвать отцемъ литературнаго фонда и не даромъ всѣ писавшіе о немъ такъ внимательно останавливаются на этой страницѣ его біографіи. Заканчивая свой некрологъ Дружинина, Некрасовъ говоритъ: «Дружининъ есть истинный *основатель литературнаго фонда* (курсивъ Некрасова). Прибавлять нечего...» [1]). Въ этихъ словахъ, писанныхъ въ началѣ 1864 года, слышится еще отголосокъ того восторга, можно сказать даже умиленія, которое въ свое время возбуждало учрежденіе литературнаго фонда. Въ учрежденіи литературнаго фонда и писатели и общество справедливо видѣли оффиціальное признаніе и освященіе занятія, которое всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ оффиціально же квалифицировалось какъ «скользкое поприще». Публика буквально ломилась на чтенія, устраиваемыя въ пользу фонда, осыпая восторженными оваціями всѣхъ участвовавшихъ на нихъ и всякими иными путями выражая свое восторженное одобреніе. О силѣ этого энтузіазма можно судить потому, что цѣлую половину капитала, собраннаго литературнымъ фондомъ за первыя 25 лѣтъ его существованія, дали первые два. И, конечно, заслуга вызвать подобное движеніе и энтузіазмъ немаловажна [2]).

Но любопытно, однакоже, отмѣтить, что даже въ этомъ проявленіи чуткости Дружинина къ живой дѣйствительности рѣзко сказалась полная отчужденность его отъ реальныхъ условій жизни. Даже спеціально-литературная сфера была настолько мало знакома Дружинину, что онъ въ вышеупомянутой подготовительной статьѣ писалъ слѣдующее:

«У насъ, благодареніе Богу, почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, кончающихъ жизнь, какъ Отвай или Сиведжъ, отъ нужды и общей холодности. Огромная часть нашихъ ученыхъ и писателей обезпечена и пособіями правительства, и службою, и платою за трудъ, почти ежегодно возвышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ» [3]).

Какъ жестоко были опровергнуты слова Дружинина, являющіяся такимъ

---

[1]) „Современникъ", 1864 г., № 1.

[2]) Дружининъ предлагалъ также, чтобы издатели газетъ, журналовъ и книгъ жертвовали въ литер. фондъ *по одной копѣйкѣ* съ подписчика. Несмотря на ничтожность этого процента, призывъ Дружинина остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ до начала 1890-хъ гг., когда о „*Дружининской копѣйкѣ*" напомнилъ на одномъ изъ годовыхъ собраній фонда В. И. Сергѣевичъ. Присутствовавшій на этомъ собраніи П. А. Гайдебуровъ тутъ же обѣщалъ ежегодно вносить по коп. съ подписчика „Недѣли", его примѣру вскорѣ послѣдовали „Русская Школа" Я. Г. Гуревича, нѣкоторые авторы (В. И. Сергѣевичъ и др.) и съ тѣхъ поръ „Дружининская копѣйка" даетъ болѣе 100 р. въ годъ.

[3]) „Библ. д. Чт." 1857 г. № 7, стр. 3.

естественнымъ послѣдствіемъ исключительнаго общенія съ жизнерадостными чернокнижниками. Первый же отчетъ литературнаго фонда говорилъ: «тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братья, эти труженики второстепенныхъ мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями зарабатывается ими скудная плата. Мы видѣли между ними нищету потрясающую» [1]).

Со свойственной ему добросовѣстностью Дружининъ въ одной изъ своихъ статей [2]) очень подробно останавливался на свѣдѣніяхъ отчета, совершенно разрушившихъ его болѣе чѣмъ оптимистическія увѣренія. Конечно, это еще разъ говоритъ въ пользу личныхъ свойствъ Дружинина, по ничуть не умаляетъ факта полнѣйшаго незнакомства его съ явленіями реальной жизни.

Оставивъ въ концѣ 1860 г. редакцію «Библ. д. Чт.», въ значительной степени вслѣдствіе пошатнувшагося здоровья, Дружининъ не бросилъ, однакоже, литературной дѣятельности, хотя обострившаяся болѣзнь (чахотка) не давала ему возможности предаваться писанію съ прежнимъ усердіемъ. Въ «Искрѣ» (1860 г.), «Сѣв. Пчелѣ» (1862 г.) и «Вѣкѣ» (1861 г.), гдѣ онъ былъ однимъ изъ основателей, Дружининъ помѣстилъ цѣлый рядъ юмористическихъ фельетоновъ, а въ «С.-Пет. Вѣд.» (1863 г.) и «Рус. Вѣст.» (1860—63 гг.) писалъ статьи объ иностранной литературѣ. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ «Рус. Вѣст.» (1862 г.) огромный романъ «Прошлое лѣто въ деревнѣ». Всѣ эти произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Дружинина не ярки. «Прошлое лѣто въ деревнѣ», не лишенное, впрочемъ, интереса какъ первый отчетъ о порядкахъ освобожденной деревни и самому автору показался не особенно значительнымъ литературнымъ произведеніемъ, о чемъ можно судить по тому, что онъ счелъ нужнымъ подписаться псевдонимомъ *С. Безыменнаго* — завершеніе не особенное эффектное для столь блистательно начатой дѣятельности, которая, нѣтъ сомнѣнія, могла бы быть совсѣмъ иной, еслибы безспорный талантъ Дружинина былъ дисциплинированъ хорошимъ литературнымъ сообществомъ и не поддался бы вліянію очень уже односторонне-жизнерадостнаго чернокнижія.

19-го января 1864 г. Дружининъ умеръ. Г. Старчевскій, близко знавшій его въ теченіе 15 лѣтъ, говоритъ, что автора «Полиньки Саксъ» преждевременно свелъ въ могилу «сонмъ Полинекъ Саксъ».

Еще одна характерная сторона «чернокнижія».

Дружинина хоронили скромно. Тогда и не умѣли еще хорошо хоронить и популярность Дружинина почти окончательно упала. Собрались все старые пріятели — Тургеневъ, Некрасовъ, Анненковъ, Гончаровъ, Василій Боткинъ, Галаховъ, Гаевскій, Фетъ. На поминальномъ завтракѣ Фетъ прочиталъ стихотвореніе въ честь покойнаго друга своего.

[1]) „XXV лѣтъ. Сборникъ лит. фонда". Лѣтопись.

[2]) „Библ. д. Чт." 1860 г. № 2.

Умолкъ твой голосъ навсегда
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.
На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье;
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье.
Изнемогающій, больной
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесенъ въ могилу.
Спи! вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый —
И муза строгая кладетъ
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

Послѣдній стихъ былъ рѣшительно поэтическою метафорою. Смерть Дружинина прошла почти незамѣченною въ литературѣ: если читатель заглянетъ въ библіографическое примѣчаніе къ началу настоящей главы, онъ увидитъ, что многія изданія даже не упомянули о ней. Отозвались исключительно люди и изданія, съ которыми его связывали тѣсныя личныя отношенія. А когда чрезъ два года послѣ смерти Дружинина было издано родственниками (подъ редакціею Н. В. Гербеля) полное собраніе его сочиненій, оно, какъ мы уже знаемъ, потерпѣло неудачу, хотя стоило чрезвычайно дешево. Въ критикѣ оно вызвало только мелкія библіографическія упоминанія.

III.

Творческая дѣятельность Дружинина началась «Полинькой Саксъ». Повѣсть имѣла огромный успѣхъ и въ особенности среди дамъ. По свидѣтельству г. Старчевскаго, «не было того семейства, гдѣ бы матери и дочки не засыпали съ этой повѣстью въ рукахъ, не старались всѣми путями и средствами собрать справки: кто такой этотъ симпатичный адвокатъ и защитникъ всякой увлекшейся неопытной дѣвушки и женщины. Каждая дама того времени считала за счастье увидѣть Дружинина, хотя украдкой взглянуть на этого милаго человѣка, дорогого адвоката женскаго сердца, а познакомиться съ нимъ, говорить съ авторомъ «Полиньки» для каждой молодой дамы и дѣвицы было верхомъ блаженства» [1]). Въ настоящее время немного найдется людей, которые бы читали «Полиньку Саксъ», но названіе повѣсти, какъ мы уже сказали разъ, составляетъ почти единственную зацѣпку, посредствомъ которой имя Дружинина сколько-нибудь держится въ памяти русской читающей публики.

---

[1]) „Наблюд." 1885 г. № 4, стр. 115.

Что же кроется въ этой небольшой повѣсти, почему изъ 8 томовъ ей одной такое исключительное вниманіе?

Въ небольшомъ количествѣ статей, посвященныхъ Дружинину, есть голоса, настаивающіе на томъ, что Дружининъ несправедливо забытъ и что должна наступить пора обратнаго, такъ сказать, водворенія его на прежнее высокое мѣсто, которое онъ занималъ въ литературѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, уже если говорить о несправедливости въ оцѣнкѣ Дружинина, то прежде всего нужно начать съ незаслуженнаго успѣха «Полиньки Саксъ». Мы не въ томъ смыслѣ употребляемъ здѣсь слово «незаслуженный», чтобы осудить «Полиньку Саксъ» an und für sich. Отнюдь нѣтъ. Не только для 23-лѣтняго *пажа* эта вещь замѣчательная, но и вообще повѣсть хороша: написана прекраснымъ слогомъ, дѣйствіе развивается очень гармонично и стройно, характеры намѣчены очень твердо и ясно, а основная идея въ высокой степени симпатична. Все это мы ни въ малѣйшей степени не намѣрены отрицать. Но дѣло въ томъ, что на «Полиньку Саксъ» принято смотрѣть у насъ, какъ на первую попытку поставить въ русской литературѣ «женскій вопросъ», въ ней усматриваютъ необыкновенную литературную новизну и отвагу. «Какъ много нужно было смѣлости»,—говоритъ наиболѣе горячій изъ современныхъ поклонниковъ Дружинина, проф. Кирпичниковъ—«какъ много любви къ истинѣ, чтобы сдѣлать въ 1847 г. героемъ свѣтской повѣсти рогатаго мужа, выдающаго свою жену замужъ за обольстителя». Взглядъ г. Кирпичникова можно назвать всеобщимъ: онъ держится въ литературѣ со временъ Бѣлинскаго, который, указавши кое-какіе недостатки въ «Полинькѣ Саксъ», говорилъ въ заключеніе своего отзыва: «несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много *самобытности*, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе». Наконецъ, изъ свидѣтельства г. Старчевскаго мы знаемъ, что и женщины смотрѣли на Дружинина по преимуществу какъ на человѣка, смѣло выступившаго на защиту попранныхъ правъ женскаго сердца.

Вотъ это-то отношеніе къ «Полинькѣ Саксъ» какъ къ чему-то необыкновенно *новому и смѣлому* совершенно незаслуженно. Если по поводу «Полиньки Саксъ» говорить о смѣлости, то развѣ о той наивной смѣлости, съ которою юный Дружининъ *цѣликомъ взялъ сюжетъ и основные мотивы своей повѣсти изъ Жоржъ-Зандовскаго «Жака»*.

Въ романѣ Жоржъ-Занда дѣйствіе группируется около трехъ лицъ: Жака, его жены Фернанды и ея будущаго любовника — Октава. Жакъ — избранная, благородная натура, головою выше стоящій окружающей его среды какъ по умственному, такъ и по душевному своему развитію. Романъ застаетъ его уже не молодымъ, ему тридцать пять лѣтъ, онъ много жилъ, много думалъ, много испыталъ. Ему уже хочется отдохнуть въ какой-нибудь тихой пристани и вотъ онъ женится на молоденькой институткѣ Фернандѣ, существѣ добромъ и чистомъ,

которая проникнута самымъ искреннимъ благоговѣніемъ предъ своимъ гордымъ, умнымъ, благороднымъ мужемъ. Но именно однимъ только благоговѣніемъ, а не тою равноправною любовью, которая составляетъ основу всякаго нормальнаго брака, явившагося результатомъ сходства душевныхъ складовъ. Фернандѣ немножко жутко и не по себѣ въ обществѣ серьезнаго Жака, огромное превосходство котораго давитъ ее и не даетъ развернуться ея собственнымъ силамъ. И оттого-то въ душѣ ея есть совершенно свободное мѣсто для любви менѣе возвышенной, менѣе проникнутой уваженіемъ къ любимому человѣку, но болѣе богатой живымъ, непосредственнымъ чувствомъ. Когда за нею начинаетъ ухаживать пылкій Октавъ, она сначала рѣшительно отвергаетъ всякую мысль объ измѣнѣ благородному Жаку. Но мало-по-малу знойное дыханіе молодой любви Октава, его безразсудства, совершенныя подъ вліяніемъ этой любви, жгуче-сладостное сознаніе, что она, Фернанда, способна внушать такія сильныя, бурныя чувства, все это непреодолимо захватываетъ молодую женщину и потокъ страсти ее уноситъ.

Жакъ видитъ происходящую въ Фернандѣ мучительную борьбу между долгомъ и чувствомъ, видитъ и то, что тѣмъ не менѣе любовь молодыхъ людей приближается къ своему естественному концу. Жгучія страданія раздираютъ ему сердце при этомъ зрѣлищѣ крушенія послѣднихъ его надеждъ на счастіе, на женскую ласку, временами его душатъ приливы дикой, необузданной ревности. Но все-таки онъ не убиваетъ Фернанду, не подстерегаетъ изъ-за угла Октава, не вызываетъ его даже на дуэль, хотя въ прошлой своей боевой жизни не разъ выходилъ къ барьеру изъ-за причинъ безконечно менѣе серьезныхъ. Совсѣмъ напротивъ: продолжая любить Фернанду и искренно желая ей счастія, онъ рѣшается принести себя въ жертву, отправляется въ Швейцарію и тамъ бросается въ пропасть при такой обстановкѣ, которая всѣхъ заставляетъ думать, что онъ палъ жертвою несчастнаго случая. Фернанда получаетъ такимъ образомъ возможность отдаться своей любви безъ тѣхъ соціальныхъ неудобствъ, которыя соединены со всякою незаконною связью.

Таково содержаніе «Жака». Основной мотивъ романа — это драма, разыгрывающаяся вслѣдствіе неравенства лѣтъ Жака и Фернанды, но еще болѣе вслѣдствіе духовнаго неравенства супруговъ. Новизна же романа, то, что сдѣлало еще знаменитымъ, заключается въ поведеніи Жака, который не мечетъ громовъ негодованія на бѣдную Фернанду за то, что въ ней заговорилъ голосъ природы, а, напротивъ того, полагаетъ, что чувство свободно и что только эгоизмъ грубѣйшаго свойства, хотя онъ въ данномъ случаѣ и освященъ людскимъ обычаемъ, легъ бы въ основаніе какихъ бы то ни было враждебныхъ съ его стороны дѣйствій противъ влюбленныхъ молодыхъ людей.

Посмотримъ теперь о чемъ повѣствуется въ «Полинькѣ Саксъ»?

Чиновникъ особыхъ порученій при одномъ изъ министерствъ, Константинъ Александровичъ Саксъ, человѣкъ неподкупной честности и непреклонныхъ

принциповъ только что женился на очаровательной крошкѣ Полинькѣ, въ которую страстно влюбленъ, несмотря на отдѣляющее ихъ большое разстояніе лѣтъ, взглядовъ и умственнаго развитія: Полинькѣ еле минуло 18 лѣтъ, Саксу за тридцать, Полинька наивна до ребячества, Саксъ много жилъ, много испыталъ сильныхъ ощущеній и страстно жаждетъ отдохнуть «измученной душой». Онъ безумно влюбленъ въ свою жену, но никогда не выражаетъ своей любви въ тѣхъ формахъ, въ какія любовь отливается у людей менѣе пожившихъ. «Ни до свадьбы, ни послѣ» жалуется Полинька своей подругѣ, «не сказалъ онъ мнѣ открыто, что онъ хоть сколько-нибудь въ меня влюбленъ. Любовь моя не на словахъ, а въ жизни, говаривалъ онъ нѣсколько разъ. Чтобъ онъ сталъ цѣловать мои руки, чтобъ онъ становился на колѣни! fi donc!». Любитъ ли Полинька своего «холоднаго» мужа? «Я *не жалѣю*, что вышла за Сакса», она съ нимъ «не скучаетъ» — вотъ характеристика ея чувствъ къ Саксу, котораго она за то необыкновенно уважаетъ за его огромныя знанія и благородный характеръ.

Повѣсть начинается описаніемъ стараній Сакса, направленыхъ къ тому, «чтобы оживить эту миленькую статуэтку Полиньку», какъ онъ самъ о ней говоритъ и сдѣлать себѣ изъ пустенькой институтки достойную спутницу жизни. Но увы, его «усилія далеки, очень далеки отъ успѣха». Онъ желалъ бы, напримѣръ, привить ей серьезные эстетическіе вкусы, да ничего не выходитъ: въ музыкѣ ей больше всего нравятся польки, хорошія картины совершенно не занимаютъ ее, изъ книгъ она зачитывается пошлѣйшими французскими романами, а надъ романами Жоржъ-Зандъ зѣваетъ, зѣваетъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не броситъ книги. Саксу, наконецъ, хотѣлось бы превратить этого милаго ребенка въ настоящую женщину, съ настоящими жизненными интересами, но и тутъ его постигаетъ рѣшительная неудача. Полинка чуть ли не играетъ въ куклы и полна самыхъ ребяческихъ вкусовъ и желаній. А между тѣмъ у нея есть задатки характера, которые можно бы развить.

Не ему суждено, однако, развить эти задатки. И то, что не удалось умному, благородному Саксу, при всемъ высокомъ полетѣ его души, сразу удается молодому офицерику князю Галицкому, человѣку, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ уже заурядному, однакоже въ общемъ не идущему ни въ какое сравненіе съ Саксомъ. Но за то въ немъ юношески клокочетъ страсть къ Полинькѣ, которая рвется наружу съ первой же встрѣчи съ нею въ повѣсти и заставляетъ его дѣлать цѣлый рядъ «безразсудствъ». Отъ этихъ «безразсудствъ» Полинькѣ сначала «страшно и совѣстно», а потомъ хотя тоже и страшно и совѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жгуче-сладко. И вотъ совершается обычная метаморфоза. Нѣсколькихъ недѣль страстнаго ухаживанія достаточно, чтобы задача, надъ которою цѣлый годъ безуспѣшно трудился, хотя и безумно, но въ значительной степени старчески-влюбленный Саксъ, была разрѣшена молодо-влюбленнымъ Галицкимъ, не гнушающимся подъ диктовку страсти прибѣгнуть даже

къ очень некрасивому способу значительно отдалить время возвращенія Сакса изъ служебной командировки. Ребенокъ Полинька сразу превращается въ женщину, лихорадка страсти, пожирающая Галицкаго зажигаетъ ея сердце, досихъ поръ не знавшее истинной любви, и если тѣломъ она, какъ и Фернанда въ «Жакѣ», не отдается Галицкому, то душой она вся его и дрожитъ при мысли, что Саксъ его убьетъ.

Но Саксъ, храбрый Саксъ, имѣющій за собою много лѣтъ боевой жизни на Кавказѣ, хладнокровно убившій на дуэли одного молодчика за то, что тотъ не хотѣлъ извиниться предъ какою-то совершенно даже незнакомою Саксу актрисою, этотъ Саксъ не убиваетъ Галицкаго. Въ первомъ припадкѣ бѣшенства онъ, правда, хочетъ ему мстить. Но такое настроеніе быстро проходитъ. «Не армянинъ же я чтобъ похаживать съ кинжаломъ около «злодѣя» и «измѣнницы», говоритъ онъ въ письмѣ къ другу и остается вѣренъ взглядамъ которые высказываетъ въ началѣ повѣсти, когда между нимъ и Полинькой происходитъ такой разговоръ:

«Скажи мнѣ, чтобъ ты сдѣлалъ, еслибъ я тебѣ измѣнила?

— Э! кто нынче измѣняетъ!

— Ну, а если бы?

— Какъ бы измѣнила! Изъ прихоти?

— Изъ прихоти! Развѣ нельзя представить, что я влюбилась бы въ кого-нибудь изъ твоихъ пріятелей?

— Очень бы влюбилась?

— Да, на всю жизнь, на вѣкъ, безъ ума и безъ памяти.

Глаза Сакса сверкнули такъ страшно, что я (разсказъ ведетъ Полинька) было струсила.

— На что же мнѣ жена безъ ума и безъ памяти? Я бы поцѣловалъ тебя и уѣхалъ куда-нибудь подальше.

— Ну, а ему то что же.

— Онъ-то чѣмъ виноватъ?»

Теперь, когда пришлось на своей шкурѣ примѣнить теорію къ практикѣ, Саксъ говоритъ тоже самое: «жена моя не нуждается въ оправданіи; правъ и Галицкій».

Правда, онъ тотчасъ же съ бѣшенствомъ прибавляетъ: «Да что же мнѣ изъ этого: развѣ въ моемъ положеніи идея о справедливости доступна для меня, развѣ она можетъ получить практическое примѣненіе? Я знаю, и она права, и онъ правъ, и я буду правъ, если жестоко отомщу имъ обоимъ. Раненный солдатъ съ бѣшенствомъ лѣзетъ на непріятельскую колонну: развѣ онъ думаетъ о томъ, что можетъ убить не того человѣка, который его ранилъ? Что даже и ранившій его не виноватъ передъ нимъ». И вотъ почему въ душѣ Сакса происходитъ мучительная борьба: съ одной стороны онъ боится, что «можетъ рѣшиться на позорное дѣло», а съ другой не увѣренъ въ томъ, что не

явится «героемъ великодушія», причемъ въ послѣднемъ случаѣ, прибавляетъ онъ, «люди поглупѣе окрестятъ меня графомъ Монте-Кристо, а пламенные юноши почтутъ *новымъ Жакомъ*».

Беретъ верхъ рѣшеніе стать «новымъ Жакомъ». Саксъ безъ вѣдома Полиньки и Галицкаго устраиваетъ разводъ, причемъ вину беретъ на себя. Цѣлый мѣсяцъ провозившись съ какими-то темными личностями, непривычное общеніе съ которыми заставляетъ думать Полиньку, что мужъ ея затѣваетъ какое-то ужасное мщеніе, онъ въ одно прекрасное утро призываетъ трепещущую жену и Галицкаго, убѣжденнаго, что наступаетъ, наконецъ, день дуэли съ Саксомъ и объявляетъ имъ, что они свободны обвѣнчаться.

Вотъ канва «Полиньки Саксъ». Всякій согласится, что тутъ трудно говорить о простомъ подражаніи «Жаку». Подражаніе ва данномъ случаѣ доходитъ почти до совпаденія. Узелъ драмы буквально тотъ же самый. Столь же рѣшительно сходство душевнаго облика и характера обоихъ «рогатыхъ» по свѣтской терминологіи мужей, на поведеніи которыхъ сосредоточивается весь общественный и художественный смыслъ какъ «Жака», такъ и «Полиньки Саксъ». И яснѣе всѣхъ сознавалъ это сходство главнаго героя своего съ героемъ повѣсти Жоржъ Зандъ самъ Дружининъ, такъ таки прямо окрестивши Сакса «вторымъ Жакомъ». Замѣчательно, затѣмъ, что сходство обѣихъ повѣстей простирается вплоть до мелочей. Такъ, напр., и «Жакъ» и «Полинька Саксъ» написаны въ эпистолярной формѣ, и въ «Жакѣ» и въ «Полинькѣ Саксъ» оба мужа терпѣть не могутъ родителей своихъ женъ — въ обѣихъ повѣстяхъ они люди мелко-пошлые, внушающіе дочерямъ тѣ гаденькія правила «общежитія», отвращеніе къ которымъ составляетъ основную черту высокихъ качествъ души Сакса и Жака. Наконецъ, въ обѣихъ повѣстяхъ имѣется по подругѣ, старающейся поссорить молоденькихъ женъ съ ихъ «холодными» и «старыми» мужьями. Что касается обстоятельствъ, при которыхъ Фернанда и Полинька окончательно влюбляются въ своихъ «безразсудныхъ» молодыхъ ухаживателей, то и они совершенно одинаковы въ обѣихъ повѣстяхъ: и Жаку и Саксу вдругъ выходитъ экстренная и неотложная надобность уѣхать на нѣкоторое время, а жены, томимыя предчувствіемъ, что за это время жажда знойной, молодой любви, живущая у нихъ въ глубинѣ души, приведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ, всѣми силами стараются отговорить ихъ отъ поѣздки. Мужья сердятся, считаютъ это удерживаніе ребяческимъ капризомъ и уѣзжаютъ. А по пріѣздѣ ихъ уже все кончено: тѣлесная измѣна, правда, не совершена, но душевныя связи порваны: и Фернандѣ и Полинькѣ страшно жаль своихъ благородныхъ и высоко-замѣчательныхъ мужей, которыхъ и продолжаютъ безконечно уважать, но любятъ онѣ уже не ихъ.

Нѣкоторое различіе «Полинька Саксъ» представляетъ только въ самомъ концѣ, въ послѣднихъ 5 страничкахъ повѣсти. У Жоржъ-Зандъ повѣсть кончается смертью Жака, а Октаву и Фернанду повидимому предстоитъ наслаждаться счастьемъ взаимной любви. У Дружинина же развязка иная: Полинька

настолько поражена величіемъ поступка мужа, что начинаетъ его любить и хотя первое время своего второго брака вполнѣ счастлива любовью Галицкаго, но внутри ее гложетъ червь, дѣлающій крайне невыгодныя сравненія между Галицкимъ и Саксомъ. Этотъ червь, вносящій страшный разладъ въ жизнь бѣдной Полиньки, не только подтачиваетъ ея любовь къ Галицкому, но и здоровье ея. Черезъ годъ послѣ своей второй свадьбы, Полинька умираетъ съ сознаніемъ и признаніемъ, что любитъ она теперь Сакса, а къ Галицкому уже чувствуетъ только жалость.

Конечныя пять страницъ «Полиньки Саксъ», гдѣ Дружининъ желаетъ быть независимымъ отъ своего образца, частью водевильны и мелодраматичны, частью неестественны. Какъ замыселъ, намѣреніе заставить Полиньку вновь полюбить Сакса, не лишено интереса, но замыселъ этотъ еле намѣченъ, брошенъ вскользь и совершенно не разработанъ. А что касается поведенія Сакса послѣ развода, когда онъ въ роли таинственнаго всевидящаго ока слѣдитъ за каждымъ шагомъ путешествующей четы Галицкихъ, то оно прямо водевильно. Въ общемъ, такимъ образомъ, завершительныя страницы, съ ихъ попыткою эмансипироваться отъ «Жака», неудачны.

И вотъ почему мы никакъ не можемъ усматривать въ «Полинькѣ Саксъ» ту «самобытность», которую въ ней усматривалъ Бѣлинскій. Въ характеристикѣ знаменитаго критика явно кроется недоразумѣніе, объясняемое, вѣроятно, тѣмъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ романовъ Жоржъ-Зандъ «Жакъ» почему то не былъ переведенъ на русскій языкъ и Бѣлинскому, на иностранныхъ языкахъ мало читавшему, вѣроятно былъ извѣстенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ.

За всѣмъ тѣмъ, мы, повторяемъ, отнюдь не намѣрены отрицать весьма значительныхъ *относительныхъ* заслугъ «Полиньки Саксъ». Въ русской литературѣ есть цѣлый рядъ весьма громкихъ и видныхъ дѣятелей, только тѣмъ и замѣчательныхъ, что они знакомили русскую публику съ умственными теченіями Запада и въ ряду этихъ дѣятелей Дружинину несомнѣнно должно быть отведено мѣсто, какъ одному изъ первыхъ *перенесшему* въ русскую литературу вопросъ о свободѣ сердца и притомъ съ наиболѣе рѣшительнымъ отвѣтомъ на него. Въ появившемся, напр., нѣсколько мѣсяцевъ до «Полиньки Саксъ», «Кто виноватъ»—произведеніи тоже навѣянномъ «Жакомъ» — вопросъ этотъ разрѣшался далеко не такъ опредѣленно.

Но и помимо основной идеи, въ «Полинькѣ Саксъ» слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыя указываютъ, что въ самомъ началѣ своей дѣятельности Дружининъ жилъ жизнью и стремленіями лучшихъ кружковъ сороковыхъ годовъ. Широкая освободительная волна, которая всецѣло захватила молодую литературу и заставила лучшихъ представителей ея дать анибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ, коснулась и Дружинина. Вотъ какою чертою характера счелъ онъ нужнымъ надѣлить своего любимаго героя Сакса, и не только Сакса, человѣка исключительныхъ достоинствъ и исключительной ду-

шевной красоты, но и жизнерадостнаго друга его, большого любителя «оракула de la Dive Bouteille» и вообще «пантагрюэлиста», какъ его называетъ Саксъ:

«Въ имѣніи, которое дали за мною», сообщаетъ Полинька своей подругѣ, «мой мужъ сдѣлалъ такія перемѣны, что получать съ него мы будемъ вдвое меньше, чѣмъ оно прежде приносило. Папа ужъ добръ, а за это разсердился. «Безъ нужды уменьшать оброкъ», говорилъ онъ мужу, «значитъ давать вредный примѣръ сосѣднимъ мужикамъ, уничтожать весь страхъ и повиновеніе». А Костя только смѣется и слушать ничего не хочетъ».

Когда, разставшись съ женою, Саксъ уѣзжаетъ надолго за границу, онъ наказываетъ пріятелю своему: «Въ отсутствіе мое возьми главный контроль надъ моими управляющими: преобразуй ихъ въ филантропически-пантагрюэлистскомъ родѣ. Денегъ мнѣ нужно меньше, можно сократить сборы.

«Имѣньице, которое досталось мнѣ отъ отца, выпусти въ обязанные крестьяне. Я былъ заботливъ, но служилъ. Пускай, при твоемъ надзорѣ, у моихъ подданныхъ отростутъ такіе же животы и растолстѣютъ физіономіи, какъ у твоихъ».

Крестьяне пріятеля Сакса, однакоже, далеко не всегда имѣли лоснящіяся физіономіи. «Главное мое помѣстье», сообщалъ онъ Саксу въ одномъ письмѣ, «я купилъ у юноши, который прокутился до чиста и совершенно разорилъ мужиковъ. Онъ любилъ понтировать: мужички платились за проигрышъ, не получая съ выигрыша ни малой частички. Когда имѣніе продали мнѣ, я пріѣхалъ сюда, зная, что ѣду въ Эльдорадо, за то и рѣшился ни о комъ и ни о чемъ не заботиться.

Не успѣлъ я обойти своихъ владѣній, какъ мнѣ сдѣлалось тошно. Вмѣсто деревень торчали какія-то руины, которыя, самъ знаешь, въ Россіи не такъ красивы, какъ на берегахъ Рейна. Физіономіи тощія, жалкія поминутно попадались мнѣ на встрѣчу, отвѣшивая низкіе поклоны. *Я потерялъ весь аппетитъ.*

Что ты будешь дѣлать?—и долго обѣдалъ я прескверно. Чуть выйдешь изъ дому, тѣ же руины, тѣ же госпитальныя физіономіи. Прошло два года, и я уже гуляю вездѣ, и гуляю и ѣмъ съ удовольствіемъ. Вмѣсто развалинъ стоятъ хорошенькіе домики, безъ которыхъ никуда негоденъ русскій пейзажъ, а рожи то мнѣ попадаются! радость и веселіе! не повѣришь, какъ скоро разжирѣлъ поджарый этотъ народъ.

Итакъ, теперь я совершенно доволенъ своею судьбою. Пріятно, любезный другъ, ѣсть три раза въ сутки, спать два раза и постоянно видѣть вокругъ себя жирныя физіономіи съ лоснящимися носами, толстые животы съ колеблющимися стопами».

Многое въ только что приведенномъ отрывкѣ отзывается порядочно-таки смѣшноватою маниловщиною. Быстрая смѣна госпитальныхъ физіономій физіономіями лоснящимися дѣтски наивна. Но зато въ томъ же самомъ отрывкѣ взята одна такая серьезная нота, которой не взяли даже сверстники Дружинина по «натуральной школѣ», гораздо выше его стоящіе въ литературной іерархіи. Заставить героя своего потерять аппетитъ отъ вида крестьянской бѣдности—это

уже значитъ перенести вопросъ изъ сферы государственныхъ соображеній на почву личной нравственности и прямо сказать, что вопросъ регулированія крѣпостного права лежитъ не только на обязанности государственной власти, а на совѣсти каждаго порядочнаго человѣка. Именно *каждаго* сколько нибудь порядочнаго человѣка, потому что теряетъ аппетитъ не только самъ Саксъ—«фантазеръ», «безпокойнный человѣкъ» и вообще «фармазонъ», а человѣкъ срединный, самаго жовіальнаго характера.

Чтобы покончить съ общественными тенденціями «Поліньки Саксъ», отмѣтимъ еще слѣдующее замѣчательное для повѣсти сороковыхъ годовъ мѣсто. Когда Полинька, томимая роковымъ предчувствіемъ, ни за что не хочетъ пускать мужа въ командировку, Саксъ старается разъяснить ей важное значеніе своей поѣздки: она имѣетъ цѣлью раскрыть злоупотребленія нѣкоего статскаго совѣтника Писаренко, укравшаго тысячъ сто казенныхъ денегъ. «Ты знаешь, что такое казенныя деньги», говоритъ при этомъ Саксъ. «*Ихъ даетъ мужикъ изъ скуднаго своего достатка*, ихъ надо беречь и тратить только на дѣло».

Такой взглядъ на казенныя деньги былъ рѣшительною новостью въ сороковыхъ годахъ. Дружининъ тутъ опять взялъ ноту необыкновенно важнаго значенія, говорящую о народолюбіи самаго серьезнаго характера. Да и тотъ самый фактъ, что богатый, независимый и презирающій обычное житейское міросозерцаніе Саксъ служитъ и служитъ очень дѣятельно, чрезвычайно знаменателенъ. Большинство героевъ произведеній 40-хъ годовъ — люди безъ опредѣленныхъ занятій, помѣщики, живущіе рентою, не знающіе общественныхъ обязанностей. Служатъ «чинуши», въ лучшемъ случаѣ Адуевы т.-е. все-таки люди гоняющіеся за карьерой. Такъ называемый «добродѣтельный чиновникъ» появился въ нашей литературѣ только во второй половинѣ 50-хъ годовъ. А до тѣхъ поръ добродѣтельные сановники, если и фигурировали иногда въ произведеніяхъ «правой стороны» литературы и во 2 части «Мертвыхъ душъ», то только затѣмъ, чтобы воспѣть хвалу существующему порядку. Чиновничество Сакса имѣетъ конечно смыслъ совершенно иной. Заставить ревностно служить такого «фармазона», какъ Саксъ, котораго, къ тому же, нѣтъ никакой возможности подвести подъ справедливо высмѣянный въ концѣ 50-хъ годовъ пошловатый типъ надуто чваннаго «добродѣтельнаго чиновника» à la Сологубовскій Надимовъ,—это, безспорно, была большая иллюзія съ точки зрѣнія реальныхъ условій чиновничьей службы 40-хъ годовъ. Но иллюзія, которая несомнѣнно имѣла характеръ проповѣди, характеръ призыва не ограничиваться личною жизнью и тѣмъ или инымъ путемъ пріобщиться дѣлу общественному.

Такимъ образомъ, въ общемъ, «Полинька Саксъ» должна быть отнесена къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ молодой литературы 40-хъ годовъ и намъ вполнѣ становится понятнымъ, почему остальные представители нарождавшагося литературнаго поколѣнія такъ радостно приняли талантливаго дебютанта въ свой кругъ и стали многаго ждать отъ него.

IV.

Этимъ ожиданіямъ на первыхъ порахъ не было суждено обмануться. «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» — вторая повѣсть Дружинина, вскорѣ послѣ «Полиньки Саксъ» напечатанная въ «Современникѣ», поддержала его возникавшую репутацію.

Впрочемъ хронологически, по времени написанія, вторымъ произведеніемъ Дружинина была «Лола Монтесъ»—небольшой разсказъ, появившійся въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ», изданномъ Некрасовымъ и Панаевымъ въ 1848 году въ видѣ приложенія къ «Современнику». «Лола Монтесъ» порядочна-таки бульварна, и въ особенности конецъ ея, гдѣ выданная противъ воли за стараго генерала дѣвушка тотчасъ послѣ вѣнчанія, оставшись въ ожиданіи мужа въ спальнѣ, произноситъ такой монологъ:

«Голоса стали утихать... я жду его, каждая минута стоитъ года, я дрожу отъ нетерпѣнья... ни одна любовь въ мірѣ не выказывалась такъ страстно, такъ жарко, съ такою жгучею энергіею, какъ высказывалась моя вражда!

Я жду тебя, гнусный старикъ!.. я не убью тебя, не оскорблю тебя, не отвергну тебя, я не уйду, буду въ твоей власти, ты хочешь хоть на недѣлю, хоть на день быть моимъ мужемъ... ты будешь моимъ мужемъ на всю жизнь, до твоей или до моей смерти... До моей смерти! Боже мой! не дай мнѣ умереть, пока я не погублю этого человѣка, покуда я не отомстила ему.

Я доберусь до тебя, опутаю тебя моими ласками, буду твой любовницей, пока не буду имѣть тебя подъ своими ногами. А тогда я безжалостно растопчу тебя.

Я покрою срамомъ твое имя, ты дорожишь мнѣніемъ свѣта,—свѣтъ будетъ каждую минуту смѣяться надъ тобою... я не дамъ тебѣ минуты отдыха, въ домѣ твоемъ будешь ты встрѣчать адъ и несогласіе... Ты любишь богатство: богатство твое растаетъ, я вымучу его изъ тебя, разбросаю его безъ нужды, познакомлю тебя съ грязною, унизительною бѣдностью. И ты все-таки будешь любить меня, въ отчаніи своемъ будешь жаться ко мнѣ, ползать передо мною изъ-за одной ласки... не будетъ тебѣ этой ласки, ты встрѣтишь укоръ и презрѣніе. Жалобы мои станутъ будить тебя по ночамъ—я снова выучусь плакать, буду визжать и вопить на всю твою тѣсную комнату, чтобъ не дать тебѣ минуты отдыха.

Что-жъ ты не идешь ко мнѣ, клянусь моею враждою, я выполню все то, что обѣщаюсь. Есть во мнѣ искусство, есть во мнѣ твердость, необъятность моей вражды тому порукою».

Какъ ни нелѣпъ весь этотъ монологъ, нельзя, однако, не отмѣтить, что въ основѣ его опять лежитъ серьезная проповѣдь свободы сердца, въ формѣ горячаго протеста противъ браковъ, устраиваемыхъ не по сердечной склонности.

Въ общемъ «Лола Монтесъ», конечно, то, что называется «пустячекъ»,

но тѣмъ характернѣе, что и этотъ пустячекъ проникнутъ серьезною мыслью. Съ наступленіемъ безвременія 1848—1855 гг. серьезность мысли почти совершенно исчезаетъ изъ беллетристическихъ произведеній Дружинина.

Что касается «Разсказа Алексѣя Дмитріевича»,—третьей по времени написанія повѣсти Дружинина, настолько восхитившей Бѣлинскаго, что онъ сопоставилъ молодого автора по тонкости анализа съ Герценомъ, то интересъ ея, дѣйствительно, главнымъ образомъ психологическій. Центромъ повѣсти является чрезвычайно характерный типъ дѣвушки, одаренной истинно женскою способностью превращать самоотверженіе и сознаніе долга въ пороки, гибельные для нея самой, и для всѣхъ, кто ее любитъ. Всякій, кто близко присматривался къ любящей женщинѣ, все равно любящая ли она жена или любящая мать, дочь, сестра,—конечно, знаетъ это необузданное стремленіе непремѣнно «приносить жертвы». Мужчина, кого-нибудь любящій, обыкновенно старается осмыслить свою любовь, устроить такъ, чтобы любовь его имѣла цѣль и приносила пользу тому, на кого она направлена. Женщина рѣдко объ этомъ заботится. У нея на первомъ планѣ жажда подвига, жажда самоотверженія ради процесса самоотверженія. Эта характерная черта женской психологіи, знатокомъ которой Дружининъ не безъ основанія считалъ себя, и разработана въ «Разсказѣ Алексѣя Дмитріевича». Героиня—Вѣра Надежина, красивая, симпатичная дѣвушка, совершенно безполезно коверкаетъ свою жизнь, зарываетъ себя въ деревнѣ, гдѣ отвратительная мачиха терзаетъ и мучаетъ ея душу самымъ гнуснымъ образомъ, отказываетъ всѣмъ женихамъ къ ней сватающимся, идетъ даже на разрывъ съ человѣкомъ, котораго полюбила. И все изъ-за того, чтобы остаться при престарѣломъ отцѣ, который въ сущности совсѣмъ не нуждается въ ея уходѣ, но ухаживать за которымъ она считаетъ высшимъ долгомъ своимъ, какъ любящей дочери.

«Высока и благородна казалась мнѣ Вѣринька», говоритъ Алексѣй Дмитріевичъ, отъ лица котораго ведется разсказъ. «Дѣйствія ея были выше всякой похвалы, но причина этихъ дѣйствій была неразумна, возбуждала не сочувствіе, а досаду, переходящую въ ненависть. По усталымъ глазамъ Вѣры Николаевны, по ея блѣдному лицу, по ея вздрагивающимъ губкамъ читалъ я цѣлую повѣсть о борьбѣ страшной, неперестающей, безполезной, о борьбѣ глухой, мелкой, позорной, а вмѣстѣ съ тѣмъ требующей необъятной душевной силы. И въ чемъ состояла эта борьба? въ какомъ-то героическомъ самоотверженіи, въ страсти скрывать, смягчать свои семейныя огорченія, въ ненужной преданности самолюбивому, холодному старику, къ которому прижалось молодое, полное жизни существо, какъ здоровый плющъ къ полусгнившему дереву. И къ чему вела эта преданность? Еслибы Вѣра Николаевна исторгла отца изъ-подъ вліянія скверной женщины, еслибъ она дала ему счастье,—никто бъ не смѣлъ обвинить ее. Но надежды никакой не было, ей оставалось погубить свою энергію, свою простоту, свою молодость... погубить все то, чего не имѣетъ права губить человѣкъ».

Помимо характера Вѣры, довольно тонко разработанъ въ повѣсти харак-

теръ самого разсказчика—Алексѣя Дмитріевича, человѣка незауряднаго душевнаго склада, рѣшительнаго врага всякой пошлости и жаждущаго ощущеній высшаго порядка. По серьезности пониманія цѣлей жизни и вообще по всему духовному облику своему, Алексѣй Дмитріевичъ, если и не есть повтореніе Сакса, то во всякомъ случаѣ сдѣланъ изъ одного съ нимъ тѣста. По общественнымъ взглядамъ своимъ онъ, по опредѣленію автора, принадлежитъ къ тѣмъ «иногда восторженнымъ до ребячества, иногда насмѣшливымъ и полнымъ отрицанія людямъ», которыхъ «вѣчное шатанье и жизнь нараспашку» «заставили горячо любить тотъ изъ классовъ общества, который болѣе всего нуждается въ сочувствіи и заботливости».

Не лишены также психологическаго интереса другія персонажи повѣсти—меланхолически храбрый баронъ Рецель и весь переполненный страстными порывами юноша Костя. Оба они люди отнюдь не банальной душевной жизни, и для того, чтобы разобраться въ ней, несомнѣнно, нужно было не заурядное художественное чувство распознаванія.

Весь вообще «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича», не имѣя такихъ достоинствъ, которыя дѣлали бы его особенно интереснымъ теперь, 50 лѣтъ спустя, и значительно уступая по интересу общественному «Полинькѣ Саксъ», въ чисто-художественномъ отношеніи достоенъ самаго полнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ въ ряду беллетристическихъ произведеній Дружинина «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» съ чисто-художсственной точки зрѣнія безспорно занимаетъ первое мѣсто. Языкъ лучше, чѣмъ въ «Полинькѣ Саксъ»—колоритнѣе, страстнѣе, блещетъ поэтическими образами и оборотами, элементы повѣсти разнообразнѣе, дѣйствіе разностороннѣе и на всемъ вообще произведеніи лежитъ печать окончательно созрѣвшей художественной мысли, что, однакоже, не идетъ въ ущербъ свѣжести. А что всего важнѣе—«Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» вещь безусловно оригинальная, показывающая, слѣдовательно, что въ началѣ дѣятельности въ душѣ Дружинина жило живое пониманіе людей возвышающихся надъ житейскою пошлостью и особая любовь къ психологіи тонкихъ душевныхъ движеній. Восторгъ Бѣлинскаго и предсказаніе, что изъ него выйдетъ второй Искандеръ были вполнѣ законны. Объ 24 лѣтняго юноши, въ теченіе года давшаго такую общественно-важную вещь, какъ «Полинька Саксъ» и такое художественно-тонкое произведеніе, какъ «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича», дѣйствительно можно было ожидать многаго.

Но ожиданія такъ одними ожиданіями и остались. Въ беллетристической карьерѣ Дружинина «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» является поворотнымъ пунктомъ: начиная съ него онъ, правда, всего менѣе прекратилъ писаніе повѣстей и романовъ, но какъ мало отъ этого выигралъ «тоталитетъ» его художественной дѣятельности. Не то, чтобы въ позднѣйшихъ его вещахъ замѣчалось исчезновеніе беллетристическаго таланта. Фактура, хотя-бы, напр., въ нравившемся многимъ «Петергофскомъ фонтанѣ» и др. довольно удовлетвори-

тельна. Но содержаніе странное, вычурное, неестественное, неимѣющее никакого отношенія къ живой дѣйствительности. А главное—до послѣднихъ предѣловъ водевильное, понимая тутъ подъ словомъ «водевильное» не только элементъ дешеваго комизма, но вообще всякія совершающіяся по щучьему велѣнію происшествія и лубочные эффекты.

Нужно вообще подчеркнуть, что водевильность и щучье велѣніе несомнѣнно составляютъ одну изъ характерныхъ чертъ беллетристическаго таланта Дружинина. Мы отмѣтили уже извѣстныя дозы ея въ «Полинькѣ Саксъ» и «Лолѣ Монтесъ». Въ «Разсказѣ Алексѣя Дмитріевича», написанномъ, такъ сказать, съ благословенія Бѣлинскаго, ярко сказалась серьезная художественная дисциплина. Но со смертью Бѣлинскаго, съ наступленіемъ безвременія 1848—1855 гг., съ ослабленіемъ даже въ лучшихъ людяхъ кружка Бѣлинскаго прежняго серьезнаго отношенія къ задачамъ литературы, струйка водевильности, всегда сидѣвшая въ Дружининѣ, превращается въ цѣлый потокъ литературной безвкусицы, который затопляетъ всѣ беллетристическія его работы періода 1848—55 гг. Въ эти печальные годы литературнаго безвременія даже Некрасовъ, котораго въ чемъ, въ чемъ можно обвинить, но только не въ отсутствіи серьезности, дошелъ до того, что сочинилъ вмѣстѣ съ Панаевой—Станицкимъ пошлѣйшій бульварно—мелодраматическій романъ «Три страны свѣта». Что-же удивительнаго въ томъ, что предоставленный самому себѣ Дружининъ сталъ сочинять такія вещи, какъ «Легенду о кислыхъ водахъ», «Жюли» и тому подобныя великосвѣтскія новеллы и новеллеты. Все это произведенія не только совершенно ничтожныя, но и въ значительной степени пошлыя, проникнутыя аристократничаніемъ, чуждыя какихъ-бы то ни было высшихъ стремленій.

Съ наступленіемъ другихъ вѣяній въ литературѣ, Дружининъ, хотя и холодно къ нимъ отнесся, все-таки невольно поддается поднятію общаго уровня литературы и во всякомъ случаѣ уже не увлекается великосвѣтскими вычурами. Относящійся къ 1857 г. романъ «Обрученные» — въ литературномъ отношеніи достаточно посредственный, но по крайней мѣрѣ онъ хоть по намѣреніямъ своимъ интересенъ, какъ желаніе противопоставить пустоту свѣтской жизни жизни осмысленной серьезнымъ взглядомъ на задачи человѣческаго существованія.

Почувствовавъ, что теперь уже съ прежними пустячками стыдно появляться предъ публикою, Дружининъ, прежде печатавшій по нѣсколько повѣстей въ годъ, послѣ «Обрученныхъ» беллетристику окончательно забросилъ. Правда, издатели сочиненій Дружинина почему-то въ отдѣлъ «беллетристики» отнесли «Прошлое лѣто въ деревнѣ», написанное въ 1862 г. Но это недоразумѣніе. Форма дѣйствительно беллетристическая, съ разговорами, описаніями природы и т. д., но по существу это ничто иное какъ рядъ корреспонденцій, рядъ анекдотовъ и впечатлѣній человѣка, пріѣхавшаго въ деревню вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ.

V.

Ознакомленіе съ Дружининымъ-беллетристомъ ни въ какомъ случаѣ не приводитъ къ убѣжденію, что его слѣдуетъ вывести изъ забвенія. Главное произведеніе его — «Полинька Саксъ», какъ мы видѣли, не только не можетъ пожаловаться на несправедливое къ себѣ отношеніе, а, напротивъ того, переоцѣнено. Что же касается всего остальнаго беллетристическаго багажа Дружинина, занявшаго цѣлыхъ 2 тома собранія его сочиненій, то единственно критическая добросовѣстность можетъ заставить прочесть ихъ въ настоящее время. Читатель обыкновенный, читающій не по обязанности, а для собственнаго удовольствія, кромѣ «Полиньки Саксъ» и «Разсказа Алексѣя Дмитріевича» не одолѣетъ до конца ни одной изъ многочисленныхъ повѣстей Дружинина. Объ этомъ, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Переходя въ послѣдовательномъ порядкѣ многочисленныхъ литературныхъ родовъ, въ которыхъ упражнялся усидчивый и необыкновенно легко писавшій Дружининъ, отъ беллетристики къ фельетону, посмотримъ не въ этой ли области кроются права Дружинина на вниманіе потомства.

Проф. А. И. Кирпичниковъ въ восторгѣ отъ фельетоновъ Дружинина. По его мнѣнію, «Дружининъ—царь фельетонистовъ»; «фельетоны Дружинина, собранные въ 8 т. его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, столько лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности — Лукьяна или фельетониста въ области просвѣщенія — Вольтера» [1]).

Какъ ни странны эти восторги, чтобы не сказать болѣе, но высказанные виднымъ профессоромъ исторіи литературы, они налагаютъ извѣстныя обязанности. Не будь ихъ, мы были бы очень кратки въ своемъ обзорѣ фельетонной дѣятельности Дружинина. Мы бы усмотрѣли въ нихъ прямое слѣдствіе извѣстнаго уже читателямъ «чернокнижія» и сказали бы: фельетоны Дружинина наименѣе цѣнная часть его литературнаго наслѣдства. Они поражаютъ своею необыкновенною мелкотою и къ тому очень скучны, ихъ бойкость напускная, въ нихъ нѣтъ ни капельки истиннаго веселья.

---

[1]) Пользуемся случаемъ сдѣлать одну существенную поправку къ статьѣ г. Кирпичникова и разъяснить ошибку, въ которую впалъ почтенный профессоръ. Послѣ словъ „Дружининъ—царь фельетонистовъ" г. Кирпичниковъ прибавляетъ: „блескъ, живость, занимательность его фельетоновъ признаетъ Некрасовъ, въ этомъ дѣлѣ судья, какъ извѣстно, очень компетентный". Отзывъ Некрасова, однако, никоимъ образомъ не относится къ фельетонамъ Чернокнижникова. Г. Кирпичникова сбило слово „фельетоны", но Некрасовъ, какъ видно изъ общаго смысла его некрологической статейки о Дружининѣ, подразумѣвалъ въ данномъ случаѣ „Письма иногороднаго подписчика", да и вообще онъ говорилъ о первой половинѣ 50-хъ г., а восхитившіе г. Кирпичникова фельетоны относятся ко второй ихъ половинѣ.

Но теперь, въ виду восторговъ почтеннаго профессора, въ виду великихъ именъ, всуе имъ произнесенныхъ, приходится затѣвать тяжбу. Какъ же ее повести? Въ данномъ случаѣ споръ сводится къ личнымъ вкусамъ и такъ какъ о вкусахъ спорить нельзя, то мы не видимъ никакого другого пути, кромѣ предоставленія сужденія самимъ читателямъ. Приведемъ выдержки изъ тѣхъ именно мѣстъ, которыя особенно нравятся г. Кирпичникову, и пусть уже читатель рѣшитъ, можно ли примѣнить къ нимъ хотя бы ничтожную долю тѣхъ квалификацій, которыя имъ расточаетъ въ другихъ случаяхъ столь тонко понимающій литературныя явленія профессоръ.

Г. Кирпичниковъ останавливается притомъ исключительно на фельетонахъ Дружинина половины 50-хъ годовъ («Петербургскій Туристъ» въ «С.-Пет. Вѣд.» 1854—1855 гг.), которые и въ свое время прошли мало замѣченными, и ничего не говоритъ о «Сентиментальномъ путешествіи Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ». Онъ только ограничивается констатированіемъ факта, что «Путешествіе» «заставляло до упаду хохотать нашихъ отцовъ». А между тѣмъ «путешествіе» то и есть центральный пунктъ фельетонной дѣятельности Дружинина, такъ какъ остальное, повторяемъ, прошло и въ свое время незамѣченнымъ. Такимъ образомъ въ своемъ желаніи de visu ознакомить читателей съ наиболѣе извѣстнымъ продуктомъ фельетоннаго творчества Дружинина, мы остаемся безъ руководительства его восторженнаго апологета, а самому разобраться гдѣ наиболѣе цѣнные перлы остроумія «Путешествія» необыкновенно трудно: по нашему мнѣнію, оно одинаково плоско на всемъ своемъ протяженіи. Кажется, впрочемъ, что самымъ «забавнымъ» эпизодомъ слѣдуетъ признать главу XI—«Новыя лица на литературномъ вечерѣ и опытъ прейсъ-куранта въ стихахъ», гдѣ читается стихотвореніе-прейскурантъ одного изъ излюбленныхъ комическихъ персонажей Дружининскихъ фельетоновъ — Капернаумова:

Я въ бурной юности моей
Любилъ дѣвицу Вѣру
Но болѣе любилъ я Дрей-
Мадеру.
Любилъ я Аннушекъ и Лизъ
Шатался въ магазины,
Но болѣе любилъ я изъ
Долины [1]).
Есть у меня пріятель Клейнъ,
Онъ любитъ корчить графа,
А выпить развѣ дастъ вамъ Вейнъ
де-Графа.
Въ жару восторга моего
Читалъ я также Стерна,
Но больше выпивалъ я Го-
Сотерна.

[1]) Крымское, 32 к. сер., Шварцкопфа. — *Примѣч. Чернокнижникова.*

Карманъ мой сталъ какъ рѣшето,
Лишился я профиту,
Но съ горя выпивалъ Шато-
Лафиту.
Разъ чуть меня не дернулъ чортъ
Проѣхаться по Рейну.
Но выпить предпочелъ я портъ-
Вейну.
Но, разъѣзжая по Руси,
Отъ Нарвы до Алтая,
Всѣхъ чаще испивалъ я си-
Вoлдая.

Мы остановились на этомъ стихотвореніи, потому что при всей примитивности своего «остроумія» оно, все-таки, у неприхотливаго читателя способно вызвать улыбку. Остальное «Путешествіе», занимающее больше ста страницъ, даже этого смягчающаго обстоятельства за собою не имѣетъ и, читая его, испытываешь рѣшительнѣйшее недоумѣніе. Просто не понимаешь, какъ могъ человѣкъ съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ, такъ долго тянуть такую скучную пошлость. А если повѣрить тому, что отцы наши хохотали до упаду надъ похожденіями Чернокнижникова, то придется констатировать, что годы безвременія 1848—1855 гг. одинаково печально отразились какъ на писателяхъ, такъ и на публикѣ.

Что именно годы безвременія тутъ играли главную роль, можно видѣть изъ сопоставленія «Сентиментальнаго путешествія» съ позднѣйшими фельетонами Дружинина, относящимися ко второй половинѣ 50-хъ годовъ. Начать съ того. что послѣдніе не имѣли никакого успѣха. Одна сторона, значитъ, вылечилась отъ увлеченія литературною пошлостью. А что касается Чернокнижникова, то превратившись въ «петербургскаго туриста», онъ, правда, мало выигралъ въ занимательности и нерѣдко возвращался къ излюбленнымъ типамъ «чудаковъ», странствующихъ по Петербургу въ чаяніи забавныхъ приключеній, но очень часто онъ чудаковъ оставлялъ въ покоѣ, трактовалъ о предметахъ болѣе достойныхъ, да и въ самыя приключенія своихъ чудаковъ вносилъ очень много симпатичнаго.

Г. Кирпичниковъ только «Петербургскимъ Туристомъ» и восхищается, благоразумно отдѣлываясь двумя строчками отъ «Сентиментальнаго Путешестія». Что же именно ему особенно нравится изъ фельетоновъ, составляющихъ циклъ «Петербургскаго Туриста»? «Петербургскій туристъ», говоритъ онъ, «пороковъ не казнитъ и не касается, а преслѣдуетъ мелкіе недостатки петербургскаго и вообще русскаго человѣка, но за то философія, къ которой онъ располагаетъ читателя, не только веселая, но, если можно такъ выразиться за непереводимостью нѣмецкаго gemüthlich, задушевно-добрая, размягчающая сердце. Какимъ, напр., Диккенсовскимъ юморомъ и душевною теплотою дышетъ незатѣйливый по замыслу разсказъ о томъ, какъ нѣсколько добродушныхъ весельчаковъ, ненавистниковъ хорошаго тона, устроили на масляницѣ импровизированный пикникъ въ

какомъ-то подгородномъ трактирѣ и мимоходомъ сдѣлали доброе дѣло: откупили у нѣмца, содержателя балагана, полузамерзшихъ танцовщицъ изъ подгородныхъ крестьянокъ и, угостивъ ихъ, отправили домой».

Диккенсовскій юморъ! Да не посѣтуетъ же читатель на то, что мы приведемъ значительную цитату изъ фельетона, такимъ образомъ аттестованномъ восторженнымъ поклонникомъ фельетоннаго таланта Дружинина. По крайней мѣрѣ мы получимъ понятіе о кульминаціонномъ пунктѣ фельетоннаго творчества Чернокнижникова.

Забравши полузамерзшихъ танцовщицъ, Чернокнижниковъ и его друзья везутъ ихъ въ загородный трактиръ «Мадагаскаръ»:

„Философъ, сообщившій своимъ собратіямъ о томъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ краситъ мѣсто, на этотъ разъ высказалъ истину непреложную. Еслибы мнѣ довелось, по какой-нибудь странной игрѣ случая, очутиться въ „Мадагаскарѣ" одному, днемъ, безъ аппетита въ желудкѣ, какъ противенъ показался бы мнѣ „Мадагаскаръ", съ его кривымъ бильярдомъ, пестрыми обоями, маленькими запотѣвшими окнами, запахомъ предбанника и миѳологическими картинами, на которыхъ нимфы сходствовали съ сатирами, а деревья съ облаками! Какъ непріятно поразили бы мой взоръ посѣтители „Мадагаскара": двое купчиковъ, по очередно пролѣзавшихъ подъ бильярдомъ послѣ партіи; честный ремесленникъ Вурстъ, долгомъ считающій за мѣсяцъ трезвости вознаграждать себя двумя днями безумія на масляницѣ, да еще одинъ странный гость, повидимому предпочитавшій сѣнь таверны своему собственному дому, уже второй день спавшій на диванѣ общей комнаты и даже обросшій бородою, подобно узнику въ темницѣ! Но въ сказанный вечеръ пятницы на Сырной Недѣлѣ самый загородный „Мадагаскаръ" глядѣлъ такъ радушно и весело! Какъ славно мелькали его огоньки между безлиственными деревьями сада, какъ весело заржали наши кони, когда имъ пришлось остановиться у подъѣзда, съ какимъ гостепріимнымъ видомъ выбѣжалъ къ намъ бородатый хозяинъ, какъ оживились въ моей памяти сцены вальтеръ-скоттовыхъ романовъ, въ которыхъ веселые, но утомленные путники такъ часто подъѣзжаютъ къ гостинницѣ и, подъ предводительствомъ содержателя (mine host), идутъ въ общую комнату къ огню, гдѣ ждетъ ихъ походная трапеза, приправленная кружками эля, веселыми шутками и путевыми разсказами! Мое расположеніе духа дѣлили всѣ наши сотоварищи безъ исключенія. „Да здравствуетъ „Мадагаскаръ" и его обитатели!" кричалъ Пайковъ, вылѣзая изъ саней. Халдѣевъ въ это время уже подносилъ хозяину походный стаканчикъ рома, приговаривая: „Выпей, честный островитянинъ за здоровье Ивана Александровича и всѣхъ господъ въ теплыхъ фуражкахъ". „Сердцу будетъ веселѣе", прибавилъ Шайтановъ, стуча зубами и самъ протягивая длань къ флягѣ. Однимъ словомъ, все было въ порядкѣ; однѣ только дѣвочки въ спензерахъ, ѣхавшія съ нами, не показывали никакого признака веселія, потому-что спали всѣ, не исключая Анюты, въ началѣ путешествія бодрствовавшей и даже немного болтавшей.

— „Эй вы, стрекозы, подымайтесь: нѣмецъ идетъ..." началъ было Матвѣй, обернувшись въ ихъ сторону, но воззваніе этого нечувствительнаго брата было тотчасъ же остановлено. Я не велѣлъ ему пока будить дѣвушекъ.

— Господа!—сказалъ я всей нашей компаніи передъ тѣмъ, чтобы подниматься на лѣстницу, — что скажете вы мнѣ, если я теперь предложу вамъ закончить нашъ маленькій подвигъ достойнымъ образомъ? Бѣдняжки, довезенныя нами сюда изъ подъ качелей, безъ всякаго сомнѣнія, голодны; изъ числа ихъ ни одна еще не справляла

масляницы, да едва ли и справитъ, потому что, судя по обращенію Матвѣя, дѣвочекъ не совсѣмъ ласково встрѣтятъ подъ роднымъ кровомъ. Я предлагаю угостить ихъ-нашимъ походнымъ ужиномъ и потомъ уже отпустить по домамъ, подъ прикрытіемъ Матвѣя. Пускай бѣдныя нимфы явятся на ночлегъ съ сытымъ желудкомъ, и пускай для нихъ воспоминаніе о печальной масляницѣ соеденится съ воспоминаніемъ о ласкѣ со стороны добрыхъ гулякъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ!

— Браво! браво! славная мысль! Честь и слава Ивану Александровичу!—загремѣли всѣ товарищи, а затѣмъ, не теряя времени, перешли къ исполненію моихъ предположеній.

Лица, отличавшіяся способностью къ хозяйству, побѣжали на кухню; тѣ, которые не совсѣмъ продрогли, пустились выгружать изъ саней вина, нами привезенныя. Всякій усердствовалъ, всякій помогалъ накрывать столъ, всякій сбивалъ съ толку трактирщика, но за то всякій совершалъ нѣчто полезное. Пайковъ перехватилъ четырехъ странствующихъ музыкантовъ и поставилъ ихъ въ залу; Халдѣевъ оглядѣлъ мадагарскіе погреба; Брандахлыстовъ пригласилъ къ ужину жену трактирщика и ея двухъ толстыхъ, но миловидныхъ дочекъ; Шайтановъ перетащилъ всѣ бальзамины съ оконъ на пиршественный столъ; я же, по долгу человѣка общественнаго, сталъ ходить по боковымъ комнатамъ, знакомясь съ посѣтителями и приглашая ихъ одного за другимъ ужинать вмѣстѣ съ нами. Дѣвочки, привезенныя съ качелей, между тѣмъ, сладко спали въ саняхъ, подъ теплыми полостями, не подозрѣвая о сюрпризѣ, ихъ ожидавшемъ.

Пока я знакомился въ бильярдной съ двумя купчиками, о которыхъ было сказано выше, до слуха моего вдругъ долетѣли отчаянные вопли, соединенные съ какими-то глухими ударами, что, къ сожалѣнію надо сказать, почти всегда бываетъ симптомомъ рукопашнаго боя. Кинувшись въ ту сторону, откуда неслись эти ничего хорошаго не обѣщающіе звуки, я увидѣлъ себя въ маленькой боковой комнаткѣ „Мадагаскара", передъ тѣмъ самымъ кожанымъ диваномъ, на которомъ, четвертъ часа назадъ, покоился мирнымъ сномъ господинъ, обросшій бородою и оттого походившій на узника. На этого самого господина, одареннаго самою тихою и добронравною фигурою, будто ястребы налетѣли ремесленникъ Вурстъ и компанія Вурста. — „Гераусъ! гераусъ!" кричали сыны Германіи, толкая къ лѣстницѣ бѣднаго сонливца, еще неуспѣвшаго опомниться и защитить себя какъ слѣдуетъ. Впереди бойцовъ устремлялся самъ Вурстъ, маленькій красный человѣкъ апоплектическаго сложенія, съ глазами, блиставшими гнѣвомъ.

— Что тутъ дѣлается?—спросилъ я, кидаясь между ратоборцами.—Стыдитесь честный герръ Вурстъ: четверо не нападаютъ на одного. Я не ждалъ подобныхъ дѣлъ отъ васъ... Въ чемъ несогласіе, смѣю спросить?

— Онъ насыпалъ мнѣ табаку въ ротъ, жалобно проговорилъ узникъ, укрываясь за моей персоной,—насыпалъ табаку, а теперь гонитъ изъ комнаты.

— Неправда! — возгласилъ Вурстъ.—Я ему сыпалъ табака въ носъ, а въ ротъ самъ табакъ насыпалась. Я ему давалъ портвейнъ — онъ спалъ. Я его звалъ танцовать—онъ спитъ. Я его хлопалъ по плечу —онъ спалъ. Я его люблю, я его звалъ ужинать. Я сыпалъ табака, чтобъ его пробудить. Я люблю, чтобъ со мной ужинали!

— Да какъ же я буду съ тобой ужинать,—печально проговорилъ сонливецъ,—когда у меня нѣтъ ни копѣйки, а хозяинъ ужъ третій день не выпускаетъ меня отсюда!

— Друзья мои,—сказалъ я, взявъ за руки обоихъ антагонистовъ,—всякая брань есть недоразумѣніе. Объяснимся на одну минуту, и вы оба изъ враговъ будете нѣжными друзьями. Горе тому, кто помрачаетъ свѣтлые дни масляницы постыднымъ несогласіемъ! Идемте всѣ въ общую залу: тамъ уже готова трапеза для всѣхъ посѣтителей „Мадагаскара"... Герръ Вурстъ, присоединяйте вашъ ужинъ къ нашему. Милый

узникъ, осчастливьте моихъ друзей вашей бесѣдой, а за тѣмъ... да здравствуетъ масляница!

Герръ Вурстъ, его друзья и печальная жертва строгости мадагаскарскаго хозяина, рыдая, упали другъ другу въ объятія. Потомъ мы всѣ съ чувствомъ жали другъ другу руки въ теченіе пяти минутъ. Потомъ примиренные бойцы кинулись меня обнимать, потомъ я повелъ всю компанію за ужинъ. Блины уже красовались на тарелкахъ; Шайтановъ пѣлъ романсъ: „Когда суровая зима"... самымъ хриплымъ голосомъ; дѣвочки, наши, спасенныя отъ мороза, уписывали за обѣ щеки, посматривая вокругъ себя радостными глазками; хозяйка „Мадагаскара" поминутно выбѣгала въ кухню и возвращалась оттуда съ полными блюдами; Брандахлыстовъ цѣдилъ напитки въ бокалы, а толстый содержатель гостинницы, взирая на общее ликованіе, произносилъ умиленнымъ голосомъ: „Отъ роду не бывало въ моемъ заведеніи такихъ славныхъ гостей, какъ сегодня"!

Прошло еще полчаса, еще небольшое число минутъ, и пиршество точно сдѣлалось безподобнымъ. Добрая, жирная, свѣтлая масляница произвела свое отрадное вліяніе на каждаго: гости, хозяева, знакомцы и незнакомцы,—все это смѣшалось, сдружилось и, подъ вліяніемъ масляничнаго обаянія, представило картину какого-то Эльдорадо. Халдѣевъ, обладатель огромнаго дома въ Морской, жалъ руку безпріютному узнику, не имѣвшему денегъ на расходы по масляницѣ; Брандахлыстовъ, мужъ изящной романистки, цѣловалъ башмачника Вурста; Лызгачовъ наполнивалъ бокалъ и чокался съ содержателемъ гостинницы; джентльменъ Шайтановъ раздавалъ груши и яблоки безпріютнымъ нимфамъ, еще поутру танцовавшимъ польку на ротондѣ съ деревянными лошадьми. Умилительное дѣйствіе производила вся эта картина! О, вы, человѣконенавистники и хлыщи, вамъ нужно было бы поглядѣть на все описанное мною, провести хотя пять минутъ въ „Мадагаскарѣ", о существованіи котораго, вѣроятно, не знаетъ ни одинъ петербургскій житель!

Когда фрукты были сняты со стола, звуки музыки раздались въ сосѣдней комнатѣ. Странствующіе музыканты (и о нихъ распорядители не забывали по части угощенія) грянули милый Aurora-Walzer стараго времени, вальсъ, подъ звуки котораго порхалъ и я въ свою молодость. Электрическая искра пробѣжала по ногамъ всѣхъ пирующихъ: „Herrlich!" проворчалъ Вурстъ, кидая свой парикъ къ потолку и подхватывая его на лету. „Браво! браво!" возопили Бурлаковъ, Пайковъ, Лызгачовъ и tutti quanti. Но Шайтанову предстояла честь открыть балъ самымъ блистательнымъ образомъ: онъ подошелъ къ младшей изъ выручевныхъ нами дѣвочекъ и сказалъ, ласково улыбаясь:

— Если утренніе танцы васъ не утомили, то позвольте мнѣ надѣяться быть вашимъ кавалеромъ на одинъ туръ вальса.

И Шайтановъ понесся, романически склонивъ голову, счастливый довольный такъ, какъ будто бы онъ танцовалъ съ первѣйшею леди всѣхъ вѣковъ и народовъ. За Шайтановымъ устремились всѣ: одинъ только хозяинъ „Мадагаскара" остался безъ дамы и даже безъ кавалера. Онъ только пристукивалъ сапогами, повторяя: „Отъ роду не видалъ я такихъ славныхъ гостей въ „Мадагаскарѣ"!

Итакъ, это есть Диккенсовскій юморъ. Нѣтъ, почтенный профессоръ, очевидно, впалъ въ какую-то эстетическую аберацію. Уже лучше мы примкнемъ къ мнѣнію сверстника Дружинина, Д. В. Григоровича, который вѣрно охарактеризовалъ холодный темпераментъ своего пріятеля и между прочимъ по поводу претензіи Дружинина на юморъ, замѣтилъ:

«Старанія Дружинина быть веселымъ можно было уподобить стараніямъ

птицы, которая хочетъ летѣть съ подрѣзанными крыльями. Природной веселости въ немъ не было на маковую росинку. Онъ (самъ) этому (однакоже) не вѣрилъ; доказательствомъ служатъ нѣкоторые его разсказы и похожденія Чернокнижникова, писанные въ томъ убѣжденіи, что читатель не усидитъ на мѣстѣ отъ хохота».

Да, уже что-что, а веселости въ похожденіяхъ Чернокнижникова нѣтъ и «на маковую росинку».

VI.

Единственная часть литературнаго наслѣдія Дружинина, которая представляетъ интересъ для такого неотдаленнаго потомства, какъ современный читатель — это его работы въ сферѣ исторіи литературы и критики. Превосходно зная три языка, Дружининъ, при своей страсти къ чтенію, хорошо былъ знакомъ съ современною ему западною литературою. Однако того, что называется эрудиціей, у него не было. Всѣ многочисленные примѣры изъ исторіи англійской «словесности», которыми Дружинъ кстати и некстати уснащалъ свои статьи, въ особенности «Письма иногородняго подписчика», не составляютъ результата его собственныхъ занятій и изысканій. Они почти всѣ почерпнуты изъ книжки Дизраэли-отца «Curiosities of Litterature», чего, сказать кстати, Дружининъ и не намѣренъ былъ скрывать, заявивши разъ прямо, что онъ часто «обкрадываетъ» Дизраэли (томъ VI, стр. 381). Что же касается огромныхъ статей Дружинина о старыхъ англійскихъ писателяхъ (18 в.), то онѣ обыкновенно представляютъ собою простое изложеніе одной, много двухъ, трехъ капитальныхъ сочиненій о затронутомъ сюжетѣ. Дружининъ никогда и попытки не дѣлаетъ отнестись критически къ своимъ источникамъ, сдѣлать какія-нибудь сопоставленія съ другими изслѣдованіями, освѣтить предметъ параллелями изъ другихъ литературъ, дать самостоятельное толкованіе тѣмъ или другимъ литературнымъ явленіямъ; словомъ, не дѣлаетъ ничего такого, что составляетъ сущность всякаго труда, претендующаго на историко-литературное значеніе. Онъ излагаетъ, очень пріятно излагаетъ, ясно и почти всегда занимательно—вотъ и все. Занимательности статей Д. объ иностранной литературѣ очень часто, впрочемъ, вредитъ многословіе. Начинаются онѣ, обыкновенно, живо и занимательно, со свойственнымъ Дружинину изяществомъ стиля, но затѣмъ авторъ видимо устаетъ и, вмѣсто одушевленной передачи излагаемыхъ книгъ, даетъ одинъ вялый пересказъ. Особенно неудаченъ длинный рядъ статей о Джонсонѣ и Босвелѣ, занявшихъ 250 страницъ 4-го тома. Наиболѣе извѣстную изъ статей Дружинина объ англійской литературѣ—о Георгѣ Краббѣ—трудно даже назвать статьей. Она занимаетъ мѣста не мало—это тоже цѣлая монографія въ 250 страницъ и начинается весьма бойко и рѣшительно; авторъ надѣется, что по прочтеніи статьи «публика сама увидитъ сродство великаго

иноземнаго поэта съ нѣкоторыми изъ нашихъ современныхъ дѣятелей, и еще разъ убѣдится въ томъ, что добро, правда и художественность одинаковы во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ». Весьма скоро авторъ, однакоже, совершенно забываетъ о своихъ весьма важныхъ и поучительныхъ намѣреніяхъ и статья превращается даже не въ изложеніе, а въ прямой переводъ произведеній Краббa и притомъ въ переводъ довольно небрежный, потому что произведенія Краббa метрическія, писаны бѣлыми стихами, а Дружининъ переводитъ ихъ безъ всякаго метра и похожи они на стихи только тѣмъ, что напечатаны строчками на манеръ стиховъ. Такой же характеръ почти голаго пересказа носитъ огромная статья въ 200 страницъ о Вальтеръ-Скоттѣ, Шериданѣ, Ричардсонѣ, Гольдсмитѣ и т. д. Тѣмъ не менѣе всѣ эти компиляціи, хотя и лишенныя самостоятельности, конечно, слѣдуетъ поставить Дружинину въ активъ. Уже не будемъ говорить о томъ, что многія изъ нихъ, напр. статью о Краббѣ, можно не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою читать даже и теперь, потому что Краббъ до сихъ поръ не переведенъ на русскій языкъ. Въ свое же время онѣ имѣли болѣе серьезное значеніе. Вспомните тѣ свѣдѣнія о невыносимо-тягостной духовной атмосферѣ безвременія 1848—55 гг., которыя мы сообщали въ объясненіе пошлости похожденій Чернокнижникова и которыя еще понадобятся намъ для «Писемъ иногороднаго подписчика», вспомните, что потребность давать въ одно и то же время и цензурное и занимательное довела Некрасова до «Трехъ странъ свѣта» и значеніе компиляцій Дружинина выяснится само собою. Пусть это и не самостоятельная работа, пусть это порою простое изложеніе и переводъ, но это во всякомъ случаѣ прекрасная литературная пища, удерживавшая читателя въ критическую эпоху на высотѣ серьезнаго вкуса, а самаго компилятора спасавшая отъ опасности погрязнуть въ литературной пошлости.

Чтобы покончить съ работами Дружинина въ области иностранной или вѣрнѣе англійской литературы, отмѣтимъ еще, что онѣ же втянули его въ Шекспира: онъ прекрасно перевелъ «Лира», «Коріолана», «Ричарда III», «Короля Джона» и снабдилъ, кромѣ того, каждый изъ этихъ переводовъ обстоятельными предисловіями, составленными по наиболѣе авторитетнымъ источникамъ «шекспирологіи».

Постоянное общеніе съ англійскою литературою оказало самое рѣшительное вліяніе на выработку литературно-критическаго міросозерцанія Дружинина. Вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, что одинаково хорошо знавшій всѣ три главныхъ европейскихъ языка Дружининъ потому именно и спеціализировался на англійской литературѣ, что она больше всего подходила къ его нравственному складу. Англійская сдержанность и отсутствіе растрепанности особенно пришлись по душѣ холодному, аккуратному и равнодушному Дружинину. Конечно, и въ Англіи далеко не все сдержано и аккуратно. Но Дружининъ не все въ англійской литературѣ и любилъ одинаково. Всего милѣе ему была Англія торійская, о лексикографѣ Джонсонѣ онъ говорилъ съ гораздо большимъ

увлеченіемъ, чѣмъ о Байронѣ, предъ геніемъ котораго, конечно, преклонялся, но презрѣніе котораго къ англійскому cant'у отнюдь его не восхищаетъ. А вотъ англійскій дэндизмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тому эгоизму, который, по вѣрному наблюденію Григоровича, составлялъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ духовной природы «Иногороднаго подписчика». И сталъ онъ этотъ дэндизмъ пересаживать на русскую почву. «Письма иногороднаго подписчика» представляютъ собою яркое проявленіе той смѣси погони за мелочами, внѣшняго и внутренняго щегольства, а главное полнаго безразличія къ вопросамъ морали, которая составляетъ суть дэндизма.

Общій тонъ «Писемъ»—легкая causerie, перескакивающая съ предмета на предметъ, ничего до конца не исчерпывающая, но все мимоходомъ задѣвающая, и всего болѣе старающаяся о томъ, чтобы читателю не было скучно и чтобы предлагаемая ему умственная пища его не утомляла. Авторъ больше всего боится того, чтобы отъ его «Писемъ» не пахло литературой, онъ человѣкъ «хорошаго» общества, онъ о свѣтской жизни говоритъ часто и охотно. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ весьма недоволенъ большинствомъ повѣстей изъ петербургской жизни, потому что въ нихъ «чудное дѣло — незамѣтно и слѣда петербургской жизни— жизни озабоченной и шумной, подчасъ веселой и шумной. Если вѣрить повѣствованіямъ, то въ Петербургѣ только и живутъ, что унылые мечтатели, да бѣдняки, тѣснящіеся по угламъ и подваламъ» (стр. 17). Сотоварища Дружинина по чернокнижію — Панаева часто характеризовали какъ Ювенала каленкоровыхъ манишекъ; иногороднаго подписчика въ извѣстной степени можно назвать ювеналомъ сѣрой бумаги, которую онъ преслѣдуетъ съ неутомимою энергіей. А вотъ стихотворенія Щербины доставили ему истинное наслажденіе уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Они такъ хорошо изданы, что ихъ «нестыдно держать на столѣ въ гостиной».

Справедливость требуетъ прибавить, что такія прямыя проявленія дэндизма не часты въ «Письмахъ иногороднаго подписчика». Дружининъ даже самъ подчасъ выражается противъ нѣкоторыхъ проявленій «дэндизма», и читаетъ ему реприманды. Но съ какой точки зрѣнія? Вникните, напр., въ смыслъ слѣдующаго выговора, который дѣлаетъ Дружининъ Панаеву за его «Львовъ въ провинціи», прислушайтесь къ серьезности, съ которой преподаются слѣдующія правила:

«Первымъ признакомъ каждаго хорошо воспитаннаго человѣка, a well-bred gentleman, если угодно—есть совершенная *терпимость* въ дѣлѣ наружныхъ мелочей. Дѣлить людей на существа хорошаго и дурного тона (эти самыя выраженія звучатъ весьма *неизящно*) можетъ только человѣкъ *неловкій* и неувѣренный въ своемъ собственномъ достоинствѣ. Безпрестанные толки о туалетѣ и восхищеніе передъ хорошо-повязаннымъ галстухомъ такъ же *вредятъ* всякому *порядочному человѣку*, какъ повредило бы ему, еслибъ онъ, надѣвъ очень хорошія перчатки, пустился бы скакать по всему городу, упрашивая всѣхъ проходящихъ хоть немножко полюбоваться на его гладко обтянутую руку» (стр. 611).

Какъ видите, тутъ цѣлый кодексъ, тутъ человѣкъ истинно «порядочный», человѣкъ дѣйствительно «хорошаго» тона и ненавистникъ «дэндизма средней руки», какъ онъ выразился въ другой разъ (стр. 281) даетъ урокъ человѣку «неловкому». Надо самому носить хорошо-повязанный галстухъ, но не надо высказывать «нетерпимости» по отношенію къ людямъ, плохо повязывающимъ галстухъ, важно носить гладко облегающія руку перчатки, но съ полною непринужденностью, ибо эффектъ навязанный слабѣе эффекта самозарождающагося, навязываніе «вредитъ» эффекту, репутація «порядочности» можетъ отъ этого пострадать!

Вотъ какія рѣчи и поученія раздавались теперь съ той самой каѳедры, которую еще такъ недавно занималъ Бѣлинскій. «Первый критикъ», говорящій о «терпимости» и «порядочности» по вопросу о галстухахъ и перчаткахъ—этотъ случай совершенно безпримѣренъ въ исторіи русской критики.

Но какъ ни пошлъ внѣшній дэндизмъ Дружинина, какъ ни больно при мысли, что въ мѣстѣ святѣ, гдѣ только что звучало вдохновенное слово Бѣлинскаго о высшихъ задачахъ жизни, теперь трактовали о томъ, что есть истинный и что ложный хорошій тонъ, все-таки это мелкое щегольство было болѣе смѣшно, чѣмъ опасно.

Гораздо опаснѣе былъ внутренній дэндизмъ «Иногородняго подписчика», его стремленія возвести въ идеалъ литературную бонтонность и безразличіе. Въ основѣ, конечно, лежало то, что въ натурѣ Дружинина не было и капельки той страстности, которая одна и создаетъ истинный критическій темпераментъ. Но не только не былъ огорченъ этимъ своимъ недостаткомъ «иногородній подписчикъ», а прямо щеголялъ имъ. Въ одномъ изъ первыхъ же «Писемъ» онъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые читатели упрекаютъ его за «равнодушіе къ отечественной словесности». Авторъ, однако, ни мало не смущенъ упрекомъ и прямо заявляетъ: «я не имѣю горячей привязанности къ современной литературѣ и смотрю на нее болѣе съ любопытствомъ». Съ любопытствомъ и безъ горячей привязанности! Бѣлинскому былъ дорогъ послѣдній дрянной романъ, который онъ самъ же разносилъ въ пухъ и прахъ.

Нужно ли удивляться тому, что человѣкъ, писавшій имѣя за душой одно любопытство, долженъ былъ неодобрительно относиться къ полемикѣ. Въ полемикѣ, которая есть душа всякой критики, да и вообще всякаго истинно-убѣжденнаго писанія, «Иногородній подписчикъ» абсолютно не признавалъ пользы и протестъ противъ нея проходитъ красною нитью черезъ всѣ его письма. Съ большою радостью констатируетъ онъ, что «съ недавней поры критики наши, къ крайнему удовольствію (?) многихъ читателей, рѣже и рѣже впадаютъ въ полемику и литературные споры. Тишина и согласіе готовы воцариться между литераторами старыми и молодыми». Было чему радоваться. Тишина, конечно, воцарилась, но это была тишина кладбища, а одобрительно говорить о «согласіи» между «старыми и молодыми литераторами», т.-е. между Гречемъ, Булгаринымъ и К-ей съ одной стороны и кружкомъ «Современника» могъ говорить только

такой представитель литературнаго безразличія, какъ Дружининъ періода «Чернокнижія». Когда въ 1853 г. въ «Современникѣ» появилась повѣсть Кукольника, это было признакомъ глубокаго паденія, это значило, что вся страстная борьба Бѣлинскаго противъ литературной напыщенности и трескотни сдается въ архивъ. Но «Иногородній подписчикъ» этому съ восхищеніемъ аплодировалъ, онъ тутъ съ восторгомъ усматривалъ, что «пора узкой исключительности миновалась» (стр. 552). Намѣреніе редакціи «С.-Пет. Вѣд.» «не вступать ни въ какую полемику до крайности похвально», по мнѣнію «Иногородняго подписчика» (стр. 495). Да, наконецъ, полемика ему просто-на-просто «скучна» (стр. 86). Обо всемъ онъ говоритъ ровно и спокойно, ни чѣмъ не увлекаясь, ни на что не негодуя, гордясь тѣмъ, что не принадлежитъ ни къ одному «кружку». Горячиться, спорить—достойно-ли это человѣка «хорошаго» общества! Рисуя свой собственный портретъ, «Иногородній подписчикъ» однажды обмолвился такою характеристикою своего глубокаго индиферентизма:

«Литераторъ, умѣющій держаться вдали отъ *мизернаго ратоборства, довольно обезпеченный для того, чтобъ не зависѣть отъ того или другого изданія,* довольно лѣнивый для того, чтобъ не терять хладнокровія вслѣдствіе *книжнаго спора,* поневолѣ, отъ избытка самодовольствія, чувствуетъ желаніе поддразнивать людей *съ задорнымъ самолюбіемъ и завистливымъ настроеніемъ духа.* Ему такъ и хочется подшутить надъ однимъ спорщикомъ, выслушать доводы другого и *зѣвнуть* при ихъ окончаніи, объявивъ третьему, что онъ не понимаетъ его поступковъ, и, затронувъ каждаго, укрыться въ свою неприступную позицію» (стр. 410).

Въ этихъ немногихъ строкахъ сказался весь Дружининъ періода «Чернокнижія», съ его великосвѣтской nonchalence, съ его отношеніемъ къ своей литературной дѣятельности, какъ къ прихоти, съ его постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ показать, что онъ отнюдь не профессіональный литераторъ. Хочу, пишу, хочу не пишу, въ гонорарѣ не нуждаюсь, ни отъ какого изданія не «завишу» и полемизировать во имя его интересовъ не намѣренъ. А разъ это спортъ, забава—такъ изъ-за чего и горячиться. «Книжный споръ»—развѣ изъ-за этого приходятъ въ изступленіе! Недавній пажъ, такимъ образомъ, невольно сказался въ Дружининѣ, несмотря на всю его привязанность къ литературѣ и правъ былъ Тургеневъ, написавшій на него въ срединѣ 50-хъ годовъ такую эпиграмму:

Дружининъ корчитъ европейца,
Но ошибается чудакъ,
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

Въ общемъ, какъ бы снисходительно не отнестись къ Дружинину періода «чернокнижія», т.-е. къ «Иногороднему подписчику», онъ и близко не подходитъ подъ понятіе «о первомъ критикѣ». При самомъ лучшемъ къ нему отношеніи,

«Иногородній подписчикъ» занимательный, не лишенный таланта *рецензентъ* и никакъ не больше. Его «Письма», занявшія въ литературѣ своего времени такое руководящее положеніе, даже и малѣйшихъ попытокъ не дѣлали касаться тѣхъ вопросовъ, которые поставили критику сороковыхъ годовъ на такую высоту и сдѣлали ее центральнымъ нервнымъ узломъ журналистики. Критика Бѣлинскаго и членовъ его кружка была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Отнюдь не въ ущербъ «эстетикѣ», отнюдь не въ ущербъ глубокому пониманію искусства и его законовъ, она захватывала все, что интересовало развитого читателя, старалась подъ дымкою абстрактныхъ разсужденій отвѣчать на всѣ «проклятые вопросы», которые возникали въ душѣ чуткаго русскаго человѣка, какъ только онъ начиналъ сознательно относиться къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные въ душѣ идеалы, статьи Бѣлинскаго, его «обзоры» всегда имѣли въ своей основѣ одну руководящую идею, и оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ, создавали школу. А Дружининскія письма—это отмѣтки журнальныхъ явленій. Отмѣтки болѣе или менѣе остроумныя, но все-таки отмѣтки. Ни общей мысли, ни сколько-нибудь опредѣленнаго чувства вы въ нихъ не встрѣтите, не встрѣтите вообще того, что принято называть «направленіемъ», если не считать направленіемъ проповѣдь, что и не нужно имѣть никакого направленія. И это былъ главный критикъ, «властитель думъ» своего времени!

Будь Дружининъ авторъ однихъ только «Писемъ иногородняго подписчика», его положеніе въ исторіи русской критики было бы самое печальное. Отнюдь не впадая въ нетерпимость, его слѣдовало бы признать писателемъ вреднымъ, потому что диллетантизмъ и проповѣдь равнодушія вредна со всѣхъ точекъ зрѣнія. Одновременно съ «Письмами иногородняго подписчика» началъ писать обзоры журналистики Аполлонъ Григорьевъ въ «Москвитянинѣ». Это критикъ, съ которымъ еще труднѣе найти точки соприкосновенія, нежели съ Дружининымъ. Но его обзоры проникнуты такою жаждою истины, въ нихъ столько воодушевленія, столько потрачено душевнаго огня на защиту дорогихъ критику именъ и завѣтовъ, что какого бы вы ни были сами направленія, вы должны будете причислить эти безпорядочныя, безсистемныя, но пламенно призывающія къ высшимъ идеаламъ статьи Григорьева къ лучшимъ проявленіямъ русскаго духа и русскаго исканія правды. «Обзоры» Григорьева читаются съ полнымъ интересомъ и теперь, «письма» Дружинина въ лучшемъ случаѣ скучны, а читателя нервнаго это щеголеватое манерничаніе, вѣчно пересыпанное анекдотами изъ «великобританской словесности», прямо раздражаетъ.

VII.

Винить, однако, всецѣло одного Дружинина за пустоту «Писемъ иногородняго подписчика» ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Какъ только вы отъ 6 тома собранія его сочиненій, гдѣ помѣщены «Письма», переходите къ 7-му, гдѣ собраны критическія статьи Дружинина, относящіяся къ 1856—60 гг., передъ вами происходитъ удивительнѣйшая метаморфоза, передъ вами точно другой писатель. Вліяніе безвременія 1848—1855 гг., вліяніе пошлости и пустоты «чернокнижныхъ» собраній, именно къ этимъ годамъ относящееся, сказалось на Дружининѣ съ какою-то математическою ясностью. То, что онъ писалъ до 1848 г. до смерти Бѣлинскаго и наступленія безвременія, проникнуто серьезною мыслью, благородными намѣреніями и написано во всемъ объемѣ таланта, то, что писано въ годы безвременія—пошло, мелко и гораздо менѣе талантливо, то, наконецъ, что писано съ наступленіемъ новыхъ вѣяній въ русской общественной жизни—именно статьи 7-го тома, опять проникнуто серьезною мыслью, по-своему лучшими намѣреніями и превосходно выражено. Такимъ образомъ диллетантскія и мелкоплавающія «Письма иногородняго подписчика» ни въ какомъ случаѣ не отразили всей полноты критическаго таланта Дружинина. Достаточно прочесть первую же большую критическую статью 7-го тома—писанную въ концѣ 1855 г. и посвященную Анненковскому изданію Пушкина, чтобы сразу увидѣть, что вы имѣете дѣло съ серьезно-мыслящимъ человѣкомъ, съ человѣкомъ самыхъ опредѣленныхъ и отнюдь не великосвѣтско-диллетантскихъ воззрѣній на задачи литературы. Дружининъ 7-го тома заслуживаетъ самаго полного вниманія, это безспорно самый выдающійся изъ нашихъ защитниковъ «чистаго искусства» и врагъ весьма опасный критики направленія общественнаго. И если до сихъ поръ наши старанія сводились къ тому, чтобы доказать отсутствіе правъ Дружинина на вниманіе потомства, то по отношенію къ 7-му тому мы первые провозглашаемъ, что онъ несправедливо забытъ. Да, цѣлыхъ семь томовъ собранія сочиненій Дружинина могутъ спокойно продолжать лежать на полкахъ букинистовъ, въ особенности томъ съ фельетонами Чернокнижникова, защиту котораго зачѣмъ-то взялъ на себя А. И. Кирпичниковъ. Но седьмой томъ долженъ быть у всякаго, мало-мальски интересующагося русскою литературою.

Уже по одному тому достоенъ седьмой томъ пристальнаго вниманія, что онъ обстоятельно трактуетъ о самыхъ выдающихся явленіяхъ русской литературы послѣднихъ 60 лѣтъ. Тутъ имѣются большія статьи о Пушкинѣ, Фетѣ, Щербинѣ, Полежаевѣ, Майковѣ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Писемскомъ, Островскомъ, Щедринѣ, Львѣ Толстомъ, Бѣлинскомъ, и болѣе мелкія о Козловѣ, Веневитиновѣ, Ростопчиной, Полонскомъ, Никитинѣ, Губерѣ, Давыдовѣ, Марко-Вовчкѣ, а мимоходомъ, въ излюбленной русскою критикою всѣхъ направленій формѣ отступленій, Дружининъ едва ли оставилъ безъ разсмотрѣнія хотя бы одно сколько-нибудь

крупное явленіе русской литературы. Такимъ образомъ уже одинъ историко-литературный интересъ 7-го тома очень значителенъ, и современный изслѣдователь, изучающій выше перечисленныхъ писателей, сдѣлаетъ крупную ошибку, не справившись съ тѣмъ, что писалъ о нихъ Дружининъ въ періодъ полнаго развитія своего критическаго таланта.

Но и для обыкновеннаго современнаго читателя, Дружининъ, какъ авторъ большихъ статей седьмого тома, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ одинъ только историческій интересъ. У насъ все привыкли толковать о быстротѣ россійскаго прогресса, о томъ, что у насъ чуть ли не каждыя 10 лѣтъ приносятъ такія же измѣненія въ духовной физіономіи общества, какія на западѣ требуютъ смѣны цѣлаго поколѣнія. Читая седьмой томъ Дружинина, рѣшительно въ этомъ разубѣждаешься. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и хоть бы мы на шагъ подвинулись въ разрѣшеніи такихъ элементарныхъ вещей, какъ вопросъ о цѣляхъ и задачахъ литературы. Въ Европѣ за это время чего-чего не произошло: исчезъ романтизмъ, народился и почти завершилъ циклъ своего литературнаго существованія натурализмъ, выступилъ на сцену и завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ символизмъ, а мы все еще споримъ: «искусство для искусства» или «искусство для жизни» и вмѣсто того, чтобы хотя немножечко обновить всѣмъ надоѣвшій запасъ истрепанныхъ литературныхъ темъ, все «пересматриваемъ» старое: пересматриваемъ шестидесятые годы, пересматриваемъ Бѣлинскаго и даже Гоголя стали пересматривать. Современные донъ-Кихоты «чистаго искусства», т.-е. такого, котораго никогда и не было, потому что никогда не было художника «чистаго» отъ «примѣсей» такихъ, увы, неотвратимыхъ вещей, какъ условія времени и мѣста, современные рыцари «вѣчно прекраснаго» гордо выступаютъ во всеоружіи ржавыхъ доспѣховъ, которымъ скоро полвѣка. Прислушиваясь къ этому глухому, надтреснутому бряцанію, нельзя не пожалѣть, что такъ основательно забыты старые палладины «чистаго искусства», ну хотя бы Дружининъ, который былъ куда же послѣдовательнѣе нынѣшнихъ единомышленниковъ своихъ, да и гораздо смѣлѣе ихъ, потому что шелъ не за теченіемъ, а противъ.

Мы завели рѣчь о современномъ лагерѣ «чистаго искусства», потому что сопоставленіе его тактики и того, что проповѣдывалъ Дружининъ очень ярко оттѣняетъ существеннѣйшіе пункты литературнаго міросозерцанія нашего критика. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ то, что въ настоящее время проповѣдуется жрецами «чистаго искусства», какъ мало мы тутъ найдемъ истинной свободы отъ «примѣсей» самаго временнаго свойства. Не говоря уже о критикѣ лагеря, «чистаго искусства», возьмемте даже поэтическое творчество писателей, къ нему примыкающихъ. Какъ мы уже разъ имѣли случай отмѣтить, все это на половину полемика. Вамъ не просто поютъ про трели соловья и «ласку милой», а демонстративно, каждой строчкой хотятъ сказать: «вотъ тамъ въ шестидесятыхъ годахъ все кричали про «полезное» искусство, да про «граж-

данскую» поэзію, а мы надъ всѣмъ этимъ смѣемся, мы презираемъ «политику», мы только «чистому» искусству желаемъ служить. Въ результатѣ получается та же тенденціозность, только что къ ней подходятъ съ другой стороны. Узость фанатиковъ «полезнаго» искусства состояла въ томъ, что они хотѣли стѣснить свободу творчества и стремились превратить художественное творчество въ орудіе публицистическихъ цѣлей. Но въ такую же узость впадаетъ и та литературная реакція, которая возникла какъ протестъ противъ крайностей теорій 60-хъ годовъ. Изгоняя «политику» и считая только «чистое искусство» удѣломъ художественнго творчества, мы совершенно въ такой же степени налагаемъ цѣпи на свободу творчества, въ какой ее стѣсняли фанатики «полезнаго» искусства, требуя исключительно «гражданскихъ» мотивовъ. Истинный художникъ ничѣмъ не ограничиваетъ своего творческаго полета, чему прекраснѣйшимъ образчикомъ можетъ служить Пушкинъ. Пушкинъ пѣлъ и «красу небесъ» и «ласку милой», а когда его волновала «злоба дня», онъ ни мало не стѣснялся посвящать ей свое лучшее вдохновеніе и доходилъ до такихъ памфлетовъ, какъ «Клеветникамъ Россіи». Представители нашей литературной реакціи очень много говорятъ о воскрешеніи пушкинскихъ традицій, а забываютъ главный его завѣтъ—идти «дорогою свободной», куда влечетъ художника «свободный умъ», не знающій запретительныхъ надписей: этого не касайся, ты осквернишься служеніемъ злобѣ дня, туда не ходи — это путь Некрасова, сюда не заглядывай — превратишься въ «идейнаго» поэта 60-хъ годовъ и т. д. И оттого то такъ часто на произведеніяхъ современныхъ палладиновъ «чистаго искусства» лежитъ печать принужденности, чего-то не вполнѣ искренняго, искусственно бодрящагося и какъ бы бросающаго кому-то вызовъ.

Дружининъ отъ этой вывороченной на изнанку тенденціозности совершенно свободенъ. Онъ самъ себя всего чаще титулуетъ представителемъ идей «чистаго» искусства, но гораздо правильнѣе называть его провозвѣстникомъ искусства свободнаго. Основной его тезисъ — художникъ долженъ всегда идти въ ту сторону, куда его влечетъ совокупность свойствъ его духовной природы. Будучи самъ рѣшительнѣйшимъ противникомъ всякаго тенденціознаго искусства или того, что онъ называлъ «дидактикой», Дружининъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякому «дидактику» совѣтывалъ быть таковымъ, если онъ искренно проникнутъ стремленіемъ къ дидактизму. Дружининъ создалъ замѣчательно-вѣрную теорію писательской «энергіи», ставящую вопросъ о «направленіяхъ» чрезвычайно широко.

«Подъ словомъ энергія», говорилъ онъ, «мы разумѣемъ не пламенность, не особенную фактуру стиха, дѣлающую стихъ желѣзнымъ и алмазнымъ (любимые эпитеты старыхъ критиковъ), даже не выдержанность манеры, даже не трудолюбіе, такъ необходимое и первоклассным геніямъ. Подъ словомъ поэтическая энергія мы разумѣемъ убѣжденіе самого поэта въ томъ, что онъ имѣетъ право жить и пѣть во весь свой голосъ, свершая тѣмъ призваніе, ему данное отъ природы. Для человѣка, одареннаго поэтическою энергіей, слово муза есть

не пустая выдумка изъ старой миеологіи, для него вдохновеніе существуетъ не въ видѣ метафоры, придуманной классиками, а въ формѣ духовнаго ощущенія, и знакомаго, и понятнаго, и уважительнаго. Поэтъ энергическій будетъ всегда твердо стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ его пѣснопѣній. Онъ не будетъ выставлять на показъ свою лѣность, а небрежное обращеніе съ музой станетъ онъ считать почти-что за преступленіе. Къ темѣ, его вдохновившей, такой поэтъ не будетъ подступать неохотно, какъ иногда подходитъ, отъ нечего дѣлать, иной бальный кавалеръ къ некрасивой дѣвицѣ, никѣмъ не приглашаемой на танцы. Всякій предметъ, затронувшій его поэтическое чутье, будетъ ему казаться высокимъ, прекраснымъ, или, по крайней мѣрѣ, живописнымъ до крайностей. Онъ не станетъ двоить своихъ ощущеній и бросаться съ одного пути на другой, но, схвативши извѣстный предметъ, отдается ему весь, хотя бы на одно мгновеніе. Слѣдуя такой дорогой, поэтъ съ энергіей всегда будетъ имѣть свой вѣсъ и свою цѣну, хотя бы въ общей сложности своего направленія онъ грѣшилъ противъ самыхъ важныхъ законовъ искусства. *Жизнь и постоянство, сила и сосредоточенная мысль способны всюду влить настоящую кровь, всюду высказаться самымъ мѣткимъ способомъ. Не только поэтъ, поставившій своею цѣлью одно свободное служеніе искусству, но и поэтъ-сатирикъ, и поэтъ-дидактикъ будутъ полны значенія, если каждый изъ нихъ пойдетъ по своей тропѣ, съ энергіей про которую сейчасъ говорилось»* (Т. 7, стр. 134).

Всякій долженъ будетъ согласиться, что тутъ принципъ писательской свободы провозглашенъ не всуе, что тутъ нѣтъ и тѣни стремленія подъ прикрытіемъ свободы зажать ротъ людямъ лагеря «полезнаго» искусства, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія подвести все и вся подъ свой ранжиръ «чистаго» пѣснопѣнія.

Вѣрный принципу художественной свободы, какъ основного мѣрила для оцѣнки литературнаго значенія писателя, Дружининъ выше другихъ всегда ставитъ тѣхъ поэтовъ и романистовъ, въ которыхъ замѣчаетъ полную свободу отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ теорій и намѣреній. Любимцы его отнюдь не авторы стихотвореній «къ ней», какъ можно было бы подумать, судя по современнымъ провозвѣстникамъ «чистаго» искусства. Правда, онъ въ величайшемъ восторгѣ отъ Фета, но почему? Потому что Фетъ въ высшей степени оригиналенъ, потому что онъ вноситъ свое собственное освѣщеніе въ тѣ уголки душевной жизни, которые онъ разрабатываетъ. Рядомъ съ Фетомъ, Дружининъ, однако, съ полнымъ уваженіемъ относится къ Некрасову, потому что его «дидактика» «сильна» и «энергична» и это имъ придаетъ «оригинальную красоту» (стр. 135).

Больше всѣхъ современныхъ писателей Дружинину нравился Толстой. Толстой и Фетъ! Уже одно сопоставленіе этихъ двухъ любимцевъ Дружинина, особенно ему близкихъ, должно показать, какъ далекъ нашъ критикъ отъ какой бы то ни было узости. Оба эти діаметрально-противоположные по всему

своему духовному складу писателя, вполнѣ послѣдовательно и гармонично объединены въ симпатіяхъ Дружинина тѣмъ, что каждый изъ нихъ идетъ путемъ совершенно самостоятельнымъ—качество, выше котораго онъ ничего не знаетъ. Кстати будетъ сказать, что двѣ статьи Дружинина о Толстомъ дѣлаютъ величайшую честь проницательности столь несправедливо забытаго критика. Обѣ онѣ относятся къ 1856 г., когда Толстой былъ авторомъ только «Дѣтства и отрочества», «Военныхъ разсказовъ», «Двухъ гусаръ» и «Метели». Толстой былъ тогда еле показавшійся на литературной аренѣ дебютантъ. Правда, «Севастопольскіе разсказы» быстро создали ему популярность, но все-таки никто, кромѣ Дружинина, не примѣнилъ къ нему такихъ уже восторженныхъ похвалъ. Дружининъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы назвать творческую или, по его терминологіи, «поэтическую» силу Толстого «великой». Не остановился онъ и передъ тѣмъ, чтобы отдаться литературному пророчеству относительно своего любимца и нельзя не признать, что это пророчество блестяще оправдалось:

«Графъ Толстой навсегда останется независимымъ и свободнымъ творцомъ своихъ произведеній. Ему нечего бояться литературной рутины: онъ не будетъ писать сантиментальныхъ диссертацій на современныя темы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не станетъ изображать какого-нибудь журчанія ручейка, если его собственное настроеніе не повлечетъ его къ журчащему ручью съ непреодолимою силою. Онъ будетъ прямъ и искрененъ въ проявленіяхъ своей поэтической фантазіи. Если ему вздумается написать идиллію — никакой авторитетъ не склонитъ его передѣлать идиллію въ сатиру. Если вдохновеніе застанетъ его въ минуты тяжелыя для души — графъ Толстой не станетъ насиловать себя для идиллической картины. Весь міръ раскроется передъ нимъ съ своими свѣтлыми и темными сторонами, а онъ не устремится къ той или другой сторонѣ міра по чужому указанію» (стр. 174).

Все это оправдалось до малѣйшихъ деталей.

Въ тѣснѣйшей связи съ проповѣдью свободнаго искусства находится другая основная черта критическаго міросозерцанія Дружинина, красною нитью проходящая через всѣ его статьи—борьба съ «дидактикою». Третье слово у него—подчеркиваніе слабыхъ сторонъ тенденціознаго искусства, вдохновляющагося не тѣмъ, что свободно зародилось въ творческомъ настроеніи, а соображеніями моральнаго или политическаго свойства.

Борьбу съ «дидактикою» Дружининъ ведетъ съ большимъ искусствомъ. Уже въ одной кличкѣ очень много яду. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, никакой возможности отрицать ея правильности: вѣдь дѣйствительно литература, вѣрная завѣтамъ Бѣлинскаго второй половины его дѣятельности, дѣлаетъ какъ разъ то, что дѣлала поэзія дидактическая, т.-е. прежде всего поучаетъ и обращаетъ искусство въ средство лучшаго усвоенія «полезнаго». Такимъ образомъ устанавливается логическая связь съ такимъ антипатичнымъ явленіемъ, о полной нелитературности котораго всего менѣе сталъ бы спорить Бѣлинскій, пламенно со-

крушавшiй дидактику въ своихъ обзорахъ старой словесности русской. Сближенiе съ дутой, чопорной и педантическою дидактикою столь же непрiятно для всякаго искренняго приверженца идейнаго искусства, у котораго эта идейность отнюдь не проистекаетъ изъ сухости натуры, а напротивъ того, отъ полноты чувства, какъ непрiятно искреннимъ приверженцамъ принципа «цѣль оправдываетъ средства», когда они узнаютъ, что это девизъ iезуитовъ.

Главные доводы Дружинина противъ «дидактики» не столько касаются вопроса по существу, сколько стараются убѣдить писателей, что, вводя въ свои произведенiя злобу дня, они тѣмъ самымъ лишаютъ себя всякой литературной будущности:

«Незыблемо и твердо стоятъ поэты, чтители искусства чистаго, голосъ ихъ раздается изъ столѣтiя въ столѣтiе, между тѣмъ какъ голоса дидактиковъ (часто благородные и сильные голоса) умираютъ, едва прокричавши кое-что и погружаются въ пучину полнаго забвенiя. Дидактики-моралисты еще играютъ нѣкоторую роль въ словесности, благодаря *вѣчному* (курсивъ Дружинина) нравственно-философскому элементу въ ихъ дѣятельности, но дидактики, приносящiе свой поэтическiй талантъ въ жертву интересамъ такъ называемой *современности* (курсивъ Д.), вянутъ и отцвѣтаютъ вмѣстѣ съ современностью, которой служили. Въ великомъ поступательномъ движенiи человѣка и общества—десятки годовъ, составляющiе срокъ жизни цѣлаго человѣческаго поколѣнiя,—есть атомъ, минута, кратчайшiй срокъ изъ вѣчно-переходной эпохи. То, что сегодня было ново, смѣло и плодотворно, — завтра старо и непримѣнимо, и что еще грустнѣе—не нужно обществу! Горе поэту, промѣнявшему вѣчную цѣль на цѣль временную; горе мореходцу, довѣрчиво бросившему свой единственный якорь не въ твердое дно, а въ наносную отмель безъ устойчивости и крѣпости! И странное дѣло, и странная сила чистаго генiя,—поэты-олимпiйцы, поэты столь невозмутимые, поэты, удалившiеся отъ житейскихъ тревогъ и немыслящiе поучать человѣка,—дѣлаются его вожатаями, его наставниками, его учителями, его прорицателями въ то самое время, когда жрецы современности теряютъ все свое значенiе! Къ нимъ народы приходятъ за духовною пищею, и отходятъ отъ нихъ, просвѣтлѣвъ духомъ, подвинувшись на пути просвѣщенiя. Ихъ чтитъ потомство, давно позабывшее возгласы поэтовъ-дидактиковъ, служителей элемента преходящаго. Ихъ каждое слово умягчаетъ душу смертнаго, съ ними сбывается сказанiе про Орфея, подъ вдохновенныя пѣсни котораго города строились сами, битвы прекращались, люди подавали руки другъ другу и даже дикiе звѣри забывали свою жестокость. Добро, красота и правда, вдохновлявшiя этихъ поэтовъ, отражались во всѣхъ ихъ произведенiяхъ. И произведенiя эти, пропѣтыя въ минуту вдохновенiя, набросанныя для одного наслажденiя, безъ всякой поучительной цѣли, стали зерномъ общаго поученiя, основанiемъ нашихъ познанiй, нашихъ добрыхъ помысловъ, нашихъ великихъ дѣянiй» (стр. 217).

Мы не станемъ спорить по существу этихъ соображенiй. Опровергнуть ихъ

не трудно простымъ указаніемъ на то, что рѣка забвенія топитъ всѣ дѣла людей, и дидактиковъ, и «чистыхъ» художниковъ и что какихъ-нибудь десятка два именъ, уцѣлѣвшихъ отъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, никакъ не могутъ ослабить охоту служить современности. «Человѣческое поколѣніе», конечно, только «минута вѣчно-переходной эпохи», но для огромнѣйшаго большинства даже очень выдающихся писателей это срокъ достаточно заманчивый, въ особенности если вспомнить, что̀ сказалъ о служеніи современности одинъ изъ немногихъ избранниковъ, пережившихъ свое поколѣніе:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Насъ въ приведенной цитатѣ больше всего интересуетъ широкая постановка вопроса, такъ выгодно отдѣляющая стараго защитника «чистаго» искусства отъ современныхъ провозвѣстниковъ его. Вамъ не швыряютъ въ лицо упрекъ въ угодничествѣ толпѣ, васъ не заподазриваютъ въ разнуздываніи инстинктовъ, въ оскверненіи идеаловъ и т. д., вамъ даже не говорятъ, что внесеніе злобы дня знаменуетъ собою упадокъ литературы. Съ вами спорятъ во имя *всей* святой троицы— добра, красоты и правды, противъ *гармоническаго* сочетанія которой, — а не такъ, чтобы красота занимала первенствующее мѣсто—никогда еще не спорилъ ни одинъ самый завзятый защитникъ «полезнаго» искусства.

Элементы «добра и правды» вообще отнюдь не находятся въ такомъ пренебреженіи у Дружинина, какъ можно было бы ожидать отъ человѣка, который всегда любилъ выставлять себя эстетикомъ à outrance. Въ большое заблужденіе впадетъ тотъ, кто изъ борьбы его съ «дидактизмомъ» выведетъ заключеніе, что онъ противъ разработки соціальныхъ тэмъ и обнаженія соціальныхъ язвъ. Ничуть. Рядомъ съ принципомъ свободы искусства и ненавистью къ дидактикѣ, у Дружинина есть еще третій основной лозунгъ—требованіе отъ писателей «знанія быта». Это требованіе опять таки чрезвычайно выгодно отдѣляетъ Дружинина отъ современныхъ проповѣдниковъ чистаго искусства. «Чистое» искусство отнюдь не означаетъ для Дружинина описываніе заката солнца и любви въ лунную ночь. Не однихъ «звуковъ чистыхъ и молитвъ» онъ ждетъ отъ «истинной» литературы. Для него никакая дѣйствительность не была «грязна». Казалось бы, что общаго между Дружининымъ и Щедринымъ, при имени котораго всякій современный «эстетикъ» всегда иронически улыбается. Однакоже, онъ осыпалъ «Губернскіе очерки» похвалами. За что? За то, что Щедринъ знаетъ «бытъ», за то что писатель долженъ схватывать «фактъ, дѣло». За знаніе «быта» онъ восторгается также Писемскимъ и Островскимъ. Посмотрите какія тэмы даетъ этотъ «эстетикъ» обличительнымъ литераторамъ конца 50-хъ годовъ, къ которымъ, вообще говоря, онъ относился крайне неодобрительно за «безплодную возню съ исключительными явленіями, помимо сущности дѣла» (стр. 574). «Изображалъ ли кто-нибудь изъ нашихъ писателей положеніе цѣ-

лаго селенія, въ которомъ, по вѣтренному или корыстному разсчету владѣльца, земледѣліе заброшено и всѣ рабочія силы пожертвованы на какую-нибудь огромную фабрику, расшатывающую нравственность, здоровье и благосостояніе всего населенія? Касались ли наши сельскіе обличители безпрерывно повторяющагося факта отдаванія имѣній въ аренду и безконечаго зла, отъ аренды происходящаго? Знаютъ ли они, что значитъ кабакъ, по безпечности помѣщика или изъ грошовыхъ барышей допущенный въ деревню, гдѣ прежде кабака не было»? Перечисливъ затѣмъ длинный рядъ явленій деревенской жизни, пропущенныхъ обличительной литературой, останавливавшейся исключительно на лубочныхъ эффектахъ засѣченія или изнасилованія помѣщиками крестьянъ и крестьянокъ, Дружининъ резюмируетъ такъ свои упреки: «мудрено ли послѣ этого, что наша обличительная литература, слабая во многихъ своихъ проявленіяхъ, не только слаба, но совершенно ничтожна въ отношеніи къ изображенію русской сельской жизни. Наше общество вовсе не злится на писателей, съ знаніемъ дѣла указывающихъ его темныя стороны,—успѣхъ и симпатіи, встрѣтившіе Щедрина, подтверждаютъ слова наши. Но деревенскій нашъ бытъ не имѣлъ своихъ Щедриныхъ» (стр. 577).

Длинный рядъ темъ, предложенныхъ Дружининымъ для разработки, хоть бы самому завзятому народнику задать. Но онъ тутъ не дѣйствовалъ въ угоду какой бы то ни было изъ политическихъ теорій, къ которымъ былъ безконечно равнодушенъ, а единственно потому, что всегда стоялъ за правду и отсутствіе напряженности какъ главную задачу литературы. Вся его вражда къ «дидактикѣ» основана на томъ, что дидактики подгоняютъ дѣйствительную жизнь подъ узкія рамки своихъ исключительныхъ симпатій и антипатій.

Таковъ Дружининъ въ основныхъ чертахъ своего критическаго міросозерцанія и нельзя будетъ, безъ явной несправедливости, не признать за этимъ міросозерцаніемъ стройность, искренность и послѣдовательность.

Переходя къ частностямъ седьмого тома, мы не разъ натыкаемся въ немъ на мнѣнія и сужденія, которыя могутъ вызвать только улыбку. Ужасно смѣшно, напримѣръ, что въ большинствѣ своихъ статей, которыя почти всѣ относятся къ 1856—59 гг. Дружининъ не устаетъ прославлять побѣду чистаго искусства и окончательное пораженій теорій конца 40-хъ годовъ съ ихъ стремленіемъ сдѣлать литературу орудіемъ общественнаго реформаторства. За какихъ-нибудь 2—3 года до того, когда литературой всецѣло, до крайнихъ предѣловъ увлеченія, завладѣваетъ идейное искусство и почти яростное презрѣніе къ поэзіи, Дружининъ серьезнѣйшимъ образомъ провозглашалъ, что наступила «реакція противъ недавняго ультрареальнаго воззрѣнія на стихотворцевъ и ихъ значеніе» (стр. 118).

Крайнее недоумѣніе возбуждаетъ также отношеніе Дружинина къ европейскому «дидактизму». Относясь съ враждою къ «молодой Германіи» и Франціи сороковыхъ годовъ, «Дружининъ не только не можетъ равнодушно слушать

имена Берне, Гуцкова, Фрейлиграта, Гервега, Пруца, которые «опозорили» себя своею враждою къ Гете, но прямо доходитъ до утвержденія, что дидактики «не выставили ни одного великаго имени» (стр. 279). А между тѣмъ онъ къ числу завзятѣйшихъ дидактиковъ причисляетъ Гейне, Жоржъ Зандъ и Виктора Гюго!

Такимъ же партійнымъ ослѣпленіемъ проникнута самая большая статья седьмого тома—о Тургеневѣ. Статья эта во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательна. Она, во-первыхъ, написана съ воодушевленіемъ, въ особенности въ началѣ—подъ конецъ авторъ видимо усталъ и дотягивалъ ее кое-какъ; затѣмъ, содержитъ много весьма вѣрныхъ, отдѣльныхъ замѣчаній, но общая мысль ея не выдерживаетъ самой снисходительной критики, съ какой бы точки зрѣнія вы къ ней ни подошли бы. По мнѣнію Дружинина, въ Тургеневѣ совершенно напрасно усматриваютъ писателя «общественнаго», онъ поэтъ и больше ничего. Онъ вовсе не тѣмъ замѣчателенъ, что изображалъ народъ, сатира его не страшна, въ немъ нѣтъ ничего порицающаго и насмѣшливаго, онъ не «создатель живыхъ типовъ» (стр. 297), онъ поэтъ, поэтъ, поэтъ и внѣ этого никакого значенія не имѣетъ. Нелѣпо было бы, конечно, отрицать великую поэтическую силу Тургенева и странно было бы не чувствовать на себѣ чарующее вліяніе тургеневсакго поэтическаго «міровоспріятія», но столь же явно несообразно не видѣть великихъ заслугъ Тургенева, какъ писателя, съ необыкновенною чуткостью отразившаго важнѣйшія русскія общественныя настроенія послѣдняго полустолѣтія. Самъ Дружининъ мимоходомъ совершенно вѣрно назвалъ творчество Тургенева «поэтическою энциклопедіею послѣднихъ 20 лѣтъ» (стр. 297). Такъ зачѣмъ же игнорировать такую крупную заслугу? Еще недавно С. А. Андреевскій подвергъ вдумчивому анализу именно поэтическую сторону дарованія Тургенева, но ему ни на одну минуту не приходило на умъ отрицать великое значеніе его общественныхъ типовъ. Правда, Дружининъ писалъ въ 1856 г., когда еще не было ни «Наканунѣ», ни «Отцевъ и Дѣтей» и т. д., обстоятельство, конечно, нѣсколько смягчающее безспорную критическую вину Дружинина. Но все-таки наканунѣ того, какъ Тургеневъ всецѣло отдается отраженію различныхъ «моментовъ» общественнаго настроенія торжествующе зачислить его въ ряды «чистаго» искусства—этотъ эпизодъ не можетъ быть причисленъ къ блестящимъ страницамъ литературнаго формуляра критика, претендующаго на проницательность.

Рядомъ съ такими промахами и увлеченіями, нельзя не отмѣтить и при частномъ разборѣ отдѣльныхъ статей седьмого тома, рядъ мыслей и замѣчаній, свидѣтельствующихъ о тонкомъ литературномъ пониманіи Дружинина и его умѣніи извлекать изъ разбираемаго существеннѣйшія черты.

Прекрасна напр. статья о Пушкинѣ, вызванная Анненковскимъ изданіемъ. Здѣсь, между прочимъ, Дружининъ проводитъ чрезвычайно вѣрный взглядъ на высокое образованіе Пушкина. Въ настоящее время это составляетъ мнѣніе общераспространенное, но въ то время взглядъ на Пушкина, какъ на человѣка

исключительно порхавшаго въ свѣтлой области поэтическаго созерцанія, не «корпя» надъ книжками, былъ очень распространенъ даже среди самыхъ искреннихъ поклонниковъ великаго поэта и много надо было имѣть умственной инициативы, чтобы обосновать на Анненковскомъ матеріалѣ взглядъ діаметрально-противоположный.

Статья Дружинина о Фетѣ, безспорно, можетъ быть названа лучшимъ разборомъ своеобразной музы этого спеціальнаго любимца Дружинина. Вѣрно разобранъ также Огаревъ, Никитинъ, Полонскій. Въ разборѣ «Исторіи русской поэзіи» Милюкова Дружининъ съ большимъ искусствомъ защищаетъ народную поэзію. Милюковъ рабски слѣдуетъ Бѣлинскому, а непониманіе народной поэзіи, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ великаго критика.

Большая статья Дружинина объ «Обломовѣ» не можетъ по глубинѣ проникновенія въ сущность предмета идти въ сравненіе съ знаменитою статьею Добролюбова. Но всякій изслѣдователь Гончарова не долженъ пройти и мимо разбора Дружинина, который, во всякомъ случаѣ, по поводу «Обломова» высказалъ нѣсколько вполнѣ самостоятельныхъ мыслей. Безусловно вѣрно напр., что «Сонъ Обломова» ни въ какомъ случаѣ не есть сатира, а вполнѣ любовное воспроизведеніе дорогого автору прошлаго. Болѣе спорно, конечно, утвержденіе Дружинина, что Обломовъ типъ не исключительно русскій, и что при переводѣ романа на «иностранные языки, успѣхъ его покажетъ до какой степени общи и всемірны типы, его наполняющіе» (стр. 598). Будущее показало, что это невѣрно. Самъ Дружининъ смотритъ на Обломова вполнѣ благожелательно, онъ его ставитъ гораздо выше Штольца и даже Ольги, онъ ему «любезенъ, какъ чудакъ, который въ нашу эпоху себялюбія, ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему-нибудь скверному» (стр. 601).

Истиннымъ украшеніемъ седьмого тома являются вторая статья Дружинина о Бѣлинскомъ, написанная по поводу первыхъ томовъ выходившаго въ 1859 г. собранія сочиненій Бѣлинскаго. Съ Бѣлинскимъ Дружининъ воюетъ на протяженіи всѣхъ крупныхъ статей своихъ. Нѣтъ той темы, которую бы онъ не затронулъ, нѣтъ того писателя, котораго бы онъ разбиралъ и при этомъ не коснулся бы вдохновителя русскаго «дидактизма». Но все это отнюдь не мѣшаетъ ему относиться съ величайшимъ уваженіемъ къ «критику-поэту», какъ онъ его прекрасно называетъ. Онъ не принадлежитъ къ людямъ непомнящимъ родства и, совершенно расходясь съ Бѣлинскимъ въ самыхъ главныхъ пунктахъ литературнаго міросозерцанія, все-таки считаетъ его сочиненія «вѣчно-памятными и надолго плодотворными для русской литературы» (стр. 601). Душевный портретъ Бѣлинскаго, котораго Дружининъ нѣсколько зналъ, набросанъ замѣчательно вѣрно, рельефно обрисованы лучшія качества его горячей натуры и мѣтко указано историческое значеніе критическихъ статей Бѣлинскаго о ста-

рой литературѣ русской. Современный читатель, конечно, не найдетъ въ статьѣ Дружинина ничего новаго. Все это стало уже теперь общимъ мѣстомъ. Но въ 1860 г., когда еще очень мало было писано о Бѣлинскомъ, статья дѣлала большую честь и уму и сердцу автора, котораго не даромъ и противники прозвали «честнымъ рыцаремъ» за истинное джентльменство въ полемикѣ иполное отсутствіе какихъ-бы то ни было личностей въ его писаніяхъ. Изъ холодности своего темперамента, изъ своей нелюбви къ полемикѣ Дружининъ извлекъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что ни въ одной его статьѣ вы не найдете ни одного грубаго выраженія, ни одной личности, ни одной рѣзкости по отношенію къ писателямъ живымъ.

VIII.

Намъ остается, въ заключеніе, опять задаться вопросомъ: почему же такъ рѣшительно, такъ безповоротно забытъ этотъ образованный, прекрасно писавшій и въ лучшій періодъ своей дѣятельности серьезно мыслившій критикъ?

Отвѣтъ можно найти у самого же Дружинина. Въ статьѣ о Пушкинѣ онъ безусловно вѣрно подмѣчаетъ слѣдующую особенность русской литературы:

«Всѣ почти великіе дѣятели русской словесности были не простыми пѣвцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *учителями* своихъ читателей, принимая слово «учитель» въ его весьма прозаическомъ смыслѣ. Иначе и быть не можетъ въ обществѣ еще юномъ, еще недавно призванномъ къ образованію. «Пѣть подобно птицѣ», о которой говоритъ бардъ у Гете, можно только посреди народа, изнѣженнаго давнимъ образованіемъ, немного одряхлѣвшаго и нуждающагося въ одномъ лишь умственномъ развлеченіи. Тамъ, гдѣ масса избранныхъ читателей, по учености своей, сама способна давать совѣты поэту—поэтъ можетъ мыслить только о своемъ талантѣ, принаровлять его къ требованіямъ строгихъ цѣнителей, не уклоняясь въ сторону отъ пути имъ обусловленнаго. У насъ, въ Россіи, великіе писатели всегда стояли впереди своихъ читателей, сами образовывая общество, поучая тѣхъ, кто жаждалъ познанія, трудясь надъ самымъ органомъ своихъ пѣснопѣній, то-есть надъ русскимъ языкомъ, еще и понынѣ не вполнѣ установившемся. Имъ не приходилось пѣть для самихъ себя и уединяться вдаль отъ русскаго народа, къ вершинамъ Геликона. Ломоносовъ не посвящалъ одѣ всей своей жизни—онъ обработывалъ русскую грамматику, набрасывалъ историческія замѣтки, думалъ о русскомъ театрѣ, занимался естественными науками. Карамзинъ не отдавался одному какому-либо роду дѣятельности, но прерывалъ лучшіе труды свои для того, чтобы сѣять вокругъ себя благіе начатки образованія, знакомить современниковъ съ ходомъ иностраннаго искусства, указывать

писателямъ новые пути и руководить ихъ своимъ примѣромъ. Жуковскій дѣлалъ тоже самое,—своими переводами онъ привлекалъ вниманіе читателя къ чудесамъ нѣмецкой и британской словесности, знакомилъ его съ законами новой драмы,—въ то же время пробуждая нашу дремлющую критику посредствомъ вопроса о романтизмѣ, какъ его понимали въ то время. Пушкинъ въ этомъ отношеніи остался совершенно вѣренъ системѣ своихъ предшественниковъ» (стр. 68).

Да, все это безусловно вѣрно, но не ради одной только грамматики и исторіи русскому писателю приходится отвлекаться отъ *непосредственно*-писательскаго дѣла. Вотъ уже болѣе полустолѣтія, какъ русская литература, а въ особенности русская критика, учитъ русскаго читателя какъ *жить*, не утрачивая образа человѣческаго. Уже болѣе полустолѣтія главнымъ качествомъ, уловляющимъ сердца русскаго читателя является энтузіазмъ въ исканіи новыхъ путей жизни, способность поднимать читателя на высоту основныхъ вопросовъ разумнаго человѣческаго существованія, чисто-мистическое исканіе правды, безъ котораго въ Россіи не можетъ обойтись даже такое, повидимому, трезвое ремесло, какъ ремесло критика и литературнаго аналитика. Чтобы тамъ ни говорили проповѣдники «трезвой» и не «тенденціозной» критики, время для нея еще не наступило, мы не настолько культурно богаты, чтобы позволить себѣ роскошь раздѣленія умственнаго труда. Въ Россіи всякій писатель воинъ той небольшой арміи піонеровъ, на долю которой выпало расчистить путь свѣту и правдѣ. Въ Россіи, гдѣ весь запасъ общественныхъ чувствъ всецѣло уходитъ въ литературу, всякій неиндифферентный къ этимъ чувствамъ писатель поневолѣ становится общественнымъ вождемъ и потому въ основѣ лучшихъ литературныхъ произведеній нашихъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или иныхъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. У насъ писатель долженъ пойти направо или налѣво, а писатель индифферентный къ «политикѣ» не имѣетъ у насъ ни вліянія, ни успѣха въ должной мѣрѣ.

Дружининъ не захотѣлъ быть такимъ «учителемъ жизни», да и сказать ему было нечего, потому что онъ не имѣлъ интереса къ тому, что переходило за тѣсныя границы непосредственно-литературной жизни. И оттого его написанныя очень тонко и изящно, но лишенныя общественнаго значенія статьи никого не волновали ни при жизни, ни послѣ смерти. Вотъ почему онъ и попалъ такъ скоро въ разрядъ «забытыхъ талантовъ».

Перечень написаннаго А. В. Дружининымъ:

Въ составъ „Собранія Сочиненій А. В. Дружинина" (Спб. 1865—1867), изданнаго подъ ред. Н. В. Гербеля вошли слѣдующія статьи:

Томъ первый. *Беллетристика. 1847.* 1) Полинька Саксъ. Повѣсть. 2) Лола Монтесъ. Повѣсть. *1848.* 1) Разсказъ Алексѣя Дмитрича. Повѣсть. 2) Фрейлейнъ Виль-

гельмина. Разсказъ. 3) Жюли. Романъ. 2 части. *1849.* Шарлотта Ш—цъ. Истинное происшествіе. *1850.* 1) Петергофскій фонтанъ. Повѣсть. 2) Не всякому слуху вѣрь. Комедія. *1851.* Пѣвица. Разсказъ. *1852.* 1) Исторія одной картины. Разсказъ. 2) Mademoiselle Jeannette. Разсказъ. *1854.* 1) Двѣ встрѣчи. Разсказъ. 2) Пашенька. Разсказъ.

Томъ второй. *1854.* 1) Легенда о кислыхъ водахъ. Повѣсть. *1855.* 1) Деревенскій разсказъ. 2) Русскій черкесъ. Деревенскій разсказъ. *1857.* Обрученные. Романъ. 3 части. *1862.* Прошлое лѣто въ деревнѣ. 2 части. Списокъ сочиненій А. В. Дружинина, составленный Н. В. Гербелемъ.

Томъ третій. *1856.* Король Лиръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. *1858.* Коріоланъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. *1862.* 1) Король Ричардъ Третій. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. 2) Жизнь и смерть короля Джона. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. *Байронъ. 1852.* Стансы къ Августѣ. *1853.* Стихи, написанные при полученіи извѣстія о болѣзни лэди Байронъ.

Томъ четвертый. *Этюды объ англійскихъ писателяхъ. 1851—1852.* Джонсонъ и Босвель. Картина британскихъ литературныхъ нравовъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. *1854.* Жизнь и драматическія произведенія Ричарда Шеридана. *1855—1856.* Георгъ Краббъ и его произведенія. *1857.* Вальтеръ Скотъ и его современники.

Томъ пятый. *Галлерея замѣчательнѣйшихъ романовъ. 1849.* „Клариса Гарловъ“.—Самуила Ричардсона. *1850.* 1) „Векфильдскій священникъ“.—Оливера Гольдсмита. 2) „Исторія маленькаго Жана де-Сентре и дамы его сердца“.—Графа де-Трессана. 3) „Лѣсъ или Сенъ-Клерское Аббатство“.—Анны Радклифъ. 4) „Одинъ изъ тринадцати“. Бальзака. *1856.* 1) „Вильетъ“.—Корреръ-Белля. 2) „Ньюкомы“.—Вилльяма Теккерея. *1861.* „Гей Ливингстонъ“.—Лауренса. *Письма объ англійской литературѣ. 1852.* Письмо 1-ое. *1853.* Письмо 2—4. *1856.* Письмо 5-ое. *Новости англійской литературы. 1860.* 1) „Корнгильскій сборникъ“.—В. Теккерея. *1863.* 2) „Молодая мачиха“.—Романъ миссъ Іонджъ.—„Безъ роду и племени“. Романъ Вильки Колинза.—„Приключенія Филиппа“. Романъ Теккерея.—„Честь и одна честь“. Романъ Лауренса. 3) „Необычайная повѣсть“. Романъ Э. Л. Бульвера.—„Орли-Фармская мыза“. Романъ Антони Троллопа. 4) „Неоткрытыя преступленія“. Соч. М. Ватерса. 5) „Записки“ лэди Морганъ. 6) „Ромола“. Романъ Джорджа Эллiота. 7) Фельетоны и шуточныя стихотворенія Теккерея. 8) Томасъ Гудъ. *Этюды. 1854.* Лекціи В. Теккерея объ англійскихъ юмористахъ. *1856.* Пэйнъ Коллъеръ, комментаторъ Шекспира. *1860.* Военный корреспондентъ въ Индіи. *1863.* 1) Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ. 2) Разсказы новѣйшихъ туристовъ о югѣ Соединенныхъ Штатовъ. *Біографіи. 1861.* Фридрихъ Вильгельмъ I. (По Карлейлю). *1863.* Первые годы царствованія Фридриха Великаго (По Карлейлю). Баронъ Штейнъ (По Перцу).

Томъ шестой. *Письма иногородняго подписчика. 1848.* Письмо 1-ое. *1849.* Письмо 2—10. *1850.* Письмо 11—22. *1851.* Письмо 23—26. *1852.* Письмо 27—32. *1853.* Письмо 33—34. *1854.* Письмо 35—37.

Томъ седьмой. *Критика и библіографія. 1850.* „Греческія стихотворенія“ Н. Щербины. *1855.* 1) А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій. 2) Полное собраніе сочиненій Ивана Козлова. 3) Сочиненія В. Л. Пушкина и В. Д. Веневитинова. *1856.* 1) Стихотворенія А. А. Фета. 2) „Зимній путь“. Поэма Н. П. Огарева. 3) „Иванъ Ивановичъ Мартыновъ“. Соч. Е. Колбасина. 4) Стихотворенія графини Ростопчиной, Я. П. Полонскаго и И. Никитина. 5) „Метель“ и „Два гусара“. Повѣсти графа Л. Н. Толстого. 6) Критика гоголевскаго періода русской литературы и наши къ ней

отношенія. 7) „Военные разсказы". Соч. графа Л. Н. Толстого. „Губернскіе очерки". Соч. Н. Щедрина. *1857.* 1) „Очерки изъ крестьянскаго быта". Соч. А. Ѳ. Писемскаго. 2) „Повѣсти и разсказы". И. С. Тургенева. 3) „Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ", изданный подъ редакціей Н. В. Гербеля. Томъ I. 4) „Письма объ Испаніи". Соч. В. П. Боткина. 5) Стихотворенія А. И. Полежаева. *1858.* 1) „Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей", изданный подъ редакціей Н. В. Гербеля. Томы II и III. 2) „Очеркъ исторіи русской поэзіи". Соч. А. П. Милюкова. *1859.* 1) Стихотворенія А. Н. Майкова. 2) „Тысяча душъ". Романъ А. Ѳ. Писемскаго. 3) Сочиненія А. Н. Островскаго. 4) „Украинскіе народные разсказы" Марка Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева. 5) „Обломовъ". Романъ И. А. Гончарова. *1860.* 1) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. 2) Сочиненія В. Д. Давыдова. 3) Сочиненія Э. И. Губера. 4) „Библіотека иностранной поэзіи". Изданіе Н. В. Гербеля. Выпускъ первый. Переводы и подражанія Н. В. Берга. 5) „Годъ на сѣверѣ". Соч. С. Максимова. *Біографіи. 1853.* Воспоминанія о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреичѣ Федотовѣ. *1857.* Александръ Петровичъ Степановъ, авторъ „Постоялаго Двора". *1858.* Осипъ Ивановичъ Сенковскій.

Томъ восьмой. Вмѣсто предисловія. (Листокъ изъ воспоминаній). М. Н. Лонгинова. А. В. Дружининъ. Некрологъ. Н. А. Некрасова. *Сантиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ. 1850.* Глава I—XXVIII. Письмо Чернокнижникова, служащее окончаніемъ его похожденій. *Замѣтки петербургскаго туриста. 1855.* Вступленіе. Часть первая I—XIV. Часть вторая I—X. *1856.* Часть третья I—XI. Замѣтки и увеселительные очерки петербургскаго туриста. I—II. *1857.* III—V. *1860.* Благотворительность особаго рода. *Русскіе за границею.* Прологъ. Эпизодъ, первый—третій. Эпилогъ. *Новыя замѣтки петербургскаго туриста. 1861.* I—XI. *Увеселительно-философскіе очерки петербургскаго туриста. 1862.* I—IV. *1863.* V—VI. *Драмы изъ обыденной, преимущественно столичной жизни. 1854.* 1) Раздумье артиста. 2) Опасные сосѣди.

Въ это очень объемистое собраніе не вошелъ однако еще цѣлый рядъ нижеслѣдующихъ статей, распредѣленныхъ по журналамъ, гдѣ они появились.

Современникъ: 1850: 1) О современной критикѣ во Франціи. Статья 1. (Т. XXIII, № 10, отд. II, стр. 133—182). Статьи II и III. (Т. XXIV. №№ 11 и 12, отд. II, стр. 1—58 и 169—226). Безъ подписи. 2) Не всякому слуху вѣрь. Комедія для домашняго спектакля. (Т. XXIV, № 11, отд. 1, стр. 61—96). Подписано А. Д.

1853. 1) Дантъ въ Венеціи. Стих. (Т. XXXVIII, № 3, отд. 1, стр. 117 и 118) Подписано: Л. 2) Морскіе львы, или кораблекрушеніе охотниковъ за тюленями. Романъ Купера. Рецензія. (Т. XLII, № 11, отд. IV, стр. 1—9). Безъ подписи. 3) Дѣдушка и внучка. Романъ Диккенса. Рецензія. (Т. XLII, № 11, отд. IV, стр. 9—16). Безъ подписи.

1854. Изъ Байрона. Стих. (Т. XLIII. № 1, отд. 1, стран. 11 и 12). Подписано: Л. Перепечатано въ 1 томѣ „Для легкаго чтенія" (стр. 173) и въ сочиненіяхъ Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ (т. II, стр. 23).

Библіотека для чтенія 1856. 1) Ньюкомы. Романъ Теккерея. Рецензія. (№ 7, отд. VI, стр. 1—14). Безъ подписи. 2—3) Изъ путевыхъ разсказовъ дорожнаго человѣка. I. Разсказъ на желѣзной дорогѣ. (№ 9, отд. 1, стр. 41—60, II. Докторъ Форшмакъ. (№ 10, отд. I, стр. 1—32). Подписано: ***. 4) Журналъ садоводства. Пикулина. Рецензія. (№ 9, отд. VI, стр. 1—16). Безъ подписи. 5) Памятная книжка Смоленской

губерніи. Рецензія (№ 10, отд. VI, стр. 43—49). Безъ подписи. 6) Собраніе стихотвореній В. Бенедиктова. Рецензія. Тамъ же, стр. 78—84). Безъ подписи. 7) Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. Рецензія, (№ 11, отд. VI, стр. 1—6). Безъ подписи. 8) Филоктетъ. Трагедія Софокла. Рецензія. Тамъ же, стр. 7. Безъ подписи. 9) Литературныя бесѣды и парадоксы иногородняго подписчика. I. По поводу Корреръ Беля и его романа „Вильетъ". (№ 12, отд. II, стр. 93—120). Подписано: Иногород. подписчикъ. 10) Разныя извѣстія. (№ 12, отд. VI, стр. 80—82). Безъ подписи.

1857. 1) Стихотворенія Н. Арбузова. Рецензія. (№ 1, отд. VI, стр. 48—59). Бозъ подписи. 2) Разныя извѣстія. (№ 1, отд. VI, стр. 70—74, № 2, стр. 100—102, № 3, стр. 44—48, № 4, стр. 63—66, № 10 стр. 62—64 и № 12, стр. 52—58). Безъ подписи. 3) Петербургская идиллія. Повѣсть въ фельетонномъ родѣ. №№ 4 и 5, отд. VII, стр. 267—298 и 42—75). Подписано: Иванъ Ч-р-к-ж-н-к-въ. 4) Нѣсколько предположеній по устройству литературнаго фонда, для пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга. (№ 11, отд. III, стр. 1—28) Подписано N.

1858. 1) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Н. В. Гербеля. Томы II и III. Рецензія. (№ 1, отд. VI, стр. 1—11). Безъ подписи. 2) Разныя извѣстія. №№ 2 и 4, отд. VII, стр. 1—4 и 28—32). 3) Докторъ Т. Арнольдъ (№ 5, отд. II, стр. 206—217). Подписано: Ред. 4) Сочиненія П. Меньшикова. Рецензія. (№ 11 отд. VI, стр. 1—24). Подписано: Ред. 5) Стихотворенія М. Розенгейма (№ 12. отд. VI, стр. 37—48). Подписано; Ред.

1860. 1) Томасъ Бабингтонъ Маколей. (№ 1, отд. VI, стр. 45—50). Безъ подписи. 2) По поводу послѣдняго собранія членовъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. (№ 2, IV, стр. 1—18). Безъ подписи. 3) Литературные дѣятели прежняго времени. Е. Колбасина. Рецензія. (№ 3. отд. III, стр. 1—4). Безъ подписи. 4) Картины Императорскаго эрмитажа А. Сомова. Рецензія. (№ 4, отд. IV стр. 27 и 28). Безъ подписи. 5) О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I. Рецензія. (№ 7, отд. IV стр. 1—3). Безъ подписи. 6) Записки Паломника. Рецензія. (Тамъ же, стр. 8 и 9). Безъ подписи. 7) Свѣдѣнія объ отъѣзжающихъ за границу. Рецензія. (Тамъ же, стр. 8 и 9). Безъ подписи. 8) Чечня и чеченцы. Резенція. (Тамъ же, стр. 9—11). Безъ подписи. 9) Сборникъ литературныхъ статей, изданныхъ редакціею „Кіевскаго телеграфа". Рецензія. (Тамъ-же, стр. 11—12). Безъ подписи. 10) Молодая дѣвушка на пятомъ этажѣ.—Бѣда отъ любовныхъ связей.—Романы Поль-де-Кока. Рецензія. (№ 9, отд. IV, стр. 1—5). Безъ подписи. 11) Сочиненія Лермонтова. Рецензія. (Тамъ-же, стр. 5 и 6). Безъ подписи. 12) Новый путеводитель для русскихъ, отправляющихся заграницу. Ѳ. А. Ѳедорова. Рецензія. (Тамъ же, стр. 6 и 7). Безъ подписи. 13) О плутняхъ карточной игры. Рецензія. (Тамъ же, стр. 7 и 8). Безъ подписи. 14) Геморой и сродныя съ нимъ болѣзни. Рецензія. (Тамъ же, стр. 9). Безъ подписи. 15) Самоучитель плаванія. Рецензія. (Тамъ же, стр. 9 и 10). Подписано: Ред. 16) Гигіеническіе этюды о здоровьѣ, красотѣ, и счастія женщины. Рецензія. (№ 10, отд. IV стр. 1—11). Безъ подписи. 17) Карманныя таблицы. Рецензія. (Тамъ же, стр. 11). Безъ подписи. 18) Путевыя письма П. Якушкина. Рецензія (Тамъ же, стр. 12—21). Безъ подписи. 19) Очерки Петербурга. Рецензія. Тамъ же, стр. 21—24). Безъ подписи.

Русскій Вѣстникъ. 1862. Новый талантъ въ современной англійской литературѣ. (Т. XXXVII, № 1, отд. 1, стр. 96—128).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1854. Письмо въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". (№ 164, стр. 811—813).

1863. Еще романы прошлаго сезона. Романъ страшный и романъ юридическій (№№ 54 и 55. стр. 223 и 227). Безъ подписи.

Вѣкъ 1861. 1) Закатъ солнца. Разсказъ безнадежнаго холостяка. (№ 1, стр. 27—32). 2) Лондонскія новости. Статья I. 16 января 1861 года. (№ 3, стр. 105 и 106). Статья II. 16 февраля. (№ 6. стр. 217—219). Статья III. 24 февраля 1861 г. (№ 9, стр. 325 и 326). Статья IV. 25 марта 1861 г. (№ 14, стр. 497 и 498). Подписано: NN. 3) Нѣсколько словъ о предметѣ, который, можетъ быть, покажется грязнымъ иному читателю. (№ 28, стр. 871—874). Подписано: Докторъ грубаго нрава.

Московскія Вѣдомости. 1863. Изъ дальняго угла С.-Петербургской губерніи. (№№ 134, 143, 158, 169, 199 и 220). Безъ подписи.

С. Венгеровъ.

Бобылевъ, Өедотъ Өедотовичъ, кавказскій журналистъ. Въ минувшемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе газеты «Кавказъ». По этому поводу въ 4-мъ ея нумерѣ за 1896 годъ былъ помѣщенъ краткій очеркъ ея исторіи и въ немъ, между прочимъ, сообщались и кое-какія свѣдѣнія объ одномъ изъ редакторовъ ея—Өедотѣ Өедотовичѣ Бобылевѣ [1]). Такъ какъ я лично зналъ Бобылева и былъ постояннымъ читателемъ его газеты въ теченіе почти трехлѣтняго моего пребыванія на Кавказѣ,—съ осени 56-го по лѣто 59 года,—то я и нахожу возможнымъ пополнить свѣдѣнія газеты «Кавказъ» 96-го года частью выписками изъ этой газеты за проведенное мною на Кавказѣ время, частью моими личными воспоминаніями.

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ воспроизвести то мѣсто обильной фактами статьи (составлена г-жей *В. Т.*), гдѣ говорится о Бобылевѣ. *Ред.*

„Өедотъ Өедотовичъ *Бобылевъ* родился въ Москвѣ въ 1819 году. Семья его принадлежала къ тѣмъ стариннымъ купеческимъ семьямъ, въ которыхъ свято хранятся всѣ обычаи и традиціи. Мальчика отдали въ гимназію, но курса въ ней кончить не дали, несмотря на выказанныя имъ способности и любовь къ занятіямъ. Гимназическое ученіе и въ особенности поступленіе въ университетъ, по понятіямъ того времени и той среды, дѣлали человѣка негоднымъ къ дѣлу. Взятый изъ IV класса гимназіи Өедотъ Бобылевъ продолжалъ образовываться и развиваться путемъ самостоятельнаго чтенія, пользуясь книгами изъ довольно обширной библіотеки своего дяди, и безъ всякой посторонней помощи изучалъ французскій языкъ. Въ 1847 году онъ былъ выбранъ московскимъ купечествомъ управляющимъ торговымъ депо, учрежденнымъ московскими фабрикантами для сбыта товаровъ на Кавказѣ, и переселился въ Тифлисъ. Кн. Воронцовъ, бывшій въ то время намѣстникомъ на Кавказѣ, покровительствовалъ торговлѣ и приблизилъ къ себѣ Бобылева. Депо скоро прекратило свое существованіе (не безъ участія Бобылева). Бобылеву дана была послѣ этого земля въ Кутаисской губерніи и денежное пособіе для разведенія полезныхъ растеній, и съ начала 1857 г. онъ былъ привлеченъ кн. Барятинскимъ къ редактированію „Кавказа". Литературныя склонности Бобылева были хорошо извѣстны князю, имѣвшему возможность познакомиться съ его работами въ „Кавказѣ", гдѣ Ѳ. Бобылевъ сотрудничалъ еще при Е. Вердеревскомъ. (Сводъ разныхъ мнѣній о замореньѣ и сушкѣ шелковичныхъ коконовъ, №№ 35—42 за 1855 годъ;" Воспоминаніе о капитанѣ Гулевичѣ, павшемъ героемъ въ нигоитскомъ дѣлѣ, въ №№ 55, 6 и 7 того же года, и нѣк. др). Кромѣ того, еще въ

Мое пребываніе на Кавказѣ какъ-разъ совпадаетъ съ первыми годами редакторства Бобылева, годами, представляющими, какъ мнѣ думается, самый интересный періодъ его литературной дѣятельности, очень своеобразно вырисовывающейся на фонѣ того подъема умственной и общественной жизни въ Россіи, которое открывало «новую эру» и для Кавказа.

Начало «новой эры» и связывали на Кавказѣ именно съ пріѣздомъ кн. Барятанскаго въ качествѣ намѣстника. Привѣтственныя статьи, помѣщавшіяся тогда въ газетѣ «Кавказъ», была писана Бобылевымъ, который и ранѣе того сотрудничалъ уже въ газетѣ. Вся кавказская интеллигенція того времени видѣла въ кн. Барятинскомъ нетолько будущаго «покорителя» такъ называвшихся «немирныхъ» горцевъ, но и цивилизатора всего края, обновителя всѣхъ сторонъ его многосложной и преисполненной безчисленными трудными задачами жизни. Въ этихъ «чаяніяхъ» и заключался главнымъ образомъ тотъ «подъемъ духа», который обозначился на Кавказѣ вмѣстѣ съ пріѣздомъ въ Тифлисъ новаго представителя власти. Основною окраскою такого подъема духа являлась вѣра въ

бытность свою въ Москвѣ онъ написалъ (въ 45 году) драму „Асканіо Риччи" подъ сильнымъ вліяніемъ Кукольника. Бобылевъ взялся за новое дѣло съ большимъ рвеніемъ и повелъ его, по отзывамъ современниковъ, прекрасно. Удѣляя большое мѣсто иностраннымъ извѣстіямъ, онъ нерѣдко выпускалъ номера въ полтора и два листа, впрочемъ въ то же время, къ сожалѣнію, отводя довольно мало мѣста Кавказу, его быту и исторіи. Помощниковъ у Бобылева было немного, и онъ неоднократно жаловался на отсутстіе постоянныхъ сотрудниковъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи фельетонъ отъ 10-го января 1860 г., озаглавленный „Домашнее дѣло". Сотрудники обидѣлись заявленіемъ редактора, и одинъ за другимъ подняли голосъ. Первымъ написалъ письмо къ редактору „Никаноръ Пустохлопаловъ:..." Позвольте сказать вамъ, что въ отношеніи ко мнѣ это сущая несправедливость: съ августа 56 г. я постоянно помѣщаю въ „Кавказѣ" статьи о театрѣ, я вполнѣ вправѣ просить васъ напомнить объ этомъ публикѣ; въ противномъ же случаѣ я буду вынужденъ прекратить мое сотрудничество въ „Кавказѣ". За нимъ написалъ письмо другой сотрудникъ—Б. Б.: „Помилуйте! Да не я ли взялъ на себя обязанность вести городскую хронику? Не я ли усердно трудился и помогалъ вамъ? А вы даже не удостоили и упомянуть обо мнѣ... Это несправедливо. Вы не имѣли права сводить мою дѣятельность въ газетѣ, такъ сказать, до нуля", и въ концѣ опять та же угроза: „Я буду протествовать!" Третій, Дормид. Звѣвакинъ, пишетъ послѣ цѣлыхъ двухъ лѣтъ молчанія: „Вспомнить только то, что когда вы взяли въ руки редакцію, первымъ вашимъ сотрудникомъ былъ, припомните—я. Съ 57 года я не писалъ для васъ ни строки, но все-таки я вашъ сотрудникъ. Развѣ вы можете это отвергать? Развѣ не важно то, что я молча сотрудничаю?.. И повѣрьте что ежели поискать, то такихъ сотрудниковъ у васъ множество". Четвертый, Аввакумъ Вавакаловъ, напоминаетъ о своихъ „статейкахъ", переданныхъ въ редакцію еще въ 1857 году, которыя у него сохраняются „не столько по суетности его, сколько для поученія дѣтямъ", и проситъ о „гонорарѣ" (слово, которое у него даже для памяти записано „чтобъ не смѣшать съ другимъ"): „времена нынѣ уже не тѣ: ежели гдѣ копѣйка перепадаетъ, хоть бы и съ литературы,—взять то нехудо", и заключаетъ свое письмо такъ: „Простите великодушно, что много пишу; уже отъ природы таковъ есмь:

неизбѣжность наступленія такого періода въ жизни края, когда надъ нимъ разверзнется нѣкій рогъ изобилія и преисполнитъ всѣхъ и каждаго долженствующими излиться изъ него благами. Всякій понималъ, конечно, блага эти по своему, всякій прилагалъ къ нимъ свою мѣрку, но всѣ одинаково держали въ умѣ одно, что такія, сякія и этакія блага непремѣнно и безповоротно осуществятся, и что осуществленіе это теперь уже буквально «не за горами».

Публицистъ единственной въ краѣ газеты, выдвинутый обстоятельствами на постъ провозвѣстника и истолкователя такого общественнаго настроенія, могъ только благословлять свое счастливое и благодарное положеніе. Онъ не могъ не понимать прежде всего, что въ силу этого положенія его credo должно было и не пытаться даже выбиться изъ общихъ мѣстъ, но что зато общія мѣста эти должны быть проникнуты характеромъ прогрессивнымъ, просвѣтительнымъ, бодрящимъ. Понявъ это, онъ могъ оставаться при неколебимой увѣренности, что такая схема его дѣятельности именно и соотвѣтствовала идеалу наивысшей степени благонамѣрности. Превозносить «начинанія», при-

---

товарищи въ службѣ многоглаголивымъ нарицали". И всѣ они просятъ, требуютъ гласнаго удовлетворенія... Въ первый же годъ своего редакторства Бобылевъ выпустилъ къ Пасхѣ безплатное литературное прибавленіе „Пешкешъ", подарокъ на Пасху годовымъ подписчикамъ „Кавказа". Сборникъ раздѣляется на 2 отдѣла: I Стихотворенія: 1) Георгисъ-Циминдамта—Б. Б. 2) Сиротка (фантазія)—Т. Д. Т. 3) Изъ записокъ „пріѣзжаго—Р. 4) Въ „альбомъ—Ѳ. Бобылева. 5) Желаніе—Его же. II. Проза: 1) Иване (очеркъ)—Н. Берзенова. 2) Двѣ доли (народн. сказаніе)—В. П—скаго. 3) Эпизодъ изъ романа—Его же. Какъ видно изъ этого сборника, Бобылевъ писалъ не только прозой, но и стихами; и стихъ у него былъ гладкій и музыкальный. Редактируя „Кавказъ", Бобылевъ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе, помѣщая статьи то публицистическаго, то библіографическаго и полемическаго содержанія, то за полной подписью, то безъ подписи („Біографія ген.-фельд. кн. М. С. Воронцова, составилъ М. П. Щербининъ, С.-Петербургъ 1858", въ №№ 4 и 5 за 1859 годъ; „Нѣчто о небесномъ явленіи, видѣнномъ въ августѣ мѣсяцѣ недалеко отъ равнины Сурама", въ № 74 за тотъ же годъ: „Экономическая замѣтка о положеніи Кутаисскаго края", въ № 99 за 60 г., „О сельскохозяйственномъ движеніи въ Грузіи вообще и о ремесленныхъ школахъ", въ № 17 и 18 за 62 годъ). Нерѣдко случалось, что онъ просиживалъ ночь за отвѣтомъ на какую-нибудь статью. Бобылевъ много писалъ о театрѣ и впослѣдствіи издалъ эти статьи отдѣльной брошюрой, въ „Кавказѣ" за 61 годъ изрѣдка помѣщались фельетоны, озаглавленные „Бесѣды редактора"; въ 15 № первая, въ 32—вторая и т. д. Въ бесѣдахъ этихъ Бобылевъ живо и интересно затрагивалъ различные экономическіе и соціальные вопросы—о школѣ и грамотности, о пьянствѣ и пр. Единственнымъ помощникомъ Бобылева по редакціи былъ Н. Берзеневъ,—грузинъ, окончившій курсъ въ тифлисской семинаріи, человѣкъ со способностями и навыкомъ [1]). Хозяйственной частью завѣдывалъ писарь Симченко, злоупотребленіямъ котораго, можетъ быть, и обязанъ Бобылевъ безславнымъ концомъ своего редакторства. Что касается самой программы „Кавказа", то она мало отличалась отъ программы, по ко-

---

[1]) См. Крит. біогр. словарь т. III. *Ред.*

вѣтствовать «починъ», съ умиленіемъ всматриваться въ «виды», глубокомысленно кивать въ сторону «предначертаній»,—все это вмѣстѣ и осужденіе безвозвратно минувшаго и привѣтственное ликованіе, обращенное къ будущему, коренящемуся въ настоящемъ. Если, памятуя все это, публицистъ догадывался придать своимъ разсужденіямъ нѣчто въ родѣ философской окраски, если къ тому же онъ ловко владѣлъ перомъ или обладалъ замѣняющею эту ловкость смѣлостью, то ему только и оставалось, что поспѣвать со своими «передовыми», «руководящими» и всякими только-что начинавшими входить въ моду статьями, и въ поминѣ до того времени не бывшими.

И вотъ, 8 ноября 56 г., жители Тифлиса имѣли случай найти истинную усладу въ чтеніи одной изъ такихъ статей, вылившейся изъ подъ пера призваннаго къ исполненію своей миссіи Ѳ. Ѳ. Бобылева.

«Цѣлое человѣчество», писалъ онъ, «составляющіе его народы, племена и отдѣльныя личности служатъ въ извѣстное время представителями тѣхъ или другихъ идей. Отсюда значеніе ихъ въ исторіи. Изъ этихъ-то идей и слагается та неодолимая сила, то увлекательное могущество, противъ котораго невозможны и безсильны всѣ подымаемыя противодѣйствія. Эта сила—духъ времени. Это неуловимое, но существенное могущество отражается на тѣхъ личностяхъ, кото-

торой „Кавказъ“ издавался ранѣе,—хотя иностранный отдѣлъ, какъ мы уже сказали и былъ расширенъ въ ущербъ мѣстному. Недостатки въ выполненіи программы Бобылевъ относитъ, въ особомъ редакціонномъ приложеніи къ № 101 газ. Кавказъ за 1858 годъ, „къ ограниченности средствъ, обусловливаемыхъ степенью участія со стороны читателей и подписчиковъ, и къ объему изданія“. Изъ „Оглавленія“ къ газетѣ „Кавказъ“ за 61 годъ видно, что газета велась не только по русскимъ газетамъ („Извѣстія о внутренней Россіи“), но и по иностраннымъ („Современная политическая хроника“), получавшимся редакціею. Цензировалъ газету при Бобылевѣ самъ начальникъ главнаго управленія Крузенштернъ, къ которому Бобылевъ носилъ на пересмотръ набранный номеръ; это называлось „докладывать номеръ“. Обязанность цензора такимъ образомъ сильно упрощалась. Въ объявленіи о подпискѣ на 1864 годъ было сказано, что „газета не безъ основанія ожидаетъ обновленія и преобразованія: кромѣ полученія телеграммъ, редакція не теряетъ надежды на большія улучшенія какъ во внутреннемъ такъ и во внѣшнемъ составѣ газеты“; но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться: редакціонное объявленіе, подписанное Ѳедотомъ Бобылевымъ въ 95 № 1863 г., смѣнилось въ 96 № объявленіемъ, въ которомъ редакція,—уже новая редакція,—просила гг. желающихъ помѣщать статьи въ газетѣ „Кавказъ“ присылать ихъ на имя исправляющаго должность редактора Э. И. Шварца: Бобылевъ былъ отставленъ отъ должности редактора, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. За первые годы редакторства Бобылева денежная часть изданія была такъ хороша, что образовался даже остатокъ, который и былъ отчисленъ въ запасный капиталъ; но, начиная съ 1861 г., Бобылевымъ были допущены такіе безпорядки въ счетоводствѣ, что пришлось назначить особую коммиссію для обревизованія дѣлъ. Коммиссія обнаружила болѣе 15 тыс. руб., не занесенныхъ въ книги, и 30-го ноября 1863 г. Бобылевъ по предписанію начальника главнаго управленія былъ уволенъ отъ службы“.

О дальнѣйшей судьбѣ Бобылева и даже о годѣ его смерти мы нигдѣ указаній не нашли. *Ред.*

рыя понимаютъ и проникаются важностью его значенія и становятся его представителями. Идея, духъ нашего времени, сколько позволено мнѣ сказать о томъ ужъ усвоенное сужденіе, выражается всего болѣе въ прогрессѣ, въ движеніи къ лучшему, легкому и простѣйшему. Эта потребность прогресса является всюду: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ администраціи, въ основаніяхъ государственнаго благоустройства, въ мирѣ и въ самой войнѣ, пока ей не суждено будетъ сдѣлаться дѣломъ отсталымъ, забытымъ и уничтоженнымъ. Отсюда дѣленіе всего мыслящаго и говорящаго міра на двѣ огромныя партіи: партіи преуспѣянія, прогресса, и партіи жалкой отсталости, рутинизма. Теперь очень понятно, что представители главной господствующей идеи вѣка, поборники духа времени, встрѣтятъ вездѣ это изъявленіе симпатіи, которому мы только третьяго дня удивлялись и радовались на улицахъ и площадяхъ Тифлиса. Да; отдавая должную, заслуженную славу и почесть широкой натурѣ и доблестямъ князя Барятинскаго, мы не боимся и не робѣемъ сказать, что всѣ мы, встрѣчая въ немъ даннаго Государемъ Намѣстника, встрѣчаемъ въ немъ также—идею. Съ именемъ его мы невольно связываемъ мысль о прогрессѣ, движеніи, объ успѣхахъ войны, объ успѣхахъ гражданственности. На него мы слагаемъ всѣ наши надежды, отъ него мы ждемъ и ихъ оправданія. Знаемъ мы всѣ, что тяжелъ его подвигъ, что силы одного человѣка должны быть подкрѣплены общимъ къ нему сочувствіемъ... Вотъ отчего и т. д.

Приведенный отрывокъ показываетъ ясно до какой степени удобно были для кавказскаго бытописателя того времени схемы противупоставленія прогресса и регресса, представляемыхъ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ безъ всякой попытки раскрытія опредѣленнаго содержанія этихъ понятій. Неудивительно, что у Бобылева схема эта была излюбленною, и что онъ нерѣдко пользовался ею, какъ вполнѣ удовлетворяющею его самого, читателей, и, само собою разумѣется, «начальство». Пользуясь этакимъ кладомъ, онъ выводилъ его на страницахъ своей газеты въ самыхъ разнообразныхъ метаморфозахъ; такъ, напримѣръ, въ январѣ 58 г. онъ писалъ: «время, какъ Янусъ, имѣетъ два лица: одно. обращенное къ прошлому, а другое—къ будущему. Этой двоякою формою созерцательности опредѣляется пониманіе настоящаго, которое ускользало бы отъ наблюденія безъ такого воззрѣнія,» или, въ концѣ того же года, привѣтствуя ярко уже обозначившееся новое литературное движеніе, онъ противупостовлялъ его только-что миновавшему періоду преобладанія торгашей и откупщиковъ и опять таки не касаясь вопроса «по существу», онъ не выяснялъ въ чемъ же именно, помимо противоположенія движенія и застоя, прогресса и «рутинизма», заключалось отличіе новаго и стараго, въ чемъ собственно заключался столь восхваляемый прогрессъ. Повидимому, указаніе на то что «прогрессъ» равнозначущъ переходу къ болѣе «легкому и простѣйшему» предназначался для удовлетворенія всѣхъ и каждаго, и на первый разъ всѣмъ полагалось быть довольными и ничего больше не требовать и не ждать.

Исправному публицисту, поставленному на его постъ «начальникомъ края», да къ тому же и добивавшемуся превратить свою редакцію въ «часть» главнаго управленія, предстояло, само собою разумѣется, прилагать все свое усердіе къ веденію дѣла не только согласно внушеніямъ сверху, но и сообразно степени тонкости своей собственной проницательности и догадливости. Жизнь, между тѣмъ, шла бойко, и въ Россіи, и на Кавказѣ. Событія мѣстныя, или просто напросто заносились въ текущую лѣтопись, или же если комментированіе ихъ оказывалось соотвѣтствующимъ публицистическимъ шаблонамъ редакціи, подвергались обсужденію, иначе говоря, получали достодолжное освѣщеніе. Въ концѣ концовъ, въ маленькомъ кавказскомъ литературномъ мірѣ все шло такъ, какъ должно идти въ лучшемъ изъ міровъ. Ясности неба этого міра постоянно угрожали однакоже тучки, приносимыя каждою почтою изъ Россіи, литература которой какъ будто поставила себя задачей вносить дисгармонію въ обиходъ, ввѣренный попеченію заботливаго Бобылева. Въ этомъ отношеніи роль его становилась тѣмъ болѣе трудною, что самъ для себя, онъ, какъ я знаю изъ личныхъ съ нимъ сношеній, жадно воспринималъ новую струю жизни и, насколько могъ, старался и «вмѣстить» ее. Чиновникъ главнаго управленія, въ немъ сидѣвшій, не сдавался однако столь же легко передъ такимъ соблазномъ: онъ воспринималъ лишь «въ мѣру», а относительно «вмѣщенія» и очень задумывался, пока не порѣшилъ, наконецъ, предъявить всему этому потоку новшествъ своего рода «fin de non recevoir» и подвергнуть затѣмъ отдаленный этотъ шумъ домашнему замалчиванію. Замалчиваніемъ этимъ и объясняется тотъ фельетонъ отъ 10 янв. 60 г., на который указываетъ авторъ юбилейной статьи, принимающій своеобразный «литературный пріемъ» за сущую правду. Выходило такъ, что трехлѣтнее замалчиванье цѣлой массы интерессовавшихъ публику вопросовъ происходило будто бы оттого, что у Бобылева не было постоянныхъ, или, какъ онъ выражался «отвѣтныхъ» сотрудниковъ, и сотрудники, прочитавъ такое игнорирующее ихъ заявленіе, будто бы всполошились и, одинъ за другимъ, стали бомбардировать редакцію своими протестами. Изъ этихъ протестовъ можно было заключить, что кромѣ театральнаго обозрѣвателя, всѣ остальные въ самомъ дѣлѣ молчали, кто два, кто три года. Подтверждался такимъ образомъ опровергаемый фактъ самимъ опроверженіемъ, и такъ какъ читатели газеты прекрасно знали, что всѣ эти Никаноры Пустохлопаловы, Аввкаумы Вавакаловы, Доримидоны Зѣвакины, Б. Б. и т. д. являлись псевдонимами самого Бобылева, то иронія его «литературнаго пріема» и заключалась въ томъ, что Бобылевъ констатировалъ свое собственное молчаніе, предоставляя читателямъ самимъ судить о его причинахъ. «Съ 57-го года,» пишетъ Доримидонъ Зѣвакинъ, «я *не* написалъ для васъ *ни строки, но все-таки* я вашъ сотрудникъ, *развѣ вы можете это отвергать*? Развѣ не важно это, что я *молча* сотрудничаю?.. И повѣрьте, что ежели понимать, то такихъ сотрудниковъ у васъ *множество*.» И въ самомъ дѣлѣ, псевдонимамъ у Бобы-

лева числа не было; онъ самъ писалъ во всѣхъ родахъ и обо всемъ. Дѣйствительнымъ сотрудникомъ его былъ только его помощникъ Берзеневъ; случайныхъ стороннихъ статей, кромѣ корреспонденцій съ театра войны, было крайне мало и, повидимому, Бобылевъ ихъ и не искалъ, хотя систематически и не отвергалъ. Такъ шло дѣло можно полагать, и въ позднѣйшее время, когда газета «Кавказъ», успѣла уже пережить золотую пору литературной весны, и кавказская ласточка могла считать свою пѣсню о прогрессѣ спѣтою.

Въ тотъ періодъ, къ которому относятся мои воспоминанія, пѣсня эта, блистательно проведя свой «громъ побѣды раздавайся!» и разсыпавшись въ легкія трели на сопредѣльныя темы, едва еще достигла только «начала своего конца», выразившагося въ замалчиваніи того, что стало уже вырисовываться «за горами» первенствующею «злобою дня». Въ концѣ 58-го года. Бобылевъ былъ глубоко задѣтъ наплывомъ новыхъ идей, бесѣды его были оживлены и интересны, но газета его, оставаясь при прежней излюбленной схемѣ, затянула уже ту новую ноту, по отношенію къ которой самъ Бобылевъ едва ли не представлялъ изъ себя лишь подобіе телефона. «Предъ нами», писалъ онъ 13 декабря, «цѣлая груда объявленій, программъ, писемъ, отношеній и извѣщеній о разныхъ журналахъ, газетахъ и срочныхъ изданіяхъ. Можетъ быть никогда еще въ русской литературѣ не было такого движенія во всѣхъ родахъ, во всѣхъ направленіяхъ (?), но преимущественно въ періодическихъ: двумѣсячныхъ, ежемѣсячныхъ, двунедѣльныхъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ, возникающихъ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, создаются компаніи по книжной торговлѣ, компаніи типографскія и издательскія, съ направленіемъ спеціальнымъ, устраиваются залы съ лабораторіями и кабинетами для чтенія лекцій. Мы начинаемъ жить своею собственною интеллектуальною жизнью, судить, мыслить, и полными горстями черпаемъ изъ Европы запасъ ея опытности и знаній. Въ добрый часъ. Этому дѣлу нельзя не радоваться; только нельзя не задуматься надъ обиліемъ этихъ литературныхъ явленій. Тутъ есть вопросъ, опасеніе: какъ бы это обиліе не перешло наконецъ въ излишество, и мысленная дѣятельность народа не сдѣлалась бы безсильною, расплывшись въ безплодное многословіе. Говорятъ, что умъ любитъ просторъ—это правда; но нельзя также не согласиться, что сжатость, сосредоточенность есть признакъ силы и плодотворности. Мы привѣтствуемъ этотъ говоръ, но будемъ же осторожны, прислушиваясь; будемъ же отличать пустозвонную фразу отъ теплаго и глубокаго убѣжденія, не поддадимся одной только внѣшности, — будемъ доискиваться до плодотворнаго смысла сказаннаго, которымъ оглашаетъ насъ мыслящая сторона нашего русскаго общества».

Напрасно сталъ бы ждать читатель какого-либо указанія на тотъ критерій, который давалъ бы возможность различать «пустозвонную фразу отъ теплаго и глубокаго убѣжденія», позволялъ бы въ самомъ такомъ дѣлѣ «доискиваться до плодотворнаго смысла» совершавшагося «оглашенія» страны «мыслящею частью общества». Такого критерія Бобылевъ своему читателю не далъ, но выставляе-

мое имъ новое противопоставленіе, вплотную слѣдующее за только-что изложеннымъ, нѣсколько намекаетъ на возможность съ его стороны договориться и до «самой сути», что для меня остается впрочемъ внѣ всякаго сомнѣнія. «Уже съ давнихъ поръ», пишетъ онъ, «наша литература, къ сожалѣнію, носила на себѣ отпечатокъ торгашества: большая часть нашихъ журналистовъ были откупщиками; большинство нашихъ литераторовъ были поставщики разныхъ литературныхъ товаровъ, сообразуясь съ запросомъ и приноравливаясь къ потребностямъ времени: очень немного талантовъ стояло отдѣльно, не приставая къ партіямъ, создавая по своимъ убѣжденіямъ, служа чисто-изящному или разрабатывая богатые рудники народности, подкрѣпляя свой подвигъ идеями и желаніемъ блага ближнему. Такимъ образомъ въ нашей литературѣ явилось нѣсколько школъ, направленій и интересовъ; чистое служеніе мысли или искусству являлось рѣдко и мало цѣнилось откупщиками. Книгъ почти не существовало, исключая учебники или спеціальныя изданія...» «Критики, въ строгомъ значеніи слова, широкихъ эстетическихъ воззрѣній, мы почти не встрѣчаемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Оно и понятно: для мысли, для безпристрастной оцѣнки, для возвышеннаго служенія изящному, всегда были нужны свобода и независимость литератора отъ торговыхъ условій литературы. Намъ давно былъ нуженъ органъ, не связанный такими разсчетами, заполняющій изданіе не для барышей...» Современный читатель найдетъ, конечно, довольно убогимъ противопоставленіе литературныхъ торгашей жрецамъ «возвышеннаго служенія изящному» и «широкихъ эстетическихъ воззрѣній»; въ этой узости ярко обрисовывается вся тактика того, кто, осуждая «приноровливанье къ потребностямъ *времени*», самъ представлялъ разительный образчикъ замѣчательной сноровки. Оглашая Кавказъ «пѣснью торжествующаго прогресса» съ конца 56-го года, онъ, въ концѣ 58-го, вопіетъ о томъ, что намъ-де давно нуженъ органъ, «свободный отъ торговыхъ условіи литературы» и преданный «чистому» служенію искусству! Бобылева, по привычкѣ, вѣроятно, продолжали считать прогрессивнымъ и находили, пожалуй, что указаніемъ на непомѣрное число расплодившихся въ недавнее передъ тѣмъ время торгашей, онъ давалъ ясный намекъ и на источникъ этихъ «торговыхъ условій», въ числѣ прочихъ дѣйствительно угнетавшихъ литературу. Все это говорилось по создавшемуся за два года «рутинизму», но все это и не мѣшало зачитываться статьями Добролюбова, горячо толковать о «чудѣ Морского Сборника», спорить съ противниками надвигавшихся великихъ реформъ, находить вокругъ себя олицетворенія героевъ, осмѣянныхъ Беранже, и восторгаться стихотвореніями Некрасова. Не мѣшало все это и самому Бобылеву у себя дома являться какъ нѣкій «Autocrat of the Breakfast-table» и въ рѣчахъ полныхъ юмора разъяснять молодежи, охотно его посѣщавшей, истинные источники только-что миновавшихъ безобразій и всѣ ужасы господствовавшаго еще крѣпостного права; ему нерѣдко приводилось мѣтко очерчивать типы взяточниковъ и обскурантовъ, иллюстрируя свое повѣствованіе живыми примѣрами, выхваченными изъ окружавшей насъ тогда дѣйствительности, или язвительно под-

смѣиваться надъ всеобщею падкостью къ знакамъ отличія, дошедшей до такой степени, что даже и какой-то мелкой сошкѣ, приплевшейся въ Тифлисъ вслѣдъ за кн. Барятинскимъ, удалось получить персидскій орденъ за приподнесеніе шаху порнографическаго альбома, не мѣшало, наконецъ, «быть безъ ума» отъ Беранже и тутъ же, за самоваромъ, декламировать стихотворенія его въ подлинникѣ, произнося однакоже слова такъ, что слушатели безъ предупрежденія навѣрно никакъ бы не угадали, что имъ читаютъ по-французски.

Такимъ образомъ, между тѣмъ зеркаломъ общественнаго мнѣнія, которымъ яко-бы являлась газета «Кавказъ» и самимъ обществомъ существовало такое же раздѣленіе взглядовъ, какое замѣчалось при близкомъ разсмотрѣніи и въ самомъ орудователѣ зеркала—Бобылевѣ. Нѣкоторую гармонію можно было, пожалуй, констатировать по вопросу объ осужденіи недавно-прошедшаго, хотя степень густоты красокъ была и тутъ разительною, но во всемъ остальномъ офиціозное опасеніе относительно угрожающаго мысленной дѣятельности народа безсилія вслѣдствіе непомѣрной будто бы безплодности литературнаго многословія, не имѣли отзвука, ни въ средѣ читателей, ни въ сознаніи самого автора этой фразы, носившей слѣды явнаго внушенія извнѣ. Указываемое здѣсь раздвоеніе является, конечно, неизбѣжнымъ вездѣ и всегда при стѣснительныхъ условіяхъ печати и, само собою разумѣется, достигаетъ наибольшей интенсивности въ томъ случаѣ, когда къ внѣшнимъ стѣсненіямъ присоединяется внутренняя подавленность, обусловливаемая необходимостью подчиняться будто бы самопобудительному настроенію;—все это такъ, и очерчиваемый мною эпизодъ могъ бы представляться въ этомъ смыслѣ обычнымъ до вульгарности, если бы руководимая Бобылевымъ газета имѣла характеръ ретроградный, нетерпимый, человѣконенавистническій и изувѣрскій. Мы знаемъ однакоже, что, напротивъ того, она представляла своеобразный диеирамбъ прогресса, и если прогрессъ этотъ оказывался особаго рода «отсталымъ прогрессомъ», то вѣдь и условія его возникновенія были тоже совсѣмъ особыя. Мѣстная газета не была осуждена на хроническую агонію и не выводила дрожащею рукою рокового «обмокни», когда слѣдовало написать совсѣмъ иное слово; напротивъ того, она имѣла видъ бодрый, живой, отчасти развязный, хотя нумера ея и «докладывались»; въ этомъ отношеніи она нисколько не походила на столь многіе провинціальные органы печати, вѣчно дышащіе на ладонъ и представляющіе неизмѣнный контрастъ столичнымъ изданіямъ даже и въ такую пору, когда и эти изъ каждаго получаемаго пакета ожидаютъ вынуть отходную. Съ газетою «Кавказъ» было совсѣмъ не такъ: она звонко выводила гимнъ «отсталому» прогрессу въ то время, когда въ столицѣ былъ въ самомъ разгарѣ шумъ и словесная борьба. Въ этой чертѣ—ея исключительная особенность, и въ этой особенности проявленіе дѣйствительнаго «духа времени», обусловливавшаго своеобразность тактики ея вдохновителей. Нельзя сомнѣваться конечно, что тактика эта была безконечно далека отъ мысли заслонить мѣстною газетою столичную прессу; надо думать скорѣе, что она руководилась своего рода идеаломъ «офи-

ціальной» печати, а потому и не давало этой печати хода въ тотъ сложный лабиринтъ вновь возникшихъ и безпрестанно возникавшихъ вопросовъ, въ которомъ и сама, вѣроятно, плохо оріентировалась. Рамки «умѣренности и аккуратности», въ которыя была вставлена газета «Кавказъ», будучи окрашены въ розовый цвѣтъ, какъ будто бы представляли такое гармоническое цѣлое, которое именно и соотвѣтствовало оффиціальному идеалу; и въ самомъ дѣлѣ, если рамки были необходимы, то не было ли уже шага впередъ въ томъ, что онѣ символизировали мягкое благожелательство и поощреніе «чувствъ добрыхъ» читающей публики, а не то оскорбительно-глумящееся отношеніе, которое до того времени было далеко не рѣдкостью.

Нечего и говорить, что если простой пересказъ того «говора», которымъ мыслящая часть русскаго общества «оглашала» отечество, не находилъ мѣста въ газетѣ и просто-на-просто игнорировался, то цѣлый рядъ событій большой важности, происходившихъ тогда на самомъ Кавказѣ, только регистрировался, а объ обсужденіи его не было и рѣчи. Я припоминаю, напримѣръ, то возбужденіе, которое произвело въ обществѣ убійство кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Гагарина сванетскимъ княземъ Дадешкеліаномъ: сожалѣніе о погибшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное осужденіе его образа дѣйствій по отношенію къ такому первобытному человѣку, какимъ былъ сванетскій владѣтель. Никакого отраженія всѣхъ этихъ толковъ я въ газетѣ не нахожу. Точно также я и двухъ словъ не отыскиваю по отношенію къ казни трехъ разбойниковъ, повѣшенныхъ близъ Тифлиса на такой возвышенности, не видѣть которую съ любого пункта городскихъ улицъ и площадей не было никакой возможности. Но о подобныхъ случаяхъ нельзя и упоминать въ смыслѣ вмѣненія администраціи отсутствія въ газетѣ ихъ обсужденія, вѣдь не далеко еще было то время, когда въ частномъ органѣ въ Петербургѣ нельзя было *похвалить* дѣйствія пожарной команды, такъ какъ хвалить можетъ-де только тотъ, кто можетъ и порицать, а послѣднее относится къ вѣдѣнію не редакціи, а оберъ-полицеймейстера, о чемъ онъ и считалъ нужнымъ объявить для свѣдѣнія послѣдней.

Таково было отношеніе газеты «Кавказъ» къ тѣмъ мѣстнымъ событіямъ, въ которыхъ ту или иную роль играла администрація; за предѣлами области этихъ событій текла еще, казалось бы, болѣе или менѣе широкая и глубокая струя общественной жизни, какъ же отражалась она въ томъ зеркалѣ, попеченіе о которомъ ввѣрено было Бобылеву? Судить объ этомъ можно по слѣдующимъ характернымъ штрихамъ, разбросаннымъ тамъ и сямъ въ фельетонахъ самого редактора: «живемъ кружками, *нѣтъ общественности*, хотя, казалось бы, есть и опера, и фокусникъ Мартини. У Князя-Намѣстника было только разъ изящное и плѣнительное веселье». Или: «скептики не вѣрятъ въ будущее загороднаго гулянья (въ саду Муштаида), что до насъ, то мы благодарны начальству и будемъ нерѣдко прогуливаться въ колоніи». Или: «въ дѣйствительной жизни такъ много грустнаго, что подчасъ (пойдя въ театръ) посмѣяться надъ вымысломъ,

право, большое счастье». Нельзя не признать, что все это вмѣстѣ взятое навѣваетъ такую грусть, которая, пожалуй, даже и теперь способна помѣшать осуществленію возможности «посмѣяться надъ вымысломъ». Но если «нѣтъ общественности», то спасибо Бобылеву, что онъ такъ и отмѣтилъ этотъ фактъ, пояснивъ при этомъ, что суррогатомъ ея является опера, фокусникъ, изящное веселье, т.-е. по просту балъ, и гулянье въ колоніи, оказывающееся еще сверхъ того эквивалентомъ благодарности начальству. На худой конецъ и этого, разумѣется, было довольно! Быть можетъ, еслибы прошедшее Бобылева накопило для него иныя предварительныя условія, онъ и былъ бы въ состояніи утилизировать имѣвшіяся у него въ наличности познанія для добропорядочнаго фельетона и могъ бы дать легкое и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательное чтеніе, но такихъ счастливыхъ прецедентовъ у него не было, а время, когда средняя читающая публика зачитывалась болтовнею Дружинина-Чернокнижникова, было еще слишкомъ близко. Панаевскій жанръ, приходившійся ему, конечно, по вкусу, былъ, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ ему «не по плечу» и не «ко двору», и вотъ онъ составилъ себѣ такое понятіе, что для даннаго мѣста и времени обязанность фельетониста заключается въ описываніи «балагановъ, фокусовъ, баловъ и собраній». Онъ и занялся этимъ съ полнымъ стараніемъ. Роковая и печальная неизбѣжность, конечно; но все же, какъ далекъ былъ этотъ младенческій лепетъ до той лжи, клеветы, человѣконенавистничества и всякой мерзости, образцы которыхъ, вызывая къ подражанію всѣ наши грады и веси, такъ пышно расцвѣли потомъ! Но если образцы эти дѣйствуютъ какъ гипнозъ даже и въ наше время, то все же можно думать, что Бобылевъ могъ бы устоять противъ ихъ напора и навѣрно отвернулся бы отъ нихъ съ тѣмъ же презрѣніемъ и отвращеніемъ, которыя питалъ къ сравнительно умѣреннымъ барышникамъ и торгашамъ литературы только-что закончившагося періода.

Указанная склонность Бобылева останавливаться надъ всякою дребеденью, точно надъ предметомъ большой важности, или занимать читателя пустомельствомъ и балагурствомъ, составляющимъ будто бы «сущность» фельетоннаго рода,—все это можно считать несомнѣннымъ признакомъ шаткаго и путаннаго міровоззрѣнія, которое, оказываясь безсильнымъ установиться на чемъ-либо опредѣленномъ, то и дѣло переливаетъ всевозможные оттѣнки. У Бобылева, несмотря на его годы, могло еще продолжаться исканіе твердой почвы и при неблагопріятныхъ условіяхъ его жизни, не по всѣмъ пунктамъ имѣть одинаковый успѣхъ. У несомнѣнно вліявшаго на него Дружинина этотъ процессъ могъ благополучно завершиться лишь для весьма незначительной, приблизительно восьмой части, его литературнаго наслѣдія, а у Лѣскова, напримѣръ, могущаго быть въ данномъ случаѣ выразителемъ наивысшей степени шаткости и путаницы, никогда не прояснившихся, процессъ этотъ наполняетъ собою всю жизнь. Достойно вниманія при этомъ, что неустановленность и колебаніе міросозерцанія находитъ себѣ выраженіе не въ одномъ только размазываніи всякой дребедени и пустословіи—

это еще не было бы достаточно разнообразно и пестро — но и во вплетеніи туда-сюда всякихъ превыспренностей и мистическихъ бредней, выплывающихъ часто на поверхность крайне неожиданно и неумѣстно. У Лѣскова эта послѣдняя черта является своего рода язвой, и о немъ было какъ-то замѣчено, что онъ всякій сюжетъ умѣлъ опускать ранѣе обработки въ сѣрную кислоту своихъ дарованій. И въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ доходить до такой виртуозности, что надъ изнурительно-длиннымъ балагурствомъ о чиновникѣ, ставившемъ клизму своей собакѣ, онъ выставлялъ эпиграфъ изъ писанія. Дружининъ, котораго можно сблизить съ Лѣсковымъ только какъ автора извѣстнаго «чернокнижія», не прочь былъ однакоже тоже заѣзжать подчасъ въ мистическія регіоны; такъ, въ повѣсти «Пѣвица» онъ говоритъ: «называйте меня суперъ-натуралистомъ, существомъ избалованнымъ черезъ посредство стеченія счастливыхъ случайностей, но я знаю, чтò говорю. Я увѣренъ, что и въ малыхъ и въ великихъ событіяхъ жизни иногда стоитъ только пожелать всѣми силами тѣла и духа, пожелать чего-нибудь не выходящаго изъ предѣловъ возможности, для того, чтобъ событіе будто бъ покорялось вамъ. Десять разъ въ своей жизни я имѣлъ подобныя желанія — иногда они были пустыми, иногда важными желаніями; десять разъ въ моей душѣ происходилъ какой-то неслыханный феноменъ сосредоточенной воли, и девять разъ изъ десяти я достигалъ того, къ чему стремился». У Бобылева можно наблюдать рядомъ съ возведеніемъ бала въ перлъ «изящнаго и плѣнительнаго веселья» и игривымъ повѣствованіемъ о балаганахъ, фокусахъ и т. п. крайне туманное мистико-символическое стихотвореніе, раскрывающее въ высшей степени путанную психологическую теорію. Нарисовавъ картину высокаго полета орла, поднявшагося ввысь надъ своимъ гнѣздомъ, авторъ заставляетъ юношу спросить у старца: «зачѣмъ же бросаетъ дѣтей исполинъ?» На что старецъ отвѣчаетъ:

.... „умѣй быть прекраснымъ,
Во всемъ ты душою ищи красоту:
И взоромъ спокойнымъ, глубокимъ и яснымъ
Учись озарять ты земную мечту.
Орелъ—это духъ нашъ! Какъ ангелъ небесный,
Стремится онъ въ небо, къ родному, туда.
Орлица—душа; изъ обители тѣсной
Нельзя ей летать отъ дѣтей изъ гнѣзда.
Орлята—то чувства, то страсти людскія;
Душа ихъ родила, а духъ воскормилъ.
И вотъ, оперятся птенцы молодые,
Попробуютъ силу младенческихъ крылъ.
Не рано стремитесь за духомъ могучимъ;
Вы слабы, цыплята, не тверды крыломъ.
И васъ напугаютъ тамъ черныя тучи
И грозно взыграетъ рокочущій громъ!
Учись же, о сынъ мой! Твой духъ безграниченъ:

Умѣй же съ душою его сочетать!
Сдружить ихъ навѣки, чтобъ былъ онъ привыченъ
И чувства, и страсти свои воспитать.
Умѣй сохранить ихъ свободны и святы —
И къ небу раздольно съ душой уносись;
Не бойся коль крѣпко сложились орляты.
Пускай ихъ стремятся въ безмѣрную даль".

Эти нескладныя вирши, помѣченныя 41 годомъ, считались, авторомъ совершенно удовлетворительными и въ 57, иначе они и не попали бы въ печать. Отмѣчаемый этимъ фактомъ шестнадцати-лѣтній застой и былъ именно застоемъ мистико-сумбурныхъ воззрѣній, которыя у Бобылева такъ мирно уживались съ прогрессивными метаморфозами другихъ областей его умственной жизни. Онъ въ концѣ 57-го года находитъ возможнымъ пускать въ печать нелѣпую фантазію о какомъ-то духѣ, играющемъ роль самца при самкѣ-душѣ, которая и высиживаетъ «чувства и страсти»; вдобавокъ, этимъ «орлятамъ», по прохожденію школы ихъ родителя, предоставляется возможность уноситься въ безмѣрную даль, а родительницѣ ихъ душѣ разъ навсегда возбраняется изъ обители тѣсной.... летѣть отъ дѣтей изъ гнѣзда. Что понималъ авторъ подъ такою загадочною душою—остается невыясненнымъ. И однакоже эта мистическая чепуха представляется лишь однимъ изъ первыхъ звеньевъ той длинной цѣпи темныхъ представленій, которыя такъ рѣзко характеризовали нескладность и неустойчивость міросозерцанія Бобылева въ эту пору его жизни. Изъ бесѣдъ съ нимъ я знаю, что онъ твердо вѣрилъ въ разныя предвѣщанія и допускалъ возможность появленія привидѣній, предвозвѣщающихъ знаменательные моменты жизни. Такое мистическое настроеніе, сочетаясь съ массою новыхъ впечатлѣній, порождало иногда у него прелюбопытныя сочетанія. Такъ онъ мнѣ развивалъ однажды съ большимъ увлеченіемъ свою мечту объ учрежденіи гдѣ-нибудь на Кавказѣ, преимущественно же въ столь облюбованной имъ Имеретіи, на вершинѣ воспѣтой имъ горы св. Георгія (Георгисъ-Цминда-мта) своего рода свѣтскаго монастыря, который могъ бы служить убѣжищемъ для жаждущихъ отдыха писателей и ученыхъ... Все это являлось у него преисполненнымъ мистической поэзіи, прекраснодушія и нескладицы.

Въ юбилейной статьѣ 96-го года упоминается о сборникѣ, выпущенномъ Бобылевымъ въ 57-мъ году, подъ заглавіемъ «Пешкешъ» и при этомъ замѣчено, что, «какъ видно изъ этого сборника, Бобылевъ писалъ не только прозой, но и стихами». Приведенное мною стихотвореніе объ орлѣ удостовѣряетъ, что стихотворныя упражненія Бобылева появлялись и въ газетѣ. При томъ же, ихъ здѣсь такъ много, что ссылка на сборникъ представляется нѣсколько странною. Есть стихотворенія 37, 41, 44, 46 и 55 годовъ—всѣ, едва ли достойныя назваться гладкими и музыкальными, всѣ — одинаково обличающія отсутствіе самокритики и наличность авторской иллюзіи.

Приведу для образца одно изъ нихъ, показавшееся мнѣ самымъ сноснымъ. Оно называется «Родина»:

Объ ней тоскую въ тишинѣ,
Къ ней обратясь привыкъ молиться
И въ безмятежномъ тихомъ снѣ
Она одна мнѣ только снится.
Ее снѣгами занесла
Ея суровая природа,
Но въ ней родилась и жила
Моя любовь, моя свобода.
И сквозь туманъ минувшихъ лѣтъ
Она мнѣ видится такъ ясно.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ;
Но въ немъ она одна прекрасна.

А то есть и такія, какъ, напримѣръ, «Горянка»:

Люблю тебя, дитя природы,
За поступь смѣлую твою
И за цѣлительныя воды,
Которыя съ тобою пью... и т. д.

Мнѣ остается еще коснуться беллетристики газ. «Кавказъ» за разсматриваемое мною время. При этомъ прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать Бобылева авторомъ нѣкоторыхъ изъ появившихся въ эти годы разсказовъ или приходится судить о немъ лишь какъ о редакторѣ, дававшемъ этимъ произведеніямъ свою оцѣнку и мѣсто въ газетѣ. Рѣшить этотъ вопросъ, при многочисленности псевдонимовъ и инициаловъ Бобылева, невозможно. Мнѣ извѣстно только, что нѣкоторые разсказы, подписанные инициалами Н. А., были написаны однимъ изъ молодыхъ офицеровъ, служившихъ въ Дагестанѣ Ник. Мих. Абельдяевымъ, съ которымъ я познакомился во время похода 57-го года въ Салатавію. Разсказы эти были написаны хорошо и живо рисовали современную кавказскую дѣйствительность. Вообще говоря, беллетристика «Кавказа» указываетъ на предпочтеніе, отдаваемое редакторомъ реалистическимъ и даже натуралистическимъ картинкамъ и вноситъ въ наше представленіе, вкусы и взгляды еще большее количество элементовъ разнокалиберности и пестроты. Этотъ разъ пестротѣ этой мы обязаны впрочемъ не попытками увѣковѣченія подлежащаго забвенію вздора, а въ высшей степени интересными обрывками жизни дѣйствительной, которыми, конечно, воспользуется будущій историкъ Кавказа. Тогда какъ описаніе военныхъ подвиговъ, наполняющихъ столбцы газеты Бобылева, навѣрно утеряетъ значительную долю своей эпической возвышенности послѣ того какъ увидятъ свѣтъ мемуары участниковъ всѣхъ бывшихъ тогда экспедицій,— эти беллетристическія обрывки, рисующіе частную жизнь Менелаевъ и Аяксовъ той эпохи, навѣрно будутъ признаны всякимъ кавказцемъ чуждыми и самомалѣйшей даже подкраски и подправки. Не чистую ли фотографію представляетъ

намъ «Разсказъ бывалаго человѣка», помѣщенный въ 12 нумерѣ 57-го года? Дѣло идетъ о совершенно оригинальномъ способѣ выдавать дочерей замужъ. Начальствующій маіоръ приглашаетъ къ себѣ подчиненнаго ему прапорщика и безъ обиняковъ предлагаетъ ему жениться на Сашѣ или Машѣ. Прапорщикъ конфузится и что-то мямлитъ, а между тѣмъ идутъ разговоры и вмѣстѣ съ ними и обильное чаепитіе. «Надо сказать вамъ, — говоритъ злополучный прапорщикъ, повѣствующій о своемъ давно миновавшемъ бѣдствіи, — что день этотъ былъ жаркій, ночь душная; съ меня градомъ катилъ потъ, а я выпилъ чуть не двѣнадцать стакановъ чаю. Можете, наконецъ, вообразить себѣ, что человѣкъ не бурдюкъ, да и тотъ, если станутъ наливать слишкомъ, то гдѣ-нибудь лопнетъ и распорется. Я же давно чувствовалъ для себя потребность, чтобы выдти хоть не надолго изъ комнаты, освѣжиться и облегчить себя. Но я былъ только въ первый разъ у майора, къ тому же тутъ дамы... и наконецъ, это предложеніе жениться; не выскочить же мнѣ изъ окошка, да еще отъ начальника? Но я спрашиваю васъ, что бы вы сдѣлали въ такомъ положеніи? Каково же было мнѣ?» Ну, конечно, обѣщалъ жениться и былъ выпущенъ на свободу...

Таковъ былъ Бобылевъ, какъ писатель и редакторъ; я не зналъ его настолько близко, чтобы судить о немъ, какъ о человѣкѣ; могу сказать только, что въ своемъ уютномъ литературномъ гнѣздышкѣ, обставленномъ массою книгъ, журналовъ, газетъ, привѣтливый хозяинъ всегда умѣлъ поддерживать разговоры, вращавшіеся исключительно въ области литературно-общественныхъ интересовъ, неизмѣнно оказывая на молодыхъ людей, тяготѣвшихъ къ литературѣ, къ числу коихъ принадлежалъ и я, несомнѣнно благотворное и бодрящее вліяніе и навсегда оставилъ о себѣ добрую и признательную память.

Вл. Лесевичъ.

Бондаревъ, Тимоѳей Михайловичъ, крестьянинъ-сектантъ, сосланный въ 1867 г. въ Сибирь. Біограф. свѣдѣнія о Б., которому теперь подъ 80 лѣтъ, надѣемся дать въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ.

Имя Бондарева уже извѣстно публикѣ по статьѣ Льва Николаевича Толстого въ 13 т. его сочиненій [1]). Существеннымъ дополненіемъ къ ней является нижеслѣдующая замѣтка, которою великій писатель почтилъ наше изданіе. *Ред.*

[1]) Беремъ изъ статьи то, что касается спеціально Бондарева.

Трудолюбіе, или торжество земледѣльца.

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ. Быт. III, 19.

Таково заглавіе и таковой эпиграфъ въ сочиненіи Тимоѳея Михайловича Бондарева. Сочиненіе это прочитано мною въ рукописи.

Трудъ Тимоѳея Михайловича Бондарева кажется мнѣ оченъ замѣчательнымъ и по силѣ, ясности, и по красотѣ языка, и по искренности убѣжденія, виднаго въ каждой строчкѣ, а главное, по важности, вѣрности и глубинѣ основной мысли.

Какъ бы странно и дико показалось утонченно образованнымъ римлянамъ половины 1-го столѣтія, еслибы кто-нибудь сказалъ имъ, что неясныя, запу-

---

Основная мысль этого сочиненія слѣдующая: во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ важно бываетъ не то, что̀ именно хорошо и нужно знать, а то, что изъ всѣхъ хорошихъ и нужныхъ вещей, или дѣлъ, что̀ есть самой первой важности, что̀ второй, что̀ третьей и т. д.

Если это важно въ житейскихъ дѣлахъ, то тѣмъ болѣе это важно въ дѣлѣ вѣры, опредѣляющей обязанности человѣка.

Татіанъ, учитель первыхъ временъ церкви, говоритъ, что несчастіе людей происходитъ не столько отъ того, что люди не знаютъ Бога, сколько отъ того, что люди признаютъ ложнаго Бога, считаютъ Богомъ не то, что есть Богъ. То же можно сказать и про ученіе объ обязанностяхъ людей. Несчастіе и зло людей происходитъ не столько отъ того, что люди не знаютъ своихъ обязанностей, сколько отъ того, что они признаютъ ложныя обязанности, что они признаютъ своею обязанностью не то, что̀ есть ихъ обязанность, и не признаютъ своей обязанностью того, что̀ и есть главная ихъ обязанность. Бондаревъ утверждаетъ, что несчастіе и зло людей произошли отъ того, что они признали своими религіозными обязанностями много пустыхъ и вредныхъ постановленій, а забыли и скрыли отъ себя и другихъ свою главную, первую, несомнѣнную обязанность, выраженную въ первой главѣ Св. Писанія: „въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой".

Для людей, вѣрующихъ въ святость и непогрѣшимость слова Божьяго, выраженнаго въ Библіи, заповѣдь эта, данная самимъ Богомъ и нигдѣ не отмѣненная, есть достаточное доказательство ея истинности. Для людей же, не признающихъ Св. Писанія, значеніе и истинность этого положенія, если мы только безъ предубѣжденія будемъ разсматривать его, какъ простое, не сверхъестественное выраженіе человѣческой мудрости, доказывается обсужденіемъ условій жизни людей, какъ и дѣлаетъ это Бондаревъ въ своемъ сочиненіи.

Препятствіемъ къ такому обсужденію, къ сожалѣнію, служитъ то, что многіе изъ насъ такъ привыкли къ превратнымъ и безсмысленнымъ толкованіямъ словъ Св. Писанія, что одно упоминаніе о томъ, что извѣстное положеніе совпадаетъ со Св. Писаніемъ, уже служитъ поводомъ къ тому, чтобъ нѣкоторые съ недовѣріемъ относились къ такому положенію.

„Что для меня значитъ Св. Писаніе! мы знаемъ, что на немъ можно основать все, что хочешь".

Но это несправедливо: вѣдь Св. Писаніе не виновато въ томъ, что люди ложно толковали его, и человѣкъ, высказывающій истину, не виноватъ въ томъ, что онъ говоритъ ту самую истину, которая сказана въ Св. Писаніи.

Надо не забывать того, что если допустить, что то, что называется Св. Писаніемъ, есть произведеніе людей, то надо объяснить, почему именно это людское писаніе, а не какое-нибудь другое принято людьми за писаніе самого Бога. На это должна же быть какая-нибудь причина.

И причина эта ясна.

Если допустить, что Писаніе это есть произведеніе людей, то названо оно людьми Божьимъ именно потому, что оно выше всего того, что знали люди; и потому тоже, что Писаніе это, не смотря на то, что его постоянно отрицали нѣкоторые люди, дошло до насъ и продолжаетъ считаться божескимъ. Писаніе это названо божескимъ и дошло до насъ только потому, что въ немъ заключается высшая мудрость. И таково, дѣйствительно, Писаніе, называемое Библіей.

танныя, часто непонятныя письма странствующаго еврея къ своимъ друзьямъ и ученикамъ будутъ въ сто, въ тысячу, въ сотню тысячъ разъ больше чи-

---

И таково въ этомъ Писаніи то забытое, пропущенное и непонятное въ его настоящемъ смыслѣ изреченіе, которое Бондаревъ изъясняетъ и ставитъ во главу угла.

Изреченіе это и первыя событія райской жизни, обыкновенно, понимаются въ прямомъ смыслѣ, именно въ томъ, что все дѣйствительно такъ было, какъ это описывается, а между тѣмъ, смыслъ всего этого мѣста еще тотъ, что онъ въ образной формѣ представляетъ тѣ противорѣчивыя стремленія, которыя находятся въ человѣческой природѣ.

Человѣкъ боится смерти и подлежитъ ей: человѣкъ, не знающій добра и зла, кажется счастливѣе, но онъ неудержимо стремится къ этому познанію. Человѣкъ любитъ праздность и удовлетвореніе похотей безъ страданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ только трудъ и страданія даютъ жизнь ему и его роду.

Изреченіе это важно не только потому, что оно сказано Богомъ самому Адаму, а и потому, что оно истинно; оно утверждаетъ одинъ изъ несомнѣнныхъ законовъ человѣческой жизни. Законъ тяготѣнія не потому истиненъ, что онъ сказанъ Ньютономъ, а потому я знаю Ньютона и благодаренъ ему, что онъ открылъ мнѣ вѣчный законъ, освѣтившій для меня цѣлый рядъ явленій.

То же самое и съ закономъ: „въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой". Это законъ, который разъясняетъ для меня цѣлый рядъ явленій. И разъ узнавъ его, я не могу уже его забыть и благодаренъ тому, кто мнѣ открылъ его.

Законъ этотъ кажется очень простымъ и давно извѣстнымъ, но это такъ только кажется, и чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только оглянуться вокругъ себя. Люди не только не признаютъ этого закона, но признаютъ какъ разъ обратное. Люди по своей вѣрѣ всѣ, отъ высшаго лица до низшаго, стремятся не къ тому, чтобы исполнить этотъ законъ, а къ тому, чтобы избѣгнуть исполненія его. Разъясненію вѣчности, неизмѣняемости этого закона и неизбѣжности бѣдствій, вытекающихъ изъ отступленія отъ него, и посвящено вышеназванное сочиненіе Бондарева.

Бондаревъ называетъ этотъ законъ первороднымъ и главою всѣхъ другихъ законовъ.

Бондаревъ доказываетъ, что грѣхъ (т.-е. ошибки, ложные поступки) происходитъ только отъ отступленія отъ этого закона. Изъ всѣхъ положительныхъ обязанностей человѣка, Бондаревъ считаетъ главною, первою и неизмѣнною обязанностью каждаго человѣка работать своими руками хлѣбъ, разумѣя подъ хлѣбомъ всю тяжелую, черную работу, нужную для спасенія человѣка отъ голодной и холодной смерти, т.-е. и хлѣбъ, и питье, и одежду, и жилье, и топливо.

Основная мысль Бондарева та, что законъ этотъ (законъ о томъ, что человѣкъ, чтобы жить, долженъ работать), признаваемый до сихъ поръ какъ необходимость, долженъ быть признанъ какъ благой законъ жизни, обязательный для каждаго человѣка.

Законъ этотъ долженъ быть признанъ, какъ религіозный законъ, какъ соблюденіе субботы, обрѣзанія у Евреевъ, какъ исполненіе таинствъ, поста у церковныхъ христіанъ, какъ пятикратная молитва у магометанъ. Бондаревъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что если только люди признаютъ хлѣбный трудъ своею религіозною обязанностью, то никакія частныя особенныя занятія не могутъ помѣшать имъ исполнять это дѣло, какъ не могутъ никакія спеціальныя занятія помѣшать церковнымъ людямъ исполнять праздность своихъ праздниковъ. Праздниковъ насчитывается больше 80-ти, а для исполненія хлѣбной работы нужно, по разсчету Бондарева, только 40 дней.

Какъ ни странно кажется сначала, чтобы такое простое, всѣмъ понятное, ни-

таться, больше распространены и больше влiять на людей, чѣмъ всѣ любимыя утонченными людьми поэмы, оды, элегiи и элегантныя посланiя сочинителей

чего неимѣющее хитраго и мудраго, средство могло бы служить спасенiемъ отъ существующихъ безчисленныхъ золъ человѣчества; еще страннѣе, когда вдумаешься въ это, покажется то, какъ можемъ мы, имѣя столь простое и ясное, давно всѣмъ извѣстное средство, оставляя его, искать излѣченiя нашихъ зотъ въ разныхъ хитростяхъ и мудростяхъ? А вдумайтесь въ дѣло и вы увидите, что это такъ.

Человѣкъ бы не вдѣлалъ дна въ кадушкѣ и придумалъ бы всѣ хитрыя средства, чтобъ удержать въ ней воду. Это всѣ наши заботы объ излѣченiи существующихъ золъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего происходятъ бѣдствiя людей, если исключить изъ числа бѣдствiй тѣ, которыя люди прямо наносятъ другъ другу убiйствами, казнями, острогами, драками и всякими жестокостями, въ которыхъ они грѣшатъ тѣмъ, что не воздерживаются отъ насилiя? Всѣ бѣдствiя людей, за исключенiемъ прямого насилiя, происходятъ отъ голода, лишенiй всякаго рода, отягченiя въ работѣ, и рядомъ съ этимъ отъ излишества, праздности и вызываемыхъ ими пороковъ. Какая же можетъ быть наиболѣе священная обязанность человѣка, какъ не та, чтобы содѣйствовать уничтоженiю этого неравенства, этихъ бѣдствiй нужды въ однихъ, и бѣдствiй соблазновъ въ другихъ? И чѣмъ можетъ человѣкъ содѣйствовать уничтоженiю этихъ бѣдствiй, какъ не участiемъ въ трудѣ, покрывающемъ нужду людей, и удаленiемъ отъ себя излишествъ и праздности, производящихъ пороки и соблазны, т.-е. не тѣмъ, чтобы каждому работать хлѣбный трудъ, кормиться своими руками, какъ говоритъ Бондаревъ.

Мы такъ запутались, наставивъ себѣ столько законовъ и религiозныхъ и общественныхъ, и семейныхъ, столько правилъ, какъ говоритъ Исаiя: правило на правило, правило здѣсь, правило тамъ, что потеряли совершенно смыслъ того, что̀ хорошо и что̀ дурно.

Человѣкъ служитъ обѣдню, другой собираетъ войско, или подати на него, третiй судитъ, четвертый изучаетъ книги, пятый лѣчитъ, шестой учитъ людей, и подъ этими предлогами, освобождая себя отъ хлѣбнаго труда, наваливаетъ его на другихъ и забываетъ то, что люди мрутъ отъ напряженiя, труда и голода, и что для того, чтобы было пѣть кому обѣдню, кого защищать войскомъ, кого судить, кого лѣчить, учить, надо, чтобы, прежде всего этого, люди не мерли съ голоду. Мы забываемъ то, что много можетъ быть обязанностей, но что изъ всѣхъ ихъ есть первая и есть послѣдняя и что нельзя исполнять послѣднюю, не исполнивъ первую, какъ нельзя бороновать, не пахавши.

Вотъ къ этой первой несомнѣнной обязанности въ области практической дѣятельности и возвращаетъ насъ ученiе Бондарева. Бондаревъ показываетъ, что исполненiе этой обязанности не мѣшаетъ ничему, не представляетъ никакихъ препятствiй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасаетъ людей отъ бѣдствiй нужды и соблазна. Исполненiе этой обязанности, прежде всего, уничтожаетъ то страшное раздѣленiе на два класса, ненавидящихъ другъ друга и ласкательствомъ прикрывающихъ свою взаимную ненависть. Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, сравняетъ всѣхъ и подсѣчетъ крылья роскоши и похоти.

Нельзя пахать и копать колодцы въ дорогихъ платьяхъ и съ чистыми руками и питаясь утонченными кушаньями. Занятiе однимъ, общимъ всѣмъ людямъ, святымъ дѣломъ сблизитъ людей. Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, дастъ разумъ тѣмъ, которые потеряли его, удалившись отъ свойственной человѣку жизни, и дастъ счастiе и довольство людямъ, имѣющимъ несомнѣнно полезное и радостное, назначенное самимъ Богомъ, или законами природы, дѣло.

того времени. А между тѣмъ это случилось. Точно также странно и дико должно показаться людямъ теперешнее мое утвержденіе, что сочиненіе Бондарева, надъ наивностью котораго мы снисходительно улыбаемся съ высоты своего умствен-

---

Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, есть лѣкарство, спасающее человѣчество. Признай люди этотъ первородный законъ закономъ Божескимъ и неизмѣннымъ, признай каждый своей неотмѣнной обязанностью хлѣбный трудъ, т.-е. то, чтобы самому кормиться своими трудами, и люди всѣ соединятся въ вѣрѣ въ одного Бога, въ любви другъ-къ другу и уничтожатся бѣдствія, удручающія людей.

Мы такъ привыкли къ порядку жизни, признающему обратное, именно то, что богатство, средство не работать хлѣбный трудъ, есть или благословеніе Божіе, или высшее общественное положеніе, что намъ такъ и хочется, не разбирая этого положенія, признать его узкимъ, одностороннимъ, пустымъ, глупымъ. Но надо серьезно разобрать дѣло и обсудить это положеніе, справедливо ли оно?

Обсуживаемъ-же мы всякаго рода и религіозныя и политическія теоріи. Обсудимъ и теорію Бондарева, какъ теорію. Посмотримъ, что будетъ, если, по мысли Бондарева, проповѣдь религіозная направитъ свои силы на разъясненіе этого закона, и всѣ люди признаютъ священный первородный законъ труда.

Всѣ будутъ работать и ѣсть хлѣбъ своихъ трудовъ, и хлѣбъ и предметы первой необходимости не будутъ предметами купли и продажи.

Что будетъ тогда?

Будетъ то, что не будетъ людей, гибнущихъ отъ нужды. Если одинъ человѣкъ, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, не заработаетъ достаточно для своего и своей семьи корму, другой человѣкъ, вслѣдствіе благопріятныхъ условій, пріобрѣтшій лишнее, дастъ неимущему. Дастъ уже потому, что дѣвать ему хлѣба больше некуда, такъ какъ онъ не продается. Будетъ то, что человѣкъ не будетъ имѣть соблазна необходимости хитростью, или насиліемъ пріобрѣсти хлѣбъ. И, не имѣя этого соблазна, онъ не будетъ употреблять насилія или хитрости. Ему не нужно уже это будетъ, какъ это ему нужно теперь.

Если онъ употребитъ хитрость, или насиліе, то уже только потому, что онъ любитъ хитрость и насиліе, а не потому, что они ему необходимы, какъ теперь.

Для слабыхъ же, тѣхъ, которые не въ силахъ почему-нибудь заработать свой хлѣбъ, или которые почему-нибудь потеряли его, тоже не будетъ нужды продавать себя, свой трудъ и иногда свою душу для пріобрѣтенія хлѣба.

Не будетъ того теперешняго стремленія всѣхъ избавить себя отъ хлѣбнаго труда и наложить его на другихъ,—стремленія задавить слабыхъ работой и освободить сильныхъ отъ всякой работы.

Не будетъ того настроенія мысли человѣческой, по которому всѣ усилія человѣческаго ума направляются не на то, чтобы облегчить трудъ трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующихъ. Участіе всѣхъ въ хлѣбномъ трудѣ и признаніе его головой всякихъ дѣлъ людскихъ дѣлаетъ то, что сдѣлалъ бы человѣкъ съ телѣгою, которую глупые люди везли бы вверхъ колесами, когда бы онъ перевернулъ ее и поставилъ бы на колеса. И не сломаетъ телѣгу, и пойдетъ она легко.

А наша жизнь съ презрѣніемъ и отрицаніемъ хлѣбнаго труда, и наши поправки этой ложной жизни—это телѣга, которую мы веземъ вверхъ колесами. И всѣ наши поправки этого дѣла не попользуютъ, пока не повернемъ телѣгу и не поставимъ ее какъ ей стоять должно.

Такова, вполнѣ раздѣляемая мною, мысль Бондарева.

наго величія, переживетъ всѣ тѣ сочиненія, которыя описаны въ этомъ лексиконѣ и произведетъ большее вліяніе на людей, чѣмъ всѣ они взятыя вмѣстѣ. А между тѣмъ я увѣренъ, что это такъ будетъ. А увѣренъ я въ этомъ потому, что какъ ложныхъ и никуда не ведущихъ и потому ненужныхъ путей безчисленное количество, а истиный, ведущій къ цѣли и потому нужный путь только одинъ, такъ и мыслей ложныхъ, ни на что не нужныхъ безчисленное количество, а истинная, нужная мысль, или скорѣе истинный и нужный ходъ мысли только одинъ, и этотъ одинъ истинный и нужный ходъ мысли въ наше время излагаетъ Бондаревъ въ своемъ сочиненіи съ такой необыкновенной силой, ясностью и убѣжденіемъ, съ которой никто еще не излагалъ его. И потому все кажущееся столь важнымъ и нужнымъ теперь безслѣдно исчезнетъ и забудется, а то, что говоритъ Бондаревъ и къ чему призываетъ людей не забудется, потому что люди самой жизнью будутъ все больше и больше приводиться къ тому, что онъ говоритъ.

Открытіе всякихъ научныхъ отвлеченныхъ и научныхъ прикладныхъ, и философскихъ, и нравственныхъ, и экономическихъ истинъ всегда совершается такъ, что люди ходятъ все болѣе и болѣе съуживающимися кругами около этихъ истинъ, все приближаясь и приближаясь къ нимъ и иногда только слегка захватывая ихъ, до тѣхъ поръ, пока смѣлый, свободный и одаренный человѣкъ не укажетъ самой середины этой истины и не поставитъ ее на ту высоту, съ которой она видна всѣмъ. И это самое сдѣлалъ Бондаревъ по отношенію нравственно-экономической истины, которая подлежала открытію и уясненію нашего времени. Многіе говорили и говорятъ тоже самое. Одни считаютъ физическій трудъ необходимымъ для здоровья, другіе для правильнаго экономическаго устройства, третьи для нормальнаго развитія всесторонних свойствъ человѣка, четвертые считаютъ его необходимымъ условіемъ для нравственнаго совершенства человѣка. Такъ, напр., одинъ изъ величайшихъ писателей Англіи и нашего времени, почти столь же неоцѣненный культурной толпой нашего времени, какъ и нашъ Бондаревъ, несмотря на то, что Рёскинъ образованнѣйшій и утонченнѣйшій человѣкъ своего времени, т.-е. стоящій на противоположной отъ Бондарева полосѣ—Рёскинъ этотъ говоритъ въ своей Fors clavigera письмо 67: „It is phisically impossible that the true religious knowledge or pure morality should exist among any classes of a nation who do not work with their hands for their bread, т.-е., что физически невозможно, чтобы существовало истинное религіозное познаніе или чистая нравственность между сословіемъ народа, которое не зарабатываетъ себѣ хлѣба своими руками. Многіе ходятъ около этой истины и выговариваютъ ее съ разными оговорками, какъ это дѣлаетъ Рёскинъ, но никто не дѣлаетъ того, что дѣлаетъ Бондаревъ, признавая хлѣбный трудъ основнымъ религіознымъ закономъ жизни. И онъ дѣлаетъ это не потому, какъ это намъ пріятно думать, что онъ невѣжественный и глупый мужикъ, незнающій всего того, что мы знаемъ, а потому что онъ геніаль-

ный человѣкъ, знающій то, что истина только тогда истина, когда она выражена не съ урѣзками и оговорками и прикрытіями, а тогда, когда она выражена вполнѣ. Какъ истина о томъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, выраженная такъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ бываетъ иногда приблизительно равна двумъ прямымъ, теряетъ всякій смыслъ и значеніе, такъ и истина о томъ, что человѣкъ *долженъ* работать своими руками, выраженная въ видѣ совѣта, желательности, утвержденія о томъ, что это можетъ быть полезно съ нѣкоторыхъ сторонъ и т. п. теряетъ весь свой смыслъ и свое значеніе. Смыслъ и значеніе эта истина получаетъ только тогда, когда она выражена какъ непреложный законъ, отступленіе отъ котораго ведетъ за собой неизбѣжныя бѣдствія и страданія и исполненіе котораго требуется отъ насъ Богомъ или разумомъ, какъ выразилъ это Бондаревъ. Бондаревъ не требуетъ того, чтобы всякій непремѣнно надѣлъ лапти и пошелъ ходить за сохою, хотя онъ и говоритъ, что это было бы желательно и освободило бы погрязшихъ въ роскоши людей отъ мучающихъ ихъ заблужденій (и дѣйствительно, кромѣ хорошаго ничего не вышло бы и отъ точнаго исполненія даже и этого требованія), но Бондаревъ говоритъ, что всякій человѣкъ долженъ считать обязанность физическаго труда, прямого участія въ тѣхъ трудахъ, плодами которыхъ онъ пользуется, своей первой, главной, несомнѣнной священной обязанностью и что въ такомъ сознаніи этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себѣ представить, какимъ образомъ честный и думающій человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ.

Левъ Толстой.

Конецъ V тома.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ

которымъ въ I—V т. „Критико-біогр. Словаря" посвящены отдѣльныя статьи.

Римскія цифры означаютъ *томъ*, арабскія—*страницы*.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

К.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(ОТЪ НАЧАЛА РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ТОМЪ V.

Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. (В. О. 5-я линія, 28).
1897.

РУССКАЯ ПОЭЗІЯ.

СОБРАНІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ЧАСТЬЮ ВЪ ПОЛНОМЪ СОСТАВѢ, ЧАСТЬЮ ВЪ ИЗВЛЕЧЕНІЯХЪ, СЪ ВАЖНѢЙШИМИ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМИ СТАТЬЯМИ, БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

ИЗДАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. Венгерова.

„Русская Поэзія“ представляетъ собою соединеніе значительнаго количества полныхъ собраній стихотвореній русскихъ поэтовъ съ пространною историко-литературною хрестоматіею произведеній избранныхъ.

Главная цѣль изданія—историко-литературная полнота. Поэтому въ него, помимо поэтовъ первостепенныхъ, входятъ не только поэты второстепенные и третьестепенные, но даже и такіе, которые пользуются исключительно отрицательною извѣстностью, какъ, напр., графъ Хвостовъ и др.

Полныя собранія даются: 1) для большинства поэтовъ классическихъ, составляющихъ эпоху въ исторіи русской литературы; 2) для поэтовъ второстепенныхъ, немного писавшихъ и полное собраніе стихотвореній которыхъ поэтому не объемисто; 3) для поэтовъ, произведенія которыхъ еще не были собраны или стали библіографическою рѣдкостью.

Вступительныя статьи составятъ собою собраніе—частью полностью, частью въ пространномъ извлеченіи—лучшихъ (уже появившихся) статей о русскихъ поэтахъ. О каждомъ поэтѣ дается одна или двѣ статьи, объ остальныхъ статьяхъ, посвященныхъ данному поэту, упоминается въ библіографическихъ примѣчаніяхъ, съ передачею ихъ содержанія.

Въ концѣ каждаго тома помѣщаются примѣчанія, содержащія въ себѣ: 1) полный перечень всего написаннаго о данномъ поэтѣ и списокъ тѣхъ его произведеній, которые не вошли въ настоящее изданіе; 2) воспроизведеніе статей, посвященныхъ данному поэту, полностью или въ извлеченіи; 3) поясненія историческаго, географическаго и другого характера, необходимыя для пониманія деталей, намековъ и т. д.

„Руская Поэзія“ выходитъ выпусками отъ 10—15 печатныхъ листовъ большого формата и очень убористаго шрифта въ 4-ю долю (3 столбца). Цѣна выпуска отъ 1 р. до 1 р. **50** к. Нѣсколько выпусковъ составляютъ томъ.

Распредѣленіе томовъ:

Томъ I. XVIII вѣкъ (съ 23 портретами). Отдѣлъ I. Кантемиръ, Тредьяковскій. Ломоносовъ, Сумароковъ, Василій Майковъ, Костровъ, Петровъ, Хемницеръ, Херасковъ, Богдановичъ, Державинъ. Отдѣлъ II. (Стихотворенія писателей, посвятившихъ себя по преимуществу другимъ родамъ литературы и второстепенныхъ): Аблесимовъ, Барковъ, кн. Дашкова, Елагинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Козодавлевъ, Львовъ, Муравьевъ, Николевъ, Осиповъ, Поповскій, Радищевъ, Фонъ-Визинъ, Чулковъ. Отдѣлъ III. (Мелкіе поэты 18 вѣка, дополненія и примѣчанія). Здѣсь собрано почти все, что писано о поэтахъ 18 вѣка, даны библіографическія примѣчанія и приведены образцы стихотвореній: Алексѣева, Балдани, Барсова, Болотова, Буслаева, Верещагина, Виноградова, Владыкина, Волкова, Голѣневскаго, Дмитріева-Мамонова, Домашнева, Дубровскаго, Екатерины II, Елизаветы Петровны, Зубовой, Ильинскаго, Княжниной, Козельскаго, Кондратовича, Котельницкаго, Ѳеофила Кролика, Кузнецовой-Горбуновой, Леонтьева, Попова, Рубана, Сандуновой, Херасковой, Храповицкой, Шувалова, Ѳеофана Прокоповича и др.

Томъ II. *Первая половина XIX вѣка.* Отдѣлъ I. Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, кн. Ив. Долгорукій, кн. Горчаковъ, Дмитріевъ, Шатровъ, Панкратій Сумароковъ, Крыловъ, кн. Шаликовъ, Каменевъ, Маринъ, Глинка Сергѣй, Мерзляковъ, Козловъ, Измайловъ, Воейковъ, Василій Пушкинъ, Нахимовъ, Жуковскій, Ширинскій-Шихматовъ, Гнѣдичъ, Давыдовъ, Батюшковъ, Глинка Федоръ, Плетневъ, Раичъ, Милоновъ, кн. Вяземскій, Катенинъ, Мятлевъ, Дельвигъ, Александръ Пушкинъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Илличевскій, Полежаевъ, Бернетъ, Губеръ, Алекс. Одоевскій, Олинъ, Панаевъ, Подолинскій, Рылѣевъ, Туманскій. Отдѣлъ II. Карамзинъ, Озеровъ, Кокошкинъ, Грибоѣдовъ, Бестужевъ-Марлинскій, Сергѣй Аксаковъ, Иванчинъ-Писаревъ, Лажечниковъ, Вельтманъ и др. Отдѣлъ III. Гр. Хвостовъ, Аладьинъ, Бахтинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Востоковъ, Борнъ, Беницкій, Буринскій, Шишковъ, Станевичъ, Анастасевичъ, Бунина, Волкова, Пав. Голенищевъ-Кутузовъ, Грузинцевъ, Дмитріевъ Михаилъ, Карабановъ, Кюхельбекеръ, Невзоровъ, Невѣдомскій, Милькѣевъ, Слѣпушкинъ, Варакинъ, Алипановъ, Минаевъ-отецъ, Цыгановъ, Бор. Федоровъ, Поэты альманаховъ.

Томъ III. *Сороковые и шестидесятые годы.* Аксаковъ Иванъ, Аксаковъ Константинъ, Бенедиктовъ, Бергъ Николай, Бергъ Федоръ, Буренинъ, Вейнбергъ, Вердеревскій, Гербель, Гоголь, Гребенка, Аполлонъ Григорьевъ, Данилевскій Григорій, Дуровъ, Ершовъ, Жемчужниковы, Жадовская, Зотовъ, Клюшниковъ, Ковалевскій, Козловъ, Кольцовъ, Кони, Красовъ, Всев. Крестовскій, Кроль, Кукольникъ, Курочкинъ Василій, Курочкинъ Николай, Кусковъ, Ленко, Лермонтовъ, Аполлонъ Майковъ, Мей, Фед. Миллеръ, Минаевъ, Минъ, Михайловскій, Михайловъ, Некрасовъ, Никитинъ, Огаревъ, Ознобишинъ, Омулевскій, Павлова, Иванъ Панаевъ, Пальминъ, Плещеевъ, Полонскій, Пушкаревъ, Ростопчина, Розенгеймъ, Случевскій, Соболевскій, Соколовскій, Струговщиковъ, Суриковъ, Сушковъ, Тимофеевъ, Алексѣй Толстой, Трефолевъ, Тургеневъ, Тютчевъ, Фетъ, Хвощинская, Хомяковъ, Чернышевъ, Шевченко, Шевыревъ, Языковъ, Яхонтовъ, Щербина, Ѳедотовъ и др.

Томъ VI. *Поэты новѣйшіе:* Андреевскій, Апухтинъ, Барыкова, Бальмонтъ, Боровиковскій, Вормсъ, Величко, Вроцкій, Голенищевъ-Кутузовъ, Гольцъ-Миллеръ, Граве, Дрожжинъ, Ивановъ-Классикъ, К. Р., Коринфскій, Льдовъ, Мартовъ, Мережковскій, Минскій, Надсонъ, Немировичъ-Данченко, Оболенскій, Садовниковъ, Симборскій, Соловьевъ Владиміръ, Тхоржевскій, Фофановъ, Фругъ, Чюмина, Щиглевъ, Ясинскій и мн. др.

Желающіе выписать **„Русскую Поэзію"** благоволятъ адресоваться: *Семену Аѳанасьевичу Венгерову, Бронницкая, д. № 3.* Книги высылаются съ наложеніемъ платежа.

Вышло 5 выпусковъ, стоющихъ 6 р. Въ августѣ 1897 выйдетъ 6-ой вып., заканчивающій I томъ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

РУССКІЯ КНИГИ.

Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ.

РЕДАКЦІЯ

С. А. Венгерова.

ИЗДАНІЕ

Г. В. ЮДИНА.

Являясь подготовительною работою для „Критико-біографич. Словаря русскихъ писателей и ученыхъ", „Русскія Книги" имѣютъ и совершенно самостоятельное назначеніе, какъ первый общій каталогъ всѣхъ вышедшихъ въ Россіи русскихъ книгъ, отъ введенія гражданской печати при Петрѣ до нашихъ дней.

Большинство книгъ описано *съ подлинниковъ.* Кромѣ того, приняты во вниманіе какъ всѣ библіографическія пособія и изслѣдованія, такъ и случайныя указанія въ разныхъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ.

Описаны всѣ внѣшніе признаки книги: имя автора, заглавіе, годъ выхода въ свѣтъ, мѣсто печатанія, форматъ, типографія, число страницъ и, когда этого можно доискаться, цѣна. При книгахъ послѣднихъ 20 лѣтъ отмѣчается и количество экземпляровъ, въ которомъ они печатаются.

При именахъ авторовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, приведены сжатыя, но точныя біографическія данныя, отмѣчающія основные факты жизни писателя.

„Русскія Книги" выходятъ выпусками въ 3 печ. листа (48 стр.), цѣною въ 35 к., съ перес. 40 к. Каждые 10 выпусковъ составляютъ томъ цѣною въ 3 р. 50 к. и 4 р. съ перес. Для иногороднихъ всего удобнѣе высылать деньги впередъ за 10 выпусковъ. При посылкѣ съ наложеніемъ платежа каждый выпускъ обходится 51 к. Для библіотекъ, желающихъ обзавестись карточными каталогами, печатаются 200 особыхъ экземпляровъ, съ текстомъ на одной только сторонѣ. Ихъ удобно разрѣзывать и расклеивать по карточкамъ. Цѣна ихъ 40 к. за выпускъ и 4 р. за томъ, съ перес. 45 к. и 4 р. 50 к. По августъ 1897 г. вышло 16 выпусковъ.

Адресъ редакціи „Рус. Книгъ": **С.-Петербургъ, Бронницкая, 3.** *Семену Аѳанасьевичу Венгерову.*

Желающіе выписывать „Русскія Книги" благоволятъ обращаться: **С.-Петербургъ, книжн. магазинъ „Новаго Времени"** или къ издателю: **Красноярскъ.** *Геннадію Васильевичу Юдину.*

Подписка на экземпляры съ текстомъ на одной сторонѣ принимается **исключительно** у *Геннадія Васильевича Юдина въ Красноярскѣ.*